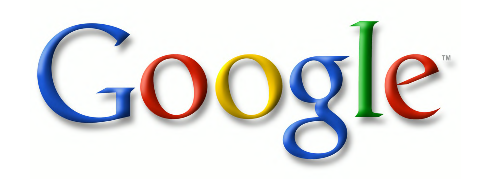

SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS

ДРАМАТИЧЕСКІЯ

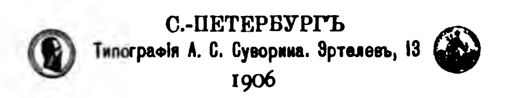
СОЧИНЕНІЯ

И. В. ШПАЖИНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13
1906

СОДЕРЖАНІЕ.

МАІОРША.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

(Посвящено А. Ѳ. ПИСЕМСКОМУ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Максимъ Гавриловичъ **Териховъ**, маіоръ въ отставкѣ, достаточный помѣщикъ, лѣтъ за 50.

Григорій Петровичъ **Волжинъ**, двоюродный племянникъ его, молодой человѣкъ, художникъ.

Сергѣй Дмитріевичъ **Сладневъ**, помѣщикъ, сосѣдъ Терихова, пожилой.

Андрей Филатовичъ **Карягинъ**, лѣтъ 30, арендаторъ мельницы Терихова.

Прасковья Павловна, жена его.

Авдотья Ивановна, мать ея.

Феня (Федосія Игнатьевна), молодая дѣвушка изъ семьи Карягина.

Тихонъ Степановичъ **Любавинъ**, чиновникъ уѣзднаго казначейства, юноша.

Анна Захаровна, мать его, мелкопомѣстная дворянка.

Архипъ, слуга Терихова, ровесникъ ему.

Иванъ Хохуля, парень, Провъ Безуглый, старикъ — работники Карягина.

Дѣйствіе въ подгородномъ селѣ Удеревѣ, въ усадьбѣ Терихова и на мельницѣ его, тамъ же.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: горница въ домѣ Карягина. Двери въ задней стѣнѣ и направо. Налѣво окно. У правой стѣны простой столъ, накрытый цвѣтною бумажною салфеткою. У лѣвой сундукъ, покрытый ковромъ. Въ лѣвомъ углу шкафъ, верхняя половина котораго стеклянная. На полкахъ видна посуда. Нѣсколько простыхъ стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Авдотья Ивановна.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [съ черепушкой въ рукахъ, изъ которой бросаетъ за окно кормъ]. Цыпъ-цыпъ-цыпъ!.. Ш-шу, проклятая! Аксютка, отгони Камагорку-то! хорошенько ее, хорошенько!.. Всѣхъ цыплятъ распугала, хохлатая... У-у ты!.. Цыпинька—цыпъ-цыпъ! Клюйте, батюшки, клюйте... Опять! [Схватываетъ палочку и машетъ ею въ окно]. Ш-шши! пропасти на тебя нѣтъ, шши!.. Ну, и курица! [Выбрасываетъ изъ черепка остатки корма]. Гляди же, Аксютка, чтобъ куры не забижали, да пересчитай цыплятъ-то. Коршунъ, смотри, не унесъ бы, не зѣвай, дѣвка, по намеднишнему! [Отходитъ отъ окна]. Изъ-подъ носа цыпленка уволокъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Авдотья Ивановна и Карягина.

КАРЯГИНА. Маменька, какъ же Феня-то наша?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. А что?

КАРЯГИНА. Да какъ же... Прежде, бывало, изъ шалости къ маіору бѣгала, а теперь вотъ ужъ третьи сутки живетъ у него. Развѣ такъ можно? Слышно, хозяйничать остается.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Пускай себѣ.

КАРЯГИНА. Прилично ли дѣвушкѣ ко вдовому въ домъ? Губитъ она себя.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Ишь вѣдь что! Себя береги лучше, Паша. Ой, гляди въ оба, мать моя, въ оба гляди! Какъ бы Федосья Игнатьевна тебѣ поперекъ горла не стала!

КАРЯГИНА. И что Андрей Филатычъ скажетъ, какъ вернется, а ея нѣтъ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Вотъ что! Да я ему въ безстыжіе глаза за нее плюну, посмѣй что̀ сказать! О женѣ думай, жену жалѣй...

КАРЯГИНА. Развѣ-жъ онъ меня не любитъ, маменька? Богъ съ вами! Онъ и ласковъ со мною, и не таитъ отъ меня ничего...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Разсказывай!

КАРЯГИНА. И не за что ему обижать меня... Никто его больше моего любить не будетъ. Нельзя больше... Какъ уѣзжалъ онъ на прошлой недѣлѣ, обнялъ меня и говоритъ: «Ну, Паша, деньковъ на десять я изъ дому, по помѣщикамъ хлѣбъ буду скупать. Не скучай и чтобы у васъ безъ меня ладно да мирно было. Съ Феней не вздорьте»...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Вотъ это пуще всего!

КАРЯГИНА. «Помни: сирота она, а сироту грѣхъ обижать»...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Безъ него забыли!

КАРЯГИНА. «Пустяковъ въ голову не забирай. Я тебя, люба моя, ни на кого не промѣняю». И поцѣловалъ онъ меня, въ губы и глаза поцѣловалъ. И еще говорилъ, маменька, такъ хорошо! Когда ласковъ, что у него за голосъ! и взглядъ какой ясный да хорошій тогда! Потомъ снялъ картузъ, перекрестился, кудрями встряхнулъ... Волосы у него, что шелкъ, золотомъ отливаютъ. Пошелъ. Статный

да сильный... Любо глядѣть, какъ ходитъ онъ, маменька. Я его шаги издали признаю. Вороной у сарая его дожидался. И конь къ хозяину подобранъ—картина! По шеѣ его потрепалъ, сѣлъ въ телѣжку, кивнулъ мнѣ, ударилъ возжей и покатилъ,—только пыль взвилась.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Покатилъ, на недалече отъѣхалъ. За амбаромъ ракиту на плотинѣ знаешь? Отсюда ея не видать.

КАРЯГИНА. Ну?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Подъ ракитой другое у Андрея Филатыча прощанье-то было.

КАРЯГИНА. Что вы, маменька... Богъ съ вами! Ну, зачѣмъ!..

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Правду зачѣмъ говорить? А хоть-бы затѣмъ, мать моя, чтобъ ты не въ конецъ одурѣла. Подъ ракитою Фенька его дожидалась, да. Ту-то онъ вотъ какъ обнялъ... отъ земли приподнялъ, съ-лету!

КАРЯГИНА. Перестаньте маменька...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Какъ завидѣлъ ее, изъ телѣжки, словно ошпаренный, выскочилъ; а она вскинула руки-то, да какъ обовьетъ, какъ вопьется!

КАРЯГИНА. Маменька, полно же вамъ... [Плачетъ]. Вѣдь мука!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Ага, вотъ-те и не промѣнялъ ни на кого! Лукавилъ онъ, Паша, глаза тебѣ отводилъ, какъ прощался, да цѣловалъ-то въ нихъ.

КАРЯГИНА [рыдаетъ]. За что же такъ? Зачѣмъ?.. Лучше-бъ не то, что ласкать, а ругалъ, да билъ бы меня... Такъ бы и знать, что постыла я стала... Ну, горе, такъ горе, съ нимъ и вѣкъ коротать, одно-бы... А такъ-то надвое... хуже такъ, маменька, тяжко!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Перестань, Прасковья, не плачь. Береги слезы-то. Плачь, когда нужно, въ цѣну слезы ставь, не то больно дешевы станутъ. Слеза во-время—сила, а безъ времени — докука, мать моя. Особенно при мужѣ этого не забудь. Тебѣ бы все спроста: на, молъ, какова есть — вся тутъ. Въ дурахъ и свѣкуешь.

КАРЯГИНА. Что дѣлать! а по-другому я не могу. Ни хитрить, ни лукавить—куда мнѣ! Да и что за радость такая? Такъ-то вздохнуть никогда не придется. Надвое душу подѣлить надобно. Не тяжко развѣ, не измаешься?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Кто говоритъ —легко! По себѣ, мать моя, знаю. Молода была, тоже по-твоему жить хотѣлось. На вотъ, гляди, молъ, мнѣ въ душу, что въ рѣченьку чистую: до дна видать. Да въ скорости примѣтила, что дѣло-то дрянь выходитъ. И не спохватись я въ то время, не начни себя на разные лады казать, да умомъ петли закидывать, не такъ бы мы, Паша, съ отцомъ твоимъ прожили. Такъ-то, дитятко! А что Федосья къ маіору ушла, да слава те Господи! Пусть бы не ворочалась только. Зла я на нее теперь, ненавистна мнѣ стала.

КАРЯГИНА. А какъ вы любили ее, маменька, и я... Не грѣшно же ей послѣ этого?...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Негодница, подкидышъ дрянной! Издохла бы, еслибъ я изъ лѣсу ее не взяла. Окоченѣла вся, терникомъ изодралась, еле нашла живехоньку. Вотъ и выходила пострѣленка! Какъ дочь холила; отъ тебя ей отлички не было ни въ чемъ. А заботъ съ нею приняла куда больше, чѣмъ съ тобой. Такая озорница дѣвчонка была — разбой кричи. Бывало, что ни шагъ, то бѣда. И чего только съ нею ни случалось! Съ качелей разъ съ размаху сорвалась кубаремъ. Обмерла я. Подбѣгаю, гляжу— Фенька моя пластомъ лежитъ. Ну, думаю, кончено! Отживѣла, какъ ни въ чемъ. Подъ лошадьми была, въ колодезь влетѣла, въ прорубь съ горы вмѣстѣ съ салазками угодила, пострѣлъ! Шустрая дѣвчонка была, что и говорить! Крестный души въ ней не чаялъ. Ты, бывало, чужой кто придетъ, въ уголокъ забьешься, а она сейчасъ на глаза, такъ языкомъ-то и рѣжетъ.—Тьфу ты, шугнешь ее, типунъ тебѣ на языкъ, пошла!—«У меня, маменька, языкъ не таковскій, не сядетъ». [Добродушно смѣется].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Феня.

ФЕНЯ [входитъ бойко и весело]. Здравствуйте! [Старуха отвертывается]. Паша, здравствуй!

ПАША [не глядя на нее]. Здравствуй!

ФЕНЯ. Что не ласковы, иль мнѣ не рады?.. а?.. Ну, какъ знаете. А я соскучилась по васъ, опять домой пришла. [Пашѣ тихо]. За что мать сердита?

ПАША [потупляется]. Не знаю.

ФЕНЯ [вспыльчиво и презрительно]. Ну да, не у тебя толку спрашивать!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. У Федосьи Игнатьевны. У нея толку и на другихъ хватитъ.

ФЕНЯ. Хватитъ.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. «Маіоршей» прослыть хватило, на что лучше!

ФЕНЯ. Ха-ха-ха! такъ вы за это? Спасибо. [Цѣлуетъ Авдотью Ивановну въ щеку, что̀ принимается неохотно]. Брани меня, мать, за волосы оттрепи, руки расцѣлую... Такъ ужъ «маіорша»!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Чѣмъ не величанье! Съ такимъ ярлыкомъ у всѣхъ на виду, всякъ пальцемъ ткнетъ. Тамъ бы ужъ и сидѣть, откуда кличка взялась.

ФЕНЯ [глядя на старуху исподлобья]. «Тамъ и сидѣть». Пони-маю!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Мельникъ на мельницѣ живетъ, кузнецъ у кузницы, всякъ у себя, конечно.

ФЕНЯ [рѣшительно, вызывающимъ тономъ]. А я гдѣ вздумаю. Андрей Филатычъ не пріѣзжалъ?

ПАША [съ усмѣшкою]. Андрей Филатычъ!

ФЕНЯ. Иль тебя ужалило, Паша?

ПАША. *Ваше* дѣло.

ФЕНЯ. *Наше* дѣло? Какія-жъ такія дѣла у насъ съ нимъ, что у тебя зубы заскрипѣли, да пятна по лицу пошли? Ну-ка, скажи!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Полно вамъ... попустому. [Фенѣ]. Прасковья ничего тебѣ не сказала; если сама ты про «дѣла» говорить начала, тебѣ про нихъ и знать, а намъ не требуется.

ПАША [раздражительно]. На ворѣ шапка горитъ.

ФЕНЯ. Что-о?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Прасковья!

ФЕНЯ. Ну, теперь совсѣмъ поняла.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [въ замѣшательствѣ]. Говорю —пустое.

ФЕНЯ. Нѣтъ ужъ, пожалуйста... дуру-то изъ меня не стройте! [Взглянувъ на Пашу]. И безъ меня ихъ довольно. Такъ вотъ что! «Маіорша»-то выходитъ—отводъ, зацѣпка одна, а на самомъ дѣлѣ вся штука въ Андреѣ Филатычѣ! Ха, ха, ха! такъ бы и сказали! Зачѣмъ, мать, хитрить? Вѣдь я тебя насквозь вижу. Какъ вошла, да взглянула на васъ, сразу поняла, за что мнѣ привѣтъ такой ласковый. Къ маіору-то вы давно меня сбыть хотѣли и обѣими крестились, что ушла я отъ васъ. Ты, мать, сама мнѣ въ этомъ потакала, потому что опасна я здѣсь, душу мутить стала. А теперь говоришь, что всякъ на меня пальцемъ указываетъ и сама за это гонишь меня! Такую-то причину тебѣ и Андрею Филатычу выставить можно; а вотъ про *наши съ нимъ дѣла,* какъ Прасковья Павловна выболтнула, попробуй, скажи! Такъ я-жъ теперь *сама* ему про это скажу. Пока не дождусь, не уйду отсюда!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Полно, кто тебя гонитъ!

ФЕНЯ. Нѣтъ, матушка, теперь на попятный зачѣмъ же? Я дѣло начистоту поведу. Если у маіора я трое сутокъ была, такъ дурного въ этомъ нѣтъ ничего. Я за нимъ за больнымъ ходила. А всталъ онъ, я—вотъ она. Да съ маіоромъ у меня свои счеты. И вправду если-бъ «маіоршею» стала, Прасковьѣ Павловнѣ обо мнѣ ни печаль, ни забота. Мнѣ ли за себя заступки да береженья просить! За нее ты вотъ выступила, да промахнулась. Примѣтила ты, что Андрея Филатыча тянетъ ко мнѣ, а того понять не хотѣла, что берегла я твою Прасковью Павловну.

ПАША. Эхъ, Феня, зачѣмъ обманывать! Не ты ли съ нимъ подъ ракитою цѣловалась?

ФЕНЯ. Об-ма-ны-вать? Зачѣмъ бы я стала обманывать, еслибъ мужа твоего любить хотѣла? Съ чего ты взяла! Да я-бъ тебя въ прахъ стерла, я-бъ ему при тебѣ ноги велѣла свои цѣловать, и цѣловалъ бы, и ты бы пикнуть не смѣла. Обманывать! Такимъ вотъ, какъ ты, обманывать нужно, а мнѣ... Суди, ряди меня, какъ знаешь, да если я такъ хочу, такъ мнѣ толки-то эти, что пузырь водяной. Обманывать! Я его подъ ракитою, можетъ, за то цѣловала, что съ тобою онъ ласковъ сталъ, послушалъ меня, въ награду его цѣловала...

ПАША. Не красна любовь мужа за такіе выкупы.

ФЕНЯ. Ну, такъ добудь же ее ты безъ нихъ. Я посмотрю! [Уходитъ вправо].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же безъ Фени.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Эхъ, напрасно, Паша, задѣла ее! Остерегала вѣдь... Не говорить бы мнѣ лучше... Дура я, дура!

ПАША. Пусть ее, маменька! Въ ногахъ у нея валяться не стану. Пускай они съ Андреемъ Филатычемъ... какъ хотятъ. Пусть смѣются надо мною, коли любо имъ это. Я отойду, горе въ себѣ схороню.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Не дури, Прасковья! Ни вѣсть какой твой Андрей-отъ Филатычъ, и къ нему подойти умѣючи можно. Простоту брось, меня слушай.

ПАША. Гдѣ ужъ мнѣ! Помоему, лучше горю въ глаза смотрѣть, чѣмъ въ прятки играть съ нимъ. Такъ-то, маменька. [Уходитъ въ заднюю дверь].

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Ишь, вѣдь! Ну, мать моя, поддаваться—бѣду накликать.—Сердита Федосья теперь, приступа нѣтъ. [Подходитъ къ правой двери]. Потолковать развѣ съ нею? [Отходитъ]. Нѣтъ, пусть-ка остынетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Авдотья Ивановна и Архипъ.

АРХИПЪ [входя]. Гдѣ она у васъ тутъ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Кого тебѣ, батюшка?

АРХИПЪ. Да эта гдѣ, умница ваша?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Умни-ца? Какой ты нынче сердитый, Ѳомичъ! Вошелъ, хоть-бы здравствуй сказалъ.

АРХИПЪ. Да ужъ нечего, нечего! Гдѣ? говорю.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Да кто? Въ толкъ не возьму.

АРХИПЪ [съ удареніемъ]. *Маіорша.* Кого-жъ намъ еще? Теперь окромя намъ никого не требуется. Всѣ худы стали, въ дураки всѣ попали, н-да! Погибель намъ безъ маіорши пришла. Ни дать, ни взять, какъ въ домѣ умалишенныхъ бываетъ, видали? Ходятъ тамъ такіе-то, да блажатъ.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Кто же блажитъ-то, баринъ твой что-ли?

АРХИПЪ. Стыдно, Авдотья Ивановна, срамъ! Всякаго понятія о себѣ рѣшится надо и субординацію всякую позабыть. Поймите вы это! Чтò, скажутъ, такое на старости лѣтъ съ Максимомъ Гаврилычемъ приключилось? Ну-ка, Ѳомичъ, отлепортуй. А мнѣ что сказать? Зудъ, молъ, други милые, его обуялъ, зудъ. Тьфу!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Какой же такой зудъ, Архипъ Ѳомичъ? растолкуй ты мнѣ, батюшка.

АРХИПЪ. А вотъ какой: мѣста себѣ человѣкъ не находитъ, пить, ѣсть пересталъ; по ночамъ зудъ этотъ ворочаетъ, ворочаетъ его съ боку-то на бокъ, ажъ злость возьметъ. На глазахъ она—ничего; чуть отвернулась: «Архипъ! гдѣ Феня?»... «Архипъ, куда Фенюшка ушла?»... Тьфу! Хворалъ вотъ, три дня въ постели вылежалъ. Отчего? Думаете, правдашная болѣзнь прикрутила? Ни Боже мой! Тотъ же все зудъ: ссора вышла—цѣловаться вздумалъ.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Правда?

АРХИПЪ. А какъ бы вы думали! За то и взбучили-жъ его!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Федосья?

АРХИПЪ. О-о! Выскочилъ ко мнѣ красный, точно изъ бани съ полка. — Что, молъ, сударь, попробовалъ?.. Тьфу!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Вотъ дѣла-то какія!.. Никакъ Федосья идетъ. [Уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Архипъ и Феня.

ФЕНЯ. Тебѣ что?

АРХИПЪ. Максимъ Гаврилычъ прислалъ.

ФЕНЯ. Зачѣмъ?

АРХИПЪ. Извѣстно—за вами. Мало ругали его, еще хочется.

ФЕНЯ. Точно что мало. Такъ ты своему Максиму Гаврилычу и скажи.

АРХИПЪ. Н-да!

ФЕНЯ. Я думала, путный онъ человѣкъ. Живетъ, вижу, въ грязи, ѣстъ Богъ знаетъ какъ, во всемъ у васъ безпорядокъ...

АРХИПЪ. Тьфу!

ФЕНЯ. Ты чего?

АРХИПЪ. Непорядокъ. А дальше-то что?

ФЕНЯ. Да все тоже. Одинокій. Отчего, думаю, не помочь старику? Сжалилась, отскребла, отчистила васъ съ нимъ, а онъ чортъ знаетъ что вздумалъ...

АРХИПЪ. За вами присламши. Вѣрно. Слушайте-ка. Въ сорокъ девятомъ году мы съ Максимомъ Гаврилычемъ въ Венгерскую компанію ходили. Было страженіе. Вотъ одинъ черномазый возьми да и всади ему саблю въ это самое мѣсто [указываетъ выше лопатки]. Ну, не вынеси я Максима Гаврилыча на себѣ, тамъ бы ему и косточки сложить. Анъ вынесъ, и святыя Анны съ бантомъ ему повѣсили.

ФЕНЯ. Такъ что же?

АРХИПЪ. А то же, что никакой при насъ женщины въ то время не состояло, одни управлялись, и по сю пору—слава те Господи — живы. Грязь у насъ точно завелась, когда чистить стали, и безпорядокъ пошелъ, когда порядки вводить начали. Только всего. А вы пожалуйте, потому Максимъ Гаврилычъ приказалъ привести.

ФЕНЯ. Пошелъ вонъ!

АРХИПЪ [опѣшилъ]. То есть какъ же такъ?

ФЕНЯ. Значитъ, уходить. Ступай!

АРХИПЪ. Что же я ему скажу? Эдакъ придешь, неравно чубукомъ отгладитъ. Нѣтъ ужъ вы, Федосья Игнатьевна...

ФЕНЯ. Работниковъ кликнуть, чтобъ вытолкали тебя? Пошелъ!

АРХИПЪ [пятится къ двери]. Хмъ, командеръ какой! А вы вотъ что...

ФЕНЯ [топаетъ]. Вонъ!

АРХИПЪ. Тьфу! [Быстро вывертывается за дверь].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Феня и Авдотья Ивановна.

ФЕНЯ. Придете еще, накланяетесь!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [входитъ]. Никакъ ты выгнала Ѳомича-то?

ФЕНЯ. Выгнала.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Звать что ли приходилъ?

ФЕНЯ. За мною.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Рехнулись они съ маіоромъ, право!

ФЕНЯ. Мать, не лукавь. «Маіорша» я—къ маіору мнѣ и уйти.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Ну вотъ!.. Зачѣмъ не дѣло говорить, Феня?

ФЕНЯ. Не лукавь, говорю. Сказаннаго не воротишь и къ маіору я уйду. Не потому уйду я, что вы съ Пашею этого хотѣли. Лебеду выполоть, да выбросить легко, а объ

меня руки, пожалуй, поколешь. Такъ не поэтому; а помню я, мать, ласку и заботу твою, помню, что ты меня, подкидыша, въ дочери къ себѣ приняла...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [подходитъ съ ласками]. Фенюшка, милая моя, развѣ-жъ я тебя не люблю!...

ФЕНЯ [отстраняется]. Нѣтъ, оставь это, теперь оставь. Я все помню и что нынче вышло у насъ — не забуду. Слушай же. Ради добра твоего, я уйду. Какъ устроюсь — не ваша забота. Но Андрея Филатыча попрежнему гнать отъ себя не стану; стыдить его, жену ему выхвалять тоже не стану. Это ужъ теперь ваше дѣло будетъ. Такъ ты и Прасковьѣ Павловнѣ отъ меня скажи. [Идетъ къ задней двери, но встрѣчается съ Териховымъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Феня, Авдотья Ивановна и Териховъ.

ФЕНЯ. Вы зачѣмъ?

ТЕРИХОВЪ. Я?.. [Осмотрѣлся]. Авдотья Ивановна, здравствуй!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [съ поклономъ]. Здравствуйте, батюшка.

ТЕРИХОВЪ. Я-то?

ФЕНЯ. Ну да, вы-то.

ТЕРИХОВЪ. Архипа посылалъ...

ФЕНЯ. Съ чѣмъ ушелъ вашъ Архипъ, съ тѣмъ и вамъ отправляться. [Заглянула въ окно]. Мать, тебя Провъ на крыльцѣ дожидается.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Пойду, матушка, пойду. [Уходитъ].

ФЕНЯ. Ну?

ТЕРИХОВЪ. За тобою я, Феня.

ФЕНЯ. За мно-ю? Въ умѣ вы, иль нѣтъ?.. Поцѣловщикъ, ха-ха-ха!

ТЕРИХОВЪ. Опять свое!

ФЕНЯ. Конечно. Съ чего-жъ это взяли-то? Иль старина вспомнилась, когда любовь силою бралась, да прихотью барскою? Слышали про васъ разсказы хорошіе, ха-ха! А я-то вамъ въ какія-жъ далась?

ТЕРИХОВЪ. Позволь, Феня...

ФЕНЯ. А то можетъ *прельстить* меня вздумали?

ТЕРИХОВЪ. Довольно тебѣ, довольно!.. Вѣдь было... Что сызнова начинать! Ну, впередъ... не того... не стану. Ты вотъ такая хорошая, что какъ и бранить-то меня?

ФЕНЯ. Хорошая?

ТЕРИХОВЪ. Говорилъ, знаешь...

ФЕНЯ. Какъ же, какъ же! Такая хорошая, что вамъ дурить позволительно? Резонъ. А потомъ что?

ТЕРИХОВЪ. А ты меня пожалѣй, хоть крошечку пожалѣй!.. Какъ же тутъ быть, если я... вотъ не могу безъ тебя, не могу — и баста. Нѣтъ тебя — все не такъ, ну, не глядѣлъ бы... Да что толковать! [Садится].

ФЕНЯ [лукаво гладитъ его по головѣ]. Бѣдненькій! не можетъ!

ТЕРИХОВЪ [схватываетъ ея руку]. Голубушка!

ФЕНЯ [бьетъ по рукѣ]. Опять! [Отходитъ]. Вотъ бѣдненькій-то! Какъ же, значитъ, Феня отовсюду глядитъ на васъ, куда ни посмотрите? Закрылъ глаза — опять Феня. Заснулъ — Феня-же... ластится, нѣжитъ, голубитъ, ды-шетъ · какъ слышно, а?!

ТЕРИХОВЪ. Ахъ, не говори! лучше не говори!

ФЕНЯ. Ха-ха-ха!.. Хорошо! дрожь пробираетъ, душ-шно! А проснулся, глядь: въ ногахъ лежитъ старый песъ, трубка возлѣ валяется, бабушка съ портрета глядитъ, какъ яблочко печеное сморщилась! Только всего. Вотъ-те и Феня!

ТЕРИХОВЪ. Слушай, Феня. Я одинокій. Иди ко мнѣ, все твое будетъ.

ФЕНЯ [сдвинула брови]. Посулы!

ТЕРИХОВЪ. Не посулы... а все же годится. Человѣкъ я не бѣдный... Хорошо тому и оставить, кого любишь. Иди, Феня. Госпожа, хозяйка будешь полная.

ФЕНЯ. Какая-жъ я у васъ буду хозяйка? Родня я вамъ что ли? Хозяйка-то въ домѣ — *жена.* А за васъ кто пойдетъ? Ишь сидитъ какой, хорошъ!

ТЕРИХОВЪ. Жена... Жена-то хороша, когда мужа любитъ.

ФЕНЯ [серьезно]. Если выйдетъ, такъ будетъ любить. [Лукаво на него смотритъ]. Ха-ха-ха!

ТЕРИХОВЪ. Ну вотъ, тебѣ все смѣшно!

ФЕНЯ. Конечно! Вдругъ такой-то мужъ, да ластится. Мѣсяцъ взойдетъ [треплетъ его по лысинѣ] — макушка свѣтится; займется заря — жену румянить, у мужа — морщины считать, ха-ха-ха! [Рѣшительно]. Ну, Максимъ Гаврилычъ, вставай, пойдемъ!

ТЕРИХОВЪ. Со мной?!

ФЕНЯ. Я вѣдь... жа-лост-ли-ва! Такъ ужъ и быть!

ТЕРИХОВЪ. Голубушка, пойдемъ! Вотъ утѣшила!

ФЕНЯ. Стой, стой! Мы вотъ какъ пойдемъ [проворно надѣваетъ ему на голову платокъ косыночкой], вотъ какъ. Не смѣть трогать, ни-ни!

ТЕРИХОВЪ. Что за дурачество! [Сдергиваетъ платокъ].

ФЕНЯ [отходитъ, сухо]. Идите.

ТЕРИХОВЪ. А ты?!

ФЕНЯ. И не подумаю.

ТЕРИХОВЪ. Какъ! ты же хотѣла?..

ФЕНЯ. А теперь не хочу. Отправляйтесь.

ТЕРИХОВЪ. Полно, Феня!

ФЕНЯ. Не хочу.

ТЕРИХОВЪ. Э-э, упрямство! Нехорошо. То — иду, то вдругъ...

ФЕНЯ. Я иди, няньчайся съ вами — пріятно! А вамъ въ пустякахъ трудно помоему сдѣлать?

ТЕРИХОВЪ. Но вѣдь это же капризъ, смѣшно, наконецъ.

ФЕНЯ. Смѣшно, и ступайте.

ТЕРИХОВЪ. Изъ-за глупаго платка... Ребячество. [Оглядывается]. Ну, на... [подаетъ ей платокъ], если тебѣ такъ ужъ хочется... на надѣвай!

ФЕНЯ. Теперь сами надѣньте.

ТЕРИХОВЪ. Фу ты! сами!.. Очень это будетъ красиво! сами!... [Оглядывается]. Глупо! [Въ нерѣшительности, надѣть или нѣтъ]. Маскарадъ какой выдумала!.. Ну! [Надѣваетъ платокъ. Феня хохочетъ].

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [вошла изъ задней двери, всплеснула руками, въ сторону]. Мать моя!

ФЕНЯ. Гляди, мать: не маіоръ, а баба, ха-ха! [Сдергиваетъ съ него платокъ]. За то я къ нему и пойду. [Беретъ его подъ руку].

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Федосья, ты это куда?!

ФЕНЯ. Прощайте, лихомъ не поминайте и къ намъ съ Максимомъ Гаврилычемъ милости просимъ въ гости. А Андрей Филатычъ и безъ зова придетъ. [Уходитъ съ маіоромъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Авдотья Ивановна, Паша и Иванъ Хохуля.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Ну, дѣвка! Не шутя, знать, дѣло задумала.

ПАША [входитъ]. Маіоръ былъ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Какъ же, Федосья бабою его обрядила. Вмѣстѣ ушли. На новоселье звала.

ПАША. Неужели, маменька, она въ самомъ дѣлѣ жить у него останется?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Того натворитъ, что всѣхъ удивитъ. Какъ вздумается ей, такъ и свертитъ Максима Гаврилыча.

ХОХУЛЯ [входитъ]. Хозяинъ ѣдетъ!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Правда?

ПАША. Видѣлъ? Откуда?

ХОХУЛЯ. Отъ Виногробья, надо быть. Только изъ Дѣвкина яра выѣзжать сталъ, я и примѣтилъ.

ПАША [въ волненіи]. Ѣдетъ!.. Маменька!..

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [торопливо достаетъ изъ шкафа чайную посуду]. Нечего попусту метаться, постой! [Хохулѣ]. Самоваръ,

чай, поспѣлъ? Тащи-ка, Иванъ, поживѣе! [Хохуля уходитъ]. А ты, Паша, бѣги, сливки неси.

ПАША. Сливки?.. Сейчасъ... Нѣтъ ужъ, маменька, я лучше встрѣчать побѣгу. Вы тутъ сами...

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Да постой, ошалѣлая, куда? Онъ еще за версту.

ХОХУЛЯ [вноситъ самоваръ]. Еще далече.

ПАША. Шибко ѣдетъ?

ХОХУЛЯ. Такъ и валитъ!

ПАША. Нѣтъ, ужъ я побѣгу. За плотиною встрѣчу. [Порывается къ двери].

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Помни, Прасковья, на плотинѣ *ракита* стоитъ. [Паша медленно притворяетъ распахнутую ею дверь и тихо отходитъ]. Иванъ, возьми ключъ! [подаетъ ключъ]. На погребѣ сливки въ желтомъ кувшинѣ собраны; принеси. [Хохуля уходитъ]. Что призадумалась? Ну, лети на встрѣчу-то, висни на шею! Чего же? Ты его цѣловать, а онъ по сторонамъ глядѣть: не видать ли гдѣ Фени, не ждетъ ли, какъ намедни, опять подъ ракитою.

ПАША. Маменька, лучше ли вы дѣлаете, или хуже? Ужъ и не знаю. Все я забыла, какъ услыхала, что ѣдетъ онъ, все забыла, сердце забилось, въ глазахъ онъ, какъ живой, стоитъ, а вы однимъ словомъ все вышибли. Лучше развѣ? Увидалъ бы, какъ рада ему, какъ ждала, и стыдно бы стало, что не моя ему встрѣча желанна. Онъ добрый, и ласка моя сердечная, да хорошая, въ душу ему вошла бы. А вы... подъ корень рѣжете... [Замѣтивъ мужа въ окно, вспыхнула, встрепенулась]. Вотъ онъ! Во дворъ въѣзжаетъ! Андрюша! [Бросается навстрѣчу въ заднюю дверь].

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Полетѣла! Не жалѣй себя, въ грошъ и онъ не поставитъ. [Сумрачно смотритъ въ окно. Хохуля вноситъ сливки и уходитъ]. Ишь повисла!.. [Отходитъ]. Эхъ, простота!

ЯВЛЕНІЕ X.

Авдотья Ивановна, Андрей Карягинъ и Паша [за нимъ].

АНДРЕЙ. Ну, какъ васъ тутъ Богъ милуетъ? Здравствуй, матушка! [Подаетъ ей свертокъ]. Вотъ тебѣ изъ города гостинецъ. А это, Паша, тебѣ. [Даетъ свертокъ женѣ. Въ рукахъ у него еще свертокъ. Оглядѣлся и молча кладетъ его на стулъ].

ПАША [цѣлуя Андрея]. Спасибо тебѣ, милый! Вспомнилъ.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. И меня, старую, не забылъ. Благодаримъ покорно. Обѣдать станешь, или чайку?

АНДРЕЙ [садится]. Нѣтъ, чаю давайте. Обѣдалъ. [Оглядѣлся еще разъ. Жена проворно наливаетъ и подаетъ ему чай]. Такъ все благополучно?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Слава Богу!

АНДРЕЙ. И на мельницѣ?

ПАША. Дожди были. Воды прибыло, всѣ поставы работаютъ. — Завозу много.

АНДРЕЙ [пьетъ чай съ молокомъ въ прикуску]. Ну, и ладно. А я дѣлишки обдѣлалъ — ничего. Денегъ въ банкѣ дали. Пшеницу закупилъ выгодно, по восьми съ полтиною, а то и дешевле. Съ Баландинымъ по семи съ полтиною кончилъ. Жена у него модница; какъ ни какъ, только денегъ давай — наряды шить, а въ земельный платить подойдутъ сроки — не забота. Продадутъ землишку, какъ Богъ святъ. На нѣтъ съѣдутъ, какъ другіе прочіе господа. Кривогузовъ въ городѣ на ихній хуторъ недаромъ нацѣливается. Нацапалъ онъ этой дворянской земли страсть сколько.—Ну-ка, Паша, стаканчикъ еще... Да. Къ Сладневу Сергѣю Дмитричу заѣзжалъ. Маіору нашему пріятель. [Оглядывается опять. Молчитъ. Нахмурился].

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. У Сладнева тоже пшеничку купилъ?

АНДРЕЙ [уже недовольнымъ тономъ]. Какая у него пшеница! Ширъ одинъ, и тотъ скотина повытолкла. Господинъ Сладневъ не нынче-завтра совсѣмъ пропадетъ. Лѣсъ проѣлъ,

земли добрую половину проѣлъ, крохи теперь доѣдаетъ. Не нашему маіору чета. Ужъ сколько я къ этому изъ-за мельницы подъѣзжалъ и деньги давалъ хорошія—уперся. Кряжистъ, шутъ его возьми! [Озирается]. А что же Фени не видать?.. Чего молчите?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [отходя зачѣмъ-то къ шкафу]. Къ маіору ушла.

АНДРЕЙ. Къ маіору?!.. Какъ такъ ушла?!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Совсѣмъ ушла, жить.

АНДРЕЙ. Аа! [Встаетъ и сверкающими глазами обводитъ жену и тещу]. Спроворили?!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Не маленька она, свой разумъ есть.

АНДРЕЙ [гнѣвно ударяетъ по столу]. Спроворили, говорю! [Молчаніе]. Знаю, въ чемъ дѣло! Склыки бабьи, сплетни, раздоръ—вотъ это что! [Женѣ]. Не говорилъ я, какъ уѣзжалъ, чтобы ссоръ безъ меня не заводить? Не приказывалъ, чтобы смирно было у васъ? Ну?

ПАША [робко]. Мы не ссорились... сама она...

АНДРЕЙ. Лжешь! Ступай, вороти. Чтобы сейчасъ съ тобою домой шла. Иди!

ПАША. Не посылай ты меня, Андрей Филатычъ, ради Господа! Пошли другого кого.

АНДРЕЙ [схватываетъ ее за руку и ведетъ къ двери]. Нѣтъ, ты!! Сейчасъ идти! Ну!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Иди, Паша. Пусть люди скажутъ, что мужъ жену за любовницей посылаетъ.

АНДРЕЙ [на старуху]. Молчать!.. О-о, такъ-то вы! [Паша плачетъ]. Хорошо! [Зоветъ въ окно]. Иванъ, подь-ка сюда! [Ходитъ большими шагами]. Хо-ро-шо!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. На что лучше!

ПАША [подбѣгаетъ къ матери]. Маменька, перестаньте! Что вы?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [отстраняясь]. Твое дѣло ревѣть.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Иванъ.

АНДРЕЙ. Иванъ! Сходишь сейчасъ къ маіору, къ Федосьѣ Игнатьевнѣ... Скажи, молъ, пріѣхалъ Андрей Филатычъ и приказываетъ ей домой идти. *Приказываетъ*, такъ и скажи! Противиться будетъ, волокомъ тащи. Безъ нея ворочаться не смѣй.

ИВАНЪ. Слушаю.

АНДРЕЙ. Скажи—сраму на свой домъ я не потерплю и безчестить себя не дамъ, потому изъ моей она семьи, а не чортъ-вѣсть откуда.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Полно, о томъ ли забота, Андрей Филатычъ?

АНДРЕЙ. Ка-акъ?!

ПАША. Маменька, да молчите вы, ради Бога!

АНДРЕЙ [Ивану]. Иди! Исполнить въ точности! Не то, скажи, я маіорское гнѣздо въ пухъ разнесу. Такъ и скажи. Коли самъ за нею приду, маіору дюжины реберъ не досчитаться. Слышалъ? Противиться будетъ, тащи волокомъ. Ну, живо! [Иванъ уходитъ]. А васъ, васъ за эту штуку проберу посвоему!

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Въ томъ вся наша вина, что насъ же ты обидѣлъ.

АНДРЕЙ. Смутницы вы, выдумщицы! На срамъ дѣвку толкнули... чтобъ васъ!.. [Женѣ]. Худое что видала за нами, что приревновала-то къ ней? Говори! [Старухѣ]. Какая-жъ она мнѣ любовница! Кто что знаетъ?.. Ну, докажи! А я клеветнику ротъ зажму, такъ зажму, что онъ своими-жъ зубами языкъ свой откуситъ поганый. Знаешь ты это?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Твоя воля срамиться, Андрей Филатычъ. Пожалуй, бей меня и жену заодно. И маіору ребра пересчитай. Ужъ бить, такъ бить, чтобъ по всему околотку гремѣло, да вой шелъ. За что? скажутъ люди.—Чего

расходился такъ Андрей-отъ Филатычъ? А вотъ за что: жена, по дурости, его любитъ, а Федосья, отъ ума, любить не желаетъ, къ маіору ушла. На что лучше причина!

андрей. Брешешь ты, старая! Не выжили вы ея, ну?

авдотья ивановна. И, Андрей Филатычъ! Кто ее выживалъ! Прежде она къ маіору не бѣгала, что ли, при тебѣ-то? Ты, вотъ кипишь, а дѣло уразумѣть не желаешь. А просто оно. Вѣрь мнѣ—не вѣрь, какъ угодно, а мѣтитъ Федосья Игнатьевна тебѣ въ *хозяйки,* въ заправскія маіорши попасть. По уши въ нее маіоръ-то. А она ему развѣ такъ волю дастъ? Женись... И женитъ, скорешенько. А ты, на что ей нуженъ, чужой мужъ?..

андрей. Ну, ну, ну! Говори, да не заговаривайся! [Женѣ]. Прасковья, по волѣ Федосья къ маіору ушла? Правду говори, не то...

паша. Она у него три дня кряду жила... Я маменькѣ говорила... Потомъ пришла, хотѣла тебя дожидаться.

андрей. Ну?

авдотья ивановна [въ сторону]. Прорвется, того и гляди! [Карягину]. За нею маіоръ гонца, а слѣдомъ и самъ припожаловалъ.

андрей. Самъ!.. Ну?

авдотья ивановна. Вмѣстѣ и ушли, только всего.

андрей [вспыхнувъ опять]. А чего-жъ вы не удержали ея? Зачѣмъ пустили?

авдотья ивановна. Теперь въ этомъ виновны. Эхъ, Господи! А самъ бы ты удержалъ? Ну-ка! Не знаешь развѣ, какова Федосья въ хотѣньи своемъ? Чудно!

[Иванъ боязливо выставляется въ двери].

андрей [Ивану]. Что-жъ ты!.. Одинъ?.. Да входи!

иванъ [входитъ]. Ничего не подѣлаешь съ нею, Андрей Филатычъ. Сталъ ей все это говорить, какъ приказывали, а она, знай, хохочетъ-те, заливается...

андрей. Чертъ! Сказано силою привести!

иванъ. Я было того... ухватилъ, значитъ, ее, а она лискъ меня [показываетъ на щеку], вывернулась, да бѣчь...

Стала на крыльцѣ, да кричитъ мнѣ: «скажи поди, Андрею Филатычу»...

АНДРЕЙ. Ну?

ИВАНЪ. Да я не смѣю.

АНДРЕЙ. Говори, не то!..

ИВАНЪ. «Скажи, молъ ему, что онъ меня»...

АНДРЕЙ. Что̀ «меня», что?

ИВАНЪ. Хмъ! да... «*прозѣвалъ*».

[Картина: Карягинъ отвертывается и сумрачно глядитъ исподлобья. Паша боязливо засматриваетъ ему въ лицо. Старуха, отвернувшись, усмѣхается. Иванъ съ плутовскою рожей почесываетъ затылокъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена: комната въ домѣ Терихова, съ простою, но опрятною обстановкою. Три двери: по бокамъ и въ задней стѣнѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЮБАВИНЪ [входитъ при поднятіи занавѣса, робко озирается и имѣетъ въ рукахъ форменную фуражку]. Ахъ!.. Всѣ-то у насъ теперь въ казначействѣ по мѣстамъ, а я? Бывало до города версту въ четверть часа промахнешь, раньше городскихъ явишься. А теперь!.. Пріѣдетъ казначей, Иванъ Павлычъ, гдѣ — спроситъ — Любавинъ? Ахъ, здѣсь Любавинъ, вотъ гдѣ!.. Какое ужъ тутъ казначейство! Намедни сѣлъ за кассовую книгу, да вмѣсто дѣла сталъ Федосьѣ Игнатьевнѣ стихи сочинять. Увидалъ бухгалтеръ. «Это что? какая-такая Федосья у тебя тутъ?!» Хохотъ, срамъ! Всѣ теперь «Федосьей» зовутъ. Проходу нѣтъ... Маменька женить собирается. «Какъ женю, говоритъ, такъ всю эту дурь по Федосьѣ Игнатьевнѣ какъ рукой сниметъ»! Какъ же дурь!.. Да я женить и не дамся. Что̀ она, въ самомъ дѣлѣ! [Конфузливо пятится при входѣ маіора].

ЯВЛЕНІЕ II.

Любавинъ, Териховъ и потомъ Феня.

ТЕРИХОВЪ! Ты? Отчего не на службѣ? Сегодня какой день? Праздникъ развѣ? Что ты въ самомъ дѣлѣ баклушничаешь!

ЛЮБАВИНЪ. Я... я нездоровъ-съ.

[Феня входитъ. Любавинъ не видитъ ея].

ТЕРИХОВЪ. Нездоровъ? А сюда бѣгать здоровъ? Иди-ка въ свое казначейство, маршъ!

ФЕНЯ. Оставьте его! Пойдемъ, Тиша, малину со мной обирать. На столѣ тамъ корзинка стоитъ [указываетъ на правую дверь]. Принесите. [Любавинъ бросается за корзинкой].

ТЕРИХОВЪ [вспыльчиво]. Что за глупости, Феня! [Повертывается на каблукахъ и уходитъ въ лѣвую дверь. Феня провожаетъ его насмѣшливымъ взглядомъ].

ЛЮБАВИНЪ [входитъ съ корзинкою въ рукахъ и, потупясь, подаетъ ее]. Не идти ли ужъ мнѣ? Максимъ Гаврилычъ маменькѣ скажетъ.

ФЕНЯ. А по малину со мной не хотите?

ЛЮБАВИНЪ. Ахъ, Боже мой! Не только малину, я все, все хочу съ вами, Федосья Игнатьевна!

ФЕНЯ. А на службу зачѣмъ не ходите, а? [Деретъ его за ухо]. Вотъ-же же вамъ, вотъ!

ЛЮБАВИНЪ [схватываетъ ея руку и покрываетъ поцѣлуями]. Ахъ... что-жъ это! Я... я съ ума сойду...

ТЕРИХОВЪ [входитъ]. Кхмъ! [Любавинъ вспыхнувъ и не знаетъ, куда дѣваться]. Для жены мой, Федосья Игнатьевна, такъ неприлично-съ, прямо скажу—не прилично. Надо это понять-съ! И если я женился на васъ, такъ это... это не шутка-съ.

ФЕНЯ [взглянула на мужа и протягиваетъ Любавину руку]. Цѣлуйте, я позволяю. [Любавинъ мнется]. Какой вы! цѣлуйте! [Любавинъ смущенно и неловко цѣлуетъ ея руку].

ТЕРИХОВЪ. Изъ рукъ вонъ! [Опять круто повертывается на каблукахъ и съ трескомъ уходитъ въ лѣвую дверь].

ФЕНЯ. Ха-ха-ха!

ЛЮБАВИНЪ [съ тяжелымъ вздохомъ]. Нѣтъ, ужъ я лучше пойду-съ...

ФЕНЯ. Куда мнѣ вздумается. [Зоветъ]. Максимъ Гаврилычъ! [За дверью выразительный кашель]. Идите же, если зову!

ТЕРИХОВЪ [входитъ сердитый и взволнованный]. Ну-съ?

ФЕНЯ. Я съ Тихономъ Степанычемъ пойду не въ садъ, а въ рощу, подальше отъ васъ.

ТЕРИХОВЪ. Да-съ!

ФЕНЯ. Гулять мы будемъ долго, рука объ руку. За ручей пойдемъ. Тихонъ Степанычъ перенесетъ меня черезъ ручей на рукахъ.

ТЕРИХОВЪ. Да-съ!

ФЕНЯ. Вернемся не скоро. Вы отправляйтесь съ Архипомъ въ садъ и наберите намъ малины. [Подаетъ ему корзинку].

ТЕРИХОВЪ. Малины-съ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Архипъ [выглядываетъ въ дверь].

ФЕНЯ. Я вамъ за это принесу мухоморъ. [Териховъ сильно бросаетъ корзинку].

АРХИПЪ. [Въ сторону]. Съѣлъ!

ФЕНЯ [Любавину, который бросился поднимать корзинку]. Не трогайте. Максимъ Гаврилычъ подниметъ. Поднимите, Максимъ Гаврилычъ!

ТЕРИХОВЪ. Я... я... я не китайскій болванчикъ, замѣтьте!

ФЕНЯ. Поднимите.

ТЕРИХОВЪ. Поднять не трудно, но я... Это глупо, дурачество!

ФЕНЯ. И поднимите, если не трудно.

ТЕРИХОВЪ [быстро поднялъ корзинку и съ трескомъ ставитъ ее на столъ]. Вотъ-съ! [Уходитъ въ лѣвую дверь].

АРХИПЪ [входитъ]. Тьфу!

ФЕНЯ [равнодушно оглянулась на Архипа, Любавину лѣниво и холодно]. А вы, птенчикъ, ступайте въ свое казначейство.

ЛЮБАВИНЪ. А какъ же въ рощу-то?

ФЕНЯ. Э, надоѣли вы мнѣ! [Уходитъ въ правую дверь].

АРХИПЪ [внезапно наступаетъ на Любавина]. А въ карцеръ на хлѣбъ на воду не желательно? Въ рощу! Тоже облизывается, финтикъ этакій! Въ наше время такихъ, какъ вы, начальство къ стульямъ безъ сапогъ привязывало.

ЛЮБАВИНЪ [отступая]. Оставь ты...

АРХИПЪ [наступаетъ]. Н-да! А вамъ тутъ нечего. Маршъ на службу, лодыры! Постой,—мать увижу—отлепортую... [Любавинъ, отчаянно махнувъ фуражкой, уходитъ]. Повадился!.. [Глядитъ на дверь маіора]. Вотъ ужъ какъ, мухоморъ!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Архипъ, Териховъ [проходитъ мимо Архипа съ трубкой, не глядитъ на него и садится] и потомъ **Феня**.

АРХИПЪ [помолчавъ, сумрачно глядя на маіора]. Какъ же, Максимъ Гаврилычъ... [подходитъ]. Значитъ, теперича [значительно] въ мухоморы попали?

ТЕРИХОВЪ. Отвяжись!

АРХИПЪ. Н-да! Вотъ и дожили! Женились и дождались! Вотъ онъ зудъ-то довелъ до чего. Водили насъ, водили, пока подъ вѣнецъ не угодили. Въ мухоморы и попали теперь, хе-хе! [Териховъ показываетъ ему кулакъ]. А въ былое-то времячко! [Подмигиваетъ и прищелкиваетъ языкомъ]. Бывало, эти самыя барыни для насъ все равно, что трынъ-трава. Ужъ какія-раскакія бывали, фу-ты, ну-ты, хе-хе!.. Только глазомъ, бывало, мигнемъ, да усъ такъ-то закрутимъ, кхха!—готово! Въ 49 году въ Венгерскую компанію ходили; помните, Максимъ Гаврилычъ, на простыняхъ со втораго этажа

спустили одну? Мужъ—шасть!.. «Архипъ, какъ быть, выручи!» [Любовно притрогивается къ плечу маіора]. Сейчасъ мой Архипъ простыни, хе-хе-хе!.. Ищи, шарь теперича!

ТЕРИХОВЪ. Что-жъ, пожили, братецъ, правда.

АРХИПЪ. И какъ пожили-то!

ФЕНЯ [входитъ, покрывшись кисеей и останавливается въ дверяхъ незамѣченная].

АРХИПЪ [наклоняясь къ маіору]. А вы, сударь, много Федосьѣ Игнатьевнѣ воли даете, н-дасъ! Вотъ она въ мухомор...

ФЕНЯ. Что-о? [Териховъ и Архипъ смущенные расходятся въ разныя стороны. Архипу]. Ты, совѣтчикъ, другъ закадычный, кому воли много дано, а?

АРХИПЪ. Это мы такъ... промежъ себя...

ТЕРИХОВЪ. Глупости, Феня... [садится и закрывается газетой].

ФЕНЯ. Чего-жъ отъ Архипа умнаго ждать!

АРХИПЪ [оправившись]. Тьфу!

ФЕНЯ [на него презрительно]. Грымза ты этакая! [Архипъ, косясь на нее, продвигается къ двери. Маіору]. Что спрятался, видно, совѣсть зазрила?

АРХИПЪ [въ дверяхъ грозится на Феню, въ сторону]. Погоди! [Уходитъ].

ТЕРИХОВЪ. Ничего, а... Не читалъ еще... Новости...

ФЕНЯ. То-то «новости»! [Уходитъ въ заднюю дверь].

ТЕРИХОВЪ [кладетъ газету и тяжело вздыхаетъ]. И что за дуралей этотъ Архипъ! Подведетъ, всякій разъ подведетъ, какъ нарочно! Нѣтъ, я ужъ какъ-то съ толку сбился совсѣмъ. Не то такъ мнѣ съ ней повернуть, не то этакъ... не приладишься... Похудѣлъ даже... Все будто сдѣлать мнѣ что-то нужно, не сидится, не терпится... Будто вотъ бѣгаетъ отъ меня Феня, а я за ней, я за ней. [Взглянулъ на дверь]. Кого еще тамъ принесло? [Закрывается газетой].

ЯВЛЕНІЕ V.

Териховъ и Сладневъ.

СЛАДНЕВЪ. Максимъ Гаврилычъ, здравствуй, душа!

ТЕРИХОВЪ. А-а, Сергѣй Дмитричъ! здравствуй.

СЛАДНЕВЪ. Что ты будто разстроенъ, другъ любезный, а?

ТЕРИХОВЪ. Да читалъ вотъ... Хоть въ руки газетъ не бери! Тамъ земство проворовалось, здѣсь банкъ обокрали, тому черепъ разнесли... [Пожимаетъ плечами].

СЛАДНЕВЪ. А-а! [садится]. Не говорилъ я тебѣ, не говорилъ? [Воодушевляется]. Эхъ, Максимъ Гаврилычъ, помнишь ли, mon cher, то чудное время, еще въ началѣ? Помнишь, когда, какъ сказалъ поэтъ, порвалась та великая цѣпь, которая ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику?

ТЕРИХОВЪ. Ты опять свое! Знаемъ!

СЛАДНЕВЪ. О, что за время! Тогда и я всѣ силы, всего себя отдалъ... Да, я вводилъ, устраивалъ... Помнишь меня посредникомъ?.. Сближалъ интересы и раздѣлялъ... О, mon cher! Лучшіе люди земли шли тогда, и какъ шли! То была дружная рать, провозвѣстники, свѣточъ, душа моя, свѣточъ!

ТЕРИХОВЪ. Не мало набѣдокурили. Особенно ты, когда посредничалъ, да либеральничалъ на чужой счетъ. Спасибо! Я, братъ, свою «уставную» никогда тебѣ не прощу.

СЛАДНЕВЪ. Ну, вотъ видишь, видишь! И такъ вы всѣ. И это благодарность за тотъ порывъ, за тотъ нравственный подъемъ!.. Мы приняли заушеніе, оплеваніе, пострадали, но ушли съ сознаніемъ, да, mon cher, съ сознаніемъ, что послужили... Мы ушли со скорбью за судьбы, да, со скорбью, и событія не заставили себя ждать! И вотъ началось... Боже мой, что̀ началось! Кто насъ смѣнилъ? Оглянись, mon cher, оглянись и вникни.

ТЕРИХОВЪ. Не раздражай ты меня, Сергѣй Дмитричъ. Я плачу и больше ничего. Земство деретъ—плачу, страховка—

плачу, школы, попечительства разныя—плачу и плачу! Нате и отвяжитесь. Ясно? Съ меня вотъ десять разъ какія-то «грунтовыя» становой взыскиваетъ. Поясните же, говорю, наконецъ, что это такое?—«А вотъ-съ, предписано», предъявляетъ бумагу. Ну, и плачу!

сладневъ. Да, все это: и становые, и пристава разные, письмоводители... Боже мой, что за тонъ и какая ужасная, наглая откровенность! Представь, вчера является письмоводитель нашего прелестнаго судьи. Бархатный пиджакъ, pince-nez и... и сивушный запахъ! Aplomb, руку швыряетъ вотъ такъ, и это рукопожатіе!.. Я послѣ вымылся... Мало того—подмигиваетъ... Нѣтъ, ты представь — подмигиваетъ!

териховъ. Э, говорю—оставь! Знаю, все знаю. Волостной старшина на дворъ,—у меня поросенка рѣжутъ и за водкой въ кабакъ. И довольно. Ради Бога, не раздражай! Карягинъ вотъ съ мельницей пристаетъ. И продашь. Надо же чѣмъ платить и платить. Да что! [Махаетъ рукою].

сладневъ. Eh bien, что наша прелестная Федосья Игнатьевна? [Потираетъ руки]. Ха-ха-ха! медовый мѣсяцъ, mon cher? Откровенно скажу: завидую. Что хочешь, но очарованъ. [Цѣлуетъ кончики пальцевъ]. Я много видѣлъ, испыталъ, жилъ... да, жилъ... Женщина, про которую въ Аннѣ Карениной такъ удивительно сказано, что она—«винтъ, на которомъ все вертится», я знаю, что такое женщина, о!.. Но этотъ дичекъ, эта—извини меня — Феня съ мельницы распустилась въ такой роскошный цвѣтокъ, съ такою изящною красотой, съ такимъ одурѣвающимъ ароматомъ страсти...

териховъ. Что ты заврался.

сладневъ. Нѣтъ, позволь. Ты, mon cher, не понимаешь... Ты цяникъ, сатиръ, ха-ха!.. Тебѣ недоступно то обаяніе красоты, которое доводитъ до экзальтаціи, до... до...

териховъ. До вранья.

сладневъ. Ну, ясно, не понимаешь, ясно! Ахъ, душа моя... знаешь ты это? [Напѣваетъ дряблымъ фальцетомъ].

«Изъ-подъ бровки твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ»...

Потомъ этотъ ротикъ! свѣжій, какъ лепестки розы, пышный, трепещущій... Ахъ, душа моя, прелестно, восхитительно! Ты положительно счастливецъ. Станъ гибкій, изящный, очерченъ такими роскошными формами... [Ударяетъ маіора по плечу]. Ну, пентюхъ же, варваръ ты, положительно, варваръ!

ТЕРИХОВЪ. Какъ? что такое?

СЛАДНЕВЪ. Ну да! Развѣ ты чувствуешь, развѣ ты въ силахъ ощущать то...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Феня [изъ задней двери].

СЛАДНЕВЪ. Ахъ! [Бросается къ Фенѣ]. Очаровательная!.. [Схватываетъ и въ засосъ цѣлуетъ ея руки]. Пре... пре... прелестная!

ФЕНЯ [снимая съ головы кисейное покрывало]. Что съ вами?

ТЕРИХОВЪ [сдвинувъ брови]. Въ угарѣ.

СЛАДНЕВЪ. Ну вотъ, какое грубое объясненіе!

ФЕНЯ. Похоже.

СЛАДНЕВЪ [ей]. И вы? [Укоризненно качаетъ головою].

ФЕНЯ. Я первая. Какъ ваша жена поживаетъ? Поздоровѣла?

СЛАДНЕВЪ. Ахъ, Зоя!.. Нѣтъ, все мигрени, эти вѣчные мигрени и нервы, mon Dieu!.. Есть души... Ну вотъ: вы входите въ старый домъ, заброшенный и... и тамъ стоитъ фортепьяно. Вы подходите, открываете пыльную крышку и берете аккордъ. Боже мой! жалкіе, болѣзненные, дрожащіе звуки и полная дисгармонія. Вы бѣжите прочь. Но представьте, что звуки эти — за вами, не умолкаютъ, не перестаютъ. Представьте, что это не фортепьяно, а живой человѣкъ, который неотвязно, неотступно при васъ, а съ нимъ эта ужасная музыка. Mais c'est horrible!.. Вотъ вамъ Зоя и...

ТЕРИХОВЪ. Нѣтъ, Сергѣй Дмитричъ, ты сегодня совсѣмъ зарапортовался.

СЛАДНЕВЪ. Э, mon cher, это, наконецъ, вульгарно!

ФЕНЯ. Не хитра же ваша барыня! Съ васъ и балалайки довольно.

СЛАДНЕВЪ. Что вы хотите сказать? балалайки!

ФЕНЯ. Ха-ха-ха! [Беретъ изъ угла гитару и настраиваетъ]. Дудочки-сопѣлочки за глаза, на что музыка немудреная... Ну-ка, Сергѣй Дмитричъ, плясовую. Утѣшьте! [Играетъ на гитарѣ плясовую].

СЛАДНЕВЪ. Ха-ха, что вы!

ФЕНЯ. Глядите на меня. Вотъ такъ станьте: грудь впередъ, бровью подморгните, вотъ такъ плечомъ, плечомъ поведите-ка, ну!

СЛАДНЕВЪ. Любуюсь, Федосья Игнатьевна, любуюсь!

ФЕНЯ. Чтобъ ретивое заговорило. И я полюбуюсь. Ну! [Играетъ].

СЛАДНЕВЪ. Заговоритъ, заговоритъ!

ФЕНЯ. Разверните-ка удаль молодецкую.

СЛАДНЕВЪ [пожимая плечами въ тактъ плясовой]. Охъ пойду, ой пойду.

ФЕНЯ. Ишь какой, смотрѣть любо! Ну-ужъ, утѣшьте!.. Ну! [Играетъ. Сладневъ приплясываетъ сначала понемножку, потомъ расходится. Феня смѣется тихо, потомъ громче и громче].

ТЕРИХОВЪ. Сергѣй Дмитричъ, опомнись!

СЛАДНЕВЪ [помахивая платочкомъ]. Л-лихо!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Териховъ, Сладневъ, Феня и Карягинъ.

КАРЯГИНЪ [неожиданно открывая дверь]. Хорошо, баринъ! [Сладневъ останавливается пораженный. Феня перестаетъ играть]. Дайте и намъ посмотрѣть. Мы такихъ видовъ не видывали. Ужъ очень занятно.

СЛАДНЕВЪ [отдуваясь и обмахиваясь платкомъ]. Э, мой милый, ты не понимаешь. Что за «занятно»! что такое «занятно»?

КАРЯГИНЪ. Какъ Федосья Игнатьевна комедію строитъ себѣ на потѣху. Шутка ли! чуть не горами качаетъ. Ваша милость на что грузны, а и то перышкомъ завертѣлись.

ТЕРИХОВЪ [Сладневу]. По дѣломъ тебѣ, по дѣломъ!

СЛАДНЕВЪ. Но позвольте, господа...

ФЕНЯ. Слушайте, я что скажу. Перво-на-перво—здравствуй, Андрей Филатычъ. Хозяевамъ поклонъ, а тамъ ужъ и говори.

СЛАДНЕВЪ. Вотъ это такъ! Вѣжливости поучить не мѣшаетъ, не мѣшаетъ.

КАРЯГИНЪ [съ поклономъ]. Здравствуйте, Федосья Игнатьевна. За поклономъ, какъ и за рѣчью, дѣло не станетъ. [Кланяется Терихову]. Максиму Гаврилычу! Не осудите. Невѣжа я и мужикъ. Барыня научитъ зато, какъ быть намъ напредки.

ФЕНЯ. Научитъ. Садись теперь, гостемъ будешь. Сказалъ ты, умный человѣкъ, потѣху себѣ я устроила. Что Сергѣемъ Дмитричемъ тѣшиться? Сергѣй Дмитричъ человѣкъ добрый, веселились мы попросту и сама бы я въ плясъ пошла. Есть потѣха другая, и ужъ точно что потѣха! Ходитъ человѣкъ, высоко голову носитъ, поверхъ глядитъ всѣхъ. И силёнъ-то онъ, и пригожъ, не бабьимъ умомъ живетъ, и подходы къ намъ, дурамъ, у него молодецкіе. Такого возьмемъ, Андрей Филатычъ. А расходится если—дубы ворочаетъ, что твой медвѣдь. Гдѣ, кажется, и совладать съ такимъ? Вѣрно? А глядишь: пробьютъ кольцо въ морду Мишеньки, на цѣпь примкнутъ и будетъ онъ, съ козой деревянною, передъ бабой же плясать вприсядку. Вотъ ужъ это такъ потѣха!

СЛАДНЕВЪ [аплодируя]. Браво, браво! Ха-ха-ха!

ФЕНЯ. А вамъ, Сергѣй Дмитричъ, послѣ трудовъ закусить не мѣшаетъ. Максимъ Гаврилычъ, угостите. Вотъ ключи. [Даетъ ключи].

ТЕРИХОВЪ. А ты, Андрей Филатычъ?

КАРЯГИНЪ. Нѣтъ-съ, благодаримъ покорно.

СЛАДНЕВЪ. Аппетитъ отбило, ха-ха-ха!

ТЕРИХОВЪ. А то приходи. [Уходитъ въ лѣвую дверь].

СЛАДНЕВЪ. Подбодримъ, хе-хе-хе! [Уходитъ за маіоромъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Феня и Карягинъ.

КАРЯГИНЪ [сумрачно и молча наблюдаетъ Феню, не обращающую на него никакого вниманія]. А кому же это кольцо пробьютъ? Позвольте полюбопытствовать.

ФЕНЯ. Не знаешь?

КАРЯГИНЪ. Не знаю-съ. [Молчаніе]. Что же молчите, Федосья Игнатьевна?

ФЕНЯ. Жду, что ты скажешь.

КАРЯГИНЪ. Наши рѣчи мужицкія неравно вашей милости не въ угоду будутъ.

ФЕНЯ. Глупыя — не въ угоду. Намедни пришелъ — научить тебя какъ челомъ бить, просишь, въ холопы покорные набиваешься. Нынче—опять. Все то же и толку нѣтъ. Что съ возу упало, то пропало. Нѣтъ ли новенькаго чего, Андрей Филатычъ?

КАРЯГИНЪ. Сказалъ бы я... Много про вашу честь припаслось у меня.

ФЕНЯ. Ну-ка, что? Первое—отъ Паши поклонъ... [Андрей встряхиваетъ волосами и съ подавленнымъ вздохомъ приникаетъ на руку]. Поклонъ и *спасибо*. Отъ матери тоже — поклонъ и опять же *спасибо*. Отъ Андрея Филатыча...

КАРЯГИНЪ [быстро обертывается къ ней]. Что-съ?

ФЕНЯ. Ха-ха! Скажи что—узнаемъ. Припасено не мало, да въ горлѣ застряло. Бываетъ этакъ-то.

КАРЯГИНЪ [встаетъ въ сильномъ волненіи]. Не тревожь ты меня, Федосья Игнатьевна, не тревожь! [Отходитъ въ дальній уголъ].

ФЕНЯ. Жена успо-ко-итъ!

КАРЯГИНЪ. Жена!

ФЕНЯ. Еще какъ! «Соколъ мой ясный, ненаглядный Андрюшенька», скажетъ.—«Взгляни мнѣ въ очи любовныя, поцѣлуй! обниму, на грудь бѣлую кудри твои размечу, уба-ю-ка-ю!»

КАРЯГИНЪ [медленно подойдя, схватываетъ ее за руку]. Замолчи ты!

ФЕНЯ. О-о! [Вырываетъ руку]. Близко подошелъ, Андрей Филатычъ! [Встаетъ].

КАРЯГИНЪ. [Задыхаясь]. Зачѣмъ же ты, змѣенышъ, въ душу ко мнѣ заползла? Зачѣмъ взглянешь, бывало—искры изъ глазъ твоихъ сыпятся? Зачѣмъ между мной и женой усмѣшка твоя черной кошкой проскакивала? А подъ ракитой? Зачѣмъ ты меня словно полымемъ охватила? Я, какъ шальной, потомъ мыкался, покоя не зналъ, и домой летѣлъ, точно ураганомъ несло меня въ твою сторону!

ФЕНЯ. Вотъ это любо! Хороша твоя рѣчь и стоитъ тебя за нее еще подъ ракитою поцѣловать разокъ; ужъ не за Пашу теперь... забылъ ты, какъ дѣло-то было... а за эту самую рѣчь... Да жаль, одного нѣтъ...

КАРЯГИНЪ. Чего нѣтъ-то?

ФЕНЯ. О-хо-ты! [Уходитъ въ лѣвую дверь].

КАРЯГИНЪ. Какъ же... значитъ, силы на мнѣ ты пытала? Иль того ради, чтобъ на цѣпь, да предъ тобою вприсядку? Ой, Федосья Игнатьевна, остерегись! Пока гнется—не ломится, а коль сломится... [Заканчиваетъ выразительнымъ жестомъ и повернулся уйти].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Карягинъ и Сладневъ

[входитъ слѣва, пережевывая и отирая салфеткой жирныя губы].

СЛАДНЕВЪ. А, душа моя! на пару словъ.

КАРЯГИНЪ. Чего вамъ?

СЛАДНЕВЪ. Ха-ха! чего всѣмъ нужно, мой милый, и что такъ трудно достать,—денегъ.

КАРЯГИНЪ. Какъ?

СЛАДНЕВЪ. Понимаешь ли, я скоро отдамъ... или хлѣбомъ возьмешь... Только пожалуйста, братецъ...

КАРЯГИНЪ. У меня про васъ денегъ нѣтъ и не будетъ-съ.

СЛАДНЕВЪ. Ну, вздоръ какой, ха-ха! У тебя-то?

КАРЯГИНЪ. Вѣрно-съ! Да на что проще: попросите у Федосьи Игнатьевны. Онѣ теперь денежны. Опять же выпляску передъ ней задаете, вотъ и должна дать.

СЛАДНЕВЪ. Послушай, любезный, ты... ты, однако, не забывайся!

КАРЯГИНЪ. Хмъ! эхъ, баринъ! [Уходитъ].

СЛАДНЕВЪ. Грубіянъ!.. мужикъ!.. скотъ!.. Разжирѣли на нашъ счетъ, грабители, и... и... Помилуйте! на что это похоже? Куда мы идемъ?

ЯВЛЕНІЕ X.

Сладневъ и Териховъ.

СЛАДНЕВЪ. Нѣтъ—я тебя спрашиваю—куда мы идемъ?

ТЕРИХОВЪ. А что?

СЛАДНЕВЪ. Представь, сейчасъ этотъ Андрей Филатычъ...

ТЕРИХОВЪ. Ты вѣрно денегъ просилъ?

СЛАДНЕВЪ. Ну да-а, но... понимаешь ли...

ТЕРИХОВЪ. А онъ тебя обругалъ.

СЛАДНЕВЪ. Хуже! Онъ... онъ посылаетъ меня къ твоей женѣ, къ женщинѣ! У хорошенькой женщины просить денегъ! [Пожимаетъ плечами].

ТЕРИХОВЪ. Не въ диковинку.

СЛАДНЕВЪ. Положимъ, теперь не стѣсняются, но это... на что похоже? Помилуй! Я краснѣю, мнѣ стыдно! Представь племянникъ мой, Lucien Сойминъ, у своей Barbe, такой душки, увезъ... увезъ брилліанты! Ну... ну, скажи на милость, развѣ такъ можно? Взять, понимаешь ли, любовь... шутка сказать: любовь!.. и... и еще брилліанты! [Пожимаетъ плечами].

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Анна Захаровна.

АННА ЗАХАРОВНА. Здравствуйте-съ!

ТЕРИХОВЪ. А, сосѣдка!

АННА ЗАХАРОВНА. Шалопай-то мой у васъ, что ли?

СЛАДНЕВЪ. Ха-ха! вы про Тишу?

АННА ЗАХАРОВНА. Да-съ!

СЛАДНЕВЪ. Pauvre garçon! онъ!... онъ у ногъ нашей красавицы Федосьи Игнатьевны.

АННА ЗАХАРОВНА. Да-съ! [Зоветъ]. Ти-ша!

ТЕРИХОВЪ. Да нѣтъ его здѣсь, нѣтъ. Утромъ былъ и ушелъ.

АННА ЗАХАРОВНА. Максимъ Гаврилычъ, что-жъ это такое? [Плачетъ]. Я мать. Малый отъ рукъ отбился; сейчасъ сказывали, опять въ казначействѣ не былъ; службой манкируетъ, вздохи да ахи, не ѣстъ, не пьетъ, того гляди, либо на осину, либо камень на шею, да въ воду.

СЛАДНЕВЪ. Полно, Анна Захаровна, что вы!

АННА ЗАХАРОВНА. Оставьте меня, Сергѣй Дмитричъ, вы не мать!

СЛАДНЕВЪ. Конечно, mon Dieu, но...

АННА ЗАХАРОВНА. Ну, и оставьте! [Всхлипываетъ]. Только вотъ сидѣлъ передъ тобою, глядь — ахнулъ, ужъ нѣтъ! Искать. Туда-сюда—нѣтъ! По саду-то, иль по рощѣ шныришь-шныришь, да все обмираешь. Такъ и мерещится, что виситъ онъ на деревѣ, голубчикъ мой, языкъ высунулъ...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сладневъ, Териховъ Анна Захаровна и Феня [входитъ изъ лѣвой двери].

ФЕНЯ. Что за голосьба?

АННА ЗАХАРОВНА. Вотъ она, прелестница! Ты что, сударыня, съ моимъ Тишею сдѣлала? Гдѣ онъ? Подай его сейчасъ, подай! [Подступаетъ къ Фенѣ чуть не съ кулаками].

СЛАДНЕВЪ [удерживая ее]. Тише, тише, Анна Захаровна!

АННА ЗАХАРОВНА [вырывается сильнымъ движеніемъ плечъ]. Я мать! Мало тебѣ Андрея Филатыча твоего, мало?!

ТЕРИХОВЪ [вспыхнулъ]. Что та-ко-е? вы!

АННА ЗАХАРОВНА. Какъ что такое? Ну, и амурничай она съ нимъ, благо мужъ-старикъ не доглядываетъ.

ТЕРИХОВЪ [кричитъ]. Я т-тебя! [Наступаетъ внѣ себя на Анну Захаровну].

СЛАДНЕВЪ [пятитъ ее къ двери]. Съ ума вы сошли! Уйдите!

АННА ЗАХАРОВНА [упираясь]. Въ головѣ еще онъ, слава-те Господи, да! А съ Тишею я эти пассіи разыгрывать не позволю. Я мать!

ТЕРИХОВЪ [едва сдерживаетъ себя]. Уведи ее, уведи ради Бога!

СЛАДНЕВЪ [забираетъ Анну Захаровну и протискиваетъ въ дверь]. Тсъ! тсъ! [Уходятъ вмѣстѣ].

АННА ЗАХАРОВНА [за сценой]. Да ужъ не позволю! Младенца губить выдумала! Срамница! Мельничиха!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Териховъ и Феня.

ФЕНЯ [все время спокойно наблюдавшая, что происходило]. Ха-ха-ха-ха!

ТЕРИХОВЪ. Что это она... про Карягина?

ФЕНЯ. Какъ?

ТЕРИХОВЪ. Слышали?

ФЕНЯ. Слышала. Ну?

ТЕРИХОВЪ [гнѣвно]. Что-жъ, наконецъ, правда это, или?..

ФЕНЯ. А вы какъ думаете?

ТЕРИХОВЪ. Я... я ничего такого не думалъ. Я спрашиваю, и вы должны дать мнѣ отвѣтъ. Я требую!..

ФЕНЯ [презрительно]. Че-го?

ТЕРИХОВЪ. Любите вы этого Карягина? Любовникъ онъ вашъ?

ФЕНЯ. Захочу—будетъ.

ТЕРИХОВЪ. Какъ?!

ФЕНЯ. Да вы не бойтесь, Максимъ Гаврилычъ. Подушками душить васъ не стану. Зачѣмъ? Брошу васъ, если на то пойду, какъ пылинку съ себя стряхну. Неужели-жъ, думаете, хорониться, да таиться отъ васъ стала бы? Подъ шумокъ, въ кустахъ, милаго цѣловать, а потомъ мужа стараго? Чего ради? Изъ маіорства, иль денегъ? Ха-ха! иль по робости, страшны вы мнѣ, что ли? Нѣтъ для меня ни цѣпей, ни запоровъ и господинъ надо мной не народился еще. Не обмыслили вы этого, Максимъ Гаврилычъ, опростоволосились хуже бабы!

ТЕРИХОВЪ. Феня... зачѣмъ такъ?.. Ты не сердись... Прости, если... [Хочетъ взять ея руку].

ФЕНЯ [отдергиваетъ руку]. Нѣ-ѣтъ, теперь подальше, маіоръ! Было, да сплыло. Цѣнить не умѣлъ, не вѣрилъ—и баста!

ТЕРИХОВЪ. Полно же, пожалуйста!

ФЕНЯ [отступаетъ]. Нѣтъ, кончено. Меня назадъ не откатишь. Не поняли этого, такъ узнайте теперь. Теперь въ домѣ у васъ только хозяйка, а жены больше нѣтъ. [Энергично уходитъ въ правую дверь].

ТЕРИХОВЪ [стоитъ, разведя руки, потерянный]. Какъ же такъ? Что же теперь?... [Смотритъ на дверь, въ которую вышла Феня, и начинаетъ всхлипывать]. Я... я... не могу... жестоко... [ослабляетъ галстухъ], не могу...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Териховъ, Архипъ [важно продвигается въ дверь въ унтеръ-офицерскомъ сюртукѣ, который ему тѣсенъ, съ крестомъ и двумя медалями на груди] и потомъ Волжинъ.

АРХИПЪ. «Грымза!» [Значительно]. Кха!

ТЕРИХОВЪ. Ты?.. ты зачѣмъ? [Тычетъ его въ грудь]. Это что? зачѣмъ?

АРХИПЪ. Кавалеръ, унтеръ-офицеръ, а не «грымза!» Пусть-ка Федосья Игнатьевна взглянетъ. Грымза! Ну-ка, крикни теперь, ругни!

ТЕРИХОВЪ. Ахъ ты, каналья!.. Кавалеръ! [Схватываетъ чубукъ]. Барыню учить вздумалъ! Р-ракалія! [Гнѣвно замахивается на Архипа, который подъ внезапностью нападенія растерялся и почти присѣлъ на полъ у двери. Въ этотъ моментъ дверь распахивается и появляется Волжинъ, въ дорожномъ платьѣ. Маіоръ роняетъ чубукъ, на мгновеніе стоитъ пораженный, потомъ съ объятіями бросается къ Волжину]. Батюшки! Гриша!

ВОЛЖИНЪ. Извините, дядя, я, кажется, помѣшалъ.

АРХИПЪ [приглаживая волосы]. Покорно благодарю, Григорій Петровичъ! [Кланяется]. Какъ разъ на наше безобразіе Господь васъ принесъ.

ТЕРИХОВЪ [отталкиваетъ Архипа]. Убирайся ты! [Архипъ съ внушительнымъ видомъ поднимаетъ чубукъ]. Ахъ, Гриша! вотъ не ожидалъ! Откуда?

ВОЛЖИНЪ. Прямо изъ Италіи, дядя.

ТЕРИХОВЪ. Слышалъ, слышалъ! Въ газетахъ про картину твою читалъ. Батюшки, какъ хвалили! Талантъ... золотыя медали, чего-чего!.. Архипъ, скажи-ка Федосьѣ Игнатьевнѣ, кого намъ Богъ послалъ.

АРХИПЪ. Скажу-съ! [Поставивъ чубукъ въ уголъ, уходитъ въ правую дверь].

ТЕРИХОВЪ [усаживаетъ Волжина и еще обнимаетъ его]. Ну, утѣшилъ!.. А мать-то твою Господь взялъ, да!.. что дѣлать, всѣ

подъ Богомъ... Праху поклонишься... Спасибо, что вспомнилъ, спасибо! Чай, сюда-то тянуло?

волжинъ. Да. Хотѣлось на родныя мѣста взглянуть.

териховъ. Какъ же, какъ же! Помню, какъ ты такимъ еще карапузикомъ бѣгалъ здѣсь. Ахъ ты, молодецъ! [Архипу, который входитъ съ мрачнымъ видомъ]. Ну что?

архипъ. Да ничего-съ.

териховъ. Какъ ничего!? Вотъ бѣситъ меня сегодня!

архипъ. Точно. Тьфу!

териховъ. Что сказала-то, говори ты! [Архипъ плутовски почесываетъ за ухомъ и молча смотритъ на маіора].

волжинъ. Да кто, дядя, кто?

архипъ [наклоняется къ Волжину и подмигиваетъ на маіора]. Вы, сударь, проказъ нашихъ не знаете. Кхммъ! мы вѣдь *женаты!*

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена: въ глубинѣ часть пруда съ берегомъ, поросшимъ камышемъ. Слѣва фасадъ дома Карягина съ крылечкомъ (безъ навѣса). Передъ домомъ садикъ, въ которомъ двѣ-три цвѣточныя клумбочки и нѣсколько небольшихъ плодовыхъ деревьевъ. Садикъ обнесенъ изгородью сзади и справа, спереди же (къ зрителямъ) остается открытымъ. Въ боковой сторонѣ изгороди калитка. Правѣе изгороди лужайка, обрамленная справа деревьями. Подъ однимъ изъ нихъ большой жерновный камень.

ЯВЛЕНІЕ I.

Паша [сидитъ на крылечкѣ] и **Провъ Безуглый** [чинитъ рыболовную сѣть].

паша. Все-то ты знаешь, дѣдушка. Люблю я разсказы твои слушать.

провъ. Много гдѣ бывалъ, хозяюшка, много чего видалъ. Отъ Бѣломорья изъ Соловокъ вплоть до Афонской

горы край-отъ прошелъ. Изъ моря въ море уперся. Былъ ходокъ, а теперь видишь, каковъ сталъ! Согнуло, да скрючило... Только и мочи, что на ребятъ ворчать, помолъ бы не воровали у Андрея Филатыча, да отъ дѣла-бъ не бѣгали.

ПАША [разсѣянно слушала его]. Вотъ что, дѣдушка Провъ. Знаешь ли ты, что горемъ-тоской называется?

ПРОВЪ [усмѣхаясь]. Во-на, какъ этого не знать!

ПАША [воодушевляясь, съ горечью]. Знаешь ли, какъ по ночамъ оно глазъ не смыкаетъ; какъ къ утру, забудешься если, разбудитъ, да въ сердце ударитъ тебя? Голову что свинцемъ нальетъ... свѣту не радъ!.. [Закрываетъ лицо руками].

ПРОВЪ. Эхъ, матушка, гдѣ его, этого горя, нѣту? Приникни ты ко сырой землѣ, поспрошай, да послушай, что станетъ она разсказывать. Терпитъ она все, все въ себя принимаетъ. Горемъ она полнымъ полна, кровью вездѣ улитà, а слезами ужъ такъ-то смочена!.. Вотъ что хозяюшка! А ты не грусти. Я-те про ту же землю другое скажу. Не все горе въ ней, а много и добра всякаго, злата, и серебра, и камней дорогихъ, на Господній храмъ и людямъ на украшеніе. Тѣ, что какъ жаръ горятъ—слезки-то людей праведныхъ; тѣ, что краснѣются — изъ крови честной, мукой пролитой; въ тѣхъ, что синѣются—синева небесъ, въ золотѣ — солнышко, въ серебрѣ — мѣсяцъ ясный во землѣ свѣтятъ, спрятавшись. [Встаетъ, собирая сѣть]. А вотъ и сѣти мои готовы.

ПАША. Стой-ка! Про горе ты сказывалъ. А скажи, дѣдушка, какъ сдѣлать, чтобъ легче стало?

ПРОВЪ. Сердца своего слушай. Какъ тебѣ Господь на душу положитъ, такою и будь.

ПАША. А мать учила—разумомъ, говоритъ, больше живи.

ПРОВЪ. Знаю, про что ты, хозяюшка, про горе какое и все... И вотъ тебѣ сказъ мой, коли слушать меня въ такихъ дѣлахъ вздумала. Хитрымъ разумомъ въ иномъ дѣлѣ только напортишь, коль дѣло-то не разумомъ однимъ, а и душою живетъ. Правда всегда перетянетъ, матушка, а если

когда желаннаго и не дастъ, все же худа не сдѣлаетъ. Правда—человѣку береженье. Отъ горя ни она и никто, кромѣ Господа, не оборонитъ; но не то горе, что отъ людей, а то, что отъ себя, матушка. Сама ты права—совѣсть покойна, ничто тебя не сосетъ и не точитъ. А это первѣе всего. Такъ-то! Ну, я пойду теперь. [Уходитъ съ сѣтями черезъ калитку вправо].

ПАША. Помоему дѣдушка разсудилъ. [Задумывается].

ЯВЛЕНІЕ II.

Паша и Андрей [выходитъ изъ дома].

АНДРЕЙ [добродушно]. Что носъ повѣсила?

ПАША. Ахъ ты? [Встаетъ]. Задумалась... такъ про себя...

АНДРЕЙ. Не веселая какая, а? [Садится на скамью подъ деревомъ и указываетъ ей сѣсть рядомъ].

ПАША. Нѣтъ, я ничего, Андрей Филатычъ... О чемъ мнѣ? [Садится]. Все слава Богу.

АНДРЕЙ. Эхъ, Паша!.. Лучше ругай ты меня. Легче! Не вижу развѣ, какъ ты слезы хоронишь? Не гляжу я—горюешь, глянулъ—веселою кажешься. Легко ли тебѣ радость эту казать, когда на сердцѣ... Ну-ка, люба, скажи! [Обнимаетъ ее за плечи].

ПАША [низко опускаетъ голову]. Право же, Андрей Филатычъ...

АНДРЕЙ. Нѣтъ, ты скажи!.. Эхъ, Паша, жаль мнѣ тебя!

ПАША. Вотъ... и спасибо.

АНДРЕЙ. Есть за что!.. Сердце болитъ, какъ посравнишь, поразмыслишь, да... замолчитъ въ тебѣ кипѣнь этотъ. И люба ты мнѣ станешь и жалка! [Кладетъ ея голову себѣ на плечо и ласкаетъ].

ПАША. Развѣ не спасибо за это, Андрюша? [Обнимаетъ и нѣжно цѣлуетъ его]. Милый ты мой!

АНДРЕЙ. А увидишь ту, Феню... [Паша осторожно отстраняется и потупляется опять]. Взглянетъ она этакъ искоса,

усмѣхнется, ну и подымется въ тебѣ, забурлитъ, и самъ ужъ не знаешь: ненавистна-ль она, иль мила, такъ мила, что все за нее, и душу отдать готовъ. [Пауза. Энергично провелъ по лицу рукой]. Инымъ человѣкомъ станешь... смѣется, да дразнитъ какъ слышишь... Эхъ, отлечи меня, Паша, отворожи! Забери ты меня всего, чтобъ только и думы, что ты, чтобъ тебя миловать, да въ твою бы душу глядѣть мнѣ хорошую!

ПАША. Рада бы... да видно... [Плачетъ].

АНДРЕЙ. Что, голубушка, ну?

ПАША [рыдаетъ]. Силъ... моихъ... мало... [Обрываетъ рыданія и быстро отираетъ глаза]. Да обо мнѣ ты не думай, Андрюша [встаетъ], не думай, хорошій мой! Одно только, ради Господа: милый, береги ты себя! Тебѣ-то горше, чѣмъ мнѣ; твою душу на клочья рветъ, мутитъ въ ней, мутитъ... чернѣе омута въ иной часъ она, и на себя ты тогда непохожъ, и ужъ вотъ тогда-то мнѣ тяжко, охъ, какъ тяжко, Андрюша!.. [Обнимаетъ его склоненную голову. Тихо, таинственно]. А ты молись, милый. У Него всего много. И силъ, и спокойствія дастъ, только молись.

ЯВЛЕНІЕ III.

Паша вначалѣ, Андрей, Феня и Любавинъ.

ФЕНЯ [у забора]. То ли дѣло, какъ мужъ съ женою да ладно живутъ! [Андрей встаетъ. Паша торопливо идетъ къ дому]. Паша, здравствуй!

ПАША [обертывается въ дверяхъ]. Здравствуй, Феня! [Уходитъ].

ФЕНЯ. Было въ гости къ вамъ шла... [Входящему Любавину]. Ну, птенчикъ, Григорія Петровича видѣли?

ЛЮБАВИНЪ. Нѣтъ-съ.

АНДРЕЙ [стоя у забора]. Милости просимъ, Федосья Игнатьевна, коли вспомнили насъ. [Отворяетъ ей калитку].

ФЕНЯ. Успѣется. [Отходитъ. Андрей захлопываетъ калитку и уходитъ въ домъ]. Ну, птенчикъ, нынче совсѣмъ вы кислятина. [Садится на жерновъ].

ЛЮБАВИНЪ. Маменька...

ФЕНЯ. То-то «маменька!» Намедни маменька ваша того наболтала у насъ, что будь она чуточку поумнѣе—досталось бы ей отъ меня. Все за васъ, птенчикъ вы неразумный. А я чѣмъ виновата, что неразумный-то вы?

ЛЮБАВИНЪ. Я... я несчастный, Федосья Игнатьевна, ужъ такой-то несчастный, что другого, какъ я, и на свѣтѣ нѣтъ. Казначей, Иванъ Павлычъ, вчера-сь призвалъ, пудрилъ-пудрилъ!.. Тутъ маменька... настоящій она коршунъ, такъ вотъ и вьется вокругъ тебя, съ глазъ не спускаетъ... Архипъ вашъ, и тотъ... Пошелъ было я къ вамъ... Прямо-то не смѣлъ, въ садъ черезъ заборъ лѣзу, думаю — гуляете вы, такъ хоть-бы глазкомъ... Только перелѣзъ, а Архипъ какъ изъ земли выросъ. «Ты зачѣмъ? кричитъ. — Отъ матери твоей знаешь, какой приказъ? Какъ явился, сейчасъ-те за шиворотъ, да крапивой»... Что-жъ это, Господи! Да все бы еще ничего. А то хуже-съ. Когда-бишь?.. Ну да, въ среду... повезли меня, Федосья Игнатьевна, въ городъ, къ отцу-протопопу Анципетрову...

ФЕНЯ. Что за бѣда?

ЛЮБАВИНЪ. Ахъ! у него дочь...

ФЕНЯ. Хорошенькая?

ЛЮБАВИНЪ. Хмъ... хорошенькая только одна-съ... только вы-съ...

ФЕНЯ. А поповна?

ЛЮБАВИНЪ. Полнолуніе въ календаряхъ изображаютъ какъ, знаете? Ну такъ вотъ-съ. И все-то она ѣстъ, только и дѣла, что ѣстъ. Посадили насъ рядомъ, разговаривать оставили вдвоемъ... Она мнѣ стручья гороховые вывалила изъ кармана—ѣшьте, говоритъ, а сама хряпъ-хряпъ! «Вѣдь вы, говоритъ, мой женихъ», и придвигается. Палитъ отъ нея, точно отъ печки. Я—дралка́. Только въ дверь, а маменька: «ку-да?» Повернула, да назадъ [дополняетъ жестомъ]. А тетеха Анципетрова [жеманно]: «какой вы, говоритъ, конфузливый!», и придвигается. Боже мой! Озлился я тутъ.

Увезли. Дорогою маменька и объявляетъ, что черезъ недѣлю наша свадьба... Такъ вотъ-съ... [Становится на колѣни и плачетъ]. Прощайте, Федосья Игнатьевна, прощайте-съ!..

АНДРЕЙ [выходитъ изъ дома и останавливается у крыльца; про себя]. Комедія!

ФЕНЯ. У, срамъ какой! [Кладетъ голову Любавина себѣ на колѣни и гладитъ, какъ ребенка]. Перестаньте, полно же, полно!..

ЛЮБАВИНЪ [съ рыданіемъ]. Да вѣдь я... не дамся... Они— какъ хотятъ, а я... Прощайте! [Цѣлуетъ ея руки, захлебываясь отъ слезъ].

АНДРЕЙ [выходитъ изъ калитки]. Тихонъ Степанычъ, васъ маменька ищетъ.

ЛЮБАВИНЪ [вскакиваетъ въ испугѣ]. Мам... Гдѣ? гдѣ она? [Бѣжитъ вправо]. Скажите—не видѣли, не былъ я здѣсь, никто меня не видалъ! [Убѣгаетъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Феня, Андрей [вначалѣ] и потомъ **Волжинъ.**

АНДРЕЙ. Ну, зачѣмъ мучаешь малаго, вѣдь не любишь!

ФЕНЯ. А если люблю?

АНДРЕЙ. Ты-то? Никого ты не любишь, не таковская, а играешь ты, Федосья Игнатьевна, тѣшишься. Любо тебѣ людей мутить, да дураковъ строить!

ФЕНЯ. Любо.

АНДРЕЙ. То-то. Да не ожгись, смотри!

ФЕНЯ. Не о тебя-ль? ха-ха-ха!

АНДРЕЙ. Ладно! Мы тоже зрячіе. [Мрачно взглянулъ на Феню и уходитъ вправо].

ФЕНЯ. Что-жъ это, ни матери, ни Паши... [Встаетъ]. Попрятались! [Идетъ къ калиткѣ. Слѣва входитъ Волжинъ съ папкою въ рукѣ]. Григорій Петровичъ, гдѣ были?

ВОЛЖИНЪ. На томъ берегу, возлѣ кургана.

ФЕНЯ. Рисовали?

ВОЛЖИНЪ. Набросалъ кое-что. Оттуда видъ не дуренъ.

ФЕНЯ. Покажите-ка! [Сама беретъ у него папку, раскрываетъ и смотритъ рисунокъ]. Ахъ, мельница наша! Какъ хорошо!.. Вотъ Андрея Филатыча домъ, кузница... Похоже. [Бойко и кокетливо]. Нарисуйте меня, Григорій Петровичъ, такъ, чтобы я, какъ живая, глядѣла. Хотите? [Отдаетъ папку].

ВОЛЖИНЪ. Я портретовъ не пишу.

ФЕНЯ. А какъ же я у васъ видѣла разныя лица нарисованы,—мужчины и женщины?

ВОЛЖИНЪ. То этюды!

ФЕНЯ. Ну, вотъ такъ и нарисуйте.

ВОЛЖИНЪ. Вы не подходите. Для этюда художникъ беретъ такія лица, въ которыхъ есть что-нибудь привлекательное, вѣрнѣе, характеристичное.

ФЕНЯ. Кому что̀ нравится, конечно! Да и зрячимъ не всякій бываетъ, ха-ха! Ну, мельничиху нашу нарисуйте. Красавица!

ВОЛЖИНЪ. Не красавица, но лицо у нея славное. Цвѣта хороши. Линіи рта даже изящны.

ФЕНЯ. У меня хуже?

ВОЛЖИНЪ. Не вглядѣлся. Вообще, мельничиха довольно типична и особенно, когда грустна. Брови тогда у нея очень выразительны и складочка на лбу ложится—прелесть!

ФЕНЯ. А когда она нюни распуститъ, не видали? Вотъ полюбуйтесь! Тогда ужъ прямо ее на картину.

ВОЛЖИНЪ. А вы никогда не плачете?

ФЕНЯ. Конечно, никогда.

ВОЛЖИНЪ. То-то у васъ такой сухой блескъ въ глазахъ.

ФЕНЯ. Не хорошо?

ВОЛЖИНЪ [съ улыбкой]. «Кому что̀ нравится». [Идетъ вправо].

ФЕНЯ. Куда же вы?

ВОЛЖИНЪ. А вонъ Провъ съ бреднемъ меня дожидается. Хотимъ рыбу ловить. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ. V.

Феня и Паша.

ФЕНЯ. Злитъ! И на него, и на себя досадно.

ПАША [выходя изъ калитки]. А я думала—къ намъ зайдешь, Феня. И мать дожидаетъ.

ФЕНЯ. Ужъ не рады-ль мнѣ будете? Такъ-ли-сякъ, шла было, да Григорій Петровичъ заговорилъ. [Оглядывается на прудъ вправо]. Вонъ они, рыболовы!

ПАША. Хорошій какой этотъ Григорій Петровичъ!

ФЕНЯ [беретъ ее подъ руку]. Чудной онъ, Паша. Заглядится на прудъ, на деревья, на то, какъ тростникъ вѣтеръ качаетъ, гуси плывутъ какъ, и лицо станетъ у него доброе, взглядъ ласковый, улыбается, словно близкаго человѣка завидѣлъ.

ПАША. Да, онъ добрый.

ФЕНЯ [досадливо]. Только ни до кого ему дѣла нѣтъ. На тебя смотритъ, съ тобой говоритъ, а замѣтно, что дума совсѣмъ о другомъ, да и видитъ-то онъ тебя будто не видитъ.

ПАША. Что мудренаго! Не такихъ, какъ мы, видывалъ. Въ насъ, поди, и замѣтнаго для него нѣтъ ничего.

ФЕНЯ. Ой-ли! Мельничиха говоритъ, такая у васъ раскрасавица, хоть [illegible]

ПАША. Ну-у... [illegible] сядь-ся какое дѣло

[illegible]

Феня [illegible]

ФЕНЯ [illegible]

АНДРЕЙ. Чего она? Иль поссорились?

ПАША. Нѣтъ. Такъ вспыхнула, досадуетъ.

АНДРЕЙ. На кого?

ПАША. Да на Волжина, Григорія Петровича.

АНДРЕЙ. Ну?

ПАША [съ улыбкою]. Не дивимъ мы его. Сказала ей: ему, молъ, въ насъ и примѣтить нечего—вспыхнула.

АНДРЕЙ [значительно сдвинувъ брови]. Отъ этого. Гмъ!

ПАША [робко]. Да вѣдь къ слову пришлось про Волжина-то, Андрей Филатычъ. Она и прежде была неспокойна.

АНДРЕЙ. Будетъ!

ПАША. На нее какъ найдетъ, самъ знаешь... [Застѣнчиво]. Опять же, насъ вмѣстѣ видѣла... приласкалъ ты...

АНДРЕЙ [съ горечью]. Нужны мы ей, какъ же! [Паша испуганно смотритъ на мужа]. Нѣтъ, Прасковья, у меня пелена съ глазъ спадать стала. Видѣлъ я вчера-сь, какъ Федосья Игнатьевна господина Волжина въ лодкѣ катала, сама гребла. Взмахнетъ веслами — грудь на выкатѣ, сама извивается, брызгами его обдаетъ, смѣется... Пѣсню потомъ затянула. И пѣла-жъ! По водѣ понеслось, въ лѣсу откликалось, въ тростникахъ замирало, заслушаться надо! А выплыли на стремнину, какъ вскочитъ, да ну лодку качать! «Утоплю,— кричитъ. — Что, боитесь?! Бойтесь меня, Григорій Петровичъ, я страшная»!—Это что-жъ будетъ такое, а?... Нѣтъ, Паша, у меня на эти дѣла глазъ зорокъ. [Отходитъ и смотритъ на прудъ].

ПАША [про себя]. Господи, опять бѣда!.. Какъ говорилъ-то! [Печальная тихо идетъ къ калиткѣ].

АНДРЕЙ. Паша!

ПАША [останавливаясь]. А?

АНДРЕЙ. Волжинъ съ Провомъ сюда гребутъ. Чай пить позову. Накрой-ка въ саду. Федосья у матери?

ПАША. Къ ней пошла.

АНДРЕЙ. Ну, такъ живѣе. [Паша уходитъ въ домъ]. Сюда гребите, ко мнѣ! Берегъ крѣпкій, не вязко.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Андрей, Волжинъ и Провъ [подъѣзжаютъ въ лодкѣ]. Паша и Иванъ Хохуля.

АНДРЕЙ. Накатались? [Киваетъ на бредень на лодкѣ]. Иль рыбу ловили?

ВОЛЖИНЪ. Нѣтъ, Прова разсказы слушалъ.

[Андрей помогаетъ Волжину выйти на берегъ. Паша выходитъ изъ дома съ чайнымъ приборомъ на подносѣ и скатертью. За нею Хохуля несетъ самоваръ].

ПАША. Пособи-ка, Иванъ. Такъ. Стульевъ изъ горницы вынеси. [Приготовляетъ чай. Хохуля уходитъ въ домъ].

АНДРЕЙ. Старикъ у насъ мастеръ разсказывать. Милости просимъ, Григорій Петровичъ, чайку попить съ нами. А ты, Провъ, погляди-ка на мельницѣ. Виногробскіе, видѣлъ я, возы подвезли.

ПРОВЪ. Пойду, батюшка. [Привязавъ лодку, уходитъ].

АНДРЕЙ. Мужитъ добрый. Про что-жъ онъ вамъ?

ВОЛЖИНЪ. Все про курганъ.

АНДРЕЙ. Вонъ энтотъ? [Указываетъ черезъ прутъ влѣво]. Костянымъ называется. Каждый годъ изъ него по овражкамъ страсть костей вымываетъ. Просимъ покорно! [Идутъ съ Волжинымъ къ калиткѣ]. Сѣча въ татарщину была тутъ великая. [Пропускаетъ Волжина въ калитку]. Пожалуйте! По веснѣ нонче кувшинчикъ съ монетками вымыло, да копье мурзамецкое.

ПАША [на поклонъ Волжина]. Здраствуйте, Григорій Петровичъ!

АНДРЕЙ [Ивану, выносящему стулья]. А Федосья Игнатьевна? Проси чай, молъ, кушать. И матушку зови. [Иванъ уходитъ. Подавая Волжину стулъ]. Просимъ покорно. [Пашѣ]. Искрестилъ баринъ нашъ прудъ вдоль и поперекъ, всѣ мѣста, чай, спозналъ. Вчера-сь съ маіоршею... [Волжину], то бишь, тетенькой вашей... кататься изволили?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Андрей, Волжинъ, Паша, Феня и Авдотья Ивановна.

ФЕНЯ [въ дверяхъ, съ распущенными волосами]. Каталась. Глядите, какова! [Встряхиваетъ головой]. Точно русалка.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [входитъ]. Велѣла мнѣ, старухѣ, волосы себѣ расчесывать, хе-хе! [Волжину]. Здравствуйте, баринъ! — Сызмальства это любила. Нѣтъ-нѣтъ, да скажетъ, бывало: ну-ка, мать, возьми гребень, побалуй. [Обѣ садятся къ столу. Феня рядомъ съ Волжинымъ. Паша проворно наливаетъ и подаетъ чай].

АНДРЕЙ. Такъ-то пригляднѣе будетъ.

ФЕНЯ [Волжину]. На русалку похожа?

ВОЛЖИНЪ [улыбаясь]. Не совсѣмъ.

ФЕНЯ. А какія же русалки бываютъ?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. И, матушка, кто ихъ видалъ!

ФЕНЯ. Да Григорій Петровичъ первый тебѣ. Говоритъ, я не похожа, значитъ, настоящихъ видалъ.

ВОЛЖИНЪ [разсѣянно слушавшій, вынимаетъ сигару]. Курить позволяется?

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА. Кури батюшка, кури. Мы не старой вѣры. [Волжинъ закуриваетъ].

АНДРЕЙ. Ха! [Волжину]. Только было Федосья Игнатьевна разошлась, про русалокъ вамъ, пригожа-ль такъ, а вы... ха-ха! о табакѣ!

ПАША [робко] Между рѣчью-то отчего-жъ? [Андрей сурово взглянулъ на жену].

ФЕНЯ [Пашѣ]. Заступка не къ мѣсту, что въ косу дурманъ.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [съ ироніей]. Да тебѣ, матушка, въ косу теперь ничего не воткнешь: расплетенная, хе-хе-хе!

АНДРЕЙ [съ ироніей]. Что-жъ, и отъ ума, матушка, обмолвка случается. На-ка, Паша, налей! Григорій Петровичъ, сливочекъ не угодно ли? Федосья Игнатьевна... Просимъ покорно! Въ старину разсказывали, когда русалки эти во-

дились, сидятъ въ тростникахъ онѣ, волосы зеленые чешутъ, на мѣсяцъ глядятъ, пѣсни поютъ заунывныя, да молодца, что пройдетъ иль поѣдетъ, къ себѣ поджидаютъ. А завидѣли — хохотъ, игра пойдетъ у нихъ, плещутся, зовутъ молодца къ себѣ въ рѣку идти. Тѣломъ что молоко бѣлы, изумрудами очи горятъ, красивы на диво! А не стерпитъ молодецъ, кинется,—ко дну, какъ топоръ, пойдетъ. Больше не надобенъ. Вотъ каковы эти русалки, Федосья Игнатьевна, были. Можетъ и нонѣ между насъ онѣ водятся, не въ водѣ живутъ только. Знавали такихъ-то, Григорій Петровичъ? [Выразительно взглянулъ на Феню и пьетъ чай].

волжинъ. Да или нѣтъ—не интересно. А за разсказъ спасибо. Хорошъ.

феня [смотритъ передъ собою, облокотившись на руки]. Хорошъ да не полонъ. Про то, какъ цѣлуютъ, милуютъ русалки молодца—умолчалъ Андрей Филатычъ. А затѣмъ онъ имъ, молодецъ этотъ, и надобенъ.

андрей [вспыхнулъ, но сдержался]. Такъ и знать будемъ.

авдотья ивановна [значительно]. Отъ лишняго знатья разумомъ будешь богаче, Андрей Филатычъ.

паша [съ мольбой и укоромъ]. Маменька!

волжинъ [съ недоумѣніемъ]. Странно, господа, почему этотъ разговоръ о русалкахъ повліялъ на васъ какъ-то... особенно?

андрей [злобно взглянувъ на Феню]. И вамъ, Григорій Петровичъ, слово въ немъ выпало, хорошее, да вы не примѣтили, иль примѣтить не захотѣли. А вѣдь это обида.

волжинъ. Кому? Что вы! Вотъ ужъ далекъ отъ всякой обиды!

паша [подавая ему чай, ласково]. И, полноте, шутки все. Шутитъ Андрей Филатычъ.

андрей. Шучу я, Федосья Игнатьевна?

феня [кусая губы, гнѣвно]. Вздоръ мелешь! [Сильнымъ движеніемъ руки отбрасываетъ волосы назадъ, проворно собираетъ ихъ и закалываетъ въ косу].

андрей. Ха-ха! и русалкой вамъ быть не охота больше!

ПАША [въ смущеніи наклоняется къ мужу]. Перестань, Андрюша.

АНДРЕЙ [досадливо]. Постой! [Фенѣ]. Волосы-то скрутили. И зачѣмъ, если не требуется, хе-хе! Не *къ мѣсту* если!

ФЕНЯ [поблѣднѣла и встала]. Андрей!

ВОЛЖИНЪ [вставая, Фенѣ]. Что съ вами?

ФЕНЯ. Оставьте. [Отходитъ. Андрею]. Къ мѣсту, или не къ мѣсту — не твоего ума дѣло.

АДНРЕЙ. Моего вышло, коль вашу честь съ мѣста подняло.

ФЕНЯ. Каковъ бы онъ ни былъ тамъ, умъ-то твой, все-же выше головы своей ты не прыгнешь, дальше круга своего не заѣдешь. Твое — все тутъ! [Киваетъ на Пашу, робко опустившую голову]. И больше тебѣ взять нечего. Вотъ какъ: еслибъ въ тебѣ демонъ сидѣлъ, такъ и тотъ объ меня рога обломаетъ.

АНДРЕЙ. Та-акъ-съ! [Порывисто всталъ и шагнулъ къ Фенѣ. Паша въ испугѣ схватываетъ его за руку. Онъ такъ тряхнулъ ею, что Паша падаетъ].

ПАША. Ой!

ВОЛЖИНЪ [бросается къ ней и заботливо помогаетъ ей встать]. Ушиблись?.. Больно?..

ПАША [оправляется]. Нѣтъ... Я сама... оступилась... Ничего.

АВДОТЬЯ ИВАНОВНА [подходя къ Пашѣ, Андрею]. Звѣрь!

ФЕНЯ. Ха-ха-ха! Поди, вонъ жерновъ подъ дубомъ лежитъ, свороти его, а жена вѣдь хрупка. Ха-ха-ха! Григорій Петровичъ, пойдемте отсюда по добру по здорову, а то здѣсь колья изъ забора повылетятъ, черепки зазвенятъ, кости трещать начнутъ! Какъ расходится Андрей Филатычъ-Бова, всѣ лягушки въ болотѣ со страху попрячутся. Ха-ха-ха!

[Уходитъ черезъ калитку. За нею слѣдуетъ Волжинъ. Андрей, сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, смотритъ на уходящихъ. Авдотья Ивановна около Паши, которая горько плачетъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена: комната второго акта, но приспособленная къ помѣщенію Волжина. Теперь въ ней спальный диванъ, ломберный столъ, замѣняющій туалетный и письменный. Возлѣ, на стулѣ, закрытая полотномъ картина. По положенію вещей Волжина видно, что онъ собирается въ дорогу.

ЯВЛЕНІЕ I.

Волжинъ [затягиваетъ ремни сакъ-вояжа] и Архипъ.

АРХИПЪ. Дайте, сударь, я помогу-съ! Сами безпокоиться изволите.

ВОЛЖИНЪ. Спасибо! Я всегда самъ.

АРХИПЪ. А то позвольте. Ужъ если «маіоршѣ» служимъ такъ вамъ, барину природному, и Богъ велѣлъ. [Молчаніе]. Григорій Петровичъ!

ВОЛЖИНЪ. Что, милый?

АРХИПЪ. Какъ полагаете, кто такая наша «маіорша» будетъ?

ВОЛЖИНЪ. Какъ «кто!» Дядина жена, конечно.

АРХИПЪ. Жена!.. Жена-то она жена, да что она за птица-съ?

ВОЛЖИНЪ [затянулъ сакъ и отодвигаетъ его къ сторонѣ]. Это меня не касается и ты отлично сдѣлаешь, братецъ, если птицъ оставишь въ покоѣ.

АРХИПЪ [ворчливо, про себя]. Ни пава она, ни ворона. [Молчаніе. Волжинъ кое-что перебираетъ на столѣ]. Григорій Петровичъ!

ВОЛЖИНЪ. Что?

АРХИПЪ. Вы дяденьку своего любите?

ВОЛЖИНЪ. Люблю.

АРХИПЪ. И жалѣете?

ВОЛЖИНЪ. Положимъ. Что же дальше?

АРХИПЪ. Какъ повашему — на человѣка онъ тепереча походить, какъ быть должно?

ВОЛЖИНЪ [съ усмѣшкою]. На кого же потвоему?

АРХИПЪ. Да на ту вотъ самую «грымзу», н-да! И всему этому «маіорша» причиной.

ВОЛЖИНЪ. Ха-ха-ха! Ты, Архипъ, врешь жестоко. Нехорошо, любезный.

АРХИПЪ. Да ужъ вѣрно-съ. Спервоначала онъ все еще индюкомъ около нея обхаживалъ, — нѣтъ, нѣтъ, да крылья распуститъ... [Подражаетъ индюку, когда тотъ шуршитъ распущенными до земли крыльями] чукъ! фррръ!.. Ну, и расхорохорится, бывало. А теперь — ни гу-гу! Тьфу! А на меня рычитъ, злющій сталъ, у-у-у! [Молчаніе]. Григорій Петровичъ, нонче вы отъ насъ ѣдете. Увезите насъ съ собою-съ.

ВОЛЖИНЪ. Васъ? ха-ха-ха! Что ты Архипъ!

АРХИПЪ. Сказано: «бѣгай злаго». А «маіорша» пусть себѣ въ одиночку куражится...

ФЕНЯ [за сценой]. Архипъ!

АРХИПЪ [съежился]. Эхъ! [Проворно приглаживаетъ волосы и оправляется]. Иду-съ! [Убѣгаетъ въ правую дверь].

ВОЛЖИНЪ. Хмъ, оба вы съ дядющкой хороши. Да, «маіорша» ой-ой! Карягинъ не вамъ чета, друзья мои, а какъ она съ нимъ!.. [Подумавъ]. Но во всемъ этомъ драма какая-то кроется. Что-то есть въ воздухѣ, будто передъ грозою...

ЯВЛЕНІЕ II.

Волжинъ и Анна Захаровна.

АННА ЗАХАРОВНА. Здравствуйте-съ!

ВОЛЖИНЪ [удивленно]. Здравствуйте.

АННА ЗАХАРОВНА. Тиши моего здѣсь нѣту?

ВОЛЖИНЪ. Какого Тиши?

АННА ЗАХАРОВНА. Сына моего-съ. Я Тишина мать.

ВОЛЖИНЪ. Извините, я никакого Тиши не знаю... и здѣсь никого посторонняго нѣтъ.

АННА ЗАХАРОВНА [съ плачемъ]. Да гдѣ же онъ, батюшка, гдѣ? Я, Григорій Петровичъ, вашу маменьку знала и васъ самихъ маленькихъ помню... Куда же мой Тиша дѣвался? Прямехонько изъ города я. Привезли ихъ вѣнчать: Тишу и Анципетрову, отца протопопа дочь... Народу полна церковь. Только къ аналою-то ихъ подвели, а онъ, Тиша то мой, шаферу своему... ихній же, казначейскій: «Голубчикъ, говоритъ, ради Христа, стань вмѣсто меня»... Господи! Становиха Перевертайлова все мнѣ это разсказывала. «Вертится, говоритъ, мечется—срамъ глядѣть»! Казначей Иванъ Павлычъ, дай ему Богъ царствіе небес... тьфу! то-бишь доброе здравіе... ужъ пригрозилъ. Начали вѣнчать. Только начали, а онъ, сударь мой, какъ ахнетъ изъ церкви-то, какъ дастъ стрекача!.. «Держи! держи!» Куда-те,—и слѣдъ простылъ!.. Осрамилъ онъ меня, въ конецъ осрамилъ!.. [Плачетъ, закрывъ глаза платкомъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Волжинъ, Анна Захаровна и Териховъ.

ТЕРИХОВЪ [входя]. Вы зачѣмъ-съ?

АННА ЗАХАРОВНА. Батюшка, Максимъ Гаврилычъ, Тиша мой изъ-подъ вѣнца убѣжалъ!..

ТЕРИХОВЪ. Ни до васъ, ни до Тиши никакого мнѣ дѣла нѣтъ-съ. Какъ вы осмѣлились!..

АННА ЗАХАРОВНА. Я мать! Пропалъ вѣдь онъ, батюшка, искали, искали...

ТЕРИХОВЪ. Опять свое! [Наступаетъ]. Да какъ вы смѣли носъ сюда показать!..

ВОЛЖИНЪ [удерживая его]. Дядя, дядя, что вы!

ТЕРИХОВЪ. Да знаешь ты, кто она, эта женщина, знаешь?

ВОЛЖИНЪ. Не знаю. Но какъ же можно...

ТЕРИХОВЪ. Нѣтъ, позволь! Она сплетница, колотырка! У нея на языкѣ шило наточишь!

АННА ЗАХАРОВНА [грубо]. Что-жъ языкъ мой—брусокъ что ли по вашему?

ТЕРИХОВЪ. Вонъ! сейчасъ... или я... [Наступаетъ].

ВОЛЖИНЪ [опять удерживаетъ]. Дядя, да полно вамъ!

АННА ЗАХАРОВНА. Хорошо, когда такъ! Только-бъ мнѣ Тишу найти... Ужъ будутъ у тебя дегтемъ ворота вымазаны!

ТЕРИХОВЪ [рванулся]. Ахъ ты!..

АННА ЗАХАРОВНА [вылетая въ заднюю дверь]. Будутъ, будутъ! Провалиться, если не вымажу!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Волжинъ и Териховъ.

ТЕРИХОВЪ [въ изнеможеніи опускается на диванъ]. Охъ, проклятая!

ВОЛЖИНЪ. Какъ можно такъ выходить изъ себя! Успокойтесь пожалуйста. Не дать ли вамъ чего-нибудь... хоть воды съ сахаромъ?..

ТЕРИХОВЪ. Воды съ сахаромъ! Какая тутъ, другъ мой, вода съ сахаромъ... эхъ!.. «Дуракъ ты, дядя,—думаешь—дуракъ!» Правда, Гриша?

ВОЛЖИНЪ. Вздоръ какой!

ТЕРИХОВЪ. Нѣтъ, вѣрно. Я самъ себѣ опостылѣлъ, Ты Архипа спроси... [Волжинъ отвертывается, чтобы скрыть улыбку] Эта бестія въ глаза мнѣ такія истины высказываетъ... Да я самъ, самъ чувствую... А ты, мой милый, рѣшительно ѣдешь сегодня?

ВОЛЖИНЪ. Да, дядя.

ТЕРИХОВЪ. Экій ты, чтобы еще погостить!.. Да нѣтъ, я знаю—тебѣ не нравится... тебѣ все здѣсь не нравится.

ВОЛЖИНЪ. Что скажете! Ужъ это совсѣмъ нехорошо, дядя,

ТЕРИХОВЪ. Послушай, а .. а Феня?

ВОЛЖИНЪ. Что?

ТЕРИХОВЪ. Ну, какъ... какъ она... какова?.. и... и... словомъ, что ты про нее скажешь?

ВОЛЖИНЪ. Кромѣ хорошаго ничего.

ТЕРИХОВЪ [тяжело вздохнувъ]. Эхъ, Гришуха!.. [Всталъ, обнялъ Волжина одною рукою, хотѣлъ что-то сказать, но всхлипнулъ и поспѣшно утеръ рукавомъ слезу]. Пойдемъ! Отъ матери твоей кой-какія бумаги остались. Возьми. Волосики твои берегла покойница, какъ ленъ бѣленькіе, каракульки твои—все цѣло. Пойдемъ. [Обнявшись, идетъ съ нимъ къ лѣвой двери, но задерживается]. Гриша! когда умирать стану, позову тебя, не откажи...

ВОЛЖИНЪ. Ахъ, дядя, что вы говорите сегодня!

ТЕРИХОВЪ. Не за горами другъ, близко! [Уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Феня и Сладневъ.

ФЕНЯ [тихо входитъ справа и озирается]. Собрался. [Подходитъ къ картинѣ, задумчиво откинула полотно, взглянула; опустивъ полотно, ходитъ]. Уѣзжай, уѣзжай... [садится и задумывается].

СЛАДНЕВЪ [входитъ изъ задней двери]. Ma belle! [Цѣлуетъ ея ручки]. Что можетъ быть пріятнѣе, если сразу найдешь, кого ищешь! Ѣду сюда—думаю о васъ. Вхожу—вы первая...

ФЕНЯ [прерываетъ]. А что, если намъ взять, да въ Москву прокатиться, Сергѣй Дмитричъ?

СЛАДНЕВЪ [озадаченъ]. Въ Москву!.. А чтобы вы думали, вотъ мысль! [Прищелкнувъ пальцами] вотъ блестящая мысль Знаете-ли, я просто въ восторгѣ.

ФЕНЯ. Очень рада.

СЛАДНЕВЪ. Да, да!..

«Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
«Для сердца русскаго слилось!»

Возьмите—эта, эта маститая старина соборовъ. Какія воспоминанія! Тутъ Василій Блаженный. Что за главы, что за поразительныя главы! Спасскія ворота, въ которыя нѣкогда въѣзжалъ Пожарскій и на которыхъ премило играютъ куранты. И какъ разъ—Лобное мѣсто, гдѣ рубили, рубили и

рубили! Тамъ сундучный рядъ, пирожки—объяденіе, и что за квасъ!.. Блескъ и великолѣпіе дворцовъ. Малахитъ, бронзы, мраморы... И вездѣ орлы, на рѣшеткахъ, на башняхъ орлы!.. Видъ на Замоскворѣчье приводитъ въ восторгъ... Тамъ пыхтятъ фабрики, здѣсь свистятъ и снуютъ пароходы. Впрочемъ, это по Невѣ, хе-хе! Но и въ Москвѣ—что-то туэрное... Прелесть, прелесть! Я вамъ все покажу. Театры, музеи, галлереи—все! Я буду вдыхать въ себя ароматъ вашихъ впечатлѣній и... и буду блаженствовать.

ФЕНЯ. Будемъ блаженствовать. Но Максимъ Гаврилычъ надуется.

СЛАДНЕВЪ. Онъ? Пустяки! Ужъ это было бы такъ глупо, такъ глупо!.. Конечно, онъ не понимаетъ. Между нами, онъ-таки порядочный пентюхъ.

ФЕНЯ. Вотъ какъ! А еще другомъ его называетесь.

СЛАДНЕВЪ. Ну да, я другъ, конечно, но что онъ не умѣетъ цѣнить, не можетъ возвыситься до... до того отношенія къ обожаемому существу, какъ nous autres, которые *умѣли* служить, такъ это я въ глаза ему говорю. О, мы... мы умѣли! Однако, пора. Я Максиму Гаврилычу скажу, и все будетъ устроено. Будьте покойны. Je connais le mot [цѣлуетъ ея руку] и все устроиться, какъ нельзя лучше.

ФЕНЯ. Куда же вы торопитесь?

СЛАДНЕВЪ. А-а... знаете ли, хлопоты по части финансовъ, сборы и все... Съ женщинами объ этомъ не говорятъ, нѣтъ, нѣтъ! И, если женщины стали такъ матеріальны, что даже самому Купидону вручили счеты и записную книжку... бѣдный божокъ!.. то въ этомъ виноваты мы сами и вѣкъ нашъ, грубый, отвратительный вѣкъ желѣза, крови и денегъ. Но я ухожу. [Въ сторону]. Махну къ Карягину.

ФЕНЯ. Постойте! Я, можетъ, еще не поѣду.

СЛАДНЕВЪ. Какъ такъ?

ФЕНЯ. Да право! Капризна я стала, какъ ребенокъ больной.

СЛАДНЕВЪ. О-о, прелестная моя! Какъ это дивно идетъ къ женщинѣ! [Цѣлуетъ ея ручки]. Очаровательно!.. Въ такомъ

случаѣ, поѣдемъ хоть изъ каприза, но только поѣдемъ. C'est fini! [Быстро идетъ къ двери и грузно наталкивается на входящаго Волжина]. Ахъ!.. pardon, cher ami!.. Какая неловкость, Боже мой! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Феня и Волжинъ.

ФЕНЯ. Уѣзжаете?

ВОЛЖИНЪ. Да.

ФЕНЯ. Скучно у насъ?

ВОЛЖИНЪ Я нигдѣ не скучаю.

ФЕНЯ. И всегда вы такой... со всѣми?

ВОЛЖИНЪ. Какой?

ФЕНЯ. Ну вотъ такой... словно одни вы и нѣтъ около васъ никого.

ВОЛЖИНЪ. А искусство?

ФЕНЯ. Полотно-то, да краски ваши?

ВОЛЖИНЪ. Не полотно и краски, а это нѣчто такое, чему всю душу надо отдать, Федосья Игнатьевна. Художникъ живетъ всѣмъ, что проникаетъ въ нее, но не можетъ предаться одному, женщинѣ, напримѣръ, будь она само совершенство. Поэтому правда, что художникъ одинокъ и что будто «около меня нѣтъ никого». Такъ и быть должно.

ФЕНЯ [встряхнувъ головою]. Не надо же! [Рѣзко]. Уѣзжайте, когда такъ. Никто не заплачетъ. Уѣзжайте! [Быстро уходитъ].

ВОЛЖИНЪ. Смѣшная! Красива у нея эта смѣна выраженій: то свѣтъ, то тѣни; то сверкнутъ глаза, то смѣются и дразнятъ, то разомъ потухнутъ, будто вся жизнь въ ней отхлынетъ глубоко, глубоко, и тамъ притаится. Для портрета оригиналъ самый неудобный. [Взявъ со стула картину и папку съ рисунками, уходитъ въ заднюю дверь].

ФЕНЯ [входитъ]. Что мнѣ въ немъ? Пусть себѣ ѣдетъ... залетный!.. Какъ онъ сказалъ-то? Увидалъ человѣка — и мимо... На минутку занятенъ, а тамъ другіе, еще и еще...

Точно облако за облакомъ мимо по вѣтру, а онъ будетъ только посматривать, весь въ себѣ, никому ничего... Эка цаца, сокровище какое! Злость разбираетъ. Охъ, ужъ и замутила бы! Такъ бы замутила, чтобъ въ душу ему ясную тучу вогнать, чтобъ почернѣло въ ней, да молоньей по сердцу жгло, жгло!.. Тогда носъ бы повѣсилъ! А повѣсилъ— не нуженъ, самъ мимо иди, а ужъ я буду посматривать.

ВОЛЖИНЪ [входитъ и собираетъ всѣ остальныя вещи].

ФЕНЯ [глухо]. Вы въ Москву?

ВОЛЖИНЪ. Да.

ФЕНЯ. Жить тамъ будете?

ВОЛЖИНЪ. Первое время тамъ.

ФЕНЯ. Тамъ. А-а... [отвертывается] если я пріѣду, рады мнѣ будете? [Молчаніе. Быстро повертывается къ нему и почти прикрикиваетъ]. Говорите же: рады иль нѣтъ?.. Наказанье!

ВОЛЖИНЪ. Отчего же... Но зачѣмъ вамъ въ Москву?

ФЕНЯ. «Отчего же», «зачѣмъ»!.. Вотъ что: хорошо, что картину вашу убрали, не то — быть бы ей въ клочкахъ. [Отходитъ къ двери].

ВОЛЖИНЪ. Вотъ это прекрасно!

ФЕНЯ. Глупо, еще какъ глупо-то! [Хотѣла уйти, но задерживается, не оставляя двери]. Такъ я же пріѣду... [Громко]. Слышите вы?

ВОЛЖИНЪ. Пріѣзжайте.

ФЕНЯ. Хоть для того...

ВОЛЖИНЪ [съ улыбкой]. Чтобъ изорвать картину?

ФЕНЯ. Да перестаньте меня бѣсить!.. Эхъ!.. [Безпомощно опускаетъ руки и голову]. Развѣ-жъ не видите?.. Подите сюда. [Волжинъ подходитъ]. Глядите мнѣ въ глаза, въ глаза!.. [Беретъ его руку, мнетъ, закусивъ губы, въ своихъ рукахъ и отбрасываетъ]. Нѣтъ!.. А я все-таки пріѣду. [Быстро уходитъ].

ВОЛЖИНЪ [стоитъ молча подъ глубокимъ впечатлѣніемъ]. Нѣтъ, отъ тебя подальше. Опасна!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Волжинъ, Архипъ, Териховъ и Феня.

АРХИПЪ [входитъ]. Лошади готовы, сударь.

ВОЛЖИНЪ. Вотъ и отлично. [Надѣваетъ черезъ плечо сумку]. Забери-ка, голубчикъ, вотъ это. [Архипъ, забравъ сакъ и свертокъ въ ремняхъ, уходитъ]. Кажется, все. [Осматривается].

ТЕРИХОВЪ [входитъ изъ лѣвой двери]. Совсѣмъ?

ВОЛЖИНЪ. Готовъ, дядя. Прощайте, милый! [Обнимаются]. Желаю вамъ всего, всего хорошаго.

ТЕРИХОВЪ И ты... будь счастливъ, здоровъ... А Феня? Простился? [Зоветъ]. Феня!

ФЕНЯ [входитъ изъ правой двери, спокойная, холодная]. Что?

ТЕРИХОВЪ. Уѣзжаетъ нашъ Гриша. Проститься съ тобою...

ВОЛЖИНЪ [пожимая ея руку]. Прощайте, Федосья Игнатьевна.

ФЕНЯ [холодно]. Прощайте.

ТЕРИХОВЪ. Да развѣ такъ? Родной вѣдь... Богъ знаетъ, когда увидитесь.

ФЕНЯ [медленно поворачивая голову къ мужу]. Что же?

ТЕРИХОВЪ. Гриша, ну!.. [Волжинъ въ замѣшательствѣ]. Ахъ, какой ты!.. Феня!

ФЕНЯ [съ усмѣшкой пожимаетъ плечами]. Гмъ!

ВОЛЖИНЪ [поспѣшно цѣлуетъ ея руку]. Прощайте!

ТЕРИХОВЪ. Какой ты не смѣлый! да вы по родственному, поцѣлуйтесь.

ВОЛЖИНЪ [обнимаетъ маіора]. Прощайте, дорогой мой! [Торопливо уходитъ].

ТЕРИХОВЪ [слѣдуя за нимъ]. Чудакъ! [Уходитъ].

ФЕНЯ. Цѣловаться меня заставляетъ... съ нимъ-то! [Мрачно]. Уѣхалъ!.. Опустѣетъ у насъ... А ты живи тутъ... Скука, досада!.. Не стерплю — уѣду и весь сказъ! [Уходитъ направо].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Териховъ и Сладневъ [изъ задней двери].

ТЕРИХОВЪ. Проводилъ, въ Москву проводилъ.

СЛАДНЕВЪ. Ахъ, братецъ, знаешь ли: и мы съ Федосьей Игнатьевной ѣдемъ въ Москву.

ТЕРИХОВЪ. Вы?!.. въ Москву?!. Перекрестись!

СЛАДНЕВЪ. Ну да, да, въ Москву. Что же въ этомъ удивительнаго? Она хочетъ, она давно хотѣла и ты... неужели ты будешь препятствовать? Смѣшно, глупо, нелѣпо, преступно даже!..

ТЕРИХОВЪ. Постой! Трещетка. Откуда ты взялъ Москву, когда я слова отъ Фени не слыхалъ?

СЛАДНЕВЪ. И не услышишь. Совершенно естественно. Какъ ты... какъ ты не хочешь понять, что женщина изъ одной гордости не станетъ говорить о подобномъ, потому что, comprends-tu? для этого нужны, вѣдь, деньги, mon Dieu! Какъ ты до сихъ поръ не постигнешь, что, дѣлая женщинѣ угодное, можно добиться всего? Ты вотъ рядомъ грубыхъ ошибокъ чего добился? Что съ тобою сухи, больше, ха-ха! гораздо больше и... и тебѣ вѣдь скверно, mon cher, очень... *очень* скверно! А кто виноватъ? Ну, эта ревность, подозрительность... вѣдь все это оскорбительно, унизительно... За это — знаешь? — за это вотъ что... [Показываетъ рожки]. И я это понимаю и... и одобряю, мой милый, вполнѣ.

ТЕРИХОВЪ. Что и доказалъ своимъ поведеніемъ относительно жены. Знаемъ!

СЛАДНЕВЪ. Но... но послушай, кто же виноватъ? Если Зоя, когда я былъ вѣренъ, sans tache, если она ревновала меня къ стѣнамъ, къ какой-нибудь Афроськѣ, отъ которой разитъ коровьимъ масломъ и... и...

ТЕРИХОВЪ. Понесъ! Не о томъ разговоръ... Ты сказалъ — въ Москву и съ тобою. Хорошо. Но отчего не со мною?

сладневъ. Ха-ха-ха! отчего не съ нимъ! Это прелестно! И, пожалуй, еще съ Архипомъ? ха-ха-ха!.. [Териховъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе]. Новое недовѣріе — новое оскорбленіе, милый мой. Какъ ты этого не хочешь понять! Pardon, или ты... можетъ быть, ревнуешь *ко мнѣ?*

териховъ. Ну, ты не опасенъ.

сладневъ. Я... я, конечно, но знаешь, что сказалъ Пушкинъ?

Порой... власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

А!.. Наконецъ, опытъ, mon cher, главное—опытъ. [Маіоръ насмѣшливо махаетъ на него рукой]. Но... но я твой другъ, и— c'est tout.

териховъ. Другъ или прелестникъ — мнѣ все равно. Поѣзжайте, если ужъ ей загорѣлось.

сладневъ. «Загорѣлось»! Нѣтъ, извини меня, но ты положительно бурбонъ. Ты знать не хочешь, что такое молодыя силы, какая жажда любознательности и все... Тебѣ нужно, чтобы жена, молодая женщина, торчала при тебѣ, какъ твой Архипъ, чубукъ и я не знаю что!

териховъ [встаетъ]. Э, ничего я не хочу! Поѣзжайте.

сладневъ Да, но... mon cher, на землѣ все такъ глупо устроено, что прежде всего надо схватиться за карманъ и... и если онъ пустъ...

териховъ. Другими словами, ты намѣреваешься прокатиться на мой счетъ?

сладневъ. Фи, вздоръ какой! Ты меня обижаешь. Можно ли быть матеріальнымъ до такой степени! Стыдись, Максимъ Гаврилычъ!

териховъ. Но денегъ-то все-таки дать?

сладневъ. Денегъ?.. Видишь ли, cher ami, я хотѣлъ добыть самъ. Былъ сейчасъ у Карягина, у этого архиплута, и предлагалъ... свою мельницу.

териховъ. Что же онъ?

СЛАДНЕВЪ. Ты, вѣдь, знаешь, какъ эти купцы... Имъ изъ алтына полтину выгадать хочется.—«Зачѣмъ мнѣ, говоритъ, ваша мельница! Въ ней и воды-то курицѣ по колѣно». Представь!

ТЕРИХОВЪ. Что-жъ, правду сказалъ.

СЛАДНЕВЪ. Ну, какъ такъ, помилуй!.. Какую же правду, если *я* въ своемъ пруду купаюсь, а тутъ вдругъ курица!

ТЕРИХОВЪ. Значитъ, денегъ-то дать?

СЛАДНЕВЪ. Взаймы, конечно... да, Максимъ Гаврилычъ, ты бы очень меня одолжилъ, очень.

ТЕРИХОВЪ. То-то. А Федосьѣ Игнатьевнѣ много на Москву денегъ понадобится?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Феня [**вошла при послѣднихъ словахъ**].

ФЕНЯ. Ни копѣйки.

СЛАДНЕВЪ. Да-а?!

ТЕРИХОВЪ. Отчего же, Феня... я готовъ... Сергѣй Дмитричъ говоритъ—ты въ Москву хочешь... Я готовъ, съ удовольствіемъ... и денегъ...

ФЕНЯ. Денегъ не нужно. У меня свои есть.

ТЕРИХОВЪ. Зачѣмъ свои... и какія?.. Ты меня обижаешь!

СЛАДНЕВЪ. Прекрасно, Максимъ Гаврилычъ, прекрасно! — Не хорошо отказываться, Федосья Игнатьевна. Это дѣйствительно обида.

ФЕНЯ. Никакой. Есть деньги, зачѣмъ же мнѣ брать?

ТЕРИХОВЪ. Какія у тебя могутъ быть деньги!

ФЕНЯ. Есть. Крестный подарилъ. Въ банкѣ лежатъ.

ТЕРИХОВЪ. Какъ хочешь... А я бы душой радъ... Но отчего ты раньше не сказала? Вотъ Гриша поѣхалъ, вмѣстѣ бы...

ФЕНЯ. Скучный вашъ Гриша, прескучный. Или съ Сергѣемъ Дмитричемъ поѣду, или одна.

сладневъ. Зачѣмъ однѣ! Вы со мной, со мной... Я даже сейчасъ [за шляпу]. Сборы и все... чтобы по первому вашему слову летѣть не только въ Москву, на край свѣта. [Цѣлуетъ ея ручки]. Мм... мм... ну, восторгъ! Максимъ Гаврилычъ, до свиданія, душа. Благодарю! [Выразительно трясетъ его руку]. Понимаешь ли, я при первой возможности...

териховъ. Да хорошо, хорошо!

сладневъ. Au revoir. Лечу! [Быстро къ двери, но на порогѣ обертывается]. Представьте, моя Зоя... Нѣтъ, вы только представьте, что у насъ будетъ по поводу Москвы, ха-ха-ха! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ X.

Териховъ и Феня.

териховъ. Феня, отчего же ты не хочешь взять денегъ? [Беретъ ея руку, которую она освобождаетъ и отходитъ].

феня. Сказано отчего.

териховъ. И какъ у тебя скоро... вдругъ ѣхать! Поѣзжай, поѣзжай. [Подходитъ]. Я не противъ, поѣзжай. Ты видишь—я все готовъ для тебя... [Опять беретъ ея руку, которую та опять освобождаетъ], а ты...

феня [насмѣшливо]. А я за это должна съ вами нѣжничать?

териховъ. Но право же, Феня, я не такъ виноватъ, можетъ быть и совсѣмъ не виноватъ. Помнишь, какъ все это вышло? Эта Анна Захаровна... [Вспыльчиво]. Сегодня она кубаремъ отъ меня выкатила, сплетница гадкая! [Въ прежнемъ тонѣ]. Я вѣдь только спросилъ. [Подходитъ]. Будто ужъ это такая вина?

феня. Вина не вина, а повернуло меня за это отъ васъ, Максимъ Гаврилычъ. Характеръ у меня такой. Не угадали вы. Потерпите. Впередъ видно будетъ. Можетъ и опять повернетъ къ вамъ. [Уходитъ съ лукавой улыбкой].

териховъ. Ахъ! «потерпите». [Садится]. Пожалуй, Сладневъ и правъ: любятъ бабы, чтобъ по ихъ дудкѣ плясали,

Этой перечь, не перечь, — все равно посвоему сдѣлаетъ, только себѣ навредишь. Пусть ѣдетъ, пусть! [Задумался]. Архипъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Териховъ и Архипъ.

АРХИПЪ. Чего изволите?

ТЕРИХОВЪ. Трубку! [Архипъ подаетъ трубку на длинномъ чубукѣ и даетъ зажженный лоскутокъ бумаги закурить. Отошелъ къ двери]. Ты здѣсь?

АРХИПЪ. Уйти прикажете?

ТЕРИХОВЪ. Торчи, чортъ съ тобой!

АРХИПЪ. Благодаримъ покорно.

ТЕРИХОВЪ [помолчавъ и не глядя на Архипа]. Барыня въ Москву собирается.

АРХИПЪ. Н-да-съ!

ТЕРИХОВЪ. Ну, такъ вотъ собирается она, братецъ...

АРХИПЪ. Такъ что же?

ТЕРИХОВЪ. Ахъ, Боже мой, ну собирается, и все тутъ. Безтолочь!

АРХИПЪ. Гмъ! [Глубокомысленно]. Что-жъ, отпустить ее, пущай ѣдетъ.

ТЕРИХОВЪ. Дуракъ! Тебя спрашивали? [Встаетъ]. Ты, ракалія, радъ выпроводить, радъ!

АРХИПЪ. За что же ругаетесь-то?

ТЕРИХОВЪ. Молчать!

АРХИПЪ. Тьфу!

ТЕРИХОВЪ. Радехонекъ!

АРХИПЪ. И она рада отъ васъ отвязаться.

ТЕРИХОВЪ. Пшелъ вонъ! [Архипъ выскакиваетъ]. Вотъ грубая бестія! [Садится и куритъ молча]. Архипъ!

АРХИПЪ [выставляется въ дверь]. Че-го-съ?

ТЕРИХОВЪ. А... ступай... къ барынѣ. Можетъ распоряженія какія насчетъ отъѣзда дастъ...

АРХИПЪ. Я юбки гладить не умѣю-съ. [Хочетъ уйти].

ТЕРИХОВЪ. Стой! Тебѣ говорятъ, болванъ, спросить — не прикажетъ ли чего? Когда ѣдетъ и какъ...

АРХИПЪ. Объ этомъ вамъ самимъ спросить надобно.

ТЕРИХОВЪ. Ну, пошелъ вонъ! [топаетъ] вонъ, когда такъ!

АРХИПЪ. Да вы, сударь, не очень...

ТЕРИХОВЪ. Ка-акъ?

АРХИПЪ. Да такъ! Уѣдетъ «маіорша» и я отъ васъ уйду, если на то пошло. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за манера: ракалія, бестія, дуракъ, дубина! Тьфу! Уйду и оставайтесь себѣ одни тутъ посвистывать.

ТЕРИХОВЪ [грозитъ кулакомъ]. Я те... я те—уйду! [Уходитъ въ лѣвую дверь].

АРХИПЪ. Н-да! Видишь какой! Теперь шляндать пошелъ. У насъ ужъ манера такая: какъ сдуримъ, сейчасъ шапку на затылокъ и ну бродить, покуда дурь не выходимъ. Нынче бродить ему до ночи!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Архипъ [въ началѣ], Андрей и Феня.

АНДРЕЙ. Сладневъ, Сергѣй Дмитричъ, у васъ будетъ?

АРХИПЪ. Уѣхалъ.

АНДРЕЙ. А Максимъ Гаврилычъ у себя?

АРХИПЪ. Гулять пошли. Дома *маіорша*. Кхмъ! [Уходитъ].

АНДРЕЙ. Намъ на руку.

ФЕНЯ [входитъ справа, нахмурилась]. Ты?!

АНДРЕЙ [глухо, глядя въ землю]. Я.

ФЕНЯ. Ну мѣдный же лобъ у тебя, если пришелъ послѣ намеднишняго! [Хочетъ уйти].

АНДРЕЙ. Постой, Федосья Игнатьевна! Уйти успѣется. Дай сказать дѣло какъ вышло. [Феня останавливается у двери]. Былъ сейчасъ у меня г. Сладневъ.

ФЕНЯ. Не денегъ ли просить?

АНДРЕЙ. Угадала.

ФЕНЯ. Охъ, ужъ этотъ Сергѣй Дмитричъ!

АНДРЕЙ. Взгомозился онъ въ Москву и присталъ: дай да подай ему денегъ; мельничишку его возми, что хочешь возьми, только дай. Вижу, у барина совсѣмъ голова навыворотъ. Спровадилъ. Да ужъ какъ уходить и сболтни онъ, что не одинъ ѣдетъ, а и ты вмѣстѣ... слѣдомъ за Григоріемъ Петровичемъ въ Москву собираешься.

ФЕНЯ. А что мнѣ Григорій Петровичъ!

АНДРЕЙ. По мужу племянникъ покамѣстъ, а тамъ чѣмъ будетъ—не знаю.

ФЕНЯ. Такъ ты за этимъ? [хочетъ уйти].

АНДРЕЙ. Да нѣтъ же, дай кончу. Ну, думаю, если такъ, если Феня поѣдетъ, а ты въ провожатые нуженъ, такъ бери, Сергѣй Дмитричъ, сколько требуется. Взялъ, счелъ и вотъ [достаетъ пачку денегъ] принесъ. [Подаетъ деньги]. Отдашь?

ФЕНЯ. На твои деньги Сергѣй Дмитричъ со мной не поѣдетъ.

АНДРЕЙ [въ сторону]. Знаю, что не возьмешь! [Ей]. Воля твоя. [Прячетъ деньги]. Пусть на Максима Гаврилычевы ѣдетъ. Своихъ у него не водится, да и были когда—карманъ позабылъ. А для тебя я хотѣлъ...

ФЕНЯ. Добрый человѣкъ! Мало того, что пускаетъ, еще денегъ несетъ, ха-ха-ха!

АНДРЕЙ. Мужъ если пускаетъ, такъ я-то тутъ что-жъ? Да какъ тебѣ отъ насъ и не ѣхать! Здѣсь что?—мелюзга люди, дрянь. Взять хоть Любавина—теленокъ, какъ есть; либо Сергѣя Дмитрича нашего—тоже слюнтяй, воробья стараго стоитъ; либо меня — опять же не дороже я *оренья.* Твое-жъ прозвище. Ну, а въ Москвѣ развѣ то? Тамъ и силу показать есть надъ чѣмъ. Тамъ такой вихрь взовьешь, что въ глазахъ зарябитъ и у самой неравно головка закружится. Всего одного мы изъ столичныхъ-то видѣли, а и тотъ у насъ—мало людей—*русалокъ,* и тѣхъ потревожилъ.

ФЕНЯ [съ негодованіемъ]. Кончилъ ты?

АНДРЕЙ. За тебя кончилъ, за себя—нѣтъ. Да ты на меня не гнѣвись, Федосья Игнатьевна. Зачѣмъ напослѣдяхъ ссориться? Можетъ и не увидимся больше.

ФЕНЯ. Ой, заплачу!

АНДРЕЙ. Сбрось съ себя это, сбрось! Взгляни на меня подушевнѣй. Муку вѣдь я принялъ великую, Федосья Игнатьевна, даромъ что орепей тебѣ. Глубоко ты въ семьѣ моей зачерпнула, изъ души моей взяла все и принять отъ насъ тебѣ ношу тяжелую. Не то, что отъ мужа; отъ Максима Гаврилыча немного осталось, потому онъ съ дороги твоей и сошелъ такъ смирненько.

ФЕНЯ. А ты не сойдешь? Гмъ!.. Эхъ, Андрей, и слушать бы мнѣ тебя незачѣмъ, да добрѣе я стала... Слушаю, можетъ и жалѣю тебя.

АНДРЕЙ. Жалѣешь! Еслибъ все, что я вытерпѣлъ, что накипѣло во мнѣ, на тебя да на Волжина глядючи, что за Пашу мою переболѣло во мнѣ, еслибъ вся эта мука и скорбь, словно вѣдьмы, впились бы въ меня и на глазахъ у тебя задушили бы, ты... ты пожалѣешь и мимо пройдешь, за своимъ, своего искать... ха-ха! Что-жъ, иди, Феня... Только простись... простись со мною, какъ я попрошу. Немногаго прошу. Помнишь, было это подъ ракитою?

ФЕНЯ. Гдѣ обняла-то тебя?

АНДРЕЙ. Мѣсто мнѣ это завѣтное, пока живъ, помнить буду... Тамъ бы намъ и проститься.

ФЕНЯ. И опять, что-ль, обнять?

АНДРЕЙ. Это... на то твоя воля, Федосья Игнатьевна. Только не откажи, приди! Наканунѣ, какъ ѣхать, придешь съ домашними моими проститься... Еще увидитесь ли! А потомъ подъ ракиту. Въ этомъ и вся просьба. Не откажи! [Феня молчитъ]. Или боишься?

ФЕНЯ. Я? Чего я боюсь! Сказано: добрѣй стала. Жди.

АНДРЕЙ [съ трудомъ подавляя волненіе]. Вѣрно?

ФЕНЯ. Вѣдь я сказала, не кто другой! Иль тебя здѣ-ѣсь об-нять? [Было раскрыла объятія]. Нѣтъ, лучше подъ ракитой. [Уходитъ].

АНДРЕЙ. Ну, теперь вымучила до послѣдняго! Тутъ [судорожно третъ себѣ грудь] словно камнемъ скипѣлось, тяжко.

Одно осталось: проститься съ тобою, Федосья Игнатьевна; на самомъ томъ мѣстѣ проститься, гдѣ забава твоя,—поцѣлуй, меня въ сердце ударила; на краю того пруда, гдѣ ты Волжина въ лодкѣ катала, «утоплю» грозилась, а потомъ, разметавъ волосы по-русалочьи, говорила про то, какъ цѣлуютъ онѣ... Приходи! [Уходитъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена—въ глубинѣ наискось возвышается плотина, на которой справа мукомольный амбаръ съ наливными колесами, частью замаскированными растущими внизу, по сю сторону плотины, деревьями. Слѣва, на самой плотинѣ, развѣсистая ракита. За амбаромъ, вдали, высится курганъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Провъ и **Иванъ** [сидятъ внизу на камняхъ].

ИВАНЪ. Дяденька, сказывали нынче ночью изъ Костяного бугра бочки съ деньгами выкатывали.

ПРОВЪ. Съ какими такими деньгами?

ИВАНЪ. А татарскими. Дядя Лявонъ сказывалъ. Завсегда, говоритъ, какъ бѣдѣ быть, загудитъ-загудитъ этта въ курганѣ и ну бочку за бочкой отголь выпирать.

ПРОВЪ. Ну?

ИВАНЪ. Ну и выпретъ рядышкомъ цѣлыхъ двѣнадцать бочекъ, дяденька, деньгами полнымъ-полны. Вотъ онѣ и стоятъ. Подступиться ни-ни! Костяки стерегутъ. И по всему-то какъ есть кургану разсядутся они, ажъ побѣлѣетъ весь. Рыла у нихъ безглазыя, на головахъ ермолки татарскія, ребра наперечетъ, одно слово—смерть. Сидятъ они, дяденька, да зубами щелкъ-щелкъ! ляскъ-ляскъ! Страсти! А только, значитъ, пѣтухъ закричитъ, сичасъ опять загудитъ-загу-

дитъ, костяки взмечутся, а бочки энти дружка за дружкой— назадъ. Глядь-поглядь и нѣтъ ничаво! Какъ виденъ таперь этотъ бугоръ съ мельницы, такимъ и стоитъ.

ПРОВЪ. Коль бы дядя Лявонъ винища поменьше лопалъ, и ты, парень, пустяковъ бы не вралъ.

ИВАНЪ. Не одинъ Лявонъ, и другіе видали. А еще, дяденька, сказывалъ онъ—кладъ у насъ тутотка гдѣ-то зарытъ, бо-ольшущій!

ПРОВЪ. Что мудренаго: отъ татарвы прятали. А ты бы, Иванъ, откопалъ.

ИВАНЪ. Ишь ты! Я бы радъ, да вѣдь онъ дяденька, съ зарокомъ кладенъ.

ПРОВЪ. Вотъ то-то, другъ и обида, что съ зарокомъ. Слышь-ка, что я те про кладъ разскажу. Какъ ходилъ я лѣтось въ Кіевъ, мѣсто одно мнѣ указывали — пустырь, бурьянъ, тернъ корявый растетъ и слѣда не видать человѣчьяго. А въ старину мѣсто это людьми, что муравейникъ, кишѣло. Послѣднимъ изъ рода свово жилъ тамъ князь богатѣйшій. И былъ онъ столь же богатъ, сколько лютъ, кровь людскую деньгою копилъ, слезы жемчугомъ низалъ и богатства собралъ такъ что царскія. Люди мрутъ — у князя сундуки казной полнятся. Какъ полонъ сундукъ, онъ его въ землю. Всѣ люди примерли, всѣ сундуки въ землю пошли, остался всего одинъ. Только открылъ князь этотъ сундукъ, какъ поднимется оттуда вой, крики, скрежетъ зубовный! Не взвидѣлъ князь свѣта бѣлаго и въ сундукъ ничкомъ палъ. Толко упалъ онъ, крышка сама захлопнулась за нимъ, и пошелъ этотъ сундукъ въ землю самъ и сталъ съ прежними къ рядышку. Сотни лѣтъ съ того время прошли, а князь все живымъ въ сундукѣ лежитъ и до тѣхъ поръ не помереть ему, пока не отмучаетъ онъ все горе людское, что въ сундукѣ его накопилось. Ты охочь клады искать, поди, откопай князя-то!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Андрей [выходитъ на плотину слѣва].

АНДРЕЙ. Эй, что тутъ разсѣлись!

ИВАНЪ [вскакивая]. Охъ испужалъ! [Провъ медленно поднимается].

АНДРЕЙ. Провъ, сходи на село къ Левону Лáхину, скажи, чтобы завтра непремѣнно везъ осьмину ржи, что по веснѣ занималъ. Скажи, добрые люди не берутъ безъ отдачи; Андрей Филатычъ, молъ, ждать больше не станетъ.

ПРОВЪ [уходя]. Вотъ-те, Левонъ, и бочки татарскія!

АНДРЕЙ. А ты, Иванъ, садись на чалаго, поѣзжай въ Виногробье къ бондарю Хряку, спроси, скоро-ль мы отъ него посуды дождемся? Кончалъ бы да везъ. Кабакъ, молъ, не уйдетъ. [Иванъ пошелъ]. Слушай! [Останавливается]. Ты воронъ не считай, сейчасъ поѣзжай, а то будешь до завтра сбираться!

ИВАНЪ. Зачѣмъ! я сичасъ. Андрей Филатычъ; какъ, значитъ, обратаю яво, чалаго-то, сичасъ и махну.

АНДРЕЙ. То-то!

ИВАНЪ. Я духомъ! [Въ притруску уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

АНДРЕЙ. Потемнѣло, туча какая заходитъ! [Смотритъ влѣво]. Не видать еще... Что бы мнѣ сдѣлать такое? Мочи нѣтъ дожидаться! Словно земля подъ тобою горитъ. Тяжко!.. Давно ли подъ этою ракитой обожгла ты меня, опалила... Ну, Григорій Петровичъ, не къ добру ты у насъ побывалъ! Какъ ни тяжко до тебя было — терпѣлось. Ну, вырвалась она, ушла отъ меня, все же на глазахъ оставалась. Мужа, какъ башмакъ сбросила, только случай ей выпалъ, и стала ничья, хоть не моя, да ничья! И стерегъ бы я ее, какъ ни замкáмъ, ни мужьямъ не устеречь никогда. А ты пришелъ,

Григорій Петровичъ, ничего брать не хотѣлъ, а выхватилъ все! [Опять смотритъ влѣво]. Все нѣтъ! Ужъ не обойти-ль меня вздумала, Федосья Игнатьевна? Тогда-а!.. Фу, душно какъ!.. Не должно того быть. Къ моимъ—самъ видѣлъ—прошла... [Разстегиваетъ воротъ]. Въ груди точно смола кипитъ! [Опускается на плотину, закрывая руками лицо].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андрей и Феня

[тихо входитъ слѣва на плотину и останавливается подъ ракитою].

ФЕНЯ. Ну, вотъ я и пришла.

АНДРЕЙ [вскакиваетъ]. Пришла!

ФЕНЯ [весело]. Да.

АНДРЕЙ [почти задыхаясь]. Пришла!.. проститься?!

ФЕНЯ. Обѣщала и пришла.

АНДРЕЙ. Проститься?!

ФЕНЯ. Какой ты! Ну дà же, дà. Заладилъ одно!

АНДРЕЙ. Въ Москву?.. ѣдешь?.. завтра?

ФЕНЯ. Въ Москву.

АНДРЕЙ [тономъ мольбы]. Феня, не ѣзди!.. Знаю, зачѣмъ... Брось это, брось!.. Не ѣзди!

ФЕНЯ. Хмъ! Самъ же въ путь меня снаряжалъ, денегъ приносилъ... Что ты? Аль не знаешь меня? Чтó задумаю—не отдумаю. Не въ новость тебѣ.

АНДРЕЙ. Эхъ, не ѣзди ты, ради Господа! Отдумай!

ФЕНЯ. Пустое говоришь, Андрей.

АНДРЕЙ. Ну, коли такъ, коль назадъ у тебя сверту нѣту, вотъ же что: ѣдемъ со мной!

ФЕНЯ. Ты дома нужнѣе.

АНДРЕЙ. Слушай! Все брошу: жену, домъ, хозяйство,—все! Не плевка стоитъ мнѣ бросить Пашу. Совѣсть грызть будетъ. Да я задушу эту совѣсть, все подъ тебя пригну, будешь и въ мысляхъ и въ душѣ моей ты одна!

ФЕНЯ. Вотъ какъ! Теперь, чай, поймешь, про кого было сказано, что на цѣпь примкнутъ, да въ плясъ передъ бабою пустятъ. А потѣхи этой я не искала, Андрей. Самъ напросился; нуженъ ли мнѣ, нѣтъ ли — только возьми. А думаешь—*нуженъ?* Ха-ха! Пашу свою и ту бросить хочешь. Шутка ли! И позволь я — тѣмъ же орепьемъ пристанешь, какъ тебя называла; прицѣпишься и волочи я тебя куда какъ хочу—не отцѣпишься, бѣдный. Вотъ такъ люба, значитъ! А все-таки... про-щай! Слышишь? И проститься съ тобой *«подъ ракитою»* я не сробѣла. [Указываетъ на ракиту]. Знакома? И мѣсто это не простое, *«завѣтное»*. Правда? Ну... и прощай!

АНДРЕЙ [поблѣднѣлъ, глухимъ голосомъ]. Стой-ка! [беретъ ее за руки и привлекаетъ къ себѣ] мѣсто точно «завѣтное», и куда-куда, а *въ Москву* съ него тебѣ нѣтъ дороги! [Вдругъ схватываетъ ее въ объятія]. Зачѣмъ! За Волжинымъ даромъ!!

ФЕНЯ [испуганно]. Что ты!.. Пусти!.. Пусти, говорю!

АНДРЕЙ. За Волжинымъ не къ чему! Русалка ты и... ступай въ воду! [Сбрасываетъ ее съ плотины въ прудъ. Всплескъ].

ФЕНЯ. Ай! Помогите! помогите!!

ЯВЛЕНІЕ V и ПОСЛѢДНЕЕ.

Андрей, Феня и Паша

[въ испугѣ вбѣгаетъ на плотину слѣва].

ПАША. Что здѣсь?! [Взглянула на прудъ, въ ужасѣ]. Феня!

ФЕНЯ. Тону! По-мо-ги... и!...

ПАША. Андрей, ты?

АНДРЕЙ. Я.

ПАША [схватываясь за голову, какъ безумная]. Господи!.. Опомнись! Прыгай въ воду, спасай! Утонетъ! Плавать не умѣетъ... Спасай! [Андрей молчитъ, глядя на прудъ]. Господи, что-жъ это! [Бѣжитъ по плотинѣ къ амбару]. Провъ! Иванъ!

АНДРЕЙ. Усланы, нѣтъ никого.

ПАША. Охъ горе мое! [Бросается мужу въ ноги]. Спаси ее, Андрюша, хоть ради меня! голубчикъ!

АНДРЕЙ [все глядя на прудъ]. Руки вскинула, бьется...

ПАША [вскакиваетъ]. Такъ я же сама! [Хочетъ броситься въ воду. Андрей ее схватываетъ]. Пусти! ради Христа, пусти! [силится вырваться]. Я плавать умѣю, вытащу! Пу-сти!!. [Послѣ тщетныхъ усилій]. Охъ-охъ-охъ!

АНДРЕЙ. Пузыри пошли. Кончено! [Освобождаетъ жену и поникаетъ головой].

ПАЩА [припадая къ нему]. Что ты надѣлалъ, родной мой! О-охъ-охъ-охъ!

АНДРЕЙ [покачнулся и отступилъ отъ жены. Упавшимъ, дрожащимъ голосомъ]. Не стерпѣлъ, Паша... Погубилъ... и тебя, и себя погубилъ... Прости!

ПАША. Охъ, Андрюша! [Въ рыданіяхъ бьется у него на груди].

ЗАНАВѢСЪ.

ЛЕГКІЯ СРЕДСТВА.

(КАКЪ НИ БЫТЬ, ЛИШЬ БЫ ЖИТЬ)

СЦЕНЫ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

— —

Сусанна Александровна Гладышева, вдова, лѣтъ подъ 40, моложавая, очень красивая женщина.

Вѣра | дочери ея.
Раиса |

Матвѣй Андреевичъ Аникѣевъ | братья—великосвѣтскіе молодящіеся старички, большого сходства между собой.
Алексѣй Андреевичъ Аникѣевъ |

Валеріанъ Николаевичъ Мажаровъ, среднихъ лѣтъ.

Наталья Николаевна, сестра его, 26 лѣтъ.

Софья Ивановна, мать ихъ, помѣщица.

Иванъ Семеновичъ Гречухинъ, ученый лѣсничій, молодой человѣкъ.

Камила Егоровна Фрикъ, дѣвица, лѣтъ подъ 40.

Леня Хлюстинъ, купеческій сынокъ.

Домна, няня Гладышевыхъ.

Слуга Гладышевыхъ.

Слуга Мажарова.

Прикащикъ изъ мануфактурнаго магазина.

Прикащикъ ювелира.

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена—комната въ квартирѣ Гладышевой, въ которой собирается семейный кружокъ и принимаются близкіе знакомые. Мягкая мебель, обитая ситцемъ. Двери въ задней стѣнѣ и налѣво. Направо—окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣра [стоитъ у окна] **и Домна.**

ВѢРА. Опять эти лошади!.. Чья эта карета, няня?

ДОМНА [взглянувъ въ окно]. Эта-то?.. Мало ли ихъ, дѣточка, за день у насъ перебываетъ! Калузиной, можетъ быть, а то баронессы этой... какъ-бишь ее? Пиль... пиль...

ВѢРА. Пильшау. Нѣтъ, не ея.

ДОМНА. Ну, такъ Чупрова генерала.

ВѢРА. Ни Чупрова и никого изъ нашихъ знакомыхъ. Эта карета подъѣзжаетъ всегда пустая и становится вонъ тамъ на углу, у глухого переулка. Видишь гдѣ? Къ нашему крыльцу она не подъѣзжаетъ. И всякій разъ, какъ появится эта карета, maman выходитъ, садится въ нее и уѣзжаетъ куда-то. Я это хорошо замѣтила.

ДОМНА. Охъ, ужъ мнѣ эта карета, карета!

ВѢРА. Какъ, няня? Ты знаешь—чья она и куда мама въ ней ѣздитъ?

ДОМНА. Ничего я не знаю... И дивлюсь, съ чегой-то ты пристала ко мнѣ, сударыня!

ВѢРА. Нехорошо, няня, скрывать, если меня это такъ безпокоитъ... даже нечестно.

ДОМНА. Господи помилуй!

ВѢРА. Да, нечестно. Я мамашу спрошу.

ДОМНА [съ ироніей]. Спроси, спроси!

ВѢРА. И спрошу. Отчего она потомъ пріѣзжаетъ какая-то странная, разстроенная?.. [Глядя въ окно]. Вышла. Гляди, няня: сама къ каретѣ идетъ, не подаютъ. И походка не та и манера.. Помчались. [Грустно и задумчиво продолжаетъ глядѣть въ окно].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Гречухинъ. [Блѣденъ и худъ. Съ бородой. Одѣтъ бѣдно].

ДОМНА. Вотъ онъ! Изъ мертвыхъ воскресъ. [Гречухинъ кланяется Вѣрѣ. Домна еще ниже наклоняетъ его голову]. Благодари, хорошенько благодари!

ВѢРА. Полно, няня. Здравствуйте, Иванъ Семеновичъ! [Дружески протягиваетъ ему руку]. Очень рада видѣть васъ на ногахъ. Садитесь.

ГРЕЧУХИНЪ. Если бы не вы, да не бабинька, пожалуй, и закопали бы. Мерещилось, что ужъ гробъ мнѣ сколачиваютъ. [Кланяется]. Земной поклонъ вамъ, Вѣра Петровна, и отъ всего сердца спасибо! Отходили. Въ большомъ долгу я у васъ. Дай Богъ сквитаться.

ВѢРА. Перестаньте! Вы знаете, я благодарностей не люблю. Ну, какъ теперь?

ГРЕЧУХИНЪ. Теперь... теперь превосходно. Душа ликуетъ. Вышелъ въ первый разъ послѣ болѣзни, вижу божья коровка по забору ползетъ—умилился, даже слеза прошибла. Вотъ что значитъ «хладомъ могилы обвѣяться»! Куда какъ свѣтъ хорошъ станетъ! Теперь я совсѣмъ Геркулесъ. Упи-

тали. Бабинька ростбифы все таскала, кормила точно на убой. Страсть надоѣла!

ДОМНА. То-то, «надоѣла»! Кабы ты бабиньку слушалъ— и колчушкой бы не валялся. Грызетъ, бывало, колбасу, да всякую дрянь. Принесешь чего—гонитъ: сытъ молъ. Тоже гордость!

ГРЕЧУХИНЪ. Зато послѣ моихъ обѣдовъ ко сну не клонило. Эхъ бабинька! И съ голоду, случалось, нашъ братъ помиралъ,—не просилъ и не жалобился.

ДОМНА. То-то! А зимой квартира у него лампой топилась. Бывало, зайдешь—стужа, вода мерзнетъ. «Дай дровецъ принесу?»—«Поди ты, дровецъ! Мнѣ, говоритъ, и такъ жарко». Вотъ и слегъ отъ жары этой. По дѣломъ, паря. Гордымъ Богъ противится. Слыхалъ? [Уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ III.

Вѣра и Гречухинъ.

ГРЕЧУХИНЪ. Между прочимъ, пришелъ... проститься съ вами, Вѣра Петровна. Уѣзжаю.

ВѢРА. Да?.. Куда же?

ГРЕЧУХИНЪ. Въ лѣсъ. Мѣсто получилъ. Профессоръ мой схлопоталъ.

ВѢРА. Далеко?

ГРЕЧУХИНЪ. Очень, верстъ 700 будетъ. Въ родныя мѣста, Вѣра Петровна. Въ томъ самомъ лѣсу отецъ мой, крестьянинъ, былъ полѣсовщикомъ. Медвѣдь его тамъ задралъ.

ВѢРА. Ай!.. Тяжело вѣдь будетъ тамъ жить... Такія воспоминанія!..

ГРЕЧУХИНЪ. Что дѣлать! Въ моемъ положеніи не выбираютъ. Въ гимназіи братишка учится. Забота. Зато лѣсъ великолѣпный. Работы и съ топоромъ и съ микроскопомъ за глаза! Къ тому же плата хорошая.

ВѢРА. Такъ вотъ какъ, уѣзжаете! [Пауза. Слегка измѣнившимся голосомъ]. Очень рада за васъ, Иванъ Семеновичъ! Тамъ вамъ хорошо будетъ. Вы такъ любите природу...

ГРЕЧУХИНЪ. Да... Среди людей жизнь, пожалуй, похуже, чѣмъ въ лѣсу. Тамъ ни борьбы, ни проклятій... Легко дышется. А все же и здѣсь... хорошо было. И жаль... хочу сказать—не легко... то есть...

ВѢРА [тихо]. Не легко уѣзжать?

ГРЕЧУХИНЪ. Вотъ, вотъ! [Глубоко вздохнувъ]. Не легко. Благодарю васъ за все!..

ВѢРА. Если пошло на благодарности, то и я должна благодарить васъ, Иванъ Семеновичъ.

ГРЕЧУХИНЪ. Вы?!. меня?!

ВѢРА. Васъ. Наше знакомство сдѣлало мнѣ много добра. Помните наши бесѣды у няни, когда вы приходили наверхъ учить ея внучку? Онѣ прошли не безслѣдно... и я съ удовольствіемъ буду вспоминать это время. Можетъ быть, послѣ этихъ бесѣдъ, я ближе къ сердцу принимаю чужое горе, больше люблю и прощаю, чѣмъ осуждаю людей, и поняла многое, что до тѣхъ поръ мнѣ было неясно. Это помощь большая, Иванъ Семеновичъ. И теперь, разставаясь съ вами, я должна высказать, какъ ее цѣню. [Крѣпко жметъ его руку].

ГРЕЧУХИНЪ. Гмъ... чего наговорили-то, а!... Да вамъ... вамъ душу мало отдать, да какую! Моя что!.. Однако, я того... кажется, замололъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Раиса [изъ боковой двери].

РАИСА. А, m-r Гречухинъ! Вы, я слышала, были больны послѣ экзаменовъ... и дали Вѣрѣ случай разыграть сестру милосердія, ха-ха! Ей это къ лицу.

ГРЕЧУХИНЪ [горячо]. Въ сестры милосердія идутъ лучшія женщины, Раиса Петровна. И если кто достигаетъ идеала нравственной красоты и величія, то именно—эти женщины. Боготворятъ ихъ недаромъ-съ.

РАИСА. Вотъ и видно, что со школьной скамьи: сейчасъ лекцію читать! Вѣра, помоги мнѣ кончить съ портнихой.

Никакъ не сговоришь съ нею, такая безтолочь! [Съ ироніей]. М-г Гречухинъ, надѣюсь, извинитъ. [Уходитъ въ боковую дверь].

гречухинъ. Мнѣ бы пора и уходить...

вѣра. Подождите. Я сію минуту вернусь. [Уходитъ за сестрою].

ЯВЛЕНІЕ V.

Гречухинъ и Домна.

гречухинъ. Ахъ, еслибъ мы не на разныхъ берегахъ стояли! [Провелъ рукою по лицу]. Однако, полно, теперь не въ бреду и мечтанія надо оставить. [Задумывается].

домна [входитъ и легонько толкаетъ его]. Слушь-ка ты!

гречухинъ. Слушаю, бабинька.

домна. Говорилъ вотъ ей, что благодаренъ и все... заслужить за ласку и заботу желаешь...

гречухинъ. Говорилъ, бабинька, и точно желаю заслужить.

домна. Смотри, паря, на попятный не пойди, если, сохрани Царица Небесная, случай такой выйдетъ, что заступка твоя понадобится. Видѣлъ—весела?

гречухинъ. Невесела, бабинька.

домна. Гдѣ ужъ тутъ... коли можетъ за порогомъ бѣда стоитъ!..

гречухинъ. Бѣда?.. Что за бѣда?

домна. Ну, прежде часу объ этомъ зачѣмъ говорить! И минуетъ, Богъ дастъ... А тебѣ, можетъ, счастье посылается, паря.

гречухинъ. Бѣда, счастье... Чтой-то, бабинька, не поймешь ничего изъ твоихъ разговоровъ. Нельзя ли, сердечная, потолковѣй!

домна. Безтолковому развѣ втолкуешь? А ты чувствуй, что для тебя сдѣлано-то. Родня ты ей что ли, Вѣрунѣ? Кто бы сталъ около тебя, больного, сидѣть, пить тебѣ подавать, да салфетки со льдомъ класть на голову? И сама занемочь

могла, да и толки-бъ пошли. Какъ хочешь, а барышнѣ къ холостому ходить неповадно. Знаешь, языки какіе у насъ? Однако, по добротѣ, всѣмъ пренебрегла. Чувствуй и не забудь!

ГРЕЧУХИНЪ. «Не забудь»... Эхъ, умная голова!

ДОМНА. А про то, парень, знаешь, что ты въ бреду Вѣру любовными именами называлъ?

ГРЕЧУХИНЪ. Что-о?!

ДОМНА. У-у, дурной! Разъ при ней то понесъ, что покраснѣла она и ушла. Нечего глазами ворочать, да вихры-то ерошить! Правда. Знать, у здороваго у тебя все это на умѣ было, а?

ГРЕЧУХИНЪ. Да что же я говорилъ, чтò? Не мучай!

ДОМНА. Хе-хе! Про любовь говорилъ, да... «Вѣра, голубушка моя, ужъ какъ я необыкновенно тебя люблю», хе-хе-хе!.. «Какъ то-есть счастливъ я, что ты женою моею быть согласна». Хорошо?

ГРЕЧУХИНЪ [отчаянно махнулъ рукой]. Эхъ! [Къ двери].

ДОМНА. Посто-ой! Куда?

ГРЕЧУХИНЪ. Пусти! Какъ мнѣ въ глаза ей взглянуть!

ДОМНА. Гляди, ничего. Зачѣмъ совѣститься? Дурного въ хорошемъ нѣтъ ничего. И гляди, и чувствуй, какъ желательно, да говореннаго не забудь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гречухинъ, Домна. Вѣра и въ концѣ Ранса.

ВѢРА [входя изъ боковой двери]. Няня, а Иванъ Семеновичъ уѣзжаетъ совсѣмъ.

ДОМНА. Ну?! Что-жъ ты, паря, молчалъ-то? А-ахъ какой!.. Значитъ, прощаетесь. [Ласково глядя на обоихъ]. Ну, ну!.. Ко мнѣ зайди. Я те въ дорогу какъ слѣдуетъ соберу. [Уходитъ въ заднюю дверь].

ВѢРА. Что такое... Вы будто сконфужены?

ГРЕЧУХИНЪ. Нѣтъ, ничего-съ, а-а... [Рѣшительно]. Ничего, Вѣра Петровна.

ВѢРА. Скрываете что-то?

ГРЕЧУХИНЪ. Если въ болѣзни... въ бреду... я что-нибудь сболтнулъ... обидное если, или... кха!.. Простите, если...

ВѢРА [съ улыбкой и потупясь]. Вѣрно, няня... [Поспѣшно]. Обиднаго ничего. Вы, конечно, дадите о себѣ знать, какъ устроитесь, какъ пойдутъ ваши дѣла?

ГРЕЧУХИНЪ. Все, все! Только позвольте писать,—много буду писать... Вѣра Петровна, и вы мнѣ... хоть нѣсколько строкъ... изрѣдка хоть...

ВѢРА. Хорошо.

ГРЕЧУХИНЪ. Вотъ спасибо! Теперь легче уѣхать. А ужъ работать я буду, Вѣра Петровна, такъ буду работать!.. Знаете ли, какъ можно работать, если думать объ васъ? Однако, я опять... Простите...

РАИСА [въ дверяхъ]. Вѣра, когда же вы кончите? Ты мнѣ нужна. [Скрывается].

ВѢРА [пожимая Гречухину руку]. Ну, добраго пути. Богъ съ вами! [Уходитъ въ боковую дверь].

ГРЕЧУХИНЪ [глядя ей вслѣдъ]. Для тебя вотъ что... для тебя я горы на плечахъ подниму! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гладышева и за ней Домна.

(Спустя нѣсколько секундъ входятъ изъ задней двери).

ГЛАДЫШЕВА. Зачѣмъ этотъ Гречухинъ? что ему надо?

ДОМНА. Уѣзжаетъ. Проститься приходилъ. Вотъ что надо. А вы ему хоть-бы кивокъ на дорогу! Передъ бѣднякомъ да чваниться, и-ихъ!..

ГЛАДЫШЕВА. Что?!

ДОМНА. Бога вы не боитесь!

ГЛАДЫШЕВА. Послушай, Домна, кончится тѣмъ, что я принуждена буду съ тобою разстаться. Мнѣ, наконецъ, на-

доѣло... Что за глупая опека такая! Сколько разъ говорено тебѣ — не смѣть вмѣшиваться не въ свои дѣла! [Опускается на кушетку съ утомленнымъ и раздраженнымъ видомъ].

ДОМНА. Вотъ что, матушка моя, Сусанна Александровна. Хоть выкормила васъ я, выходила опять-таки я, Вѣруня и Раичка на моихъ же рукахъ выросли и, по чести сказать, много-таки я вамъ послужила, да милости за это не просила и просить не буду...

ГЛАДЫШЕВА [ложась, въ сторону]. Ну, пошла причитать!

ДОМНА. По душѣ дѣлала, любя. Все другое можно въ цѣну поставить, а на мое добро цѣны нѣтъ. Цѣну ему Господь Богъ положитъ, когда возьметъ мою душу грѣшную. Зато, Сусанна Александровна, въ дурномъ чёмъ я ужъ не смолчу, ужъ нѣтъ! Надоѣла—гоните. Поплетусь на старости, куда глаза глядятъ. А покамѣстъ при васъ—на куски рѣжьте— всегда правду въ глаза скажу, да!

ГЛАДЫШЕВА. Ты ничего не понимаешь. Уйди. Брюзга.

ДОМНА. Мудрено понять, мудрено! А вѣдь Вѣра Петровна подъ васъ подбирается. Какой ей-то отвѣтъ дадите!

ГЛАДЫШЕВА. Вѣра?

ДОМНА. Какая это, няня, карета, говоритъ, къ намъ пріѣзжаетъ, да все мамашу увозитъ?

ГЛАДЫШЕВА [приподнимается]. И ты, старая дура, осмѣлилась?!

ДОМНА. Потише, матушка, зря не шумите! Я разумá не лишилась, да и Вѣруню побольше, чѣмъ мать родная, люблю. [Гладышева ложится опять]. Вашей Раисѣ Петровнѣ все не въ домёкъ, ну, а Вѣруня въ отца умомъ, зорка. Такъ вы того... остерегитесь, Сусанна Александровна.

ГЛАДЫШЕВА. Э, отстань!

ДОМНА. Ладно! [Уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гладышева, Раиса и потомъ **Вѣра.**

РАИСА [быстро выходитъ изъ боковой двери въ шляпкѣ]. Maman!.. [Остановилась съ недовольнымъ лицомъ]. Ну такъ, на кушеткѣ! Значитъ мигрень... Видѣть васъ не могу на этой противной кушеткѣ! Значитъ сидимъ вечеромъ дома, а я непремѣнно хотѣла быть въ оперѣ. Фу, какая досада!

ГЛАДЫШЕВА. Раиса, я не знаю, какое надо имѣть сердце, чтобы такъ относиться къ болѣзни матери...

РАИСА. Къ чему тутъ «сердце!» Мнѣ просто досадно, что не придется быть въ оперѣ. Тамъ сегодня Мажаровъ, и вдругъ сиди!.. «Сердце!» И къ чему вы всегда приплетаете сердце, maman? Начитались романовъ...

[Вѣра входитъ изъ боковой двери и зорко наблюдаетъ за матерью].

ГЛАДЫШЕВА. Ты пользуешься тѣмъ, что я не могу на тебя сердиться. Я не знаю... ты готова надѣлать мнѣ дерзостей, если тебѣ жмутъ башмаки, или не нравится цвѣтъ перчатокъ.

РАИСА. А вы, какъ на зло, всякій разъ раскисаете, когда мнѣ нужно куда-нибудь выѣхать!

ВѢРА [съ укоромъ]. Раиса!

РАИСА. Ужъ ты, пожалуйста, не приставай! Удивляюсь, что ты о себѣ воображаешь! Минерва? Ахъ нѣтъ, garde-malade, ха-ха-ха! Знаете, maman, что m-lle Вѣра бѣгала въ кануру къ Гречухину?

ГЛАДЫШЕВА. На квартиру къ Гречухину?! Что это значитъ, Вѣра?

РАИСА. А ужъ если этотъ Гречухинъ такъ милъ ей, что она не дорожитъ своей репутаціей, то должна, по крайней мѣрѣ, помнить, что имѣетъ сестру-дѣвушку, которой надо выйти замужъ.

ГЛАДЫШЕВА. Вѣра, ты у него бывала?

ВѢРА. Да, когда онъ былъ при смерти. Безъ моей и няниной помощи, онъ навѣрно бы умеръ. Мнѣ кажется, Раиса не права, упрекая меня въ этомъ.

Раиса. Извините-съ! Раиса всегда права. Нашла кѣмъ плѣниться! Представьте, maman, такую картину. Вѣдь Гречухинъ живетъ у насъ возлѣ дворницкой. Такъ вотъ. Только онъ во дворъ, всѣ ребятишки къ нему. Есть грязные, отвратительные. Навѣшаются ему на руки, на спину, визжатъ, орутъ! Онъ всю ораву тащитъ къ себѣ и хохочетъ. Прелестно! А наша Вѣра Петровна смотритъ въ окно и плачетъ отъ умиленія.

[Вѣра, улыбнувшись, молча уходитъ въ заднюю дверь].

Гладышева. Богъ знаетъ что!

Раиса. Да это все вздоръ. Вотъ что, мамочка: Мажаровъ почти сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

Гладышева. Да?.. Ты, конечно, отвѣчала уклончиво? [Раиса молчитъ]. Я еще не разобрала, ma chère, что онъ за человѣкъ.

Раиса. Ахъ, прекрасный, maman! Онъ мнѣ нравится.

Гладышева. Этого мало. Дѣвушки судятъ опрометчиво.

Раиса. Ахъ, да не перечьте вы мнѣ! [Съ досадою топаетъ ножкой. Гладышева приподнялась и серьезно смотритъ на дочь]. Мамочка-душечка, простите, золотая моя! [Цѣлуетъ ея руки]. Право же Мажаровъ очень, очень хорошій!

Гладышева. Наконецъ, средства его, ma chère? Мы не знаемъ...

Раиса. Конечно, онъ богатъ. Посмотрите, какъ онъ одѣтъ, какой у него экипажъ! Всюду бываетъ, принятъ въ лучшихъ домахъ. Анночка Неличковская безъ ума отъ него и многія. Вы, мамочка, узнавайте, что хотите, а я выйду за Мажарова [прыгаетъ и хлопаетъ въ ладоши], выйду, выйду! [Летитъ къ боковой двери]. На минутку съѣзжу къ m-me Жираръ. [Уходитъ].

Гладышева. Ребенокъ!. Да, у Мажарова должны быть хорошія средства, чтобы жениться на тебѣ, бѣдная моя... И если они есть, раздумывать нечего, хоть онъ мнѣ вовсе не нравится.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гладышева, слуга [въ началѣ] и Мажаровъ.

СЛУГА [входитъ]. Господинъ Мажаровъ.

ГЛАДЫШЕВА. Проси. [Оправляется. Слуга уходитъ].

МАЖАРОВЪ [входя съ поклономъ]. Ваше здоровье?

ГЛАДЫШЕВА [привѣтливо протягивая ему руку]. Merci. Васъ давно не видно, Валерьянъ Николаевичъ.

МАЖАРОВЪ [садится]. Рѣшалъ важный вопросъ: провести ли зиму здѣсь, или уѣхать на югъ, гдѣ преставлялось хорошее дѣло.

ГЛАДЫШЕВА. И рѣшили?..

МАЖАРОВЪ. Остаться. У меня и здѣсь дѣла... но главнымъ образомъ дѣла сердечныя. А имъ все уступаетъ.

ГЛАДЫШЕВА. Да? Къ лицу ли вамъ это! Вы такой... такой спокойный, и вдругъ увлеченіе!

МАЖАРОВЪ. Каюсь. И у меня расцвѣла роза съ шипами.

ГЛАДЫШЕВА. Однако, съ шипами. Вы злой!

МАЖАРОВЪ. Да вѣдь въ бракѣ не разберешь, гдѣ кончается любовь и начинается ненависть. Все покрываетъ привычка. Обыкновенно бракъ—это узелъ, концы котораго тянутъ въ разныя стороны, отчего, на несчастье обоихъ концовъ, узелъ затягивается еще крѣпче.

ГЛАДЫШЕВА. И при всемъ этомъ?

МАЖАРОВЪ. И при всемъ этомъ я намѣренъ жениться.

ГЛАДЫШЕВА. Однако!

МАЖАРОВЪ. Человѣку свойственно повторять глупости другихъ, въ интересахъ личнаго опыта.

ГЛАДЫШЕВА. А если невѣста узнаетъ ваши взгляды, не сробѣетъ она довѣриться вамъ?

МАЖАРОВЪ. Я предоставляю ей измѣнить мои взгляды и создать изъ нашей четы исключеніе. Положимъ, мы утратимъ тогда букетъ. Иванъ да Марья, кажется, безъ запаха? Но отъ этого лично намъ хуже не будетъ. Да, Сусанна

Александровна, намѣренъ жениться нешутя. Составлю бюджетъ для двухъ ртовъ и помню, что маленькій ротикъ гораздо прожорливѣй.

ГЛАДЫШЕВА. Вы, кажется, очень предпріимчивы?..

МАЖАРОВЪ [въ сторону]. Полѣзла въ карманъ! [Гладышевой]. Да-а, у меня дѣла... капиталъ въ предпріятіяхъ... Еще когда я въ Ташкентѣ служилъ, тамъ устроилась компанія по шелковичному дѣлу. У меня тамъ паи, и солидные. Затѣмъ... затѣмъ въ нашихъ мѣстахъ много мелкихъ заводовъ, выдѣлывающихъ крахмалъ. Если изъ первыхъ рукъ скупать его партіями и поставлять паточнымъ заводчикамъ, то въ короткій срокъ можно нажить состояніе. Я уже началъ. Очень выгодно. И еще... всего не перескажешь.

ГЛАДЫШЕВА [въ сторону]. Все это очень туманно! [Мажарову]. Вы оставили службу. Невыгодно, или...

МАЖАРОВЪ. Нѣ-ѣтъ, я служилъ счастливо; но что теперь служба? Вездѣ дѣло само просится въ руки, только не зѣвай, эксплоатируй. Кто способенъ работать, тому глупо тереться въ служебной колеѣ. Я бы не могъ, какъ какой-нибудь сѣдой капитанъ, киснуть на пенсіи и мечтать, какъ хорошо потомъ завести кухарку, утокъ или цаплю. Посмотрите, что дѣлаютъ ловкіе люди: сегодня нищій, черезъ годъ Ротшильдъ, и для этого даже не нужно продовольствовать армію, ха-ха!

ГЛАДЫШЕВА. Конечно, «эксплоатація» и все... это можетъ дать средства, но сколько и «ловкихъ людей», которые остаются ни съ чѣмъ, или кончаютъ печально!

МАЖАРОВЪ [отходя въ сторону]. Если такъ, хорошо!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Раиса.

[влетаетъ въ шляпкѣ изъ задней двери].

РАИСА. Ахъ! [Жметъ руку Мажарова]. Валерьянъ Николаевичъ... Сюрпризъ. Какъ это мило, что вы пріѣхали! Пред-

ставьте, maman не хотѣла сегодня въ оперу. Я такъ досадовала... и бѣдненькой maman наговорила дерзостей. [Цѣлуетъ мать]. Ахъ, какое я чудо нашла у m-me Жираръ! Взгляни, мамочка! Нарочно взяла тебѣ показать. Не понравится, отвезу. У меня въ комнатѣ.

ГЛАДЫШЕВА. Можно послѣ, ma chère.

РАИСА [капризно]. Какъ «послѣ», если я говорю сейчасъ!

ГЛАДЫШЕВА [уходя въ боковую дверь, съ принужденнымъ смѣхомъ]. Enfant terrible!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Мажаровъ и Раиса.

РАИСА. Ну-съ? [Протягиваетъ ему обѣ руки]. Ахъ вы дурной, дурной! Что значитъ, что вы почти недѣлю глазъ не казали?

МАЖАРОВЪ. Ждалъ.

РАИСА. Кого.

МАЖАРОВЪ. Васъ.

РАИСА. Ха-ха-ха, да вы сумасшедшій! Нешутя воображаете, что я къ вамъ поѣду?

МАЖАРОВЪ. Не шутя [Цѣлуетъ ее въ щеку].

РАИСА. Не смѣть! Противный!.. И зачѣмъ вамъ непремѣнно хочется, чтобы я къ вамъ пріѣхала?

МАЖАРОВЪ. Зачѣмъ больному хочется, чтобы къ нему заглянуло солнце? Я тотъ же больной, хандрю, скучаю... А при васъ душа оживаетъ и я счастливъ.

РАИСА. Да... но-о... мы чаще можемъ видѣться у насъ въ обществѣ наконецъ.

МАЖАРОВЪ [съ досадой]. А!.. У васъ я долженъ разговаривать съ вашей maman, сестрою, тогда какъ хочется говорить только съ вами. Въ обществѣ — и подавно!

РАИСА. Не сердиться, ну-съ!.. Но я боюсь.

МАЖАРОВЪ. Вы? Не узнаю.

РАИСА. Увидятъ, узнаютъ...

МАЖАРОВЪ. Ужъ будто вы такая простушка?

РАИСА. Наконецъ, я... *васъ* боюсь.

МАЖАРОВЪ. *Себя* не боитесь?

РАИСА. Конечно!

МАЖАРОВЪ. О чемъ же толковать? Только тѣмъ женщинамъ надо рекомендовать осторожность, которыя возводятъ глаза и восклицаютъ: oh mes principes! Такія постятся въ мясоѣдъ, а постомъ скоромничаютъ. Передъ лицомъ ихъ добродѣтели припоминается, какъ читаютъ десять заповѣдей. А вы развѣ такая?

РАИСА. Ха-ха-ха! Я очень люблю васъ слушать. Вы хоть и злой, но... но...

МАЖАРОВЪ. Что?

РАИСА. Умникъ.

МАЖАРОВЪ. Когда говорю съ вами. Однако, войдутъ. И такъ, завтра жду?

РАИСА. Если удастся... можетъ быть...

МАЖАРОВЪ. Ну не прелесть ли вы послѣ этого! [Цѣлуетъ ее].

РАИСА [слабо сопротивляясь]. Перестаньте!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена—комната у Мажарова съ хорошею обстановкою. Двери—въ задней стѣнѣ и направо.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мажаровъ и Раиса.

[выходятъ изъ боковой двери. Онъ держитъ ея руки].

РАИСА. Валерьянъ, скажи: ты очень меня любишь, очень? Больше всего на свѣтѣ? Да?

МАЖАРОВЪ. Ха-ха-ха! [Садятся].

РАИСА [капризно]. Скажи же!

МАЖАРОВЪ. Очень, сильно, больше всего на свѣтѣ.

РАИСА [помолчавъ]. Ты когда къ намъ пріѣдешь? Вѣдь ты, какъ пріѣдешь, объяснишься съ maman?

МАЖАРОВЪ. Конечно. Можно ли объ этомъ спрашивать? Да хоть сегодня пріѣду.

РАИСА. Нѣтъ, сегодня не пріѣзжай, нѣтъ, нѣтъ!.. Ни за что не пріѣзжай!.. Мнѣ такъ будетъ неловко...

МАЖАРОВЪ. Ну завтра.

РАИСА. Завтра, да. [Встаетъ]. Гадкій, противный! Зачѣмъ я здѣсь! [Закрываетъ лицо руками].

МАЖАРОВЪ [подходя]. Полно, Раичка, что за пустяки! Откройся и дай поцѣловать свои пухленькія губки. [Цѣлуетъ].

РАИСА. Пухленькія губки, ха-ха! Знаешь ли, гдѣ я училась, пухленькія губки означало у насъ—*я влюблена*. И представь, ко мнѣ всѣ приставали: «Раичка, Раичка, ты влюблена?» —«Ахъ, отстаньте, mesdames!» —«Да скажи же: влюблена ты?» Ха-ха-ха! [Садятся]. У насъ все имѣло любовное значеніе: цвѣтъ волосъ, глазъ, все!.. Ахъ, Валерьянъ, какая я глупенькая! [Вздохнула]. Зачѣмъ ты... [Безъ прежняго оживленія]. Знаки препинанія также имѣли значеніе.

МАЖАРОВЪ. Какъ, и знаки препинанія служили любви?

РАИСА. Да. Знакъ восклицанія значилъ — *я васъ обожаю,* точка съ запятой — *я васъ презираю,* а запятая — *поцѣлуй.*

МАЖАРОВЪ [цѣлуетъ ее]. Такъ это запятая?

РАИСА [съ слабой усмѣшкой]. Да. Двоеточіе значило то, что теперь у насъ, т. е. *тайное свиданіе.* А самая противная была точка.

МАЖАРОВЪ. Что же значила точка?

РАИСА [совсѣмъ уныло]. *Конецъ всему...* Скажи, отчего мнѣ грустно, Валерьянъ?..

МАЖАРОВЪ. Отчего бы, кажется!

РАИСА. А грустно, право. Лучше уйду. [Встаетъ]. И пора, пора! [Торопливо одѣвается.]

МАЖАРОВЪ. Хоть мнѣ и жаль тебя отпустить, но дѣйствительно осторожнѣй поторопиться. [Помогаетъ ей одѣться]. Какъ на тебѣ все изящно и дорого! Ну какъ у меня не хватитъ средствъ шить такіе дорогіе наряды?

РАИСА. Какой вздоръ, Валерьянъ! Неужели ты думаешь, что я тебя разорю? Наконецъ, ты богатъ, и у меня будетъ свое.

МАЖАРОВЪ. Я сказалъ къ тому, что мои деньги всегда въ оборотахъ, а женщины въ это не входятъ.

РАИСА. Ахъ, пожалуйста, перестань! Ты проводишъ меня? Впрочемъ, нѣтъ, я одна. Такъ лучше. Закроюсь вуалеткой и побѣгу скоро, скоро... [Подаетъ ему обѣ руки и пристально смотрѣть на него]. Странно и досадно мнѣ, Валерьянъ, но знаешь ли что?

МАЖАРОВЪ. Что, моя прелесть?

РАИСА. Я теперь гораздо меньше тебя люблю, гораздо... Представь, даже будто вовсе не люблю, а?.. Что это значитъ? [Мажаровъ съ усмѣшкой пожимаетъ плечами]. А вѣдь мнѣ больно и горько отъ этого. [Плачетъ].

МАЖАРОВЪ. Вотъ ужъ и слезы, э-э!

РАИСА. Ахъ, Валерьянъ! [Быстро отерла глаза]. Прощай! [Идетъ къ двери].

МАЖАРОВЪ [задерживая]. Дай же тебя поцѣловать!

РАИСА [отвертывается]. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! [Быстро уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Мажаровъ и въ концѣ слуга.

МАЖАРОВЪ. Поймите ихъ, ради Бога! Смѣхъ и слезы, любитъ и нелюбитъ! Слышалъ я отъ одного знатока-женолюба, что тайна женскихъ комедій заключается въ одномъ словѣ: сердце. Если, говоритъ, твое сердце издаетъ полный и гармоническій аккордъ любви, то онъ усмиритъ тигрицу; если же въ этомъ аккордѣ хоть малѣйшая фальшь—все къ чорту! [Съ усмѣшкой]. Интересно, имѣются ли въ моемъ сердцѣ сіи любовные аккорды?.. Однако, за дѣло. [Садится къ письменному столу]. Пора повернуть винтъ. Воображаю, какъ огорошитъ ихъ мое признаніе! [Пишетъ]. «Безцѣнная Раиса! Ты жизнь моя, ты мое счастье, ты мое все!..» Что бы еще загнуть? [Пишетъ]. «Пульсъ жизни моей—это біеніе твоего любящаго сердца»... Ха-ха! Ей богу не воображалъ себя способнымъ на такую чепуху! Ну-съ, приступъ сдѣланъ, Раичка умилилась. Дальше. [Пишетъ]. «Но я на краю пропасти, и если твоя ручка не удержитъ меня, я буду тамъ, съ разбитымъ сердцемъ и...» Съ чѣмъ бы еще? [Пишетъ]. «съ черепомъ, разнесеннымъ въ куски». Превосходно! [Пишетъ]. «Въ моемъ револьверѣ шесть пуль, и я до тѣхъ поръ буду всаживать въ себя зарядъ за зарядомъ, пока оружіе не выпадетъ изъ рукъ мертвеца»... Пожалуй, въ обморокъ упадетъ? «Я почти нищій»... Что-съ, блѣднѣете? [Пишетъ]. «Предпріятія мои лопнули, если теперь же не дать имъ поддержки. Всему виною несчастная случайность». Теперь заключеніе. [Пишетъ]. »Зная все, ты можешь отъ меня отвернуться, и я покончу съ собою. Предсмертною моею мыслью будешь ты, ангелъ мой, а вмѣсто меня въ своихъ воспоминаніяхъ поставь роковую «точку»... А такъ какъ отвернуться вамъ неудобно, то вы поступите такимъ манеромъ. [Пишетъ]. «Если же хочешь сохранить меня для жизни, для себя, то несчастіе мое и это честное признаніе не помѣшаютъ

нашему браку. Твои средства» — въ скобкахъ: [пишетъ] («для поправленія дѣлъ моихъ нужно непремѣнно 30.000) спасутъ меня отъ разоренія, а тамъ я напрягу всѣ силы, чтобы лелѣять тебя въ роскоши, достойной твоей восхитительной красоты. Прости мое безумное увлеченіе ею!» — Баста! [Свертываетъ письмо]. Любопытство Сусанны Александровны удовлетворится вполнѣ. — Эй! [Входитъ слуга]. Сейчасъ опустить въ ящикъ... Впрочемъ, я самъ. [Про себя]. Не мѣшаетъ, если этотъ документъ минуетъ лакейскаго нюха. [Уходитъ въ заднюю дверь].

слуга. Ловкій парень, ловкій! Съ какой стороны ни взгляни, жуликъ какъ есть. За давишнюю барышню я-бъ те наклалъ! Вотъ какъ, сердечную, жалко!

ЯВЛЕНІЕ III.

Слуга, братья Аникѣевы и потомъ Мажаровъ.

аникѣевъ ст. А Валерьянъ Николаевичъ?

слуга. Сейчасъ будутъ.

аникѣевъ ст. Хорошо, мы подождемъ. [Слуга уходитъ].

аникѣевъ мл. Говорятъ, Matthieu, что Мажаровъ нешутя женится на m-lle Gladicheff?

аникѣевъ ст. [пожимая плечами]. Можетъ быть. Хоть я и думалъ о Мажаровѣ, что онъ слишкомъ смѣлъ для любви и слишкомъ остороженъ для женитьбы, но... можетъ быть.

аникѣевъ мл. Да, можетъ быть.

аникѣевъ ст. Припомни, гдѣ мы съ нимъ познакомились.

аникѣевъ мл. Ха-ха!.. Въ самомъ дѣлѣ!

аникѣевъ ст. А-а! Это было у каскадной пѣвицы въ уборной, и Мажаровъ очень мило настоялъ, чтобы его не выгоняли, когда... когда, вслѣдствіе требованій туалета, насъ всѣхъ выгнали вонъ. Что же касается брака, не говорю таинства, но какъ общественнаго учрежденія, то я не встрѣ-

чалъ людей съ болѣе крайними мнѣніями, какъ Валерьянъ Николаевичъ. Но все-таки онъ можетъ жениться на m-lle Gladicheff Будетъ ли она счастлива съ нимъ, это, разумѣется, другой вопросъ.

АНИКѢЕВЪ мл. Конечно, другой вопросъ. А вотъ и хозяинъ. Bonjour, Валерьянъ Николаевичъ!

МАЖАРОВЪ [входя]. Здравствуйте, господа! Очень радъ. Если вы пожертвовали мнѣ вашимъ временемъ, то надо провести его съ пользой. Эй! [Входитъ слуга]. Завтракъ, Лафиту, шампанскаго. Живо!

АНИКѢЕВЪ мл. Мы сейчасъ вспоминали наше знакомство у m-lle Clichot, хе-хе-хе!

МАЖАРОВЪ. Ха-ха! Что съ нею сталось?

АНИКѢЕВЪ ст. Слиняла. Даже Alexis смотритъ на нее равнодушно, и не подыскиваетъ сравненій изъ миѳологіи.

МАЖАРОВЪ [Алексѣю]. Значитъ трико, которое вамъ подарили на память...

АНИКѢЕВЪ мл. Тссъ! Господа, это жестоко. Правда, я находилъ ее остроумной...

АНИКѢЕВЪ ст. Alexis! Какое теперь остроуміе! Эта способность ума—увы!

АНИКѢЕВЪ мл. Ахъ да, увы, увы!

[Слуга вноситъ и устанавливаетъ завтракъ].

АНИКѢЕВЪ ст. Кто теперь слыветъ острякомъ, у того—pardon messieurs—языкъ истерся отъ пошлостей, какъ подошва стараго башмака.

АНИКѢЕВЪ мл. Matthieu, эти сравненія... ты меня восхищаешь.

МАЖАРОВЪ. Приступимъ, господа. [Садятся къ столу и ѣдятъ. Мажаровъ разливаетъ вино].

АНИКѢЕВЪ ст. Благодарю. [Пробуетъ]. Прекрасное вино! Сейчасъ мы имѣли удовольствіе раскланяться съ Сусанной Александровной Гладышевой. Какія у нея прекрасныя лошади!

мажаровъ. Недурны. Алексѣй Андреевичъ, попробуйте этого. [Накладываетъ].

аникѣевъ мл. Merci. [Ѣстъ]. Съ ея средствами это неудивительно.

аникѣевъ ст. Что касается средствъ, mon ami, то въ настоящее время трудно судить, у кого какія средства. Гдѣ ихъ предполагаешь, тамъ можетъ не быть ничего; гдѣ ихъ не ожидаешь, въ потемочкахъ, тамъ-то и водятся деньги.

аникѣевъ мл. Въ потемочкахъ, ха-ха-ха!

мажаровъ. Но Гладышевы, насколько я знаю и слышалъ, съ очень хорошими средствами?

аникѣевъ ст. Что у нихъ отличный поваръ, очень мило въ домѣ, что сама m-me Gladicheff восхитительная женщина, все это можно сказать положительно. Но не больше. Кому хочется вѣрить, что у нихъ хорошія средства, пусть вѣритъ. Въ свѣтѣ, Валерьянъ Николаевичъ, слишкомъ много значитъ внѣшность. Охъ свѣтъ, свѣтъ! Еслибъ мы съ Alexis'омъ не любили ѣсть трюфели и пить прекрасное вино... A vorte santé.., то давно скрылись бы отъ свѣта и постриглись въ монахи, ха-ха! [Брату]. Что ты скажешь, плутишка?

аникѣевъ мл. Savez-vous, когда Matthieu съ своимъ удивительнымъ скептицизмомъ начнетъ разбирать все это, то я впадаю въ меланхолію и мой желудокъ отказывается варить.

мажаровъ. Откровенно говоря, Матвѣй Андреевичъ, вы заинтриговали меня. Я имѣю основательныя причины интересоваться состояніемъ Гладышевыхъ.

аникѣевъ ст. Еще бы! Обворожительная Раиса Петровна? Ха-ха!

аникѣевъ мл. Прелестная дѣвушка!

аникѣевъ ст. Охъ, я былъ бы радъ успокоить васъ на этотъ счетъ, Валерьянъ Николаевичъ, но чѣмъ и какъ? Баронесса Пильшау, напримѣръ, живетъ на средства генерала Чупрова и до копѣйки выбираетъ его пенсію. Баронесса говоритъ, что у нея имѣніе въ Тамбовской губерніи.

Я вѣрю, и этому вѣрятъ всѣ. Пока баронесса кормитъ хорошими обѣдами, кому какое дѣло—генералъ ли кормитъ или имѣніе? На каждомъ шагу то же самое. Скажу больше. Представьте, что какой-нибудь подрядчикъ наворовалъ состояніе. Онъ захочетъ общества, и общество явится. Всѣ будутъ вкушать отъ плодовъ этого состоянія, хотя, въ свою очередь, оно плодъ воровства. Если вы скажете, что это дурно и поощряетъ негодяевъ, васъ назовутъ наивнымъ.

АНИКѢЕВЪ мл. И осмѣютъ въ глаза. Ба, Камила Егоровна! [Встаетъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Фрикъ.

МАЖАРОВЪ. [Вставая, въ сторону]. Вотъ принесло дьявола!

АНИКѢЕВЪ ст. Ха-ха-ха! Здравствуйте, здравствуйте, Камила Егоровна! Посмотрите, какъ вы испугали бѣднаго Alexis'а! Вотъ иронія случая, Валерьянъ Николаевичъ! Пока мы завтракали и пили ваше прекрасное вино, намъ и въ голову не могло прійти, чтобы почтенная Камила Егоровна имѣла какое-нибудь отношеніе къ нашему завтраку; а вамъ также не пришло бы на мысль, что мой фракъ, или перчатки Alexis'а могутъ быть въ нѣкоторой зависимости отъ Камилы Егоровны. Но вотъ явилась Камила Егоровна, и мы узнали другъ друга короче, ха-ха-ха! Но развѣ вашъ завтракъ отъ этого хуже? Нисколько! А мой фракъ не такъ же ли ловко сидитъ? Все такъ же. Значитъ, у баронессы Пильшау есть тамбовское имѣніе, а у Гладышевыхъ... Но, pardon, мы васъ не станемъ задерживать. Желаю, чтобы Камила Егоровна была снисходительнѣй съ вами, чѣмъ со мной и бѣднымъ Alexis'омъ, который, voyez-vous, до сихъ поръ не оправился отъ смущенія.

ФРИКЪ. Съ господами Аникѣевыми нельзя быть снисходительной.

АНИКѢЕВЪ ст. Ого, рекомендація!

АНИКѢЕВЪ мл. Bonjour! [Торопливо пожалъ руку Мажарова и, сторонясь Фрикъ, пробирается къ двери].

АНИКѢЕВЪ ст. [пожимая Мажарову руку]. Ха-ха! Бѣдняга считаетъ погибшимъ тотъ день, когда встрѣтитъ Камилу Егоровну. [Уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Мажаровъ и Фрикъ.

МАЖАРОВЪ. Что онъ нагородилъ! Что за намеки! [Фрикъ]. Садитесь. [Фрикъ продолжаетъ стоять. Въ сторону]. И принесло эту!.. [Ей]. Что скажете? Садитесь же!

ФРИКЪ. Я скажу, чтобы вы отдали тѣ деньги, которыя я имѣла непростительную глупость дать вамъ три мѣсяца назадъ. Я никогда и никому не даю денегъ, безъ вѣрнаго обезпеченія и удивляюсь себѣ, какъ это случилось, что вамъ ссудила подъ вексель. Положимъ, я не ожидала, что вы, получивъ мои деньги, съѣдете у меня съ квартиры, хотя и должна была ожидать. Я зла на себя за то, что отъ васъ ожидала. Вы давали такъ много поводовъ ожидать!.. Но все это прошло. Остаются вашъ долгъ и вексель, который я протестовала и подамъ ко взысканію, если вы сію минуту не заплатите денегъ.

МАЖАРОВЪ [въ сторону]. Ну, это ты врешь! [Къ ней]. Ха-ха-ха! Какая вы сегодня сердитая. Прошу же сядьте. [Беретъ ее за обѣ руки съ нѣжностью и хочетъ подвести къ дивану]. Не хотите ли кофе, завтракать?

ФРИКЪ. Ничего я не хочу, и пожалуйста не дотрогивайтесь до меня. [Вырываетъ руки]. Меня это тревожитъ, а я должна слушаться только разсудка. Отдайте деньги, и мы больше никогда не увидимся. Живя у меня, вы ничего не имѣли, поэтому увѣряли... Но къ чему вспоминать! Теперь вамъ, конечно, все равно, если мы больше никогда не увидимся. И мнѣ все равно. Вы живете богато, кормите Аникѣевыхъ, значитъ, имѣете деньги. Свои или чужія—вамъ

все равно. И мнѣ все равно, чьими бы ни получить, только отдайте.

Мажаровъ. Такъ я же насильно усажу васъ съ собою, если не слушаете просьбъ. [Обнимаетъ ее за талію и хочетъ усадить].

Фрикъ [вырываясь]. Ахъ, ахъ!.. Прошу, Мажаровъ, до меня не дотрогиваться. Я никому никогда не позволяла дотрогиваться до себя и знаю къ чему это ведетъ. [Садится].

Мажаровъ [садясь рядомъ]. Но мнѣ вы позволяли вотъ такъ держать ваши руки [беретъ ея руки], и склоняли голову ко мнѣ на плечо, и говорили разныя хорошія слова... глубоко и часто вздыхали... А разъ, когда мы пили кофе съ жирными сливками, вы взяли мою голову и крѣпко, крѣпко прижали къ груди. Видите, я все помню, и мнѣ пріятны эти воспоминанія.

Фрикъ. Правда, я взяла вашу голову и прижала къ груди, въ которой тогда совершалось что-то особенное. Но теперь я раскаиваюсь въ этомъ и прошу—отодвиньтесь подальше. Я всю жизнь была недовѣрчива къ разнымъ авансамъ, которые мнѣ дѣлали мужчины. Я понимала, что имъ больше всего нравились мои деньги. Вамъ одному хотѣлось вѣрить, когда вы говорили, что во мнѣ очень много привлекательнаго, и что серьезный человѣкъ предпочтетъ счастье со мною амурамъ съ какою-нибудь дѣвочкой. Вотъ почему я прижала вашу голову къ груди. Это былъ порывъ... Потомъ я отъ васъ убѣжала и заперлась. Вы хотѣли быть дерзки. Я не позволила вамъ быть дерзкимъ и никогда никому не позволю. Я могу упрекнуть себя въ одной слабости, что дала вамъ тогда денегъ, но ни въ чемъ другомъ упрекнуть себя не могу. И теперь вы напрасно опять придвигаетесь и жмете мнѣ руку. Въ другой разъ вы меня не обманете. И если я говорю, что сію минуту подамъ ко взысканію, то сдѣлаю это.

Мажаровъ. Не сдѣлаете, не захотите разстроить выгодное дѣло, которое у меня почти въ рукахъ. Когда дѣло

удастся, и я буду имѣть порядочныя деньги, тогда Камила Егоровна не станетъ отнимать своихъ ручекъ, повѣритъ моему расположенію и опять прижметъ къ груди мою голову. Правда? Вы богаты. Чего стоитъ вамъ подождать немного!

ФРИКЪ. Да, я богата, но ждать не могу. Я богата и средствами и чувствами, кому они нужны; но ждать всетаки никакъ не могу.

МАЖАРОВЪ. Въ томъ-то и дѣло, что мнѣ нужны ваши чувства. Поэтому и не хочется ссориться съ вами.

ФРИКЪ. Еслибъ вамъ нужны были мои чувства, Мажаровъ, вы не съѣхали бы отъ меня съ квартиры, а я не поглупѣла бы до того, какъ теперь, что сижу и слушаю васъ, вмѣсто того, чтобы хлопотать объ исполнительномъ листѣ, для заключенія васъ подъ арестъ. Вѣрно вамъ нечѣмъ заплатить, что тянете канитель. Я твердо рѣшилась преслѣдовать васъ, Мажаровъ, если не заплатите, и не столько за долгъ, сколько за то, что я думала объ васъ лучше, чѣмъ слѣдуетъ. Отъ этого произошли нѣкоторыя разстройства въ моихъ дѣлахъ и кухарка стала меня обворовывать.

МАЖАРОВЪ. Ха-ха-ха! Преслѣдовать за то, что вы обо мнѣ думаете и что кухарка ваша воруетъ. Это забавно!

ФРИКЪ. Если васъ арестуютъ, то никому отъ этого не будетъ больнѣе, чѣмъ мнѣ. Этимъ я накажу себя. Я буду мучиться за васъ,—мучиться больше, чѣмъ вы.

МАЖАРОВЪ. Изъ сего явствуетъ, милая моя Камила Егоровна, что вы меня любите, а?

ФРИКЪ. Если я не первой молодости, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что не могу любить больше каждой дѣвчонки. Напротивъ... напротивъ, я много ждала и много боролась съ собой. И я сомнѣваюсь, можно ли найти дѣвушку, въ которой было бы такъ много чувствъ, сколько во мнѣ. Пожалуйста, Мажаровъ, не дотрогивайтесь до моей таліи!

МАЖАРОВЪ. Нѣтъ, дотронусь.

ФРИКЪ. Ахъ, какой вы настойчивый!

МАЖАРОВЪ [обнимая]. Дотронусь, и вы не станете противиться. Зачѣмъ противиться, если любите?

ФРИКЪ. Нѣтъ, я должна противиться и ничего вамъ не позволю, Мажаровъ.

МАЖАРОВЪ. Не подавайте, по крайней мѣрѣ, ко взысканію векселя.

ФРИКЪ. Подамъ, если... если я въ васъ окончательно ошиблась и если мои желанія и чувства не приведутъ ни къ чему.

МАЖАРОВЪ. Приведутъ къ чему хотите, прелестная моя Камила Егоровна. [Хочетъ ее поцѣловать].

ФРИКЪ. Ахъ, ахъ, ни за что!.. [Отодвигается]. Я могу хотѣть, чего должна хотѣть каждая честная дѣвушка. Ничто не сдѣлаетъ изъ меня вѣтреницы, Мажаровъ. Поэтому, если ищете моей любви, то возьмите ее такъ, какъ я могу дать.

МАЖАРОВЪ [удивленно]. То-есть?

ФРИКЪ. Еслибъ я позволила любить себя опрометчиво, то была бы глупѣй всякой дуры, потому что не получила бы на васъ никакихъ правъ. Дайте мнѣ права и возьмите мои чувства, Мажаровъ.

МАЖАРОВЪ [еще съ большимъ удивленіемъ]. То-есть?

ФРИКЪ. То-есть, я позволяю сдѣлать мнѣ формальное предложеніе и если стану вашей женой, то вы нисколько не раскаетесь.

МАЖАРОВЪ [вставая]. Ха-ха-ха! Вотъ такъ пуля! Сколько вамъ лѣтъ, почтеннѣйшая Камила Егоровна?

ФРИКЪ [встаетъ]. Сколько бы ни было, но впереди ихъ достаточно, чтобы васъ проклинать. Помните это, Мажаровъ. Прощайте! Вы мнѣ не заплатили. Помните! Теперь я убѣдилась, что на свѣтѣ нельзя прожить, не сдѣлавъ глупости хоть разъ, какимъ бы благоразуміемъ ни обладала женщина. Я сдѣлала глупость, и вы за нее поплатитесь! [Быстро уходитъ, багровая отъ ярости].

МАЖАРОВЪ. Ахъ, черномазая жердь съ длиннымъ носомъ! Жениться на ней! Ха-ха-ха! Если бы всю жизнь не видать ни одной женщины, кромѣ вѣдьмъ, и тогда тобой не прельстишься!.. Какъ?!.. Матушка?!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Мажаровъ и Софья Ивановна.

[Тщедушная старушка болѣзненнаго вида].

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Здравствуй, Валерьяша, голубчикъ! [Объятія].

МАЖАРОВЪ. Не ожидалъ!.. Какими судьбами? зачѣмъ?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ты будто сердишься, что я пріѣхала?

МАЖАРОВЪ. Пустяки. Но интересно, что заставило васъ пріѣхать чуть не за тысячу верстъ? Расходы, утомленіе... Вы же такая хворая... Храбро! Не желаніе же видѣть меня?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ты знаешь, Валерьяша, какъ я тебя люблю, и что въ томъ удивительнаго, если мнѣ хотѣлось видѣть тебя? А ты... не въ духѣ, сердишься... [Смахнула слезу]. И обнять себя хорошенько не далъ!

МАЖАРОВЪ. Все это прекрасно, и я, конечно, радъ видѣться съ вами; но... догадываюсь, даже увѣренъ, что пріѣхали вы не затѣмъ только, чтобы меня обнять. И въ этомъ вопросъ. Поэтому, безъ дальнихъ околичностей, объясните въ чемъ дѣло.

СОФЬЯ ИВАНОВНА [вздохнула и потупилась]. Я бы не пріѣхала, еслибъ Ната...

МАЖАРОВЪ [вскакивая съ дивана]. Ната, Ната! Конечно, вы пріѣхали по милости этой Наты, которая козыряетъ у васъ, какъ солдатъ въ юбкѣ, и вертитъ всѣмъ, какъ хочетъ. Ната!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ты знаешь, Валерьяша, какъ меня всегда огорчало, что ты не любишь сестру... что вы не ладите. [Плачетъ].

МАЖАРОВЪ. Э, представьте, пожалуйста! Еслибъ ваша Ната не была такой дурой, такой дерзкой и злой дѣвкой, вамъ бы не пришлось проливать слезы надъ нами.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ты несправедливъ къ ней, мой другъ. Ты осуждаешь ее, она осуждаетъ тебя...

МАЖАРОВЪ. Оставимъ! Не о томъ рѣчь. Вы пріѣхали. Въ этомъ видно вліяніе Наты...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Да, она безпокоилась...

МАЖАРОВЪ [злобно]. Ха-ха-ха!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ты не писалъ. Четвертый мѣсяцъ мы не имѣли отъ тебя ни строчки. Мнѣ Богъ знаетъ что въ голову приходило, Валерьяша. Случалось напролетъ цѣлыя ночи думать о тебѣ; думаешь... и боленъ-то ты, и въ бѣдѣ, чего-чего не придумаешь...! [Беретъ его за руки]. Милый ты мой, какъ же я рада, что вижу тебя! Зачѣмъ съ перваго слова о дѣлахъ, когда... Мы, матери, глупы. Приласкать хочется, приголубить, наглядѣться на своего роднаго... Матери такъ памятно прошлое, Валерьяша... когда ты, теперь такой молодецъ, былъ еще крошкой. Вспоминается, какъ ты засыпалъ у меня на колѣняхъ, какъ ровно и тихо дышалъ на груди... Все: какъ лепеталъ, рѣзвился, шалилъ... [Обнимаетъ его съ сердечной нѣжностью]. Радость моя! Не сердись на меня! У меня вѣдь только и жизни, что дѣти, что ты, первенецъ мой любимый!

МАЖАРОВЪ. Полно, матушка, довольно! [Тихо освобождается]. Потолкуемъ. Вы говорите, Ната безпокоилась, что я не писалъ. Ясно, что она командировала васъ за справками и...

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Мы вмѣстѣ.

МАЖАРОВЪ [вскакиваетъ]. Какъ?! И она?!

СОФЬЯ ИВАНОВНА [робко]. Со мной, Валерьяша. Она выходитъ замужъ.

МАЖАРОВЪ. Нашелся таки оселъ, который на ней женится. Ну-съ?

софья ивановна. Нехорошо, Валерьяша. Ну кое-что изъ приданаго сдѣлать...

мажаровъ. Натѣ *приданое* и за этимъ ѣхать въ столицу? Ха-ха-ха!

софья ивановна. Ну и деньги.

мажаровъ [злобно]. А-а, наконецъ-то! Наконецъ мы договорились до дѣла!

софья ивановна. Но какъ же, милый, не говорить о деньгахъ, когда онѣ ей дѣйствительно нужны? Выдѣлить Нату я хотѣла давно. Другія сестры молоды еще, подождутъ. Ты же взялся устроить это. Вѣдь ты заложилъ землю въ банкъ?

мажаровъ. Ссуда получена. Вы это знаете, слѣдовательно нечего спрашивать.

софья ивановна. Вотъ эти деньги, эти 10.000, которыя ты получилъ изъ банка для Наты, она и ждала. Ты не писалъ, денегъ не присылалъ, а между тѣмъ скоро свадьба. Ната очень тревожилась...

мажаровъ. Конечно, конечно! Ругала меня на всѣ корки!.. Ахъ, вотъ онѣ, самолично, ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Наташа [1]) и прикащики

[изъ мануфактурнаго магазина и отъ ювелира, со свертками].

наташа. Здравствуй, Валерьянъ! [Прикащикамъ]. Положите здѣсь. [Перебираетъ свертки]. Разъ, два, три... Полотно... А картонъ? Тальма?

1-й прикащикъ. Все здѣсь.

наташа. Валерьянъ, потрудись заплатить этому господину 320 рублей. [Другому прикащику]. Дайте сюда. Ложки...

---

[1]) Вида мужественнаго, съ энергичными манерами и громкимъ голосомъ. Одѣта очень просто, въ темные цвѣта.

браслетъ, серьги... [открываетъ коробку]. Все. А за эти вещи, Валерьянъ, заплати 218 рублей. Такъ?

2-й прикащикъ. Точно такъ-съ.

наташа. Слѣдовательно, всего 538 рублей. [Прикащикамъ]. Сейчасъ вамъ заплатятъ.

мажаровъ. Ха-ха-ха! Это забавно!

наташа. Какъ? Ничего смѣшного тутъ нѣтъ и забавнаго ровно ничего. Заплатите этимъ господамъ изъ моихъ денегъ 538 рублей.

мажаровъ [взбѣшенъ. Прикащикамъ]. Заберите эти свертки, коробки и убирайтесь вонъ!

наташа. Что-о?! Нѣтъ, они ничего не заберутъ и не уйдутъ, пока ты имъ не заплатишь.

софья ивановна. Отчего же, Валерьяша, ты не хочешь?..

мажаровъ. Э, замолчите! Въ настоящую минуту у меня можетъ не быть при себѣ денегъ и... нѣтъ... Сестрицѣ вздумается натащить тряпокъ, побрякушекъ, всякаго вздора...

наташа. И за все это ты обязанъ заплатить, безъ разговоровъ и дерзостей.

мажаровъ. Да, хорошо-съ, хорошо! [Прикащикамъ]. Оставьте ваши адреса. Я пріѣду въ магазины и расплачусь.

[Прикащики забрали вещи, переглянулись съ усмѣшкой и ушли].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мажаровъ, Софья Ивановна и Наташа.

наташа. Что, матушка, не права я, что мои деньги не въ вѣрныхъ рукахъ?

мажаровъ. Если у тебя есть хоть капля смысла, не тараторь и выслушай. Мать говоритъ, что твоя свадьба близка. Но моя еще ближе.

софья ивановна. Какъ, ты женишься, Валерьяша?

мажаровъ. Да, женюсь; на дѣвушкѣ изъ высшаго круга и очень богатой.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Какъ же я рада!

НАТАША. Погодите радоваться. Я знаю, къ чему клонится дѣло. Продолжайте-съ! Ты женишься на аристократкѣ и богачкѣ. Если эту невѣсту имѣешь не во снѣ, она мнѣ жалка.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Наташа!

НАТАША. Продолжайте!

МАЖАРОВЪ. Невѣсту мою зовутъ Раисой Петровной Гладышевой, и матушка вскорѣ съ нею познакомится. [Къ матери]. Вы понимаете, что въ такой домъ, какъ Гладышевыхъ, войти не легко.

НАТАША. А жениться на Гладышевой еще труднѣе. Дальше-съ!

МАЖАРОВЪ. Да, труднѣе. Труднѣе, чѣмъ тебѣ найти мужа, котораго ты искала безъ малаго 10 лѣтъ. [Къ матери]. Чтобы войти въ богатый домъ на правахъ знакомаго, а тѣмъ болѣе жениха, необходимо, конечно, имѣть фракъ не хуже, чѣмъ носятъ лакеи въ этомъ домѣ. Вращаясь въ обществѣ Гладышевыхъ, нужно бывать вездѣ, гдѣ бываютъ они; въ оперѣ торчать не въ райкѣ, въ концертахъ не въ послѣднихъ рядахъ. За каретой Гладышевыхъ невозможно трястись на оборванномъ Ванькѣ. Нужныхъ людей изъ ихъ общества нельзя принимать у черта на кулижкахъ, и нельзя сервировать имъ селедку изъ обжорной лавчонки. Не правда ли, матушка?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Конечно, мой другъ...

НАТАША. А такъ какъ Валерьяну Николаевичу не на что было разыгрывать большого барина, то... ха-ха! Ясно... Голову даю на отсѣченіе, если у него изъ моихъ 10.000 осталась хоть копѣйка. Не на мое вышло, матушка? Не права была я, что онъ обманетъ насъ и прокутитъ деньги? Я просила, настаивала, чтобы вы не давали ему довѣренности на залогъ земли. Не права я?

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Если ты дѣйствительно истратилъ сестрины деньги, Валерьянъ, то это нехорошо...

мажаровъ. Постойте! Послушайте! Надо имѣть голову моей сестрицы, чтобы дойти до ея выводовъ. Если теперь, сію минуту у меня денегъ и нѣтъ, то вскорѣ, послѣ свадьбы, будетъ въ десять разъ больше, нежели дали мнѣ въ банкѣ. [Къ сестрѣ]. Достанетъ не только расплатиться съ тобою, но хватитъ и на дурацкій колпакъ твоему жениху.

наташа. Да-а? Но я не допущу васъ, Валерьянъ Николаевичъ, обрядить въ дурацкіе колпаки вашу невѣсту и ея родню. Да будетъ это вамъ извѣстно и вѣдомо! Твоя плутня настолько красива, что скрывать ее жаль. Обобрать насъ, чтобъ обмануть невѣсту! Отлично!

мажаровъ. Боже, какъ глупа!

софья ивановна. Валерьянъ, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такъ поступать?.. А если Гладышевы считаютъ тебя за богатаго человѣка?

мажаровъ. Вы, наконецъ, меня взбѣсите! Что за дичь! Дайте же себѣ трудъ хоть каплю подумать. Овладѣть обстоятельствами въ свою пользу — развѣ это обманъ? Ротозѣи, неумѣющіе пользоваться случаемъ, обыкновенно слывутъ за несчастныхъ людей. Имъ три исхода: либо въ могилу, либо въ домъ сумасшедшихъ, либо на каторгу. Логично ли осуждать меня за то, что мнѣ не по вкусу эти дорожки?

наташа. И такъ далѣе. Мы привыкли къ твоему краснобайству и дорого платились, пока тебя слушали. Фактъ остается фактомъ. Ты обокралъ меня, чтобъ обмануть невѣсту, и плодами этого обмана обѣщаешь сквитаться со мною. Но этому не бывать! Я не хочу быть участницей подлаго дѣла.

мажаровъ. Фу, чортъ возьми! Такъ и разитъ навозомъ деревенской нравственности! Лучше сознайся, что ты зла, какъ фурія, и если хочешь мнѣ повредить, такъ отъ злости. Но безсильная злоба забавна.

наташа. Увидимъ! Матушка поѣдемъ. Мы должны сейчасъ разыскать Гладышевыхъ.

мажаровъ. Что? Это зачѣмъ?

наташа. Чтобы открыть имъ глаза.

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Ната, но позволь, какъ же...

НАТАША. Никакихъ возраженій! Вы знаете, что разъ я рѣшила, меня не остановитъ ничто. [**Идетъ къ двери**].

МАЖАРОВЪ. Очнись! Ты съ ума спятила!

СОФЬЯ ИВАНОВНА. Позволь, Ната, надо же обсудить...

НАТАША. Надо сказать правду и больше ничего не надо. [**Рѣшительно повернулась и уходитъ**].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена—гостиная въ домѣ Гладышевыхъ. Богатая обстановка. Три двери: въ задней стѣнѣ и боковыя. Направо—каминъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣра [**сидя въ креслахъ, читаетъ письмо**] и **Домна** [**сидитъ возлѣ, въ круглыхъ очкахъ и вяжетъ чулокъ**].

ДОМНА. Отъ него письмо-то?

ВѢРА. Отъ кого, няня?

ДОМНА. Ишь! знаю, что отъ Ивана Семеныча; нѣтъ, скрытничаетъ! [**Заглядываетъ въ письмо**]. Отцы мои, настрочилъ сколько!.. Онъ что ли?

ВѢРА. Онъ.

ДОМНА. То-то и есть! Шутка ли, словно бисеромъ нанизалъ. А хвалился—работать стану въ лѣсу. Хороша работа, коли мысли сюда летятъ!.. Ну что-жъ онъ... тоскуетъ по тебѣ, а?

ВѢРА. Тебѣ кланяется.

ДОМНА. Тьфу!. «Тебѣ кланяется». Посмѣлъ бы забыть, такъ-то загривокъ намну, какъ пріѣдетъ!.. Да не обо мнѣ толкъ. Эхъ, сударыня, со мной скрытничать словно бы и

грѣшно. Ну-ка-сь, почитай мнѣ. Дай письмо-то. [Беретъ письмо]. Ну, читай хоть отсюда. [Указываетъ спицей и возвращаетъ письмо].

ВѢРА. Изволь. [Читаетъ]. «Все бы здѣсь хорошо, да васъ нѣтъ»...

ДОМНА. Хе-хе-хе! Не на мое вышло? Сразу напала. Ну... а ты какъ?

ВѢРА. Я ничего.

ДОМНА. Извѣстно! Что прачкинъ счетъ тебѣ подай, что письмо это, все ты одного лица будешь. Да ладно, не проведешь! По глазамъ вижу, когда объ немъ думаешь.

ВѢРА [съ улыбкой]. Какіе-жъ тогда глаза у меня?

ДОМНА. Ласковые, вотъ какіе. А то вотъ еще какъ съ тобою бываетъ: подопрешь такъ-то головку, впередъ себя смотришь-смотришь, не шевельнешься. Окликнуть тебя—не сразу услышишь, сказать что—не сразу вдомёкъ: своя думка въ головѣ стоитъ. И думка та объ немъ же, шаршавомъ. Что-жъ, Вѣруня, хорошій онъ парень. Что правда, то правда!

ВѢРА [со вздохомъ пряча письмо]. Ну, няня, есть и о другомъ о чемъ подумать.

ЯВЛЕНІЕ II.

Вѣра, Домна [вначалѣ], **Раиса** [выходитъ изъ лѣвой двери] и потомъ **слуга.**

РАИСА. Няня, мамаша зоветъ. [Домна встаетъ, собирая работу]. Что-жъ это Мажаровъ не ѣдетъ!

ДОМНА. И то! Охъ выкинь его изъ головы, Раиса Петровна, ой выкинь! [Грозится и уходитъ въ заднюю дверь].

РАИСА. Вотъ бѣситъ меня эта нянька!

ВѢРА. Ты думаешь, Раичка,—тебя любитъ Мажаровъ?

РАИСА. А ты думаешь, я не могу нравиться?

ВѢРА. Богъ съ тобой! Отчего не принимать просто, что говорятъ? Непремѣнно вспыхнешь, будто тебя хотятъ обидѣть.

РАИСА. Ну это довольно трудно, я думаю!

вѣра. Главное никому не нужно. Вотъ что пойми. Люди раздражительные—враги себѣ, Раичка.

раиса [съ реверансомъ]. Merci за урокъ! [Вѣра пожимаетъ плечами]. Ну-съ, а по поводу Мажарова какія послѣдуютъ наставленія?

вѣра. Э, лучше не говорить!

раиса [вспыльчиво]. Нѣтъ, ужъ если ты задѣла меня, то должна говорить. Мажаровъ мнѣ нравится. Ты это знаешь. Я вѣрю ему... и—надѣюсь—доказала это.

вѣра. Чѣмъ же ты доказала?

раиса [отходитъ]. Ну это не ваше дѣло-съ.

вѣра. Пусть. Хорошо, буду продолжать о Мажаровѣ.

раиса. Да, и я этого требую!

вѣра. Только не горячись. Мажаровъ кажется мнѣ холоднымъ эгоистомъ...

раиса. Какъ?! Что такое?!

вѣра. Да право. Вглядись въ него хорошенько, въ его глаза, что въ нихъ? — Холодное, жесткое равнодушіе. Посмотри, какъ онъ себя держитъ: усталость, небрежность какая-то. Въ голосѣ что-то язвительное, улыбка насмѣшливая... Какъ хочешь, Раичка, а Мажаровъ не такой человѣкъ, съ которымъ ты можешь быть счастлива.

раиса. Я, матушка, буду счастлива съ кѣмъ захочу. Это первое, а второе — о вкусахъ не спорятъ. Тебѣ нравится какой-нибудь Гречухинъ, съ нечесаной бородой и въ худыхъ сапоженкахъ, а мнѣ Мажаровъ, которому и ты бы дѣлала глазки, еслибъ онъ удостоилъ замѣтить. При тебѣ онъ вялъ, насмѣшливъ и проч. А мнѣ взгляда довольно, чтобы въ немъ вспыхнуло такое чувство, такое... отъ котораго въ глазахъ потемнѣетъ, все забудешь, все!.. Ахъ, Вѣра, еслибъ ты знала!.. Прости, душечка, если я наговорила тебѣ непріятнаго! [Бросается цѣловать сестру]. И что-жъ, что у Гречухина борода нечесаная. Ты причешешь, когда онъ пріѣдетъ. Только не брани моего Валерьяна. Онъ вовсе не похожъ, какъ ты рисуешь его. Ахъ, Вѣра, отчего

я не такая, какъ ты, разсудительная, спокойная?... Впрочемъ, ты вѣдь хододная.

ВѢРА [подходитъ и ласкаетъ сестру]. Вотъ и пріуныла! Этого съ тобой не случалось. О чемъ?

РАИСА. Тебя никто не обманетъ, и все-то ты замѣтишь, обдумаешь... А все-таки про Валерьяна не будемъ говорить дурно. Душечка, милая, не говори! Мнѣ это несносно, больно...

ВѢРА [садясь рядомъ]. Раичка, у тебя есть что-то на душѣ. Поговоримъ, дружокъ, откровенно.

РАИСА [отрицательно покачала головой, вздохнула и встала]. Однако, сегодня у насъ гости къ обѣду. Надо пріодѣться. [Передъ зеркаломъ]. Какъ думаешь, не надѣть ли мнѣ шарфикъ bleu-marin?

[Входитъ слуга и на подносѣ подаетъ Раисѣ письмо].

РАИСА. Мнѣ? [Взглянула на конвертъ]. Ахъ, Валерьянъ!.. [Слуга уходитъ. Раиса быстро срываетъ конвертъ и читаетъ молча]. А ты, Вѣра, говорила, что онъ холодный! Слушай! [Читаетъ]. «Пульсъ жизни моей—это біеніе твоего любящаго сердца». Что-съ?

ВѢРА. Однако вы съ нимъ на *ты!*

РАИСА. Да-съ! И, пожалуйста, не серди меня.

ВѢРА. Читай, читай! Послѣ такого начала не будетъ хорошаго конца.

РАИСА. Пожалуйста, Вѣра Петровна, пожалуйста!

ВѢРА. Читай.

РАИСА [читаетъ]. «Но я на краю пропасти»... Что это значитъ?! [Быстро читаетъ про себя]... «и, если твоя ручка не удержитъ меня, я буду тамъ... съ черепомъ, разнесеннымъ въ куски... Шесть пуль»... Господи да что-жъ это такое? Что случилось? Вѣра!

ВѢРА [участливо подходитъ]. Читай дальше!

РАИСА [читаетъ]. «Я почти нищій»... Ахъ, Вѣра, милая... я умру!

ВѢРА. Не волнуйся. Дочитай.

ЯВЛЕНІЕ III.

Вѣра, Раиса и Гладышева [изъ правой двери].

РАИСА. Мамочка, душечка, бѣда, бѣда! Валерьянъ нищій! Слышите—нищій! Вотъ письмо, ужасное письмо!

ГЛАДЫШЕВА. Письмо отъ Мажарова къ тебѣ!? Дай!

РАИСА. Охъ, я еще не дочла. Не мѣшайте мнѣ, отойдите, отойдите! [Отходитъ и читаетъ]. «Предпріятія мои лопнули, если теперь же не дать имъ поддержки. Всему виною *несчастная случайность*». Слышите?

ГЛАДЫШЕВА [заглядывая въ письмо]. И слушать не хочу. Но какъ смѣть писать тебѣ и на *ты!?*

РАИСА. Ахъ, отстаньте, отстаньте!.. *Ты, вы* — велика разница. [Читаетъ]. «Ты можешь отъ меня отвернуться, и *я покончу съ собою*»!.. Слышите, maman? [Читаетъ]. «Если же хочешь сохранить меня..., то несчастье мое не будетъ препятствовать... браку. Твои средства... Для поправленія дѣлъ моихъ нужно немедленно 30.000»...

ГЛАДЫШЕВА. Какая наглость! Дай сюда! [Беретъ письмо и рветъ въ клочки].

ВѢРА. Я такъ и знала!

РАИСА. Maman, вы сейчасъ должны дать мнѣ 30.000, слышите—сейчасъ!

ГЛАДЫШЕВА. Ты съ ума сошла!

РАИСА. Сейчасъ, сію минуту, иначе я утоплюсь, удавлюсь, зарѣжусь, приму яду! Сію минуту!

ГЛАДЫШЕВА. Опомнись, ma chére! Если этотъ негодяй успѣлъ настолько тебя завлечь, что ты позволила говорить себѣ «ты», то изъ письма его, кажется, ясно, *кто* онъ.

РАИСА. Я сказала и сдѣлаю. [Схватываетъ съ камина флаконъ съ духами]. Если вы сію минуту не дадите мнѣ 30.000, я залпомъ выпью эти духи! Они сожгутъ мнѣ внутренность.

ВѢРА. Позволь, Раичка. Я вижу, что... Maman, дѣло, кажется, серьезно. Дай, дружокъ, флаконъ. [Отбираетъ его]. Maman все сдѣлаетъ, только успокойся, пожалуйста!

гладышева. Но разсуди, Раиса...

раиса. Слышать ничего не хочу! Теперь поздно разсуждать.

гладышева. Какъ... какъ «поздно»?

раиса. Ахъ, да не ребенокъ же вы! Словомъ я должна быть женой Валерьяна. [Рыдаетъ]. Ахъ, Вѣра, а я еще упрекала тебя, что ты посѣщала Гречухина. Какая я гадкая!

гладышева [пораженная, опускается на диванъ]. Этого, Раиса, я никакъ отъ тебя не ожидала, никакъ!

вѣра [обнявъ сестру, ласкаетъ и цѣлуетъ ее]. Maman, надо идти за Мажарова, какъ это ни горько. Тридцать тысячъ пусть будутъ приданымъ Раисы. Отдайте мое, если нужно.

гладышева. Но я... не могу...

раиса. Какъ не можете?

гладышева. Не могу, потому, что у меня... нѣтъ денегъ.

раиса. У васъ нѣтъ денегъ, когда дѣло идетъ о моей жизни? Нѣтъ какихъ-нибудь 30.000, когда мы живемъ такъ богато!

гладышева. Ma chère, ты не понимаешь, что такое деньги... И неужели-бъ я стала жалѣть для тебя!

вѣра. Надо заложить или продать имѣніе, бриллiанты, словомъ пожертвовать всѣмъ, maman. Развѣ-жъ вы не понимаете этого?

гладышева. Но, мой другъ, наше имѣніе... его взяли за долги... Закладывать нечего. Тряпки и bijouterie — что это дастъ? Mon Dieu! [Въ отчаяніи ломаетъ руки].

вѣра. Не плачь, Раичка. [Матери]. Но чѣмъ же мы жили? У насъ экипажи, пріемы...

гладышева. Ахъ, не говори!.. Не спрашивай! Я напишу... достану денегъ. Раиса, я достану... Дайте собраться съ мыслями. Уйдите!

раиса [бросается на шею къ матери]. Мамочка, простите меня, дорогая! Я васъ огорчила, а?.. Очень?.. Дайте ваши милыя лапочки. [Горячо и нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руки]. Мамочка! Я ему ужасно отомщу, ужасно!

ГЛАДЫШЕВА. Довольно! Поди оправься. На бѣду, у насъ гости сегодня. Вѣра, уведи ее, успокой. Ради Бога, чтобъ ничего не замѣтили. Идите! [Раиса уходитъ. Гладышева приготовляется писать].

ВѢРА. Къ кому вы будете писать о деньгахъ?

ГЛАДЫШЕВА. Послушай, вы меня уложите, наконецъ, Va-t-en! [Вѣра уходитъ].

ЯВЛЕНIЕ IV.

Гладышева, слуга и потомъ Наташа.

ГЛАДЫШЕВА. Ахъ, Раичка, Раичка!.. дитя мое!.. [Пауза. Закрываетъ лицо руками]. Это ужасно!.. Я теряю способность соображать... О, негодяй!.. Тридцать тысячъ!.. Однако, необходимо достать... Еслибъ ты знала, Раичка, чего стоитъ мнѣ просить эти деньги!.. [Быстро и нервно пишетъ, время отъ времени утирая слезы]. Нѣтъ, это бремя становится мнѣ не подъ силу! [Оправляется и звонитъ. Входитъ слуга]. Отправить съ посыльнымъ. [Конвертуетъ и отдаетъ письмо].

СЛУГА. Сударыня, госпожа Мажарова проситъ принять...

ГЛАДЫШЕВА. Мажарова?!

СЛУГА. Онѣ назвались сестрицей Валерьяна Николаевича. Говорятъ—очень нужно васъ видѣть.

ГЛАДЫШЕВА [удивленно]. Проси. [Слуга уходитъ]. Это еще что такое?!

НАТАША [входя]. Имѣю удовольствіе видѣть Сусанну Александровну Гладышеву?

ГЛАДЫШЕВА. Къ вашимъ услугамъ...[Нерѣшительно]. Прошу васъ...

НАТАША. Позвольте безъ предисловій. Буду откровенна съ перваго слова. Этого требуютъ обстоятельства и мой долгъ. Дочь ваша не должна выходить за брата моего, Мажарова, если думаетъ, что онъ съ состояніемъ и если хочетъ быть счастливой.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Раиса и Вѣра.

гладышева. Вы... очень меня удивили. Извините, если не найдусь, что сказать... Благодарю васъ, но... [**Входитъ Раиса**]. Дочь моя — Раиса. [**Дочери**]. La soeur de m-r Majaroff.

раиса [**подходитъ къ Натащѣ съ протянутой рукой**]. Вы сестра Валерьяна... Николаевича?

наташа. И очень жалѣю, что имѣю такого брата, какъ Валерьянъ Николаевичъ.

раиса [**отступая въ изумленіи**]. Да?!

[**Входитъ Вѣра**].

гладышева [**въ сторону**]. Можно съума сойти! [**Наташѣ**]. Старшая дочь моя—Вѣра. [**Дочери**]. Сестра г. Мажарова. [**Вѣра издали кланяется**]. Извините, если я васъ оставлю. Мнѣ такъ нездоровится!.. [**Уходитъ**].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Наташа, Раиса, Вѣра и въ концѣ слуга.

наташа [**Раисѣ**]. Вы — я вижу — поражены тѣмъ, что я сказала про брата?

раиса. Признаюсь.

наташа [**Вѣрѣ**]. Я высказала вашей сестрѣ сожалѣніе, что у меня такой братъ, какъ Валерьянъ. Передъ этимъ, матушкѣ вашей я сказала, что пусть Раиса Петровна не выходитъ за него, если ищетъ счастья и думаетъ, что у брата есть средства. [**Раисѣ**]. То же повторяю и вамъ.

раиса. Но мы знаемъ, что дѣла его разстроены... предпріятія...

наташа. Дѣла, предпріятія! У него нѣтъ никакихъ предпріятій и дѣлъ. Для этого онъ слишкомъ лѣнивъ и всегда

мечталъ сѣсть на готовое, особенно съ тѣхъ поръ, какъ спустилъ все, что дала ему мать.

ВѢРА [подходитъ и съ интересомъ глядитъ на Наташу]. Но Валерьянъ Николаевичъ вашъ братъ...

НАТАША. Поэтому я не должна говорить правду? Когда онъ вредилъ только себѣ, я съ нимъ бранилась, но, понятно, не болтала про его глупости. Когда же онъ хочетъ сподличать насчетъ другихъ, ни я, ни матушка этого не допустимъ. Вчера я объявила ему, что разыщу Гладышевыхъ и открою имъ глаза. Разыскала и открываю. [Раисѣ]. Чтобы жениться на васъ, онъ прикидывается большимъ бариномъ; но деньги, на которыя онъ это продѣлывалъ, были чужія. Вамъ нѣтъ дѣла—чьи именно; достаточно знать, что чужія. Женившись, онъ разсчитывалъ уплатить вашими деньгами долгъ, сдѣланный для того, чтобы васъ обмануть.

РАИСА [растерянно]. Но онъ сознался, что нужна поддержка... Писалъ...

ВѢРА. Но когда все это, *когда?* [Обнимаетъ сестру]. Бѣдная ты моя, птичка глупенькая!.. [Раиса плачетъ]. Да, Валерьянъ Николаевичъ дурной человѣкъ.

НАТАША. И едва ли не хуже, чѣмъ я сама думаю. О чемъ вы такъ горько плачете, Раиса Петровна?

ВѢРА [съ сильномъ волненіи]. Валерьянъ Николаевичъ такъ поступилъ... что... что, несмотря на все слышанное отъ васъ, Раичка не можетъ не выйти за него замужъ. [Отходитъ].

НАТАША. Вотъ, что!.. Господа, я терпѣть не могу, когда рюмятъ; но, видите, плачу сама. Значитъ, меня прошибло! На вашемъ мѣстѣ, Раиса Петровна, я бы не вышла за Валерьяна, а дала бы ему добрую пощечину. [Беретъ ея руки]. Но ваши ручки слишкомъ нѣжны для этого. И какъ это жаль! Что-жъ, нечего дѣлать, выходите. Я буду драться за васъ, насколько это можетъ быть вамъ полезно, дорогая моя. За мать и себя даю слово, что мы сдѣлаемъ все, чтобы вамъ не было худо. Кого я брала подъ защиту, тотъ знаетъ, что мое горло и мой кулакъ постоятъ за себя. Меня даже мужики боятся. Смотрите же веселѣй!

вѣра [крѣпко пожимая ея руку]. И, конечно, всѣ любятъ.

наташа. Представьте, нашелся мужчина, который не признаетъ во мнѣ очаровательныхъ свойствъ, ха-ха! Дичится. Впрочемъ онъ звѣрь, въ лѣсу живетъ. Но премилый малый—этотъ Гречухинъ.

раиса. Гречухинъ? Иванъ Семеновичъ?

наташа. Иванъ Семеновичъ, нашъ новый лѣсничій.

раиса. Вѣра, слышишь?

вѣра. Слышу.

наташа [Вѣрѣ]. Развѣ знакомы?

раиса. О, большіе друзья, даже больше, чѣмъ друзья.

вѣра [сестрѣ]. Опять готова повѣсничать!

слуга [входитъ]. Матвѣй Андреевичъ и Алексѣй Андреевичъ Аникѣевы.

вѣра. Доложи мамашѣ. [Слуга уходитъ]. Пойдемте ко мнѣ, mesdames. [Уходятъ всѣ въ лѣвую дверь].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Братья Аникѣевы.

аникѣевъ ст. Какъ полагаешь, Alexis, сегодня мы хорошо пообѣдаемъ?

аникѣевъ мл. О, да! У Сусанны Александровны великолѣпный поваръ, и если намъ дадутъ котлетки maréchale et des truffes...

аникѣевъ ст. Ха-ха, ты трюфели любишь, плутишка?

аникѣевъ мл. Хе-хе-хе!

аникѣевъ ст. И бутылочку кло-де-вужо?

аникѣевъ мл. И champagne...

аникѣевъ ст. [треплетъ брата по плечу]. Ха-ха! Ты удивительный сластена, Alexis.

аникѣевъ мл. Но, Matthieu...

аникѣевъ ст. Сластена и я? О, да, мы оба эпикурейцы!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Гладышева

[входитъ при послѣднихъ словахъ].

ГЛАДЫШЕВА. Вотъ признаніе! Pardon, messieurs...

АНИКѢЕВЪ СТ. [съ поклономъ]. Oh, madame!.. Мы съ братомъ, дѣйствительно, эпикурейцы, но мы черпаемъ изъ чистыхъ источниковъ... красоты, изящнаго.

АНИКѢЕВЪ МЛ. И это наслажденіе теперь понятно немногимъ.

АНИКѢЕВЪ СТ. Ахъ, да, да! Грустно, Сусанна Александровна, грустно, какъ посмотришь, *чѣмъ* теперь живутъ...

АНИКѢЕВЪ МЛ. Ваалъ!

АНИКѢЕВЪ СТ. Именно Ваалъ! Вотъ еслибъ у насъ было побольше гостиныхъ, какъ ваша, гдѣ такъ легко душѣ...

АНИКѢЕВЪ МЛ. Гдѣ освѣжаешься, оживаешь...

АНИКѢЕВЪ СТ. Merci, Alexis. Именно оживаешь...

ГЛАДЫШЕВА. Господа, вы всегда такъ любезны, такъ милы, что еслибъ моя гостиная и имѣла тѣ свойства, которыя вы ей приписываете, то этимъ была бы обязана вамъ.

[Оба брата кланяются съ сладкими улыбками].

АНИКѢЕВЪ МЛ. Вы слишкомъ скромны, Сусанна Александровна.

АНИКѢЕВЪ СТ. Мы только клавиши, на которыхъ играютъ искусные пальчики обворожительныхъ ручекъ хозяйки. [Цѣлуетъ ея руку].

АНИКѢЕВЪ МЛ. [также цѣлуя руку]. Только, только клавиши, хе-хе-хе! [Оба садятся].

АНИКѢЕВЪ СТ. Да, Сусанна Александровна, вы принадлежите къ тому прелестному типу, который, увы, блекнетъ въ нашей атмосферѣ. Прежде существо женщины восхищало насъ, возвышало. Теперь... на первомъ планѣ деньги

и желудокъ, и въ этомъ омутѣ животной мамоны женщина теряетъ весь свой букетъ.

АНИКѢЕВЪ мл. Именно букетъ: женственность, грацію...

АНИКѢЕВЪ ст. Именно. Она знаетъ, какъ выгоднѣе помѣстить деньги, любитъ покушать и даже кутнуть.

ГЛАДЫШЕВА. Господа, вы слишкомъ нападаете... [За дверью шумъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Аникѣевы, Гладышева, Леня Хлюстинъ [врывается въ борьбѣ съ слугою], потомъ **Вѣра и Раиса.**

СЛУГА. Позвольте доложить, такъ нельзя!

ХЛЮСТИНЪ. Какіе теперь доклады! [Отталкиваетъ слугу].

ГЛАДЫШЕВА [изумленно]. Леня?!

ХЛЮСТИНЪ. Онъ самый-съ.

АНИКѢЕВЫ [выразительно переглянулись и, сойдясь, перекинулись замѣчаніями на-ухо].

ГЛАДЫШЕВА [въ замѣшательствѣ]. Вы... вѣрно по тому дѣлу? Можно бы войти поприличнѣй. Прошу васъ сюда. [Указываетъ на правую дверь. Аникѣевымъ]. Господа, одну минутку...

[Слуга уходитъ].

ХЛЮСТИНЪ. Полагаете, что я, можетъ статься, отъ папеньки вамъ денегъ привезъ?

ГЛАДЫШЕВА [тревожно, но настойчиво]. Прошу же ко мнѣ въ кабинетъ.

ХЛЮСТИНЪ. Намъ все одно. Вы папенькѣ написали письмо, что требуется вамъ на замужество дочери 30.000 рублей...

ГЛАДЫШЕВА [въ ужасѣ, въ сторону]. Откуда онъ знаетъ?! [Хлюстину]. Прошу еще разъ пожаловать сюда... Дѣловой разговоръ... На это есть время и мѣсто. А лучше до другого раза. Прощайте!

[Вѣра входитъ изъ лѣвой двери испуганная].

ХЛЮСТИНЪ. Тридцать тысячъ! Хе! Не жирно ли будетъ-съ? И такъ папенька, по слабости своей, на иждивеніе ваше кучу денегъ просаживалъ. У насъ и вексельки ваши есть.

ГЛАДЫШЕВА. Подите вонъ!

ХЛЮСТИНЪ. Имѣвши маменьку, папенька за это Богу отвѣтъ дастъ...

ГЛАДЫШЕВА [энергично звонитъ]. Это какой-то сумасшедшій!

АНИКѢЕВЪ СТ. [Хлюстину]. Послушайте, почтеннѣйшій...

ХЛЮСТИНЪ [грубо отводя его рукой]. Не съ вами разговариваютъ! [Гладышевой]. Маменьку онъ дурой необразованной почиталъ, а она ему милліонъ принесла.

[Входитъ слуга изъ задней и Раиса изъ лѣвой двери].

ГЛАДЫШЕВА [слугѣ]. Выведи этого господина!

ХЛЮСТИНЪ. Меня выводить, ме-ня?! [Отталкиваетъ слугу]. А, ты подальше, холопъ! [Гладышевой]. Вы полагаете, что я, какъ прежде, никакого голосу не имѣю? Атанде! При папенькѣ, я точно—за конторкою прокисалъ... Съ чужого голоса пѣлъ, да! А теперь дудки! Не только тридцати тысячъ на дочернюю свадьбу, вамъ гроша отъ насъ не видать, такъ какъ папенька протянувши ножки лежитъ.

ГЛАДЫШЕВА. Умеръ! [Съ нею дурно. Раиса и Аникѣевъ младш. бросаются къ ней].

ХЛЮСТИНЪ. Ага, срѣзало!

АНИКѢЕВЪ МЛ. Воды! [Раиса выбѣгаетъ въ боковую дверь].

ВѢРА [Хлюстину]. Прошу васъ, умоляю, уйдите!

СЛУГА. Э, да что съ нимъ! [Сильно схватываетъ Хлюстина сзади и, при помощи Аникѣева старш., тащитъ его къ двери. Раиса вбѣгаетъ со стаканомъ воды. Гладышева приходитъ въ себя].

ХЛЮСТИНЪ [въ дверяхъ]. Шабашъ на наши денежки жиръ наѣдать! [Его выталкиваютъ вонъ].

АНИКѢЕВЪ СТ. [въ дверяхъ]. Alexis! [Выразительно киваетъ, чтобы братъ слѣдовалъ за нимъ, и уходитъ].

АНИКѢЕВЪ МЛ. [идя за шляпой, въ сторону]. Вотъ такъ скандалъ! [Бросивъ дамамъ торопливый поклонъ, быстро уходитъ].

РАИСА [испуганно]. Мамочка, что это?.. Я ничего не понимаю!.. [Теребитъ мать, сидящую съ поникшей головой]. Про какія

30.000 онъ говорилъ? Мамочка!.. Отвѣчайте, или я умру!.. Мамочка!

ВѢРА [блѣдная, спокойная, беретъ Раису за руку и ведетъ къ лѣвой двери]. Узнаешь. Оставь насъ вдвоемъ.

РАИСА. Но, Вѣра...

ВѢРА [настойчиво]. Ступай къ Натальѣ Николаевнѣ.

РАИСА [робко]. Какъ ты глядишь... какая ты страшная!.. Уходить].

ЯВЛЕНІЕ X.

Гладышева и Вѣра.

ВѢРА. Что это значитъ, maman?

ГЛАДЫШЕВА. Ахъ, оставь... оставь меня ради Бога!

ВѢРА. Не могу, должна все узнать и узнаю. Я пыталась открыть... куда вы ѣздили въ чужой каретѣ... Я смутно предчувствовала бѣду, задыхалась отъ той лжи, въ которой мы жили... И вотъ... вы, мать моя, оскорблены у себя, у всѣхъ на глазахъ!.. Большаго несчастія быть не могло. Видитъ Богъ, какъ тяжело мнѣ распрашивать; но я васъ слишкомъ много любила... и это требуетъ истины, какъ бы ужасна она ни была, потому что... я ищу примиренія съ вами... Понятно, чего я хочу!

ГЛАДЫШЕВА. Пощади! Я такъ ужасно разстроена...

ВѢРА. Скажите: любили вы отца этого Хлюстина?

ГЛАДЫШЕВА. Вѣра!

ВѢРА. Нѣтъ, отвѣчайте!

ГЛАДЫШЕВА. Боже мой!.. Конечно, онъ былъ не нашего круга, но образованный... Ѣздилъ за границу и совсѣмъ не походилъ на купца... Еще съ твоимъ отцомъ у него были счеты. Мы остались ему должны. Онъ могъ меня погубить, но поддержалъ въ самое трудное время...

ВѢРА. Вы... брали у него деньги, maman?

ГЛАДЫШЕВА. Вѣра, это, наконецъ, неделикатно и... Если онъ боготворилъ меня, что-жъ въ томъ удивительнаго, что старался быть мнѣ полезнымъ?..

ВѢРА [съ выраженіемъ мучительной боли]. Ахъ, maman!

ГЛАДЫШЕВА. Понятно, я не просила, даже давала ему векселя... Только несчастіе Раисы могло меня вынудить на просьбу. Но перестанемъ. Это дѣло моей совѣсти. Хуже всего, что теперь я рѣшительно не знаю, какъ и чѣмъ будемъ мы жить... Но, Вѣра, какъ ты блѣдна!

ВѢРА [слабымъ голосомъ]. Не разсуждайте такъ, нехорошо, нечестно!

ГЛАДЫШЕВА. Но вглядись въ мое положеніе... Я выросла въ роскоши. Съ мужемъ мы жили богато. Эмансипація подорвала наши средства... Отецъ твой былъ не хозяинъ, дѣла оставилъ въ разстройствѣ. Я не знала какъ выпутаться. Я всегда была непрактична и меня обманывали. Хуже и хуже. Грозила нищета... униженіе... Ужасно! Я не могла. Наконецъ, заботы о васъ, дочеряхъ... Надо было за что-нибудь ухватиться...

ВѢРА. Довольно. И въ глубинѣ души вы были покойны? Мама, мама!.. [Рыдаетъ].

ГЛАДЫШЕВА [вставая къ ней]. Вѣра, ради Бога!..

ВѢРА. Охъ, какъ мнѣ больно, какъ стыдно за васъ!.. Легче-бъ видѣть въ гробу васъ, оплакивать вашу память, чѣмъ разставаться съ свѣтлымъ образомъ той дорогой, милой мамы, которую я такъ обожала! [Въ рыданіяхъ падаетъ на колѣни передъ диваномъ, роняя на него руки и голову].

ГЛАДЫШЕВА. Вѣра, дитя мое, перестань!

ВѢРА. Каждая мысль о васъ будетъ отравлена! Что вы надѣлали!

ГЛАДЫШЕВА. Вѣра, голубка моя, какъ ты горячо принимаешь... Успокойся же ради Бога!.. Ну, Вѣрочка, ангелъ мой!.. Перестань, полно тебѣ!..

ВѢРА [встаетъ, успокаиваясь]. Я очень любила васъ, мама. Вы этого не знали. Я не умѣла высказывать... Но очень, очень любила... А теперь... съума можно сойти! [Идетъ къ лѣвой двери].

ГЛАДЫШЕВА [слѣдуя за ней]. Вѣра, ты пугаешь меня... Вѣрочка! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ XI.

Мажаровъ и слуга

[входятъ изъ задней двери].

МАЖАРОВЪ. Встрѣтились Аникѣевы. Летятъ, какъ на пожаръ, сплетничать. Правда, что здѣсь былъ какой-то купчишка? Вышелъ скандалъ?

СЛУГА. Точно, сударь, былъ-съ... насчетъ денегъ...

МАЖАРОВЪ. Да... Значитъ все, что высыпали мнѣ старые болтуны,—правда! Охъ, чтобъ васъ чортъ всѣхъ побралъ!

[Изъ лѣвой двери вбѣгаетъ Раиса, при появленіи которой слуга уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мажаровъ, Раиса и потомъ Наташа.

РАИСА. Валерьянъ! **[Бросается къ нему].** Ахъ, милый, ужасно, ужасно! **[Прячетъ голову у него на груди].**

МАЖАРОВЪ **[отстраняясь].** Ха-ха-ха! «Ужасно»!

РАИСА **[не замѣчая его злого смѣха, быстро продолжаетъ].** У насъ ничего, ни имѣнія, ни денегъ!.. Maman послала тебѣ за деньгами къ одному купцу... Этотъ купецъ давалъ мамѣ денегъ... А онъ, какъ нарочно, умеръ... Явился его сынъ, этого купца, и такой дерзкій! Маму оскорбилъ... Съ ней дурно опять... Няня ее укладываетъ... Вѣра—какъ мертвая... Горе, стыдъ, срамъ! Валерьянъ, уйдемъ отсюда! Возьми меня поскорѣй и уѣдемъ подальше, подальше!

МАЖАРОВЪ. Куда-жъ мы уѣдемъ «подальше», позвольте спросить?

[Наташа входитъ изъ лѣвой двери и остается у нея. Ея не видятъ].

РАИСА. Какъ?!

МАЖАРОВЪ. Куда-съ, если ни у васъ, ни у меня ни копѣйки?! Чортъ же зналъ, что ваша прелестная maman живетъ на фуфу! Прощайте!

РАИСА [цѣпляясь за него]. И ты послѣ всего, что говорилъ... ты хочешь бросить меня?!

МАЖАРОВЪ. По вашей милости я влѣзъ въ долги, истратилъ чужія деньги, потерялъ даромъ время, и теперь изъ меня вымотаютъ жилы, если не смилостивится какая-нибудь Камилка Фрикъ!

РАИСА. Валерьянъ!

МАЖАРОВЪ [стряхиваетъ ее съ своей руки]. Э, убирайтесь! Зачѣмъ вы мнѣ нужны!

НАТАША [тихо подойдя сзади, становится между Раисой и братомъ и взглядомъ, полнымъ презрѣнія, смотритъ ему въ лицо]. Вотъ что называется *честный* человѣкъ!

МАЖАРОВЪ [съ ненавистью]. А, ужъ пролѣзла!

НАТАША [прижимая къ груди совсѣмъ потерянную Раису и не сводя съ брата глазъ]. Чтобъ полюбоваться тобою во всей красѣ. Благодарите Бога, бѣдная моя, что вы «не нужны» ему. Онъ съ головы до пятъ негодяй!

[Мажаровъ, взбѣшенный, быстро уходитъ съ угрожающимъ жестомъ. Наташа нѣжно обнимаетъ Раису].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена—бѣдная комната, съ низкимъ потолкомъ и простою мебелью. Двери—въ задней стѣнѣ, налѣво и направо. Налѣво—окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣра и Домна

[выходитъ изъ правой двери].

ВѢРА. Что дѣлаетъ мама?

ДОМНА [таинственно]. Молится. [Уходитъ въ заднюю дверь].

ВѢРА [заглянула въ правую дверь и остается возлѣ]. Молится... О чемъ молитва твоя, мать?.. Просишь ли ты прощенья, помощи, или просишь, чтобы встать на прежнюю мишурную высоту? [Отходитъ]. Кайся, плачь, мама! Дай мнѣ въ твоемъ горѣ утѣшить свое, въ твоемъ страданіи примириться съ тобою... [Садится за работу].

ЯВЛЕНІЕ II.

Вѣра и Гладышева

[проходитъ прямо къ зеркалу].

ГЛАДЫШЕВА. На что я стала похожа!.. И разомъ такъ постарѣть!.. [Нервно отвертывается отъ зеркала и садится]. Вѣра, эта квартира несносна, какъ хочешь... Надъ головой какой-то дуракъ пилитъ на скрипкѣ... Не дадутъ помолиться... Наконецъ, черные тараканы... Я не могу!.. Передъ окнами помойная яма... Неужели нельзя было сыскать что-нибудь получше?

ВѢРА. Пришлось взять квартиру подешевле, maman.

ГЛАДЫШЕВА. «Подешевле». Зачѣмъ ты напоминаешь, что мы нищіе! зачѣмъ ты поминутно напоминаешь мнѣ объ этомъ?!

вѣра. Напоминаю не я, а требованія ваши, которыхъ нечѣмъ удовлетворить. Потерпите немного. Что дѣлать! Стану больше зарабатывать, тогда перемѣнимъ квартиру. [Подходитъ]. Все будетъ сдѣлано для васъ maman, не горюйте.

гладышева. Что же ты хочешь этимъ сказать?.. Что ты меня кормишь, а я мало цѣню?..

вѣра. Богъ съ вами!..

гладышева. Ахъ, замолчи, ради Бога! Конечно, я связа... [Плачетъ]. Мать, достойная презрѣнія...

вѣра. Прошу же васъ, maman, перестаньте, не мучайте меня!

гладышева. Оставь меня! Я, кажется, скоро съ ума сойду отъ всего этого. Мысли какъ-то разлетаются... мигаютъ, какъ огоньки, никакъ ихъ не соберешь...

ЯВЛЕНІЕ III.

Вѣра, Гладышева, Домна и потомъ Раиса.

домна [входитъ изъ задней двери взволнованная]. Наша Раиса-то Петровна, смотрите, на какомъ рысакѣ прикатила!

вѣра [подходитъ къ окну]. Да, это не извозчичья лошадь.

домна. И что ни день, все изъ дому улетать изволитъ. Спрашиваю: куда молъ, дѣточка, отлучаешься? Иль, какъ Вѣруня, уроки нашла? — «Уроки!» Да какъ фыркнетъ мнѣ въ носъ!

[Раиса входитъ въ шляпкѣ].

вѣра. Откуда ты, Раичка? На чьей лошади?

раиса. Что! А вамъ какое дѣло? Отвяжитесь! [Идетъ къ лѣвой двери].

домна [удерживая ее]. Нѣтъ, ты постой! Ты отвѣтъ дай: куда каждедённо гоняешь, за какими такими дѣлами?

раиса. Ахъ, Боже мой! Куда хочу, туда и ѣзжу. Maman, что онѣ привязались?.. А ты, старая, опротивѣла мнѣ съ своими разспросами.

ДОМНА. Грѣшно вамъ, барышня, охъ грѣшно! [Утирая глаза уходитъ въ заднюю комнату].

ВѢРА [сестрѣ]. Ты хоть бы то вспомнила, что, когда у насъ все описали и отняли, мы на нянины деньги хлѣбъ ѣли и уголъ себѣ нашли.

РАИСА. Ну, такъ! Только за порогъ — журьба, наставленія! [Злобно, со слезами въ голосѣ]. И такъ здѣсь тошно, подвалъ какой-то, а тутъ еще кислыя лица, да будутъ тобою командовать!

ГЛАДЫШЕВА. Ахъ, да, да!.. У насъ будто въ домѣ покойникъ. Въ самомъ дѣлѣ, каково тебѣ, Раичка! Ты такая молоденькая, такая красавица!.. Поди ко мнѣ, дитя мое. [Усаживаетъ ее возлѣ себя и обнимаетъ]. Бѣдныя мы съ тобой, бѣдныя!

РАИСА [отстраняется]. Довольно, мамочка. Расхнычетесь, а мнѣ надоѣло. [Глядя на Вѣру, стоящую поодаль]. Ну, полюбуйтесь! Смотритъ на тебя, какъ судья! И ничто не можетъ взбѣсить меня такъ, какъ эти нѣмые укоры! Мы знаемъ, что вы умны. трудолюбивы, самоотвержены, словомъ, — сіяете вѣнцомъ добродѣтелей. Знаемъ, удивляемся вамъ, и достаточно. А насъ оставьте въ покоѣ!

ГЛАДЫШЕВА. Въ самомъ дѣлѣ, Вѣра, ты слишкомъ сурова къ сестрѣ. Возьми—какая разница между тѣмъ, какъ мы жили и какъ живемъ. Я страдаю, каково же ей!

ВѢРА. Раиса не слышитъ отъ меня ни упрековъ, ни наставленій. Я ничѣмъ не раздражаю ни васъ, ни ее. Такъ мнѣ кажется. Обстоятельства наши измѣнить я не въ силахъ. Сѣтуйте на нихъ, если не убѣдились, что это безполезно. Но къ тому, что Раиса катается на чужихъ лошадяхъ, что намедни она пріѣхала неизвѣстно откуда въ три часа ночи, къ этому и вы, maman, не вправѣ быть равнодушны. [Быстро надѣваетъ шляпку и уходитъ въ заднюю дверь. Раиса хохочетъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гладышева и Раиса.

ГЛАДЫШЕВА. Ночью? Что это значитъ, ma chère?

РАИСА [съ досадой]. Эхъ, перестаньте! Гдѣ бы и зачѣмъ бы я ни была — не все ли равно теперь? Ну, что вы можете сказать мнѣ такого, что бы примирило меня съ собой и моимъ положеніемъ, что? Кто на мнѣ женится? Въ глазахъ того общества, въ которомъ мы жили, мы опозорены...

ГЛАДЫШЕВА. Не вспоминай ради Бога!

РАИСА. Ну, и не возражайте! Ни денегъ у меня, ни приданаго — прожито все. Наконецъ, послѣ Мажарова, могу ли я вѣрить, любить? Я все обдумала и махнула рукой. Чѣмъ чахнуть, какъ мы, лучше жить, какъ мнѣ хочется.

ГЛАДЫШЕВА. Все-таки...

РАИСА [съ большой досадой]. Эхъ!

ГЛАДЫШЕВА [утирая слезы]. А какое бы ты могла занять мѣсто въ обществѣ! Какая бы была примѣрная мать, жена!

РАИСА [грустно и задумчиво]. На что я гожусь! Деньги мотать? Несносная, капризная... Оскорбляю тѣхъ, чьего мизинца не стою. Вотъ Вѣра. Она вериги надѣнетъ и будетъ молчать; а я за жесткую говядину подниму гвалтъ и всѣмъ надѣлаю дерзостей. Вѣра въ ситцѣ станетъ ходить и не охнетъ; а я хорошенькой шляпки видѣть не могу равнодушно. Стала вчера штопать перчатки, разревѣлась и изорвала ихъ въ клочки. Чего же я стою? И говорить противно! [Быстро уходитъ въ правую дверь].

ГЛАДЫШЕВА [слѣдуя за нею]. Какъ хочешь, Раичка, а... [Ушла].

ЯВЛЕНІЕ V.

Гречухинъ и Домна.

[входитъ изъ задней двери].

ДОМНА [обнимая его со слезами]. Ахъ, родной мой, ахъ, хорошій! Вотъ обрадовалъ! Кто же, Вѣруня тебѣ написала, она?

ГРЕЧУХИНЪ. Нѣтъ, Мажарова Наталья Николаевна пріѣзжала, мать домой привезла. Отъ нея и узналъ, какъ у васъ... Мы вѣдь сосѣди.

ДОМНА. А вѣдь она, матушка, опять здѣсь, опять прикатила!

ГРЕЧУХИНЪ. Слѣдомъ и я. Такъ вотъ вы гдѣ!

ДОМНА. Охъ, здѣсь, родной, здѣсь! До чего дожить довелось, Царица Небесная! [Плачетъ].

ГРЕЧУХИНЪ. Все знаю, бабинька, не причитай.

ДОМНА. Всѣ бѣды разомъ. Истинно покаралъ Господь!

ГРЕЧУХИНЪ. Говорю—знаю. Полно. А Вѣра Петровна?

ДОМНА. Прогуляться, сердечная, вышла. А ужъ она-то, Вѣруня!.. За что ей терпѣть пришлось? Сусанна Александровна въ обморокахъ валялась; Раиса Петровна стклянку одеколону хватила, отходили насилу. Да этимъ дай денегъ, опять хвосты распустятъ. А Вѣруня! Ее-то онѣ какъ уходили! Съ виду она ничего, и разговоры ведетъ и покойна. А приглядись-ка, кто это ходитъ: человѣкъ или тѣнь? Загляни ей въ глаза. Отвернешься, парень, робость возьметъ.

ГРЕЧУХИНЪ [взволнованный]. Ну... размалевывай, старая!

ДОМНА. Знаю, паря, что тебѣ подъ сердце подкатываетъ.

ГРЕЧУХИНЪ. Такъ чего-жъ ты!.. Да перемелется, Богъ дастъ. А что Вѣра Петровна бѣдна—я даже радъ.

ДОМНА. Что-о? Иль въ лѣсу-то лѣсѣютъ?

ГРЕЧУХИНЪ. Толкуй! Будь она богата, я бы не пріѣхалъ за нею въ лѣсъ звать.

ДОМНА. Дурья твоя голова! Вѣруню нужда замужъ не выдастъ, а по любви и съ богатствомъ за тебя бы, шаршаваго, вышла.

ГРЕЧУХИНЪ. Зачѣмъ! Не подходитъ. Богатой женѣ богатое житье нужно, а если мужу не на что его дать, такъ приходится на жениномъ жить иждивеніи. Женинъ карманъ сильнѣй моихъ рукъ и головы будетъ. Порядокъ? А помоему вотъ какъ: я впередъ, жена и дѣтишки за мною. Грудью за нихъ, бабинька. Пусть меня хлещетъ, а они въ защитѣ, сердечные. Вотъ какъ! На душѣ тогда ясный день, въ семьѣ ладъ, да любовь. Чья дурья голова вышла? [Домна его обнимаетъ]. Что̀, цѣлова̀ться теперь?

ДОМНА [оглянувшись на дверь]. Вѣруня. [Уходитъ въ лѣвую дверь].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гречухинъ и **Вѣра.**

ВѢРА [останавливается въ дверяхъ въ изумленіи]. Иванъ Семенычъ!

ГРЕЧУХИНЪ. Здравствуйте!

ВѢРА [быстро подходя и протягивая руки]. Какими судьбами?

ГРЕЧУХИНЪ. Да видѣть васъ захотѣлось... какъ живете... Развѣ Наталья Николаевна не говорила, что ѣду?

ВѢРА. Ни слова. Вышелъ сюрпризъ. Очень рада...Надолго?

ГРЕЧУХИНЪ. Ко двору-то когда? Что скоро гоните? Авось, звѣри по мнѣ не соскучатся... Около васъ хочется пожить, Вѣра Петровна. Давно мечталъ... Перестали писать, загрустилъ и работа не спорилась... Предчувствіе какое-то было, что въ горѣ вы... Такъ сюда и тянуло!

ВѢРА. Очень, очень вамъ рада! Садитесь... Потолкуемъ... [Съ тоскою въ голосѣ]. Собесѣдникъ-то я теперь скучный, Иванъ Семеновичъ.

ГРЕЧУХИНЪ. Не говорите. Я буду говорить. Видишь васъ, такъ и подмываетъ болтать. Откуда слова!.. Охъ, да какъ же я радъ!.. Только блѣдная вы какая, худая!.. Во снѣ намедни точно такую васъ видѣлъ. Вскочилъ, въ лѣсу пробродилъ до свѣту, да... А въ лѣсу у меня то-то рай, Вѣра Петровна! Работа кипитъ. Срубы рубимъ, доски пи-

лимъ, уголья жжемъ, чего-чего ни затѣяно! Изба у меня на диво: стѣны сосновыя, сѣни кленовыя, да рѣшетчатыя, ха-ха! Глядишь въ окошко—тутъ липа, кленъ лапчатый, дубъ въ три обхвата; тамъ шиповникъ алѣетъ, бересклетъ серьгами повисъ; здѣсь на круговинѣ цвѣты, что коверъ запестрѣли. Прелесть!.. [Тише, съ волненіемъ]. И видится мнѣ... видится—ходитъ, мнетъ шелкову-траву женщина... ростомъ какъ вы и лицомъ вы же точь въ точь... [Прерывающимся голосомъ, все ниже и ниже опуская голову]. И подходитъ она ко мнѣ... глядитъ ласково... и такую мнѣ рѣчь ведетъ: лѣсовикъ ты мой... супругъ любезный, Иванъ Семеновичъ...

ВѢРА [потупилась и укоризненно качаетъ головой]. Нехорошо!

ГРЕЧУХИНЪ [вставая, восторженно]. Отлично! Быть лучше не можетъ! Еслибъ сбылось...

ВѢРА [встаетъ]. Вы отличный, честный человѣкъ. Зачѣмъ же обо мнѣ дурно думать? [Быстро уходитъ въ лѣвую дверь].

ГРЕЧУХИНЪ [глядя на дверь, въ которую она ушла]. Какъ... какъ дурно?! Почему дурно?..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гречухинъ и Раиса

[въ шляпкѣ изъ правой двери].

РАИСА. Гречухинъ!.. Здравствуйте! [Протягивая ему руку]. Вы къ Вѣрѣ пріѣхали?

ГРЕЧУХИНЪ. Да-а... то-есть...

РАИСА. Конечно, къ ней. Вы ее любите и женитесь на ней. Она хорошая, не такая, какъ я. Я дурная, Гречухинъ, очень, очень дурная. [Сѣла и грустно смотритъ передъ собою].

ГРЕЧУХИНЪ. Ну вотъ!.. За что такъ нападать на себя?

РАИСА. Нѣтъ, дурная. [Порывисто встаетъ]. И знаете, Гречухинъ, мнѣ кажется, что я погибну. Я буду вертѣться, вертѣться и кончу тѣмъ, что погибну. Тогда пожалѣйте обо мнѣ, Гречухинъ, пожалѣйте, голубчикъ! [Смахнула слезу и уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гречухинъ и Наташа.

ГРЕЧУХИНЪ. Поди-жъ! Совсѣмъ была вздорная, а теперь... [Задумчиво прошелся]. Гмъ, жаль ее, жаль!

НАТАША [входитъ изъ задней двери]. Пріѣхалъ! Молодецъ! Что носъ повѣсилъ? Съ Вѣрою видѣлись?

ГРЕЧУХИНЪ. Видѣлся. [Мрачно]. Обидѣлась.

НАТАША. Какъ такъ?

ГРЕЧУХИНЪ. А такъ... Говоритъ, что дурно о ней думаю, если полагаю, что пойдетъ за меня.

НАТАША. Да... Охъ, ужъ мнѣ эти семейныя исторіи! Уморить готова себя, за чужіе грѣхи! Да мы разберемъ. Заходите, голубчикъ, попозже, а теперь отправляйтесь.

ГРЕЧУХИНЪ. Уморить? Ну, нѣтъ-съ! Силой умчу, выхвачу изъ болота проклятаго силой!

НАТАША. Т-съ! Буянъ. Чего вы?

ГРЕЧУХИНЪ. Еслибъ и не любилъ даже, а видѣлъ бы, что гибнетъ человѣкъ отъ чужой дури, и тогда напроломъ бы пошелъ!

НАТАША. Ха-ха-ха! Экъ расходился! [Выпроваживаетъ]. Отправляйтесь-ка, маршъ! [Уходя, Гречухинъ встрѣчается въ дверяхъ съ Камилою, входящею съ вызывающимъ видомъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Наташа и Камила.

КАМИЛА. Здѣсь живутъ Гладышевы?

НАТАША [удивленно и сухо]. Здѣсь живутъ Гладышевы. Что вамъ угодно?

КАМИЛА. А-а, здѣсь, здѣсь! Наконецъ-то я васъ нашла! Вотъ семья, въ которой одна особа стала мнѣ поперекъ горла и которой мнѣ ужасно хочется вцѣпиться въ глаза.

НАТАША. Недурно! Вы, почтеннѣйшая, начали съ такимъ азартомъ, что я, кажется, оболью вамъ голову холодной водой.

КАМИЛА. Меня ничто не усмиритъ и никто не удержитъ, потому что женщину, которая защищаетъ свои законныя чувства, ничто не можетъ удержать. Если крыса заберется ко мнѣ въ кладовую, я убью ее. Если воръ заберется ко мнѣ въ домъ, я скручу его и сведу въ полицію. Могу ли я послѣ этого дозволить, чтобы какая-нибудь дѣвчонка внѣдрилась въ мое душевное хозяйство? Могу ли?

НАТАША. Что вы можете говорить и васъ никто не пойметъ, это несомнѣнно. Но...

КАМИЛА [съ азартомъ]. Дайте мнѣ ту несчастную дѣвушку, которую зовутъ Раисой, и она все пойметъ, потому что не смѣетъ меня не понять. Вы Раиса?

НАТАША. Нѣтъ. Но какое вамъ до нея дѣло?

КАМИЛА. О, мнѣ бы не было до нея ровно никакого дѣла, еслибъ *ему* не было дѣла до нея; еслибъ *онъ,* по свойственному мужчинѣ двоедушію, не думалъ о ней, тогда какъ имѣетъ законное право думать только обо мнѣ.

НАТАША. Кто *онъ?* Объясните.

КАМИЛА. Мажаровъ.

НАТАША. Мажаровъ?!. Интересно.

КАМИЛА. Да, Мажаровъ. Когда онъ пришелъ и сталъ просить, чтобы я прекратила на него искъ, я не знала, что на свѣтѣ есть Гладышевы и что живетъ такое ужасное существо, какъ Раиса.

НАТАША. Сядьте и говорите толковѣй.

КАМИЛА. Когда я взволнована, я не могу сидѣть; а когда говорю про Мажарова, тѣмъ меньше могу сидѣть, потому что никогда и никто не волновалъ меня такъ, какъ Мажаровъ.

НАТАША. Однако! Ну-съ?

КАМИЛА. Я прекратила искъ, когда Мажаровъ сталъ меня увѣрять, какъ увѣрялъ прежде, что я могу составить

счастье человѣка и что дорожитъ моими чувствами. Чувствъ у меня много, и поэтому неудивительно, что я ввѣрилась имъ.

НАТАША. Нисколько неудивительно ни за васъ, ни за Мажарова.

КАМИЛА. Вы меня поняли. Отлично! Я ввѣрилась...

НАТАША. Значитъ, Мажаровъ никуда не уѣзжалъ, хотя и исчезъ? Оказывается, что онъ утонулъ въ вашихъ чувствахъ. Ха-ха-ха!

КАМИЛА. Да, онъ никуда не уѣзжалъ. Но подождите смѣяться. Такъ какъ я всегда была осторожна и на всѣ авансы мужчинъ смотрѣла подозрительно, то тогда только отдалась своимъ чувствамъ, когда пріобрѣла на Мажарова законныя права. Онъ быстро согласился быть моимъ мужемъ, и мы обвѣнчались.

НАТАША. Какъ?! *Вы* жена Мажарова, вы?! Ха-ха-ха!

КАМИЛА. Но позвольте-съ, чему же смѣяться?

НАТАША. Ха-ха-ха! Отъ удовольствія... ха-ха-ха! Отъ удовольствія видѣть въ васъ родню. О, достойный братъ, ха-ха-ха!

КАМИЛА. Вы родственница моему мужу?

НАТАША. Охъ, родная сестра. Рекомендуюсь... Ха-ха-ха! [Съ трудомъ сдерживая хохотъ]. Простите меня. Вы, вѣрно, со средствами, если братъ рискнулъ дать вамъ *законныя права* на себя?

КАМИЛА [обидчиво]. Да, у меня есть деньги. Но въ нашемъ союзѣ не однѣ деньги имѣли значеніе. И напрасно вы полагаете, что я не могу имѣть для мужа значенія независимо отъ денегъ.

НАТАША. Не обижайтесь! пожалуйста. Буду думать о вашихъ супружескихъ отношеніяхъ, какъ вамъ угодно. Ха-ха-ха! Извините! Я веселаго характера.

КАМИЛА. Даже слишкомъ веселаго, кажется.

НАТАША. Даже слишкомъ. Но какое вамъ дѣло до Гладышевыхъ, до Раисы?

КАМИЛА. О, отъ одного этого имени у меня клокочетъ вотъ здѣсь! [Ударяетъ себя въ грудь].

НАТАША. Не понимаю.

КАМИЛА. Я думала и въ правѣ была ожидать, что мужъ будетъ нѣженъ со мною и что мои чувства вызовутъ его чувства. Чувствами я готова ему подчиниться, но и только. Еслибъ онъ вздумалъ прибрать къ рукамъ меня и мои деньги, то ошибется жестоко. Онъ и хотѣлъ было, да я сразу обрѣзала. Тутъ я узнала про Гладышевыхъ, про амуры его съ этой дѣвчонкой и все поняла. И если я увѣрена, что онъ думаетъ объ ней, то я не ошибаюсь ни мало. Но я дала себѣ слово вышибить у него изъ головы какъ эту дѣвчонку, такъ и всякіе незаконные помыслы. И если она осмѣлится встрѣчей, словомъ, взглядомъ нарушить мое семейное благополучіе, я вцѣплюсь ей въ глаза. И это я пришла ей сказать. [Въ волненіи обмахивается платочкомъ].

НАТАША. Послушайте! Какъ сестра вашего мужа, я хорошо его знаю. Оставьте Гладышевыхъ. Что вы про нихъ слышали—сущій вздоръ. Ни Раиса и никто изъ нихъ не думаетъ о Валерьянѣ. Счастье въ вашихъ рукахъ. Пользуйтесь. [Зоветъ]. Вѣра!.. Мнѣ очень пріятно видѣть въ васъ жену Валерьяна. [Пожимаетъ ея руку, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха]. Лучшаго выбора онъ сдѣлать не могъ. [Зоветъ]. Вѣра, да идите же!

ЯВЛЕНІЕ X.

Наташа, Камила и Вѣра.

НАТАША. Рекомендую мою belle soeur. Ваше имя?

КАМИЛА. Камила Егоровна.

НАТАША [Вѣрѣ]. Камилу Егоровну, супругу Валерьяна Николаевича. [Старается скрыть смѣхъ].

ВѢРА [сдержанно улыбаясь]. Очень пріятно!

НАТАША. Наконецъ-то, вы улыбнулись, сердце мое! За это Валерьяну простится многое. Итакъ, Камила Егоровна, счастье въ вашихъ рукахъ. Надѣньте на нихъ ежовыя рукавицы, давайте Валерьяну побольше чувствъ и поменьше денегъ, тогда все будетъ отлично.

КАМИЛА. О, не безпокойтесь! Я имѣю систему. Валерьянъ можетъ быть хорошо одѣтъ, вкусно накормленъ и даже имѣть карманныя деньги, если будетъ этого стоить. Но, извините меня, Валерьянъ насидится безъ сапогъ подъ замкомъ, если станетъ оскорблять мои чувства. Я могу его любить больше каждой женщины, могу баловать, нѣжить...

НАТАША. Счастливецъ!

КАМИЛА. Но я же могу вцѣпиться ему въ глаза, если онъ этого заслужитъ.

НАТАША. Ваша система великолѣпна! Но при этомъ опасайтесь надолго оставлять его безъ себя.

ВѢРА [съ укоромъ]. Наташа! [Наташа смѣется].

КАМИЛА. О, конечно! Я всегда держу его на глазахъ.

НАТАША. Отъ этого станете вдвое ему милѣе. И теперь бы я вамъ совѣтовала поторопиться домой. Братъ—чего добраго—вашимъ отсутствіемъ воспользуется въ ущербъ вашимъ «правамъ»...

КАМИЛА. За нимъ есть присмотръ. Но я все-таки поспѣшу домой и даже заплачу двугривенный извозчику. Прощайте! Очень пріятно... Въ самомъ дѣлѣ, безъ меня все можетъ случиться. Прощайте! [Поспѣшно уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ XI.

Наташа и Вѣра.

НАТАША. Ха-ха-ха!

ВѢРА. Неужели вамъ только смѣшно!

НАТАША. Жалѣть Валерьяна не могу. Онъ достоинъ своей участи. Довольно о немъ. Скажите-ка лучше, что вы наговорили Гречухину? Чѣмъ обидѣли?

ВѢРА. Обидѣла? [Со вздохомъ]. Нѣтъ... Меня взволновали его слова. Вышло такъ неожиданно... и его пріѣздъ, о которомъ вы не хотѣли предупредить. Почему?

НАТАША. Чтобы застать васъ врасплохъ, сердце мое, чтобы вы встрѣтили Гречухина чувствомъ, а не разсужденіями. Вышло, кажется, наоборотъ.

ВѢРА. Ахъ, до себя ли мнѣ! У меня важнѣе заботы: мать, сестра...

НАТАША. Которыя не цѣнятъ этихъ заботъ.

ВѢРА [грустно]. Можетъ быть... Если меня считаютъ безсердечной, холодной — виновата сама. Горько, конечно. Знаютъ, что я на все готова для нихъ, но находятъ это естественнымъ, должнымъ и *только*... Что дѣлать! Не умѣла къ себѣ привязать... Нѣтъ во мнѣ ласковости, Наташа, нѣтъ той свѣтлой, сердечной теплоты, какъ у васъ!..

НАТАША. Пустяки! Кто глубже понимаетъ и чувствуетъ, тотъ васъ полюбитъ не меньше меня и Гречухина. Скажите-ка откровенно: настолько ли по душѣ вамъ этотъ дикарь, чтобы выйти за него?... Смущены? Отлично! Остальное все вздоръ!

ВѢРА. Богъ съ вами, Наташа, какъ же вздоръ?

НАТАША. Вздоръ! Мать вашу Гречухинъ увезетъ съ вами въ лѣсъ. Раису беру себѣ и, недолго думая, выдамъ замужъ.

ВѢРА. И вы серьезно думаете, что я допущу мужа взвалить себѣ на плечи заботы о моихъ родныхъ?

НАТАША. Ха-ха! Увѣрена, что предложеніе Гречухина потому именно покоробило васъ, что оно очень кстати.

ВѢРА. Да-да... Прежде я-бъ не задумалась... А теперь выходитъ, что онъ пріѣхалъ вытащить меня изъ грязи и нищеты.

НАТАША. Э, бросьте это, сердце мое! Дѣло серьезнѣе соображеній мелкаго самолюбія. [Робко входящему Гречухину]. Зачѣмъ?

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Гречухинъ.

гречухинъ. Вы же сказали...

наташа. Позже велѣно вамъ прійти; а вы черезъ полчаса лѣзете! Вѣра, гнать его?

гречухинъ. Да я, кажется, долго... Я Вѣру Петровну всего минуточку видѣлъ...

наташа. И сразу выпалилъ предложеніе. Эхъ, вы!..

гречухинъ [смущенно]. Да я...

наташа. Ну?.. мы слушаемъ... Говорите же! Ха-ха-ха! Взгляните, Вѣра, какой уморительный!

гречухинъ. Если вы такъ, то, конечно... кромѣ глупостей ничего не скажешь.

наташа. Надулся. Ужъ не я-ль виновата, что Вѣра вышла-бъ за васъ, да не хочетъ обременять заботами о родныхъ?

Вмѣстѣ { гречухинъ. Какъ?!
вѣра. Наташа!

наташа. Не прерывать! А въ томъ, что ваша милость не съумѣла ее убѣдить, что вы гораздо полезнѣе Сусаннѣ Александровнѣ, чѣмъ она, бѣдная Вѣра, которой скорѣй надо слечь, чѣмъ мыкаться по урокамъ...

Вмѣстѣ { вѣра. Наташа!
гречухинъ. Да я-жъ ничего этого не зналъ!..

наташа. Не перебивать, говорю! И въ этомъ опять вина не моя. Ну-съ, а что касается Раисы, то ее, господа, не отдамъ. Раичка моя.

гречухинъ [захлебываясь отъ волненія]. Позвольте, Наталья Николаевна, позвольте!

наташа. Ну!

гречухинъ. Вы про заботы... про Сусанну Александровну... Развѣ-жъ можно объ этомъ говорить? Боже мой!..

Вѣра Петровна, развѣ такъ можно? Это значитъ говорить пустяки... Виноватъ то-есть...

НАТАША. Безъ извиненій! Дальше!

ГРЕЧУХИНЪ. И относительно здоровья Сусанны Александровны... Съ этой стороны возьмите. У насъ въ лѣсу воздухъ, тишина и обстановка... словомъ — все!.. На нервы это отлично дѣйствуетъ... Наконецъ, въ дебряхъ безъ Сусанны Александровны развѣ можно? Тамъ голосу человѣческому радъ...

НАТАША. Хоть вы, голубчикъ, говорите и безтолково, но я съ вами согласна. Должна согласиться и Вѣра. Все-таки, господа, если оставить васъ вдвоемъ, то Гречухинъ уѣдетъ въ лѣсъ горевать въ одиночку, а Вѣра изъ ложнаго самолюбія... [Вѣрѣ] — замѣтьте: изъ ложнаго!.. останется выбиваться изъ силъ и вгонитъ себя въ гробъ. Но гдѣ вмѣшиваюсь я, тамъ не должно быть нелѣпыхъ послѣдствій. Поэтому, господа, ваши руки! [Гречухинъ, сіяющій, даетъ свою и горячо цѣлуетъ руку Наташи]. Вѣра! [Она стоитъ, отвернувшись, и не оборачивается]. Вѣра!.. Такъ мы же сами возьмемъ, если такъ! [Подходитъ, беретъ опущенную руку Вѣры, соединяетъ съ рукою Гречухина и уходитъ въ правую дверь].

ГРЕЧУХИНЪ [тихо, голосомъ, дрожащимъ отъ волненія]. Правда?.. да?

ВѢРА [медленно повертываясь къ нему]. Да.

ГРЕЧУХИНЪ [восторженно]. Да!.. Еслибъ вы знали, что значитъ для меня это «да! Не вѣрится, такъ хорошо! Когда я умиралъ и вы, какъ ангелъ, склонялись надо мной, тогда мнѣ грезились дивные сны, Вѣра Петровна. Вы слышали бредъ мой, — бредъ бѣдняка, который помыслить не смѣлъ назвать васъ своею. И вотъ мои грезы, желанія, съ которыми я такъ боролся, — все это сбывается. Вы рядомъ со мною, и вотъ рука ваша... на всю жизнь!.. Товарищъ, другъ!.. Словъ не найду... Нѣтъ словъ, чтобы выразить, какъ я люблю, счастливъ какъ! . [Въ порывѣ восторга прижимая ея руку къ груди]. Ахъ!

ЯВЛЕНІЕ XIII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Вѣра, Гречухинъ, Домна, потомъ Наташа и Гладышева.

ДОМНА [выходя изъ лѣвой]. Дай обниму, дай! [Бросается къ Гречухину съ объятіями]. Прости, паря: подслушала. Винюсь. Вотъ-те Христосъ, что впервой! Недаромъ же я тебя, шаршаваго, прилюбила! Ахъ, ты... [Снова объятія].

НАТАША [входя съ Гладышевой изъ правой двери]. Добрый знакъ, если няня цѣлуется.

ДОМНА. Да какъ же, женихъ вѣдь!

ГЛАДЫШЕВА [кивнувъ на неловкій поклонъ Гречухина]. Кто женихъ? Чей?

НАТАША [указывая на Гречухина]. А вотъ... Вѣринъ.

ГЛАДЫШЕВА. Вѣра, ты за Гречухина? Что-жъ, теперь меня ничто не удивитъ! Какъ знаете. Няня, что у тебя въ рукахъ? Письмо?

ДОМНА. Ахъ, матушка, забыла на радостяхъ-то! Съ телеграфа принесли!

ГЛАДЫШЕВА [взглянувъ на телеграмму]. Городская. Natalie, прочтите, пожалуйста. Отъ кого?

НАТАША [тревожно]. Отъ Раисы. [Читаетъ]. «Прощайте, мамочка! Простите, что скрыла. Уѣзжаю за границу. Прощайте!» [Всѣ поражены].

ЗАНАВѢСЪ.

КРУЧИНА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ.
Н. Некрасовъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Фортунатъ Ефимовичъ Недыхляевъ, среднихъ лѣтъ.

Марья Ильинишна, жена его, молодая женщина.

Таиса Ефимовна, родная сестра Недыхляева, лѣтъ сорока, незамужняя.

Прохоръ Авдѣевичъ Ревякинъ, пріятель Недыхляева, пожилой.

Павелъ Рубежниковъ, молодой человѣкъ. } воспитанники Ревякина.

Поленька Головнева, 18 лѣтъ. } воспитанники Ревякина.

Маланья, кухарка Ревякина.

Арефій, изъ московскихъ артельщиковъ, служитъ у Недыхляевыхъ.

Кухарка ихъ.

Дѣйствіе въ одномъ изъ глухихъ губернскихъ городовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: комната въ домѣ Недыхляева. Въ задней стѣнѣ дверь и два окна на балконъ, въ садъ. Налѣво и направо по двери. У лѣвой стѣны, на авансценѣ, ломберный столъ, два мягкіе стула и (ближе къ двери) зеркало съ подзеркальникомъ. У правой— диванъ, столъ и кресла. Справа же зеркало печи съ отдушникомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маничка [снимаетъ передъ зеркаломъ шляпку и охорашивается] и **Таиса** [сидя на диванѣ, закуриваетъ папиросу].

ТАИСА. А ты, Маничка, нарочно покупку-то уронила, чтобы поднялъ этотъ молодчикъ и чтобы съ нимъ разговоръ завести.

МАНИЧКА. Вотъ выдумали! Заторопилась изъ лавки и уронила. Очень просто. А если онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, поднялъ и подалъ мой свертокъ, такъ что же изъ этого? Не могла же я не поблагодарить за любезность! Думаю, что это и вы поймете, Таиса Ефимовна.

ТАИСА. Я понимаю, отлично понимаю, ха-ха-ха!

МАНИЧКА [отходя отъ зеркала]. Что за глупый смѣхъ!

ТАИСА. Ха-ха-ха! Нечего хитрить, матушка, что ужъ тутъ! Видѣла, какими ты взглядами въ этого юнца-то стрѣляла. Краснѣетъ, бѣдненькій, топчется; прикащику ерунду такую понесъ, что тотъ глаза на него выпялилъ. За тобой изъ лавки выскочилъ—даже сдачу забылъ. Ужъ на улицѣ съ нею догнали.

МАНИЧКА [садится]. Если наружность моя привлекаетъ вниманіе, я въ этомъ нисколько не виновата, мнѣ кажется.

ТАИСА. Красавица. Правда. Мужчинамъ по вкусу такія статныя, да полныя, особенно тѣмъ, у которыхъ молоко на губахъ не обсохло.

МАНИЧКА. Вамъ лучше знать, что по вкусу мужчинамъ, ха-ха? Пожили!.. Ну-съ, а про стрѣльбу взглядами — это ужъ пошло. Впередъ совѣтую быть осторожнѣй. Не у васъ мнѣ учиться приличію.

ТАИСА. Приличіе! Вотъ терпѣть не могу!.. И зачѣмъ тутъ жеманничать! Приглянулся—смотрѣла; захотѣлось заговорить—подстроила предлогъ и заговорила. Договорилась же до того, что въ домъ пригласила къ себѣ!

МАНИЧКА [разсматривая лежащіе на столѣ свертки съ покупками]. Ахъ, но можно ли было не сдѣлать этого, когда молодой человѣкъ оказалъ намъ столько вниманія и любезности! Еслибъ не онъ, хороши бы мы были съ вами подъ ливнемъ! Отдаетъ намъ свой зонтъ, бѣжитъ по дождю за извозчикомъ, усаживаетъ насъ, закрываетъ...

ТАИСА. Конечно, конечно!

МАНИЧКА. Вы, наконецъ, меня взбѣсите!

ТАИСА. Да бѣсись, если охота. Я говорю просто и прямо. Я понимаю, что мужчина можетъ почувствовать къ женщинѣ внезапную любовь, вдругъ. И женщина также.

МАНИЧКА. Какъ же такъ, «вдругъ»?

ТАИСА. Очень просто. Тутъ дѣйствуетъ природа, законъ. Она сближаетъ именно тѣхъ, которые пригодны для ея цѣлей. Любовь должна возникнуть между такими субъектами и она возникаетъ. А разъ возникла—порывъ, и все тутъ.

МАНИЧКА. Ха-ха-ха!

ТАИСА. Чему ты?

МАНИЧКА. Да вы Богъ знаетъ что̀ говорите, Таиса Ефимовна!

ТАИСА. Таиса Ефимовна говоритъ то, что въ умныхъ книгахъ доказано и давно. Братъ меня за это ругаетъ. Пу-

скай! Но я—какъ думаю, такъ и говорю, какъ чувствую, такъ и поступаю. А у васъ не хватитъ на это ни смысла, ни мужества и еще кой-чего. Да. Твой мужъ, напримѣръ, мнѣ родной братъ, а я тебѣ, да и ему прямо скажу, что любить его невозможно. Малокровный, болѣзненный, ф-фу! Я бы ни за что не поцѣловала такого!

МАНИЧКА. О Фортунатѣ Ефимычѣ вы такъ вообще отзываетесь, что мнѣ даже обидно.

ТАИСА. Ужъ и обидно! Не уважаю его и уважать не могу. Хоть то взять, какъ человѣкъ состояніе нажилъ. У купцовъ на послугахъ гонялъ, должниковъ ловилъ, шпіонилъ, выслѣживалъ, скупалъ векселишки и modeлъ съ живого и съ мертваго. Гадость!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Недыхляевъ

[крадучись, появляется въ заднихъ дверяхъ, въ картузѣ, съ подсученными панталонами. Въ рукахъ у него кулекъ. Его не видятъ].

МАНИЧКА. Все же не надо забывать, что вы братнинъ хлѣбъ ѣдите, живете на тѣ самыя средства, которыя, по-вашему, такъ дурно нажиты.

ТАИСА. Вотъ тебѣ разъ! Что нажиты подло—это мое убѣжденіе, а я убѣжденій своихъ не скрываю. А что живу на братниномъ хлѣбѣ, такъ это естественно. Онъ богатъ, у меня—ничего, значитъ онъ обязанъ меня содержать.

НЕДЫХЛЯЕВЪ **[снимаетъ картузъ и опускаетъ кулекъ на полъ]**. Обязанъ, обязанъ-съ! Мало того: вы, у меня проживая, милость мнѣ этимъ, сестрица, оказываете, хе-хе-хе!

ТАИСА. Подслушивать! Какъ благородно!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Милость, да-съ! Хотя призрѣны вы по человѣколюбію, такъ какъ при всемъ умѣ вашемъ и образованности, вамъ всенепремѣнно надо было пропасть, съ голоду помереть безъ того самого хлѣба, который—по разсужденію вашему—подлыми-то средствами пріобрѣтенъ.

МАНИЧКА [мужу]. Оставьте! Сестрица сболтнула сгоряча, а думаетъ, конечно, не такъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ручку, ручку-съ! [цѣлуетъ у жены руку]. Пріятно было мнѣ слышать вразумленіе ваше сестрицѣ, весьма; хотя все-таки зачѣмъ же ее покрывать-съ?.. Развѣ согласія семейнаго ради?.. За это я и того больше васъ уважаю. [Еще разъ цѣлуетъ ея руку].

МАНИЧКА [указывая на его ноги]. Въ какомъ вы видѣ! Оправьтесь.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ахъ, позабылъ-съ! Грязно на дворѣ, вотъ я и того... хе-хе! [торопливо отвернулъ панталоны и взялъ кулекъ]. Вотъ, Маничка, я тутъ закуски припасъ, мадерцы бутылочку... Пріятель зайдетъ, угостить... Распорядиться бы приготовить какъ должно...

МАНИЧКА. Дайте сюда. [Идетъ къ лѣвой двери. Недыхляевъ забѣжалъ и, отворивъ ее, почтительно пропускаетъ жену, вноситъ за нею кулекъ и возвращается].

НЕДЫХЛЯЕВЪ [почти подбѣгаетъ къ сестрѣ, которая опять закурила]. Если ты, дура, осмѣлишься болтать Маничкѣ вздоръ, если словомъ, намекомъ осмѣлишься чернить меня въ ея пониманіи, то... [его душитъ волненіе] то берегись! бе-ре-гись, Таиса Ефимовна! Мало вышвырну тебя, какъ навозъ, нѣ-ѣтъ, хуже будетъ того, хуже-съ!

ТАИСА [отступая къ правой двери, въ испугѣ]. Вотъ разсвирѣпѣлъ! Отстаньте, пожалуйста! [Уходитъ].

НЕДЫХЛЯЕВЪ [грозитъ ей вслѣдъ кулаками]. Я-я т-тебя!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Недыхляевъ, Ревякинъ и потомъ Арефій.

РЕВЯКИНЪ [въ дверяхъ]. Кого?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ахъ! [подбѣгаетъ]. Вотъ спасибо, пріятель, спасибо!.. Просимъ покорно! Садись. Сюда вотъ, сюда!

РЕВЯКИНЪ. Не суетись. [Плотно садится]. На кого такъ вскипѣлъ? Горячій какой!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ужъ и горячій, хе-хе!.. Прислуга. Нельзя, братецъ... Изъ себя, проклятые, выведутъ... Нарочно грозу эту на себя напускаешь, потому безъ этого не ты ей, а она надъ тобою господиномъ-то станетъ.

РЕВЯКИНЪ [осматривается]. Вотъ ты гдѣ. И женатъ. А давно?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Другой мѣсяцъ, только всего.

РЕВЯКИНЪ [подмигнулъ]. И облизывается!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Хе-хе-хе!

РЕВЯКИНЪ. Какъ же ты Москву бросилъ? Нашъ городъ глухой. По твоему коммерческому маклачеству, дѣла здѣсь пустыя и народъ честнѣе пожалуй.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ну нѣтъ, насчетъ честности не говори. Теперь иногородніе эти, изъ губерній, противъ столичныхъ куда плутоватѣй стали. Каждый норовитъ фортель откинуть. Въ прежнее время, когда ни чугунокъ, ни телеграфовъ не заводилось, на городахъ точно: жили смирно, богобоязненно. А какъ понаѣхали туда господа адвокаты, строители, да чиновники новые,—и Господи стало что!

РЕВЯКИНЪ. Значитъ и здѣсь въ мутной водѣ-то того... [Поясняетъ жестомъ].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Вотъ и напрасно! Всѣ дѣла мои на чести. Замѣть. Никто укорить не посмѣетъ, никто. А вотъ и закусочка! [Арефій вноситъ поднось съ водкой, виномъ и закуской. Поставилъ на ломберный столъ и уходитъ]. Просимъ покорно! Померанчику прикажешь, или очищенной?

РЕВЯКИНЪ. Россійской. [Выпилъ].

НЕДЫХЛЯЕВЪ [наливая еще]. Теперь, братецъ, я дѣла свои прекратилъ.

РЕВЯКИНЪ. Нацапалъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ужъ и нацапалъ! Я по зернышку, братецъ, клевалъ. Гдѣ ужъ нацапать! А на скромную жизнь—слава Создателю—хватитъ. Опять здѣсь жизнь и скромнѣй и дешевле [Пододвигая рюмку]. Ну-ка!

РЕВЯКИНЪ. И женѣ меньше соблазновъ. [Выпилъ и закусываетъ].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Подобное соображеніе, насчетъ супруги то-есть, мнѣ на мысль не приходило и прійти не могло.

РЕВЯКИНЪ. Напрасно!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Нѣтъ не напрасно. Соблазны въ самомъ человѣкѣ живутъ. Замѣть! А я Маничку настолько душой моей уважаю...

РЕВЯКИНЪ. Ладно! Отъ соблазновъ развѣ изъ тысячи у одной оборона въ себѣ найдется. Пусть сей рѣдкостный экземпляръ и будетъ твоя жена. Такъ вотъ какъ: съ дѣлами покончилъ. Значитъ, на отдыхъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Послѣ трудовъ не грѣшно. Поживя здѣсь, посмотримъ. Что впереди—одному Богу извѣстно. Рыбешки бы, Прохоръ Авдѣичъ! Малосольненькая.

РЕВЯКИНЪ [закусываетъ]. Выходитъ, будешь отдыхать подъ смоковницей, отъ суетной жизни вдали. Послѣднее примѣчательно, что вдали-то. Для того, полагать надо, чтобы въ семейной жизни укорениться; другъ друга познавъ, политику сообразную установить, а?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Я, Прохоръ Авдѣичъ, лукаво не мудрствуя. Вся эта политика въ заповѣди Господней заключается. И удивительно, почему водвореніе мое здѣсь такъ занимаетъ тебя, что толкованія придумывать нужно?

РЕВЯКИНЪ. Не понутру? Ха-ха! Занимательно, братецъ. Ты, какимъ зналъ я тебя, завзятый дѣлецъ, который только и думалъ какъ бы нажить, вдругъ уединяешься на бездѣйствіе. Женился. Другихъ фактовъ нѣтъ. Значитъ въ немъ одномъ и причина.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Любопытенъ же ты, хе-хе!.. любопытенъ... Собственно здѣсь объявился я потому, что домикъ этотъ мнѣ въ руки попалъ.

РЕВЯКИНЪ. Твой?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Мой теперь, мой. Прежде купца Голытвина былъ. Фабрикантъ здѣшній.

РЕВЯКИНЪ. Знаю.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ну, замотался Голытвинъ-то, подъ конкурсъ попалъ...

РЕВЯКИНЪ. А ты, чай, вексельки его поскупалъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Было таки.

РЕВЯКИНЪ. Хорошо же вы прижали его, други любезные! Повѣсился. Въ домѣ здѣсь и повѣсился.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Амбиціозный былъ человѣкъ, гордый. Вольно-же! Гордость—грѣхъ, и довела до грѣха. Кто же отъ конкурсовъ въ петлю лѣзетъ, помилуй! А про то, что въ домѣ онъ жизни себя лишилъ—не слыхалъ. Говорили—на фабрикѣ?

РЕВЯКИНЪ. Здѣсь. Вонъ на отдушникѣ [указываетъ на печь].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Гмъ! Не зналъ я этого, не зналъ!..

РЕВЯКИНЪ. Боишься, по ночамъ стращать будетъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Шутникъ ты, хе-хе!.. Маничкѣ вотъ, супругѣ моей, про это, пожалуйста, не сказывай, Прохоръ Авдѣичъ.

РЕВЯКИНЪ. Зачѣмъ! У нихъ нервы... Женился, стало быть въ Москвѣ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Тамъ.

РЕВЯКИНЪ. Много за женой взялъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ничего, братецъ, не взялъ и не искалъ—признаться—приданаго-то... Да Маничка... Этакимъ ли приданое припасать! Папенька ея, мануфактурнымъ товаромъ онъ торговалъ, жилъ прежде богато. Наконецъ того, позапутался...

РЕВЯКИНЪ. И тутъ конкурсъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Несостоятельность, даже съ послѣдствіями, въ статьяхъ 2001 и 2002 тома XI означенными.

РЕВЯКИНЪ. Поживился и тутъ? Выходитъ и домъ и жена съ конкурсовъ у тебя? Ха-ха-ха!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Злоязычникъ ты былъ, Прохоръ Авдѣичъ, такимъ и остался, я вижу.

РЕВЯКИНЪ. Ну, не буду! Какъ же—разомъ тебя осѣнило жениться, или издавна чувства эти питалъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Признаться, издавна, братецъ. Еще когда писаришкой въ Управѣ благочинія я корпѣлъ, мысли эти

посѣщали меня, насчетъ то-есть жизни семейной. Наклонность къ ней имѣю врожденную. При скудномъ жалованьи, кое-какъ перебиваючись, мысли эти большую мнѣ боль причиняли, язвили, такъ сказать, въ сердце, такъ-что, на другихъ глядючи какъ живутъ, озлобленіе даже брало. Вотъ и положилъ я себѣ тогда наработать, да скопить денегъ, чтобы, когда да нибудь, благословясь, вступить въ бракъ законный. И всего-то сталъ я себя лишать, съ пріятелями не водился и никакихъ—понимаешь ты—пустяковъ. Пища моя вотъ какая была: рѣдька триха, рѣдька ломтиха, рѣдька съ квасомъ, рѣдька съ масломъ и рѣдька такъ. Цѣлыхъ пять кушаньевъ выходитъ, хе-хе! Кто веселился въ компаніи, а я при сальномъ огаркѣ за сторонней работой запечнаго сверчка слушалъ. Словомъ сказать, отъ всякихъ соблазновъ я себя удалилъ, порыванія всякія въ себѣ укротилъ, имѣя въ предметѣ одну мысль, неизмѣнную.

РЕВЯКИНЪ. Дивно, что раньше, при такой охотѣ къ супружеству, не окрутили тебя, друга любезнаго!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Дивнаго въ этомъ ничего нѣтъ, потому въ понятіяхъ своихъ былъ я твердъ, сознавая, что въ бѣдности бракъ — чаша горькая, Прохоръ Авдѣичъ. Ждать надлежало, до горбъ гнуть. И ждалъ, блюдя себя въ строгости.

РЕВЯКИНЪ. И не влюблялся?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Нѣтъ. Женскаго пола я въ тѣ времена всячески избѣгалъ. Грѣхъ сладокъ, а человѣкъ падокъ, пріятель.

РЕВЯКИНЪ. Значитъ, тогда на нихъ сталъ глаза пялить, когда карманы раздулись? Ха-ха!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Смѣйся! А не легко помоему было жить. Жизни такой не годъ, не два, а безъ малаго двадцать годовъ протекло. Да!.. Наконецъ, по серьезномъ расчетѣ и всяческимъ соображеніямъ, я давнишняго желанія своего могъ достигнуть.

РЕВЯКИНЪ. И сталъ тебя лукавый смущать!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Лукавый—нѣтъ. Отъ него крестъ и молитва. А что дѣйствительно смущало меня, такъ дѣтишки. Видѣть равнодушно не могъ. Вѣришь ли вотъ до чего: увидишь какъ у кормилицы изъ одѣяльца крохотныя ручки таращатся, пальчики врозь, ну и прикипишь. По часамъ изъ-за этихъ картинокъ на бульварахъ просиживалъ. Или мать пройдетъ, молодая, красивая, за ручку сынишку ведетъ. Онъ, бутузикъ такой, переваливается, лепечетъ, кудряшки что ленъ; а она улыбается и весела, и горда и довольна. Вотъ этимъ я точно смущался, и крѣпко.

РЕВЯКИНЪ [хватилъ его по плечу]. Хорошо!.. это ты хорошо! Въ чувствахъ, значитъ, свѣжее зерно было. Я хуже о тебѣ думалъ, Фортунатъ Ефимычъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. И устыдись, хе-хе-хе! На сёмъ можно и выпить. [Наливаетъ мадеры]. Пожалуйте!

РЕВЯКИНЪ. Звякнемъ! [Пьетъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Недыхляевъ, Ревякинъ и Маничка.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А вотъ и Маничка!.. [Тихо]. Какова? Хе-хе! [Женѣ]. Ревякинъ, Прохоръ Авдѣичъ, пріятель старинный. Сегодня нечаянно встрѣтились.

МАНИЧКА [съ снисходительною улыбкой, протягиваетъ Ревякину руку]. Очень рада!

РЕВЯКИНЪ. Съ супругомъ вашимъ познакомились мы въ Москвѣ, чуть ли не въ кухмистерской. Помнишь, Фортунатъ Ефимычъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Какъ же, братецъ, помню отлично! Комната сводчатая, и на потолкѣ еще трещина тамъ была. Какъ-же! Тамъ, Маничка, обѣдъ за 30 коп. давали, а ежели помѣсячно, такъ за семь рублей! И хорошій. Много столовалось студентовъ и барышень.

МАНИЧКА. Стриженыхъ?

недыхляевъ. Зачѣмъ! Хорошихъ, Маничка, барышень, скромныхъ. Уроками живутъ и трудъ, Маничка, большой трудъ несутъ, да! А давненько было вѣдь это, Прохоръ Авдѣичъ?

ревякинъ. Пашку своего тогда въ университетъ отвозилъ. Да, лѣтъ пять будетъ [Маничкѣ]. И, кромѣ того, дѣльце было. Супругъ вашъ мнѣ, провинціалу косолапому, во многомъ посодѣйствовалъ. Ходы указалъ разные. Я даже ротъ отъ указаній-то этихъ разинулъ.

недыхляевъ. Хе-хе! То ли еще мы знаемъ! А ты, Прохоръ Авдѣичъ, такъ холостякомъ и закисъ?

ревякинъ. Такъ и закисъ.

маничка. Не чувствуете расположенія къ семейной жизни?

ревякинъ. Нѣтъ-съ, а подвигъ вѣдь это, семью завести.

маничка. Какой же? Кажется, такъ просто, обыкновенно...

ревякинъ. Подвигъ. Семьянину человѣкомъ быть надо, евангельскимъ духомъ проникнуться: себя, такъ сказать, убѣлить. Ума нужно много, характера, силы... Подвигъ и сокращеніе жизни, такъ какъ за близкаго вѣдь сердце болитъ... А терять каково!.. Нѣтъ, старымъ псомъ лучше подохнуть, нежели какъ дожить до того, что себѣ дурака, или подлеца скажешь.

недыхляевъ. Вотъ, Маничка, какъ люди-то разсуждаютъ. Послушать тебя оробѣешь, пріятель.

ревякинъ. Тебѣ, кажется, нечего!

недыхляевъ. Мнѣ потому, что Маничка у меня... Отъ жены, вѣдь, много, ахъ какъ много зависитъ! а она у меня такая, такая!.. [Съ увлеченіемъ цѣлуетъ ея руки]. Счастья великое Господь мнѣ послалъ, Прохоръ Авдѣичъ!

маничка [мужу равнодушно]. Угостите же!

недыхляевъ. Хе-хе! что же я въ самомъ дѣлѣ! Ну-ка, пріятель! [Налилъ и подаетъ Ревякину рюмку]. Соловья баснями-то не кормятъ.

ревякинъ. А самъ?

недыхляевъ. Нѣтъ, насчетъ хмельнаго я мало. Нездорово. Вотъ чайку—сдѣлайте милость!

маничка [играя кольцами]. Фортунатъ Ефимычъ по трактирамъ привыкъ.

недыхляевъ. Что дѣлать, привыкъ, привыкъ!—Дѣла. А ты, Прохоръ Авдѣичъ, все еще на коронной?

ревякинъ. Служу.

недыхляевъ. Чинъ большой и мѣсто—поди—значительное имѣешь теперь?

ревякинъ. Все то же. Не преуспѣваю. Грубъ и малопочтителенъ. У начальства на дому, въ торжественныхъ случаяхъ, меня перваго отпускаютъ, чтобы не омрачалъ.

маничка. Какой вы сердитый, однако! А служите гдѣ?

ревякинъ. На почтѣ. Да кромѣ и не ужился-бъ нигдѣ. На почтѣ сужденій и заключеній не требуется; а это при дикости воззрѣній моихъ, такъ сказать, застраховываетъ. Матеріалъ у насъ неодушевленный, значитъ, самый прекрасный, потому — какъ ни усердствуй — зла никакого не выйдетъ. А что сердитъ я — пожалуй. Назойливыхъ изъ публики, особенно барынь болтливыхъ, ко мнѣ направляютъ, чтобы пресѣчь. Помогаетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Рубежниковъ

[войдя, неловко раскланивается. Поразился при видѣ Ревякина].

ревякинъ. Пашка!.. Какими судьбами?!

рубежниковъ. Я... я удостоился приглашенія...

маничка [подойдя, протягиваетъ ему руку]. Очень любезно, что исполнили мою просьбу. Merci. [Мужу, который въ удивленіи смотритъ на гостя]. Я пригласила ихъ къ намъ. М-r Рубежниковъ оказалъ намъ съ Таисой Ефимовной столько любезности!.. [Рубежникову]. Право, не знаю какъ и благодарить! Если мы добрались домой сухи и покупка моя не

осталась на улицѣ, то этимъ я вполнѣ обязана вамъ. Мужъ мой, рекомендую.

недыхляевъ [неловко, съ болѣзненной улыбкой]. Благодарю... Кха!.. Очень, очень... Прошу садится-съ.

[Рубежниковъ садится. Ревякинъ нахмурился. Недыхляевъ съ той же улыбкой, потупясь, медленно потираетъ руки. Неловкое молчаніе].

маничка [Ревякину]. А вы, кажется, знакомы?

ревякинъ. Какъ не знакомъ! — выростилъ. [Рубежникову]. Не зналъ, братъ, что ты любезникъ такой. Волочишься, набиваешься на знакомство...

рубежниковъ. Но я...

ревякинъ. По-стой! Тебя изъ вѣжливости одной пригласили, а ты ляпъ и прилѣзъ. Скиѳъ этакій!

маничка. Напротивъ, я желала видѣть m-r Рубежникова у себя...

ревякинъ. А зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?

маничка. Ахъ, Боже! — желала... Достаточно, кажется. Наконецъ, и Фортунатъ Ефимычъ можетъ теперь поблагодарить ихъ за вниманіе ко мнѣ...

ревякинъ. Вамъ, какъ хозяйкѣ, естественно поступокъ его замять; а въ сущности, прежде нежели дѣйствительно пожелать видѣть его у себя, вы, можетъ, разсудили бы мужа вашего предварить. Тогда по крайней мѣрѣ для него бы сюрприза не вышло.

маничка. Позвольте замѣтить вамъ, Прохоръ Авдѣичъ, что кого *я* приглашаю, приглашаетъ и мужъ. Вы — *мой* гость, какъ и его. [Выразительно смотритъ на мужа].

недыхляевъ. Конечно, конечно, Маничка... И я... кха!.. я очень радъ-съ...

ревякинъ. Есть чему!

рубежниковъ [оправившись, весело]. Кажется, я не въ добрый часъ, господа! Поэтому позвольте, Марья Ильинишна, засвидѣтельствовать вамъ почтеніе и удалиться.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Таиса

[входитъ при послѣднихъ словахъ]

ТАИСА. Вотъ пустяки! [Схватываетъ Рубежникова за руку и почти бросаетъ его въ кресло]. Садитесь, Рубежниковъ, и станемъ бесѣдовать.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Потише, сестрица. Этакъ руку повредить можете, хе-хе!

ТАИСА. Пожалуйста!.. Хорошъ хозяинъ: не успѣлъ гость войти, какъ уходить собирается. [Удерживая Рубежникова, хотѣвшаго встать]. Сидите, молодой человѣкъ, и не обращайте вниманія.

НЕДЫХЛЯЕВЪ [смущенно]. Хе-хе! сестрица всегда на меня нападаетъ.

РЕВЯКИНЪ. И въ настоящемъ случаѣ напрасно изволите. Этому гостю лучше за шапку, чѣмъ лясы-то здѣсь точить.

ТАИСА. Да вамъ что за дѣло? Кто вы такой?

РУБЕЖНИКОВЪ [шутливо]. Благодѣтель мой, Таиса Ефимовна. Строгій. Совѣтую съ нимъ не спорить.

ТАИСА. А вы по его дудкѣ пляшете? Красиво! О, жалкая молодость! Какъ вы не похожи на тѣхъ сильныхъ, свободныхъ...

НЕДЫХЛЯЕВЪ [перебивая]. Сестрица молодость вспоминаетъ, нигилистовъ-съ. Отъ нихъ она понятія и просвѣщеніе свое воспріяла, хе-хе!

ТАИСА. Туда же язвитъ, ничего ровно не смысля!

МАНИЧКА. Полно-те, что за споръ! [Рубежникову]. У мужа съ Таисой Ефимовной уморительные споры бываютъ по этому поводу. [Указываетъ ему мѣсто возлѣ себя и продолжаетъ разговоръ тихо].

НЕДЫХЛЯЕВЪ [все еще въ смущеніи]. А ты... кха!.. гдѣ жительствуешь, Прохоръ Авдѣичъ?

РЕВЯКИНЪ. За мостомъ. Домишко свой у меня. На городской выгонъ выходитъ.

ТАИСА. Ахъ, тамъ ученья бываютъ и съ музыкой!

РЕВЯКИНЪ [сурово]. Бываютъ.

ТАИСА. Ходила смотрѣть, какъ же! Публика собирается, дамы. Офицеры глазки имъ строятъ, сердцегрызы армейскіе, ха-ха-ха! У васъ тамъ много романовъ, я думаю, все военщина квартируетъ. Прогулки при лунѣ, скачки черезъ заборы, похищенія...

РЕВЯКИНЪ [ударилъ по столу кулакомъ]. Ч-чо-ортъ! [Уходитъ].

НЕДЫХЛЯЕВЪ [бѣжитъ за нимъ]. Что съ тобой?.. Прохоръ Авдѣичъ!.. Куда ты? [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маничка, Рубежниковъ и Таиса.

ТАИСА. Что онъ—съ ума спятилъ, вашъ благодѣтель?

РУБЕЖНИКОВЪ. По больному мѣсту ударили. Вотъ и заревѣлъ, какъ раненый звѣрь.

ТАИСА. Я? Какимъ образомъ?

РУБЕЖНИКОВЪ. А вотъ армейскіе романы-то, да ученья у него передъ домомъ. Вѣроятно, подумалъ, что вы знаете, какія воспоминанія связаны у него съ этимъ, и намекнули нарочно.

ТАИСА. Ничего! Въ чемъ дѣло? Разскажите, пожалуйста!

РУБЕЖНИКОВЪ. Ахъ, это грустная исторія!.. Прохоръ Авдѣичъ, какъ видите, рѣзокъ, но человѣкъ онъ... Да вотъ сами судите. Въ одинъ холодный октябрьскій день, босой, дрожа и ежась въ лохмотьяхъ, просилъ на улицѣ милостыню мальчикъ. Онъ былъ круглый сирота, забитый, несчастный ребенокъ. Мальчикъ этотъ—вашъ покорный слуга. Прохоръ Авдѣичъ взялъ меня полуживого отъ стужи, привезъ въ своей шубѣ къ себѣ и отходилъ отъ злѣйшаго тифа. Жизнью, образованіемъ, словомъ, всѣмъ я обязанъ ему...

ТАИСА. Благородно! Я съ нимъ сойдусь.

РУБЕЖНИКОВЪ. Трудно. Онъ женщинъ не любитъ.

ТАИСА. Не любитъ?—Дуракъ.

МАНИЧКА. Ха-ха ха! А въ чемъ же грустная исторія, m-r Рубежниковъ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Почти при одинакихъ условіяхъ со мною, взялъ онъ къ себѣ другую несчастную, дѣвочку. Ее звали Поленькой. Отецъ ея, пожарный солдатъ, сгорѣлъ на пожарѣ, а мать вскорѣ затѣмъ умерла. Прохоръ Авдѣичъ заступилъ сиротѣ мѣсто родителей. Вотъ ей-то ученья съ музыкой и принесли бѣду. Она исчезла съ однимъ офицеромъ, который квартировалъ по сосѣдству. Бѣдной дѣвочкѣ едва минуло тогда 16 лѣтъ-

ТАИСА. Полюбила и ушла. Энергія и порывъ. Какая же въ этомъ бѣда?

РУБЕЖНИКОВЪ. Этотъ «порывъ» слишкомъ дорого стоилъ Прохору Авдѣичу. Бѣда ужъ поэтому. А Поленька... Мы ничего не знаемъ о ней. Жива ли еще!..

ТАИСА. Вы, кажется, сентиментальны, Рубежниковъ, а это ведетъ къ большимъ глупостямъ въ жизни. [Закурила и дымитъ папиросой].

РУБЕЖНИКОВЪ [съ улыбкой пожимая плечами]. Пожалуй.

МАНИЧКА. Слѣдовательно, вы росли съ этой Поленькой вмѣстѣ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Да, пока былъ въ гимназіи. Училъ ее. Съ поступленія въ университетъ видѣлся съ нею всего одно лѣто. Худенькая, маленькая, съ ясными, добрыми глазками, какъ сейчасъ ее вижу!

МАНИЧКА. Вы очень любили ее?

РУБЕЖНИКОВЪ. Да... но въ послѣднее свиданіе велъ себя съ нею больше чѣмъ глупо. Важничалъ какъ юный студентъ, относился къ ней свысока... Она загрустила и оробѣла. Представьте, что мнѣ это нравилось!.. Простились холодно и больше не писали другъ другу... Еслибъ не это, Прохоръ Авдѣичъ не затыкалъ бы ушей отъ военной музыки!

ТАИСА [глядя въ окно]. Вотъ онъ, съ братцемъ по саду гуляетъ. Медвѣдь!.. Рѣшительно этотъ Ревякинъ мнѣ нравится. Братъ передъ нимъ моська какая-то... А замѣтила.

Маничка, какъ супругъ твой сконфуженъ появленіемъ сего юнца? Ежится, морщится...

МАНИЧКА. Вовсе нѣтъ. Что вы!.. Онъ нелюдимъ, поэтому нелюбезенъ и ненаходчивъ. Во всякомъ случаѣ на это не стоитъ обращать вниманія.

ТАИСА. Еще бы! Достаточно, Рубежниковъ, что Маничкѣ вы пріятны. Не шутя, мы очень вамъ рады. Здѣсь ужасная тоска. И въ такое-то болото братъ завезъ молодую жену! Для чего? О, я понимаю! чтобы опошлить ее до своихъ понятій и вкусовъ, а—главное—чтобы этому никто не мѣшалъ. Ну, не гадко ли это? Я нисколько не удивлюсь, если онъ опротивѣетъ ей.

МАНИЧКА. Таиса Ефимовна, вы слишкомъ много болтаете! Съ m-r Рубежниковымъ мы такъ мало знакомы... Откровенности ваши могутъ не интересовать его вовсе... Выходитъ—напрашиваться на сочувствіе...

ТАИСА [Рубежникову]. Вы сочувствуете ей, или нѣтъ?

РУБЕЖНИКОВЪ [нѣсколько озадаченъ]. Я я... разумѣется...

ТАИСА. Не мямлите. Терпѣть не могу! Прямо говорите—сочувствуете?

РУБЕЖНИКОВЪ. Отъ всего сердца. [Маничка бросаетъ ему признательный взглядъ].

ТАИСА. Еще бы! Красавица-то какая! Не смущайтесь, молодой человѣкъ. Я красотѣ поклоняюсь. Древніе обожали красоту, и тогда жилось гораздо счастливѣй. Братецъ тоже чувствителенъ къ красотѣ, да! Лебезитъ передъ Маничкой, холопъ и вмѣстѣ съ тѣмъ деспотъ. Увидишь, Маничка, погоди! Онъ такую жизнь устроитъ тебѣ, что это будетъ не жизнь, а патока прокислая, да! Противъ этого нельзя не протестовать. Разумѣется... Впрочемъ, ты, кажется, ужъ того... начинаешь...

МАНИЧКА [досадливо]. Ахъ!.. Потрудитесь сварить намъ кофею.

ТАИСА. Хотите помурлыкать наединѣ? Понимаю! [Уходитъ въ боковую дверь].

МАНИЧКА [смущенно]. Ну можно ли городить такой вздоръ!.. И не подумаетъ, въ какія ставитъ насъ отношенія... Мнѣ совѣстно, право... Впрочемъ, вы видите, чего она стоитъ... Когда я васъ увижу еще?.. Она того наболтала про мужа, что вы можете стѣсняться... Но это же пустяки. Все обойдется отлично. Когда?

РУБЕЖНИКОВЪ. На-дняхъ, когда позволите...

МАНИЧКА. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

ТАИСА [входя]. Маничка, а ключи! [Маничка достаетъ ключи изъ кармана].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Ревякинъ съ Недыхляевымъ.

РЕВЯКИНЪ [входя]. Паша! Домой!

ТАИСА. Ревякинъ, правда-ли что вы не любите женщинъ? Какъ это глупо!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Да полюби ты ее, Христа ради, Прохоръ Авдѣичъ!

ТАИСА [брату]. Пожалуйста! — А вы, должно быть, очень сильны, Ревякинъ [хватается за его руку выше локтя]. О, да, да, конечно!.. У васъ въ крови много желѣза. Такіе всегда энергичны. Люблю! У нихъ все—порывъ. [Опять взялась за руку Ревякина. Онъ, при общемъ хохотѣ, грубо отводитъ ее къ боковой двери]. Съ ума вы сошли? Что это значитъ?

РЕВЯКИНЪ. Порывъ!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена: справа рѣшетчатая деревянная бесѣдка въ китайскомъ вкусѣ. Широкій входъ въ нее обращенъ къ публикѣ, такъ что внутренность бесѣдки открыта. Слѣва развѣсистое дерево, подъ которымъ садовый диванчикъ и столъ. Слѣва же, въ глубинѣ, фасадъ дома съ террасой. Прямо, въ глубинѣ, бѣлая каменная ограда, за которой видна панорама города. Въ оградѣ калитка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маничка [мечтательно сидитъ подъ деревомъ] и потомъ Недыхляевъ.

МАНИЧКА. Паша... Поль!.. Какое симпатичное имя, романическое!.. [Нѣжно] По-оль!.. Кожа на лицѣ у него нѣжная, борода мягкая, густая—густая, а губы!.. Поцѣлуетъ—сожжетъ!.. [Встала, прошлась]. Чувствуете ли, какъ я васъ жду? [Садится]. Ахъ! даже грущу... Сердце замираетъ такъ сладко!..

НЕДЫХЛЯЕВЪ [выйдя изъ дома, останавливается въ отдаленіи]. Маничка!

МАНИЧКА [не слышитъ зова]. Снился сегодня... Ахъ, сколько нѣжности, страсти!.. Проснулась—онъ и онъ!..

НЕДЫХЛЯЕВЪ [подойдя]. Маничка!

МАНИЧКА. Какъ вы меня испугали! Что за манера подкрадываться!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Разсѣянна немножко, задумываешься?

МАНИЧКА. Какъ всегда.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Н-нѣтъ... я замѣчаю... Думаешь такъ, думаешь и вдругъ улыбнешься и глазки у тебя заблестятъ. Замѣчалъ. А если въ то время случится на меня посмотрѣть, то выходитъ... выходитъ нѣчто странное, Маничка.

МАНИЧКА. Что же такое выходитъ, позвольте спросить?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А такъ... будто смѣешься надо мной ты... Такъ въ глазахъ у тебя... свѣтъ особенный и игра. [Глубоко вздохнулъ]. И на лицѣ то-же означится выраженіе и губку закусишь, сдержаться чтобы...

МАНИЧКА. Еще что-нибудь выдумайте!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Примѣтилъ. Конечно, во мнѣ есть смѣшное... Въ каждомъ оно имѣется, а во мнѣ и больше чѣмъ, пожалуй, въ другихъ. Особенно если на развитой вкусъ, какъ у тебя, Маничка. Какъ этого не понять! [Садится]. А если вотъ что... кхе-кхе!.. если безъ усмѣшки-то этой, мы, глядишь—вмѣстѣ бы надъ смѣшнымъ моимъ посмѣялись. Вмѣстѣ, *душевно,* Маничка, а? Меня бы это въ конфузъ не ввело. Напротивъ! Исправиться можно и съ легкимъ сердцемъ. А если какъ теперь... хуже, гораздо, Маничка, хуже! Первое застыдишься внутренно и оробѣешь. Потомъ ощутишь въ себѣ нѣкую боль душевную и какъ бы сиротство. Себя въ ту минуту станетъ, Маничка, жалко и больше чѣмъ надлежитъ. Понимаю я это. Все ужъ пойдетъ тогда неправильно, то-есть въ тебѣ, въ чувствахъ... И мысли ползутъ нехорошія... Не люблю я ихъ, и гоню и боюсь... *боюсь!* а сладить не могу съ ними. Тогда вотъ... тогда плохо мнѣ, Маничка... Видишь, я все тебѣ говорю... Плохо!

МАНИЧКА. Вольно же вамъ фантазировать! Для меня это даже удивительно въ васъ. Что такое? откуда?.. Вы о чувствахъ разсуждаете... [усмѣхнулась]. Странно!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [голосъ его слегка задрожалъ]. Видишь что, Маничка... Говорить обо всемъ этомъ мнѣ тяжело, очень даже... Просить и какъ бы каяться... Тяжело! Переломить, перемочь себя надо было для этого. Гордость, Маничка, все же и у меня есть... Но любовь моя къ тебѣ такова, что въ ней и смиреніе найдется, и во всемъ, ради этой любви, могу я себя побороть...

МАНИЧКА. Право не понимаю, чего вы хотите отъ меня, Фортунатъ Ефимычъ!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [встаетъ]. Ну прости, прости!.. Надоѣлъ я тебѣ... Эко, въ самомъ дѣлѣ разговорился, хе-хе! Истинно «странно», хе-хе-хе! [Торопливо уходитъ въ домъ].

МАНИЧКА. Гм!.. Однако, съ нимъ нужна осторожность!.. Что-жъ, это веселѣй даже!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Маничка и Рубежниковъ.

РУБЕЖНИКОВЪ [входя въ калитку]. Позволите?

МАНИЧКА. Вы?! [Идетъ на встрѣчу]. Ахъ, какъ я рада!.. [Рукопожатіе]. Здравствуйте! Жда-ла... Гдѣ бы намъ? [Оглядѣлась]. Пойдемте сюда, въ бесѣдку. [Вошли]. Здѣсь прохладно, удобно... [Усаживаются]. Ну вотъ какъ отлично! А Фортунатъ Ефимычъ сейчасъ мнѣ объяснялся въ любви.

РУБЕЖНИКОВЪ. Да?

МАНИЧКА. Представьте! въ любви, ха-ха-ха! Онъ, который какъ ушей своихъ не видалъ бы меня, если-бъ папашины дѣла не разстроились; онъ, который сѣсть при папашѣ не смѣлъ, и вдругъ... Конечно, нескромно съ моей стороны разсказывать вамъ... Съ какой стати! Но... но вѣдь вамъ од-но-му!.. Не осудите? За то, что мнѣ хочется быть откровенною съ вами, не назовете болтушкой?

РУБЕЖНИКОВЪ. Что за мысль!

МАНИЧКА. Ахъ, другъ мой, тяжело у меня на душѣ бываетъ, ужъ такъ-то тяжело!.. Любовь онъ понимаетъ слишкомъ по-своему, пошло, и такой онъ... Преставьте его на балу, среди блеска и шума. Какую бы жалкую фигуру изображалъ мой супругъ! Робкій, растерянный взглядъ и руки, руки въ перчаткахъ, которыя не зналъ бы куда дѣвать!.. Да! чѣмъ живетъ молодое сердце—ему не понять... Скажите: еслибъ я была несчастлива, ну совсѣмъ, совсѣмъ-таки несчастлива, вы бы пожалѣли меня?

РУБЕЖНИКОВЪ. Отъ всей души.

МАНИЧКА. Добрый мой! [Протягиваетъ ему руку]. Какъ вы хорошо это сказали, сильно, тепло!..

РУБЕЖНИКОВЪ. Судя по вашимъ словамъ, выходитъ что-то въ родѣ насилія... Васъ принудили за него выйти?

МАНИЧКА. Нѣ-ѣтъ... Со мной такъ нельзя. А видите ли... Наше положеніе измѣнилось совсѣмъ неожиданно. Вдругъ

катастрофа такая... Ну, знакомые задрали носы. Ахъ, и злость же брала меня на этихъ расфуфыренныхъ дуръ! За Фортуната Ефимыча выйти—это еще что! Я и не на то бы рѣшиться могла, чтобъ насмѣяться имъ въ глаза, ослѣпить...

рубежниковъ. Неужели это васъ занимало?

маничка. Чуточку. Не подумайте, что я въ самомъ дѣлѣ могла-бы сдѣлать что-нибудь такое! глупость... Нѣтъ! Всѣ онѣ не стоили этого. Да увидимъ еще! Мужъ гораздо богаче, нежели можно было представить... О чемъ вы задумались?

рубежниковъ. Т-такъ!

маничка [притрогиваясь къ его плечу]. Нѣтъ, пожалуйста!.. Вѣдь и вы должны быть откровенны со мною. О чемъ?

рубежниковъ. Я подумалъ, что если... Фортунатъ Ефимычъ...

маничка. Если я не была въ него влюблена, то вышла зачѣмъ?

рубежниковъ. Между прочимъ и это.

маничка. Ахъ, голубчикъ, вы очень молоды и жизни не понимаете! Наконецъ, у насъ въ купечествѣ такъ ужъ ведется, что замужъ непремѣнно надо пойти, жить «въ законѣ», ха-ха!

рубежниковъ. Сословные обычаи, конечно... съ ними трудно бороться... Подготовка нужна и... характеръ...

маничка [перебивая]. Ну вотъ видите! Настоящіе женихи были не про меня, безприданницу, а Фортунатъ Ефимычъ... За него, въ тогдашнемъ положеніи, я вышла бы скорѣе, чѣмъ за всякаго другого, именно потому, что онъ... ничтожный такой.

рубежниковъ. Это же какъ?

маничка. Такъ... Вы не поймете, да и зачѣмъ вамъ знать—какъ, да почему! [Сентиментально]. Что вамъ до этого? что намъ до прошлаго? Вѣдь васъ не было въ немъ... Выходя замужъ, я чувствовала, что это такъ только... наружное, а другое, *настоящее* впереди и въ немъ — все.

РУБЕЖНИКОВЪ. То-есть что же именно впереди?

МАНИЧКА [кокетливо]. Не скажу.

РУБЕЖНИКОВЪ. Если желаніе подготовить себя къ труду, чтобы впослѣдствіи стать на свою дорогу...

МАНИЧКА. Нѣ-ѣтъ. Какой вы... ха-ха! Не любопытничайте. Не скажу.

РУБЕЖНИКОВЪ. Жаль. Во всякомъ случаѣ, положеніе ваше, повидимому, настолько васъ тяготитъ, что-о...

МАНИЧКА. По крайней мѣрѣ все дѣлается, какъ я хочу. Еще бы не такъ!

РУБЕЖНИКОВЪ. Если... это такъ важно для васъ, то о чемъ же?..

МАНИЧКА. Да нѣтъ же, нѣтъ, нѣтъ! Вы все не такъ. Я страдаю... ужасно! Говорила вѣдь *чѣмъ* живу.

РУБЕЖНИКОВЪ. Да, ожиданіемъ; но я ничего не понялъ изъ этого.

МАНИЧКА [вскинула на него глаза]. Ничего? [Опять тотъ же взглядъ и, потупясь, играетъ кольцами. Пауза]. Видите, я не умѣю говорить... Я лучше думаю, лучше чувствую, чѣмъ могу выразить; а вы цѣпляетесь къ словамъ, нарочно путаете меня...

РУБЕЖНИКОВЪ. Но чѣмъ же, помилуйте!

МАНИЧКА. Молчите вы! Стыдно меня огорчать. [Плачетъ]. Дурной!.. злой!

РУБЕЖНИКОВЪ. Марья Ильинишна, но о чемъ же вы плачете?

МАНИЧКА. Да какъ же!.. Будто мнѣ все равно... какое вы составите обо мнѣ мнѣніе... Еслибъ я меньше имъ дорожила, вами... а то...

РУБЕЖНИКОВЪ. Марья Ильинишна, перестаньте, пожалуйста! Я не могу этого видѣть... Прошу! [Отводитъ отъ ея глазъ руку съ платкомъ]. Право же не могу!

МАНИЧКА. Развѣ вамъ больно меня огорчать?

РУБЕЖНИКОВЪ. Невозможно!

МАНИЧКА [придвигается и даетъ ему обѣ руки]. Значитъ... вы хотите, чтобъ я была счастлива?

РУБЕЖНИКОВЪ. Хочу.

МАНИЧКА [значительно]. Хо-ти-те?.. Значитъ, въ вашемъ молодомъ, честномъ, прекрасномъ сердцѣ отзовется оно, мое счастье? [Близко къ нему наклонилась].

РУБЕЖНИКОВЪ [смутился]. Ну, д-да...

МАНИЧКА. А въ чемъ оно?

РУБЕЖНИКОВЪ. Въ чемъ?

МАНИЧКА. Не знаешь?.. Хочешь, чтобъ я сама?.. М-милый [Порывисто обняла его и выходитъ изъ бесѣдки. Отойдя, остановилась смотритъ въ его сторону, про себя]. Понялъ теперь? [Почти бѣжитъ къ дому].

ЯВЛЕНІЕ III.

Маничка, Рубежниковъ и Недыхляевъ [изъ дома].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Куда ты, Маничка, такъ торопишься?

МАНИЧКА. Надо... распорядиться... ждутъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ [задерживая ее]. Ахъ, какъ у тебя глазки-то, глазки блестятъ! и личико какъ разгорѣлось!

МАНИЧКА [съ досадой]. Позвольте! что вы!.. [Уходитъ въ домъ. Рубежниковъ вышелъ изъ бесѣдки и смущенно кланяется хозяину].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А, молодой человѣкъ!.. Здравствуйте, здравствуйте! Какъ пріятно, что вы у насъ. По Маничкѣ я бы угадалъ это, еслибъ и не имѣлъ счастья васъ видѣть. Какая веселенькая пробѣжала-то, а!.. Спасибо, спасибо вамъ, молодой человѣкъ! Развлекаете? развлекаетесь?

РУБЕЖНИКОВЪ. Разговаривали...

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Хе-хе! стараетесь быть пріятнымъ?.. и сами въ томъ обрѣтаете удовольствіе?

РУБЕЖНИКОВЪ. Въ обществѣ Марьи Ильинишны мнѣ пріятно.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Благодарю васъ, молодой человѣкъ, чувствительно вамъ за это признателенъ!

РУБЕЖНИКОВЪ. То-есть... за что же собственно...

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Будто не за что?

РУБЕЖНИКОВЪ. Право не понимаю...

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ахъ, ахъ, какъ же вы такъ!.. Я въ томъ бы казусѣ не былъ признателенъ вамъ за вниманіе къ супругѣ моей, еслибъ оно было мнѣ вредно, вниманіе это. А такъ какъ этого нѣтъ и быть всеконечно не можетъ, то удивительно мнѣ: почему вы въ признательности моей будто какъ сомнѣваетесь, будто я выхожу съ нею осломъ? и почему оная признательность моя васъ въ нѣкоторое повергаетъ смущеніе?.. А мужу межъ тѣмъ вполнѣ подобаетъ изъявить доброму знакомому признательность за вниманіе къ супругѣ. Вѣдь да-съ?—Всенепремѣнно! Поэтому, не взирая на ваше смущеніе, я намѣренъ пожать вамъ руку, какъ честному человѣку и любезному знакомому нашему. Позвольте же ручку-съ. Вотъ такъ! [Пожимаетъ его руку. Входящей женѣ]. Маничка, я благодарилъ вотъ ихъ за драгоцѣнное вниманіе къ тебѣ, такъ какъ тебѣ съ ними пріятно и весело, и ручку за это пожалъ.

МАНИЧКА. Что же изъ этого?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Мало?.. Мало, мало! Позвольте же облобызать васъ, молодой человѣкъ. [Заключаетъ Рубежникова въ объятія и трижды цѣлуетъ]. Вотъ такъ!.. в-вотъ!.. вотъ какъ прекрасно, хе-хе!

МАНИЧКА [пожимая плечами]. Что за чудачество!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Выраженіе чувствъ, Маничка, чувствъ! [Поспѣшно пошелъ къ дому].

МАНИЧКА. Куда же вы? Фортунатъ Ефимычъ!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [останавливаясь въ отдаленіи]. А что-съ?

МАНИЧКА. Я думаю, было бы приличнѣй оказать гостю вниманіе, посидѣть съ нами.

НЕДЫХЛЯЕВЪ [нерѣшительно приближается]. Для чего-съ?.. постороннихъ здѣсь нѣтъ...

МАНИЧКА. Ха-ха-ха! какой вы забавный сегодня! [Беретъ его подъ руку и подводитъ къ диванчику]. Садитесь. [Недыхляевъ машинально садится и, глядя въ землю, задумчиво щиплетъ бороденку. Пауза]. Разскажите, что вы подѣлываете, Павелъ Дементьичъ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Почти ничего... Время глупо проходитъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Скучно вѣдь здѣсь. [Оживляясь]. А вы вотъ что молодой человѣкъ: заведите интрижку.

МАНИЧКА. Фортунатъ Ефимычъ!.. Вы хоть при мнѣ бы не говорили подобнаго!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Чего же, Маничка, оскорбляетесь! Совѣтъ мой тогда былъ бы щекотливъ для тебя, еслибъ сама ты способна была завести интрижку. А вѣдь этого нѣтъ, вѣдь правила твои столь отмѣнны, что ты вольностей себѣ не позволишь и обольщенію себя не предашь. Да, молодой человѣкъ, развлекитесь. Интрижка—развлеченіе пріятное. Многіе молодые люди и пріятныя бырыньки сему предаются. Первое—тайна: обмануть надо и скрыть, а второе—пріятности...

МАНИЧКА. Опомнитесь, что вы болтаете!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [съ большимъ оживленіемъ]. Такимъ образомъ, игра выходитъ двойная. И опасенія и лицедѣйство. Измышленія какъ обезопасить тайно содѣянное и какъ удобнѣе ему предаваться. Сдержанность невольная, при другихъ, на свободѣ распаляетъ страсть... до кипѣнія мозга въ костяхъ, хе-хе-хе! Тогда ужъ не люди, а дьяволы, дьяволы-съ, хе-хе-хе!

МАНИЧКА. Фортунатъ Ефимычъ, да вы бредите, нездоровы!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [съ возрастающимъ возбужденіемъ]. Веселъ я, веселъ-съ, хе-хе!.. Много могу говорить, о какъ много! И смѣяться и бѣгать могу, хе-хе-хе! [Вскакиваетъ]. И все противъ воли, ей-Богу!.. Ртуть во мнѣ, ртуть!.. Пѣтухомъ могу закричать. Вѣрите ли, хочется даже, ей-же Богу, хе-хе! [Повернулся на одной ногѣ и, прыгая, отступаетъ къ террасѣ].

МАНИЧКА. Вы просто меня пугаете! Куда вы?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А въ воду... купаться... бултыхъ! [Схватываетъ простыню съ террасы и надѣваетъ ее хомутомъ на шею]. Прямо съ кручи—бултыхъ! Хе-хе-хе!

МАНИЧКА. Это полезно. Прохладиться вамъ не мѣшаетъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Распалился! Жарко, ухъ жарко какъ! Брошусь въ рѣчку—вода зашипитъ, такъ меня разогрѣло, хе-хе!.. [Убѣгаетъ въ калитку].

МАНИЧКА [выглянула въ нее, рѣшительно подходитъ къ Рубежникову и кладетъ руки ему на плечи]. Милый! намъ надо видѣться гдѣ-нибудь не у насъ... Видишь, каковъ онъ... Просто перепугалъ!.. Ты устрой... Надо хорошенько придумать—*гдѣ*... Но вы... вы, кажется, вовсе *не рады?* [Сняла руки, отступила и смотритъ на него исподлобья].

РУБЕЖНИКОВЪ [подошелъ и беретъ ея руки]. Не то!.. я ошеломленъ... Столько неожиданныхъ впечатлѣній!.. Наконецъ, эта сцена... Она ужасно меня взволновала... Я не нашелся, слова не могъ сказать!.. [Маничка выдергиваетъ руки, повернулась и медленно отходитъ, грустно опустивъ голову]. Ахъ, Боже мой!.. [Нагоняетъ ее]. Гдѣ же? когда?

МАНИЧКА. Что «когда?»

РУБЕЖНИКОВЪ. Нѣтъ, пожалуйста!.. Оставьте этотъ тонъ... Я не могу. Мы должны видѣться, непремѣнно! Мнѣ много, такъ много нужно сказать!.. Пожалуйста! [Беретъ ея руку].

МАНИЧКА [не глядя на него, равнодушно]. Въ верстѣ отъ города есть монастырь. Тамъ гостиница. Завтра я, по-жа-луй, прiѣду туда къ вечеру [насмѣшливо], послушать, что вы «много и много» будете говорить...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маничка, Рубежниковъ [вначалѣ] и **Таиса** [изъ дома, въ шляпкѣ и пальто, со сверткомъ].

ТАИСА. А, нѣжная сцена!.. [Маничка останавливаетъ ее взглядомъ]. Пронзила! Глаза у тебя удивительно выразительны, Маничка. Подвизайтесь, юнецъ, подвизайтесь!

РУБЕЖНИКОВЪ. Прощайте, Марья Ильинишна!

МАНИЧКА. До свиданья.

ТАИСА. Господа, я не мѣшаю, уйду... [Рубежниковъ поклонился ей и идетъ къ калиткѣ]. Постойте! [Догоняетъ]. Что вашъ Ревякинъ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Здоровъ.

ТАИСА. Скажите, онъ и съ вами дерется?

РУБЕЖНИКОВЪ. Дерется?

ТАИСА. Да ужъ навѣрно! Передайте, что я приду къ нему въ гости.

РУБЕЖНИКОВЪ. Не совѣтую. [Уходитъ].

ТАИСА. Приду. Ну, Маничка, какъ у васъ? спѣлись? Разскажи. Я люблю это...

МАНИЧКА. Таиса Ефимовна, это изъ рукъ вонъ! Можно ли при молодомъ человѣкѣ такія говорить неприличности! Вы срамите меня!

ТАИСА. Говорю, что вижу. Какія же неприличности?

МАНИЧКА. Да что вы видете? что вы можете видѣть? У васъ кавардакъ въ головѣ, сочиняете и мелете вздоръ. А я наотрѣзъ говорю, чтобъ я впередъ ничего подобнаго не слыхала, не то я посвойски съ вами управлюсь!

ТАИСА. Да ужъ ты... тебѣ какъ не управиться! Тебѣ что съ хвоста пыль стрясти, что человѣка обидѣть — разницы никакой.

МАНИЧКА. Скажите-ка лучше, что я слишкомъ добра съ вами и терпѣлива. Вотъ что-съ! Купили, что я приказывала?

ТАИСА. Вотъ. [Отдаетъ свертокъ]. Семь аршинъ.

МАНИЧКА. По чемъ?

ТАИСА. По тридцати пяти.

МАНИЧКА. Шертингъ, по тридцати пяти! Да вы съ ума сошли! [Разсматривая матерію]. Что же вы принесли такое? Вѣдь это просто миткаль! Глядите! Рѣденькій, пересиненъ, крахмалу чортъ знаетъ сколько набито... И за такую-то дрянь по тридцати пяти копѣекъ! Отличились!

ТАИСА. Удивительно даже: только что нѣжничала, лакрицу здѣсь разводила и за какой-нибудь гривенникъ готова выдрать глаза!

МАНИЧКА [грозитъ у нея передъ носомъ]. Сказано вамъ?.. Дождетесь! [Бросаетъ свертокъ на землю]. Извольте отнести эту ветошку назадъ, или берите себѣ и отдайте мнѣ деньги.

ТАИСА. Вотъ у насъ какъ!

манички. Нельзя же, Таиса Ефимовна, дармоѣдничать! Надо хоть чѣмъ-нибудь быть полезною въ домѣ, а вы ни на что не годитесь!

таиса. Помилуй, матушка! да ты замытарила меня, горничную изъ меня сдѣлала! у тебя Таиса Ефимовна во всякій слѣдъ мычется, да хлѣбомъ еще попрекаешь! Фу, подлость какая! [Схватываетъ съ земли свертокъ]. Добро бы ужъ ѣсть вволю давала, а то въ ротъ глядитъ, каждый кусокъ считаетъ, чаю лишнюю чашку выпить не смѣй! Недаромъ у тебя копилка заведена, собираешь двугривенные...

маничка. Э, вашихъ глупостей не переслушаешь до ночи! [Уходитъ вправо за деревья].

таиса. Не нравится видно?—Сквалыга! [Уходитъ въ домъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Недыхляевъ [изъ калитки] и потомъ Маничка.

недыхляевъ. Маничка, Маничка! что ты со мною дѣлаешь!.. Измѣрь глубину чувствъ моихъ, и тогда, если въ тебѣ хоть искра Божьяго свѣта, хоть капля неиспорченной крови, ты устыдишься, ужаснешься меня оскорбить. Вѣдь я любилъ тебя съ первыхъ дней искуса моего. Въ любви этой я черпалъ бодрость средь терній житейскихъ; она свѣтомъ души мнѣ была, искупленіемъ труда, лишеній и мукъ, она, моя радость обѣтованная!.. [Садится подъ дерево]. Я жилъ для тебя, не зная тебя, воплотивъ мечтанія въ образъ вещественный. Какъ на яву, видалъ я тебя и въ заботахъ домашнихъ, веселою, безъ суеты хлопотливою; и при гостяхъ, краше всѣхъ и въ почтеніи у каждаго; надъ колыбелью младенца и въ сіяньи лампады, передъ образомъ Божьимъ склоненную... Теплая вѣра, спокойная совѣсть и забота любовная на лицѣ твоемъ отпечатлѣвалися дивно!.. И падалъ я самъ передъ образомъ ницъ и, рыдая, молилъ: Боже, пошли мнѣ ее, такою какъ создало сердце мое!.. И ты, выстраданная, вымоленная, ты... Нѣтъ!.. Умъ мрачится и стынетъ сердце при мысли одной!..

МАНИЧКА [входитъ справа, въ сторону]. А, здѣсь!.. Призагунулъ [Тихо подходитъ сзади и вдругъ обнимаетъ его].

НЕДЫХЛЯЕВЪ [съ испугомъ]. А!

МАНИЧКА. Чему вы такъ удивились? Или вамъ это не нравится можетъ быть? [Почти отнимаетъ руки]. Молчите?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Нѣтъ, Маничка, я очень... конечно... кха-кха!..

МАНИЧКА. Что?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Радъ и... и благодаренъ...

МАНИЧКА [обнимая опять]. Хотя вы этого вовсе не стоите.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Да.. да, я... конечно... я знаю...

МАНИЧКА. Выслушайте, тогда и узнаете. Не стоите за то, что глупо вели себя при Павлѣ Дементьичѣ, до того безтактно и неприлично, что поставили меня въ очень неловкое положеніе. Да-съ! За это васъ слѣдуетъ хорошенько распечь. Да не отвертывайтесь, не мигайте по сторонамъ! Или совѣстно стало?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. За кого-съ?

МАНИЧКА. Вопросъ! [Отняла руки]. Ужъ не за меня ли вамъ совѣстно?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Я вовсе не чувствую этого, ни за себя, ни покамѣстъ за васъ, то-есть конфуза... А если полагаете, держать себя при гостѣ не умѣлъ, такъ простите и... поучите. Мнѣ даже это особенно интересно, то есть каковы насчетъ молодого человѣка ваши указанія будутъ.

МАНИЧКА [прищурилась]. Ужели?.. [Въ сторону]. Это крючекъ! [Холодно]. Всѣ мои «указанія» сводятся вотъ къ чему! я хочу, чтобы мужъ мой всегда и со всѣми велъ себя умно и прилично, а не вралъ и не кривлялся бы точно помѣшанный, какъ сегодня; хочу, чтобы всѣ его уважали, чтобы мнѣ не краснѣть за него, а—напротивъ—испытывать при немъ удовольствіе. [Недыхляевъ понуро молчитъ]. Кажется, понятно и раздумывать нечего. Что же явствуетъ изъ того, что я вамъ сказала?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Повидимому... то-есть изъ смысла словъ... явствуетъ то, чтобы я не вводилъ васъ въ конфузъ...

МАНИЧКА. Только?.. Ахъ вы дрянной! [Слегка ударяетъ его по щекѣ и ласково гладитъ]. Ужъ будто бы только? А что васъ любятъ, берегутъ и заботятся объ васъ—это развѣ не явствуетъ? [Прислонилась къ плечу и близко глядитъ ему въ лицо]. Нѣтъ?.. О чемъ вы просили меня сегодня? Припомните-ка! Смѣшное осмѣемъ вмѣстѣ, «душевно», и все-то мы вмѣстѣ, чтобы «сиротства» вы не чувствовали, мыслей дурныхъ не имѣли...

НЕДЫХЛЯЕВЪ [схватываетъ ея руку]. Маничка! если истинно, отъ души если!..

МАНИЧКА [отстраняясь и вырывая руку]. А вы смѣете сомнѣваться, когда васъ ласкаютъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ [схватывая ея руку, падаетъ на колѣни]. Нѣтъ, нѣтъ, ради самого Бога!.. Вѣрю я, Маничка, вѣрю!.. Я, маленькій человѣкъ, былъ отъ тебя въ отдаленіи. Плѣнялся тобою, но мыслями на тебя не дерзалъ. *Сама* ты обласкала меня и приблизила. Если повѣрилъ тогда, какъ же теперь-то не вѣрить? [Цѣлуетъ ея руки]. Что же будетъ, если не вѣрить-то мнѣ?!.

МАНИЧКА. Н-ну, встань, цѣлуй!

[Недыхляевъ обнялъ ее и страстно цѣлуетъ въ щеку, плечи, шею Маничка, смѣясь, смотритъ въ публику съ лукавымъ выраженіемъ торжества].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена: комната въ домѣ Ревякина. Налѣво одностворчатая дверь, ведущая въ сѣни, направо окно въ садъ, у котораго старинное кожаное кресло и маленькій столикъ. У задней стѣны простой, обитый ситцемъ диванъ и старинный комодъ, съ выдвижными ящиками. Надъ нимъ фотографическій портретъ, задернутый кисейкою. Слѣва, по сю сторону двери, простой крашеный столъ и два стула. Въ задней стѣнѣ зеркало изразцовой печи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ревякинъ [лежитъ на диванѣ, въ чулкахъ, закинувъ руки подъ голову. Онъ въ халатѣ, ночной рубашкѣ, безъ галстука] и **Рубежниковъ** [задумчиво сидитъ у окна].

РЕВЯКИНЪ. Пашка!.. Курить.

РУБЕЖНИКОВЪ [протягивая свой портсигаръ]. Берите.

РЕВЯКИНЪ. Закури и дай. Чертъ! [Рубежниковъ закурилъ и подаетъ папироску]. Въ зубы.

РУБЕЖНИКОВЪ. И руку-то лѣнь протянуть! [Вкладываетъ папироску ему въ ротъ]. Эхъ вы!

РЕВЯКИНЪ. Протяну, когда бить тебя стану. Разсказывай!

РУБЕЖНИКОВЪ. А вы храпѣть будете? Дѣльно! Есть у меня знакомый одинъ, тоже чурбанъ порядочный...

РЕВЯКИНЪ [показываетъ кулакъ]. Ври!

РУБЕЖНИКОВЪ. Такъ тотъ вотъ что выдумалъ: лежитъ-лежитъ на диванѣ, да вдругъ: «Филька!»—Является Филька.— «Покачай мнѣ ноги.» — Беретъ Филька его ножки.. каждая съ бревно доброе... и ну качать: вверхъ—внизъ, вверхъ—внизъ!..

РЕВЯКИНЪ. Дервенѣютъ должно быть.

РУБЕЖНИКОВЪ. Должно быть. Вотъ и вы что-нибудь такое придумайте! Вздумали же ѣсть заставлять насильно. Навалить во щи стручковаго перцу—огонь, глаза вылѣзаютъ. Нѣтъ, ѣшь! Хорошо у васъ брюхо изъ овчинъ сшито, ничѣмъ не проймешь...

РЕВЯКИНЪ. Пашка! Грубишь!

рубежниковъ. Да какъ же: купилъ вчера четвертку яблокъ и всѣ сразу поѣлъ. Желудочекъ!

ревякинъ. Ну постой, я-те завтра употчую! Первое— щи изъ свинины...

рубежниковъ. Нѣтъ, ради Бога!

ревякинъ. Пирогъ съ печенкой и яйцами, баранина съ лукомъ и соломата.

рубежниковъ. Сбѣгу!

ревякинъ. Куда? Не къ Маничкѣ-ль Недыхляевой?.. [Зорко на него смотритъ]. Дивлюсь! Съ нѣкоторыхъ поръ, какъ Маничку помянешь, такъ Пашка горѣть.

рубежниковъ. Пустяки!

ревякинъ. Да! стой-ка братъ, стой! изъ ума вонъ. Зачѣмъ ты намедни въ монастырь попалъ, за городъ?

рубежниковъ. Куда?

ревякинъ. Сказалъ куда! Вчера говорили. Видѣли тебя у монастырской гостиницы... [Рубежниковъ быстро уходитъ]. Куда?! Стой!... Уродъ! [Приподнялся и стучитъ въ стѣну]. Пашка!.. Пашка, чертъ!... Погоди-жъ ты! [Надѣваетъ сапоги стоявшіе возлѣ дивана]. Ужъ я тебя допытаю! Я изъ тебя правду-то вылущу! Скиѳъ этакій! [Поднялся и идетъ къ двери].

ЯВЛЕНІЕ II.

Ревякинъ и Недыхляевъ

[нерѣшительно высовывается въ дверь].

недыхляевъ. Прохору Авдѣичу! Не потревожу?

ревякинъ. Ахъ, ты!.. Входи. Давно пора въ хибарку мою заглянуть,

недыхляевъ [осматриваясь]. Какъ у тебя прекрасно!.. Дворикъ, построечки... Вездѣ чистота. Аккуратно живешь, Прохоръ Авдѣичъ.

ревякинъ. Какъ живется. Садись.

недыхляевъ. А это же что такое задернуто? [Указываетъ на портретъ].

ревякинъ. Задернуто.

НЕДЫХЛЯЕВЪ [отдергивая занавѣсочку]. Полюбопытствовать можно?.. Ахъ, портретецъ! дѣвочка!.. Не эта ли воспитанница твоя?

РЕВЯКИНЪ [грубо отведя Недыхляева отъ портрета]. Вопросъ праздный и—извини меня—глупый. [Отошелъ къ окну].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Мнѣ что же... Извини, Прохоръ Авдѣичъ. Еслибъ знатье...

РЕВЯКИНЪ. Ну, нечего ужъ! Садись. Потчевать чѣмъ?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Благодарствуй, ничего не хочу.

РЕВЯКИНЪ. Ты вѣдь «чайникъ». [Въ дверь]. Эй! баба!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. И чаю не хочу. Не утруждайся пожалуйста.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Маланья

[одѣта по-крестьянски, неряшливо. Юбка подоткнута, рукава засучены выше локтей. Волосы выбились изъ-подъ платка, повязаннаго кое-какъ].

МАЛАНЬЯ. Н-ну?

РЕВЯКИНЪ. Поставь самоваръ.

МАЛАНЬЯ. А-сь?

РЕВЯКИНЪ. Самоваръ, говорю, поставь. Поняла?

МАЛАНЬЯ. Са-мо-варъ?

РЕВЯКИНЪ. Ну да, да! Чертъ!

МАЛАНЬЯ [неуклюже повертывается къ двери, задумчиво]. Са-мо-варъ?.. Хо-ро-шо...

РЕВЯКИНЪ [легонько встряхивая ее за плечи]. Да ты не раздумывай, сейчасъ ставь, а то будешь воронить, да колупать печку!

МАЛАНЬЯ. Печку-то?.. Я сей-часъ... [Уходитъ].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Чудная какая!

РЕВЯКИНЪ. Словно во снѣ. По лбу треснешь, ну очнется и ничего, пока опять туманъ въ башку не найдетъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Съ такою неудобно, поди?

РЕВЯКИНЪ. А куда-жъ ей дѣваться? Толковая была, пока мужа по брюху на чугункѣ не переѣхали. Ну какъ живешь? Марья Ильинишна?

недыхляевъ. Слава Богу, отлично... отлично... [Съёжился, неловко заерзалъ на стулѣ, глаза его безпокойно забѣгали]. А... а твой молодой человѣкъ, Павелъ Дементьичъ?

ревякинъ. Что?

недыхляевъ. Какъ онъ?.. Бывать пересталъ... Здоровъ?

ревякинъ. Ничего.

недыхляевъ. Пересталъ... Сначала-то осчастливливалъ насъ... И какъ же я бывалъ ему радъ!.. А то вдругъ... вотъ ужъ съ недѣлю не видимъ.

ревякинъ. Эти дни онъ хандрилъ что-то.

недыхляевъ [привскочивъ]. Какъ? что?.. захандрилъ?

ревякинъ. Экъ тебя, точно ужалило!

недыхляевъ. Нѣтъ, пожалуйста!—что же, что съ нимъ такое?

ревякинъ. Ничего особеннаго. Посмирнѣе и только.

недыхляевъ. Значитъ задумчивѣй? а?.. Значитъ у него забота душевная есть?.. можетъ тайна какая-нибудь?.. Оно всегда такъ бываетъ, если человѣкъ что-нибудь въ сокровенномъ содержитъ секретѣ. Тогда и тише онъ, сдержаннѣй и уединенія ищетъ. И на обличіи отпечатлѣвается это, въ какомъ то-есть состоитъ душа настроеніи. Ну какъ же онъ, а?

ревякинъ. Вотъ присталъ! Какое тебѣ дѣло до Пашки?

недыхляевъ. Я... я изъ участія... и къ тебѣ изъ участія, потому ты любишь его.

ревякинъ. Мое, значитъ, и дѣло.

недыхляевъ. Вотъ поэтому я и того... кхе-кхе! Тебѣ онъ все одно какъ свой сынъ. И облегчилъ бы его, разспросилъ, поисповѣдывалъ бы... Таить на душѣ не легко, таить и чтобы ни-ни! никому... Не легко это, Прохоръ Авдѣичъ. А мало ли что таится! Сомнѣніе, можетъ быть, или... кхе!.. совѣсть царапаетъ...

ревякинъ. Что несетъ! Въ чемъ же совѣсть можетъ его царапать? Парень хорошій, гадости не сдѣлаетъ никакой... Чудакъ ты, Фортунатъ Ефимычъ!

недыхляевъ. Я?.. А чѣмъ?... Чѣмъ же я страннымъ тебѣ кажусь?

ревякинъ. А такъ... словно блаженничать собираешься, христіанскаго терпѣнія образъ пріемлешь. Я вотъ видалъ одного. Грѣшникъ большой, говорили. Такъ онъ у часовни сутками на колѣняхъ простаивалъ, да зимой. На него ты и сталъ походить...

недыхляевъ [съ грустною улыбкой, покачивая головою]. Смиреніе!.. Это—миръ душѣ, благодать... Всяческихъ порываній обузданіе и всепрощеніе. Смиреніе—подвигъ великій, Прохоръ Авдѣичъ, и не мнѣ подъять этотъ подвигъ.

ревякинъ. А зачѣмъ оно тебѣ, это смиреніе?

недыхляевъ. Мнѣ... мнѣ... Я не говорю. Мнѣ зачѣмъ? Мнѣ испытаній не посылается и въ душѣ моей... кха!.. Къ слову. Ты про смиреніе началъ, къ слову и вышло. Да... А почему же онъ у насъ не бываетъ?

ревякинъ. Кто?

недыхляевъ. Да онъ же, Павелъ Дементьичъ?

ревякинъ. А на кой онъ-те чертъ? Сначала въ тебѣ нѣжности этой къ Пашкѣ не замѣчалось. Когда въ первый разъ принесло его къ вамъ, ты точно полыну проглотилъ.

недыхляевъ. Вотъ и неправда! Зачѣмъ?.. Тогда неожиданность только... А я даже былъ радъ, такъ какъ Маничка пригласила...

ревякинъ. Какой! Да и радоваться нечему было. Лучше-бъ ты Марьѣ Ильиницнѣ въ здѣшнемъ купечествѣ знакомства завелъ, въ семействахъ.

недыхляевъ. Не подходитъ. Здѣсь старозавѣтные больше, по Псалтырю, да по Ефрему Сирину науку свою проходили.

ревякинъ. А она въ пансіонѣ, глядишь!

недыхляевъ. Она образованіе получила отмѣнное.

ревякинъ. Я изъ тѣхъ старозавѣтныхъ кой-кого знаю. Хорошія женщины есть. Ни суемудрія въ нихъ, ни безвѣрія. Скромны, не лукавы, въ семьѣ всей душой...

недыхляевъ. Позволь, позволь!.. Ты это къ чему же?.. къ чему говоришь? Развѣ Маничка... развѣ она этими качествами не обладаетъ?

РЕВЯКИНЪ. Вотъ-те и разъ! Кто же ее коритъ? Чудакъ! Даже въ лицѣ измѣнился и губы у тебя задрожали. Полно! Просто говорю, что есть здѣсь хорошія женщины, знакомство съ которыми предпочтительнѣй передъ нашими столичными, напримѣръ, хоть и образованы тѣ. У тѣхъ, богачей тамошнихъ, слышно, такія компаніи завелись — бѣда! Кутежи изо дня въ день. Бабье стыдъ въ винѣ утопило въ отдѣлку. Дѣвицъ — и тѣхъ ничѣмъ не смутишь. Содомъ, говорятъ, омутъ! Кого затянуло—пропащій!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Есть, правда, есть это...

РЕВЯКИНЪ. И векселей въ твой карманъ не мало, должно быть, изъ омута этого выплыло?.. Что-жъ это баба съ самоваромъ закисла!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Не хлопочи, пожалуйста, не нужно.

РЕВЯКИНЪ. Какъ не нужно! [Въ дверь]. Баба!.. Что же самоваръ?

МАЛАНЬЯ [за сценою]. А—ась?

РЕВЯКИНЪ. Чертъ! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Недыхляевъ, потомъ Ревякинъ и Рубежниковъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Хандритъ... и бывать пересталъ. Съ этой стороны таковы факты для заключенія. *Она*... относительно меня перемѣна въ томъ смыслѣ, что оказываютъ мнѣ больше заботы и... ласки. Главное—*ласки*. Мало того, доступнѣе стали, явилась какъ бы предупредительность... Это само по себѣ подозрительно, перемѣна такая; но есть и другая сторона, правда, чуть-чуть уловимая. Это—безпокойство нѣкоторое, тревога. Очень, до чрезвычайности важное проявленіе. Не будь этой тревоги, явилась ли-бъ ласка?.. Нѣтъ всеконечно. Тревога тайная. Ее надо скрыть. Чѣмъ? Ласкою все усыпить можно: и недовѣріе и догадки, мысль охмелить... И вотъ эту ласку являютъ во всей пылкости чувствъ. Сперва я повѣрилъ... повѣрилъ, хе-хе!.. но разъ я поймалъ

ея взглядъ... торжествующій и глумливый. Онъ мнѣ душу прожегъ, этотъ взглядъ!.. По какой же причинѣ захандрилъ и бросилъ бывать молодой человѣкъ? Если дѣло его не выгорѣло, то чѣмъ *ея* объяснить поведеніе? Явно особенное, въ основѣ котораго *фактъ* несомнѣнно. О, если-бъ увидѣть ихъ вмѣстѣ!..

РЕВЯКИНЪ [входя]. Представь, тетеря-то моя: самоваръ налила, угольевъ положила, а лучину забыла зажечь. За пустякомъ дѣло! Ну, треснулъ. Очнулась.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Пожалуйста, пріятель, не хлопочи. Мнѣ ужъ время домой. А Павелъ Дементьичъ вѣдь у тебя проживаетъ?

РЕВЯКИНЪ. Здѣсь, за стѣной.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Я бы къ нему заглянулъ. Можно? [Входитъ Рубежниковъ, со шляпой въ рукѣ. Смутился при видѣ Недыхляева]. Легки на поминѣ. Вотъ какъ прекрасно! Какъ же я радъ видѣть васъ, молодой человѣкъ!

РУБЕЖНИКОВЪ [слегка пожалъ Недыхляеву руку. Ревякину]. Не здѣсь ли мой портсигаръ?

РЕВЯКИНЪ. Вонъ, на окнѣ позабылъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ [предупреждая Рубежникова, подбѣгаетъ къ окну, беретъ портсигаръ и подаетъ]. Вотъ онъ-съ, хе-хе! Пожалуйте! Что же вы насъ-то забыли, Павелъ Дементьичъ? Не грѣшно-жъ это вамъ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Нездоровилось...

НЕДЫХЛЯЕВЪ. И про Маничку не спросите, хе-хе!.. И точно сердиты на меня, точно присутствіе мое здѣсь для васъ непріятно, хе-хе-хе!.. За что же такъ, молодой человѣкъ, за что-съ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Не знаю, что кажется вамъ... и что собственно вамъ отъ меня нужно...

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Васъ, васъ нужно, милый молодой человѣкъ, васъ самихъ-съ. Очень ужъ мы соскучились по васъ съ Маничкой... Ужъ, кажется, всѣмъ сердцемъ къ вамъ... Маничка словно къ родному, а вы хе-хе!.. и смотрѣть на

меня избѣгаете, а? Глазки скользь—скользь все мимо, да мимо, хе-хе-хе! Что молодая-то душа значитъ, незакорузлая!..

рубежниковъ. Извините... Некогда мнѣ. [Уходитъ].

ревякинъ. Что ты къ нему привязался? И ехидство какое! Глазами впился—мерзко глядѣть, хихикаетъ, тьфу! Что это? къ чему? Говори прямо—къ чему?

недыхляевъ. Я... я... что-жъ я такое? Вѣжливость и расположеніе свое молодому человѣку хотѣлъ оказать, а ты вотъ какъ окрысился.

ревякинъ. Не вертись. Привычка поганая! Что тебѣ нужно отъ Пашки? Зачѣмъ онъ тебѣ? Жена приволочь приказала, а ты не смѣешь ослушаться? Лясы ей не съ кѣмъ точить?

недыхляевъ. Прохоръ Авдѣичъ, ты мнѣ пріятель, а такія слова про Маничку говоришь...

ревякинъ. Опять затрясся, какъ осиновый листъ! Съ тобою не сговоришь!

недыхляевъ. Про нее... про Маничку... не только сказать, помыслить, слышишь—помыслить никто дурное не смѣетъ.

ревякинъ. А хулю я твою Марью Ильинишну, а? Такъ чего жъ ты? Ей Богу не сговоришь!

недыхляевъ. Прости, что утруждалъ. До свиданья!

ревякинъ [отрывисто]. Прощай! [Сѣлъ къ окну, отвернулся и сердито забарабанилъ пальцами. Недыхляевъ уходитъ]. Чертъ!.. Что у нихъ заварилось?.. И жаль мозгляка этого, и противенъ... [Срывается съ мѣста, быстро идетъ къ двери и сильно отворяетъ ее]. Пашка!.. А, удирать!.. Нѣтъ, постой! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Ревякинъ втаскиваетъ Рубежникова за руку.

ревякинъ [срывая съ него шляпу]. Уродина, скиѳъ! Ну?

рубежниковъ. Что вамъ угодно?

ревякинъ. Почему Недыхляевъ такъ тобою интересуется? Почему помянетъ тебя—рожу скривитъ? Объясни!

За жену горой, за честь ея ерепенится, и вовсе не кстати, а на языкѣ ты, да она. Что это значитъ? Смущенъ, путается, видимо изнемогаетъ отъ внутренней боли, хоть и скрываетъ. Что ты у нихъ натворилъ? [Рубежниковъ задумался, молчитъ]. Отвѣчай, если спрашиваю. Чертъ!

РУБЕЖНИКОВЪ. Ахъ, оставьте пожалуйста! [Пошелъ къ двери].

РЕВЯКИНЪ [оттаскиваетъ его въ глубину комнаты]. Пашка, не выводи изъ терпѣнія! Ей-ей задамъ встряску! Не погляжу тамъ, что ты дѣйствительный студентъ, чинъ X класса и прочее... Очевидно, ты на чужое добро буркалы завинчиваешь. Вотъ что! А если тебя къ этому поощряютъ, такъ подло совсѣмъ... [Прошелся. Мягче]. Садись-ка, скиѳъ, потолкуемъ. Походи ты на другихъ, мнѣ-бъ и рта разѣвать незачѣмъ. Тѣ вотъ каковы: ты ему покровительствуй и унижайся передъ нимъ; давай денегъ и почитай счастливымъ себя, что удостоили взять; выпутывай, выручай, но совѣтовать, наставлять—Боже тебя сохрани!—ибо сіе неуваженіе означаетъ и на свободу ихнюю посягательство. [Обнимая его]. Ты не таковъ, Пашка. Ты у меня парень невредный, хотя и скиѳъ. Поэтому, братъ, Недыхляевыхъ надо похѣрить. Отчаливай, покамѣстъ не влопался. Слышалъ? Теперь вотъ мнѣ кажется, что Фортунатъ помощи моей искать приходилъ, именно помощи, хоть говорилъ и иное. Ужасно это трогательно, когда мучается человѣкъ и скрываетъ, скрываетъ до того, что умретъ скорѣе, нежели выдастъ себя. Трогательно, Паша, ужасно! А горе изнутри такъ и претъ, и ротъ-то кривитъ, и изъ глазъ его смотритъ. По сей часъ отдѣлаться не могу отъ этого вида. Стоитъ Фортунатъ предо мною и баста! Ну, теперь понялъ меня?

РУБЕЖНИКОВЪ. Понялъ, голубчикъ, понялъ, да... сдѣлать-то ничего не могу.

РЕВЯКИНЪ. Это почему?

РУБЕЖНИКОВЪ. А потому.., потому что *люблю*. [Всталъ и въ волненіи ходитъ по сценѣ].

РЕВЯКИНЪ. Хорошо понялъ, отлично! Кого же любишь-то ты?

РУБЕЖНИКОВЪ. Ее... Маню. Понятно.

РЕВЯКИНЪ. Да. А кто эта *Маня?* Смѣетъ она виснуть на шею всякому болвану, какъ ты, или нѣтъ? И смѣетъ ли этотъ болванъ, поправши совѣсть и честь, любить эту Маню?

РУБЕЖНИКОВЪ [вызывающимъ тономъ]. Да, смѣетъ.

РЕВЯКИНЪ [поднимаясь съ сверкающими глазами]. Ка-акъ?!

РУБЕЖНИКОВЪ. Любовь — тотъ же законъ, высокое, свободное чувство! Низко отвернуться отъ женщины потому только, что любовь противорѣчитъ ея положенію. Кто въ немъ судья, кромѣ нея? Въ отвѣтъ на чувство, читать ей мораль — значитъ оскорбить ее и унизить себя. Кто такъ поступитъ — или эгоистъ или трусъ.

РЕВЯКИНЪ. А ты герой?.. Герой, ха-ха-ха!.. Мальчишка ты, вотъ что такое!

РУБЕЖНИКОВЪ [вспыльчиво]. Послушайте, какъ ни уважаю я васъ, Прохоръ Авдѣичъ, но подобное выслушивать не намѣренъ.

РЕВЯКИНЪ [кричитъ]. Мальчишка!.. Не смыслишь, что говоришь! Молодость хмелемъ шибаетъ въ тебѣ, такъ отрезвись. Ой отрезвись, Пашка, не выводи изъ себя!

РУБЕЖНИКОВЪ. Я знаю, что говорю и докажу. Я всѣмъ, всею жизнью своей докажу!

РЕВЯКИНЪ. Всю жизнь потратить на то, чтобъ доказать свою глупость и подлость. Отлично!

РУБЕЖНИКОВЪ. Подлость?!

РЕВЯКИНЪ. Да, подлость, потому что амурами съ Маничкой выроешь мужу ея могилу. Просто, какъ видишь. Ты что?.. ты вѣдь святыню его, на что онъ живота не щадилъ, всю жизнь соки изъ себя выжималъ, ты на эту святыню его плюешь, какъ пошлякъ, а лѣзешь въ герои; топчешь въ грязь вмѣстѣ съ распутною бабой...

РУБЕЖНИКОВЪ [гнѣвно перебивая]. Прошу васъ не называть ее такъ!

РЕВЯКИНЪ. О-о! Да я ей въ рожу это скажу, какъ говорю вотъ тебѣ, что ты негодяй... да негодяй выходишь

сугубо, потому зналъ, что я Фортунату пріятель. Не для того, Павелъ Дементьичъ, я тебя выростилъ, чтобы подлецомъ обозвать. Для этого не стоило брать тебя съ улицы. А разъ ты стоишь на своемъ... Стоишь?

рубежниковъ. Твердо.

ревякинъ. Ну такъ названіе это приличествуетъ тебѣ вполнѣ. А разъ это такъ, разговоры наши окончены. Ты на ногахъ, дорога твоя открыта и пошелъ къ чорту! Знать тебя не хочу! Вонъ!.. [Рубежниковъ быстро уходитъ, съ видомъ оскорбленнаго достоинства. Ревякина нѣсколько озадачило это]. А вѣдь уйдетъ!.. И думать будетъ, каналья, что его оскорбили!.. Больше! Удовольствіе восчувствуетъ отъ этого, потому пострадалъ за предметъ... Скиѳъ! дальше носа не видитъ, очертя голову лѣзетъ въ болото... Пусть, пусть!.. А каково мнѣ, мнѣ каково?.. въ усъ не дуетъ уродъ! [Въ голосѣ его слышатся слезы]. Вымучился за одну, довольно бы кажется! Нѣтъ, и отъ этого похлебай... [Рѣшительно]. А я вотъ не хочу думать о тебѣ и баста! И объ ней не хочу... [Срываетъ Поленькинъ портретъ и бросаетъ въ ящикъ комода]. Чертъ васъ возьми! Коли вамъ все равно — что̀ я и какъ, ну и мнѣ наплевать!.. Вотъ медвѣженка приручу, или цаплю какую-нибудь... Вотъ и все! И какъ дѣтишками были — не стану вспоминать никогда... потому и ласкались и все... Полины башмаченки берегъ, стоптанные... Зашвырну, въ печку, въ навозъ!.. И все... и н-ну васъ къ чо-орту! [Сѣлъ и уронилъ голову на руки].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ревякинъ и Поленька [входитъ и робко останавливается у двери. Она блѣдна, худа, еле на ногахъ держится. Одѣта бѣдно, вся въ черномъ, покрыта чернымъ платкомъ].

ревякинъ. Кто это?! По... Поля?! [Подходя]. Ты?! Сама?! Жива?! [Поленька съ рыданіями бросается ему въ ноги]. Встань, встань, Поленька, встань!. Господи Боже мой!.. [Поднялъ]. Дай же взглянуть на тебя!.. Вѣдь два года, два долгихъ—

долгихъ года, Поленька, а!.. И не знать ничего, жива ли не знать!.. [Горячо ее обнялъ]. Блѣдна какъ, худа, измучена!.. Поля моя, бѣдная моя дѣвочка!..

ПОЛЕНЬКА [утирая слезы]. По дѣлюмъ мнѣ, Прохоръ Авдѣичъ.

РЕВЯКИНЪ. Ну глупости, вздоръ! И нечего объ этомъ разсказывать! Ну бросилъ, ну скотъ, подлецъ и чертъ съ нимъ!

ПОЛЕНЬКА. Нѣтъ, я все должна разсказать, какъ жила, какъ и зачѣмъ пришла... Легче мнѣ будетъ...

РЕВЯКИНЪ. А ну... если облегчитъ, говори. Напрасно бы!.. а нужно тебѣ—говори. Сядемъ-ка! Такъ! [Придвинулся и гладитъ ея голову]. Будемъ слушать, коли такъ. Катай! [Восторженно поглядѣлъ на нее, всталъ и быстро прошелся, потирая руки]. Ха-ха-ха-ха!.. Сдуру я, Поленька, сдуру. [Садится]. Ты ничего... Катай!..

ПОЛЕНЬКА. Когда я отъ васъ ушла... А не уйти не могла, честное слово! Я ушла бы за *нимъ*, еслибъ знала, что завтра за это смерть...

РЕВЯКИНЪ. Ну, такъ! Такъ я и понялъ, хоть и дивился: откуда у тебя, слабой дѣвчурки, страсть такая взялась? Да мало ли что бываетъ!

ПОЛЕНЬКА. Но, кромѣ того, я не понимала васъ и боялась. Я бы вамъ не посмѣла признаться ужъ потому, что вы разлучили бы насъ. Потомъ, въ горькія минуты, васъ же вспоминала и васъ однихъ... Отъ всѣхъ мнѣ было-бъ обидно сочувствіе, помощь, въ особенности отъ *него*... Но вамъ... вамъ я бы все разсказала, и наплакалась бы вдоволь и все бы отъ васъ приняла. И васъ мнѣ было стыднѣе всѣхъ людей, такъ стыдно, такъ стыдно!..

РЕВЯКИНЪ. Что ты совсѣмъ отъ меня закатилась. Такъ и зналъ!

ПОЛЕНЬКА. Сначала онъ меня любилъ и я была счастлива, очень! А и тогда сердце щемить начинало: какъ это я вдругъ ушла и что вы? А когда *онъ* надъ этимъ смѣялся...

РЕВЯКИНЪ. Не-го-дяй!.. Впрочемъ, нѣтъ... Я того... У меня дурная привычка, Поленька. Продолжай!

ПОЛЕНЬКА. За то, что онъ *надъ этимъ* смѣялся, я стала меньше его любить. Съ этого началось, съ этого и пошли разгадки мои. *Онъ* не любилъ, когда я думаю и грустна, а я всегда бывала грустна, когда думала о васъ...

РЕВЯКИНЪ [сморкается, чтобы скрыть волненіе]. Н-нда!.. Ты... видишь что, Поля... ты обо мнѣ-то поменьше... Про себя ужъ, ежели такъ...

ПОЛЕНЬКА. Любовь его скоро прошла. Я ушла отъ него. Мы другъ другу были не нужны.

РЕВЯКИНЪ. Отчего-жъ не ко мнѣ? За коимъ чертомъ пропадать было? Э-эхъ! Не одобряю. Обидно!

ПОЛЕНЬКА. Да я скорѣй бы умерла, нежели пришла бы къ вамъ, хоть и знала, что вы не прогоните, дорогой мой. Нѣтъ, я должна была пострадать, должна была идти своею дорогой, какъ бы впереди ни было худо. Все-таки мнѣ оставались молитва и вы. Этимъ однимъ душа могла жить и свѣтъ бы въ ней не угасъ.

РЕВЯКИНЪ. Чертъ знаетъ что!.. Руку! руку, тебѣ говорятъ! [Схватилъ, крѣпко поцѣловалъ ея руку и отвернулся].

ПОЛЕНЬКА [вставая къ нему]. Ахъ, что вы! Какъ это можно!

РЕВЯКИНЪ [глотая слезы]. Ну что на меня уставилась? Гляди вонъ туда, въ уголъ! [Отходитъ]. Ушла, ну и что?

ПОЛЕНЬКА. Стала работать. На фабрику взяли. Трудно тамъ было. Слегла...

РЕВЯКИНЪ. Э-эхъ!

ПОЛЕНЬКА. Потомъ разныя работы справляла, тяжелыя... Опять попала въ больницу. Въ этотъ разъ и не чаяла встать, увѣрена была, что конецъ. И эта мысль, что умру я, ожесточеніе мое къ себѣ уменьшила, и стало на душѣ легче. Смерти ждала я безъ страха, а грустно только бывало, что близокъ конецъ. Умереть было не суждено. Выписали изъ больницы, но велѣли не работать больше, пригрозили — умру. Они не все мнѣ сказали: они умолчали, что я и такъ скоро умру. Жизни во мнѣ не осталось... Ну вотъ я рѣшила прійти къ вамъ, чтобы проститься и чтобъ вы знали, что я пострадала и что на землѣ вы мнѣ дороже всего.

РЕВЯКИНЪ. Что жъ это такое! Что ты меня ножами-то рѣжешь, Пелагея Семеновна! Какъ же ты, страду на себя принимая, не помыслила—каково будетъ мнѣ?... Про смерть—вздоръ. Заикаться не смѣй!.. А еслибъ дѣйствительно... еслибъ ты точно умерла у меня... какая радость мнѣ знать, что совѣсть загрызла тебя, и потому больше, что ты себя преступницей предо мной почитала? Кой чертъ мнѣ въ этомъ, позвольте спросить?

ПОЛЕНЬКА [беретъ его руки]. Милый вы мой, сердечный! Иначе я не могла, видитъ Богъ! Мнѣ нужно было и горе въ себѣ побороть... тяжко вѣдь было оно... и облегчить, умиротворить душу. Пусть жизнь моя истратилась на все это—я не жалѣю, По дѣломъ мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Рубежниковъ

[съ сакомъ черезъ плечо].

ПОЛЕНЬКА. Братецъ!.. Здравствуйте!

РУБЕЖНИКОВЪ. Поленька, вы?!. Да неужели это вы?!

ПОЛЕНЬКА. Очень, видно, я измѣнилась?

РУБЕЖНИКОВЪ. Да, не узнать!.. Какъ же я радъ, что вы воротились, голубушка! Здравствуйте! [крѣпко жметъ ея руки]. Здравствуйте, дорогая моя, и... и прощайте...

ПОЛЕНЬКА. Какъ прощайте? Куда же вы?

РУБЕЖНИКОВЪ. Пока переѣзжаю въ гостиницу, а тамъ... тамъ не знаю... [Ревякинъ отвернулся къ окну и барабанитъ по столу].

ПОЛЕНЬКА. Но зачѣмъ вамъ въ гостиницу?

РУБЕЖНИКОВЪ. Надо... Прохоръ Авдѣичъ все вамъ разскажетъ... и почему я не могу оставаться и все...

ПОЛЕНЬКА. Похоже, что вы поссорились, право!.. [Притрогиваясь къ Ревякину]. Почему братцу надо уѣхать?

РЕВЯКИНЪ [грузно шлепнулся въ кресло и высоко закинулъ ногу на ногу]. Выгналъ.

ПОЛЕНЬКА. Вы-ы?!

РЕВЯКИНЪ. Ну да я, я, я!

РУБЕЖНИКОВЪ. Узнаете безъ меня, Поленька, какъ и что... а мнѣ тяжело это слушать. [Въ смущеніи подходитъ къ Ревякину]. Ну... прощайте!..

РЕВЯКИНЪ [вскочилъ и оттолкнулъ его]. Скиѳъ!.. [Утирая рукавомъ глаза, зашагалъ къ двери]. Оставайся уродъ!.. [Уходитъ. Рубежниковъ и Поленька, смущенные, тронутые, братски подаютъ другъ другу руки].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена перваго дѣйствія, комната въ домѣ Недыхляева.

ЯВЛЕНІЕ I.

Арефій и Ревякинъ съ Поленькой

[входятъ изъ балконной двери].

АРЕФІЙ. Дома нѣтъ никого-съ. Марья Ильинишна съ Таисой Ефимовной къ портнихѣ уѣхали.

РЕВЯКИНЪ. А Фортунатъ гдѣ?

АРЕФІЙ. Хозяинъ?—не могу знать-съ. Они часто отлучаться стали изъ дому, а куда — не сказываютъ. Моментально—и нѣтъ ихъ. Вчера случилось мнѣ мимо кладбища идтить. Въ Ямскую, къ коровницѣ посылали. Иду, глядь— Фортунатъ Ефимычъ на могилѣ сидитъ. Окликнулъ. Руками замахалъ — замахалъ и моментально ушли-съ.

РЕВЯКИНЪ. Гмъ!

АРЕФІЙ. Они, надо полагать, сейчасъ домой будутъ. Обождите-съ, присядьте пока.

РЕВЯКИНЪ. Подождемъ. [Арефій уходитъ]. Ну, Поля, приволокъ я тебя, и каюсь... Такая тутъ гадость у нихъ заварилась, столько тутъ фальши и горя!..

ПОЛЕНЬКА. Милый мой, еслибъ вы меня привели, гдѣ весело, счастливы, мнѣ бы тамъ было неловко... да и грустно,

пожалуй. А здѣсь... эти мнѣ близки, которые въ горѣ. Тутъ я могу что-нибудь значить, можетъ быть, и полезною быть могу.

РЕВЯКИНЪ. Ты... ты можешь, Поленька, можешь. Я вотъ въ такихъ обстоятельствахъ дуракъ-дуракомъ. Напорчу. Такъ вотъ, Поля... надо спасти, что возможно. Первое — Пашку... Плевый случай въ судьбу обращаетъ, болванъ!.. Ну и Фортуната... поддержать, или какъ знаешь... Жалокъ. Да вотъ бѣда: трудно съ нимъ, человѣкъ-то такой!.. [За боковой дверью слышенъ кашель Недыхляева]. Пришелъ. Покамѣстъ погуляй, Поля, въ саду. Кликну. [Поленька уходитъ въ заднюю дверь]. Гмъ! совѣстно въ рожу ему взглянуть, точно я самъ гадость сдѣлалъ. Скиѳъ проклятый!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Ревякинъ и Недыхляевъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Прохоръ Авдѣичъ!

РЕВЯКИНЪ. Здорово!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Здравствуй, здравствуй, пріятель! [Пожали другъ другу руки. Недыхляевъ смотритъ вопросительно. Пауза].

РЕВЯКИНЪ. Я къ тебѣ... Гмъ!.. [Въ сторону]. Пашка подлецъ!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Радъ и очень даже заинтересованъ... А ты какъ будто смущенъ? [Пытливо]. Что такое? Въ тебѣ это очень примѣчательно даже.

РЕВЯКИНЪ. А какого мнѣ черта смущаться!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Не за себя, думать надо... За себя тебѣ не краснѣть...

РЕВЯКИНЪ [вспыльчиво]. За кого-жъ? [Наступаетъ]. Ну?.. Что же молчишь?.. Ежиться нечего, говори, если началъ винтить... Привычка поганая! Коли такъ, я вѣдь къ стѣнкѣ припру!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Хе! и гнѣвъ въ тебѣ этотъ ненатураленъ, то есть не одинъ я въ немъ виноватъ. [Ревякинъ сѣлъ и пыхтитъ]. Похоже, что ужъ заранѣе ты былъ прогнѣвленъ, а

сейчасъ, по горячности своей, и выпалилъ въ меня одного. [Отходитъ, медленно потирая ладони. Про себя]. Черта, еще черта!.. Правда отовсюду такъ и ползетъ... [Задумчиво ходитъ, понуря голову и заложивъ руки за спину].

РЕВЯКИНЪ. Гмъ!.. А я къ тебѣ не одинъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ [живо поворачиваясь]. Молодой человѣкъ?

РЕВЯКИНЪ [съ досадой]. Да нѣ-ѣтъ!.. Поленька моя воротилась. Портретъ-то глядѣлъ, помнишь?

НЕДЫХЛЯЕВЪ [безучастно]. А!..

РЕВЯКИНЪ. Ну она. Привелъ... познакомить съ тобою привелъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Ну что-жъ... А намедни у всенощной... Какъ это было удивительно!.. Вбѣжала въ церковь женщина... Примѣтно по всему—давно она бѣгала, можетъ, не въ первую церковь попала, и притомъ безсознательно... Блѣдна, глаза большіе-большіе, глядятъ — не сморгнутъ. И стоитъ, братецъ, въ нихъ горе, не то отчаяніе, такъ понимаешь ли и застыло... Оно и носило ее, должно быть. Всѣ оглядывать ее, сторониться... Она ничего этого не примѣчаетъ, стоитъ вотъ какъ: замерла. Да вдругъ какъ шатнетъ ее—бухъ! точно срѣзало...

РЕВЯКИНЪ. Съ Поленькой то же, можетъ, бывало... И ты того... полюби ее, Фортунатъ Ефимычъ... Муку, охъ какую отмучила!...

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А то вотъ на похоронахъ еще одних...

РЕВЯКИНЪ. Э, полно! Что у тебя за мысли сегодня!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Мысли теперь все больше посторонніе у меня, неожиданныя. Подчасъ самъ дивишься — откуда?.. Что бишь я сказать-то хотѣлъ?.. Да! Такъ онъ на отдушникѣ?

РЕВЯКИНЪ. Кто на отдушникѣ? Что?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А повѣсился-то, Голытвинъ?

РЕВЯКИНЪ. Да полно молоть чепуху!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А я... знаешь ли... я видѣлъ его...

РЕВЯКИНЪ. Эй, доктора позову!

[Поленька видна на балконѣ].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Зачѣмъ! Я ничего... Я только самъ въ себѣ поблѣднѣлъ... Непонятно? Ну какъ сказать: не тотъ будто я человѣкъ, ни прежнихъ заботъ, ничего... Кажется, отними у меня капиталъ, и то ничего, даромъ что завтра ѣсть нечего. Отъ прежняго себя я какъ бы ушелъ... Странно даже, ей Богу! а прежняго себя разсматривать могу совсѣмъ какъ сторонняго человѣка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Поленька.

РЕВЯКИНЪ [замѣтивъ Поленьку]. Объ этомъ лучше вотъ съ Полей поговори. Поля, поди сюда. Она, братецъ, все пойметъ, все! [Поленька вошла и молча кланяется]. Маланью помнишь мою? Ну вотъ, ходитъ за ней и реветъ. «Несчастненькая, говоритъ, полюби, говоритъ, меня, дуру, ноженьки твои разцѣлую!..» Умна?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Хе-хе!.. Садитесь, барышня. Радъ-съ... Да, такъ про Голытвина... Перебилъ ты меня.

РЕВЯКИНЪ. Брось!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Нѣтъ, дай мысль выразить. Онѣ у меня напоромъ теперь. Пришла — мозгъ горитъ, вотъ до чего. Такъ Голытвинъ... Повѣсился онъ. Почему?—Не могъ *вмѣстить*. Зачтется вѣдь это? Потому—Господу вѣдомо, по какой тропѣ терній спустился человѣкъ въ пропасть эту. [Съ оживленіемъ]. А еще къ тому можетъ подвигнуть мысль: *наказать*... Да, наказать, хе-хе-хе! тѣхъ, кои казнили тебя, тяготы на тебя наложили паче веригъ!.. [Отходитъ].

РЕВЯКИНЪ [тихо Поленькѣ]. Вонъ онъ куда!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Вѣдь они душегубцами почесть себя должны. Каково это? Вникни. Вѣдь ни покоя, ни радостей! Вѣдь мертвецъ-то, не сущій страдалецъ, всюду имъ мерещиться будетъ, хе-хе! Вѣдь, это что?—пытка, предвкушеніе ада, ха-ха!..

РЕВЯКИНЪ. Скверность такую разводитъ, да хихикаетъ еще! Издохнуть, чтобы послѣ мертвечиной шибало! Эко подлость!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [съежился]. Вѣдь, я такъ... въ поясненіе только, каково въ жизни случается...

РЕВЯКИНЪ [вставая]. Ну тебя! Стошнило отъ твоихъ поясненій. Прощай! Побесѣдуй вотъ съ нею, а мнѣ дѣло есть. [Идетъ къ балконной двери].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Таиса [въ шляпкѣ и пальто].

ТАИСА. Ревякинъ! [Загораживаетъ собою дверь]. Уходить? Не пущу!

РЕВЯКИНЪ. Позвольте, сударыня!

ТАИСА. Ни-ни-ни! Говорилъ Рубежниковъ, что я къ вамъ въ гости приду? Приду непремѣнно! Все некогда, Маничка не пускаетъ. То гуляй съ нею, то по лавкамъ... Вотъ и сейчасъ отъ портнихи за платьемъ прислала. А какъ вырвусь—у васъ.

РЕВЯКИНЪ. Поз-воль-те прой-ти-съ!

ТАИСА. Уперся: пройти, да пройти! Лѣзьте ужъ. [Пропускаетъ. Ревякинъ уходитъ]. Ревякинъ! стойте! Сію минуту схвачу платье и пойдемъ вмѣстѣ. [Бѣжитъ въ правую дверь и тотчасъ возвращается съ платьемъ, которое на бѣгу завертываетъ въ салфетку. Съ балкона]. Ревякинъ, можно ли такъ шагать! [Убѣгаетъ. За сценой, отчаянно]. Ре-вя-кинъ!!

ЯВЛЕНІЕ V.

Недыхляевъ, Поленька и въ концѣ Маничка.

НЕДЫХЛЯЕВЪ [въ сторону]. Экая дура!.. [Поленькѣ]. Ну, барышня, о чемъ же мы съ вами?... Охо-хо! нездоровится что-то... Поэтому я и словоохотливости не ощущаю въ себѣ... И вы ужъ, барышня, меня извините-съ.

ПОЛЕНЬКА. Въ чемъ же извинить васъ? По себѣ знаю, что когда нездоровится... какъ теперь вамъ... никто не милъ, съ близкими тяжело даже... Отмолчаться, переболѣть въ одиночку, вотъ что нужно тогда.

недыхляевъ. Справедливо изволите говорить, справедливо-съ.

поленька. Но это тогда хорошо, если можетъ человѣкъ въ мысляхъ своихъ разобраться, боль душевную притупить, а — главнѣе всего — путь себѣ отыскать изъ всего этого...

недыхляевъ. Значитъ, дѣйствовать какъ?..

поленька. Да. Трудно это, а надо.

недыхляевъ. Справедливо. Впрочемъ, я такъ вѣдь говорю, больше какъ разсужденіе, для меня совсѣмъ постороннее-съ.

поленька. И дай вамъ Богъ ничего подобнаго не испытывать!

недыхляевъ. Стало быть, вы?..

поленька. Со мною бывало.

недыхляевъ. Такъ-съ. А кротости много въ васъ.

поленька. Путь отыскала. Въ случаяхъ, какъ мы говоримъ, услѣдить за собою трудно невѣроятно. Кажется такъ-то и такъ надобно поступить. И будто бы хорошо и справедливо придумано... какъ ваша мысль давеча: чтобы «наказать»... А на самомъ дѣлѣ, мыслью страсть овладѣла, она и направляетъ ее.

недыхляевъ. До чего доведутъ-съ! Злодѣемъ сдѣлаться можно, для самого себя непримѣтно.

поленька. И тогда новое горе, ужасное!.. Особенно если зло поправить нельзя. Пытка!

недыхляевъ [раздражительно]. Пытка... А если чужая вина-съ?.. доведенъ?

поленька. Тогда отыщется и своя. Она есть всегда, непремѣнно.

недыхляевъ. Всегда ли-съ?

поленька. Всегда. Только глаза на нее закрыты. А тогда!.. если и не важная эта вина—въ гору выраститъ и раздавитъ.

недыхляевъ. Д-да... [Задумчиво прошелся, потирая лобъ. Вдругъ оборачивается]. Хе-хе! а интересно узнать, по какому, такъ

сказать, поводу мы съ вами съ перваго слова подобныя разсужденія завели-съ? Крайне любопытно мнѣ это.

ПОЛЕНЬКА. Я слышала, что вы при Прохорѣ Авдѣичѣ говорили, вижу что... не по себѣ вамъ... Только поэтому. Простите, если лишняго наговорила... [Встаетъ]. Обиднаго, кажется—ничего... Болѣть за горе чужое—какая же въ этомъ обида? [Повернулась уйти].

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Нѣтъ, барышня, нѣтъ, обождите-съ. Первое—извините за раздражительный мой вопросъ. Въ намѣреніяхъ этого не имѣлъ. Послушавши васъ, я даже возымѣлъ къ вамъ уваженіе... Потомъ-съ, вы изволили выразить одну интересную мысль: «въ гору выраститъ и раздавитъ!..» Занимательно. И если припадетъ мнѣ охота еще побесѣдовать съ вами объ этомъ... хе-хе! объ этихъ, такъ сказать,—постороннихъ матеріяхъ, не откажите.

ПОЛЕНЬКА. Отъ душу рада! Мнѣ больно видѣть васъ въ такомъ состояніи... Все это тяжело, ужасно какъ тяжело!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Вы... вы добрая, сердечная. [Пожалъ ее руку]. Съ вами можно по душѣ говорить... даже и о «постороннихъ матеріяхъ», хе-хе!.. [Глядя подозрительно]. Ну-съ, а молодой человѣкъ, Рубежниковъ господинъ?

ПОЛЕНЬКА. Что?

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Они какъ? въ настроеніи самодовольномъ и даже игривомъ, можно сказать?

ПОЛЕНЬКА. Напротивъ.

НЕДЫХЛЯЕВЪ. В-вотъ! Значитъ, вы съ нимъ бесѣдовали и... и *проникли*, хе-хе? [Глаза его засверкали]. Точку нашли, съ которой сшибли веселость-то эту? На-апрасно! Пусть бы себѣ въ самодовольствіи пребывалъ, пусть. Чувство почтенное, великодушное даже-съ!

ПОЛЕНЬКА [тревожно]. Что вы о немъ знаете?

НЕДЫХЛЯЕВЪ [холодно, рѣзко]. Ничего-съ. [Входитъ изъ лѣвой двери Маничка, въ шляпѣ]. Маничка! я уйду и къ обѣду можетъ быть не вернусь. Не ждите. Вотъ компанія вамъ, Про-

хора Авдѣича воспитанница. Обратите вниманіе, обратите-съ! Дѣвушка эта сердцу говоритъ, совѣсти! [Надѣлъ шапку и уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Поленька и Маничка.

МАНИЧКА. Вотъ какъ! [Свысока, но пристально оглядѣла Поленьку, снимая шляпу и усаживаясь на диванъ]. Вы та самая?.. Возвратились-таки?.. Садитесь. [Оправляетъ платье и граціозно прислоняется къ спинкѣ дивана]. Впрочемъ, это всегда такъ кончается... [Прищурилась]. Вы больны?

ПОЛЕНЬКА. Нѣтъ.

МАНИЧКА. Всегда... Я нѣсколько знакома съ вашими приключеніями... съ прошлымъ, хочу сказать. Павелъ Дементьичъ разсказывалъ.

ПОЛЕНЬКА. Онъ?

МАНИЧКА. А васъ удивляетъ? Ха-ха!.. Разсказывалъ. Я понимаю, что вамъ можетъ быть непріятна его откровенность относительно васъ... [Съ гримасой]. Нѣсколько щекотливо... Но мы большіе друзья.

ПОЛЕНЬКА. Знаю.

МАНИЧКА. Онъ говорилъ?

ПОЛЕНЬКА. Вы задаете мнѣ мой же вопросъ. Развѣ въ его откровенности со мною также могло быть для васъ что-нибудь щекотливое?

МАНИЧКА. Ха-ха! разумѣется, нѣтъ. [Въ сторону]. Какая противная! [Ей]. А какъ здоровье Павла Дементьича?

ПОЛЕНЬКА. Онъ... неспокоенъ. При его честности и характерѣ, такъ и должно быть.

МАНИЧКА. Однако!.. Такъ утѣшьте его. Вы вѣдь «сердцу» умѣете говорить.

ПОЛЕНЬКА. Теперь утѣшать поздно.

МАНИЧКА. Вамъ бы пораньше вернуться изъ странствій. Позднему гостю—кости. Пословица есть. [Молча на нее посмотрѣла]. Ха-ха-ха!

ПОЛЕНЬКА [въ сторону]. Ну, здѣсь нечего дѣлать! [Встаетъ]. Прощайте!

МАНИЧКА [кивая ей, не вставая]. Скажите Павлу Дементьичу, что я хочу его видѣть. Скажете?

ПОЛЕНЬКА. Напротивъ, умолять буду, чтобы онъ не ходилъ къ вамъ; чтобъ постыдился вносить сюда обманъ и позоръ, чтобы не губилъ ни другихъ, ни себя. Вотъ чѣмъ я встрѣчу его, послѣ свиданія съ вами! [Уходитъ въ заднюю дверь].

МАНИЧКА. Какова?!. Ужъ не влюблена ли въ него? У этихъ—скоро и мужчинамъ незачѣмъ долго ухаживать... Потаскушка, а какое достоинство!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маничка и Таиса [изъ боковой двери].

ТАИСА. Маничка! и забыла тебѣ сказать: Ревякинъ былъ. Встрѣтила.

МАНИЧКА. А, вотъ съ кѣмъ она!.. Ха! знакомиться приводилъ... Хорошо же онъ понимаетъ приличія!

ТАИСА. Ревякинъ—приличія? Не про него писаны. Я хоть не терплю этого слова, но онъ ужъ того... черезчуръ...

МАНИЧКА. А что же вы въ гости къ нему хотѣли?

ТАИСА. Все равно что въ берлогу къ медвѣдю. Ну его!

МАНИЧКА. Куда же смѣлость ваша дѣвалась?

ТАИСА. Смѣлость?.. Да я... Очень ужъ ты меня замытарила, Маничка. Даже дурѣть начала...

МАНИЧКА. Если вы къ этому склонны... [Выразительно пожимаетъ плечами]. А на вашемъ мѣстѣ я бы отважилась. Интересно.

ТАИСА. Интересно-то интересно... Не пойти-ль въ самомъ дѣлѣ?

МАНИЧКА. А если Ревякинъ прогонитъ, къ Рубежникову зайдите отдохнуть. У него отдѣльная комната.

ТАИСА. А что ему передать?

манечка. Ничего... Или вамъ нуженъ предлогъ? Конечно, неловко безъ этого. Въ такомъ случаѣ, ска-жи-те... скажите, что я уѣзжаю.

таиса. Ты? Куда?

маничка. Ахъ, никуда, разумѣется! Соврите. Не привыкать вамъ.

таиса. Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же! Если хитришь, не будь по крайней мѣрѣ груба. Ты нарочно меня къ Рубежникову посылаешь. Понимаю. Онъ глазъ не кажетъ; а какъ услышитъ, что ты уѣзжаешь, такъ—думаешь—и прибѣжитъ. А я вотъ не пойду, если такъ. Нужно—говори прямо, а комедію эту не строй.

маничка. Да, вы сильно дурѣете, Таиса Ефимовна. Подите вонъ. Нѣтъ, лучше сходите къ портнихѣ.

таиса. Да мы сейчасъ отъ портнихи и опять къ ней!.

маничка. И опять. Скажите, чтобы отдѣлку не клала. Я передумала. Сама заѣду показать—гдѣ и какъ нужно.

таиса. Тамъ два часа объ этой отдѣлкѣ толкъ былъ и опять отдѣлка!

маничка. И опять. Отправляйтесь!

таиса. Чертъ знаетъ что! [Уходитъ въ боковую дверь].

маничка. Написать ему развѣ?.. Но съ кѣмъ послать?.. По городской?.. Ревякину можетъ попасться...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маничка и Рубежниковъ.

[изъ балконной двери].

маничка. Милый!.. [Бросается къ нему на шею]. Я просто въ восторгѣ!.. Не бойся, нѣтъ никого. [Страстно цѣлуетъ его]. Впрочемъ, какой же ты милый?—Дурной, злой!.. Развѣ такъ можно? Ни самъ глазъ не кажешь, ни меня не зовешь! Что это значитъ? Я и злилась-то на тебя и плакала... Рѣшила наказать, из-му-чить тебя, да ужъ слишкомъ обрадовалась [цѣлуетъ], и вотъ цѣлую, вмѣсто того, чтобъ проучить, гадкій, противный!

РУБЕЖНИКОВЪ. Прежде чѣмъ видѣться, мнѣ многое надо было обдумать, уяснить, Маня, и рѣшиться.

МАНИЧКА. Да? Не потому ли ты былъ «неспокоенъ»? Мнѣ эта сказала... что съ офицеромъ таскалась... Поленька, что ли? Была. Удивляюсь — зачѣмъ! Къ чему-то приплела твою честность. Вышло темно и глупо. Неужели ты съ ней откровенничалъ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Маня! если не хочешь меня оскорбить, не говори такъ про Поленьку. Чтобы ее понять, надо *возвыситься* до нея, а кто пойметъ, тотъ станетъ цѣловать край ея платья.

МАНИЧКА. Только не я, ха-ха-ха! Надѣюсь, ты здѣсь не затѣмъ, чтобы восхищаться этою Поленькой?

РУБЕЖНИКОВЪ. Я пришелъ сказать, что намъ слѣдуетъ дѣлать.

МАНИЧКА. Послушаемъ.

РУБЕЖНИКОВЪ. То положеніе, въ которомъ мы теперь, слишкомъ тяжело, фальшиво и длиться не можетъ.

МАНИЧКА. Да, милый, да. И я ужъ придумала какъ намъ быть... Я думала о тебѣ больше, нежели стоишь... Видишь ли: здѣсь оставаться нельзя; здѣсь каждый шагъ на виду. Нужно уѣхать. Ищи мѣста въ Москвѣ, а я устрою, что мы вскорѣ туда переѣдемъ. Мой мужъ...

РУБЕЖНИКОВЪ. Ахъ, не говори при мнѣ «мужъ!» Меня коробитъ отъ этого.

МАНИЧКА. М-милый! Ревнуешь? [Цѣлуетъ его]. Вотъ же тебѣ за это!

РУБЕЖНИКОВЪ. Ты не такъ поняла. Я къ тому, что нельзя быть женою двухъ мужей. На это способны только пошлыя женщины. А развѣ ты у меня такая? Да я и не обманщикъ, Мари.

МАНИЧКА. Что?!. Я не понимаю тебя... Что ты хочешь сказать?

РУБЕЖНИКОВЪ. Неужели не ясно? Боже мой, кажется не трудно понять, что мы должны уѣхать *вдвоемъ*, а не втроемъ.

что между тобою и Фортунатомъ Ефимычемъ все должно быть порвано навсегда!

МАНИЧКА. Но позволь, какъ же?! Ты такъ меня озадачилъ!

РУБЕЖНИКОВЪ. Озадачилъ? Я думалъ, что ты ждешь, страстно ждешь, когда я это скажу. И вдругъ «озадачилъ!» Мари, Мари!

МАНИЧКА. О, мой герой! Это великолѣпно въ тебѣ! Я просто въ восторгѣ! [Поцѣловала его]. Такъ какъ же: все крушить, вверхъ дномъ все?.. Схватить меня на руки и бѣжать, бѣжать... въ бурю, грозу... летѣть по скаламъ, черезъ пропасти... Я въ бѣломъ платьѣ, конечно, и съ распущенными волосами? Не такъ ли?

РУБЕЖНИКОВЪ. Что за штуки! Не уклоняйся, не играй словами, Мари, или ты не любишь меня и не такая, какъ я хочу о тебѣ думать!

МАНИЧКА. Не люблю?.. Ми-лый! Вотъ ужъ это нехорошо. Ну взгляни на меня... Не люблю?.. Развѣ я не думаю о тебѣ, не жду, не мучаюсь, когда тебя нѣтъ! Ахъ, ты не знаешь... Я ухожу въ эту любовь отъ всего, что меня окружаетъ. Она святыня моя, тайна и потому въ ней еще больше блаженства.

РУБЕЖНИКОВЪ. А что ты лжешь, объ этомъ ты думала?.. Да неужели же надо втолковывать, Боже мой! — Въ томъ, что любовь наша тайна, не «блаженство», а обманъ. Если ты уживаешься съ нимъ, значитъ мысли твои обо мнѣ не изъ здороваго чувства, а игра испорченнаго воображенія, только всего.

МАНИЧКА. Ты несправедливъ и жестокъ. [Плачетъ].

РУБЕЖНИКОВЪ. Ахъ, пожалуйста не плачь! Это не отвѣтъ, или мы зашли слишкомъ далеко, раньше нежели узнали другъ друга. Положимъ, воззрѣнія мои для тебя новы. Ты выросла въ другихъ понятіяхъ, съ людьми другихъ нравовъ. И я хочу, щадя себя, *долженъ* допустить, что все это такъ значительно, что... ну испортило немножко тебя. Но теперь *правду* ты знаешь. Нестолько разсудкомъ, сколько сердцемъ ты вѣдь поймешь и согласишься со мною, да?

манічка. Но, милый, ты забываешь практическую сторону. Средствъ вѣдь ты *не имѣешь?*.. И вдругъ обуза, какъ я! Я не хочу быть въ тягость тебѣ.

рубежниковъ. Ты меня оскорбляешь. [Манічка нетерпѣливо пожимаетъ плечами]. Я съ восторгомъ отдамъ тебѣ трудъ, силы мои, все! Наконецъ, колебаться ужъ поздно.

манічка. Все это такъ... Но ты заговорилъ меня... Даже голова кругомъ пошла... Надо сообразиться... И ты не торопи меня, милый, и самъ пожалуйста не горячись. Это главное. Вотъ мы говорили о себѣ только, а вѣдь мы не одни въ этой исторіи и...

рубежниковъ [перебивая]. Ты про *него?* Но я самъ ему все скажу.

манічка [съ испугомъ]. Что?!

рубежниковъ [беретъ ея руку]. Неужели тебя допущу входить въ тяжелыя объясненія, тебя подставлю подъ его гнѣвъ или отчаяніе... не знаю, на что онъ способенъ!

манічка [отнимаетъ руку]. Вовсе не то. *Ему* ты ничего не скажешь. Не тебя одного это касается, и ты не имѣешь права кроить мою жизнь, какъ тебѣ вздумается.

рубежниковъ. Неужели Ревякинъ правъ, что честность моя надѣлаетъ тебѣ хлопотъ? Неужели тебѣ нуженъ любовникъ, котораго можно прятать за ширмы?

манічка. Ревякинъ? Значитъ, вы разболтали?—Отлично!

рубежниковъ. Прохоръ Авдѣичъ дознался самъ. Фортунатъ Ефимычъ былъ у него и такъ странно себя держалъ, что послѣ этого нельзя было и скрыть. Я, впрочемъ, и такъ бы все ему разсказалъ.

манічка. Мужъ! Еще новость!.. Какъ же онъ держалъ себя тамъ? Намекалъ, догадывается?

рубежниковъ. Можетъ быть.

манічка. Этого не доставало! Ахъ... Вотъ что, милый: извини меня, но прощай... Я не могу больше... очень разстроена. До свиданія, дружокъ. Иди... Нѣтъ, ты не сердись, прошу тебя!.. Право, я совершенно больна... Вдругъ все такъ повернулось... Нервы разбиты... Прощай!

РУБЕЖНИКОВЪ [въ грустной задумчивости]. Тебя ли еще люблю, или любовь ужъ такъ дорога мнѣ—не знаю, только...

МАНИЧКА. Я все-таки тебѣ мила? да?.. Видишь ли, Поль, ты... ты *береги меня*... А вдругъ потомъ пожалѣешь?.. Ахъ, какъ ты молодъ, какъ молодъ еще! [Съ усмѣшкой уходитъ въ правую дверь. Рубежниковъ ступилъ за ней, но остановился. Немного подумавъ, рѣшительно махнулъ рукой и идетъ къ задней двери, къ которой почти сталкивается съ Недыхляевымъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Рубежниковъ и Недыхляевъ.

[въ картузѣ, очень блѣденъ].

[Рубежниковъ отступилъ въ замѣшательствѣ. Недыхляевъ твердо, не говоря ни слова, беретъ его за руку, ведетъ къ авансценѣ, отступаетъ на шагъ и пристально смотритъ ему въ лицо секунду, другую, третью...]

РУБЕЖНИКОВЪ [съ страдальческимъ видомъ]. Не мучайте!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. А-а-а!.. [Поднимаетъ руку съ обручальнымъ кольцомъ]. Кольцо,.. обручальное... [Сильно срываетъ его съ пальца и подаетъ]. Надѣньте! [Протягиваетъ къ нему руку и отвертывается].

РУБЕЖНИКОВЪ. Зачѣмъ?!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [кивая на свою руку]. Если... оно... здѣсь... на мѣстѣ. [Рубежниковъ роняетъ кольцо на полъ и быстро уходитъ. Недыхляевъ мгновеніе стоитъ пораженный, потомъ конвульсивно сжимаетъ кулаки, дѣлаетъ два-три скачка за Рубежниковымъ, обертывается и съ истерическимъ хохотомъ рветъ съ себя галстукъ, сюртукъ, разрываетъ воротъ рубашки].

ЯВЛЕНІЕ X.

Недыхляевъ и Маничка.

МАНИЧКА [входя]. Что съ вами?! Что здѣсь такое?!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [дрожитъ всѣмъ тѣломъ и смотритъ въ землю]. М-мышь... испугала... изъ угла... выскочила... Боюсь... до страсти боюсь ихъ...

МАНИЧКА. Пугаться такихъ пустяковъ! Стыдно!

НЕДЫХЛЯЕВЪ [зубъ на зубъ не попадетъ]. Д... д... да с... стыд... [падаетъ въ обморокѣ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена второго акта, садъ передъ домомъ Недыхляева. Столъ подъ деревомъ накрытъ скатертью. На немъ чайный приборъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Таиса, Арефій и потомъ кухарка.

ТАИСА [стоитъ за столомъ съ папиросой]. Арефій, поди кухаркѣ скажи, чтобы скорѣй несла самоваръ. Маничка встанетъ, а у меня ничего не готово. Вѣдь гвалтъ!

АРЕФІЙ. Д-да-съ! ежели моментально не потрафите къ часу, гонка вамъ будетъ не малая. Да вонъ, несетъ! [Киваетъ на кухарку, сходящую съ самоваромъ съ террасы].

ТАИСА. Ахъ, Дуня, жду тебя, жду! Какъ ты копаешься!

АРЕФІЙ. Съ перепугу она, Таиса Ефимовна, потому покойникъ у насъ объявился.

ТАИСА. Покойникъ?

КУХАРКА [устанавливая самоваръ]. И то, барышня: ходитъ, сейчасъ умереть! Нынче ночью спохватилась я книжку, булки по которой забираемъ у нѣмца. Думать, да думать— куда задѣвала? — Матушки, да она знать въ горницѣ на столѣ. Какъ вечоръ принимала отъ барыни приказанья, тамъ и забыла. Ну встала, иду взять. Только въ горницу-то ступила, а *онъ* у печки... Такъ я и обмерла тутъ, такъ и присѣла!

АРЕФІЙ. По той выходитъ причинѣ, что у печки покойникъ стоялъ, ха-ха!

КУХАРКА. Накажи Богъ, если вру! Бѣлый, барышня, да стра-ашный!.. [Арефію]. А ты зубы не скаль. Всякъ тебѣ скажетъ, что *онъ* и прежде ходилъ. [Таисѣ]. Сказываютъ — Голытвинъ купецъ это, здѣшнему дому прежній хозяинъ. Потому какъ онъ жисти себя рѣшилъ, такъ что же мудренаго?..

ТАИСА. Все это ерунда, суевѣріе. Ничего такого въ природѣ не можетъ быть. Слушайте, я вамъ разскажу. Когда человѣкъ умираетъ, онъ разлагается, и образуется изъ него газъ...

КУХАРКА. Гасъ!

ТАИСА. Углекислотой называется и еще вещество, которое называется амміакъ...

КУХАРКА. Міакъ! Ишь вѣдь ты!

ТАИСА. Да. Потому человѣкъ есть не что иное, какъ результатъ взаимодѣйствія газовъ. Ты, Арефій, грамотный. Я книжку тебѣ такую дамъ, въ которой все это разсказано.

АРЕФІЙ. Вы лучше Авдотьѣ ее почитайте, ишь она ротъ-то разинула — моментально ворона влетитъ.

КУХАРКА [толкаетъ Арефія]. Зубоскалъ!

АРЕФІЙ. А что по ночамъ у насъ *ходитъ*—это дѣйствительно. Только не Голытвинъ-купецъ, а нашъ Фортунатъ Ефимычъ.

ТАИСА. Братъ?

АРЕФІЙ. Вѣрно-съ.

КУХАРКА. Съ чего же онъ... отъ молодой-то жены?

АРЕФІЙ. Ладно баюкаютъ, да сонъ не беретъ. Слыхала пословицу? Вотъ и ходитъ онъ, думу носитъ, съ ночкою разговоры ведетъ... Лицомъ и вправду съ мертвецомъ схожъ. Вчерась къ окошку на мѣсяцъ подошелъ—глянуть страшно...

КУХАРКА. Господи Іисусе!

АРЕФІЙ. Потомъ сжалъ кулаки, вскинулъ ими на спальню на барынину, да какъ зашипитъ!.. [Тихо]. Барыня. [Отходитъ. Оба съ кухаркой кланяются Маничкѣ, сходящей съ террасы, и уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Таиса и Маничка.

МАНИЧКА. А вы опять съ прислугой судачите? Когда я васъ отучу?

ТАИСА. Послушай-ка, Маничка, что они говорятъ...

МАНИЧКА. Э, подите! Безъ васъ голова болитъ.

ТАИСА. Я хоть чаю налью...

МАНИЧКА. Сама налью. Ступайте! [Таиса уходитъ въ домъ]. И это любовь? Пришелъ, наболталъ, напугалъ, наконецъ, разстроилъ меня и изволилъ уйти! А у меня сегодня мигрень и нервы ни на что не похожи!.. [Налила себѣ чаю и время отъ времени пьетъ]. А какъ у него глаза-то горѣли, когда говорилъ! Красавецъ!.. Брось мужа, за нимъ иди... Что выдумалъ! И зачѣмъ, когда все такъ удобно и просто? Фантазеръ! Я люблю, такъ — «порывъ»! Ха-ха! Точь въ точь какъ Таиса. Нѣтъ, тѣ мужчины, съ которыми я въ дѣвушкахъ танцовала, не стали бы такъ... Онъ и смотрѣть по нашему не умѣетъ. Тѣ разглядывать начнутъ — совѣстно... А у этого разсужденія, философія... Глупенькій!.. Нѣтъ, сбиваютъ, непремѣнно сбиваютъ. Ревякинъ и Поленька эта, тварь!.. Намедни, въ гостиницѣ, вовсе былъ не такой... И ноги цѣлуетъ и... ха-ха! даже перепугалъ. [Нѣжно потягивается]. Нѣтъ, надо его хорошенько зажечь, хорошенько! Пусть только придетъ! [Задумалась]. А обморокъ отъ мыши подозрителенъ что-то... Бываетъ, впрочемъ. Съ мамашей, какъ паука увидала — истерика... Все-таки супругъ мой сталъ страненъ... Ну какъ въ самомъ дѣлѣ догадывается?.. Гмъ! Отвлеклась, въ послѣдніе дни даже не замѣчала его. Глупо. [Входящей Таисѣ]. Что еще? Надоѣли!

ТАИСА. Сахару, Маничка, въ соусъ. [Беретъ его изъ сахарницы].

МАНИЧКА. Пять кусковъ въ соусъ?! Да вы ошалѣли!

ТАИСА. Ну я меньше возьму. [Потянулась положить сахаръ обратно и задѣваетъ корзинку съ хлѣбомъ. Корзинка летитъ на полъ]. Ахъ!

МАНИЧКА [вскакиваетъ]. Да что это, наконецъ, такое! Вы хоть кого взбѣсите! Гдѣ ни ступитъ, гдѣ ни повернется, — или опрокинетъ что-нибудь или кокнетъ! [Сердито бросаетъ ложечку въ чашку]. Кулёма! [Идя къ дому]. А сахаръ оставьте. Я сама съ кухаркой поговорю, какіе это ей понадобились пять кусковъ. [Уходитъ].

ТАИСА [подобрала хлѣбъ, сухари и вздохнула всей грудью]. Уфъ! Уйду! рѣшительно уйду! Человѣку съ свободными понятіями здѣсь жить невозможно. Помилуйте, хуже клячи заѣздятъ!.. Уйду, уйду и раздумывать нечего! [Съ рѣшительнымъ видомъ уходитъ въ домъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Поленька и Рубежниковъ [изъ калитки].

ПОЛЕНЬКА. Братецъ, вернемтесь! Не нужно... Вернемтесь пожалуйста!

РУБЕЖНИКОВЪ. Ахъ, Поленька! вы же знаете, какъ я рѣшилъ. Я долженъ говорить съ нею и конецъ.

ПОЛЕНЬКА. Ахъ, Боже мой!.. Но вѣдь сами же вы колебались...

РУБЕЖНИКОВЪ. Да, колебался, но потому что слабохарактеренъ, потому что меня швыряетъ отъ однѣхъ мыслей къ другимъ какъ щепку. То—чувствуешь—будто въ цѣпи тебя заковываютъ и жалко себя; то, наоборотъ, не страшно ничто. И Маню видишь прелестною, доброю, честною... и кажется, что все это въ твоей власти и такъ легко достижимо...

ПОЛЕНЬКА. Вовсе не слабость характера... Главное—не та въ васъ любовь, чтобы жертвовать... Да этого и не примутъ отъ васъ. Вѣдь говорили вы съ Марьей Ильинишной. Зачѣмъ же еще?

РУБЕЖНИКОВЪ. Я сказалъ не все. Я потому ужъ не смѣю оставить ее, что мужъ догадался. Отступать некуда, Поленька. Видите сами.

ПОЛЕНЬКА. Братецъ, голубчикъ, поручите мнѣ переговорить съ нею! Я за васъ все скажу, все, что̀ вы бы сами сказали... Милый мой, а?.. Душою не покривлю, знаете. Ну пожалуйста!

РУБЕЖНИКОВЪ. Здѣсь третій не къ мѣсту. Или вы боитесь, что я... увлекусь, останусь въ той грустной роли, какая ей нравится?

ПОЛЕНЬКА. Н-нѣтъ, а огорчатъ васъ. Это навѣрно. Да и хуже можетъ случиться...

РУБЕЖНИКОВЪ. Ступайте же, Поленька! [Ведетъ ее къ калиткѣ].

ПОЛЕНЬКА. Если васъ огорчатъ, не принимайте такъ близко къ сердцу!.. И сейчасъ же ко мнѣ, пожалуйста. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ буду васъ ждать... и какъ мнѣ тяжело оставлять васъ, еслибъ вы знали!..

РУБЕЖНИКОВЪ. Полно, голубушка, не волнуйтесь! Вамъ вредно. Опять станете кашлять. Никогда не прощу Прохору Авдѣичу, что онъ втянулъ васъ въ эту исторію!

ПОЛЕНЬКА. Ахъ, братецъ!..

РУБЕЖНИКОВЪ. Не волнуйтесь же! Вредно.

ПОЛЕНЬКА. А Поленька умретъ—жалко вамъ будетъ?

РУБЕЖНИКОВЪ. Поля!

ПОЛЕНЬКА. Нѣтъ, простите, простите! [Пошла къ калиткѣ, но возвращается]. Долго не оставайтесь! Пожалуйста! Не вытерплю, прибѣгу!

РУБЕЖНИКОВЪ. Хорошо, хорошо. Идите теперь! [Отходитъ].

ПОЛЕНЬКА [пошла къ калиткѣ, глядя на домъ]. Ахъ!

РУБЕЖНИКОВЪ. Что съ вами?

ПОЛЕНЬКА. *Онъ!*.. онъ въ окнѣ промелькнулъ... Съ нимъ не нужно... не говорите... ради Бога!.. Онъ скрытный, озлобленъ... онъ... Лучше уйдемъ, умоляю васъ, братецъ!

РУБЕЖНИКОВЪ. У васъ нервы разстроены и слишкомъ пылкое воображеніе, Поля. Идите! [Отвелъ ее къ калиткѣ и возвращается къ дому].

ПОЛЕНЬКА [у калитки, про себя]. Надо Прохору Авдѣичу... За нимъ, поскорѣй! [Быстро уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Рубежниковъ, Маничка и потомъ Недыхляевъ.

МАНИЧКА [съ террасы]. Ты?.. [Сбѣгаетъ]. Тсъ! мужъ дома... Иди въ бесѣдку... скорѣй!.. Нѣтъ, ступай лучше къ рѣкѣ, подожди у лодки, поѣдемъ за городъ въ лѣсъ. Иди! Я сію минуту. Велю только Таисѣ за собой пріѣхать...

РУБЕЖНИКОВЪ. Я пришелъ не кататься, а серьезно переговорить съ вами.

МАНИЧКА. Тамъ и переговоримъ. Да иди же!.. Ахъ какой!... Заглянула въ домъ, подбѣгаетъ къ Рубежникову и страстно цѣлуетъ его]. Ну, теперь отправляйся и жди. [Не уходитъ]. Или вы опять хотите читать мнѣ мораль?

РУБЕЖНИКОВЪ. Открыть тебѣ глаза, Маня. [Она насупившись, отходитъ къ бесѣдкѣ]. Ты увидишь, что намъ необходимо немедленно уѣхать отсюда.

МАНИЧКА. Ахъ, опять тотъ же вздоръ!

[Недыхляевъ, шатаясь, спускается съ террасы и подкрадывается къ Рубежникову. Ни послѣдній, ни Маничка не видятъ его, такъ какъ стоятъ къ дому спиной].

РУБЕЖНИКОВЪ. Я больше не заблуждаюсь на твой счетъ. Я знаю цѣну твоей любви и не сталъ бы повторять «тотъ же вздоръ», еслибъ къ этому не обязывалъ меня долгъ. [Недыхляевъ въ двухъ шагахъ отъ Рубежникова и выпускаетъ изъ рукава ножъ].

МАНИЧКА. Мнѣ наскучили громкія фразы, Павелъ Дементьичъ.

РУБЕЖНИКОВЪ. А что скажешь ты, если твой мужъ *знаетъ все?*

МАНИЧКА. Что-о? [Обертывается въ моментъ, когда Недыхляевъ готовъ былъ всадить ножъ въ Рубежникова]. Ахъ! [Отдергиваетъ Рубежникова]. Ножъ!!

[Недыхляевъ затрепеталъ, выпустивъ ножъ на землю, и растерянно поводитъ глазами].

РУБЕЖНИКОВЪ [Недыхляеву прерывающимся голосомъ]. Я за-

служилъ это... Я дамъ убить себя на дуэли, когда вамъ угодно. [Уходитъ].

маничка. Вотъ ты каковъ!.. Убивать!.. Низкій ты человѣкъ!.. Да развѣ тебя можно любить? Опомнись, какой же ты мужъ! Вѣдь ты... ты отвратителенъ, гадокъ, ты мокрая жаба!.. И съ ножемъ!.. изъ-за угла воровски! [Поднимаетъ ножъ]. Подлость какая!.. О, ты зарѣжешь, задушишь; змѣей подползешь и задушишь!.. Такой-то! ха-ха! [Рѣшительно]. Я сію минуту ѣду къ папашѣ. Разскажу все, и прокурору на тебя донесу. Ты хотѣлъ совершить убійство, но тебѣ помѣшали. Значитъ, ты преступникъ; лишатъ правъ и на каторгу. Или ты обезпечишь меня, какъ я захочу, или бубновый тузъ на спину и въ Сибирь. У, гнусный, омерзительный, ф-фу! [Быстро уходитъ въ домъ. Недыхляевъ нѣсколько мгновеній стоитъ безъ движенія].

ЯВЛЕНІЕ V и ПОСЛѢДНЕЕ.

Недыхляевъ, Ревякинъ и Поленька [входятъ изъ калитки въ отдаленіи тихо разговариваютъ между собою].

недыхляевъ [озирается]. Ножъ!.. Гдѣ же ножъ?.. [Бросается на землю и ползаетъ, шаря въ травѣ]. Гдѣ?.. гдѣ?..

поленька [подходитъ]. Ножъ?! Зачѣмъ онъ вамъ?

недыхляевъ. Взяли!.. Нуженъ!.. Ножъ! [Хочетъ броситься къ дому, его удерживаютъ].

ревякинъ. Опомнись, Фортунатъ!

недыхляевъ. Уйди! оставь!.. Мучители!.. Умереть дайте мнѣ, умереть!!

ревякинъ. Руки на себя наложить! Опомнись!

поленька. Великій грѣхъ! Вспомните Бога!

недыхляевъ [слабымъ голосомъ]. Послушайте, милая... Оставьте меня!.. Прошу васъ, оставьте!.. Мнѣ очень нехорошо... очень!

поленька. Оставить! Я поняла вашу муку, въ душу ее приняла, какъ же мнѣ васъ оставить? Я молилась за васъ, сердцемъ за васъ изболѣлась, бѣдный вы мой, и

оставить. [Беретъ безсильно повисшую руку его. Онъ поднялъ на Полиньку глаза, вздохнулъ глубоко, отрывисто и понурился снова]. Да я всѣ силы готова отдать, чтобъ облегчить, успокоить васъ!..

РЕВЯКИНЪ [обнялъ Недыхляева одною рукою]. И отдастъ. Вѣрь, Фортунатъ Ефимычъ, и чувствуй. Велика твоя скорбь, тяжко тебѣ, а смириться надо. Все-же ты не одинъ, съ своимъ горемъ, а есть у тебя вѣрные друзья — мы съ Полею. Есть, значитъ, опора и есть на кого положиться. А могила и такъ не уйдетъ. Придетъ часъ — умри, но съ миромъ въ душѣ, Фортунатъ, а не съ проклятіемъ. Такъ-то, дружище!

НЕДЫХЛЯЕВЪ. Да, друзья, не покидайте меня!.. Кромѣ васъ нѣтъ у меня никого, *своего* ничего не осталось. Вся жизнь ни къ чему вышла, ненужная... Вспомнить нечего даже такого, что поддержать бы могло!.. Жить съизнова начинать... Научите же какъ, направьте меня!.. Самъ ничего не могу и не знаю. Устройте душу мою, уврачуйте!.. Изглодала ее кручина, кручинушка лютая! [Зарыдалъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ФОФАНЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

(Посвящено М. П. РОЗЕНГЕЙМУ)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евстафій Егоровичъ **Колеръ,** отставной военный, лѣтъ за сорокъ.

Любовь Михайловна, жена его, годомъ старше мужа.

Ольга Васильевна **Левшина,** крестница ея, молодая вдова.

Сеня Сивохинъ, двоюродный племянникъ Любови Михайловны, юноша.

Парменъ Никитичъ **Шкураковъ,** землевладѣлецъ изъ купцовъ, сосѣдъ Колера.

Арина Степановна, по прозвищу **Рогачиха,** изъ мѣщанокъ, видная женщина среднихъ лѣтъ.

Макаръ, садовникъ, изъ бывшихъ крѣпостныхъ Любови Михайловны.

Степка, мальчишка.

Варя, горничная Левшиной.

Дѣйствіе въ сельцѣ Юшинѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная комната въ помѣщичьемъ домѣ средняго состоянія. Двѣ двери: въ задней стѣнѣ и налѣво. Направо окно. Налѣво диванчикъ, передъ которымъ небольшой столъ, покрытый вязаною салфеткой. Въ глубинѣ, по срединѣ, раскинутъ столъ для обѣда.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рогачиха [разстилаетъ скатерть] и Степка.

РОГАЧИХА [**въ отворенную заднюю дверь**]. Степка, неси же тарелки! Чего тамъ застрялъ!

СТЕПКА [**входитъ съ тарелками и салфетками сверху**]. За водой бѣгалъ, Арина Степановна, пріѣзжей барынѣ умыться.

РОГАЧИХА. Видите что! А баринъ съ поля вернется — столъ не накрытъ? Знаешь, что будетъ за это?

СТЕПКА. Какъ не знать! На своемъ горбѣ, да на вискахъ испробовалъ, Арина Степановна. Потому, коли баринъ голоденъ, да не сейчасъ ему кушать подать — обходи дальше. Лютъ!

РОГАЧИХА. Дуракъ! Голодъ—не тетка и душа—не сосѣдъ. Смирные и тѣ съ голоду злѣютъ.

СТЕПКА [**разставляя тарелки**]. Значитъ, теперь надо четвертый приборъ, для пріѣзжей для барыни... Пожалуйте салфетку, Арина Степановна.

РОГАЧИХА. Какъ же, такъ и пошла я тебѣ чистую салфетку доставать! Вынь изъ сундука грязную.

степка. А баринъ увидитъ—неравно забранится?

рогачиха. Ну, кинь ее нашей воронѣ. За эту не забранится небойсь.

степка. Ххи! Этой что хошь... Арина Степановна, а кто эта барыня, что нынче пріѣхала? Сказываютъ, сродственница?

рогачиха. Нашей вороны крестная дочь.

степка. А веселая она, хорошая...

рогачиха [даетъ ему подзатыльникъ]. П'шелъ, знай свое дѣло, дуракъ! [Степка уходитъ]. Хорошая!.. За коимъ-те принесло-то?.. У меня не загостишься, шалишь!.. [Заглядываетъ въ боковую дверь]. Ишь охорашивается! Фря! [Поспѣшно отходитъ отъ двери].

ЯВЛЕНІЕ II.

Рогачиха, Левшина и Любовь Михайловна.

левшина [поправляетъ бантъ галстучка]. Ну вотъ, я и совсѣмъ! Представьте, мама, всю дорогу отъ станціи я буквально ѣхала въ облакахъ пыли. Нечѣмъ было дышать. Вѣрно у васъ давно дождя не было?

любовь михайловна. Ахъ, другъ мой, другой мѣсяцъ ни капли! Евстафій Егорычъ просто въ отчаяніи. Ну, вотъ какая ты у меня хорошенькая! [Беретъ ее за талію и съ любовью осматриваетъ]. Птичка моя! Встряхнулась, вычистила свѣтлыя перышки...

левшина. И станетъ вамъ щебетать. Ребенкомъ вы всегда меня птичкой называли. Помните? Мнѣ такъ нравилось это.

любовь михайловна. Да. И какая ты была щебетушка, вертушка, проказница! [Цѣлуетъ ее]. Какъ же я рада тебѣ, голубка моя! Вотъ ужъ спасибо, что вспомнила крестную!.. Надѣюсь, ты подольше у насъ погостишь?

рогачиха [выразительно]. Кха!

любовь михайловна. Ахъ, Арина Степановна!.. Все ли готово?.. Пожалуйста!.. Скоро баринъ пріѣдетъ...

РОГАЧИХА [грубо]. Безъ васъ знаютъ! [Уходитъ].

ЛЕВШИНА [удивленно взглянула на Любовь Михайловну, опустившую голову]. Отвѣтъ!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [желая замять]. Такъ рада, такъ рада!..

ЛЕВШИНА. Я давно къ вамъ рвалась... Вы вѣдь моя милая, любимая! Мы еще съ Колей къ вамъ собирались. Онъ такъ хотѣлъ познакомится съ вами... Но вы знаете...

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ахъ, знаю, Оля, знаю!.. Бѣдная ты моя! Каково тебѣ было перенести такую потерю! Только что вышла замужъ, и вдругъ... Ты вѣдь недолго была замужемъ?

ЛЕВШИНА. Всего три мѣсяца... Послѣ нашей свадьбы мѣсяца не прошло, какъ стали звать докторовъ... Ихъ столько погибло въ эту ужасную войну!.. Ну, мой Коля былъ не таковъ, чтобы сидѣть дома, когда умираютъ другіе. Ахъ, мама, какой прекрасный, какой благородный былъ мой бѣдненькій Коля! [Со слезами]. «Прощай, женушка!» И уѣхалъ.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [утирая слезы]. И женушка отпустила?

ЛЕВШИНА. Какъ же было не отпустить? Что бы я такое была, съ своими мольбами и ласками передъ его геройскимъ самоотверженіемъ, мама? Поплакали и разстались. Онъ поѣхалъ въ Карсъ. И какъ же онъ работалъ тамъ, мама! Какъ любили, боготворили моего Колю!.. Я была счастлива, сіяла, гордилась имъ и... молилась, молилась такъ много, такъ горячо! И, однако... Кончилась война. Коля пишетъ, что ѣдетъ. Вы понимаете, какъ я ждала. Дни, ночи напролетъ онъ былъ въ каждой мысли, въ каждомъ біеніи моего сердца... Вдругъ... телеграмма... Коля заболѣлъ тифомъ. Лечу туда. Пріѣзжаю. «Гдѣ же, гдѣ онъ?—Солдатикъ одинъ и говоритъ мнѣ: «отецъ-то нашъ, Николай Александрычъ?» и такъ посмотрѣлъ!.. Сердце у меня сжалось, упало... «Супруга что-ль будете?.. Поминалъ все... Матушка ты моя!» и заплакалъ... Не помню, что было потомъ... Ну, а вы, мама, счастливы?..

Другой годъ, какъ вы замужемъ, а я ничего не знаю: какъ у васъ, что?..

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Да, голубушка, я счастлива. Славу Богу.

ЛЕВШИНА. Когда же у счастья бываетъ такой грустный голосъ, дорогая моя!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Вотъ уже и грустный, ха-ха!

ЛЕВШИНА. Право. Я вашего мужа никогда не видала и съ нетерпѣніемъ жду познакомиться...

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Въ самомъ дѣлѣ, ты его вовсе не знаешь... Онъ будетъ радъ... Онъ добрый... Только не спорь съ нимъ, Оля, пожалуйста! Онъ не любитъ этого, не выноситъ. Будь съ нимъ поласковѣй. Да? Хорошо?

ЛЕВШИНА. Конечно...

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ахъ, Боже мой, что-жъ это ничего не подаютъ до сихъ поръ! Ни хлѣба, ни графиновъ, ни водки!.. Степа! [Впопыхахъ уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ III.

Левшина, Любовь Михайловна, Степка и Рогачиха.

ЛЕВШИНА. Буду ласкова, если онъ того стоитъ. Едва ли!.. Мама глядитъ запуганной и грустна. Плохая рекомендація для ея мужа... Выходить замужъ въ мамины годы и притомъ за человѣка, который моложе ея—рискъ не малый!..

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [входитъ въ сопровожденіи Степки, вносящаго подносикъ съ водкой и корзину хлѣба]. Ахъ, Степа, можно ли такъ копаться! Ставь скорѣй и бѣги взглянуть—не ѣдетъ ли баринъ. Нѣтъ, постой! Сбѣгай на кухню.

СТЕПКА [грубо]. То туда, то сюда! Говорили бъ ужъ толкомъ!

РОГАЧИХА [входя изъ задней двери]. Чего захотѣлъ! [Бросаетъ на одинъ изъ приборовъ грязную салфетку].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [кротко, переставляя водку]. Сбѣгай, голубчикъ, въ кухню, скажи кухаркѣ, чтобы жареное не перешло. Поскорѣй! [Степка уходитъ].

РОГАЧИХА. Куда водку-то ткнули? Здѣсь мѣсто ей, что ли? [Со стукомъ переставляетъ водку на другое мѣсто].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Въ самомъ дѣлѣ, Арина Степановна... Спасибо—замѣтили.

РОГАЧИХА. Говори не говори, у васъ все дуромъ. Ужъ не брались бы! А то залотошите, залотошите...

ЛЕВШИНА. То есть какъ это «дуромъ»?

РОГАЧИХА. Шиворотъ навыворотъ, значитъ. Вотъ какъ. [Уходя]. Еще втачивается! [Ушла].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ахъ, оставь, Оля, что тебѣ за охота!

ЛЕВШИНА. Но, мама, какъ же она смѣетъ?.. Кто эта женщина?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Оставь прошу, перестанемъ! [Подбѣгая къ окну]. Не видно еще Евстафія Егорыча... Ну, какъ жареное подгоритъ! [Схватывается за голову]. Ахъ!

ЛЕВШИНА. Что съ вами?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Перепела... Олечка, перепела! Вотъ бѣда-то!

ЛЕВШИНА. Какая?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Я-было забыла съ тобою, успокоилась, какъ ни въ чемъ...

ЛЕВШИНА. Но что, что такое?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Видишь ли: Евстафій Егорычъ купилъ перепеловъ и велѣлъ ихъ сегодня зажарить. [Со слезами въ голосѣ]. А ихъ съѣла кошка.

ЛЕВШИНА. Что за бѣда? Есть вѣдь жареное вмѣсто перепеловъ?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Есть-то есть, да ты не знаешь... Ахъ, ты не знаешь, Олечка, какое это мнѣ горе! [Глядитъ въ окно]. Нѣтъ еще... [Отходя]. Оля, ты не смѣешься, дружокъ, что твоя крестная такая суетня, волнуется изъ пустяковъ?

ЛЕВШИНА. Я чувствую совсѣмъ другое, милая мама. Успокойтесь! Ну, стоитъ ли...

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Не могу, не могу! Прости ты меня... [Заглядываетъ въ окно]. Ѣдетъ, ѣдетъ! [Въ сильномъ волненіи].

ЛЕВШИНА. Евстафій Егорычъ?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Онъ, онъ, онъ!.. Ты, Оля, выйди пока... Надо предупредить... Если увидитъ вдругъ, не зная, кто ты и чтó, это можетъ ему не понравиться. А мы потомъ, потомъ, голубка моя... Хорошо? Я скажу и тогда... Вотъ сюда, въ мою комнату... Поскорѣй, поскорѣй!.. Ты не сердишься?

ЛЕВШИНА. Богъ съ вами! [Уходитъ].

СТЕПКА [входитъ съ суповою мискою]. Баринъ!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ставь, ставь скорѣе!.. Господи, все ли?.. А селедка?.. Степа, что ты со мной дѣлаешь!? Ахъ, Боже мой! Бѣги скорѣе къ Аринѣ Степановнѣ... Въ буфетѣ... Проворнѣй! [Степка уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Любовь Михайловна, Колеръ, Сеня и потомъ Рогачиха.

КОЛЕРЪ [красный отъ волненія, быстро входитъ и швыряетъ фуражку]. Это непремѣнно Макарка! Его штуки! [Женѣ]. Вотъ ты, сударыня, заступаешься, горой за Макарку, а онъ— мошенникъ, воръ, негодяй!

СЕНЯ. И какой грубіянъ!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [въ испугѣ и недоумѣніи]. Что такое?.. Я ничего... Въ чемъ дѣло, Евстафій Егорычъ?

КОЛЕРЪ. А въ томъ дѣло, что у меня пять копенъ сѣна украли. Слышишь ты: пять копенъ!

СЕНЯ. И самаго лучшаго.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. При чемъ же Макаръ?

КОЛЕРЪ. Ха-ха! При чемъ Макаръ! Это мнѣ нравится! При томъ твой Макарка, сударыня, что это его штуки. Я къ мировому его, въ тюрьму его, негодяя!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ну, Евстафій Егорычъ, какъ хочешь, а не можетъ этого быть.

КОЛЕРЪ. Какъ... какъ не можетъ быть, если *я* говорю, что это такъ?!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Макаръ не такой человѣкъ. Я съ мальчиковъ знаю его. Онъ крошки чужой не возьметъ. Головою ручаюсь. Ты не любишь его, и что у насъ ни случилось бы, во всемъ виноватъ Макаръ...

КОЛЕРЪ. Если *я* говорю—виноватъ, значитъ виноватъ. Чтобъ духу его не было! Нынче съ двора долой!

СЕНЯ. И давно пора! Вы, тетенька, напрасно вступаетесь, гнѣвите дяденьку. Это ему нездорово-съ.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Замолчи, пожалуйста, Сеня! Не твое дѣло. Угодно Евстафію Егорычу прогнать Макара... [Плачетъ].

КОЛЕРЪ. Угодно-съ! Хоть ревмя-реви, выгоню!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [утирая глаза]. Какъ хочешь дружокъ. Хоть и жаль мнѣ его... но ты полный хозяинъ. Твоя воля. [Входитъ Рогачиха съ селедкой. Колеръ, выпившій передъ этимъ залпомъ двѣ рюмки, закусываетъ].

СЕНЯ. Вотъ и Арина Степановна скажетъ, что Макарка мошенникъ. [Взявшись за водку]. Дяденька можно-съ?

КОЛЕРЪ. Пей.

РОГАЧИХА. Макарка? Воряга отмѣнный. Да какъ и не красть, коли барыня покрываетъ! Любимчикъ. На людяхъ взыскъ, на людяхъ спросъ, а Макару Сергѣичу все съ рукъ сходитъ. Слова не смѣй сказать! Барина ругаетъ-ругательски, на весь дворъ... А барыня сидитъ у окошечка, слушаетъ и хоть-бы словечко! Ухмыляется, знай!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [всплеснула руками]. Ахъ, Арина Степановна! Можно ли такъ безсовѣстно лгать?!

КОЛЕРЪ [кричитъ, наступая на жену]. Что-о? Такъ вотъ какъ Ругать меня вмѣстѣ съ Макаркой?!.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Левшина и потомъ Степка.

ЛЕВШИНА [входя]. Мама, голубушка, а про меня и забыли? Слышу смѣхъ, веселье у васъ... А гдѣ весело, тамъ я всегда.

КОЛЕРЪ [отступая въ изумленіи]. Кто это?.. Что значитъ?..

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ахъ, Оля!.. Евстафій Егорычъ, забыла сказать... Рекомендую тебѣ мою милую, дорогую Олю, мою крестную дочку... Она пріѣхала, пока ты былъ въ полѣ.

КОЛЕРЪ [сухо киваетъ Левшиной, не замѣчая протянутой ему руки, идетъ и садится за столъ]. Щи остыли-съ... [Олѣ, швыряя рукою на стулъ]. Прошу-съ!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. А это—Сеня, племянникъ мой, покойницы Вареньки сынъ.

КОЛЕРЪ [энергически засовываетъ за воротъ уголъ салфетки]. Балбесъ, выгнанный изъ гимназіи за нерадѣніе и лѣность, надо прибавить. Не порютъ. Гуманное время! [Рогачихѣ]. Крышку! [Рогачиха снимаетъ крышку съ суповой чаши].

ЛЕВШИНА. Надѣюсь, хоть вы, молодой человѣкъ, удостоите меня чести пожать вашу руку. [Пожимаетъ руку сконфуженнаго Сени].

КОЛЕРЪ [ударяя по столу]. Кха! Щи остыли-съ! Любовь Михайловна, довольно зѣвать!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [торопливо берется разливать]. Сію минуту, дружокъ. Извини! [Левшина и Сеня садятся].

КОЛЕРЪ [принимая налитую тарелку]. Отчего не полную? Сколько разъ говорено—наливать до краевъ? Сеня, говорено?

СЕНЯ. Много разъ, дяденька.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Виновата, Евстафій Егорычъ. Позволь, долью. [Тянется за тарелкой].

КОЛЕРЪ. «Долью!» И безъ васъ сумѣютъ долить [вырываетъ у жены разливную ложку и доливаетъ]. А ты не берись, если

ничего не можешь сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Арина, съ завтрашняго дня ты разливаешь горячее. [Громко ѣстъ, уткнувшись въ тарелку].

РОГАЧИХА. Давно бы такъ! [Уходитъ].

ЛЕВШИНА. Евстафій Егорычъ...

КОЛЕРЪ. Что-съ? [Бросилъ ложку и уставился на Олю].

ЛЕВШИНА. Ха-ха! Вопросъ имѣлъ быть самый невинный, а вы смотрите на меня такъ, что въ пору умереть со страха. Предупреждаю, что я большая трусиха.

КОЛЕРЪ. Мнѣ все равно. Что за вопросъ?

ЛЕВШИНА. Вы, кажется, въ военной службѣ служили?

КОЛЕРЪ. Служилъ. Ну-съ?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Командовалъ ротой и былъ первый ротный въ полку. Всѣ его обожали, офицеры, солдаты...

КОЛЕРЪ [останавливая жену нетерпѣливымъ жестомъ]. Позвольте!.. [Олѣ]. Служилъ. Такъ что же-съ?

ЛЕВШИНА. Теперь мнѣ понятно, откуда у васъ эта рѣшительность, энергія, эта мужественная откровенность и простота...

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [тревожно перебивая]. Евстафій Егорычъ, взгляни, дружокъ, кажется тучка заходитъ. Похоже на дождь. [Олѣ, тихо]. Оля, ради самого Бога!..

КОЛЕРЪ [дохлебывая]. Вздоръ, никакого дождя не будетъ. Степка, убирай! [Вбѣгаетъ Степка, собираетъ тарелки и уноситъ ихъ съ миской].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Право, похоже. И вѣтеръ поднялся. По деревьямъ замѣтно.

КОЛЕРЪ. А я говорю, что не будетъ дождя. Довольно-съ? Сеня, какъ?

СЕНЯ [заглянувъ въ окно]. Конечно, дяденька. И не похоже-съ. Вы всегда угадаете. Тетенька вчера говорила, что будетъ дождь, а вышло по-вашему: ни капли.

РОГАЧИХА [вошедшая съ блюдомъ жаркого]. Ужъ барыня что ни скажетъ, всегда навыворотъ!

ЛЕВШИНА. Вотъ какъ, мама! Такъ и знать будемъ. Вы

говорили, что Евстафій Егорычъ милый, добрый, хорошій... Неужели и это «навыворотъ?» Неужели я должна понимать совершенно наоборотъ? Не хочу. [Колеру]. Позвольте думать, что на этотъ разъ мама права?

КОЛЕРЪ. Я-съ... какъ угодно. [Рогачихѣ, подающей ему блюдо]. Это что?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Утка.

КОЛЕРЪ. А перепела?.. Перепела, говорю?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Евстафій Егорычъ, они...

КОЛЕРЪ. Что они? Въ горлѣ у тебя застряли?

РОГАЧИХА. Ха-ха-ха!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ихъ...

КОЛЕРЪ. Ну-съ?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ихъ... ихъ нѣтъ.

КОЛЕРЪ. Вижу, что нѣтъ; но почему нѣтъ? Если я приказалъ сегодня зажарить, то по-че-му нѣ-ѣтъ? [Стучитъ ножомъ].

ЛЕВШИНА. Бѣда случилось, Евстафій Егорычъ: вашихъ перепеловъ съѣла кошка.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [въ страхѣ]. Ахъ, Оля!

КОЛЕРЪ. Ка-акъ? Это что за порядки? Я покупая, плачу пятіалтынный, приказываю, жду, хочу ѣсть перепеловъ, а ихъ кошка?!... [Отталкиваетъ блюдо, которое Рогачиха ставитъ на столъ].

СЕНЯ. Недосмотръ! Дяденька покупали, утруждали себя...

ЛЕВШИНА. Вы, молодой человѣкъ, больше себя утруждали въ гимназіи и другихъ утруждали собою, и кошка тутъ не при чемъ, однакожъ изъ всего этого ничего ровно не вышло. А у насъ, если не перепела, то есть утка, которую и вы станете кушать. Не правда ли? И что за утка, восторгъ! Евстафій Егорычъ, неужели не удостоите скушать кусочекъ?

КОЛЕРЪ. Не хочу-съ.

ЛЕВШИНА. А какой я вамъ выбрала. Взгляните-ка! [Поднимаетъ на вилкѣ]. Филейчикъ, поджаристый, жирненькій! [Бро-

саетъ кусокъ къ нему на тарелку. Колеръ смотритъ въ сторону]. Подливки прикажете? [Наливаетъ подливки]. Вотъ такъ. Ну, теперь берите вашъ ножикъ [беретъ его руку и вкладываетъ въ нее ножъ], вилку [также и вилку] и кушайте, милый, хорошій Евстафій Егорычъ. А кошка—дура. [Колеръ хмурится, но разрѣзываетъ свой кусокъ].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [съ сіяющимъ лицомъ]. Кушай, дружокъ. Утка отличная.

КОЛЕРЪ. Ффу! [Громко бросаетъ вилку и ножъ].

ЛЕВШИНА. Ахъ, мама, можно ли подговаривать подъ руку! Я опять должна вооружать храбрыя руки Евстафія Егорыча. [Попрежнему вкладываетъ ему въ руки ножъ съ вилкой].

РОГАЧИХА [Олѣ]. Что онъ маленькій, что ли? Самъ ножика взять не сумѣетъ? Пристали!

КОЛЕРЪ [ѣстъ. Рогачихѣ]. Молчи!

ЛЕВШИНА [Рогачихѣ, съ плутовскою усмѣшкой]. Ага!

РОГАЧИХА. Тьфу! [Повернулась и ушла. Любовь Михайловна боязливо на нее посмотрѣла].

КОЛЕРЪ [насупился, съѣлъ кусокъ-два и бросаетъ ножъ съ вилкой]. Арина!

СТЕПКА [вывертываясь въ дверь]. Чего-съ?

КОЛЕРЪ. Арину зовутъ, не тебя, болванъ!

СТЕПКА [отступая за дверь, говоритъ вправо]. Арина Степановна, васъ кличутъ. Пожалуйте! [Уходитъ].

РОГАЧИХА [за сценой]. Слышу.

КОЛЕРЪ [громче сердито]. А-ри-на!

РОГАЧИХА [входитъ]. Ну, вотъ я. Чего вамъ?

КОЛЕРЪ. Тарелку возьми. Не хочу утки. Гадость, мерзость! Взять!

РОГАЧИХА [взяла тарелку и блюдо съ жаркимъ. Глядя черезъ плечо на Колера и Олю]. То-то! [Уходитъ съ торжествующимъ видомъ].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [потерянно]. Оля, дружокъ, ты не кушаешь. Будешь голодна.

ЛЕВШИНА. Я? Да я никогда еще съ такимъ удовольствіемъ не ѣла, какъ теперь, мама. Пріятное настроеніе нашего общества, въ которомъ всѣ такъ любятъ другъ друга; веселые.

любезные разговоры,— что можетъ быть лучше для аппетита?

колеръ. Кха!.. Кажется, сударыня, сегодня я... вовсе не въ такомъ настроеніи... Безтолковщина, вздоры...

левшина. Кошка и перепела. Значитъ, Евстафій Егорычъ, вы бываете еще милѣй и любезнѣй!.. [Рогачиха входитъ съ блюдомъ вафлей и кувшиномъ сливокъ]. А, вафли! Если Арина Степановна сама положитъ ихъ вамъ на тарелку, собственными нѣжными ручками, то онѣ, конечно, будутъ вкуснѣй, нежели моя «гадкая» утка.

рогачиха [про себя, злобно глядя на Олю]. Ишь ты музычитъ!

любовь михайловна [дергая Олю, тихонько]. Оля, побойся ты Бога!

сеня [Левшиной]. А ужъ мнѣ изъ вашихъ ручекъ позвольте.

левшина [перевертывая его тарелку]. Вы вовсе безъ вафлей.

сеня. За что же-съ? И тарелку перевернули...

левшина. Вы слишкомъ молоды, чтобы блажить. Вотъ за что! Евстафій Егорычъ—дѣло другое. Онъ въ такихъ лѣтахъ [Колеръ справляется, зачесана ли его лысина], что ему можно класть на тарелку, рѣзать кусочки и утирать губы. Ему позволительно и брюзжать, и засматривать въ глаза Аринѣ Степановнѣ...

колеръ. Д-довольно-съ! [Рогачихѣ]. Ставь блюдо.

любовь михайловна. Богъ съ тобой, Оля! Какой же Евстафій Егорычъ старикъ!

левшина. Я не говорю про наружность, про нравъ. А на видъ... Дайте-ка на васъ поглядѣть. [Нагибается]. Я близорука... О-о, хоть куда!

сеня [фыркнулъ и струсилъ].

колеръ [на него, гнѣвно]. Ты чего? Вонъ!

левшина. Ну, что за строгости! Сидите, молодой человѣкъ, и учитесь смѣяться во время. А вы, Арина Степановна, успокойте Евстафія Егорыча.

колеръ [кричитъ на Рогачиху]. Ставь блюдо, тебѣ говорятъ! Чего бѣльмы-то выпучила!

РОГАЧИХА. А, такъ вотъ какъ! [Швырнула блюдо на столъ]. Хорошо! [Уходитъ].

СЕНЯ [всталъ и цѣлуетъ руку у тетки]. Покорно благодарю, тетенька.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Садись, дружокъ! Кушай!

СЕНЯ [съ видомъ оскорбленнаго достоинства]. Не хочу-съ.

КОЛЕРЪ [значительно]. Се-ня!.. Садись! [Кладетъ себѣ вафли].

СЕНЯ [съ злой усмѣшкой]. Благодарю. Сытъ. [Колеръ окинулъ его сердитымъ взглядомъ].

ЛЕВШИНА. Въ такомъ случаѣ, будьте любезны, подайте мнѣ блюдо.

СЕНЯ. Ахъ, съ удовольствіемъ! [Подаетъ].

ЛЕВШИНА. И сливки.

СЕНЯ [наклоняя кувшинъ надъ ея тарелкой]. Прикажете?

ЛЕВШИНА. Пожалуйста. Merci! А кто же подастъ мнѣ сахарницу? [Выразительно смотритъ на Колера].

СЕНЯ. Сію минуту! [Схватился было за сахарницу, но Колеръ отталкиваетъ его руку, беретъ сахарницу самъ и конфузливо, глядя въ сторону, пододвигаетъ ее Левшиной].

ЛЕВШИНА. А теперь я вафлей не хочу. [Колеръ выпучилъ на нее глаза]. Позвольте, мамочка, встать. [Встаетъ и цѣлуетъ Любовь Михайловну]. Merci. Благодарю, Евстафій Егорычъ.

КОЛЕРЪ [всталъ, протянулъ ей руку, но Оля отвернулась, будто не видитъ. Срываетъ салфетку и гнѣвно уходитъ, хлопнувъ дверью]. Чертъ знаетъ что!

ЛЕВШИНА [ему вслѣдъ]. Долгъ платежемъ красенъ.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [вставая съ обиженнымъ видомъ]. Ну, обѣдъ! Сеня, вели пожалуйста убирать.

СЕНЯ. Сейчасъ, тетенька. [Уходитъ въ заднюю дверь].

ЛЕВШИНА. Ха-ха-ха! Вотъ такъ умора!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Любовь Михайловна, Левшина и Степка

[входитъ и въ продолженіе слѣдующей сцены молча убираетъ со стола, складываетъ его, приставляетъ къ стѣнѣ и уходитъ].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Тебѣ смѣшно, Оля. А каково мнѣ?

ЛЕВШИНА. Да, голубушка, вамъ тяжело, вамъ хуже, нежели можно себѣ представить. Я оскорблена, возмущена за васъ. Я никогда ничего подобнаго не видала. Мнѣ и во снѣ не снилось, чтобы моя милая, умная мама могла покориться такому унизительному положенію. О, если бъ я знала, еслибъ вы словомъ, намекомъ дали понять мнѣ какъ вамъ живется, я въ ту же минуту полетѣла-бы къ вамъ! Скажите, у Евстафія Егорыча есть состояніе?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Пенсія... Но къ чему этотъ вопросъ?

ЛЕВШИНА. Вопросъ важный. Евстафій Егорычъ тѣмъ больше виноватъ передъ вами, чѣмъ меньше имѣетъ. И такъ, только пенсія, какіе-нибудь 400—500 рублей?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Послушай, Оля, мнѣ непріятно... обидно за мужа говорить о деньгахъ, о средствахъ. Все, что мое—его. Онъ полный хозяинъ.

ЛЕВШИНА. Не всегда это хорошо, мама.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Вотъ ты какъ разсуждаешь! А я никогда не позволю себѣ заикнуться передъ мужемъ, что онъ распоряжается не своимъ. Какая пошлость! Или ты вовсе не знаешь меня, если думаешь, что я способна на это: или, прости меня, ты заразилась духомъ нашего гадкаго времени. Теперь все въ продажѣ и куплѣ. Мнѣ жалко васъ, торгашей, и сердцемъ я отъ васъ далека. Мнѣ за сорокъ, Оля. Въ мое время людей цѣнили иначе и на все смотрѣли не такъ, какъ теперь. Передѣлывать себя не могу, другъ мой, и не стану.

левшина. Мамочка, но за что же я-то въ торгаши попала, дорогая моя?

любовь михайловна. Нѣтъ, Оля, меня возмущаетъ, я не могу...

левшина. Ну, хорошо. Пока оставимъ объ этомъ. Бѣда не въ томъ, какъ *вы* смотрите, а въ томъ, что Евстафій Егорычъ смотритъ, повидимому, наоборотъ.

любовь михайловна. Но почемъ ты знаешь?.. Какъ позволять себѣ?.. Слушай, Оля: мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты не говорила про Евстафія Егорыча ничего такого, что оскорбляетъ меня за него. Я хочу, чтобъ ты уважала его... да, уважала, а не смѣялась, какъ сейчасъ за обѣдомъ.

левшина. Ну, простите, простите [цѣлуетъ ее] и успокойтесь, пожалуйста! [Отходя къ окну]. Если я хочу быть больше *полезной* вамъ, чѣмъ *пріятной*, то...

любовь михайловна. Оля!

левшина. Довольно. Оставимъ. [Глядитъ въ окно]. Арина Степановна въ горячей бесѣдѣ съ Евстафіемъ Егорычемъ... У, какая сердитая!.. Прошла въ кладовую и захлопнула дверь, какъ разъ у него передъ носомъ. [Съ живостью оборачиваясь]. Ну, это, напримѣръ... Какъ позволять у себя на глазахъ?.. Какъ смѣетъ эта грубая тварь третировать васъ, хозяйку, какъ послѣднюю въ домѣ!

любовь михайловна. Что-жъ я могу?.. Заводить исторіи, сцены—унизительно. Лучше закрыть глаза... [Съ принужденнымъ смѣхомъ]. Вѣдь мужчины, Оля, такой ужъ народъ... Да это неважно.

левшина. Неважно? Ну, нѣтъ, мама. Напротивъ. Знаете, чѣмъ это кончится? Васъ заклюютъ, сгонятъ въ кухню, въ скотную избу, могутъ даже убить...

любовь михайловна. Оля, ужъ это изъ рукъ вонъ! Какъ ты смѣешь такъ говорить про моего мужа? Вотъ что, дружокъ: я очень рада тебѣ, очень тебя люблю, но, прости, лучше не оставайся у насъ, уѣзжай, если такъ.

левшина. Не буду, не буду, не буду! Слышите? Какъ разгнѣвалась, а!.. Перестаньте же, разгладьте свой лобикъ и не смотрите такъ на свою «птичку». Теперь я узнала все, что мнѣ нужно, и буду щебетать, щебетать. Кому отъ этого худо? Вѣдь такъ? Положитесь во всемъ на вашу «птичку» и поцѣлуйте меня. [Цѣлуются].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Колеръ.

[входитъ надутый изъ задней двери].

левшина [Любови Михайловнѣ]. А развѣ Евстафій Егорычъ не ложится отдыхать послѣ обѣда? [Ему]. Евстафій Егорычъ?

колеръ [садясь въ кресло]. Нѣтъ-съ.

левшина. А хорошо бы, гдѣ-нибудь въ холодкѣ, гдѣ нѣтъ мухъ и... *въ кладовой*, напримѣръ?

колеръ [досадливо]. Кха!

любовь михайловна [тихо]. Олечка!.. [Громко]. Онъ рѣдко почиваетъ днемъ, развѣ когда по хозяйству очень устанетъ. [Льстиво]. Вѣдь онъ большой хлопотунъ и какой хозяинъ! Ахъ, Оля, если бъ ты знала, въ какомъ все у него порядкѣ... какъ...

колеръ [прерывая съ досадою]. Ну что ты смыслишь въ хозяйствѣ! Терпѣть не могу...

левшина [прерываетъ]. Когда васъ хвалятъ? Слышите, мама? Евстафій Егорычъ выше похвалъ. Это и видно, потому что онъ еще больше надулся. Вы не достигаете цѣли, мама. И это вовсе не дурно, потому что самая цѣль... какъ бы сказать?.. ну, унизительна для васъ, что ли...

колеръ [съ большей досадой]. Я хочу сказать, что терпѣть не могу, когда суютъ носъ не въ свое дѣло-съ. Вотъ что хочу я сказать!

левшина. Это насчетъ мамы и хозяйства?

колеръ. Да-съ... и вообще, если угодно.

левшина. «Вообще» не угодно. Значить, хозяйка не смѣетъ жить въ интересахъ *своего* хозяйства, рыба не смѣетъ плавать въ водѣ, а птица летать въ воздухѣ. Такъ и запишемъ. [Любовь Михайловна уходитъ въ лѣвую дверь, безнадежно махнувъ рукою. Молчаніе]. Чего вы надулись, какъ мышь на крупу? [Заходитъ сзади и наклоняется надъ нимъ, облокотившись на спинку кресла].

колеръ. Сравненіе! [Бросилъ на нее сердитый взглядъ и отвернулся. Молчаніе].

левшина [плутовски]. Не мѣшаю? [Колеръ молча заглаживаетъ лысину]. А у васъ прекрасные волосы: мягкіе, нѣжные... Видно, что добрый человѣкъ. [Гладитъ ихъ противъ зачеса, взъерошивая и обнажая лысину]. Правда, рѣденьки...

колеръ [уклоняется]. Позвольте-съ! [Гнѣвно заглаживаетъ волосы и порывается встать].

левшина [удерживаетъ, кладя руки на его плечи]. Сидѣть! [Онъ дѣлаетъ видъ, что сердится, грызетъ и дергаетъ усы. Молчаніе. Опять порывается встать. Его удерживаютъ попрежнему]. Сидѣть и не бунтоваться! [Колеръ поднимаетъ на нее глаза. Она хохочетъ. Отвертывается и самъ слегка фыркаетъ. Молчаніе]. Ну-съ? [Колеръ бросаетъ на нее уже игривый взглядъ и отвертывается снова. Его разбираетъ смѣхъ]. А вы...

колеръ. [Опять глядя на нее]. Что?

левшина [грозится]. Плутишка! Ха-ха-ха!

колеръ [разражается хохотомъ самъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Левшина, Колеръ и Рогачиха.

рогачиха [въ дверяхъ злобно]. Такъ!

левшина [не измѣняя положенія, спокойно и холодно смотритъ на нее черезъ плечо]. Васъ звали? Подите вонъ!

рогачиха. Да вы кто такая, чтобы гнать-то меня? [Подступая]. Съ чего взяла?

колеръ [вставъ]. Какъ ты смѣешь!..

рогачиха. Я-то? Ого! Не то что ей, я и тебѣ такую отпою, что чертямъ тошно станетъ!

ЛЕВШИНА [отходя, въ сторону]. Умна!

КОЛЕРЪ. Ка-акъ?!

РОГАЧИХА. Да такъ! Я смирна, смирна, а расхожусь— удержу нѣтъ! Не подступись! И диви, Господи! Я здѣсь живу, усердствую, ублажаю и—на! Влетѣла ворона въ наши хоромы, носъ тебѣ рветъ—и извольте молчать!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Любовь Михайловна.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [испуганная, входитъ слѣва, съ колодою картъ въ рукахъ]. Что здѣсь?.. Арина Степановна...

ЛЕВШИНА. Эта женщина, мама, имѣетъ дерзость фамильярничать, скандализировать вашего мужа. Я не хочу думать, чтобы она имѣла на это права. Она или рехнулась, или пьяна.

РОГАЧИХА. Я...

КОЛЕРЪ [зажимаетъ ей ротъ]. Ни слова!

ЛЕВШИНА. Чтобы сносить это, надо быть тряпкой, мокрою курицей, но никакъ не человѣкомъ съ умомъ и энергіей Евстафія Егоровича.

РОГАЧИХА. А я вамъ скажу...

КОЛЕРЪ [выталкиваетъ ее вонъ]. Ничего ты не скажешь! [За дверью, куда Колеръ вышелъ за Рогачихой, слышны ея голосъ и покрывающіе его возгласы Колера: «молчать», «убирайся!»]

ЯВЛЕНІЕ X.

Левшина, Любовь Михайловна и Колеръ.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ничего не понимаю. Изъ-за чего у васъ?..

ЛЕВШИНА. Начинается очищеніе воздуха и ваши фонды поднимаются, мама. Не волнуйтесь, дорогая моя. [Входящему Колеру]. Вотъ теперь вижу, что вы настоящій мужчина. Мама, зачѣмъ у васъ карты? Пасьянсъ хотите раскладывать?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Евстафій Егорычъ любитъ иногда поиграть. Я думала...

ЛЕВШИНА. Любитъ? Отлично. Давайте, давайте! [Усаживается у стола въ кресло]. Во что же? Садитесь, Евстафій Егорычъ со мной vis-à-vis. [Колеръ садится на кресло же]. Вотъ такъ. Во что же мы будемъ играть?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [садясь на диванъ, мужу]. Во что, дружокъ? [Олѣ]. Мы играемъ въ преферансъ, дурачки...

КОЛЕРЪ [самодовольно]. И она изъ дуръ у меня не выходитъ.

ЛЕВШИНА. Въ самомъ дѣлѣ? Постойте, будетъ и на ея улицѣ праздникъ. Давайте въ фофаны, господа. Евстафій Егорычъ?

КОЛЕРЪ. Готовъ.

ЛЕВШИНА. Ну-съ, я сдаю. [Раздаетъ всѣ карты, исключая одной, которую прячетъ въ карманъ]. Фофана прячу. Снимайте пары. [Сбрасываютъ пары]. Шестерки... валеты... десятки... Господа, у меня остается три карты. У васъ, мама?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Пять.

ЛЕВШИНЪ. А у васъ, кажется, одна, Евстафій Егорычъ?

КОЛЕРЪ. Одна-съ. [Съ торжествующимъ видомъ кладетъ ее на столъ кверху сорочкой].

ЛЕВШИНА. Ой, фофанъ! Мама, дайте ему карточку. Да не открывайте, не показывайте своихъ! [Колеру]. А вы не смѣйте засматривать! Ишь какой! [Любовь Михайловна даетъ мужу свои карты закрытыми]. Берите. [Колеръ взялъ срыву]. Пара?.. нѣтъ? Ха-ха-ха! Давайте мнѣ.

КОЛЕРЪ [съ ужимками перемѣшиваетъ карты нѣсколько разъ и съ вывертомъ подаетъ ихъ Левшиной]. Извольте-съ.

ЛЕВШИНА [взявъ карту]. Пара. [Сбрасываетъ]. Берите, мама. [Та беретъ и также сбрасываетъ двѣ карты]. И у васъ пара. Ну-ка, Евстафій Егорычъ! [Онъ беретъ карту у жены и нахмурился]. Опять нѣтъ? Прекрасно. Давайте! [Беретъ карту у Колера и сбрасываетъ съ нее свою послѣднюю]. Вышла. Посмотримъ, посмотримъ, кто фофанъ! Вдругъ Евстафій Егорычъ. Вотъ срамъ-то! [Колеръ выдергиваетъ у жены карту]. Нѣтъ? Ха-ха! [Достаетъ изъ кармана фофана]. Берите, мама.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [взяла карту, боязливо взглянула на мужа, робко, какъ бы извиняясь]. Пара, Евстафій Егорычъ...

ЛЕВШИНА [Колеру]. У васъ тузъ? Ну, и фофанъ—тузъ. Значитъ вы фо-фанъ! Ха-ха-ха! [Колеръ съ трескомъ встаетъ и уходитъ. Хлопая въ ладоши]. Фофанъ, фофанъ, ха-ха!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ глубинѣ, посрединѣ сцены, одноэтажный помѣщичій домъ подъ желѣзной крышей, съ балкономъ и окнами по бокамъ. Къ дому съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ садовая рѣшетка, въ которой, близъ него, створчатыя ворота, ведущія изъ сада во дворъ. Передъ балкономъ цвѣтникъ. Справа нѣсколько тѣнистыхъ липокъ въ рядъ. Подъ ними дерновый диванчикъ, передъ которымъ, на врытомъ въ землю столбѣ, овальный деревянный столъ, выкрашенный въ зеленую краску. Слѣва фруктовыя деревья. Сзади дома, вдали, виденъ лѣсъ. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Левшина [сидитъ подъ липками со сложеннымъ зонтикомъ] и **Макаръ** *) [поодаль возится съ ножомъ около присадка].

ЛЕВШИНА. Макаръ!

МАКАРЪ. Чего?

ЛЕВШИНА. Что ты тамъ дѣлаешь? Поди сюда!

МАКАРЪ. Дички съ лѣтошняго прививка счищалъ. [Показываетъ срѣзанную вѣтвь]. Ишь, какой выгнало! Соковъ забралъ страсть. Коли бы не срѣзать, глазокъ бы задушилъ, проклятый, въ отдѣлку.

ЛЕВШИНА. Иди, потолкуемъ. Мы вѣдь старые пріятели съ тобою, друзья.

---

*) Макаръ вида суроваго, съ грубымъ голосомъ, медленными, неуклюжими движеніями. Густо обросъ бородой. Онъ въ бѣлой рубахѣ и пестрядиныхъ штанахъ въ голенища.

МАКАРЪ. И то! [Подходитъ]. Мало вамъ отъ меня доставалось? [Складываетъ садовый ножъ и кладетъ его въ карманъ].

ЛЕВШИНА. Ха-ха! «Козой» меня называлъ. [Подражая его голосу]. «Эй-ты, коза! Что у парниковъ прыгаешь, плети помнешь!» Ха-ха-ха!

МАКАРЪ. За вами не догляди, бывало, такихъ бѣдъ натворите! И дурашлива-жъ была!

ЛЕВШИНА. А кто, бывало, чуть поспѣетъ земляника, малина, нарветъ на лопухъ первыя ягодки и зоветъ [опять подражаетъ Макару]: «Эй, коза, скачи сюда!.. Ѣшь!» Или прибѣжишь къ тебѣ въ садъ. [Дѣтскимъ голоскомъ]. «Макаръ, голубчикъ, мнѣ яблочка хочется». [Грубо]. «Че-го?.. Проваливай!» Смотришь такъ, будто съѣсть собираешься, а у самого въ карманѣ припасено про меня, что позрѣлѣй до слаще. Запустишь въ него рученку, ну выгружать! Ты—ничего, отвернешься и рычишь себѣ подъ носъ: ишь, коза!.. ишь, быстроглазая!» «Макаръ, миленькій, спасибо тебѣ, голубчикъ!» Бросишься цѣловать. Ты отворачиваешься, пресердитый-сердитый, будто надоѣла тебѣ, а самъ радъ-радехонекъ.

МАКАРЪ. Ребенокъ, конечно... Ребенку отчего и не дать. Ему и до Спаса яблоки ѣсть дозволяется.

ЛЕВШИНА. Полно! Сознайся-ка лучше, что любилъ ты меня и былъ первый баловникъ. Помню, голубчикъ, все помню и сама тебя крѣпко люблю. [Обняла и крѣпко поцѣловала]. Вотъ тебя какъ!

МАКАРЪ [отворачивается, сконфуженный и тронутый]. Ну, что... что о пустякахъ говорить!

ЛЕВШИНА [задумчиво]. Да, хорошо мнѣ жилось у васъ въ Юшинѣ! Свѣтлые дѣтскіе годы!

МАКАРЪ. Прежде ништо̀! Таперь-то житья у насъ нѣтъ, какъ взяли этого... Астафья Егорыча.

ЛЕВШИНА. Ахъ, да! Правда, что̀ онъ тебя разсчиталъ, увольняетъ?

МАКАРЪ. А пущай. Ему не впервой. Не пойду, хоть онъ тресни! Сколько времени жалованья не даетъ. Пущай. Я все-

таки не пойду, потому не онъ здѣсь хозяинъ, а барыня, даромъ что все въ лапы забралъ. По барынѣ я живу. Онъ какъ женился, всѣхъ людей разогналъ, прежнихъ-то. Потому тѣ барынѣ угождали, а ему нужно ее со свѣту сжить. Вотъ и понаймалъ своихъ, сволочь... Рогачиха, Арина Степановна—хороша?

левшина [со вздохомъ]. Да, много горя видѣла мама отъ этой Арины Степановны!

макаръ. Чтобъ ее разорвало, проклятую! И терпитъ же барыня! Обоихъ бы въ зашей прогнать: и Аришку, и самого... этого барина...

левшина [въ сторону]. Это бы лучше всего! [Задумывается].

макаръ. Да право! И съ чего барыня за него пошла—дивлюсь! Дурь одолѣла. Ничто, какъ дурь! Вѣрите ли, Ольга Васильевна, какъ повезли ее въ церковь вѣнчать, у насъ вой во дворѣ пошелъ, словно бы по покойнику. Хуже, сердечная, не нашла, видно! А были люди, сватались, какъ помоложе была. Къ примѣру, Подгоренковъ баринъ, въ Сутяжномъ живетъ, чѣмъ не женихъ! Не шла. Этотъ же, Астафій Егорычъ, ни кожи, ни рожи, въ башкѣ дупло—обошелъ! И плачься таперь. Ишь, отъѣлся на чужихъ харчахъ, что твой боровъ! Все сгребъ. Въ городъ поѣдетъ—деньгами швырь-швырь, а барыня гроша ни видитъ.

левшина. Ужъ будто бы такъ?

макаръ. О, Господи! Платьишка не на что справить отъ своихъ же достатковъ, вонъ до чего. На молочномъ скопѣ если выручимъ что, только и есть. Да и то тайкомъ отъ Астафья Егорыча. Рогачиха хоть знаетъ — молчитъ, потому—искалѣчу, боится.

левшина. Это изъ рукъ вонъ!

макаръ. На что хуже! Вотъ каковъ этотъ Астафій Егорычъ. Давно-бъ ушелъ отъ него, еслибъ не барыня, да садъ вотъ жалко еще. Кто садилъ, кто ростилъ? Все я. Голо было, какъ у Астафья Егорыча на плѣши; а теперь видите что? [Указываетъ на деревья]. А то бы черта-ль мнѣ тутъ!.. Таперь

своя земля есть; усадьбу купилъ. Эхъ, купить-то купилъ, да и не знаю, какъ быть, Ольга Васильевна!

левшина. А что?

макаръ. Да купчую у меня теленокъ сожралъ.

левшина. Теленокъ? Ха-ха! Это какимъ образомъ?

макаръ [скрещивая на груди руки]. А видите... Какъ, значитъ, выправилъ я купчую въ городѣ, сунулъ ее за пазуху и зашелъ вспрыснуть покупку въ трактиръ. Ну, выпили. Грѣшнымъ дѣломъ, маленечко захмелѣлъ. Пріѣхамши домой, какъ былъ въ кафтанѣ, легъ подъ сарай спать. Шутъ ее знаетъ, выпала она, что ли, купчая-то, только проснулся я, глядь, а теленокъ жуетъ-жуетъ ее, подлый. Такъ всю и сожралъ, одна печать осталась... [Глядя вправо]. Эй, ты, фитюлька! Что тамъ цвѣты-то бузуешь!.. [Идя вправо]. Не трожь, говорятъ! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Левшина, Сеня [выскакиваетъ справа, съ букетомъ цвѣтовъ] и въ концѣ **Колеръ.**

сеня [въ сторону своего выхода]. Грубіянъ! мужланъ!

макаръ [за сценой]. Разговаривай у меня!

сеня. Ну, погоди! [Замѣтивъ Левшину]. Ахъ, Ольга Васильевна! Съ добрымъ утромъ-съ!.. Позвольте предложить вамъ этотъ букетъ, столь же свѣжій и прекрасный, какъ вы... [Оля, скрестивъ руки, насмѣшливо смотритъ на него]. Примите-съ!.. [Молчаніе]. Вы такъ неодобрительно смотрите...

левшина. Скажите, молодой человѣкъ, какъ вамъ не стыдно поддакивать, когда къ мамѣ придираются и дѣлаютъ ей непріятности? Ужъ потому одному это гадко, что *она* вамъ родня, а не Евстафій Егорычъ.

сеня [играя букетомъ]. Еслибъ я заикнулся за тетеньку, дяденька выгналъ бы меня. Пользы ей все равно я бы не оказалъ никакой. Дѣйствуя благоразумно, разсуждая какъ лучше...

левшина [съ живостью]. Для васъ? Какъ вамъ выгоднѣй? Превосходно! А не приходило вамъ въ голову, что, поступая

такъ, вы играете гнусную роль, отъ которой юноша честный отвернулся бы съ омерзѣніемъ?

СЕНЯ [съ ироніей]. Какой же толкъ въ честности и всѣхъ этихъ порываніяхъ, когда изъ нихъ, кромѣ ерунды и вреда для себя, ровно ничего произойти не можетъ? Вы странно судите, Ольга Васильевна. Кромѣ того-съ, никто, полагаю, не въ правѣ требовать, чтобы я поступалъ во вредъ своимъ интересамъ.

ЛЕВШИНА [вставая]. А, такъ-то вы разсуждаете! [Видитъ Колера, который входитъ нагнувшись и рветъ цвѣты. Въ сторону]. И этотъ съ цвѣтами! [Садясь и принимая кокетливый тонъ]. Ну что же букетъ?.. Давайте! [Колеръ поднялъ глаза и вытаращился на присутствующихъ].

СЕНЯ [надутый]. Изволь-съ.

ЛЕВШИНА. Прелесть какая! Merci, merci... [Протягиваетъ ему обѣ руки]. Очень мило, что вспомнили обо мнѣ, очень... За это стоитъ вамъ дать изъ букета самый лучшій цвѣтокъ. Хотите?

СЕНЯ. Конечно... Сохраню навсегда, на сердцѣ...

ЛЕВШИНА [вынимая изъ букета]. Вотъ эту розу. Нагнитесь. [Сеня становится на колѣни]. Ближе, ближе... [Прикалываетъ цвѣтокъ]. Вотъ такъ! [Сеня цѣлуетъ ей руки]. Довольно, довольно... [Встаетъ]. Ахъ какой! [Шутя дернула его за чубъ и идетъ прямо на Колера, продолжая смотрѣть на Сеню]. Ахъ!.. Евстафій Егорычъ! Вотъ не ждала! Какъ вы тихо подкрались!.. И вы съ цвѣтами? Ха-ха! [Колеръ прячетъ руки назадъ]. Да покажите, ну что скрывать! [Перевертываетъ его и вырываетъ цвѣты]. Такъ и есть! Ха-ха-ха! [Разсыпаетъ цвѣты по землѣ и съ хохотомъ убѣгаетъ за липки].

ЯВЛЕНІЕ III.

Сеня и Колеръ

[подходитъ къ Сенѣ и въ упоръ смотритъ на него насмѣшливо, зло. Молчаніе].

КОЛЕРЪ. Ну, любезный, можешь собирать пожитки и убираться.

СЕНЯ. Какъ?.. За что же, дяденька, помилуйте! За мою къ вамъ преданность и любовь!..

КОЛЕРЪ. Для пользы твоей, Сеня, для пользы. Я давно собирался. Пора за дѣло, любезный. Молодому человѣку нельзя бить баклуши.

СЕНЯ. Помилуйте, дяденька, да я всегда стараюсь быть вамъ полезнымъ, по хозяйству, во всемъ-съ...

КОЛЕРЪ. Не возражать! Мозолишь глаза, вотъ и вся польза. Скажи—приготовить разгонныхъ. Послѣ обѣда тебя отвезутъ въ городъ

СЕНЯ. Но, дяденька, какъ же такъ... вдругъ!.. И за что-съ?

КОЛЕРЪ. Опять! Да будь ты мой сынъ, я-бъ тебя выдралъ давно. Чѣмъ занимаешься? Вихры расчесывать [ерошитъ его волосы], модничать, да галстучки это... Скажите, красавчикъ какой! Мальчишка!

СЕНЯ. Я не модничаю-съ, а изъ приличія, при посторонней особѣ нельзя же... Вотъ и вы напомадились, дяденька, даже очень авантажны сегодня.

КОЛЕРЪ. Безъ разговоровъ! Собирайся—и маршъ!

СЕНЯ. Дяденька, вы, можетъ быть, потому изволите гнѣваться, что я съ Ольгой Васильевной разговаривалъ и букетъ-съ... Такъ впередъ я не стану, даже смотрѣть на нее не стану.

КОЛЕРЪ. Что ты разсказываешь? Къ чему?!

СЕНЯ. Къ тому, дяденька, что противъ вашихъ намѣреній я, какъ истинно-преданный, никогда не позволю себѣ пойти.

КОЛЕРЪ. А какія у меня намѣренія, что за намѣренія? Какъ смѣть разсуждать!

СЕНЯ. Разсужденія мои тѣмъ справедливѣе, чѣмъ больше изволите гнѣваться, такъ какъ вспыльчивостью прикрываете тотъ пылъ къ Ольгѣ Васильевнѣ...

КОЛЕРЪ. Молчать!

СЕНЯ. Напрасно такъ, дяденька. Я даже могу вамъ содѣйствовать и оказать въ этомъ отношеніи не малую пользу.

КОЛЕРЪ [громче]. Молчать!!

СЕНЯ [съ улыбкой]. А если, не взирая на мои обѣщанія, скромность и преданность, вы все-таки сердитесь, не принимая резоновъ, то, очевидно, существуетъ *другая* причина-съ. Она-то и изрыгаетъ эти: «молчать, мол-чать!»

КОЛЕРЪ. Что за причина? Говори, сію минуту говори, не то я...

СЕНЯ [нахально]. Ха-ха! Причина весьма курьезная. Если взять зеркало и поднести его поочередно къ вамъ и ко мнѣ, то сначала въ немъ отразится изображеніе, лишенное всякой привлекательности для прекраснаго пола, а потомъ оно дастъ отраженіе свѣжести, юности...

[Левшина видна изъ-за липокъ].

КОЛЕРЪ. Такъ ты вотъ какъ, любезный! Вонъ!

СЕНЯ. Но, почтеннѣйшій Евстафій Егорычъ, вы съ моимъ удаленіемъ не пріобрѣтаете на успѣхъ никакихъ шансовъ. [Уходя влѣво, заложилъ руки въ карманы и нахально посмѣивается]. Такъ какъ мнѣ терять нечего, то съ удовольствіемъ могу доложить вамъ, что вы не что иное, какъ ощипанный, брюзглый индюкъ! [Уходитъ. Колеръ взбѣшенный бросается за нимъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Левшина и потомъ **Любовь Михайловна** [изъ дома].

ЛЕВШИНА [прыгая и хлопая въ ладоши]. Ха-ха-ха! Ничего, воздухъ понемногу очищается... Мама! [Бѣжитъ на балконъ къ Любови Михайловнѣ, обнимаетъ и цѣлуетъ ее]. Добраго утра! Вы заспались что-то сегодня.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Заспалась. А ты, ранняя птичка, встала давно?

ЛЕВШИНА. Давно. Въ домѣ всѣ еще спали. Обѣгала всѣ мѣста, дорогія по дѣтскимъ воспоминаніямъ, мама. Была въ лѣсу, про который покойница-няня разсказывала такія страсти. Бывало забѣжишь въ него, спрячешься за дерево, кустъ, и ждешь: вотъ-вотъ изъ чащи вылѣзетъ лѣшій, косматый да страшный! Сердчишко тукъ-тукъ, — и страшно и сладко.

Лѣшій нейдетъ. А кругомъ чириканье, свистъ! Звуки такъ полны и веселы! Заслушаешься, куда и страхъ дѣлся! И я ужъ не робкая дѣвочка, а лѣсная царевна, волшебница. Хожу важно, степенно, рву цвѣты и плету изъ нихъ діадему. Вдругъ бабочка промелькнула, желтенькая, хорошенькая. За ней! Набѣжала на кустъ земляники—ѣсть! И пошла прыгать, пѣть, хохотать, объѣдаться ягодами, пока не услышишь: «О-ля! гдѣ ты?.. О-лечка!..» Помните, мама? [Ласкается къ ней].

любовь михайловна. Какъ не помнить! Ты была моею отрадою, утѣшеніемъ моимъ, Оля.

левшина. Да, много воспоминаній, много свѣтлыхъ картинъ!.. И давно ли все это? А сколько ужъ прожито, сколько горя!.. Много я передумала нынче, всю жизнь перебрала, вплоть... до сиротливой могилки подъ Карсомъ.

любовь михайловна. Что дѣлать, Олечка! Такъ Богу угодно.

левшина. А зачѣмъ столько горя? Зачѣмъ люди такъ много страдаютъ? Кому это нужно и чѣмъ все это искупится, мама? Возьмемъ васъ... [Весело]. Впрочемъ, что касается моей голубушки мамы, то-о...

любовь михайловна. Что, дружокъ?

левшина. Все будетъ отлично. Я вамъ порукой. Вы бодрѣе и смотрите лучше. Я ужъ не вижу у васъ того робкаго взгляда, отъ котораго у меня сердце щемило, моя дорогая; я не могла его выносить. А теперь вы молодцомъ, мама. Евстафій Егорычъ мягче, вѣжливѣй съ вами? Не правда ли?

любовь михайловна. Да, дружокъ. Merci. Я очень тебѣ обязана. При тебѣ онъ другой.

левшина. Значитъ, былъ хуже, вовсе былъ нехорошій?

любовь михайловна. Д-да... то-есть...

левшина. Да ужъ такъ, такъ! Я въ восторгѣ, что вы это сознали. Значитъ, въ васъ просыпаются чувства, которыя чуть-чуть не заглохли.

любовь михайловна [съ волненіемъ, тихо]. Евстафій Егорычъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Левшина, Любовь Михайловна и Колеръ

[входитъ слѣва].

левшина. Батюшки, надутый какой, да дурной! [Колеръ идетъ впередъ, не обращая вниманія].

любовь михайловна [тихо]. Оставь, Олечка, онъ не въ духѣ.

левшина [громко]. Смѣетъ онъ быть не въ духѣ при мнѣ! [Быстро подходитъ и беретъ его подъ руку. Колеръ смотритъ передъ собою, сохраняя прежнее выраженіе]. Мама, вы не замѣчали, что Евстафій Егорычъ, когда надуется, очень напоминаетъ бульдога?

колеръ [стараясь высвободить руки]. Сударыня это... это...

левшина [удерживая его]. Вѣрное сравненіе, не больше. Когда вы милы, любезны, я любуюсь вами и говорю вамъ это въ глаза; когда вы злой, нехорошій—говорю точно также.

колеръ. А интересно, кого напоминаетъ вамъ тотъ мальчишка...

левшина. Не Сеня ли?

колеръ. Да-съ.

левшина. Ужа, ящерицу,—словомъ, гада.

колеръ [ядовито]. Котораго украшаютъ цвѣтами, ха-ха! Боюсь, сударыня, что вамъ безъ него будетъ скучненько.

левшина. А развѣ онъ уѣзжаетъ? [Отходитъ къ Любови Михайловнѣ].

колеръ. Къ вашему несчастію, да-съ!

левшина [тихо Любови Михайловнѣ]. Поздравляю, однимъ врагомъ меньше. [Колеру]. Напротивъ, я очень рада. Сеня ужасно мнѣ надоѣлъ. Представьте, вздумалъ ухаживать! Это было-бъ досадно, еслибъ не было глупо. [Срываетъ розу]. Сегодня присталъ, чтобъ я приколола ему цвѣтокъ. [Прикалываетъ розу къ сюртуку Колера]. Конечно, это имѣетъ значеніе, когда дѣлается охотно, безъ просьбъ, приставаній... Ну вотъ,

теперь вы меньше походите на бульдога. Не правда ли, мама?.. Ахъ, да! Вѣдь вы еще не видались сегодня?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Нѣтъ.

ЛЕВШИНА. Евстафій Егорычъ, какъ же вы такъ... никакого вниманія къ мамѣ! Невѣжливо!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [подходя къ мужу]. Добраго утра, дружокъ.

КОЛЕРЪ [рѣзко]. Хорошо. Здравствуй...

ЛЕВШИНА. Ха, ха, ха! Да поцѣлуйте же руку у мамы. Евстафій Егорычъ!

КОЛЕРЪ [отходя]. Кхмъ!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [застѣнчиво]. Ахъ, Оля, зачѣмъ!

ЛЕВШИНА [настойчиво]. Евстафій Егорычъ, подите сюда! Ну-съ! [Колеръ подходитъ].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Мы лучше вотъ какъ. [Беретъ и пожимаетъ руку Евстафія].

ЛЕВШИНА [еще настойчивѣе]. Евстафій Егорычъ!.. Слышали, что я сказала? [Колеръ неловко и быстро поцѣловалъ руку жены и отходитъ, отдуваясь красный какъ ракъ]. А вы, мама, зардѣлись какъ дѣвочка! И слезы на глазахъ! Бѣдная моя [Любовь Михайловна торопливо уходитъ въ домъ]. Что, подвигъ совершилъ, а?

КОЛЕРЪ. Не понимаю, къ чему эта комедія!

ЛЕВШИНА. Слушайте! [Раздѣльно и серьезно]. Если хотите мнѣ нравиться, вы должны оказывать мамѣ полное уваженіе, быть съ нею вѣжливымъ, предупредительнымъ, а не такимъ злымъ и вздорнымъ, какъ я застала васъ по пріѣздѣ. Иначе не смѣйте ко мнѣ подходить. [Отходитъ].

КОЛЕРЪ [слѣдуя за ней]. Позвольте, позвольте! [Остановилась]. Но я... я сдалъ... смягченъ... не такъ раздражаюсь, потому что...

ЛЕВШИНА [беретъ его подъ руку и засматриваетъ въ лицо]. Почему?

КОЛЕРЪ. Не то-съ... не тѣ чувства...

ЛЕВШИНА. Продолжайте. Мнѣ очень пріятно...

КОЛЕРЪ. Я чувствую... ожилъ, согрѣтъ... Вотъ берешь эту ручку [беретъ] и чувствуешь... какъ бы сказать?

ЛЕВШИНА. Говорите же, что?

КОЛЕРЪ. Сладость и... и...

ЛЕВШИНА. И, вѣроятно, томленіе?

КОЛЕРЪ. Именно, ха, ха, ха! [Цѣлуетъ ея руку].

ЛЕВШИНА. Боже, какъ нѣжно!.. Однако, сядемъ. Вы такъ краснорѣчивы, что я устала стоять. [Садятся. Онъ опять цѣлуетъ ея руку]. Какъ, опять?.. И еще? [Колеръ не отрывается]. Ну-съ, а Арина Степановна?

КОЛЕРЪ. Сгоню. Прикажите. Когда угодно.

ЛЕВШИНА. То-то! Сегодня чтобъ не было!

КОЛЕРЪ. Всенепремѣнно! [Опять впивается въ ея руку].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [выходя изъ дома, въ сторону]. Однако у нихъ... [Громко]. Евстафій Егорычъ!

КОЛЕРЪ [сорвался съ мѣста, съ досадой]. Что-съ?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Прикащикъ пришелъ...

КОЛЕРЪ. Велите ему на гумно... Приду-съ. [Любовь Михайловна повернулась уйти]. Да вотъ что... Любовь Михайловна!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Что, дружокъ?

КОЛЕРЪ. Когда вы поѣдете въ Липовку?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Въ Липовку?.. Я вовсе не собиралась.

КОЛЕРЪ. Слѣдуетъ. Поѣзжайте сегодня. Давно не были у Лизаветы Филипповны. Родственница и больна. Невниманіе.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Но, другъ мой, она уже третій годъ, какъ лежитъ въ параличѣ. Почему же мнѣ именно ѣхать сегодня?

КОЛЕРЪ [удивленно]. Вы... вы, кажется, возражаете *мнѣ?!*

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Но мнѣ вовсе не хочется въ Липовку.

КОЛЕРЪ [выразительно, не возвышая голоса]. Когда *я* нахожу нужнымъ, чтобъ вы поѣхали!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Помилуй, Евстафій Егорычъ, по дорогѣ грязь и тащиться до Липовки цѣлыхъ сорокъ верстъ! Лошадей уморишь.

ЛЕВШИНА [Любови Михайловнѣ]. Разумѣется, не ѣздите.

КОЛЕРЪ. Кха!.. Такъ вотъ что-съ... я бы просилъ съѣздить къ Шкураковымъ, въ Скородное. Недалеко. По дѣлу-съ. Я дамъ вамъ письмо къ Пармену Никитичу. Самому мнѣ нельзя: судья обѣщался заѣхать... Кха!.. Такъ пожалуйста. Нужное дѣло-съ. Вамъ будутъ рады, станутъ удерживать. Не торопитесь, даже ночуйте. Люди нужные. Надо почтить. [На дворѣ слышны бубенчики].

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [глядя черезъ рѣшетку во дворъ]. Да вонъ самъ Парменъ Никитичъ во дворъ.

КОЛЕРЪ [съ досадой]. А, чертъ возьми!.. [Быстро уходитъ въ калитку, откалывая и пряча розу въ карманъ].

ЛЕВШИНА. Ха, ха, ха!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Что это значитъ? Зачѣмъ ему нужно меня спровадить?

ЛЕВШИНА. Конечно затѣмъ, чтобъ остаться со мною наединѣ. Развѣ вамъ непонятно?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Я, можетъ быть, понимаю, но... мнѣ не хочется вѣрить, чтобы ты, Оля...

ЛЕВШИНА. Я, мама?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Не могу. Оставимъ! Это такъ дурно, такъ... на тебя не похоже.

ЛЕВШИНА [обнимая ее за талію]. Мама, мама! Вы, кажется, вздумали меня ревновать? Ай-ай, стыдъ какой! Будьте благоразумны, радость моя, и не мѣшайте мнѣ дѣлать, что нужно. Шкураковъ... Кто это такой? [Про себя]. Не можетъ ли онъ быть мнѣ полезенъ? [Громко]. Кто онъ? [Уходитъ вправо обнявшись].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Шкураковъ и Колеръ

[входятъ со двора изъ воротъ].

КОЛЕРЪ. Въ домъ пойдемъ, или здѣсь будемъ сидѣть?

ШКУРАКОВЪ. Нѣтъ, въ домѣ жара, мухи. Вонъ подъ липками. Разлюбезное дѣло. Да велѣлъ бы, дружище, пивка холодненькаго подать. [Идетъ подъ липки].

КОЛЕРЪ [обернувшись во дворъ]. Степка! Пива подать. Проворнѣй! Слышно, Парменъ Никитичъ, ты былъ въ отъѣздѣ?

ШКУРАКОВЪ. Былъ, братецъ, былъ, Въ Оптиной пустыни былъ, хе-хе! Видишь, какъ эта линія вышла. Заѣхали мы съ пріятелемъ въ Щигры на ярмарку. Ну, сдѣламши дѣло, стали съ нимъ путаться. Путались-путались, надоѣло. Онъ и говоритъ мнѣ, пріятель-то: «вотъ что, Парменъ Никитичъ, исчезни она, эта ярмарка. Ѣдемъ въ Оптину!»—Ѣдемъ. И махнули. Вчера домой отыскался.

КОЛЕРЪ. Иль грѣхи замаливалъ?

ШКУРАКОВЪ. Грѣхи! На мнѣ коли есть грѣхи, такъ не мои, а чужіе, налетные, братецъ. Не тревожь меня—не согрѣшу; не искушай, въ соблазнъ не вводи—не осквернюсь, ни дѣломъ, ниже помышленіемъ. А самъ я, то-есть отъ себя, ни Боже мой! Потому нѣтъ хуже, какъ вляпаться въ лужу, и нѣтъ, другъ мой, гаже, какъ пачкаться въ сажѣ, хе-хе!.. Ну, какъ живешь-можешь? Слышно, сѣно сволокли у тебя? Много?

КОЛЕРЪ. Копенъ съ пять украли.

ШКУРАКОВЪ. Мало, мало! Хорошенько бы тебя поучить.

КОЛЕРЪ. За что учить-то?

ШКУРАКОВЪ. А за то, что больно горячъ ты не въ мѣру. Съ мужикомъ не умѣешь какъ ладить. Палишь безъ толку, безъ смыслу... Шапку чтобъ передъ тобой ломали. Схватился! Изъ гривны кипишь, а сотни теряешь. Лѣтошній годъ ригу у тебя спалили, изъ амбара въ подполье пшенички четвертей, знать, съ десятокъ выцѣдили, ась? Учатъ, братъ, учатъ! ха-ха! а тебѣ все не въ прокъ. Меня вотъ не сожгутъ, нѣ-ѣтъ! А если случается, горитъ что у насъ, такъ горятъ, братецъ, предметы такіе, что надлежащимъ образомъ застрахованы.

КОЛЕРЪ. Амбаръ съ затхлой мукою, ха-ха!

ШКУРАКОВЪ. А ты нюхалъ ее, муку-то? Нѣтъ? Ну, и молчи. [Закуриваетъ сигару]. Да-съ, спокойно спимъ, не пова-

шему, даромъ что всё на меня работники и спуску—ни-ни! Вотъ ты баринъ, помѣщикъ, а захочу—волкомъ взвоёшь, хлѣбъ будетъ некѣмъ убрать. Я вотъ задатками у сосѣдей всѣхъ людей посманилъ. Что скажешь? Гляди, барщина какая вывалитъ—страсть! Мигомъ уберутъ. За водку одну, да за выпуски того наработаютъ—ахнешь! Вотъ у насъ какъ. А вы потерпите, сосѣди любезные, покамѣстъ у Пармена Никитича скирды повершатъ, ха-ха-ха! Да это что, свое дѣло, домашнее. Нѣтъ, выше поднимай. Къ примѣру гласные. Кого захочу, того выберу. По тремъ волостямъ мое слово—законъ. «Ребята, такого-то!»—«Слушаемъ, Парменъ Никитичъ». Да! И ссадить захочу, такъ ссажу. Вонъ Фисенковъ, членъ управы, не уважилъ, сгрубилъ, на вороныхъ и проѣхалъ, свищетъ теперь въ кулакъ. А что же пиво-то? Или въ городъ послали?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Степка, Рогачиха и потомъ **Макаръ.**

КОЛЕРЪ [торопливо идетъ къ воротцамъ]. Чертъ знаетъ что они тамъ! [Входящему Степкѣ]. Что-жъ ты, оселъ? Пива, сказано. Слышалъ!

СТЕПКА. Да я сказывалъ Аринѣ Степановнѣ...

КОЛЕРЪ. Ну?

СТЕПКА. «Какъ же, такъ и пойду!» говоритъ...

ШКУРАКОВЪ. О-го!

КОЛЕРЪ. Какъ?! Позвать, позвать ее!

РОГАЧИХА [выходя изъ воротъ]. Нечего звать-то. Сама тутъ.

КОЛЕРЪ. Тебѣ говорили?.. Слышала?.. Пива!

РОГАЧИХА. Слышала. Ну?

КОЛЕРЪ. Какъ «ну», если я... какъ же ты смѣешь?..

РОГАЧИХА. Чего смѣть-то! Страшенъ больно. Испужалась я, какъ же! [Снимаетъ съ пояса ключи и швыряетъ ихъ наземь]. На, самъ доставай, а я тебѣ не слуга. Обидчику, каковъ ты есть,

не слуга. Пусть кто другой угодитъ на тебя! Посмотримъ! [Сложила руки и отвернулась съ достоинствомъ].

ШКУРАКОВЪ. Да никакъ у тебя бабы бунтуютъ, Астафій Егорычъ, хе-хе! [Рогачиха смѣрила его строгимъ взглядомъ].

КОЛЕРЪ [Степкѣ, съ держаннымъ гнѣвомъ]. Подними ключи, отдай барынѣ и скажи, чтобы распорядилась пива прислать. [Рогачиха встрепенулась и уставила на Колера недоумѣвающій взглядъ].

СТЕПКА. Слушаю-съ! [Поднялъ ключи и уходитъ въ домъ].

КОЛЕРЪ [Рогачихѣ, стараясь на нее не смотрѣть]. А ты, голубушка, можешь идти. Мы потомъ потолкуемъ. Ступай! [Арина ни съ мѣста]. Ступай, тебѣ говорятъ!

РОГАЧИХА [укоризненно покачивая головою]. Безстыдникъ!.. безсовѣстный!.. [Колеръ отходитъ. Со слезами]. Обидчикъ!.. Измѣнщикъ! [Реветъ].

КОЛЕРЪ. Ахъ, наказанье какое!

ШКУРАКОВЪ. Ха-ха-ха!

РОГАЧИХА [съ ревомъ и всхлипываніями]. Измѣнщикъ и впрямь!.. Я-ль ни старалась, я-ль ни ублажала тебя... вотъ какъ, кажется всѣмъ...

КОЛЕРЪ. Да уберешься ли ты?! Макаръ!

МАКАРЪ [входя справа, Аринѣ]. Чего ревешь-то, экъ курятникъ открыла!

КОЛЕРЪ. Сейчасъ запряги каураго, свези ее въ городъ.

РОГАЧИХА [мгновенно переходитъ отъ рева къ бранчливому крику]. Такъ вотъ какъ! Постой! Я на тебя справу найду и законъ найду! Погоди! Я къ мировому... Все разскажу, какъ и что... Какъ улестилъ меня, все... Я чести своей заступку сыщу! Не таковская я! Погоди!

ШКУРАКОВЪ. Ай-да баба, ха-ха-ха!

РОГАЧИХА. Значитъ, будетъ съ тебя взыскъ. По гробъ жисти моей пой ты меня и корми, по положенію, какъ захочу...

ШКУРАКОВЪ. Жги его, жги! Ха-ха-ха!

КОЛЕРЪ [Макару]. Тащи ее!

МАКАРЪ. Аль тебя прорвало! [Тащитъ].

РОГАЧИХА [отбиваясь]. Пусти, чертъ! [Колеру]. Мало того: осрамлю! На весь городъ стану кричать, каковъ ты есть варваръ, измѣнщикъ! Потому у меня сердце, карахтеръ, а не то чтобы какъ... [Макару, который выволокъ ее за ворота]. Да пусти! Облапилъ, медвѣдь!

МАКАРЪ. Не рвись! Въ городъ сволоку, ступай куда хошь! [Утаскиваетъ Рогачиху, издающую громкіе вопли. Шкураковъ заливается хохотомъ. Колеръ, взбѣшенный, сконфуженный, посмотрѣлъ на него въ нерѣшительности, махнулъ рукой и уходитъ во дворъ].

ШКУРАКОВЪ. Ха-ха-ха!.. Охъ, уморили, чтобъ васъ!.. [Утираетъ выступившія отъ хохота слезы].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Шкураковъ и Сеня

[входитъ, почтительно кланяясь].

СЕНЯ. Мое почтеніе, Парменъ Никитичъ!

ШКУРАКОВЪ. Здорово, братъ. Скажи на милость, что у васъ нынче подѣялось? Рогачиха бунтуетъ, Астафій Егорычъ со двора ее вонъ... Что за новшества?

СЕНЯ. Перемѣны большія, Парменъ Никитичъ. Съ пріѣзда тетенькиной крестницы, Ольги Васильевны... Все отъ нея-съ.

ШКУРАКОВЪ. Да. Что же такое?

СЕНЯ. А то, что дяденька... хи-хи! втюрился въ нее.

ШКУРАКОВЪ. Те-те-те! Значитъ механика-то ваша въ разстрой пошла? Такъ-съ! То-то примѣтно мнѣ, въ Астафьѣ Егорычѣ лютости будто поменьшило. Анъ вотъ оно что!

СЕНЯ. Голову потерялъ, до смѣшного-съ. А я, Парменъ Никитичъ, къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой.

ШКУРАКОВЪ. Что за просьба такая?

СЕНЯ. Нельзя ли мѣстечка у васъ? Будьте милостивы!

ШКУРАКОВЪ. Те-бѣ?.. Аль у васъ реформы такія пошли, что и тебѣ неспособно жить стало?

СЕНЯ. Н-нѣтъ-съ, а предусмотрѣлъ я, что лучше мнѣ къ вамъ-съ...

шкураковъ. Не въ мѣру ты, парень, предусмотрителенъ. Мѣстечка не дамъ. Не гожъ.

сеня. Почему же, Парменъ Никитичъ? Я бы со всякимъ стараніемъ...

шкураковъ. И не толкуй! Негожъ говорю. Ты хоть изъ позднихъ, да ранній, хе-хе! Отчего вотъ въ глаза не смотришь? Эге! Я, братъ, такихъ не люблю.

сеня. Парменъ Никитичъ...

шкураковъ. Э, полно! полно, сказалъ. По нашему дѣлу требуется, чтобы все къ рукѣ, сомнѣній бы насчетъ человѣка никакихъ не имѣть. Коли я нутро твое знаю и опаски никакой не имѣю, тогда вотъ ты гдѣ у меня [сжимаетъ кулакъ]. А ты выскользнешь, братъ. До тонкости понимаю тебя. Значитъ, нечего намъ и бобы разводить. [Встаетъ].

сеня. Что дѣлать! Если такъ, нельзя ли, Парменъ Никитичъ, попросить за меня станового? Я подъ его бы начальствомъ, въ урядники... Сдѣлайте милость!

шкураковъ. Это вотъ по тебѣ. Ладно, скажу становому. Только, приметъ если тебя, такъ ты того... подальше отъ насъ.

сеня. А что-съ? Я именно въ вашихъ палестинахъ хотѣлъ, блюсти ваше спокойствіе.

шкураковъ. Сдѣлай милость, оставь! Пока, благодареніе Господу, спокойствіе мое и безъ блюстительства нерушимо. Станового, изволь, попрошу. Только къ намъ чтобы тебя не пускать. Подъ тебя подковыру не подведешь, если, къ примѣру, по шапкѣ желательно. Самъ угораздишься. А по-нашему, чтобы нужный человѣкъ вотъ былъ гдѣ [показываетъ кулакъ]. Тогда чертовщина не снится, бумажникъ не ёрзаетъ и безъ опаски насчетъ всего. А мнѣ безпокойствіе—вредъ. Доктора вонъ говорятъ—жила у меня коротка. Не ровенъ часъ вскипишь—лопнетъ, что тогда? Н-нда! [Съ разваломъ идетъ къ дому].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Шкураковъ, **Сеня** [поодаль ощипываетъ кустъ], **Любовь Михайловна** [изъ дома] и потомъ **Левшина**.

ШКУРАКОВЪ. А-а! Все ли въ добромъ здоровьи, Любовь Михайловна?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Слава Богу. [Рукопожатіе]. Какъ вы?

ШКУРАКОВЪ. Живемъ—хлѣбъ жуемъ помаленьку-съ. А я было къ вамъ, Макара попросить, отпустили-бъ ко мнѣ на предметъ колировки. [Изъ дома входитъ Левшина съ подносомъ, на которомъ стаканы и двѣ бутылки пива]. Ловокъ онъ на эти дѣла... Никакъ и пиво пріѣхало! [Тихо, указывая глазами на Левшину]. Крестница ваша будетъ?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Позвольте васъ познакомить: Ольга Васильевна Левшина, моя крестная дочь.

ШКУРАКОВЪ [кланяется, заложивъ руки въ карманы панталонъ и умильно склонивъ голову на бокъ]. Пріятно-съ! А такъ какъ сегодня Макара угнали, вашу Рогачиху въ городъ везти... [Дамы выразительно переглянулись]. Увольняете?

ЛЕВШИНА. Увольняется. [Откупориваетъ бутылку и наливаетъ стаканъ].

ШКУРАКОВЪ [лукаво взглянувъ на Олю]. Такъ-съ! [Любови Михайловнѣ]. Нельзя ли въ такомъ случаѣ заполучить его на завтрашній день?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [въ волненіи]. Хорошо... Скажите Евстафію Егорычу... Сеня, пойди ко мнѣ дружокъ. Извините, Парменъ Никитичъ, мнѣ на два слова...

ШКУРАКОВЪ. Сдѣлайте милость, пожалуйста!..

СЕНЯ. Что прикажете, тетенька? [Уходитъ за нею въ домъ съ видомъ огорченія и покорности].

ЯВЛЕНІЕ X.

Шкураковъ и Левшина.

ЛЕВШИНА [подноси ему стаканъ пива]. По русскому обычаю, дорогому гостю съ поклономъ. [Низко кланяется]. Просимъ покорно откушать, Парменъ Никитичъ!

ШКУРАКОВЪ [удивленно]. В-вотъ!.. Люблю! вотъ это люблю! [Беретъ стаканъ]. А еще въ старину такъ бывало: приметъ гость отъ хозяюшки стопу меду сыченаго аль вина, приметъ и... *подсластить*, хе-хе-хе! Добрый обычай, хозяюшка!

ЛЕВШИНА. Вдовая я, государь милостивый. Вдовѣ ли сластить! и не гоже.

ШКУРАКОВЪ. Да вдова-то ужъ больно пригожа, ха-ха!

ЛЕВШИНА. Если мной, сиротою, не брезгаете... [Подставляетъ ему щеку].

ШКУРАКОВЪ [сочно чмокнулъ]. Вотъ такъ та̀къ! [Выпилъ, крякнулъ и громко поставилъ стаканъ]. Благодаримъ покорно.

ЛЕВШИНА. На здоровье, гость дорогой. Ну-съ, сядемъ, потолкуемъ теперь.

ШКУРАКОВЪ. Сядемъ, матушка, сядемъ.

ЛЕВШИНА. Вы сосѣдъ? Земля ваша рядомъ съ маминой?

ШКУРАКОВЪ. Вплоть къ межѣ.

ЛЕВШИНА. Что бы вамъ Юшино взять на аренду?

ШКУРАКОВЪ [вытаращивъ глаза]. То-есть какъ это?.. Развѣ Астафій Егорычъ...

ЛЕВШИНА. Тсъ! [Закрываетъ ему рукою ротъ]. Какое вамъ дѣло до Евстафія Егорыча, если имѣніе мамино? Понимаете?

ШКУРАКОВЪ. Э-ге-ге!.. Такъ вы... ха-ха-ха! бабій бунтъ значитъ?—Сказать, сказать!

ЛЕВШИНА. Какъ умно! [Наливаетъ и пододвигаетъ ему стаканъ].

ШКУРАКОВЪ. Помилуйте, да гдѣ-жъ это показано, чтобы бабамъ надъ нами верхъ брать?

ЛЕВШИНА. «Надъ нами»! Себя-то не приплетайте, пожалуйста! [Шкураковъ самодовольно усмѣхнулся]. Выбирайте, что вы-

годнѣй: взять-ли Юшино на аренду, или шумъ изъ пустяковъ поднимать?

ШКУРАКОВЪ. Ха-ха-ха! Ну и вострецъ же ты, барынька! [Выпивъ пиво]. Ей-ей! А все-жъ-таки попалась ты мнѣ, вотъ гдѣ сидишь. [Вытягиваетъ на столъ сжатый кулакъ].

ЛЕВШИНА [дотрогивается до него пальчикомъ]. Здѣ-ѣсь?

ШКУРАКОВЪ. Да, въ этомъ самомъ мѣстѣ, матушка, тутъ. Юшино-то я теперь дешевенько возьму. Неподходящую цѣну заломите—все дѣло въ прахъ, потому сейчасъ: «Эй, Астафій Егорычъ»! Ха-ха! За секретъ, за проворство и за вашъ бабій бунтъ скидка будетъ не малая.

ЛЕВШИНА. Прижмете?

ШКУРАКОВЪ. Ого! Въ нуждѣ и прижать. А то какъ же?

ЛЕВШИНА. Хорошо что сказали. [Беретъ ее руку и складываетъ въ кулакъ]. Авось какъ-нибудь выполземъ изъ «этого мѣста», ха-ха!

ШКУРАКОВЪ. Э, нѣтъ! Потому, чуть что—«Астафій Егорычъ»!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Колеръ [изъ дома].

КОЛЕРЪ. Здѣсь!.. [Левшина и Шкураковъ переглянулись и дружно захохотали]. Что у васъ, господа, за веселье? [Левшина отвернулась, сдерживая смѣхъ, Шкураковъ прыснулъ]. Скажите!

ЛЕВШИНА. Лучше не спрашивайте, Евстафій Егорычъ!

ШКУРАКОВЪ. Да, да! Лучше ни-ни! Ха-ха-ха!

КОЛЕРЪ. Но почему же-съ?.. Я хочу знать!

ЛЕВШИНА. Охъ, не надо! А то будете... будете...

КОЛЕРЪ. Чѣмъ-съ?

ЛЕВШИНА. Фофаномъ! [Шкураковъ хохочетъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Колеръ и потомъ Варя.

КОЛЕРЪ [задумчиво сидитъ у окна и сильно дымитъ папиросой. Послѣ краткаго молчанія, нервно проводитъ рукой по лицу]. Д-да!.. тянетъ, удивительно какъ! Гдѣ она, все бы туда и смотрѣлъ... Войдетъ—озаритъ! А не вижу — тревожно и мысли объ ней... Искра у ней эта въ глазахъ... Съ другими—нѣтъ; а на меня какъ взглянула — пыхъ! загорѣлась... Искра и эта улыбочка... плутовская... Занозисто, чертъ возьми, да! [Изъ задней двери входитъ Варя съ узломъ и проходитъ къ лѣвой]. Стой, стой, Варя!

ВАРЯ [сухо]. Что вамъ угодно?

КОЛЕРЪ. Гдѣ, душенька, барыня твоя?..

ВАРЯ. Ольга Васильевна у себя, заняты. [Хочетъ уйти].

КОЛЕРЪ [вспыльчиво]. Да постой!.. Чѣмъ занята?

ВАРЯ. Своимъ дѣломъ. [Уходитъ].

КОЛЕРЪ. Тьфу! [Быстро подошелъ къ двери, въ нее]. Послушай! Скажи... Ушла. [Отходитъ]. Тварь!.. А съ Любовью Михайловной чи-чи-чи!.. Дрянь!.. Любовь Михайловна!.. Не выношу, вида не выношу!.. И молчишь. Прежде — накричалъ, оборвалъ и шабашъ. Теперь накипитъ, царапнетъ вотъ гдѣ [ударяетъ себя въ грудь],—вида не подаешь. Наружу не бьетъ, глухо... [Садится, закуриваетъ другую папиросу и дымитъ больше прежняго]. Мысли, планы, мечтанія... какъ бы сны на яву. Любовь Михайловна... устраняется. Ну, болѣзнь тамъ и прочее. Быстро... А Оля — картины, картины... разныхъ положеній и видовъ — восторгъ!.. Вчера къ Шкураковымъ ѣздила въ гости. Прифрантилась, тутъ вырѣзъ! [Показываетъ

на грудь]. Шейка, бюсть, формы!.. [Зажмурившись, сладко потягивается всѣмъ тѣломъ и нервно встаетъ]. А еслибъ уѣхала и все бы какъ прежде, ну ужъ не знаю!.. представить себѣ не могу!.. кажется, звѣремъ бы сталъ! [Быстро прошелся].

ЯВЛЕНІЕ II.

Колеръ и Левшина.

КОЛЕРЪ. Вотъ вы наконецъ! Не вижу цѣлое утро.

ЛЕВШИНА. Укладывалась.

КОЛЕРЪ. Какъ?! Это зачѣмъ?!

ЛЕВШИНА. Уѣзжать собираюсь. Пора.

КОЛЕРЪ. Ни-ни! Ни за что! Лучше не говорите! Да я... я не знаю что... Невозможно! Сейчасъ только думалъ... Мысль одна о вашемъ отъѣздѣ и... душитъ, понимаете, душитъ!

ЛЕВШИНА. Что дѣлать, Евстафій Егорычъ! И самой не хотѣлось бы. Надо.

КОЛЕРЪ. Зачѣмъ?.. [Нѣжно беретъ ея руки]. Повремените, останьтесь!.. голубушка!

ЛЕВШИНА [не отнимая рукъ]. Нельзя, голубчикъ, нельзя! Вы слишкомъ несдержаны... Это ставитъ меня передъ мамой въ неловкое положеніе.

КОЛЕРЪ [оставляя ея руку, вспыльчиво]. Слѣдитъ, ревнуетъ, вынюхиваетъ?!

ЛЕВШИНА. Не кипятитесь. Пока ни того, ни другого. Но съ вашей стороны слишкомъ много поводовъ къ ревности, милый мой. Оставайся я дольше, конечно, мама замѣтитъ и... будетъ въ правѣ попросить меня удалиться. Я этого не хочу и потому, какъ ни жаль, а надо разстаться.

КОЛЕРЪ. Но, Ольга Васильевна, я... какъ хотите... я не могу! Чувства мои... вотъ до чего... сладу нѣтъ. Рвутся, горятъ!.. И если уѣдете, я... я надѣлаю чертъ знаетъ чего! [Сѣлъ съ мрачнымъ видомъ и подперся рукою].

ЛЕВШИНА [кладя руку ему на плечо]. А.. очень вамъ хочется, чтобъ я осталась?

КОЛЕРЪ. Ахъ! [Схватываетъ и цѣлуетъ ея руки].

ЛЕВШИНА. Довольно, довольно! [Оглядывается]. Увидятъ. Какъ вы неосторожны!.. Такъ *очень*. Прекрасно. Это возможно, но въ томъ только случаѣ, если насъ оставятъ *вдвоемъ*.

КОЛЕРЪ [вскакиваетъ]. То-есть, какъ это?

ЛЕВШИНА. То-есть если мама уѣдетъ... въ Москву, напримѣръ, и оставитъ меня хозяйничать съ вами... Ахъ, что я сказала!.. Какая я гадкая! [Закрывается платкомъ, будто плачетъ, и отходитъ, чтобы скрыть смѣхъ].

КОЛЕРЪ. Но, Оля, ангелъ мой! Дорогая! Зачѣмъ же слезы, зачѣмъ! [Впивается въ ея руки]. О, еслибъ такъ, еслибъ!.. Но упрется.

ЛЕВШИНА. А хотите пари, что поѣдетъ? Пишите паспортъ.

КОЛЕРЪ. Ничѣмъ не спровадишь!

ЛЕВШИНА. Увидимъ! Вотъ бумага, чернила... Пишите. Если захочу сдѣлать по-своему, мнѣ ли не сдѣлать! Пишите.

КОЛЕРЪ. Написать—пожалуй, но вѣдь это напрасно.

ЛЕВШИНА. Увидимъ! Пишите. [Диктуетъ. Колеръ пишетъ]. «Дано это свидѣтельство женѣ моей, Любови Михайловнѣ...» Есть?

КОЛЕРЪ [утвердительно мотнулъ головою]. Бумагомаранье!

ЛЕВШИНА. Увидимъ, увидимъ! Пишите: «на свободный проѣздъ и проживательство повсемѣстно...» [Глядя на бумагу черезъ его плечо]. «Повсемѣстно»—*ять*. Грамотей! Срокъ назначить на недѣльку, я думаю, или дней на десять, а?

КОЛЕРЪ. Какъ на десять! Много ли это?

ЛЕВШИНА. Да, нѣсколько дней пролетятъ съ вами такъ быстро...

КОЛЕРЪ [кладетъ перо]. Если дѣйствительно есть надежда спровадить, такъ ужъ...

ЛЕВШИНА. Навсегда? Ха-ха-ха! Ну, срока не надо.

Остается проставить годъ, число и затѣмъ вашу подпись. [Обмакиваетъ и подаетъ ему перо. Колеръ взялъ и задумчиво дергаетъ усы]. Что же вы?.. Въ васъ нерѣшительность, нѣчто вродѣ борьбы?

колеръ. А я... я... нѣкоторыя соображенія...

левшина. О чемъ?

колеръ. Сколько ей на проѣздъ, прожитье... Если сосчитать все—расходно...

левшина [презрительно]. Какъ вы ска-за-ли?

колеръ [смѣшался]. Я... я такъ между прочимъ... Кха!.. Да это вздоръ, пустяки...

левшина [дѣлая видъ, что уходитъ]. Взвѣсьте же сначала, что перетянетъ: пригоршня ли мѣдяковъ, или всѣ сокровища вашего сердца.

колеръ [заступаетъ ей дорогу, сконфуженный]. Но, Ольга Васильевна, я же такъ. Простите! Умоляю, простите меня!

левшина [сухо]. Прощаю. [Указываетъ на паспортъ]. Кончайте. [Въ сторону]. Ну, мама, только для тебя выношу!

колеръ [подписалъ]. Готово. Вотъ-съ!

левшина [беретъ паспортъ, тщательно складываетъ и кладетъ въ карманъ. Тономъ, недопускающимъ возраженій]. Теперь велите приготовить на всякій случай экипажъ и лошадей, а сами ступайте куда-нибудь на бѣговыхъ дрожкахъ, хоть къ мировому судьѣ. Зачѣмъ-то вы собирались?

колеръ. Заявить о порубкѣ. Да это успѣется!

левшина. Поѣзжайте сейчасъ. Мама какъ разъ въ такомъ настроеніи, что можно уговорить ее на отъѣздъ; а при васъ это трудно. Надо, чтобъ она не видала насъ вмѣстѣ, иначе подозрѣнія... Поняли?

колеръ. Понялъ, понялъ, ха-ха! [Бросается цѣловать ея руки].

левшина [съ худо скрытымъ отвращеніемъ]. Довольно вамъ!.. Будетъ время. Отправляйтесь!

колеръ. Иду. [Въ дверяхъ посылаетъ ей воздушный поцѣлуй]. М-мамочка! [Уходитъ].

левшина. Нѣтъ, ужъ слишкомъ противенъ. Поскорѣй бы раздѣлаться!

ЯВЛЕНІЕ III.

Левшина и Варя [**изъ боковой двери**].

левшина. Ну что, Варя, готово?

варя. Все наше уложено, барыня.

левшина. Отлично. Остается уложить мамины вещи. Въ спальной на комодѣ найдешь все, что ей нужно съ собою. Голубушка моя и не подозрѣваетъ, для чего я съ такимъ любопытствомъ рылась въ ея гардеробѣ! Вотъ же что, Варя: только мы съ мамой выйдемъ сюда, втащи ея чемоданъ, уложи и чтобы все было готово.

варя. Будьте покойны.

левшина. То-то-же! Если намъ уѣхать сегодня [**значительно**], то мѣшкать нельзя!.. [**Смотритъ на часы**]. Не опоздалъ бы Парменъ Никитичъ! Вотъ будетъ досада! [**Уходя**]. Да узнай, велѣлъ ли Евстафій Егорычъ закладывать лошадей. [**Уходитъ въ боковую дверь**].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Варя и Макаръ.

варя [**въ окно**]. Макаръ Сергѣичъ!.. а Макаръ Сергѣичъ! [**Машетъ подойти**]. Готовятъ ли лошадей, не слыхали?

макаръ [**выставился въ окно**]. Велѣно. Овса задали. Иль уѣзжать собрались?

варя. Уѣзжаемъ. Прощайте-съ! И Любовь Михайловна съ нами.

макаръ. Барыня?!

варя. Съ нами въ Москву.

макаръ. Пустое.

варя. Не вѣрите? Право. И надолго. А вы оставайтесь съ Евстафіемъ Егорычемъ.

макаръ. Че-го!.. Ну, это даромъ!

варя. Хи-хи-хи! А что?

МАКАРЪ. Больно хорошъ. Глянуть на него—нутро воротитъ, а не то что валандаться съ нимъ. Въ свинопасы сходнѣе пойти...

ВАРЯ [оглянувшись на дверь, дѣлаетъ ему жестъ замолчать. Тихо]. Идутъ. Помогите, Макаръ Сергѣичъ, чемоданъ достать изъ чулана. Я вамъ кое-что разскажу. [Уходитъ въ заднюю дверь. Макаръ скрывается].

ЯВЛЕНІЕ V.

Любовь Михайловна и Левшина

[входятъ изъ лѣвой].

ЛЕВШИНА. Почему онъ сталъ мягче, вѣжливѣй съ вами? Чтобы нравиться мнѣ и ухаживать съ большимъ успѣхомъ. Вотъ причина. А къ вамъ чувства его не измѣнились нисколько. Пожалуйста не обманывайтесь. Это не больше, какъ маска, и тѣмъ болѣе отвратительная, что за нею пошлая цѣль. И по-моему, перемѣна въ Евстафьѣ Егорычѣ для васъ оскорбительнѣй прежняго его обращенія. То было хоть откровенно.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Если такъ, Оля, то, конечно... Это очень грустно, дружокъ.

ЛЕВШИНА. Ахъ, разумѣется, такъ! Уѣзжай я сегодня, у васъ все пойдетъ по-старому. Хуже: вамъ будетъ несноснѣй,—Евстафій Егорычъ станетъ срывать на васъ злость за неуспѣхъ своего волокитства.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Да, да, пожалуй!

ЛЕВШИНА. Непремѣнно такъ, мама. Стоитъ улетѣть вашей «птичкѣ»—и сюда мигомъ слетятся хищники: Арины Степановны, Сени etc. Каково же вамъ будетъ?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Да, страшно подумать. Я отдохнула съ тобою, отвыкла плакать... Жить, какъ прежде, будетъ теперь тяжелѣй. Но что дѣлать, дружокъ! Покорюсь, буду молиться...

ЛЕВШИНА. Какъ? Это прекрасно! Для чего же я сносила пошлости Евстафія Егорыча, воевала съ Ариной,

Сеней? Чтобы кончить ничѣмъ? Нѣтъ, мама, это было бы непростительно глупо. Мы поступимъ не такъ. Теперь вы оправились. Я для того и поощряла ухаживанія Евстафія Егорыча, чтобы измѣнить его къ вамъ и тѣмъ дать вамъ подняться, окрѣпнуть. Слава Богу, это достигнуто. Вы не раба больше, вы судья его, хотя и слишкомъ снисходительный, правда...

любовь михайловна. Оля, но все-таки... онъ дорогъ же мнѣ. Я не могу быть совсѣмъ равнодушной. Пойми!

левшина. Вотъ и надо такъ сдѣлать, чтобы онъ былъ хоть капельку достоинъ вашего добраго, нѣжнаго сердца. Такъ и поступимъ. Только чуръ не барахтаться, мама! Слушайте... Да не пугайтесь, ха-ха! Что за трусиха!

любовь михайловна. Я ничего, дружокъ. Что же такое?

левшина. Сейчасъ пріѣдетъ Парменъ Никитичъ, чтобы покончить съ арендою вашего Юшина, и вы подпишите контрактъ. Пока это тайна отъ Евстафія Егорыча.

любовь михайловна. Ахъ, Олечка, можно ли дѣлать такія вещи!? Да ни за что!.. Какъ не стыдно вводить меня въ сдѣлку потихоньку отъ мужа!

левшина [настойчиво]. Контрактъ вы подпишите.

любовь михайловна. Ни за какія сокровища!

левшина. Подпишите; и такъ какъ потомъ оставаться здѣсь неудобно, то вы сейчасъ же уѣдете со мною въ Москву. Вотъ и паспортъ, которымъ Евстафій Егорычъ собственноручно увольняетъ васъ на всѣ стороны. [Отдаетъ бумагу].

любовь михайловна [потеряно]. Паспортъ?.. Мнѣ?.. Евстафій Егорычъ?.. [Пробѣжала паспортъ, заплакала, стараясь сдержаться, и потомъ время отъ времени утираетъ слезы].

левшина. Да, мама. Какъ видите, онъ не очень-то дорожитъ вашимъ присутствіемъ. Ѣхать и жить вамъ будетъ на что: Шкураковъ платитъ за полгода впередъ. Евстафій Егорычъ временно сядетъ на пенсію. Попоститься ему не

мѣшаетъ: скорѣе покается! И знаете что?—разъ деньги очутятся въ вашемъ карманѣ, Евстафій Егорычъ почувствуетъ къ вамъ уваженіе и станетъ любезнымъ и ласковымъ мужемъ. Повѣрьте, моя дорогая! И такъ, сдѣлаемъ помоему, иначе все пропало.

любовь михайловна. Ты меня закружила, съ толку сбила совсѣмъ... Все-таки, Оля, я такъ не могу. Это его оскорбитъ...

левшина. Вовсе нѣтъ. Вы докажете ему, что у васъ есть характеръ и заставите себя уважать. Противъ насилія—сила. Другого выхода нѣтъ... [Любовь Михайловна горько заплакала]. О чемъ же вы плачете, мама? Богъ съ вами! Вдумайтесь—и увидите, что я совершенно права. [Обнимая ее]. Ну, полно вамъ, перестаньте!.. Мнѣ же скажете потомъ: «ай да птичка, ай да крестная дочка! Значитъ любитъ меня, если»...

любовь михайловна. Вѣрю, дружокъ, вѣрю!.. Я цѣню, понимаю... но мнѣ горько, Олечка. [Обняла Олю и снова залилась слезами]. Прости... я пойду выплакаться... [Уходя, остановилась у двери, конфузливо]. Оля!

левшина. Что, моя дорогая, что?

любовь михайловна. А онъ... не возненавидитъ меня за это?

левшина. Ручаюсь, чѣмъ хотите, что по первому вашему зову прилетитъ, какъ влюбленный.

любовь михайловна. Ахъ, Богъ знаетъ!.. Ужъ и не знаю, какъ быть! [Уходитъ въ боковую].

левшина. Дорого тебя увезти и вырвать у Евстафія Егорыча Юшино. А тамъ авось убѣдишься, что его и на глаза-то не стоитъ пускать.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Левшина и Шкураковъ.

ШКУРАКОВЪ [входя]. Вотъ и мы! [Пожимаетъ ея руку]. Почетъ!

ЛЕВШИНА. Насилу дождалась! Контрактъ съ вами?

ШКУРАКОВЪ. Привезъ. [Достаетъ сложенный листъ бумаги. Щелкнувъ по немъ пальцами]. Документъ сей возбудилъ во мнѣ нѣкоторыя размышленія, служа какъ бы доказательствомъ въ подтвержденіе ихъ.

ЛЕВШИНА [беретъ контрактъ]. Вотъ какъ! Что же онъ «подтверждаетъ»?

ШКУРАКОВЪ. А то, что женщинѣ дано это прельщеніе, которое... какъ бы сказать... какъ дурманъ...

ЛЕВШИНА. Ха-ха, любезно! [Внимательно начинаетъ читать контрактъ].

ШКУРАКОВЪ. Нѣтъ, позвольте-съ! Примѣрно, у меня дѣловой разговоръ. Теченіе мыслей обходитъ предметъ съ надлежащею зоркостью, безъ спѣшки и упустительства въ разсужденіи выгодъ, потому нѣтъ хуже, какъ вляпаться въ лужу, и нѣтъ гаже, какъ пачкаться въ сажѣ. Такимъ же манеромъ происходило у меня въ мысляхъ, когда мы съ вами насчетъ арендательства толковали. Однако, я сдалъ, съ цѣны своей сшелъ. Какая тому причина?

ЛЕВШИНА. Еще бы, вы что давали-то! На смѣхъ! И теперь съ десятины рубля по четыре кладете въ карманъ, если не больше. [Продолжаетъ читать контрактъ].

ШКУРАКОВЪ. И больше бы положилъ. На этотъ предметъ у кого мѣста не хватитъ! А вы на всякія условія мои дали-бъ согласіе, потому дѣло и наскоряхъ и въ секретѣ, — словомъ сказать, податься вамъ некуда. Все это понималъ я достаточно, а все-жъ-таки сдалъ.

ЛЕВШИНА [лукаво]. Значитъ вы добрый, не захотѣли маму обидѣть. [Перевернула страницу, продолжая читать].

шкураковъ. Какая тутъ доброта! Добротой изъ меня развѣ грошъ выжмешь, да и тотъ кину, души во спасеніе, нищему тамъ иль убогому. Нѣтъ, матушка, тутъ музыка похитрѣй.

левшина. «Прельщеніе и дурманъ» [Опять углубляется въ чтеніе].

шкураковъ. Вотъ-вотъ, оно самое! Коли чувствую, что обходятъ меня, денежки выщелушиваютъ, чувствую и даюсь? Рѣчь заведете будто не къ дѣлу, а выйдетъ на то, что оглоблями прямо въ аренду упремся.—Надбавь! Тамъ опять то-се, смѣшно и забавно, размякъ—надбавь-ка еще! Чуешь всю плутню до тонкости, а сдаешь, потому выходитъ это въ свое удовольствіе. И глядѣть хорошо: нарядецъ на васъ и все прочее какъ не надо быть лучше, хе-хе! Ну и слушать занятно, потому такое все говорите, что чувства пріятныя возбуждаются. Опять и то сказать: стоитъ денегъ и на Астафья Егорыча поглядѣть, какъ его, друга сердечнаго, околпачутъ, хе-хе! За одно это четвертную накинулъ. [Левшина дочитала контрактъ]. Все въ аккуратѣ?

левшина. Все такъ. [Зоветъ въ боковую]. Мама! [Шкуракову]. А деньги?

шкураковъ. Какъ же, съ собой!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Любовь Михайловна.

левшина. Мама!.. Поскорѣй, поскорѣй! [Беретъ за талію входящую Любовь Михайловну и шаловливо, чуть не галопируя, подводитъ ее къ Шкуракову]. Честь имѣю рекомендовать: вашъ арендаторъ. [Подбѣгая къ боковой двери]. Варя, скорѣй, запрягать!

шкураковъ [съ рукопожатіемъ]. Дѣло надумали, Любовь Михайловна, дѣло-съ. Конечно, мужъ, какъ глава, въ дѣйствіяхъ своихъ первенствуетъ; но все-жъ жену долженъ онъ чтить, какъ хозяйку, Господомъ данную на прохожде-

ніе жизни сей вкупѣ. А не въ мѣру забезобразилъ— надлежитъ и въ резонъ привести, матушка, да-съ.

любовь михайловна [съ разстроеннымъ видомъ]. Я право не знаю... Все Оля затѣяла... Мнѣ бы и въ голову никогда не пришло...

шкураковъ. Ужъ Ольга Васильевна—что говорить!—вострецъ барынька. Дѣльце въ наилучшемъ видѣ обдѣлала. Вѣрьте слову, Любовь Михайловна: никому-бъ отъ меня той цѣны не видать, какую онѣ вотъ за Юшино стяпали.

левшина. Я, мама, «прельщеніемъ», ха-ха-ха! Вотъ вамъ контрактъ. Въ немъ все, какъ я обусловила. Можете подписать, не читая. [Подвигаетъ ей кресло и даетъ перо].

любовь михайловна [сѣла, закрыла лицо руками и, помолчавъ, отняла ихъ. Со вздохомъ]. Не могу, Олечка, рука не наляжетъ. Прости ты меня!

левшина [сурово]. Какъ знаете! Если такъ, сію минуту ѣду одна. А вы, Парменъ Никитичъ, надѣюсь, извините меня? [Съ горечью]. За всѣ хлопоты, за страстное желаніе быть мамѣ полезной, я передъ вами въ глупомъ положеніи суетни и вертушки.

шкураковъ [разводя руками]. Не отъ васъ. Что будешь дѣлать!

любовь михайловна [подходя и ласкаясь]. Ахъ, Оля, зачѣмъ такъ?.. Еслибъ ты знала, какъ я благодарна тебѣ!.. Господа, вы хоть немножко дали бы мнѣ подумать! Право, я голову потеряла... Такой шагъ, не сказавши ни слова Евстафію Егорычу...

шкуратовъ [Левшиной, перебивая]. А баринъ-то дома?

левшина. Разумѣется, нѣтъ.

шкураковъ. Усланъ, хе-хе! Предусмотрительно! Какъ заблагоразсудите, Любовь Михайловна, не нужу-съ. [Достаетъ бумажникъ]. А я было и денежки захватилъ за полгода...

любовь михайловна. Оля! не сердись же на меня, ради Бога!

ЛЕВШИНА. Удивительно, право! Мало втолковать пользу, уяснить какъ выйти изъ несноснаго положенія и къ чему оно поведетъ; нѣтъ, тащи изъ него силой. И тутъ упираются!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА [заискивающимъ тономъ]. Ну, хорошо, я подпишу, Олечка, подпишу... Я вотъ какъ: схожу на минутку къ себѣ, подумаю, помолюсь...

ШКУРАКОВЪ [глядя въ окно]. А-а! Рогачиха пріѣхала!.. Съ узелками!.. [Любовь Михайловна подошла къ окну]. Изволите видѣть? Надо быть, опять къ вамъ на жительство припожаловала хе-хе-хе!

ЛЕВШИНА. Такъ я и знала! [Въ дверь]. Варя, тальму мнѣ, шляпку и выносить мои вещи. [Любови Михайловнѣ]. Вспыхнули? Непріятно вамъ, мама?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Дерзкая тварь! [Садится къ столу]

ЛЕВШИНА [вкладываетъ перо въ ея руку]. А чтобы избавится отъ нея, одно средство: немедленно подписать контрактъ.

ШКУРАКОВЪ. Э, была—не была! Валяйте, Любовь Михайловна!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Гдѣ писать? [Левшина отошла съ сіяющимъ лицомъ и неслышно апплодируетъ].

ШКУРАКОВЪ. А вотъ тутъ, послѣ моего рукоприкладства, въ строчку-съ. [Диктуетъ, Любовь Михайловна пишетъ]. «Къ сему условію жена капитана Любовь Михайловна Колеръ руку приложила». Только всего съ. [Засыпая подпись пескомъ]. Ай да Рогачиха, во-время ее принесло! [Прячетъ контрактъ].

ЛЕВШИНА [бросилась цѣловать Любовь Михайловну, которая встала] Мамочка, душечка! какъ же я рада! какая вы умница!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Варя.

ВАРЯ [впопыхахъ, со шляпкой и тальмой]. Евстафій Егорычъ пріѣхалъ!

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. Ахъ! [Опускается въ кресло].

ЛЕВШИНА. А-а, постой же, голубчикъ, мы вотъ какъ! [Запираетъ на ключъ заднюю дверь]. Господа, голоса не подавать,

что вы здѣсь. А ты, Варя скажи—выносить мамины вещи и поскорѣй подавать. [Варя уходитъ]. Помните-жъ, господа: ни звука!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Левшина, Шкураковъ, Любовь Михайловна и Колеръ [за сценой].

КОЛЕРЪ [силится отворить дверь]. Заперто! Что это значитъ? Кто тамъ?

ЛЕВШИНА. Я.

КОЛЕРЪ. Ахъ, вы!.. Зачѣмъ же вы заперлись?

ЛЕВШИНА [тихо Шкуракову]. Деньги. [Взяла и передаетъ пачку Любови Михайловнѣ]. Считайте. Должно быть 900.

КОЛЕРЪ [стучится]. Ольга Васильевна!

ЛЕВШИНА. Что?

КОЛЕРЪ. Зачѣмъ заперлись?

ЛЕВШИНА. Отъ васъ. [Тихо Любови Михайловнѣ]. Что же вы, мама?

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА. [Тихо]. Не могу... руки дрожатъ... [Съ умоляющимъ видомъ]. Оля, оставимъ эти деньги ему! [Колеръ стучится].

ЛЕВШИНА [тихо]. Евстафію Егорычу? Стоитъ того! [Считаетъ деньги сама].

КОЛЕРЪ [продолжая стучаться]. Ольга Васильевна!

ЛЕВШИНА. Ну?

КОЛЕРЪ. Отоприте! Запираться... что за идея?

ЛЕВШИНА. Сказала—отъ васъ. Я одна въ цѣломъ домѣ. Боюсь! [Прячетъ деньги].

КОЛЕРЪ. Развѣ боятся любви? Чѣмъ мое обожаніе васъ устрашаетъ?

ЛЕВШИНА [тихо присутствующимъ]. Хорошъ?

ШКУРАКОВЪ [тихо]. Хе-хе-хе! [Любови Михайловнѣ]. Расписочку-съ.

ЛЕВШИНА. Мама, пишите. [Любовь Михайловна пишетъ при участіи Шкуракова].

КОЛЕРЪ [стучится]. Ольга Васильевна!

ЛЕВШИНА. Ну что?

КОЛЕРЪ. Отопритесь пожалуйста!

ЛЕВШИНА. А я маму уговорила: соглашается, ѣдетъ.

КОЛЕРЪ. Ужли? Ха-ха, вотъ чудесно! Гора съ плечъ! Страсть опостылѣла!.. [Любовь Михайловна, кончившая расписку, встаетъ и подноситъ платокъ къ глазамъ].

ЛЕВШИНА. О, нѣжный супругъ! [Тихо]. Полно, мама. Онъ слезинки вашей не стоитъ. [Подводитъ ее къ боковой двери]. Одѣвайтесь скорѣе и ѣдемъ. [Любовь Михайловна уходитъ въ слезахъ].

КОЛЕРЪ [стучится]. Съ кѣмъ вы тамъ?.. Разговоръ!

ЛЕВШИНА [надѣвая шляпку и тальму]. Одна одинешенька, потому и держу васъ за дверью. Вы меня любите, я тоже... А при этомъ такъ трудно собою владѣть... Вотъ и боюсь. [Слышны бубенчики].

ШКУРАКОВЪ [едва сдерживаясь]. Ха-ха-ха!

КОЛЕРЪ. Тѣмъ лучше. Полно же мучить! Жестоко! Оленька, обожаемая, восторгъ мой! впустите! Горю!

ЛЕВШИНА. Охъ, сгораю сама!

ШКУРАКОВЪ. Ахъ, шутъ васъ возьми! [Не выдержалъ и разразился громкимъ хохотомъ].

КОЛЕРЪ. Это что значитъ?! [Сильно напираетъ на дверь]. Отпереть!

ЛЕВШИНА [Шкуракову]. Отоприте ему. [Отпираютъ].

ЯВЛЕНІЕ X и ПОСЛѢДНЕЕ.

Левшина, Шкураковъ, Колеръ и Макаръ.

КОЛЕРЪ [ворвался и опѣшилъ]. Парменъ Никитичъ?!. Это какъ же, Ольга Васильевна? Какъ понять вашъ поступокъ?

ШКУРАКОВЪ. Что теперь толковать! Околпачили тебя, Астафій Егорычъ, ха-ха-ха!

МАКАРЪ [входитъ изъ боковой двери съ чемоданомъ на плечахъ и сакомъ въ рукѣ].

КОЛЕРЪ. Господинъ Шкураковъ!.. не забываться, прошу-съ!

ШКУРАКОВЪ. Да ужъ околпачили, хе-хе-хе! Вотъ у меня бумага. Видишь? [Прячетъ ее]. А чуешь ли ты, что это такое? Этою, братецъ, бумагой ты изъ помѣщиковъ въ прежнее званіе обращаешься. Сельцо же Юшино съ сего часу принадлежитъ на правахъ арендательства мнѣ, что Любовь Михайловна подписомъ своимъ утвердила и носъ тебѣ наклеила, хе-хе! [Колеръ пораженъ].

МАКАРЪ. Пуля! Давно бы такъ! Не дери глазъ на чужой квасъ, ха-ха! [Уходитъ въ заднюю дверь].

КОЛЕРЪ [потерянно]. Но какъ-съ!.. Въ толкъ не возьму!.. Можетъ ли быть!?.

ЛЕВШИНА. Увы, можетъ!

КОЛЕРЪ. Позвольте!.. Какъ же я-съ? Я-то что же теперь?

ЛЕВШИНА. Вы?—Фофанъ! [Со смѣхомъ уходитъ. Шкураковъ хохочетъ до коликъ. Колеръ отъ бѣшенства не можетъ вымолвить слова. Слышны бубенчики и стукъ отъѣзжающаго экипажа].

ЗАНАВѢСЪ.

ПРАХОМЪ ПОШЛО!

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Трофимъ Ховринъ, крестьянинъ лѣтъ 30, худощавый брюнетъ, съ маленькою бородкою.

Домна Устиновна, жена его, 25 лѣтъ, полная, статная, очень красивая женщина.

Аксюта, сестра Домны, дѣвочка по шестнадцатому году, худенькая, болѣзненная.

Марья, мать Трофима.

Дормидонтъ Ивановичъ Чухинъ, волостной старшина.

Кошкадавовъ, волостной писарь.

Козьма Ермилычъ Еркинъ, кабатчикъ, отставной солдатъ, среднихъ лѣтъ, съ усами, безъ бороды.

Алдошка (Евдокимъ) Шмыгалевъ, мужиченко спившійся съ кругу, въ лохмотьяхъ.

Борисъ, пасѣчникъ, старикъ за 80 лѣтъ, почтенной наружности.

Аннушка, крестьянка, сосѣдка Ховриныхъ.

Иванъ Подфилый, пожилой крестьянинъ.

Панька } парни.
Сёмка }

Павликъ, мальчикъ лѣтъ семи.

Дѣйствіе въ селѣ одной изъ среднихъ губерній. Первые два акта происходятъ въ апрѣлѣ, третій во второй половинѣ мая, остальные въ началѣ іюня.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: изба Ховриныхъ.—Въ задней стѣнѣ дверь.—Правѣе двери русская печь, устьемъ въ лѣвую сторону. По лѣвой стѣнѣ лавка и столъ. Въ лѣвомъ углу поставецъ, сито на стѣнѣ и ближе къ двери виситъ одежда.—У правой стѣны, близъ окна, сундукъ и возлѣ прялка.—Здѣсь же на стѣнѣ зеркальце.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трофимъ, Домна и Марья

[сидятъ за столомъ и дообѣдываютъ изъ общей чашки].

ТРОФИМЪ. Д-да, жалко мерина, страсть жалко!

МАРЬЯ. И съ чего пала лошадь? Крѣпкая была, молодая...

ТРОФИМЪ. Отъ чемеру надо-быть!

МАРЬЯ. Охъ-охъ, и такое-то намъ таперь горе!..

ТРОФИМЪ. Какъ не горе, коль взяться нечѣмъ... Эй и лошадь была, только держи! Подъ гору, бывало, какой ни будь возъ—сползетъ не уронитъ. Али въ мятель. Дай волю, ужъ она не ступитъ съ дороги, хоть зги не видать и слѣдъ замело въ-чистую.

МАРЬЯ. Что говорить! На дорогу страсть меринъ былъ памятливъ. Охъ, батюшки-свѣты, какъ безъ него-то намъ быть!?

ДОМНА. Который день плачемся!

МАРЬЯ. Поплачешься, моя милая, коли купить не на что лошадь-отъ. Чѣмъ станемъ работать? Вотъ сѣвъ подшелъ,

подъ овесъ землю метать надо. Безъ лошади какъ безъ рукъ. И такъ годъ трудный вышелъ, хлѣбушко чуть не съ Козьмы-Демьяна покупать стали.

ТРОФИМЪ. До новины дотянуть бы, а тамъ справимся. На урожай покеда виды по всему есть.

МАРЬЯ. Охъ, дитятко, далеча до новины, какъ дотянуть-то? Опять подати...

ТРОФИМЪ. Подати по осени. Таперь съ чего-жъ взять? Подождутъ.

МАРЬЯ. А какъ зачнутъ требовать? Одна бѣда не ходитъ. Опять лошадь... на что купить?

ТРОФИМЪ. Пенька есть. Вотъ поденщины не сыщешь нигдѣ. Все-бъ-таки посбился маленько.

ДОМНА. Богъ дастъ, справимся. А ужъ мамушка какъ зачнетъ причитать, какъ зачнетъ, аль ни въ тоску вгонитъ, право!

МАРЬЯ [съ ироніей]. И видать, что Домнушка изъ дворовыхъ взята. Докучаетъ ей мужицкая нужда наша.

ДОМНА. Дворовые небось побольше крестьянскихъ нужду видали. Безъ земельки отъ господъ отдѣлили дворовыхъ-то. Когда тятенька померъ, мать мало билась? А свалилась захворамши, на одной мнѣ вся забота легла. Спасибо еще Борисъ пчелякъ ослобонилъ: сестренку Аксюту взялъ къ себѣ, когда мамушка померла. Сжалился надъ сиротами, дай ему Богъ здоровья!

ТРОФИМЪ. Знамо дворовымъ послѣ воли супротивъ крестьянъ не въ примѣръ было труднѣе. Ни кола, ни двора, съ копѣечки живи, да подати плати съ чего знаешь.

МАРЬЯ. Ужъ ты завсегда по Домнину разсудишь. Плохая ей жисть была? Что пустое говорить, Бога гнѣвить! У господъ она жила въ работницахъ, два цалковыхъ на мѣсяцъ жалованья брала, на всемъ на готовомъ. Плохо? Замужъ ты ее бралъ: и наряды у ней, и шуба и всего нашлось. Ну-тко на крестьянской работѣ кѣмъ дѣвкѣ добра нажить безъ отца—матери? Гдѣ?

ДОМНА. Небось дѣла на мнѣ не на два рубля лежало. Коровы, и овцы и птица. За всѣмъ я одна...

[Встали изъ-за стола. Женщины убираютъ хлѣбъ и посуду].

МАРЬЯ. Милая, да чужое-то не свое вѣдь: что ни случись, не гребтитъ *), не болитъ сердце. И уходъ за чужимъ нешто тотъ, что за своимъ добромъ? Привычки хозяйской у тебя и нѣтъ, оттого и сноровки той нѣтъ. Дѣло оказываетъ, милая моя, дѣ-ло! Каждень видимъ это на все-емъ!

ДОМНА. Пошла пилить! [Сердито шваркнула въ поставецъ посуду].

ТРОФИМЪ. Э, не люблю свары! Оставь, мать.

МАРЬЯ. Мало ли я молчала! Молчалось, молчалось, да и сказалось. Какъ быть-то? [Кланяется]. Простите старуху. Не мнѣ съ Домной вѣковать, а тебѣ, Трохимушка. Такъ-то! [Кряхтя, моетъ возлѣ печки кадочку]. Зато она пѣсни играть горазда, забавы затѣвать мастерица. Ты вотъ не такимъ росъ, не любилъ гулянокъ, да хороводовъ, отъ дѣвокъ подальше. Бирюкомъ звали, хе-хе!.. Ну, а жену взялъ развеселую...

ДОМНА. Маху далъ, Трохимъ, оженившись не по ейному выбору. Доньку бы тебѣ пучеглазую взять: и тебѣ бы жена, и Марьѣ-бъ невѣстка, ха-ха!

ТРОФИМЪ. Да съ чего вы? Полно, говорю, пустяки врать!

МАРЬЯ. Бываетъ, Трохимушка, и промежъ бабьихъ пустяковъ правда выскочитъ. Вотъ ты—въ заботахъ, какъ слѣдоваетъ по хозяйству, къ дому приверженъ, смирный, да больше молчишь. Ну какъ жена пѣсельница да соскучится съ такимъ мужемъ-то? Ась?

ТРОФИМЪ. Ну ужъ это не ладно... такое говорить... Домну обижать зря и мнѣ мутить душу. Ты, мать, не раздоръ. Слышала? и крѣпко это слово мое...

МАРЬЯ. Трохимушка, да съ чего я говорить-то стала, съ чего?

ТРОФИМЪ. Довольно! Впередъ, чтобы не было...

---

*) Не заботитъ.

МАРЬЯ. Нѣтъ, ты постой! Съ чего? Съ сердцовъ-ли на Домну, али какъ? Въ сварливыхъ не была. Знаешь. А съ того говорю, что душенька моя вся изныла. Тамъ, видишь, не такъ, въ томъ недоглядъ, а что и вовсе не сдѣлано. Нешто такъ у насъ хозяйство-то шло, вспомни! Завидовали люди, счастье-де намъ, Ховринымъ. А въ томъ и счастье все было, что батька твой и я вотъ до старости, да и ты съ малыхъ лѣтъ—работали мы не покладаючи рукъ, да обо всемъ у насъ забота была, крохи не пропадало въ хозяйствѣ. И было все ладно и довольно было всего. А такъ ли таперь?

ТРОФИМЪ. Довольно, сказалъ!

МАРЬЯ. Ну-ну какъ себѣ знаете! [**Выкатываетъ въ дверь кадочку, которую мыла, и уходитъ сама. Домна плачетъ**].

ЯВЛЕНІЕ II.

Трофимъ и Домна.

ТРОФИМЪ. Не плачь, Домна. Ну что!.. Брюзжитъ старуха потому больше, что бѣды на насъ... меринъ вотъ палъ... Всякъ отъ нужды такъ... [**Подходитъ къ женѣ**]. А ты полно-ка!

ДОМНА [**быстро отерла слезы, раздражительно**]. Съ чего она прицѣпилась? Я вѣдь тоже не смолчу, ужъ не смолчу-у!.. Тоже веселье попреки-то слушать!.. Не ко двору вамъ пришлась!

ТРОФИМЪ [**садится рядомъ съ Домной. Она отвернувшись, смотритъ въ окно**]. Э, говорю, съ досады она. Довольно кипѣть! Помекаемъ-ка лучше какъ сбиться на лошадь. Первое—кожа. Кожа хорошая, рубля три съ полтиною, а то и больше дадутъ. Пенька. На хлѣбушко было берегъ, да видно на другую потребу идти ей. Пеньки безъ малаго восемь пудовъ, ежели по три рубля, выходитъ... Ай не слушаешь ты?

ДОМНА [**разсѣянно**]. Въ хозяйскомъ дѣлѣ тебѣ виднѣе.

ТРОФИМЪ [**всталъ и отходитъ**]. Точно. И говорить незачѣмъ бы... Вижу... и другое что вижу въ тебѣ...

ДОМНА. А что-жъ я?..

ТРОФИМЪ. Развѣ я укоряю? Ни Боже мой! Не укоряю ни въ чемъ.

ДОМНА. Отъ свекрови наслушалась ихъ, укоровъ-то будетъ!

ТРОФИМЪ. Это пустое... Никому тебя въ обиду не дамъ, ни въ жисть. Знаешь. Значить, о чемъ же тутъ толковать?.. О другомъ я.

ДОМНА. О чемъ же?

ТРОФИМЪ. Сама понимай.

ДОМНА. Не вдомекъ...

ТРОФИМЪ. Примѣтно мнѣ... Кха!.. [Осѣкся. Подходитъ къ стѣнѣ]. Сито-то, ай худое у насъ? [Снялъ его и внимательно разсматриваетъ].

ДОМНА. Во-на! давно. [Встала и уходитъ].

ТРОФИМЪ [ударяя кулакомъ по столу]. А!.. [Отшвырнулъ сито]. Нейдетъ съ языка, хоть ты что! Не та Домна, что по началу была, давно учуялъ—не та, а сказать про это не могу ей. И этакій нравъ у меня проклятый!.. Можетъ съ того въ ней перемѣна... Иной разъ вотъ какъ приластился бы, а ждешь—*сама* подойди; ты подойди, а мнѣ какъ можно!.. На нее-жъ осерчаешь, словно въ чемъ виновата... Эко карактеръ, Боже ты мой!.. Ежели нѣтъ въ ней этихъ понятіевъ, чтобы нутро мое видѣть? Есть ея вина въ этомъ?—Нѣту. Какъ же тутъ быть?.. Нѣтъ, прямо надо съ ней, по душѣ, совладать съ собой надо... Повеселѣетъ вотъ какъ!.. [Просіялъ и оживленно ходитъ]. По душѣ, вѣрно!.. [Входитъ Домна съ намычкою льна для пряжи и садится на прежнее мѣсто. Трофимъ, не глядя на нее, садится рядомъ]. Ну, вотъ, Домнушка, я-я...

ДОМНА [громко зѣваетъ]. Чего тебѣ? [Трофимъ быстро всталъ и угрюмо зашагалъ по избѣ. Домна, приладивъ донце, медленно прядетъ, съ апатичнымъ выраженіемъ лица].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Алдошка.

АЛДОШКА. Здравствуйте!

ТРОФИМЪ. Евдокимъ?! [Сухо]. Здорово. Чего тебѣ?

АЛДОШКА. Не въ гости, небось! А ужъ ты рожу скорчилъ, ха-ха! Въ гости мы тоже съ разборомъ, глядя къ кому. Сдѣлай милость!

ТРОФИМЪ. Ладно. Чего-жъ тебѣ? [Садится на лавку].

АЛДОШКА. И дуракъ же я право! Какого мнѣ чорта жалѣть васъ?.. хоть-бы тебя?

ТРОФИМЪ. Стало быть жалѣючи пришелъ? Такъ!

АЛДОШКА. Потому, какая мнѣ жисть промежъ васъ, анаѳемовъ, давно бы волкомъ стать надо; а я все доберъ, все желательно какъ бы къ пользѣ произвести...

ТРОФИМЪ. Какъ не доберъ! Ну?

АЛДОШКА. То-то «ну»! Вотъ меринъ у тебя палъ. Мнѣ что? Нѣтъ думается...

ТРОФИМЪ. Думается тебѣ. Такъ. [Усмѣхнулся]. Съ чѣмъ пришелъ-то?

АЛДОШКА. Таперь лошадь тебѣ покупать не минучее. А на что? Проѣлись въ-чистую. Изъ лица посѣрѣли ажъ, погорбились съ голодухи-то. Чай тоже съ конопляной жмакой хлѣбушко печете, а то и съ матушкой лебедой? Такъ что ли, Домна Устиновна?

ТРОФИМЪ. Къ чему клонишь-то?

АЛДОШКА. А прослышамши я, что требуется телка, дай думаю—Трохиму скажу. Много у насъ телокъ продажныхъ; нѣтъ, думаю, скажу Трохиму, хотя отъ него спасиба не жди, сдѣлай милость! Не такого характера человѣкъ...

ТРОФИМЪ. Да. А кто покупаетъ? Ты вѣдь кабатчика Еркина приспѣшникъ. Не онъ ли?

АЛДОШКА. Ха-ха-ха! Ужъ и не любишь ты Еркина. А напрасно. Положимъ, что жила онъ, облущить не дуракъ...

ТРОФИМЪ. Съ того какъ у насъ его кабакъ завелся, всѣ обнищали.

АЛДОШКА. Изничтожилъ, вѣрно. Шельма онъ, а уменъ и при деньгахъ. Нужны денежки—поклонишься, братъ, не станешь разбирать какъ нажиты. Сдѣлай милость!

ТРОФИМЪ. Значитъ ты отъ Еркина, телку мою торговать?

АЛДОШКА. Не посылалъ онъ, а самъ, узнамши, что требуется телка...

ТРОФИМЪ. Такъ-ли-сякъ, а Еркину не отдамъ.

АЛДОШКА. Дѣловъ съ нимъ имѣть не желаешь? Напрасно! Умные мужики къ нему съ нашимъ почтеніемъ, потому—сила. Съ начальствомъ пріятель...

ТРОФИМЪ. Пущай.

АЛДОШКА. Ишь какой! Недаромъ тебя «упорнымъ» прозвали. Вотъ Домна твоя добрѣе къ Еркину. Повстрѣчаетъ, балакаютъ съ нимъ, балакаютъ...

ДОМНА. Съ чего же мнѣ огрызаться, коли человѣкъ честью къ тебѣ?

АЛДОШКА. Правильно, ха-ха-ха!

ТРОФИМЪ [вставая]. Ну, некогда брехню твою слушать!..

АЛДОШКА [отступая къ двери, Домнѣ]. Эй и балагуръ Еркинъ съ бабами, прахъ его возьми. Такія турусы подведе-етъ!..

ДОМНА. Глупостевъ не слыхали и слушать не станемъ. А на добрую рѣчь таковъ и отвѣтъ. Извѣстно.

АЛДОШКА. Козырь баба. Люблю! Потому, сдается мнѣ, и дастъ Еркинъ за телку вамъ цѣну та-ку-ю...

ТРОФИМЪ [сурово, подходя къ Алдошкѣ]. Ступай-ка, ступай!

АЛДОШКА [съ хохотомъ выскочилъ за дверь]. Трофимъ, тогда могарычъ. Ладно? [Захлопнулъ за собой дверь].

ТРОФИМЪ. Эко зелье, язвенный мужиченко какой! [Снялъ со стѣны шапку]. Пойтить поглядѣть, не стащилъ бы чего. И воръ-то и пьяница!.. [Уходитъ].

ДОМНА. Вѣрно, что Алдошка Кузьмой Ермилычемъ посланъ. Ужъ такъ!.. Да не телка ему нужна... Затѣйщикъ,

шутъ этакій, право!.. Идешь мимо кабака, ужъ Еркинъ-те выслѣдитъ. Откуда ни возьмись, какъ листъ передъ травой—на!.. А этотъ дуралей распустилъ глотку. Правда что зелье!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Домна, Аксюта [входитъ, запыхавшись], за нею **Марья** и потомъ **Трофимъ.**

МАРЬЯ. Ишь какъ запыхалась! Съ чего-то?

АКСЮТА. Да къ вамъ бѣгла... во весь духъ бѣгла... Дѣло есть... Домнушка, здравствуй! [Обняла и поцѣловала сестру].

ТРОФИМЪ [входя привѣтливо]. Аксюта!..

МАРЬЯ. Прибѣгла еле духъ переводитъ. По дѣлу, вишь.

ТРОФИМЪ. По дѣлу? Ахъ ты милая! Что за дѣло такое?

АКСЮТА. Я вотъ зачѣмъ: къ господамъ барчукъ пріѣхалъ... Рабочихъ въ садъ кличетъ, поденщиковъ... Ямки копать подъ древà, да дернъ подъ дорожки сымать... Полтинникъ на день, на господскихъ харчахъ... Какъ узнала, ударилась къ вамъ. И дѣдушка говоритъ: бѣги. Ступай, Трофимушка, поскорѣй, а то узнаютъ, повалитъ народъ, не возьмутъ.

ТРОФИМЪ. Вотъ спасибо! Ай да Аксюта! [Поспѣшно надѣваетъ кафтанъ и подпоясывается кушакомъ].

АКСЮТА. Работы, сказываютъ, Боже мой сколько затѣяно!.. барчукъ-то... Коли шесть денъ, и то тебѣ три рубля... И дѣдушка Борисъ говоритъ: пусть бы Трофимъ скорѣй шелъ къ господамъ-то. Право!

ТРОФИМЪ. Ну, спасибо тебѣ. Иду. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Домна, Аксюта и Марья.

МАРЬЯ [Аксютѣ]. Чай рада?

АКСЮТА. Какъ не рада-то, бабушка! Въ нуждѣ вы, анъ все деньги. Рада.

МАРЬЯ [гладитъ ее по головѣ]. Ахъ ты касатка моя!

АКСЮТА. А ты, Домнушка, не печалься. Справитесь, Богъ дастъ. Я за васъ вотъ какъ молюсь!.. [Вынимаетъ изъ кармана платокъ, въ которомъ завязаны орѣхи]. Гостинчика. [Подаетъ ихъ Домнѣ].

ДОМНА. И-ишь! Откуда взяла? [Взяла орѣховъ и грызетъ ихъ].

АКСЮТА. У барышень была. Дали. Бабушка, орѣшковъ. [Предлагаетъ старухѣ].

МАРЬЯ. Не по зубамъ, дѣвонька. Гдѣ ужъ! спасибо тебѣ, кушай сама.

АКСЮТА. Ну, я тебѣ нагрызу. [Грызетъ орѣхи].

МАРЬЯ. Хе-хе, нагрызи, нагрызи!—Какъ у васъ на пчельникѣ-то?

АКСЮТА. Все слава Богу.

МАРЬЯ. Много колодокъ нонче дѣдъ выставилъ?

АКСЮТА. Дюжины съ три. Пчела сытая, да сильная. Шумъ въ ульяхъ-то стоитъ. Вотъ тебѣ, бабушка, ѣшь! [Сыплетъ старухѣ въ горсть нагрызенные орѣхи]. Нонче теплынь, играетъ пчела на солнышкѣ, а дѣдушка радъ.

МАРЬЯ. Ну, дай Богъ, дай Богъ! Борисъ мужикъ Богу крѣпкій, вотъ и задача ему. И дивное это дѣло замѣчено: не водъ пчелѣ у тѣхъ хозяевъ, гдѣ раздоръ завелся, либо что... Ишь вѣдь она, муха-то Божья! Недаромъ говорится: пчела—Божья муха, работаетъ на Святъ Духа.

АКСЮТА [пристально и грустно смотрѣвшая на Домну]. Домнушка милая! гляжу я на тебя и сердце щемитъ мнѣ. Съ чегой-то?

ДОМНА. Почемъ я знаю! Можетъ ты мнѣ бѣду сулишь. Ты вонъ судьбу, сказываютъ, гораздо угадывать. Къ цыганамъ бы тебѣ, ха-ха-ха! То-то бы денегъ ворожбой нагребла-а!..

МАРЬЯ. А ты, Домна, не смѣйся. Есть такія-то, есть... Господь умудряетъ. Вонъ въ Снытկиной живетъ одна... Такъ она, мать моя, все-те разскажетъ, да! Сболтаетъ въ ковшикѣ золу съ водою, выкинетъ на рушникъ, дастъ водѣ стечь, зола-то ей и окажетъ. И воровъ видитъ, гдѣ краденое видитъ, убійцу одново указала-а... Ничего не скрыто отъ ей. Вотъ ты и посуди!

ДОМНА. Аксюта чудная. Такой и росла. Бывало, звоны по ночамъ злышитъ, голоса, ни вѣсть что... Иной разъ такое скажетъ, что подивишься. Этакъ, дѣвка, я бояться стану тебя, право ну!

АКСЮТА [сидѣвшая, опустивъ голову, внезапно встаетъ съ подавленнымъ вздохомъ]. Прощайте!

МАРЬЯ. Куда-жъ ты, куда? Посиди съ нами, касатка.

АКСЮТА [заторопилась]. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нужно. Прощайте!.. [Пошла къ двери, въ которую входитъ Еркинъ]. Ахъ! [Отступила и схватилась за грудь].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Еркинъ

[въ новой дубленкѣ нараспашку, въ кумачной рубахѣ навыпускъ, въ жилетѣ, съ часами].

ЕРКИНЪ. Ха-ха! спужалъ дѣвчонку. Хозяюшкамъ почтеніе, все ли здоровы? [Аксютѣ]. Чего ты, глупая? [Хотѣлъ погладить ее по головѣ].

АКСЮТА [пронзительно]. Не трожь, не трожь! [Стремительно выскакиваетъ изъ избы].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья, Домна и Еркинъ.

ЕРКИНЪ. Недотрога какая! Какъ есть дикая дѣвочка.

ДОМНА. Ужъ извините, Кузьма Ермилычъ!.. Милости просимъ... [Еркинъ садится]. Испугана еще махонькой. Мужикъ одинъ коломъ жену убилъ до смерти. На улицѣ было дѣло. Аксюта тутъ же играла въ камешки. Кровью ее обрызгало. Ну, спужалась и приключился съ нею родимчикъ. Съ тѣхъ поръ и пуглива.

ЕРКИНЪ. Вотъ оно что!.. А хозяинъ? иль дома нѣтъ?

МАРЬЯ. Ушелъ.

ДОМНА. Къ господамъ пошелъ.

ЕРКИНЪ. Не на поденщину-ль найматься? Тамъ требуется въ садъ. Слышали. Значитъ нужда, коли Трофимъ на чужой работѣ горбъ гнуть пошелъ!

МАРЬЯ. Охъ, какъ не нужда-то, Кузьма Ермилычъ! Проѣлись, а тутъ—Господь посѣтилъ—лошадка пала у насъ. Ужъ такая-то нужда-а!..

ЕРКИНЪ. Пѣсня, видно, у всѣхъ нонче одна: зубы есть, да нечего ѣсть, ха-ха! А Трофиму ко мнѣ бы толкнуться. Я-бъ подсобилъ. Поклономъ не надсадилъ бы спины Трофимъ вашъ. Да вишь, гордъ онъ, ха-ха!.. А я бы для васъ душой радъ, Домна Устиновна.

ДОМНА. Добрый какой! Словно какъ и не вѣрится.

ЕРКИНЪ [набивая изъ кисета трубочку и закуривая]. Охаяли меня передъ вами, вотъ и не вѣрите. Добраго слова мнѣ нѣту здѣсь. Знаемъ!

МАРЬЯ. Богъ съ тобой, батюшка! Нешто можно человѣка зря хаять, али какъ!.. За что про что? Худа мы отъ тебя не видали...

ЕРКИНЪ. Ну, ужъ знаемъ! Есть тутъ одинъ... Беретъ его задоръ на меня, да моченьки мало. И выходитъ шишъ изъ кармана, ха-ха!.. А я съ превеликимъ удовольствіемъ ежели подсобить... Да вотъ хоть телушку продайте. Хоша надобности не имѣю, а купить куплю, такъ и быть. Вамъ на лошадь и кстати.

ДОМНА [наклонившись надъ прялкой, въ которой что-то поправляетъ]. Трофимъ не продастъ.

МАРЬЯ. Съ чего не продать? Вотъ еще!.. Коли цѣна, да не продать!

ЕРКИНЪ. Такъ ты, бабушка, покажь телку-то. Вонъ къ окошку ее подгони, я погляжу.

МАРЬЯ. Изволь, батюшка, подгоню. Телка хо-ро-шая! гладкая, шерстка на ей словно шелкъ лоснится; природистая телка, Кузьма Ермилычъ, цѣльнымъ молокомъ поена...

ЕРКИНЪ. Полно расписывать-то! Гони.

МАРЬЯ. Погляди, батюшка, погляди! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Домна и Еркинъ.

ЕРКИНЪ [пересаживаясь на сундукъ, рядомъ съ Домной]. А вамъ, Домна Устиновна, сестра кланяться приказала и къ намъ въ гости велѣла звать, чтобъ безпремѣнно.

ДОМНА [прядетъ, быстро вертя колесо]. Благодаримъ покорно.

ЕРКИНЪ. Это ужъ мы слыхали, да васъ у себя не видали. Вотъ въ чемъ досада! Не впервой званы, пора бы пожаловать-то. Развѣ что мужъ не пущаетъ, боитесь?

ДОМНА. Хмъ! Съ чего взяли!

ЕРКИНЪ. Охъ боитесь!

ДОМНА. Анъ не боюсь.

ЕРКИНЪ. Да ужъ вѣрно. Потому сдѣлай не по его, сейчасъ таска, ха-ха!

ДОМНА. Какъ бы не такъ! Руки коротки бить-то.

ЕРКИНЪ. До случая.

ДОМНА. И напрасно вы все!.. Трохимъ завсегда ко мнѣ ласковъ.

ЕРКИНЪ. Ха-ха-ха! Оно и видать по тому, какая жисть вамъ, этакой раскрасавицѣ!..

ДОМНА [охорашивается]. Вы ужъ наскажете!

ЕРКИНЪ Вѣрно-съ. По всей округѣ приравнять не къ кому. Развѣ одинъ Трофимъ не доглядѣлъ этого. Извѣстно, мужикъ... Эхъ не на ту линію попали, Домна Устиновна, не за мужиномъ бы вамъ быть! Главная причина—мужику въ бабѣ что требуется?—Работница, только всего. Онъ и смотритъ на нее словно бы на скотину и обращеніе съ ней такое. Нешто у нашего брата, торговца, такое бабамъ житье? Дуй себѣ чай, да переваливайся на мягкой перинѣ. Прямо сказать—живутъ въ свое удовольствіе. Только и заботы, что имъ потрафлять.

ДОМНА. А сестра ваша съ чего же день-деньской въ хлопотахъ?

ЕРКИНЪ. То сестра!.. Да и карахтеромъ она непосѣда.— Значитъ, смѣлая вы, не боитесь Трофима?

ДОМНА [перестала прясть]. Смѣлая.

ЕРКИНЪ. Такъ-то лучше! По вашему уму иначе и быть не должно. А то разъ покорись, другой покорись, тамъ и съ волей простись. Тогда только и свѣту, что въ этомъ окошкѣ. Да... И удали, думается мнѣ, много въ васъ?

ДОМНА. Страсть!

ЕРКИНЪ. Ха-ха-ха! Важно!

ДОМНА. Веселье заслышишь, такъ тебя и подхватитъ.

ЕРКИНЪ. Словно перышко?

ДОМНА. И пѣсня въ тебѣ, ажъ вздрагиваешь, да плечи поводитъ...

ЕРКИНЪ. Какъ же плечами-то? Покажьте, Домна Устиновна!

ДОМНА. Съ чего взяли!

ЕРКИНЪ. Уважьте ужъ, что! Да ну же какая!..

ДОМНА [тихо напѣваетъ на голосъ плясовой, слегка поводя плечами].

По-сѣю лебеду на берегу,
По-сѣю... [оборвала и кокетливо на него смотритъ].

ЕРКИНЪ. Ну что же?.. Еще!.. Ну, пожалуйста!

ДОМНА. Ха-ха-ха-ха! Жирно будетъ.

ЕРКИНЪ. Ахъ и баба! Постой, именинникъ буду, вотъ какое веселье устрою для васъ! По нашимъ достаткамъ, это у насъ безъ сумнѣнія, потому все могимъ. [Придвигается]. Для этакой красавицы тоись что хошь! [Взялъ ее за руку].

ДОМНА [отнимаетъ руку]. Не трожь! Ишь какой! [Отодвинулась. Снаружи стучатся въ окно]. Вонъ телку пригнали. Глядите!

ЕРКИНЪ. А ну ее! Не глядя возьму. Сколько пожелаете, столько и дамъ. Въ задатокъ пятишницу, а остальныя сколько угодно, какъ пригоните телку. [Достаетъ бумажникъ]. Чуръ только самой вамъ пригнать.

ДОМНА. Ха-ха-ха! Дожидайтесь!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Домна [прядетъ съ перерывами до конца акта], **Еркинъ** и **Трофимъ**.

ЕРКИНЪ [спрятавъ бумажникъ, встаетъ съ напряженной улыбкой]. Вотъ и Трофимъ! [Трофимъ смотритъ на него вопросительно. Пауза]. Желанный гость зова не ждетъ. Вотъ я и пришелъ, ха-ха! Али не радъ? [Трофимъ, не обращая вниманія, распоясывается, снимаетъ кафтанъ и вѣшаетъ его на гвоздь]. Можетъ ты мнѣ: милости просимъ мимо воротъ щей хлебать—такъ попривѣтствуешь гостя?

ТРОФИМЪ. Не ждалъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Марья.

МАРЬЯ. Ну, видѣлъ телку, Кузьма Ермилычъ? Хороша?

ЕРКИНЪ. Первый сортъ.

ТРОФИМЪ. Съ чего о ней толкъ?

МАРЬЯ. Кузьма Ермилычъ торгуетъ.

ТРОФИМЪ. А! [Домнѣ]. При тебѣ Алдошкѣ сказано, что нѣтъ у насъ телки продажной?

ДОМНА. Съ чего-жъ было врать, когда есть? Вчера-сь говорено продать бы, а покупатель пришелъ — нѣту продажной?

ЕРКИНЪ. Хм-ха-ха! Такъ нѣту, Трофимъ?

ТРОФИМЪ [садясь]. Нѣтъ. [Марья развела руками].

ЕРКИНЪ. Сказалъ, словно топоромъ отрубилъ. А я съ бабами было поладилъ...

ТРОФИМЪ. У кулаковъ ужъ снаровка такая: бабъ зануздать...

ЕРКИНЪ. Точно лошадей, ха-ха-ха! Бабы—какъ ты про нихъ понимаешь? Можетъ онѣ умнѣй насъ съ тобой, бабы тѣ. По ихъ, вотъ, выходитъ: взять деньги, коли даютъ, да притомъ ежели въ одномъ карманѣ пусто, а въ другомъ ничего...

трофимъ. Въ своихъ карманахъ считай.

еркинъ. Въ нашихъ сосчитано. Кабы наровилъ я по вашей нуждѣ поприжать, а то, по пріятельству, настоящую цѣну дамъ.

трофимъ. Пріятельство!? Съ коихъ поръ?

еркинъ. Давно. Еще съ лѣтошняго года, когда ты изъ кожи лѣзъ, міръ подбивалъ, чтобы слупить съ меня за кабакъ вдвое. Триста рублевъ плачу. Мало! вдвое дери, шестьсотъ цѣлковыхъ дери! Моими деньгами вздумалъ мірскую недоимку покрыть. Ловокъ! Жалко, не выгорѣло твое дѣло-то! Выкатилъ я сходу ведра два лишнихъ, перепились, тебя же, радѣтеля, ругать стали, ха-ха!

трофимъ. Какой ужъ толкъ, коли вино правитъ міромъ, да всякъ только въ свою мошну носомъ тычетъ!

еркинъ. «Смутьянъ, кричатъ, Ховринъ! Дуй его, ребята, чтобъ зря не оралъ!» Ха-ха-ха!

марья. И охото вамъ старое поминать!

еркинъ. Правда что! Значитъ нѣтъ между нами пріятельства? Эко жалость какая! А я было тебя почиталъ, потому первый ты мужикъ у насъ по всему, умственный мужикъ, ха-ха-ха! Даромъ что никто слушать не хочетъ. Кто про Трофима скажетъ, что у него лобъ широкъ, а въ головѣ тѣсно? Опять и пользу свою ты понимаешь.

трофимъ [встаетъ]. Ну, полно!

еркинъ. Чтобы не было солоно? Тебѣ, али мнѣ? Хе-хе-хе! Ну, прощайте, хозяюшки! Разобидѣлъ, али распотѣшилъ меня Трофимъ вашъ—ужъ и не знаю. Обозначилось, напримѣръ, будто какъ онъ того... нырнулъ головой въ сваю, ха-ха!.. [Домна тихо засмѣялась]. Не тревожьте его, Домна Устиновна. Ишь онъ серчаетъ. [Съ ироніей]. Меня даже оторопь взяла...

трофимъ [порывисто, сжавъ кулаки]. Да будетъ этому конецъ, али нѣтъ?! [Грозно шагнулъ къ Еркину].

марья [удерживая его]. Трохимушка!

ЕРКИНЪ [ѣдко]. Гм! Конецъ-то? Повремени малость, отъ свово не уйдешь. Можетъ слыхалъ, пословица есть: «лошадь съ волкомъ тягалась, хвостъ да грива осталась?» Вотъ это самое на конецъ и пойдетъ. Помни! [Погрозился и пошелъ къ двери].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Домна [у стола, катаетъ рубелемъ свернутое на скалкѣ бѣлье] и **Алдошка** [выставляется въ дверь].

АЛДОШКА [боязливо озираясь]. Одна ты?

ДОМНА. Одна.

АЛДОШКА. А Трохимъ?

ДОМНА. На господскій дворъ что ли пошелъ...

АЛДОШКА [вскакиваетъ въ избу и приплясываетъ, припѣвая].

Въ рѣшетѣ плыла-а,
Веретенами гребла-а!..

ДОМНА. Съ чего тебя разбираетъ?

АЛДОШКА. Празднуемъ. Имениннникъ Кузьма Ермилычъ. Али не знаешь? И винца лаканулъ и студня во какой ломотъ отвалили. Съ голода оно и препорядочно хорошо. Такъ подошло—разу укусить нечего, вспухъ даже, а тутъ студень. Взыграешь, небось!—Ну-ка, собирайся, молодка, пойдемъ!

ДОМНА. Куда это?

АЛДОШКА. Догадки не хватаетъ. Вре-ешь! Еркинъ съ своими именинами тебя поздравляетъ, въ гости велѣлъ звать.

ДОМНА. Вотъ что!

АЛДОШКА. Тамъ пиръ затѣянъ—страсть! Снѣди, сласти, меды — чего-чего нѣтъ! Голодный за версту унюхаетъ. Сестра даже выговаривать Еркину стала: зачѣмъ, молъ, такую прорву денегъ на угощеніе сàдишь? А онъ: чѣмъ же мы, говоритъ, Домну Устиновну поштовать станемъ? Ага! Почетъ тебѣ—Боже мой!

ДОМНА. Языкъ у тебя, вижу, мелево.

АЛДОШКА. Съ мѣста не сойти. Дура! да онъ для тебя что хошь. Этакій прямо сказать кремень, только и живетъ что въ свою кишку, а ты его всего растрепать можешь. Надо это въ понятіе взять, али нѣтъ?

ДОМНА. Нуждаюсь!

АЛДОШКА. Полно важничать, сдѣлай милость! Съ ржаной болтушки, чай, животъ подвело, а туда же!.. А онъ вотъ наказалъ какъ: ступай, говоритъ, къ Домнушкѣ, проси ее, кланяйся, въ ножки ей кланяйся... [Бухнулъ на колѣни]. Чувствуешь это мое униженіе?

ДОМНА. Чтобы пришла?

АЛДОШКА. Потому ему безъ тебя праздникъ не въ праздникъ. Дюже ужъ онъ на тебя обварился, Домна. А не упросишь, сказалъ, не придетъ Домнушка, я-те удружу въ полномъ размѣрѣ. Меня, значитъ. Чуешь? Тады Алдошка клади зубы на полку. Не только по малости угостить, нюхнуть винца не дастъ. Тады прямо сказать—ложись въ канавку и помирай. [Кланяется]. Приходи, сдѣлай милость!

ДОМНА [посмѣиваясь]. Чтобъ тебѣ контовàть?

АЛДОШКА [встаетъ]. Ну, дура. Говорилъ, что мужа боишься, на мое и выходитъ. А Еркинъ накинулся на меня: «идолъ преображенный, кричитъ, много ты смыслишь! Ей, говоритъ, какое дѣло, что Трофимъ взъѣлся на меня? Плевать ей на это! Она, говоритъ, всю его глупость до тонкости понимаетъ. Да! Она говоритъ, козырь-баба, не такой подъ мужнинымъ кулакомъ шею гнуть»... Какъ расшелся-то—страсть, мой Ермилычъ! А вышло на мое. Вотъ-те и «идолъ преображенный»!

ДОМНА. Такъ, такъ! [Кончивъ, складывать бѣлье, подходитъ къ сундуку]. Что же у него—гости?

АЛДОШКА. Все поштенные, старшину ждутъ, писаря... Дѣвки скликаны пѣсни играть. Тебѣ запѣвалой. Не придешь, всѣхъ дѣвокъ разгонитъ.

ДОМНА [поднимая крышку сундука]. И тебя прибьетъ?

АЛДОШКА. А то нѣтъ? У него завсегда коротко и ясно. Сдѣлай милость!

ДОМНА. Ишь ты бѣдный! Видно идти мнѣ тебя выручать, Евдокимъ?

АЛДОШКА. И лукаво-жъ бабье это!

ДОМНА. Ну! [Роется въ сундукѣ].

АЛДОШКА. Недаромъ сказано: гдѣ чертъ не сладитъ, туда бабу шлетъ. [Озирается. Про себя]. Ишь долото какое лежитъ! Пригодится. [Взялъ его съ лавки и засовываетъ въ карманъ. Громко]. Приходи, матушка, выручи! Тамъ выпивку зададимъ за твое здоровье!..

ДОМНА [обертываясь]. Иди ужъ, иди!

АЛДОШКА. Вотъ какъ: сверхъестественную муху урѣжу, ха-ха! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Домна.

И пойду... Тамъ пиръ, веселье, а мнѣ дома сидѣть?— Ну какъ же! Дома-то у насъ живого слова не слыхать, одно знаемъ—охаемъ... Небось всякому лестно къ Кузьмѣ Ермилычу въ гости попасть. Всякъ къ нему съ уваженіемъ... [Порывшись въ сундукѣ, достаетъ наряды]. Этотъ, съ глазками платокъ надѣть, али съ разводами?.. И рѣчистъ же Кузьма Ермилычъ! Намедни: Трофимъ ему слово, а онъ десять, да такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ. Люблю! [Накинула на голову одинъ изъ платковъ и смотрится въ зеркало]. Этотъ наряднѣй кабыть... Кузьма Ермилычъ небось всѣ глаза проглядитъ меня дожидамши... Куда сережки запропастились съ каменьями? [Опять роется въ сундукѣ]. Серчай

не серчай, а пойду. И правда, что разъ покорись и простись съ волюшкой... Монисты тѣ надѣть, что мнѣ въ дѣвкахъ барыня подарила. [Примѣриваетъ ихъ передъ зеркаломъ]. И хорошо же!.. Кузьма Ермилычъ говоритъ, во всей округѣ приравнять меня не къ кому. [Любуется собой]. Тоже мастеръ зубы-то заговаривать!.. Идутъ! [Поспѣшно закрываетъ сундукъ и складываетъ на его крышкѣ приготовленные наряды, прикрывъ ихъ полотенцемъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Домна, Трофимъ и Марья [входятъ вмѣстѣ].

ТРОФИМЪ. Ну, слава Богу, раздобылъ лошадь!

МАРЬЯ. Кто далъ?

ТРОФИМЪ. Господа. Дали попахаться, овесъ отсѣять. Въ саду очень ужъ я барчуку работой потрафилъ. Ну и дали. Завтра поѣду землю метать. Славу Богу!

МАРЬЯ. Ну дай имъ Владыко небесный! У своихъ посовался туда-сюда—нѣту помощи.

ТРОФИМЪ. Сами пашутъ. Тоже пчелякъ Борисъ деньгами обнадеживаетъ. Говоритъ, достану тебѣ купить лошадь. Пеньку, значитъ, на хлѣбушко продадимъ.

МАРЬЯ. Вотъ и еще! Мы съ печалью, а Богъ съ милостью. Такъ-то вотъ!

ТРОФИМЪ. Таперь, Домна, на поправку пойдетъ. [Ласково взглянулъ на жену. Она, не измѣняя позы, смотритъ въ окно]. И куда это долото завалилось? Искалъ-искалъ!.. Не видала ты, Домна?

ДОМНА. Нѣтъ.

ТРОФИМЪ. Кажись въ избѣ было... [Ищетъ долото, поглядывая на жену]. И все наша Домна кабыть въ печали...

МАРЬЯ. Съ того, какъ ты знаться съ Еркинымъ не велѣлъ, и я замѣчаю: то-ли серчаетъ она, то-ли еще что—Богъ ее знаетъ!

ТРОФИМЪ. А что ей Еркинъ?

МАРЬЯ. Спроси. «Онъ, говорила, какъ добрый человѣкъ къ намъ, деньги какія давалъ за телку, а мы вонъ какъ отблагодарствовали»!

ТРОФИМЪ. Да.

МАРЬЯ. А я тогда и таперь то же скажу: не нашенское дѣло встрѣвать. Хозяину виднѣе какъ быть надо.

ТРОФИМЪ. Окромя́ всего прочаго, то одно взять: за что, скажутъ люди, Еркинъ намъ благодѣтельствуетъ, когда всякаго, какъ липку, ободрать норовитъ? Объ этомъ подумала?

ДОМНА [сняла платокъ и повязывается другимъ, яркаго цвѣта]. Онъ на раззаводъ племя торговалъ телку.

ТРОФИМЪ. Какой раззаводъ! Пустое.

МАРЬЯ. Ты, Домна, куда обряжаешься?

ДОМНА. Въ гости. [Искоса взглянула на мужа и надѣваетъ передъ зеркаломъ монисты].

МАРЬЯ. Къ кому?

ДОМНА. Къ добрымъ людямъ... на именины.

МАРЬЯ. Ужъ не къ Еркину ли? Именинникъ онъ нонче.

ДОМНА [взглянувъ на мужа, надѣваетъ сережки]. Сестра его звать приходила.

МАРЬЯ. А такъ вотъ ты куда? [Выразительно смотритъ на Трофима. Пауза]. И пойдешь?

ДОМНА. Пойду.

МАРЬЯ [сыну]. Чего-жъ ты глядишь?! Сбей съ нея шлыкъ-то, да за косы, дуру! Образумь! Противъ твоей воли идетъ. Дай острастку хорошую!

ДОМНА [накинувъ на плечи «шаль», смѣло подходитъ къ мужу]. Бей! [Трофимъ опустилъ голову и отвернулся. Домна схватила пальтишко и уходитъ, бросивъ Марьѣ насмѣшливый взглядъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ Домны.

МАРЬЯ. Вотъ хорошо, вотъ прекрасно! Супротивъ сдѣлала, накось! А ты хоть-бы слово!

ТРОФИМЪ. Тебѣ нà зло она, въ обидѣ... Шлыкъ сорви, за косы!.. Э, не совалась бы! [Зашагалъ въ волненіи].

марья. Такъ, такъ! Эхъ Трохимушка, пытала она тебя, пытала-а! Убирается, нѣтъ-нѣтъ и взглянетъ: какъ ты? А видитъ, что ты ничего, послабляешь, она смѣлѣй, да смѣлѣй. И вывернулась къ тебѣ: бей, молъ! учуявши,что нѣтъ въ тебѣ на нее силы. [Трофимъ остановился]. Небось, не подскочила-бъ, кабы трепку ждала. А то ишь фрёй какой выкатила! Таперь идетъ, да посмѣивается. И-ихъ!.. Ступай вороти! Не удержишь за возжи, за хвостъ не поймаешь. Ступай, говорю, вороти дуру! [Трофимъ ринулся къ двери и ушелъ]. Ахъ, Владыко небесный, ишь что затѣяла! Страху не знаетъ, вотъ что.—«Бей!» Ишь вывернулась! Ну я-бъ те, любезную, поучила! такую-бъ тебѣ выволочку задала... [Трофимъ медленно возвращается]. Одинъ?!

трофимъ. Не срамить же ее при народѣ!.. На улицѣ народъ... Праздникъ.

марья. А какъ она тебя осрамитъ?.. Ой, вороти, да поучи хорошенько, на предбудущее время чтобъ помнила!

трофимъ. Кулакомъ добра не вобьешь. Да и не по мнѣ это... [Сѣлъ и опустилъ голову на руки].

марья. Значитъ, дѣлай она что̀ желательно? Ну, нѣтъ, Трохимъ. И ей во вредъ, и тебѣ въ грѣхъ, потому должо̀нъ ты жену въ разумѣ соблюдать. По Домнину нраву, да своевольству, нешто можно ей волю? Бѣда ей въ волѣ-то. Да! А поучить ее—станетъ шелковая. Жену прибить—что щи посолить, Трохимушка. Посо̀ломъ они сладки бываютъ. Вѣрь мому слову.

трофимъ. Опять ты свое!.. Вида не покажу, что обидно мнѣ, вида!.. Послѣ битья ужъ что за любовь!..

марья. Напрасно. Иную бабу изъ послушанья сохрани Богъ выпущать; а въ рукахъ она хороша и свѣкуетъ хорошей. Да тебѣ ли не покориться, Владыко небесный! За такимъ мужемъ крѣпко женѣ жить, что у Христа за пазухой. А гордъ ты, Трохимушка, гордъ!

трофимъ. Подлащиваться не стану, либо̀-что... Хоша по любви по моей вотъ какъ: въ гробъ за нее лягу, за Домну!

МАРЬЯ. Нешто понимаетъ она это? Эхъ, Трохимушка, не такая любовь ей нужна, милый ты мой!

ТРОФИМЪ. А какая-жъ?

МАРЬЯ. Веселая, да угодливая; чтобы смѣхъ, игра, да чтобы на красу ея любовались. Погляди, сколько разъ на день она къ зеркалу подбѣжитъ. И сбить Домну съ пути способнѣе всякой другой, особливо ежели въ веселый часъ, потому въ весельи она вся тутъ, все позабудетъ и нѣтъ ей отъ глупостевъ удержу. Опять другая къ дѣлу привержена, забота дурь выбиваетъ, а Домну, по лѣности ея, не къ тому клонитъ. Гдѣ ужъ!.. А ты приструнь ее, забери въ руки-то...

ТРОФИМЪ. Ну оставь, не учи. А первѣе всего—не раздорь. Кабы ты не раззадорила Домну, не ушла-бъ она къ Еркину.

МАРЬЯ. Все же я выхожу виновата. Эхъ, Господи! [Уходитъ]

ТРОФИМЪ [всталъ]. Ужъ какъ ты, Домна, этимъ меня обидѣла-а и сказать нельзя какъ!.. Точно, нѣтъ во мнѣ силы на нее, правда... Да что и возьмешь силой-то! По мнѣ не люба жена въ страхѣ... А ужъ кабатчика этого... тоись, какъ червя бъ раздавилъ!.. [Приглядывается въ окно, встревожился]. Никакъ ко мнѣ старшина!.. и писарь съ нимъ... Что за оказія?.. Ну, это недаромъ... тутъ не безъ каверзы!

ЯВЛЕНІЕ V.

Трофимъ, старшина Чухинъ и писарь Кошкадавовъ [съ книгой].

ЧУХИНЪ [важно входитъ, не отвѣчая на поклонъ Трофима]. Подати!

ТРОФИМЪ. Подати?! Да съ чего же таперь, Дормидонтъ Иванычъ?.. Какъ передъ Богомъ, нечѣмъ отдать. Опять лошадь у меня пала, работать не на чемъ. По осени отдадимъ.

ЧУХИНЪ [разсаживается]. Слыхали мы разговоры эти. На то, на се деньги есть? Жену наряжать есть, а на подати нѣту? Знаемъ мы васъ, канальевъ. Распустились до того, ни-

какихъ способовъ нѣту. А я слышать ничего не хочу. Начальство велитъ взыскать подати, и взыщу.

кошкадавовъ. Наистрожающій приказъ, на точку вида поставлено.

чухинъ. И взыщу, потому я должо̀нъ побуждать... Лѣтось Игнашку порютъ, а у него въ кулакѣ деньги зажаты. Не отдавалъ, анаѳема, покуда мочи было терпѣть. Вотъ вы каковы на отдачу, канальи. Подати!

трофимъ. Яви божескую милость, Дормидонтъ Иванычъ, потерпи! Малость справлюсь, отдамъ. На другихъ больше недоимки засѣло...

чухинъ. Что ты мнѣ другими-то тычешь! Въ своемъ я правѣ требовать, али нѣтъ? Упорный ты мужикъ, вотъ что!

кошкадавовъ. Вѣрно!

чухинъ. И брешешь, что нечѣмъ платить. Поискать—живо найдется. Къ примѣру, телка. Тебѣ за нее сколько давали? Не знаю я, думаешь? а поешь—денегъ нѣтъ. Васъ, канальевъ, только послушай, развѣсь уши-то!

трофимъ [усмѣхнулся]. Экъ нужна Еркину телка моя!

чухинъ. Подати нужны. Слышалъ? А ты рыло-то посконное не вороти, не скаль зубы! Избаловался въ отдѣлку народъ!

кошкадавовъ. Отъ послабленія все.

чухинъ [возвышая голосъ]. Укціонъ, когда такъ. Все опишу и продамъ. Коли ты способовъ не находишь, да еще рыло воротишь—кончено: укціонъ!

трофимъ. Ну, а лошадь на что я куплю? Али мнѣ въ конецъ разориться? Самъ знаешь, Дормидонтъ Иванычъ, можно ли по крестьянству безъ лошади. Слава Богу, завсегда справны были. Неужли же за мною застрянетъ? Пособьюсь, говорю, отдамъ. [Кланяется]. Богомъ прошу, потерпи!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Алдошка.

КОШКАДАВОВЪ. Давалъ Еркинъ деньги, нѣтъ заломался, а таперь клянчитъ.

АЛДОШКА. Знаться мы съ Еркинымъ не желаемъ, вотъ что! А Домна у того же Еркина сидитъ, винцо попиваетъ, да пряничкомъ заѣдаетъ, ха-ха!

ТРОФИМЪ [Алдошкѣ]. Уйди!

АЛДОШКА. Не къ тебѣ я, къ Дормидонту Иванычу.. [Низко кланяется старшинѣ]. Онадысь, какъ пришелъ къ нему Еркинъ, онъ его рру-гать!.. Ты, говоритъ, кровопивецъ, изничтожилъ насъ всѣхъ. И старшина, говоритъ, твою руку тянетъ. Такой же. Оба міроѣды вы, говоритъ, разбойники!..

ЧУХИНЪ [вставая]. Ка-акъ?! Вотъ ты какъ обо мнѣ понимаешь?!.

ТРОФИМЪ. Обносныя рѣчи.

АЛДОШКА. Старшина, говоритъ, разжился на насъ, когда намъ способіе вышло отъ земства. Сыта, говоритъ, свинья, а все жретъ...

ТРОФИМЪ. Да брешешь ты! Слова про старшину не было сказано! Брешешь ты, пьяница безсовѣстный! Вонъ, говорю! [Схватываетъ его за плечо].

АЛДОШКА [вырывается]. Къ Дормидонту Иванычу я, сдѣлай милость! [Чухину]. Лопни мои глаза, коли вру! Онъ не одному Еркину, онъ и инымъ прочимъ говорилъ то же.

КОШКАДАВОВЪ. Точно былъ слухъ.

ЧУХИНЪ. Такъ-то ты про начальство? Бунтовать?!

ТРОФИМЪ. Ужли же, Дормидонтъ Иванычъ, ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь ему? Стыдъ и совѣсть человѣкъ потерялъ. Всякъ его за такого знаетъ. Первый воръ, первый каверзникъ и пропойца. И такому надо мной вѣру давать?!

АЛДОШКА. Послѣдняго и собаки рвутъ. Говори, говори'

КОШКАДАВОВЪ. И мнѣ Еркинъ сказывалъ, что Трофимъ про Дормидонта Иваныча поносныя слова говорилъ.

АЛДОШКА. Ага!

ТРОФИМЪ. Значитъ вы съ Еркинымъ и пропойцей этимъ противъ меня заодно? Значитъ, подвохъ? Такъ и знать будемъ!

ЧУХИНЪ [кричитъ]. Какъ заодно? Съ кѣмъ я заодно?!

ТРОФИМЪ. Э, коли на то пошло, всю правду скажу. Да, заодно! Подручникъ твой Еркинъ, прячешься ты за него, а кровь изъ народа вмѣстѣ сосете. Народушко безъ хлѣба скудается, лебеду ѣстъ, а твой Еркинъ что? За безцѣнокъ все у насъ позабралъ: кожи, пеньку, овецъ, поросятъ, бабьи холсты, одежу, все! Чуть не задаромъ къ нему волокутъ и деньги у него-жъ пропиваютъ. Разоръ! На этихъ, что ободраны Еркинымъ, ты подати терпишь, потому самъ разорилъ, потому общая съ Еркинымъ торговля у васъ и общій кабакъ...

ЧУХИНЪ [задыхаясь отъ гнѣва]. А, такъ-то!.. Писарь, пиши бумагу!.. [Трофиму]. Бунтовщикъ, оскорбитель начальства!.. Я-те прроизведу!.. [Писарю]. Въ волостной судъ пиши... [Трофиму]. Я тебя сокрощу-у!..

КОШКАДАВОВЪ. Все обозначимъ, какъ слѣдоваетъ. [Достаетъ изъ кармана чернильницу, изъ книги перо и бумагу и начинаетъ писать].

АЛДОШКА. Ну, Трофимъ, и пропишутъ же тебѣ! Небо съ овчинку покажется, ха-ха-ха!

ЧУХИНЪ [Трофиму]. Въ Сибирь, каналью! Знаешь ты это? Приговоръ обчества и въ Сибирь! Закатаю!

ТРОФИМЪ. Что мудренаго! За ведро вина міръ тебѣ какой хошь приговоръ дастъ.

ЧУХИНЪ. Молчать!

АЛДОШКА. [Трофиму]. А еще сбирался старшину учесть съ писаремъ, галдѣлъ что, молъ, деньги мірскія растратили. Учтутъ тебя, погоди! Какъ вжикнутъ березою!..

КОШКАДАВОВЪ. Ха-ха-ха!

ТРОФИМЪ [схватываетъ Алдошку за шиворотъ и выталкиваетъ въ дверь]. Провалиться тебѣ, подлюга! [Черезъ распахнувшуюся дверь въ сѣняхъ видна Домна].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Домна

[она зарумянилась, навеселѣ].

ТРОФИМЪ [отшатнулся]. Домна!

АЛДОШКА. [Проталкиваетъ ее въ избу]. Покажись, покажись, ха-ха-ха!

ДОМНА. Оста-авь! [Смущенная, прислонилась къ стѣнкѣ у двери].

АЛДОШКА. Пьяненькая, да румяненькая!.. Мужу отъ Еркина гостинчика принесла, ха-ха-ха! [Чухинъ и Кошкадавовъ громко захохотали. Трофимъ отвернулся и закрылся руками].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена: лѣсъ. Слѣва, въ глубинѣ, плетень, за которымъ видны ульи пасѣки. Въ плетнѣ воротца. Возлѣ нихъ выкорчеванный пень, служащій скамьею и тутъ же большой камень. На одномъ изъ кольевъ плетня, у воротъ, виситъ лошадиный черепъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аксюта [лежитъ навзничь подъ деревомъ справа].

Тихо... пчелку, каждую козявку слыхать, а вверху все шумитъ, все шумитъ!.. Вѣтеръ въ листвѣ играетъ, ишь какъ макушки качаются... Хорошо!.. А небышко синее-синее!.. Тамъ Господь. Какъ дѣдушка сказалъ мнѣ вчерась?.. «Облачается Господь небесами, опоясывается зорями...» И все видитъ Онъ, все!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Аксюта и Борисъ [изъ пасѣки].

БОРИСЪ. Вотъ ты гдѣ!.. Ай спала?

АКСЮТА. Нѣту, дѣдушка. Думала.

БОРИСЪ [опускается возлѣ нея на траву]. Думала? И все-то ты думаешь, дитятко, одна, да одна! Чтобъ на селъ побывать, попѣть, да поиграть съ дѣвками. А то думаешь, тихая, невеселая... Что хорошаго?

АКСЮТА. Какія пѣсни! Горе тамъ... голодуха.

БОРИСЪ. Да, прогнѣвался Царь небесный на насъ. Противно Ему стало супротивъ свого рода христіанскаго. Развратился народъ. Во всѣхъ частяхъ дурныхъ дѣловъ прибыло. Страху Божьяго нѣтъ. Вотъ праздникъ нынче, былъ я у церкви. Пустуетъ храмъ Божій, не сталъ народъ ходить Богу молиться. А которые придутъ, такъ обрядятся, да дружка на дружку поглядываютъ. Какая въ церковь обряда? Господь приметъ и въ лохмоту... Да, супротивъ прежнихъ временъ совсѣмъ, совсѣмъ разница. [Грустно задумался].

АКСЮТА [приподнялась. Съ оживленіемъ]. И такъ мнѣ ихъ жалко, такъ жалко!..

БОРИСЪ. Лютуетъ надъ людьми горе-то. Правда. А ты зачѣмъ такъ ужъ тосковать, моя дѣвонька! Не очень къ сердцу примай... Не по лѣтамъ ты думчива. Съ того вотъ и хворенькая такая.

АКСЮТА. И всѣхъ мнѣ жальче Трофима.

БОРИСЪ. Да! ходила къ нему?

АКСЮТА. Ходила.

БОРИСЪ. Наказывала, чтобы ко мнѣ побывалъ?

АКСЮТА. Сказала, чтобъ безпремѣнно.

БОРИСЪ. То-то! Я деньжонокъ ему раздобылъ. Старшина податьми нажимаетъ. Да ничего, выручимъ.

АКСЮТА. Спасибо, дѣдушка миленькій! Все сказала. А онъ только рукой махнулъ... Онъ такой сталъ... скучный, молчитъ, губы бѣлыя, сжаты... [Заплакала].

БОРИСЪ. Съ чего ты, ясочка? Полно!

АКСЮТА. Охъ, чуетъ мое сердце невзгоду!.. Домнушка моя, что ты дѣлаешь, что дѣлаешь ты?!

БОРИСЪ. Полно, Аксюта, полно-ка! Этакъ ты совсѣмъ изведешься. Мнѣ-то каково будетъ? Тоже и дѣда вспомни коли. Безъ тебя облѣсѣлъ бы я, закорявѣлъ. Въ лѣсу надъ человѣкомъ знаешь сила какая. А ты душеньку мою что солнышко грѣла. [Гладитъ по ея головѣ]. Значитъ дорога ты мнѣ, ась?

АКСЮТА [ласкается къ нему]. Не стану, дѣдушка, тосковать. Только бы Домнушкой не сухотиться, вотъ какъ повеселѣю!

БОРИСЪ. Да! что у нихъ съ Трофимомъ вышло такое?

АКСЮТА. А видишь ли... [Вздрогнула и вскочила].

БОРИСЪ. Чего испужалась?

АКСЮТА. Кабатчикъ. [Убѣгаетъ за пасѣку].

БОРИСЪ [поднимаясь]. Этого зачѣмъ нелегкая принесла, прости Господи! [Пошелъ къ пасѣкѣ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Борисъ и **Еркинъ** [въ длиннополомъ сюртукѣ мѣщанскаго покроя, съ палочкой] и въ концѣ **Аксюта**.

ЕРКИНЪ [входя справа]. Здорово, старикъ!

БОРИСЪ [обертываясь]. Здравствуй.

ЕРКИНЪ. Ну, какъ твои пчелы? берутъ?

БОРИСЪ. Помаленьку.

ЕРКИНЪ. Пущай ихъ стараются. Медъ у тебя куплю.

БОРИСЪ. Свой у меня покупатель, всегдашній.

ЕРКИНЪ. Али брезгуешь нами, ветхій человѣкъ, а?

БОРИСЪ. Зачѣмъ брезговать! Не понадобится мому покупателю, можно и другому продать.

ЕРКИНЪ. Ну, а не слыхалъ ты, пріѣзжалъ ли кто садъ сымать у господъ? Иду снять хочу.

БОРИСЪ. Не слыхалъ. [Входитъ на пасѣку].

ЕРКИНЪ [смѣясь]. Ну, а голову лошадиную за коимъ чертомъ тутъ нацѣпилъ?

БОРИСЪ [въ воротцахъ]. Тутъ не чертъ... Знать дѣло нужно! тамъ и говорить, а то какъ разъ надъ собой посмѣешься. Видишь что: первую пчелу изъ-за моря принесъ въ посохѣ своемъ Никола-угодникъ. И посадилъ онъ пчелу ту въ такую-жъ вотъ лошадиную голову. И развелась пчела въ головѣ той и пошла, матушка, у насъ по Рассеи. Такъ вотъ! Кабы это ты зналъ, не поминалъ бы нечистаго и зря бы не гоготалъ. И выходишь ты сŏвокъ, да не лŏвокъ, хе-хе!.. Ступай себѣ съ Богомъ, ступай!

ЕРКИНЪ. Тоже балагуръ, старый хрычъ! [Уходитъ влѣво].

БОРИСЪ [усмѣхаясь ему вслѣдъ]. Эхъ ты сахаръ!

АКСЮТА [за пасѣкой, тревожно]. Дѣдушка!

БОРИСЪ. Аинька?

АКСЮТА. Трофимъ... Ушелъ этотъ?

БОРИСЪ. Ушелъ.

АКСЮТА. То-то! Трофимъ идетъ. [Указала вправо и уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Борисъ и Трофимъ

[тихо входитъ справа, повѣсивъ голову].

БОРИСЪ. Онъ и есть. Трофи-имъ!

ТРОФИМЪ [очнулся отъ задумчивости]. А?!

БОРИСЪ. Идешь на меня и словно не видишь. Здорово!

ТРОФИМЪ. Ай къ тебѣ я? [Осмотрѣлся]. Точно, пчельникъ. [Снялъ шляпу, поклонился и пошелъ дальше].

БОРИСЪ. Куда-жъ ты, куда?! Вѣдь ты ко мнѣ шелъ?

ТРОФИМЪ. Нѣтъ, я такъ... Ненарокомъ къ тебѣ вышло.

БОРИСЪ. Экъ ты какой! Я-жъ Аксюшу посылалъ. Ты прійти посулился.

ТРОФИМЪ. А, признаться, запамятовалъ.

БОРИСЪ. Э-эхъ! Какъ же, посылалъ! Сядемъ-ка тутъ. [Садится на пень]. Посылалъ, пȁря; нужно побалакать съ тобою. А ты мимо... Чудакъ! Ну же, садись!

ТРОФИМЪ. О чемъ балакать-то? [Нехотя садится на камень].

БОРИСЪ. Да ужъ найдемъ!

ТРОФИМЪ. Докука.

БОРИСЪ. Докука тебѣ? Гмъ!.. И кто жалѣючи съ тобой, по душѣ, опять же докука?

ТРОФИМЪ. И жалѣетъ кто—докучаетъ, все одно какъ тѣ, что смѣются.

БОРИСЪ. Съ кручины точно—бываетъ этакъ-то... Особливо коли человѣкъ въ горѣ Господа позабылъ. А помолишься, и въ сердцѣ просвѣтлѣетъ твоемъ и мысли проясьнѣютъ. А безъ этого, какъ въ темномъ лѣсу человѣкъ. И зачнетъ его лѣшій водить, того гляди доведетъ и до худа. Такъ-то, Трофимъ. Ну, а про горе твое слыхалъ. И крѣпко пожалѣлъ я тебя; а пуще за то, что на все, сказываютъ, рукой ты махнулъ. Нѣтъ чтобъ усилиться, какъ бы справиться поскорѣе.

ТРОФИМЪ. Не въ утѣху.

БОРИСЪ. То-то и плохо! А въ работѣ знаешь какъ? Подними-ка ее во всю мочь, гляди сколько досады, обиды и думъ негожихъ уйдетъ въ нее, братъ! Анъ и полегчаетъ.

ТРОФИМЪ [угрюмо]. Пробовалъ. Нѣту спокоя.

БОРИСЪ. Ну!?

ТРОФИМЪ. Одна дума... клиномъ засѣла...

БОРИСЪ. А ты осиль себя, какъ учу. Послушай старика. Было время, старики міру и разумъ, и правду и помощь указывали.

ТРОФИМЪ [раздраженно]. Было. И міръ имъ держался. Не то таперь. Ты одинъ изъ такихъ, а прочіе какіе есть старики обмельчали, да никто ихъ слушать не станетъ. Міромъ таперь горланъ, да нахалъ верховодитъ, какой-нибудь Еркинъ, али Алдошка пропойца.

БОРИСЪ. Правда. Другая перемѣна во всемъ. Охъ и волокитный народъ сталъ!

ТРОФИМЪ. Больше потому, что въ разстройствѣ. А справно бы жить, и пьянства было бы меньше, міроѣдовъ и всякаго зла.

БОРИСЪ. Опять міроѣды, да дранье судомъ волостнымъ—нешто къ добру? Пуще народъ загрубѣетъ... Охъ-охъ! Слышалъ и у тебя съ старшиной что-то вышло?

ТРОФИМЪ [встаетъ]. А!.. Тошно вспомнить!

БОРИСЪ. Какъ же ты ему сгрубилъ-то, Трофимъ? Былъ ты мужикъ разсудительный, обходительный, а тутъ накось!

ТРОФИМЪ. Въ горячемъ часѣ человѣкъ безъ вина пьянъ. Главная причина—обида, подвохъ! Не заѣсть, не заспать той обиды! Лучше даромъ объ этомъ и говорить!

БОРИСЪ. Все-жъ-таки съ покорствомъ жить надо, на все добрый отвѣтъ надо имѣть...

ТРОФИМЪ. И все-то у васъ, стариковъ, поклонъ, да покорство!.. [Сломилъ вѣтку]. Тутъ горло перервать въ пору, а ты... [Изломалъ вѣтку въ куски и далеко отбросилъ ее отъ себя].

БОРИСЪ [встаетъ встревоженный]. Помилуй Богъ, что ты?.. Полно-ка, полно! Богъ терпѣлъ, да и намъ велѣлъ. Вотъ что, Трофимушка... А съ старшиной, съ податьми какъ-нибудь сладимъ. Раздобылъ денегъ-то. Ну, пойдемъ на пчельникъ ко мнѣ. Угощу, чѣмъ Богъ послалъ, потолкуемъ и денегъ возьмешь.

ТРОФИМЪ. Спасибо, дѣдъ. А лучше того... отпусти ты меня.

БОРИСЪ. Ну, вотъ! Съ чего взялъ? Пойдемъ-ка, пойдемъ! [Взялъ его за плечо]. Много кой о чемъ нужно намъ побалакать. А ты не упорствуй, такъ со старикомъ не годится, не хорошо. Пойде-емъ! [Уводитъ его на пасѣку].

ЯВЛЕНІЕ V.

Домна [входитъ справа. Заслонила рукою глаза и смотритъ въ лѣвую сторону].

ДОМНА. Не видать... Тутъ ему съ барской усадьбы идти. Садъ, вишь, снимать пошелъ... До всего дѣло, глаза завидущіе!.. И съ самыхъ его именинъ не видѣлись мы. Идешь мимо кабака, нѣтъ чтобы встрѣтить, какъ прежде!.. И съ чего носъ задралъ? Что такое воображаетъ въ себѣ?.. Невидаль!.. Сказать бы—серчаетъ? Нѣту причины... Ума не приложу. [Вспыльчиво]. Ну и шутъ бы съ тобой! Нѣтъ, думается, ажъ досада грызетъ. Иной разъ къ сердцу подкатитъ... Приди онъ—кажется-бъ въ глаза наплевала... [Быстро смахнула руками набѣжавшія слезы. Приглядывается]. Никакъ онъ?.. Подумаетъ—дожидаю... Грибы ищу... [нагнулась и ищетъ ихъ]. На пчельникъ шла и ищу... [Искоса взглянула на дорожку] Идетъ. [Безпечно запѣла, продолжая, нагнувшись, искать грибы].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Домна и Еркинъ [слѣва].

ЕРКИНЪ [про себя]. Домнушка!.. Гмъ!.. Али соскучилась? Такъ-то способнѣе, коли вашего брата безъ вниманія оставлять. [Къ ней]. Наше почтенье, Домна Устиновна!

ДОМНА. Кузьма Ермилычъ!.. Откуда? Вотъ не чаяла повстрѣчать!

ЕРКИНЪ [въ сторону]. Врешь! [Къ ней]. По ягоды, что ли?

ДОМНА. Что вы, какія ягоды теперь! Къ сестренкѣ на пчельникъ шла... Ну, березовики попались...

ЕРКИНЪ. Березовики. Гмъ! Что же, станемъ вмѣстѣ искать?

ДОМНА [кокетливо]. Ха-ха! Съ вами наищешь!

ЕРКИНЪ. Это ежели дѣвка съ парнемъ, ну, точно, нащутъ немного. А намъ съ вами не очень что бы... [Безучастно]. Какъ живете-съ?

ДОМНА. Съ вашихъ именинъ такое у насъ завелось!.. Ужъ и жалѣла-жъ я, что пошла!

ЕРКИНЪ. Прибили?

ДОМНА. Глупость какая!

ЕРКИНЪ. Всяко бываетъ. Иной разъ ту бабу и бьютъ, которая эту амбицію имѣетъ въ себѣ, ха-ха-ха! Что же «завелось-то» у васъ?

ДОМНА [надулась]. А такъ... хмурость.

ЕРКИНЪ. Сердятся, значитъ, за вашу провинность? Такъ-съ! А вамъ бы заслужить постараться. Лукавству бабъ не учить. Анъ мужъ и опять съ лаской.

ДОМНА. Нуждаюсь!

ЕРКИНЪ. Эге-ге! Въ такомъ разѣ, кому антиресъ, мелкимъ бы бѣсомъ предъ вами... Кха!

ДОМНА. И любите вы зубы чесать!

ЕРКИНЪ. Посмѣхъ тѣшитъ, зубы чешетъ, а дѣла не спортитъ. Ништо-бы! Слободному человѣку, у кого это баловство на умѣ, таперь обаполо васъ самое способное дѣло, ха-ха!

ДОМНА. Плюнуть на эти ваши слова, да уйти!

ЕРКИНЪ. Ну, вотъ! Я объ васъ понятіевъ благородныхъ. А если что вольнаго говорю, такъ на послѣдяхъ это, потому слободу догуливаю, жениться хочу.

ДОМНА [ѣдко усмѣхнулась]. Часъ добрый!

ЕРКИНЪ. Старшина невѣсту сватаетъ. Боже мой, краля какая! До васъ не дойдетъ, а тоже не изъ послѣднихъ. Въ посаженыя пойдете ко мнѣ?

ДОМНА [зорко посмотрѣла на него и усмѣхнулась еще]. Часъ добрый, Кузьма Ермилычъ! [Медленно пошла въ глубину лѣса].

ЕРКИНЪ [про себя]. Лакома баба, страсть! А надо повременить, потому, по лукавству своему, сейчасъ къ мужу подобрѣетъ, ежели что... А таперь онъ сунься попробуй! [Домна, отойдя, остановилась и обернулась. Къ ней]. Покорно просимъ въ посаженыя-то! [Поклонился и уходитъ].

ДОМНА [выходя къ авансценѣ]. Такъ-то ты?.. Дура я, дура! [Грозитъ ему вслѣдъ]. Погоди!.. И я-жъ надъ тобою потѣшусь!.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Домна и Аксюта

[неслышно подходитъ сзади].

АКСЮТА. Домнушка, ты опять съ нимъ!

ДОМНА [досадливо]. Съ кѣ-ѣмъ?

АКСЮТА. А съ кабатчикомъ. Издалеча примѣтила, стоите, балакаете...

ДОМНА. Повстрѣчались. Что-жъ съ этого?

АКСЮТА. А Трофимъ-то какой сталъ?!

ДОМНА. Чего ты ввязываешься, дѣвчонка ты глупая? Не хватало, чтобъ ты еще выговаривать стала! Дрянь ты этакая, право ну!

АКСЮТА [бросается Домнѣ на шею]. Домнушка, не серчай, милая, не серчай на меня ради Бога! Жалѣючи, любя говорю, и тебя и Трофима любя. Измучилась я, какъ пошли нелады у васъ, сердце мое изныло! Какъ не говорить-то мнѣ, Домнушка? Какъ же молчать?

ДОМНА. Ай рехнулись вы всѣ? Да что я дурного сдѣлала, что? Къ Кузьмѣ Ермилычу въ гости сходила, только всего. И Боже мой свара какая! Трохимъ волкомъ глядитъ... Войдетъ—словно камень на душу навалится. Терпишь-терпишь и такое-то разберетъ зло!.. А свекровь знай зудитъ да зудитъ, и охаетъ-то и вздыхаетъ!.. Охъ, и опостылѣли! И домъ и всѣ вы опос-ты-лѣли мнѣ-ѣ!

АКСЮТА. Да вѣдь ворогъ Еркинъ Трофиму-то. А ты въ гости къ нему и сейчасъ съ нимъ... Ужли-жъ не обидно Трофиму?

ДОМНА [съ большимъ раздраженіемъ]. Какъ же я—законъ позабыла, иль что? Тьфу пристали! А коли съ сердцовъ на мени Трохимъ носъ повѣсилъ, такъ мнѣ даже смѣшно. Черезъ бабу, ха-ха! Пуще онъ хмурится, пуще меня досада беретъ.

АКСЮТА. Души онъ не чаетъ въ тебѣ, а ты вотъ какъ!..

ДОМНА. Да что ты смыслишь въ этихъ дѣлахъ-то, блаженная? Суется въ совѣтчицы! Я ли ему жена, другая ли будь, ногтя мово не стоющая, все-бъ такой былъ.

АКСЮТА. Очерствѣла душа твоя къ мужу. Съ того и пылишь и говоришь такъ... Охъ, Домнушка, на погибель ведешь ты его и сама идешь на погибель. Чуетъ мое сердце бѣду! [Заплакала].

ДОМНА [презрительно]. Заголоси еще! [Повернулась уйти].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Трофимъ.

[показался на пасѣкѣ. Его не замѣчаютъ].

АКСЮТА. Обошелъ тебя Еркинъ...

ДОМНА [обернулась; вызывающимъ тономъ]. Ну, обошелъ!

АКСЮТА. Значитъ милъ, если...

ДОМНА [перебиваетъ]. Милъ!

АКСЮТА. И пойдешь ты изъ-за него на грѣхъ и на срамъ...

ДОМНА [пылко]. И пойду, пойду, да! На все пойду! Мнѣ чтобы жисть была, а не канитель, какъ у насъ. Пойду куда душа клонитъ, на все! [Пошла въ глубину сцены]. Опостылѣли, право!

ТРОФИМЪ [про себя]. Вотъ что-о!

АКСЮТА [бросилась за Домной]. Бога побойся, что говоришь ты! Опомнись, Домнушка, милая!.. [Скрылись обѣ].

ТРОФИМЪ [выходитъ, пошатываясь изъ пасѣки и грузно садится на пень. Пауза]. «Куда душа клонитъ»! [Лицо его искривилось усмѣшкой]. Все прахомъ, все!.. [Опустился всѣмъ тѣломъ и поникъ головой].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Трофимъ и Борисъ.

БОРИСЪ [выходитъ изъ пасѣки. Удивленно]. Трофимъ!.. Я думалъ—ушелъ, а ты здѣсь?! [Наклонился къ нему]. Что поприт-

чилось тебѣ? Ай не по себѣ?.. [Качаетъ его за плечо]. Трофи-имъ!

ТРОФИМЪ [вдругъ сталъ и выпрямился во весь ростъ]. На, дѣдъ, твои деньги. Спасибо! [Отдалъ ихъ и пошелъ прочь].

БОРИСЪ. Какъ?! Куда-жъ ты?.. Возьми же, вѣдь нужны!

ТРОФИМЪ. Ничего мнѣ не нужно таперь! Прахомъ все! [Уходитъ. Борисъ въ недоумѣніи развелъ руками].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена: въ глубинѣ, нѣсколько лѣвѣй середины, овинъ, окномъ къ публикѣ. Справа полуразвалившійся половень [1]), дверью къ овину. За ними лѣсъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья и потомъ Аннушка.

МАРЬЯ [входитъ изъ глубины справа и, кряхтя, несетъ на коромыслѣ деревянныя ведра съ водой]. Охъ, Господи помилуй!

АННУШКА [входитъ справа, по сю сторону половня]. Здравствуй бабушка!

МАРЬЯ. Здорово, родная!

АННУШКА. Чтой-то ты сама съ ведрами? Трудно. Дай пособлю!

МАРЬЯ [спуская ведра на землю]. И то трудно, родная. Охъ, ссадила меня поясница съ ногъ долой! Моченьки нѣтъ.

АННУШКА. А сама ходишь по воду! Невѣстка что же твоя? Ай у нея руки отсохли?

МАРЬЯ. Не поминай лучше!

АННУШКА. Да права. Статочное ли дѣло старухѣ во всякую работу идти! А она чего гладкая, Домна? Прохлаждается, руки сложимши? Мужъ послабляетъ.

---

[1]) Плетневой сарайчикъ для ссыпки мякины и хоботья.

марья. На свою головушку послабляетъ-то. Что будешь дѣлать!

аннушка. Мово бы Аксена ей, стала бы опасаться, небось. У насъ не догляди что касаемое по хозяйству—такого леща влетитъ! Такъ вотъ и Домну бы! Не стала бы свекровь спину гнуть подъ ведрами-то. А то вездѣ ты, да ты, мученски мучаешься.

марья. Въ послѣднія попала на старости лѣтъ. Словно пришибленная стала какая.

аннушка. И чего Трохимъ смотритъ?.. [Марья махнула рукой]. И все-то у васъ позапущено, плетень завалился, крыши раскрыты стоятъ...

марья. Все прахомъ пошло, мать моя!.. Къ прежнему житью нашему прировнять—легко ли, скажи? Охъ-охъ-охъ!

аннушка. Справно жили, что говорить! Хлѣбъ завсегда довольный, боровьевъ даже выкармливали...

марья. А таперь? [Опять махнула рукой]. Въ мысляхъ стала мѣшаться, милая моя. Вотъ до чего! Впередъ и не загадываешь. Боязно. Ночью раздумаешься такъ-то, нападетъ на тебя страхъ, да такой страхъ, что лежишь точно скованная, руки не поднять. А ужъ съ Трохимомъ что сталось!..

аннушка. Да, ажъ сѣдиною прошибло. Увидала я, такъ и ахнула! Слышно рѣшеніе ему вышло изъ волости, къ наказанію приставить...

марья [залилась слезами]. Какъ услыхалъ онъ про это, голубчикъ мой, альни трясъ его взялъ... Охъ, подвели лиходѣ-и!

аннушка. Еркинъ, сказываютъ, судьевъ угощалъ, чтобы подвести Трохима подъ розги. Жила собачья! [Старуха горько плачетъ]. А Трохимъ, вишь, не хочетъ въ волость идти...

марья. И не пойдетъ. [Силится поднять ведра].

аннушка. Сёмъ я снесу.

марья. Спасибо, касатка. Свои не жалѣютъ, такъ хоть чужіе. [Аннушка подняла коромысло себѣ на плечо]. Охъ и сонъ мнѣ нынче привидѣлся!..

АННУШКА. Дурной?

МАРЬЯ. Вижу я, милая, змѣиную голову, да большущую, примѣрно съ аршинъ. Лежитъ она отрублена у насъ въ хатѣ. Съ шипами, съ колючками, а глаза что огонь. И нужно мнѣ будто изъ той головы мозги взять, стереть калачъ съ ними и съѣсть...

АННУШКА. Ишь вѣдь что! [Медленно пошли черезъ сцену налѣво].

МАРЬЯ. Гляну я на нее, такъ меня альни морозъ позакожей проймётъ. Какъ подступиться? А нужно. Только вдругъ эта самая голова скокъ на меня. Я ка-акъ крикну! Съ тѣмъ и проснулась. [Ушла].

АННУШКА. [Уходя за нею]. Не хорошъ сонъ, не хорошъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Еркинъ и потомъ **Алдошка.**

ЕРКИНЪ [вышелъ изъ лѣсу, осмотрѣлся; подходитъ ближе къ овину и смотритъ вправо]. Гдѣ-жъ запропалъ Алдошка, лохматый песъ?.. А мнѣ Домну, чтобъ безпремѣнно нынче добыть. Съ того, какъ повстрѣчались въ лѣсу, лѣзетъ она мнѣ въ башку и шабашъ. Вотъ вѣдь глупость какая!.. И то сказать: ужъ и баба! [Прищелкнулъ языкомъ]. Прежде опаска брала, потому Трофимъ ежели что—хуже чорта. Ну да недолго у меня нагуляешь, голубчикъ! упрячу!.. [Глядитъ въ ту же сторону]. Вонъ и Алдошка... Ишь ноги волочитъ, словно на поденщину. [Машетъ къ себѣ рукой]. Къ водкѣ собачьей рысью небось!.. [Громко]. Ну-жъ скорѣй! [Алдошка входитъ]. Идетъ не идетъ!

АЛДОШКА [съ усмѣшкою]. А тебѣ не терпится?

ЕРКИНЪ. Ну?

АЛДОШКА. Выглядѣлъ.

ЕРКИНЪ. Гдѣ-жъ она?

АЛДОШКА. Въ огородѣ сидѣла.

ЕРКИНЪ. Дѣлала что?

АЛДОШКА. Нѣтъ, такъ сидѣла. Надо полагать, о тебѣ думала, ха-ха-ха!

ЕРКИНЪ. Языкъ-то не распускай!

АЛДОШКА. Ну, сталъ за плетнемъ, окликнулъ. Молчитъ. Я громче: «Домна, аль ты оглохла?»—Молчитъ. Взялъ, да камешкомъ запустилъ, прямо въ плечо ей. Спужалась. Ну, подманилъ.—«Чего тебѣ?» спрашиваетъ.—Такъ молъ и такъ, Кузьма Ермилычъ изсохъ по тебѣ...

ЕРКИНЪ. Смотри, какъ бы ты у меня не изсохъ! Чучело.

АЛДОШКА. Ха-ха-ха! Ну, «дожидаетъ говорю, иди».

ЕРКИНЪ. Что же она?

АЛДОШКА. «Незачѣмъ» сказала и уходитъ. Я опять: «очень, молъ, видѣть желаетъ. За овиномъ стоитъ, мошною звенитъ...»

ЕРКИНЪ. Дуракъ! [Замахнулся на него палочкой]. Сказывай толкомъ.

АЛДОШКА. Ха-ха! Ну, буду толкомъ.—«Очень, говорю ей, проситъ Кузьма Ермилычъ, чтобы пришла, потому надобность».

ЕРКИНЪ. Ну?

АЛДОШКА. Къ черту послала.

ЕРКИНЪ. Туда тебѣ и дорога. Пошелъ!

АЛДОШКА. Сдѣлай милость! Я сполнилъ свое, значитъ—косушка. Главная причина—не тебѣ бабъ смущать. Развѣ смамонишь какую... А Домна не очень чтобы!..

ЕРКИНЪ. Мною ты смыслишь! [Повертывая его за плечи указываетъ вправо]. А энто идетъ кто?

АЛДОШКА. Ахъ, въ ротъ-те шило! и то она. Ну, ставь, значитъ, полштофъ.

ЕРКИНЪ. Чтобъ духу твоего не было, не то капли не дамъ!

АЛДОШКА. Ушелъ я, ушелъ! [Побѣжалъ за овинъ, выглядываетъ изъ-за него; видя, что Еркинъ смотритъ въ противоположную сторону, крадется по стѣнкѣ и прячется въ овинъ чрезъ окно].

ЕРКИНЪ. Иди, иди, лебедка моя!.. И лицемъ, и походкой и статью—всѣмъ взяла. Важнецъ баба!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Домна

[энергично входитъ справа].

домна. Ну, чего тебѣ? зачѣмъ звалъ?

еркинъ. У, гнѣвная какая! Даже спужала. Въ бровяхъ туча, изъ глазъ молніей палитъ... А вѣдь хорошо такъ, ей-ей!

домна. Зачѣмъ?

еркинъ. Позвалъ-то? А соскучившись значитъ, ну и любя. Чего никогда не бывало, стало мои мысли путать: Домна, да Домна въ нихъ... Эге, вижу, дѣло-то вонъ означаетъ какое!..

домна. Мысли путать! Ха-ха! [Пошла прочь].

еркинъ. Постой ты! куда? [Нагналъ и удерживаетъ]. Коли за намеднишнее серчаешь... Посмѣялся, что сбираюсь жениться...

домна. А нужно!

еркинъ. Пыталъ я тогда, въ какомъ то-есть ты расположеніи ко мнѣ состоишь, потому какъ вижу, что тебѣ судьбу мою порѣшить, и выходило мнѣ дѣйствовать въ существѣ...

домна [перебиваетъ]. А такъ порѣшу, что кончено все и весь сказъ! И чтобъ не тревожить меня... и не срамить, какъ нынче Алдошкой. Затѣмъ и пришла. [Повернулась уйти].

еркинъ. Алдошка гдѣ ни шляется, а мнѣ около вашего двора не идетъ. Опять же Алдошка въ кулакѣ у меня, потому и послалъ. А чтобы тебя *не тревожить*— отчего же? Это мы съ своей амбиціей можемъ... [Съ усмѣшкой]. Значитъ, съ Трофимомъ поладила?

домна. Молчи ты ради Христа!.. Трохимъ... Тоже не каменная... Таперь онъ поглядывать сталъ—вотъ-вотъ го-

жемъ полоснетъ... [Пугливо озирается]. И ступай ты отселева, ради Христа ступай! И такъ про насъ сплетки...

ЕРКИНЪ. А чего тутъ стоять? Пойдемъ въ лѣсъ.

ДОМНА [замахала руками]. И-и нѣтъ, нѣтъ!

ЕРКИНЪ. А я еще за смѣлость тебя полюбилъ. Ужли ты какъ другія прочія бабы? [Порывисто]. Эхъ, Домнушка, и заживемъ мы съ тобой!.. Кому сережки припасены? [Вынимаетъ изъ кармана завернутыя въ бумажку серьги и развертываетъ ихъ]. Плохи? Такъ и горятъ! [Суетъ серьги ей въ руки]. Носи.

ДОМНА [не беретъ ихъ]. Не нужно мнѣ.

ЕРКИНЪ. Вотъ не нужны! То ли будетъ, постой! [Вдругъ обнялъ ее и поцѣловалъ].

ДОМНА [вырываясь]. Оставь! Ему свое, а онъ вонъ что!.. Безстыжіе глаза, право!

ЕРКИНЪ [подбоченился]. А коли въ полномъ размѣрѣ она во мнѣ, любовь эта? Ну?

ДОМНА. Оставь, Кузьма Ермилычъ, меня, дай одуматься! Перепуталось въ головѣ, никакого мнѣ нѣтъ спокоя... На всякіе лады поворачиваетъ и такъ и сякъ—не знаю какъ быть. И дома-то опостылѣло, и Трохима жалѣешь, и страхъ-то беретъ и себя клясть зачнешь... Ноетъ въ тебѣ, словно душу вонъ тянутъ, заливаешься—плачешь... А то сидишь, точно безчувственная какая. Громъ надъ головою вдарь—не шелохнешься...

ЕРКИНЪ. А я тебя сразу на линію произведу. Ужъ повѣрь!.. Не ладно балакать вотъ здѣсь, на виду. Пойдемъ! [Взялъ ее за руку и отступаетъ къ лѣсу].

ДОМНА [уперлась]. Не пойду. Глупостевъ не хочу и не хочу!.. И слушать не стану.

ЕРКИНЪ. Насчетъ этого ты завсегда въ своемъ правѣ. Зачѣмъ глупости? Говорю на линію произведу. Развѣ тебѣ своимъ умомъ разобраться? Бабій умъ, что коромысло: и криво, и зарубисто и на оба конца. Сама говоришь—тошно. А я тебѣ такую першпективу устрою—малина! [Домна въ задумчи-

вости отрицательно покачала головою. Онъ взялъ ея руку]. Ужъ такъ! Достоимся здѣсь того, что увидятъ. Никакъ парни идутъ...

ДОМНА [съ испугомъ, отнимая руку]. Гдѣ?

ЕРКИНЪ. А вонъ! Идемъ, говорю, увидятъ! [Уводитъ ее въ лѣсъ вправо].

АЛДОШКА [высунувшись изъ овина, провожаетъ ихъ взглядомъ, потомъ выскакиваетъ]. Ха-ха-ха-ха! Охъ, чтобъ васъ! чуть не розорвало со смѣху, ха-ха!.. Ахъ ты, сошка корявая! Ну, дѣла-а!.. [Громко]. Эй, ребята!.. Панька, подь поскорѣй!.. швыдче идите! Оказія! Ха-ха-ха! Ай да Еркинъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алдошка, Панька и Сёмка.

ПАНЬКА. Чего ты гогочешь, какъ тотъ?..

АЛДОШКА. Ребята, волкъ овцу уволокъ [махнулъ на лѣсъ]. Еркинъ Домну.

СЁМКА. Ну?!

АЛДОШКА. Вотъ те и ну! Ступай погляди.

СЁМКА. Давай ихъ, ребята, травить. Вотъ будетъ потѣха!

ПАНЬКА [Сёмкѣ]. Развѣ Алдошка въ соображеніе примаетъ? У него срыву.

АЛДОШКА. Эхъ вы! У голыша тоже душа. Такъ, аль нѣтъ?

ПАНЬКА. Такъ что-жъ?

АЛДОШКА. А то, что Еркинъ этого въ расчетъ не беретъ, жила собачья. Куда!

ПАНЬКА. Не уважаетъ тебя?

СЁМКА. Ономнясь шею накостылялъ.

АЛДОШКА. Уваженье! Ты доброе слово имѣй. Иной разъ вотъ какъ его требуется, альни душа тоскуетъ. Да! А тебѣ замѣсто того обида. Проглоти-ка! Онъ куражится, чертъ, вотъ и ожгу. Охъ, и ожгу!.. Слушь, ребята, мы вотъ сдѣлаемъ какъ... [Продолжаетъ тихо, съ жестикуляціей, указывая на лѣсъ. Парни обступили его. Всѣ сгруппировались у половня].

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Борисъ и Аксюта

[изъ лѣса, лѣвѣй овина].

аксюта. Ты, дѣдушка, поговори Домнѣ. Меня она и слушеть не хочетъ, серчаетъ. Поговори, родимый! Тебя всякъ послушаетъ.

борисъ. Да ладно ужъ, ладно!.. Хоша по мнѣ немного въ ней толку, въ Домнѣ твоей... Значитъ, ты въ лѣсу ихъ видѣла, съ Еркинымъ-то?

аксюта. Въ тотъ день, какъ Трофимъ къ тебѣ приходилъ.

борисъ. Возлѣ пчельника?

аксюта. Недалечко.

борисъ. Охъ, надо быть запримѣтилъ онъ ихъ... Деньги-то мнѣ швырнулъ!..

аксюта. Что ты?

борисъ Да ужъ вѣрно. Эхъ-ма! [**Поровнялись съ овиномъ**]. Вонъ и хата Трофима. [**Алдошка и парни громко захохотали**].

аксюта [**въ страхѣ прижимается къ старику**]. Слышалъ? [**Остановились**].

борисъ. Что за шумъ, за веселье такое?!. Народъ... [**Алдошка, увидѣвъ пришедшихъ, указалъ на нихъ и всѣ трое захохотали опять**].

аксюта. Дѣдушка, страшно мнѣ!

борисъ. Погоди. Ребята, что у васъ тутъ?

алдошка [**подскочилъ къ нему**]. Ты лѣсомъ шелъ, никого не видалъ?

борисъ. Нѣтъ.

панька. Домнушку не встрѣчалъ?

борисъ. Никого не встрѣчалъ.

сёмка [**Панькѣ**]. Чудакъ! Нешто они на дорожкѣ станутъ стоять!

борисъ. Кто они? Про кого вы?

АЛДОШКА. А Домна съ кабатчикомъ.

АКСЮТА. Ахъ!

ПАНЬКА [Сёмкѣ]. Глянь, Аксюту какъ громомъ вдарило!

АКСЮТА. Дѣдушка, пойдемъ!.. пойдемъ искать ихъ, родимый!.. [Ломаетъ руки]. Охъ, Домнушка!.. Охъ, милая ты моя!.. Пойдемъ поскорѣй! [Тащитъ Бориса къ лѣсу].

БОРИСЪ. Да постой! Зубоскальство гляди, а ты и повѣрила. Надо знать кого слушать...

АЛДОШКА [парнямъ]. Не вѣритъ! [Борису]. У нихъ эта музыка еще здѣсь зачалась, до лѣсу. Тутъ обнимались, тутъ цѣловались!.. Я въ овинѣ сидѣлъ, чуть не лопнулъ, ха-ха! [Панька и Сёмка захохотали].

АКСЮТА. Домнушка, что ты надѣлала!! [Въ рыданіяхъ упала Борису на грудь].

БОРИСЪ [обнимая ее]. Чего смѣетесь, чего грохочете, озорники непутевые? Ишь заржали! Пошли-ка, пошли отсюдова! Ну! [Аксютѣ]. Эхъ, да полно, касатка, не надрывайся ты такъ!

АЛДОШКА. Вонъ и Трохимъ. [Указалъ влѣво]. Въ самый разъ!

ПАНЬКА. Пущай поищетъ жену-то, ха-ха!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Трофимъ [безъ шапки].

ТРОФИМЪ [на Алдошку съ парнями]. Что за сборище? Вонъ!

АКСЮТА [стремительно бросилась къ нему]. Трофимушка, не ходи! миленькій, не ходи!.. Злые они... осрамятъ... Не ходи-и!

АЛДОШКА. Сдѣлай милость! Не мы срамимъ, а жена.

ТРОФИМЪ [отстраняя Аксюту, которая, судорожно ухватившись за него, не даетъ идти]. Ка-акъ? Что сказалъ?

АЛДОШКА [попятился]. Очень просто, что видѣлъ, то и сказалъ. Въ лѣсъ Домна ушла съ кабатчикомъ.

СЁМКА. Ягоды искать.

ПАНЬКА. А то въ гулючки играть, ха-ха! [Алдошка и парни сбились въ кучу].

ТРОФИМЪ [внѣ себя, вырываетъ изъ половня колъ и заноситъ его надъ головою обѣими руками]. Пикни—убью!!

АКСЮТА [съ раздирающимъ крикомъ упала на землю]. Въ крови колъ, въ крови!!

ВОРИСЪ [Трофиму]. Брось колъ-отъ! Испугана она... [Наклоняясь къ Аксютѣ, чтобы ее поднять]. Эхъ, Господи!

АКСЮТА [вскакиваетъ въ ужасѣ]. Уби-ли! [Схватившись за голову, убѣгаетъ влѣво].

ВОРИСЪ [спѣшитъ за нею]. Опять о земь вдарилась! Эхъ, уходятъ мою дѣвочку!.. [Ушелъ].

[За сценой слышны колокольчикъ и бубенчики. Трофимъ прислушивается, опершись на колъ. Онъ тяжело дышетъ, лицо его искажено].

АЛДОШКА [отошедшій съ парнями подальше]. Слышь, ребята, колокольцы звенятъ. Трофимъ, надо быть къ тебѣ, право къ тебѣ.

ПАНЬКА. Становой.

АЛДОШКА. Старшины колокольчикъ, не становой. Знаемъ. Судъ волостной пріѣхалъ къ нему.

СЁМКА. Поглядѣть! [Торопливо уходитъ вправо].

АЛДОШКА. Трохимъ, чѣмъ это пахнетъ-то? Сейчасъ розги-и...

[Тихо говоритъ съ Панькой. Трофимъ, блѣдный, мрачно глядитъ по направленію къ своему двору].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Алдошка, Панька, Трофимъ и Марья

[вбѣгаетъ слѣва].

МАРЬЯ [вся дрожитъ и еле выговариваетъ слова]. Трохимушка.. Старшина... старшина!..

АЛДОШКА. Ну такъ! Говорю: наказывать. Звали въ волость, не шелъ... Произведутъ, сдѣлай милость!

МАРЬЯ. Трохимушка... тебя зовутъ... тебя, мой родимый!.. Разбойники они!.. Охъ, за этимъ они, злодѣи!.. [Бросилась къ сыну съ рыданіями].

ТРОФИМЪ [отстраняя ее]. За этимъ?.. Чтобъ я надругаться надъ собой далъ?!. Аспиды!.. Ищите-жъ... [грозится колом], ищите меня!! [Большими шагами пошелъ къ лѣсу].

МАРЬЯ [побѣжала за нимъ съ голосьбой]. Трохимушка, куда-жъ ты, куда?!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена: просторная изба питейнаго заведенія.—Одна дверь въ задней стѣнѣ.—По правой стѣнѣ лавка и столъ передъ нею.—По лѣвой на полкахъ посуда съ виномъ и стойка.—Правѣй двери скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Домна

[сидитъ уныло, понурившись. Разряжена].

ДОМНА. Ахъ, Аксюта, Аксюта! Сокрушила ты меня, сестричка родимая!.. [Заплакала]. Вспомню—такъ и зальюсь... [Утираетъ глаза фартукомъ]. Не пережила мово сраму... Загубила я тебя, окаянная!.. Даже боязно къ могилкѣ ея подойти... [Задумалась и тяжело вздохнула]. Надѣлала я дѣловъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Домна и Еркинъ

[входя, искоса взглянувъ на нее].

ЕРКИНЪ. Опять!... Коли носъ вѣшать у меня, да ревѣть, не очень намъ это по нраву. [Пошелъ за стойку и убираетъ на полкахъ].

ДОМНА [встала. Торопливо]. Не буду, не буду!

ЕРКИНЪ. Горница не метена, со вчера соръ; а намъ бы гулянки. [Сердито гремитъ пустою посудою].

ДОМНА. Сейчасъ подмету. [Проворно взяла въ углу вѣникъ и подметаетъ полъ].

ЕРКИНЪ. Опять стирка вчерась... Нѣтъ чтобы сестрѣ подсобить. Руки сложимши сидимъ.

ДОМНА. Я бы за мѣсто нее и на рѣчку пошла. Нешто лѣнь? Да стыдно. Увидятъ—«вонъ, скажутъ, Домна пошла солдатовы рубахи стирать». Засмѣютъ.

ЕРКИНЪ. Ничего стыднаго нѣту. Въ работницахъ живешь у меня, вотъ и все. Мужъ коли пропалъ, не съ голоду-жъ тебѣ помирать! А послѣ того, какъ случился пожаръ, хата и добро ваше сгорѣло, куда было дѣться? Свекровь къ дочери уѣхала жить, а тебѣ куда?—И пошла въ работницы ко мнѣ, потому какъ должна ты прокорму себѣ искать и пристанища. Гдѣ же стыдъ?

ДОМНА [вымела соръ за порогъ и ставитъ вѣникъ въ уголъ]. Развѣ-жъ не знаютъ люди, какъ было у насъ?.. и мужъ отчего убёгъ и все?.. Мало сраму на мнѣ?

ЕРКИНЪ. Онъ отъ дёрки въ бѣгахъ. Бунтовщикъ. Постой поймаютъ, эй и зададутъ ему перцу!.. Управимся!.. Туда же бунтовать, пакля нечесаная!.. Ужъ эти, кои послѣ воли повыросли—и народъ же! Безъ страха, безъ почтенія, передъ начальствомъ шапки не ломятъ, анаѳемы! Драть ихъ, канальевъ, дррать!.. Такой и Трофимъ. Да чертъ съ нимъ, пущай бы пропалъ, подохъ гдѣ-нибудь!

ДОМНА. Бога ты не боишься, Кузьма Ермилычъ!

ЕРКИНЪ. Разговаривай у меня! Я тебѣ не Трофимъ. Ай не знаешь? [Выколачиваетъ о стойку золу изъ трубки]. Желательно жить въ удовольствіе, должна ты мнѣ всячески потрафлять, слово мое почитать должна.

ДОМНА. Да вѣдь только и мыслей, чтобъ тебѣ угодить. Господи! кажется битой собаки послушнѣй. Даже дивлюсь на себя. Только и надо—добромъ бы ты со мною, да лаской, а ты... [уныло]. Другія таперь у тебя пошли рѣчи.

ЕРКИНЪ. Касаемое ласки мы что-жъ?—завсегда можемъ, даже препорядочно—хорошо, потому баба-ты... гмъ!.. ниче-го! Закурилъ и ласково на нее смотритъ].

ДОМНА. Клиномъ моя жисть-то сошлась...

ЕРКИНЪ [обнялъ ее]. Дура! Тебѣ бы все миловаться, да пустяки; а у меня сколько дѣловъ, расчетовъ въ головѣ! На все соображеніе положить нужно, потому доходъ не живетъ безъ хлопотъ.—Ну?.. [Поцѣловались]. Добрая-то баба—какъ? въ работѣ ей быть по уши, а ты на иной складъ, не тѣмъ голова набита. Въ тебѣ къ дѣлу нѣтъ того вниманія, потому дѣлаешь одно, а думаешь о другомъ, мысли-то съ галками летаютъ твои.

ДОМНА. Точно, что мысль безпокойная... Завсегда было.

ЕРКИНЪ. Успокою, небось!.. Ну нечего растобаривать-то! Нащипи лучины, да наставь самоваръ. Живо!

ДОМНА. Сейчасъ. [Уходитъ].

ЕРКИНЪ [беретъ старыя, засиженныя мухами счеты]. И вѣрно, что не мужицкой она породы. Мать въ дворовыхъ была. Ну обаполо господа, баловники извѣстные!.. [Сѣлъ за столъ, прикинулъ на счетахъ, стряхнулъ итогъ и нетерпѣливо бросилъ счеты на лавку]. Сказываютъ, видѣли нынче Трофима... Кузнецъ, вишь, чѣмъ-свѣтъ видѣлъ его въ Кощеевомъ верху, у колодца... Можетъ и враки... А объявится, сцапать его въ тотъ же часъ. Скрутить и безъ промедленія въ темную... Да покрѣпче запоръ!.. А тамъ въ Сибирь заслать, потому неровенъ часъ... Сходу ведра три вина, катай, братцы, приговоръ: Трофима за безпокойство и бунтъ—въ Сибирь ха-ха-ха! Дормидонтъ Иванычъ живо мнѣ это сварганитъ. А тамъ въ крестьянское присутствіе смазку, чтобъ безъ задержки... [Всталъ съ озабоченнымъ видомъ]. Нынче-жъ съѣздить къ старшинѣ по этому дѣлу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Еркинъ и Подфилый

[въ лаптяхъ, въ рубахѣ съ продранными локтями].

ПОДФИЛЫЙ. Какъ же, Кузьма Ермилычъ, отдашь одёжу-то?

ЕРКИНЪ. Какую?

ПОДФИЛЫЙ. А закладъ-то?

ЕРКИНЪ. Экій ты, братецъ, невнятный! Вчерась сколько разговора было, а ты опять. Просрочилъ. Какая-жъ тебѣ отдача? Уговоръ позабылъ? Съ тѣмъ деньги браты, чтобы отдать въ срокъ.

ПОДФИЛЫЙ. Стало намъ раздѣтымъ ходить?

ЕРКИНЪ. Твоя забота. Я съ деньгами не набивался. Ты же въ ногахъ валялся—просилъ: дай Христа ради мучицы купить, съ голоду помираемъ.

ПОДФИЛЫЙ. Приносилъ же я деньги твои. Вотъ бери, а одёжу отдай.

ЕРКИНЪ [не беретъ денегъ]. Просрочилъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Павликъ

[испуганный, говоритъ протяжно въ одну ноту. Босикомъ].

ЕРКИНЪ. Тебѣ чего, шипъ?

ПАВЛИКЪ. Тятька за водкой пьисьялъ.

ЕРКИНЪ. А давешній полштофъ или выпили?

ПАВЛИКЪ. Усё.

ЕРКИНЪ. Гости у васъ?

ПАВЛИКЪ. Нѣтути. Мамуску бьетъ!.. [Подаетъ Еркину мѣдныя деньги].

ЕРКИНЪ [считая]. Сбилъ да поволокъ, альни брызги въ потолокъ... А тебѣ жалко?

ПАВЛИКЪ. Онъ ее казедёнъ бьеть... И меня бьеть и Малфуску-у...

ЕРКИНЪ [доставая съ полки вино]. Значитъ всѣхъ бьетъ?

ПАВЛИКЪ. Усѣхъ.

ПОДФИЛЫЙ. Какъ нажрется винища, такъ драться. Э эхъ!

ПАВЛИКЪ. Мамуска клици-ить!

ЕРКИНЪ. Кричитъ. На, шишъ, неси. [Даетъ ему полуштофъ]. Да смотри не разбей!

ПАВЛИКЪ. Небось не впелвой! [Убѣгаетъ].

ПОДФИЛЫЙ. Значитъ, за трёшницу достоянію нашему у тебя пропадать? Тоже хорошо!

ЕРКИНЪ. Тамъ и «достояніе»!

ПОДФИЛЫЙ. Мало-мало на красненькую тебѣ принесъ. Шубенку, женины лохмоты каки были—все дочиста. Почитай нечѣмъ перемѣниться. Нѣтъ ужъ ты отдай, сдѣлай милость, Ермилычъ. Вотъ твои деньги. На!

ЕРКИНЪ. Сказалъ ужъ просрочено.

ПОДФИЛЫЙ. Тьфу ты! недѣли противъ уговора не вышло лишку. Ну начитай проценту, жила собачья, а одёжу отдай. [Наступаетъ горячась]. Отдавай говорю, отдавай! [За сценой гармоника и орутъ пѣсню. Дверь шумно распахнулась. Вваливаются Панька и Сёмка].

ЯВЛЕНІЕ V.

Еркинъ, Подфилый, Панька [въ картузѣ набекрень и съ гармоніей] и **Сёмка,** оба подгулявшіе.

ПАНЬКА И СЁМКА [орутъ подъ гармонію].

Волокетъ въ кабакъ Ерема
Что ни попадя изъ дома;
А какъ подать отдавать
Такъ Еремушку стега-ать!..

[Во время пѣнія, Подфилый ожесточенно разговариваетъ съ Еркинымъ, который невозмутимо покуриваетъ трубочку].

ПОДФИЛЫЙ. Ну какъ знаешь, а безъ одёжи я не уйду. [Садится на скамью у двери съ видомъ упорной рѣшимости].

ПАНЬКА. Полштофъ! [Садится на лавкѣ, вынулъ горсть мѣди и брякнулъ ее на столъ]. У насъ на чистыя. Получай! [Еркинъ взялъ деньги и ставитъ передъ парнями полштофъ и стаканы].

ПАНЬКА И СЁМКА [пока подаютъ вино]:

Чики-чики-чики-чокъ!
Скокъ Ерема въ кабачокъ —
«Не моя, кричитъ, вина,
Что зудитъ моя спина!»...

ПАНЬКА [наливая стаканы]. Ну-ка, Сёма, урѣжемъ!.. Другъ!.. скотина ты этакая... пей! [Выпили]. Влетѣла!.. Кузьма, а гдѣ же твоя кухарка?

ЕРКИНЪ. Какая еще тамъ кухарка?

ПАНЬКА. А Трохимова Домнушка? ха-ха-ха! [Захохоталъ и Сёмка. Ребята пошептались и захохотали опять].

ЕРКИНЪ. Черти!

ПАНЬКА. Ну и ловкачъ ты! Говорятъ же любовь зла, полюбишь и козла. [Наливаетъ стаканы]. И полюбился козелъ нашей Домнушкѣ, ха-ха-ха!.. Сади, Сёмка! [выпилъ], сади до зеленаго змѣя, дурашка моя! [Сёмка пьетъ] Ермилычъ! а Алдошка-то тебя какъ поддѣлъ, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Алдошка.

АЛДОШКА [войдя, сталъ у двери и почесываетъ затылокъ]. Честной компаніи!.. [Еркинъ отвернулся].

ПАНЬКА. Помяни черта, а онъ и тутъ.

АЛДОШКА [мигнулъ на полштофъ]. Пьете?

ПАНЬКА [наливая въ стаканы остатокъ]. Все выпито. Лакай, Сёмка, послѣдки. [Пьютъ].

АЛДОШКА. Все сожрали: нѣтъ — хоть бы мнѣ каплю оставить!

ПАНЬКА. Плоти убытокъ — душѣ барышъ... Много его вонъ... [Кивнулъ на полку]. Вынай деньги Ермилычу.

АЛДОШКА [Еркину, почесывая затылокъ]. Ужли не дашь?.. [Парнямъ]. Серчаетъ на меня Кузьма Ермилычъ... И занапрасну, ей-ей занапрасну!.. [Сплюнулъ].

ПАНЬКА. Ай съ виннаго духа слюни текутъ? [Тихо наигрываетъ на гармоніи. Сёмка посоловѣлъ, дремлетъ].

АЛДОШКА. Что-жъ, братцы, мочи моей нѣтъ, растомило! Голова трещитъ... того гляди разскочется, право... Слышь, Ермилычъ?.. [Еркинъ не обращаетъ на него вниманія]. Дай опохмелиться, ради Христа!

ЕРКИНЪ. Проваливай!

АЛДОШКА. Хоть стаканчикъ!.. Вѣришь ли, вотъ до чего — трясъ беретъ... Ну?.. Яви Божескую милость!.. Ермилычъ!..

ЕРКИНЪ. Прощалыжная душа. Вонъ!

АЛДОШКА. Ну что хошь!.. Говорю, мочи нѣтъ... Какъ же быть?.. Ну?.. Ермилычъ, ужъ я тебѣ вотъ какъ: по гробъ!.. [Становится на колѣни]. Ну вотъ какъ прошу!.. А?..

ПАНЬКА. Ха-ха-ха! И чего только Алдошка изъ-за винища не сдѣлаетъ!

АЛДОШКА [вскочилъ и приплясываетъ]. Колесомъ пройду да пѣтухомъ пропою-ю!.. Такую отмочу штуку — на карачки попадаете. Эхъ, братцы, кабы не вино это, чтобъ и за жисть на свѣтѣ!.. Ермилычъ, ну какъ же?.. Поднесешь, а?

ЕРКИНЪ. Ищи въ другомъ мѣстѣ.

АЛДОШКА [озлился]. Ну чертъ! [Сѣлъ на лавкѣ. Панькѣ]. Дай хоть трубки пососать. [Набиваетъ трубку изъ Панькинаго кисета].

ПОДФИЛЫЙ. Кузьма Ермилычъ, ну же отдай закладъ-то!

АЛДОШКА. Не отдаетъ? Облущилъ? Ему, братъ, только попади въ лапы — изничтожитъ въ чистую. [Нюхаетъ изъ пустого полштофа]. Вотъ и виномъ надуваетъ. Первое стаканчики у него маломѣрные, ну и водою разводитъ вино. [Еркину]. Дай акцызный пріѣдетъ, ужъ доведу!

ЕРКИНЪ. Доведи, доведи!

АЛДОШКА. Ужъ сдѣлай милость! Крѣпость въ винѣ тоже закономъ положена. Знаемъ! А ты воды въ него... За это вашего брата по головѣ не гладятъ. Пакентъ отберутъ, вотъ и знай!.. Пріѣдетъ, доведу безпремѣнно.

ЕРКИНЪ. А ты крѣпость мѣрилъ? Снарядъ есть у тебя?

АЛДОШКА. Мы брюхомъ, братъ, чуемъ, вѣрнѣй штрументу акцизнаго предѣлить можемъ. Сдѣлай милость! А съ твово вина сзябнетъ нутро-то, словно болото въ немъ развели, да! Ужъ доведу-у!

ПАНЬКА. Вино слабое, точно.

ЕРКИНЪ [съ досадой, къ Алдошкѣ]. И этакая въ тебѣ природа поганая! На все золъ, каждому норовишь навредить. И воръ-то, и кляузникъ, пьяница... Быть тебѣ въ острогѣ, прощалыжная душа, бы-ыть!

АЛДОШКА. Золъ? — Хорошо. Пьяница, воръ... Хорошо. Ну, а ты? ты лучше выходишь?.. Мі-ро-ѣдъ!!. Коли я кралъ, такъ мелочами кралъ, нестоящее вниманія, по нуждѣ. Боя и дёрки принялъ во сколько за это! [Проводитъ рукой по горлу]. А ты не воръ? Кровопивецъ ты, разоритель ты обчества̀, вотъ ты кто!

ПОДФИЛЫЙ. Вѣрно, Евдокимъ, вѣрно!

АЛДОШКА. Ты потроха изъ насъ вымоталъ, жила собачья, лѣзешь въ почетъ!

ПАНЬКА. Справедливо.

ЕРКИНЪ. Васъ же, канальевъ, изъ нужды вызволяю.

АЛДОШКА. Ха-ха-ха! Вызволяетъ онъ, братцы!.. Кровопивецъ!.. Мы-те.. постой!.. мы-те своимъ средствіемъ произведемъ! Погоди!

ЕРКИНЪ. Грозить?! Помни! Свидѣтели были.

АЛДОШКА [злобно ударяя по столу]. Прроизведемъ!!. Я воръ! Я унесу—подъ полу, да озираешься, какъ бы не пришибли до смерти. А къ тебѣ сами волокутъ на разживу, послѣднее волокутъ...

ПОДФИЛЫЙ. Такъ, Евдокимъ, такъ!

ПАНЬКА. Жжарь, его, ха-ха-ха!

алдошка. Отъ начальства я удирать. Окромя боя, никакой мнѣ отъ него благостыни не полагается; а ты съ старшиной въ дружбѣ, вмѣстѣ коммерцію водите; уряднику—пріятель, писарю—кумъ и отъ станового тебѣ уваженіе. А кто изъ насъ хуже-то, ась?

еркинъ. При всемъ томъ мнѣ глупости твои слушать неохота. Пошелъ пока цѣлъ!

алдошка. Ай не люби-ишь?

подфилый. Справедливо говоритъ. Говори, Евдокимъ, говори!

панька. Натепи ему въ затылокъ-то хорошенько!

алдошка. То ли, братцы, я сдѣлаю съ нимъ! Погоди!.. Золъ я. Хорошо. А какая причина? Первое, со злости на себя золъ, потому ослабъ, изъ градуса вышелъ. И золъ. Тоже не хуже были людей-то. Отцы мои изъ первыхъ мужиковъ были. Подфилый вотъ помнитъ.

подфилый. Это точно.

алдошка. Да-а! А съ чего эта язва во мнѣ завелась? Также вотъ, не хуже Трохима прижали, да совѣсть отняли, стыдъ выбили, ну и... Да что поминать!.. А ты? Ты по душѣ своей аспидъ изъ аспидовъ, ты...

еркинъ [наступаетъ на Алдошку, выведенный изъ терпѣнія]. Что-жъ это?! Вонъ!.. Вонъ, не то я—я!.. [Подфилый и Панька подходятъ къ Алдошкѣ].

Вмѣстѣ.
подфилый. Аспидъ и есть!
панька. Жарь, Алдошка, его!
сёмка [проснувшійся]. Въ обиду не дадимъ. Жарь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Домна [входятъ въ испугѣ].

домна. Батюшки, что здѣсь такое?.

алдошка. А-а! вотъ она милая-то! [Схватилъ ее за руку и втащилъ на середину избы].

ДОМНА [отталкиваетъ его]. Потише!

ПАНЬКА. Не замай, приревнуетъ, ха-ха!

АЛДОШКА [Еркину]. Ну-ка ты... добрый! это таперь какъ будетъ? [Указываетъ на Домну]. Что ты надъ мужемъ ея сдѣлалъ, на какую линію навелъ, а? Облютѣлъ, что Трофимъ противъ тебя за правду стоялъ, и ну жать? Старшину натравилъ, разорилъ, подъ розги подвелъ и, окромя всего, жену отбилъ, вѣнчанную!

ДОМНА. Не силкóмъ я. Сама.

ЕРКИНЪ. Ступай Домна!

ДОМНА. На то пошло, срамить при народѣ—моя вина, говорю, мой и отвѣтъ! Сама я къ Кузьмѣ шла, охотой. Ну и ругайте! Ну, безстыжая, ну?..

ПОДФИЛЫЙ. Какова пава, такова ей и слава.

ЕРКИНЪ. Оставь, Домна. Иди!

ДОМНА. Хуже, Кузьма, ежели мнѣ брань примать со смиренствомъ-то! Проходу не будетъ. И тебѣ опостылѣетъ, ежели всякая дрянь, какъ Алдошка, али эти ребята, станетъ травить меня, какъ собаку!

ПАНЬКА [толкаетъ локтемъ Алдошку]. Вонъ она какъ разговариваетъ!

АЛДОШКА. Въ ражъ вошла.

ДОМНА. И вошла. Плюйте на меня, а я на васъ вдвое!.. горло перегрызу!.. [Еркину]. Они разверта мово не видали. Я покажу! Смѣютъ судить-рядить, зубы скалить собачьи!.. [Дверь сильно распахнулась. На порогѣ Трофимъ. Домна вскрикнула и отшатнулась къ столу. Еркинъ помертвѣлъ и прислонился къ стойкѣ. Оробѣли и остальные. Пауза].

ЯВЛЕНІЕ VIII И ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и Трофимъ.

ТРОФИМЪ [шагнулъ на середину, искоса бросилъ взглядъ на жену и уперся въ Еркина. Хриплымъ голосомъ]. Молись Богу!

ЕРКИНЪ [съ лицомъ искаженнымъ усмѣшкою]. Помолившись...

ТРОФИМЪ [въ одно мгновеніе выхватилъ ножъ и по рукоять всадилъ его Еркину въ грудь]. Издохни, зелье поганое!

[Домна дико вскрикнула и замертво упала на лавку. Еркинъ зашатался, придерживаясь за стойку и рухнулъ на полъ. Остальные въ испугѣ сбились къ стѣнѣ].

ПОДФИЛЫЙ [робко]. Сразу духъ вонъ!

ЗАНАВѢСЪ.

ПРИСТУПОМЪ.

СЦЕНЫ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

21*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Вадимъ Николаевичъ Слётовъ, артистъ, красивый молодой человѣкъ.

Никифоръ Прокофьевичъ Балбатовъ, отставной капитанъ, лѣтъ пятидесяти.

Анна Семеновна, его жена.

Саша, ихъ дочь, дѣвушка.

Петръ Ивановичъ Астафьевъ, исправникъ, среднихъ лѣтъ.

Константинъ Саввичъ Лахтинъ, трактирщикъ, старый вдовецъ.

Дарья Ильинишна, его племянница, дѣвушка лѣтъ 25.

Антонина Васильевна Чуканова, пожилая, но молодящаяся дама.

Лизавета Яковлевна,
Глафира Даниловна, } городскія дамы.

Становиха.

Филимонъ, корридорный.

Горничная Балбатовыхъ (безъ рѣчей).

Дѣйствіе происходитъ въ глухомъ городишкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

До концерта.

Комната съ скромною обстановкою. Двери съ задней стѣнѣ и направо; направо же диванъ. У лѣвой стѣны, между оконъ, піанино и стулья. Посерединѣ обѣденный столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Балбатова [въ утреннемъ капотѣ и чепчикѣ] и **Саша** [сидитъ за піанино и перебираетъ клавиши].

БАЛБАТОВА. Вотъ и объявленіе вывѣсили, а все толку нѣтъ. Да кому въ нашей трущобѣ и учиться музыкѣ! Вся образованность въ одномъ франтовствѣ, да въ томъ, что совѣсти меньше стало. Брюшковы хотѣли меньшую дочь на фортепіанахъ учить. Сходила бы къ нимъ, Сашенька!

САША. Ходила. Сказали: подумаютъ.

БАЛБАТОВА [съ усмѣшкой]. «Подумаютъ»! А рояль за полторы тысячи купили.

САША. Купили и стоитъ. Такъ и не открывали крышки.

БАЛБАТОВА. Мебель красивая и образованность означаетъ! [Со вздохомъ]. Хоть бы дешевенькій урочишко Богъ послалъ! По крайней мѣрѣ занятіе. Дѣвушкѣ образованной, да бѣдной, пропадать въ нашемъ болотѣ. Ни дѣла ей, ни удовольствія. А женихи—гдѣ ихъ взять, жениховъ-то?

САША. Перестаньте, мáма! Вамъ все кажется хуже, нежели есть. А пáпа не любитъ этого.

БАЛБАТОВА [съ раздраженіемъ]. Твой папенька беззаботный человѣкъ! Ему бы веселую компанію, да картишки. Дочь безъ платья находится, а онъ и вниманія не обратитъ. Что ни вздумаетъ, все подавай: и вино, и закуски и всякую всячину. Туда же гастрономъ! А ты вертись на пенсіи, какъ знаешь! Бейся, какъ рыба объ ледъ! [Уходитъ въ боковую].

САША. Ворчитъ, ссорится, а сама души въ немъ не чаетъ; только и заботы какъ бы ему угодить. [Сильный звонокъ] Что такое?

БАЛБАТОВА [высовываясь въ дверь]. Не урокъ ли? Проси цѣлковый! Меньше ни-ни! Сейчасъ одѣнусь, выйду сама! [Скрывается. Отчаянный звонокъ].

САША. Звонокъ оборвутъ! Не случилось ли чего?!

ЯВЛЕНІЕ II.

Саша и Слетовъ [вбѣгаетъ всклокоченный].

СЛЕТОВЪ. Вы играете?

САША [въ испугѣ]. Что?

СЛЕТОВЪ. На фортепіано играете?

САША [растерянно]. Д-да.

СЛЕТОВЪ. У васъ на двери я прочелъ объявленіе, что здѣсь даютъ уроки музыки. Значитъ вы. Садитесь! Ахъ, да садитесь, прошу васъ! [Саша въ недоумѣніи садится за піанино]. Вотъ ноты. [Ставитъ ихъ на пюпитръ]. Акомпанируйте. Я вамъ спою.

САША. Вамъ угодно пѣть?!

СЛЕТОВЪ. Да, да! Не будемъ терять времени. Еслибъ вы знали, какъ оно дорого мнѣ! Извольте! [Откашлялся. Она акомпанируетъ, онъ поетъ]. Прекрасно! Очень радъ! Превосходно!

САША. Но объясните пожалуйста...

СЛЕТОВЪ. Я ворвался, какъ сумасшедшій. Вы до сихъ поръ не придете въ себя. Ради Бога простите и выручит ! Дѣло въ томъ, что проѣздомъ черезъ вашъ городъ, я да концертъ. Концертъ сегодня, въ семь часовъ, а у мен

нѣтъ акомпаніатора. Рыщу съ утра и никакъ не могу найти. Вы отлично акомпанируете, превосходно! Умоляю васъ, выручите, акомпанируйте мнѣ въ концертѣ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Балбатовъ [изъ боковой].

БАЛБАТОВЪ. Молодецъ! Вотъ это по нашему, по военному! Вотъ что называется взять барышню приступомъ, ха-ха-ха!

СЛЕТОВЪ. Извините пожалуйста!..

БАЛБАТОВЪ. Что за извиненія! Очень радъ. Капитанъ Балбатовъ, а это дочь моя, Александра Никифоровна.

СЛЕТОВЪ. Съ своей стороны честь имѣю рекомендоваться: артистъ, Вадимъ Николаевичъ Слетовъ. Совершаю артистическое путешествіе. Сегодня въ вашемъ клубѣ даю концертъ. Въ отчаянномъ положеніи. Съ утра ищу акомпаніатора, мечусь, какъ угорѣлый...

БАЛБАТОВЪ [перебиваетъ]. И вѣрно съ утра не ѣли?

СЛЕТОВЪ. Помилуйте, до ѣды ли тутъ!

БАЛБАТОВЪ [въ боковую дверь]. Жена! Водки, закуску! [возвращаясь]. Кстати у насъ сегодня пирогъ съ морковью. Вы любите пироги съ морковью?

СЛЕТОВЪ. Отлично! Я всякіе пироги люблю. Такъ вотъ въ какомъ я положеніи, Александра Никифоровна. Вы однѣ можете выручить.

БАЛБАТОВЪ. Конечно, выручитъ.

САША. Но я никогда не играла при публикѣ... Я не могу.

СЛЕТОВЪ. Отчего не можете, отчего? Это вовсе не такъ страшно. Увѣряю васъ собственнымъ опытомъ. Стоитъ только начать.

БАЛБАТОВЪ. Конечно, стоитъ начать. Пустяки! Саша акомпанируетъ.

САША. Нѣтъ, папа, я отказываюсь. Не могу.

БАЛБАТОВЪ [вздернулъ плечами]. И глупо!

слетовъ. Что же мнѣ дѣлать?! [Про себя]. Если концертъ сорвется—матъ! [Сашѣ]. Вы погубите меня, Александра Никифоровна! Я всѣхъ объѣздилъ, кто могъ бы акомпанировать. Былъ у содержательницы пансіона—щеку флюсомъ раздуло. Раздуло бы завтра, нѣтъ, какъ нарочно, сегодня! Акцизный играетъ—выѣхалъ ревизовать кабаки. Наконецъ одна дама... забылъ фамилію... «хорошо, говоритъ, извольте». Я въ восторгѣ.—«А гдѣ, говоритъ, концертъ?»... Въ клубѣ.— «Въ клубѣ-ѣ»?! и такую скорчила рожу, будто уксусу напилась.—«Нѣтъ-съ, говоритъ, не могу. Въ клубѣ всякій бываетъ, чуть не сапожники». Нравится вамъ? Я—то, другое—«нѣтъ-съ», говоритъ, и язвительно такъ! «мой мужъ коллежскій совѣтникъ».

балбатовъ. Ну, Вертѣева! Корчитъ аристократку.

слетовъ. Она, она! Я и коллежскаго совѣтника видѣлъ. На пыльную ветошку похожъ и съ такимъ выраженіемъ, будто ему только что дали затрещину. [Умоляющимъ тономъ]. Александра Никифоровна! На васъ вся надежда! Иначе я пропалъ! [Входитъ горничная и накрываетъ столъ].

балбатовъ. Не помочь въ такомъ положеніи было бы даже неблагородно. Станетъ играть! [Горничной]. Ну, копайся! Да скорѣе пирогъ! [Горничная уходитъ].

слетовъ. Акомпаниментъ легкій. Вы можете даже à livre ouvert. Наконецъ мы сдѣлаемъ репетичку.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Балбатова [съ подносомъ, на которомъ водка, вино и рюмки. Ставитъ его на столъ].

балбатовъ. А вотъ и моя жена! [Къ ней]. Рекомендую: артистъ Вадимъ Николаевичъ... Душа человѣкъ! Даетъ у насъ концертъ. Саша акомпанируетъ.

балбатова [тихо]. Какъ вы скоро узнаете людей, Никифоръ Прокофьичъ! [Слетову]. Очень пріятно, но на доч прошу не разсчитывать.

ВАЛБАТОВЪ [съ неудовольствіемъ]. Что такое? Отчего Сашѣ не играть въ концертѣ?

ВАЛБАТОВА [всплеснувъ руками]. Ахъ, Никифоръ Прокофьичъ!

СЛЕТОВЪ. Тѣмъ болѣе, что Александра Никифоровна играетъ божественно.

ВАЛБАТОВЪ. Во-первыхъ, Саша хорошо играетъ...

ВАЛБАТОВА [раздражительно]. А во-вторыхъ, у Саши нѣтъ для концерта приличнаго платья. Вы хоть объ этомъ подумали бы, Никифоръ Прокофьичъ, если ужъ другія соображенія не приходятъ вамъ въ голову!

ВАЛБАТОВЪ [въ смущеніи подергивая усы]. Гмъ!

СЛЕТОВЪ. Платье! Зачѣмъ, какое тутъ платье?

ВАЛБАТОВА [съ досадой]. Ахъ, что вы говорите!?

СЛЕТОВЪ. Я хочу сказать, что при красотѣ Александры Никифоровны нѣтъ надобности заботиться о костюмѣ. Молодость и красота лучше всякаго наряда. [Сашѣ]. Вамъ стоитъ показаться на эстрадѣ, и вы завоюете всѣ сердца. [Горничная внесла подносъ съ пирогомъ и закусками, ставитъ его на столъ и уходитъ].

ВАЛБАТОВЪ. Тряпки! Экая важность! Согласенъ, Вадимъ Николаичъ! Выпьемъ [наливаетъ рюмку]. Анна Семеновна, полно брюзжать. Рѣжь пирогъ! [Чокнулся съ Слетовымъ]. За успѣхъ вашего концерта! [Выпили].

СЛЕТОВЪ. Александра Никифоровна! Что же вы скажете? Умоляю васъ!

САША. Право не знаю какъ быть... [къ матери]. Развѣ черное кашмировое надѣть?

СЛЕТОВЪ. Черное кашмировое! Да это божественно! При вашемъ цвѣтѣ лица, черное — восторгъ!

ВАЛБАТОВЪ [закусывая]. Просто и мило.

ВАЛБАТОВА. Сашенька, удивляюсь тебѣ! Хоть ты бы подумала, если твоему отцу все возможно!

СЛЕТОВЪ. Наконецъ, есть причина, почему Александрѣ Никифоровнѣ даже выгодно явиться передъ публикой. Вы

даете уроки музыки. Учениковъ, вѣроятно, очень не много. А разъ вы появитесь на эстрадѣ, сыграете, вы произведете эффектъ! Это во сто разъ краснорѣчивѣе того объявленія, которое доставило мнѣ пріятное знакомство съ вами и вашимъ семействомъ.

валватовъ. Умно.

валватова. Ахъ, Никифоръ Прокофьичъ!

валватовъ. Э, матушка, скучно! [Подавая Слетову тарелку съ кускомъ пирога]. Кушайте, Вадимъ Николаичъ!

саша. Рискнуть, мама? А?

валватова [съ досадой]. Ну, я умываю руки, дѣлайте какъ хотите! [Уходитъ].

валватовъ. Намъ только это и нужно. Ну-ка, Вадимъ Николаичъ! [наливаетъ рюмки]. Подкрѣпитесь!

слетовъ. Вы согласны, Александра Никифоровна? Да?

валватовъ. Да играетъ, играетъ!

слетовъ [цѣлуя ея руки]. Нѣтъ словъ выразить мою благодарность!.. Вы также очаруете всѣхъ, какъ и меня.

саша [застѣнчиво отдергивая руки]. Я съ удовольствіемъ... Что скажетъ мама... [быстро уходитъ въ боковую].

валватовъ. Что тамъ мама! Кончено. Играетъ, Вадимъ Николаичъ! [Чокнулись и пьютъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Слетовъ, Балбатовъ и Астафьевъ.

валватовъ. А-а, Петръ Иванычъ! Добро пожаловать! Какъ разъ къ пирогу! Когда пріѣхалъ?

астафьевъ. Нынче въ ночь.

слетовъ [искательно]. Честь имѣю представиться: артистъ Вадимъ Николаичъ Слетовъ. Прибывъ въ вашъ городъ, первымъ долгомъ почелъ засвидѣтельствовать вамъ м… нижайшее почтеніе, но, къ сожалѣнію, вы оказались в… отъѣздѣ.

АСТАФЬЕВЪ [сухо]. Артистъ Слетовъ. Это вы даете концертъ?

СЛЕТОВЪ. Я-съ.

БАЛБАТОВЪ. А моя Саша акомпанируетъ.

АСТАФЬЕВЪ [выразительно взглянулъ на хозяина]. Гм! [Слетову]. Мой помощникъ пропустилъ вамъ афишку...

СЛЕТОВЪ. Вашъ помощникъ человѣкъ весьма обязательный...

АСТАФЬЕВЪ [перебивая]. Ротозѣй!

СЛЕТОВЪ. Онъ принялъ во мнѣ большое участіе. Вчера мы даже вмѣстѣ обѣдали и сыграли партійку на билліардѣ. Благодаря его содѣйствію, я познакомился кое съ кѣмъ изъ здѣшнихъ обывателей и, хотя съ большимъ трудомъ, но нашелъ инструментъ. Надѣюсь и вы будете столь любезны...

БАЛБАТОВЪ [прерываетъ]. Конечно будетъ! Петръ Иванычъ у насъ милѣйшій человѣкъ. [Взялъ его подъ руку]. Водочки, пирожка!

АСТАФЬЕВЪ [опять выразительно посмотрѣлъ на хозяина и высвободилъ руку. Слетову]. На меня не надѣйтесь. [Входящей хозяйкѣ]. Здравствуйте, Анна Семеновна!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Балбатова.

АСТАФЬЕВЪ. Прежде чѣмъ пропустить афишку, я собралъ бы объ васъ нѣкоторыя свѣдѣнія-съ. [Выпилъ и закусываетъ].

БАЛБАТОВА. Слышите, Никифоръ Прокофьичъ?

БАЛБАТОВЪ. Конечно... иногда... того... не мѣшаетъ.

АСТАФЬЕВЪ [значительно]. Д-да-съ!

СЛЕТОВЪ. Кто я и что за личность, въ этомъ, Петръ Иванычъ, ваше любопытство удовлетворитъ мой паспортъ. А что касается содѣйствія, то вы даже обязаны его оказать.

АСТАФЬЕВЪ. Ну, свои обязанности я и безъ васъ знаю-съ.

СЛЕТОВЪ [съ жаромъ]. Въ ваши служебныя обязанности я не вхожу. Я коснулся обязанностей *нравственныхъ*. Вы, какъ человѣкъ *образованный*, согласитесь, что искусство улучшаетъ нравы и отвлекаетъ общество отъ порочныхъ наклонностей. Вы—представитель здѣшняго общества и нравственные интересы его должны быть вамъ близки. Ясно, что—не говоря ужъ враждебное—но даже равнодушное отношеніе ко мнѣ, какъ къ артисту, было бы *несовмѣстно* съ вашимъ положеніемъ. [Отходитъ. Про себя, утираясь платкомъ]. Ф-фу! Кажется пробралъ!

ВАЛВАТОВЪ. А вѣдь правильно. Ты напрасно, Петръ Иванычъ!..

АСТАФЬЕВЪ. Пускай поетъ. Но вѣдь всякіе «артисты» бываютъ и что влетало мнѣ за ихъ брата—тоже вѣрно!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Саша [къ шляпкѣ].

ВАЛВАТОВА. Ты куда, Саша?

САША. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ! [Матери]. Въ лавки. Кое-что купить къ вечеру.

ВАЛВАТОВА. Охлади свое рвеніе, душа моя. Ты вечеромъ сидишь дома. [Саша вопросительно смотритъ на отца].

ВАЛВАТОВЪ [смущенно]. Да, Сашенька, ты не того... [Про себя]. Ворвался... Чертъ знаетъ кто онъ такой!

СЛЕТОВЪ [про себя]. Всякое терпѣніе лопнетъ! [Къ обществу]. Конечно, «всякіе артисты бываютъ» и я не первоклассный пѣвецъ. Тогда я не попалъ бы въ вашъ городъ. Но вашъ губернаторъ выразилъ очень лестное мнѣніе обо мнѣ и даже взялъ съ меня слово, что на обратномъ пути я еще дамъ концертъ.

АСТАФЬЕВЪ. А развѣ его превосходительство удостоили бесѣдовать съ вами?

СЛЕТОВЪ [небрежно]. Я у него обѣдалъ.

АСТАФЬЕВЪ [мѣняя тонъ]. Да, пѣніе хорошая вещь! Такъ вы акомпанируете, Александра Никифоровна? Очень пріятно.

ВАЛБАТОВЪ. Да, Саша, иди, иди! Покупай что нужно.

ВАЛБАТОВА. Но, Никифоръ Прокофьичъ!..

ВАЛБАТОВЪ [прерываетъ]. Ахъ, матушка! Что ты всегда возражаешь! Иди, Саша! [Дочь уходитъ въ среднюю, а мать раздраженная, въ боковую].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Слетовъ, Валбатовъ и Астафьевъ.

АСТАФЬЕВЪ. Въ былое время я, знаете, самъ пѣвалъ...

СЛЕТОВЪ. Неужели?! О, если вы сами артистъ, то позвольте отъ всего сердца пожать вашу руку. [Потрясаетъ его руку].

АСТАФЬЕВЪ. Давно-съ, еще въ молодости...

ВАЛБАТОВЪ. Шевельнуло старое? Мнѣ, братецъ, тоже кое-что вспоминается. Эхъ ты молодость, молодость! Выпьемъ, господа! [Наливаетъ].

СЛЕТОВЪ [поднявъ рюмку]. За здоровье Петра Иваныча! [Всѣ чокнулись и выпили]. Я въ восторгѣ, что встрѣтилъ въ васъ знатока, артиста, который вѣроятно плѣнилъ не мало сердецъ...

АСТАФЬЕВЪ [добродушно]. Хе-хе-хе!

СЛЕТОВЪ. Конечно вы не откажете посодѣйствовать мнѣ... [проворно достаетъ билеты]. При вашемъ вліяніи, дюжину—другую билетовъ живо разберутъ по рукамъ.

АСТАФЬЕВЪ [про себя, съ гримасой]. Сейчасъ и билеты!

ВАЛБАТОВЪ. Бери, братецъ, бери! Отсчитайте ему двадцать билетовъ, Вадимъ Николаичъ!

АСТАФЬЕВЪ. Очень ты прытокъ! [Слетову]. Пятокъ разсовать и то за глаза.

СЛЕТОВЪ. Неужели изъ уваженія къ начальству не зойдется больше пяти?

АСТАФЬЕВЪ. Ахъ, оставьте! Больше трехъ не возьму-съ. [Изъ пачки положенныхъ на столъ билетовъ беретъ три и прячетъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Чуканова и потомъ Балбатова.

БАЛБАТОВЪ [встрѣчая]. Антонина Васильевна!.. Очень, очень радъ! [Въ дверь]. Жена! Антонина Васильевна!..

ЧУКАНОВА [пожавъ руку Астафьеву]. М-г Слетовъ! [кисло]. Очень кстати, что встрѣтила васъ. Я вамъ послала записку, но васъ не застали въ гостиницѣ... [Входящей Балбатовой]. Здравствуйте, Анна Семеновна! [Поцѣловались].

СЛЕТОВЪ. Вѣроятно, вамъ понадобились билеты въ концертъ? [Поспѣшно достаетъ ихъ].

ЧУКАНОВА. О, нѣтъ! Ни я, ни мои знакомые вовсе не собирались. Я увѣдомляла васъ, что раздумала... не могу дать рояль.

СЛЕТОВЪ. Какъ не можете?! Почему?!

ЧУКАНОВА. Уронятъ и разобьютъ. Здѣсь нѣтъ людей, которые умѣли бы обращаться съ инструментами. Здѣсь не столица.

БАЛБАТОВА. Резонъ.

СЛЕТОВЪ. Помилуйте! Головой ручаюсь, что вашъ рояль будетъ цѣлехонекъ. Его перенесутъ подъ моимъ надзоромъ.

ЧУКАНОВА. Тащить въ клубъ, на второй этажъ, по узкой лѣстницѣ!.. Нѣтъ, не могу.

БАЛБАТОВА. Лѣстница отвратительная.

СЛЕТОВЪ [съ нетерпѣніемъ]. Анна Семеновна, дорого бы я далъ, чтобъ быть вамъ пріятнымъ! [Чукановой]. Антонина Васильевна! Ради самого Бога! Что вы вы со мной дѣлаете?! До концерта остается нѣсколько часовъ. Гдѣ я возьму инструментъ? Вы дали согласіе, я положился на васъ...

ЧУКАНОВА. Извиняюсь; но рояля дать не могу.

СЛЕТОВЪ [въ отчаяніи]. Я пропалъ! окончательно пропалъ!

БАЛБАТОВЪ. Да возьмите наше піанино!

БАЛБАТОВА. Никифоръ Прокофьичъ!

слетовъ. Очень вамъ благодаренъ, но подъ него пѣть не возможно: разбито, разстроено... [Про себя]. Кричи караулъ, да и только!

астафьевъ [значительно, подмигивая]. Вы все на счетъ инструмента, а вѣдь Антонина Васильевна сама играетъ и даже устраивала вечера съ благотворительной цѣлью.

слетовъ. Я просилъ, умолялъ акомпанировать мнѣ, но Антонина Васильевна сказала, что у нея болитъ палецъ.

чуканова. Положимъ, акомпанировать и играть — не одно и тоже... А вы, Петръ Иванычъ, напрасно... Я почти бросила музыку.

слетовъ [про себя]. Ахъ я пентюхъ! [Порывисто]. Антонина Васильевна, осчастливьте, сыграйте въ моемъ концертѣ!

астафьевъ. Сыграйте! Доставьте намъ удовольствіе!

чуканова [жеманится]. Я право не знаю...

балбатовъ. Всѣ просимъ. И Сашенька можетъ сыграть.

чуканова [съ живостью]. Ужъ если сыграть, то которой-нибудь одной.

балбатова [сухо]. Въ такомъ случаѣ, вы можете и акомпанировать, вмѣсто Саши.

чуканова. А Саша акомпанируетъ? Вотъ и прекрасно! А я сыграю.

балбатова. Зачѣмъ моей Сашѣ одна черная работа въ концертѣ, тогда какъ она нисколько не хуже другихъ!

слетовъ [про себя]. Теперь это! Мученье!

чуканова [Слетову]. Или я играю самостоятельно, или вовсе не принимаю участія.

слетовъ [про себя]. И не дашь рояля!

балбатова. И Саша не приметъ участія.

слетовъ. Никифоръ Прокофьичъ! Хоть вы то войдите въ мое положеніе!

балбатовъ [женѣ]. Ну полно, полно тебѣ! Саша дала слово и кончено.

балбатова [вставая]. Ахъ, Никифоръ Прокофьичъ! [Тихо]. За чужихъ распинаешься, а свои ни въ грошъ! [Уходитъ].

ЧУКАНОВА [Слетову]. Для разнообразія, я могу еще продекламировать что-нибудь.

СЛЕТОВЪ [про себя]. Батюшки! декламація! [Къ ней]. Но я чтенія не предвидѣлъ и у меня ужъ готовы программы...

ЧУКАНОВА. Я могу сверхъ программы. [Встаетъ, оживленно]. Такъ я приготовлюсь... костюмъ... Я думаю декольтэ?

СЛЕТОВЪ [про себя]. Хороша ты будешь! [Къ ней, уныло]. Какъ вамъ угодно.

ЧУКАНОВА. Присылайте за инструментомъ и дайте мнѣ десять билетовъ, по рублю.

СЛЕТОВЪ. Извольте! [Отсчитываетъ билеты].

ЧУКАНОВА. Деньги. [Отдаетъ кредитку]. Такъ декольтэ и цвѣты? Кстати мнѣ прислали чудные цвѣты изъ Москвы. До свиданья! [Балбатову]. Надѣюсь, вы придете меня послушать? [Пожимаетъ ему руку]. Не грѣшно вамъ втянуть меня въ концертъ, Петръ Иванычъ? [Пожимаетъ ему руку]. А еще добрый знакомый! [Упархиваетъ].

БАЛБАТОВЪ [проводивъ ее до двери]. Убили бобра! Ха-ха-ха!

СЛЕТОВЪ. Признаюсь!.. Да играетъ-то она хорошо?

АСТАФЬЕВЪ. Весьма плачевно.

СЛЕТОВЪ. Что же вы со мной сдѣлали!?

АСТАФЬЕВЪ. А вы что стали бы дѣлать безъ инструмента?

БАЛБАТОВЪ. Берете рояль, берите и хозяйку, ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ X.

Слетовъ, Балбатовъ, Астафьевъ, Лахтинъ и Дашенька [1]).

ЛАХТИНЪ. Здорово живешь, Никифоръ Прокофьичъ? Петру Иванычу наше нижайшее... [Увидавъ Слетова]. И вы тутъ-съ?

БАЛБАТОВЪ. Артистъ, пѣвецъ! Мое почтеніе, Дарья Ильинишна! Позвольте васъ познакомить...

---

[1]) Дарья Ильинишна.

ДАШЕНЬКА. Мы знакомы-съ. Вадимъ Николаевичъ у насъ въ гостиницѣ стоятъ. [Пожимая Слетову руку, тихо]. Мимо шли. Я въ окошко васъ видѣла и завела дяденьку. [Отходитъ и скромно садится]

ЛАХТИНЪ. Да скажите на милость: правду что-ль она говоритъ, что — вишь — вы у насъ афишу расклеили насчетъ концерту?

СЛЕТОВЪ. Правду.

ЛАХТИНЪ. Фю-ю! Я думалъ—важный баринъ какой, а онъ ахтерщикъ! У насъ, батюшка, послѣ вашего брата, покои ладаномъ курятъ.

ДАШЕНЬКА. Дяденька, какія вы глупости говорите!

ЛАХТИНЪ. Ты умная! Съ ногъ сбилась, хлопотамши. Для кого хлопотала?

ДАШЕНЬКА. Я для каждаго гостя стараюсь. По нашему дѣлу безъ этого невозможно. А что Вадимъ Николаичъ пѣніемъ занимается, я тѣмъ больше старалась ему угодить, потому до страсти люблю пѣніе.

ЛАХТИНЪ. Молчала-бъ ужъ! [Слетову]. Форсу-то напустилъ! батюшки! [Къ остальнымъ]. Лучшій номеръ! На обѣдъ что ни есть лучшаго, шампанскаго! Лакею трешницу, швейцару пятишницу! Вотъ-те и баринъ, ха-ха!

СЛЕТОВЪ. Ахъ господинъ Лахтинъ! Умный вы человѣкъ, а простыхъ вещей не понимаете. Нашему брату, если хочешь успѣха, первое дѣло—пыль пусти въ глаза обывателямъ, вниманіе на себя обрати. Тогда еще кое-что сдѣлаешь въ такомъ захолустьи, какъ ваше. А явись я въ стареньк омъ сюртучишкѣ, ходи да кланяйся, всякъ изъ васъ наплевалъ бы на меня, будь я хоть великій артистъ. И то въ одномъ домѣ продержали въ лакейской, да гривенникъ за афишу выслали. Я послѣдній рубль выкинулъ, зато всѣми замѣченъ... [къ Дашенькѣ] и билеты, кажется, идутъ?

ДАШЕНЬКА. На три четверныхъ продано.

ЗАЛБАТОВЪ. Молодецъ, мо-ло-децъ, Вадимъ Николаичъ! Выпьемъ, господа! [Наливаетъ рюмки] Петръ Иванычъ... Кон-

стантинъ Саввичъ... Чего бъ нибудь скушали, Дарья Ильинишна!

ДАШЕНЬКА. Не въ аппетитѣ. Благодарю покорно.

БАЛБАТОВЪ. Жаль! [Выпилъ съ другими]. А завидую я вамъ, Вадимъ Николаичъ! Порхаете вы съ мѣста на мѣсто, поете, новыя мѣста, новыя лица... Жизнь!

СЛЕТОВЪ. Ну, не завидуйте! Я другой день въ этакой мукѣ, какъ здѣсь. Вонъ охрипъ, а вечеромъ пой. Ваше декольтэ съ декламаціей — пріятно-съ? Нѣтъ, батюшка, устраивать концерты — своего рода каторжная работа. Бьешься, бьешься, а иной разъ и выѣхать не съ чѣмъ! Вотъ были часы и цѣпочка. Гдѣ? Въ послѣднемъ городишкѣ оставилъ. Принесла нелегкая чревовѣщателя, съ куклами. У него полонъ залъ, а у меня въ концертѣ пять человѣкъ!

ДАШЕНЬКА. При вашей авантажности и жизнь такую терпѣть!

АСТАФЬЕВЪ. Зато случается у начальника губерніи обѣдать.

СЛЕТОВЪ. У какого?!

АСТАФЬЕВЪ. Какъ у какого?! Да вы же сказали...

СЛЕТОВЪ [спохватился]. Да, да, у вашего? Какъ же—обѣдалъ, обѣдалъ!

АСТАФЬЕВЪ [Балбатову тихо]. Своалъ, каналья!

БАЛБАТОВЪ [тихо Астафьеву]. Пускай! Добрый малый!

СЛЕТОВЪ. А вы, Константинъ Саввичъ, вмѣсто того, чтобы ладаномъ выкуривать меня, дали бы добрый совѣтъ.

ЛАХТИНЪ [презрительно]. Это насчетъ чего-съ?

СЛЕТОВЪ. Концертъ въ маленькомъ городѣ много зависитъ отъ мѣстныхъ тузовъ. Для нихъ мы припасаемъ особыя афиши на атласной бумагѣ, съ кружевами, и дѣлаемъ всякое уваженіе. У васъ два туза: Сенютинъ и Брюхановъ. Посовѣтуйте, къ кому изъ нихъ ѣхать?

ЛАХТИНЪ. Мое разсужденіе—ѣхать къ Сенютину.

БАЛБАТОВЪ. Нѣтъ, къ Брюханову. Къ Сенютину не ѣздите. Они враги.

АСТАФЬЕВЪ. Да. Гдѣ бываютъ Сенютины, туда Брюхановы ни ногой.

ЛАХТИНЪ. Такъ что же? Ну и чертъ съ нами!

БАЛБАТОВЪ. Какъ чертъ съ ними?! Сенютинъ самъ третей, а Брюхановыхъ 15 душъ! Ну-ка 15 душъ ввалится! Расчетъ!

ЛАХТИНЪ [горячится]. Коли на то пошло, Сенютинъ за одно мѣсто больше отвалитъ, чѣмъ вашъ Брюхановъ за свои 15 животовъ. Брюхановъ жмыхъ.

БАЛБАТОВЪ. Что онъ говоритъ?! Петръ Иванычъ, что онъ говоритъ?!

АСТАФЬЕВЪ. Мой совѣтъ: ѣхать къ Брюханову.

ЛАХТИНЪ [задорно]. Анъ къ Сенютину!

БАЛБАТОВЪ. Не слушайте, Вадимъ Николаичъ! Ступайте къ Брюханову.

ЛАХТИНЪ [кричитъ]. Нѣтъ, къ Сенютину, къ Сенютину! Не раскаетесь!

БАЛБАТОВЪ [кричитъ]. Да ты за что противъ Брюханова? Что онъ твою плутню раскрылъ?

ЛАХТИНЪ [вскочилъ]. Вы это на какомъ основаніи? Какую такую плутню?

АСТАФЬЕВЪ [возвышая голосъ]. Ти-ше, господа!! не могутъ, чтобъ благочинія не нарушить!

ДАШЕНЬКА. Дяденька, вы оставьте. Я ужъ была у Сенютиныхъ. Они на двѣ красненькихъ взяли. Сами пріѣдутъ и прикащиковъ пришлютъ. А Вадимъ Николаичъ, какъ будто ничего про это не знаетъ, пускай съѣздитъ къ Брюханову. Ежели, увидавши Сенютиныхъ, Брюхановы и уйдутъ изъ концерта, все равно деньги заплачены.

БАЛБАТОВЪ. Вотъ что умно, то умно!

ЛАХТИНЪ. Да что ты, матушка, никакъ ужъ билетами ...говать стала? Видно, не даромъ онъ около тебя увился, да ручки тебѣ пожималъ?

АСТАФЬЕВЪ | БАЛБАТОВЪ } Ха-ха-ха!

ДАШЕНЬКА. Дяденька! [Строго посмотрѣла на него]. Когда это было, Вадимъ Николаичъ? Во снѣ ему привидѣлось, что ли?

ЛАХТИНЪ. Тьфу!

БАЛБАТОВЪ. Ну полно тебѣ! Экой задира! Лучше-ка выпей. [Наливаетъ рюмки].

ЛАХТИНЪ. Не желаю-съ.

АСТАФЬЕВЪ [беретъ рюмку]. За компанію.

ЛАХТИНЪ [искательно]. Развѣ что за компанію, Петръ Иванычъ! [Чокнулись и выпили].

БАЛБАТОВЪ. Эхъ, Вадимъ Николаевичъ, расшевелили вы насъ! Вотъ и Петру Иванычу прошлое вспомнилось. Какая у насъ жизнь! Болото стоячее. Ничего не видимъ, ничего не слышимъ... Давайте хоровую, господа! Петръ Иванычъ! Тряхнемъ стариной! Говоришь, что пѣвалъ. Давайте «Сѣни». Бывало, когда моя рота съ ученья идетъ, велишь: „пѣсенники впередъ! Сѣни!“ Гаркнетъ запѣвало, подхватитъ хоръ, кто въ бубенъ, кто въ ложки, плясуны отжариваютъ— любо! Вадимъ Николаичъ! „Сѣни!“.... Дарья Ильинишна!... У васъ голосъ чудесный! Ну-те!

[Слетовъ, Астафьевъ и Балбатовъ, немного захмелѣвшіе, поютъ [1]). Дашенька подхватываетъ и прихлопываетъ въ ладоши. Балбатовъ подергиваетъ плечами и начинаетъ приплясывать].

---

[1]) Ахъ вы сѣни мои сѣни,
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя,
Рѣшетчатыя!
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя, кленовыя,
За рѣшетчатыя! и т. д.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Балбатова.

БАЛБАТОВА [всплеснула руками]. Никифоръ Прокофьичъ! [Дергаетъ его]. Опомнись! [Балбатовъ отмахнулся и пляшетъ съ увлеченіемъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Послѣ концерта.

Номеръ въ гостиницѣ. Одна дверь въ задней стѣнѣ, ближе къ правому углу. Лѣвѣе двери ширмы, за которыми кровать и умывальникъ. Справа диванъ, столъ и кресла. Слѣва комодъ и кушетка. Надъ комодомъ зеркало. Надъ диваномъ картинки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Слетовъ [въ халатѣ, утирается передъ зеркаломъ полотенцемъ] и **Филимонъ** [мететъ щеткою полъ].

ФИЛИМОНЪ. А хозяйка который разъ спрашиваетъ: встамши ли вы?

СЛЕТОВЪ. Что ей нужно?

ФИЛИМОНЪ. Кто-жъ ее знаетъ! Видно, не терпится. [Фыркнулъ].

СЛЕТОВЪ [причесывается]. Она—ничего, ваша хозяйка.

ФИЛИМОНЪ. Даже во всѣхъ статяхъ-съ.

СЛЕТОВЪ. Ну, а какъ она?..

ФИЛИМОНЪ [подмигивая]. Насчетъ этого-другого, иного-прочаго?—Худого сказать нельзя-съ. Вонъ у Сенютиныхъ племянница, такъ та дѣйствительно-съ, насчетъ любви въ свободномъ тонѣ себя содержитъ. На прошлой недѣлѣ у нихъ даже катастрофа вышла: дяденька ее билъ-съ.

СЛЕТОВЪ. Кто тебя научилъ такъ говорить?

ФИЛИМОНЪ. Съ вавилонами-съ? Я въ училищѣ былъ, ученость тамъ получилъ.—А важно вы пѣсни пѣли вчерась! Зычно! Ежели, по вашему художеству, къ намъ пѣвчимъ поступить...

СЛЕТОВЪ. Дуракъ! [Садится]. Фу, какъ голова трещитъ!

ФИЛИМОНЪ. Ужъ очень вы угорѣли вчерась, послѣ концерту. Да и прочіе, которые ужинали съ вами, тоже хороши были. Двоихъ на рукахъ снесли.

СЛЕТОВЪ. Давай чаю!

ФИЛИМОНЪ. Сейчасъ! Давно приготовлено-съ. Коньякъ наилучшій, печенья-съ... Хозяйка сама стараніе приложила, чтобы подать, значитъ, форменно. [Уходитъ].

СЛЕТОВЪ. Да, кутнули вчера! Сколько пріятелей завелось!.. [Зашелъ за ширмы, сбросилъ халатъ, надѣваетъ жакетку и выходитъ съ фракомъ въ рукахъ]. Фракъ какъ отдѣлалъ, ай—ай! Весь въ пятнахъ! Тутъ шампанскимъ залито. Должно быть, когда качали меня...

ЯВЛЕНІЕ II.

Слетовъ и Лизавета Яковлевна.

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. [пріотворивъ дверь]. Можно?

СЛЕТОВЪ [бросивъ фракъ]. Пожалуйста!

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. [застѣнчиво]. Я пріѣхала благодарить васъ... благодарить за то высокое наслажденіе, которое вы доставили вашимъ пѣніемъ. Ахъ, восхитительно!

СЛЕТОВЪ. Весьма пріятно. Покорно прошу! [Подаетъ ей кресло].

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. [садясь]. Вы затронули такія струны въ моемъ сердцѣ, m-r Слетовъ!.. [Порывисто]. Вашъ портретъ! Вы не откажете мнѣ подарить вашъ портретъ?

СЛЕТОВЪ. Съ удовольствіемъ бы, но у меня съ собой нѣтъ портретовъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Глафира Даниловна.

ГЛАФ. ДАНИЛ. [въ дверяхъ]. Можно войти?

СЛЕТОВЪ [идя навстрѣчу]. Сдѣлайте одолженіе.

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. [про себя, съ испугомъ]. Глафира Даниловна! Наплететъ же она про меня!

ГЛАФ. ДАНИЛ. [пожимая Слетову руку]. Я въ восторгѣ! Я всю ночь не могла заснуть отъ вашего пѣнія. [Съ удивленіемъ]. А-а, Лизавета Яковлевна!.. [Пожала ея руку. Обоимъ язвительно]. Если я помѣшала... [Пятится къ двери].

СЛЕТОВЪ. Чѣмъ же, помилуйте! Садитесь, прошу васъ.

ГЛАФ. ДАНИЛ. Нѣтъ, нѣтъ, я на минутку... чтобы никого не *стѣснять*. [Язвительный взглядъ на Лизав. Яковл.]. Я только выразить, что пѣніе ваше захватываетъ... именно захватываетъ и уноситъ куда-то въ даль... Не правда ли, Лизавета Яковлевна? [Язвительно]. Вы тронуты?

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. [вставая]. Я только что выразила m-r Слетову свою благодарность...

ГЛАФ. ДАНИЛ. [прерывая, язвительно]. Какъ вы сказали? Ваши *чувства?*

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. [съ досадой]. *Благодарность* [Слетову] и ухожу съ надеждой, что вы не откажете пожаловать ко мнѣ на чашку чаю.

ГЛАФ. ДАНИЛ. [Слетову]. Но я только что хотѣла просить васъ о томъ же!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Становиха [въ дверяхъ).

СТАНОВИХА. Господинъ Слетовъ!.. Ахъ, ужъ здѣсь цѣлое общество! [Слетовъ идетъ къ ней навстрѣчу].

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. [тихо]. Кажется, жена становаго?

ГЛАФ. ДАНИЛ. [тихо]. Да. Она вѣшается на шею всѣмъ пріѣзжающимъ, будь то фокусникъ, или фигляръ.

СТАНОВИХА [Слетову]. Что за голосъ у васъ! Сколько души! Я даже расплакалась...

ГЛАФ. ДАНИЛ. [тихо Лизаветѣ Як.]. Какъ чувствительно!

СТАНОВИХА. Я ужасно жалѣю, что мой мужъ уѣхалъ на слѣдствіе и не имѣлъ счастья васъ слышать...

ГЛАФ. ДАНИЛ. [тихо Лизаветѣ Як.]. Онъ всегда *кстати* уѣзжаетъ на слѣдствіе!

СТАНОВИХА. Я бы просила васъ доставить мнѣ удовольствіе, пожаловать ко мнѣ вечеромъ на чашку чаю.

ГЛАФ. ДАНИЛ. М-г Слетовъ уже приглашенъ...

ЛИЗАВ. ЯКОВЛ. Но никому еще не далъ согласія. [Пожимая ему руку]. Жду васъ. До свиданья! [Уходитъ].

ГЛАФ. ДАНИЛ. Едва ли вы проведете пріятно вечеръ у Лизаветы Яковлевны. Должна васъ предупредить, что ея мужъ подозрителенъ, ревнивъ, вообще человѣкъ пренепріятнаго характера. Ровно въ семь часовъ я васъ жду. Между прочимъ, я попрошу васъ попробовать мой голосъ... [Становиха фыркнула, сдерживая смѣхъ. Къ ней, презрительно]. Ничего нѣтъ смѣшного! [Про себя]. Какая дрянь! [Слетову]. Итакъ, въ семь часовъ. Непремѣнно! [Выразительно пожала ему руку и уходитъ, окинувъ Становиху презрительнымъ взглядомъ].

СТАНОВИХА. Ха-ха-ха!

СЛЕТОВЪ. Въ самомъ дѣлѣ смѣшно, тѣмъ болѣе, что вечеромъ я намѣренъ уѣхать...

ЯВЛЕНІЕ V.

Слетовъ, Становиха и **Дашенька** [при послѣднихъ словахъ] въ сопровожденіи **Филимона** [съ большимъ подносомъ, на которомъ чайный приборъ и проч.].

ДАШЕНЬКА. Какъ бы не такъ! Кто же васъ отпуститъ?

СЛЕТОВЪ. Добраго утра, Дарья Ильинишна!

ДАШЕНЬКА. Я велѣла швейцару не пускать этихъ барынь. Тамъ еще двѣ. Безстыдницы!

СТАНОВИХА [вспыльчиво]. То-есть какъ «безстыдницы?» Что вы хотите этимъ сказать?

ДАШЕНЬКА. А вы чего пристали къ нему? чего привязались?

СТАНОВИХА. Ахъ, Боже мой! Да вамъ то какое дѣло?!

ДАШЕНЬКА. У насъ не полагается, что бы тревожили проѣзжающихъ.

СТАНОВИХА. Что-то вы ужъ слишкомъ заботливы! слишкомъ!! [Уходитъ].

ДАШЕНЬКА [садясь, Филимону]. Ни одной не впускать!

ФИЛИМОНЪ. Окорочу форменно-съ. [Уходитъ съ вывертомъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Слетовъ и Дашенька,

СЛЕТОВЪ. За что вы ихъ?.. Онѣ удовольствіе выразить, а вы гоните!

ДАШЕНЬКА. Ну и чувствуй себѣ, а сюда незачѣмъ хвосты волочить. Налить чаю?

СЛЕТОВЪ. Пожалуйста. А вамъ развѣ не понравилось мое пѣніе?

ДАШЕНЬКА. Ничего. А только бросить бы вамъ это занятіе. Пустое дѣло... Нѣтъ у васъ ни угла, ни причала... Послушала я вчера, что вы у Балбатовыхъ разсказали. Ну какая это жизнь? [Подаетъ стаканъ]. Кушайте!

СЛЕТОВЪ [пьетъ чай]. Радости особенной нѣту. Признаться и надоѣло. Ну и съ голоса спадать сталъ. Ужь не то!

ДАШЕНЬКА. То-то и есть... Взять бы вамъ хорошую жену, съ капиталомъ. Жить бы, да жить!.. А вы лантрыжничаете.

СЛЕТОВЪ. Какъ «лантрыжничаю»?! Концерты даю.

ДАШЕНЬКА. Жить въ покоѣ, въ довольствѣ—видно хуже?

СЛЕТОВЪ. Втянулся, привыкъ. На одномъ мѣстѣ не могу долго сидѣть. Сейчасъ заскучаю. А въ довольствѣ—хорошо. Это вы правильно. [Достаетъ бумажникъ и считаетъ деньги].

ДАШЕНЬКА [насмѣшливо]. Много?

слетовъ [почесывая затылокъ]. Ну нѣтъ, не очень. За всѣми расплатами, на дорогу рублей сорокъ останется.

дашенька [съ живостью]. Да вы какъ это? взаправду уѣхать сбираетесь?

слетовъ. Чего же мнѣ здѣсь проживаться? [Прячетъ бумажникъ]. Прощайте, Дашенька! Вы большое участіе мнѣ оказали и вообще—особа весьма пріятная. Я долго васъ не забуду.

дашенька [рѣзко отвернулась. Сквозь слезы]. Послѣ этого уѣхать даже не благородно.

слетовъ [съ удивленіемъ]. Послѣ чего?!

дашенька. А какъ же?..

слетовъ [потирая лобъ]. Да, да!.. Вчера, послѣ ужина, я вамъ что-то наплелъ... хорошенько не помню ужъ что...

дашенька. Мало наговорили, сдѣлали.

слетовъ. Что такое?!

дашенька. А вотъ что. [Встала, поцѣловала его въ губы и отходитъ, закрывшись руками].

слетовъ. Неужто?!

дашенька. Какъ по лѣстницѣ на верхъ шли...

слетовъ. Скажите пожалуйста! Вотъ оказія!.. А ну-ка повторите какъ было-то!

дашенька. Я сердце имѣю и амбицію, Вадимъ Николаичъ. Нужно объ этомъ подумать, иль нѣтъ? Дяденька видѣлъ, какъ вы это самое сдѣлали.—„Разбойникъ, кричитъ, я ему ребра переломаю!“—А я на дяденьку цыкнула, чтобы не смѣлъ. Онъ только крикунъ, а человѣкъ безтолковый и не имѣй меня при себѣ—давно бы разорился. А у меня своего капитала 50 тысячъ въ нашей торговлѣ есть. Окромя этой гостиницы, у насъ еще трактиръ на Подъяческой, да ренсковый погребъ. А когда дяденька помретъ, все мое будетъ, потому другихъ наслѣдниковъ нѣту. Вотъ и подумайте! [Уходитъ].

слетовъ. Ха-ха-ха! Не махнуть ли изъ артистовъ въ трактирщики? Ха-ха-ха!... А если разсудить, право не дурно.

Первое: каждый день сытъ. Будущность обезпечена, не умру гдѣ—нибудь подъ заборомъ, или въ больницѣ... [ходитъ]. Чертъ возьми, стоитъ „подумать"!.. Ренсковый погребъ, трактиръ... Ха-ха-ха!.. Дашенька дѣйствительно „во всѣхъ статьяхъ", но—какъ видно—съ характеромъ... А кто мнѣ велитъ поддаваться?.. Въ крайнемъ случаѣ сбѣгу, вотъ и все... Фу, какъ трещитъ голова! Пойду прогуляюсь, да поразмыслю хорошенько... Того не доставало, чтобъ моя артистическая карьера завершилась трактиромъ, ха-ха! Шахеразада! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Филимонъ, потомъ Дашенька и Лахтинъ.

ФИЛИМОНЪ. Велѣлъ убрать чай. До чаю ли послѣ вчерашняго! Рѣдьки бы съ квасомъ, да огуречнаго разсолу стаканчикъ... [Нюхаетъ графинчикъ съ коньякомъ]. А этимъ можно воспользоваться. Расчудесный коньякъ! [Оглянулся]. Чкнемъ рюмочку! [Пьетъ. При входѣ хозяевъ, дѣлаетъ видъ, что торопится убрать приборъ].

ДАШЕНЬКА. А Вадимъ Николаичъ гдѣ?

ФИЛИМОНЪ. Вышли-съ.

ДАШЕНЬКА. Какъ вышелъ?! куда?!

ФИЛИМОНЪ Не могу знать.

ДАШЕНЬКА [вспыльчиво]. А я что приказала тебѣ?! что?!

ФИЛИМОНЪ. Надзоръ за ими имѣть. Да вѣдь я въ головѣ у нихъ не сижу-съ, не знаю ихней фантазіи...

ДАШЕНЬКА. Болванъ! Ты долженъ былъ въ ту же секунду сказать мнѣ, что Вадимъ Николаичъ уходитъ. Разиня!.. Возьми его чемоданъ и запри въ чуланъ.

ЛАХТИНЪ [ядовито]. Для вѣрности, чтобъ поднадзорный не улизнулъ отъ тебя?

ДАШЕНЬКА. Не ваше дѣло. [Филимону]. Вотъ и фракъ возьми.

ФИЛИМОНЪ. А ежели Вадимъ Николаичъ спроситъ?..

ДАШЕНЬКА. Скажи... скажи—у меня... Мнѣ скажи.

ЛАХТИНЪ. А на какомъ основаніи у тебя?

ДАШЕНЬКА. Фу, какъ вы мнѣ надоѣли! [Филимону]. Неси!

ФИЛИМОНЪ [взявъ чемоданъ и фракъ, про себя]. Значитъ, арестъ ему форменный! [Уходитъ].

ЛАХТИНЪ. Да что ты имѣешь въ предметѣ? Замужъ что ли за него собралась?

ДАШЕНЬКА. А хоть бы и замужъ! Въ этомъ я никому не подвластна.

ЛАХТИНЪ. Ай ты въ умѣ повредилась?

ДАШЕНЬКА. Пускай.

ЛАХТИНЪ. Да ты разсуди. Первое: чертъ его знаетъ кто онъ такой. Можетъ жуликъ.

ДАШЕНЬКА. Дворянинъ онъ. Я въ пашпортѣ глядѣла. Значитъ, не чертъ знаетъ кто.

ЛАХТИНЪ. Второе: голь...

ДАШЕНЬКА. Съ насъ двоихъ хватитъ.

ЛАХТИНЪ. По нашему дѣлу ни къ чему не пригоденъ...

ДАШЕНЬКА. Съ дѣломъ я одна справлюсь. Ему даже незачѣмъ носа совать.

ЛАХТИНЪ. Вотъ оно необстоятельное понятіе женское!

ДАШЕНЬКА. Вы и купецъ, за прилавкомъ выросли, а что въ васъ проку, окромя хлопотъ, да разстройства? Значитъ нечего про женское понятіе говорить, потому сами къ дѣлу никакихъ понятій не имѣете.

ЛАХТИНЪ. То женихами пошвыривала: тотъ не любъ, этотъ мужланъ, либо родня не по нраву...

ДАШЕНЬКА. Чтобы мужнина родня мнѣ на голову сѣла? Либо мужъ, корявый, въ смазныхъ сапожищахъ, забралъ бы мои денежки, да сталъ бы мной помыкать?! Да ни во вѣки вѣковъ! Не такого я характера, чтобъ изъ чужихъ рукъ глядѣть. А Вадимъ Николаичъ... [загибая пальцы] дворянинъ, на образованной ногѣ, одинъ какъ перстъ, человѣкъ добрый, ну и... полюбился мнѣ.

ЛАХТИНЪ. Ловко удумано! А какъ начнетъ этотъ Вадимъ Николаичъ карамболить, да дурь изъ тебя выколачивать!..

ДАШЕНЬКА. Что, что?! Да съ чего же вы взяли, чтобъ я въ обиду далась?! У меня не то что Вадимъ Николаичъ, а и всякій смиренъ будетъ.

ЛАХТИНЪ. Толкуй! А по моему разсмотрѣнію, какъ ни верти—пустяковое дѣло.

ДАШЕНЬКА [съ живостью]. Дяденька! Хотите, чтобъ я по гробъ жизни покоила васъ?

ЛАХТИНЪ. Ну?

ДАШЕНЬКА. Окажите содѣйствіе!

ФИЛИМОНЪ [входя]. Вадимъ Николаичъ идутъ! [Взялъ чайный приборъ и уходитъ].

ДАШЕНЬКА [ласкаясь]. Поговорите съ нимъ! Дяденька, милый! А я за вами, какъ за роднымъ отцемъ... по гробъ жизни!.. [Быстро уходитъ].

ЛАХТИНЪ. Ишь подобрѣла, хе-хе! Эхъ, дуры, дуры!.. Аховое дѣло затѣяла!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Лахтинъ и Слетовъ.

СЛЕТОВЪ. А! Здравствуйте, Константинъ Саввичъ!

ЛАХТИНЪ. Прогуливались?

СЛЕТОВЪ. Да, освѣжился немного. Мысли въ порядокъ привелъ. Очень ужъ голова болѣла.

ЛАХТИНЪ. Н-да-съ, вчера вы были во мракѣ! А когда располагаете отбыть изъ нашего города?

СЛЕТОВЪ. Рѣшилъ нынче уѣхать.

ЛАХТИНЪ. Дѣло-съ.

СЛЕТОВЪ. Сначала думалъ было остаться. Разныя соображенія... даже весьма заманчивыя...

ЛАХТИНЪ. Пустыя, сударь мой.

СЛЕТОВЪ. Почему пустыя?

ЛАХТИНЪ. На какомъ основаніи вамъ оставаться?

СЛЕТОВЪ. Стоитъ мнѣ захотѣть и основаніе явится.

ЛАХТИНЪ. Конечно, ежели вамъ устроиться у насъ—на что лучше? Вашему брату и во снѣ не снилось такого благо-

получія. Но при всемъ томъ мы не вислоухіе какіе-нибудь, чтобы дѣло въ серьезъ принимать. Такъ-то-съ!

слетовъ. Позвольте, Константинъ Саввичъ! Если на то пошло, спросимъ Дарью Ильинишну...

лахтинъ. Женское понятіе не обстоятельное, сударь мой. Ежели Дарья вамъ что и сболтнула, такъ успѣла одуматься.

слетовъ. Одуматься?! Но позвольте! Мнѣ лучше знать чувства Дарьи Ильинишны. Я не навязывался, никакихъ предложеній не дѣлалъ. Наоборотъ-съ!

лахтинъ. А я докладываю, что вамъ оставаться у насъ не приходится. [Въ дверь]. Филимонъ!

слетовъ. Ну такъ я же вамъ докажу, что вы ошибаетесь!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же. и Филимонъ.

филимонъ. Чего изволите?

лахтинъ. Филимонъ! [тихо]. Принеси его чемоданишко. А племянницѣ ни гу-гу!

филимонъ [тихо]. Слушаю-съ. [Уходя, про себя]. Что-то чудно! [Уходитъ].

слетовъ [про себя, расхаживая по комнатѣ]. Чертъ возьми, это наконецъ обидно! За кого они считаютъ меня?.. Надо съ нею объясниться...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Балбатовъ.

балбатовъ [радостно]. Вадимъ Николаичъ! Поздравляю! И Сашенька тоже. Велѣла благодарить: сразу три урока получила, послѣ концерта. [Обнимаетъ и цѣлуетъ его]. Поздравляю отъ всей души!

лахтинъ. Съ чѣмъ такимъ, позвольте спросить.

балбатовъ. Какъ съ чѣмъ?! Женится. [Слетову]. Въ го-

родѣ ужъ знаютъ, что вы женитесь на Дарьѣ Ильинишнѣ. [Опять объятія]. Нашъ, нашъ! Теперь не выпустимъ! Нашъ!

ЛАХТИНЪ. Вонъ оно! Ужь мораль про нашу фамилію пущена!—О свадьбѣ здѣсь и помину нѣтъ, Никифоръ Прокофьичъ; а подадутъ счетъ и просимъ прощенья-съ.

БАЛБАТОВЪ. Въ самомъ дѣлѣ?! Гмъ!.. Я, знаете, сразу и не повѣрилъ.—«Ой думаю, не сплетня—ли?.» Ужъ очень скоро... Наконецъ, Дарья Ильинишна такая невѣста... [Слетову] Нѣтъ, каковъ городишка! Стоитъ кому-нибудь чихнуть, ужъ кричатъ: набатъ! пожаръ!...

ФИЛИМОНЪ [вноситъ чемоданъ и фракъ. Небрежно бросая ихъ]. Извольте получить.—Пожитки не прытки! [Уходитъ].

СЛЕТОВЪ. Что это значитъ!? Кто бралъ мои вещи!? кто смѣлъ?!

ЛАХТИНЪ. А мы—такъ сказать—въ обезпеченіе расчета. Потому учены-съ.

СЛЕТОВЪ. Какъ?! вы забрали мои вещи въ залогъ, чтобы я расплатился по счету?!

БАЛБАТОВЪ [про себя]. Ну, здѣсь на свадьбу совсѣмъ не похоже!

СЛЕТОВЪ. Это ужъ слишкомъ-съ! Вы... вы оскорбляете меня и я...

ЯВЛЕНІЕ XI

Лахтинъ, Слетовъ, Балбатовъ и Дашенька.

ДАШЕНЬКА [съ испугомъ]. Что вы говорите, Вадимъ Николаевичъ? Кто оскорбилъ васъ?

СЛЕТОВЪ. И вы спрашиваете?! Да что я въ шуты вамъ дался, что ли?!

ДАШЕНЬКА. Ничего не понимаю! [Съ мольбою]. Вадимъ Николаичъ!..

СЛЕТОВЪ [прерываетъ]. Позвольте, позвольте! Прежде всего потрудитесь мнѣ объяснить: съ вашего вѣдома были взяты спрятаны мои вещи?

ДАШЕНЬКА. Какія?

СЛЕТОВЪ. А вотъ-съ фактъ, чемоданъ... эти самыя. Къ сожалѣнію, ихъ очень немного...

ДАШЕНЬКА [вспыхнула]. Кто смѣлъ принести?!

СЛЕТОВЪ. Ка-акъ?! Вы настаиваете, что въ правѣ отбирать вещи у пріѣзжающихъ?!

ДАШЕНЬКА [смущенно]. Я не отбирала... это вовсе не то...

СЛЕТОВЪ. Позвольте, какъ не то? Фактъ налицо. Потрудитесь объяснить, съ какою цѣлью было сдѣлано это?

ЛАХТИНЪ [про себя]. Ну-ка, вывернись!

ДАШЕНЬКА [еще больше смутилась]. Я не могу сказать... это такой деликатный предметъ...

БАЛБАТОВЪ. Странная деликатность!

СЛЕТОВЪ. Напротивъ, полное отсутствіе деликатности. Вашъ дядя объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Положимъ, мнѣ дѣйствительно... случалось уѣзжать и такъ... Но это бывало въ крайности... И наконецъ я всегда возвращалъ... Какъ первыя деньги, такъ шлю по почтѣ...

ДАШЕНЬКА [всплеснула руками]. Боже мой! И вы могли подумать, что мы вамъ не вѣримъ и потому!.. [Глядя на Лахтина]. Такъ вотъ что дяденька вамъ насказалъ! [Лахтину строго]. Вы такъ-то?!

ЛАХТИНЪ. Ну, объясни сама.

СЛЕТОВЪ [засовывая въ чемоданъ фракъ и мелочи]. Не нужно-съ! Довольно съ меня!

ДАШЕНЬКА [плаксиво]. Вадимъ Николаевичъ, что же вы дѣлаете?

СЛЕТОВЪ. Укладываюсь. Прикажите подать счетъ.

ДАШЕНЬКА [цѣпляясь за него]. Позвольте! да что вы?!.

СЛЕТОВЪ. У-кла--ды-ва-юсь! Пожалуйста не мѣшайте!

БАЛБАТОВЪ. Гребешокъ. [Подаетъ его Слетову].

ЛАХТИНЪ [взялъ съ комода галстукъ]. Галстучекъ не забудьте. [Несетъ его Слетневу].

ДАШЕНЬКА [вырываетъ у Лахтина галстукъ. Гнѣвно]. Ваши штуки! Теперь я все поняла. За этимъ я васъ прислала сюда?! за этимъ?! Васъ честью просили, какъ добраго, а вы напротивъ пошли?!

ЛАХТИНЪ [оробѣлъ]. Я на томъ основаніи...

ДАШЕНЬКА [грозно]. Ну-съ?

ЛАХТИНЪ. Да я ничего...

ДАШЕНЬКА. Вадимъ Николаичъ, что онъ вамъ говорилъ?

ЛАХТИНЪ. Кхе, кхе! Мы о томъ...

ДАШЕНЬКА. Не васъ спрашиваютъ. Вадимъ Николаичъ!.. [Подходя]. Да оставьте вы чемоданъ! Ну что это?!

СЛЕТОВЪ. Вашъ дядя началъ съ того...

ЛАХТИНЪ [прерывая]. Кхе, кхе!.. Вадимъ Николаичъ, послушайте-ка...

ДАШЕНЬКА. Дяденька! замолчите!

СЛЕТОВЪ. Вашъ дядя былъ противъ того, чтобы я...

ЛАХТИНЪ [прерываетъ]. Да зачѣмъ уѣзжать вамъ? Зачѣмъ? Погостили бы еще... [Дашенькѣ]. Я ему говорю...

СЛЕТОВЪ [прерываетъ]. Да развѣ вы то говорили?

ЛАХТИНЪ. Экой невразумительный, право! [Въ дверь]. Филимонъ! Унеси чемоданъ!

СЛЕТОВЪ [схватываетъ чемоданъ]. Опять?! Ну ужъ нѣтъ! [Въ азартѣ]. Счетъ! сію минуту счетъ!!

ДАШЕНЬКА [со слезами]. Богъ съ вами, Вадимъ Николаичъ! Хотя дяденька и слукавилъ и напуталъ, по своей безтолковости...

ЛАХТИНЪ [прерываетъ]. Погоди, погоди! Да ты вникни...

ДАШЕНЬКА [прерываетъ гнѣвно]. Мы еще съ вами поговоримъ! Я ли ни старалась, я ли ни покоила васъ! Вы *были* за мной, какъ за каменной стѣной. А пошли противъ меня, такъ я все переверну: тятенькину часть у васъ отберу, дѣло поведу за свой счетъ, особо; а вы разоряйтесь, какъ знаете!

ЛАХТИНЪ. Вотъ оно необстоятельное понятіе женское! Вадимъ Николаичъ, батюшка! Ежели у нея чувства къ вамъ въ такомъ градусѣ, обратите вниманіе!.. Дѣвка плачетъ. Ну что хорошаго?

БАЛВАТОВЪ [тихо Слетову, толкая его локтемъ]. Женитесь, женитесь! Богатая! [Бросается къ плачущей Дашенькѣ]. Не огорчайтесь, Дарья Ильинишна! Положитесь на меня. Все устрою. Не плачьте!

ДАШЕНЬКА [всхлипывая]. Не удержусь... чувства ослабли... [Къ ней подошелъ и Лахтинъ].

СЛЕТОВЪ [про себя]. Быть или не быть? Жениться страшно, а уѣхать жалко... Остаться ли на денекъ, поразмыслить, или уѣхать сейчасъ?

ДАШЕНЬКА [осушивъ слезы, подходитъ. Нѣжно]. О чемъ вы думаете, Вадимъ Николаичъ? [Беретъ его руку въ обѣ свои].

СЛЕТОВЪ [про себя]. А она право ничего!

ДАШЕНЬКА. Какъ ваше сердце чувствуетъ, Вадимъ Николаевичъ?

БАЛВАТОВЪ. Влюбленъ. Никакого сомнѣнія!

ДАШЕНЬКА [въ восторгѣ]. Влюблены? И я влюблена.

СЛЕТОВЪ. Все это такъ: и я влюбленъ и вы влюблены, но кромѣ того существуетъ...

ДАШЕНЬКА [прерываетъ]. Ничего не существуетъ, Вадимъ Николаичъ, кромѣ васъ—ничего!!

БАЛВАТОВЪ. Конечно! И что тутъ тратить слова! Подать шампанскаго и пить за здоровье жениха и невѣсты, [Идя въ глубину комнаты]. Константинъ Саввичъ, вели-ка...

СЛЕТОВЪ [схватываетъ его за руку. Тихо, съ досадой]. Да погодите, пожалуйста! Жениться — не романсъ спѣть. Это— пѣсенка на всю жизнь.

ДАШЕНЬКА [подбѣгая]. Дяденька, шампанскаго! Прикажите шампанскаго! [Отходитъ къ Слетову].

ЛАХТИНЪ [про себя]. Не спѣши, можетъ и разгородится! [Входящему]. Петръ Иванычъ! Мое вамъ почтеніе!

ЯВЛЕНІЕ XII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и Астафьевъ.

АСТАФЬЕВЪ [пожимая руки]. Здравствуйте, Дарья Ильинишна... Никифоръ Прокофьичъ... Вадимъ Николаичъ. [Тихо]. Хорошо, батенька, что вы не уѣхали.

СЛЕТОВЪ. А что?

АСТАФЬЕВЪ [отводя его въ сторону]. Прочтите-ка! Телеграфируетъ сосѣдній исправникъ.

СЛЕТОВЪ [читаетъ]. «Если артистъ Слетовъ у васъ, задержите и обяжите подпиской о невыѣздѣ, впредь до врученія ему повѣстки отъ мирового судьи. Задолжалъ у насъ и удралъ»... [Смущенно[. Я полагаю, что телеграфъ что-нибудь перевралъ. Это часто бываетъ.

АСТАФЬЕВЪ [насмѣшливо]. Не думаю. Ясно изложено.

ДАШЕНЬКА [подходя]. О чемъ вы шепчетесь господа? что за бумага?

СЛЕТОВЪ. Пустая бумаженка! [Отходя, прячетъ ее въ карманъ. Про себя]. Вѣрно судьба! Не выкрутишься, чертъ возьми!

АСТАФЬЕВЪ. Вовсе не пустая, а документъ. Прошу возвратить!

ЛАХТИНЪ [про себя]. Подозрительно! [Подходя къ Астафьеву]. А позвольте полюбопытствовать, въ чемъ дѣло состоитъ?

ВАЛВАТОВЪ. Да, любопытно!

АСТАФЬЕВЪ. А очень просто...

СЛЕТОВЪ [прерывая]. Позвольте, Петръ Иванычъ, позвольте! Стоитъ ли о пустякахъ говорить, когда рѣшается вопросъ всей моей жизни! [Беретъ Дашеньку за руку. Торжественно]. Петръ Иванычъ, поздравьте меня: я женюсь.

ДАШЕНЬКА [съ восторгомъ]. Ахъ!.. Душечка!! [Бросается къ нему на грудь].

ЗАНАВѢСЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Содержаніе: **Вольная волюшка,** др.
Въ старые годы, др.
Простая исторія, др.
Жертва, др.
Чародѣйка, траг.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Содержаніе: **Княгиня Курагина,** др.
Шпіоны, ком.
Темная сила, др.
Грѣхъ попуталъ, др.
Двѣ судьбы, пьеса.
Предѣлъ, др.
Лучъ, сц.

Цѣна 2 руб.

Драматическія

СОЧИНЕНІЯ

И. В. Шпажинскаго.

Томъ второй.

Третье
изданіе
Театральной Библіотеки
С. Разсохина

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

И. В. Шпажинскаго.

Томъ 2-й.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВОЛЬНАЯ ВОЛЮШКА.

ДРАМА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ИВАНА ГРОЗНАГО

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ И ШЕСТИ КАРТИНАХЪ.

(Въ исправленномъ видѣ).

И. В. Шпажинскій.

Дѣйствующія лица:

Бояринъ Глѣбъ Акимовичъ Варыгинъ.

Любовь Лукинишна, жена его.

Ольга, дочь ихъ, дѣвушка.

Князь Иванъ Ларіоновичъ Мезецкій.

Илья Григорьевичъ Подгорный.

Маремьяна, по прозвищу **Щелкуха.**

Ѳекла,
Малашка,
Зинка,
Марья, — сѣнныя дѣвушки.

Абрамъ,
Михайло,
Слуга, — Варыгинскіе.

Дуняша, жена Абрама.

Кирюха, эсаулъ.

Батя,
Сверло,
Семенъ,
Жогъ,
Сова,
Иванъ Ядреный,
Ежъ, — воры-разбойники.

Слуги, холопи Варыгинскіе и разбойники.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Варыгина и ея окрестностяхъ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Теремъ. Двѣ двери: налѣво—на лѣстницу, ведущую внизъ; направо, маленькая боковая—въ свѣтлицу. Въ правой сторонѣ—небольшой продолговатый столъ, покрытый зеленой, съ красной каймою, скатертью; у лѣвой стѣны скрыня, съ оковкою и висячимъ замкомъ. Въ задней стѣнѣ три окна въ садъ. Въ окна видны верхушки деревьевъ. Одно изъ нихъ растетъ у средняго окна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дуняша, Ѳекла, Малашка, Зинка *и* **Марья** *(сидятъ за пяльцами и работаютъ. Дуняша кроитъ за столомъ).*

Ѳекла. О-охъ, разломило спину, не разогнешь! То-то жизнь треклятая!

Зинка. Вотъ Щелкуха-те разомнетъ клюкой спину-то! Не будешь охать.

Ѳекла. Вѣдьма!

Марья. А слышали, дѣвушки, про разбойниковъ? Страсти! Вишь, въ Юшинскомъ лѣсу становище у нихъ. Далеча-ли? Слышно, ватага человѣкъ сотъ двѣ. Ни проходу, вишь, отъ нихъ, ни проѣзду. Который цѣлъ проѣхалъ, въ ближнемъ селѣ молебенъ служитъ, что Богъ пронесъ.

Малашка. Бѣда нашему бояршну!

Ѳекла. Накопилъ скаредъ добра. Есть чѣмъ ворамъ поживиться!

Зинка. Недаромъ же, сказываютъ, сонъ ему видѣлся, что торчитъ его голова на колу, ха-ха!

Дуняша *(взглянувъ на дверь).* А ты поопасливѣй, Зинка! Какъ бы иглой языка не истыкали, какъ намедни Ѳеколкѣ.

Малашка. Берегись, дѣвки! Нагрянутъ ухачи-воры, пришла намъ погибель!

Ѳекла. Небось у разбойниковъ лучше жизнь, чѣмъ у нашего Ирода.

Марья. Ахъ, что ты, что ты! Помилуй Богъ!

Зинка. Пойдутъ кистенями молотить, и тебѣ, чай, влетить, Ѳеклушка. Али думаешь—въ честь у нихъ попадешь?

Ѳекла. А то нѣтъ? Ништо имъ дѣвки не нужны?

Малашка. Дура!

Марья. Да, недаромъ у насъ караулы на ночь удвоены! Кто съ дубиной, кто съ вилами и у каждаго, слышь, за поясомъ по топору.

Ѳекла. Накараулятъ! Караульщикамъ отъ нашего боярина въ пору самимъ въ разбой идти. Твой мужъ, Дуняша, не къ намъ ли въ Юшинскій лѣсъ утекъ?

Дуняша. Куда сбѣжалъ Абрамъ—невѣдомо мнѣ, да и тебѣ мало дѣла, моя милая.

Зинка *(со вздохомъ)*. Абрамъ, Абрамъ! Какъ и не сбѣжать! Мученски-мучили... *(Запѣваетъ)*.

Затуманилось ясно солнышко,
(остальныя дѣвушки подхватываютъ),
Пріунывъ сидитъ добрый молодецъ.
Что задумался ты, ясёнъ соколъ?
Не судилъ, знать, Богъ жизнь таланную,
Иль кручинушка въ переломъ пришла?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же *и* Щелкуха.

Щелкуха. Чего распѣлись, чего раззявкались, дармоѣдницы, а?!

Зинка. За пѣсней дѣло спорится.

Щелкуха. У тебя вотъ спорится! Чего ты наковыряла тутъ, негодная, а?! Первая выскочитъ, сорочій языкъ! Вотъ зачну трепать за косу, другія у меня пѣсни пойдутъ. Да

знаешь ли, что за бѣсовскія пѣсни на томъ свѣтѣ будетъ? Повѣсятъ тебя за языкъ на удицу, и змѣй обовьется вокругъ тебя, съ языкомъ огненнымъ, и будетъ онъ жалить тебя отъ головы до пятъ. Вотъ что за бѣсовство-то будетъ! (*На Дуняшу*). А тебѣ смѣшно?! зубы скалишь?

Дуняша. И не думала! Съ чего ты взяла?

Щелкуха. Съ того, что видѣла, съ того и взяла. Знаю, что неугодны мои рѣчи твоей милости, знаю! Что я ни скажи, ты рожу кривишь. Всякому непокорству заводчица...

Дуняша. Да что ты привязываешься ко мнѣ? Что ни день, то напраслина. Вотъ какъ теперь: и въ мысляхъ смѣяться не было, а ты прицѣпилась. Терплю, терплю...

Щелкуха. Поговори у меня, поговори! Ты вотъ когда говори, какъ станетъ бояринъ тебя пытать, куда Абрамка сбѣжалъ.

Дуняша. Господи, Боже мой! да почемъ же я знаю! Не отвѣтчица я за него.

Щелкуха. Одинъ у васъ умыселъ съ нимъ.

Дуняша. Вотъ ты на что гнешь! Спасибо! Много черезъ тебя Абрамъ муки принялъ отъ боярина, черезъ твои наговоры...

Щелкуха. Ты смѣешь меня попрекать!? (*Схватила ее за плечо*).

Дуняша (*высвободила плечо*). Ну, оставь! Богомъ прошу, не придирайся ко мнѣ! И камень отъ жару треснетъ.

Щелкуха (*кричитъ и стучитъ на нее клюкою*). А, ты грозить?!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же *и* **Ольга**.

Ольга. Это что? Не смѣй!

Щелкуха. Ну, вотъ! Какъ взыскивать съ холопокъ, коли сама боярышня поноровщица? Гдѣ управиться съ людишками, коли здѣсь, въ терему, всякому супротивству заводъ и починъ?

Ольга. Какое супротивство? Что ты врешь, что выдумываешь?! Изсохла отъ ехидства и злости, старый паукъ. Ступай вонъ!

Щелкуха. Ишь озмѣилась! Кажется, съѣла-бъ меня, озорница. Да спасибо, не будетъ по-твоему. Съ чѣмъ нагрянешь, съ тѣмъ и отгрянешь. Батюшкой твоимъ мнѣ приказано накрѣпко надзоръ за всѣми имѣть, чтобъ были всѣ въ покорствѣ и страхѣ. Значитъ, идешь ты противъ воли родительской, значитъ, ослушница ты...

Ольга (*прерываетъ*). Холопка! молчать!

Щелкуха. И правда, что мнѣ, холопкѣ, тебя учить! Пускай родитель поучитъ дочь непокорную. Ладнѣй будетъ дѣло! (*Уходитъ*).

Дуняша. Нажалуется теперь. Не вступаться-бъ тебѣ, боярышня!

Зинка. Не накликать бы бѣды! Стоитъ-ли изъ за насъ?

Ольга. Ступайте, дѣвки. (*Всѣ, кромѣ Дуняши, накрываютъ пяльцы и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дуняша и Ольга.

Ольга. Слышала? Иволга просвистала.

Дуняша. Такъ что жъ? Знать къ дождю.

Ольга. Гмъ! глупая! (*Подходитъ къ окну*).

Дуняша. Неужто опять *онъ?*

Ольга. А то кто-же? Гляди-ка, съ кѣмъ батюшка по саду идетъ?

Дуняша. Должно быть, съ княземъ Мезецкимъ. Въ поварнѣ говорили, ждали его нынче у насъ.

Ольга. Какой старый, да толстый! Полно, онъ-ли? Весь вѣкъ у нихъ съ батюшкой судбище. Такіе враги, что батюшка на него даже опасную грамоту выхлопоталъ, потому, вишь, похвалялся князь на батюшку лихимъ дѣломъ.

Дуняша. Ну, а теперь на миръ пошло. То ихъ дѣло, а

я про „иволгу“. Серчай не серчай на меня, боярышня, а лихою бѣдою прикочнулся къ тебѣ этотъ молодецъ. Гони ты его, ради Христа! Дашь сердце волю—въ бѣду заведетъ.

Ольга. Захочу—прогоню. Да я и не пожаливаю его.

Дуняша. Да кто онъ? откуда?

Ольга. Кто?... Издалеча... Али сказать? Про Подгорныхъ слыхала?

Дуняша. Подгорные?! *(Смущенно)*. У насъ и по сей часъ вспоминаютъ...

Ольга *(мрачно)*. Тяжкій грѣхъ! Батюшкѣ не простятъ его до вѣку... Ну, вотъ этого самого Подгорнаго сынъ, Илья.

Дуняша. Да онъ-же въ Литву сбѣжалъ.

Ольга. Кто захочетъ—и съ Литвы домой дорогу найдетъ.

Дуняша. Молодой Подгорный! Вотъ дѣла!.. Стало быть ты съ измальства знала его?

Ольга. Дѣтьми были, игрывали... Въ мышку играли, въ сѣраго волка... Разъ, помню, взобралась я на березу высокую. Сукъ и подломись подо мною, не слѣзть да и полю. Оробѣла. Плакать не плачу. Слезъ у меня и тогда не бывало. А сердце упало, голова закружилась, того гляди сорвусь на земь. Бѣжитъ Илюша. Кричу: „снимай!“ Влѣзъ онъ, какъ бѣлка, ухватилъ меня и какъ ужъ сползъ—Богъ его знаетъ. Не изъ одной бѣды выручалъ... Въ дѣтствѣ мнѣ только и радости было, что онъ! Да скоро нашимъ играмъ конецъ пришелъ.

Дуняша. Какъ засудились ваши родители, съ тѣхъ поръ и не видались ужъ вы?

Ольга. Нѣтъ, довелось раза два, когда ужъ подростками были. Въ монастырѣ помню... На богомолье мы съ матушкой ѣздили... Тамъ его видѣла. Да еще, въ скорости, когда отецъ на Москвѣ былъ, забѣжала я отъ мамушекъ на остоженый дворъ. Вдругъ Илюша изъ половня. Я такъ и вскрикнула! Подлетѣлъ, обнялъ меня, поцѣловалъ, и не успѣла опомниться я, какъ его ужъ и слѣдъ простылъ!

Дуняша. Такъ вотъ у васъ съ коихъ поръ!.. А теперь гдѣ-же вы свидѣлись?

Ольга. Вотъ какъ было. Гуляю я по саду. Вдругъ Илья предо мной, какъ изъ земли выросъ. „Не признаешь, говоритъ, меня, Ольга Глѣбовна?“ А гдѣ признать!.. „Или, говоритъ, забыла Илюшу?..“ Слова я не промолвила и ушла. Послѣ того, стала по саду близко дома ходить, на виду, и то рѣдко. Вотъ разъ иду, а изъ вишенья голосъ: „здравствуй, красавица!“

Дуняша. Днемъ?!

Ольга. До обѣда, всѣ на ногахъ были и дворъ полонъ народу.

Дуняша. Какъ же онъ въ садъ пробрался?

Ольга. Ему вездѣ дорога. Тёмью прокрадется, тише тѣни пройдетъ, а ужъ будетъ гдѣ надо. „Съ чего, говоритъ, ты отъ дома отходить боишься? Эхъ, Ольга Глѣбовна! Одно знай: живу не быть, а тебя добыть“.

Дуняша. Вотъ ужъ какъ!

Ольга. „Ты, говоритъ, обо мнѣ только помысли. Стану передъ тобой, какъ листъ передъ травой. Хоть тебя всѣмъ селомъ окружи, невидимкой проберусь. Такъ и знай!“ Опять я на рѣчи его ничего не сказала и ушла. И точно: разъ, сидючи въ теремѣ, подняла я окошко, гляжу на темную ноченьку и пришелъ онъ мнѣ въ голову. Вдругъ зашуршало тутъ въ липѣ и прыгъ онъ съ нея на окошко!

Дуняша. Сюда?! Матушки! То-то, чай, испугалась?

Ольга. Я не пуглива.

Дуняша. Прогнала?

Ольга. Поговорили... Больше на окошко не сядетъ.

Дуняша. Такъ-то лучше! Помилуй Богъ, узнаетъ бояринъ, да онъ тебя въ живыхъ не оставитъ!.. А грѣхъ, а стыдъ!..

Ольга. Кому тошно жить, тому страхъ не въ страхъ и грѣхъ не въ боязнь.

Дуняша. Опять иволга!

Ольга. Гдѣ-нибудь онъ тутъ недалеча. Въ тотъ разъ, какъ спровадила я его, сказалъ: „иволгу слушай"!.. Онъ всякою птицей кричать горазъ: и совой гукаетъ, и соловьемъ свищетъ и перепеломъ бьетъ... „Иволгу слушай, сказалъ. Значитъ, неминучая нужда съ тобой перемолвиться".

Дуняша. Хитритъ!

Ольга. Взгляни, кто тамъ по лѣстницѣ идетъ?

Дуняша *(отворивъ дверь)*. Боярыня. *(Пропустивъ ее, уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Ольга *и* боярыня Любовь Лукинишна.

Боярыня.

Опять ты вздоришь! горюшко мое!
Что дѣлать мнѣ съ тобою?!..

Ольга.

Чѣмъ я вздорю?

Боярыня.

Послушай, что старуха говоритъ!
Къ отцу пошла, пожаловаться хочетъ!
Иль мало я просила: не раздорь,
Не связывайся съ ней! Въ упрóсъ просила!
Ты все свое! Ты ставишь ни во что
Родительское слово... *(Плачетъ)*.

Ольга.

Перестань!
Прискучили мнѣ охи, причитанья,
Да жалобы слезливыя твои.
Что проку въ нихъ? Ни дѣла разсудить,
Ни твердаго сказать—гдѣ надо—слова,
Одно у насъ съ тобою: сокрушаться.

Боярыня.

Меня ты сокрушила, дочка, правда!
Смиренныхъ любитъ Богъ и благодать
Тому, кто сердцемъ кротокъ и покорливъ;
А ты, въ своемъ упорствѣ и гордынѣ,
Не чтишь и не жалѣешь мать. Грѣшно!

Ольга.

Неправда, я жалѣю. Весь ты вѣкъ
Въ напраслинахъ, въ обидахъ изжила,
Да въ страхѣ предъ крутымъ отцовскимъ нравомъ.
Я съ дѣтства за тебя душей болѣла,
И въ сердцѣ скорбь,—гнѣвливая досада
На батюшку кипѣли у меня.
За то и онъ меня возненавидѣлъ,
„Волченкомъ" звалъ, тѣснилъ и истязалъ.
Кому вступиться было за ребенка,
Коль, въ страхѣ, мать очей поднять не смѣла?
Откуда жъ было кротости набраться,
Смиренья мнѣ, коль я ни ласкъ не знала,
Ни радостей ребячьихъ, ни подругъ?
Коль видѣла я скорбь одну вокругъ,
Да слышала лишь вопли, да проклятья?

Боярыня.

Грѣшно отца судить. Молиться надо.

Ольга.

Да развѣ сладки мнѣ такія рѣчи?
Что батюшку „злодѣемъ" называютъ,—
Легко-ли мнѣ?.. Подгорнаго ты вспомни...
Корысти ради, кто его сгубилъ?
Кто ложно предъ царемъ оговорилъ?
И батюшку раскаянье не гложетъ?..

Боярыня *(прерываетъ).*

Безумная, молчи! Вселяетъ врагъ
Такія мысли... Даже слушать страшно!

Ольга.

Не рѣчи страшны, матушка: дѣла!..
Охъ, душно мнѣ, томитъ меня, родная!
Не жизнь у насъ, а мрачная тюрьма.
Мнѣ все постыло здѣсь. Себѣ сама
Упорствомъ я и злобой досадила.
Расшибла-бъ теремъ я и тынъ высокій,
Чтобъ вырваться на ширь и на просторъ,
Лихую долю радостью смѣнить,
Да вольною-бы волюшкой зажить!.. *(Въ волненіи припала къ матери).*

Боярыня *(лаская ее).*

Опомнись! Богъ съ тобой, дитя мое!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Варыгинъ *) *и* **Щелкуха.**

Варыгинъ. Изрядно! Поучить-бы дочь негодницу, а ты ласки ей расточаешь! У дуръ матерей дочери всегда въ непокорствѣ растутъ. Не умѣла держать въ страхѣ Божіемъ, благоразумномъ ученіи, вотъ и взростила добро! *(Щелкухѣ).* А ты кликни ко мнѣ друга ея сердечнаго, Дуняшку, да и Ефремыча кстати. *(Щелкуха поклонилась и уходитъ).* Спасибо дочушкѣ, дѣвки у насъ развольничались, отъ ея понаровки. Доведется мнѣ ихъ, сердечныхъ, поучить уму-разуму, чтобъ упрямствомъ не жили.

*) Варыгинъ — худощавый старикъ, съ жиденькими волосами тонкими блѣдными губами и яснымъ холоднымъ взоромъ. Рѣчь спокойная, а въ моменты жестокости даже ласковая. Гнѣвъ проявляется взрывомъ, послѣ чего Варыгинъ опять спокоенъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ольга, боярыня. Варыгинъ. Дуняша *и* **Ефремычъ.**
(Дуняша испугана; войдя, низко поклонилась Варыгину).

Варыгинъ. Здравствуй, милая, здравствуй! Скажи-ка мнѣ, какъ боярышня научаетъ тебя старуху не слушаться, да дѣвокъ мутить?.. Отвѣтствуй! Или языкъ присохъ?

Дуняша. Ничего я такого отъ боярышни не слыхала..

Ольга. Вступиться вступлюсь, когда обижаютъ, а худу не учу никого.

Варыгинъ *(Дуняшѣ).* За грубости твои, за то, что ты небреженьемъ и нарочнымъ дѣломъ работу портишь, не слѣдъ мнѣ и спрашивать съ тебя, потому все это въ угоду боярышнѣ дѣлаешь. Мы съ тобой рѣчь о другомъ поведемъ, лебедушка бѣлая. Гдѣ мужъ твой, Абрамъ?

Дуняша. Не знаю, государь.

Варыгинъ. Въ Юшинскомъ лѣсу объявились у насъ воры-разбойнички. Думается мнѣ—у нихъ Абрамъ. Ась?

Дуняша. Ничего я не знаю.

Варыгинъ. И сдается мнѣ, замыслилъ воръ Абрамка лихое дѣло: навести на насъ сволочь разбойную, животы наши пограбить и тебя, лебедушка моя, отбить въ ихній станъ, чтобъ жить вамъ, съ мужемъ, въ веселіи и радости. Ничего ты про это не вѣдаешь?

Дуняша. Помилуй, государь! Знать не знаю, гдѣ мужъ.

Варыгинъ. Значитъ, ты съ нимъ не за одно, не ссылаешься?

Ольга. Вижу, батюшка, къ чему ты рѣчь клонишь. Негоже, оставь! Жена за мужа не отвѣтчица. Голова моя порукой, что Дуняша ничего не знаетъ про мужа.

Варыгинъ. А тебя словно какъ и не спрашивали, чадо мое любезное! Не въ мѣру языкъ рѣчистъ. *(Къ женѣ).* Наставлена вѣжеству, да! *(Къ Дуняшѣ).* Такъ съ Абрамкой ты не ссылаешься и зла не умышляешь на меня?

Дуняша. Видитъ Богъ, нѣтъ!

Варыгинъ. Лучше сознайся ужъ, милая! Запираться вѣдь грѣхъ. Видѣли люди, шмыгаетъ здѣсь какой-то незнамый человѣкъ. Вишь, въ саду даже былъ. Кому-жъ быть, какъ не молодцу отъ тѣхъ разбойниковъ, отъ мужа къ женѣ послу?

Дуняша. Я изъ чужихъ никого не видала.

Варыгинъ. А въ личикѣ измѣнилась? Словно какъ помертвѣла? Ахъ, лебедушка моя! Запираться-то не умѣешь, хе-хе! не горазда, моя красавица! Жалко тебя, а нечего дѣлать. Какъ-никакъ, а правду нужно дознать. Ефремычъ! Поспрошай-ка ее! Сначала кошками подери, да смотри бережно, вѣжливенько...

Дуняша *(бросается ему въ ноги)*. Смилуйся, государь! Ни въ чемъ неповинна, ничего я не знаю, не вѣдаю! Безъ того изныла душа, что ушелъ Абрамъ, бросилъ меня. Можетъ и въ живѣ-то его нѣтъ! А тутъ такая напраслина! Не вѣрь, государь, кто наклепалъ на меня! Не будетъ надъ тѣмъ милости Божіей до вѣку. Смилуйся, не губи!

Варыгинъ. А-а, иль морозъ позакожей подралъ? Хе-хе-хе! *(Палачу)*. Такъ сперва кошками, а тамъ погрѣй ей спинку-то бѣлую, горяченькимъ утюжкомъ погладь.

Ольга. Батюшка! Богомъ молю, не тронь ее, не тиранъ! Никакой на ней вины нѣту. Богомъ молю!

Варыгинъ. Хе-хе! Такъ сперва кошками, Ефремычъ, а тамъ утюжкомъ.

Ольга. Ну такъ я-жъ скажу, кто былъ тотъ чужой человѣкъ. Не разбойникъ, не Абрамовъ посолъ, а Подгорнаго Григорія сынъ, Илья!

Варыгинъ. Что-о?! Подгорный?! сынъ?! Гмъ! Добрыя вѣсти!.. И отъ кого же я слышу ихъ! какимъ знатьемъ ты провѣдала это?! *(Женѣ)*. Радуйся, матушка! Спасибо за хорошій надзоръ! *(Палачу)*. Дѣлай свое дѣло, Ефремычъ! Что боярышня знаетъ, то и Дунькѣ извѣстно...

Ольга. Никто про это не знаетъ!..

Варыгинъ *(не возвышая голоса)*. Молчи! *(Палачу)*. Вызнай все до-чиста. Ступайте! *(Ефремычъ уводитъ рыдающую Дуняшу)*.

Ольга. Мало на твоей совѣсти грѣха и крови легло!

Варыгинъ. Это надменіе бѣсовское!.. Такъ Подгорный! Зачѣмъ же онъ? Али голову на плаху принесъ? Давно пора. Ась?

Ольга. Не знаю—зачѣмъ, только не для плахи. Довольно съ тебя и отца!

Боярыня *(въ трепетѣ)*. Замолчи, Ольга!

Варыгинъ. Да, кротка наша дщерь, и стыдлива и сердцемъ утерпчива. Спасибо я въ пору схватился. Вотъ что жена: сватается къ Ольгѣ князь Мезецкій...

Боярыня *(съ испугомъ)*. Мезецкій!..

Варыгинъ *(грозно)*. Ну-у! *(Въ прежнемъ тонѣ)*. Нынче онъ былъ у меня. Я такую отповѣдь учинилъ, что пріѣхать ему завтра къ намъ, для сговору о свадьбѣ. Изготовься!

Ольга. Лучше умру, а не достанусь постылому!

Варыгинъ. Хе-хе-хе! *(Женѣ)*. Вскорѣ, какъ могу по силѣ своей, славну и честну свадьбу учинимъ. А покамѣсть запереть Ольгу въ теремѣ и караулъ приставить, чтобъ ни шагу отсюда! Слышала? *(Ольгѣ съ прорвавшимся гнѣвомъ)*. Стыдъ и обыкъ забыла! прилучать молодцевъ стала!... Берегись!.. *(Погрозился на нее и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ольга *и* **боярыня Любовь Лукинишна.**

Боярыня *(бросаясь къ дочери)*.

Горюша ты моя!

Ольга.

Оставь! Не плачь!

Оставь меня одну раздумать думу *(съ горечью)*,
Сготовиться принять честной вѣнецъ.

Боярыня.

И какъ могла ты свидѣться съ Ильею!
Какъ онъ дерзнулъ!..

Ольга *(съ нетерпѣніемъ)*.

Оставь-же, я сказала!
Теперь не до тебя... Вѣдь будетъ время
Про все спросить, поплакать, потужить.
Теперь мнѣ нужно съ мыслями собраться,
А ты пока сбирай меня къ вѣнцу.

Боярыня.

Пошли тебѣ заступница святая
Смириться духомъ, сердце покорить! *(Уходитъ)*.

Ольга *(медленно ходитъ)*.

Теперь что дѣлать? Въ чемъ искать спасенья?
Петлю на шею? Грѣхъ великъ. И жаль
Сгубить себя, чтобъ бракъ избыть постылый.
Такъ дешево я жизни не отдамъ.
Грозитъ бѣда—поддайся и раздавитъ...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ольга *и* **Илья** *(вдругъ выставляется въ открытое окно, перегнувшись съ липы)*.

Ольга.

Илья?! Опять ты здѣсь?! Уйди скорѣе!
Примѣченъ ты... Поймаютъ!.. Пропадешь!..

Илья.

Тебѣ пропасть за Мезецкимъ за княземъ.
Я свѣдалъ все. Сегодня ночью ждать

Тебя въ саду я буду. Приходи!
Не попусту прошу. Сама увидишь.
Приспѣло время все тебѣ открыть.
Да и тебѣ я нуженъ. Приходи же!
Не нынче въ ночь, потомъ ужъ поздно будетъ!
(Скрывается, слѣзая по дереву. Ольга остается въ глубокой задумчивости).

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Садъ. Справа, между деревьями, видна часть высокаго тына. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Илья *и* **Абрамъ.**

Илья.

Ну, сдѣлалъ все, какъ сказано?

Абрамъ.

Готово.

Собакъ пришибъ, а сторожа связалъ
И тряпкою ему заткнулъ я глотку.

Илья.

Такъ жди-жъ меня за тыномъ. Не зѣвать!

Абрамъ.

А ты, когда свое покончишь дѣло,
Дозволь жену мнѣ взять. Въ тюрьмѣ она
И завтра за меня ей будетъ пытка...

Илья.

Бери, да безъ убійства.

Абрамъ.

Мнѣ помогутъ.
Бояринъ вѣрныхъ слугъ себѣ не нажилъ.
Лютѣе звѣря онъ, поганый песъ!
Не то что бабу, выдадутъ, коль надо,
Холопи самого-то головой. *(Уходитъ въ глубину сада).*

Илья.

Затѣмъ-ли изъ Литвы я шелъ далекой,
Лихой сбирая вольницы ватагу,
Чтобъ здѣсь себѣ вымаливать свиданья
И, прячась въ тѣнь, прислушиваться жадно,
Гдѣ шорохъ, захрустѣло—не идетъ ли?
Волнуюсь я и губы пересохли...
И выскочить изъ груди хочетъ сердце...
Раздумаешься, стыдно за себя.
А сколько разъ, что въ явь передъ очами,
Мнѣ видѣлось, какъ брошусь съ удальцами,
Я рушить въ прахъ злодѣйское гнѣздо,
Въ моей же кровной вотчинѣ свитое!
Замки какъ полетятъ, запоры, двери,
Что вихремъ разнесется все добро,
Какъ съ трескомъ заревётъ кровавый пламень
И дымъ, клубясь, что туча поползетъ!
А вотъ и онъ, исконный ворогъ мой!
Трепещешь ты? Пощады нѣтъ злодѣю!
Чу!.. шорохъ... Да... и легкіе шаги...
Она! *(Бросается къ Ольгѣ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Илья *и* Ольга.

Ольга *(отстраняясь).*

Подальше! Выслушай сперва.
Ты дерзостью меня принудилъ, страхъ

И стыдъ забывъ, прійти. Но я пришла
Сказать, чтобъ ты не смѣлъ у насъ шагаться.
Ужь батюшка дознался про тебя.
Какъ вора скрутятъ, хуже: пропадешь.

Илья.

Меня скрутить? Нѣтъ руки коротки.
Къ тебѣ пробраться—удержу мнѣ нѣту.
И тынъ высокій, стража и затворы
Въ помѣху-ль мнѣ?

Ольга.

Да я сама помѣха.
Послѣдній сказъ: не смѣй меня позорить,
Чтобъ не было слѣдовъ твоихъ у насъ!

Илья.

Коль знала-бъ ты, кого коришь и гонишь!
Забывши *чья ты дочь,* искалъ смиренно
Я встрѣчъ съ тобой. А съ тѣмъ-ли шелъ сюда?

Ольга.

Скажи, кто ты и шелъ зачѣмъ—повѣдай.

Илья.

Когда здѣсь жилъ покойный мой родитель,
Въ сосѣдствѣ поселился твой отецъ.
Онъ бѣдствовалъ; но кляузой живя,
Корыствуясь добытками чужими,
Тѣснилъ сосѣдей, тяжался неправдой,
И резоимствовалъ и всякой скверной
Свои богатства множилъ, безъ зазору.
Но батюшка былъ силенъ. Какъ другихъ,
Тѣснить его, знать, мочи не хватало.
И твой отецъ замыслилъ зло иное.
Когда, дотолѣ славный царь Иванъ,
Адашева съ Сильвестромъ осудивъ,
Сталъ ухо преклонять къ льстецамъ негоднымъ

И близкихъ всѣхъ Адашеву казнить,
Свила у трона ябеда гнѣздо,
Клеветники, что змѣи, закишѣли.
Царь ихъ желалъ, царь ихъ тогда искалъ!
И въ сонмѣ ихъ явился твой родитель.
На батюшку нанесъ онъ злое слово,
Чрезъ Ѳедора Басманнаго о томъ,
Что злобится, вишь, старый на царя,
Адашевскимъ обычаемъ живетъ
И чарами царя-де изведетъ.
И батюшку схватили по навѣту
И въ мукахъ онъ окончилъ дни свои.
А твой отецъ, въ награду за злодѣйство,
Взялъ вотчины его. Ты помнишь это?

Ольга.

И счастлива была-бы позабыть!

Илья.

Съ отцомъ и я былъ на смерть осужденъ,
И дядя мой. Но злобѣ ненавистной
Нашъ родъ искоренить не довелось.
Въ Литву бѣжали мы. Но вскорѣ тамъ
Въ скорбяхъ скончался дядя. На чужбинѣ
Остался я несчастнымъ сиротой,
Съ истерзанной душою, въ нищетѣ
И съ памятью о батюшкѣ кровавой...

Ольга.

Я знаю... Я всегда тебя жалѣла,
Молилась, чтобы ты въ сиротской долѣ
Несчастьемъ на чужбинѣ не погибъ.

Илья.

А я, терпя нужду, обиды, скорби,
Мужалъ съ другими мыслями. Отца
Всегда держалъ я въ памяти. Одно

Утѣхой было мнѣ: настанетъ время
За ябеду корыстную воздать.
Прослышавши, что въ Юшинскомъ лѣсу
Живетъ удалой вольницы ватага,
Трепещетъ твой родитель. Словно чуетъ,
Что та гроза заходитъ по него.

Ольга *(съ испугомъ).*

Разбойники тамъ есть... Про это слухъ
Прошелъ..

Илья.

Мои—то люди. Я собралъ
И я привелъ ватагу удальцовъ.

Ольга.

Ты?! ты навелъ?! Не знала-жъ я досель,
Что лѣса ты дремучаго бояринъ!

Илья.

И я давно-бы замыселъ исполнилъ,
Коли-бъ не ты...

Ольга *(насмѣшливо).*

Ахъ, я тебя сдержала! (*Гнѣвно*).
Ворамъ не стать раздумывать злодѣйствомъ!
Такъ вотъ ты здѣсь зачѣмъ! Навелъ воровъ,
Грабежниковъ, убійцъ и палачей!..

Илья.

Холопей утѣсненныхъ, не воровъ
Я бралъ съ собой, кому не въ могоҭу
Пришлось отъ разоренья, отъ насильствъ,
Сутягъ лихихъ и судной волокиты.
И тѣхъ людей собралъ я не для лиха,
А судъ чинить насильникамъ, расправу,
Обиженныхъ отъ зла оборонять.

Ольга.

Когда-жъ за честь считалось душегубство
И правда шла, струя по слѣду кровь?
Придумалъ, что заступникъ онъ тѣснимыхъ
И отимъ хочетъ дѣло обѣлить!
Нѣтъ, зломъ добру никто не служитъ. Ты
Судъ чинить куда пришелъ съ ворами?
Пришелъ отнять *свое!* Ну и бери.
А мнѣ не стать съ тобою говорить,
Лихой неправды, зла честной каратель,
Разбойной шайки славный атаманъ.
Прощай, Илья!

Илья.

Постой! Послушай, Ольга!
Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣлъ снова,
Смягчился духъ во мнѣ. У цѣли я,
Взлелѣянной годами; все готово
Развѣять въ прахъ насильника гнѣздо...
Онъ въ скорбь нашъ родъ, въ безчестіе низринулъ,
Отца злодѣйски предалъ палачамъ...
Я все забылъ и думалъ объ одномъ,
Увидѣть бы тебя, мою отраду!
Сказать, что ты вольна въ судьбѣ моей,
Что брошу я съ тобою грѣхъ и мщенье,
Что мнѣ тебя одну лишь надо... *(Страстно обнимаетъ ее).*

Ольга *(вырываясь).*

Прочь!
Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ тобой! *(Отступаетъ).*

Илья.

Не вышло-бъ худо, коли не одинъ
Вернусь сюда я слѣдомъ за тобою!

Ольга.

Приди! Отца разграбь, сожги, убей,
Меня схвати добычей воровскою.
Ужъ какъ же стану я тебя любить!
Не всякъ, знать, съ искрой камень драгоцѣнный
И молодецъ не всякъ съ любовью-правдой...
Ошиблась я. Живи себѣ съ ворами! *(Отходитъ)*.

Илья *(удерживаетъ ее)*.

Прости, молю! Не ставь въ вину мнѣ, Оля,
Горячихъ словъ. Искать тебя въ невѣсты
Прямымъ путемъ—ты вѣдаешь—нельзя.
Судьбу твою рѣшилъ уже родитель.
Хоть князь, твой нареченный, старъ и сѣдъ,
И пьяница, развратный сластолюбецъ,
Но знатенъ онъ и въ силѣ у Царя.
А твой отецъ раздумывать не станетъ
Родную дочь корыстно загубить.
Отвергнешь ты меня—погибнемъ оба:
Въ разбойной жизни я, ты—въ злой неволѣ,
Въ истомѣ горькой за постылымъ мужемъ.

Ольга.

А въ станѣ воровскомъ мнѣ лучше будетъ!

Илья.

Ватагу я немедля распущу.
Принявъ вѣнецъ, знакомою дорогой
Въ Литву уѣду, съ милою женой.
Любви моей открой же сердце, Оля!
Въ тебѣ вся жизнь, все счастіе мое!

Ольга.

Зачѣмъ меня ты хочешь облукавить,
Горячимъ словомъ душу замутить?..
Обманчивы вѣдь ласковы слова...

Собьютъ съ ума, а тамъ пеняй, да плачься...
Удумаю не ладно. Нѣтъ, Илья,
Рѣчей твоихъ мнѣ къ сердцу взять негоже.

Илья.

А молвишь ты, что помнила всегда,
Молилась и жалѣла!.. Вѣрь тебѣ!

Ольга.

Не вѣрь, какъ хочешь!.. Лгать я не умѣю.
Всечастно сердце кровью обливалось,
Что мы неправдой здѣсь живемъ... Одно...
Зачѣмъ таить?.. Одно мнѣ было въ радость:
Про дѣтство вспоминать, какъ мы съ тобой
Ребячески, таясь отъ всѣхъ, играли,
Какъ ты меня въ обидахъ утѣшалъ...

Илья.

И я тѣмъ жилъ, любя тебя съ измальства...

Ольга.

Не тѣмъ ты жилъ, а мщеніемъ и злобой.

Илья.

Не могъ же я отца забыть, пойми!
Но если все, что въ сердцѣ накипѣло,
Что мыслями и волей овладѣло,
Разсѣялось, какъ дымъ, передъ тобой,
Суди-жъ сама, насколько ты желанна,
Насколько ты душѣ моей мила! *(Взявъ ее за руку).*
Какъ дивно безъ меня ты расцвѣла,
Очей не отведешь!

Ольга *(въ смущеніи отнимаетъ руку).*
Ну, что объ этомъ!..

Илья.

Что-бъ ни было, а я ужъ не могу
Громить тотъ домъ, гдѣ ты, моя голубка.

Спасенъ моей любовью твой отецъ.
Теперь ужъ я не тотъ... Дѣла мои
Ужъ въ стыдъ мнѣ стали, въ бремя...

Ольга (*прерываетъ въ волненіи*).

Мнѣ пора...
Прощай!.. Боюсь, чтобъ дома не хватились...

Илья.

Ужель на вѣкъ простимся?

Ольга.

Что-жъ, коль надо!

Илья (*грустно*).

Прощай, коль такъ, подруга свѣтлыхъ дней,
Судьбиной злой навѣки омраченныхъ!
Тебѣ я жизнь и душу отдавалъ,
Въ тебѣ одной спасенія искалъ
Отъ гибели, позора и грѣха...
Самой тебѣ грозитъ лихая доля...
Но сердцемъ непреклонна ты. Прощай!
Въ послѣдній разъ дозволь обнять тебя... (*Обнялъ*).

Ольга.

Самой мнѣ не легко...
(*Онъ вдругъ сталъ страстно ее цѣловать. Слабо сопротивляясь*).
Довольно!.. Перестань!

Илья.

Въ послѣдній разъ вѣдь...

Ольга.

Оставь!.. Ну, что ты дѣлаешь со мною?!..

Илья (*держа ее въ объятіяхъ*).

Ты любишь? да? Въ твоихъ очахъ я вижу,
Въ дыханьи жаркомъ, въ трепетныхъ устахъ...

Ольга *(вырываясь).*

Прощай! *(Быстро отходитъ).*

Илья.

Обоихъ насъ ты губишь, Оля!
Вернись!.. Молю тебя, постой!.. вернись-же!..
(Она стоитъ поодаль. Онъ медленно приближается).
Вѣдь сердце за тобою рвется, Оля!..
Ты жизнь моя!.. *(Раскрываетъ объятья).*

Ольга *(съ страстнымъ стономъ).*

А-ахъ!.. знать судьба такая! *(Бросается въ его объятья).*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ. Посрединѣ догорающій костеръ. Свѣтаетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кирюха, Сверло *и* **Иванъ Ядреный** (*размѣстились у костра*).

Сверло. А атамана все нѣту!

Иванъ Ядреный. Вишь, съ Абрамомъ уѣхали. Надо быть, мѣста осмотрѣть, какъ способнѣй напасть на Варыгина. Тамошній вѣдь Абрамъ-отъ.

Кирюха. Не затѣмъ онъ шляется туда. Чего осматривать? Пустить-бы молодцовъ на сломъ и шабашъ дѣлу. Давно-бъ раздуванили Варыгинское добро. А мы другую недѣлю стоимъ здѣсь, дожидаемся. Да еще проѣзжихъ трогать не смѣй! Серчаетъ. Не затѣмъ, вишь, собралъ онъ насъ, чтобъ зря душегубствовать!.. Ты нашу волю твори, а не мудруй нами! *(Презрительно).* Дворянинъ!

Иванъ Ядреный. Коль не вывѣдать, зачѣмъ же онъ учащиваетъ къ Варыгину?

Кирюха. Бабій хвостъ тутъ. Ему съ бабами воловодиться, а намъ съ голоду помирать, да безъ дѣла сидѣть совами. Выдумалъ тоже!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же *и* **Батя** (*входитъ зѣвая и потягиваясь*).

Батя. Чего не спите? Теперь какое время-то? Лѣшіе въ зернь на крысъ играютъ.

Иванъ Ядреный. На крысъ?!

Батя. Ну, да. Мы на деньги, а они на крысъ.

Сверло. А тебѣ что не спится? Чай, гораздъ дрыхнуть, толстопятый чертъ!

Батя. Дрема нейдетъ и сонъ не беретъ.

Сверло. Ай дурной сонъ привидѣлся: тюрьма?

Батя. Эко страсть! Кому лопата, а намъ ломъ; кому тюрьма, а намъ домъ. Ты вотъ висѣлицы боишься, а вору висѣлица неизмѣнный другъ. И эсаулу не спится-грустится, что дуванить нечего. Вечоръ тюкнули купца-молодца, да даромъ душу христіанскую загубили: за два алтына. Прибрали бъ хоть его. А то валяется падаль эта!

Иванъ Ядреный. Воронамъ на расклеванье оставили. Тоже и имъ пища требуется.

Сверло. А носъ воротишь, схоронилъ-бы. Ты вѣдь у насъ замѣсто попа.

Батя. Когда ты напорешься, такъ и быть закопаю тебя на дорогѣ пугаломъ. *(Садясь возлѣ Кирюхи)*. Свѣдаетъ атаманъ про купца этого—будетъ тебѣ, хлѣба-те въ брюхо!

Кирюха. Не больно я боюсь твоего атамана!

Батя. Бойся-не бойся, а хлобыстнетъ кистенемъ по уху, не вкусно будетъ. Воленъ атаманъ въ твоемъ животѣ, на то онъ и атаманъ. Да тебя какъ и не учить-то! Лютъ больно: все-бъ

тебѣ рѣзать, да вѣшать. Во сколькихъ ты душахъ повиненъ? Не даромъ „волчьимъ зарѣзомъ" прозвали.

Кирюха. Ну, прикуси языкъ!

Батя. Вотъ которые въ тюрьмѣ побывали, да кнута отвѣдали—всѣ таковы. То ли дѣло нашъ братъ подъячій! Рукъ не мараетъ, умомъ добываетъ.

Кирюха. Потому не мараешь, что трусъ; а обшарить убитаго, да изъ добычи украсть отъ дувана—ты первый. Не умомъ хвались, а тѣмъ какъ тебя въ приказѣ на козлѣ драли, урывай-алтынникъ!

Сверло. Подъячій въ чернилахъ крещенъ. Руки-крюки, пальцы-грабли, вся подкладка—одинъ карманъ, ха-ха ха!

Иванъ Ядреный. Хоть изъ подъячихъ, а въ харчевники къ намъ попалъ, корми до-сыта. Ежели сваришь кулешъ по намеднишнему, опять отдеремъ.

Батя. Хлѣба-те въ брюхо! Да тебя нешто укормишь? Ты ѣшь—ажъ бѣльмы на лобъ лѣзутъ. Онадысь съ однимъ яйцомъ каравай хлѣба слопалъ. Жретъ, какъ помеломъ мететъ, братцы мои! А все не въ угоду... Эхъ, скоро и всѣмъ худо будетъ. Изъ щепъ похлебки не сваришь. Харчъ на исходѣ, а атаманъ не заботится.

Кирюха *(ѣдко)*. Атаманъ!.. Не конь, не лѣзъ-бы въ хомутъ!

Иванъ Ядреный. Хотѣлъ же онъ на Варыгина насъ вести! Золотыя горы сулилъ.

Батя. Хотѣлъ, да хотѣй не велѣлъ.

Иванъ Ядреный. Намедни дѣвки по грибы пошли, мы хотѣли украсть. И то не велѣлъ.

Батя. Эхъ ты! У кого на умѣ молитва да постъ, а у тебя бабій хвостъ.

Сверло. Ужъ ты, богомолецъ!

Батя. На женскую красоту не зри; та красота сладитъ, какъ медвяная сыта, а послѣ горче желчи и полыни будетъ. Такъ и атамана наставляю. А то Кирюха больно сердитъ на него.

Сверло *(вскакивая)*. Слышали? Ясакъ подань.

Иванъ Ядреный *(уходя)*. Знать, словили кого.

Батя. Оретъ! Рѣжутъ его, что-ли?

ЯВЛЕНІЕ III.

Кирюха, Сверло, Батя, Семенъ Дошлый *и* **Жогъ** *вводятъ* **Михайлу**, *за ними* **Иванъ Ядреный**.

Михайло *(съ ревомъ)*. Батюшки, отцы родные, пустите-е!.. Отпустите меня-я!.. О-о-хъ!.. Пропала моя головушка-а!..

Семенъ. Не ори, чертъ! *(Кирюхѣ)*. На дорогѣ словили. Гналъ во всю мочь. Лошадь добрая, насилу поймали.

Михайло *(бросаясь на колѣни)*. Батюшка, не погуби-и-и!..

Кирюха. Шишь, ворона! Не голосить! *(Михайло умолкаетъ, но трясется отъ страха)*. Чей ты?.. Ну, сказывай-же!

Батя. У него языкъ размокъ. Надо розгами въ понятіе привести.

Михайло. Ой-ой, не буду, не буду-у!..

Кирюха. Чей?

Михайло. Ва... Ва... рыгинскій.

Батя. Изъ варыгинской норы крыса. Вотъ это намъ на руку!

Кирюха. Куда ѣхалъ?

Михайло. Бо... бояринъ послалъ...

Кирюха. Куда?

Михайло. Въ... Шалыгино.

Кирюха. А можетъ въ городъ, къ воеводѣ, чтобъ слалъ онъ служилыхъ людей насъ изловлять?

Михайло. Ей-ей въ Шалыгино!

Батя. И врешь, хлѣба-те въ брюхо! Ежели тебя огонькомъ подсмолить, небось всю правду выложишь.

Михайло *(съ ревомъ)*. Батюшки свѣты!.. О-о-охъ!

Кирюха. Не вой! не то велю отодрать на всѣ корки!

(Михайло смолкаетъ). Зачѣмъ въ Шалыгино посланъ? Правду говори! Утаишь что—повѣшу!

Батя. Взлетишь на сукъ легче перышка.

Михайло *(торопливо).* Ни синь пороха не утаю. Ей-же-ей!.. Въ Шалыгино, къ колдуну... Колдуна къ боярину привезти... Въ Шалыгинѣ, слышь, колдунъ живетъ... Бояринъ прослышалъ, что всѣмъ онъ колдунамъ колдунъ; вишь, въ землю на семь пядей видитъ, и лѣсъ по его слову кланяется. Вотъ и послалъ. Ей-же ей, правда!

Батя. Пожалуй и такъ. Ябеднику, каковъ есть Варыгинъ, кудесникъ надобенъ.

Михайло *(ободрился и тараторитъ чуть не съ увлеченіемъ).* Ей-ей, правда, сейчасъ умереть! Вишь, у него черная книга есть, и составы, и зеленыя травы и мертвая рубашка. Онъ и заговоры всякіе знаетъ и все можетъ: сухоту ли навести, червей ли на скотъ напустить, какъ татары, все! Кого испортитъ, тотъ собакою лаетъ и кошкой мяучитъ. Дошлый вѣдунъ, славущій!

Жогъ *(смѣясь, товарищамъ).* Ишь прорвало! А то мычалъ...

Батя. Значитъ, Варыгинъ по насъ колдуна припасаетъ, глаза намъ отвесть ли, порчу напустить, чтобъ мы забрехали, да замяукали. Хитеръ! А правда-ли, сказываютъ, что вашему боярину черти деньги куютъ? Онъ съ грязи, вишь, пѣнки сымаетъ, изъ блохи голенище выкраиваетъ.

Михайло. Лютъ, лютъ! Что и говорить, лютъ!

Батя. Совѣсть у него, вишь, что дырявое рѣшето. За то казна несчетная, коробьи съ бобрами, съ куницами и всякимъ добромъ.

Михайло. Богатѣй! ужь такой богатѣй!..

Батя. Будетъ что раздуванить! А раздуванимъ Варыгинское добро, да одѣнемся въ бархаты и объяри—сами станемъ бояре. А покамѣстъ жалую тебя, дурака, къ своей рукѣ. На, цѣлуй! *(Суетъ ему руку. Нѣкоторые изъ воровъ засмѣялись).*

Кирюха *(отталкивая Батю).* Ну, полно-те дуровать!

(Къ остальнымъ). Приковать его къ дереву, а тамъ видно будетъ, что дѣлать съ нимъ.

Михайло *(слезно)*. На цѣпь?.. Зачѣмъ-жа?..

Батя. Атаманъ тебя наградитъ, отпуститъ и велитъ зазнобушкѣ, боярышнѣ вашей, поклонъ снести; а можетъ и того... уѣдешь ты, сердешный, въ невозвратимую путь-дороженьку...

Михайло *(опять реветъ)*. Батюшки-свѣты!.. Да за что-о?.. Что-же мнѣ будетъ то-о-о?!

Кирюха. Веди его!

Жогъ *(уводя Михайлу съ Семеномъ)*. Что? угодила овца волку въ зубы.

Михайло. О-о-о!..

Семенъ. Ну, иди, иди! *(Увели)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кирюха. Сверло. Батя, Иванъ Ядреный *и* **Сова** *(вбѣгаетъ слѣва)*.

Сова. Атаманъ! атаманъ! и съ дѣвкою!

Батя. Ахъ хлѣба-те въ брюхо! Уволокъ таки!

Кирюха. Что, не на мое вышло?!

Сова. Мы, значитъ, обступили ихъ. А онъ разогналъ, да велѣлъ свѣжихъ коней готовить. Знать, опять куда ѣдетъ.

Батя *(глядя влѣво)*. Вонъ они! Пойдемъ, братцы, схоронимся! Поглядимъ, да послушаемъ, что они, какъ... *(Разбѣгаются за деревъя. Восходъ солнца)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Ольга *и* **Илья** *(входятъ слѣва)*.

Илья.

Молчишь, смотрѣть не хочешь на меня...
Да что съ тобой?.. Скажи же, не томи!

Ольга (*сѣла*).

Опомнилась, свою наживши волю,
И холодомъ мнѣ въ душу нанесло,
Что вьюгою осенней...

Илья.

Вотъ ты какъ!..

Ольга.

И стыдъ, и гнѣвъ за слабость на себя...
И сердце холодѣетъ за родную,
На скорбь, позоръ покинутую мать...
И ты какъ будто чуждъ мнѣ сталъ... Не знаю
Со мною что... а тяжко мнѣ... и жутко...
(*Замѣтивъ его убитый видъ, участливо*).
Дай время, все пройдетъ...

Илья (*съ отчаяніемъ*).

Мнѣ скорбно видѣть,
Что ты себя раскаяньемъ терзаешь.
Выходитъ—я *укралъ* твою любовь,
Не давъ тебѣ опомниться въ смущеньи!
Я—подлый воръ!.. Коль сердцемъ очерствѣла
Теперь ко мнѣ, чего-же ждать потомъ?

Ольга.

Тебя-ль корить, что давши сердцу волю,
Забыла все?.. Въ себя придешь не разомъ!..
Все сталось вдругъ... Случалось грезить мнѣ,
Что я сама судьбу свою устрою;
Но то, что вышло, даже *мнѣ* не снилось,
Хоть дома говорили про меня,
Что нравомъ я неистова, буява
И бѣсу де во мнѣ большая помощь...

Илья (*пытливо*).

Да! будешь и въ раздумьѣ и въ тревогѣ
Предъ долею суровою моей!..

Ольга.

Я помню, *кто* повиненъ въ ней.

Илья.

И все-же

Не радостнѣй тебѣ.

Ольга (*энергично*).

Э, полно, милый!

Не жемчуги низать, да тѣло льготить
Ушла я за тобой. А коль ушла,
Такъ нечего раздумывать! Прости,
Что я тебя невольно огорчила!

Илья (*пылко*).

Сокровище безцѣнное! Всю жизнь
Тебѣ съ любовью отдалъ я навѣки!
И смѣло я въ грядущее гляжу,
И вѣетъ отъ него тепломъ и свѣтомъ
Заботы нѣжной, счастья и любви!
Развѣй же думы, скорбныя заботы!
Взгляни мнѣ въ очи ясно и любовно,
Согрѣй мнѣ душу! Полно сокрушаться!

Ольга (*ласково*).

Да я ужъ перестала...

Илья (*страстно цѣлуетъ ее*).

Жизнь моя!

Ольга (*застѣнчиво отстраняется*).

Довольно, милый!.. Стыдно мнѣ...

Илья (*нѣжно*).

Зардѣлась! (*Встаетъ*).

Однако-жъ день занялся. Ѣхать время.
Гдѣ лѣса край, стоитъ село. Все тамъ

Улажено съ тобою намъ вѣнчаться.

(Ольга встаетъ).

Со мною ты! Не сонъ ли чудный это?
Боюсь повѣрить счастью своему!

(Опять восторженно привлекаетъ ее къ себѣ).

Ольга *(смущенно улыбаясь).*

Ты медлишь... а сказалъ: пора намъ ѣхать...

Илья *(держитъ ее въ объятіяхъ).*

Съ такой, какъ ты, замѣшкаться не диво!
Царицею ты въ гордой красотѣ,
Какъ ясный день, сіяешь величаво!..

Сверло *(за деревьями).*

Ха-ха-ха-ха!

Илья *(грозно).*

Что это? Кто гогочетъ?!
Кто смѣетъ?! Выходи!.. Ну, выходи-же!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Батя, Кирюха, Сверло, Иванъ Ядреный, Жогъ, Семенъ, Сова *и* **нѣсколько другихъ воровъ** *(сходятся мало-по-малу).*

Илья. Батя, ты?

Батя. Вонъ энтотъ! *(Указываетъ на Сверло).* Дурацкая стать! Что овинъ, ротъ разинулъ. Не видишь: атаманьша стоитъ?

Сверло. И то!

Батя. А ты челомъ ей ударь. Вотъ такъ. *(Низко кланяется Ольгѣ).* Не то за хохолъ, да рыломъ въ полъ. Знаешь, аль нѣтъ.

Илья *(грозно).* Ну, ты шути, да оглядывайся!

Иванъ Ядреный. Батя пошучиваетъ, на себя плеть покручиваетъ.

Батя. Шутка въ пазуху не лѣзетъ. А ты не пужай, хлѣба-те въ брюхо! *(Ильѣ)*. У меня утроба зяблая. Не гнѣвись, атаманъ.

Кирюха *(ѣдко)*. Теперь тебя, Батя, по боку. Кашу намъ баба станетъ варить; а тебя въ чумички, котлы чистить, да воду таскать.

Сверло. Теперь намъ веселья прибудетъ, ха-ха!

Батя *(къ Сверлу)*. Дураку, что глупо, то и любо. А ты эсаулъ, глядишь, да не видишь. „Кашу варить" ! Скажи еще— пироги печь, да блины. Атаманъ намъ царевну привезъ, а не стряпку.

Илья *(гнѣвно)*. Да что вы?! Прочь! Кто пикнетъ, въ прахъ расшибу! *(Вынулъ кистень. Всѣ попятились, кромѣ Кирюхи)*.

Батя *(льстиво)*. Такъ-то лучше! Батюшка атаманъ во всѣхъ насъ волёнъ: что захочетъ, то и сдѣлаетъ, хочетъ казнитъ, хочетъ милуетъ.

Ольга *(про себя)*. Вотъ какова моя семеюшка!

Кирюха. Волёнъ-то волёнъ, а ежели что кругъ порѣшитъ, атаманское дѣло—исполнить. А рѣшили мы, атаманъ, больше не ждать. Веди насъ на Варыгина! Такъ, братцы?

Сверло. На Варыгина!

Иванъ Ядреный. Сулился и веди!

Семенъ. Довольно ждать-то!

Жогъ. На сломъ веди!

Ольга *(про себя)*. Боже мой!

Кирюха. Прохарчились, обносились, а все ждемъ чего-то!

Батя. Э, братцы, куда спѣшить! Не подбивай клинъ подъ блинъ: поджарится, самъ отвалится. Сулился атаманъ и сдѣлаетъ. Нешто онъ обманщикъ? Кто ябедничествомъ вытягиваетъ, кто богатѣетъ неправдою?—Варыгинъ. Казна у него не трудовая, а слезовая, кровавая. Кто лиходѣй?—Варыгинъ. Онъ радъ мужика въ котлѣ варить, живого въ землю вкопать. Всѣхъ разорилъ до подошвы, съѣдуба міроѣдная! Все это мы

отъ батюшки атамана слыхали. И еще слышали, что Варыгинъ-де на его родителя поклепалъ, подъ лютую смерть подвелъ, а помѣстья его взялъ за себя. Нешто это прощаютъ? Какой же сынъ забудетъ это, хоть бы для дѣвичьей красы? И будетъ Варыгину по привѣту отвѣтъ, по заслугѣ почетъ. А ты, Кирюха, не ретись, а то наткнешься рыломъ въ кулакъ.

Кирюха. Варыгинъ дочерью окупился, а намъ что за прибытокъ?

Ольга *(гнѣвно)*. Лжешь! Сама я на срамъ пошла! Моя воля, мой и отвѣтъ. Не вамъ судить отца, лиходѣи—разбойники, и не мнѣ слушать васъ!

Илья *(прерывая тихо)*. Полно, Оля! Оставь.

Батя *(къ товарищамъ)*. Эге! Да у нея сердце съ перцемъ!

Иванъ Ядреный *(горячо)*. Дѣвку не трогай! дѣвку не слѣдъ обижать. Вотъ что!

Сова. Точно, не гоже!

Кирюха. Намъ не съ бабой и толковать. Слышалъ, атаманъ, что кругомъ уложено: идти на Варыгина. И веди, справляй свое дѣло!

Сверло. Айда, на Варыгина!

Семенъ. А не захочешь, съ атаманства долой!

Жогъ. Сами управимся!

Голоса въ толпѣ. На Варыгина, на Варыгина!

Илья. Молчать! *(Стихли)*. Свое атаманское дѣло я знаю: а кто сунется учить меня, кистенемъ уложу, будь то хоть „волчій зарѣзъ“. *(Могучей рукой взялъ Кирюху за плечо и потрясъ)*. Ощерился волкъ на коня, да зубы въ горсти унесъ. Смотри-и!

Кирюха *(отходя, про себя)*. Ну, помни, паря!

Илья *(къ толпѣ)*. Я ваши-же головы берегу. Нынче къ Варыгину будетъ отъ воеводы высылка, человѣкъ сотъ три. Мнѣ про то изъ города вѣсти даны и съ пути есть, гдѣ шли ратные люди. Всѣ изоружены, есть съ пищалами и много у

нихъ огненнаго боя и зелья. Сунетесь зря, всѣхъ перебьютъ, какъ щенятъ. Надобно тѣхъ людей отманить изъ помѣстья, да подальше; а тогда ужъ и грянемъ на Варыгина, безъ помѣхи. Выходитъ, я знаю, что дѣлаю. Приказъ вамъ: къ ночи всѣмъ изготовиться, перейдемъ всею ватагою на знамое мѣсто. Тамъ и быть становищу. Ослушники, берегись! Живо расправлюсь! *(Уходитъ съ Ольгою въ глубину сцены. Всѣ разступаются передъ ними).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, *безъ* **Ильи** *и* **Ольги.**

Батя. Съ новымъ становищемъ, эсаулъ—батюшка! Дождешься варыгинскаго добра, когда ракъ свистнетъ.

Кирюха. Ну, это даромъ!

Сверло. Чего-же онъ ждалъ-то, коли на насъ высылка? Давно-бы управились.

Кирюха. Вретъ! Отводитъ!

Сверло. Знамо, отводитъ. Скинуть его съ атаманства и весь сказъ!

Батя. Извѣстно, артель атаманомъ крѣпка. А мой совѣтъ: не шумѣть. Много шуму, мало толку. Пойдемъ-ка мы, эсаулъ, въ кудесники, въ вѣдуны.

Кирюха *(съ досадой)*. Какіе еще тамъ вѣдуны!

Батя. Хлѣба-те въ брюхо! А Мишку варыгинскаго забылъ? Что приковали-то! Онъ насъ изъ Шалыгина привезетъ. Я—колдунъ, а ты—мой сподручный. Въ мѣшкѣ у тебя зола изъ семи печей будетъ, мертвое мыло, а про случай кистень и топоръ. Мы поѣдемъ, а слѣдомъ пойдутъ вотъ они, да съ полъ-ста надежныхъ людей изъ нашей ватаги. Имъ быть въ спрятѣ, до нашего зову. Покуда мы колдовать станемъ... Да боюсь, рыло-то у тебя того... видать, что не изъ простыхъ свиней. Какъ-бы не признали, что ты изъ тѣхъ, которые на дворъ черезъ заборъ, а въ тюрьму дверьми, хе-хе-хе!

Кирюха *(злобно)*. Ну, молчи, собачій брёхъ!

Батя. Чего! Слово не обухъ, въ лобъ не бьетъ. Лучше слушай. Не даромъ Богъ два уха далъ, а языкъ одинъ. Вотъ и слушай. За колдовствомъ мы и высмотримъ: есть-ли у Варыгина ратные люди, али атаманъ навралъ. А не будетъ никого, дадимъ своимъ ясакъ: айда братцы! Тутъ и шабашъ Варыгину. Понялъ? Покамѣстъ атаманъ будетъ въ отлучкѣ, мы все оборудуемъ, въ лучшемъ видѣ. Идетъ что-ли?

Кирюха. Ладно.

Батя. То-то и есть! Не будь меня, что ты выдумалъ-бы? Ничего. Потому—ослопъ!

Кирюха. Опять лаяться!

Батя. Любя, друже мой, любя. Я вотъ тебя какъ люблю: съ себя шкуру на ремень отдамъ, только поди удавись! *(Остальные захохотали)*.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Палата. Двѣ двери: посрединѣ и налѣво, направо окна. По стѣнамъ лавки, покрытыя полавочниками. Въ правомъ углу столъ и скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Малаша, Ѳекла *и* **Зинка** (*прибираютъ комнату и готовятъ къ столу*).

Зинка. Вотъ страхъ, вотъ бѣда! Что будетъ, какъ узнаетъ бояринъ! Съѣстъ!

Малашка. Не малая пропажа сталась: дочь!

Зинка. Неужто-жъ, дѣвки, наша боярышня и вправду къ разбойникамъ ушла? Статочное-ли дѣло!

Малашка. Она съ Подгорнымъ ушла, съ Ильей Григорьевичемъ. А онъ у нихъ атаманъ. Воротился, вишь, нашему боярину за отца спасибо сказать, да вотчину свою отобрать.

Зинка (*покачивая головой*). Къ разбойникамъ! Не вѣрится мнѣ.

Ѳекла. Вотъ дура-то! А Тимошка что говоритъ? Онъ въ сторожахъ былъ около саду.—„Вижу, говоритъ, какъ къ тыну лѣстницу приставили, какъ сошла боярышня, какъ ее увезли. Вижу, а сдѣлать ничего не могу. Скрутили по ногамъ, по рукамъ и ротъ тряпкой заткнули. Спасибо, говоритъ, хоть въ живыхъ-то оставили“.

Малашка. А мы убираемся, жениха ждемъ! Вотъ те и свадебка!

Зинка. Такъ-таки никто боярину и не скажетъ?

Ѳекла. Сунься, скажи!

Малашка. За такую вѣсть онъ языкъ отхватитъ, какъ

въ прошломъ году Аксену уши. Щелкуха и та оробѣла, словно трясуница ее бьетъ.

Зинка. А боярыня-то! Словно громомъ пришибло! Жалость глядѣть. И все она ищетъ боярышню, все ищетъ. Хоромы сколько разъ обошла; по саду ищетъ, по двору, на остоженный дворъ ходила. Ни слова не молвитъ, никого не слушаетъ, ходитъ, да ищетъ: нѣтъ-ли гдѣ доченьки! Губы у нея побѣлѣли, трясутся, а глаза такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ! Помилуй Богъ, разума не лишилась-бы!

Малашка. Въ пору. И таперь ищетъ?

Зинка. Нѣтъ, сидитъ, какъ убитая. Ни слезинки. а только стонетъ полегонечку, стонетъ все...

Ѳекла. Да, вотъ те и боярышня! Къ разбойникамъ въ артель ушла! И Дуньку съ собой увела.

Зинка. Какъ, и Дунька пропала?!

Ѳекла. Не даромъ-же Абрамъ ночью былъ. Ихній дядя кузнецъ, и замки у тюрьмы сбивалъ.

Зинка. Охъ, узнаетъ про все бояринъ, пропали наши головушки!

Малашка. Какъ бы ему самому капутъ не пришелъ! Теперь жди съ часу на часъ Илью Григоровича со всею ватагою.

Зинка. Охъ, не говори, не пужай! (*Закрыла лицо руками*). У меня ажъ душа въ пятки ушла...

Малашка. Загайкаютъ, засвистятъ, да какъ начнутъ разбивать, да грабить!

Зинка. Я сбѣгу, куда глаза глядятъ убѣгу!

Ѳекла. А я такъ ни крошечки не боюсь.

Малашка. Не строй дуру-то! Полно. Кличутъ. Пойдемте! (*Уходитъ*).

Зинка. Вотъ страсти-то! Господи! (*Уходитъ*).

Ѳекла. Чего мнѣ бояться? Боярину, точно страхъ. Повѣсятъ его, собаку, на первомъ суку. А мнѣ что-жъ что разбойники? Не всѣ-жъ они страшные, чай и добрые молодцы есть. Выбирай любого! И погуляю-же я, ахъ! Изъ кабальной

вольною стану, нарядовъ себѣ наберу. Въ набойкѣ-то полно ходить! Какъ барскія скрыни разобьютъ, бери, дѣвка, любое. Боярышнинъ аксамитный лѣтникъ возьму, съ яхонты, да изъ вишневой камки другой, да тотъ, что изъ хрущатой камки, травы куфтерныя... Разряжусь фу-ты, ну-ты, не подступись! (*Негромко поетъ на мотивъ плясовой*).

У меня дружочекъ молодёшенекъ,
Молодёшенекъ, милъ-милёшенекъ...

Ахъ! боярыня! (*Пропустивъ ее въ дверь, убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Боярыня (*входитъ съ убитымъ видомъ, садится къ столу и нѣсколько мгновеній молчитъ, уронивъ голову на руки. Потомъ начинаетъ на манеръ причитанья*). Охти, тошнехонько мнѣ, душа разрывается! Пришло время всечасно слезы лить, да тужить! Укатилось мое красное солнышко, стерялась звѣзда поднебесная, улетѣла моя лебедушка! Не всплывать камню поверхъ воды, не видать мнѣ своей Олюшки! Не одѣвать ее въ цвѣтно-платьице, не убирать завивной косы! Всѣ-то тропки твои зароступъ, всѣ дороженьки! Вдоволь было истомы въ жизни моей, а ты еще прибавила! И безчестья наслушалась и побоевъ я натерпѣлась. Не порой моя головушка старилась, а теперь кручина въ переломъ пришла! Покинула дочка меня горе-горькую, при старости, да при хворости! Лучше закрылись-бы очи мои, пріукрыться-бъ мнѣ во сыру землю! Что-то съ тобой, мое милое горе-дитятко, наливная моя ягодка, скатная жемчужинка? Помоги тебѣ Мать-Царица небесная! А вы слезы мои, слезы горькія, не на землю падите, не на воду, а на сердце ему погубителю!

ЯВЛЕНІЕ III.

Боярыня *и* **Варыгинъ**. (*При входѣ его жена встаетъ въ страхѣ*).

Варыгинъ. Ну, изготовились? Сейчасъ пріѣдетъ князь Иванъ Ларивонычъ, для сговору... Отчего на тебѣ лица нѣтъ? Недужна?

Боярыня. Нѣтъ, я ничего.

Варыгинъ. Видно супротивница наша разжалобила тебя? Приказу покориться не хочетъ, не любо ей замужъ идти? У глупой матери дѣвки всегда растутъ не въ чувствіи и добродѣтели, а упорщицами. И знать не хотятъ сказаннаго: иже чтетъ родители своя, той очистится отъ грѣховъ и отъ Бога прославится... Пытала ее про Илюшку-то?.. Коза буявая! Ей ништо и сбѣжать изъ дома родительскаго, посрамить родъ-племя!.. Про Илюшку, молъ, спрашивала?.. Чего молчишь?..

Боярыня. Спрашивала.

Варыгинъ. Ну, что-жъ она? Ась?.. Да отвѣтствуй!. Ахъ, ты милая моя! Дура дурой стоитъ! Ну?

Боярыня. Она... его не поваживала... Илью...

Варыгинъ. Хе-хе-хе! Дай провожу князя, я самъ ее попытаю. Подними голову-то! Или тебя подбодрить? Коли съ такимъ лицомъ князю покажешься... Ну, ты меня знаешь! Жениху ширинка готова?

Боярыня. Готова.

Варыгинъ. Во всемъ изготовься, смотри! Собери мысли-то! (*Боярыня уходитъ*). Молва про князя такая, что и не моя-бъ дура заголосила, дочь за него отдаваючи. Сквернословъ, безчинникъ, пьяница... За то у Царя въ приближеніи. Въ немъ заступа и оборона отъ враговъ моихъ. Ужъ были

челобитчики, что я крестьянъ извожу, да кабальныхъ людей продаю въ Кафу, въ невольники. На что гнуть? Разорить? Что-бъ помѣстья мои назадъ къ Царю взяли и впредь до вѣку не давали? Да чтобъ и купленныя вотчины у меня, яко разорителя, отобрали? Злочинецъ—вишъ—я, лиходѣй, хе-хе-хе! Ладно! Съ такимъ зятемъ, какъ Мезецкій, мнѣ въ этомъ опаски не будетъ. И по планидамъ выходило, что быть Ольгѣ княгиней.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Варыгинъ *и* **слуга**.

Слуга (*отвѣсивъ низкій поклонъ*). Государь, князь Мезецкій изволилъ пожаловать. Посредь двора съ коня слѣзъ, пѣшій къ крыльцу идетъ.

Варыгинъ. Иду встрѣтить съ честью гостя желаннаго (*Уходитъ въ сопровожденіи слуги*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Боярыня, *въ большомъ нарядѣ, за нею* **Щелкуха**, *съ подносомъ, на которомъ стопа съ виномъ.*

Боярыня. Охъ, не идутъ мои ноженьки, силушку надломило!

Щелкуха. Ободрись, государыня. Хуже такъ, хуже! Изволь подносецъ принять. Ободрись!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же. *Вбѣгаютъ* **слуги**, *въ парчевыхъ кафтанахъ, и* **дѣвки** *съ блюдами и проч. Все это проворно становится на столъ.*

Щелкуха (*Ѳеклѣ*). Куда судокъ ткнула? Гораздо-ли такъ? Видно, дура къ дѣлу никогда не навыкнетъ! (*Переставивъ судокъ, отходитъ къ боярынѣ. Понизивъ голосъ*). Хоть таперь-то не узналась-бы наша пропажа, при князѣ! Въ мысль

не вмѣстить, какая бѣда стряслась! То-то негодница, Господи! *(Дѣвки кончили свое дѣло и ушли. Слуги стали у двери).* Идутъ! Скрѣпись, матушка! Святая сила съ нами! *(Проворно уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Боярыня, князь Мезецкій, *въ роскошномъ нарядѣ*, **Варыгинъ** *и* **слуги** (*которые, поклонившись до земли князю, уходятъ, затворивъ дверь*).

Варыгинъ *(кланяясь въ поясъ).* Добро пожаловать, князь Иванъ Ларивонычъ! Милости просимъ.

Боярыня *(молча поклонилась князю въ поясъ).*

Князь *(кланяется ей, касаясь рукою земли).* Здравствуй, хозяюшка! Вотъ и я въ гости къ вамъ снарядился.

Боярыня. Милости просимъ! *(Подноситъ ему вино).*

Варыгинъ *(съ поклономъ).* Пожалуй, гость дорогой, изволь выкушать!

Князь. По старинной обыклости, откушайте вы сперва. *(Хозяйка, за нею хозяинъ, пригубливаютъ вино).*

Князь *(поклонился, взялъ стопу, выпилъ и, отдавая ее, опять кланяется).* А я, матушка, поговорить о добромъ дѣлѣ пріѣхалъ. Чай, вѣдомо тебѣ дѣло какое?

Боярыня. Вѣдомо. Рады твоему пріѣзду. *(Поклонилась и уходитъ).*

Князь. Значитъ, учинимъ мы сговоръ о свадьбѣ?

Варыгинъ. Учинимъ.

Князь. Дѣло не долгое. О приданной росписи намъ не судить. Животовъ и вотчинъ за дочерью твоей не беру. Ничего не беру. Тебѣ же уступаю въ тяжебномъ дѣлѣ...

Варыгинъ. Объ этомъ что! Еще кто кому уважаетъ— Господу вѣдомо. Моя Ольга всѣмъ невѣстамъ невѣста. Всякому лестно взять ее за себя. Ты вдовецъ, въ лѣтахъ и все...

Князь. Напрасны рѣчи. Въ слаженномъ дѣлѣ къ чему

препираться? А вотъ что: надо намъ запись учинить, что жениться мнѣ на срокъ, какой мы поставимъ, а ты-бы невѣсту за меня выдалъ на тотъ же срокъ, безъ премѣненія.

Варыгинъ. Пожалуй. Хоть я и безъ того въ своемъ словѣ крѣпокъ.

Князь. А какой же зарядъ мы положимъ, буде ты въ установленный срокъ своей дѣвицы не выдашь? Во сколько тысячь?

Варыгинъ. Твое дѣло.

Князь. Зарядъ положу не малый: десять тысячь рублей.

Варыгинъ. Сколько-о-о?! Шутишь, князь Иванъ Лариновычь!

Князь. Чего-же испугался? Вѣдь ты устоишь. А буде не устоишь, и зарядъ возьму и челомъ на тебя патріарху бить буду. Это ужъ такъ. А коли устоишь, чего же тебя зарядъ мой пугаетъ?

Варыгинъ. Объ этомъ мы послѣ. *(Весело)*. А пока милости просимъ хлѣба-соли кушать—не спѣсивиться, вино пить съ отрадою, медъ вкушать съ забавою. *(Князь садится за столъ въ большое мѣсто)*. Чего прикажешь налить? Вотъ романея, ренское, медъ вишневый, смородинный..

Князь. Чего твоей боярской чести угодно. Хоть романеи. Во здравіе тебѣ! *(Пьетъ)*. Ну, что слыхать про разбойниковъ? Что воевода?

Варыгинъ. Будетъ тому съ недѣлю, какъ послалъ я къ нему просить, чтобъ выслалъ онъ служивыхъ людей по сволоку эту; а помощи по сю пору нѣтъ. Губные старосты послали, вишь, бирючей кликать уѣздныхъ людей. Никакъ, знать, не скличутъ. А долго-ли до бѣды! Ужъ людишки стали изъ-подъ меня къ тѣмъ ворамъ выбѣгать...

Князь. Ну я тебѣ это дѣло облажу въ скорости. Будь покоенъ.

Варыгинъ *(наливая)*. Просимъ покорно! *(Князь пьетъ)*.

Боярыня *(входитъ черезъ силу, съ ширинкой на блюдѣ)*. Невѣста, дочь наша, дарить тебя, жениха своего, ширинкою. *(Ставитъ блюдо на столъ)*.

Князь. Спасибо! Жалко, что не сама невѣста съ нею пожаловала. Купецъ здѣсь, а чего купить пришли еще не видали.

Боярыня *(помертвѣла)*. Что ты, батюшка! Нешто можно?.. Самъ знаешь, что до свадьбы невѣсты не кажуть.

Князь. Да вѣдь смотрильщицъ я къ вамъ не посылалъ, разумъ и рѣчи невѣсты извѣдывать, высматривать у ней лицо, да примѣты. Безъ смотринъ о свадьбѣ сговариваюсь и вотъ запись съ бояриномъ станемъ писать.

Боярыня. Присылай смотрѣть сродственницъ, кого угодно. А казать невѣсту нельзя.

Варыгинъ. Обманства у насъ никакого.

Князь. Вѣдомо мнѣ. Вѣрю я, что ваша Ольга ростомъ, красотою и рѣчью исполнена и во всемъ здорова. Мало того— никакого надѣлка за ней не беру. Ну и вамъ надо моему хотѣнью уважить. Ты, бояринъ, пособи мнѣ, вели дочь привести. Дѣло кончено. Не я, а ты заряда-то испугался.

Боярыня. Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Выкинь изъ головы это!

Князь. Ну-же, бояринъ! Не томи сердца!

Варыгинъ. Отчего и не уважить князю?..

Боярыня *(прерываетъ, въ ужасѣ)*. Глѣбъ Акимычъ!..

Варыгинъ *(остановилъ ее взглядомъ)*. Дочь свою намъ передъ людьми показать не въ стыдъ. Не такую невѣсту поносить, да хулить жениху. Приведи Ольгу.

Боярыня. Глѣбъ Акимычъ! ради Господа!.. Ей не по себѣ и оробѣеть...

Варыгинъ. Да что ты?! Велѣлъ — твори мою волю *). Ступай!

---

*) По Котошихину, вопреки обычаю, это дѣлалось въ рѣдкихъ случахъ.

Боярыня *(про себя)*. Какъ-же мнѣ быть-то, горькой?! какъ быть?! *(Черезъ силу уходитъ)*.

Варыгинъ. А пока выпьемъ во здравіе невѣсты. *(Выпьли)*. Да, Ольга наша не въ небреженіи, а въ наказаніи возростала, во всякой чистотѣ. Еще, князь Иванъ Ларивоничъ! *(Наливаетъ стопу)*.

Князь. Ой не будетъ-ли? Первую чашу пьешь въ жажду, вторую въ сладость, третью—во здравіе, четвертую—въ веселіе. Я ужъ четыре выпилъ. Пятая будетъ въ пьянство, а шестая—въ бѣсовство, ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Мезецкій. Варыгинъ *и* слуга.

Слуга. Колдуна привезли, государь, кудесника.

Варыгинъ *(всталъ)*. Дуракъ! Что ты брешешь? Какого тамъ колдуна?..

Слуга *(растерялся)*. Да изъ... изъ Шалыгина... За которымъ вчерась посылали...

Варыгинъ *(впился въ него взоромъ)*. Что?!

Слуга *(съ трепетомъ)*. Онъ велѣлъ... Мишку за которымъ вчерась... Велѣлъ: „доложи, молъ, некогда мнѣ"...

Варыгинъ. Пшелъ! *(Слуга выскакиваетъ за дверь. Про себя)*. Нашелъ время докладывать! *(Садится)*.

Князь. Кудесникъ! Зачѣмъ онъ тебѣ? Сказываютъ, что ты въ тяжебныхъ дѣлахъ къ волшебству прибѣгаешь. Значитъ, правда?

Варыгинъ. Мало-ли что сказываютъ! Безъ разсужденія не твори осужденія, князь Иванъ Ларивонычъ.

Князь. Ябедникамъ и поклепщамъ чародѣи отъ бѣсовскихъ поученій пособія творятъ. То намъ вѣдомо. Ну и на тебя взводятъ, по злобѣ, что и ты такъ-же, и что отреченныя книги есть у тебя и мудрости еретическія. По злобѣ, чего ни взведутъ! А все-жъ ты кудесника кликни.

Варыгинъ. Пустое! Зачѣмъ онъ тебѣ?

Князь. Можетъ ты по меня колдуна-то призвалъ. Вотъ и узнаемъ въ чемъ дѣло. Вели позвать.

Варыгинъ. Полно, прошу!

Князь. Нѣтъ, покажи. Зачѣмъ прячешь?

Варыгинъ. Перестань!

Князь. Пускай потѣшитъ. Зови-же!

Варыгинъ *(съ досадой)*. Ну, да вѣдь ты пристаешь, такъ вынь, да положь! *(Хлопнувъ въ ладоши. Вошедшему слугѣ)*. Кликни того... изъ Шалыгина... какой тамъ дуракъ объявился... *(Слуга уходитъ)*. Мало-ль теперь этихъ пройдохъ шатается! Что кудесники, бабы пророчицы развелись. Ходятъ наги и босы, сказываютъ, что имъ является святая пятница и велитъ заповѣдывать богомерзкія дѣла творить.

Князь. Старухъ жечь, а молодыя какія... Говоришь, наги ходятъ?

Варыгинъ. Да, волосы распустя. Трясутся, кричатъ, аки бѣсніи.

Князь. Молодымъ я-бы спуску не далъ, ха-ха-ха!

Варыгинъ. Стыдись! На тебя, вишь, въ блудныхъ дѣлахъ и такъ челобитныя къ епископу были!

Князь. Вотъ женюсь, все это брошу.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Князь Мезецкій, Варыгинъ, Батя, Кирюха (*съ мѣшкомъ*) *и* **слуги.**

Батя. Миръ вамъ на бесѣдѣ, миръ твоему благодатному дому, хозяинъ! *(Поклонился)*.

Князь. Э, да ихъ двое!

Батя. Въ помощь мужиченко съ собою беру *(Кирюхѣ)*. Чего стоишь, какъ приворотная надолба? Кланяйся госпо-

дамъ-то! Али поклонъ съ хохломъ, челобитье съ шишкой? Кланяйся же, хлѣба-те въ брюхо! *(Кирюха прорычалъ и неохотно поклонился)*. Не взыщите на немъ, честные господа! Я его за глупость держу. У него языкъ болтаетъ, а голова не знаетъ. Мнѣ такой на руку.

Варыгинъ *(подозрительно)*. Ты отколь будешь?

Батя. А изъ Шалыгина, государь. Холопъ твой Михайло...

Варыгинъ *(прерываетъ)*. Знаю.

Кирюха *(про себя)*. Черта ты знаешь!

Князь. Такъ ты колдунъ?

Батя. Называй, какъ твоей чести угодно. На дѣлахъ штуковать, на словахъ смысловать, государь.

Князь. Въ раели смотришь, въ аристотелевы врата, по звѣздамъ, по планидамъ гадаешь?

Батя. Не отъ своего замышленія говорю, а какъ дѣло укажетъ, государь.

Князь. И заговоры знаешь?

Батя. Все могу, государь. Мои слова заговорныя крѣпче камня и булата: ключъ имъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ.

Князь. Рѣчистъ! Ну, а зачѣмъ бояринъ за тобой послалъ. Угадаешь?

Батя. Могу. Научить его шиломъ молоко хлѣбать.

Князь. Ха-ха-ха!

Варыгинъ *(гнѣвно)*. Что ты городишь, дуракъ!

Батя. Стриги шерсть, да не сдирай шкуры, бояринъ.

Князь. Ха-ха-ха! Ей-ей рѣчистъ! *(Варыгину)*. Вѣдь это онъ къ тому, что ты прибылями корыстуешься, въ нищіе крестьянъ приводишь своихъ.

Варыгинъ *(ударилъ въ ладоши. Явились двое слугъ. Къ нимъ)*. Выведите ихъ, да заперетъ покуда!

Князь. Постой, постой! Сейчасъ ужъ серчать!

Батя. Помилуй! У меня утроба зяблая, государь. А молвлю я то, что мнѣ воронъ каркунъ сказалъ. Не гнѣвись!

Князь. Оставь, бояринъ! Я о себѣ поговорить съ нимъ хочу. *(За сценой свистокъ. Батя и Кирюха переглянулись)*.

Батя. Ты, дурацкая стать! Готовь золу изъ семи печей. Князю гадать придется.

Варыгинъ *(слугамъ)*. Разыскать, кто смѣлъ свистнуть. Пьянъ, видно! *(Слуги уходятъ)*.

Кирюха *(про себя)*. А тебѣ будетъ похмѣлье.

Князь. Ну, колдунъ! Угадай за какимъ дѣломъ я у боярина Глѣба Акимовича?

Батя. Много ты чаешь, да ничего не знаешь, княже.

Князь. Чего же я не знаю?

Батя. Какое здѣсь чудо причудилось.

Князь. А какое?

Батя. Былъ я на полой полянѣ, свѣтилъ мѣсяцъ на осиновый пень. Около того пня ходилъ мохнатый волкъ и вотъ что онъ сказалъ мнѣ. Есть у тебя тутъ присуха—зазнобушка и задумалъ ты ее въ жены поять.

Князь. Правда.

Батя. А дѣвушка та дожидалась до вечерней зари, до сырой росы, въ тоскѣ и тревогѣ. А какъ взошелъ мѣсяцъ, серебряные рожки, тутъ и чудо причудилось.

Князь *(съ нетерпѣніемъ)*. Да какое?

Батя. Пропажа сталась, потеряшечка потерялась.

Варыгинъ. Князь, что-жъ это будетъ? Онъ дерзаетъ про дочь мою говорить, а ты дозволяешь?!

Батя. Не гнѣвайся, государь! У меня утроба зяблая...

Варыгинъ *(топнулъ)*. Вонъ!

Князь *(встаетъ въ сильномъ волненіи)*. Нѣтъ, погоди! Я самъ съ нимъ расправлюсь, за пустопшныя рѣчи. Сперва боярыню кликнемъ. Сперва мы съ нею поговоримъ!.. *(Ударяетъ въ ладоши. Входитъ слуга)*. Доложи боярынѣ, Любови Лукиничнѣ, что-молъ—князь покорно проситъ ее пожаловать къ намъ. *(Слуга уходитъ)*.

Варыгинъ. Не дѣло затѣваешь ты, князь!

Князь *(на Батю)*. Ты зря несешь, дурачина?

Батя. Чтобъ мнѣ первымъ кускомъ подавиться! Мышиныя норки обшарь, не сыщешь невѣсты.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же *и* **боярыня** (*въ сопровожденіи слугъ*).

Варыгинъ. Гдѣ дочь?.. Чего-жъ ты трясешься?! *(Кричитъ)*. Гдѣ дочь, говорю?!

Боярыня *(съ воплемъ бросается ему въ ноги)*. Не погуби-и!..

Варыгинъ. А-а-а!.. *(Слугамъ)*. Поднять! Уведите ее! *(Боярыню подняли и почти уносятъ рыдающую)*.

Князь *(гнѣвно)*. Для какого-жъ это, бояринъ, сговору пріѣхалъ я? А?

Варыгинъ *(блѣдный и трепещущій)*. Оставь... оставь!.. Ничего мнѣ не говори!.. Я... Когда я собой не владѣю, не говори! *(На воровъ)*. А розыскъ я съ васъ начну! Эй! *(Хлопнулъ въ ладоши)*. Кандалы! *(За сценой выстрѣлъ. Батя и Кирюха вооружаются, доставъ изъ мѣшка по большому ножу)*.

Князь. Да это разбой!.. *(Ринулся къ двери и уходитъ. За сценой еще выстрѣлъ)*.

Кирюха *(схвативъ Варыгина)*. Крути его!

Варыгинъ *(вопитъ)*. Люди!.. разбой! разбой!.. *(Его вяжутъ веревками. За сценой еще выстрѣлъ, трескъ, женскій визгъ и крики разбойниковъ)*.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лѣсъ. Справа шатеръ. Полы его откинуты. Внутри шатеръ убранъ коврами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ольга *и* **Дуняша** *(стоя на колѣняхъ, цѣлуетъ руки Ольги).*

Дуняша.

Ну, какъ же рада я, что Богъ привелъ
Опять мою боярышню увидѣть!
Въ тюрьмѣ сидѣла, мукъ ждала и тамъ
Все думала, какъ ты, да что съ тобою:
„Жалѣетъ, чай, боярышня меня!
„А ей-то каково самой, сердечной,
„Идти къ вѣнцу съ постылымъ женихомъ!"...

Ольга.

За милымъ я, ужъ мужняя жена;
А прибылю ли радости, Дуняша!

Дуняша.

Обвѣнчаны ужъ вы?! Ну, слава Богу!

Ольга.

Болитъ душа по матушкѣ родимой...
Что будетъ горемычной отъ отца?..
Мою вину онъ ей въ отвѣтъ поставитъ,
На ней всю злобу станетъ вымещать...
Она-жъ меня безъ гнѣва вспоминаетъ,
Она проститъ... и въ скорби неутѣшной
Молиться будетъ... *(Утерла слезы. Со вздохомъ).*
Грѣхъ душѣ моей!

Дуняша.

Не замужъ-же за Мезецкаго было
Идти тебѣ!

Ольга.

Ну, полно, перестанемъ!
Я мужа голосъ слышу.—Ты пока
Останешься у насъ, съ своимъ Абрамомъ?

Дуняша.

Мы слуги вамъ по гробъ.

Ольга *(поцѣловала ее)*.

Спасибо, Дуня!
А мужъ твой гдѣ?

Дуняша *(озабоченно)*.

Къ Уколову поѣхалъ.
Зачѣмъ—не знаю. Словно какъ встревоженъ...
Сейчасъ, сказалъ, вернется. Погляжу
Не ѣдетъ ли? *(уходитъ влѣво)*.

Ольга.

Въ Уколовѣ теперь
Гремитъ гроза родительскаго гнѣва,
И стонъ стоитъ и плачъ!.. *(Закрылась руками. Пауза. Отнимая руки)*.

Не думать лучше!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Ольга *и* **Илья.**

Илья *(озабоченно)*.

И что за притча сталась!

Ольга.

Что такое?

Илья.

Велѣлъ я изготовиться ватагѣ,
Чтобъ къ вечеру намъ сняться съ становища...
Отъ вашего Уколова подальше
Скорѣй людишекъ нужно отвести:
Не то они, какъ бѣшеные волки,
Къ вамъ кинутся на сломъ и на грабежъ.
И вотъ кого ни спросишь—нѣтъ и нѣту.
Кирюхи нѣтъ, и Бали и другихъ.
Куда пропали, вишь, никто не знаетъ. *(Садясь рядомъ съ Ольгой).*

А ты, моя любезная супруга,
Въ раздумьи все, не радостна сидишь?
Вѣнчались мы безъ дружекъ, посаженыхъ,
Безъ тысяцкаго, свахъ и поѣзжанъ;
И некому убрать твою головку;
И въ логово звѣриное, не въ домъ,
Отъ церкви я привезъ свою „княгиню";
Не брачный свѣтлый пиръ и ликованье,
А шумъ сырой дубравы непривѣтный
Подъ хмурымъ небомъ встрѣчею былъ намъ...

Ольга.

Я вовсе не о томъ въ раздумьи, милый,
А люди какъ твои... Опасно съ ними...
Сдается мнѣ, они тебѣ не вѣрятъ...
Сомнѣнья иль тревоги коль въ тебѣ
Лишь тѣнь они увидятъ, удержать
Въ покорности ихъ трудно. Звѣрь-толпа
Предъ тѣмъ, кто ею мощно не владѣетъ.

Илья.

Доселѣ ихъ держалъ рукою крѣпкой,
Пока я былъ одинъ. Теперь постыла
Мнѣ жизнь съ народомъ этимъ. *Ты* средь нихъ!

Замѣсто сѣнныхъ дѣвушекъ—злодѣи!
И каркаетъ воронья стая эта
И ждетъ свою добычу расклевать!

Ольга.

Ни страха, ни печали нѣтъ во мнѣ.
Въ опасностяхъ не время сокрушаться.
Коль въ толкъ я это взять-бы не умѣла,
Была-бъ тебѣ плохой женою я.
И ты—смягченнымъ сердцемъ не слабѣй,
Заботу обо мнѣ забудь покуда.
Не прятаться мнѣ нужно отъ воровъ,
А взять ихъ смѣлымъ видомъ, рѣчью твердой,
Чтобъ быть тебѣ не въ бремя, а въ подмогу.
Покамѣстъ въ переходѣ проведемъ
Мы времени довольно, подоспѣютъ
Къ отцу въ охрану ратные. Тогда
Уйдемъ изъ стана мы, но не въ Литву,
Искать среди *враговъ* себѣ пріюта...

Илья.

Куда-жъ тогда?

Ольга *(пылко)*.

Въ ряды бойцовъ отважныхъ,
Подъ стягъ святой, ты станешь *на* враговъ.
Ты душу отъ грѣха свою омоешь
И совѣсть передъ Богомъ обѣлишь.
Родителя страданій лютыхъ ради
И слезною моей мольбой, Господь
Помилуетъ тебя въ кровавыхъ битвахъ
И благостью Своею сохранитъ.

Илья *(горячо, обнявъ ее)*.

Спасибо, Ольга! въ душу мнѣ влилась
Живой струей надежда и отвага.
Ты вѣрный другъ, надежная опора!

Съ тобой яснѣетъ мысль и крѣпнетъ сердце
И съ смѣлостью незыблемой впередъ
Всему пойдешь навстрѣчу! *(Цѣлуетъ ее)*.

Ольга *(ласкаясь)*.

Милый мой!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же *и* **Дуняша** *(вбѣгаетъ въ испугѣ)*.

Дуняша. Уколово, Уколово горитъ!

Ольга. Горитъ?!

Дуняша. Грабятъ! Мужъ примчался оттуда... Все разбили, говоритъ, кладовыя, подвалы! Князя Мезецкаго убили!

Ольга *(въ ужасѣ схватилась за голову)*. Господи!

Илья. Ахъ! сволока проклятая! Постой-же! Я васъ уйму! *(Затыкаетъ за поясъ кинжалъ и схватываетъ чеканъ* изъ шатра)*.

Ольга. Матушку, матушку спаси!

Илья *(у выхода изъ шатра даетъ свистокъ)*. Не бойся, Ольга, живо управлюсь! *(Подбѣжавшему вору)*. Коня! *(Воръ убѣгаетъ. Илья быстро уходитъ въ глубину сцены)*.

Дуняша. Тамъ страсти, Абрамъ говоритъ! Плачъ, вой! Которые изъ нашихъ кинулись отбивать, всѣхъ уложили!

Ольга *(съ отчаяніемъ)*. Матушка моя! Что съ тобой, родимая?! Покаралъ Господь! Отвела бѣду, охранила родителей! О-о-охъ! *(Рѣшительно)*. Сама пойду!

Дуняша. Куда-же, куда?! Развѣ близко? Адъ кромѣшный въ Уколовѣ! Что ты подѣлаешь?!

---

*) Чеканъ—знакъ атаманскаго достоинства, топорикъ на длинной рукояткѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ольга, **Дуняша** *и* **Абрамъ**.

Абрамъ *(Ольгѣ)*. Боярыню увезли. Не тревожься!

Ольга. Кто увезъ?! Куда?

Абрамъ. Свои. Какъ стали разбивать, мы съ дядей кинулись. Лука, да ключникъ Игнатъ подсобили. Ну, выхватили ее, на коней и въ ближайшій монастырь отвезли. Тамъ она въ бережи.

Ольга. А отецъ? Убитъ?!

Абрамъ. Его не видалъ. Князя Мезецкаго убили.

Ольга. Говори ужъ, говори, ради Господа! Убитъ?

Абрамъ. Не слыхать. А добро грабятъ.

Ольга. Что добро! Прахомъ ему пойти, добру этому! Батюшка что? Съ нимъ злодѣи что сдѣлали? Не быть ему въ живѣ отъ нихъ! Изъ своихъ кому пожалѣть и то не найдется!.. Видно какъ горитъ?

Абрамъ. Оттуда вонъ видать, съ опушки... курганъ тамъ есть.

Ольга. Веди меня туда!

Дуняша. Ахъ, лучше-бъ не ходить, матушка! Останься!

Ольга. Веди! *(Поспѣшно уходитъ съ Абрамомъ въ глубину сцены, налѣво. Дуняша слѣдуетъ за ними. Слѣва слышенъ шумъ приближающейся толпы).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Толпа воровъ *съ* **Батей**, **Сверломъ**, **Иваномъ Ядренымъ** *и* **Совой** *во главѣ, вводятъ связаннаго* **Варыгина**.

Сверло. Стой, ребята! Тутъ ему судъ чинить и расправу.

Батя. Ну, какъ, въ добромъ-ли ты здоровьѣ и благополучіи, государь?

Варыгинъ *(злобно, озираясь)*. Сволока поганая! Душегубы, грабежники! Судъ надо мной чинить! Вамъ?! Ха-ха-ха!

Сверло. Ишь озмѣился!

Иванъ Ядреный. Напырился, что индюкъ!

Батя *(въ толпѣ)*. Пришелъ теленокъ медвѣдя путать!

Всѣ. Ха-ха-ха!

Сверло. Ты на всей нашей волѣ. Захотимъ—пришибемъ, захотимъ—плясать станешь. И медвѣдь въ неволѣ пляшетъ, не то, что ты.

Батя. Стой, братцы, вы все не то, не съ того конца. Слушай-ка, что я вздумалъ.

Иванъ Ядреный. Видно, Батя умнѣе всѣхъ!

Батя. А то нѣтъ? Я передъ вами соколъ, а вы дрозды. Бояринъ у меня сейчасъ сломню на шило сядетъ. Мы обознались, ребята. Бояринъ не ворогъ нашъ, а гость добрый. Да! Онъ намъ дочку въ береженье отдалъ. Али забыли? Онъ въ гости къ ней снарядился.

Варыгинъ *(затрясся отъ гнѣва)*. Молчи! Окаянная душа!..

Батя. Хоть черту кумъ. Надо-быть тутъ она. Семъ-ка кликну! *(Пошелъ къ шатру)*.

Варыгинъ. Не смѣй!.. Не смѣй!..

Батя. Да вонъ она сама жалуетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* **Ольга** (*вбѣгаетъ. Увидавъ отца, всплеснула руками*).

Ольга.

А-ахъ!.. Батюшка!.. (*Падаетъ ему въ ноги*).

Варыгинъ.

Прочь съ глазъ моихъ, змѣя!

(Въ толпѣ движеніе и смѣшки).

Ольга *(быстро встала. Къ толпѣ)*.

Оставьте насъ! Въ несчастьи издѣваться

И воръ не станетъ. Къ женщинѣ, какъ я,
Съ истерзанной душою и у вора,
Коль онъ не звѣрь, найдется въ сердцѣ жалость.
(Двое изъ воровъ уходятъ).

Варыгинъ
(обезсиленный сѣлъ на пень и погруженъ въ свои мысли. Про себя).

Все прахомъ, все!..

Ольга *(твердо).*

Уйдите-жъ, я сказала!
При мнѣ не только дѣломъ не посмѣетъ,
Но словомъ огрубить отца никто!

Батя *(подмигнувъ на нее).*

На видъ красна, а вкусомъ горьковата...

Сверло.

Глазами ѣсть!

Ольга.

Межъ дочерью съ отцомъ
Зѣвакамъ быть не мѣсто. Вамъ не здѣсь,
Въ Уколовѣ работа: жечь, да грабить,
Сдирать съ иконъ оклады дорогіе,
Да звѣрски кровь напрасно проливать,
Забывъ, какой вы въ смертный часъ дадите,
Въ ужасный часъ предъ Господомъ отвѣтъ!
(Еще трое воровъ уходятъ).

Варыгинъ *(по прежнему про себя).*

На что-жъ вся жизнь пошла, и трудъ и скорби?!

Ольга *(грозно).*

Въ *обидчики себѣ* я тѣхъ поставлю,
Не медля кто отсюда не уйдетъ.
И съ тѣмъ Илья расправится нещадно!
Я каждаго изъ васъ въ лицо примѣчу

И жалостью не тронусь въ сердцѣ къ вамъ.
(Подходитъ къ нимъ. Нѣкоторые отступаютъ, прячась за товарищей. Двое уходятъ. Батѣ).
Въ отвѣтѣ первый ты!

Батя.

Пойдемте, братцы!
Ну, ихъ!..

Сверло.

Недалеча! Отпустить
Такого звѣря даромъ не годится.
Оцѣпимъ ихъ кругомъ.

Сова.

Вотъ такъ-то лучше! *(Расходятся въ разныя стороны).*

Варыгинъ *(про себя).*

И въ мысли не вмѣстится горе это!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Варыгинъ *и* **Ольга**.

Ольга

(подходитъ къ отцу и становится на колѣни, чтобъ развязать ему руки).
Дозволь освободить...

Варыгинъ *(всталъ. Съ отвращеніемъ).*

Не оскверняй!
(Срываетъ съ рукъ ослабѣвшую веревку и бросаетъ ею въ дочь. Ольга встаетъ. Ехидно).
Сколь сладко мнѣ, о чадо!—зрѣть тебя...
Поруганному, нищему, въ позорѣ!
За это все я бью тебѣ челомъ *(кланяется).*

Ольга.

Смиренно каюсь въ томъ, что я изъ дома,
Въ позоръ тебѣ и матушкѣ, ушла;
А больше въ чемъ винить меня напрасно.

Варыгинъ.

Напрасно, хе-хе-хе! Отрадно мнѣ.
Что ты растлѣннымъ сердцемъ грѣхъ содѣять
Влеклась, забывъ дѣвичій стыдъ...

Ольга (*прерываетъ*).

Неправда!
Уйти съ Ильей мнѣ было суждено.
Съ своей постылой долей свыклась я
И кровъ родной не бросила-бъ чрезъ это.
Сгубить меня хотѣлъ ты, замужъ выдавъ;
Но я-бы не ушла и оттого.
Не стала-бъ я съ князь-Мезецкимъ, конечно,
Тебѣ въ угоду, въ церкви подъ вѣнецъ,
А ножъ себѣ всадила-бъ въ сердце. Ты-же
За этотъ грѣхъ отвѣтилъ-бы предъ Богомъ.
Люби Илью безъ памяти я втрое
И то-бы не ушла отъ васъ за нимъ,
Изъ гордаго стыда и чести ради,
Что-бъ онъ не мнилъ, что я легко досталась,
Что дѣвку онъ сманилъ и обошелъ...

Варыгинъ.

Изрядно! Вѣрю. Какъ не вѣрить? „Честь“
„И гордый стыдъ“, хе-хе!

Ольга.

Слова мои
Ты ставишь ни во что. Во мнѣ съизмальства
Одно худое видѣть ты привыкъ
И дѣлалъ все къ тому, въ моемъ чтобъ сердцѣ
Любовь, и честь и совѣсть заглушить.
Я съ малыхъ лѣтъ тебя ужъ не боялась.
Упорствомъ отъ напраслинъ каменѣя
И сердцемъ раскипаясь отъ обидъ,
Во всемъ я шла тебѣ наперекоръ...
Жестокость незаслуженныхъ истязаній

Мой духъ въ тебѣ гордыней закаляла,
И ты меня не смогъ переломить,
Хоть всѣ передъ тобою трепетали.
Ты чувствовалъ всегда, что недругъ я,
Живой укоръ худымъ твоимъ дѣяньямъ...

Варыгинъ (*прерываетъ, гнѣвно*).
Молчи, змѣя!!

Ольга.
Такъ знай-же, что за смерть
Родителя, погибшаго извѣтомъ,
Тобою обездоленнаго сына,
Твоя-же дочь должна была спасти.

Варыгинъ.
Велѣніемъ судьбы, выходитъ, стала
Разбойника любовницею ты?!

Ольга.
Чтобъ душу отвратить его отъ зла,
Чтобъ онъ со мной забылъ и грѣхъ и мщенье,
Ударъ чтобъ отвратить, тебѣ грозившій,
И жизнь спасти твою и достоянье—
Я вотъ зачѣмъ ушла.

Варыгинъ.
Скажи пожалуй!
А вышло все какъ разъ наоборотъ.

Ольга.
Мы въ этомъ неповинны, Богъ свидѣтель!
Ослушниковъ то дѣло окаянныхъ...

Варыгинъ.
Боюсь развѣсить уши. Такъ сладка
Во лжи ехидной рѣчь твоя. Къ ворамъ
Съ пустыми вѣдь руками не приходятъ.
Войти въ семью ихъ добрую нельзя

Съ однимъ безчестьемъ дѣвкѣ, безъ надѣлка.
Любить, пожалуй, жаловать не станутъ...

Ольга (*пылко прерываетъ*).

Забыть не вынуждай, что ты въ несчастьи!
Я сердцемъ возмущеннымъ не смогу
Въ покорности сносить такія рѣчи!

Варыгинъ (*ѣдко усмѣхнулся*).

А чѣмъ ворамъ челомъ ударить кромѣ,
Какъ не добромъ родительскимъ? Купить
Чѣмъ ласку ихъ? Однимъ безстыдствомъ—мало.
Илюшкѣ—вору и тому на что ты,
Коль нѣтъ ему корысти никакой?
Онъ дѣвокъ кралъ не мало попригожѣй,
Для дѣлъ срамныхъ. На то онъ подлый воръ.
А ты... ты чѣмъ мила? Что всю сволоку,
Всю рвань его, что дохла съ голодухи,
Въ Уколовѣ сулилась накормить,
Да всѣхъ одѣть изъ скрынь моихъ изрядно.
—„На—дескать—мой любимчикъ, все бери,
„Стяжанное отеческимъ радѣньемъ“...

Ольга (*гнѣвно прерываетъ*).

Предательствомъ моимъ и сквернотою,
Въ надѣлокъ, ты сказалъ, пошло за мною,
Ворамъ твое добро, Ильѣ въ корысть.
Но ты забылъ, *чьей* вотчиной владѣешь,
Какимъ стяжаньемъ нажилъ ты добро.
Забылъ про то, что въ прокъ нейдетъ чужое,
Что взыщется отъ Бога за злодѣйство
И кровь страдальца къ небу вопіетъ!

Варыгинъ (*задыхаясь отъ гнѣва*).

Молчи!.. Убью!.. (*Бросается на нее*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же *и* **Илья** *(быстро входитъ).*

Илья *(удерживая его).*

Потише!

Варыгинъ *(яростно).*

Ты?! разбойникъ!!

Илья.

По милости твоей я въ долѣ этой.
Ребенкомъ былъ въ ту пору я, когда
Ты облилъ сердце мнѣ отцовой кровью
И ненавистью душу замутилъ.
Ты мысль мрачилъ мою, ты сонъ тревожилъ
То ужасомъ, то грезою кровавой,
То мщенія назойливой мечтой!
Ты отнялъ все, чѣмъ юноша живетъ,
Съ любовью и надеждой вдаль взирая.
Ни радостей, ни счастья тотъ не ждетъ,
Во злѣ мужаетъ кто и дышетъ злобой.
Таковъ я былъ и ждалъ съ тобой разсчета,
Какъ воронъ жаждетъ крови. Съ тѣмъ пришелъ,
Но съ Ольгой все забыто. Свѣтлымъ миромъ
Теперь моя душа озарена.
Тебя спокойно вижу! Злобы нѣтъ
Въ моемъ ужъ сердцѣ. Чувствами иными
Оно полно. Врожденное добро,
Заглохшее твоихъ дѣяній ради,
Въ душѣ моей воскресло обновленной
И въ новую меня подъяло жизнь,
Изъ мрачной бездны прежняго несчастья.
Ступай, старикъ. Никто тебя не тронетъ.
Жалѣю, что ограбленъ ты; но самъ
Живу я въ волчьей пасти!..

Варыгинъ *(съ шипѣніемъ)*.

А—аспидъ ты!

Змѣиное отродье!..

Илья *(повышая голосъ)*.

Ну, ступай-же!

Варыгинъ.

Отъ казни хоть утекъ, да на плечахъ,
Крѣпка-ли голова твоя, разбойникъ?!

Илья *(съ волненіемъ)*.

Ступай, сказалъ!.. Мнѣ вспомнился родитель...
И вижу на тебѣ я кровь его!..

Варыгинъ *(медленно отступая)*.

Ты вспомнишь и меня, въ мученьяхъ лютыхъ,
Какъ съ дыбы станутъ рвать, да жечь смолой,
Да голову на плаху ты положишь
И лезвіемъ сверкнетъ топоръ... *(Илья дѣлаетъ къ нему движеніе)*.

Ольга.

Илья!

(Упавъ на колѣни, удерживаетъ его. Варыгинъ уходитъ, злобно озираясь. Илья, сдвинувъ брови и сжавъ кулаки, съ трудомъ удерживается на мѣстѣ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Обгорѣлый и разграбленный дворъ Варыгина. Кое-гдѣ еще курится и тлѣютъ уголья. По двору разбитые сундуки и боченки. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ѳекла (*богато разряженная*) *и* **Кирюха** *сидятъ на сундукѣ.*

Кирюха. Ишь какъ я нарядилъ тебя! Плохо?

Ѳекла. Мнѣ бы съ измальства такъ-то ходить. Я въ холопки ошибкой попала.

Кирюха. Подмѣнили тебя, что ли?

Ѳекла. Я ни въ мать и ни въ отца, въ удалаго молодца...

Кирюха. Ха-ха-ха! Дура! *(Обнялъ ее).*

Ѳекла. Погоди, то ли будетъ! Дай-ка мнѣ развернуться, да жиру наѣсть!

Кирюха *(ластится къ ней)*. Право дура!

Ѳекла. Да ну тебя! Будетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Батя (*подъ хмѣлькомъ*) *и* **Сверло** *).

Батя. Гляди! Словно теля: гдѣ сойдутся, тамъ и лижутся. Ай да Кирюха!

Ѳекла. Такъ-то вы, ухачи-воры-разбойники! Напрокудили, расхватали дѣвокъ.

---

*) На Батѣ Варыгинская шуба. Другіе воры также напялили на себя кое-что изъ добычи: на одномъ боярская шапка, на другомъ дорогой кафтанъ на рваной рубахѣ, третій въ расшитыхъ сафьянныхъ сапогахъ.

Сверло. На то вы и дѣвки, чтобы парней любить. А тебя никто не хваталъ. Сама красавца облюбовала. Ишь каковъ!

Батя. Не разглядѣла, что у него медвѣжій ротъ, а волчьи зубы, свиныя губы.

Ѳекла. Не смѣйся, горохъ, не лучше бобовъ. А Кирюха хоть не казистъ, да маэистъ.

Батя. Рыжей масти-то, а рыжихъ и во святыхъ нѣту.

Ѳекла. Не то запоешь, какъ Кирюха на моемъ хвостѣ въ атаманы выѣдетъ!

Батя. Ого! Хватила!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Иванъ Ядреный *и* **Ежъ** (*выкатываютъ изъ погреба небольшую бочку*).

Батя. Кати сюда, кати милую, кати!

Ѳекла. Это, знать, съ царскимъ медомъ.

Батя. А вотъ мы узнаемъ съ чѣмъ. Обивай толпыжку *), да ковши давай! — Братцы, новую атаманьшу видали? Вотъ она! Навела сухоту на Кирюхину красоту. Ѳеклой звать. *(Садится верхомъ на откупоренную бочку и беретъ ковшъ).*

Ѳекла. Была Ѳекла, теперь стала Ѳекла Ермиловна.

Батя *(доставая ковшомъ медъ)*. Была бита, да спасибо не добита. *(Пьетъ).*

Ѳекла. И то! Всего много осталось, кому что надобно. У господъ дурой вѣковала, а теперь умникамъ носъ утру.

Батя. Сперва свой утри. *(Пьетъ).* Ну и медъ, вотъ такъ медъ! Пей, братцы!.. *(Всѣ пьютъ, исключая Кирюхи и Ѳеклы).* Кирюха, пей, хлѣба не въ брюхо! Дологъ постъ, да сладки розговѣны. Спасибо Варыгину, что про насъ меды варилъ, животы копилъ. Ѳекла... то бишь, Ѳекла Ермиловна! Не растутъ на ели яблочки, не быть тебѣ атаманьшей. *(Пьетъ).*

*) Деревянная пробка на бочкахъ.

Ѳекла. Кирюха, да что онъ присталъ?

Батя. Шутка въ пазуху не лѣзетъ. Дура! На, выпей! *(Ѳекла отмахнулась)*. Пей! Али въ монастырь собралась?

Ѳекла. Пошла бы въ монастырь, да много холостыхъ.

Всѣ. Ха-ха-ха!

Сверло. А ну, какъ твой Кирюха не захочетъ въ атаманы идти?

Ѳекла. А на что жъ я его взяла, рыжаго черта? Онъ чувствуй, да дѣлай по моему. Али лучше его нѣту!

Иванъ Ядреный. Знамо. На кой-те лядъ старый-то?

Ѳекла *(поетъ на мотивъ плясовой, подбоченясь и поводя плечами)*.

Мой мужъ бѣлоусъ,
А я его не боюсь;
Я на улицу пойду,
Черноусаго найду!

Всѣ *(безъ Кирюхи)*. Ха-ха-ха!

Кирюха. Полно дурить-то!

Ѳекла. Небось, головы не повѣшу, всякаго спотѣшу. Ольга свѣтъ Глѣбовна, слезы проливаючи, да родителей поминаючи, вишь, брезгаетъ вами, дѣлу помѣха.

Батя *(хмѣлѣя)*. Немного помѣшала. Толокномъ Волги не замѣсишь. Пей, братцы! Сверло, Ежъ, пейте! *(Пьютъ)*.

Ѳекла. А Варыпина, небось отпустили. А онъ ништо станетъ зѣвать? Гляди стрекопулъ къ воеводѣ, да ратныхъ наведетъ.

Батя. Фефела, а понятіе есть. *(Пьетъ)*.

Ѳекла. За моей головою не пропадете. Опять атамана вашего взять. Небось Олюшка научила его какъ быть. Уйдетъ въ опричники — цѣла голова, а вамъ свои подъ топоръ класть.

Кирюха. Вечоръ онъ и то было изъ становища уѣхать собрался. Вишь, въ монастырь, съ Ольгою, мать ей провѣ-

дать. Да, спасибо, не пустили ни его, ни бабу. Побудь съ нами, а тамъ видно будетъ.

Батя. Жалко я не заговорилъ его отъ бабьихъ зазоръ. Былъ соколъ, вороною сталъ. А все Олька. Чтобъ ей по жиламъ, да костямъ сухотой хвороба разродилась!

Ѳекла. Съ нею не долго управиться. Будь у васъ Кирюха набольшій, онъ ей покажетъ!

Сверло. И не жалко тебѣ?

Ѳекла. Насъ не жалѣли, поѣдомъ ѣли, на уморъ морили, а мнѣ жалѣть?

Батя *(совсѣмъ пьяный, сваливается съ бочки)*. Держи!

Сверло. Ай конекъ сбрыкнулъ?

Батя. Хмѣль зашибъ... Ну и медъ! *(Барахтается и ложится на землю)*.

Сверло. Кирюха! А намъ бы тутъ не затаскиваться. Раздуванимъ добро и айда. Князя Мезецкаго убили—первое. Ну и Варыгинъ не станетъ молчать. Того гляди, навалятся стрѣльцы, ратные. Отбивайся съ пьяными-то!

Кирюха. А вотъ какъ велитъ атаманъ.

Батя *(еле выговаривая)*. А что мнѣ атаманъ? Сперва онъ меня повози, а тамъ я на немъ поѣзжу.

Кирюха. Не далече уѣдешь! Назюзился.

Батя *(засыпая)*. Сперва онъ... а тамъ я...

Кирюха *(къ Сверлу)*. Ты сказалъ: раздуванимъ. Илья раздуванить не дастъ; Варыгинскіе животы ему за Олькой въ надѣлокъ пойдутъ

Сверло. Какъ не дастъ?

Иванъ Ядреный. Такъ мы его и послушали. } *Вмѣстѣ.*
Ежъ. Даромъ работали, что ли?

Кирюха *(вставая)*. То-то подумайте, смолвитесь. А я посмотрю, хорошо ли его стерегутъ.

Сверло. Не выпускай живымъ-то!

Кирюха. У меня не уйдетъ! Пойдемъ, Ѳекла!

Иванъ Ядреный. Прилюбокай любезнаго! *(За сценой слышна хоровая пѣсня.*

Сверло. Ха-ха! А то съ нами пойдемъ. Тамъ пьютъ—сидятъ—угощаются. Съ нами веселѣй!

Ежъ. Кирюха не пуститъ.

Өекла Мало ли что! Лихой конь и путы рветъ.

Кирюха (*сердито*). Да будетъ-те, дура! Языкъ не примелется! (*Толкнулъ ее впередъ и уходитъ за нею. Сверло, Ядреный и Ежъ, пересмѣиваясь, уходятъ въ глубину сцены. Пѣсни слышнѣе*):

Не вороны слетѣлися на крутъ бережокъ,
Собрались удалые добры молодцы.
Чего же вы, ребята, призадумались,
Задумались, ребята, закручинились?
Завелся, вишь, воевода супостатъ злодѣй,
Высылаетъ по насъ высылки стрѣлецкія,
Называетъ насъ ворами да разбойниками.
А мы, братцы, вѣдь не воры, не разбойнички,
Люди добрые, ребята мы поволжскіе.
Ужъ не первый годъ гуляетъ нашъ легокъ стружокъ,
Мы ѣдимъ да пьемъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье надѣваемъ припасеное,
Ну, а дѣвки къ намъ охотою и сами льнутъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Батя и Варыгинъ (*тихо входитъ, безъ шапки. Одежда и волосы его въ безпорядкѣ*).

Варыгинъ.

Изрядно потрудились! Все разбито,
Пограблено и пущено на дымъ!
Оставили одно мнѣ въ муку: жизнь. (*Садится*).
Казны что было, всякаго добра!
И сколько силъ, терпѣнья и труда,
Заботы неустанной здѣсь погибло!..
Да, все минуло, прахомъ все пошло!

И станетъ здѣсь, въ гнѣздѣ моемъ, и тлѣнь
И мерзость запустѣнья...
(*Закрылся руками и умолкъ на нѣсколько мгновеній*).
Тяжко мнѣ!
Не въ мочь! Что червь ползучій сердце точитъ,
Какъ ржа желѣзо, ѣстъ меня тоска!
Чѣмъ стану я, врагамъ на поруганье,
Своей же подлой челяди на смѣхъ?
Въ дугу согнутый, хворый, одинокій,
Пришибленный позоромъ и нуждой,
И разумомъ померкшій... Нѣтъ, о, нѣтъ!
Покамѣстъ твердъ въ умѣ и волей крѣпокъ,
Покончить разомъ... Разомъ кончить, да! (*Задумался*).
Окрестъ бродилъ я, самъ зачѣмъ не знаю,
А мысли безпорядочно блуждали,
Кружились вихремъ, въ мракѣ угасали,
И ныло все во мнѣ, съ такою болью,
Какъ будто разомъ сотни лютыхъ змѣй
Меня язвили жаломъ смертоноснымъ...
И грезился мнѣ тотъ кровавый призракъ...
Замученный старикъ, съ грозящимъ взоромъ...
И я бѣжалъ, чураясь привидѣнья,
И холодомъ сжимало грудь мою.
(*Умолкъ и поникъ удрученной головою*).
Нѣтъ, разомъ кончить, чѣмъ съ такою мукой,
Въ ничтожествѣ мнѣ дни влачить свои,
Безпомощно и жалко, и позорно!..
И кто-жъ всему виною?—Дочь. Гмъ, дочь! (*Вставая*).
Не похоть, ложь и злобная гордыня
Ее объяли, нѣтъ: мое „злодѣйство“!
Мой „грѣхъ“ приняла забота искупить! (*Поводя рукой вокругъ себя*).
Искупленъ!.. (*Прислушивается въ испугѣ*).
Это что?!.. Меня зовутъ!..
Да... чей-то голосъ страшный издалека.

Что вѣтромъ донесло его—зоветъ!!...
А, знаю *кто!.. Старикъ!..* Опять все ты же!
Изъ гроба твоего сей голосъ страшный,
Изъ нѣдръ земли!.. *(Прислушивается съ возвращающимъ ужасомъ).*
Зубовный скрежетъ!.. вой
И стоны!.. *(Схватывается за голову, закрывъ ладонями уши).*
Нѣтъ, я брежу!.. Мозгъ горитъ
И кровь воспалена... Конечно, брежу.
(Вдругъ справа ему видится призракъ замученнаго Подгорнаго—отца).
Опять ты предо мной!!.. Разсыпься! Сгинь!
Ты смерти ждешь моей?!.. ея предвѣстникъ
Прочь!! Чуръ меня!! Разсыпься!! Расточись!!
(Въ изступленіи убѣгаетъ налѣво).

Батя. Что за притча! *(Протираетъ глаза).* Никакъ Варыгинъ тутъ былъ? Иль мнѣ пригрезилось? *(Берется за голову).* Ухъ, какъ застучало, батюшки! А-ахъ! Вотъ такъ мецъ! Тьфу! Черта свалитъ. *(Хочетъ встать, но остается на колѣняхъ).* Ну-ка встань! Анъ и нѣтъ! Ты такъ норовишь, а ноги этакъ...О-охъ! *(Съ трудомъ поднялся).* Кабыть сюда онъ шмыгнулъ? Гмъ! Должно быть, казна спрятана. Либо въ стѣну заложена, либо зарыта. Вотъ онъ зачѣмъ!.А я его и накрою! *(Пошелъ и пошатнулся. Глядя на ноги).* Да ну васъ! Не дури! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Илья.

Неладно что-то! Звѣрь освирѣпѣлъ...
Понюхалъ крови, зубы скалитъ... Плохо!
На грѣхъ вина имъ вдоволь и добычи...
Кто смиренъ былъ и тотъ—гляди—полѣзетъ
Хоть на рожонъ. Нѣтъ, круто взяться надо...
(Прислушивается къ разговору вошедшихъ воровъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Илья, Жогъ *и* **Сова** (*слѣва*).

Сова.

Эй, слышь-ка, что случилось?

Жогъ.

А что?

Сова.

Бояринъ-то Варыгинъ удавился!

Жогъ.

Врешь! Гдѣ?

Сова.

Виситъ въ саду. Вишь, Батя видѣлъ...

Жогъ.

Собакѣ смерть собачья!

Сова.

Не грѣши!

Крещеная душа вѣдь...

Илья.

(*подошелъ неожиданно къ ворамъ. Строго*).

Чтобъ ни вы,
Ни Батя и никто женѣ моей
Не сказывалъ про то! Приказъ строжайшій.
Покойника-жъ убралъ подальше. Живо! *(Сова и Жогъ убѣгаютъ).*

Какой конецъ ужасный!.. Вотъ къ чему
Злодѣйствовалъ всю жизнь, стяжаній ради,
И батюшку ты подло погубилъ!..
Постыдно, безъ креста, молитвы, тяжко
Скончалъ ты дни надъ прахомъ разоренья,
Надъ пепломъ уничтоженныхъ богатствъ!..

(Зоря передъ восходомъ солнца).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Илья *и* **Ольга.**

Ольга.

Сейчасъ Абрамъ отъ матушки вернулся.

Илья.

Здорова ли она?

Ольга.

Сказать велѣла,
Что слезно Бога молить обо мнѣ,
Да не вмѣнить мнѣ въ тягость прегрѣшенья...
Что сердцемъ рвется къ намъ...

Илья.

Надѣюсь нынче жъ
Въ обитель къ ней мы къ вечеру прибудемъ.

Ольга.

Ахъ, если бъ такъ!.. Тревожно мнѣ съ чего-то!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, Кирюха, Ѳекла, Батя, Сверло, Семенъ, Жогъ, Сова, Иванъ Ядреный, Ежъ *и* **другіе воры** (*сходятся мало-по-малу*).

Илья.

Вамъ что?

Ольга (*съ удивленіемъ*).

И Ѳекла съ ними?!

Ѳекла (*нахально*).

Здѣсь и я!

Ольга.

Въ моихъ нарядахъ, жемчугѣ, серьгахъ!..

Ѳекла.

Къ ворамъ уйти примѣръ ты показала,
Пожить въ гульбѣ задумалось и мнѣ...

Илья (*накидывается на нее*).

Негодная!..

Батя (*отстраняетъ Ѳеклу*).

Что дуру бабу слушать!
Послушай-ка, свѣтъ, Глѣбовна, меня.
Родитель твой...

Ольга (*прерываетъ съ испугомъ*).

Что, что такое?!

Илья (*съ угрозой*).

Батя!
Приказъ мой слышалъ ты?!

Ольга (*въ безпокойствѣ*).

Да что-жъ случилось?

Илья.

Скончался онъ...

Ольга.

Убитъ?

Батя.

Въ петлю залѣзъ.

(Ольга вскрикиваетъ и подъ бременемъ этой вѣсти въ рыданіяхъ падаетъ на колѣни).

Теперь на немъ поѣздятъ черти вволю!

(Въ толпѣ движеніе, нѣкоторые засмѣялись).

Илья

(поднялъ жену и держитъ ее рыдающую на своей груди).

Не могъ ты помолчать! Нѣтъ нужно было
Ужалить дочь погибелью отца!
Не въ радость ли тебѣ чужія слезы?
Не въ посмѣхъ-ли кручина и печаль?

Негодный ты, ехидный, злой подъячій,
Продажная, чернильная душа!..
Ну полно-жъ, Оля, полно надрываться!.. (*Къ толпѣ*).
А вы чего собрались? Прочь отсюда!

Сверло.

Нашелся распорядчикъ! Ишь какой!

Илья.

Что-что?!

Кирюха.

Да то! Довольно подъ тобой
Намъ быть!

Сверло.

Ты бабій прихвостень!

Иванъ Ядреный.

Извѣстно!
Какой онъ атаманъ?

Ѳекла.

Измѣнникъ онъ!

Кирюха.

Обманщикъ!

Батя.

Впрямь! Коли-бъ не мы съ Кирюхой,
Поживы намъ не взять бы тутъ, ребята!

Ѳекла.

Онъ ратныхъ навести на васъ хотѣлъ!

Кирюха.

Измѣнникъ онъ!

Сверло.

Долой его, ребята!

Ѳекла.

Кирюху въ атаманы нужно взять!

Кирюха.

Илью повѣсить!

Сверло.

Съ тѣмъ, что удавился,
На сукъ одинъ ихъ рядышкомъ!

Батя.

Ништо!
Была бы шея, сыщется веревка!
(*Гвалтъ, крики, угрожающіе жесты. Ольга въ ужасѣ прижалась къ мужу, охвативъ его руками*).

Ѳекла (*добывъ чеканъ, несетъ его Кирюхѣ*).

Челомъ на атаманствѣ! На чеканъ!

Илья (*вырываетъ у нея чеканъ*).

Молчать! Кто первый ротъ изъ васъ разинетъ,
Кто слово пикнетъ мнѣ наперекоръ,
Того то слово будетъ и послѣднимъ!
(*Толпа подалась назадъ*).
Ослушники! смутьяны! баламуты!
Вы съ пьяну одурѣли, вижу я!
По выбору видать, въ умѣ ли вы,
Коль ставите Кирюху надъ собою!
Поставили-бъ ужъ волка въ атаманы,
Иль бѣшенаго пса, что зря кидаясь,
Кусаетъ всѣхъ, покамѣстъ не убьютъ.
Хорошъ главарь! А вы еще подлѣе,
Коль клонитъ васъ идти ему въ холопы,
Да съ рукъ его лизать покорно кровь!

Иванъ Ядреный.

И вправду, братцы, вздумали не дѣло!

Сова (*указывая на Сверло*).

Вонъ энтотъ все горланъ, да Ѳекла!

Ѳекла (*злобно*).

Да!

Не мнѣ-ль таить, что задумано у нихъ

(*указала на Илью съ Ольгой*)

Васъ выдать воеводѣ головою?!

Ольга (*гнѣвно, близко подойдя къ ней*).

Почемъ ты знаешь?! Кто тебѣ сказалъ?!
За что ты на меня змѣей вздыбилась?
За ласку? за доброе? (*Къ толпѣ*).
И этой бабѣ,
Предательницѣ подлой, вѣрять всѣ?!

Кирюха (*злобно*).

Молчи, пока жива!

Ольга.

Нѣтъ, ты молчи!
Я смѣю говорить, за тѣ страданья,
Что на душу отъ васъ же мнѣ легли!
За эту кровь, которой заливало
Дымящійся въ развалинахъ нашъ домъ;
За смерть отца, погибшаго ужасно;
За мать мою, истерзанною скорбью..
Родимая быть можетъ на краю
Отверстой ей несчастьями могилы.
Не вѣрю я, что всѣ вы очерствѣли
Душою до того, чтобъ въ совѣсть къ вамъ
Рыдающее слово не проникло.
Не всѣ жъ сошлись для лиха здѣсь. Изъ васъ
Нужда иныхъ гнала, иныхъ насильство,
Иль кровная обида, или скорбь.
Къ моимъ словамъ не будутъ глухи тѣ.
Свидѣтельствуюсь Господомъ, что мужъ
Предательства далекъ, какъ мы отъ неба.
Другихъ онъ мыслей, чистыхъ и благихъ,

И васъ же онъ на путь наставитъ ими.
Наставитъ тѣхъ, кто Бога не забылъ;
Чью совѣсть удручаетъ темныхъ дѣлъ
Грѣховное и тягостное бремя;
Кто крестъ кладетъ, со вздохомъ тяжкимъ къ небу;
Кого послѣдній часъ и судъ тревожитъ;
Кто, тайно вспоминая про своихъ,
Про мать, жену ль, ребятъ ли малыхъ—плачетъ
И сѣтуетъ, въ какую впалъ бѣду.
Вотъ къ этимъ мужъ, грѣховный вмѣстѣ съ вами,
Живительное слово обратитъ
И вѣрный путь къ спасенію укажетъ!
(*Толпа молчитъ, подъ глубокимъ впечатлѣніемъ. Взоры потуплены, кое-кто вздохнулъ*).

Иванъ Ядреный (*искренно*).

Послушаемъ! Илья Григорьевичъ, молви!

Ѳекла.

Кирюху въ атаманы взять сперва!
(*Почти всѣ оглянулись на нее съ досадою*).

Сова.

Молчи ты!

Жогъ.

Прочь!

Иванъ Ядреный.

Спровадьте дуру-бабу!
(*Ѳеклу берутъ и уводятъ*).

Ѳекла.

Кирюха!.. Что жъ ты?!.. Батюшки! разбой!
(*Въ толпѣ сдержанный смѣхъ*).

Ежъ.

А ты не задирай!

Семенъ.

Не суйся вздорить!

Батя.

Молчите, братцы! Молвить атаманъ.

Сова.

Эй, тише, вы!

Батя.

Довольно! Разглядѣлись!

Кирюха (*Батѣ*).

А ты-то, переметная сума—
То такъ, то этакъ!..

Батя.

Чья возьметъ, пріятель!

(*Илья выступаетъ говоритъ. Напряженное вниманіе*).

Илья.

Для праваго, казалось, дѣла, братцы,
Собралъ я васъ. Воистину же вышло,
Что, съ местью въ сердцѣ, велъ я васъ на зло,
Для подлаго, лихого дѣла. Каюсь,
Предъ Господомъ и вами въ этомъ скорбно.
За васъ и за свою вину довлѣетъ
Мнѣ голову на плаху положить.
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ—извѣстно.
И къ гибели позорной шли-бы мы,
А въ жизни вѣчной—къ вѣчному мученью.
Но есть другой, предъ Богомъ въ очищенье,
Прямой, ребята, честный путь у насъ.
Враги на Русь со всѣхъ сторонъ вздыбились.
За городомъ Литва воюетъ городъ.
Слабѣетъ рать защитниковъ отважныхъ,
Поля обагрены ихъ честною кровью,
А лютый врагъ свои все множитъ силы.
Онъ тучею надвинулся на Русь
И яростно громитъ ее, родную.

Туда съ собой зову идти охочихъ.
Тамъ все простится, всякъ очиститъ душу.
Гдѣ льется кровь и смерть разитъ кругомъ,
Не станутъ воеводы разбирать
Откуда кто и съ чистыми ль руками.
Лишь было бъ кѣмъ пополнить убыль храбрыхъ,
Да мужествомъ поднять упавшій духъ
Измученной осадами дружины.
Насильно никого не принуждаю.
Охочему до дѣлъ злодѣйскихъ—воля.
А кто со мной, за Русь, святую вѣру,
Съ тѣмъ буду во едино сердце я,
Тѣ братья мнѣ и съ тѣми лечь костьми,
Коль Богъ судилъ, готовъ на бранномъ полѣ.

Иванъ Ядреный.

А что, ребята, какъ кому, а мнѣ
По сердцу рѣчь пришлась!

Сова.

Повеселѣешь
Душою-то!

Сверло.

Признаться: какъ никакъ,
А на сердцѣ скребло...

Ежъ.

Бывало. Знаю.
На крестъ святой рука не поднималась.

Жогъ.

Вѣдь тоже помирать придется, братцы.
Тогда какъ быть?

Сверло.

А ну какъ не замолишь?!

Иванъ Ядреный.

Идемъ съ Ильей Григорьичемъ! Кто съ нами?

Голоса.

Идемъ!.. Идемъ!.. Веди насъ!.. Съ Богомъ, братцы!

Кирюха *(ядовито)*.

Баранье стадо!

Иванъ Ядреный *(гнѣвно)*.

Знай себѣ—ступай!

Кирюха.

Измѣннику повѣрили! Васъ пытка,
Да плаха вразумятъ.

Сова.

Молчалъ бы лучше!

(Въ толпѣ движеніе противъ Кирюхи).

Иванъ Ядреный.

Не вышло на его, такъ онъ клепать!

Батя *(значительно)*.

Подумать-бы маленько не мѣшало!

Сверло.

Удумано у насъ.

Кирюха *(ѣдко)*.

Съ похмѣлья, видно!

(Моментально выхватываетъ ножъ и бросается на Илью. Крикъ и движеніе).

Иванъ Ядреный *(схватилъ Кирюху и вырвалъ у него ножъ)*.

Э-э, стой! Ты такъ-то?! Братцы, бей его!

(Нѣсколько человѣкъ бросаются на Кирюху и сваливаютъ его на землю).

Илья.

Оставьте! Прочь! Не гоже намъ теперь,
Идущимъ на святое дѣло братски,
Нечистой кровью руки обагрять.

(Къ Кирюхѣ, котораго держатъ).

А ты ступай! Веди свое отребье!
Лютуй, какъ хищный звѣрь, покамѣсть въ лапы
Тебя съ ватагой дьяволъ не сгребетъ.
Гоните ихъ! Имъ съ нами быть не мѣсто!
(Кирюху и съ нимъ нѣкоторыхъ воровъ выпроваживаютъ за сцену).

Сверло.

А Батя здѣсь! Выходитъ—тоже съ нами?

Батя.

Что жъ, я бъ не прочь. Да въ томъ бѣда: боюсь
Доспѣхъ-то ратный Батѣ не пристанетъ.
(Уходитъ. Его сопровождаютъ смѣшками).

Илья *(низко кланяется).*

На добромъ дѣлѣ земный вамъ поклонъ.
Сегодня жъ съ Богомъ въ путь.

Всѣ *(кланяясь ему).*

Идемъ, родимый!
(Расходятся, а нѣкоторые группируются въ глубинѣ сцены. въ оживленныхъ разговорахъ).

Ольга.

Ну, вотъ, теперь на сердцѣ легче, милый!

Илья *(восторженно).*

Моя ты путеводная звѣзда,
И свѣтъ, и жизнь! Я сказочный нашелъ
Въ тебѣ нежданно кладъ. Я нищій былъ
И сталъ царей богаче. Воръ, изгнанникъ,
А нынѣ я съ отверстою душой
Предъ Господомъ, молящій, да пошлетъ
Прощенье мнѣ и намъ благословенье!

Занавѣсъ.

ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ ДВѢ КАРТИНЫ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Матвѣй Петровичъ Рахмановъ, богатый баринъ, лѣтъ тридцати. (Рослый, статный. Черные курчавые волосы. Лицо блѣдное, красивое, выразительное. Взглядъ строгій и проницательный).

Григорій Михайловичъ Ивковъ, мелкопомѣстный дворянинъ, старикъ. (Небольшого роста, коренастый, съ сильной просѣдью. Черты рѣзкія, лицо загорѣлое, бритое).

Маша, дочь его, 18 лѣтъ. (Блондинка. Стройна, худощава, изящна).

Любочка, двоюродная сестра Маши, лѣтъ 20-ти.

Алексѣй Егоровичъ Чириковъ, бѣдный дворянинъ, проживающій у Рахманова, лѣтъ сорока. (Нескладный, рыжеватый. Вьющіеся волосы, рѣдкіе на темени. Говоритъ медленно, басомъ. Держится съ достоинствомъ).

Клавдія, экономка Рахманова, лѣтъ двадцати пяти. (Красавица. Видная, полная, чернобровая).

Лукерья, ключница, старуха.

Панька, доѣзжачій.

Лукашка, **Порфирій**, — лакеи.

Акулька, **Варька**, **Полька**, — горничныя дѣвки.

Никитишна, старуха, лѣтъ подъ 70.

Нянька Ивковская.

Дворовые.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Первое дѣйствіе (1-я картина) у Ивкова, остальныя у Рахманова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ бѣдномъ помѣщичьемъ домѣ. Прямо три окна въ садъ; направо дверь въ прихожую, налѣво—въ другія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ивковъ *и* **Любочка** *(за пяльцами).*

Ивковъ *(набиваетъ изъ кисета трубочку, на короткомъ черешневомъ чубукѣ).* Ну, Люба, какъ же я радъ, что ты пріѣхала къ намъ погостить. Душу отведешь...

Любочка. Вы что-то ужъ очень не веселы, дядя!

Ивковъ. Гдѣ тутъ веселымъ быть! Плохо, Любочка!.. Доѣхалъ меня сосѣдъ, доканалъ! *(Закуриваетъ трубочку).*

Любочка. Все Рахмановъ?

Ивковъ. Кому же больше? Онъ у насъ всѣмъ ворочаетъ, какъ чертъ въ болотѣ. А всѣхъ хуже мнѣ. Я въ его землѣ, какъ въ кольцѣ. Людишки у него—я не видывалъ такихъ негодяевъ! Копны воруютъ, лѣсъ рубятъ немилосердно, сѣно въ прошломъ году сожгли... Разбой! Ко всему этому Рахмановъ пустошь зарѣчную отбилъ у меня.

Любочка. Какъ отбилъ?!

Ивковъ. Да такъ. Еще по писцовымъ книгамъ, та пустошь за моими родителями была и намъ же по размежеванію отошла, при матушкѣ Екатеринѣ. И я сколько лѣтъ владѣлъ ею безспорно. А подъячіе, въ угоду Рахманову, такъ дѣло натрафили, что наша исконная земля его сдѣлалась.

Любочка (*горячо*). Это Богъ знаетъ что! Какъ же вы терпите? Ищите на немъ, жалуйтесь!

Ивковъ. Жаловаться! Кому? Кто посильнѣе — закуплены, а земскіе ярыжки его, какъ медвѣдя, боятся. Въ третьемъ году пріѣхалъ было къ нему исправникъ, съ засѣдателемъ. Исправникъ былъ вновѣ, не обстрѣленный. Пріѣхалъ прямо въ деревню и за какую-то уголовщину заковалъ мужика. Сказали Рахманову.—„Какъ! хозяйничать у меня?! Канальи! Сюда ихъ!"—Исправника велѣлъ бросить въ прудъ и купалъ, покуда тотъ изъ силъ выбился; а засѣдателя напоилъ и то сдѣлалъ съ нимъ... даже неприлично разсказывать.

Любочка. И за это ему ничего?

Ивковъ. И ничего. Кто сильнѣй, тотъ и правъ, хе-хе! (*Выколачиваетъ золу изъ выкуренной трубки*). Да, трудно маленькимъ людямъ жить. Накипѣло у меня на душѣ, Любочка, охъ, накипѣло!

Любочка (*горячо*). Какъ не накипѣть! Помилуйте! Ну, я-бъ ужъ не стала терпѣть по-вашему, да покорствовать! (*Ивковъ горько усмѣхнулся*). И со всѣми такъ вашъ Рахмановъ?

Ивковъ. Прочіе дворянишки, мелкота наша, только свистни Рахмановъ—всѣ къ нему на поклонъ.

Любочка. Хороши!

Ивковъ. Перепоитъ онъ ихъ, какъ свиней, и чего-чего не продѣлываетъ! Особливо, какъ въ лѣсъ, на винокурню поѣдутъ. Навезутъ телѣги бабъ, дѣвокъ. Все пьяно, пѣсни орутъ, плясъ... Тьфу! А меня хоть убей, не пойду кланяться, да поганства эти смотрѣть. За то-то и плохо мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* **Маша** (*въ среднемъ окнѣ, ставъ на заваленку*).

Маша. Папенька! какіе тюльпаны расцвѣли у меня! Заглядѣніе! Вотъ вы изволили говорить, что будутъ простые, а вышли махровые.

Ивковъ. И хорошо, что махровые!

Маша. Любочка, пойдемъ покажу. Полно работать!

Любочка. Сейчасъ приду.

Ивковъ. Смотри, Маша, головку бы не надуло. Вѣтрено. Платочекъ надѣнь.

Маша. Нѣтъ, папенька, ничего. Любочка, приходи же! (*Спрыгнула съ заваленки и убѣгаетъ въ садъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ивковъ *и* **Любочка** (*прибираетъ работу и закрываетъ пяльцы*).

Ивковъ (*тяжело вздохнулъ*). А пуще всего за нее сердце болитъ, за Машу. Ужъ такъ безпокоюсь!..

Любочка. Отчего, дяденька?

Ивковъ. Опять Рахмановъ... Видишь-ли, случай вышелъ какой... Но чуръ, Машѣ ни слова!

Любочка. Будьте покойны.

Ивковъ. Съ мѣсяцъ тому, ѣздила она къ обѣднѣ. Мнѣ что-то нездоровилось, и ѣздила Маша одна, съ Меркуломъ, на дрожкахъ. Ѣдучи домой, только они изъ лѣсу, какъ вдругъ рахмановская охота. Съ гикомъ, свистомъ несется орава черезъ дорогу, на перерѣзъ. Лошаденка наша испугалась, въ сторону, дрожки на бокъ. Охотники черезъ нихъ, кучера смяли, а какъ Маша уцѣлѣла—одному Богу извѣстно.

Любочка. Вотъ ужасъ!

Ивковъ. Подскакалъ самъ Рахмановъ. — „Кто такая, откуда?“ — Маша ни жива, ни мертва, лепечетъ: Ивкова, молъ, изъ Берестова. Пожалѣлъ, что испугалъ и кучера пожалѣлъ, что стоптали. Стонетъ Меркулъ, Маша къ нему, плачетъ. Тутъ Рахмановъ кликнулъ своихъ лошадей. Подкатила коляска четверикомъ.—„Садись, красотка“, велитъ Машѣ. „Домой свезутъ. А кучеру вотъ отъ меня на лѣченье». И бросилъ ему кошелекъ червонцевъ. Не успѣла Маша опомниться, какъ усадили ее въ коляску и Меркула туда-жъ положили. Я ждалъ-пождалъ и ужъ тревожился, что Маша не ѣдетъ. Вдругъ—вижу —летитъ рахмановская четверня. Глазамъ не вѣрю. Батюшки! Маша!.. Въ лицѣ ни кровинки, глазки заплаканы.... Господи, что такое?! Тутъ меня и порадовали.

Любочка *(съ негодованіемъ)*. Недоставало, что-бъ этотъ негодяй раздавилъ вашу дочь! Но чего же вы теперь такъ безпокоитесь, дяденька?

Ивковъ. Ты думаешь—кончилось этимъ? Какъ-бы не такъ! А зачѣмъ Рахмановъ сталъ погуливать возлѣ насъ? Никогда съ ружьемъ не охотился, а тутъ вздумалъ, да все на болотѣ, что возлѣ нашего лѣса!

Любочка. Вотъ что!.. *(Съ живостью)*. А Маша все ходитъ туда?

Ивковъ. Напугалъ, что, молъ, волки шатаются. Перестала. А подсылы зачѣмъ? Зачѣмъ рахмановскій доѣзжачій... каналья отъявленная!.. зачѣмъ чему знакомства заводитъ у насъ въ деревнѣ?

Любочка. Что-же вы думаете дѣлать? Самое лучшее, если-бъ Машѣ уѣхать пока. Отпустите ее къ намъ, погостить.

Ивковъ. Это и у меня въ мысляхъ было. Я ужъ собрался было писать къ вамъ, съ сестрою, а ты и пріѣхала, Богъ послалъ.

Любочка. Такъ и сдѣлаемъ. Я и мѣшкать не стану. Завтра-же выѣдемъ. А вы, какъ отсѣетесь—къ намъ.

Ивковъ *(съ чувствомъ цѣлуя ее въ голову)*. Спасибо, родная, спасибо тебѣ!

Любочка. И полноте, дядя! Какъ не грѣшно!

Ивковъ. Одно, Любочка: такъ уладь дѣло, чтобъ Машѣ и въ голову не пришло, что меня безпокоитъ. Не тревожь ее, ради Христа!

Любочка. Конечно. Я сама понимаю. *(Потемнѣло, пошелъ дождь).*

Ивковъ *(глядя въ растворенное окно).* Эва! дождь какой припустилъ! Машу до нитки измочитъ. *(Выставившись въ окно).* Маша! Машенька!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* **Маша** *(шумно вбѣгаетъ изъ правой двери, накрывъ голову фартукомъ).*

Маша. Вотъ вымочилъ-то! Ха-ха-ха! *(Сняла фартукъ и обтираетъ лицо платкомъ).* Откуда ни возьмись тучка, да разомъ какъ хлынетъ!

Ивковъ. Дождалась, пока вымокла. Ахъ ты, козочка! Платьице перемѣнила-бы!

Маша. И на мнѣ высохнетъ. А полъ загрязнила! Ай-ай какъ! Будетъ-же мнѣ отъ няни за это! Вы, папенька, горевали, что нѣтъ дождя. Вотъ я и намолила. Смотрите, какой!.. То-то благодать! Ну, польетъ мои цвѣточки!

Ивковъ. Этотъ смочитъ землю порядкомъ. Погодя, велѣть сѣять. *(Уходитъ налѣво).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Любочка *и* **Маша.**

Любочка *(обнявъ Машу за талію, ходитъ съ нею по комнатѣ).* Ну, сестрица милая, давно мы съ тобой не видались. Какъ поживала? Вѣрно ужъ женихи есть?

Маша. Женихи? Нѣтъ. Мы вѣдь бѣдны... Да я объ нихъ и не думаю. Я знаю, что папенька меня неволитъ не станетъ и торопить не станетъ. Одна я у него, какъ перстъ. Что-же мнѣ

думать? Какъ Богъ дастъ... *(Останавливаясь).* Я-то хороша! И не спросила тебя... Былъ слухъ, что къ тебѣ сватались?

Любочка *(садясь).* У меня много жениховъ перебывало, одинъ другого хуже. Былъ заика. Ужъ онъ и пыхтитъ и мычитъ—ѣсть захочется, пока слово выговоритъ. А то былъ одинъ—ничего... и со средствами. Да, спасибо, проговорился. —«Бойка, говоритъ, она очень, рѣчиста. Ну, у меня не разговорится, живо къ рукамъ приберу". Нравится тебѣ? Ха-ха-ха!

Маша. Ты все смѣешься.

Любочка. Ахъ, Маша! Какъ выходить-то! Подумаешь! На рукахъ мать больная, сестренки... Хозяйство на мнѣ, заботы. Вотъ поѣдешь къ намъ—увидишь сама. Я вѣдь затѣмъ и пріѣхала, чтобъ выпросить тебя погостить.

Маша. А папенька какъ-же? Онъ безъ меня соскучится. Да и не пуститъ.

Любочка. Пуститъ. Я ужъ просила. Онъ самъ, какъ отсѣется, къ намъ пріѣдетъ. Утѣшь меня, поѣдемъ, сестрица!

Маша. Да я рада. Поѣдемъ.

Любочка. Вотъ спасибо! Мы нынче-же соберемся...

Маша. Зачѣмъ такъ скоро?

Любочка. Нельзя загащиваться. Домъ безъ меня—сирота. Ахъ, да! Дядя разсказывалъ, какъ ты на рахмановскихъ рысакахъ прикатила... *(Сверкнула яркая молнія. Громовый ударъ).*

Маша *(съ испугомъ).* Ухъ, какой! Господи помилуй! *(Поспѣшно закрываетъ окно. Молчаніе).* Вотъ мы и притихли, какъ воробьи.

Любочка. Такъ, должно быть, ты и Рахманова испугалась?

Маша. Охъ, какъ испугалась-то, Любочка! Вѣдь чуть не раздавили! Сколько разъ мнѣ во снѣ видѣлась эта картина...

Любочка. Говорилъ онъ съ тобою?

Маша. Говорилъ. Я думала, онъ страшилище. Такимъ я воображала его. Думала—красный, лохматый, глаза на выка-

тѣ, какъ у рака, ха-ха! А онъ совсѣмъ не такой... И лицо не злое...

Любочка. Красивъ?

Маша. Д-да. Слава Богу, тучка свалила, проясниваетсл.

Любочка. А что-же онъ говорилъ?

Маша. Успокаивалъ меня, извинялся... Я ужъ хорошенько не помню... И еще сказалъ... вздоръ...

Любочка. Что такое?

Маша *(съ легкимъ смущеніемъ)*. Я, говоритъ, не зналъ, что у господина Ивкова дочь такая красавица. Въ красавицы ужъ попала, ха-ха!.. Вотъ и солнышко! *(Растворяетъ окно)*. Какая благодать! Воздухъ то!.. Мнѣ ужъ потомъ думалось: кому-бы, глядя на Рахманова, пришло въ голову, что онъ такой дурной и безсовѣстный?.. Птички какъ расчирикались!.. Взгляни, Люба, что за красота: капли на листьяхъ, какъ бриліанты! *(Отходя отъ окна)*. Сколько онъ намъ горя надѣлалъ, Рахмановъ! И за что?.. А все-таки онъ не можетъ быть такимъ злымъ, какъ говорятъ про него.

Любочка. Почему ты такъ думаешь?

Маша. Да такъ кажется мнѣ... Водится съ дрянью... Всѣ подличаютъ передъ нимъ, раболѣпствуютъ... Вотъ онъ и....

Любочка. Э, полно пожалуйста! Водится съ дрянью, а хорошимъ людямъ отъ него житья нѣтъ. Что-же онъ за человѣкъ послѣ этого?!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* **Ивковъ** *(входитъ поспѣшно, въ сильномъ волненіи)*.

Ивковъ. Машенька, Люба! Прячьтесь скорѣе! Ступайте въ кладовую, запритесь! Рахмановъ ѣдетъ!

Маша. Къ намъ?!

Любочка. Можетъ быть, мимо?

Ивковъ. Къ намъ, къ намъ! Онъ и съ дюжину его сорванцевъ. Верхами. Идите скорѣй! Я велѣлъ сказывать, что васъ нѣтъ: барышня, молъ, съ сестрою уѣхала.

Любочка. Дядя, не хуже-ли такъ?

Ивковъ. Ахъ, матушка! Лучше тебя знаютъ, какъ быть... Машенька, не пугайся! Я живо его спроважу, любезнаго! Идите-жъ, идите!

Любочка. Пойдемъ, если велятъ. *(Беретъ Машу за руку и уходитъ съ нею налѣво)*.

Ивковъ. Господи Боже мой! Этого не доставало! Зачѣмъ ему къ намъ, окаянному?.. Чуяло мое сердце бѣду... Да не посмѣетъ-же онъ!.. Чего я такъ перетрусилъ?—Хуже. *(Прислушивается)*. Вотъ они, гости незванные! Жалуютъ!.. Ха! Ни стыда, ни креста! Въ своемъ домѣ и то нѣтъ защиты!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ивковъ *и* **Рахмановъ** *).

Рахмановъ *(весело)*. Здравствуй, сосѣдъ! Не ждалъ гостя? Удивилъ я тебя? *(Ивковъ молчитъ, отвернувшись)*. Что молчишь? Съ перепугу и привѣтить забылъ? Эхъ, ты! Сядемъ безъ зова, коли такъ. *(Садится)*. Ко мнѣ не жалуешь. Что съ тобою дѣлать? Вотъ я самъ и пріѣхалъ. Отчего старику чести не сдѣлать?

Ивковъ. Въ вашу компанію я не гожусь, сударь мой, и знакомства не ищу съ вами.

Рахмановъ. Гмъ!.. И чести въ томъ, что я первый пріѣхалъ—не видишь?

Ивковъ. Не вижу-съ.

Рахмановъ. Что-о?! *(Поглаживаетъ волосы, что служитъ у него признакомъ начинающагося гнѣва)*. Какой задорный!

---

*) Онъ въ венгеркѣ, расшитой серебромъ, и въ высокихъ сапогахъ. Талія затянута поясомъ, на которомъ блеститъ кинжалъ въ дорогой оправѣ, Вошелъ со сверткомъ, держа въ рукѣ нагайку.

Ивковъ. Каковъ есть.

Рахмановъ. Говорится, что задоръ силы не спрашиваетъ. И вѣрно. Я думалъ, что ты разсудительнѣй. *(Смягчаясь)*. Полно-ка, ворчунъ! Людишки мои обижали тебя. Это первое. Второе—старъ ты. Все это надо принять въ разсужденіе и не пылить по пустому. *(Съ усмѣшкой)*. А то выйдетъ: за мухой съ обухомъ. *(Добродушно)*. Лучше скажи-ка, что твой кучеръ, поправился-ли? Намедни помяли его мои псари, когда на дочку твою налетѣли...

Ивковъ *(въ волненіи, про себя)*. Такъ, такъ!.. Такъ я и зналъ!..

Рахмановъ. Перепугали, черти! Не могли удержать коней! Какъ сейчасъ вижу ея личико... глазки заплаканные...

Ивковъ *(про себя, тоскливо)*. Ахъ, Господи-Боже мой!

Рахмановъ. Что тамъ бормочешь?.. Какъ ея здоровье, Марьи Григорьевны?

Ивковъ. Была здорова. Теперь не знаю.

Рахмановъ. Не знаешь?! Отчего не знаешь?

Ивковъ. Вчера еще къ теткѣ уѣхала, подъ Воронежъ.

Рахмановъ. Уѣха-ла?! Гмъ!.. Съ кѣмъ-же уѣхала?

Ивковъ. Племянница моя за нею пріѣзжала.

Рахмановъ. Любовь Васильевна? Такъ, сказываютъ, ее зовутъ?

Ивковъ. Такъ зовутъ, да.

Рахмановъ *(ѣдко)*. Дивно! Вчера уѣхала, а нынче въ саду гуляла. *(Съ угрозою)*. Григорій Михайловичъ! Ты эти шутки оставь!

Ивковъ *(выйдя изъ терпѣнія)*. Да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ такое?!

Рахмановъ *(вдругъ поднимается во весь ростъ)*. Что?!

Ивковъ *(съ гнѣвомъ, крикливо)*. Что вамъ угодно? Что вамъ угодно отъ насъ?

Рахмановъ (*прищурился и отчеканиваетъ слова*). Такъ Марьи Григорьевны дома нѣтъ?

Ивковъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Рахмановъ. Эй! (*Ударилъ въ ладоши*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Панька *и* **двое слугъ** *) (*мгновенно являются въ дверяхъ*).

Рахмановъ. Панька! (*Панька подлетаетъ и преклоняетъ ухо. Тихо*). Барышня спрятана. Пошарьте! (*Панька бросается исполнять приказаніе*).

Ивковъ (*тревожно, про себя*). Что такое? Что онъ велѣлъ? (*За сценой раздается свистокъ*).

Рахмановъ (*слугамъ*). А вы къ дверямъ! (*Слуги становятся у каждой двери*).

Ивковъ (*дрожитъ отъ гнѣва и волненія*). Вы что-же хотите? Распоряжаться?! У меня въ домѣ распоряжаться?! Кто здѣсь хозяинъ?.. О-о. коли такъ!.. (*Бросается къ двери. На слугу*). Прочь, негодяй!

Рахмановъ (*спокойно*). Не пускать!

Ивковъ (*внѣ себя*). Да что-жъ это?! Разбой! Денной разбой!...

Рахмановъ (*спокойно, постегивая нагайкой по носку сапога*). Со мной шутки плохи.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же *и* **нянька**.

Нянька (*съ голосьбой*). Батюшка, Григорій Михайловичъ! Разбили насъ!.. двери, замки, все посбито! Батюшка!..

Рахмановъ (*крикнулъ*). Вонъ! (*Старуха оробѣла. Одинъ изъ слугъ живо спроваживаетъ ее за дверь*).

---

*) Всѣ одѣты въ зеленыя венгерки съ бѣлыми снурами и опоясаны ремнями.

Ивковъ *(опять бросается къ двери, но Рахмановъ преграждаетъ ему дорогу)*. Да пусти-жъ меня! Извергъ! Креста на тебѣ нѣту!...

ЯВЛЕНІЕ X.

Ивковъ, Рахмановъ *и* **слуги. Панька** *и* **третій слуга** *вводятъ подъ руки* **Машу**, *которая отъ испуга еле держится на ногахъ.*

Ивковъ. Машенька! *(Обнимаетъ ее)*. Не бойся, милая! Я съ тобой, я... *(Сажаетъ ее на стулъ и становится возлѣ, поглаживая ея голову и держа руку)*.

Рахмановъ *(пока усаживаютъ Машу, слугамъ тихо)*. За двери и не впускать никого! *(За каждую дверь уходятъ по двое слугъ)*.

Ивковъ. Не бойся, Машенька. Ничего!

Рахмановъ *(кротко)*. Простите, Марья Григорьевна! Другой разъ встрѣчаемся мы, и въ другой разъ вы испуганы. Нынче пеняйте на отца. И въ головѣ не было его оскорбить. Хотѣлось увидаться съ вами, вотъ и все. Что въ этомъ дурного? Онъ иначе разсудилъ, «разбойникомъ» обозвалъ меня...

Ивковъ *(прерываетъ)*. Кто-же такъ поступаетъ, какъ вы?

Рахмановъ *(взглянулъ на него и продолжаетъ къ Машѣ въ прежнемъ тонѣ)*. И васъ спряталъ, какъ отъ разбойника. Я и поступилъ по-разбойничьи *(съ усмѣшкой)*, чтобъ не даромъ мнѣ эта кличка была. *(Опять взглянулъ на Ивкова)*. Такъ-ли, сякъ-ли, хотѣлъ видѣть васъ и вижу. *(Беретъ и развертываетъ свертокъ)*. Вотъ тѣ самыя лисы, которыхъ мы травили, когда я встрѣтился съ вами. *(Кладетъ къ ея ногамъ выдѣланныя шкурки)*. Вамъ подъ ножки, чтобъ не зябли зимой. Ну, что, прошелъ вашъ испугъ, или все еще нѣтъ?. Скажите хоть слово!.. Мнѣ голосъ вашъ хочется слышать.

Ивковъ (*съ нетерпѣніемъ*). Оставьте насъ, сударь! Покорно прошу!

Маша. Папенька!

Рахмановъ. Все кипитъ старикъ, все кипитъ. Экой горячій! А лучше бы миромъ... Правда, Марья Григорьевна? Онъ *меня* гонитъ, *Рахманова!* А Рахмановъ ничего. И я себѣ дивлюсь и всякій бы подивился. А почему такое терпѣніе? Жалость во мнѣ. Доселѣ этого не было. Бывало, коль прогнѣвятъ, то ничто ужъ не дѣйствуетъ на меня, пока весь гнѣвъ выйдетъ. А съ тѣхъ поръ, какъ васъ пожалѣлъ и жалостивъ сталъ, ха-ха! (*Подходя*). Позвольте вашу ручку поцѣловать!

Ивковъ (*обойдя стулъ, сталъ между дочерью и Рахмановымъ*). Маша, иди! Иди отсюда, иди!.. (*Маша встаетъ*).

Рахмановъ (*грозно*). Ста-рикъ!

Маша (*схватилась за отца обѣими руками*). Не уйду, папенька! Я не могу васъ оставить!

Рахмановъ (*сдѣлавъ надъ собой усиліе, съ волненіемъ, но примирительно*). Слушай, старикъ! Когда такъ, я другую рѣчь поведу, честью! Отдай Марью за меня замужъ. (*Маша слабо вскрикнула*).

Ивковъ. Машу?! Въ вертепъ отдать дочь?!

Рахмановъ (*внѣ себя*). Упрямый старикъ! Не хотѣлъ отдать честью, я силой возьму! Не хотѣлъ, чтобъ была госпожею, будетъ рабой! Эй! (*Изъ дверей являются Панька и двое слугъ*). Берите ее!

Маша (*вскрикиваетъ*). Папенька! (*Лишается чувствъ. Слуги, отстранивъ Ивкова, подхватываютъ Машу на руки*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же *и* **Любочка** (*слѣва, вырвавшись отъ одного изъ слугъ, который ее не пускалъ*).

Любочка. Господи!! (*Въ ужасѣ схватилась за голову*).

Ивковъ (*бросаясь къ правой двери*). Черезъ трупъ мой несите, черезъ трупъ!..

Рахмановъ *(взялъ Ивкова за плечи, какъ желѣзными тисками, и отвелъ на середину. Слугамъ).* Домой! *(Машу уносятъ).*

Любочка *(бросается на колѣни и хватается за Рахманова).* Ради Бога! ради самого Бога!! Что вы дѣлаете?! За что губите ее?!

Рахмановъ *(освободившись отъ Любочки).* Поздняя пѣсня! *(Уходитъ).*

Любочка *(вслѣдъ ему).* Сердце звѣриное!

Ивковъ *(дрожитъ, глаза его дико блуждаютъ. Онъ то хватается за голову, то ломаетъ руки. Изъ груди его вырываются стоны).*

Любочка *(прерывающимся голосомъ).* Надо дѣйствовать... Ни минуты не медлите!.. Скачите въ городъ... къ губернатору, къ прокурору!.. Жалуйтесь, молите, въ ногахъ валяйтесь у нихъ!..

Ивковъ *(бросается къ ней на шею).* Любочка! Любочка!.. *(Зарыдалъ).*

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Рахманова, на антресоляхъ. По правой стѣнѣ кровать и ширмы. Налѣво два окна въ садъ. Между ними накрытый столикъ. Прямо дверь и диванъ. Ночь. На столѣ горятъ свѣчки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лукерья *и* **Маша** *(лежитъ на кровати, уткнувшись въ подушку. Во всей фигурѣ ея отчаяніе).*

Лукерья. Слезами не поможешь, барышня. Полно! Этакъ, помилуй Богъ, не долго и захворать. Баринъ, отъѣзжая, наказывалъ: береги, молъ, барышню, какъ зѣницу ока... разговори, успокой... *(Про себя).* Успокоишь тутъ, какъ-же!

Маша *(поднявшись съ подушки).* Папенька! милый мой!..

Что съ тобой будетъ?! что будетъ?! *(Съ рыданіями опять бросается на подушку).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже *и* **Акулька** *(съ подносомъ, на которомъ ужинъ).*

Лукерья. Ты зачѣмъ? Я Варькѣ велѣла подать.

Акулька. Не все-ли равно, бабушка? А Варька въ людской. Сладю ей тамъ съ чего-то! *(Ставитъ поднос на столикъ).*

Лукерья *(погрозилась).* Вездѣ носъ суешь! *(Подходитъ къ Машѣ).* Барышня! а барышня!

Маша *(приподнявъ голову, тихо).* Что?

Лукерья. Встаньте, покушайте! *(Маша отрицательно покачала головой и принимаетъ прежнее положеніе).* Сутки маковой росинки во рту не было. Какъ-же такъ можно? Хоть чего-нибудь скушайте! *(Маша не отвѣчаетъ).*

Акулька *(Лукерьѣ, тихо).* Убивается?

Лукерья *(отходя къ столику и садясь за чулокъ).* Эхъ! что и говорить!

Акулька *(тихо).* Сначала, конечно... Взять хоть изъ нашего брата—и то...

Лукерья. Дура ты! Вотъ что!

Акулька. А дѣло, знать, плохо! Вотъ и ночь, а барина все нѣту изъ города.

Лукерья *(съ усмѣшкой).* Разсудила!

Акулька *(торопливо, вполголоса).* Да какъ-же, бабушка! Сами разберите. Спѣхъ-то какой! Не успѣлъ баринъ ее привезти *(кивнувъ на Машу):* „лошадей!“—кинулся въ городъ. Нѣтъ о сю пору. Знать и другую ночь тамъ заночуетъ. Ништо скоро управишься въ этакомъ дѣлѣ? Не своя крѣпостная... А ужъ въ дѣвичьей у насъ говоръ идетъ! Накажи Богъ!.. Клавдія Тарасовна какъ-же теперь? Баринъ, вишь, и не взглянулъ на нее. Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Лукерья. Да полно, тараторка! Ступай!

Акулька. Бабушка, какой сонъ мнѣ превидѣлся! Накажи Богъ! Вижу я, будто...

Лукерья. Ахъ ты Господи! Сказано—иди!

Акулька. Завсегда вы такъ, ничѣмъ не угодишь. Ужъ я-ль ни стараюсь!..

Лукерья *(строго. Вставая)*. Ступай, ступай! Угодливая!

Акулька *(съ обидой)*. Ну, что-жъ? И пойду! *(Уходитъ, задравъ носъ)*.

Лукерья *(про себя)*. Лядъ дѣвка! Всегда тутъ, гдѣ не надо. *(Съ усмѣшкой)*. Клавдія подослала. Ну, да!.. *(Къ Машѣ)*. Барышня! Семъ постельку перестелю, да раздѣну васъ. Легли бы почивать, коли кушать не станете. Встаньте, матушка! *(Маша садится)*. Чай, болитъ головка-то? А?

Маша. Болитъ... Все болитъ...

Лукерья. Встаньте, моя, постельку оправлю.

Маша *(встала и ходитъ въ задумчивости. Вдругъ повернулась съ рѣшимостью и идетъ къ двери)*.

Лукерья *(съ испугомъ, преграждаетъ ей дорогу)*. Куда вы? куда?!

Маша *(твердо)*. Въ садъ.

Лукерья. Не велѣно, не велѣно, барышня! Покамѣстъ баринъ пріѣдетъ, не велѣно выходить. Да и ночь. Какой теперь садъ! Лучше извольте-ка спать ложиться.

Маша *(порывисто, истерично)*. Что-же вы со мной дѣлаете? Люди вы, или звѣри?!

Лукерья. Барская воля, матушка.

Маша. Я живая въ руки не дамся! Такъ и знай! И ему скажи! *(Наступаетъ на нее)*. Этого вамъ хочется?! этого?!

Лукерья. Помилуй Богъ! Что изволите говорить! Грѣхъ какой!

Маша. А со мною что дѣлаютъ—это не грѣхъ! *(Со слезами въ голосѣ)*. Старика отца, одинокаго, въ гробъ вколачиваютъ—это не грѣхъ?!

Лукерья. Опять-же скажу: барская воля. Намъ что велятъ... *(Развела руками)*. Семъ раздѣну.

Маша *(съ негодованіемъ)*. Оставьте меня! *(Ложится на кровать навзничь, закинувъ руки подъ голову. Движенія ея быстры и рѣзки)*.

Лукерья *(тяжело вздохнула и сѣла на прежнее мѣсто. Про себя)*. Я думала—тихая, а она вонъ какая!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Маша, Лукерья и **Клавдія** *(въ дверяхъ. Окинула Машу быстрымъ взглядомъ и злобно усмѣхнулась)*.

Лукерья *(про себя)*. Вотъ нелегкая принесла! *(Клавдіи)*. Что баринъ велѣлъ?

Клавдія. А что?

Лукерья. Тебѣ сюда не ходить.

Клавдія *(высокомѣрно и небрежно)*. Не слыхала. Или здѣсь святость какая, что не входить мнѣ? Есть-ли тутъ кто чужой, нѣтъ ли—мнѣ все равно. А что въ кладовой у тебя—до этого дѣло есть.

Лукерья. Въ кладовой?

Клавдія *(садясь на диванъ)*. Ну да. Порядокъ хорошъ. Шубу баринову мыши изъѣли; варенья взглянула—въ плѣсени; въ мукѣ соръ такой, словно ею полъ подметали... *(Про себя)*. Я думала—красота, а тутъ и смотрѣть не на что! *(Повеселѣла)*.

Лукерья *(усмѣхнулась и покачала головой)*. Что-то много ты насказала, Клавдія Тарасовна! Будто и не такъ оно.

Клавдія. А про все говорить—языкъ притомишь. Я-бъ повела тебя, показала... Жалко нельзя: въ новой ты должности. Нянька-ли, сторожиха-ли—не знаю какъ и назвать!

Лукерья. Какъ хочешь зови, а что баринъ велѣлъ—тебѣ сказано.

Клавдія. Слышала, слышала! Сгоряча онъ чего не наскажетъ! Да вѣдь мило, пока не простыло, ха-ха! Значитъ не-

чего о пустомъ говорить. *(Вставая, повелительно)*. Брагу сварить вели! Изволить баринъ спросить—подать нечего. Твоя, чай, забота! *(Пошла къ двери и остановилась, прислушиваясь)*. Шумятъ. Должно быть, баринъ вернулся. *(Лицо ея оживилось, глаза заблистали. Она взглянула на Машу, которая въ ужасъ вскакиваетъ съ постели)*.

Лукерья. Шла-бъ ужъ ты, право!

Клавдія. Боишься—баринъ застанетъ, сюда придетъ? Придетъ! *(Со взглядомъ на Машу)*. Какъ ему не прійти!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* **Акулька** *(бѣгаетъ впопыхахъ)*.

Акулька. Баринъ! баринъ пріѣхалъ! *(Убѣгаетъ)*.

Клавдія. Ну, вотъ намъ и радость! *(Тихо и злобно засмѣялась, глядя на Машу. Уходитъ)*.

Лукерья. Господи помилуй! Чего ужъ такъ испугались?! Словно лихорадка васъ бьетъ... На-те водицы. Испейте-ка, матушка!.. да испейте немножко! *(Маша судорожно глотнула раза два изъ стакана)*. Ай и вправду знобитъ?

Маша. Холодно... холодно мнѣ...

Лукерья. Эхъ, головушка грѣшная! Что тутъ-то дѣлать?!

Акулька *(вбѣгаетъ)*. Бабушка! къ барину! Первое слово: „Лукерью позвать". Иди поскорѣй! А Клавдію увидалъ — хоть бы словечко! Накажи Богъ! — Барышня, пожалуйте ручку! *(Метнулась къ Машѣ)*.

Лукерья *(повернула ее за плечи къ двери)*. Пошла! Идутъ! *(Уходитъ вмѣстѣ съ Акулькой)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Маша *(остается нѣсколько секундъ молча, какъ къ смерти приговоренная)*. Боже! да неужели все это правда?! Давно-ли я была дома, весела, счастлива? Вдругъ!.. И пережить такой ужасъ... позоръ?! Никогда! И папенька то же бы

сказалъ... На радость вырастилъ дочку!.. Что за чувства у этого человѣка?! Онъ придетъ... Эта женщина сказала, что придетъ непремѣнно... И какъ засмѣялась!.. Тогда... *(Вздрогнула)*. Шаги!.. шаги на лѣстницѣ!.. *Онъ!.. (Въ смятеніи)*. Куда мнѣ?! Что дѣлать?! Въ окно? *(Подбѣгаетъ къ окну и растворяетъ его)*. О, высоко! *(Быстро придвинула стулъ и стала на него, занеся ногу на подоконникъ, готовая выброситься)*. Теперь входи!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Маша *и* **Лукерья** *(со свертками и коробками)*.

Лукерья *(вскрикиваетъ)*. Матушки!! *(Роняетъ все на полъ)*. Слѣзь! *(Бросается и хватаетъ Машу за руку)*. Слѣзь! Въ прахъ расшибешься! *(Маша сходитъ на полъ. Она часто и сильно дышетъ, какъ послѣ быстрой ходьбы)*. Ну, сударыня, съ вами бѣды наживешь! *(Закрываетъ окно на задвижку)*.

Маша *(бросается на колѣни)*. Бабушка, милая! отпусти меня, ради Христа!

Лукерья. Что вы, что вы! Да баринъ съ меня голову сниметъ. *(Поднимаетъ ее)*. Вотъ вздумали!

Маша. Только въ садъ выведи, а тамъ ужъ я выберусь. Отпусти!

Лукерья. А сторожа-то! И въ саду и за дворомъ—вездѣ сторожа. И велѣно имъ, еслибъ ваши кинулись выручать, бить смертнымъ боемъ. Эхъ, барышня! Нешто противъ нашего барина можно идти? Бросьте вы это. Попустилъ Господь—такъ, видно, тому и быть. Смотрите-ка, сколько вамъ баринъ гостинцевъ привезъ! *(Подбираетъ съ полу свертки)*. Чего-чего нѣтъ! Что было лучшаго—все поскупилъ. А тутъ, должно быть, сережки. *(Открываетъ футляръ)*. Барышня, барышня! Вотъ чудо-то!

Маша *(съ негодованіемъ)*. Отнеси! сейчасъ отнеси! Все, все, все! *(Ногою швыряетъ въ кучу несобранные свертки)*.

Лукерья. Что вы! Да какъ-же я смѣю!

Маша *(гнѣвно)*. А онъ смѣетъ?! Смѣетъ онъ унижать меня, какъ послѣднюю дрянь?! *(Всплеснула руками)*. Господи! за что-же?! за что столько муки?! *(Съ отчаяніемъ бросается въ постель)*.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Залъ. Въ задней стѣнѣ двѣ двери: одна правѣе средины—въ кабинетъ, другая, къ лѣвому углу—въ лакейскую. Справа, къ авансценѣ, еще дверь—въ гостиную (отворенная). Налѣво окна. Стѣны отдѣланы подъ мраморъ. Посрединѣ круглый столъ, накрытый къ чаю. Справа низкій и широкій турецкій диванъ. Передъ диваномъ, на полу, медвѣжья шкура. Сбоку станокъ съ чубуками. Видъ комнаты запущенный.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чириковъ *) *(сидитъ у окна и вырѣзываетъ изъ тростника дудочку. Унылъ и задумчивъ)*.

Д-да, событіе!.. Жалко барышню... *(Пискнулъ на дудкѣ и продолжаетъ нарѣзывать дырочки)*. Птичку подстрѣлишь и ту какъ-то того... а тутъ шутка-ли!.. И что за необузданность у Матвѣя Петровича! Устремится на что—ураганъ...—Жалко барышню... *(Опять пискнулъ на дудкѣ, въ два тона, и взглянулъ въ окно. Встаетъ и высовывается)*. Трезорка! Фюить! фюить!.. Трезорка, каналья!! Опять за курами? Я-я тебя! А еще благовоспитанный песъ, обученъ всякимъ штукамъ! П'шелъ домой! *(Садится и берется за дудку)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Чириковъ *и* **Лукашка** *(изъ лакейской)*.

Лукашка. Зачѣмъ это вы дудку дѣлаете, Алексѣй Егорычъ?

---

*) Въ сѣромъ короткомъ сюртукѣ, сшитомъ мѣшкомъ, съ бѣлыми костяными пуговицами. Талія схвачена ремнемъ, съ серебрянымъ наборомъ. На шеѣ высоко намотана черная косынка. Бѣлья не видно. Въ высокихъ сапогахъ.

Чириковъ. Чижа учить.

Лукашка. Чи-жа! И будетъ подъ дудку пѣть?

Чириковъ. Будетъ. Чижъ—птичуга смышленая.

Лукашка. А намедни, въ городѣ, у лавочника Корытина, какую я канарейку слышалъ!

Чириковъ *(съ оживленіемъ)*. Хороша?

Лукашка. И Боже мой! *(Зажмурился отъ удовольствія)*.

Чириковъ *(благодушно)*. Хе-хе! А какъ поетъ? У канареекъ вѣдь разныя манеры: дудками, розсыпями, свистомъ, колокольцами, овсянками...

Лукашка. Точно сказать не умѣю, а дюже хорошо!

Чириковъ. Хе-хе! *(Одобрительно хлопнулъ Лукашку по плечу и засвисталъ на дудкѣ съ переливами)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же *и* **Клавдія** *) *(изъ гостиной)*.

Клавдія. Что это?! Алексѣй Егорычъ!

Чириковъ *(смутился)*. Гмъ! *(Прячетъ дудку въ карманъ. Лукашка почтительно отступаетъ къ двери)*.

Клавдія. Баринъ почиваетъ. Нашли время свистать! *(На Лукашку)*. Ты чего ротъ разинулъ, болванъ? Сливки поданы? Пшелъ—принеси!

Лукашка. Сейчасъ, сейчасъ, Клавдія Тарасовна! А баринъ встамши. Порфишку кликнули. *(Убѣгаетъ въ переднюю)*.

Клавдія *(хозяйничая за столомъ)*. Пошли-бъ узнать, въ добромъ-ли здоровьи вернулся Матвѣй Петровичъ. Чего сидѣть-то!

Чириковъ. Придетъ, увидимъ-съ.

---

*) На ней малиновый штофный сарафанъ, съ золотыми застежками. Широкіе кисейные рукава засучены по локоть. На головѣ дорогая повязка, изъ-подъ которой живописно выбились черные волосы. Воротъ у рубахи вырѣзанъ низко. На шеѣ жемчужныя монисты, съ алмазнымъ запономъ. На рукахъ дорогіе перстни.

Клавдія. Хорошо-ли съѣздилъ?

Чириковъ. Не мое дѣло-съ.

Клавдія. У насъ живете и дѣла нѣтъ? Надо-бы чувствовать, приверженность имѣть къ Максиму Петровичу.

Чириковъ. Я по своему-съ.

Клавдія. Какъ это?

Чириковъ. Незримо.

Клавдія. Не понимаю.

Чириковъ. Внутренно-съ.

Клавдія. У васъ все по чудному. На-те, что-ль, чаю-то! *(Сердито подвигаетъ на столъ чашку съ чаемъ).*

Чириковъ *(всталъ, крякнулъ, смущенно, но съ достоинствомъ подходитъ къ столу и, взявъ чашку, идетъ на мѣсто. Въ сторону, подмигнувъ).* Сердита!

Клавдія *(задумалась, постукивая по столу чайною ложечкой. Взглянула на кабинетъ и вздохнула).* Поглядимъ, поглядимъ!

Лукашка *(вноситъ сливки и ставитъ на столъ).*

Клавдія *(взявъ трубку на чубукѣ съ большимъ янтаремъ, продуваетъ ее. Лукашкѣ).* Чубукъ опять не промытъ!

Лукашка. Я промывалъ-съ!

Клавдія. Врешь! *(Вспыльчиво).* Охъ, дождешься ты, Лукашка! Будетъ тебѣ! *(Лукашка, понурившись, на цыпочкахъ уходитъ въ лакейскую).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чириковъ, Клавдія, Акулька *(изъ гостиной съ подносикомъ и чайной чашкою)* и *потомъ* **Лукашка**.

Акулька. Бабушка за чаемъ прислала... *(Насмѣшливо)* *той,* барышнѣ.

Клавдія. Баринъ не кушалъ еще. Можно-бы погодить. *(Кивнула на столъ).* Налей ужъ! *(Набиваетъ трубку изъ табачницы).*

Акулька (*наливаетъ чай. Понизивъ голосъ, значительно*). Баринъ выходитъ ночью. Накажи Богъ!

Клавдія (*съ живостью*). Наверхъ?

Акулька. Нѣтъ. По залѣ походилъ-походилъ и опять въ кабинетъ.

Лукашка (*входя*). Клавдія Тарасовна! поваръ пришелъ-съ.

Клавдія. Сейчасъ выйду. (*Лукашка уходитъ. Акулькѣ*). А она? все реветъ?

Акулька. Нѣтъ, стихла. Сидитъ, какъ убитая.

Чириковъ (*всталъ, кряхтя, и отвернулся къ окну*).

Акулька (*смѣясь, подмигнула на него Клавдіи*). И что въ ней хорошаго?! Дивлюсь я на барина.

Клавдія. Эко ты какая! Въ пылу видишь, что во хмѣлю. Каково-то будетъ похмѣлье, ха-ха! (*Уходитъ въ переднюю*).

Акулька (*про себя*). Ишь расфуфырилась! бариновъ любимый сарафанъ нацѣпила... А на душѣ, чай, кошки скребутъ. Страхъ люблю, какъ такая заваруха случится! (*Подходитъ къ Чирикову*). А вы чего?

Чириковъ. Какъ?

Акулька. Чего, молъ, кряхтите? Правда, какъ не задуматься! У меня въ головѣ такъ и вертитъ, такъ и вертитъ! Что будетъ? какіе порядки? Вы какъ полагаете?

Чириковъ. Никакъ.

Акулька. А въ дѣвичьей разно говорятъ. Кто говоритъ: Клавдія осилитъ, хоть та и барышня; а кто: стѣта, вишь, ея пѣсенка:—либо замужъ отдадутъ, либо наградятъ, да на волю. А Варька что вздумала! Говоритъ, что вы на Клавдіи женитесь...

Чириковъ. Акулина! Назойливость—качество не похвальное.

Акулька. Ха-ха-ха! А я говорю Варькѣ: дура раскосая, да статочное-ли дѣло, чтобъ Алексѣй Егорычъ женился? Первое—онъ женщинъ боится. Вѣдь правда?

Чириковъ *(смутился и обтеръ лицо платкомъ).* Прекрати!

Акулька. Анъ боитесь, боитесь! Ха-ха! *(Входитъ Клавдія).* Батюшки! Что-же я съ чаемъ-то! *(Подбѣжала къ столу и схватила поднось Клавдіи).* Никакъ баринъ идетъ!.. *(Уходитъ въ гостиную).*

Клавдія *(хочетъ казаться спокойной, отчего у нея нѣсколько вызывающій видъ и брови слегка сдвинуты. Измѣнившимся голосомъ).* Еще налить, Алексѣй Егорычъ?

Чириковъ. Нѣтъ-съ. *(Волнуется, взглядывая на дверь кабинета).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Чириковъ, Клавдія *и* **Рахмановъ** *).

Клавдія *(молча поклонилась и наливаетъ чай).*

Рахмановъ *(взглянулъ на нее, поморщился и переводитъ взоръ на Чирикова, который всталъ).* А, философъ! Здравствуй! Ну, что безъ меня подѣлывалъ?

Чириковъ *(потупившись, огорченно).* Ничего-съ. *(Укоризненно вздохнулъ и пошелъ къ двери).*

Рахмановъ *(рѣзко).* Куда-жъ ты?

Чириковъ. А я того... на охоту-съ.

Рахмановъ *(ѣдко).* „Удрученъ"?". *(Усмѣхнулся).* Ступай, расходи дурь-то! Я вижу, у тебя въ голову дурьналѣзла! *(Отодвинулъ кресло ногою и шумно садится за столъ. Клавдія подаетъ ему чай, сливки и хлѣбъ).*

Чириковъ. Что-же я говорю-съ?

Рахмановъ. Еще-бы ты смѣлъ сказать что-нибудь!

Чириковъ *(горячо).* А чувствовать я могу-съ.

Рахмановъ *(небрежно, прищуриваясь).* Что-о?!

Чириковъ. Да, могу-съ! *(Вдругъ подходитъ къ столу, наливаетъ рюмку рому и залпомъ выпиваетъ ее).*

---

*) На немъ бархатный архалукъ, на атласной подкладкѣ, бѣлая рубашка съ большимъ отложнымъ воротникомъ, открытый жилетъ, узкія панталоны, сапоги съ отворотами. На шеѣ небрежно повязанъ фуляръ.

Рахмановъ. Черть съ тобой! Чувствуй! *(Не глядя на Клавдію, принимаетъ поданный ею чубукъ).*

Чириковъ. Когда я получу наслѣдство...

Рахмановъ. Откуда? Родныхъ ни души. Съ неба что-ль оно свалится?

Чириковъ. Я такъ положилъ-съ...

Рахмановъ. Новыя бредни. Жить не можетъ безъ глупыхъ мечтаній!

Чириковъ. Всякіе случаи бываютъ...

Рахмановъ *(закуривая трубку).* Хорошо. Получишь. Что-же тогда?

Чириковъ. Тогда я буду чувствовать и *говорить! (Покраснѣлъ отъ напряженія, чтобы выговорить послѣднее слово. Наливаетъ другую рюмку и залпомъ выпиваетъ ее).*

Рахмановъ *(насмѣшливо).* А-а!.. Я скажу, что тогда будетъ. Если получишь имѣніе—пойдетъ оно прахомъ. Такого дурака сломаешь въ хозяйствѣ, что всѣ животы надорвутъ. Деньги получишь—спустишь на глупости, а больше растащутъ ихъ всякіе проходимцы. Потомъ, или съ голоду подохнешь, или станешь ходить петрушку показывать, да собачью комедію. Ну, ступай на охоту. Пока дурь не выходишь, не смѣй глазъ казать. *(Отвернулся).*

Чириковъ. А чувствовать я могу-съ! *(Ударилъ себя въ грудь и уходитъ въ переднюю).*

Рахмановъ. Порфишка!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клавдія, Рахмановъ *и* **Порфирій** (*изъ кабинета*).

Порфирій. Чего изволите-съ?

Рахмановъ. Сходи-и... на верхъ сходи... Позвать!

Порфирій (*угодливо склоняясь къ нему*). Барышню-съ?

Рахмановъ (*крикнулъ*). Дурракъ!

Порфирій. Слушаю-съ! (*Встряхнулся и побѣжалъ въ гостиную*).

Рахмановъ (*про себя*). Понимаетъ, каналья, а спрашиваетъ! (*Клавдіи*). А ты-ы... выйди вонъ!

Клавдія (*слегка поблѣднѣла, выразительно взглянула на него, плавно и гордо идетъ къ двери*).

Рахмановъ (*вставая, роняетъ прислоненный къ столу чубукъ. Клавдія вернулась поднять. Строго*). Сказано тебѣ!

Клавдія. Хотѣла поднять... (*Чуть-чуть усмѣхнулась и уходитъ, не поднявъ чубука*).

Рахмановъ (*поднявъ чубукъ, ходитъ въ волненіи*). Какъ-то Маша?.. Слезы, даже истерика. Ну, конечно! Да все это—вздоръ и скоро пройдетъ... А хлопотъ черезъ нее много было, чертъ возьми! Ободрали, какъ липку. Ну зато шито и крыто!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Рахмановъ *и* **Маша** (*входитъ изъ гостиной и, потупясь, остается у двери*).

Рахмановъ (*въ отдаленіи*). Здравствуйте, Марья Григорьевна! (*Отвѣта нѣтъ. Въ сторону*). Какой у нея измученный видъ! (*Съ досадой*). Эхъ! (*Привѣтливо*). Садитесь. (*Указываетъ на диванъ. Маша не двигается*). Садитесь, прошу васъ! (*Маша садится*). Вы негодуете. Я вижу это на вашемъ лицѣ. Но поступокъ мой вынужденъ вашимъ отцемъ... его упорствомъ, дерзостью (*вспыльчиво*), дерзостью выше всякой мѣры! Въ городѣ я видѣлъ его. Онъ на меня ябедничаетъ: но ничего не добьется.

Маша (*твердо*). Когда вамъ угодно будетъ отпустить меня къ папенькѣ?

Рахмановъ (*насмѣшливо*). Да я вовсе не намѣренъ васъ отпускать. Съ чего вы взяли?

Маша (*мрачно*). Не намѣрены?

Рахмановъ. Разъ вы у меня—дѣло кончено.

Маша. Но вы ужъ довольно наказали отца, если онъ

такъ виноватъ передъ вами. *(Съ волненіемъ).* Надо быть палачемъ... не знаю кѣмъ, чтобы держать меня здѣсь. (*Быстро утерла слезы и отвернулась*).

Рахмановъ (*игриво*). Палачемъ! Что ты говоришь пустяки! Ну, какимъ палачемъ?! Старикъ твой само собою, а не полюбись ты мнѣ, ничего-бы не было. Вотъ въ чемъ сила. *(Садится рядомъ. Маша встаетъ. Строго).* Сиди!! *(Маша невольно садится*). Словно на висѣлицу вздернуть хотятъ!

Маша (*съ отвращеніемъ*). Чего-же вы можете ожидать отъ меня?!

Рахмановъ (*ѣдко усмѣхнулся*). Что будетъ—увидимъ. (*Строго, постепенно возвышая голосъ*). Совѣтую помнить, что я не податливъ, а во гнѣвѣ способенъ на все!.. Знайте, что возврата нѣтъ и что за вами глазъ неусыпный! (*Энергично всталъ и отходитъ. Маша поспѣшно уходитъ въ гостиную*). Чѣмъ плѣнился?! Что мнѣ представилось въ ней?! (*Пожалъ плечами*). Этакую кутерьму заварилъ изъ чего?.. Тогда на охотѣ... кроткая, милая... Какъ было жалко ее!.. Все вспоминалась. Затосковалъ наконецъ. А она вонъ какова!.. Чувствуешь сумбуръ какой-то. Чертъ знаетъ! Да что тутъ разстраиваться! Плюнулъ—и все!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Рахмановъ *и* **Клавдія**. (*Она самоувѣренная и развязная, но хочетъ казаться равнодушною. Подходитъ къ столу*).

Рахмановъ (*про себя*). Подслушивала. По лицу вижу... А красива сегодня! (*Садится на диванъ*).

Клавдія. Еще не выкушали?

Рахмановъ. Что?

Клавдія. Чай. (*Беретъ его чашку*). Совсѣмъ остылъ. Горяченькаго налить?

Рахмановъ (*весело*). Давай!

К л а в д і я (*съ торжествующей улыбкой наливаетъ чай и подаетъ чашку на подносикѣ. Рахмановъ беретъ ее за локоть*). Уроните, баринъ!

Р а х м а н о в ъ. Поставь. Не хочу.

К л а в д і я (*проворно поставивъ чашку, садится у ногъ его и обнявъ его колѣни, кладетъ на нихъ голову*). Свѣтъ ты мой! ненаглядный!

Р а х м а н о в ъ (*смѣясь*). Обрадовалась? (*Протягиваетъ ей руку*).

К л а в д і я (*прильнула къ ней губами. Поднятая имъ, садится рядомъ, страстно обнимаетъ и цѣлуетъ его*). Кто тебя будетъ любить-то, какъ я?! Можно-ли?!

Р а х м а н о в ъ. Ты къ чему это?

К л а в д і я. Ни къ чему. Просто... Что мнѣ надо?—Ласки твоей. Только всего. Ни подарковъ, ни милостей, ни чтобъ почитали да величали меня. Видитъ Богъ, правда! Одно въ мысляхъ, чтобъ тебѣ угодить, да любилъ-бы меня. Сколько лѣтъ—плохо мы жили? Было-ль хоть разъ, чтобъ я тебя прогнѣвила?

Р а х м а н о в ъ (*задумчиво*). Ну, жили довольно постыдно, похвалиться нельзя. (*Съ усмѣшкой*). И какое безобразіе я ни затѣй—ты всегда впереди. Всѣхъ заткнешь за поясъ.

К л а в д і я. Да вѣдь то и любо было тебѣ. За то и хвалилъ. А я вотъ какъ: въ огонь, въ воду-ли—только вели. Душу отдамъ за тебя!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же *и* **Лукерья** (*изъ гостиной*).

Р а х м а н о в ъ (*съ досадой*). Что еще надо?

Л у к е р ь я. Да съ барышней что-то не ладно.

Р а х м а н о в ъ (*отстраняясь отъ Клавдіи, которую держалъ за талію*). Какъ не ладно?

Л у к е р ь я. Трясетъ ее, бьетъ...

Клавдія. Господи, страсти какія! Стоило тревожить барина!

Лукерья. Къ сердцу, жалится, подкатило. Кровинки въ лицѣ нѣту. Помилуй Богъ, что случится—я-же въ отвѣтѣ.

Клавдія. Чему случаться-то? Не въ мѣру опаслива. Вспрысни ее водой. Опамятуется, небось. Не извольте безпокоиться, баринъ. У насъ, бабъ, всего этого много: и слезъ, и трясу, и блажи. До первой острастки. Что ни хуже баба, то больше въ ней дури сидитъ, да комедничанья...

Рахмановъ *(встаетъ. Строго)*. Ну, довольно! *(Уходитъ въ гостиную, въ сопровожденіи Лукерьи)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Клавдія, *потомъ* **Порфишка** *и* **Лукашка**.

Клавдія *(злобно)*. Вотъ не было заботы!.. *(Подумала)*. Пустяки. Бывали при мнѣ зазнобушки эти, да скоро сплывали. Потѣшится, да и вонъ. За эту развѣ дороже заплатитъ, потому барская дочь. *(Зоветъ)*. Порфирій! Лукашка! *(Лакеи входятъ)*. Убирать со стола. *(Лакеи уносятъ все, кромѣ сахарницы и графинчика съ ромомъ)*. Сказалъ: „постыдно жили“. Прискучило... И это бывало. Находило на него, что по мѣсяцу тихо у насъ. Скучаетъ, сердитъ. А тамъ опять все по старому. И Клавдія мила. Чѣмъ больше лихости, удали—тѣмъ и милѣе. А попрекнулъ еще этимъ!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Клавдія, **Акулька** *и потомъ* **Рахмановъ**.

Акулька *(высунулась изъ гостиной)*. Вы тутъ? *(Подбѣгаетъ)*. Барышню въ садъ свели. Подъ ручки вели баринъ съ Лукерьей. Баринъ самъ ей голову уксусомъ примачиваетъ. Накажи Богъ! А она комедничаетъ! Тошно глядѣть. *(Прислушалась)*. Баринъ! *(Стремглавъ убѣгаетъ въ переднюю)*.

Рахмановъ *(войдя изъ гостиной, проходитъ въ кабинетъ мимо Клавдіи, не обративъ на нее никакого вниманія).*

Клавдія *(сердито взявъ сахарницу и графинъ).* Пристало тебѣ за бабой ухаживаться! *(Уходитъ въ гостиную).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чириковъ (*пьяный*) *и* **Лукашка** (*удерживаетъ его въ дверяхъ лакейской*).

Чириковъ. Пусти! Чего ты меня не пускаешь?

Лукашка. Ну зачѣмъ вамъ сюда? Пойдемте, спать сведу.

Чириковъ. Эхъ, Лукашъ! Хорошій ты малый! А барышню жалко...

Лукашка. Баринъ заругаетъ. Пойдемте!

Чириковъ. Эхъ, Лукашъ! Ты думаешь—я вино люблю? Нѣтъ. И-и, вотъ какъ не люблю! А пью. Видишь—пью.

Лукашка. Пойдемте во флигерь. Тамъ побалакаемъ.

Чириковъ. Удрученъ—и пью. Во-отъ! вотъ, дурашка моя! *(Поетъ, зажмурясь и приложивъ руку къ уху):*

Эхъ, да не бѣлы-и-и снѣги...

(Лукашка убѣждаетъ его, съ жестами, перестать. Чириковъ не обращаетъ вниманія и поетъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же *и* **Рахмановъ.**

Рахмановъ. Хорошъ! Черезъ губу не плюнетъ.

Чириковъ. Матвѣй Петровичъ!.. Ахъ, Матвѣй Петровичъ! *(Тычетъ себя въ грудь).* Черезъ ва-асъ!

Рахмановъ. Ступай спать.

Чириковъ. Никому не огорчить меня такъ, какъ

Матвѣю Петровичу... *(Съ умиленіемъ смотритъ на него).* А почему? Въ томъ-то и шутка-съ: по-че-му? *(Поетъ):*

Эхъ, да не бѣлы-и-и-и снѣги
Въ полѣ забѣлѣлися...

Рахмановъ *(Лукашкѣ).* Убери его.

Лукашка *(подхвативъ Чирикова подъ руки, уводитъ его въ переднюю, причемъ Чириковъ продолжаетъ пѣть).*

Рахмановъ. И напиться по-людски не умѣетъ. Сразу налижется, какъ свинья. „Удрученъ“, ха-ха!.. *(У окна).* Кто это ѣдетъ? А-а! Григорій Михайловичъ!.. Должно быть, прямо изъ города... Лучше бы туда не совался!

ЯВЛЕНІЕ. XIV.

Рахмановъ, Порфишка, *потомъ* **Ивковъ.**

Порфишка *(вбѣгаетъ).* Берестовскій баринъ...

Ивковъ *(оттолкнулъ лакея въ дверяхъ и врывается съ шумомъ).* *).

Рахмановъ. А, Григорій Михайловичъ! *(Прищурился на него).* Добро пожаловать! *(Порфишка уходитъ).*

Ивковъ *(внѣ себя, хриплымъ голосомъ).* Отдай дочь!

Рахмановъ. Или приказъ мнѣ вышелъ такой отъ начальства? Нашелъ гдѣ правду искать! Что сказали? «А можетъ-де у вашей дочки уговоръ былъ съ господиномъ Рахмановымъ»? Въ другомъ мѣстѣ и того хуже: на смѣхъ подняли. Старикъ волосы на себѣ рветъ, а надъ нимъ потѣшаются, подлецы. Тутъ разсвирѣпѣлъ старикъ: «Ироды»! кричитъ, «до Царя дойду». До Царя далеко, ко мнѣ, видно, ближе.

Ивковъ *(кричитъ изступленно).* Дочь отдай!

Рахмановъ *(спокойно).* Самъ виноватъ. Я честью къ тебѣ. Не кто другой,—*я!* А ты лаяться. Забылъ, что въ убогой гордости черту утѣха.

*) Онъ въ екатерининскомъ мундирѣ, запыленъ и раздерганъ.

Ивковъ. Надругался надъ нею.... Разрази тебя Богъ! Ну и будетъ. Отдай!

Рахмановъ. Не мели вздора. Глупецъ!

Ивковъ. «Вздоръ»! Развѣ есть въ тебѣ совѣсть?! Пожалѣешь ты?! *(Ринулся на него; съ бѣшенствомъ)*. Отдай дочь, говорю!

Рахмановъ *(выпрямился, прищурился и поглаживаетъ волосы)*. Потише, старикъ! Остерегись! Помни, въ чьихъ ты рукахъ!

Ивковъ. Ну, убей меня! На! Легче будетъ! Убей!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же *и* **Маша** (*изъ гостиной вбѣгаетъ съ крикомъ*).

Маша. Папенька! *(Бросается къ нему на шею)*.

Ивковъ. Маша!.. Машенька! (*Плачетъ, обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ лицо, въ глаза, въ голову*). Дочурка моя! Горькая ты моя! (*Опоминается*). Стой, стой! Не при немъ, не при этомъ! (*Указываетъ на Рахманова*).

Рахмановъ. Марья Григорьевна! Скажите вашему батюшкѣ: съ тѣхъ поръ, какъ вы у меня, причинилъ-ли я вамъ какое-нибудь оскорбленіе, зло?

Маша. Нѣтъ. (*Ивковъ быстро взглянувъ на нее*).

Рахмановъ. И теперь я чувствую, что этого не могло-бъ и случиться. Но онъ не вѣритъ. Да и никто не повѣритъ. Такова ужъ про меня слава идетъ. Значитъ, разъ вы у меня,—судьба ваша рѣшена и забота объ васъ на моей совѣсти. Но Григорій Михайловичъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы васъ взять...

Ивковъ. И возьму! Не уйду безъ нея! Живъ не буду, а не уйду!

Рахмановъ. Этого не будетъ, Марья Григорьевна.

Маша. Ради всего святого! Отпустите меня.

Рахмановъ. Не могу. Давеча сказалъ—и довольно.

Маша. Мало вамъ нашего горя? *(Указавъ на отца)*. Взгляните, что вы сдѣлали съ нимъ! Вы не настолько...

Рахмановъ *(съ живостью)*. Что?!

Маша. Вы не можете не почувствовать, какъ мы несчастны! Умоляю васъ!..

Рахмановъ *(перерываетъ съ нетерпѣніемъ)*. Эхъ!.. Да поймите-же: не могу!

Ивковъ *(съ ненавистью)*. Не можетъ, не можетъ онъ!

Рахмановъ *(къ Ивкову)*. Ну, довольно. Прискучило. Я сейчасъ заткну тебѣ горло. Эй! *(Является Порфишка)*. Скачи къ попу. Скажи, сейчасъ буду вѣнчаться. Да коляску запречь! *(Порфишка уходитъ)*.

Маша. Ахъ!.. *(Помертвѣла)*.

Ивковъ *(припалъ на сложенныя руки къ стѣнѣ. Во всей фигурѣ его отчаяніе)*. Боже мой!..

Рахмановъ. Вы не хотите?

Маша *(твердо)*. Нѣтъ. *(Порывисто)*. Ни за что!

Рахмановъ *(крѣпко схватилъ ее за руку)*. А я хочу и исполню. Если-бъ на меня все поднялось, слышите?—*все*... и тогда вы будете моею женой!!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Угольная комната. Справа два окна. Слѣва, въ авансценѣ, дверь въ гостиную. Посрединѣ еще дверь (отворенная),—въ свѣтлый коридоръ. Слѣва диванъ и столъ, между окнами еще столъ (дамскій, рабочій). По задней стѣнѣ и справа кресла. Мебель краснаго дерева, обитая сафьяномъ. Въ лѣвомъ углу зеркало печи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маша *(за шитьемъ, у рабочаго стола)* и **Лукерья** *(съ чулкомъ, близъ Маши на скамеечкѣ)*.

Лукѐрья. Что, матушка-барыня, осмѣлюсь спросить: поссорились вы съ бариномъ, что-ли?

Маша. А что?

Лукерья *(оставляя вязанье)*. Да живете-то какъ, словно вы чужая ему.

Маша *(помолчала, продолжая шить)*. Знаешь, какъ обвѣнчали... Безъ памяти привезли въ церковь; какъ подвели къ аналою—не помню... Въ себя пришла, когда ужъ свѣчу въ руки дали. Вскрикнула я, шатнулась! Онъ подхватилъ и руку мнѣ сжалъ... Тутъ я взглянула ему въ глаза, да такъ и застыла... Чувствую—бѣжитъ по мнѣ холодъ, бѣжитъ... Ни шага ступить, ни слова сказать. Чувствую, глазъ онъ не сводитъ съ меня... И давилъ меня его взглядъ, будто тяжестью... Что-то читаютъ, поютъ... У меня рябитъ въ глазахъ и шумъ въ головѣ. Вдругъ обнялъ, въ лицо жаромъ пахнуло, поцѣловалъ... Вздрогнула я, зарыдала... Всю дорогу рыдала, съ тѣмъ и въ домъ ввели...

Лукерья. Попустилъ Господь. Что дѣлать-то! А ему какъ этого не видать, барину? Онъ къ женѣ съ лаской, а у ней вонъ что на душѣ. Ну, видитъ... и Богъ съ ней. Значитъ, вникнулъ, пожалѣлъ...

Маша *(съ нетерпѣніемъ)*. Перестань, Лукерья! Устала я, мочи нѣтъ, какъ устала! *(Бросила шитье, задумывается)*.

Лукерья. Ну, ну! *(Вяжетъ. Молчаніе)*.

Маша *(нервно)*. Что за крикъ на дворѣ?!

Лукерья. Бариновъ голосъ. Прогнѣвилъ кто-нибудь. *(Встаетъ и смотритъ въ окно)*.

Маша. Ахъ, слышать этого не могу! До боли!

Лукерья. Да безъ взыска нельзя, матушка. Первое время, при васъ, добрѣе былъ баринъ; а теперь вотъ опять...

Маша *(съ горечью)*. Ну, такъ! Скажутъ изъ-за меня...

Лукерья. Господь съ вами! То-ли бывало! Какая до васъ жизнь-то была?—грѣхъ одинъ! *(Уходитъ озабоченная)*.

Маша *(задумчиво)*. «Вникнулъ»... «пожалѣлъ»....*(Отрицательно покачала головой)*. Не то... Какъ я могла пережить это время? Развѣ потому, что была какъ во снѣ, какъ не живой человѣкъ?... Теперь хуже... тревожно, мысли какъ въ лихорадкѣ... Тяжело! *(За сценой грозный голосъ Рахманова: «Скотина! Ну, погоди-жъ ты»!! Маша вскакиваетъ въ испугѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Маша *и* **Рахмановъ** (*проходитъ изъ коридора въ гостиную, не замѣчая Маши*).

Рахмановъ *(гнѣвно)*. Шкуру спущу!! Мало того: въ Сибирь негодяя!! *(Отворяя дверь въ гостиную, увидалъ Машу. Подходитъ)*. Испугалъ? Я не зналъ, что вы здѣсь. Бѣсятъ цѣлое утро! То—то, то—другое!... Ну, полно! Вотъ пуглива! *(Погладилъ ее по головѣ)*. Впередъ не стану шумѣть, если вы такъ боитесь.

Маша. Я ничего.

Рахмановъ. Ну, какъ ничего! Сама не своя. Въ послѣднее время я забросилъ хозяйство. Не тѣмъ былъ занятъ... Людишки вмигъ распустились. «Добрѣе, молъ, сталъ баринъ.. *(Добродушно)*. Жизнь намъ пришла! Барыня лютость-то его укротитъ»... Канальи! Ну, а здоровье какъ?

Маша. Теперь слава Богу...

Рахмановъ. Доктора жду.

Маша. Зачѣмъ?

Рахмановъ. Жаловалась: слабость, боль въ сердцѣ...

Маша. Благодарю, что заботитесь, но...

Рахмановъ *(прерываетъ)*. Что за благодарности! Полно. *(Нѣжно беретъ ея руки)*. Полѣчись, милая, полѣчись. Поздоровѣешь, можетъ быть веселѣй станешь, ласковѣй. А? *(Привлекаетъ Машу къ себѣ. На лицѣ ея неудовольствіе и смущеніе. Отступаетъ)*. Или ты до того ужъ несчастна, что ничто не поможетъ? *(усмѣхнулся)*. Такъ и знать будемъ. *(Идетъ къ двери)*.

Маша *(дѣлаетъ движеніе за нимъ)*. Матвѣй Петровичъ!

Рахмановъ *(круто обернулся)*. Ну?

Маша *(смущенно)*. Не гнѣвайтесь...

Рахмановъ. А еще что? *(Маша молчитъ)*. Еще-то что вы мнѣ скажете?

Маша. Что я могу сказать?... Я не знаю... Но мнѣ больно, когда вы сердитесь...

Рахмановъ *(горячо)*. Не камень же я въ самомъ дѣлѣ!.. Что я видѣлъ отъ васъ, кромѣ слезъ, равнодушія и боязни? Вы должны были видѣть, что такая жизнь тяжела мнѣ. Но васъ это не тронуло; вы оставались все той же. И оставайтесь! Мнѣ надоѣло безпокоиться, ждать. Я не привыкъ къ душевной неладицѣ. Все это я сброшу съ себя. Стоитъ мнѣ свистнуть—и все вернется, чего душа пожелаетъ. Жилъ я до васъ, не тужилъ и жить буду! *(Уходитъ)*.

Маша. Чѣмъ я виновата?.. Надо хоть привыкнуть къ человѣку... Что я могла къ нему чувствовать? Я вся какъ разбитая. А онъ грозитъ: станетъ по-прежнему жить! Развѣ онъ не понимаетъ, что это обида? Значитъ—не любовь, а вспышка, прихоть, капризъ! Вотъ что ужасно, что меня мучаетъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Маша *и* **Чириковъ** *(съ большою клѣткою, вычурно раскрашенною. Выглянулъ изъ двери и скрылся)*.

Маша. Алексѣй Егоровичъ! Куда же вы? Войдите!

Чириковъ *(войдя)*. Обезпокою-съ?

Маша. Напротивъ, мнѣ всегда хочется поговорить съ вами.

Чириковъ *(въ замѣшательствѣ)*. Даръ слова... лишенъ-съ. Я больше съ Трезоркой... Кха! *(Ставитъ клѣтку на столъ)*.

Маша. Что за клѣтка? *(Подходитъ къ ней)*. И скворецъ!

Чириковъ. Ученый-съ. Самъ себѣ кормъ достаетъ и воду-съ. Такъ все пристроено-съ. Изволите увидать.

Маша. Какъ же вы его выучили?

Чириковъ. Голодъ выучилъ. Этимъ все возможно-съ... *(Взялъ клѣтку и въ смущеніи вручаетъ Машѣ)*. Вамъ.. отъ скуки-съ...

Маша. Спасибо! Добрый вы... Садитесь, Алексѣй Егоровичъ. Мнѣ надо съ вами поговорить. *(Ставитъ клѣтку на столъ)*.

Чириковъ *(сѣлъ и принимаетъ сосредоточенный видъ).* Готовъ. Слушаю-съ.

Маша. Матвѣй Петровичъ запретилъ всякое сношеніе съ папенькой. О томъ, чтобы мнѣ провѣдать его—нечего и думать. Матвѣй Петровичъ, вѣроятно, желаетъ, чтобы папенька самъ пріѣхалъ...

Чириковъ *(со вздохомъ).* Гордость!

Маша. Но папенька не поѣдетъ. Будь сестра Люба у насъ, она-бы повидалась со мною; но ея мать заболѣла, и она уѣхала въ тотъ самый день, когда... когда насъ вѣнчали...

Чириковъ. Гмъ! *(Въ волненіи утеръ лицо платкомъ).*

Маша. Я очень безпокоюсь за папеньку... Мнѣ Богъ знаетъ что представляется... Я знаю его мысли о жизни моей... Онъ изстрадался. А я... что-жъ? я слава Богу... *(Быстро утерла слезы).* Зачѣмъ-же папенькѣ убиваться? Онъ старъ, потрясенъ... Боже сохрани, все можетъ случиться... Если я и.... не послушаюсь Матвѣя Петровича, право, дурного нѣтъ ничего...

Чириковъ *(просіялъ).* Понимаю-съ!

Маша. Вы добрый...

Чириковъ *(прерывая).* Понимаю, понимаю-съ! *(Потираетъ руки отъ удовольствія).*

Маша. Стараетесь меня развлекать...

Чириковъ. Еще кролика для васъ дрессирую-съ.

Маша. Вотъ какой вы хорошій! Я и хотѣла васъ попросить... Я на одного васъ могу положиться...

Чириковъ. Понялъ. Знаю-съ. Ружье, яхташъ, Трезорка исп! и къ вамъ, въ Берестово, на охоту-съ. *(Подмигнулъ).*

Маша. Ахъ, какъ я вамъ благодарна! Увидите папеньку, скажите ему...

Чириковъ. Осмѣлюсь прервать. Лучше напишите-съ. Потому я... въ устномъ изложеніи не мастеръ. Проврешься еще. Напишите-съ.

Маша *(съ чувствомъ, протянувъ ему обѣ руки).* Спасибо вамъ, милый, добрый, хорошій Алексѣй Егоровичъ! Сейчасъ напишу. *(Уходитъ въ коридоръ).*

Чириковъ. Гм! *(Крѣпился, крѣпился и захлюпалъ).* Милый... хорошій... Развѣ можно стерпѣть?.. И кто это сказалъ!.. кто сказалъ! *(Утираетъ слезы).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чириковъ *и* **Рахмановъ** (*слѣва*).

Рахмановъ *(ткнулъ пальцемъ въ клѣтку).* Что за дрянь?

Чириковъ. Такъ-съ... Птица.

Рахмановъ. Утѣшаешь? А? Утѣшай, утѣшай! Будешь утолитель печали, воздыханій и тамъ чертъ знаетъ чего. Все въ томъ же родѣ.

Чириковъ. «Въ томъ же родѣ»! Нѣтъ, надо понять-съ! Вырвана изъ гнѣзда, изъ мирной жизни, брошена — такъ сказать — въ пучину... Надо понять. А вы злитесь.

Рахмановъ. Что ты смыслишь? Философъ!

Чириковъ. Вотъ свирѣпствуете опять, вой идетъ. А она понимаетъ.

Рахмановъ. Кто она? Что понимаетъ?

Чириковъ. Марья Григорьевна-съ. Злитесь на нее, а на людяхъ срываете.

Рахмановъ. Съ чего жъ ты взялъ, что я злюсь на Марью Григорьевну? Я, можетъ, и думать о ней позабылъ.

Чириковъ. А женились.

Рахмановъ. Мало-ли я глупостей дѣлалъ! Если изъ жалости женился, то и отъ нея ничего не осталось. Кого жалѣть? За что? Изъ нищеты, изъ ничтожества взялъ себѣ въ жены... Шутка!

Чириковъ. Не чувствуетъ она этого-съ... благодѣянія вашего. Вотъ вы и злитесь.

Рахмановъ. Что съ дуракомъ говорить!

Чириковъ. Нѣтъ, вы въ ножки ей поклонитесь. Прости, молъ, меня.

Рахмановъ. Можетъ, и папенькѣ ея въ ножки?

Чириковъ. И папенькѣ-съ.

Рахмановъ. Что-о?!

Чириковъ. Позвольте-съ...

Рахмановъ. Молчи! Очень ужъ ты расхрабрился! И безъ наслѣдства «говорить» сталъ.

Чириковъ *(съ волненіемъ)*. Есть за кого-съ... Мало говорить: пострадать!

Рахмановъ. Смотри, дождешься какъ разъ! Ну, чертъ съ тобой! Надоѣло. *(Весело)*. Я вотъ о чемъ думаю: не худо-бы встряхнуться, на винокурню съѣздить. А? *(Чириковъ отходитъ съ негодованіемъ)*. Такую гульбу учиню, что чертямъ тошно станетъ! *(Съ одушевленіемъ)*. Заскучали мои гуляки, любушки-голубушки встосковались! Не гудитъ струна, пѣсни нѣту, смѣха веселаго, удали! Велю всѣхъ собрать, и пойдетъ у насъ пиръ горой, душа нараспашку, ха-ха!

Чириковъ. Значитъ и... Клавдію?..

Рахмановъ. А что жъ? Безъ нея какое веселье? Клавдюша захочетъ — мертваго воскреситъ. Свѣтъ изойди — не найдешь другой Клавдіи. *(Уходитъ)*.

Чириковъ *(съ убитымъ видомъ)*. Что жъ это такое?! Опять?! Я напьюсь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чириковъ *и* **Маша** *(изъ коридора)*.

Маша. Вотъ письмо... *(Съ испугомъ)*. Что съ вами? Отчего вы такой?

Чириковъ. Помилуйте! Подлость!

Маша. Да что? Какая?

Чириковъ. Матвѣй Петровичъ... Развѣ можно-съ?.. Я всегда ненавидѣлъ... Даже напивался чрезъ это, чтобъ безобразія не видать... А теперь развѣ можно?

Маша. Объясните пожалуйста!

Чириковъ. Старое-съ!.. На винокурню! Кутежъ!

Маша. Въ самомъ дѣлѣ?! *(Съ болѣзненной улыбкой).* Ну что жъ... *(Медленно рветъ письмо).*

Чириковъ. Зачѣмъ же рвете?!

Маша. Нѣтъ... я раздумала... Къ чему письмо? Папенька узнаетъ, что Матвѣй Петровичъ опять... Ни вамъ, ни письму не повѣритъ. Не нужно, Алексѣй Егоровичъ.

Чириковъ. Нѣтъ-съ, такъ нельзя! Такъ нельзя-съ! Я прямо ему скажу...

Маша *(прерываетъ съ живостью).* Ничего! Ради Бога! Меня это не удивляетъ и... мнѣ все равно.

Чириковъ. Вѣрно-съ. И наплевать! Я отъ себя скажу. Онъ меня мучаетъ. Онъ... я... здѣсь *(ударяетъ себя въ грудь),* здѣсь онъ у меня. Вотъ-съ! Такъ я могу... потому мучился за него. Да-съ! И я скажу ему под-ле-ца!! *(Уходитъ въ чрезвычайномъ волненіи).*

Маша *(не слушала Чирикова, будучи углублена въ свои мысли).* Что-жъ послѣ этого?.. Кончено! Порвалось. *(Садится).* Теперь все видно, какъ на ладони, вся жизнь. *(Поникла головой).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Маша *и* **Лукерья** *(изъ коридора).*

Лукерья. Уѣхалъ нашъ баринъ. *(Садится на скамеечку и берется за чулокъ).*

Маша. На винокурню?

Лукерья *(съ удивленіемъ).* Ку-да?!

Маша. На винокурню, кутить... Тамъ, говорятъ, у васъ веселье бывало...

Лукерья. Не можетъ быть! Срамъ этотъ! Не вѣрьте, матушка.

Маша. Какъ не вѣрить? Правда.

Лукерья. Коли правда, вы-то чего же молчали? Э-эхъ, барыня! А ну какъ баринъ во вкусъ войдетъ, да начнется, какъ до васъ было? Вамъ каково?

Маша. Все равно, тѣмъ бы кончилось.

Лукерья. Не извольте такъ говорить. Нѣтъ-съ, простите старуху, а коли баринъ вправду за старое—на себя пеняйте, сударыня: допустили! И себя губите и барина не жалѣете. Не годится такъ, матушка, не годится! А вы вотъ что-съ: первое — Клавдію вонъ. Зачѣмъ она здѣсь вертится, лукавая?.. *(Входитъ Клавдія. Въ сторону)*. Ну, вотъ! нелегкая принесла!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маша, Лукерья (*вначалѣ*) *и* **Клавдія** *).

Клавдія *(съ низкимъ поклономъ)*. Здравствуйте, барыня! Лукерьюшка, ты спицы искала потоньше. На вотъ!

Лукерья *(сердито)*. Нашла ужъ. Не надо. *(Уходитъ)*.

Клавдія. Вотъ такъ-то всѣ! Каждому какъ-бы обидѣть меня. Да Богъ съ ними! Мнѣ одно: чтобы господамъ угодить, да чтобъ про меня выдумокъ не было. Со зла чего ни сплетутъ!.. *(Подходя)*. Сами изволите шить, ручки портить. Мало у насъ дѣвокъ болтается! Мнѣ бъ приказали...

Маша *(нервно)*. Нѣтъ, я сама. *(Второпяхъ, роняетъ наперстокъ и нагибается поднять. Клавдія проворно поднимаетъ его и подаетъ)*.

Клавдія *(разсматривая шитье)*. Какая строчка у васъ чистая, да ровная! Любо глядѣть. Видать, что много работали. Папенькѣ, чай, сами бѣлье изволили шить?

Маша *(съ волненіемъ, но твердо)*. Скажи, пожалуйста, что тебѣ нужно?

Клавдія *(съ подавленной злобой, отступая и пожимая плечами)*. Простите, барыня... За что изволите гнѣваться?.. Можетъ быть, наговоры...

Маша. Я наговоровъ не слушаю и знать ничего не хочу; но забываться не позволю никому, кто-бы онъ ни былъ! *(Встаетъ и идетъ къ коридору. Клавдія, кусая губы, почтительно даетъ ей дорогу)*.

---

*) Одѣта въ темные цвѣта, очень скромно.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маша, Клавдія *и* **Акулька** (*изъ коридора*).

Акулька. Барыня! Дохтуръ пріѣхалъ. Баринъ приказали доложить, чтобъ вы пожаловали.

Маша. А развѣ Матвѣй Петровичъ вернулся?

Акулька. Вернумшись.

Маша *(идя къ гостиной, про себя, съ горечью)*. Ѣздилъ приказать, чтобы *тамъ* было готово! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Клавдія *и* **Акулька**.

Акулька. Отъ какой хвори лѣчить-то? Хи-хи!

Клавдія. Ихъ дѣло, милая. Куда баринъ ѣздилъ?

Акулька. Кто-жъ его знаетъ! Все бродитъ. Не сидится дома-то.

Клавдія. Съ женою.

Акулька. Съ такою не засидишься! Скоро васъ вспомнитъ, Клавдія Тарасовна. Ужъ вѣрно мое слово, что вспомнитъ.

Клавдія. Э, полно врать!

Акулька. Вчерась сказалъ-же Порфирію: «Клавдія, ай, молъ, больна? Не видно ее?»

Клавдія *(съ живостью)*. Сказалъ?!

Акулька. Накажи Богъ!

Клавдія. А Порфирій что?

Акулька. «Нѣтъ, говоритъ, она ничего».

Клавдія. А баринъ?

Акулька. Ничего не сказалъ.

Клавдія *(съ усмѣшкой)*. И на томъ спасибо.

Акулька. А вы зачѣмъ хоронитесь отъ него? Не видитъ—и мыслей нѣтъ.

Клавдія. Все во-время хорошо.

Акулька. Оно конечно. Особливо на бариновъ нравъ.

Такъ налетишь, что люли! Намедни догадала меня нелегкая сунуться къ нему въ кабинетъ. Ужъ не помню зачѣмъ. У нихъ съ барыней тогда врозь пошло...

Клавдія. Скоренько!

Акулька. А что тамъ любить-то? *(Презрительно)*. Хмъ! Ну, вошла. Онъ ка-акъ зявкнетъ! Господи! Я—словно изъ ружья мною выпалили—такъ полетѣла. Ужъ въ сѣнцахъ опомнилась, накажи Богъ!

Клавдія. Ну вотъ! А то и совсѣмъ вылетишь.

Акулька. Дивлюсь, я на васъ. Да и всѣ мы.

Клавдія. Что удивительнаго?

Акулька. Ужъ очень вы смирили себя. Прежняя-ль то Клавдія Тарасовна! Другая убивалась бы, плакала, иль зло-бъ ее взяло; а вы—похоже какъ говѣльщицы, когда на духъ имъ идти...

Клавдія. Ишь вѣдь ты смѣтливая какая, право ну! *(Погладила ее по головѣ)*. Эхъ, дѣвушка! всяко случается: когда грѣшатъ, а когда и каются.

Акулька. Вонъ! хрычевка кличетъ. Лукерья! Просто дыхнуть не даетъ, мои матушки! Замытарила! *(Уходитъ въ коридоръ)*.

Клавдія. «Забываться» передъ ней! А!... Я гнусь, терплю, мѣста живого въ душѣ нѣтъ отъ муки; а она съ такими рѣчами... Охъ, трудно мнѣ, трудно! Боюсь, что не выдержу!.. Спросилъ про меня. Иль моя ласка вспомнилась? Женина остудила? Ты цѣловать—она слезы глотаетъ, обнимать—точно каменная. Ха-ха! Ногтя твово не стоитъ, а вонъ какъ! Эхъ, баринъ! по тебѣ она, какъ-же! Знаю, какая тебѣ ласка нужна... Бывало, прижметъ онъ къ груди моей буйную голову—свѣтъ въ глазахъ помутится! *(Изнеможенно садится и нѣсколько мгновеній молчитъ)*. Тоска-а!.. *(Ломая руки)*. Гложетъ меня, ѣ-ѣстъ!.. Мѣста себѣ не найду!.. *(Подумала и встаетъ энергично)*. Да постой! Только въ домѣ бы мнѣ удержаться.... А ты, знай, кисни, да тоску нагоняй. Былъ мой и будетъ! Дай срокъ! *(Уходитъ въ коридоръ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Маша *и потомъ* **Рахмановъ**.

Маша *(входитъ изъ гостиной, съ рецептомъ въ рукахъ)*. Докторъ, лѣченье... *(Пожала плечами)*. Точно на смѣхъ! *(Бросаетъ рецептъ на столъ и собираетъ свою работу)*.

Рахмановъ *(входя слѣва)*. Рецептъ у васъ?

Маша. На столѣ. *(Идетъ къ двери)*.

Рахмановъ. Полагаю, что уйти вы успѣете. *(Маша остается и кладетъ шитье на столъ)*. Докторъ нашелъ у васъ нервическое разстройство. *(Садится)*. Вамъ нужно спокойствіе. Насколько могу, я стараюсь его доставить. Но вамъ совѣтуютъ еще пріятную и веселую жизнь. Вотъ ужъ это задача. Какая-же веселая жизнь въ положеніи *жертвы?* Нелѣпость!

Маша *(холодно)*. Я ни на что не жалуюсь и ничего не прошу.

Рахмановъ *(насмѣшливо)*. Покорность судьбѣ—одна изъ женскихъ добродѣтелей. Только однѣ женщины благоразумны при этомъ, а другія... *(Помолчавъ, глядя на Машу, сохраняющую холодный видъ)*. Но я напрасно трачу слова и задерживаю васъ. *(Встаетъ, играя рецептомъ)*. Будемъ надѣяться, что эта аптечная дрянь вамъ поможетъ.

Маша. Не трудитесь посылать за лѣкарствомъ. Я принимать не стану.

Рахмановъ *(вспыльчиво)*. Нѣтъ, станете! *(Прошелся и сердито двинулъ рукою ея шитье)*. Станете и одѣваться приличнѣй. Вамъ нашитъ ворохъ нарядовъ, а вы ими брезгаете и предпочитаете носить свое дѣвичье тряпье!

Маша. Я-бы просила не стѣснять меня въ этомъ. Я не люблю наряжаться.

Рахмановъ *(возвышая голосъ)*. Требую-съ! Упорствомъ въ батюшку!.. Еще: вы совершенно устранили себя отъ хозяйства. Все дѣлается помимо васъ. Отнынѣ хозяйничать будете

вы, распоряжаться, приказывать. Вы держите себя въ домѣ, какъ лишній человѣкъ. Это глупо.

Маша *(съ пылкой энергіей)*. Я и есть лишняя въ домѣ. Лучше всего, если-бъ вы отпустили меня къ отцу. Съ меня довольно!

Рахмановъ. Что такое-съ?!

Маша. Вы сказали, что я покорилась судьбѣ. Нѣтъ, не судьбѣ покорилась я, а насилію...

Рахмановъ. Марья Григорьевна!

Маша. Какъ назвать то, что вы со мной сдѣлали? Что я пережила изъ-за васъ? А отецъ? Его раздавило несчастье. Что вы богаты, да властны, да можете безнаказанно губить людей, такъ и правы? Нѣтъ! Это низко, преступно, и я говорю вамъ это въ глаза. Я выстрадала право на это. Вы сказали «жертва». Смѣетесь! Да, я жертва своеволія, прихоти отвратительной, грязной...

Рахмановъ *(гнѣвно)*. Совѣтую вамъ замолчать!!

Маша. Это вы могли продѣлывать съ крѣпостными, а не со мной. Мой отецъ такой-же дворянинъ, какъ и вы, только съ чистой совѣстью. Вы сказали, что станете жить попрежнему. У васъ повернулся языкъ сказать это! Все, что хотите, Матвѣй Петровичъ, но уважать меня вы должны! *(Уходитъ въ гостиную)*.

Рахмановъ. Каковы разговоры?! Откуда прыть?! А я только что ѣздилъ къ ея отцу! Чертъ дернулъ срамиться! Этого униженія мало: старичишка не удостоилъ меня принять! Боленъ, изволите видѣть! Каковъ?! Ну, любезные, я окорочу васъ: и дочку, и папеньку, съ «чистою совѣстью»!

ЯВЛЕНІЕ II.

Рахмановъ *и* **Клавдія** *(выглянула изъ коридора, притворно пугается и пятится назадъ)*.

Рахмановъ. Что жъ ты? Входи!

Клавдія *(робко съ смущеніемъ)*. Пыль велѣли стереть.

Рахмановъ. Хорошо. *(Ходитъ изъ угла въ уголъ, взглядывая на Клавдію).*

Клавдія *(молча стираетъ пыль съ мебели. Слезы брызнули у нея изъ глазъ. Рахмановъ видитъ это и ходитъ молча. Сдерживаясь, она начинаетъ рыдать, продолжая свое дѣло).*

Рахмановъ *(строго).* Чего?!

Клавдія. Простите, баринъ. По глупости.

Рахмановъ *(мягче).* Полно, дура, полно тебѣ!

Клавдія *(рыдая).* Тяжко!.. тяжко мнѣ, баринъ!.. Такъ тяжко!..

Рахмановъ *(подошелъ и погладилъ ее по головѣ).* Ну, перестань.

Клавдія *(схватила его руки и, упавъ на колѣни, осыпаетъ ихъ поцѣлуями).*

Рахмановъ *(съ волненіемъ).* Встань.

Клавдія *(встала, взглянула на него глазами, полными страсти).* Баринъ! *(Бросилась и прижалась къ его груди).*

Рахмановъ *(нѣсколько мгновеній не мѣшаетъ ей. Вдругъ, взявъ ее за плечи, отстраняетъ отъ себя).* Прочь! Вонъ изъ дома! Въ ткацкую! И не смѣй казаться мнѣ на глаза! *(Быстро уходитъ).*

Клавдія *(поблѣднѣла, какъ полотно и потупилась. Секунду спустя энергично подняла голову. Глаза ея заблистали).* Вонъ!.. Какъ собаку!.. Да что-жъ есть въ тебѣ сердце, иль нѣтъ?! Ты-бы подумалъ: снести-ли мнѣ это, можно-ли жить?! А не то, хватилъ бы меня въ сердце ножемъ— и конецъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная у Рахманова. Прямо—широкая стеклянная дверь на каменную террасу, съ которой въ садъ два боковыхъ схода. Терраса обнесена каменною фигурною балюстрадой. Въ гостиной еще двѣ двери: направо въ залъ, налѣво—въ угольную. Обѣ ближе къ угламъ. Справа и слѣва диваны. Передъ ними по овальному столу, съ бронзовою отдѣлкою. Въ промежуткахъ, по стѣнамъ, кресла и тумбы съ дорогими вазами. Съ потолка виситъ люстра. На стѣнахъ (обои бархатныя, „насыпныя") фамильные портреты въ золоченыхъ рамахъ. Штофныя драпри и портьеры. Во всю комнату коверъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Любочка (*изъ залы*) *и за нею* **Порфирій**.

Порфирій. Барыня, должно быть въ саду-съ.

Любочка. А Матвѣй Петровичъ дома?

Порфирій. Никакъ нѣтъ. Изволили въ поле уѣхать. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Любочка *и* **Маша** (*вошла съ террасы и остановилась въ изумленіи*).

Маша. Ты-ли это?! Люба! *(Бросается ее цѣловать).* Душечка! Милая!.. Какъ-же я тебѣ рада! Вотъ не ждала! Давно-ли пріѣхала? *(Садятся).*

Любочка. Сегодня, и сейчасъ-же прямо къ тебѣ.

Маша. Ахъ, сколько разъ я вспоминала тебя!.. Ну что папенька? Все, все разскажи!

Любочка. Да плохо... Какъ ты сама до сихъ поръ его не провѣдала? Не грѣшно это, Маша?!

Маша. Если бъ можно было, неужели я бы не сдѣлала этого! Богъ съ тобой, Люба!

Любочка. Отецъ горюетъ, убитъ... Вѣдь онъ заживо похоронилъ тебя! Оплакиваетъ, будто тебя ужъ на свѣтѣ нѣтъ!..

Маша. Бѣдный мой, бѣдный!

Любочка. И запрещать дочери видѣться съ нимъ! Жестоко, безсовѣстно!.. Впрочемъ, чего и ожидать отъ Матвѣя Петровича! А ты сидишь, терзаешься тутъ и шага не смѣешь ступить?! *(Рѣшительно)*. Поѣдемъ сейчасъ!

Маша. Сейчасъ?!

Любочка. Ну, да. Я затѣмъ и пріѣхала. Будь увѣрена, я сдѣлаю все, чтобъ тебя *совсѣмъ* отпустили къ отцу. Не вѣкъ-же тебѣ мучиться здѣсь! Старикъ, по крайней мѣрѣ, спокойно умретъ.

Маша. Зачѣмъ ты говоришь объ этомъ?! *(Заплакала)*. Я вѣдь писала папенькѣ...

Любочка. Кого-же могло успокоить твое письмо? Оно еще больше разстроило дядю. «Вотъ какое у нея сердце! Все терпитъ, всему покоряется и скрываетъ, лишь-бы утѣшить меня!» Вотъ, что онъ говоритъ. Однако, мы понапрасну теряемъ время. *(Встаетъ)*. Ѣдемъ!

Маша. Не спѣши, Люба! Пожалуйста!

Любочка. Но отецъ ждетъ. Пойми!

Маша. Сейчасъ пріѣдетъ Матвѣй Петровичъ...

Любочка *(прерываетъ)*. Раскричится на тебя и велитъ сидѣть дома!

Маша. Нѣтъ, Люба... Ты все не то...

Любочка. Такъ что-же?

Маша. Прежде я-бы поѣхала, не сказавшись. Но Матвѣй Петровичъ *самъ* ѣздилъ къ папенькѣ, *первый*...

Любочка. Экая важность!

Маша. Да ты выслушай, выслушай! А папенька не захотѣлъ его видѣть, не принялъ.

Любочка *(горячо)*. А Матвѣй Петровичъ на тебѣ сорвалъ гнѣвъ! Запретилъ заикаться объ отцѣ!

Маша. И неправда. Вотъ какъ ты судишь! Матвѣй Петровичъ даже не сказалъ мнѣ про это. А ему не легко было снести обиду. Вдругъ я, не сказавши ни слова, уѣду съ тобой! Конечно, ему будетъ непріятно... Я не хочу... Зачѣмъ, когда можно безъ этого?

Любочка. Ну, я ничего не понимаю! Да что у васъ?.. Разскажи, пожалуйста, толкомъ.

Маша. Много перемѣнъ, Люба... Матвѣй Петровичъ не тотъ, какъ прежде... гораздо добрѣе. Всѣмъ легче живется...

Любочка. Стало-быть, у васъ уже не «вертепъ», какъ говоритъ дядя?

Маша *(улыбаясь)*. Не вертепъ.

Любочка. Чудеса! И ты вовсе не такъ несчастна, какъ думаемъ мы?

Маша. Вовсе не такъ.

Любочка. Такъ что-же, наконецъ?.. Любишь ты Матвѣя Петровича, что-ли?

Маша. Я?.. Привыкаю...

Любочка. Да говори прямо: любишь?

Маша *(смущенно)*. Не знаю, Люба... Я ничего не знаю...

Любочка *(зорко на нее посмотрѣла)*. Вотъ удивила!.. *(Со смѣхомъ)*. А я-то ломала голову, какъ ее спасти, выручить!.. Ахъ, ты, прелесть моя! *(Обняла и горячо поцѣловала ее)*. Ну и обрадую-же я дядю!

Маша. Расцѣлуй его, моего дорогого! Скажи...

Любочка *(весело перебиваетъ)*. Чѣмъ разсказывать, пусть лучше посмотритъ самъ! Хочешь, я уговорю его пріѣхать сюда?

Маша. Люба! Милая! Если-бъ устроить!

Любочка. Да ужъ положись на меня. Пріѣдетъ. Даже сейчасъ.

Маша. Вотъ будетъ радость! Господи! *(Поцѣловала Любу)*.

Любочка. Ну смотрите, утѣшьте старика! Главное — Матвѣй Петровичъ... Онъ долженъ понять, съ какимъ чув-

ствомъ дядя войдетъ въ его домъ. *(Уходя).* Ужъ это твоя забота! *(Уходитъ, въ сопровожденіи Маши).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Клавдія *(выглянула изъ угольной и входитъ на цыпочкахъ).* Не увидалъ-бы кто!.. *(Прислушалась, проворно заглянула на террасу и въ залъ).* Пошли на крыльцо. Покуда проводитъ, да разговоры... *(Подходитъ къ столу, на которомъ лѣкарство и шаритъ въ карманѣ).* Руки точно не свои... *(Въ сильномъ волненіи, прислушиваясь и озираясь, беретъ пузырекъ, всыпаетъ въ него порошокъ, взбалтываетъ лѣкарство и ставитъ на мѣсто).* Ну, кончено!.. Застанутъ, а ноги не идутъ... *(Хватаясь за голову, съ трудомъ идетъ къ двери въ залъ).* Куда-же я?! Съ ума спятила! Какъ разъ налетишь!.. *(Заглянула въ дверь и разомъ приходитъ въ себя).* Вонъ *она* у окошка... *Его* дожидаетъ... *(Приложила къ двери ухо).* Ну да! Спрашиваетъ: «не ѣдетъ-ли баринъ?» *(Выпрямилась. Стоитъ, гордая, глаза горятъ ненавистью).* Жди! Недолго нарадуетесь! *(Уходитъ черезъ террасу въ садъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маша *и потомъ* **Рахмановъ**.

Маша *(изъ залы).* Ѣдетъ!.. Навѣрно встрѣтился съ Любочкой; а ничего, веселъ... Какой онъ молодецъ на своемъ «Урaганѣ»! И чего я совѣщусь при Матвѣѣ Петровичѣ? Какъ ни крѣплюсь, а не могу быть спокойной... Боже сохрани, онъ замѣтитъ! Вотъ стыдъ!..

Рахмановъ *(входя изъ залы, съ фуражкой).* Чудесный день! Насилу установилась погода... А! лѣкарство! *(Беретъ пузырекъ).* Я и не видалъ! Принимаете? *(Ставитъ пузырекъ на мѣсто).*

Маша. Д-да... Помогаетъ.

Рахмановъ. Вотъ и хорошо, что послушались.

(Краткое молчаніе. Маша что-то вяжетъ крючкомъ. Рахмановъ сѣлъ поодаль и наблюдаетъ ее).

Рахмановъ. Давеча, у дѣвичьяго крыльца, вижу толпа. Больше все бабы. Увидали меня—въ разсыпную. Позвалъ.— Ты къ кому?—къ барынѣ. А ты?—къ барынѣ. Всѣ къ барынѣ, ха, ха, ха!

Маша. Они съ тѣхъ поръ, какъ вы... Одна женщина приходила ко мнѣ... Вы узнали, что ко мнѣ и съ просьбой.... Приказали исполнить... Вотъ они и стали ходить...

Рахмановъ. Хитеръ народъ! Что-жъ, пускай... Такъ и надо, чтобъ васъ любили. Вы по-хозяйски... а меня не мѣшать. А то скажутъ: «обабился», ха-ха-ха! *(Опять краткое молчаніе. Маша низко склонилась надъ работой. Рахмановъ всталъ и, по привычкѣ, ходитъ по комнатѣ.*

Рахмановъ. Хотите къ отцу?

Маша *(съ живостью)*. Домой? То-есть...

Рахмановъ. Ничего, ничего, «домой». Рады?

Маша. Я не тому... Можетъ быть папенька самъ пріѣдетъ... Вы, ѣздили же...

Рахмановъ. Къ кому я ѣздилъ?

Маша. Да... къ папенькѣ...

Рахмановъ. А кто вамъ сказалъ?

Маша. Сказали... И съ Любой мы говорили объ этомъ. Сестра Люба сейчасъ была...

Рахмановъ. А, та!.. «Сердце звѣриное»....

Маша. Какъ «звѣриное?!»

Рахмановъ. Она мнѣ дала это прозвище, еще тогда...

Маша *(въ смущеніи)*. Я просила Любу уговорить... чтобы папенька къ намъ...

Рахмановъ. «Къ намъ»! Это вы хорошо сказали: *къ намъ*.

Маша. Но я не знаю, какъ вы... Если хотите... можно послать...

Рахмановъ. Какой вздоръ! Разумѣется хочу и очень радъ. Но больше радъ тому, что вы приняли къ сердцу....

Маша *(стыдливо)*. Не надо, Матвѣй Петровичъ! *(Встаетъ)*.

Рахмановъ. Приняли къ сердцу, что я ѣздилъ къ старику. А главное, что зовете его *къ намъ*.

Маша. Простите... Меня тамъ ждутъ.... *(Убѣгаетъ смущенная)*.

Рахмановъ *(съ восхищеніемъ, глядя ей вслѣдъ)*. Застыдилась, какъ дѣвочка! Милая! *(Обернулся къ Чирикову)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Рахмановъ *и* **Чириковъ** (*вошелъ на уходъ Маши*).

Рахмановъ. А, философъ! *(Дружески хлопнулъ его по плечу)*. Ну, что ты такъ глупо глядишь?

Чириковъ. Хе-хе-хе!

Рахмановъ. Съ нѣкотораго времени рожа у тебя необыкновенно торжественна. Какъ увидишь меня, такъ ухмыляешься. Что за причина?

Чириковъ. А сами вотъ веселы-жъ вы! *(Подмигнулъ на дверь, въ которую убѣжала Маша)*.

Рахмановъ. Будто и ты оттого-же? Врешь, братецъ, врешь! Должно быть наслѣдство получилъ. А? *(Уходитъ въ садъ)*.

Чириковъ (*со вздохомъ*). Нѣтъ еще-съ. Даже про наслѣдство думать забылъ!... *(Пошелъ къ двери въ залу)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чириковъ *и* **Акулька** (*изъ угольной*).

Акулька. Алексѣй Егорычъ! *(Таинственно киваетъ и подзываетъ его)*. А Клавдія опять въ хоромы пришла. Накажи Богъ! Баринъ не приказали, а она опять. Вы бы сказали ему! *(Чириковъ молчитъ и пытливо смотритъ на нее)*. Ей бабушка говоритъ: зачѣмъ? А она: «кое-что изъ добра, говоритъ, еще не взяла». О сю пору не выбралась!

Чириковъ. Эхъ, Акулина!

Акулька. Что Акулина? Акулина и есть. Ишь нажила сколько! На возахъ вывози! Дай замужъ отдадутъ, муженекъ

все растрясетъ. Знаемъ мы Карпа Кондратьевича, каковъ онъ есть сахаръ!

Чириковъ. Развѣ Клавдію выдаютъ замужъ?

Акулька. А то что-жъ! Велѣно-жъ ей въ Лозовку ѣхать. А Карпъ прикащикомъ тамъ. И пріѣзжалъ просить барина, чтобъ отдали за него Клавдію. Баринъ и велѣлъ.

Чириковъ. И врешь! А Карпъ нахвасталъ. Вольную ей дадутъ. А тебѣ стыдно. Взъѣлись на Клавдію, точите... За что?

Акулька. Я что-жъ... я на нее сердцовъ не имѣю. А трудно ей уѣзжать. Накажи Богъ! Лица на ней нѣту, Алексѣй Егорычъ. Она еще что: гдѣ барыня, спрашиваетъ! Знать, хочетъ на послѣдяхъ поклониться. *(Уходя, про себя)*. Значитъ, вольную! *(Съ живостью)*. А я что говорила? Нѣтъ, спорятъ: за прикащика! Вотъ я имъ носъ и утру! *(Уходитъ въ угольную)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Чириковъ, Рахмановъ *и потомъ* **Маша**.

Рахмановъ *(изъ сада)*. Ахъ, хорошо! Вотъ Алексѣй Егоровичъ, жили мы, жили съ тобой и дожили! А?

Чириковъ. Слава Богу, Матвѣй Петровичъ.

Рахмановъ. И все-то мнѣ мило, на все сердце радуется! И на тебя радуется. Помнишь, какъ ты нализался въ «удрученіи», да «не бѣлы снѣги» пѣлъ? Я, братъ, этихъ «снѣговъ» во всю жизнь не забуду. *(Взялъ его за плечи. Чириковъ потупился тронутый)*. Ты намъ много помогъ, много! *(Обернулся къ входящей Машѣ *) и отступилъ въ удивленіи)*. Батюшки! *(Чириковъ, радостно потирая руки, уходитъ въ залъ)*.

Маша. Я встрѣтить папеньку... *(Остается близъ двери, смущенная)*.

Рахмановъ *(любуется ею)*. Хорошо! чудо какъ хорошо! *(Дѣлаетъ къ ней порывистое движеніе, но изъ залы вбѣгаетъ Чириковъ)*.

*) Маша изящно одѣта и украшена драгоцѣнностями.

Чириковъ (*впопыхахъ*). Ѣдетъ, ѣдетъ! Григорій Михайловичъ ѣдетъ!

Рахмановъ. А-а! Пойдемъ-же встрѣчать, пойдемъ! (*Взялъ Машу за руку и уходитъ съ нею въ залъ, въ сопровожденіи Чирикова*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Акулька *и* **Полька** (*пробираются на цыпочкахъ изъ угольной двери въ залъ*).

Акулька. Ну-ка, ну! Какъ баринъ тестя-то встрѣтитъ? (*Пріотворили дверь и смотрятъ въ нее*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же *и* **Лукашка** (*неуклюже пробѣгаетъ на цыпочкахъ, размахивая руками и становится къ двери*).

Акулька (*отталкивая Лукашку*). Навалился! Корявый!

Полька. Вонъ они! Глянь! Старый баринъ заплакалъ!

Лукашка. И то! Ишь!

Акулька (*всхлипывая*). Заплачешь, дѣвушка! Нешто не заплачешь!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Варька *и* **Порфирій** (*проходятъ черезъ комнату, при чемъ Порфирій обнялъ Варьку*).

Варька (*увертываясь*). Да ну тебя! Что въ самомъ дѣлѣ!..

Порфирій (*осклабился*). А что?

Варька. То! Глупость отъ этого произойтить можетъ. Отстань! (*Присоединяется къ остальнымъ*).

Порфирій (*презрительно*). Уставились! Вороньё!

Полька. Барыня-то какъ разрядилась!

Лукашка. Дюже хорошо!

Акулька. Идутъ! (*Всѣ шарахнулись черезъ комнату въ угольную. Лукашка споткнулся и чуть-чуть не упалъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ивковъ*), Рахмановъ *и* **Маша.**

Рахмановъ *(почтительно)*. Садитесь, батюшка. Покорно прошу! Очень, очень радъ, что удостоили посѣтить насъ. Пожалуйте, здѣсь вамъ будетъ покойнѣе. *(Усаживаетъ Ивкова на диванъ. Маша подкладываетъ ему за спину шитую подушку).*

Ивковъ. Благодарю, сударь мой, за ваше привѣтствіе.

Маша. Папенька! Какъ вы ужасно перемѣнились! *(Горько заплакала. Рахмановъ смущенно опустилъ голову).*

Ивковъ. Не плачь, дочка, не плачь! *(Привлекаетъ ее къ себѣ и гладитъ по головкѣ).* Къ тому идетъ. Время... Ну, какъ ты? Дай-ка на тебя поглядѣть! *(Пытливо и грустно смотритъ ей въ глаза).*

Маша. Я слава Богу...

Ивковъ *(недовѣрчиво)*. Вотъ и хорошо! *(Вздохнулъ и грустно задумался).*

Маша. Я правду говорю, папенька! Не для того, чтобъ утѣшить васъ. Не извольте такъ думать. Чистую правду!

Ивковъ. Въ одно слово съ Любой... *(Переводитъ взглядъ на Рахманова).*

Рахмановъ. Понимаю васъ, батюшка.

Ивковъ. Я вѣдь ничего не говорю, сударь мой.

Рахмановъ. Какъ вамъ быть покойнымъ за Машу? Я слишкомъ много надѣлалъ вамъ зла, оскорбилъ васъ, ее... Чего вамъ стоило это—видно по васъ, васъ трудно узнать. Вѣрьте, мнѣ тяжело, батюшка!

Маша *(радостно, ласкаясь къ отцу)*. Слышите, папенька?

Рахмановъ. Маша такъ отвѣтила вамъ, будто она счастлива. Вѣрить-ли?—Не знаю.

Ивковъ. А по какой причинѣ, смѣю спросить?

Рахмановъ. Очень понятно. Вы знаете Машу. Знаете

---

*) Ивковъ входитъ, опираясь на клюку. Онъ ужасно постарѣлъ и осунулся.

таковъ я, какъ я жилъ... Многое нужно, чтобъ Маша дѣйствительно была счастлива; чтобы въ сердцѣ ея не оставалось ни горечи, ни сомнѣній, ни страха за будущее. Могу-ли я сдѣлать это—не знаю. *(Съ любовью глядя на жену)*. Одно знаю и знаю твердо, что всей душой хочу ея счастья... этимъ живу.... что.... *(Волненіе прерываетъ его рѣчь)*.

Маша *(слушавшая его, съ возрастающимъ восторгомъ, вдругъ подходитъ и крѣпко цѣлуетъ его)*.

Рахмановъ. Маша!! *(Страстно привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ еще разъ)*. Вотъ, батюшка!.. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ!

Ивковъ. Этому какъ не вѣрить! *(Растроганъ)*. Да благословитъ васъ Господь и сохранитъ Своей святой милостью! *(Встаетъ. Маша цѣлуетъ его руки)*. Простите меня! Я точно не вѣрилъ, Матвѣй Петровичъ... У старика душа не отходчива. Страхъ, безпокойство... Тяжко было мнѣ, правда. Я не могъ помыслить, чтобы вы были къ Машѣ такъ хороши, ласковы...

Рахмановъ. Да можно-ли иначе? Коли въ душѣ есть что хорошаго, она угадаетъ, найдетъ!—Вотъ, молъ, этимъ живи по-людски!

Ивковъ. Спасибо, зятюшка! Успокоили вы меня. *(Протягиваетъ къ нему объятія. Рахмановъ цѣлуетъ старика)*. Ну, теперь отпустите меня.

Маша *(съ мольбой)*. Папенька! милый!

Ивковъ. Нѣтъ, нѣтъ! Хочется поскорѣй видѣть васъ у себя, принять съ хлѣбомъ-солью, какъ должно. Люба хлопочетъ, къ обѣду васъ ждетъ. Милости просимъ!

Рахмановъ. Пріѣдемъ, батюшка, съ радостью!

Ивковъ. Ну вотъ!.. Рада, Машурка, подъ родительскій кровъ?

Маша. Рада, папенька! *(Ивковъ растроганный, поцѣловалъ дочь и идетъ въ залъ въ сопровожденіи Маши. Рахмановъ отворилъ ему дверь и уходитъ за нимъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Клавдія (*изъ сада на порогъ террасы. Съ волненіемъ*).

Пила?.. Нѣтъ. Сколько было, столько и есть. (*Глубокій вздохъ облегчаетъ ей грудь*). Страхъ какой!.. Кажется, у всякаго *одно* про меня на умѣ... Только всыпала; а что-же *тогда?*.. (*Молчитъ, раздумывая, причемъ раза два быстро взглянула на пузырекъ*). Или разбить мнѣ его, выбросить?! (*Съ рѣшимостью входитъ въ комнату*). А потомъ что?... Была уже петля на шеѣ... Если-бъ не вошли, лежала бы я въ сырой землѣ... Не жалѣть-ли мнѣ ихъ, въ радости ихней, да милованьи?! Ха-ха! Сердце выболѣло, нечѣмъ жалѣть. Либо она, либо я! (*Энергично пошла къ террасѣ*).

Ивко...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

грустно задумался). *въ концѣ* **Рахмановъ** (*за сценой*).

Маша. Я правду го...

утѣшить васъ. Не извольте та...). Ахъ!.. Какъ ты меня испугала!

Ивковъ. Въ одно слово съ ...

...Рахманова). ...че ѣхать велятъ...

...мановъ. Понимаю васъ, ... *я за пузырекъ съ лѣкар-*

...ъ. Я вѣдь ничего не говор... чемъ-нибудь попросить...

...въ. Какъ вамъ быть по... *аша беретъ со стола*

...дѣлалъ вамъ зла, оско... *зырекъ. Маша удивлен-*

...но по васъ, васъ тру... такъ Богъ здоровья

...ласкаясь къ отцу

...Чозовскій прика-

такъ отвѣтила вам...

...аю.

...причинѣ, смѣю спро... послушаетъ, не

...онятно. Вы знаете ...

не сдѣлаетъ

...ъ на клюку. Онъ ужасно...

Клавдія. Мудрено.

Маша. Что такое?

Клавдія. Успокоиться мнѣ...

Маша *(съ волненіемъ).* Ну это... я тутъ ничего не могу... *(Наливаетъ лѣкарство. На лицѣ Клавдіи борьба и ужасъ. Она готова вырвать ложку, чего Маша не видитъ, стоя къ Клавдіи спиной).*

Рахмановъ *(въ залѣ).* Маша! Гдѣ ты?

Клавдія *(слабо вскрикнула, схватилась за голову и въ мгновеніе исчезаетъ въ угольную).*

Маша *(поспѣшно проглотила лѣкарство и, бросивъ ложку, идетъ навстрѣчу).* Здѣсь я, здѣсь!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маша *и* **Рахмановъ.**

Рахмановъ *(войдя, горячо поцѣловалъ жену).* Ну, Маша, прости меня! за все, за все!

Маша. Богъ съ тобой, милый! Зачѣмъ вспоминать!...

Рахмановъ. Мнѣ одно оправданіе: не возьми я силой, отецъ не отдалъ-бы тебя и ты сама-бы за меня не пошла. А безъ тебя, я бы погибъ.

Маша. Вотъ ты что говоришь!

Рахмановъ. Да, Маша, да! Если-бъ не ты, до чего бы довела меня прежняя жизнь? Вотъ почему я и полюбилъ тебя такъ. Сначала, когда я увезъ тебя и женился, я не понималъ этого. Еще бродили старыя дрожжи. Я то любилъ тебя, то ожесточался. Я не понималъ, что ты дожна была чувствовать, ты—нѣжная, чистая. Надо было многое сломить въ себѣ, чтобы понять. Но я уже не переставалъ думать о тебѣ, къ прежнему не могъ возвратиться, я сталъ уже *твой.* Я удивлялся себѣ, что поѣхалъ къ твоему отцу, но поѣхалъ...

Маша *(смѣясь).* Вмѣсто винокурни! Ахъ, какъ я обрадовалась! Я тогда же узнала. И какъ мнѣ было стыдно, что я вспылила! Помнишь? До тѣхъ поръ я думала, что это не любовь.

а забава, капризъ. Горько мнѣ было, обидно! А тутъ словно камень съ души. И все ужъ въ другомъ видѣ представилось. Во всемъ я стала искать твоей любви, даже въ томъ, за что негодовала. Само сердце подсказывало... Тутъ я поняла, что давно ужъ люблю, можетъ быть съ первой встрѣчи... *(Вдругъ взялась за голову и болѣзненно вздохнула).*

Рахмановъ *(тревожно).* Что съ тобой? Головка болитъ?

Маша. Нѣтъ... Прошло. Ужъ день такой... Какъ не закружиться головѣ! Столько радости! *(Созерцательно).* Ясно, ясно вижу, какъ мы встрѣтились въ первый разъ, все до черточки! *(Глядя на него).* Я еще раньше думала о тебѣ, да!.. Про тебя разсказывали такія чудеса, ужасы!..

Рахмановъ. Всего было, Маша!.. Милая *(Цѣлуетъ ее).*

Маша. Меня очень занимало: что ты за человѣкъ? каковъ собой?.. Я помнила нянины сказки и выдумывала свои. А героемъ былъ ты... *(Изнеможенно).* Будто предчувствовала, что ты придешь и возьмешь мое сердце... жизнь...

Рахмановъ. Маша! Ты, право, нездорова!

Маша. Нѣтъ, милый... не безпокойся... Такъ ты любишь меня? очень любишь?

Рахмановъ. Какъ только можно, радость моя! *(Нѣжно привлекаетъ ее къ себѣ).*

Маша *(слабѣющимъ голосомъ).* Милый... какъ хорошо!.. *(Впадаетъ въ забытье и склоняется къ нему на грудь).*

Рахмановъ *(въ испугѣ).* Маша! *(Она молчитъ).* Маша!! Господи, да что съ нею?! Маша!!.. *(Съ ужасомъ смотритъ на нее).*

Занавѣсъ быстро падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Просторная ткацкая изба. Прямо два окна и одно налѣво. Дверь справа, къ авансценѣ. Въ правомъ углу печь. Прямо, между окнами, ткацкій станокъ. (Изъ этихъ оконъ видѣнъ садъ и каменная ограда). По лѣвой стѣнѣ лавка, столъ и скамья. Справа, отъ печи до двери, помость и палати. Тутъ нѣсколько сундуковъ и узловъ На столѣ краюха хлѣба, ножъ, деревянная солонка, чашка и горитъ сальная свѣча. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клавдія *и* **Никитишна** (*спитъ на помостѣ*).

Клавдія *(задумчиво сидитъ на скамьѣ)*. Лѣкаря привезли!.. Ничего онъ не сдѣлаетъ, нѣтъ! Не встать ей... И узнать не узнаютъ, ужъ зелье такое... А все на меня станутъ думать, ея—скажутъ—дѣла... Не пустилъ же бурмистръ въ Лозовку.— «Повремени, говоритъ, не до тебя; а можетъ и понадобишься». Значитъ, есть въ головѣ... *(Тоскливо)*. А ты точно Каинъ!.. Каждаго бойся, дрожи!.. *(Заплакала)*. Что они со мной сдѣлали! До чего довели!..

Никитишна *(просыпается. Хрипло.)* Кха-кха-кха!.. Господи помилуй! *(Громко зѣвнула)*. Ай не ложилась?

Клавдія. Спи, бабушка. Еще рано.

Никитишна. Жутко тебѣ, что ли? Съ огнемъ сидишь.

Клавдія. Сна нѣту. Неможется. Скучно въ потемкахъ лежать.

Никитишна. И то правда: какое тебѣ спокойствіе! Ночами-то пуще мысли одолѣваютъ. Э-эхъ-ма! *(Перевертывается на другой бокъ)*. Извелась, бѣдная! *(Зѣваетъ)*. Господи, помилуй! *(Засыпаетъ)*.

Клавдія. Что *тамъ* дѣлается?.. Ужъ поскорѣй-бы конецъ! Мочи нѣтъ дожидать!.. *(Глядя на окно)*. Охъ, завы-ылъ!

Скверная собака: какъ ночь, такъ выть!.. Ишь, заливается!.. За душу тянетъ!.. *(Робко).* А, можетъ быть, по покойнику!.. Можетъ, она ужъ холодная, какъ восковая лежитъ... *(На лицѣ ея страхъ).* А вѣдь она приходить ко мнѣ будетъ!.. Будетъ, будетъ!.. Скажетъ: «за что извела? Нешто я виновата? Силой взяли, силой повѣнчали... Гнала-ли я тебя, притѣсняла-ли? Слова не сказала дурного. За что же ты загубила меня?..» Вотъ съ чѣмъ придетъ. Какъ схоронятъ, въ ту ночь и придетъ... *(Вздрогнула),* Что это?! *(Съ ужасомъ обвела глазами всю избу и бросается будить старуху).* Бабушка!.. Бабушка!

Никитишна *(спросонья).* А!.. что ты?.. *(Садится).* Что съ тобой, матушка?

Клавдія. Я такъ... ничего...

Никитишна. Али что померещилось?.. Крыса скребется въ подпольѣ — что страшнаго?

Клавдія. Ничего я... Сама не знаю.

Никитишна. О-о-охъ! *(Сострадательно покачала головой и помолчала съ секунду).* Дурно мнѣ приснилось про тебя, Клавдія...

Клавдія *(сдавленнымъ голосомъ).* Что приснилось-то?

Никитишна. Можетъ и такъ оно... Зачѣмъ тебя понапрасну тревожить! *(Встаетъ).* Никакъ разсвѣло. Слава-те Господи! *(Напяливаетъ сермяжный халатишко).* Скотину пора выгонять. А ты хоть теперь бы заснула. Все бъ часокъ другой, анъ и полегчаетъ. *(Поплелась къ двери).* Господи, помилуй! *(Уходитъ).*

Клавдія. Если такъ мучиться, что-жь это за жизнь?! *(Задуваетъ свѣчку. Въ окна видна заря).* Вонъ лошадей подаютъ. Должно быть, лѣкарю. Видно, ему ужъ нечего дѣлать: *кончено!..* Узнать бы! Развѣ спросить у кого?.. *(Пошла къ двери).* Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно!.. А тихо. *(Подняла боковое окошко).* Ни шуму не слыхать, ни голосьбы... *(Отходитъ отъ окна).* Да, кончено! Словно что оборвалось во мнѣ давеча. Кончено, вѣрно. *(Садится, подавленная).* Тяжко!.. *(Взялась за голову и такъ остается нѣсколько мгновеній).* Вѣдь чуть не

вырвала у ней ложку-то!.. Видно, не судьба! Что жъ этакъ-то!.. *(Энергично встаетъ)*. Нѣтъ, за умъ взяться надо! Еще будеть время, накаюсь! *(Оживляется)*. Неужто вернутся мои красные дни?.. Долго ли жили, чтобъ такъ ужъ привыкнуть? Развѣ ему и жизнь не въ жизнь безъ нея? За что такъ любить?.. А меня-то онъ не любилъ? — Вспомнить! Есть чему вспомниться!.. *(Ходитъ. Походка ея тверда и увѣренна. Лицо дышитъ энергіей)*. Такъ-то лучше, чѣмъ томить себя, да голову вѣшать!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Клавдія *и* **Акулька** *(вбѣгаетъ)*.

Акулька. Насилу урвалась къ вамъ! Дай, думаю, сбѣгать, сказать Клавдіи Тарасовнѣ... Фу! и умаялась! Всю-то ночь на ногахъ, накажи Богъ!

Клавдія *(съ усиліемъ)*. Ну что?.. какъ?..

Акулька. Да, слава Богу, отходили! совсѣмъ отходили!

Клавдія *(поражена)*. Ну, вотъ и... и хорошо... *(Вздохнула свободно)*. Всѣмъ радость...

Акулька. Ужъ такая-то радость! Вѣдь ангелъ какой! Въ постелкѣ сидитъ, чай кушать изволитъ. А баринъ ра-адъ! Господи -батюшка!

Клавдія. Лѣкарь-то что-же?

Акулька. Что лѣкарь! Яду, говоритъ, поддано.

Клавдія *(въ ужасѣ)*. Я... я-ду?!

Акулька *(зорко ее наблюдаетъ)*. Да-а! Спасибо, говоритъ, во время захватили, а то-бъ ничего не подѣлать.

Клавдія. Полно такъ ли? Развѣ не бываетъ: вдругъ разнеможешься? А лѣкарю что ни соврать, больше бы заплатили.

Акулька. Стало-быть, видно ему: такъ ли съ барыней, али поддали. Я какъ услыхала про это... Господи-батюшки! — подкатило подъ сердце — не продохну! Такъ испужалась, такъ испужалась!..

Клавдія. Какъ не испугаться, ежели правда!

Акулька. И у кого рука налегла сдѣлать это?! Чтобъ ему ни дна, ни покрышки, проклятому!

Клавдія. И у барыни одни рѣчи съ лѣкаремъ?

Акулька. Станетъ она!.. этакій ангелъ! Нѣтъ. Баринъ допытывался: что пила, кушала? кто подавалъ? Не былъ ли кто въ горницѣ изъ дворовыхъ? А у барыни одинъ отвѣтъ: «оставь, ради Христа! Быть, говоритъ, этого не могло. И слышать не хочу!» *(Клавдія задумывается)*. А вы что жъ вчерась не уѣхали?.. *(Язвительно)*. Бурмистръ не пустилъ, сказываютъ?

Клавдія *(очнувшись отъ задумчивости)*. Что говоришь?

Акулька. До моей ли вамъ болтовни! Ишь какая сидите!.. Побѣгу. Неравно хватятся. Съ вами еще бѣды наживешь! *(Убѣгаетъ)*.

Клавдія. Все прахомъ!.. Съ чѣмъ я осталась? Только тяготы прибыло... Душу свою губила, на вѣчную муку шла, только бъ пожить съ нимъ попрежнему!.. Не самъ ли манилъ меня, привораживалъ? Люби, говорилъ, меня, не такъ, какъ другія. Всѣ онѣ дрянь передъ тобою. Такъ люби, чтобъ не скучать мнѣ, чтобъ охмѣлѣлъ я отъ любви этой! Чьи рѣчи? Что ты ими надѣлалъ?.. Откуда что взялось! Точно спала я до тѣхъ поръ, да проснулась. Прихлынуло къ сердцу, душу что полымемъ охватило, сама не узнала себя... Вотъ ты что сдѣлалъ со мною и... бросилъ. Вольна-ль я въ себѣ послѣ этого?!

ЯВЛЕНІЕ III.

Клавдія, Лукашка и парень *изъ дворни (всунулись въ избу чрезъ поднятое окно и глазѣютъ на Клавдію)*.

Лукашка. Гляди-ко-сь: сиди-итъ.

Клавдія *(вставая)*. Вамъ чего нужно?

Лукашка. Ничаво. Поглядѣть.

Клавдія. Что не видали? Пошли прочь!

(Подъ другими окнами, на дворъ, сбираются дворовые, больше женщины).

Луканка *(не двигаясь, парню)*. Надо быть, карауль къ ней приставять!

Парень. А то какъ-же! Караулъ первымъ дѣломъ... *(Отъ напора любопытныхъ, разбивается одно изъ оконъ, что въ глубинѣ. Зазвенѣло стекло).*

Клавдія *(съ крикомъ)*. Что-жъ это такое?! Прочь! всѣ! Прочь, говорю! *(Опускаетъ боковое окно. Одинъ изъ толпы крикнулъ: «баринъ»! Всѣ разбѣгаются).*

Клавдія. Вотъ ужъ какъ!.. всѣ!! Нѣтъ, докажи! Кто видѣлъ? кто знаетъ? Говорить можно все. Докажи-и!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клавдія *и* Рахмановъ.

Рахмановъ *(съ подавленнымъ гнѣвомъ, спокойно)*. Нашелся лиходѣй, умыслилъ барыню отравить. Ты?

Клавдія. Ничего я про это не знаю.

Рахмановъ. Не знаешь. Вчера утромъ ты была въ хоромахъ. Зачѣмъ?

Клавдія. Барынѣ поклониться, попросить, чтобъ замужъ меня не неволили. Слышала, что хочешь меня за прикащика сбыть, концы схоронить. Милостивъ больно. У насъ барыня всѣмъ вертитъ. Къ ней и пошла. Заступись, молъ, матушка. Довольно надо мной надругались! Не вели мужу себя срамить. Вѣрною я была полюбовницей. И душа, и красота моя — все въ него ушло. А онъ меня прикащику отдаетъ, мужику. Развѣ мужикъ ему ровня?

Рахмановъ *(сдерживаясь съ трудомъ)*. Придержи языкъ!

Клавдія. Намолчалась я. Будетъ. Молчала, пока сердце не выболѣло! *(Сложила на груди руки и отвернулась).*

Рахмановъ. Я не выдавалъ тебя за приказчика. Врешь! Такъ и сказать велѣлъ. Значитъ, ты за другимъ приходила?

Клавдія. Сказать мнѣ сказали, да какъ тебѣ вѣрить? Говорилъ же, что любишь меня, не промѣняешь *ни на кого*. Вѣдь говорилъ? Ничѣмъ я не провинилась. Любила: бѣлый свѣтъ въ тебѣ былъ — вотъ какъ любила! А выгналъ же, какъ собаку негодную выгналъ! Пусть твоя барыня такая-сякая золотая, хорошая. Да мнѣ-то что? Легче-ль отъ этого? А ты прогналъ и думать обо мнѣ позабылъ. Вотъ какъ тебѣ вѣрить!

Рахмановъ, Значитъ, не ты дала яду?

Клавдія. Экъ тебѣ хочется меня доканать! Сказала — не я.

Рахмановъ *(настойчиво)*. Такъ не ты?

Клавдія. Не вѣритъ. Пытать будешь? Пытай. Хоть на куски рѣжь. Лютѣй той пытки, что я вынесла изъ-за васъ — не придумать.

Рахмановъ. А что было бъ, если-бъ барыню схоронили, а дѣло бы не открылось? Думала ты?

Клавдія. Съ чего жъ было думать? Развѣ я знала, что барыня захвораетъ?

Рахмановъ. Не все же мнѣ горевать! Потосковалъ бы и полно. А тутъ ты... Лукавишь, льнешь, ластишься... И сталъ бы я вспоминать, какъ мы жили съ тобою. А жили ничего, весело...

Клавдія *(съ волненіемъ)*. Не говори такъ! оставь!

Рахмановъ. Старая любовь долго помнится... И сталъ бы я заглядываться на тебя...

Клавдія. Не дразни, баринъ!

Рахмановъ Дальше, да больше...

Клавдія *(дрожащимъ голосомъ)*. Баринъ!!

Рахмановъ. И опять сталъ-бы цѣловать-миловать Клавдюшу... *(Клавдія вдругъ зарыдала. Тихо)*. Ты отравила?

Клавдія *(рыдая)*. Хоть-бы крошечку пожалѣлъ!.. Господи!..

Рахмановъ *(кротко)*. Сознайся: ты?

Клавдія *(переставая рыдать)*. Я.

Рахмановъ *(глаза его сверкнули. Глухо)*. А въ чемъ дала?

Клавдія *(понурившись)*. Въ лѣкарствѣ.

Рахмановъ *(съ яростью)*. Подла-я!! Змѣя!! *(Схватилъ со стола ножъ и замахивается)*.

ЯВЛЕНІЕ V и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же *и* Маша.

Маша *(схватываетъ мужа за руку)*. Матвѣй Петровичъ!!

Рахмановъ *(задыхаясь)*. Она... она дала яду!..

Маша. Ради Бога!.. Я ужъ просила тебя!..

Рахмановъ *(бросаетъ ножъ на полъ)*. Рукъ не хочу марать! Кандалы, плети, каторга — вотъ тебѣ что! *(Машѣ)*. Пойдемъ, милая! Зачѣмъ ты пришла?!

Маша. Я видѣла по тебѣ, предчувствовала... *(Закрываетъ руками лицо)*. Ужасъ какой!!

Рахмановъ *(беретъ ея руки)*. Пойдемъ, голубка моя!

Маша. Ты простишь... Она слишкомъ несчастна!..

Рахмановъ. Ее простить?!

Маша. Если любишь меня, прости!

Клавдія *(насмѣшливо)*. Простишь? Любишь — долженъ простить.

Рахмановъ *(круто повернулся къ Клавдіи)*. Что?!

Маша *(бросается къ нему)*. Не слушай, не слушай ее! Она сама не знаетъ, что говоритъ. Ты долженъ понять... все... Пускай ѣдетъ. Позволь!

Клавдія. Нужно ли мнѣ прощенье твое? Что имъ дѣлать? Все отняла, душу выѣла — и прощаетъ!!

Маша. Милый! пожалуйста!..

Рахмановъ *(взявъ Машу за талію, послѣ краткаго колебанія)*. Ну, будь по-твоему. *(Обернувшись къ Клавдіи черезъ плечо)*. Слышала? Уѣзжай!

Клавдія *(изступленно)*. Ку-да?! Загубили и милуютъ! А мнѣ жизнь вотъ какъ нужна!.. *(Мгновенно поднимаетъ съ пола ножъ)*. Вотъ!! *(Зарѣзывается. Маша съ крикомъ прячетъ лицо на груди Рахманова)*.

Занавѣсъ

ПРОСТАЯ ИСТОРІЯ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Въ третьемъ дѣйствіи двѣ картины).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Яковъ Андреевичъ Сильвачевъ, командиръ резервнаго батальона, среднихъ лѣтъ.

Анна Марковна, жена его.

Сергѣй Прокофьевичъ Развадовъ, купецъ, лѣтъ подъ сорокъ холостой.

Никандръ Прокофьевичъ, братъ его, лѣтъ 27-ми.

Вѣра Дмитріевна, жена его, молодая женщина.

Алексѣй Ивановичъ Ветенскій, помѣщикъ, родственникъ Сильвачева, пожилой.

Аравинъ, молодой человѣкъ.

Агафья, бѣдная женщина, старушка.

Власъ, старый лакей Сильвачева.

Степанъ, довѣренное лицо Развадовыхъ, старикъ.

Татьяна, горничная Развадовыхъ.

Мальчикъ.

Почтальонъ.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ торговыхъ городовъ средней Россіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Городской садъ. Поперекъ сцены липовая аллея. На ней скамья. Въ глубинѣ большіе кусты сирени, образующіе бесѣдку, къ которой съ аллеи ведетъ усыпанная пескомъ дорожка. Дальше деревья. За ними видъ города.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сильвачевъ (*въ кителѣ, снявъ фуражку, задумчиво сидитъ на скамьѣ*) *и* **Почтальонъ** (*справа*).

Почтальонъ. Господинъ полковникъ, вамъ письмо-съ. *(Ищетъ его въ сумкѣ).*

Сильвачевъ. Есть?

Почтальонъ. На домъ къ вамъ несъ. Извольте получить. *(Отдаетъ конвертъ и, поклонившись, уходитъ влѣво).*

Сильвачевъ. Отъ жены... Ничто не можетъ такъ разстроить меня, какъ эти письма!.. Изящный конвертъ, вычурный штемпель... твердый, холодный почеркъ... Онъ такъ же красивъ, какъ она, и такъ же... бездушенъ. *(Нервно вскрываетъ конвертъ и, вынувъ письмо, бросаетъ конвертъ на землю).* Конечно — денегъ. Знаю заранѣе. *(Читаетъ. Усмѣхнулся).* Ну, такъ, такъ!.. Для того и живу, чтобы посылать туда деньги. Все кончено между нами, все!.. Но это не мѣшаетъ пользоваться моими средствами, чуть не требовать въ нихъ отчета. И это послѣ того!.. Лучше не вспоминать! *(Взглянулъ на подпись).* «Любящая тебя жена»! *(Горько усмѣхнулся).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Сильвачевъ *и* **Ветенскій** (*быстро входитъ слѣва*).

Ветенскій. А, Яковъ Андреевичъ!.. Батюшки, какой хмурый! Что съ тобой?

Сильвачевъ *(пожимая ему руку).* Ничего.

Ветенскій. Я, кажется, засталъ тебя за письмомъ. *(Поднялъ конвертъ)* По-ни-ма-ю! Рука прелестной кузины ха, ха! Получилъ?

Сильвачевъ. Да.

Ветенскій. Не желаетъ ли она возвратиться къ законному сожительству?.. Не пугайся. Поблѣднѣлъ даже. *(Садится).*

Сильвачевъ. Есть вещи, которыми не шутятъ, Алексѣй Ивановичъ!

Ветенскій. Я и не шучу. Скажи, пожалуйста, что ей отъ тебя нужно? Она постыдно бросила тебя... Непостоянство у насъ, Ветенскихъ, въ крови, ха, ха!.. Она укатила за этимъ князькомъ въ Петербургъ и тамъ почти открыто сожительствуетъ съ нимъ.

Сильвачевъ *(рѣзко)*. Прошу — перестань!

Ветенскій. Но, любезный другъ, бросаютъ и прекрасныхъ людей. Это дурно рекомендуетъ не ихъ, а женщинъ, которыя такъ поступаютъ. Да, Annette создала тебѣ весьма гнусное положеніе. Но если ты киснешь въ немъ — самъ виноватъ.

Сильвачевъ. Я уже просилъ... Тебѣ непремѣнно нужно говорить о томъ, что меня раздражаетъ. Болтунъ!

Ветенскій. Не болтовня, а участіе...

Сильвачевъ. Полно, пожалуйста!.. Да если-бъ и участіе, то я его не прошу. Сплетничаютъ также подъ видомъ участія. А ты любишь-таки... Люди праздные всегда таковы.

Ветенскій. Согласенъ. Я праздный человѣкъ. Пьянствую, якшаюсь со всякой дрянью и такъ далѣе. Но все это не мѣшаетъ мнѣ относиться къ тебѣ съ участіемъ и ясно понимать твое положеніе. Будь я на твоемъ мѣстѣ, неужели — думаешь — я допустилъ бы испортить всю свою жизнь, какъ допустилъ это ты? У тебя всѣ права на разводъ. Отчего ты имъ не воспользовался? Мало того, ты остаешься въ какой-то зависимости отъ Annette, посылаешь ей деньги и все. Бываютъ семьи, гдѣ отношенія супруговъ сплелись въ такой узелъ, ко-

торый самъ чертъ не распутаетъ; и мужъ и жена виноваты по-своему. А ты — правъ безусловно; совѣсть твоя чиста, слѣдовательно ты имѣешь полное право поступить, какъ лучше.

Сильвачевъ. Все это легко говорить...

Ветенскій. А чтобы сдѣлать, нуженъ характеръ. Конечно. Въ твоемъ положеніи довольно было одной рѣшительной сцены, чтобы повернуть по-своему... Нечего ухмыляться!.. Но тебя или не хватило на это и ты боишься жены, или любишь ее — кто разберетъ!

Сильвачевъ. Думай, какъ хочешь.

Ветенскій. Гмъ! зачѣмъ ты все посматриваешь въ ту сторону? Поджидаешь кого?

Сильвачевъ (*съ неудовольствіемъ*). Никого не поджидаю. Съ чего ты взялъ?

Ветенскій. Ха, ха, ха! Зачѣмъ-же сердиться? Подозрительно, братъ, подозрительно!

Сильвачевъ. Э, отвяжись!

Ветенскій. Мѣшаю?

Сильвачевъ. Нисколько.

Ветенскій. Такъ, или не такъ, но мнѣ хочется съ тобой побесѣдовать.

Сильвачевъ. Вѣрно, что-нибудь нужно? Слишкомъ ты участливъ сегодня. Съ тобой всегда такъ.

Ветенскій (*ударяя его по плечу*). Ха, ха, ха! Каковъ! Подозрительность, милый мой, черта весьма гнусная. Ну, а... дѣльце дѣйствительно есть къ тебѣ, есть.

Сильвачевъ. Какое?

Ветенскій. Видишь ли... Я вѣдь, кажется, долженъ тебѣ?

Сильвачевъ. Долженъ.

Ветенскій. Плохи дѣла, очень плохи. Арендаторъ, скотина, задержалъ платежъ...

Сильвачевъ. Лучше скажи — впередъ не даетъ. Ну?

Ветенскій. Гмъ!.. ты того... не можешь мнѣ... четвертную? Понимаешь — зарѣзъ!

Сильвачевъ. Д-да, весьма гнусная черта — подозрительность! *(Неохотно)*. Такъ и быть, на. *(Достаетъ деньги)*.

Ветенскій *(засунулъ ихъ въ карманъ жилета)*. Вскорѣ получишь. Пожалуйста, не безпокойся!

Сильвачевъ. Ну, это еще увидимъ!

Ветенскій *(небрежно развалился)*. Что? Ты говоришь такимъ тономъ, какъ будто я легко отношусь къ чужому карману...

Сильвачевъ. Теперь придираться начнетъ. Чудакъ!

Ветенскій. Не придираться, а... Те-те-те! господинъ Аравинъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же *и* **Аравинъ** (*справа*).

Ветенскій. Куда вы такъ стремительно мчитесь?

Аравинъ *(раскланивается съ улыбкой)*. По дѣлу-съ.

Ветенскій. Всегда по дѣлу, какъ я всегда безъ дѣла. *(Сильвачеву)*. Замѣчательный молодой человѣкъ. Рекомендую. *(Аравину)*. Такъ какъ вы все и всѣхъ знаете, то этотъ пріятель мой, въ рангѣ полковника, вамъ не безызвѣстенъ, конечно?

Аравинъ. Какъ же-съ! *(Почтительно кланяется Сильвачеву)*. Весьма, весьма пріятно!

Ветенскій. Сей молодой человѣкъ замѣчателенъ тѣмъ, что, появившись у насъ, прямолинейно заявилъ, что ищетъ карьеры и денегъ. Только карьеры и денегъ. Вождѣлѣю, молъ, и все тутъ. И всѣ обязаны мнѣ въ этомъ содѣйствовать, потому что я родился съ извѣстными аппетитами. А всякій, кто не содѣйствуетъ, тотъ есть мерзавецъ.

Аравинъ. Ха, ха! вы извѣстный шутникъ. *(Сильвачеву)*. Отъ Алексѣя Ивановича всѣмъ достается; но за это на него какъ-то не обижаются.

Ветенскій. Ехидничаетъ! А не будь я хорошъ съ вашимъ начальствомъ, вы не такъ отвѣтили бы мнѣ. Совѣтую

быть со мною вдвое почтительнымъ: кузина моя, его жена, родная сестра *главнаго директора* вашей дороги.

Аравинъ. *(присаживается къ Сильвачеву).* А ваша супруга?..

Ветенскій *(перебиваетъ).* Не подбирайся, братъ, далеко. *(Сильвачеву).* Однимъ изъ средствъ для своихъ цѣлей, господинъ Аравинъ избралъ барынь. Говоритъ, еще папенька совѣтовалъ ему это. И успѣваетъ, даже весьма пронзительно.

Аравинъ. Ха ха ха!

Ветенскій *(въ сторону).* Что за нахалъ! *(Аравину).* Впрочемъ и вамъ не всегда удается. *(Подмигнулъ).* Знаю, батенька, знаю-съ!

Аравинъ. Интересно — что?

Ветенскій *(Сильвачеву).* Есть здѣсь купчиха Развалова. Премиленькая. То-есть, купчиха она собственно по мужу, а происходитъ изъ дворянской семьи...

Сильвачевъ. Какая Развалова?

Аравинъ. Алексѣй Ивановичъ разумѣетъ, вѣроятно, ту самую, съ которою вы, кажется, изволите быть знакомы?

Ветенскій *(съ интересомъ).* Развѣ ты знакомъ съ Разваловой?

Сильвачевъ *(въ замѣшательствѣ).* Д... да... немного.

Аравинъ *(ехидно).* По крайней мѣрѣ, говорятъ... васъ часто видѣли вмѣстѣ...

Ветенскій *(зорко взглянувъ на Сильвачева перебиваетъ).* Что про васъ говорятъ — интереснѣй. *(Сильвачеву).* Надо пояснить, что въ качествѣ служащаго на желѣзной дорогѣ, господинъ Аравинъ избралъ поѣзда мѣстомъ полезныхъ знакомствъ и пріятныхъ похожденій. Ну, вотъ ѣдетъ недавно эта самая Развалова, не знаю куда. Господинъ Аравинъ садится на поѣздъ и три станціи неотвязно атакуетъ ее, понимаешь ли — до того, что бѣдняжка, наконецъ, въ слезы...

Аравинъ. Интересно, кто сочинилъ это вранье?

Ветенскій. Очевидецъ разсказывалъ. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ вами, и у него ужасно чесались на васъ руки за это.

Аравинъ. Желалъ бы я съ нимъ побесѣдовать! *(Встаетъ).*

Ветенскій. Струсите.

Аравинъ. Ха, ха! *(Сильвачеву).* Имѣю честь кланяться.

Ветенскій. А вѣдь вы не простите Разваловой. Анонимное письмецо, что-нибудь въ этомъ родѣ, а? *(Аравинъ презрительно взглянулъ на Ветенскаго, вскинулъ плечами и уходитъ влѣво).*

Сильвачевъ *(вставая).* Однако, ты ужъ слишкомъ...

Ветенскій. Помилуй! Нахалъ, шантажистъ... *(Разговаривая, уходятъ вправо. Нѣсколько секундъ сцена пуста).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вѣра Дмитріевна *(входитъ слѣва съ букетомъ въ рукахъ)* и **Агафья**.

Агафья *(за сценой).* Вѣра Дмитріевна, а Вѣра Дмитріевна!..

Вѣра *(остановилась и обернулась).* Агафья!

Агафья *(входитъ слѣва, запыхавшись).* Уфъ!.. насилу тебя догнала! *(Кланяется).*

Вѣра. Здравствуй!

Агафья. Ножки твои молодыя, рѣзвыя... ужъ я бѣжала за тобою, бѣжала!.. Поминаньице твое. *(Развертываетъ его изъ платка и подаетъ).* Въ церкви забыть изволила.

Вѣра. Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!

Агафья. Отецъ дьяконъ вынесъ мнѣ и говоритъ «снеси, говоритъ, Вѣрѣ Дмитріевнѣ».

Вѣра. Спасибо, милая.

Агафья. Ну, какъ ты, все ли въ добромъ здоровьѣ, матушка моя?.

Вѣра. Слава Богу. Заходи къ намъ. *(Повернулась идти, но, взглянувъ по направленію аллеи, остается. Про себя).* Кажется, онъ... *(Старухѣ поспѣшно).* Заходи, Агафьюшка. Я всегда рада.

Агафья. Покорнѣйше благодарю, красавица моя, благодѣтельница! Ужъ я и то...

Вѣра (*прерывая*). Ну, прощай! Нынче зайди. (*Отходитъ*).

Агафья. Зайду, матушка, зайду. Будь здорова. (*Поклонилась и уходитъ вправо*).

Вѣра. Да, онъ... Навстрѣчу не пойду, не могу... Чувствую, что покраснѣю. Что онъ подумаетъ? (*Садится на скамью*). Я вѣдь не искала его... Случайность... Ничего въ этомъ дурного нѣтъ... Встрѣтиться можно со всякимъ... (*Подумала*). Зачѣмъ я лукавлю, зачѣмъ я обманываю себя? Идя садомъ, развѣ я не думала, что, можетъ быть, встрѣчу его? Я отъ себя потихоньку подумала такъ. Я затѣмъ и пошла этой дорогой... (*Украдкой взглянула въ ту же сторону*). Остановился съ Агафьей. Развѣ она его знаетъ?.. Нѣтъ, вернусь. Нехорошо. (*Встала*). Улицей обойду. (*Прошла въ лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Вѣра Дмитріевна *и* **Сильвачевъ.**

Сильвачевъ (*поспѣшно входитъ справа*). Вѣра Дмитріевна! (*Вѣра обертывается. Она уже у самой кулисы*). А я сейчасъ только замѣтилъ васъ. Здравствуйте! (*Рукопожатіе*). Какъ я радъ!.. Вы торопитесь домой, или...

Вѣра. Не... особенно.

Сильвачевъ. Такъ сядемъ?.. или пройдемся?

Вѣра. Пожалуй, сядемте. (*Садятся на скамью*).

Сильвачевъ. А я давно здѣсь. По моимъ соображеніямъ, вы должны были быть въ церкви...

Вѣра. Была.

Сильвачевъ. Но обѣдня давно отошла... Васъ все не было. Я уже потерялъ надежду...

Вѣра. Я заходила въ оранжерею.

Сильвачевъ. А! Букетъ оттуда?

Вѣра. Да.

Сильвачевъ. Прелестный!

Вѣра. Не правда ли? Цвѣты моя слабость.

Сильвачевъ. Прекрасная слабость. Ну, какъ поживаете? Здоровы-ли? Я узналъ, что вы часто бываете больны.

Вѣра. Случается. Въ третьемъ году у меня воспаленіе было. Съ тѣхъ поръ покашливаю.

Сильвачевъ. А вамъ бы основательно полѣчиться, у хорошаго доктора. Знаете, какъ опасно запустить болѣзнь? Да и какъ вылѣчили васъ послѣ воспаленія? Это чрезвычайно важно. Право, займитесь собою.

Вѣра. А вы у кого же узнали что я бываю нездорова? Разспрашивали?

Сильвачевъ. Вы вѣдь не откровенны, ничего про себя не разсказываете. — «Не стоитъ, да интереснаго нѣтъ ничего» — вотъ ваши отвѣты. Ну, и разспрашивалъ, да. Все узналъ: вашу жизнь, ваше замужество, прошлое.

Вѣра. Однако, вы любопытны!

Сильвачевъ *(тономъ упрека)*. Развѣ это такъ называется? Неужели меня могутъ интересовать подробности о человѣкѣ, къ которому я не чувствую никакого участія.

Вѣра. Что же вамъ говорили?

Сильвачевъ. Грустная повѣсть, Вѣра Дмитріевна! Во первыхъ, что въ дѣтствѣ и юности вы много видѣли горя...

Вѣра. Да... Росла сиротой, въ бѣдности...

Сильвачевъ. Потомъ васъ выдали замужъ... Говорятъ, что вы не хотѣли... но богатый человѣкъ...

Вѣра *(съ живостью)*. Вотъ и неправда! Вовсе не потому, что богатый... А вы и повѣрили?... Ничего другого не оставалось... Я тогда была будто деревянная, за кого бы ни отдали... Такъ наболѣло... Когда ужъ стали вѣнчать, — опомнилась... И вдругъ на меня напалъ страхъ, такой страхъ, что я едва на ногахъ устояла.

Сильвачевъ. Какъ это горько, какъ это ужасно!.. И, знаете, голубушка, послѣ всего, что вы пережили, притомъ

что и въ замужествѣ, говорятъ, ваша жизнь не красна, я удивляюсь на васъ...

Вѣра. Кажется, нѣтъ ничего удивительнаго.

Сильвачевъ. Удивляюсь тому, что въ васъ ни раздражительности, ни озлобленія, ни апатіи, словомъ ничего, что остается послѣ тяжелыхъ испытаній и главное... при безнадежности. Въ васъ ясное, доброе, хорошее спокойствіе, полное особенной прелести.

Вѣра. Ну, ужъ не знаю.

Сильвачевъ. Это видно по всему, — по вашему взгляду, по вашей хорошей, немного грустной улыбкѣ, по всему!

Вѣра *(со вздохомъ)*. Во мнѣ нѣтъ того спокойствія, какъ кажется вамъ.

Сильвачевъ. Да? *(Подумалъ)*. Скажите, голубушка... Но, можетъ быть, я напрашиваюсь на излишнюю откровенность?

Вѣра. Я бы сказала, но не умѣю, да и не знаю что... Какъ-то глухо, не ясно самой... Если примѣръ взять. Положимъ, мнѣ сдѣлали непріятность. Если я и огорчусь, то все-таки принимаю спокойно; но въ то же время чувствую, что это поверхностно, а что задѣнь меня глубже, я вовсе не такъ поступлю... Силу такую чувствуешь въ себѣ, скрытую. Понимаете? Впрочемъ, я, должно быть, глупости говорю.

Сильвачевъ. Нѣтъ, нѣтъ, я отлично васъ понимаю.

Вѣра. Такъ видите... Вотъ я и не знаю, какъ бы тогда поступила. Можетъ быть, такъ, что всю жизнь проклинала-бъ себя. *(Смотритъ на часы)*. Однако, пора домой.

Сильвачевъ. Нѣтъ, нѣтъ! пожалуйста!... Я только-что получилъ очень непріятное письмо...

Вѣра. Отъ... оттуда?

Сильвачевъ. Ну, да, отъ жены. Поднялись тяжелыя воспоминанія, тѣмъ болѣе тяжелыя, что я былъ отъ нихъ дальше, нежели когда-нибудь. И вдругъ вы! Я такъ обрадовался вамъ! Когда васъ увидишь, такъ и живешь цѣлый день подъ этимъ впечатлѣніемъ. И какой это хорошій день! А завтра

опять ищешь случая встрѣтиться съ вами. Видѣть васъ — стало для меня привычкой, больше: потребностью.

Вѣра. Не надо придавать мнѣ такого значенія... Ну, вы меня понимаете...

Сильвачевъ. Но какъ же, если это такъ?

Вѣра. Во-первыхъ, вы можете ошибиться во мнѣ...

Сильвачевъ. Вѣра Дмитріевна! Я не мальчикъ.

Вѣра. А главное не нужно потому, что не пришлось бы отвыкать...

Сильвачевъ. Отвыкать?! *(Грустно задумался).*

Вѣра *(подавляя волненіе).* Ну, вотъ стали какой!.. О чемъ вы задумались?

Сильвачевъ. Что сказала и спрашиваетъ!.. «Отвыкать»!.. Вы такое милое, отрадное явленіе въ моей горькой жизни, что съ вами я забывался, отдыхалъ душою и боялся смотрѣть впередъ, не думая ни о чемъ, кромѣ васъ.

Вѣра. Но какъ же не думать?

Сильвачевъ *(съ горечью).* Да. Нельзя закрывать глаза на свое положеніе, нельзя не считаться съ нимъ... Но каково это?

Вѣра. Я не говорю, что легко...

Сильвачевъ. Ахъ, мучительно!

Вѣра *(низко опустивъ голову).* Можетъ быть... и не для васъ одного...

Сильвачевъ. Голубушка моя! *(Схватилъ ея руки).* Какъ бы я расцѣловалъ ваши ручки за это!

Вѣра *(освобождаетъ руки).* Вы забыли, что мы на бульварѣ. *(Оглянулась).* Ахъ! *(Понизивъ голосъ).* Какъ вы неосторожны!

Сильвачевъ. Господинъ, идущій сюда, вашъ знакомый?

Вѣра. Деверь... Ну, если замѣтилъ?..

Сильвачевъ *(неувѣренно).* Нѣ-ѣтъ.

Вѣра. Вообще, неловко... Онъ не знаетъ, что мы знако-

Сильвачевъ. Я буду въ отчаяніи, если вамъ сдѣлаютъ непріятность...

Вѣра. Нѣтъ... Онъ хорошій... Ничего... Кстати я васъ познакомлю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вѣра Дмитріевна, Сильвачевъ *и* Сергѣй Прокофьевичъ Разваловъ *).

Сергѣй Прокоф. Вѣрочка! Вотъ не ожидалъ встрѣтить!

Вѣра. Я изъ церкви... Въ оранжерею зашла... Встрѣтились... Но позвольте васъ познакомить, господа. Братъ моего мужа, Сергѣй Прокофьевичъ... Яковъ Андреевичъ Сильвачевъ.

Сергѣй Прокоф. Весьма пріятно-съ. *(Пожимаетъ Сильвачеву руку).*

Вѣра. Помните, я разсказывала, что меня едва не задавили въ соборѣ... когда проѣзжалъ митрополитъ?

Сергѣй Прокоф. Ахъ, да!

Вѣра. Яковъ Андреевичъ былъ такъ добръ, взялъ меня подъ защиту, пока схлынула толпа...

Сергѣй Прокоф. Не зналъ. Позвольте поблагодарить васъ, Яковъ Андреевичъ.

Сильвачевъ. Помилуйте, объ этомъ не стоитъ и говорить!

Сергѣй Прокоф. Какъ же не поблагодарить за такое вниманіе! Да, говорили, въ соборѣ была тогда страшная давка. Какую-то старуху такъ притиснули къ двери, что къ вечеру померла. И самаго владыку, говорятъ, чуть съ ногъ не сбили. Народъ грубый-съ, а всякому желательно получить святительское благословеніе. Очень, очень признателенъ, что изволили взять Вѣрочку подъ свое покровительство. Осмѣлюсь надѣять-

*) Сергѣй Разваловъ, по одеждѣ и внѣшнему виду, вовсе не походитъ на купца.

ся, что сдѣлаете намъ честь, посѣтите насъ? Вѣра, развѣ ты не приглашала господина полковника?

Вѣра. Я хотѣла...

Сергѣй Прокоф. Какъ же ты?... Съ этого надо было начать.

Вѣра. Я буду очень рада, если Яковъ Андреевичъ...

Сильвачевъ. Съ удовольствіемъ. Благодарю васъ.

Сергѣй Прокоф. Вотъ и прекрасно! Вѣра у насъ домосѣдка, знакомствъ не любитъ. Правду сказать, много ли здѣсь и людей, съ которыми пріятно знакомство? Одни—народъ сѣрый, а другіе... Можетъ быть, видали нашихъ щеголихъ на вокзалѣ-съ, въ веселой компаніи?

Сильвачевъ. Случалось.

Сергѣй Прокоф. Ну, то-то. Шампанское, пьяный смѣхъ и всякое безобразіе. Наши цивилизованныя, хе, хе! Къ этимъ Вѣра ужъ ни съ какой стороны не подходитъ. Вотъ и живетъ въ уединеніи. Поэтому я особенно радъ знакомству съ вами, Яковъ Андреевичъ. Въ нашей однообразной жизни, человѣкъ просвѣщенный, всѣми уважаемый — неоцѣненный гость.

Сильвачевъ. Я не изъ веселыхъ людей, Сергѣй Прокофьевичъ. Мое общество едва ли можетъ развлечь и... Во всякомъ случаѣ, приглашеніе ваше принимаю съ искреннимъ удовольствіемъ. *(Вѣра беретъ Развалова подъ руку).*

Сергѣй Прокоф. Хочешь идти?

Вѣра. Пора.

Сергѣй Прокоф. Итакъ, будемъ ждать-съ. За честь почтемъ... До пріятнаго свиданія, Яковъ Андреевичъ! *(Раскланиваются и уходятъ съ Вѣрою вправо).*

Сильвачевъ *(садится).* Однако, вышло неловко. Разваловъ не могъ не замѣтить нашего смущенія. Очевидно, онъ былъ непріятно удивленъ, хотя скрылъ и держался съ достоинствомъ. Можетъ быть, для того, чтобы дать ей оправиться?.. Возможно и то, что у нихъ произойдетъ непріятное объясненіе. Вотъ ужъ это досаднѣй всего!.. А, забыла! *(Взялъ со скамьи букетъ).* Она сказала, что любитъ цвѣты. Пришлю ей самыхъ

лучшихъ изъ оранжереи. Эти возьму на память... Встрѣча съ Разваловымъ вводитъ меня въ дѣйствительность. Непріятная встрѣча! Знакомство съ мужемъ ея будетъ еще непріятнѣй, а неизбѣжно... Если вдуматься въ ея и свое положеніе — куда я иду?.. Я былъ слишкомъ не сдержанъ сегодня. Не хорошо... Да при ней нельзя, при ней всякая нерѣшительность пропадетъ! Что за прелесть она!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сильвачевъ *и* **Ветенскій** (*справа*).

Ветенскій. Ба! ты еще здѣсь? А я успѣлъ отлично позавтракать, даже съ шампанскимъ. Захожу въ ресторанъ выпить водки. Слышу изъ коридора шумъ, гвалтъ. — Что такое? — «Никандръ Прокофьичъ изволятъ»... А, Разваловъ! Значитъ, кутежъ, разливанное море. Туда!

Сильвачевъ. Это какой же Разваловъ?

Ветенскій. Младшій. Ихъ два брата. Мужъ той особы, съ которой ты, оказывается, знакомъ. Гмъ! дѣло нечисто!

Сильвачевъ. Перестань!

Ветенскій. Ну, сей самый Никандръ — первый у насъ безобразникъ. Только что я къ нимъ вошелъ, вся компанія загалдѣла, цѣловаться лѣзутъ. Сейчасъ шампанчика... *(Хотѣлъ, не замѣчая букета, сѣсть на него, но Сильвачевъ успѣлъ его взять и переложилъ на другую сторону).* Это откуда? Те-те-те! Я сейчасъ встрѣтилъ Развалову...

Сильвачевъ. Такъ что же?..

Ветенскій. Ужъ не свиданіе ли было у васъ?.. Признавайся: ея букетъ?

Сильвачевъ. Нѣтъ.

Ветенскій. Ну, и врешь. Не съ неба же онъ свалился? Ахъ, скромникъ! Каковъ? Впрочемъ, ты въ унылой меланхоліи, когда, такъ сказать, грусть щемитъ сердце. Оно часто бы-

ваетъ у старѣющихъ дѣвъ и барынь подъ сорокъ. Чрезвычайно легко влюбиться тогда. Ну, и катай! Она премиленькая.

Сильвачевъ. Не понимаю, къ чему ты несешь этотъ вздоръ!

Ветенскій. Скажите! Да вѣдь ты съ нею знакомъ? И Аравинъ говорилъ, что васъ видали вмѣстѣ. Ты даже покраснѣлъ...

Сильвачевъ. Знакомъ случайно и очень мало...

Ветенскій. То и плохо, милый другъ, что «случайно». Случай для такихъ, какъ ты — все, судьбу нашу строитъ... Взять хоть твою женитьбу...

Сильвачевъ *(съ досадой)*. Опять!

Ветенскій. Нѣтъ, постой! Ты вовсе не увлекался кузиной, когда женился на ней. На моихъ глазахъ было. Она выбрала тебя и взяла. Не она, такъ другая взяла бы точно также. Значитъ, женитьба твоя — случайность. И случайное знакомство съ Разваловой...

Сильвачевъ *(встаетъ)*. Довольно! объ одномъ прошу тебя, Алексѣй Ивановичъ, пожалуйста, не болтай про это.

Ветенскій *(серьезно и искренно)*. Напрасно, пріятель, считаешь меня за сплетника. Не Аравинъ же я въ самомъ дѣлѣ! Если давича я сказалъ, что принимаю въ тебѣ искреннее участіе, то сказалъ совершенно серьезно. И — какъ знать? — можетъ быть, вскорѣ ты убѣдишься въ этомъ на дѣлѣ...

Сильвачевъ. Извини, если такъ... *(Въ отдаленіи вдругъ раздается нестройный камаринскій, исполняемый двумя визгливыми скрипками, контрабасомъ, хриплою валторною и турецкимъ барабаномъ)*.

Ветенскій. Слышишь? Это они. На воздухъ перешли безобразничать.

Сильвачевъ. Кто они?

Ветенскій. А вотъ кто.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же *и* **Никандръ Прокофьевичъ Разваловъ** *(подгулявшій, въ довольно растерзанномъ видѣ, стоитъ въ глубинѣ сцены, на дорожкѣ).*

Никандръ Прокоф. Ветенскій!... Алеша!.. Иди къ намъ!.. Мы на прохладу... Ахтерку подцѣпили, братъ! опереточную... Плясать заставимъ, ха, ха!.. Тутъ бу-детъ!.. Иди проворнѣй!

Ветенскій *(подмигнулъ Сильвачеву).* Хочешь, познакомлю?

Сильвачевъ. Уволь. *(Ветенскій пошелъ къ Никандру Прокоф.).* Такъ этотъ-то ея мужъ?!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большая комната въ домѣ Разваловыхъ, съ богатою обстановкою. Налѣво, къ углу, стеклянная дверь на балконъ, въ садъ; посрединѣ дверь въ залу, направо—въ комнату хозяйки. По лѣвой сторонѣ—окна, уставленныя цвѣтами. У двери въ садъ также цвѣты, на низенькихъ деревянныхъ тумбахъ. По правой стѣнѣ диванъ столъ передъ нимъ и кресла. Надъ диваномъ овальное зеркало По лѣвой—кушетка и рабочій столикъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Прокофьевичъ (*сидитъ на кушеткѣ, въ очкахъ, и читаетъ книгу*), **Никандръ Прокофьевичъ** (*ходитъ по комнатѣ*) *и* **Вѣра** (*съ лейкою у цвѣтовъ*).

Никандръ Прокоф. Намъ только и дѣла, что съ цвѣтами возиться! Во всемъ домѣ натыканы. Одна сырость. *(Вѣра перестаетъ поливать).* Развела!.. Я вотъ повыкидать велю

половину. — Анемподистъ Иванычъ пріѣхалъ вчера. Гость почтенный. Хозяйкѣ принять бы, какъ должно. А моя съ грязными руками навстрѣчу. Вишь, цвѣты пересаживала!.. Одѣта, чертъ знаетъ какъ. Срамъ!..

Сергѣй Прокоф. Гм!

Никандръ Прокоф. Анемподистъ Иванычъ свою-то жену разрядитъ, прокатися съ нею—въ носъ шибанетъ встрѣчному. Всякій ей нарядъ въ красоту. А мою во что ни ряди — нѣту вида. *(Вѣра сѣла на диванъ. Становясь передъ нею).* Да гнушается еще, наряды въ сундукахъ гніютъ!

Вѣра. Я не люблю наряжаться.

Никандръ Прокоф. Потому что цѣны мужниной заботѣ и вниманію не имѣешь. Вотъ почему! Кажется, прежде въ нищитѣ жила, въ отрепьяхъ ходила, должна бы чувствовать, что для тебя дѣлаютъ.

Сергѣй Прокоф. *(снимая очки, Вѣрѣ).* У брата голова болитъ. Кутилъ вчера.

Никандръ Прокоф. Кутилъ. И опять буду. Что же изъ этого? Чего мнѣ дома сидѣть? Не съ женой ли? — Утѣха!

Сергѣй Прокоф. Перестань!

Никандръ Прокоф. Вотъ еще!.. О чемъ съ нею разговоры вести? Одна скука. Ни она компанію составитъ тебѣ, ни разуважитъ, ни распотѣшитъ!

Сергѣй Прокоф. Ступай, Вѣрочка, къ себѣ. Вздорныя рѣчи незачѣмъ слушать. *(Вѣра уходитъ въ правую дверь).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Сергѣй Прокофьевичъ *и* Никандръ Прокофьевичъ.

Никандръ Прокоф. Нѣтъ, не вздорныя, а...

Сергѣй Прокоф. Ка-акъ? Что ты безобразникъ, такъ и жена, въ угоду тебѣ, должна то же дѣлать?

Никандръ Прокоф. Ты за нее заступникъ всегда. Въ чемъ надо, по твоему дѣлаю, не прекословлю; ну и ты не препятствуй мнѣ, не шпыняй въ каждый слѣдъ. Вотъ еще!

Сергѣй Прокоф. Что ты сказалъ?!

Никандръ Прокоф. Да право! Коли нравъ у меня такой!.. Лошадь, къ примѣру, такую мнѣ, чтобы какъ чертъ, изъ оглоблей рвалась. Ахнуть и слѣдъ простылъ. Пить ежели, такъ чтобы во весь развертъ... Значитъ, кровь во мнѣ.

Сергѣй Прокоф. Если ты таковъ по натурѣ, такую-бъ и жену бралъ. Раньше смотрѣть нужно было. А жена ни въ чемъ не повинна, и обижать ее не дадутъ.

Никандръ Прокоф. Не любя, она шла за меня. Вотъ что! Зачѣмъ шла, если такъ? На деньги польстилась, на богатое житье!..

Сергѣй Прокоф. Стой, стой! Это ужъ подло. Хотѣла она за тебя идти? Не зналъ ты, что силой ее выдали? Не зналъ, что невольна она была, сирота горькая. Не зналъ?

Никандръ Прокоф. Ну... зналъ.

Сергѣй Прокоф. То-то и есть! Не остерегалъ я тебя, не урезонивалъ?

Никандръ Прокоф. Врѣзавшись былъ, вынь да положь!.. Гдѣ глаза были? Чертъ знаетъ!

Сергѣй Прокоф. Видѣлъ я, очень хорошо видѣлъ, что Вѣра тебѣ не подходитъ. Ты и слушать меня не хотѣлъ. Что вышло? Ты сразу ее запугалъ, а потомъ бросилъ и сталъ обижать. Хорошо? А жена она тебѣ добрая, честная. Грѣшно, Никандръ!

Никандръ Прокоф. Я что-жъ... Когда обидишь ее— жалко.

Сергѣй Прокоф. Ну, не всегда тебѣ жалко.

Никандръ Прокоф. Неровенъ часъ... Въ сердцахъ какая-же жалость? Ежели осерчаю, тутъ, братъ... тутъ ужъ во мнѣ жалости никакой! Истязать могу.

Сергѣй Прокоф. Отлично про это знаю. И чѣмъ больше ты безобразничаешь, тѣмъ больше человѣческій образъ теряешь. На весь городъ отъ тебя шумъ идетъ. Кутежи, попойки...

Никандръ Прокоф. Постой — ухожусь. Говорю —

кровь. Утромъ, вставши, не знаешь, куда силу дѣвать; она въ тебѣ словно пудовики перекатываетъ, даже грузно.

Сергѣй Прокоф. Сударушекъ позавелъ. Какая такая Сонька у тебя тамъ, плясунья?

Никандръ Прокоф. Ужъ и пляшетъ, каналья, то-есть ахъ какъ! Вчерась какъ пошла, какъ завилась... *(Прихлопываетъ и напѣваетъ).*

Ахъ, вы лапти мои,
Лапоточки мои!
Ахъ, вы частенькіе,
Головастенькіе!..

Жги, жарръ, чертъ побери!

Сергѣй Прокоф. Хорошо, очень хорошо! Жена тоже смекаетъ...

Никандръ Прокоф. А пусть...

Сергѣй Прокоф. То-то пусть! Всякій стыдъ потерялъ. Тебѣ все равно, что люди ни скажутъ, во вниманіе не берешь.

Никандръ Прокоф. Да полно тебѣ, полно! Ну, что ты... э-эхъ! Понимаю, хорошаго нѣту, точно. Говорю—ухожусь. Пойдетъ началить, умаетъ хоть кого... Коли-бъ я не почиталъ тебя, али какъ... А то—самъ знаешь—всею душей... Замѣсто отца... Кабы не ты, не живи я за тобой, какъ за стѣной каменной...

Сергѣй Прокоф. И не дурилъ бы. Образумься, Никандръ! Время. А главное—жену... Боже тебя сохрани!

Никандръ Прокоф. А Богъ съ ней! Развѣ я какъ?.. Нынче же ей гостинецъ куплю. *(Уходитъ. Сергѣй махнулъ на него рукой).*

Сергѣй Прокоф. Крѣпко жаль Вѣрочку. Какая ей жизнь, чего ждать? Жить бы ей душа въ душу, тихо, любовно... Такая вотъ и невѣста моя была, покойница Маша. И лицомъ схожи удивительно, будто сестры родныя... Раздумаешься объ одной, другая на умъ прійдетъ. Такъ всегда... Потому, должно быть, Вѣрочка и мила мнѣ. А Никандръ знай дудитъ: «погоди,

ухожусь!« Добро! И уходишься, кой въ тебѣ прокъ?.. Гмъ!.. Съ нѣкотораго времени замѣчаю, что на брата у меня озлобленіе какое-то... За Вѣру?.. Скверное, ѣдкое чувство... Схлынетъ оно, будто совѣстно станетъ. Что такое?.. Потому, вѣроятно, что Никандръ ужъ терпѣніе мое истощилъ. Вотъ еще Сильвачевъ... Никакъ не могу отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, когда встрѣтилъ ихъ съ Вѣрой. Избѣгаю думать объ этомъ, даже боюсь... слишкомъ это волнуетъ меня... а все думается.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сергѣй Прокофьевичъ *и* **Вѣра**.

Сергѣй Прокоф. Ты, Вѣрочка, не огорчайся, что братъ... Безъ разума мелетъ.

Вѣра. Правду сказать, Сергѣй Прокофьевичъ, какая я ему и жена? Вовсе не подходящая... А все же обидно бываетъ.

Сергѣй Прокоф. Въ обиду тебя не дадутъ. Помни всегда. *(Погладилъ ее по головкѣ)*.

Вѣра. Конечно, если-бъ не вы, совсѣмъ бы мнѣ плохо... Очень ужъ вы добры ко мнѣ и участливы... Заступитесь, образумите... Съ вами легко, хорошо... Вы серьезный всегда, невеселый, а мнѣ легко и всякій я вамъ вздоръ говорю, что на умъ взбредетъ.

Сергѣй Прокоф. То и хорошо, то и дорого мнѣ.

Вѣра. Сергѣй Прокофьевичъ, отчего я никогда не видала васъ веселымъ?

Сергѣй Прокоф. Вотъ о чемъ вздумала!.. Интереснаго, кажется, въ этомъ немного... Характеръ такой у меня.

Вѣра. Нѣтъ. Я всматривалась. Это потомъ сдѣлалось съ вами... Горе налегло, что ли?.. Если-бъ характеръ, такъ бы и видно было, а то нѣтъ. Чему вы улыбаетесь? Правду я говорю?

Сергѣй Прокоф. Можетъ быть. У тебя сердце чуткое... *(Смотритъ на нее съ чувствомъ)*. И спасибо тебѣ, большое спасибо!

Вѣра. За что?

Сергѣй Прокоф. За участіе. Ни въ комъ я не видалъ его, Вѣра, то есть къ душѣ-то своей, ни въ комъ... *(Въ волненіи пожалъ ея руку и сталъ медленно ходить по комнатѣ).* Да, жизнь моя прошла одиноко, сурово... Потерю перенесъ тяжкую... И въ томъ несчастіе мое, что образованія не получилъ. Отъ природы былъ любознателенъ чрезвычайно, все интересовало меня. Сталъ учиться, читать, лабораторійку завелъ, микроскопъ и разныя разности. Гору книгъ перечелъ, всякихъ, да толку не вышло изъ этого... Нить утерялъ. Великій поэтъ нашъ сказалъ:

„Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ и все безъ толку".

Такъ вотъ и я. А тутъ, по смерти родителя, за торговое дѣло взяться пришлось. И остался я ни въ тѣхъ, ни въ сехъ. Отъ своего брата купца отсталъ, а къ образованнымъ не присталъ... О чемъ задумалась?

Вѣра *(очнувшись отъ задумчивости).* Что вы?

Сергѣй Прокоф. Задумалась, молъ, о чемъ?

Вѣра. Я? Слушала.

Сергѣй Прокоф. *(съ принужденнымъ смѣхомъ).* Ну, хорошо, пусть такъ. Вѣдь и занимательнаго въ моей рѣчи немного.

Вѣра *(въ смущеніи).* Право, я...

Сергѣй Прокоф. Да хорошо! *(Прошелся молча).* За послѣднее время ты поблѣднѣла. Иль опять безсонница, грудь болитъ?

Вѣра. Да, нервы что-то...

Сергѣй Прокоф. *(съ испытующимъ взглядомъ).* Возбуждены. Замѣтилъ. Пошли за докторомъ.

Вѣра. Ахъ, надоѣли они мнѣ!

Сергѣй Прокоф. *(останавливаясь у двери въ садъ).* Ба! какіе прекрасные цвѣты!

Вѣра. Гдѣ?

Сергѣй Прокоф. А вонъ, на балконѣ. Новость. Купила?

Вѣра. Н...нѣтъ.

Сергѣй Прокоф. Откуда же они?

Вѣра. Не знаю.

Сергѣй Прокоф. Какимъ же образомъ они попали сюда?

Вѣра. Прислали... Садовникъ принесъ...

Сергѣй Прокоф. Прислали? Кто же прислалъ?

Вѣра. Не знаю.

Сергѣй Прокоф. Такъ и не дозналасъ кто?

Вѣра. Нѣтъ.

Сергѣй Прокоф. Интересно. *(Молчаніе. Измѣнившимся голосомъ).* Ухаживаетъ за тобой кто-нибудь, что присылаетъ подарки, а ты принимаешь?

Вѣра. Я не видала, какъ ихъ принесли... хватилась спросить—откуда? а садовникъ ушелъ.

Сергѣй Прокоф. Вѣра, ты правду говоришь: *не знаешь,* кто прислалъ цвѣты? *(Зорко на нее смотритъ).*

Вѣра. Нѣтъ.

Сергѣй Прокоф. Но догадываешься?.. Глаза опустила. Не хорошо скрывать... Такъ и не скажешь—отъ кого и что это значитъ?

Вѣра *(холодно).* Я ужъ сказала вамъ, что не знаю.

Сергѣй Прокоф. Женщина обыкновенно принимаетъ небрежный тонъ, когда говоритъ о томъ, что ей нужно скрыть, и весьма легко обижается, когда виновата. *(Вѣра пожала плечами).* Но эту личину не трудно понять!

Вѣра. Изъ чего вы волнуетесь, Сергѣй Прокофьевичъ? Не понимаю.

Сергѣй Прокоф. Волнуюсь?.. Я ничего... Меня это прямо не касается.

Вѣра. И мужа моего не касается. Богъ знаетъ, изъ чего дѣлать исторію! Вы меня удивляете.

Сергѣй Прокоф. *(круто повернулся къ ней, кри-*

кливо). Что-жъ я, по вашему, долженъ молчать? а? молчать? Долгъ мой замѣтить, если вижу дурное, если...

Вѣра *(прерываетъ)*. Да, вы въ правѣ замѣтить, если-бъ я дѣйствительно сдѣлала дурное. И мнѣ никого бы не было такъ стыдно, какъ васъ... какимъ я знала васъ до этой минуты, а не такимъ, каковы вы теперь, съ недобрымъ лицомъ, въ этомъ... непонятномъ волненіи. Такая перемѣна въ васъ... Мнѣ ужасно горько отъ этого.

Сергѣй Прокоф. Не знаю, какую ты усматриваешь во мнѣ перемѣну, но я... до сего времени считалъ тебя честною, прямою женщиной...

Вѣра. И перемѣнили мнѣніе? Почему, позвольте спросить?

Сергѣй Прокоф. Съ тѣхъ поръ, какъ я наткнулся на васъ съ Сильвачевымъ, вѣра въ тебя поколебалась во мнѣ...

Вѣра. Вотъ что!

Сергѣй Прокоф. Меня стало грызть сомнѣніе... Я его подавлялъ... Но теперь увѣренъ, увѣренъ, что цвѣты присланы Сильвачевымъ, что ты это знаешь и...

Вѣра. Лгу? Вы ошибаетесь, Сергѣй Прокофьевичъ. Если цвѣты дѣйствительно отъ Сильвачева, то я не вызывала его на эту любезность. Вы сами, когда познакомились съ нимъ, радушно пригласили его бывать и правильно взглянули на наше знакомство. Другого я не ожидала отъ васъ. Но вы говорите, что съ тѣхъ поръ васъ что-то *грызетъ*. Выходка ваша обидная и грубая—извините меня—есть послѣдствіе тѣхъ подозрѣній, которыя запали вамъ въ душу. Отчего это случилось—не понимаю и скорблю, что такъ вышло. Но если вы дорожите моимъ уваженіемъ, если хотите, чтобъ я жила, какъ жила, то не оскорбляйте меня. Иначе, можетъ кончиться дурно.

Сергѣй Прокоф. А-а! ты высказалась достаточно ясно. Понимаю. Даже лучше самой тебя понимаю, что въ тебѣ происходитъ. Сомнѣній нѣтъ... Достаточно ясно. А къ этому надо добавить, что люди особенно склонны обвинять другихъ, когда есть за что обвинять себя. Совѣсть къ этому побуждаетъ, совѣсть!

Вѣра. Не то! Ни къ чему меня совѣсть не побуждаетъ. Вовсе не то! Я чувствую, что въ васъ что-то особенное, небывалое, что оскорбляетъ меня, мое уваженіе и привязанность къ вамъ. Ну, объясните мнѣ, что это такое? Я не знаю, но чувствую. Это и ожесточаетъ меня. Объясните!

Сергѣй Прокоф. *(подавленнымъ голосомъ)*. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ нервна... а нервные люди... *(Замялся)*.

Вѣра *(съ живостью)*. Что?.. И почему вы смутились?.. и поблѣднѣли? Чѣмъ объяснить это? Облегчите меня, скажите!

Сергѣй Прокоф. Оставимъ, Вѣра! *(Уходитъ)*.

Вѣра. Нѣтъ, сердце меня не обманываетъ. Въ Сергѣѣ Прокофьевичѣ что-то отталкивающее... Говори онъ кротко, попрежнему, и я разрыдалась бы у него на груди, какъ бы ни была виновата. А теперь мнѣ непріятно подать ему руку... Да, начинается новая жизнь, совсѣмъ другая... Если все сообразить, разобрать, то Сергѣй Прокофьевичъ отчасти и правъ, что набросился на меня... Въ эти нѣсколько дней я избѣгала Якова Андреевича. Но чего мнѣ стоило переломить себя и сидѣть дома, не видя его!.. и зная, какъ онъ огорченъ этимъ, хандритъ!.. Ужасно жалко его!.. Какъ онъ хорошо это сказалъ: «вы такое отрадное явленіе въ моей горькой жизни». Милый!.. Цвѣты, конечно, прислалъ онъ; но отчего самъ не ѣдетъ?.. А если Сергѣй Прокофьевичъ какъ-нибудь стороною отклонилъ его визитъ? Теперь я допускаю эту возможность. О, тогда... тогда я докажу, что опека надо мною напрасна!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вѣра *и* Агафья.

Агафья. Богъ милости прислалъ!

Вѣра. Здравствуй, Агафьюшка!

Агафья. Здравствуй, красавица моя! *(Цѣлуются)*.

Вѣра. Отъ обѣдни?

Агафья. Какъ же, была, матушка, была.

Вѣра. Садись.

Агафья. Ту-уть? Будто какъ и не идетъ мнѣ...

Вѣра. Садись, ничего. Чаю не дать-ли?

Агафья. Сейчасъ отъ чаю, матушка. Пила. Благодарствую. *(Садится)*. У кого пила-то, спроси. Подивишься!

Вѣра. У кого же?

Агафья. У полковника.

Вѣра *(съ живостью)*. Сильвачева?

Агафья. Да-а! Шутка — въ честь какую попала!

Вѣра. Какимъ образомъ?

Агафья. Къ нему-то? Зазвалъ. Онъ вѣдь добрѣющей души, андельской. Нами бѣдными, не брезгаетъ. Помогаетъ мнѣ, пошли ему Царица Небесная!.. Привелъ къ себѣ, въ кресло посадилъ, не хуже, какъ ты. Вотъ-те и Агафья, хе, хе!

Вѣра. Ну, какъ же, какъ?

Агафья. Что, матушка?

Вѣра. Какъ живетъ, въ квартирѣ какъ у него?

Агафья. А хорошо, такъ-то хорошо! Чисто, свѣтло. Квартирка по себѣ небольшая, а хорошо. Будто какъ и не военный живетъ, схоже — келейка. Ужъ и ласковъ же, Боже мой! Я такихъ и не видывала изъ мущинскаго пола.

Вѣра. Ну, какъ же вы, о чемъ говорили?

Агафья. О многомъ, матушка, разговоръ былъ. Про мою сиротскую долю разспрашивалъ. Участливый онъ... О тебѣ говорили.

Вѣра. Обо мнѣ? Что же обо мнѣ-то?

Агафья. Хвалилъ. «Милая, говоритъ, она такая, видно, что души безподобной. На лицѣ, говоритъ у ней это написано»...*(Вѣра стремительно обняла старуху и крѣпко поцѣловала, такъ что та удивилась)*. Какъ ты меня... хе-хе-хе! Веселенькая стала, пташка моя.

Вѣра. Съ тобой всегда весело. А знаешь, Сергѣй Прокофьевичъ звалъ полковника къ намъ. Они познакомились.

Агафья. Сказывалъ, какъ же.

Вѣра. Не собирается?

Агафья. Очень, говоритъ, желательно къ Разваловымъ, да все недосугъ, вишь.

Вѣра. Недосугъ?.. Нашелъ бы время, еслибъ хотѣлъ.

Агафья. Это точно. Ну, будто какъ сумлѣвается онъ, то-сё... Я такъ, матушка, замѣчаю, что не карахтеренъ онъ. Думаетъ, да отдумаетъ. Къ примѣру, лежали у него письма написаны. Позвалъ слугу. Лакей у него Власъ. — «На, велитъ, на почту снеси». Отдаетъ два письма. Только вышелъ Власъ, онъ опять его кличетъ. — «Подай, говоритъ, назадъ»... письма тѣ. «Это, говоритъ, снеси, а это не надо». Взялъ его, подумалъ, повертѣлъ-повертѣлъ и въ клочки. Власъ и говоритъ... Сердитый такой. — «Хоть бы конвертовъ, говоритъ, не изводили зря. Больше нарвете ихъ, чѣмъ въ дѣло пойдутъ». А конверты, вишь, все штемпельные. Такъ вотъ, матушка. Изъ всего человѣка видать.

Вѣра *(со вздохомъ)*. Да. *(Отошла къ столу и перелистываетъ книгу)*. А про ту... про жену свою не говорилъ ничего?

Агафья. Ну вотъ! Станетъ онъ объ ней говорить! Нешто весело?

Вѣра. Портретъ ея не видала?

Агафья. Статочное дѣло ему патреты ея развѣшивать! Что ты, матушка!

Вѣра. А можетъ быть, онъ все еще любитъ ее? Чего не бываетъ!

Агафья. А Христосъ знаетъ! Да что мы все объ немъ да объ немъ! Ай онъ сродственникъ тебѣ?

Вѣра. И правда. Ну, пойдемъ накормлю. Пирога съ масличемъ скушаешь.

Агафья *(встаетъ)*. Ахъ, ты пташка моя, благодѣтельница! Ну, пойдемъ, пойдемъ! Видно, съ утра мнѣ праздникъ сегодня. *(Уходятъ въ дверь направо)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Сильвачевъ *(въ визитной формѣ)* и **Сергѣй Прокофьевичъ**.

Сергѣй Прокоф. *(пропуская гостя впередъ)*. Вотъ вы и изволили пожаловать къ намъ! Весьма радъ-съ. Покорнѣ прошу садиться.

Сильвачевъ *(садится)*. А Вѣра Дмитріевна?

Сергѣй Прокоф. Дома. Она ожидала васъ скорѣй у себя видѣть.

Сильвачевъ. Все собирался, но... какъ-то не приходилось. Здоровье ея?

Сергѣй Прокоф. Ничего... но въ расположеніи ея духа замѣчается нѣкоторая перемѣна за послѣднее время.

Сильвачевъ. Да? Какая же?

Сергѣй Прокоф. *(про себя)*. Какъ это интересуетъ его! *(Сильвачеву)*. То она разсѣяна, задумчива, то не въ мѣру и... странно оживлена. Въ этомъ состояніи на женщинъ иногда ласковость нападаетъ, участливость... даже къ тому, чѣмъ въ сущности онѣ вовсе не интересуются. *(Съ усмѣшкой)*. Избытокъ чувствъ... Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ сегодня. Ну, бываетъ и раздражительна...

Сильвачевъ. Вѣра Дмитріевна?

Сергѣй Прокоф. Даже слишкомъ. А въ раздражительности нервная женщина способна высказаться откровеннѣй, чѣмъ бы желала. *(Останавливаетъ на немъ испытующій взглядъ)*.

Сильвачевъ *(про себя, въ смущеніи)*. У нихъ что-то вышло! *(Сергѣю)*. А я думалъ — наоборотъ, что Вѣра Дмитріевна характера ровнаго, всегда спокойна...

Сергѣй Прокоф. *(съ усмѣшкой)*. Надо полагать, что спокойствіе ея чѣмъ-нибудь возмутилось. Во всякомъ случаѣ, неровность въ расположеніи ея духа слѣдуетъ приписать не тѣлесному разстройству. Случалось вамъ наблюдать такія явленія и вдумываться въ причины ихъ, Яковъ Андреевичъ?

Сильвачевъ. Ахъ, мало ли причинъ!.. Скорѣе всего ближайшія...

Сергѣй Прокоф. То-есть *въ семьѣ,* вы хотите сказать?

Сильвачевъ. Зачѣмъ же? Нѣтъ... Вообще это такой затруднительный вопросъ... *(Про себя).* Что за выпытыванье? *(Сергѣю).* А вы, кажется, ведете самую обширную торговлю въ здѣшнихъ мѣстахъ?.

Сергѣй Прокоф. *(безучастнымъ тономъ).* Порядочную... Хлѣбное дѣло у насъ... А вотъ и Вѣра!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* Вѣра.

Вѣра *(радостно).* Здравствуйте, Яковъ Андреевичъ! Наконецъ-то вы у насъ! Какъ я рада!

Сергѣй Прокоф. *(въ сторону).* Слишкомъ даже. *(Принимаетъ наблюдательное положеніе, что замѣчено Вѣрой).*

Вѣра. Не хотите ли кофею, закусить?

Сильвачевъ. Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ. *(Краткое молчаніе).*

Вѣра. Что новенькаго?

Сильвачевъ. Да что вамъ сказать? Право, не знаю. Жизнь въ вашемъ городѣ такъ однообразна... Ни общественныхъ развлеченій, ничего...

Вѣра. Да. У насъ что ни открывали: театръ, циркъ — все погибало, по недостатку публики и сочувствія. Сергѣй Прокофьевичъ говоритъ... и очень мѣтко... что городъ нашъ похожъ на грязнаго и сердитаго кулака, какихъ встрѣтите здѣсь на каждомъ шагу. *(Оба взглянули на Сергѣя. Молчаніе).*

Сергѣй Прокоф. *(усмѣхнулся и рѣзко перемѣнилъ позу).* А я все любуюсь на цвѣты, которые неизвѣстно кто прислалъ Вѣрѣ. Великолѣпные!

Вѣра *(вспыльчиво).* Яковъ Андреевичъ, кажется, не такой любитель цвѣтовъ, чтобы этимъ интересоваться.

Сергѣй Прокоф. Гмъ!

Вѣра. Что вы подѣлываете?

Сильвачевъ. Все то же... служба, читаю...

Сергѣй Прокоф. Если Яковъ Андреевичъ и не охотникъ до цвѣтовъ, то могъ освѣдомиться, что ты любишь ихъ. Вы вѣдь видались...

Вѣра *(въ сторону)*. Невыносимо!

Сергѣй Прокоф. И сдѣлать въ этомъ отношеніи пріятное развѣ не естественно со стороны любезнаго кавалера?

Сильвачевъ. То-есть вы хотите спросить: я ли прислалъ цвѣты? — Да, я.

Сергѣй Прокоф. А Вѣра никакъ не могла догадаться!

Сильвачевъ. Простите, Вѣра Дмитріевна, что я позволилъ себѣ...

Вѣра *(съ чувствомъ)*. Очень, отъ всей души благодарю васъ! *(Крѣпко пожала ему руку. Сергѣя Прокоф. покоробило)*.

Сильвачевъ *(Сергѣю Прокоф.)*. Но во всякомъ случаѣ, я не имѣлъ причинъ дѣлать изъ этого тайну. А если поступокъ мой сочтенъ неловкимъ, прошу извинить.

Вѣра. Напротивъ, у васъ надо просить извиненія, Яковъ Андреевичъ, у васъ!

Сильвачевъ. Къ чему это!

Вѣра. Мнѣ стыдно... я возмущена!..

Сергѣй Прокоф. Чтобы тебя успокоить, я не стану мѣшать вашей бесѣдѣ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сильвачевъ *и* **Вѣра**.

Сильвачевъ. Что это значитъ?! *(Вѣра горько заплакала)*. Перестаньте, Вѣра Дмитріевна! Ну, стоитъ ли?.. Пожалуйста!.. Еслибъ я могъ предвидѣть...

Вѣра. Кто же это могъ предвидѣть? Неужели я не предупредила бы васъ, еслибъ ожидала, что васъ такъ примутъ?

Сильвачевъ. Успокойтесь, пожалуйста!

В ѣ р а. Сергѣй Прокофьевичъ меня поразилъ. Онъ ли это? Онъ ли, всегда добрый, ласковый, деликатный? Теперь только я поняла, какое значеніе въ моей жизни имѣло все это. Да, вотъ почему я была спокойна; вотъ почему не принимала къ сердцу оскорбленій отъ мужа и мало ли чего! Нѣтъ этого — и все пошатнулось, будто рушилась опора какая-то. Я удивительно ясно сознаю это. Именно рушилось все. Сегодня Сергѣй Прокофьевичъ впервые возмутилъ меня. Теперь оскорбилъ за себя и за васъ, въ особенности за васъ... Помните, я сказала, что не знаю, какъ снесу, если задѣнутъ меня за живое, какою стану тогда? Это самое и случилось.

С и л ь в а ч е в ъ. Я предчувствовалъ, что выйдетъ непріятность. Потому и медлилъ къ вамъ, хотя мнѣ ужасно хотѣлось васъ видѣть... Вы не выходили у меня изъ головы, я ни минуты не былъ покоенъ... Нигдѣ не видя васъ, я понялъ, что вы меня избѣгаете.

В ѣ р а. Вы что же подумали?

С и л ь в а ч е в ъ. Что... что въ васъ нѣтъ живого сочувствія къ тому, что я высказывалъ въ послѣдній разъ...

В ѣ р а. Ахъ, это?.. Я васъ очень ждала... *(Съ ироніей)*. А васъ «предчувствія» заставили «медлить»!

С и л ь в а ч е в ъ. Главное, я боялся навлечь непріятность на васъ. Такъ, къ несчастью, и случилось. Понятно, что здѣсь мнѣ бывать невозможно. Слишкомъ ясно показали, что этого не хотятъ. Но неужели?..

В ѣ р а. Что?

С и л ь в а ч е в ъ. Неужели по одному этому мы не будемъ видѣться съ вами?

В ѣ р а *(съ оттѣнкомъ негодованія)*. Что другое, а *это*— для меня не причина.

С и л ь в а ч е в ъ. Но по другимъ, личнымъ причинамъ? Помните нашъ разговоръ? *(Вѣра не отвѣчаетъ)*. Скажите-же!.. Милая!..

В ѣ р а *(рѣшительно)*. Увидимся. *(Отходитъ)*. А теперь уходите. Мнѣ лучше остаться одной...

Сильвачевъ *(взявъ шапку)*. Такъ увидимся? *(Она молчитъ, потупившись и подавляя волненіе. Онъ взялъ ея руку)*. Когда-же, когда?

Вѣра. До свиданья. *(Хочетъ отойти, онъ нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руку)*. Идите, идите! *(Сильвачевъ уходитъ. Съ сильнымъ движеніемъ)*. Еще минута, и я-бы не выдержала, я все сказала-бъ ему!.. Если-бъ Сергѣй Прокофьевичъ зналъ, какъ онъ приблизилъ меня къ нему! Пускай, что хотятъ, то со мною и дѣлаютъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Сцена предыдущаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна *(передъ зеркаломъ надѣваетъ галстучекъ яркаго цвѣта)*.

Татьяна. Ишь распрекрасно какъ! Ай да миленькій, зналъ чѣмъ угодить!... Еще зонтикъ, посулился, куплю, да перчатки... Ежели зонтикъ, да шляпку — чѣмъ я не барыня!

ЯВЛЕНІЕ II.

Татьяна *и* **Степанъ** *(съ письмомъ въ рукахъ)*.

Степанъ. Туда же передъ зеркаломъ! Нескладёха!

Татьяна. Ужъ вы завсегда невѣжество скажете. А еще умственный человѣкъ!

Степанъ. Да!

Татьяна. А я на образованной ногѣ и невѣжества слушать не въ аппетитѣ-съ, потому вы охальникъ.

Степанъ. Задать бы тебѣ острастку хорошую, дѣвка!.. а то и вовсе съ двора долой.

Татьяна. А нуждаюсь! Да хоть сейчасъ! То же о себѣ понятія имѣемъ достаточно.

Степанъ. Какъ не имѣть! — Сергѣя Прокофьича не видала?

Татьяна. По саду гуляетъ.

Степанъ. На, снеси письмо. *(Отдаетъ его)*. Скажи, молъ, какой-то человѣкъ принесъ, а отъ кого — не сказалъ. Нѣтъ, подай. Самъ снесу. *(Взялъ письмо обратно)*. Ты еще засунешь куда-нибудь. *(Татьяна презрительно фыркнула)*. А хозяйки иль опять дома нѣтъ?

Татьяна *(съ ехидствомъ)*. Нѣту, Степанъ Лукьянычъ, нѣту-съ, хи-хи-хи!

Степанъ. Чему, дура, хихикаешь?

Татьяна. Я-ли дура, или другіе кто у насъ въ дуракахъ есть — еще увидимъ-съ!

Степанъ *(грозится)*. Ой, Танька!... Знаешь что — сказывай, а не то—вотъ-те Христосъ—такъ проучу!..

Татьяна. Ишь налетѣлъ!.. Можетъ, хозяйка-то ваша ти-ли-ли!... Почемъ я знаю? Мужъ чертитъ, а ей все сухотиться? Нужно! Опять нашей сестрѣ свихнуться даже оченно просто.

Степанъ. Да, вотъ тебѣ, потому въ тебѣ бѣсъ гуляетъ. Какъ же ты смѣешь плести на хозяйку?!

Татьяна. Ничего я не плету. А ежели кто оглядки вокругъ себя не имѣетъ, оченно отъ этого случается плохо-съ! *(Уходитъ въ боковую дверь)*.

Степанъ. Точно, есть слухъ... Эхъ, Господи!.. Не даромъ и Сергѣй Прокофьичъ туча-тучею... *(Задумался)*. Да, письмо. Надо снести. *(Уходитъ въ садъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Вѣра *(быстро входитъ изъ средней двери, торопливо снимаетъ шляпку и тальму и какъ ни попало бросаетъ ихъ)*.

Вѣра. Никого... Слава Богу, что никто не видитъ меня! *(Закрылась руками и черезъ секунду отняла ихъ)*. Милый, какъ онъ любитъ меня!.. Вотъ это жизнь, вотъ это счастье!..

Я не ждала его, никогда. Я свыклась съ мыслью, что кое-какъ проживу свою жизнь, безъ свѣта и радости. И вдругъ!.. О, за такое счастье вынесешь все!.. *(Задумалась)*. Вынесешь... Вотъ и дрогнуло сердце. Зачѣмъ эти мысли такъ скоро приходятъ?.. Да, какъ-то сложится жизнь?.. Все должно пойти по иному, все... *(Рѣшительно)*. Но я твердо пойду на все, что ни ожидаетъ меня. Милый, милый! безъ ума, безъ памяти люблю тебя, радость моя!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вѣра и Сергѣй Прокофьевичъ *(черезъ силу входитъ изъ сада, опираясь на палку, съ письмомъ въ рукахъ. Онъ блѣденъ, взволнованъ и грузно садится въ кресло)*.

Сергѣй Прокоф. Чортъ побери!.. что за пасквиль, что за гадость такая!.. *(Тяжело дышитъ и ослабляетъ галстукъ)*. И кто писалъ? *(Сжимаетъ въ кулакъ письмо)*. Кто этотъ мер-за-вецъ?!

Вѣра. Чѣмъ вы такъ взволнованы, Сергѣй Прокофьичъ?

Сергѣй Прокоф. Помилуй!.. Не хочу вѣрить, я вѣрить не хочу, чтобъ ты дошла до того... *(Жадно выпиваетъ стаканъ воды)*.

Вѣра. До чего-же я дошла?

Сергѣй Прокоф. А вотъ пишутъ... Была ты у Сильвачева?

Вѣра. Сильвач... *(Про себя)*. Узнали!... *(Сергѣю Прокофьевичу)*. Значитъ, объ этомъ вамъ пишутъ?

Сергѣй Прокоф. Была, или нѣтъ?.. *(Молчаніе. Кричитъ)*. Отвѣчай!

Вѣра *(рѣшительно)*. Была.

Сергѣй Прокоф. Была-а?! *(Поднимается)*.

Вѣра. Скрывать не стану. Сама бы все разсказала. Была. Люблю его и была.

Сергѣй Прокоф Люб... любишь?! *(Губы его задрожали)*.

Вѣра. Люблю.

Сергѣй Прокоф. И... и такъ смѣло... такъ нахально говоришь это?!

Вѣра *(съ вызывающимъ видомъ)*. Да, смѣло. Вотъ какъ: если бы всю жизнь муку за это нести, — понесу, но стану благословлять свою любовь и съ нею лягу въ могилу.

Сергѣй Прокоф. *(кричитъ)*. Молчать!! Не говори такъ, не смѣй! Ты мнѣ... душу терзаешь!..

Вѣра *(значительно)*. Вамъ?

Сергѣй Прокоф. Не допущу!.. Убью, убью его, негодяя!!

Вѣра. Сергѣй Прокофьевичъ, не вынуждайте высказать вамъ горькую, постыдную правду... Ужасно тяжело это.. Вы — человѣкъ, котораго я уважала видитъ Богъ какъ!..

Сергѣй Прокоф. Что же ты можешь сказать про меня? Говори! Уважала! Ха, ха, ха! Говори! Я приказываю!

Вѣра. Извольте. Вы забыли, что я жена вашего брата. Вы изъ *личнаго*, низкаго чувства стали преслѣдовать меня, ревновать...

Сергѣй Прокоф. *(поблѣднѣлъ. Съ испугомъ)* Что?!

Вѣра. Оскорблять. И это въ то время, когда упрекнуть меня было не за что. Сначала я не могла понять этого. Я смутно чувствовала, что между нами возникаетъ что-то тяжелое, нехорошее: но гнала подозрѣнія, какъ недостойныя васъ. Но когда я поняла все, убѣдилась, мнѣ стало больно, обидно и... гадко. Я ужаснулась положенію, въ которое ставило меня ваше чувство. Съ одной стороны — грубый, несправедливый, развратный мужъ, съ другой — вы...

Сергѣй Прокоф. *(садится, еще блѣднѣе. Какъ бы обороняясь отъ удара)*. Довольно, довольно!

Вѣра. Вѣдь это адъ! Прежде, изъ одного того, чтобы не уронить себя въ вашемъ мнѣніи, я, можетъ быть, поборола бы себя; но когда даже вы, когда все отвращало меня отъ семьи, я слѣпо пошла за своею любовью. — Вотъ что наболѣло у меня на душѣ, Сергѣй Прокофьевичъ. Я не хотѣла вамъ

говорить...вижу, какъ тяжело вамъ... но вы сами заставили. Теперь вы знаете все. *(Уходитъ къ себѣ).*

Сергѣй Прокоф. Неужели?.. Боже мой, неужели я?.. *(Закрылся руками. Отнимая ихъ).* Низость! подлость!.. Да, она права... Все ясно... Она меня разгадала.. Я не смѣлъ въ себя заглянуть... Подавлялъ совѣсть, когда она говорила во мнѣ... Лгалъ передъ собою, постыдно лгалъ подъ личиною родственныхъ чувствъ... До-жить до та-кой мер-зости!!.. *(Сидитъ молча, низко опустивъ голову. Рѣшительно).* Уѣхать! *(Встаетъ).* Уѣхать не медля! Я не смѣю взглянуть имъ въ глаза, ни брату, ни ей... А вдругъ и Никандра обо всемъ извѣстили?.. Вѣдь онъ способенъ на все... Надо ей помочь, защитить... Бросить ихъ въ такомъ положеніи невозможно... Помочь непремѣнно... И мнѣ легче будетъ, и она... *(голосъ его дрогнулъ)* по крайней мѣрѣ не станетъ вспоминать обо мнѣ съ отвращеніемъ... *(Поспѣшно отираетъ слезы).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Сергѣй Прокофьевичъ *и* **Степанъ** (*осторожно входитъ изъ сада*).

Степанъ. Сергѣй Прокофьичъ, батюшка!.. *(Съ участіемъ подходитъ къ нему).*

Сергѣй Прокоф. *(оправляясь).* А, Степанъ!.. Вотъ что Степанъ: нынче я, можетъ статься, уѣду... съ курьерскимъ. Такъ, на всякій случай, приготовь...

Степанъ. Ѣхать изволите?... Слушаю-съ. Ишь вѣдь... Ахъ, Господи, разстревожились какъ!

Сергѣй Прокоф. Перестань. Дѣло на твоихъ рукахъ остается, Лукьянычъ.

Степанъ. Будьте покойны.

Сергѣй Прокоф. Еще бы! Такъ приготовь, братецъ... Да того... позови Вѣру Дмитріевну. Она у себя.

Степанъ. Слушаю-съ. *(У боковой двери).* А когда-же обратно изволите быть?

Сергѣй Прокоф. Не знаю, ничего не знаю. Позови-же. (*Степанъ уходитъ*). Успокоить ее и... Братъ узнаетъ—бѣда! Лучше всего ей уѣхать, хоть на время... Какъ ихъ оставить вдвоемъ?.. А самому оставаться... силъ моихъ нѣтъ, не могу!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сергѣй Прокофьевичъ *и* **Вѣра.**

Вѣра (*сухо*). Что вамъ угодно?

Сергѣй Прокоф. (*озабоченно подходя къ ней*). Вѣрочка... вотъ что... Тутъ у меня... (*Торопливо достаетъ изъ бумажника пачки кредитокъ*). Возьми.

Вѣра. Деньги?! (*Отступаетъ*). Это зачѣмъ?

Сергѣй Прокоф. Нужны будутъ... Если мужъ спроситъ... узнаетъ... ты вѣдь все скажешь ему?... про...

Вѣра. Конечно, скажу.

Сергѣй Прокоф. То-то... Я тебя знаю... Такъ вотъ... Ты не безпокойся, я поговорю съ нимъ, съ Никандромъ... вотъ какъ поговорю! А всего лучше тебѣ... хоть на время... подальше. Понимаешь?

Вѣра. Я и такъ собираюсь. Уѣду.

Сергѣй Прокоф. Ну вотъ... Возьми-же деньги... чтобы ни отъ кого не зависѣть и все... Важно это. Бери, или я такъ долженъ понять, что ты... презираешь меня. А это... это убьетъ меня, Вѣра. На-же, прячь, прячь! (*Она беретъ деньги*). Такъ какъ я уѣзжаю...

Вѣра. Вы?

Сергѣй Прокоф. По дѣламъ. Телеграмму получилъ... Неотложно... Такъ ты безъ меня отъ Никандра подальше... Вообще, какъ желаешь, какъ тебѣ сердце... Вотъ и все... (*Голосъ его задрожалъ*). И Господь съ тобой... да будетъ надъ тобой милость Его святая!.. (*Вѣра посмотрѣла на него глазами, полными слезъ, и вдругъ схватила его руку, чтобы поцѣловать*). Что ты, что ты!.. Кажется, братъ... Ну, прощай!

(Поцѣловалъ ее въ голову). Прощай, Вѣра, и того... не поминай лихомъ. *(Смахнулъ слезы и быстро уходитъ въ заднюю дверь. Вѣра въ рыданіяхъ уходитъ къ себѣ. За сценой гнѣвный голосъ Никандра).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Никандръ Прокефьевичъ *и потомъ* **Сергѣй Прокофьевичъ.**

Никандръ Прокоф. *(входитъ въ гнѣвномъ волненіи).* Что-жъ мнѣ теперь съ нею сдѣлать?! Убить? *(Шагаетъ по комнатѣ. Входитъ братъ).* Тихоня! кислятина! Какова?! Ну, чертъ возьми!...

Сергѣй Прокоф. И тебѣ какой-то подлецъ написалъ про Вѣру?

Никандръ Прокоф. А вотъ я допытаюсь, правда-ли это, или нѣтъ. Эй, жена!... Тьфу, какая она мнѣ жена! Чертъ! *(Кричитъ)* Вѣра!

Сергѣй Прокоф. Погоди, не кричи. Я ужъ говорилъ съ нею объ этомъ.

Никандръ Прокоф. Ну?

Сергѣй Прокоф. Призналась.

Никандръ Прокоф. А-а! Хорошо же! Я т-тебя!! *(Идетъ къ боковой двери, сжавъ кулаки).*

Сергѣй Прокоф. *(удерживаетъ его).* Стой! *(Возвысивъ голосъ).* Если я говорю, такъ ты слушай!

Никандръ Прокоф. *(посмирнѣлъ).* Что слушать-то? Извѣстно какіе твои разговоры...

Сергѣй Прокоф. *(грозно).* Никандръ!.. Не мнѣ твоимъ умомъ жить... А въ такомъ дѣлѣ однимъ гнѣвомъ пути не сыщешь. Я разсудилъ какъ быть... и за лучшее почелъ удалить ее..

Никандръ Прокоф. Выгналъ?

Сергѣй Прокоф. Она и такъ тебѣ не нужна, въ забросѣ давно. А чтобы заткнуть рты, не корили-бы насъ... понимаешь?... не корили-бъ, что мы поблажаемъ, или какъ... нам-

лучшее—удалить. Всякъ похвалитъ тебя за это по здѣшнимъ понятіямъ, и никакого на тебя черезъ Вѣру позора не ляжетъ... хоть сраму тебѣ, кажется, не прибавитъ ничто.

Никандръ Прокоф. Слышали. Будетъ! Знаемъ все это достаточно. Прогнать! Какъ-же: ступай, молъ, себѣ, милашечка, куда желательно. Покорнѣйше благодаримъ! Такъ? Ну, нѣтъ, шалишь! Сперва разсудить, расказнить ее, а тамъ ужъ ступай къ черту, коли будешь жива.

Сергѣй Прокоф. Расказнить!.. На это сейчасъ! Чего другого, а звѣрства въ насъ сколько угодно.

Никандръ Прокоф. А вотъ покажемъ, что въ насъ такое! *(Ринулся къ боковой двери).*

Сергѣй Прокоф. *(заступая ему дорогу).* Пальцемъ не тронешь!

Никандръ Прокоф. *(сжавъ кулаки).* Я-я?!

Сергѣй Прокоф. *(скрестилъ руки и выпрямился).* Ты. Не дамъ, не позволю!

Никандръ Прокоф. Вотъ хорошо, вотъ прекрасно! Значитъ, ты за обманъ, за распутство ея стоишь?

Сергѣй Прокоф. За человѣка стою, за душу его стою я. За то стою, чтобъ не изнывала душа человѣка въ несчастьи. Далъ ли ты счастье женѣ? — Нѣтъ. Ты шесть лѣтъ оскорблялъ, унижалъ ее, мѣнялъ на всякую дрянь, въ разгулѣ, въ пьяномъ развратѣ. Если-бъ не я, ты подъ пьяную руку билъ бы ее, въ гробъ бы вогналъ! А она живая душа, Никандръ, и ей свѣта и воздуха нужно. Суди же по совѣсти, будь справедливъ. И ты будешь справедливъ, Никандръ *(взялъ его за руку),* потому что правда не заглохла въ тебѣ. Скажи по чести, какъ передъ Господомъ Богомъ: виноватъ ты передъ Вѣрой, вѣдь кругомъ виноватъ?

Никандръ Прокоф. *(понурился).* Ну... виноватъ.

Сергѣй Прокоф. *(беретъ его за плечи).* Спасибо, братъ. Честное, святое слово сказалъ ты. Такъ если она виноватою стала, тебѣ-ли судить ее и карать? Нѣтъ, милый мой. Пускай судитъ ее Господь, да совѣсть ея... Правда? Обѣща-

ешь?.. слово!.. *(Протягиваетъ ему руку. Никандръ, не поднимая головы, медленно даетъ свою)*. Не знаешь ты... и никогда не узнаешь, насколько меня облегчилъ...

Никандръ Прокоф. Что ужъ тамъ!.. Извѣстно: миротворецъ, потатчикъ...

Сергѣй Прокоф. Не то, братъ, не то!.. Есть мнѣ имя другое... И вотъ, когда сотрется оно съ моей совѣсти... Миротворцы съ миромъ въ душѣ живутъ, братъ... А ты облегчилъ мою душу, помогъ!.. Спасибо! *(Крѣпко поцѣловалъ его и уходитъ)*.

Никандръ Прокоф. Расчувствовался. Даже невразумительно гоовритъ сталъ... *(Ходитъ большими шагами)*. Ну, мнѣ не уходиться этимъ манеромъ!.. *(Кричитъ)*. Лошадей! Кто тамъ? Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Никандръ Прокофьевичъ *и* **Степанъ.**

Степанъ. Что прикажете?

Никандръ Прокоф. «Черта» заложить, тройку! съ бубенцами, со звономъ. Живо! Да кнутъ положить мнѣ хорошій!

Степанъ *(про себя)*. Прощай кони! Загонитъ. *(Уходитъ)*.

Никандръ Прокоф. Ахъ, и покачу! Вихрю не догнать, такъ помчусь!.. До чего дошло, а!.. Опозорили!.. Скажи кто-нибудь, что можетъ такое случиться, разразилъ бы! А тутъ самого ошарашили... Ну, попадись мнѣ этотъ полковникъ! Узнаетъ, какъ чужихъ женъ сбивать! Покажу!.. А у брата я во всемъ виноватъ. Вишь, съ самаго начала виноватъ: и женился-то зря, не размысливъ, и жену обижалъ и велъ себя нельзя хуже... Что правда, то правда... Много Вѣра обидъ приняла... Я и во вниманіе не бралъ, словно такъ и быть надлежало... Вотъ и наказуетъ Господь, да!.. А все лучше покамѣстъ не видать мнѣ ее... Поостеречься... Неровёнъ часъ... *(Задумчиво ходитъ, заложивъ руки за спину)*. Степанъ!

Степанъ (*входя*). Сейчасъ будутъ готовы, Никандръ Прокофьичъ.

Никандръ Прокоф. Что готовы?

Степанъ. А лошади-съ. Приказали вѣдь...

Никандръ Прокоф. Да, да! Гмъ... хозяйка-то... дома, или нѣтъ?

Степанъ. Уѣхала-съ... вещи забрамши уѣхала. (*Со вздохомъ, глядя въ сторону*). Неладно.

Никандръ Прокоф. (*вспыльчиво*). А я съ тобой разговариваю объ этомъ? Вѣдь нѣтъ? Такъ чего же ты... чертъ!!

Степанъ. Ваше дѣло, извѣстно.

Никандръ Прокоф. Да ты за обиду не принимай, что я тебя, стараго человѣка...

Степанъ. Привычны-съ.

Никандръ Прокоф. (*положивъ руку ему на плечо*). Не обижайся, Лукьянычъ... потому (*сердечно*) тошно вѣдь мнѣ, тошно!

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Пріемная Сильвачева. Въ задней стѣнѣ дверь въ прихожую, направо въ спальню. Налѣво два окна, между которыми письменный столъ. По правой стѣнѣ диванъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сильвачевъ (*за письменнымъ столомъ*) и **Власъ** (*медленно и безцѣльно снуетъ по комнатѣ, передвигая мебель, смахивая пыль, причемъ ядовито ухмыляется на барина и покашливаетъ*).

Сильвачевъ (*теряя терпѣніе*). Несносно!.. Что ты толчешься здѣсь? Что тебѣ нужно?

Власъ. Что нужно!.. Прибираю.

Сильвачевъ (*повертывается къ нему съ кресломъ*). Нечего прибирать. Ступай!

Власъ. Ступай!.. Потому какъ она безпорядокъ налѣзала у насъ... эта... гостья-то. *(Сильвачевъ отвернулся къ столу).* Гм!.. Коли такое безобразіе завелось, тутъ не то что порядокъ, тутъ ужъ все врозь пойдетъ, все! И сраму не оберешься, потому ежели милашка...

Сильвачевъ. Убирайся вонъ!

Власъ *(ехидно посмотрѣлъ на него и торжественно достаетъ изъ кармана длинныя женскія перчатки).* Извольте получить.

Сильвачевъ *(вскакиваетъ).* Что еще?

Власъ. Перчатки. Эта... забыла вчерась. Вотъ. *(Сильвачевъ вырвалъ ихъ и уходитъ въ боковую дверь).* Что, или совѣстно стало? Погоди, я тебя допеку!.. Ишь какую волю забралъ!.. Коли тебѣ влѣзло въ голову, такъ перво-на-перво скажи мнѣ: Власъ, такъ, молъ, и такъ... Ну и допущу, коли по моему разсужденію выходитъ статья подходящая. А то ничего я не знаю, не вѣдаю и вдругъ—милашка! Нѣ-ѣтъ, погоди! Всякъ знаетъ, что къ барину мимо меня хода не полагается. Власъ Кондратьичъ у всего нашего батальона въ почетѣ, у всѣхъ офицеровъ. Всякъ деньги ему суетъ, только благоволи. Да! А эта хоть бы рублевку! *(Понюхалъ табаку).* Узнаешь ты Власа Кондратьича, погоди!... Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Власъ *и* мальчикъ.

Мальчикъ *(бойко).* Полковникъ дома?

Власъ. Не полковникъ, а господинъ полковникъ. Болванъ! Чего тебѣ?

Мальчикъ. Записка къ нимъ.

Власъ. Отъ кого?

Мальчикъ. Тамъ написано отъ кого.

Власъ. Написано! Подай!

Мальчикъ. Самому въ руки велѣли отдать.

Власъ. Подай, говорю!

Мальчикъ. Имъ въ руки, а то не приказано.

Власъ. Не приказано! Пошелъ вонъ!

Мальчикъ. Барина кликните, тогда и пойду.

Власъ. Поросенокъ! Я тебѣ укажу дорогу! (*Схватилъ его за ухо. Мальчикъ кричитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же *и* **Сильвачевъ**..

Сильвачевъ. Что такое?! Оставь! (*Освобождаетъ мальчика*).

Мальчикъ. Чего онъ дерется! Вамъ записку прислали отдать... Вѣра Дмитріевна... а онъ дерется...

Сильвачевъ. Отъ Вѣр... Дай сюда! (*Взялъ записку и въ волненіи распечатываетъ ее. Власъ, схвативъ мальчика за плечи, пятитъ его къ двери*).

Мальчикъ. Да что вы!.. Можетъ, отвѣтъ дадутъ...

Власъ. Никакого отвѣта не будетъ; а тебѣ будетъ, тебѣ я... (*Вытолкнулъ мальчика въ прихожую и ушелъ за нимъ*).

Сильвачевъ (*читаетъ*). „Все узнано"... Узнано?! (*Читаетъ*). „Переѣхала пока въ слободу, къ Агафьѣ. Близъ церкви, сѣренькій домикъ, гдѣ портной... Жду съ нетерпѣніемъ"... Что же теперь дѣлать? Уѣхать, увезти ее?.. Лагерное время, ни за что не отпустятъ... И куда увезти?.. Переѣхала. То-есть выгнали? Мужъ звѣрь... Ну да, разумѣется... Огласка, скандалъ, оскорбленія!.. Каково ей?.. Просто сердце упало... Надо къ ней ѣхать... сейчасъ... Обдумать, успокоить ее... Сразу ничего не придумаешь. Мысли спутались, сбились... Главное—успокоить... (*Садясь и хватаясь за голову*). Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сильвачевъ *и* **Ветенскій**

Ветенскій. Скажи, пожалуйста, что у тебя творится?

Сильвачевъ (*съ испугомъ*). У меня?

Ветенскій. Помилуй! Твой Власъ вцѣпился въ какого-то мальчика. Тотъ вырывается, оретъ...

Сильвачевъ (*идя къ двери*). Ахъ, этотъ Власъ!

Ветенскій (*удерживая его*). Успокойся. Я выручилъ мальчика. Улепетываетъ во всѣ лопатки. А чѣмъ провинился онъ, твой личарда такъ и не соизволилъ сказать.

Сильвачевъ. Да ничѣмъ... Записку принесъ.

Ветенскій. Пасквиль?

Сильвачевъ. Нѣ-тъ!.. Отъ нея... Вѣра пишетъ.

Ветенскій. Кто? Ха, ха, ха! Хорошъ сюрпризъ Вѣрочкѣ! Нѣжное посланіе и въ отвѣтъ—трепка! Ха, ха, ха!

Сильвачевъ. Ну, можешь судить, въ какія положенія ставитъ меня этотъ дуракъ! (*Въ волненіи ходитъ по сценѣ*).

Ветенскій. Вольно-же сносить опеку лакея! Грубая бестія. Хозяйничаетъ у тебя и ко всему этому—взяточникъ. Но это не такъ важно, что-бы очень ужъ волноваться. Помилуй, на тебѣ лица нѣтъ!

Сильвачевъ. Еще бы... такія вѣсти!..

Ветенскій. Отъ жены что-нибудь?

Сильвачевъ. Нѣтъ. Записка...

Ветенскій. Да, да, да! Что же такое?

Сильвачевъ. А видишь... Да лучше прочти.

Ветенскій (*прочелъ записку и свистнулъ*). Дѣло дрянь! Я во всякихъ передѣлкахъ бывалъ, но отъ любовныхъ избавилъ Господь. Никогда не связывался съ порядочной женщиной. Что же ты думаешь дѣлать?

Сильвачевъ. Я просто голову потерялъ.

Ветенскій. Вижу.

Сильвачевъ. И какъ это могло обнаружиться! так скоро!

Ветенскій. Весьма просто. „Спроси у сосѣда, что дома дѣлается“, говоритъ пословица. Наконецъ, Вѣрочка при первомъ подозрѣніи, вѣроятно, призналась сама.

Сильвачевъ. Ты думаешь?

Ветенскій. Увѣренъ. Нервная женщина. У нихъ эти

порывы естественны. Наконецъ, у женщинъ... я разумѣю хорошихъ... любовь всегда близка къ самоотверженію. По нашему, Вѣрочка проболталась, а по ея выходитъ, что она „освятила“ свою любовь, „все принесла ей въ жертву“ и прочее. Не разсчетливо, глупо, особенно на взглядъ адюльтерныхъ пройдохъ, но во всякомъ случаѣ—честно и даже возвышенно.

Сильвачевъ. Конечно, такъ и должно было случиться, конечно...

Ветенскій. Но ты досадуешь, что обстоятельства треснули тебя по лбу. Да, вся эта исторія врывается въ твою жизнь и комкаетъ въ ней все. Это, разумѣется, не легко. Но интересно знать: что сильнѣе въ тебѣ—эта ли досада, или участіе къ женщинѣ, которой ты, конечно, клялся въ любви?

Сильвачевъ. Какая тутъ досада! Ничего ты не понимаешь! Неожиданность. Знай я, что случится такой переворотъ, я бы все обдумалъ и записка Вѣры не застала бы меня врасплохъ.

Ветенскій. Такъ ли? Ты бы волновался, рѣшался и ничего бы не предпринималъ. Припомни цвѣты.

Сильвачевъ. Что цвѣты?

Ветенскій. Ты чуть не цѣлую недѣлю собирался отослать ихъ Вѣрѣ Дмитріевнѣ.

Сильвачевъ. На это были свои причины.

Ветенскій. Ну да, предположенія, сомнѣнія разныя. У васъ всегда такъ. Да ты серьезно любишь Вѣру, или такъ себѣ, увлекся?

Сильвачевъ. Нелѣпый вопросъ! Конечно, серьезно.

Ветенскій. Если такъ, то на твоемъ мѣстѣ я давно бы былъ *тамъ*, въ сѣренькомъ домикѣ, у Агафьи.

Сильвачевъ (*засуетился*). Я и хотѣлъ, и ѣду сейчасъ. (*Застегиваетъ сюртукъ*). Но все же надо придумать, какъ устроить, чѣмъ успокоить Вѣру.

Ветенскій. Для этого прежде всего надо самому успокоиться.

Сильвачевъ. Не могу. Меня мучаетъ, что я во всемъ виноватъ. Пойми! Хорошо-ли, дурно-ли, но положеніе ея было опредѣленное. Она спокойно жила до меня. А теперь? Что я дамъ ей взамѣнъ?

Ветенскій. Чудакъ! Если она сама предпочла твою любовь прежнему положенію, о чемъ же мучиться тебѣ? Ты не завлекалъ ее, не ухищрялся во что-бы то ни стало овладѣть ею...

Сильвачевъ. Понятно.

Ветенскій. Скорѣе наоборотъ. Ты, вѣроятно, былъ сдержаннѣй съ нею, чѣмъ всякій другой на твоемъ мѣстѣ. И почему? Потому что боялся взять на совѣсть ея судьбу, робѣлъ.

Сильвачевъ. Не робость, а было надъ чѣмъ задуматься, разумѣется.

Ветенскій. И выходитъ по-моему. Себялюбіе безхарактерныхъ людей, милый мой. Всѣ вы таковы. Истинная любовь, особенно при обстоятельствахъ исключительныхъ, какъ у васъ, требуетъ рѣшимости, воли, а это вамъ и ужаснѣй всего. Выходитъ, что и тутъ тебя *взяли*, пока ты не остылъ отъ колебаній и страховъ за будущее.

Сильвачевъ (*взялъ фуражку и надѣваетъ перчатки*). „Взяли!" Говорить такъ—значитъ не понимать Вѣры, не знать, что эта женщина достойна высокаго уваженія.

Ветенскій. Ахъ, Боже мой! Развѣ я осуждаю ее? Я говорю только, что нравственный подъемъ у нея сильнѣе, нежели у тебя. Поэтому не она шла за тобою, а ты за нею. Это не исключаетъ ни скромности Вѣры, ни порядочности во всѣхъ отношеніяхъ...

Сильвачевъ. Ну ѣду.

Ветенскій. Ободрись и будь молодцомъ. Тебѣ предстоитъ серьезно позаботиться о Вѣрѣ. Теряться не время.

Сильвачевъ. Конечно. Спасибо за участіе. Отъ нея я къ тебѣ. Постой-ка, кто-то подъѣхалъ... (*Смотритъ въ окно*). Она!

Ветенскій. Вѣра Дмитріевна? Ну, вотъ что, дружище. Мнѣ жаль ее и тебя также. Надо васъ выручать. У меня есть планъ. Все постараюсь устроить. Иди же, встрѣчай, а я пройду чернымъ ходомъ.

Сильвачевъ (*горячо пожимаетъ ему руку*). Спасибо, спасибо тебѣ!

Ветенскій. Ступай ужъ, ступай! (*Сильвачевъ уходитъ*). Если женщина беретъ такихъ, какъ мы, то не попадется въ просакъ, потому что знаетъ, что беретъ дрянь: а эти... Вѣдь вотъ прекрасный человѣкъ, добрый, честный, а можно ли довѣрить ему судьбу? (*Уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Сильвачевъ *и* **Вѣра**. (*Онъ держитъ ея руки*).

Вѣра. Я писала...

Сильвачевъ. Получилъ, получилъ. Сію минуту хотѣлъ ѣхать къ тебѣ. Задержалъ Ветенскій.

Вѣра. Мальчикъ, съ которымъ послала записку, не возвращался. Мнѣ не терпѣлось...

Сильвачевъ. И прекрасно сдѣлала, что пріѣхала. Милая, милая!... (*Цѣлуетъ ея руки. Садятся*). Ну что, какъ? Я былъ пораженъ. Я измучился за тебя!

Вѣра. Вотъ и хотѣлось поскорѣй увидаться... узнать, какъ ты примешь... и еще разныя мысли... А вышло у насъ вотъ какъ...

Сильвачевъ. Дикая, грубая сцена? угрозы? Голубка моя! (*Порывисто привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ*).

Вѣра. Нѣтъ, милый. Деверь получилъ про насъ анонимное письмо...

Сильвачевъ (*вставая*). И кому это нужно?! Неужели Аравинъ? Негодяй! (*Прошелся въ волненіи*).

Вѣра. Ну, разгорячился. Я не стала скрывать. Что-нибудь одно... Иначе я не могла...

Сильвачевъ (*садясь и беря ея руку*). Еще бы! Конечно!

Вѣра. Онъ же, Сергѣй Прокофьевичъ, устроилъ такъ, что съ мужемъ у насъ ничего не было.

Сильвачевъ. Да-а? Ну, слава Богу! Это мучило меня больше всего. Слѣдовательно, ты сама уѣхала, а не то, чтобы?

Вѣра. Сама.

Сильвачевъ. Гора съ плечъ!

Вѣра. И въ этомъ помогъ Сергѣй Прокофьевичъ. Отличный онъ. Боюсь, что я была слишкомъ несправедлива къ нему... преувеличила, придралась... Такъ мнѣ *нужно* было и придралась...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же *и* **Власъ**.

Сильвачевъ. Что тебѣ?

Власъ (*значительно*). Звали?

Сильвачевъ (*глядя въ сторону*). Не думалъ. Ступай! (*Власъ не трогается*). Ступай, сказано тебѣ! Да не принимать никого.

Власъ. Время ли добрыхъ людей принимать, ежели...

Сильвачевъ (*поднимаясь*). Что-о?! Ты, я вижу, хочешь чтобъ я прогналъ тебя, а?! (*Подступаетъ*).

Власъ. Дѣ-ла! (*Гнѣвно взглянулъ на Вѣру и уходитъ, хлопнувъ дверью*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сильвачевъ *и* **Вѣра**.

Сильвачевъ. Животное!.. Не обращай вниманія, Вѣра. Онъ несносенъ, но, право, не дурной человѣкъ... Ну, да что объ этомъ! (*Опять ходитъ съ озабоченнымъ видомъ*). Что я хотѣлъ сказать?.. Да! Былъ Ветенскій. Обѣщалъ... Онъ принимаетъ въ насъ живое участіе... Я гораздо хуже ду-

малъ о немъ... Все обѣщаетъ устроить. Я не знаю еще какъ и что, но все будетъ сдѣлано... На бѣду лагерное время, а то бы намъ лучше всего уѣхать пока... Это бы самое лучшее... О чемъ ты такъ грустно задумалась, голубка моя? (*Садится и обнимаетъ ее за талію*).

Вѣра (*съ подавленнымъ вздохомъ*). Мнѣ кажется, что ты слишкомъ... озабоченъ.

Сильвачевъ. Но естественно...

Вѣра. И непріятно озабоченъ.

Сильвачевъ. Перестань! При тебѣ я спокойнѣе и нѣтъ ужъ той путаницы въ головѣ... Все устроится... Не говори такъ, радость моя.

Вѣра. Нѣтъ, дай высказать. Меня измучили эти мысли. Все случилось вдругъ, измѣнилось круто и, можетъ быть, вовсе не такъ, какъ бы ты желалъ.

Сильвачевъ (*съ упрекомъ*). Вѣра!

Вѣра. Хлопоты изъ-за меня, безпокойства... Станутъ говорить, осуждать... Тебя это поставитъ въ неловкое положеніе, даже по службѣ. Все это пришло тебѣ въ голову послѣ моей записки. Вотъ и „путаница“ въ мысляхъ...

Сильвачевъ (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ!.. Кончила ты?

Вѣра. Во всякомъ случаѣ предупреждаю тебя, что имѣю средства жить независимо отъ семьи...

Сильвачевъ. Вѣра, Вѣра! Извини, но возмутительно, что ты говоришь! За кого ты считаешь меня?

Вѣра. Прости, милый! (*Беретъ его руку*).

Сильвачевъ. Развѣ я...

Вѣра (*прерываетъ*). Погоди. Выслушай. Я вѣдь не о себѣ безпокоюсь, не о своемъ положеніи думаю; а только о тебѣ, объ одномъ тебѣ. Я хотѣла узнать, что тамъ, въ глубинѣ души, не шевельнулось ли у тебя недовольства, досады...

Сильвачевъ. Опять ты свое!

Вѣра. Выслушай, милый, не горячись. Это можно не высказать, даже подавить въ себѣ. Благородный и любящій человѣкъ такъ и сдѣлаетъ. Но то, что западетъ въ душу,

обнаружится послѣ... Мало-ли случаевъ, которые могутъ вызвать эти затаенныя чувства, особенно въ нашемъ положеніи!

Сильвачевъ. Такъ они есть у меня? Ты непремѣнно хочешь навязать ихъ мнѣ? Почему? Говори откровенно. Откуда эти сомнѣнія? Не потому ли, что я показался тебѣ „непріятно озабоченнымъ"? Откровенно, Вѣра!

Вѣра. Сомнѣнія явились сами собою, изъ нашего положенія. Я затѣмъ и летѣла сюда, чтобы все уяснить. И теперь же, въ началѣ, чтобы потомъ не было сожалѣній, досады... Потомъ я можетъ быть не переживу этого... И довольно было взглянуть на тебя...

Сильвачевъ. Чтобы сомнѣнія укрѣпились? Понимаю. Я растерялся, не сумѣлъ успокоить тебя. Вотъ что скажу я на это. Человѣкъ съ характеромъ сразу сообразитъ все и пойметъ, какъ ему дѣйствовать. Онъ ни на что не закрываетъ глаза, рѣшителенъ и спокоенъ. Я не таковъ и жестоко поплатился за это въ жизни. Ты знаешь. Вся моя сила—любовь къ тебѣ.

Вѣра. Милый!

Сильвачевъ. Она дастъ мнѣ и твердость, и увѣренность въ себѣ и спокойствіе! Ну, а сомнѣнія твои—клянусь! тѣни ничего такого не было у меня,—недовольства, или досады—тѣни не было, Вѣра!

Вѣра. Прости, мой хорошій! *(Поцѣловала его).*

Сильвачевъ. Одна забота, одна мысль у меня: чтобъ ты, радость, сокровище мое, была довольна и счастлива!

Вѣра. Я счастлива, милый, такъ счастлива!.. *(Порывисто обняла его и цѣлуетъ).*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната. Въ задней стѣнѣ отворенная дверь въ садъ, направо дверь въ прихожую и окно, налѣво—въ спальню. Обстановка простая, чистенькая и веселенькая.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣра *(съ шитьемъ)* и **Агафья** *(сидятъ).*

Вѣра. Спасибо, Агафьюшка, что зашла навѣстить. Гдѣ же ты на богомольѣ была?

Агафья. А въ пустыни. Вѣдь икону вчерась оттуда подняли. Самъ алхарей... Къ намъ въ городъ перенесли Царицу Небесную. Али забыла?

Вѣра. Ахъ, да, да!

Агафья. Видно, все-то ты здѣсь перезабыла... И какъ у насъ поживаютъ—не спросишь... Поглядѣла бы, какая въ Никандрѣ Прокофьевичѣ перемѣна...

Вѣра. Не надо.

Агафья. Да вѣдь я къ тому...

Вѣра. Не надо. Перестань!

Агафья. Ну, перестану, перестану, коли слышать не хочешь! *(Молчаніе. Вѣра склонилась надъ шитьемъ. Иголка ея быстро мелькаетъ).*

Вѣра. А Сергѣй Прокофьевичъ?

Агафья. Да все, матушка, нѣту. Тогда же уѣхалъ, какъ ты. Съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу. *(Вѣра тяжело вздохнула).* Такъ вотъ какъ ты устроилась! Хорошо. И у насъ говорили, что хорошо у тебя на усадьбѣ.

Вѣра. *(съ досадою).* А почемъ знаютъ въ городѣ, какъ и что у меня?

Агафья. Хе-хе! А ты думаешь, что уѣхала, такъ о тебѣ и забыли? Во-на! Еще какой говоръ идетъ!

Вѣра. Какъ меня это бѣситъ! *(Обрываетъ нитку).*

Агафья. Что дѣлать! На чужой ротокъ не накинешь платокъ. *(Встаетъ).* Ну, матушка, я пойду.

Вѣра. Куда-же? Посиди!

Агафья. И пора, да и то сказать: какая отъ меня радость? Только разстройство. Все о томъ болтаю, что тебѣ забыть нужно...

Вѣра. Посиди, Агафьюшка, я тебѣ рада. Разскажи что-нибудь.

Агафья *(садится).* Что же тебѣ разсказать? Про себя нешто? *(Зорко на нее поглядѣла).* Изволь. Послушай, какую мнѣ Господь долю послалъ. Разскажу. Въ свою пору была я, милая моя, дѣвка не изъ послѣднихъ. И нрава веселаго, и съ лица ничего себѣ и работница. Ну, выдали замужъ. И попался мнѣ мужъ до вина злющій, да буйный. Какъ выпилъ, на двѣнадцать ножей полѣзетъ. Вотъ какой! Съ каждымъ встрѣчнымъ ссора и сейчасъ въ носъ, да въ рыло. Въ буйствѣ на разбой хаживалъ. Вотъ до чего. И зазнала же я съ нимъ горя, матушка моя! Какъ, бывало, праздникъ подходитъ, я за вытье, потому быть мнѣ битой. Ну, и бивалъ! Такъ бивалъ, что по три недѣли лежала я почитай что безъ памяти, тѣло, бывало, что чугунъ черное.

Вѣра *(прерываетъ).* Ужасно! И ты терпѣла?!

Агафья. Какъ быть-то? Судьба. Господь терпѣлъ, да и намъ велѣлъ. Однако не въ моготу становилось, особливо какъ сталъ мужъ грозить, что и вовсе убьетъ. Приходило на мысль руки на себя наложить. Что-жъ, думала я: мужъ въ тѣлѣ волёнъ, а душа моя. Да Богъ спасъ.—И такъ-то мучилась я безъ малаго двадцать годовъ. Шутка? Гнись, да бодрись—что дѣлать? И не только стороннимъ кому, а и роднымъ никогда про это не сказывала. Боже избави! Даже осерчаю, бывало, какъ начнутъ спрашивать, да жалѣть.—Вотъ, матушка, какъ—бываетъ—люди живутъ. Не къ твоей судьбѣ приравнять!

Вѣра *(въ волненіи).* Вотъ ты къ чему свела! Ну, это

напрасно. Я ничьихъ совѣтовъ ни спрашиваю. Худо ли, хорошо ли я поступила—такъ тому и быть.

Агафья. Твоя воля, матушка. Кто въ грѣхѣ, тотъ и въ отвѣтѣ. Извѣстно. *(Помолчали).* Что-жъ ты все такъ и будешь здѣсь проживать?

Вѣра. Нѣтъ... Думаю переѣхать въ Москву.

Агафья. *Съ нимъ?..* Стало быть, онъ тамъ о мѣстѣ хлопочетъ?... *(Вѣра не отвѣчаетъ).* Какъ выйдетъ мѣсто, такъ вы?...

Вѣра *(прерываетъ съ досадою).* Ну да, да! Нельзя же здѣсь оставаться. Что будетъ—увидимъ.

Агафья *(тяжело вздохнула. Подумавши).* По крайности вотъ что скажи, болѣзная моя. Люблю вѣдь я тебя крѣпко. Потому и спрашиваю. Какъ вы между собой?

Вѣра *(отложила работу, съ оживленіемъ).* А вотъ какъ, Агафьюшка: и не думалось и не грезилось, что можно любить такъ. Хорошо мнѣ съ нимъ, такъ хорошо, что я ни о прошломъ не думаю, ни впередъ не загадываю. Онъ такой добрый, благородный, прекрасный!

Агафья. Ну, слава Богу. Хоть это-то! И спокоенъ?

Вѣра *(задумалась).* Этого не скажу... Ужъ характеръ такой у него...

Агафья. Знаю. То и горе, что за такимъ крѣпко не жить. Ну, да что будешь дѣлать! А ты его поддержи, когда успокой, когда ободри. Только любилъ бы, а то все ладно будетъ. *(Поднимается).* Затѣмъ прощай, матушка. Напоила, накормила, привѣтила. Спасибо тебѣ!

Вѣра. Посиди!

Агафья. Нѣтъ, матушка, пора, пора. Засидѣлась.

Вѣра. Ну, что дѣлать! Дай хоть провожу. За садомъ по полевой дорожкѣ ближе тебѣ, чѣмъ по большой дорогѣ идти.

Агафья. Ну что-жъ, проводи, проводи! *(Уходятъ въ садъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Марковна *и* **Аравинъ** (*изъ прихожей*).

Анна Марковна. Вотъ гдѣ голубки свили гнѣздышко! Очень мило.

Аравинъ. Среди полей-съ, въ поэтическомъ уединеніи, ха-ха-ха!

Анна Марковна (*осматривается*). Ce n'est pas mal du tout. А! портретъ мужа! Въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и зелени... (*Съ гримасой*). Мѣщанская идиллія.

Аравинъ. Совершенно вѣрно-съ. Уголокъ этотъ устроилъ имъ господинъ Ветенскій.

Анна Марковна. Cousin?—Неисправимъ!

Аравинъ. Это была заброшенная усадьба. Какъ изволите видѣть, все отдѣлано заново: мебель, обои... Влѣзло въ копѣечку-съ. И сюда-то супругъ вашъ, такъ сказать, прилетаетъ на крыльяхъ любви, ха-ха-ха! Кстати отъ города близко.

Анна Марковна. Да, они недурно устроились. Drôles de gens!.. Я очень признательна вамъ, monsieur Аравинъ, что вы довели обо всемъ этомъ до моего свѣдѣнія.

Аравинъ. Почелъ долгомъ поставить въ извѣстность...

Анна Марковна. Merci. Сначала, получивъ ваше письмо... отъ лица совершенно мнѣ неизвѣстнаго... я подумала, что это пасквиль; но вскорѣ ваше любезное участіе объяснилось, а дальнѣйшая переписка наша открыла мнѣ все.

Аравинъ (*съ поклономъ*). Вашъ покорный слуга, Анна Марковна.

Анна Марковна. Но долгъ платежомъ красенъ. Мнѣ бы хотѣлось быть вамъ полезной.

Аравинъ. Въ сношеніяхъ, которыя я осмѣлился завязать съ вами, мною руководило безкорыстное чувство, повѣрьте!.. чувство глубокаго уваженія и участія къ женщинѣ, права которой такъ нагло попраны...

Анна Марковна. Надѣюсь, дѣло нетрудно поправить.

Аравинъ (*вкрадчиво*). Но если вы настолько внимательны, что расположены въ пользу моихъ интересовъ...

Анна Марковна. О, совершенно.

Аравинъ. То мнѣ остается благодарить, искренно благодарить васъ. (*Цѣлуетъ ея руку*). Принимая во вниманіе, что вашъ достойный братецъ—главный директоръ дороги, на которой я служу...

Анна Марковна. Въ самомъ дѣлѣ? А ваше мѣсто?

Аравинъ. Весьма незначительное... по технической части...

Анна Марковна. Я напишу. Constantin охотно для меня сдѣлаетъ. Вы скажете потомъ, чего бы хотѣли. Теперь забуду. (*Аравинъ кланяется*). Однако гдѣ же *она?*

Аравинъ. Если не ошибаюсь, вонъ мелькнуло ея платье, въ саду... Да, она-съ. (*Вѣра проходитъ въ глубинѣ черезъ сцену*).

Анна Марковна (*накинувъ pince-nez*). Эта-а?! (*Усмѣхнулась*).

Аравинъ. Увлечься ничтожествомъ, имѣя счастье обладать такою супругой!..

Анна Марковна (*съ ироніей*). Il parait, que vous voulez me faire des compliments? Интрижка не есть увлеченіе, monsieur Аравинъ.— Однако интересно взглянуть, какъ у нихъ?.. (*Уходитъ налѣво*).

Аравинъ (*быстро потираетъ руки*). О, черезъ эту барыню можно отлично обдѣлать дѣлишки!.. А если приволокнуться? Чѣмъ чертъ не шутитъ?.. Пожила, но недурна... изящна, пикантна... Холодная самоувѣренность, иронія—люблю! Вотъ ужъ гдѣ ни капли сентиментальности. Скорѣе страстность, даже цинизмъ. Отчего и не пуститься въ амуры? Кто умно ведетъ дѣла съ женщинами, никогда не проигрываетъ.

Анна Марковна (*входя*). Однако, они устроились совсѣмъ по-семейному!

Аравинъ. Я вамъ докладывалъ.

Анна Марковна. Я не знаю этой женщины; но по нѣкоторымъ мелочамъ обстановки, отчасти познакомилась съ нею.

Аравинъ. Она съ характеромъ.

Анна Марковна. Какъ велико ея вліяніе на моего мужа—а оно несомнѣнно—мы вскорѣ увидимъ. Но возможно, что меня вынудятъ на нѣкоторыя особенныя мѣры... Могу ли я положиться на васъ?

Аравинъ. Безусловно, во всемъ-съ.

Анна Марковна. Напримѣръ, вы мнѣ поможете войти въ сношенія съ... какъ его? Разваловъ?

Аравинъ. Ея мужъ? Разваловъ-съ, Никандръ Прокофьевичъ.

Анна Марковна. Говорятъ, онъ грубъ и кутила?

Аравинъ. Совершеннѣйшій скотъ.

Анна Марковна. Тѣмъ лучше. Конечно, я предполагаю крайнюю мѣру; едва-ли въ ней встрѣтится надобность; но если бы...

Аравинъ. Повторяю, я весь къ вашимъ услугамъ.

Анна Марковна. Merci. (*Пожала ему руку*). Вы очень милы. Я постараюсь быть вамъ полезной. (*Аравинъ цѣлуетъ ея руку*). Особа эта, кажется, идетъ сюда. Пока до свиданія. Я напишу брату. Напомните. (*Аравинъ еще разъ цѣлуетъ ея руку и удаляется вправо*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Марковна *и* **Вѣра**.

Вѣра (*въ саду*). Лошади... пріѣхалъ! (*Вбѣгаетъ на балконъ*). Яша! (*Вошла и изумилась*).

Анна Марковна. Его жена.

Вѣра. Же-на?! (*Отступила*).

Анна Марковна. Вы поражены и непріятно поражены. Натурально. Стремились въ объятія мужа и налетаете

на жену, ха-ха! Мужъ мой не меньше васъ былъ смущенъ моимъ возвращеніемъ. Онъ такъ смѣшно растерялся, такъ странно принялъ меня!.. Я тотчасъ догадалась, что дѣло не чисто и вскорѣ узнала все. Въ вашемъ городишкѣ это дѣло одной минуты. И такъ: любовь, да еще какая! пылкая, романическая, съ побѣгомъ, ха-ха! Узнаю, гдѣ гнѣздо моихъ голубковъ et me voici.

Вѣра (*про себя*). Опомниться не могу!

Анна Марковна. А вы премило устроились, да. Уединенный хуторокъ, заброшенная усадьба, роща... Миленькій пейзажъ во вкусѣ Фета. Подъѣзжая, мнѣ даже вспомнились его стихи... Какъ это?.. „Шепотъ, робкое дыханье... трели соловья... лобзанія и слезы“.

Вѣра. Что же вамъ угодно?

Анна Марковна. Ахъ, не принимайте трагическаго тона, фи!.. Познакомиться съ вами. Надѣюсь, мое любопытство очень понятно. (*Разсматриваетъ ее въ pince-nez*). Выборъ мужа не дуренъ, д-да!..

Вѣра (*отвертываясь съ нетерпѣніемъ*). Ахъ!.. (*Подступаетъ*). Зачѣмъ вы пріѣхали?

Анна Марковна. Вотъ наивный вопросъ! Жена пріѣзжаетъ къ мужу, въ свою семью, а ее спрашиваютъ, зачѣмъ она пріѣхала! Въ вашемъ... сомнительномъ положеніи тѣмъ неумѣстнѣй подобный вопросъ, моя душечка.

Вѣра. Понимаю. Когда понадобилось бросить мужа, вы его бросили; когда разочли, что выгоднѣе возвратиться къ нему—возвращаетесь. На что проще!

Анна Марковна. Начать съ того, что никто, а тѣмъ болѣе вы, не въ правѣ входить въ мою семейную жизнь. Это первое. Затѣмъ, почему вы думаете, что я „бросила“ мужа? Васъ увѣрили въ этомъ, въ извѣстныхъ цѣляхъ? Возможно. Я уѣхала въ Петербургъ лѣчиться, потому что здѣшніе доктора едва не уморили меня. Выздоровѣла и пріѣзжаю домой. (*Вѣра усмѣхнулась*). Я понимаю, что вамъ непріятно мое возвращеніе...

Вѣра. Не обо мнѣ рѣчь. Если бъ вы подумали, насколько оно пріятно Якову Андреевичу, то, можетъ быть, отдумали бы пріѣзжать...

Анна Марковна. Однако нельзя сказать, чтобъ вы были скромнаго о себѣ мнѣнія!..

Вѣра. Но кто думаетъ только о себѣ, тому свойственно ни во что не ставить другихъ.

Анна Марковна. Напримѣръ, ваше положеніе, душечка, едва ли можетъ тронуть меня настолько, чтобъ проливать надъ нимъ слезы.

Вѣра. Опять не обо мнѣ рѣчь. Я знаю, чего отъ васъ ожидать...

Анна Марковна. Дѣлаетъ честь прозорливости вашей.

Вѣра. Глупо было бы говорить съ вами, какъ съ сердечною женщиной. Повторяю: все дѣло въ счастьи Якова Андреевича. Вы, конечно, знаете, что онъ не можетъ имѣть добрыхъ чувствъ къ вамъ...

Анна Марковна. C'est gentil!

Вѣра. Что ихъ не было и не будетъ; что вся ваша сила—въ его уступчивости, добротѣ, словомъ въ слабости его характера; что онъ будетъ вдвое несчастнѣе съ вами, нежели былъ до того, какъ вы разошлись. Зная все это, неужели вы можете сознательно губить человѣка? Да, губить! Поступить такъ способна только черствая эгоистка, женщина, у которой ни порядочности, ни чувства собственнаго достоинства. Только такая!

Анна Марковна. Ну-съ, я терпѣливо выслушала вашу галиматью, моя душечка, и только потому, что персона подобная вамъ не можетъ оскорбить порядочную женщину...

Вѣра. О, васъ ничѣмъ нельзя пристыдить, ничѣмъ!..

Анна Марковна (*злобно*). Особенно содержанкѣ моего мужа, которому вздумалось позабавиться отъ скуки.

Вѣра (*гнѣвно*). Вы лжете!

Анна Марковна. Ого!

Вѣра. Да, лжете, клевещете!

Анна Марковна. Ха-ха-ха! Знаете ли, душечка, мнѣ очень васъ жалко, не шутя. Вы такъ серьезно все принимаете... Домикъ построенный на пескѣ... la petite amourette en question... представляется вамъ какою-то твердыней. Любовь... Вы удивительно наивны въ любви... Скажите, вы очень въ него влюблены?

Вѣра. Мы кончили. Я не удерживаю васъ.

Анна Марковна. Смѣшная! Если вы забыли стыдъ, святость долга, высокія обязанности жены...

Вѣра. *Вы* говорите объ нихъ, *вы?!*

Анна Марковна. То, конечно, влюблены какъ кошка. Иначе я въ правѣ считать васъ за вѣтреную особу... une coureuse... которая падка на любовныя похожденія и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ считаетъ себя счастливѣй.

Вѣра. Я велю подать вашихъ лошадей.

Анна Марковна. Да она уморительная! А, кто-то пріѣхалъ! (*Глядя въ окно*). Мужъ. Кстати! Идите же встрѣчать, киньтесь въ объятія, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* Сильвачевъ.

Сильвачевъ. Здѣсь! Такъ и зналъ! такъ и зналъ, что вы сюда явитесь! (*Бросаетъ фуражку*).

Анна Марковна. Полюбоваться на ваше счастье. Еще бы! Въ наше время это большая рѣдкость.

Сильвачевъ (*Вѣрѣ*). Оставьте насъ. Мнѣ нужно поговорить съ нею... рѣшительно, навсегда!

Анна Марковна. Однако!

Сильвачевъ. Пора положить конецъ!.. Довольно!

Анна Марковна. Яковъ Андреевичъ, я начинаю бояться (*Вѣрѣ*). Какой онъ сталъ у васъ грозный, ой-ой!

Сильвачевъ (*пожавъ руку Вѣры*). Оставьте насъ.

Вѣра. Да, Яковъ Андреевичъ, объяснитесь рѣшительно и разъ навсегда! Докажите, что вы живете не для *обстановки* и *удобствъ* женщины, которая только въ этомъ видить ваше значеніе!..

Сильвачевъ. Все, все!

Вѣра. Вы довольно намучились и не захотите опять надѣть на себя ярмо, хотя имѣютъ наглость воображать, что принудить васъ къ этому и естественно и очень легко. (*Уходитъ къ себѣ, гнѣвно взглянувъ на Анну Марковну*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Марковна *и* **Сильвачевъ**.

Анна Марковна. Гмъ! Voilà un vrai coup d'éperons pour exiter un amour propre, ха-ха-ха!

Сильвачевъ (*подходя къ женѣ, въ сильномъ волненіи*). Когда вы оставите меня въ покоѣ? Когда перестанете мучить?

Анна Марковна. Мучить? Какъ это громко!

Сильвачевъ. Съ первыхъ дней нашего супружества началась эта мука. Ваши капризы, сцены, пошлое кокетство, вашъ грубый эгоизмъ — оскорбляли, унижали меня постоянно и передъ всѣми. Я имѣлъ слабость уступать вамъ; ласкою, просьбами старался смягчить васъ. Къ чему повело это? Къ тому, что вы стали третировать меня, какъ лакея, и безстыдно заводили интриги у меня на глазахъ! Я близокъ былъ къ тому, чтобъ пустить себѣ пулю въ лобъ отъ всей этой каторги...

Анна Марковна. Нѣсколько напоминаетъ бульварную трагедію. Ну-съ?

Сильвачевъ. И пустилъ бы, еслибъ вы не уѣхали съ князькомъ въ Петербургъ.

Анна Марковна. Кончили вы?

Сильвачевъ. Вы уѣхали. Все было кончено между нами. Я могъ просить развода и получилъ бы его. Но вы

считали себя въ правѣ пользоваться моимъ трудомъ; вы требовали денегъ и грозили возвратиться, когда я запаздывалъ высылать ихъ. Я посылалъ все, что имѣлъ, я *откупался* отъ васъ...

Анна Марковна. Неужели? C'est trop fort...

Сильвачевъ. Вы это знали и не стыдились этого. Какъ назвать женщину, которая такъ поступаетъ? Есть у ней совѣсть, честь? И послѣ всего вы пріѣзжаете, какъ ни въ чемъ не бывало!..

Анна Марковна. Не во время. Соглашаюсь. И вотъ причина вашихъ громкихъ фразъ и вульгарныхъ обвиненій.

Сильвачевъ. Такъ, или не такъ, но я рѣшительно объявляю, что не стану жить съ вами. Я стряхну съ себя положеніе, которое имѣлъ слабость сносить. Я свободенъ жить, какъ хочу.

Анна Марковна. О, да это бунтъ! Вотъ что значитъ влюбиться! Удивительно, какъ я до сихъ поръ не въ обморокѣ. Будьте любезны прочитать эту телеграмму. (*Достаетъ ее изъ сумочки и подаетъ*). Получила сегодня. Надѣюсь она нѣсколько васъ успокоитъ.

Сильвачевъ (*читаетъ*). „Вашъ мужъ переводится въ 113 полкъ, близъ Варшавы"... Что это значитъ?!

Анна Марковна. Сегодня же вы получите телеграмму о томъ, чтобы немедленно сдать батальонъ и отправиться къ мѣсту новаго назначенія.

Сильвачевъ. Ваши происки?! Понимаю!

Анна Марковна. Скажите лучше — забота о васъ. Ахъ, какъ вы опустились! Вы ничего не замѣчаете и не хотите видѣть, кромѣ этого уголка, съ его мѣщанскими прелестями. Между тѣмъ, вы въ невозможномъ, въ нелѣпомъ положеніи. Такъ продолжаться не можетъ. Вы—басня всего города. На васъ указываютъ пальцами, какъ на трактирнаго ловеласа. Офицеры краснѣютъ за васъ, начальство хмурится...

Сильвачевъ. Теперь понятно, чѣмъ вы добились мо-

его перевода. Прекрасно! (*Рветъ телеграмму въ клочки*). Я выхожу въ отставку.

Анна Марковна. Чтобъ остаться безъ куска хлѣба? Этого не будетъ, Яковъ Андреевичъ.

Сильвачевъ. Будетъ-съ!

Анна Марковна (*энергично*). Не будетъ, повторяю вамъ. Или я подниму такую бурю, что вы же станете умолять, чтобъ я пощадила ту, которую вы такъ обожаете. Вашимъ рѣчамъ я не придаю значенія, что — надѣюсь — и доказала, терпѣливо выслушавъ всякій вздоръ; но дѣло... дѣло крѣпко въ моихъ рукахъ, Яковъ Андреевичъ. И это для вашего же блага, для блага семьи.

Сильвачевъ. У меня нѣтъ семьи.

Анна Марковна. Вы это говорите вашей женѣ?— Забавно!

Сильвачевъ. Между нами все кончено!

Анна Марковна. Ошибаетесь. Какъ ваша жена, я хочу и буду занимать должное положеніе. Я не дура, чтобъ не оградить себя отъ вашей связи съ какою-то мѣщанкой...

Сильвачевъ. Вы... вы мизинца не стоите этой женщины!

Анна Марковна. Очень любезно! Я и не стану марать себя сравненіемъ съ нею. Наконецъ, между нами есть другая, священная связь: сынъ.

Сильвачевъ. Сынъ?! И у васъ повернулся языкъ сказать это?! Вы отлично знаете, что это не мой ребенокъ.

Анна Марковна. Вы хотите очернить меня, чтобы найти оправданіе вашей пошлой интригѣ...

Сильвачевъ. Невыносимо!

Анна Марковна. Благородная цѣль! Но ребенокъ носитъ вашу фамилію...

Сильвачевъ. Каюсь, что допустилъ это!

Анна Марковна. Если вы отвергаете сына, чтобъ онъ не стоялъ между вами и вашей любовницей, то въ метрикѣ,

документально вы значитесь его отцомъ, слѣдовательно обязаны по отношенію къ нему родительскимъ попеченіемъ.

Сильвачевъ (*въ изступленіи*). Я ненавижу васъ! Проклинаю тотъ часъ, когда мы встрѣтились съ вами!

Анна Марковна. Сожалѣю; но это не помѣшаетъ мнѣ овладѣть положеніемъ и за зло платить вамъ добромъ.

Сильвачевъ (*быстро подходя къ ней*). Послушайте! Уѣзжайте! уѣзжайте сію минуту, не то я за себя не ручаюсь!..

Анна Марковна. Уѣхать и оставить васъ въ сладостномъ tête à tête? Нѣтъ, пора этому положить конецъ, Яковъ Андреичъ. Я безъ васъ не уѣду.

Сильвачевъ. Что-съ?

Анна Марковна. Да. А если вы вздумаете пріѣхать сюда еще разъ, то встрѣтитесь... съ мужемъ вашей amante, съ Разваловымъ. Я позабочусь объ этомъ. Онъ горитъ нетерпѣніемъ раздѣлаться съ вами. Вообще послѣдствія для любовниковъ выйдутъ плачевныя, ха-ха!

Сильвачевъ. Не шутите этимъ, Анна Марковна, ой не шутите!

Анна Марковна. Я говорю совершенно серьезно.

Сильвачевъ (*внѣ себя*). Если ты осмѣлишься... я... я не отвѣчаю, что случится съ тобою!!

Анна Марковна. Представьте, что я ни крошечки васъ не боюсь. Полно фиглярничать! Впрочемъ, уѣдемъ въ Варшаву, съ васъ какъ рукой сниметъ все это. Тамъ вы вскорѣ получите полкъ... Мнѣ обѣщано... Некогда будетъ волноваться по пустякамъ...

Сильвачевъ (*отходя, упавшимъ голосомъ*). Напрасныя ожиданія.

Анна Марковна (*про себя*). Стихаетъ! Послѣ вспышки, изъ него хоть веревочки вей. (*Мужу, приближаясь къ нему*). А здѣсь все войдетъ въ прежнюю колею. Поплачутъ и утѣшатся. Не безпокойтесь... Однако, пора. (*Надѣваетъ перчатку*). Успѣемъ дома наговориться.

Сильвачевъ. Давно жду-съ. Прошу васъ! (*Указываетъ на дверь*).

Анна Марковна. Я уже сказала, что мы ѣдемъ вмѣстѣ.

Сильвачевъ. Нѣтъ!

Анна Марковна. А! Въ такомъ случаѣ и я не ѣду. (*Садится*).

Сильвачевъ (*молча ходитъ большими шагами. Вдругъ останавливается*). Все равно. Ѣдемте!

Анна Марковна (*встаетъ*). Вашу руку.

Сильвачевъ. Вамъ угодно шутить?

Анна Марковна. Нисколько. Будьте же вѣжливы съ женщиной. (*Съ лукавой улыбкой*). Наконецъ, это васъ ни къ чему не обязываетъ.

Сильвачевъ. Лошади ждутъ. (*Пошелъ къ двери*).

Анна Марковна (*садится опять*). Вы до того одичали, что забыли всякое приличіе, Яковъ Андреевичъ!

Сильвачевъ (*гнѣвно*). Если ужъ нѣтъ другаго средства заставить васъ уѣхать отсюда...

Анна Марковна. Нѣтъ. (*Сильвачевъ подходитъ, она беретъ его подъ руку и оба направляются къ двери*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Вѣра.

Вѣра (*входитъ слѣва*). Яковъ Андреичъ!.. вы уѣзжаете?

Анна Марковна. Да, душечка, уѣзжаемъ. Я ревнива и боюсь оставить васъ съ глазу на глазъ. Вы что-то хотите сказать?

Сильвачевъ (*высвободивъ руку, подходитъ къ Вѣрѣ*). Не слушайте ее!..

Вѣра (*Аннѣ Марковнѣ*). Вамъ я сказала все и, кажется—откровенно; а что сказала бы Якову Андреевичу—онъ и самъ знаетъ.

Сильвачевъ. Я сегодня вернусь... непремѣнно... Не безпокойтесь ни о чемъ. Я все поверну по-своему! (*Пожалъ ей руку и быстро уходитъ*).

Анна Марковна. Не вѣрьте, душечка. Ничего онъ по-своему не повернетъ и къ вамъ я его не пущу. Вы видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ. (*Уходитъ. Вѣра долго смотритъ имъ вслѣдъ, потомъ бросается въ кресло и отчаянно рыдаетъ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Прежняя комната у Разваловыхъ. На всемъ замѣтно запустѣніе и безпорядокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Никандръ Прокофьевичъ (*сидитъ за стаканомъ чая*) и **Агафья**.

Никандръ Прокоф. (*допивая чай*). Ну-ка, Агафьюшка, стаканчикъ еще!

Агафья. Сейчасъ, батюшка, налью. (*Уноситъ стаканъ въ смежную комнату*).

Никандръ Прокоф. (*посвисталъ и рѣзко перемѣнилъ позу*). Фу, тощища какая! (*Агафья вноситъ налитой стаканъ*). А себѣ что-же?

Агафья. Напилась, благодарю покорно.

Никандръ Прокоф. А знаешь что? Я совсѣмъ перетащу тебя жить къ себѣ... (*съ усмѣшкой*) замѣсто хозяйки...

Агафья. Рада служить твоей милости, а это... къ хозяйкѣ приравнивать меня не хорошо; грѣшно этимъ смѣяться, отецъ мой.

Никандръ Прокоф. У тебя все грѣшно.

Агафья. Потому со зла ты это сказалъ, про хозяйку, со зла.

Никандръ Прокоф. Ну, полно! А жить перетащу. Домъ запустѣлъ... Сразу осиротѣлъ я... Хоть бы домовой завелся, все-бъ веселѣе.

Агафья. И, что ты, что ты, отецъ мой!.. Тьфу! Съ нами крестная сила. Долго-ли накликать! А-ахъ!.. Теперь безпремѣнно двери закрестить нужно, да богоявленской водою въ углахъ окропить... Ишь что сбрехнулъ!

Никандръ Прокоф. Окропимъ. (*Допилъ чай и всталъ*). И куда братъ запропастился, Сергѣй?!

Агафья. Было отъ него письмо-то, али нѣтъ?

Никандръ Прокоф. Всего одно изъ Нижняго отписалъ. Хочу, писалъ, по Волгѣ проѣхаться, значитъ книзу, на Казань, Самару, Царицынъ...

Агафья. Мѣста хорошія. Знаю.

Никандръ Прокоф. Съ тѣхъ поръ ничего неизвѣстно, вотъ ужъ... сколько?.. да, съ мѣсяцъ прошло... Меня сумленіе даже беретъ: здоровъ ли, не случилось ли чего?

Агафья. Господь милостивъ. Кабы, помилуй Богъ, захворалъ, отписалъ бы, потому какъ на чужой сторонѣ хворому? Нѣтъ. А такъ онъ... дѣлами позадержался, иль что... Въ пути не видать время-то...

Никандръ Прокоф. И уѣхалъ—удивилъ. Однимъ часомъ собрался. Зачѣмъ? Куда? Такъ мнѣ за него безпокойно!..

Агафья. Богъ милостивъ. Пріѣдетъ. А ты молебенъ отслужилъ бы заздравный...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* **Степанъ** (*входитъ поспѣшно*).

Степанъ. Сказываютъ, Сергѣй Прокофьичъ пріѣхали.

Агафья. Ну вотъ!

Никандръ Прокоф. Ужели?! Гдѣ же, гдѣ онъ?

Степанъ. Давешь пріѣхалъ, на раннемъ поѣздѣ.

Никандръ Прокоф. На раннемъ? Не можетъ быть! Такъ гдѣ же онъ? Соврали, а ты...

Степанъ. Вѣрно. Видѣли ихъ. Со станціи, вишь, взяли лошадей, да прямо къ доктору поѣхали, къ Красноглазову.

Никандръ Прокоф. Ну?

Степанъ. А забравши доктора... *туда*... на хуторъ.

Никандръ Прокоф. Съ докторомъ?

Степанъ. Точно такъ. Надо полагать, дорогой узнали что-нибудь этакое... Потому, какъ слышно, она нездорова... (*тихо, потупившись*) Вѣра Дмитріевна...

Никандръ Прокоф. Кто тебѣ набрехалъ? Набрехали?

Степанъ. (*разсматривая и потрогивая рѣзьбу на спинкѣ кресла).* Нѣтъ, оно точно... Слухъ былъ... Правильно...

Агафья (*прослезилась*). Голубушка моя!

Степанъ. Я было и вамъ сбирался сказать... да...

Никандръ Прокоф. (*съ укоромъ*) Сбирался!

Степанъ. Коли она одинёшенька тамъ... да захворала... оно точно... Потому какая тамъ помощь, призоръ?.. Ну, я и того...

Агафья. Напрасно не сказалъ, Лукьянычъ, напрасно!.. Хоть мнѣ бы... Я бы къ ней, болѣзной, въ ту-жъ бы минуту...

Никандръ Прокоф. Слава Богу, хоть братъ-то пріѣхалъ! слава Богу!

Степанъ. Ужъ и я такъ-то, Никандръ Прокофьевичъ. Насилу дождались. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Никандръ Прокофьевичъ *и* Агафья.

Никандръ Прокоф. Теперь отлегнетъ... Полно одному куковать!.. Теперь... Какъ-то *тамъ?* (*Остановился передъ горшкомъ съ цвѣтами и задумчиво пробуетъ землю*). Земля

точно камень... Безъ призора что значитъ... Этакъ цвѣты и въ отдѣлку повянутъ... Агафья!

Агафья. Что, батюшка мой?

Никандръ Прок. Ты бы того... лейку взяла бы, а?.. взяла бы, да полила цвѣты-то...

Агафья. И какъ мнѣ самой объ этомъ не вспомнилось! А-ахъ, дура старая, право дура! (*Уходитъ*).

Никандръ Прокоф. Да, безъ призора они того... (*Вздохнулъ*). Надо садовника позвать, пусть пересадитъ какіе... Не велика радость отъ нихъ, чахлыхъ-то! (*Агафья входитъ съ лейкою*). Постой, старая! Дай я самъ... (*Съ озабоченнымъ видомъ поливаетъ цвѣты. Агафья утираетъ слезы*). А помнишь... помнишь, въ какомъ они были у насъ порядкѣ?..

Агафья. Какъ не помнить! Вѣдь ужъ какъ она за ними старалась!.. Любила, сердечная... Всѣ листочки, бывало, перетретъ, перемоетъ... Тамъ подвяжетъ, какой горшокъ къ солнышку повернетъ. И всякая вѣточка, бывало, примется у нея, веселенькая стоитъ, любо глядѣть!.. Какъ не помнить, отецъ мой, помню! (*Тяжело вздохнула*).

Никандръ Прокоф. Заголоси еще!

Агафья. Человѣкомъ бываетъ. Цвѣтами займаться—сердце доброе надо имѣть. Ужъ это вѣрно.

Никандръ Прокоф. (*прерывая*). На, отнеси лейку... Пойдетъ!.. (*Агафья пошла къ двери*). Да того... Тамъ у ней въ комнатѣ какіе стоятъ...

Агафья. Полью, батюшка, полью. (*Уходитъ*).

Никандръ Прокоф. Э-эхъ-ма!.. (*Прошелся въ задумчивости*). Какая въ мысляхъ перемѣна случается! Дивно!.. Ужли я точно затосковалъ?.. Была здѣсь—только въ досаду вводила, а не стало ее... и то вспомнится, и это въ голову лѣзетъ... Кротость ея... голосъ ласковый, тихій... глаза эти добрые... Чего и не примѣчалъ никогда, теперь представляется. Сказать бы—въ нервахъ у меня разстройство?.. Даже смѣшно. Какіе тутъ нервы, когда изъ меня дубиной

слезы не вышибешь?.. Нѣтъ. А уходился я, все опостылѣло. Вѣрно. Вино—видѣть его не могу. Потому—думать надо—здорово перепилъ, натура и не примаетъ... А хуже такъ, какъ сейчасъ. Бывало что ни хватитъ за сердце—ахнулъ, р-раскатился, ажъ чертямъ тошно, и прошло! Ну, послѣ того день—другой въ туманѣ походишь, покамѣстъ расправишься, да всякій въ тебѣ предметъ въ порядокъ придетъ... Теперь хуже, куда стало хуже!.. Ну, братъ, пріѣхалъ—встряхнусь, отлегнетъ. Ужъ и какъ же я радъ ему!.. Ишь вѣдь не ко мнѣ сперва, а *туда*!.. Брата въ послѣдніе ставить... Съ чѣмъ-то пріѣдетъ оттуда?.. Бросили... Хорошо! Насмѣялись и бросили!.. Къ тому-жъ нездорова... Какъ братцу не расчувствоваться! Онъ у меня такой миротворецъ. Нѣ-ѣтъ, на меня не разсчитывай, я не очень... шалишь! По-дѣломъ, по-дѣломъ ей!.. Знаю, какую Сергѣй пѣсенку запоетъ. Дудки! Назадъ сверта нѣту, тутъ никакихъ... Разжалобить меня, или какъ—вре-ешь!! (*Входитъ Сергѣй Прокофьевичъ*). Братъ, голубчикъ! (*Бросается его обнимать*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Никандръ Прокофьевичъ *и* **Сергѣй Прокофьевичъ.**

Сергѣй Прокоф. Здравствуй, Никаша, здравствуй!

Никандръ Прокоф. Батюшки, постарѣлъ какъ! Съ чего? Или хворалъ.

Сергѣй Прокоф. Нѣтъ, слава Богу... Я ничего. И ты, братъ... Дай-ка на себя поглядѣть... Ну-у!

Никандръ Прокоф. А что?

Сергѣй Прокоф. Словно другой человѣкъ.

Никандръ Прокоф. Уходился.

Сергѣй Прокоф. *Уходился?*

Никандръ Прокоф. Шабашъ! (*Махнулъ рукой*). Тоска безъ тебя одолѣла. А ты запропалъ... Да и вернувшись не меня держалъ въ мысляхъ... Утромъ еще, сказывали,

пріѣхалъ, а сейчасъ дѣло къ вечеру. Вотъ ты какъ обо мнѣ помнилъ!

Сергѣй Прокоф. Слѣдовательно ты знаешь, что я былъ у Вѣры?

Никандръ Прокоф. Къ ней первымъ дѣломъ! Какъ не знать!

Сергѣй Прокоф. И все про нее знаешь?

Никандръ Прокоф. Люди болтали, а я не спрашивалъ... Мнѣ что!.. не интересуюсь.

Сергѣй Прокоф. И что съ Сильвачевымъ у нихъ кончено, что онъ... уѣхалъ и уѣхалъ совсѣмъ? Знаешь?

Никандръ Прокоф. И какого черта объ немъ вспоминать!

Сергѣй Прокоф. Знаешь. Хорошо. Ну, а это извѣстно тебѣ, что она... что сгибла наша Вѣруня?

Никандръ Прокоф. Какъ сгибла?! какомъ манеромъ?!.

Сергѣй Прокоф. Тѣни отъ нея не осталось... Вотъ какъ уходили ее!...

Никандръ Прокоф. Развѣ такъ ужъ больна?.. Сказывали... Да ты... врешь! Понимаю. Коли имѣешь въ предметѣ напугать меня, чтобъ разжалобить...

Сергѣй Прокоф. Что жалобить! Довольно взглянуть на тебя: готовъ. Нѣтъ, Никандръ, нѣтъ, милый мой!

Никандръ Прокоф. (*упавшимъ голосомъ*). Полно, неужли такъ ужъ ей худо?

Сергѣй Прокоф. Не жилица.

Никандръ Прокоф. Господи!

Сергѣй Прокоф. Плохо въ груди... Красноглазовъ прямо сказалъ, что... недолго...

Никандръ Прокоф. Мало ли что онъ сказалъ! Чертъ! Ну, въ Крымъ, на теплыя воды... Куда тамъ ихъ возятъ? Чего бы ни стоило!

Сергѣй Прокоф. Поздно. Самъ погляди. (*Пошелъ къ двери*).

Никандръ Прокоф. *(робко)*. Развѣ... развѣ она съ тобой?

Сергѣй Прокоф. Привезъ. Ни за что не хотѣла ѣхать. Насилу уговорилъ. *(Уходитъ)*.

Никандръ Прокоф. Господи!.. Похолодѣло. *(Схватился за грудь)*. Ноги трясутся... Страхъ беретъ, страхъ!.. *(Въ дверяхъ, подъ руку съ Сергѣемъ Прокофьевичемъ, появляется Вѣра. Она блѣдна, худа, съ темными кругами подъ глазами, съ яснымъ и неподвижнымъ взоромъ. Никандръ Прокофьевичъ, увидавъ жену, пошатнулся и схватился за кресло)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* Вѣра Дмитріевна.

Вѣра. Я не хотѣла ѣхать сюда... Сергѣй Прокофьевичъ настоялъ... Тяжело... *(Сергѣю)*. Зачѣмъ вы меня увезли? Развѣ не все равно?

Сергѣй Прокоф. Сядь, Вѣрочка, сядь. Дай раздѣну. *(Снимаетъ съ нея верхнюю одежду. Никандръ Прокофьевичъ, опустивъ голову, принимаетъ ея вещи, шляпку)*. Вотъ такъ. Теперь сядемъ. *(Никандръ Прокофьевичъ подвигаетъ кресло. Она садится)*. Устала? Закачало тебя?

Вѣра. Устала. *(Принимаетъ обезсиленную позу, откинувъ голову на спинку кресла)*.

Никандръ Прокоф. *(тихо Сергѣю)*. Не лучше-ли уложить?

Сергѣй Прокоф. *(тихо)*. Подожди, отдохнетъ.

Вѣра. Вотъ я опять здѣсь!.. Какъ грустно, уныло!.. Никандръ Прокофьевичъ... я очень виновата передъ вами...

Никандръ Прокоф. Не надо, не надо!.. Забылъ.

Вѣра. Добрый вы... Жалко, что мнѣ ничто ужъ не въ радость... и доброта ваша... Ничего ужъ не нужно... Другія у меня мысли теперь и чувства... Я ужъ какъ не живая... *(Взглянула*

на него). Какъ вы измѣнились!.. *(Сергѣю)*. И вы... И во всемъ я виновата. *(Поникла головой)*.

Сергѣй Прокоф. Пережитое вспоминать не зачѣмъ, Вѣрочка.

Никандръ Прокоф. Правда! Кто старое помянетъ... *(Глотая слезы)*. Правда, братъ!

Вѣра. Не говорите такъ... Мучительно великодушіе это! *(Заплакала. Никандръ Прокофьевичъ испуганно взглянулъ на брата. Тотъ успокаиваетъ одобрительнымъ жестомъ)*.

Сергѣй Прокоф. У каждаго своя вина, Вѣра, и свои счеты съ совѣстью. Перестань, милая, успокойся! Въ мирѣ соединились мы, въ любви...

Никандръ Прокоф. Вѣрню!

Сергѣй Прокоф. И въ этихъ добрыхъ чувствахъ забудемъ все, что каждаго изъ насъ тяготило. Далъ бы Богъ поскорѣе поправиться тебѣ! *(Вѣра отрицательно качаетъ головою)*.

Никандръ Прокоф. *(горячо)*. Лучшихъ докторовъ подниму!.. Въ Египетъ, на край свѣта!.. *(Вѣра протянула ему руку. Онъ взялъ ее въ обѣ свои)*.

Сергѣй Прокоф. Поправишься, и вотъ какъ заживемъ, Вѣрочка!

Вѣра *(протягиваетъ и ему руку)*. Моя пѣсня спѣта.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* Ветенскій.

Ветенскій *(входя)*. Здравствуйте!.. *(Всѣ смотрятъ на него съ удивленіемъ)*. Можетъ быть, я некстати?.. Простите, пожалуйста. Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна. *(Поцѣловалъ ея руку. Отходя, про себя)*. Господи, на что она стала похожа!

Сергѣй Прокоф. *(сурово)*. Позвольте узнать, что вамъ угодно-съ?

Ветенскій. А вотъ сейчасъ... *(Никандру)*. Здравствуй,

дружище! *(Никандръ Прокофьевичъ неохотно пожалъ руку и отвернулся).* Бросилъ кутить, Дѣлаетъ честь. Дѣло въ томъ, Вѣра Дмитріевна, что явилась необходимость повидаться съ вами какъ можно скорѣе. Пріѣзжаемъ... То-есть—хочу сказать—пріѣзжаю къ вамъ на дачу. Говорятъ, что вы только-что уѣхали въ городъ. Вотъ я сюда, почти слѣдомъ за вами...

Вѣра *(съ волненіемъ).* Необходимость повидаться... Что-же случилось?

Ветенскій. Неожиданность... которую, впрочемъ, можно было предвидѣть...

Сергѣй Прокоф. *(съ негодованіемъ).* Господинъ Ветенскій! Ваше появленіе и то, что вы изволили сообщить, слишкомъ взволновало мою невѣстку...

Никандръ Прокоф. Да, напрасно-съ!..

Сергѣй Прокоф. Предупреждаю: ей каждое волненіе вредно. Поэтому и съ ея позволенія прошу васъ объясниться *со мной*.

Вѣра *(съ живостью).* Нѣтъ, я ничего... Я хочу знать... Пожалуйста!.. Не бойтесь за меня... ничего...

Сергѣй Прокоф. Значитъ, ты непремѣнно желаешь?..

Вѣра. Пожалуйста!..

Сергѣй Прокоф. Никандръ, пойдемъ!

Никандръ Прокоф. *(вспыльчиво).* Что-жъ это будетъ?! Коли опять... *(Сергѣй останавливаетъ его жестомъ).*

Вѣра *(мужу, умоляющимъ тономъ).* Прошу васъ!

Сергѣй Прокоф. *(брату).* Пойдемъ. *(Оба уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вѣра *и* **Ветенскій**.

Вѣра. Ну, я васъ слушаю.

Ветенскій. Чертъ-бы побралъ всѣ эти амуры!.. Простите! Конечно, не мои ругательства вы приготовились слушать; но—честное слово—я ничего бы не взялъ посредничать при такихъ обстоятельствахъ и притомъ какъ вы нездоровы!.

Вѣра. «Посредничать». Конечно, вы отъ *него?..* по его порученію? Да? Я сразу поняла это.

Ветенскій. Хуже: я съ нимъ.

Вѣра. Яша?!.. здѣсь?!

Ветенскій. Однако, не волнуйтесь, иначе я ухожу.

Вѣра. Я не волнуюсь. Пожалуйста...

Ветенскій. Вашъ Яша сбѣжалъ. Бросилъ службу и сбѣжалъ, какъ рекрутъ, какъ дезертиръ. Похоже на него? Не правда-ли?

Вѣра. Бѣдный мой, бѣдный!

Ветенскій. Истерзался, изволите видѣть, измучился, тоска загрызла его. Словомъ, совсѣмъ полоумный.

Вѣра. Бѣдный, бѣдный мой Яша!

Ветенскій. Дрянь Яша вашъ, тряпка. Ни на кого въ жизни я такъ не бѣсился, какъ на него. Честное слово! Помилуйте, и это мужчина!.. Я ни за какія сокровища не сталъ бы ввязываться теперь, да что будешь дѣлать! Жалокъ, тронулъ. Умоляетъ устроить свиданіе съ вами...*(Она отрицательно покачала головою).* Заклинаетъ всѣми святыми, въ ноги мнѣ бросился, плачетъ. Я ругалъ, ругалъ его и кончилъ тѣмъ, что у васъ.

Вѣра. Намъ не зачѣмъ видѣться... не къ чему... Кончено все... Знай я, что онъ способенъ бросить меня, я бы не полюбила его...

Ветенскій. Еще бы!..

Вѣра. Но я не сержусь на него за это... Женщины слишкомъ полагаются на свою любовь и обманываются... Онъ страдаетъ, я знаю... Онъ больше моего страдаетъ... Не сержусь, нѣтъ... и люблю его, люблю по-прежнему... Такъ ему и скажите... Я понимаю, что его взяли у меня, отняли... та женщина...

Ветенскій. Она, оказывается, уничтожала его письма къ вамъ.

Вѣра. Онъ долженъ былъ это предвидѣть. Разъ попавъ въ ея руки, онъ все равно пропалъ для меня, да и для себя тоже. Онъ мучился, а она за это была еще бездушнѣй къ нему... Ахъ,

какъ ужасно жить вмѣстѣ, когда ни душа, ни мысли не лежатъ другъ къ другу!.. Ахъ, какое это несчастье!..

Ветенскій. Да, признаюсь!

Вѣра. Мнѣ ужасно, ужасно жалко его!.. Бѣдный Яша!.. Но видѣться съ нимъ я рѣшительно не могу... Къ чему? Наконецъ, вы видите, какая я стала... Кончено все... Помогите мнѣ встать. *(Поднялась)*. Скажите ему, что я умру съ его именемъ... что онъ будетъ въ моемъ сердцѣ, пока оно не перестанетъ биться... что я благословляю нашу встрѣчу, нашу любовь... что я безконечно ему благодарна... Съ нимъ я узнала, что такое жизнь, что называется счастьемъ... Всѣмъ, всѣмъ я обязана ему, моему милому, дорогому Яшѣ... А въ томъ, что у него воли нѣтъ—не виноватъ онъ... Темнѣетъ въ глазахъ... дурно... *(Ветенскій сажаетъ ее въ кресло)*. Прошло... Позовите ихъ.

Ветенскій *(въ дверь)*. Господа, васъ просятъ. *(Входятъ Никандръ и Сергѣй Прокофьевичи)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Сергѣй Прокофьевичъ *и* **Никандръ Прокофьевичъ.**

Никандръ Прокоф. Кончили? Э-эхъ! *(Досадливо махнулъ рукою)*.

Вѣра. Хочу лечь... Устала... Дорога утомила меня. *(Сергѣй и Никандръ бережно поднимаютъ ее и уводятъ въ дверь направо)*.

Ветенскій. Бѣдная, бѣдная Вѣрочка! *(Утираетъ слезы)*. Этакой женщинѣ и такая судьба!.. За что?.. Богъ тебѣ судья, Яковъ Андреевичъ!.. *(Успокаиваясь)*. Однако, что-же съ нимъ дѣлать? Вѣдь ждетъ. *(Стукъ въ балконную дверь)*. Онъ! навѣрное онъ! *(У двери)*. Такъ и есть! *(Съ жестами)*. Ступай!.. убирайся! Нельзя! *(Въ дверь ломятся)*. Сумасшедшій! Да не ломись, погоди! *(Отпираетъ дверь. Врывается Сильвачевъ. Волосы и одежда его въ безпорядкѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ветенскій *и* **Сильвачевъ**.

Сильвачевъ. Видѣлъ?.. Что же она?.. гдѣ?

Ветенскій *(сердито)*. Видѣлъ. Чертъ тебя принесъ! Уходи!

Сильвачевъ. Понимаешь ли, силъ не было ждать!.. Не знаю, я бы въ пропасть за ней полетѣлъ, я бы...

Ветенскій. Хорошо, хорошо! Не къ чему было летѣть. Отправляйся. Не нуженъ.

Сильвачевъ. Гонитъ? видѣть не хочетъ?

Ветенскій. Умираетъ. Уморилъ ты ее...

Сильвачевъ. Ум... умираетъ?! *(Ринулся къ правой двери. Ветенскій схватываетъ его)*. Пусти меня!.. пусти!.. ради Бога пусти!

Ветенскій *(не отпускаетъ)*. Сумасшедшій!.. Тамъ всѣ: мужъ, деверь...

ЯВЛЕНІЕ. X.

Тѣ же *и* **Сергѣй Прокофьевичъ**.

Сергѣй Прокоф. *(громкимъ шопотомъ)*. Тише вы! *(Тщательно притворилъ за собою дверь. Сильвачеву)*. А вамъ, сударь, не мѣсто здѣсь!

Сильвачевъ. Ради Бога, видѣть ее!.. взглянуть!.. Ради самого Бога!

Сергѣй Прокоф. Прошу васъ немедленно выйти вонъ!

Сильвачевъ. Ахъ!.. Да поймите же... Ну, умоляю васъ! *(Бросается на колѣни)*. Умоляю!!

Сергѣй Прокоф. Поздно схватились, жалкій вы человѣкъ... Когда будетъ на столѣ, приходите. Тогда можно всѣмъ.

Сильвачевъ *(вскрикнулъ и въ рыданіяхъ падаетъ на полъ)*.

Занавѣсъ.

ЖЕРТВА.

(Идеалистъ).

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Арина Никитишна Ракитина, старуха, вдова.

Захаръ Платоновичъ Ракитинъ, старшій сынъ Арины Никитишны, нотаріусъ, среднихъ лѣтъ.

Антонина Васильевна, его жена, ровесница мужу.

Митрофанъ Платоновичъ Ракитинъ, младшій сынъ Арины Никитишны, чиновникъ, молодой человѣкъ.

Валентина Борисовна, его жена, молодая женщина.

Викторъ Григорьевичъ Судбищевъ, лѣтъ тридцати, двоюродный братъ Антонины Васильевны.

Фрося, дочь квартирной хозяйки Ракитина младшаго, молодая дѣвушка, горбатенькая, болѣзненнаго вида.

Анисья, кухарка Ракитина младшаго.

Африканъ, лакей въ гостиницѣ.

Горничная (безъ рѣчей).

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ въ губернскомъ городѣ. Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями проходитъ недѣли три; между 2-мъ и 3-мъ—около двухъ мѣсяцевъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ квартирѣ Ракитина. Обстановка очень скромная. Налѣво два окна. Двери: въ задней стѣнѣ, ближе къ лѣвому углу и направо. Посрединѣ столъ, накрытый къ чаю. Налѣво, у оконъ, рабочій и письменный столъ хозяина. По задней стѣнѣ диванъ, направо кресла. На стѣнѣ, гдѣ письменный столъ, полки, на которыхъ принадлежности для выпиливанія, рисованія и нѣсколько книгъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Митрофанъ Платоновичъ *) *и* **Валентина Борисовна.**

Митрофанъ Плат. *(разсматриваетъ выпиленный ящичекъ).* Ну, вотъ и готово! Посмотри, Валя—хорошо? А ножки я ввернулъ бронзовыя. Немного аляповатыя для ящика, да другихъ не нашелъ. Какія-то лапки, ха-ха! А въ общемъ вѣдь не дурно? А? Не правда-ли?

Валентина. Хорошо.

Митрофанъ Плат. Лишь бы мамашѣ понравилось. Понравится? Ты какъ думаешь, Валя?

Валентина. Твоя мамаша, къ сожалѣнію, ничѣмъ не бываетъ довольна. Но это не охлаждаетъ тебя...

Митрофанъ Плат. Старуха... Старухи всегда брюзжатъ... Больная къ тому-же... А она добрая, право, добрая...

Валентина. Я помолчу, чтобъ не огорчать тебя. Ты вѣдь

---

*) Митрошу Ракитина я представляю себѣ небольшого роста, худенькимъ, съ небольшою бородкой, голубыми глазами, прекрасными бѣлокурыми волосами.

не исправимъ. Ты *воображаешь,* а не судишь по тому, какъ есть на самомъ дѣлѣ...

Митрофанъ Плат. *(улыбаясь).* Ужъ будто бы такъ? *(Серьезно).* Нѣтъ, Валя. Хорошее только не всегда замѣчается; а я вижу его, чувствую... доискиваюсь, чтобъ увидать и всегда что-нибудь да найду, въ каждомъ человѣкѣ.

Валентина. И чаще всего это хорошее—въ тебѣ самомъ, мой голубчикъ, а не тамъ, гдѣ ты видишь его.

Митрофанъ Плат. Нѣтъ, я не согласенъ съ тобою. Но мнѣ дорого, что ты такъ думаешь, Валя. *(Поцѣловалъ ее).* Для меня это—главное, самое главное. *(Прибирая у себя на столѣ, смотритъ въ окно).* Ха-ха-ха! Взгляни, какъ мальчишка играетъ со щенкомъ! *(Въ окно).* Дай мнѣ щенка! Ну дай же сюда, дай!

Валентина. Самому поиграть захотѣлось?

Митрофанъ Плат. Да вѣдь уморительный, чисто медвѣженокъ. *(Пауза).* А какъ хорошъ день, Валя! Взгляни. Зелень свѣжая, блеститъ, будто лакомъ покрыта... А небо!—чистое, голубое, глубокое... Воздухъ теплый и влажный... Чудо, какъ хорошо!.. *(Задумчиво).* Да, въ природѣ любовь и красота несказанная. *(Съ чувствомъ глядя на жену).* И съ тобою я глубже чувствую и больше понимаю ее.

Валентина. Ты по цѣлымъ часамъ можешь лежать въ травѣ и слушать, какъ жужжатъ насѣкомыя...

Митрофанъ Плат. А что же? Это своего рода гармонія. Когда ты весь въ звукахъ природы, это нѣчто особенное, Валя. На душѣ такъ спокойно, свѣтло... *(Поймалъ ея взглядъ).* Ты смотришь на меня снисходительно?

Валентина *(съ легкимъ смущеніемъ).* Н-нѣтъ... Все, что ты говоришь—очень симпатично.

Митрофанъ Плат. А ты не подумала сейчасъ, что во мнѣ много ребячьяго?

Валентина. Что подумала, то и сказала. *(Встаетъ).* Однако что-жъ не несутъ самоваръ? Скоро наша именинница

вернется изъ церкви. Будетъ крикъ, если не все готово. *(Уходитъ въ боковую дверь).*

Митрофанъ Плат. *(прислонившись къ столу, чинитъ карандашъ. Задумчиво).* Да... Валя равнодушна ко многому, что меня занимаетъ... Натура у нея горячая, энергичная... Валя нервна, даже иногда раздражительна. Но въ этомъ виновато ея прошлое. Дѣтство въ чужихъ людяхъ, безъ любви, безъ ласки. Потомъ это гувернантство со школьной скамьи, у купца, гдѣ унижали бѣдную дѣвушку. Валю *унижали!..* Вотъ и слѣды... Жалко, что мамаша раздражаетъ ее. Если-бъ не это, ничто не мѣшало-бы нашему счастью и Валя была-бы спокойнѣй. *(Кладетъ карандашъ на столъ и кричитъ въ окно).* Зачѣмъ же ты бьешь щенка? Экій негодный! Не смѣй! Не смѣй, тебѣ говорятъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Митрофанъ Платоновичъ *и* **Фрося** (*съ банкой варенья*).

Фрося. Съ добрымъ утромъ!

Митрофанъ Плат. А, Фрося! Здравствуйте! Что это вы съ банкой?

Фрося. Варенье. Подарокъ вашей мамашѣ. Впрочемъ, это на вашъ счетъ.

Митрофанъ Плат. Какъ на мой счетъ?

Фрося. Жизнь подсластить вашу. Я такъ и вашей мамашѣ доложу. Очень ужъ солоно вамъ приходится.

Митрофанъ Плат. Полно, Фрося! Надѣюсь, вы ей не скажете этого?

Фрося. Непремѣнно скажу.

Митрофанъ Плат. Зачѣмъ же дѣлать непріятность?

Фрося. Это мое занятіе, удовольствіе.

Митрофанъ Плат. Богъ знаетъ, что вы корчите изъ себя! злючку какую-то.

Фрося. Вовсе не «корчу». Не смѣйте говорить дерзостей!

Митрофанъ Плат. Ну, не сердитесь! Вотъ и видно, какъ вы еще молоды!

Фрося *(грустно)*. Во мнѣ нѣтъ молодости... И зачѣмъ она мнѣ?.. *(Ѣдко)*. Я богата. У насъ съ матерью и капиталъ, и дома. Найдется-ли подлецъ, который посватается за меня? И одурѣю-ли я настолько, что повѣрю кому-нибудь и выйду замужъ?.. *(Митрофанъ Платонычъ сметаетъ щеткою пыль со стола)*. Но вы не слушаете! Пыль больше васъ занимаетъ...

Митрофанъ Плат. Слушаю, Фрося, слушаю!

Фрося. Вы отвратительно аккуратны. Карандашики, перышки и всѣ эти бирюльки разложены у васъ въ такомъ скучномъ порядкѣ, что тошно глядѣть. *(Все это смѣшиваетъ на столѣ)*. Воображаю, какъ ложась, вы тщательно складываете свое платьице, а утромъ чистите его, съ такимъ озабоченнымъ видомъ, какъ будто отъ этого зависитъ ваше благополучіе. Можетъ быть, по утрамъ вы дѣлаете гимнастику? А?

Митрофанъ Плат. *(улыбаясь)*. Нѣтъ, не дѣлаю.

Фрося. Вашей женѣ, должно быть, ужасно скучно съ вами... *вашей* женѣ.

Митрофанъ Плат. *(съ испугомъ)*. Что вы сказали?

Фрося. А, испугался! Нѣтъ, я такъ, пошутила. Забудьте, пожалуйста. Вамъ что ни говори, вы все улыбаетесь. Это несносно. Кромѣ жены, васъ ничѣмъ не проймешь.

Митрофанъ Плат. Такъ вы съ досады?..

Фрося. Конечно съ досады. Не даромъ же, когда я вхожу, всѣ не рады. У каждаго на лицѣ: «принесла нелегкая урода этого!» Въ гимназіи ни учителя, ни подруги не терпѣли меня. Я дѣйствительно зла и въ каждомъ ищу надъ чѣмъ посмѣяться. Меня боятся и еще больше не терпятъ за это. Я все вижу и все подмѣчаю... О себѣ мнѣ нечего думать, вотъ и занимаюсь другими... Мать и та говоритъ про меня: «ядъ—дѣвка», ха-ха!

Митрофанъ Плат. У васъ дѣйствительно бываетъ иногда злое лицо. И это нехорошо. Но вы совсѣмъ другая, когда ходите у себя въ саду, по дальней дорожкѣ...

Фрося *(вспыхнула)*. Какъ?! Вы видѣли?!

Митрофанъ Плат. Да. Ходите скоро, скоро и думаете...

Фрося. Вы смѣли подсматривать?!

Митрофанъ Плат. Да я нечаянно. Что за бѣда?

Фрося. Кончено! Тамъ вы меня никогда не увидите. *(Пошла къ двери).*

Митрофанъ Плат. Куда-же вы?

Фрося. Отстаньте!

Митрофанъ Плат. *(подходя къ ней).* Не уходите, Фрося! Пожалуйста!

Фрося. Нѣтъ, нѣтъ! *(Уходитъ въ заднюю дверь).*

Митрофанъ Плат. Ахъ, зачѣмъ я сказалъ! Я отнялъ у нея эту дорожку. Тамъ она была совсѣмъ другая Фрося, не та, какую знаютъ всѣ. И этого никто не долженъ былъ видѣть, мечтающую дѣвушку, то съ оживленнымъ лицомъ и нѣжной улыбкой, то грустную и съ горькимъ выраженіемъ на губахъ... Она была увѣрена, что никто не видитъ ее. Какъ я огорчилъ ее!.. *(Слышенъ трезвонъ на отходъ обѣдни).* Идутъ изъ церкви. Надо встрѣтить мамашу. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Валентина *и* **Анисья** *) *(вноситъ кипящій самоваръ и ставитъ его на столъ).*

Анисья. А къ селедкѣ-то луку покрошить, аль не надо?

Валентина. Какая ты безтолковая! Знаешь, что Арина Никитишна сама распоряжается всѣмъ, а спрашиваешь меня.

Анисья. Я у нѣмца жила, такъ тамъ, окромя луку, картошку крошили, да огурцы... *(Пауза).* А Захаръ Платонычъ неужто и въ день ангела къ маменькѣ не пожалуетъ? Для него хлопочемъ, стряпаемъ-то.

Валентина. И этого не знаю. Ступай!

---

*) Анисья въ розовомъ ситцевомъ сарафанѣ и синемъ съ цвѣтами фартукѣ. Голова повязана.

Анисья. Конечно, по его достатку, онъ вамъ не компанія; а все-же мать...

Валентина *(заваривая чай)*. Ахъ, да ступай ты!

Анисья. Какая ни есть, а мать! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Арина Никитишна *(входитъ, опираясь на клюку)*, **Митрофанъ Платоновичъ** *и* **Валентина**.

Валентина. Поздравляю васъ со днемъ ангела. *(Сухо поцѣловались)*.

Арина Никит. Давай чаю. Устала. *(Сынъ усаживаетъ ее къ столу. Валентина наливаетъ и подаетъ чай)*.

Митрофанъ Плат. А вотъ, маменька, вамъ подарокъ! *(Подаетъ выпиленный ящикъ)*. Крышечка съ цвѣткомъ и на петляхъ; а внизу выдвижной ящичекъ, а ножки бронзовыя...

Арина Никит. Коробочку склеилъ! Эка невидаль! Лучше-бъ какое ни на есть платьишко подарилъ.

Митрофанъ Плат. Да на что-же?.. Я-бы и радъ... Но вы сами знаете, есть ли возможность...

Арина Никит. Конечно, на твое жалованье въ пору хлѣбъ имѣть.

Митрофанъ Плат. То-то и есть.

Арина Никит. «То-то и есть»! Другой въ свободное время дѣломъ бы заниматься, добывалъ бы для семьи; а у тебя глупости... всякую дрянь выпиливаешь, картинки мажешь, а то и вовсе шляешься за городомъ, считаешь воронъ...

Митрофанъ Плат. Развѣ попробовать портреты писать? Что-нибудь да дадутъ. Сходство схватить могу. Это мнѣ дается даже на память. *(Оживленно)*. Главное что? Нужно угадать сущность человѣка, такъ сказать, правду души его. А это не трудно, стоитъ вглядѣться въ лицо. *(Со вздохомъ)*. Одна бѣда—техника. Въ этомъ слабъ... Ахъ, если-бъ учиться!.. Да у кого было и на что?!

Арина Никит. *(съ досадой).* Полно пустяки врать!

Митрофанъ Плат. Не сердитесь, маменька! Я хочу, чтобъ въ день ангела вы были веселы. *(Схватилъ ея руки и горячо цѣлуетъ).* Я вѣдь ужасно люблю васъ, ужасно!..

Арина Никит. *(выдернула руку и отклонила ею голову сына. Сердито).* Ну, полно!

Валентина *(про себя, съ нетерпѣніемъ).* Несносно! *(Рѣзко перемѣнила позу, причемъ двинула стуломъ).*

Арина Никит. *(строго смотритъ на нее).* Еще что? Фыркать мы умѣемъ, а дѣло дѣлать—не наша забота. Учены книжки читать, да баклушничать. Достатковъ съ тобою не прибыло въ домъ. Такъ хоть тѣмъ-бы взяла, что дурь у мужа убавила-бъ, чтобъ не пустяками занимался, а для тебя-же лишній рубль заработалъ.

Валентина. Онъ работаетъ, сколько можетъ. Его трудами живемъ. Жаловаться вамъ грѣшно.

Арина Никит. Тебѣ такъ; а я знаю, на что пеняю. Сватали дураку невѣсту. Жили-бъ въ довольствѣ и невѣстка была-бъ у меня почтительная. Такъ нѣтъ, заартачился!—«Я, говоритъ, маменька, чувства имѣю, и вы мнѣ не препятствуйте. Во всемъ я покоренъ вамъ, а тутъ не могу-съ. Я, говоритъ, въ это дѣло душу свою полагаю, даромъ что Валентина Борисовна бѣдны. У другой будь хоть милліоны, да не надобны мнѣ».— Вотъ у насъ какъ!

Валентина. Упрекайте сына, что женился не по вашему выбору, а меня оставьте въ покоѣ. Это несправедливо и дерзко.

Митрофанъ Плат. Боже мой! Да зачѣмъ вы про это, зачѣмъ?!. Маменька! вѣдь мнѣ больно, поймите! Ужъ если васъ все раздражаетъ, ну браните меня, но, ради Бога, не трогайте Валю! Вы и себя этимъ разстраиваете и ее обижаете понапрасну...

Арина Никит. «Понапрасну»?! Ты смѣешь мнѣ говорить?!.

Митрофанъ Плат. *(прерываетъ съ умоляющимъ ви-*

домъ). Не гнѣвайтесь! Ну, простите, если не такъ сказалъ... *(Съ сильнымъ волненіемъ)*. Я все вынесу, маменька, но Валя... Обида ей свыше силъ моихъ, свыше силъ!..

Арина Никит. *(вставая)*. Э, ну васъ! Поглядѣть, какъ пирогъ... Положиться-то не на кого. *(Уходитъ въ боковую дверь)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Валентина *и* Митрофанъ Платоновичъ.

Митрофанъ Плат. Не огорчайся, Валя! Не принимай къ сердцу!

Валентина *(раздражительно)*. Хоть кого выведетъ изъ терпѣнія!

Митрофанъ Плат. Если-бъ ты знала, какъ мнѣ больно, что она несправедлива къ тебѣ!

Валентина. И къ тебѣ.

Митрофанъ Плат. Я что!.. я привыкъ. Да во многомъ относительно меня она и права.... А вотъ къ тебѣ!

Валентина. А-ты все примиряешь, да упрашиваешь!

Митрофанъ Плат. Что же мнѣ дѣлать?

Валентина. Смѣшно, но ты до сихъ поръ робѣешь передъ матерью, какъ боялся ее въ дѣтствѣ. Другой мужъ зналъ бы. какъ отстоять жену.

Митрофанъ Плат. А ты думаешь, я мало ломалъ голову, какъ устроить, чтобъ у насъ было спокойно и мирно? Конечно, если-бъ маменька больше любила меня... Но въ этомъ люди невольны...

Валентина. Одно средство, при такой безхарактерности: жить отдѣльно.

Митрофанъ Плат. Куда-же дѣнется мать?

Валентина. Пускай живетъ съ своимъ любимцемъ, Захаромъ Платонычемъ.

Митрофанъ Плат. Но братъ не приметъ ее. Онъ даже

не любить, чтобъ она у него бывала. А мнѣ не выгнать же мать!

Валентина. Если ты въ кабалѣ у нея, то я-то за что?

Митрофанъ Плат. Ты?.. Я думалъ, что это наше *общее* горе... *(Съ живостью).* Конечно, ты можешь относиться къ этому иначе. У меня свои чувства къ матери, которыхъ у тебя нѣтъ. Но, Валя, разсуди. Раздражительность маменьки имѣетъ извинительныя причины...

Валентина *(про себя, съ досадой пожимая плечами).* Толкуй съ нимъ!

Митрофанъ Плат. Она изъ богатаго дома, жила въ роскоши; а покойный отецъ оставилъ ее, съ двумя дѣтьми, безъ куска хлѣба. Каково было ей?

Валентина. Все имѣетъ свои причины, но отъ этого намъ не легче; по твоему я прощать не могу. У меня нѣтъ твоей кротости, терпѣнія, или слабости—я ужъ не знаю! Наконецъ, эти вѣчныя сцены вредны для нашихъ отношеній, Митроша. Раздраженная матерью, я раздражительна съ другими, поневолѣ и съ тобой. Я нарочно говорю откровенно, чтобы ты вникъ въ дѣло. Ты немного безпеченъ относительно меня, слишкомъ... слишкомъ спокоенъ...

Митрофанъ Плат. Я былъ спокоенъ за тебя... Ты говоришь: и «безпеченъ»... Но вѣдь ты настолько выше этихъ дрязгъ, мелочей, что они не могутъ ни оскорбить тебя, ни унизить. Развѣ не такъ? Наше счастье я ставилъ выше всего этого, *выше всего,* Валя! Для меня оно—все, а остальное неважно. Ну, что изъ обыденнаго, внѣшняго можетъ серьезно меня огорчить, если въ сердцѣ моемъ такое сокровище?.. Не знаю, ясно-ли я говорю...

Валентина. Я вполнѣ понимаю тебя. Только ты, съ своею чистой душой, можешь такъ чувствовать. Но иногда нужно спускаться съ облаковъ и смотрѣть на вещи человѣческими глазами. Однако, ты такъ грустно глядишь, что мнѣ жалко тебя. Перестанемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же *и* **Анисья** (*изъ боковой двери, съ засученными рукавами и подоткнутымъ фартукомъ*).

Анисья. Баринъ! Старая барыня велѣла вамъ за уксусомъ сбѣгать.

Митрофанъ Плат. (*разсѣянно*). А? что такое?

Анисья. За уксусомъ, молъ, ступайте. Мнѣ нельзя отойтить. Вотъ бутылка и деньги.

Митрофанъ Плат. Давай. Схожу. (*Уходитъ*).

Анисья. А самоваръ велѣла убрать.

Валентина. Убери.

Анисья. Ну и сердита-жъ нынче старая барыня! То не такъ, это не такъ... Небось, я у нѣмца жила и то потрафляла. А тутъ все-то хозяйство два гроша стоитъ и каждень грызня. А мнѣ нужно! Взяла, да и плюнула! (*Уходитъ, унося на подносѣ самоваръ и чайный приборъ*).

Валентина (*прошлась въ задумчивости*). И такъ каждый день, придирки, сцены!.. Жизнь!.. Однако, надо кончить письмо. (*Отпираетъ и выдвигаетъ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола. Достаетъ начатое письмо и перечитываетъ его*). «Ты, спрашиваешь, милая Соня, какъ я живу. Жизнь моя «въ такихъ узкихъ рамкахъ... Съ выходомъ замужъ, она взволновалась слегка; но эта зыбь скоро улеглась, и я теперь въ «томъ душевномъ состояніи, которое можно сравнить съ скучнымъ сѣренькимъ днемъ... Какая разница съ твоимъ положеніемъ! Ты счастлива, ты любишь страстно, восторженно!.. (*Садится и дописываетъ*). Однако, прощай. Я не хочу давать волю «чувствамъ, которыя должна подавлять... Пиши чаще. Твоя «письма—лучъ свѣта въ мой сѣренькій день. Твоя Валя». (*Задумалась и складываетъ письмо*). Да, *подавлять*... А иногда чувствуешь такой приливъ жизни и силъ!.. Тѣсно, душно!.. Грызетъ досада и душатъ слезы... Будь у меня ребенокъ, по-

жалуй было бы легче. Не знаю. Знаю одно, что такъ жить несносно, несносно!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Валентина, Митрофанъ Платоновичъ *и* **Фрося** (*входятъ вмѣстѣ*).

Митрофанъ Плат. *(пытливо)*. Вы плакали, Фрося?

Фрося. И не думала. Вотъ еще!

Митрофанъ Плат. Но у васъ глаза красны. Я знаю, что огорчилъ васъ. И какъ мнѣ досадно на себя!..

Фрося *(прерываетъ)*. Молчите и убирайтесь. Несите вашъ уксусъ.

Митрофанъ Плат. Ужасно досадно! *(Уходитъ въ боковую дверь)*.

Фрося *(глядя черезъ плечо Валентины, которая надписываетъ адресъ)*. Писали?

Валентина. Да, къ подругѣ.

Фрося *(ядовито)*. Говорятъ, что скука, безцѣльность и однообразіе жизни очень располагаетъ къ письменнымъ изліяніямъ.

Валентина. Не все говорятъ, что думаютъ. Вамъ особенно не мѣшало бы принять это къ свѣдѣнію.

Фрося. Ха-ха-ха! А Судбищевъ будетъ сегодня у васъ?

Валентина *(съ подавленнымъ гнѣвомъ)*. Не знаю.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Валентина, Фрося, Арина Никитишна (*впопыхахъ входитъ справа*), *за нею* **Митрофанъ Платоновичъ** (*съ бутылками и тарелками*) *и* **Анисья** (*съ пирогомъ*).

Арина Никит. Зоря, Зоря идетъ! Накрывайте скорѣй! *(Валентинѣ)*. Сдвинься, матушка, похлопочи! *(Торопливо уходитъ въ заднюю дверь. Анисья уходитъ направо)*.

Фрося. *(Валентинѣ, со смѣхомъ).* Вѣдь Зоря ѣдетъ! Слышите вы?—Зоря! *(Схватываетъ свою банку съ вареньемъ).*

Митрофанъ Плат. Фрося, оставьте! Дайте банку!

Фрося. Не дамъ.

Митрофанъ Плат. Вы не утерпите и непремѣнно скажете что-нибудь... Что хорошаго? Дайте, пожалуйста!

Фрося *(съ ласковымъ взглядомъ).* Отдать? Ну, на-те ужъ, на-те! *(Онъ взялъ банку и уходитъ въ боковую дверь, откуда Анисья внесла тарелки съ закусками. Поставивъ ихъ на столъ, уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Валентина *и* **Фрося, Захаръ Платоновичъ** *) *и* **Арина Никитишна** (*входятъ изъ задней двери*), *потомъ* **Митрофанъ Платоновичъ**.

Арина Никит. Ну, дай еще поцѣловать тебя, Зоринька! Ненаглядный ты мой! Спасибо, что вспомнилъ старуху, спасибо! *(Обняла и нѣжно цѣлуетъ его при входѣ Митрофана Платоновича).*

Захаръ Плат. Здравствуйте, Валентина Борисовна! *(Пожалъ ея руку и поклонился Фросѣ).*

Митрофанъ Плат. Здравствуйте, братецъ! Съ именинницей васъ! *(Поцѣловались).*

Арина Никит. Ну, садись, Зоринька, садись, родной мой! Шутка-ли, съ коихъ поръ не видались! Здоровъ-ли?

Захаръ Плат. Живемъ. А ты, старуха, какъ поживаешь?

Арина Никит. Да плохо, родной! Пирожка.

Захаръ Плат. Позавтракалъ,—не хочу.

Арина Никит. Какъ-же такъ?.. А я-то хлопотала!.. Хоть немножко, хоть чего-нибудь!

---

*) Цвѣтущій, коренастый съ лысинкой.

Захаръ Плат. Не могу.

Арина Никит. Ахъ, ты, какой!.. Ну, хоть винца выкушай! Для тебя берегла. *(Взяла бутылку).*

Фрося. Удостойте.

Арина Никит. *(строго взглянула на нее и укоризненно покачала головой).* Прошу закусить! *(Указавъ ей на пирогъ, наливаетъ стаканчикъ вина, Захару Плат.).* Да, плохо живемъ, голубчикъ. Домъ хозяиномъ держится, а у насъ что за хозяинъ!..

Митрофанъ Плат. *(перебиваетъ, слегка покраснѣвъ).* Кха! Вы рѣдко у насъ бываете, братецъ. Мамаша скучаетъ безъ васъ.

Захаръ Плат. Некогда.

Арина Никит. Зоря не тебѣ чета. У него время — деньги. Вотъ съ кого взялъ бы примѣръ. Отецъ васъ безъ гроша оставилъ со мною. Одну тюрю ѣли, одно горе мыкали. Выбился-же человѣкъ. И богатъ, и у всѣхъ въ уваженіи. Умомъ, да трудомъ взялъ. А мы съ тобою часомъ съ квасомъ, порой съ водой, да въ лачугѣ живемъ на краю города. За то мы въ бирюльки играемъ. Взгляни, Зоря, коробочку выпилилъ мнѣ, хе-хе-хе! *(Подаетъ ее сыну).*

Захаръ Плат. *(разсматриваетъ ящикъ, съ снисходительной улыбкой).* Ни-че-го, искусно.

Фрося. Арина Никитишна! А покажите, какой подарокъ привезъ вамъ Захаръ Платонычъ. Я ужасно любопытна. Покажите!

Захаръ Плат. *(смущенно).* Гмъ!.. Извини, старуха... Я того... изъ ума вонъ...

Фрося *(съ трудомъ сдерживаетъ хохотъ).* Ахъ, такъ... Ну, простите пожалуйста! Вотъ неловкость!

Арина Ник. Очень ужъ вы любите мѣшаться не въ свое дѣло-съ!

Фрося. Ха-ха-ха! То-то мнѣ и достается отъ всѣхъ.

Захаръ Плат. *(матери).* А ты напрасно нападаешь на брата. Служитъ, трудится по мѣрѣ способностей...

Митрофанъ Плат. И ужасно бываю радъ, когда—отсидѣвъ свое время—вырвусь изъ Палаты. Тамъ я не даю себѣ думать ни о чемъ постороннемъ...

Захаръ Плат. (*насмѣшливо*). А о чемъ-же ты «думаешь», когда не на службѣ?

Митрофанъ Плат. (*съ смущеніемъ*). Да разное... Конечно особеннаго ничего... А такъ... пріятно, что мысль свободна...

Захаръ Плат. (*насмѣшливо*). Философъ!

Фрося. Жалко—не вашей школы. И богатства не наживемъ и въ люди не выбьемся.

Митрофанъ Плат. Полно, Фрося! Зачѣмъ вы такъ?..

Захаръ Плат. (*Фросѣ, значительно, отчеканивая слова*). Моя школа—трудная житейская школа, сударыня; та школа, которая развиваетъ умъ, у кого онъ есть, изощряетъ способности, кто одаренъ ими, и учитъ труду, кто способенъ трудиться осмысленно и съ пользою для себя. Трезвый взглядъ на жизнь, знаніе людей, умѣніе овладѣть обстоятельствами, ясно намѣтить цѣль и предвидѣть послѣдствія своихъ поступковъ—все это дается не каждому-съ. И, конечно, всего вѣрнѣе судить о человѣкѣ по тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ достигъ совокупностью своего труда и способностей.

Арина Никит. (*къ Фросѣ, съ торжествующимъ лицомъ*). Вотъ вамъ-съ!

Фрося. Восхищена! (*Валентина отвернулась, чтобы скрыть улыбку*).

Арина Никит. (*съ досадой*). Эхъ! (*Рѣзко повернулась отъ Фроси къ сыну*). А что-жъ Антонина Васильевна—ужли не пріѣдетъ?

Захаръ Плат. Жена пріѣдетъ съ Судбищевымъ, если не затреплется по хозяйству. Съ нею я никогда не ѣзжу. (*Къ Валентинѣ*). Вотъ съ такой хорошенькой женщиной, какъ вы—дѣло другое. (*Близко подсаживается къ ней. Валентина отодвигается*).

Фрося *(глядя на Валентину).* А этотъ Судбищевъ служитъ у васъ въ конторѣ?

Захаръ Плат. Занимается.

Митрофанъ Плат. Прекрасный человѣкъ, простой, душевный!..

Фрося. Митрофанъ Платонычъ смотритъ на людей, какъ будто всѣ его друзья и братья.

Митрофанъ Плат. *(задумчиво съ улыбкой).* Пожалуй... Если подумать, такъ оно можетъ быть и смѣшно... Хотя, право, лучше ошибаться, чѣмъ не довѣрять. Право лучше! Какъ должно быть скверно на душѣ у того, кто видитъ одно дурное и на все смотритъ мрачно! Я часто гляжу на людей и думаю: зачѣмъ столько равнодушія, враждебности, даже злорадства? Боже мой, зачѣмъ это все? Да развѣ лучше жить такъ? Хорошіе, сердечные люди и тѣ прячутъ добрыя чувства и въ жизни совсѣмъ другіе, чѣмъ по натурѣ. Развѣ жизнь—ложь, притворство, обманъ? Какое страшное и горькое заблужденіе!

Захаръ Плат. *(слушавшій со скучающимъ видомъ, встаетъ).* Ну, мнѣ пора.

Арина Никит. Куда же, Зоря? Посиди, милый!

Захаръ Плат. Некогда. *(Поцѣловалъ мать. Къ Валентинѣ, пожимая ея руку).* Жалко, что вы такъ строги со мною...

Валентина. Не позволяю врать глупостей?

Захаръ Плат. Отклоняете всѣ попытки доставить вамъ удовольствіе...

Валентина *(усмѣхаясь).* Очень рада... вмѣстѣ съ Антониной Васильевной...

Захаръ Плат. *(развелъ руками).* Съ вами не сговоришь!—Поѣдемъ, Митроша. Пришлю съ тобой что-нибудь матери.

Арина Никит. Спасибо, родной! Да посидѣлъ-бы! Мнѣ это дороже всякихъ подарковъ. Пріѣдешь ты—для меня свѣтлый праздникъ, Зоринька.

Захаръ Плат. Какъ-нибудь побываю. *(Фросѣ)*. Прощайте, ехидная барышня!

Фрося. А подарокъ-то покупайте! Да хорошій, не вздумайте отдѣлаться пустякомъ. Не то я повѣрю, что вы скупой человѣкъ. *(Уходитъ со смѣхомъ)*.

Арина Никит. Экая злючка! Ты, Зоря, не обращай вниманія. Мнѣ ничего не нужно.

Захаръ Плат. Поѣдемъ, Митроша. *(Уходитъ въ сопровожденіи матери и брата.*

Валентина. Пріятная бесѣда!.. А Митроша съ своей откровенностью! И жалко его и досадно. *(Прислушивается къ разговору въ передней)*. Чей это голосъ?.. Судбищевъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Валентина, Арина Никитишна *и* **Судбищевъ.**

Арина Никит. *(входя первая)*. Спасибо, батюшка, за поздравленіе и вниманіе ваше. Покорно прошу!

Судбищевъ. Здравствуйте, Валентина Борисовна! Сестра вамъ кланяется.

Арина Никит. А я ждала ее. Зоря сказалъ, что она съ вами пріѣдетъ.

Судбищевъ. Она было собралась, да бѣлошвейка принесла бѣлье Захара Платоновича. Какіе-жъ визиты, если дѣло коснулось Захара Платоновича! Тутъ все забывается. Онъ ея идолъ.

Арина Никит. *(глядя на Валентину)*. Добрая жена, примѣрная жена! Всѣмъ бы ее за образецъ взять. *(Судбищеву)*. Скушайте пирожка. Прошу покорно! А меня ужъ извините, старуху. Мочи нѣтъ устала. Пойду прилечь. *(Уходитъ въ боковую дверь)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Валентина *и* Судбищевъ.

Судбищевъ. Кажется, я васъ подвелъ?

Валентина. Привыкла.

Судбищевъ. Если-бъ всѣ жены походили на мою кузину, хорошо-бъ это было, ха-ха!

Валентина. Вы совсѣмъ устроились у нихъ?

Судбищевъ. Да.

Валентина *(кладетъ на тарелку кусокъ пирога)*. Втянулись, работаете?

Судбищевъ *(беретъ тарелку)*. Благодарю васъ. Работаю. Захаръ Платоновичъ доволенъ мною. А это много значитъ. Онъ педантъ и требователенъ ужасно. *(Выпилъ рюмку вина)*.

Валентина. И такъ, вы хотите исправиться?

Судбищевъ *(ѣстъ съ аппетитомъ)*. Не въ первый разъ. Обыкновенно за дѣло я берусь горячо, даже страстно; а потомъ оно какъ-то вываливается изъ рукъ.

Валентина. Такъ вы пробовали не разъ?

Судбищевъ. Боже мой! Чѣмъ я ни былъ—спросите, за что ни брался! И все кончалось ничѣмъ. Я опоздалъ родиться. Мнѣ жить-бы во время крѣпостного права. Тогда нашему брату не жизнь была, а масленица. Въ романахъ и у женщинъ, мы, снабженные гражданскою скорбью, были героями. А теперь насъ зовутъ шалопаями и отовсюду гонятъ. Впрочемъ еще вопросъ: лучше-ли жить гдѣ-нибудь въ углу, или слоняться по бѣлу-свѣту?

Валентина. Но вы, кажется, пишите? Если у васъ талантъ, васъ влечетъ въ новыя мѣста, нужны новыя лица.

Судбищевъ. Никакого таланта. Наброски, сцены, замѣтки—все это вздоръ и мелочи. Я шатунъ, лѣнтяй и больше ничего. Пока молодъ, кое-какъ живется, благо есть небольшія

деньжонки, которыя братъ даетъ за мою часть изъ имѣнія. Я уживаюсь со всякимъ положеніемъ и не имѣю привычекъ. А въ старости должно-быть стану брюзгой, злымъ на людей за то, что самъ ни на что не годился. Такъ часто бываетъ.

Валентина. А если женитесь?

Судбищевъ. Я?—Ха-ха-ха! На что-жъ я буду похожъ? Нѣтъ, для семейной жизни я не родился. Мнѣ свѣковать бобылемъ, если какая-нибудь бабища не заберетъ меня въ руки и не станетъ держать подъ замкомъ, въ засаленномъ халатѣ, нечесаннаго, а пожалуй и съ рюмочкой.

Валентина. Боже васъ сохрани отъ такого будущаго! Заберите себя въ руки, Викторъ Григорьевичъ, усядьтесь, работайте!

Судбищевъ. Говорю, Захаръ Платоновичъ доволенъ мною. Чего-же больше?.. Вашъ мужъ тоже человѣкъ впечатлительный, какъ и я; быть можетъ, поетъ въ душѣ...

Валентина. У него это какъ-то по-дѣтски.

Судбищевъ. Пожалуй. А какой работникъ при этомъ: чиновникъ примѣрный; какой характеръ!

Валентина. Характеръ? Митроша прекрасный. Такой душевной чистоты ни въ комъ не найдешь. Но «характеръ»!.. Человѣкъ, который выноситъ отъ матери все, что онъ выноситъ!.. Скорѣе это слабость характера. Мнѣ досадно на него, я возмущаюсь; а онъ займется чѣмъ-нибудь и въ этомъ—весь. Опять-таки скорѣе дѣтская черта, чѣмъ характеръ.

Судбищевъ. Въ немъ есть что-то... Нѣтъ, это характеръ.

Валентина *(съ раздраженіемъ)*. Ну, пусть будетъ по-вашему.

Судбищевъ. Ха-ха! Нѣтъ, ужъ лучше по-вашему; а то вы разсердитесь. Вообще, чуть коснешься вашей семейной, внутренней жизни, вы изъ милой и доброй вдругъ становитесь раздражительной. Въ васъ большая неровность. Чѣмъ объяснить ее? Вы что-то скрываете, затаили въ себѣ.

Валентина *(сухо)*. Я раздражительна. Вотъ и все.

Судбищевъ. Если вы не хотите быть откровенной, конечно, лучше не касаться этихъ вопросовъ. А меня такъ живо интересуютъ они!

Валентина (*съ усмѣшкой*). *Живо интересуютъ!*

Судбищевъ. Не вѣрите? (*Горячо*). Клянусь вамъ, что...

Валентина (*съ живостью перебиваетъ*). Нѣтъ, ради Бога! (*Смѣясь*). Вѣрю, вѣрю чему хотите, но не пугайте меня такими словами. (*Серьезно*). Да вы и не такъ меня поняли. (*Задумчиво*). Откровенность... Я боюсь откровенности... (*Опять шутливо*). Вамъ она не страшна. Вы осуждаете себя съ легкимъ сердцемъ и на жизнь свою махнули рукой. Это очень мило.

Судбищевъ. Смѣйтесь, смѣйтесь!—А почему вы «боитесь» откровенности? (*Валентина молчитъ*). Скажите же: почему?

Валентина. Оставимъ этотъ разговоръ, Викторъ Григорьевичъ.

Судбищевъ. Жаль! Жаль, что я не заслужилъ довѣрія вашего...

Валентина. Ахъ, вовсе не то!

Судбищевъ. Такъ что-же?

Валентина. Не могу... не должна... незачѣмъ...

Судбищевъ. Даже *незачѣмъ?*

Валентина (*нервно и прерывисто*). Ну да, потому что откровенность не приведетъ ни къ чему хорошему... Въ жизни моей она ничего не измѣнитъ... и не должна измѣнить... Другія ноютъ, жалуются; а по-моему, это глупо, пошло и унизительно... Участіе, сочувственныя слова—зачѣмъ они?.. И въ концѣ концовъ—испорченныя отношенія. Зачѣмъ?

Судбищевъ. Я такъ и зналъ! Я понималъ, что ваша жизнь—не по васъ.

Валентина (*перебиваетъ*). Перестаньте! Все это вздоръ и ваши догадки ни къ чему. Меня съ утра раздражали. Я повеселѣла, когда вы пришли; а вы хотите окончательно разстроить меня! Видите, какъ опасно для хорошихъ отношеній касаться личныхъ вопросовъ!

Судбищевъ. Я вижу, что дѣйствительно у васъ сегодня разстроены нервы. Поговоримъ въ другой разъ.

Валентина *(рѣзко)*. Нѣтъ! Этотъ разговоръ конченъ, Викторъ Григорьевичъ.

Судбищевъ. *Конченъ?..* Что дѣлать! *(Встаетъ)*. Ну, до свиданья!

Валентина *(съ сожалѣніемъ)*. Куда же вы?!. А, впрочемъ, ступайте.

Судбищевъ. Почему-же «впрочемъ»?

Валентина *(холодно, протягивая ему руку)*. Поклонитесь вашей сестрѣ.

Судбищевъ. До свиданья! *(Поклонился и уходитъ)*.

Валентина *(оставшись одна, плачетъ)*. Глупыя слезы!.. И зачѣмъ я говорила все это?!. Глупо, глупо!.. Нѣтъ, подальше отъ него!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Валентина *и* **Митрофанъ Платоновичъ.**

Митрофанъ Плат. Вотъ маменькѣ платье. Братецъ... *(Съ испугомъ)*. Валя! Что съ тобой? О чемъ ты?..

Валентина *(прерываетъ)*. Такъ, такъ, пустяки.

Митрофанъ Плат. Развѣ ты можешь плакать по пустякамъ? Что разстроило тебя? Скажи, ради Бога!

Валентина. Право, милый, такъ... У меня съ утра нервы разстроены.

Митрофанъ Плат. Ну да, маменька... Ахъ!

Валентина. Все прошло и я весела. И ты не смѣй быть грустнымъ! Слышишь? Ты вѣдь мой милый, хорошій! *(Нѣжно поцѣловала его)*. Приласкай-же меня!.. Дай я тебя расцѣлую... *(Порывисто обняла его и страстно цѣлуетъ нѣсколько разъ. Онъ смотритъ удивленно и озабоченно)*. Я испугала тебя?.. Обезумѣла? да?.. Какой ты смѣшной, ха-ха-ха!.. Ахъ, ты дѣтка моя! Вѣдь ты—моя дѣтка? *(Глядитъ ему въ глаза и, взявъ за плечи, тихо смѣется)*.

Митрофанъ Плат. Теперь ты такъ странно глядишь... загадочно, чуть не злобно!

Валентина *(попрежнему тихо)*.. Ха-ха-ха!

Митрофанъ Плат. Да что съ тобой, Валя?!

Валентина *(вдругъ встала, съ суровымъ лицомъ)*. Ничего. *(Быстро уходитъ. Онъ съ испугомъ смотритъ ей въ слѣдъ)*.

Занавѣсъ.

(Между актами проходитъ недѣли три).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Захара Платоновича, съ богатой обстановкой. Прямо двѣ двери: правѣе — въ прихожую, лѣвѣе — въ нотаріальную контору. Налѣво ближе къ углу, еще дверь, ведущая во внутреннія комнаты. Справа два окна. Между ними большой письменный столъ, обращенный къ стѣнѣ. Слѣва, по сю сторону двери — диванъ и овальный столъ. По задней стѣнѣ шкафъ съ дѣлами и этажерка, съ кабинетными вещами и статуэтками миѳологическаго характера. Подобнаго же содержанія картины на стѣнахъ. Нѣсколько креселъ и стульевъ сгруппировано вокругъ обоихъ столовъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Захаръ Платоновичъ *(сидитъ за письменнымъ столомъ)* *и* **Судбищевъ** *(сидитъ сбоку)*.

Захаръ Плат. Когда вы научитесь выражаться дѣловымъ языкомъ? Ну что тутъ такое?! Хорошъ проектъ контракта! *(Вычеркиваетъ въ бумагѣ и дѣлаетъ поправки)*. Это не фельетонъ-съ! *(Вѣтромъ со стукомъ распахнуло окно. Съ досадой)*. Ну, вотъ! *(Громко)*. Антонина Васильевна!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* **Антонина Васильевна** *).

Антонина Вас. Что?

Захаръ Плат. *(указывая на окно)*. Сквозной вѣтеръ, матушка! Ты простудишь меня.

Антонина Вас. *(проворно закрывать окно)*. Закрою, закрою. Не брюзжи, сдѣлай милость!

Захаръ Плат. Полагаю, что въ такую погоду можно-бы получше закрывать окна.

Антонина Вас. Да развѣ усмотришь за горничной? Ей хоть колъ на головѣ теши—все рохля!

Захаръ Плат. Вотъ колѣни озябли. Опять насморкъ схвачу.

Антонина Вас. *(взяла пледъ и заботливо закрываетъ имъ колѣни мужа)*. Ну вотъ. Успокойся. *(Уходя, ворчитъ)*. Только и дѣла, что ухаживай за нимъ! *(Ушла въ боковую)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, *безъ* **Антонины Васильевны**.

Захаръ Плат. *(продолжаетъ просматривать бумагу)*. Ну вотъ опять литература, а въ существѣ дѣла неясность! А неясность въ контрактѣ ведетъ чертъ знаетъ къ чему. Не угодно ли примѣръ. Въ одномъ контрактѣ было сказано, что купецъ-арендаторъ обязанъ подчищать сады владѣлицы и можетъ возводить вновь необходимыя хозяйственныя постройки. Хорошо-съ. Что же дѣлаетъ арендаторъ? Всѣ плодовыя деревья онъ обрубаетъ на дрова до макушки; а чтобы выжить владѣлицу изъ усадьбы, ставитъ, какъ разъ передъ окнами дома, курят-

*) Особа худощавая и смуглая. По костюму видно, что она въ домашнихъ хлопотахъ. Причесана кое-какъ. Очень подвижна.

никъ и свиные хлѣва.—Такъ вотъ вамъ-съ! И почище бываетъ... А-а-чхи!.. Ну, такъ и есть: насморкъ! *(Кричитъ)*. Антонина Васильевна!.. Да иди-же!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* **Антонина Васильевна.**

Антонина Вас. Ну, что тебѣ?

Захаръ Плат. *(укоризненно)*. Насморкъ!

Антонина Вас. Да я-то чѣмъ виновата? Ты вчера простудился, когда изъ клуба шелъ по дождю. А я виновата?

Захаръ Плат. Дай вазелину.

Антонина Вас. *(подавая баночку)*. Какъ изъ дома— ты здоровъ, а дома тебя всякія болѣзни одолѣваютъ. Тамъ разотри, тамъ примочи!..

Захаръ Плат. *(мажетъ себѣ носъ вазелиномъ)*. Гдѣ мои папиросы?

Антонина Вас. Самому лѣнь найти! *(Суетится по комнатѣ и находитъ портсигаръ на маленькомъ столикѣ)*. Вотъ твои папиросы! По пустякамъ отрываешь меня, а бифштексъ подгоритъ, будешь браниться.

Захаръ Плат. А скоро завтракать? Пора-бы! *(Закуриваетъ папиросу)*.

Антонина Вас. *(идя къ двери)*. Подожди, не умрешь.

Судбищевъ *(все время смѣявшійся про себя)*. Ха-ха-ха!

Антонина Вас. *(набрасывается на него)*. Ничего нѣтъ смѣшного! ровно ничего! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, *безъ* **Антонины Васильевны.**

Захаръ Плат. Досталось? Она орлицей налетитъ за меня, хе-хе! Брату-бы такую жену. А то Валя!.. Какой онъ ей мужъ!

Судбищевъ. По-своему, онъ... прекрасный человѣкъ.

Захаръ Плат. Чудакъ. А Валя недурна. Правда?

Судбищевъ. Да-да... милая...

Захаръ Плат. *(выразительно)*. Пикантна!

Судбищевъ. Вовсе не то... За пикантностью чаще всего безсердечіе и пошлость...

Захаръ Плат. Много вы понимаете! Женщина безъ этого зажигательнаго свойства—не женщина, батенька. Да, Валя—штучка! Вамъ-бы пріударить за ней. Меня она недолюбливаетъ. Я—видите-ли все «пошлости» говорю. Ха! Какъ будто съ женщиной можно серьезно разговаривать! Ну а вы въ тонъ попадете. Программа извѣстная. Общіе вопросы о душевныхъ стремленіяхъ и потребностяхъ сердца. Словомъ, всякая ерунда. Отъ общихъ вопросовъ переходъ къ личнымъ. Затѣмъ, любовный дуэтъ и... финалъ, ха-ха! Во время оно любовники и тутъ проливали слезы и читали стихи! Я дѣйствую не такъ. Вступленіе и лирическую часть *выпускаю-съ*, ха-ха!..

Судбищевъ. А вѣдь все, что вы говорите—ужасно гадко.

Захаръ Плат. Ха-ха! Благодарю. Зачѣмъ-же ругаться?

Судбищевъ. Вы самаго пошлаго взгляда на женщинъ и понятіе объ истинной красотѣ вамъ не доступно...

Захаръ Плат. *(махнулъ на него рукой)*. Влюбленъ!

Судбищевъ *(съ оживленіемъ)*. Я говорю серьезно. Я свято вѣрю въ то, что женщина сохраняетъ въ мірѣ духовную красоту и ею животворитъ все!

Захаръ Плат. Въ другомъ смыслѣ.

Судбищевъ *(съ жаромъ)*. Вы только съ этой стороны и видите дѣло. Понятно. Существуетъ-же цѣлое ученіе, по которому женщина и учится и одѣвается красиво только изъ разсчета и чувственныхъ побужденій...

Захаръ Плат. *(прерываетъ)*. А вотъ и завтракъ! Это лучше всякой философіи, батенька мой. *(Переходитъ за другой столъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Антонина Васильевна *и* **горничная** (*съ подносомъ, на которомъ сковородка съ бифштексомъ и все прочее для завтрака*).

Антонина Вас. *(проворно ставя приборъ на овальномъ столѣ)*. Ну, ужъ если сегодня не угодила бифштексомъ, то ты привередникъ и больше ничего. *(Горничная уходитъ)*.

Захаръ Плат. Посмотримъ. А ты, хранительница духовной красоты, дай мнѣ портвейну.

Антонина Вас. Это еще что такое? Какой красоты? *(Достаетъ бутылку вина изъ нижняго, закрытаго отдѣленія этажерки)*.

Захаръ Плат. *(закрывшись салфеткой)*. А вотъ Викторъ Григорьевичъ вамъ такое названіе далъ. *(Ѣстъ за обѣ щеки)*. А меня изругалъ. Пошлый-де я человѣкъ.

Антонина Вас. Что?!. Это Захаръ-то Платоновичъ пошлый человѣкъ?! Ну, извини! Какъ-же ты, живя у насъ, смѣешь такія гадости говорить?.

Захаръ Плат. Хорошенько его, хорошенько, ха-ха-ха!

Судбищевъ. Я говорилъ вообще. А что Захаръ Платоновичъ твой идолъ, я хорошо это знаю.

Антонина Вас. «Идолъ»! Выбирай пожалуйста болѣе приличныя выраженія!

Захаръ Плат. Говорю—«орлица»! Хорошенько его, ха-ха-ха!

Субищевъ. Ну, что ты влюблена въ него по уши.

Антонина Вас. *(вспыхнула)*. Что-о?!

Захаръ Плат. Ха-ха-ха! Еще лучше!

Антонина Вас. Ну, ужъ это такъ глупо, такъ глупо!.. *(Почти убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, *безъ* **Антонины Васильевны.**

Захаръ Плат. Совсѣмъ сконфузили бабу, ха-ха! *(Утерся салфеткой и наливаетъ стаканъ вина)*. Славный бифштексъ! А вамъ-то я и не предложилъ!.. *(Пьетъ вино)*. Впрочемъ, тамъ есть что-нибудь вамъ позавтракать.

Судбищевъ. Не хочу. *(Входитъ горничная и уноситъ на подносѣ посуду и проч.)*.

Захаръ Плат. *(всталъ и тщательно закупориваетъ бутылку)*. Вина не предлагаю. Это хорошо послѣ ѣды. А, впрочемъ, если хотите...

Судбищевъ *(улыбаясь)*. Нѣтъ, нѣтъ.

Захаръ Плат. Необыкновенный портвейнъ, жизнерадостный! *(Ставитъ бутылку на прежнее мѣсто)*. Да вы не знатокъ. А вотъ это какъ нравится вамъ? *(Достаетъ изъ бумажника фотографическую карточку и показываетъ ее)*. Хороша штучка?

Судбищевъ. Какой ухарскій видъ и костюмъ!

Захаръ Плат. Шикъ! *(Подмигнулъ)*. Ха-ха-ха!

Судбищевъ. Кто такая?

Захаръ Плат. Новенькая. Изъ Питера прикатила. Замѣтьте вотъ этотъ изгибъ—а!.. А шейка-то, шейка!.. Складъ губъ, улыбка—сама страсть; а во взорѣ невинность, какой-то наивный испугъ. Фу, чертъ возьми! Понимаете-ли, какая прелесть, какой шикъ въ этомъ контрастѣ?

Судбищевъ *(подражая его тону)*. «Пикантна»?

Захаръ Плат. Могу сказать! А вы не одобряете этого, самую суть-то. Эхъ, вы! *(Прячетъ карточку)*. Я вѣдь вамъ по-дружески это... какъ порядочному человѣку...

Судбищевъ. Не бойтесь, я не болтунъ.

Захаръ Плат. *(зоветъ)*. Антонина Васильевна!.. Совсѣмъ сконфузили ее: «влюблена», ха-ха-ха! *(Громко)*. Антонина Васильевна!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же *и* Антонина Васильевна.

Антонина Вас. *(сердито)*. Надоѣлъ! Ну, что?

Захаръ Плат. Вели извощика привести.

Антонина Вас. *(глядя въ окно)*. Вонъ напротивъ стоитъ. Позовешь. Да ты куда ѣдешь-то? Простуженъ, и ѣдешь. На дворѣ холодъ, слякоть...

Захаръ Плат. Нужно. *(Взялъ шляпу)*.

Антонина Вас. Постой, хоть горло-то завяжу! *(Надѣваетъ ему на шею фуляръ)*. Сидѣлъ-бы дома! Праздникъ, въ конторѣ занятій нѣтъ, куда несешься?

Захаръ Плат. Нужно. *(Пошелъ къ двери)*.

Антонина Вас. А ваты, ваты! *(Закладываетъ ему въ уши вату)*.

Захаръ Плат. Да скорѣе! Ну что!..

Антонина Вас. Поспѣешь.

Захаръ Плат. *(Судбищеву)*. А вы займитесь контрактомъ-то! *(Уходитъ)*.

Судбищевъ. Займусь. *(Собираетъ на столъ бумаги)*.

Антонина Вас. *(спохватилась)*. А пледъ! Забылъ, улетѣлъ! *(Схватила пледъ и убѣгаетъ за мужемъ)*.

Судбищевъ. Навѣрно къ оригиналу той карточки... Жирный котъ! *(Взявъ бумаги, уходитъ въ дверь, ведущую въ контору)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Антонина Васильевна, Фрося *и* Митрофанъ Платоновичъ.

Антонина Вас. Сказалъ вѣдь: сейчасъ вернется. Слышали? Только едва-ли.—Ждешь, ждешь его!.. Простуженъ, а помчался въ такую погоду. Куда?

Митрофанъ Плат. Братецъ человѣкъ общественный, дѣловой. Мы подождемъ его, Фрося. Ужъ очень безпокоится ваша мамаша.

Антонина Вас. Да въ чемъ дѣло?

Фрося. Какой-то споръ... по закладной что-ли... Не знаю. Мамаша, по обыкновенію, изъ себя выходитъ. Сама больна, прислала меня. У меня документъ и письмо къ Захару Платоновичу.

Митрофанъ Плат. Братецъ занимается ихъ дѣлами.

Антонина Вас. Пріѣдетъ—разберетъ. Нѣтъ дѣла, котораго-бъ Захаръ Платоновичъ не разобралъ по ниточкамъ. Подождите. А пока пойдемте въ галлерею. У меня тамъ приготовлено варенье варить. Кстати поможете мнѣ чистить смородину.

Митрофанъ Плат. Отлично. Пойдемте, Фрося. Какіе у нихъ тамъ цвѣты!.. Жаль мокро, я-бы вамъ садъ показалъ. Не вышелъ бы, вотъ какой садъ! *(Пошелъ къ боковой двери)*.

Фрося. Вы и въ домъ вошли съ благоговѣніемъ, будто въ церковь. *(Ушла)*.

Антонина Вас. *(осматриваясь)*. Куда задѣвались ключи—понять не могу! *Ищетъ ихъ)*. Захаръ Платоновичъ до того замытаритъ, что голову потеряешь... Куда понесся въ такую погоду? зачѣмъ?..

ЯВЛЕНІЕ X.

Антонина Васильевна *и* **Судбищевъ** *(изъ конторы, съ портфелемъ, который кладетъ на письменный столъ)*.

Антонина Вас. *(набрасывается на него)*. А, кстати! Я вотъ что хотѣла тебѣ сказать. Если ты впредь осмѣлишься соваться въ нашу семейную жизнь, то вылетишь вонъ.

Судбищевъ. Энергичная женщина!

Антонина Вас. Ну, да! Серьезно тебѣ говорю: часу у себя не оставлю, если посмѣешь критиковать Захара Платоновича и подшучивать надъ нами, часу!

Судбищевъ. Ты сама постоянно ворчишь на него...

Антонина Вас. *(перебиваетъ)*. То я, а никто другой.

Если кто можетъ упрекнуть меня въ этомъ, то Захаръ Платоновичъ и никто другой. Всякаго другого я такъ обрѣжу, что онъ прикуситъ языкъ!

Судбищевъ. Успокойся, пожалуйста. Я вовсе не ссорюсь съ Захаромъ Платоновичемъ. Твое заступничество никому не нужно и только смѣшно.

Антонина Вас. «Смѣшно»!.. По-твоему, Захаръ Платоновичъ пошлый человѣкъ; а это не пошло, такая неделикатность ко мнѣ?.. «По уши влюблена»? Это что?

Судбищевъ. Ахъ, это! Ха-ха-ха!..

Антонина Вас. Да-съ, это! Можно-ли говорить такой вздоръ? Прилично, съ твоей стороны, деликатно?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же *и* **Валентина** (*изъ прихожей*).

Валентина. Что такое? За что вы на него?.. Здравствуйте! *(Поцѣловалась съ хозяйкой и пожала руку Судбищеву).*

Судбищевъ. Какъ говорится, отдѣлала на всѣ корки, ха-ха!

Валентина. За что?

Антонина Вас. Что ужъ! Говорить только—себя раздражать. Душечка, пойдемте варенье варить. Въ галлереѣ у меня все приготовлено. Поможете чистить смородину. Дрянь ягоды въ этцомъ году: сморщенныя, сухія, а цѣны—приступа нѣтъ.

Судбищевъ. Очень весело Валентинѣ Борисовнѣ чистить твою смородину! Да въ галлереѣ и сыро.

Антонина Вас. Вотъ выдумалъ: сыро! Тепло, какъ въ домѣ. Пойдемте!

Валентина. Съ удовольствіемъ.

Судбищевъ. Тамъ угоришь отъ жаровни.

Антонина Вас. *(вспыльчиво).* Ты и безъ жаровни всегда угорѣлый.

Валентина. Я сейчасъ приду, только передамъ Виктору Григорьевичу одну просьбу. *(Антонина Васильевна уходитъ въ боковую дверь).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Судбищевъ *и* **Валентина.**

Судбищевъ. Какъ я радъ, что вижу васъ!.. Что за просьба? о чемъ?

Валентина. Найдите мнѣ дѣло.

Судбищевъ. Дѣло?!

Валентина. Ну, да. Что-нибудь, только-бъ не жить такъ... не сидѣть сложа руки. Ссориться съ свекровью... нервничать... и такъ изо-дня въ день—невыносимо!

Судбищевъ. Вотъ что!.. Сдѣлаю все, Валентина Борисовна, все, что могу!

Валентина. Пожалуйста!

Судбищевъ. Ахъ, не просите! *(Горячо).* И вамъ, энергичной, сильной, такая жизнь, что нужно хвататься за что ни попало, лишь бы уйти отъ себя!..

Валентина. Не нужно объ этомъ...

Судбищевъ. Ну возьмемъ одну внѣшнюю сторону. Будь вы на виду, въ такъ называемомъ «обществѣ», вы стали бы душою его, иниціативой всякаго полезнаго и добраго дѣла. А теперь?.. Обидно и горько за васъ!

Валентина *(протягивая ему руку).* Благодарю васъ... за доброе слово и желаніе помочь мнѣ. *(Онъ горячо цѣлуетъ ея руку. Валентина отнимаетъ ее).*

Судбищевъ *(съ жаромъ).* Вотъ когда я жалѣю, что такъ ничтоженъ и такъ мало могу сдѣлать для васъ! Ваше счастье я поставилъ бы цѣлью жизни моей!

Валентина *(быстро встаетъ).* Меня ждетъ Антонина Васильевна. Я пойду.

Судбищевъ. Она настолько занята вареньемъ, что совершенно забыла про васъ. Садитесь, пожалуйста! Къ тому-же она терпѣть не можетъ, когда ей мѣшаютъ хозяйничать...

Валентина *(въ нерѣшительности)*. Неловко...

Судбищевъ. Увѣряю васъ, она забыла, что вы здѣсь. У нея всегда на умѣ только Захаръ Платоновичъ. Садитесь-же! *(Валентина садится)*. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Скажите... но скажите всю правду... Отчего вы стали такъ сдержаны, такъ сухи со мной? Отчего? За что вы наказываете меня? Неужели за то горячее участіе, съ какимъ я всегда даже мысленно отношусь къ вамъ? Если это—вина, то другой вины за мной нѣтъ. Неужели за это? Но сама жизнь вырываетъ у васъ жалобу на свое положеніе, протестъ, протестъ выстраданный и въ концѣ концовъ неизбѣжный. Такъ и было сейчасъ. За что-же отталкивать меня, огорчать? За то, что я угадывалъ, понималъ все? А я былъ очень огорченъ. Я скучалъ и постоянно думалъ о васъ. Мнѣ было и досадно и горько. Я заставлялъ себя не думать о васъ, но не могъ. Злился, что не могу, а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что вы мнѣ еще милѣй, что мнѣ еще больше васъ жалко...

Валентина *(прерываетъ съ волненіемъ)*. Что вы говорите, Викторъ Григорьевичъ? Кому? Развѣ я могу это слушать? И вы-же упрекаете меня, что я отдалилась!.. Я очень жалѣю, что, обратившись къ вамъ съ просьбой, дала поводъ къ такой откровенности...

Судбищевъ. Простите! Молчать я не могъ. Вы милы, дороги мнѣ... Пусть это дурно, но это такъ. Чувство несообразуется съ условіями жизни, съ положеніемъ и такъ далѣе. Если оно идетъ наперекоръ всему—несчастье, но это не убиваетъ его. Я по себѣ это знаю. И скажу, что любовь, которая отступаетъ передъ препятствіями, соображаетъ, расчитываетъ, боится—не любовь, а такъ, дрянь какая-то, нѣчто безкровное.

Валентина *(горячо)*. И долгъ, и совѣсть и жалость къ человѣку, счастье котораго женщина взяла на свою душу—все это, по-вашему: ничто? пустыя слова?

Судбищевъ. Не пустыя слова, а ужасныя. Не слова, а терніи, которыя раздираютъ сердце и отравляютъ жизнь!

Валентина. Такъ чего-же вы горячитесь и упрекаете меня!

Судбищевъ. Я сказалъ, что чувствую, сказалъ потому, что не могъ не сказать. Вы правы, но и я правъ. Разница въ томъ, что вы разсуждаете, а я чувствую.

Валентина *(подавляя вздохъ)*. Разсуждать... разсуждать не всегда легко, Викторъ Григорьевичъ. *(Встаетъ)*. Однако, прощайте.

Судбищевъ. Вы къ сестрѣ?

Валентина. Нѣтъ... не могу. Домой.

Судбищевъ. Я провожу васъ. *(Взялъ шляпу)*.

Валентина. Нѣтъ, нѣтъ!

Судбищевъ. Я прошу васъ позволить мнѣ это! прошу!

Валентиина. Я пойду одна.

Судбищевъ *(съ досадой)*. Ахъ! *(Отшвырнулъ шляпу)*.

Валентиа. Какъ вѣжливо!

Судбищевъ. Извините меня, но... Да что говорить, когда вы сами все понимаете!.. Пробыть съ вами лишнихъ полчаса и то невозможно!

Валентина *(нервно и сильно)*. Скажите по совѣсти: не слишкомъ-ли долго я слушала васъ? И могу-ли я простить себѣ это?.. Это будетъ мнѣ стоить... горькихъ и тяжелыхъ минутъ; а вы...

Судбищевъ. Простите, простите! Сегодня я совсѣмъ не владѣю собой. Идите, а я останусь. Останусь покорно, только дайте расцѣловать вашу руку! *(Взялъ ея руку)*. Эту милую, нервную ручку... *(Страстно цѣлуетъ ее нѣсколько разъ)*.

Валентина *(съ волненіемъ)*. Довольно... довольно-же!.. *(Онъ привлекъ ее къ себѣ)*. Что вы дѣлаете!.. *(Онъ горячо поцѣловалъ ее въ щеку)*.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Митрофанъ Платоновичъ *и* **Фрося** (*входитъ изъ боковой двери, въ моментъ, когда Судбищевъ привлекъ къ себѣ Валентину*).

Валентина *(увидавъ ихъ, вскрикиваетъ)*. Ахъ!.. *(Отходитъ отъ Судбищева и закрываетъ лицо руками. Судбищевъ стоитъ въ смущеніи)*.

Митрофанъ Плат. *(растерянный, съ болѣзненной улыбкой и блуждающимъ взоромъ)*. Сестрица послала... ключи... ищемъ вездѣ... Сестрица говоритъ: въ кабинетѣ... Ищите, Фрося... Не на полу-ли?.. *(Наклонился около стола. Внезапное, краткое, но сильное рыданіе, которое такъ же внезапно оборвалось у него)*.

Валентина (*со стономъ)*. Боже мой!

Митрофанъ Плат. *(всталъ)*. Гдѣ же они?.. Сахаръ достать... а отпереть нечѣмъ...

Фрося *(порывисто, въ гнѣвномъ негодованіи)*. Пойдемте!.. пойдемте отсюда!.. *(Схвативъ его за руку, влечетъ къ двери въ прихожую)*.

Митрофанъ Плат. А какъ-же братъ?.. Вамъ вѣдь нужно...

Фрося. Да пойдемте скорѣе! *(Уходятъ)*.

Валентина *(потрясенная, гнѣвная)*. Вотъ что вы надѣлали! Пойманы, какъ воры!.. на подлости, которая можетъ убить мужа!.. Какое униженіе и позоръ!.. Вы понимаете, что между нами все кончено. Ни встрѣчъ, ни писемъ и никакихъ попытокъ поколебать меня! Мы больше никогда не увидимся! *(Уходитъ)*.

Занавѣсъ.

(*Между актами проходитъ около двухъ мѣсяцевъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Арина Никитишна *и* Валентина.

Арина Никит. Тебѣ ничѣмъ не угодишь, все не по тебѣ стало! Дивм-бъ за дѣло, а то изъ всякаго пустяка заводишь исторію!

Валентина. Надоѣли вы мнѣ. Отстаньте!

Арина Никит. Кому ты такъ говоришь-то, кому?..

Валентина. *Вамъ* говорю. Я много терпѣла. Довольно! Я слова не дамъ вамъ сказать!

Арина Никит. Гдѣ ужъ! Ты меня чуть въ кухню не загнала. Озлилась ни на что не похоже. Сама-то, ради Создателя, не привязывайся; я ужъ молчу.

Валентина. «Озлилась»! Кажется, вы все для этого сдѣлали, все что могли! Мало озлилась, я опошлѣла съ вами, унизилась до вашихъ дрязгъ, до мѣщанской грызни, до того, что самой себѣ стала противна! Но вы не за то ненавистны мнѣ, что оскорбляли меня грубо, дерзко; не за то, что несправедливы къ Митрошѣ; а за послѣдствія этого, за то, что черезъ васъ мнѣ домъ опостылѣлъ, что вы подлили масла въ огонь!..

Арина Никит. Въ какой еще тамъ огонь?

Валентина. Ну, это мое дѣло—въ какой. *(Уходитъ направо).*

Арина Никит. Ничего не понимаю! Вижу, что у насъ все вверхъ дномъ пошло, все!

ЯВЛЕНІЕ II.

Арина Никитишна *и* **Фрося** (*входитъ изъ задней двери на послѣднія слова Валентины*).

Фрося. Все воюете?

Арина Никит. Поди-жъ ты! Ужъ я и такъ и сякъ, чтобы безъ ссоры,—нѣтъ! рветъ и мечетъ.

Фрося. У васъ научилась.

Арина Никит. Ну, ужь пожалуйста!.. А что дивлюсь я на себя—правда. Мамаша дома?

Фрося. Дома.

Арина Никит. Къ ней что-ли пойти?.. Только и думаешь, куда-бъ изъ дома вонъ.

Фрося. Хорошо!

Арина Никит. На что лучше! Вонъ и Митроша... Положимъ, онъ и прежде шататься любилъ; а теперь вовсе пропадаетъ изъ дома.

Фрося. Я давно не вижу его. А мнѣ-бы нужно...

Арина Никит. И я мало вижу. Прежде, бывало, пилитъ, стучитъ, клеитъ, а теперь и картинки и эту дрянь позабылъ. *(Двинула ящикъ съ рабочими инструментами и сдуваетъ со стола пыль).* Когда это было? Ишь сколько пыли! Все разбросано, расшвырено... *(Прибираетъ на столѣ).*

Фрося. И съ нимъ Валентина Борисовна такъ-же, какъ съ вами?

Арина Никит. Ихъ не поймешь. Онъ какъ будто все тотъ-же... Дуракъ—не дуракъ, а чудной какой-то...

Фрося *(прерываетъ).* Я знаю какой. Можете не объяснять. Я про нее спрашиваю.

Арина Никит. Она то совсѣмъ холодна, будто и не замѣчаетъ его; то злится, подшпиливаетъ; а то разревется ни съ того, ни съ сего и замолчитъ. Тогда ужъ изъ нея слова не вытянешь. Вся бѣда: слабъ Митроша. У другого мужа небось не посмѣла бъ дурь на себя напускать. Вишь, домъ опостылѣлъ!..

Нашу сестру въ ежевыхъ держи, не то какъ разъ станемъ бѣса тѣшить. Такъ дома мамаша-то?

Фрося. Ступайте къ ней. Дома.

Арина Никит. И то пойду.

Фрося. Послушайте. А Судбищевъ все у васъ не бываетъ?

Арина Никит. Да нѣтъ! Я ужъ больше мѣсяца не видала его. А что?

Фрося. Ничего. Я въ него влюблена. Такъ скучаю.

Арина Никит. Вы-ы?

Фрося. Чего удивились? Что я уродъ, такъ не могу и влюбиться?

Арина Никит. Э, ну васъ совсѣмъ!

Фрося. Родись я красивой, какъ Валентина Борисовна, это было-бы естественно, даже необходимо, потому что красотѣ нужно поклоненіе, обожаніе, всякая любовная и пошлая суета. Красотѣ, вѣдь все извиняется. Я влюблюсь—только смѣшно, для другихъ конечно, но гадкаго въ этомъ нѣтъ ничего. А будь я вашей невѣсткой, хоть и красавицей, да влюбись въ посторонняго—было бы подло. Обмануть Митрофана Платоновича можетъ только дурная, черствая женщина, или ужъ такая пустая, фальшивая дрянь, которая лжетъ всю жизнь и другимъ и даже себѣ.

Арина Никит. Что вы говорите? Да развѣ Валентина влюбилась?!

Фрося. Откуда вы взяли?

Арина Никит. Такъ къ чему-же вы про Митрошу-то?

Фрося. А вотъ къ чему. Если-бъ было дурно со стороны жены не цѣнить его, то еще хуже, еще непростительнѣй, если-бъ не цѣнила его родная мать. Только къ этому я и сказала. А что на душѣ у Валентины Борисовны—я знаю столько-же, сколько и вы.

Арина Никит. Охъ, и заноза! *(Уходитъ въ заднюю дверь).*

Фрося. Онъ подавленъ несчастьемъ и избѣгаетъ меня. Я не могу ни облегчить его, ни утѣшить; а я... я жизнь отдала-бы за это!.. Боюсь я за него, страшно боюсь... Онъ все перенесетъ, всякій трудъ, нищету и будетъ спокоенъ и веселъ; но для этого нужно одно: что-бы не омрачили души его. А у него отняли главное. Любовь къ женѣ, въ которой все для него— оскорблена и разбита. Ударъ прямо въ сердце!.. Перенесетъ-ли онъ это?

ЯВЛЕНІЕ III.

Фрося *и* Митрофанъ Платоновичъ.

Митрофанъ Плат. А, Фрося! *(Пожалъ ея руку и сѣлъ).*

Фрося. Какъ мы давно не видались!.. Мнѣ казалось, что вы избѣгали меня. Правда?

Митрофанъ Плат. Развѣ безсознательно, а нарочно не дѣлалъ этого.

Фрося. Можетъ быть, я теперь лучше сдѣлаю, если уйду?

Митрофанъ Плат. О, нѣтъ! Зачѣмъ!

Фрося. Одно мнѣ было отрадой: ваша дружба. Вы это знаете... Когда я бывала разозлена, огорчена, я нарочно приходила, чтобъ посмотрѣть на ваше лицо. И мнѣ становилось легче... Такое у васъ было хорошее выраженіе, спокойное, свѣтлое... Вотъ и судите, легко-ли чувствовать отчужденность отъ васъ и когда-же? когда вы... Ну да знаете. Я терпѣть не могу разспросовъ... Меня это бѣситъ... Но вѣдь можетъ случиться, что вы сами захотите поговорить о себѣ... такъ-же откровенно, какъ я говорю... Тогда вспомните Фросю.

Митрофанъ Плат. Конечно. Но мнѣ какъ-то не говорится... Такое чувство, какъ будто я сбитъ съ корня... именно: *сбитъ съ корня.* Теперь всякая даже дикая мысль можетъ овладѣть мною. Мнѣ не за что удержаться. (*Задумался. Послѣ краткой паузы, продолжаетъ больше про себя*). Какая слѣпо-

та, ограниченность! Откуда я взялъ, что Валѣ такъ-же хорошо и ничего не нужно, какъ мнѣ? И никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ! По себѣ судилъ? Да. Но развѣ я могъ быть для Вали тѣмъ, чѣмъ она была для меня? Я забылъ, что я ограниченный, мелочной человѣкъ, хотя мнѣ часто напоминали про это...

Фрося. Ахъ не то, не то! Конечно, вы готовы обвинить себя и оправдать всякую гадость, которую сдѣлаютъ вамъ...

Митрофанъ Плат. Нѣтъ, не защищайте меня! Это хуже, мнѣ больнѣй... Какъ вы не понимаете этого! Самъ виноватъ—меньше виноваты другіе.... *(Тяжело вздохнулъ. Краткая пауза)*. Валѣ было невыносимо отъ маменьки; а я и тутъ ничего не могъ сдѣлать. Удивительно, какъ я былъ наивенъ, не замѣчалъ и не понималъ самыхъ простыхъ вещей! За то теперь сбитъ съ корня... Странное чувство: какъ будто меня выбросило на пустынный берегъ, и я не знаю, что съ собой дѣлать.

Фрося *(про себя)*. То, чего я боялась!

Митрофанъ Плат. Валя... Она здѣсь, со мною; но будто нѣтъ ея... Она плакала, просила прощенья, клялась, что ничего такого не будетъ...

Фрося *(прерываетъ)*. Да-а? Значитъ, она поняла, *почувствовала*?

Митрофанъ Плат. Все это было тогда... и горячо, порывисто... Мнѣ было жалко ее; но странно: я слушалъ такъ, какъ будто говорилъ кто-то другой, не моя прежняя Валя. Каждое слово *той* Вали звучало въ моемъ сердцѣ; а теперь я даже мало понимаю, что она говоритъ. Какъ-то онѣмѣла душа...

Фрося. Если она почувствовала *тогда*, отчего-же теперь такъ дурно, раздражительно относится къ вамъ? За что?

Митрофанъ Плат. Почему—это сложный вопросъ... И кажется, я угадалъ... *(Задумался)*. Да, угадалъ.

Фрося. Почему-же?

Митрофанъ Плат. Страсть.

Фрося. Что-о?!

Митрофанъ Плат. Ну да, страсть *къ тому*... Она ослѣпляетъ Валю.

Фрося (*горячо, съ быстрыми движеніями по сценѣ*). Вотъ это прекрасно! Злиться на васъ за то, что нужно остаться честной женщиной! Но никто не виноватъ въ томъ, что ее влечетъ стать безчестной. Зачѣмъ-же тотъ ражъ, который у нея въ душѣ, переноситъ на другихъ? Зачѣмъ вымещать за свою яко-бы добродѣтель? И на комъ же? На человѣкѣ, который такъ сильно любилъ, безгранично ей вѣрилъ! Отвратительно!

Митрофанъ Плат. У насъ ей было не по себѣ... Она выше своего положенія... А страсть слѣпа. Не до справедливости тутъ!

Фрося. Вздоръ! Вовсе не выше. Ей далеко до васъ, какъ до звѣзды небесной! Наконецъ, мало-ли женщинъ, которыя дѣйствительно выше своего положенія, однако-жъ примиряются съ нимъ и живутъ честно...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* **Валентина** (*изъ боковой двери*).

Валетина. А кто-же *безчестно* живетъ?

Фрося. Кто? Тотъ, отъ кого страдаютъ близкіе люди, кто коверкаетъ ихъ жизнь и убиваетъ въ нихъ самый интересъ къ жизни. Вотъ кто живетъ *безчестно*, если вамъ желательно знать! (*Рѣзко повернулась и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Митрофанъ Платоновичъ *и* **Валентина.**

Валентина. Она права. Она не смѣетъ мнѣ говорить этого, дерзкая злючка; но она права. Я виновата, несносна, все что угодно... Ну, заставь меня думать и чувствовать иначе! Избавь отъ самой себя! Я только этого и хочу... Молчитъ, смотритъ безпечно, чуть не улыбается... Да что я глупости говорю, что-ли?

Митрофанъ Плат. О, нѣтъ!

Валентина. Такъ что-же!

Митрофанъ Плат. Мы разные люди.

Валентина. И оттого ты такъ спокоенъ?.. Опять молчитъ! Что это: вымученное спокойствіе, гордость, глупость—не понимаю!

Митрофанъ Плат. Я не мастеръ отдавать отчетъ въ своихъ чувствахъ... Можетъ быть и глупость.

Валентина. Прости! Сорвалось. *Послѣ паузы, порывисто).* Ну упрекай, брани меня! Право легче.

Митрофанъ Плат. Зачѣмъ?.. Да и не въ моей натурѣ.

Валентина. Жалко, что я не боюсь тебя. Отъ грозы иногда легче бываетъ. Все-таки сила. Хороша и такая, если въ самой себѣ нѣтъ никакой. *(Подумала. Съ нетерпѣливымъ жестомъ).* Не понимаю! Значитъ, ты ничего не чувствуешь, если *такой,* хоть я увлеклась?.. Положимъ, далеко не зашло... я порвала тогда-же и навсегда... Но все-таки увлеклась... Да говори-же!

Митрофанъ Плат. Тебя занимаютъ мои чувства, когда у тебя столько своихъ...

Валентина. Это не отвѣтъ! Ты замкнулся отъ меня? Я недостойна твоей откровенности?

Митрофанъ Плат. Зачѣмъ говорить такъ?.. Впрочемъ, ты очень раздражена...

Валентина. А! И спрашиваю, что-бы придраться! Раздраженные люди придираются даже къ тому, что ихъ вовсе не интересуетъ.. Я поняла твою мысль. Но вѣдь я ищу поддержки въ тебѣ, опоры! Вотъ почему твоя невозмутимость бѣситъ меня. Вѣдь *тогда*... у Захара Платоновича... ты былъ потрясенъ. И послѣ, когда я вернулась домой, ты былъ блѣденъ, какъ полотно, взглядъ у тебя былъ неподвижный, испуганный, а губы дрожали... Я почувствовала такой стыдъ, такую боль въ сердцѣ!.. И вдругъ это спокойствіе, какъ будто ничего не случилось! Почему-же *другъ твой*, Фрося, сказала про „страда-

ніе" и прочее? Значитъ, спокойствіе твое дѣланное, или *вымученное?*.. Отвѣчай-же!

Митрофанъ Плат. Не знаю. Я не могу заставить себя чувствовать иначе, нежели чувствую. Можетъ быть, это пройдетъ и начнется другое... Ничего сказать не могу. (*Всталъ*).

Валентина. Уходишь?

Митрофанъ Плат. Да.

Валентина. Постой! Ну, а если... что ты сдѣлаешь, если я уйду къ *тому?* Ты все будешь такой-же?

Митрофанъ Плат. Не знаю.

Валентина. Это было-бъ забавно!

Митрофанъ Плат. Что ты уйдешь?

Валентина (*встаетъ. Гнѣвно*). Какой вздоръ! Что-жъ въ этомъ забавнаго! Гадость. Хорошо понимаю. Но меня занимаетъ мысль, что ты сталъ-бы дѣлать тогда? (*Смотритъ на него въ упоръ испытующимъ взоромъ*). Непроницаемъ! (*Отходитъ съ усмѣшкой*). Ступай, ты хотѣлъ уйти.

Митрофанъ Плат. (*опустивъ голову, перебираетъ рукой по спинкѣ стула*). Какъ жалко, что въ тебѣ столько злобы!..

Валентина (*подошла къ нему*). Я жестока? Отвѣчай! Да, жестока?

Митрофанъ Плат. Отъ этого труднѣе тебѣ самой.

Валентина (*насмѣшливо*). Глубокомысленное замѣчаніе!.. Разумѣется жестока. Вотъ сейчасъ мнѣ ни крошечки не жалко тебя и хочется хохотать, представляя твое лицо, если-бъ я ушла. Ну, надоѣло. Ступай! (*Сѣла. Онъ пошелъ къ двери*). Вернись! (*Подумала и усмѣхнулась*). Поцѣлуй меня. Ты ни разу не поцѣловалъ меня съ тѣхъ поръ, какъ *тотъ* сдѣлалъ это... Я жду!

Митрофанъ Плат. Къ чему эти шутки!

Валентина. Какія шутки?! Я вовсе не шучу! (*Вскакиваетъ*). А, ты не хочешь?! *не хочешь?!* Ты презираешь меня?! *Онъ* меня презираетъ, ха-ха!

Митрофанъ Плат. О, нѣтъ! я подумалъ о томъ уваженіи, которое должна имѣть къ себѣ женщина. *(Пошелъ къ двери).*

Валентина *(схватываетъ его за руку).* Вотъ что? Такъ слушай-же! Не я жестока, а ты. Да, вы кроткіе, хорошіе люди бываете необыкновенно жестоки, хотя и невольно. Да, да! Вы не властны въ себѣ. Ужъ если что западетъ вамъ въ душу, оскорбитъ ее, этого никакими силами уничтожить нельзя. Теперь я поняла, что у тебя дѣйствительно «характеръ», какъ мнѣ сказали однажды. Да, *характеръ.* Но лучше для насъ обоихъ, если-бъ было не такъ. Меня не трогаетъ въ тебѣ эта черта; она мнѣ не въ помощь. Она скорѣе отталкиваетъ меня, нежели можетъ смягчить; скорѣе озлобляетъ, чѣмъ примиряетъ. Вотъ и все. Я больше не удерживаю тебя. Можешь, идти. *(Митрофанъ Платоновичъ уходитъ).* Ахъ, какъ скверно на душѣ!.. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже!.. Я окончательно выбилась изъ силъ... Хорошо, что не вижу Судбищева... Но какъ онъ *послушенъ!* Положимъ, я строго запретила ему обращаться ко мнѣ; но все-таки... чрезвычайно послушенъ... Фу, какъ горитъ лицо!.. Другой добивался-бы упорно, настойчиво; а этотъ... Вспышка! Онъ и въ любви также разгорается и скоро охладѣваетъ, какъ въ дѣлахъ... Ничтожные люди!.. А тогда казалось, что любитъ такъ горячо!.. Не думать, не думать объ этомъ!.. *(Крѣпко сжала руками виски. Пауза).* О, если-бъ я хотѣла! Была-бъ ужъ не вспышка, а страсть... *(Встала и потянулась въ истомѣ).* Нѣтъ, нѣтъ! Прочь эти мысли! *(Уходитъ въ боковую дверь).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Митрофанъ Платоновичъ *(входитъ изъ задней двери, съ озабоченымъ видомъ).*

Митрофанъ Плат. Валя!.. Ушла. Я хотѣлъ ей сказать... «Презираю»! Она не понимаетъ. Развѣ я могу презирать? *(Прошелся въ задумчивости).* Если она ищетъ «опоры»

во мнѣ, то на разрушенномъ фундаментѣ ничего не построишь... Она выше меня; жизнь ея была тяжела, а я близорукъ и безсиленъ. Все это такъ, все это извиняетъ ее; но вѣдь душа-то у меня отнята! Хоть узкая, мелкая, но отнята!.. Этого ничѣмъ не поправишь... Я чувствую ужасную пустоту, а это невыносимо!.. Полное равнодушіе къ жизни—невыносимо!.. И все какъ-то напряжено во мнѣ: нервы и мысли, но безпредметно... Богъ знаетъ, куда это поведетъ и къ чему! Можетъ быть я заболѣю... и не встану. Что-жъ смерти я не боюсь. Помню, когда въ юности я былъ на краю гроба, предо мной вдругъ раскрылась чудная лазурь, глубокая, безконечная. Въ ней струились теплые лучи волшебнаго свѣта. И тамъ я видѣлъ мягкія тѣни чудныхъ очертаній. Онѣ плыли, какъ облака, отливая серебромъ и опаломъ... Нѣтъ, тамъ не мрачная и холодная бездна, въ которой жизнь гаснетъ, какъ искра; тамъ жизнь, тамъ невыразимо прекрасно!.. *(Задумывается, съ улыбкой и сосредоточеннымъ взоромъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Митрофанъ Платоновичъ *и* **Анисья** (*изъ боковой двери*).

Анисья. Баринъ!

Митрофанъ Плат. Что тебѣ?

Анисья. Хозяйская барышня прислала за вами: рыбу ловить. Вишь, на озеро ѣдетъ. Съ удочками въ пролеткѣ сидитъ, дожидается. Велѣла вамъ, чтобъ сейчасъ идтить.

Митрофанъ Плат. Иду. *(Уходитъ въ боковую дверь).*

Анисья. Нелады! Всѣ въ разные углы стали глядѣть. Былъ слушокъ, что завелся милъ-дружокъ. Да пустое. Сколько ни примѣчала, нѣтъ ничего. Нѣмка что ужъ хитра была слѣды заметать! Поглядѣть на нее—святая какъ есть. А какъ ловко нѣмца своего проводила, ха-ха! Да не меня. Меня на кривой не объѣдешь... Никакъ стучатся?.. И то! *(Уходитъ въ заднюю дверь).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Судбищевъ *и* **Анисья.**

Анисья. Барина нѣтути. Уѣхалъ съ хозяйской дочерью рыбу ловить. Развѣ что къ ночи вернутся. Старая барыня у хозяйки.

Судбищевъ. А Валентина Борисовна?

Анисья. Дома. Лежитъ у себя.

Судбищевъ *(тревожно)*. Больна?

Анисья. Нѣтъ, ничего. Она часто валяется. Что ей дѣлать-то! Ну, примѣтно: *скучаетъ. (Пытливо смотритъ на Судбищева).*

Судбищевъ. Такъ ты того... доложи ей...

Анисья. Скажу. *(Ехидно).* Обрадую. *(Уходитъ направо).*

Судбищевъ. Выйдетъ, или нѣтъ? Ну, да все равно... И приходить-то не нужно-бы... Если *тогда* удержался, такъ теперь и подавно!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

Судбищевъ *и* **Валентина** *(быстро входитъ съ пылающимъ и радостнымъ лицомъ).*

Валентина. Вотъ не ждала! *(Протянула ему руку. но сейчасъ-же отдернула).* Но какъ вы рискнули?.. *(Лицо ея принимаетъ холодное выраженіе).*

Судбищевъ. Я зналъ, что не встрѣчусь... Я видѣлъ, какъ они съ Фросей проѣхали съ удочками и повернули за городъ, къ озеру. Меня они не замѣтили...

Валентина. Я не о томъ васъ спрашиваю.

Судбищевъ. Да! Какъ я *осмѣлился?..*

Валентина. Развѣ забыли?

Судбищевъ. Нѣтъ, я помнилъ ваше запрещеніе и, кажется, доказалъ это?

Валентина *(съ ироніей)*. Хорошо, что вы такъ благонравны. .

Судбищевъ *(съ живостью)*. Какъ? Что вы сказали?! *(Садится)*.

Валентина. Похвалила. Но дѣло не въ этомъ... *(Всматривается въ него)*. А вы ничего... все такой-же... Милый характеръ! *(Откинулась на спинку кресла. Выраженіе лица злое)*. Потрудитесь объяснить, зачѣмъ вы пожаловали, когда я наотрѣзъ запретила вамъ являться сюда? По-вашему, это не дерзость? не явное неуваженіе ко мнѣ и моему мужу? Небрежно вы можете относиться къ себѣ... Въ васъ нѣтъ ничего положительнаго, вамъ вѣрить нельзя... Но относиться небрежно къ другимъ, къ тому, что они, по долгу и по праву, ставятъ въ обязанность вамъ—этого вы не должны и не смѣете дѣлать!

Судбищевъ. Перестаньте сердиться и бранить меня. Теперь ужъ все равно... Я пришелъ сказать вамъ... Дѣло въ томъ, что мы окончательно разссорились съ Захаромъ Платоновичемъ и онъ уволилъ меня.

Валентина *(измѣнилась въ лицѣ. Глядя въ землю)*. И что-же вы?..

Судбищевъ. Уѣзжаю. Пока я перебрался въ гостиницу Лаптева.

Валентина. Куда?

Судбищевъ. Къ Лаптеву.

Валентина *(выговаривая съ трудомъ)*. Какъ-же?.. вы совсѣмъ... уѣзжаете?

Судбищевъ. Да.

Валентина. Это хорошо. *(Ѣдко)*. Я орошу слезами вашъ путь.

Судбищевъ. Эхъ, зачѣмъ вы!.. Мнѣ тяжело оставлять васъ съ этими чувствами...

Валентина *(прерываетъ)*. Къ вамъ у меня—никакихъ чувствъ. Мы такъ давно не видались, что я все успѣла забыть; да и что было помнить?.. Такъ давно, что вы могли бы не приходить прощаться. Тѣмъ болѣе, что мы ужъ простились и навсегда.

Судбищевъ. Я не могъ уѣхать безъ этого, не могъ!

Валентина. Очень трогательно и сентиментально, но совсѣмъ неумѣстно. Такъ вы у Лаптева?

Судбищевъ. Да. Но... почему вы интересуетесь этимъ?

Валентина. Интересуюсь?! Ха-ха! Надо-же о чемъ нибудь говорить во время визита: о погодѣ, про знакомыхъ. Вотъ и про Лаптева.

Судбищевъ. Можно сухо проститься; но издѣваться не хорошо. *(Встаетъ)*.

Валентина. Вы проницательны!

Судбищевъ *(пытливо вглядывается въ нее)*. Насколько я проницателенъ, не доказываетъ-ли мое *благонравіе*, которое вы такъ подчеркнули.

Валентина. Солидная добродѣтель.

Судбищевъ. Неужели я такъ грубо ошибся?! *(Съ живостью подходитъ)*. Валентина Борисовна, бросьте этотъ тонъ! Умоляю васъ, скажите мнѣ откровенно...

Валентина *(прерываетъ, холодно)*. Валентина Борисовна скажетъ одно, что вамъ здѣсь рѣшительно нечего дѣлать.

Судбищевъ. Ахъ, такъ!.. И то ваше послѣднее слово?

Валентина. Рѣшительное и послѣднее.

Судбищевъ. Послѣ этого остается взять шляпу и пожелать вамъ...

Валентина *(вспыльчиво прерываетъ)*. Пожалуйста, безъ пошлостей!

Судбищевъ. Я пожелалъ бы искренно. Пошлы банальныя фразы. Разстанемся безъ пожеланій.

Валентина. Это лучшее, что вы можете сдѣлать. *(Судбищевъ стоитъ въ нерѣшимости и смущеніи. Пауза).* Въ какомъ вы смѣшномъ положеніи! Какой чувствительный *финалъ,* ха-ха-ха!

Судбищевъ. Глумитесь, если васъ забавляетъ это; а мнѣ очень, очень тяжело!

Валентина *(на лицѣ ея промелькнуло страданіе. Сухо).* Однако наше прощаніе слишкомъ продолжительно, Викторъ Григорьевичъ. Вы хорошо сдѣлаете, если положите ему конецъ.

Судбищевъ. Да, это лучше. Прощайте, Валентина Борисовна! *(Поклонился).*

Валентина. Вы когда уѣзжаете?

Судбищевъ. Завтра.

Валентина. Съ вечернимъ поѣздомъ?

Судбищевъ. Вѣроятно вечеромъ. Расписаніе, кажется, измѣнили. А что?

Валентина. Счастливаго пути. Больше ничего.

Судбищевъ *(порывисто).* Невыносимо! Развѣ вы не видите, до чего вы меня довели? Ну, скажите мнѣ хоть одно слово...

Валентина *(прерываетъ, съ нетерпѣніемъ пожавъ плечами).* Кажется, я довольно сказала. Прощайте!

Судбищевъ. Ну, дайте руку! дайте поцѣловать въ послѣдній разъ! Вѣдь мы никогда не увидимся!

Валентина *(про себя, страдальчески).* Онъ измучилъ меня! *(Ему, повелительно).* Я васъ прошу удалиться.

Судбищевъ. Ну... Богъ съ вами! *(Быстро уходитъ).*

Валентина *(секунду стоитъ неподвижно, потомъ бросается къ двери).* Викторъ!.. Что я дѣлаю?! Нѣтъ ни за что! *(Подбѣгаетъ къ открытому окну и жадно смотритъ въ него).* Оглянется?.. Нѣтъ! *(Про себя).* Да оглянись! оглянись!.. *(Съ тяжелымъ вздохомъ).* Ушелъ!.. *(Садится. Вся фигура Валентины выражаетъ, что она разбита, измучена).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Валентина *и* **Митрофанъ Платоновичъ** (*изъ боковой двери. Вошелъ, когда Валентина была у окна. Нѣсколько мгновеній молча наблюдаетъ ее. Схватился за стулъ. Стулъ сдвинулся*).

Валентина *(обернулась на стукъ).* Какъ?! ты былъ дома?! *(Встаетъ).*

Митрофанъ Плат. Сейчасъ вернулись... Дождь... Я хотѣлъ войти, да... услыхалъ голосъ Виктора Григорьевича...

Валентина. А! *(Нахмурила брови и проходитъ въ боковую дверь мимо мужа, не взглянувъ на него).*

Митрофанъ Плат. Вотъ теперь мнѣ больно! мучительно больно, какъ было *тогда!..* Нужно что-то сдѣлать... поскорѣй, поскорѣй!.. Но что сдѣлать?—Не знаю... Мучительно, что не знаю!.. *(Тоскливо схватился за голову).* Но мысль придетъ... придетъ! *(Вдругъ на лицѣ его выражается ужасъ).* Неужели... неужели *это?! (Онъ смотритъ въ публику расширенными глазами и такъ замираетъ).*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Номеръ въ гостиницѣ. Поперекъ перегородка, за которою спальня и прихожая. Изъ прихожей двери въ коридоръ и спальню, Слѣва комодъ и надъ нимъ зеркало. Посрединѣ, у перегородки, диванъ, столъ и кресла. Справа къ авансценѣ—окно. Ящики комода выдвинуты, кое-гдѣ лежатъ вещи и платье.

ЯВЛЕНІЕ I.

Судбищевъ (*перебираетъ вещи въ дорожномъ сундукѣ*).

Судбищевъ. Что-жъ, ѣду я, или нѣтъ? Уложиться на всякій случай. (*Взялъ свернутое платье, чтобъ положить въ сундукъ, но бросилъ и прошелся въ волненіи*). Никакъ не приду въ себя отъ вчерашняго свиданія съ Валей! Казалось, все улеглось, успокоилось; а стоило увидать ее, нервную, измученную и я почувствовалъ, что безумно люблю эту женщину. И жалость къ Митрошѣ, который такъ зарыдалъ у Захара Платоныча; и всѣ разсужденія, что подло врываться въ чужую жизнь; безпечность моя и все, все, чѣмъ я успокоилъ себя—разлетѣлось, какъ дымъ. Предо мной одна Валя... Какъ она была хороша! Какимъ огнемъ горѣли глаза! каждый нервъ трепеталъ... А эти сдвинутыя брови! пересохшія губы, которыя она кусала до крови!.. Чудно хороша, чудно!

ЯВЛЕНІЕ II.

Судбищевъ *и* **Африканъ.**

Судбищевъ. Тебѣ чего, Африканъ?

Африканъ. Сказали вчерась: уѣзжаете. Къ какому времени счетъ приготовить?

Судбищевъ. Счетъ?.. Подожди, братецъ... Можетъ быть и того... отдумаю.

Африканъ. А укладываетесь!

Судбищевъ. Это я такъ... на всякій случай...

Африканъ. Гмъ! Значить, отдумали?

Судбищевъ. Ахъ, какой! Да почемъ я знаю? Можетъ быть и уѣду. Ну, приготовь счетъ. Все равно.

Африканъ. Зачѣмъ-же его зря готовить? У насъ порядокъ такой: уѣзжаетъ гость, ну и счетъ. Обстоятельный господинъ коли ѣдетъ, такъ ѣдетъ. А васъ не поймешь.

Судбищевъ. Вотъ присталъ! Ей-Богу у меня не то въ головѣ. Другіе «обстоятельны», а я нѣтъ. Лучше вотъ уберика здѣсь, а я пойду посмотрю газеты. У васъ, кажется, есть въ билліардной?

Африканъ. Какія-то есть. Тамъ у конторщика.

Судбищевъ. А ты грубъ, любезный. Не хорошо. *(Уходитъ).*

Африканъ. «Грубъ»! Меня настоящіе господа уважаютъ, не тебѣ чета, ошалѣлый. Право ошалѣлый! Два дня жилъ—тихо, смирно, все больше спалъ. А съ вчерашняго дня словно его укусило. Ночью люди спятъ, а онъ по номеру мечется, сосѣдей тревожитъ. Въ часъ ночи звонитъ! Зачѣмъ?— «Въ которомъ-де часу завтра поѣздъ отходитъ»?—Да вамъ куда, говорю, въ какую сторону, потому у насъ двѣ дороги?—А онъ и не знаетъ, куда. Прежде-то не подумалъ. А будитъ, звонитъ!.. Чай, ворона и та знаетъ, куда летитъ... Да бишь, спрашивали его! забылъ сказать. Еще спалъ онъ, приходилъ какой-то... *(Дверь тихо отворяется, входитъ Митрофанъ Платоновичъ).* Вотъ онъ, опять!

ЯВЛЕНІЕ III.

Африканъ *и* Митрофанъ Платоновичъ.

Митрофанъ Плат. А Судбищевъ? Ушелъ?

Африканъ. Въ билліардную пошелъ, газеты читать.

Митрофанъ Плат. А мнѣ-бы нужно видѣться съ нимъ... очень нужно!

Африканъ. Знакомые будете, или по дѣлу?

Митрофанъ Плат. Нужно мнѣ...

Африканъ. Можетъ отъ нотаріуса? Онъ, вишь, у нотаріуса жилъ, Судбищевъ-то? *(Митрофанъ Платоновичъ углубился въ свои мысли и молчитъ. Про себя)*. Какой-то чудной! *(Къ нему)*. Я доложу, а вы обождите пока въ коридорѣ, потому въ номерѣ дожидаться нельзя.

Митрофанъ Плат. Хорошо, я уйду. *(Садится и задумывается)*.

Африканъ *(про себя)*. Гмъ! а онъ разсѣлся! *(Къ нему)*. Господинъ!

Митрофанъ Плат. *(выходитъ изъ задумчивости)*. А?

Африканъ. Пожалуйте, говорю!

Митрофанъ Плат. *(встаетъ)*. Ахъ, да, да! Извини пожалуйста! Я сейчасъ... Разсѣянъ... У меня мысль...

Африканъ. Оно и видать. *(Входящему Судбищеву)*. Вотъ спрашиваютъ васъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Митрофанъ Платоновичъ *и* Судбищевъ.

Судбищевъ *(пораженъ и взволнованъ)*. Митрофанъ Платоновичъ!!

Митрофанъ Плат. *(съ волненіемъ)*. Я пришелъ... Извините!.. Хотя въ сущности все равно... то-есть положеніе ясно... Но вчера вы были у насъ... Это оставило на Валѣ очень глубокое впечатлѣніе... Я спрашивалъ; но она молчитъ... Мнѣ нужно узнать, зачѣмъ вы... словомъ, что произошло между вами? *(Вдругъ голосъ его зазвенѣлъ и глаза загорѣлись)*. Я хочу знать все, все!.. Могу *требовать! (Отеръ лицо платкомъ и, тяжело дыша, отвернулся)*.

Судбищевъ *(искренно и горячо)*. Прежде всего долженъ сознаться, что, придя вчера къ вамъ, я поступилъ подло...

(…рично). Позвольте! Не
… поступками я не вхожу.

… поступить подъю по-
… Валентины Борисовны. Она
… признаться къ ней
… послѣ встрѣчи съ вами
… памятной, я по-
… по той причинѣ,

… понимаете?

… теперь все понятно.

… Валентина Бо-
… она была без-

(…прерываетъ).

(… тревогою).
(…). А вы… вы
… понимаете!
… опасеній, бо-
… Мнѣ кажется, что

… для того, чтобъ
… съ вами… Это
… признаться вамъ

… человѣкъ, но не
… изъ причины
… Но я не касаюсь
… измѣнить я ничего не
… внѣшняя причина,

которая намъ съ Валей уяснила самихъ себя и подвела итоги. Идя къ вамъ, я заранѣе зналъ, что не услышу ничего такого, что... что могло-бы измѣнить мои мысли. Но такой ужъ у меня характеръ, что я не могу успокоиться, пока не разрѣшу сомнѣнія и не узнаю истины. А разъ это сдѣлано, я успокаиваюсь, хотя-бы вопросъ былъ существенной важности, какъ нашъ, напримѣръ...

Судбищевъ *(про себя)*. Что онъ морочитъ меня?

Митрофанъ Плат. Значитъ, такъ суждено, или я самъ виноватъ. Вымещать свою вину на другихъ—безполезно и подло. Что-же остается?—Покориться и войти въ свою колею. Счастливая способность, свойственная мелкимъ людямъ, конечно. Но я изъ мелкоты. Вотъ почему я никогда не пойму, какъ люди могутъ посягать на свою жизнь. По-моему, нѣтъ положенія, которое могло бы довести до этого.

Судбищевъ. Вы говорите серьезно?

Митрофанъ Плат. *(съ улыбкой)*. Серьезно.

Судбищевъ *(пожавъ плечами)*. Не знаю!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же *и* **Африканъ**.

Африканъ. Сударь! Тамъ васъ женщина спрашиваетъ.

Судбищевъ. Какая женщина?

Африканъ. Говоритъ, молъ, отъ вашей сестрицы. Сюда ей войтить?

Судбищевъ. Нѣтъ, я самъ выйду. *(Африканъ уходитъ. Къ Митрофану Платоновичу)*. Извините! я на минуту. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Митрофанъ Платоновичъ (*оставшись одинъ, сразу измѣняется. Съ горечью*).

Митрофанъ Плат. Спокойствіе, *мнѣ* спокойствіе!.. *(Тономъ глубокаго страданія)*. О, еслибъ я могъ хоть за что-

нибудь, за что-нибудь удержаться надъ пропастью, въ которую такъ ужасно тянетъ меня!.. Чѣмъ жить? Чѣмъ жить, если выболѣла душа и все для меня помертвѣло?.. Чѣмъ жить, если всѣмъ, кого я любилъ, я чуждъ и не нуженъ?.. Какъ жить, если жизнь выбросила меня, какъ щепку, если я самъ потерялъ свое счастье, которымъ дышалъ?.. Для чего жить?—мучить Валю, мѣшать ея счастью, выносить ея ненависть и терзаться самому безъ конца?.. Жить *безъ Вали,* въ вѣчномъ унынія, съ вѣчною тоскою, раскаяніемъ и презрѣніемъ къ себѣ?—Нѣтъ, нѣтъ!.. Только бы они не узнали, не догадались!.. Кажется, все обдумано до мельчайшихъ подробностей... И какъ живо, какъ ярко я вижу всю эту картину!.. и чувствую тотъ страшный моментъ, когда... *(Содрогнулся).* Ну, да недолго, одинъ моментъ... *(Подходитъ къ окну взять фуражку и смотритъ въ него. Вдругъ отшатнулся и страшно измѣнился въ лицѣ).* Валя?!. Сюда?!. Да, да!.. Не рѣшилась... отходитъ. *(Закрылъ лицо руками. Отнявъ руки, со стономъ).* Но она придетъ сюда! кончитъ тѣмъ, что придетъ! *(Нервно потирая грудь и съ трудомъ переводя дыханіе).* Охъ, какое мученье!.. Отчего не *потомъ,* отчего не *по-то-мъ?!* Зачѣмъ я медлилъ?! на что надѣялся?!.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Митрофанъ Платоновичъ *и* **Судбищевъ** (*съ большимъ сверткомъ*).

Судбищевъ. Сестра прислала мнѣ на дорогу возъ всякой провизіи... Что съ вами?! *(Быстро подходитъ къ нему).* Вамъ дурно?

Митрофанъ Плат. Нѣтъ... такъ... У меня иногда кружится голова... Смотрѣлъ въ окно.. вдругъ потемнѣло въ глазахъ...

Судбищевъ. Не дать-ли воды?

Митрофанъ Плат. Нѣтъ, на воздухъ, на воздухъ!

(Страдальчески). Я задохнусь въ этой комнатѣ! *(Бросается вонъ)*.

Судбищевъ *(проводитъ его удивленнымъ взглядомъ)*. Странный человѣкъ! Чего онъ наговорилъ!.. Кажется, ему все равно: уѣду я, или нѣтъ. Онъ сознаетъ, что потерялъ Валю и покорно отходитъ прочь. Мало того, говоритъ про это! Удивительная покорность и простодушіе!.. Теперь ясно, что Валя любитъ меня. Что-же можетъ заставить меня уѣхать? Положимъ, она твердо рѣшилась порвать со мной. Но будь она тверда, какъ кремень, я не отступлюсь, пока останется хоть тѣнь надежды. И изъ кремня высѣкаютъ искры. А если она ждетъ, чтобъ я пошелъ наперекоръ ей? ждетъ, не сознавая, и не смѣя въ этомъ сознаться себѣ? Что я оставлю въ ея душѣ, если уѣду? Какую муку, обиду и горечь! Нѣтъ, никогда! чтобы ни было—никогда!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Судбищевъ *и* **Валентина**.

Судбищевъ. Ахъ!.. *(Моментъ стоитъ пораженный и стремительно подходитъ къ ней)*. Радость моя! *(Горячо цѣлуетъ ея руки)*.

Валентина *(взволнованная, смущенная, говоритъ прерывисто)*. Вчера я дурно обошлась съ вами... Мнѣ стало совѣстно, жалко... Все-таки вы захотѣли видѣть меня... Безъ этого не могли уѣхать... Я хочу поправить свою... несдержанность... Разстанемся друзьями...

Судбищевъ *(усаживая ее)*. Нѣтъ, мы не разстанемся! О, нѣтъ!.. Я не опомнюсь отъ радости, что опять вижу васъ! *(Приникъ къ ея рукамъ и цѣлуетъ ихъ)*.

Валентина. Когда вы ушли, я вдругъ почувствовала такую пустоту, одиночество!...

Судбищевъ. Я бы не уѣхалъ отъ васъ. Собирался,

укладывался, но знаю, что не уѣхалъ-бы, за всѣ блага міра. Если-бъ вы знали, что я перечувствовалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались вчера! Какъ мучился, проклиналъ себя, что отдалился отъ васъ! Какъ страдалъ за васъ, когда понялъ все: и вашу борьбу, и причину вашего гнѣва и рѣзкости! Вашъ образъ вoсталъ предо мной во всей красотѣ и наполнилъ всю мою душу... Что съ вами? Вы поблѣднѣли!

Валентина. Я шла, ничего не видя, не помня... и кажется, встрѣтила мужа... *(Тревожно)*. Онъ промелькнулъ предо мной, но я не обратила вниманія... Положительно это былъ онъ. *(Встаетъ)*. Я пойду. Я обезумѣла, обезумѣла, что пришла!

Судбищевъ. Перестаньте! Прогоните эти мысли!..

Валентина. Не удерживайте меня, Викторъ Григорьевичъ! Я сама не своя. У меня такая путаница въ мысляхъ, въ чувствахъ... Я не знаю, что дѣлаю и что говорю... Нехорошо этимъ пользоваться.

Судбищевъ. Боже избави! Я хочу, чтобъ вы выслушали меня, если я этого стою; хочу серьезно поставить вопросъ, потому что серьезно люблю васъ. Сядьте пожалуйста! Ну прошу васъ сядьте! *(Она садится)*. Довольно борьбы! Довольно борьбы, которая мучила васъ и ясно показала, что по-прежнему жить вы не можете. И смысла нѣтъ продолжать эту жизнь ни для васъ, ни для тѣхъ, которые васъ окружаютъ. Если вы любите меня и вѣрите мнѣ, уѣдемъ отсюда!

Валентина. Уѣхать мнѣ?!. съ вами?!.

Судбищевъ. А что-же другое смѣю я предложить вамъ? Вы женщина сильная, энергичная, съ душою прямой и тою честностью чувства, которая не допуститъ васъ до... фальшиваго положенія подъ кровомъ мужа...

Валентина. О, разумѣется!

Судбищевъ. Остается одинъ исходъ: бросить все и уѣхать. Вѣдь такъ?.. Скажите-же, радость моя!

Валентина. Дайте опомниться... Вчера разстались навсегда и вдругъ...

Судбищевъ *(взявъ ея руки)*. Сходимся навсегда. Да? Милая, сокровище мое, скажите-же!

Валентина. Не знаю, не знаю... *(Высвободила руки)*.

Судбищевъ. Ну что можетъ удерживать васъ? *(Пытливо глядя на нее)*. Жалость къ мужу, боязнь за него?

Валентина. Онъ... отдалился... сталъ совсѣмъ равнодушенъ...

Судбищевъ *(съ живостью)*. Да? Такъ это правда?

Валентина. А вы почему знаете?

Судбищевъ. Предполагалъ. Онъ человѣкъ... я не вполнѣ понимаю его; но мнѣ кажется, что онъ легче покорится судьбѣ, чѣмъ всякій другой.

Валентина *(съ раздраженіемъ)*. Я оскорбила его любовь, гордость. Да. Но я искала примиренія съ нимъ; а онъ *не можетъ* простить. И пускай! Какъ будто я одна виновата!.. А все, что я пережила, перечувствовала—ничего не стоитъ? Я сдѣлала все, чтобъ его пощадить; а онъ чѣмъ помогъ мнѣ? Я рѣшила оставить его въ покоѣ, не унижаться... Пускай носится съ своей гордостью, добродѣтелью, не знаю съ чѣмъ! Все это невыносимо скучно и опостылѣло мнѣ!

Судбищевъ *(съ восторгомъ)*. Да это радикально измѣняетъ вопросъ! Выходитъ, что вы разошлись, въ тягость другъ другу; что между вами одна внѣшняя, условная связь! *(Взялъ ея руки)*. Камень съ души! Какъ я счастливъ! какъ счастливъ! *(Порывисто привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку)*.

Валентина. Ну, зачѣмъ?.. *(Встала и отходитъ смущенная и взволнованная)*.

Судбищевъ *(подходя къ ней)*. Я все сказалъ, всю душу открылъ. Скажите-же мнѣ что-нибудь!.. рѣшайтесь!.. Взгляните-ка на меня! Что это? слезы?

Валентина *(истерично)*. Жить по-прежнему я не могу! Нѣтъ, не могу!.. Всякая жизнь лучше этой, унылой, мертвящей!.. Я сдѣлала все. Я старалась сломить себя... вы-

Захаръ Плат. *(прерываетъ).* Ну, не время перекоряться. Теперь, когда конченъ печальный обрядъ, нужно заняться дѣлами.

Антонина Вас. Ты двадцать разъ успѣешь заняться дѣлами. Посмотри, какъ ты утомленъ! Пойдемъ, я тебя уложу.

Захаръ Плат. Антонина Васильевна! Лучше всего, если ты помолчишь.

Антонина Вас. *(рѣзко мѣняя позу).* Да ужъ хорошо, хорошо!

Арина Никит. Какъ-же мнѣ быть теперь, Зоря?

Захаръ Плат. А это главный вопросъ. Аккуратно каждый мѣсяцъ я буду давать тебѣ на содержаніе опредѣленную сумму...

Арина Никит. *(робко).* Ну... а къ себѣ не возьмешь?

Захаръ Плат. Не удобно.

Арина Никит. Возьми, милый!.. Я гдѣ-нибудь... хоть возлѣ кухни... Никто и не увидитъ меня... Понимаю вѣдь, что я не по твоему дому... Никто не увидитъ... Зоря... По крайней мѣрѣ съ тобой... хоть подъ одной крышей жить... Утѣшь старуху, возьми!

Захаръ Плат. Не годится. *(Старуха горько заплакала).* Да ты не плачь! Вѣдь не бросаю тебя, на мои деньги жить будешь... Когда я навѣщу... А у меня, по складу моей жизни, по обстановкѣ, привычкамъ—жить тебѣ положительно неудобно. Вотъ и Антонина Васильевна....

Антонина Вас. *(перебиваетъ).* Антонинѣ Васильевнѣ нужно, чтобъ ты былъ здоровъ и покоенъ. Больше ничего не нужно.

Захаръ Плат. И такъ, это рѣшенный вопросъ.

Арина Никит. Рѣшено, такъ рѣшено. Что же дѣлать! Буду жить, какъ велишь.

Захаръ Плат. Ну, а *вдова* какъ-же? Съ тобою?

Арина Никит. Оборони Богъ! Озолоти меня, чтобъ я съ нею жила—ни за то!

Валентина. Напрасно обо мнѣ говорить. Я сама о себѣ позабочусь.

Арина Никит. Такъ-то лучше. А то со мной! Да если-бъ не она, Митроша о сю пору здравствовалъ-бы. Отбился отъ дому-то. Куда ни куда—лишь бы уйти. Вотъ и добѣгался. Дома, знать, не сладко было сидѣть.

Валентина (*встаетъ*). За это пеняйте и на себя. Я знаю, какъ онъ страдалъ отъ вашей несправедливости и при-

Судои. вамъ осуждать другихъ, когда во многомъ и вы

ришь въ счастье *дитъ въ боковую дверь*).

Валентина (.

ЯВЛЕНІЕ II.

зъ **Валентины**.

ДѢЙСТВІЕ *вскочила*). Ахъ, мать моя! Ка-

Сцена перваго д правда.

' Какъ правда?

ЯВЛЕНІЕ троша у тебя изъ дура-

тебя съ какой-то востор-

итншна, Валентина, Анто чьей. Онъ былъ хорошій

оновичъ (*все въ глубокомъ* я.

мгновеній сидятъ мол омъ!

кит. Вотъ и схоронили омъ, если по совѣсти

Вас. Не понимаю, какъ что я такъ-же былъ

дывая удочку, поскользн,

имъ, тамъ глубоко; но какъ правду?! Знать, я

не умѣлъ, или дурно сдѣ ста не было въ

и въ лужѣ утонешь.

То-то вотъ дѣломъ-бы занимался.

да плотичку поймалъ... Вы! (*Тяжело*

самъ жизни лишился. Грѣхи

ъ жены много зависитъ, какъ контору.

ствіе и

все прочее. *(Достаетъ изъ бумажника деньги и не торопясь отсчитываетъ ихъ. Томительная пауза. Мать стоитъ потупившись).* Вотъ. Аккуратно каждое первое число ты будешь получать постольку же. Устраивайся на новой квартирѣ и живи себѣ съ Богомъ. Прощай. *(Цѣлуетъ ее).*

Арина Никит. *(печально).* Я провожу васъ. *(Уходитъ за Захаромъ Платоновичемъ и Антониной Васильевной).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Фрося (*спустя секунду, входитъ блѣдная, подавленная. Она обвела тоскливымъ взглядомъ всю комнату и горько зарыдала*).

Фрося. Бѣдный мой!.. горькій мой!.. Какую рану въ сердцѣ унесъ ты въ могилу!.. За то, что много и беззавѣтно любилъ... за то, что былъ слишкомъ хорошъ для людей и любви твоей не стоилъ никто!.. Осиротѣла я безъ тебя!.. Одинока, на всю жизнь одинока!.. На всю жизнь скорбь по тебѣ, страдалецъ загубленный!.. *(При входѣ Арины Никитишны принимаетъ холодный видъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фрося *и* **Арина Никитишна**.

Арина Никит. Вотъ какъ Господь судьбу строитъ! *(Садится удрученная).*

Фрося *(посмотрѣла на нее и ѣдко усмѣхнулась).* И люди. Особенно *близкіе*. Близкіе люди бываютъ ужасно жестоки. Чужой, даже съ черствымъ сердцемъ, пойметъ и почувствуетъ; а свой!... Свои слѣпы, несправедливы, безжалостны и живутъ только въ себя. Душевная дрянь, скрытая отъ другихъ изъ приличія, дома—наружу вся. Выходитъ не жизнь, а что-то тупое, грубое, безпощадное... Горе тому, кто, съ душой нѣжной и любящей, попадетъ въ этотъ адъ! Таковъ

былъ вашъ Митроша. Они гибнуть эти страдальцы, они— жертва *близкихъ* людей!

Арина Никит. Матушка, оставьте! И такъ ужъ наговорили... Разстроили меня—мыслей не соберешь.

Фрося *(насмѣшливо)*. Соберете!

Арина Никит. Конечно, горе горемъ, а жить нужно.

Фрося *(ѣдко)*. «Горе»!

Арина Никит. Чтой-то вы такъ дрожите? Иль нездоровится?

Фрося *(кутается въ платокъ)*. Такъ... Холодно мнѣ...

Арина Никит. Скажите мамашѣ, что я отъ васъ переѣду.

Фрося. Скажу мамашѣ.

Арина Никит. У Моргуновыхъ отдаются двѣ комнаты. Сейчасъ и сходить къ нимъ. *(Встаетъ)*. Къ ночи и перебраться бы.

Фрося. Такъ вы не къ Захару Платоновичу?

Арина Никит. *(смущенно, разведя руками)*. Да, нѣтъ...

Фрося. Гмъ! не беретъ! Это вамъ не Митроша. Этого мать обезпокоить, унизить. Любимый сынокъ подачку броситъ матери—и за то спасибо; а съ Митроши послѣдній рубль тянули, да все корили, что мало!

Арина Никит. Что ужъ вы такъ!... Дѣти мои и дѣло мое.

Фрося (*вскочила. Гнѣвно*). Да, *ваше* дѣло! Только не знаете вы, *что* надѣлали!

Арина Никит. Господи помилуй! Да что?

Фрося. И вы, и жена плакали надъ Митрошей. Вы даже причитали. Но слезы не отъ сердца—пошлыя слезы, а надъ гробомъ—тѣмъ больше. Вотъ если-бъ вы знали, *что* сдѣлали; если-бъ въ васъ совѣсть заговорила, да совѣсть-то грозная, тогда-бъ вы *настоящими* слезами заплакали, жгучими, страшными. А вашъ плачъ!.. Не доставало, чтобъ еще Судбищевъ пришелъ изливать свое горе!..

Арина Никит. *(съ нетерпѣніемъ)*. Васъ не переслушаешь, да и нужды нѣтъ. Такъ скажите мамашѣ-то. А я къ Моргуновымъ. *(Уходитъ)*.

Фрося. И смерть не прошибла! Мать!.. Да, если-бъ Митроша думалъ, что смерть его огорчитъ мать, будетъ мучить раскаяніемъ, онъ... онъ больше дорожилъ-бы жизнью!

ЯВЛЕНІЕ V.

Фрося *и* **Валентина** *(входитъ изъ боковой двери, съ уложеннымъ небольшимъ сакъ-вояжемъ и картонкою. Все это ставитъ на столъ)*.

Валентина. Да. *(Сѣвъ къ письменному столу, вынимаетъ изъ ящика бумаги, письма и перебираетъ ихъ)*.

Фрося *(медленно ходитъ, останавливаясь время отъ времени)*. Здѣсь все еще пахнетъ ладаномъ и восковыми свѣчами. *(Пауза)*. Какая странная улыбка была на его лицѣ, когда онъ лежалъ въ гробу! Вы замѣтили? *(Валентина молчитъ)*. Онъ будто усмѣхался надъ своею судьбою, безъ радости, счастья... будто спрашивалъ: «зачѣмъ я жилъ? для чего?..» *(Валентина, продолжая молчать, нервно разорвала два—три письма. Пауза)*. Что-жъ вы... выйдете за *того?*

Валентина *(холодно)*. Ваша роль кончилась, та роль, которую вамъ *позволяли* играть въ моихъ отношеніяхъ. Я думала, что вы сами поймете это.

Фрося. Когда человѣкъ такъ несчастливъ, какъ былъ вашъ мужъ, всякій заговоритъ, у кого сердце не камень.

Валентина *(съ раздраженіемъ)*. Во всякомъ случаѣ, это—дѣло моей совѣсти, а не ваше.

Фрося *(усмѣхнулась)*. Въ одно слово съ матерью!.. Тамъ что-бы ни было, а свой покой дороже всего. *(Пылко)*. Нѣтъ, и мое дѣло! И «роль» моя не кончилась для васъ, а только начинается.

Валентина *(съ ироніей)*. Вы—мой фатумъ! Но мнѣ не до пустыхъ разговоровъ. Извините. *(Встаетъ и перейдя къ другому столу, укладываетъ въ сакъ-вояжъ выбранныя бумаги)*.

Фрося. Насколько «пусты» мои разговоры, судите по тому, что вы должны отказаться отъ Судбищева навсегда. Понимаете?—*навсегда!..* Судбищевъ долженъ умереть для васъ, какъ умеръ мужъ.

Валентина *(горячо, съ негодованіемъ)*. Послушайте, Фрося! Я сносила ваши придирки и смѣшное притязаніе вліять на меня; но дерзостей говорить не позволю. Вы слишкомъ далеко зашли! Довольно-съ!

Фрося *(грозится на нее, съ сверкающими глазами)*. Повѣрьте мнѣ на слово! Я щажу васъ, потому, что *онъ* пощадилъ; но... но я не допущу, чтобъ надругались надъ его памятью! *не допущу! (Быстро уходитъ въ заднюю дверь)*.

Валентина. Что такое? что за угрозы?.. О какой «пощадѣ» она говоритъ?.. Какая-нибудь язвительная фантазія... Дерзкая привычка вмѣшиваться во все и срывать свою злость. *(Задумалась)*. Да эта смерть... камнемъ легла на сердце. Много я виновата передъ Митрошей... Теперь все яснѣй и видишь глубже... Это *совпаденіе,* что я *въ то время* была у Судбищева! Вернулась и первое, что увидала дома— мертвое лицо мужа!.. Страшный отвѣтъ на то, что я сдѣлала!.. Рванулась въ новую жизнь, а смерть, какъ въ насмѣшку, вдругъ рушитъ старую и бросаетъ тѣнь на все будущее... Не намекаетъ-ли Фрося на то, что самой приходило мнѣ въ голову и такъ меня мучаетъ?! *(Содрогнулась)*. Нѣтъ, нѣтъ! это было-бъ ужасно!..*(Пауза)*. Судбищевъ что-то написалъ мнѣ. *(Ищетъ письмо въ карманѣ)*. Прочла и совершенно не помню. *(Читаетъ найденное письмо)*. «Ради Бога, не предпринимайте ничего, не повидавшись со мной и ни о чемъ не заботьтесь...» Чувствуетъ, что эта смерть отдалила насъ другъ отъ друга.. «Не предпринимайте ничего». Боится...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Валентина *и* Судбищевъ.

Валентина (*вздрогнула при стукѣ двери и быстро обернулась*). Вы? (*Протянула руку Судбищеву и поникла головой*).

Судбищевъ. Боже мой, какъ вы измѣнились! У васъ совсѣмъ измученный видъ!

Валентина. Ахъ, я столько перечувствовала въ эти ужасные дни! (*Закрыла лицо руками*).

Судбищевъ. Знаю, знаю! Я изстрадался за васъ! Я не могъ дождаться, когда все это кончится. Хотѣлъ придти самъ...

Валентина (*перебиваетъ*). Хорошо-бъ это было! Мы вмѣстѣ у гроба Митроши!

Судбищевъ. Но теперь передъ нами другое... Главное, нужно какъ можно скорѣе уѣхать.

Валентина. Я не поѣду съ вами.

Судбищевъ. Что?!

Валентина. Я поѣду къ подругѣ.

Судбищевъ. Къ подругѣ?! Зачѣмъ?

Валентина. Ахъ, нельзя-же на свѣжей могилѣ думать о «другомъ»! Наконецъ, я устала, измучена. Мнѣ нужно прійти въ себя. Какъ вы не понимаете!

Судбищевъ. Но какъ-же?.. Что же вы дѣлаете со мной?!

Валентина. Такъ надо, милый. Иначе я не могу. Эта смерть стоитъ предо-мной... Меня мучаетъ совѣсть.

Судбищевъ. Такъ я и зналъ!

Валентина. А вамъ развѣ не приходила мысль, что онъ... Мнѣ страшно вымолвить, но вы меня понимаете. Скажите по совѣсти: не приходила?

Судбищевъ. Нѣтъ. Онъ былъ не такой человѣкъ. Онъ не могъ... Въ этомъ я убѣжденъ положительно. Наконецъ, гдѣ

доказательства преднамѣренности? Ихъ нѣтъ. А воображеніемъ можно создать все. Оно подбереть, даже выдумаетъ такіе факты, что въ ужасъ придешь.

Валентина. Что я сдѣлала Митрошу несчастнымъ— это «не воображеніе».

Судбищевъ. Вы также были несчастливы, и больше, чѣмъ онъ. Въ этомъ никто не виноватъ, кромѣ судьбы, которая свела людей совсѣмъ не подходящихъ другъ къ другу. Теперь вы смотрите въ одну сторону и настроены во всемъ осуждать себя. Но это пройдетъ, когда вы успокоитесь и ослабѣютъ мрачныя впечатлѣнія отъ похоронъ. Главное: сами не терзайте себя! Это главное.

Валентина. Не знаю, что будетъ; но пока мнѣ очень тяжело. Меня гнететъ что-то зловѣщее...

Судбищевъ (*тоскливо*). Ахъ, Боже мой!

Валентина. Послушайте, какъ судятъ другіе...

Судбищевъ. Этого не доставало! «Другіе!».

ЯВЛЕНІЕ VII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же *и* **Фрося** (*тихо входитъ не замѣченная и остается въ глубинѣ сцены*).

Валентина. Нѣтъ, это важно. Почему Фрося прямо говоритъ, что я должна отказаться отъ васъ?

Судбищевъ (*гнѣвно*). Фрося! Удивляюсь, какъ вы позволяете ей разговаривать съ вами! Какъ она смѣетъ!..

Валентина (*прерываетъ, съ ласковымъ движеніемъ къ нему*). Перестаньте, не горячитесь! Я вѣдь не говорю, что нужно такъ поступить. Я только прошу подождать...

Фрося (*вдругъ выступаетъ на середину*). Иначе поступить вы не можете. Да, вы должны отказаться отъ него навсегда.

Судбищевъ (*злобно*) Что-съ?! Ха-ха-ха!

Фрося (*Валентинѣ*). Скажите ему, что нѣтъ ничего

смѣшного въ томъ, что умеръ человѣкъ, котораго погубили вы оба.

Судбищевъ. Прошу васъ замолчать!.. Охота вамъ слушать, Валентина Борисовна! Уйдемте. *(Взялъ шляпу).*

Фрося. О, нѣтъ! Вмѣстѣ вы не уйдете. Я не выпущу васъ!

Судбищевъ. Да что съ вами?! Опомнитесь!

Фрося. Вѣрьте мнѣ на слово, что вы должны разстаться, *должны! (Указывая на Валентину).* Поберегите ее. Если *я* жалѣю ее, мнѣ можно повѣрить.

Валентина *(со страхомъ).* Что она говоритъ?!

Судбищевъ. Ахъ, да не слушайте! Дѣло просто. Она—другъ Митрофана Платоновича, и всегда ненавидѣла васъ. Можетъ быть, тутъ примѣшались и ея личныя чувства къ нему. Какъ знать?..

Фрося *(глубоко уязвленная, съ гнѣвнымъ движеніемъ).* А-а!

Судбищевъ. Но и кромѣ того, все можно перетолковать, извратить въ другую сторону. Люди злые, мстительные, завистливые, дѣлаютъ это съ особеннымъ наслажденіемъ. Вотъ, съ какими чувствами является къ вамъ непрошенный судъ. Случайно смерть связываютъ съ причинами, которыя тутъ не причемъ. Но запугать можно ребенка, или того, кто не способенъ здраво судить о вещахъ. Серьезно говоря, всѣ эти требованія и угрозы—смѣшны, даже наивны. Я сожалѣю, что погорячился.

Фрося. Вы кончили? *(Валентинѣ).* А по-вашему, все такъ, какъ онъ говоритъ?

Валентина. Это несносно! Оставьте меня въ покоѣ!

Фрося. Мнѣ немногое осталось сказать. Только про то, *какъ* было дѣло.

Валентина *(истерично, съ крикомъ).* Не надо! не надо! Я ничего не хочу!.. Ради Бога, оставьте меня! Замолчите!

Фрося. Нѣтъ! Безъ того я не уйду и не выпущу васъ!

Судбищевъ *(съ трудомъ сдерживая гнѣвъ)*. Что-жъ остается?.. Насиліе?.. вывести васъ?

Фрося *(презрительно)*. Ха-ха! Какъ оба вы жалки мнѣ, съ вашимъ гнѣвомъ и трусостью! Совѣсть-то дрогнула?! кровь холодѣетъ?!.. «Случайная» смерть! Никто не виноватъ въ ней! ни вы, ни она! Нѣтъ, не случай, а смерть *добровольная*, вымученная вами. Вотъ истина!

Валентина *(въ ужасѣ бросается къ ней)*. Нѣтъ! нѣтъ!.. Ради всего святого!.. Это не такъ! не такъ!

Фрося *(отстраняетъ ее)*. Не утонулъ онъ, а самъ бросился въ воду, у меня на глазахъ. Я бѣжала къ нему, звала; но онъ не замѣтилъ меня, а вѣтеръ относилъ мои крики. Онъ умеръ великодушно, щадя и любя васъ. Вы—богатая натура, а онъ ничтожный человѣкъ! Нѣтъ! Онъ былъ выше васъ и сильнѣе. Его сила была въ любви, кротости и терпѣніи. Онъ жертвовалъ собой. Такъ онъ и жилъ. Но когда вы заставили его пожертвовать главнымъ—онъ погибъ. Обманутый, оскорбленный въ любви, которая была всѣмъ для него, воздухомъ, свѣтомъ, онъ не могъ жить и умеръ.

Валентина *(слушавшая съ ужасомъ въ лицѣ, отчаянно вскрикиваетъ. Судбищевъ, блѣдный и потрясенный, бросается къ ней. Она отшатнулась и останавливаетъ его жестомъ)*. Нѣтъ!.. Уйдите!.. уйдите!.. Между нами все кончено! *(Судбищевъ стоитъ подавленный. Фрося мрачно наблюдаетъ ихъ)*.

Занавѣсъ.

ЧАРОДѢЙКА.

Нижегородское преданіе.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(*Въ исправленномъ видѣ*).

„Зачинается пѣсня отъ дрѐвнихъ затѣй,
. . . .
Отъ того ль старорусскаго краю"...

Гр. А. Толстой.

Дѣйствующія лица:

Князь Никита Даниловичъ Курлятевъ, великокняжескій намѣстникъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Княгиня Евпраксія Романовна, жена его, за 30 лѣтъ, видная, красивая женщина.

Княжичъ Юрій, сынъ ихъ, юноша.

Бояринъ Шетневъ, пожилой.

Мамыровъ, старый дьякъ.

Ненила, сестра его, постельница княгини.

Настасья, по прозвищу „**Кума**", хозяйка постоялаго двора у перевоза черезъ Оку, молодая женщина.

Фока, дядя ея.

Паисій, бродяга подъ видомъ чернеца.

Иванъ Журанъ, княжескій ловчій.

Ключаревъ, старикъ.

Балакинъ, **Дятловъ**, — среднихъ лѣтъ, гости нижегородскіе.

Лукашъ, **Потапъ**, **Дема**, братъ его — гостиные сыновья.

Борковъ, монастырскій крестьянинъ.

Кичига, кулачный боецъ.

Поля, подруга „Кумы".

Мосей, работникъ „Кумы".

Дѣвушки, гости изъ Нижняго, **пристава, княжескіе холопы, скоморохи и народъ.**

Дѣйствіе происходитъ въ послѣдней четверти XV столѣтія въ Нижнемъ-Новгородѣ и его окрестностяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Поперекъ сцены Ока, у впаденія въ Волгу. За Окой, на горѣ, видъ Нижняго Новгорода. По сю сторону рѣки, слѣва, постоялый дворъ. Сѣнями, въ которыя ведетъ дверь съ надворья, строеніе раздѣляется на двѣ половины: собственно избу, съ косящатыми окнами (изъ слюды) и клѣть, съ волоковыми окошками, почти подъ крышей. Тесовая кровля очень крута. Въ ней, надъ избою, деревянная дымница (труба) и посрединѣ выводное окно, освѣщающее чердакъ. Гребень крыши рѣзной, съ маковицами по краямъ. Свѣсъ ея украшенъ подзоринами. Возлѣ избы дерево, подъ которымъ столъ и скамья. Справа, въ кустахъ, еще столы и скамьи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ключаревъ, **Балакинъ**, **Дятловъ** *и* **Борковъ** *сидятъ за столомъ справа,* **Фока** *и* **Паисій** *слѣва, подъ деревомъ.*

Дятловъ.

По милости Господней, нынѣ намъ
Куда свободнѣй стало отъ татаръ.
А было время, Русская земля
Жила отъ нихъ въ великомъ разореньи.
Не пахари, бывало, на поляхъ,
А вóроны надъ трупами летали.

Борковъ.

Для выхода въ орду поганымъ ханамъ,
По сохамъ и людямъ вся область наша

Уроками тяжелыми была
Обложена. Да мало-ли еще
На проторы ордынскія сходило!

Балакинъ.

Да, легче отъ татаръ, за то тяжелѣе
Всѣмъ стало отъ другого лиха намъ.
Свои у насъ татары завелись,
Народъ дерутъ не хуже сыроядцевъ:
Намѣстники, провётчики, тіуны,
Таможенники... всѣхъ не перечтешь!

Ключаревъ.

Ужъ со сто лѣтъ прошло, какъ сынъ Донского,
Василій Дмитревичъ Московскій князь,
Ярлыкъ на наше княжество купилъ
Въ ордѣ и князя нашего Бориса
Изъ отчины и дѣдины прогналъ.
И съ той поры намѣстникамъ въ кормленье
Попали мы... Волковъ голодныхъ шлетъ
Москва. Намѣстникъ Красный былъ, Лихо̀рь,
А тамъ литовскій выходецъ Драница...
И много ихъ, да добрыхъ не бывало.

Балакинъ.

А всѣхъ лютѣй теперешній намѣстникъ,
Никита князь.

Ключаревъ.

Пожалуй что и такъ.

Балакинъ.

Кормы беретъ такіе—плакать въ пору.
Разоръ людямъ торговымъ. По алтыну
Тамги съ рубля платить бы—платимъ втрое.

Дятловъ.

Поборы съ рыбаковъ-отъ каковы!

Борковъ.

Спроси, съ монастырей-то что деруть,
Съ ихъ селъ и волостей! Да въ судъ еще
Къ себѣ людей таскаютъ монастырскихъ;
А вѣдать ихъ игумену, не князю. *(Продолжаютъ разговоръ тихо).*

Фока. Такъ вотъ какое видѣніе было тебѣ! И свѣтъ самосіянный и ликованія гласы... Складно врешь!

Паисій. Кто грубъ есть умомъ, въ душу того не внидетъ премудрость.

Фока. «Грубъ умомъ»!.. Пей лучше, премудрый! Нечего носомъ крутить, пей!

Паисій. Охъ-охъ!.. Сѣтьми грѣховъ своихъ кійждо заплетается. *(Пьетъ).*

Фока. Плоть блазнить, дѣло такое. *(Пьетъ).*

Паисій. А тебѣ вѣдомо: горе напояющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ?

Фока. Тебя развратить? Хе, хе, хе! Пей милый человѣкъ, полно! Вино—нигдѣ такого не сыскать, вотъ какое вино. *(Выпилъ и крякнулъ).*

Паисій *(пьетъ).* Охъ-охъ! Плачу суетнаго житія своего и грѣховъ своихъ, окаянный! Въ рай пресвѣтлый порываемся, а въ преисподнюю угождаемъ. *(Пьетъ).* Вотъ пьемъ мы съ тобою, друже, а не памятуемъ сказаннаго: братіе, трезвы будьте, ибо супостатъ вашъ діаволъ ищетъ пьяныхъ, да пожретъ.

Фока. Ну, нами подавится! *(Пьетъ. Паисій укоризненно покачалъ головою и продолжаетъ съ Фокою разговоръ тихо).*

Ключаревъ.

Да, дѣтки, тяжки стали времена!
Ни правды нѣтъ, ни праваго суда

И крестъ святой цѣлують на неправду;
И ябеда межъ насъ, и татьба встали,
И всяческая мерзость. Жизнь ворамъ,
Въ лѣсахъ бродяги, что ни день—разбой,
Насильство въ волостяхъ, и плачъ и вой.

(Справа, вдали, хоръ женскихъ голосовъ. Все слышнѣе и слышнѣе ихъ пѣсня).

„Пойду-ль, выйду-ль я!
„Пойду-ль, выйду-ль я,
„Выйду на долинушку,
„Выйду на зеленую!"

„Сорву-ль, вырву-ль я!
„Сорву-ль, вырву-ль я,
„Вырву я калинушку,
„Вырву я зеленую!

Дятловъ *(прислушиваясь).*

Экъ ихъ распѣлись! Знать кума идеть,
Настасья.

Борковъ *(глядя вправо).*

Да, она!

Балакинъ.

Ужъ безъ кумы
Какое-же веселье заведется!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. *Справа входятъ* **Кума, Поля** *и* **нѣсколько дѣвушекъ.** *Кума впереди, прихлопываетъ въ ладоши и поетъ съ хоромъ:*

„Кинуся, брошуся,
„Кинуся, брошуся
„Къ батюшкѣ на руки,
„Къ батюшкѣ на ручки".

„Тутъ-то мнѣ не спится,
„Тутъ-то не лежится.
„Пойду-ль, выйду-ль я,
„Выйду-ль на долинушку..."

(Дѣвушки, смѣясь и разговаривая, проходятъ къ дому. Кума подходитъ къ сидящимъ справа. Всѣ они весело привѣтствуютъ ее).

Балакинъ. Есть-ли пѣвунья у насъ супротивъ кумы Настасьи?!

Борковъ. Знамо—нѣтъ. Какъ ни ступитъ, что ни скажетъ—все ей пристало. Гдѣ была, гуляла?

Кума. Я-то гдѣ? Въ лугу зеленомъ. Ягодъ съ дѣвками искала, пѣсни пѣла на раздольѣ, да гулять къ себѣ скликала добрыхъ молодцевъ. А вы съ чего не веселы сидите?

Дятловъ. Про старые вѣка растолковались, да нынѣшнее время, про то, какъ жить намъ стало.

Кума. И стали тужить! Эхъ, гости, мужички почестные, про нашъ вы обыкъ позабыли. Ну кто къ Кумѣ съ заботою приходитъ? Не горбъ она. У насъ заботу съ плечъ долой, у насъ пируй, гуляй, да пой!

(Дѣвки, окружившія Паисія, дружно захохотали).

Паисій. Кши! Отцѣпитесь, сороки окаянныя! И поганство же здѣсь, погляжу я! Вмѣсто воздержанія—пьянство губительное, вмѣсто цѣломудреннаго житія—нечистоты...

Кума. Этотъ объявился откуда?

Паисій *(подступая къ ней)*. А ты, заблудшая жена, како жительствуешь? Женщинѣ подобаетъ жить, яко пустынницѣ, въ молитвѣ и постѣ пребывать и лице свое умывать слезами покаянія...

Кума. Не въ ту дудку задудилъ, блаженъ мужъ. Ступай-ка, проспись, а то подъ тобою земля расшаталась.

Фока *(Паисію)*. Не ретись, полно! Пойдемъ, въ холодокъ сведу.

Паисій *(упираясь, на дѣвушекъ, которыя опять обступили его)*. Кши!

Первая дѣвушка. Веди его, веди!

Поля. Мужъ блаженный, лыкомъ шитый!

Кума. Придорожный воръ-шатунъ!

Фока. Пойдемъ, пойдемъ!

Паисій *(отбивается)*. Пусти!.. Я вотъ куда... я въ Печерскую обитель вашу стопы направляю.

Ключаревъ *(подходя)*. Напрасно. У насъ отецъ архимандритъ куда крутъ до вашего брата!

Паисій. Наслышанъ бо я—Господь благодать на него пролилъ... и слово его солью божественной растворено...

Фока. Попадешься къ нему, такъ-то просолитъ, что виннаго духа въ тебѣ ай-ни-ни не останется. Насидишься въ подвалѣ на цѣпи, пока крысы не сгложутъ. *(Повелъ его къ дому)*.

Паисій. Крысы?!

Фока. Тамъ вотъ такія, братъ,—съ кошку. *(Уходятъ. Дѣвушки мало-по-малу расходятся, которыя въ избу, которыя влѣво за дворъ)*.

Ключаревъ. Много ихъ, такихъ-то бродягъ, стало, какъ блаженный Ѳеодосій митрополитъ строгую жизнь въ монастыряхъ учинилъ. Много и чернецовъ и поповъ выгнанныхъ шляется, кои не Богу служить, а тѣло свое льготить шли.

Борковъ. За то и не взлюбили святителя, что строгъ до поповъ былъ.

Ключаревъ. Строгъ! То одно взять, кто какъ не они жидовской ереси начало положили? Чрезъ кого въ Новѣградѣ Схарій жидъ ересь поганую укрѣпилъ? Строгъ!.. *(Уходятъ влѣво, продолжая разговоръ тихо)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Балакинъ, **Дятловъ** *и* **Кума**.

Балакинъ *(на берегу)*.

Гляди, Кума, изъ города къ тебѣ
Народу сколько! Полныхъ двѣ ладьи.
Гребутъ-спѣшатъ, ажъ веслами сверкаютъ.

Кума.

Спѣшите. Рада, гости дорогіе.
Вались къ Кумѣ потѣшиться на волѣ,
Въ веселіи пожить, да погулять!

Дятловъ.

Погуляно здѣсь, попито не мало.
Не мало тоже въ городѣ у насъ
Бородъ, да косъ повыдрано за это.
И жалоба великая идетъ
По Нижнему на кумушку Настасью,
И, слышно, до намѣстника дошла.
И клялся дьякъ Мамыровъ за Оку
Нагрянуть съ княземъ, съ корня сбить тебя.

Балакинъ.

Знать, отъ тебя дьяку прибытка мало.

Дятловъ.

Въ его карманъ, братъ, ухнешь съ головой.
И зелье-жъ старый дьякъ!

Кума *(задумчиво)*.

Грозитъ Мамыровъ...
Намѣстника поклялся навести...
(Къ берегу слѣва причаливаютъ двѣ лодки).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Лукашъ, Кичига *и еще двое въ первой лодкѣ;* **Потапъ, Дема** *и съ нимъ трое во второй лодкѣ. Въ концѣ* **Мосей** *и* **дѣвушки**.

Потапъ *(съ лодки)*. Здравствуй, Кума!

Дема *(съ лодки)*. На разгуляньице къ тебѣ!

Лукашъ *(выскакивая на берегъ, съ узелкомъ въ рукѣ)*. Сажай за столы, снаряжай пиръ, подавай питья пьяныя! *(Всѣ вышли на берегъ).*

Кума. Милости просимъ. Рада чествовать гостей дорогихъ. Меду, вина, пива, браги—всего подадутъ. *(Уходитъ распорядиться).*

Балакинъ. Эхъ вы, вольница!

Дятловъ. Видно, грузно вамъ отъ силушки по домамъ сидѣть? *(Пріѣхавшіе разсаживаются за столы. Вскорѣ Мосей приноситъ и разливаетъ питья).*

Лукашъ. Задохнешься отъ скуки въ городѣ-то. Молодицы по свѣтлицамъ, дѣвки по теремамъ сидятъ, а старухи шнырятъ-глазѣютъ, проклятыя, нѣтъ-ли соблазна какого, не притаился-ли гдѣ парень за тыномъ, не перемигивается-ли съ красоткою. Вотъ тутъ и живи!

Дема. Чего отъ скуки не сдѣлаешь!

Лукашъ. Вонъ Потапъ у Мамырова ворота изъ пяты вышибъ!

Кичига *(басомъ)*. Важно! *(Стукнулъ дубинкою и оперся на нее).*

Потапъ *(угрюмо)*. Онъ не лайся. Не такъ проучу.

Балакинъ. Да, Потапа ежели что—обходи дальше, корчагою согнетъ, а то и за ножъ... Буйная ты голова, Потапушка!

Лукашъ. Какъ бы ему не сложить голову-то на липовой плахѣ!

Потапъ *(гнѣвно)*. Гляди—твоя крѣпка-ль на плечахъ.

Дема *(Лукашу, тихо)*. Не трожь брата, не трожь!

Потапъ. Зубоскалъ!

(Кума, выйдя изъ дому, приказываетъ что-то Мосею, который уходитъ).

Лукашъ *(подскакиваетъ къ ней и обнимаетъ)*. Ягодка ты моя, утица сѣрая!

Кума *(отстраняется)*. Полно тебѣ дуровать! *(Подходитъ къ сидящимъ)*. Потчуйтесь, гости, кушайте!

Дема *(Кумѣ)*. Лукашъ-то около тебя вьюномъ вьется!

Лукашъ. Супротивъ кумы не сыскать красавицы во всемъ Нижнемъ. Цвѣтетъ словно маковъ цвѣтъ.

Кичига *(глупо ухмыляется)*. Въ самомъ прыску. *(Смѣхъ)*.

Балакинъ. Кичига слово скажетъ—рублемъ подаритъ. *(Слѣва входятъ дѣвушки)*.

Лукашъ *(подлетаетъ къ нимъ)*. Эхъ вы дѣвки мои, веселянки мои! Ну-те пряничковъ, орѣшковъ, лебедушки бѣлыя. *(Одѣляетъ ихъ лакомствомъ)*.

Дема *(осушивъ кружку)*. Гдѣ пьется, тамъ и поется. Давай, братцы, пѣсню играть!

Кичига. На кулачки бы!..

Балакинъ. Мало отъ тебя стало увѣчныхъ! Пожди, сутяжники на поле въ бойцы позовутъ, тамъ и разминай плечи...

Кума. Пѣсню, такъ пѣсню!

Дятловъ. Скоро къ вечернѣ ударятъ. Люди молиться, а мы—пѣсни!

Потапъ. Намолились. Будетъ.

Дема. Ужъ это ежели молодому въ благочестіи, да смиренствѣ жить—нѣтъ того хуже.

Лукашъ *(заигрывая съ дѣвушками)*. Вѣрно!

Дема. Старики лаются-лаются!... Одолѣли!..

Кума. Старики! Васъ они подъ кулакомъ, да подъ плетью держатъ, въ уставахъ, да въ правилахъ; ни попѣть, ни погулять, ни силу показать молодецкую; мірскими утѣхами да игрищами бѣсовскими это у нихъ называется. А сами, старики ваши, запершись накрѣпко, чинятъ пьянство великое, и сквернословятъ и ужъ такія-то безстыдства творятъ!.. Это какъ—ничего?

Потапъ. Правда, Кума.

Дема. Знаемы намъ забавы-то ихнія!

Кума *(воодушевляясь)*. И какъ нашимъ молодцамъ не знать удали!

Потапъ. На тебя взглянуть—въ комъ она не взыграетъ!

Кума.

Глянуть съ Нижняго, со крутой горы,
На кормилицу Волгу-матушку,
Гдѣ въ желтыхъ пескахъ, въ зеленыхъ лугахъ,
Обнялась она со Окой сестрой,
Стариковъ, поповъ — позабудешь все!
Что за ширь кругомъ!.. конца-краю нѣтъ!...
И засмотришься, залюбуешься,
И въ самой тебѣ та же ширь-просторъ,
Вольной птицею полетѣть туда,
Во раздолье то, душа просится!
Пѣсню!.. (*Запѣваетъ. Всѣ подхватываютъ за нею хоромъ*).

„Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ, съ Нижня города,
„Снаряженъ стружокъ, какъ стрѣла, летитъ.
„Какъ на томъ стружкѣ на снаряженномъ
„Удалыхъ гребцовъ сорокъ два сидятъ"...

(*Во время пѣнія Лукашъ приплясываетъ, кружитъ то одну, то другую дѣвушку, которыя со смѣхомъ отъ него отбиваются*).

Дятловъ (*на берегу, глядя вправо*). Эй, слушь-ка! Никакъ, братцы, княжичъ! (*Пѣсня смолкла. Общее движеніе на берегу*).

Кума (*присматриваясь*). Онъ... и ловчій съ нимъ, Журанъ. (*Въ волненіи отходитъ въ сторону*).

Потапъ. Съ охоты.

Балакинъ. Псари, я давешь видѣлъ, большущаго медвѣдя провезли.

Поля (*Кумѣ*). Мнѣ видѣть княжича не доводилось. Пригожъ, я слышала?

Кума (*съ увлеченіемъ*). Какъ Божій день! Высокъ и статенъ и могучъ. Отвагой взоръ горитъ подъ бровью соболиной. Надъ алыми и гордыми устами пушится черный усъ. Красавецъ, Поля!

Дятловъ *(на берегу, къ толпѣ)*. Да, не въ отца нашъ княжичъ уродился!

Дема. Слезу утретъ въ бѣдѣ, въ нуждѣ поможетъ.

Потапъ. Опричь него, въ обидахъ и насильствахъ, другой намъ нѣту обороны. Вотъ онъ!

(Всѣ снимаютъ шапки. Справа, въ лодкѣ съ двумя гребцами въѣзжаютъ Юрій и ловчій Журанъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Юрій *и* **Журанъ.**

Потапъ. Здравствуй, батюшка-княжичъ!

Балакинъ. Здравствуй, государь, свѣтлое солнышко!

Лукашъ. Пожалуй насъ своей милостью, сойди медку выпить съ нами!

Дятловъ. Сойди, пожалуй, дай поглядѣть на себя, сокола яснаго!

Юрій. Спасибо на добромъ словѣ. Не время мнѣ. Тороплюсь домой. Вотъ Журана ссажу. Онъ у меня охочъ погулять. *(Журанъ спрыгнулъ на берегъ)*. Прощайте! *(Его провожаютъ поклонами. Лодка быстро удаляется влѣво).*

Лукашъ. Дѣвки-лебедки, а мы на лугъ! Ребята, кто съ нами? Мы пойдемъ во лужокъ, заведемъ-ка кружокъ, съ пѣснями, съ играми. Живо! *(Дѣвушки, исключая Поли, и Дема съ нѣкоторыми товарищами уходятъ за Лукашемъ влѣво).*

ЯВЛЕНІЕ VI

Балакинъ, Дятловъ, Кума, Поля, Потапъ, Кичига, Журанъ *и кое-кто изъ* **парней.**

Журанъ.

А ты чего-жъ, хозяюшка, примолкла
И княжича къ себѣ не позвала!
Быть можетъ: *заглядѣлась!*—Есть на что.

Словцемъ задѣть, иль шуткою веселой
Ужъ ты-ли ни шустра!

Кума.

Боюсь обмолвки...
Хоть ласковъ онъ, а шутка съ устъ нейдетъ.

Журанъ.

Ну подлинно нашъ Юрій-князь орелъ,
Коли «кума» и та его робѣетъ.
(Отходитъ къ остальнымъ, которые размѣстились за столами).

Поля *(Кумѣ).*

Какъ онъ пригожъ! Я краше не видала.

Кума *(обнялась съ нею).*

При немъ съ чего-то вся стихаешь, Поля....
И сердце замираетъ и смутишься....
(Тихо разговаривая, отходятъ къ дому).

Дятловъ.

Охотились вы гдѣ-же?

Журанъ *(осушивъ кружку).*

За Окой.
Въ бору сосновомъ подняли медвѣдя
Съ копну сѣнную. Лѣсомъ напроломъ
Идетъ-реветъ на княжича какъ разъ.
Мигнуть мы не успѣли, а косматый
У ногъ его ужъ грохнулся въ крови.

Потапъ.

Отважный онъ охотникъ!

Балакинъ.

Воинъ славный!

Журанъ.

Когда судовой ратью въ третьемъ годѣ
Ходили на Казань, досталъ себѣ
Великой славы княжичъ. Вотъ подплыли;
Орломъ безъ сходней на берегъ крутой
Взлетѣлъ онъ первый. Къ бою позади
Полки покамѣстъ наши уряжали,
Какъ вихорь, княжичъ, съ горстью удальцо.
Понесся на врага. Врубился, сшиблись
И въ мигъ башки, какъ чурки, полетѣли
Съ татаръ поганыхъ.

Потапъ.

Всѣмъ за диво было.

Кичига.

Гораздъ лущить поганыхъ. Богатырь!

Дятловъ.

Въ могучествѣ да дастъ ему Господь,
Въ богачествѣ и славѣ свѣковать!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же. *Слѣва въ смятеніи вбѣгаютъ* **дѣвушки, Лукашъ, Дема** *и прочіе. Потомъ* **Фока** *и* **Мосей.**

Лукашъ *(машетъ руками).*

Намѣстникъ!.. *(Всѣ повставали. Суета).*

Одна изъ дѣвушекъ.

Вотъ бѣда! Бѣжимъ скорѣе!

Другая дѣвушка.

Схоронимся въ кусты!

Третья.

Въ кусты проворнѣй! *(Разбѣгаются).*

Дема.

Мамыровъ съ нимъ, два пристава, холопи!..

Журанъ.

Въ расплохъ накрыть задумалъ.

Балакинъ.

Ну, кума,

Пришла твоя бѣда!

Потапъ.

А все Мамыровъ!

Журанъ.

Онъ правая намѣстника рука
И дьякъ и дворскій.

Потапъ.

Песъ смердящій онъ!

Балакинъ.

Пойдемте, братцы. Долго-ль до бѣды! *(Уходитъ съ нѣкоторыми вправо. Оставшіеся въ волненіи группируются около Потапа. Мосей и Фока, выскочившіе при общемъ смятеніи, торопливо убираютъ со столовъ посуду и питья).*

Журанъ.

Кума, не оплошай! *(Уходитъ влѣво).*

Кума *(Фокѣ съ Мосеемъ).*

Оставь, какъ было!

Не трожь! Пошли! *(Къ остальнымъ).*

А вы оторопѣли?

Вѣдь не на васъ гроза. Велитъ намѣстникъ
Мой дворъ, избу разметывать—вамъ дѣло.
А за работу вамъ добромъ моимъ
Пожалованье будетъ.

Потапъ (*выступаетъ*).

Что ты молвишь!

Дема.

Избыть бѣду—о томъ мы толковали.

Лукашъ.

Въ обиду не давать.

Дема.

Коль крикнуть кличъ,
Что туча за тебя народъ сберется.

Потапъ.

Мамырову-дьяку не сдобровать!
Хребетъ переломлю!

Кичига (*взваливъ на плечо дубину*).

Сшибу, какъ чурку!

(*Ушедшіе было за Балакинымъ теперь возвращаются. Въ толпѣ ихъ возгласы: „Попробуй тронуть!..“ „Разнесемъ!..“ „Холопей въ дрызгъ намѣстничьихъ!“*).

Кума (*въ этой толпѣ*).

Ну, не кричать! То порснули, какъ зайцы,
То лѣзутъ на задоръ. (*Къ группѣ около Потапа*).
И вы уймитесь!
Увидитъ князь, что вы развирѣпѣли,
Да сжали кулаки—ну и бѣда.
Пришла моя погибель. Мнѣ заступки

Не надобно ничьей. Сама отвѣчу,
Сама сказать, что слѣдуетъ, сумѣю.
А кто не хочетъ слушать—уходи!
(Потапъ посмирнѣлъ, Кичига опустилъ дубину. Обѣ группы раздѣлились, располагаясь иначе. Къ Фокѣ и Мосею).
Вы рты чего разинули? Скорѣй
На столъ стелите скатерть дорогую,
Полавочникъ червчатаго сукна
Постлать сюда. *(Указываетъ на скамью подъ деревомъ).*
Достать изъ рундука
Большую, ту что съ турьей головой,
Серебряную чару, да вина! *(Фока и Мосей уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же. *Слѣва входитъ* **князь Никита Даниловичъ**, *въ сопровожденіи* **Мамырова**, *приставовъ и холопей. Изъ избы выглядываетъ* **Паисій**. *Потомъ* **Фока, Поля** *и* **дѣвушки**.

Князь.

Такъ вотъ гдѣ гульбищъ скверное гнѣздо!

Мамыровъ.

Здѣсь срамословье, государь, и плясъ
И игрища позорныя въ обычай;
Гудутъ сопѣлы, струны, жены плещутъ
И пѣсни скверныя поютъ безстыдно,
Въ прельщеніе мужамъ и въ оскверненье....

Паисій *(прерываетъ, протискиваясь къ князю).*

Очесъ тутъ развращенье, государь!
Тѣлесъ растлѣнье, душъ погибель, княже!
(Въ толпѣ ропотъ. Паисія затираютъ съ угрожающими жестами. Изъ водоворота толпы онъ выскакиваетъ помятый и растрепанный за сцену).

Князь *(грозно)*.

Молчать!! Иль у меня подъ батогами
Другой пойдеть гомонъ! *(Стихло)*...
Хозяйка гдѣ?
(Выходитъ Кума и почтительно, но съ достоинствомъ кланяется князю).
Такъ ты лукавствомъ, прелестью сильна?

Кума.

Для свѣтлыхъ, государь, твоихъ очей
Чернавка я.

Князь *(въ сторону)*.

Красива!.. *(Къ ней)*. Будешь кто ты?

Кума.

Бездѣтная Настасья сирота.
Живу я здѣсь, по милости твоей,
Заѣзжихъ въ дворъ людей къ себѣ пускаю.
(Фока и Поля накрываютъ столъ скатертью, а скамью черевчатымъ полавочникомъ).

Мамыровъ *(накидывается)*.

Вдова, а для соблазна разрядилась,
Бѣсовская ты купница, пестро!

Голоса въ толпѣ.

Онъ лается!

Другіе.

О, зелье дьякъ!

Третьи.

Постой-же!
(Волненіе. Мамырова обступаютъ съ недобрыми лицами)

Кума (*въ толпѣ*).

Молчите вы! Ужели государь
По правдѣ разсудить безъ васъ не сможетъ?

Князь (*про себя*).

Красавца, да!.. и даже величава... (*Къ ней*).
Чай слышала, Мамыровъ что сказалъ?
Ты бражничать людишекъ залучаешь,
Поганства, драки, хульныя потѣхи
И всякія безстыдства у тебя!

Кума.

Кто, зло замысливъ, ябеднымъ навѣтомъ
Задумалъ погубить, тотъ страха ради,
Чтобъ ты орлинымъ окомъ не прозрѣлъ
Неправды черной, и не то наскажетъ.
Вѣдь страхъ великъ, коль гнѣвомъ опалишься
Ты, государь, что смѣлъ холопъ тебѣ
На кривдѣ провести, корысти ради.
Ему страшиться гнѣва твоего;
А тѣмъ, въ тебѣ кто правду знаетъ—мнѣ
Въ твоей защитѣ крѣпко, государь.

Мамыровъ.

Дозволь мнѣ молвить, княже!..

Князь (*прерываетъ*).

Погоди! (*Кумѣ*).
Но жалобниковъ много на тебя.
Творишь ты лихо волшбой, чародѣйствомъ.

Кума

Ужъ волшба, лихо!.. Господин-Владыко,
Чего не наплетутъ! А волшба въ томъ,

Что ласкою гостей я привѣчаю,
Да нѣту здѣсь докуки никакой,
Ни женъ ревнивыхъ, ни заботъ. Привольно
Неволей кто наскучилъ отдохнуть.
Кручину здѣсь веселой пѣснью свѣетъ,
Заботу сниметъ, какъ рукой. Старикъ
И тотъ, что ясный вечеръ, веселѣетъ,
Смѣясь на молодыхъ, на ихъ забаву,
И ты смѣни на милость, государь,
Свой гнѣвъ! Не осуди на простотѣ,
Прости меня на глупости. Дозволь
Къ столу подъ бѣлы рученьки подвесть
И, въ милость мнѣ великую и въ честь,
Изволь вина пригубить! *(Взяла его подъ локоть).*

Князь.

Ты шустра!

Мамыровъ *(въ сторону).*

Проклятая, и этого призарить!

Кума.

Дозволь-же! Смилосердись!

Князь *(послѣ легкаго колебанія).*

Такъ и быть!

(Пошелъ, почтительно поддерживаемый Кумою подъ руку, и садится за столъ, подъ деревомъ. Кума побѣжала за виномъ).

Потапъ *(въ толпѣ, тихо).*

Гляди, дьяка то, братцы, такъ и крючитъ!

(Въ толпѣ смѣшки и тихіе переговоры).

Князь *(проводивъ Куму взглядомъ, про себя).*

Пригожа, да!.. Наслышалъ, но не чаялъ
Красавицу такую я увидѣть.

Боярынямъ дебелымъ далеко
До бабы этой, статной, горделивой
И съ чуднымъ взоромъ ласковыхъ очей.
Она—что на лугу, подъ вѣтромъ вольнымъ,
На солнышкѣ алѣющій цвѣтокъ. *(Задумался).*

Мамыровъ *(мрачно и укоризненно).*

Дозволь мнѣ, князь....

Князь *(прерываетъ).*

Никакъ я сѣлъ, Мамыровъ?!

Мамыровъ.

Коль нынѣ не порушишь ты гнѣзда
Потѣхъ поганскихъ, новый здѣсь Содомъ
Въ соблазнъ великій станетъ. Издавна
Не малая торговля въ Нижнемъ. Къ намъ
Со всей Руси гостей бываетъ много;
А деньги гдѣ—грѣховныя тамъ бѣсъ
Внушаетъ, на погибель, вожделѣнья.
И еллинствомъ бѣсовскимъ у Кумы
Губить здѣсь станетъ всѣхъ Содомъ рекомый.
И ляжетъ на тебя тотъ, княже, грѣхъ,
Что ты начало хульныхъ сихъ утѣхъ
Грозой своею властно не разрушилъ.

Князь *(вспыльчиво).*

Коль сѣлъ я!.. Что ты: попъ? грѣхами-то
Стращать меня задумалъ!..

Мамыровъ.

Не гнѣвись...

Князь *(прерываетъ).*

На разумѣ чужомъ я не бывалъ.
Ты кто передо мной?

Мамыровъ.

Душой о пользѣ
Правленія радѣя твоего,
Отъ скуднаго тебѣ я разумѣнья
Говаривалъ всегда. И ты доселѣ
Милостиво ухо преклонять
Къ словамъ моимъ изволилъ, государь...

Князь.

Не много-ль прыти?

Кума *(про себя, подходя съ подносомъ, на которомъ вино и чара).*

Маху далъ Мамыровъ!

Князь *(Кумѣ, строго).*

Что это?

Кума.

Яснымъ солнцемъ засіяла
Мнѣ милость, государь, твоя. Ты могъ
Единымъ словомъ дворъ мой расшибить
И прахомъ-бы пошлю мое добро *(взглянувъ на Мамырова),*
Навѣтчикамъ корыстнымъ на поживу.
Но не твои имъ очи затуманить
И ябедой твой разумъ не смутить.
Яви-жъ еще мнѣ милость, государь,
Изволь вина откушать, не побрезгуй! *(Низко кланяется).*

Князь.

Инъ выпить?.. *(Пьетъ).*
Ну, вино твое не даромъ

Прославили гуляки. Хорошо!
И вотъ мое спасибо.
(Снялъ съ руки перстень и бросаетъ его въ осушенную чару).

Лукашъ *(сдержанно, къ толпѣ).*

Перстень далъ!
(Въ толпѣ движеніе).

Кума.

Съ твоей руки мнѣ перстень драгоцѣнный!..
Такой подарокъ!.. съ княжеской руки!..

Князь *(любуясь ею, про себя).*

Зардѣлась, рада... грудь затрепетала...
Теперь и вовсе глазъ не отведешь! *(Всталъ. Громко).*
А вотъ еще подарокъ. *(Поцѣловалъ ее).*

Кума.

Ахъ! *(Стыдливо закрылась).*

Князь.

Чего ты?

Кума.

Да стыдно...

Мамыровъ *(въ сторону, отходя).*

Ажъ стошнило!

Князь *(садясь).*

Ха-ха-ха!
У васъ вѣдь, бабъ, обычай не дѣвичій...

Кума.

Смутилъ меня ты... Мыслей не собрать...
(Какъ бы невольно опускается на скамью возлѣ него).

Князь.

Что пташки, разлетѣлись? Ха-ха-ха!

Кума *(лукаво)*.

А ты, Мамыровъ, хошь винца пригубить?
(Въ толпѣ сдержанный смѣхъ).

Мамыровъ *(про себя, отходя еще дальше)*.

Развѣдаюсь съ тобою, погоди!

(Князь, попивая вино, продолжаетъ съ кумою веселый разговоръ тихо. Съ разныхъ сторонъ собираются разбѣжавшіяся дѣвушки).

Фока. Выпей, Мамыровъ, не умрешь. А умрешь—не страшно, потому подъячаго на томъ свѣтѣ прямо въ дьяволы. *(Окружающіе засмѣялись)*.

Лукашъ. Мамыровъ, а сколько у Кумы достатку-то, а! Опричь казны, коробьи съ соболями, съ куницами, чего-чего нѣтъ! У кого завидки на чужіе пожитки, вотъ бы поживиться тому!

Фока. Это точно, богатство у насъ съ Настасьей большое: двѣ кошки дойныхъ, два ворона гончихъ, да пустошь поверхъ лѣсу и воды есть. А сходитъ съ имѣнія того намъ прибытку сорокъ собачьихъ хвостовъ, да двадцать кадушекъ соленыхъ лягушекъ. *(Окружающіе засмѣялись опять)*.

Князь. Ну, и хмѣльно же вино твое, Кума!

Кума *(вставая, съ живостью)*. А дозволь, государь, потѣшить тебя. Скоморохи у меня пристали. Дозволь кликнуть?

Князь. Мамыровъ, хочешь поглядѣть скомороховъ?

Мамыровъ. Отчего-жъ, государь? Скоморохи люди вѣжливые, взглянутъ—улыбнутся, отвернутся—разсмѣхнутся. И обжоры они, и распропоицы, и пройдохи, и воры. Самое имъ подходящее мѣсто у честной Кумы приставать.

Кума *(тихо князю)*. Вотъ-бы кому поплясать съ скоморохами! Да ослушается, не станетъ.

Князь. Меня-то ослушается?! Зови!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же. *По знаку* **Кумы,** *съ гикомъ, свистомъ, кто кубаремъ, кто колесомъ, выскакиваютъ* **скоморохи.** *Одинъ изъ нихъ въ шутовскомъ боярскомъ костюмѣ изъ крашенины и сермяги, въ высокой берестовой шапкѣ; другой изображаетъ козу въ синемъ сарафанѣ, съ колокольчиками; нѣкоторые съ волынками, гудками, жилейками и бубнами* *).

Скоморохъ *(одѣтый бояриномъ)*. Эй, вы гости богатые, бояре тароватые! Ставьте меды сладкіе, брагу пьяную! Отворяйте ворота вальящаты **), принимайте гостей голыихъ, босыихъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую!

Кума. Ну, веселые молодцы, потѣшьте князя-намѣстника!

Скоморохъ. Катай, ребята!

(Скоморохи завертѣлись, закружились подъ свою музыку. Коза стучитъ въ ложки и пляшетъ въ присядку. Кума, указывая на Мамырова, что-то шепчетъ на ухо князю).

Князь. Дьякъ, пляши!

Мамыровъ. Мнѣ, государь?!.. въ бѣсовскомъ скаканіи!!

Князь *(даетъ знакъ скоморохамъ остановиться. Смолкли)*. Пляши!

Мамыровъ. Помилуй, государь!.. Попа далъ Богъ, а скомороха чортъ... Къ тому, кто сопѣлы и гудѣніе слушаетъ и скаканію предается, бѣсы приступятъ...

Князь *(гнѣвно)*. Коль я велю!

---

*) Бубенъ того времени состоялъ изъ мѣднаго пустого полушара съ натянутою на немъ кожей, по которой ударяли „вощагою", т.-е. ременнымъ жгутомъ съ головой.

**) Рѣзные.

Кума. Кто-жъ посмѣетъ ослушаться!

Князь (*кричитъ, топнувъ ногою*). Пляши, холопъ!!

(По знаку Кумы, скоморохи заиграли и завертѣлись опять. Мужской и женскій хоры присутствующихъ вторятъ имъ плясовою. Мамыровъ, блѣдный, черезъ силу переминается съ ноги на ногу. Фока подхватываетъ его и кружитъ съ хохотомъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Княжескій покой. Двери въ задней стѣнѣ и налѣво. Направо два окна изъ слюды. Средину рамъ занимаетъ кругъ, а около расположены угольники разной формы. Стѣны и потолокъ обшиты тесомъ, выстроганнымъ въ лазъ. Стѣны „наряжены“ сукномъ вглазь полотнищами изъ багреца и зеленаго кармазина. Полъ вымощенъ дубовымъ кирпичемъ—шашками (квадраты въ 8 вершковъ), расписанными зеленою и бѣлою красками въ шахматъ. Въ лѣвомъ углу четырехъ-угольная печь изъ муравленыхъ зеленыхъ изразцовъ, швы между которыми прописаны сурикомъ. По стѣнамъ лавки, съ тесовою опушкою по краю. На лавкахъ постланы суконные полавочники, красные, съ зеленою каймою, въ которую вшиты узоры, изображающіе „репьи“ разныхъ цвѣтовъ, львовъ и птицъ. Справа большой дубовый столъ на точеныхъ ногахъ, покрытый алымъ сукномъ. У стола скамья на соединенныхъ проножками четырехъ ногахъ, съ рѣшетчатою спинкою. Скамья обита краснымъ сукномъ по хлопчатой бумагѣ, съ шелковою бахромою и голуномъ. У стола-же круглый табуретъ (столецъ). Полъ около стола устланъ по сермяжному сукну багрецомъ. Надъ окнами тафтяныя завѣсы на кольцахъ, надѣтыхъ на проволоку. Завѣсы обшиты каймою изъ шелковаго галуна съ золотомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня (*сидитъ у стола*).

Бѣжитъ, бѣжитъ мой сонъ отъ думъ тревожныхъ,
Всю ночь до утра глазъ я не сомкну...

Въ саду, почуявъ солнечный восходъ,
Ужъ пташки—слышу—радостно щебечутъ,
И быстро рѣютъ въ утренней прохладѣ
Съ веселымъ крикомъ ласточки, и звонъ
Надъ мирною землею благовѣстный
Въ сіяньѣ утра плавно разлился;
Во мнѣ же нѣтъ ни свѣта, ни покоя...
Съ постели вставъ, предъ ликами святыми
За правиломъ начнешь читать молитвы,
А мысли о другомъ и мракъ на сердцѣ... *(Задумывается).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня, **Ненила** *и* **Мамыровъ** (*входятъ изъ средней двери*).

Ненила *(указывая на княгиню, тихо).*

Шепнула ей. Позвать тебя велѣла.

Мамыровъ.

А ты, сестра, не выболтай, смотри,
Что сказывать я стану!

Ненила.

Богъ съ тобою!
(Княгиня обернулась на нихъ. Мамыровъ низко кланяется).

Княгиня.

Звала узнать... Всю правду мнѣ скажи,
Мамыровъ!..

Мамыровъ.

Божьей милости не будетъ
Пускай на мнѣ, коль правду отъ тебя
Святую утаить дерзну, княгиня!

Княгиня (*про себя, съ горькой усмѣшкой*).

Вывѣдывать про мужа у холопей!..
Не чаяла до этого дожить!..
Скажи, Мамыровъ, былъ ли съ княземъ ты
У бабы той... «Кумою» прозываютъ?

Мамыровъ.

По жалобамъ на эту лиходѣйку
Отъ женъ и матерей, я князя самъ
Навелъ ея гнѣздо порушить. Въ Нижнемъ
Соблазнъ такой, какъ городъ сталъ, впервые.
Ворамъ притонъ тамъ, козни, чародѣйство,
И всяческая мерзость и гульба.

Ненила.

И я отъ вѣрныхъ слышала людей,
Что та лихая баба по болотамъ
Въ полночь подъ праздникъ Рождества Предтечи
Коренья, на безуміе мужамъ,
И зелья ищетъ смертныя и травы
Чревоотводныя. Ее бы сжечь
За волшбу ту, какъ вѣдьмъ сожгли во Псковѣ.

Мамыровъ.

Иль сжечь, или въ Оку. Да князь Никита
Ее и пальцемъ тронуть не дозволитъ.
Прибыли съ тѣмъ мы, матушка-княгиня,
Чтобъ въ прахъ избу и дворъ ея развѣять.
Былъ грозенъ князь и—мнилося—Кумѣ
Пришло погибнуть въ разореньи...

Княгиня.

Ну?

Мамыровъ.

А вышло—словомъ лестливымъ его
Колдунья обошла. И пить вино
Онъ сталъ. Пошли пустошныя тутъ рѣчи
И смѣхи глумотворные у нихъ.
Князь, перстень снявъ съ руки, ей въ чару бросилъ
И—вымолвить во стыдъ—при всемъ народѣ,
Обнявши, цѣловать онъ сталъ...

Княгиня *(вставая)*.

Ее?!

Ненила.

Грѣхи, грѣхи!..

Мамыровъ *(оглядѣлся)*.

Княгинюшка, помилуй!
Въ горячемъ часѣ князь себя не помнитъ;
Коль выдашь ты меня—убьетъ во гнѣвѣ...

Княгиня *(въ волненіи ходитъ по сценѣ)*.

Не бойся за себя... Такъ вотъ какъ было!..

Мамыровъ.

Когда же молвилъ я, что такъ не гоже,
Не въ лѣпоту намѣстнику чинить,
Меня онъ сталъ безчестить всякой лаей
И, вмѣстѣ съ скоморохами, плясать...
Плясать велѣлъ!..

(Съ волненіемъ).

Въ позорѣ не былъ я...
Угоденъ князю былъ во всемъ доселѣ.
И вотъ, гулящей бабѣ на потѣху,
Въ безчестіе низринутъ и позоръ!..

(Ненила расчувствовалась и плачетъ)

Княгиня.

И послѣ князь ѣзжалъ туда?

Мамыровъ.

Не разъ.
Повадился частенько. Оплела
Его сѣтьми бѣсовскими Кума,
И съ нею... *(оглядѣлся) повелся* онъ, слышно ..

Княгиня.

Что?!
Ты вѣрно знаешь?

Мамыровъ.

Волшбѣ все возможно.
Всѣ молвятъ такъ и—надо быть—не врутъ...

Ненила.

Съ чего же князь тебя забылъ? Красой
Лицо твое сіяетъ несказанной,
А онъ не примѣчаетъ...

Княгиня.

Замолчи!
Меня гнѣвишь ты!

Ненила *(растерянно)*.

Господи помилуй!

Мамыровъ.

Чтобы тебѣ отъ этакой злодѣйки
Не быть въ печали, матушка-княгиня,
По мыслямъ-бы моимъ—*избыть ее*...

Княгиня.

Ха, ха!.. ступай, Мамыровъ. Не забуду
Услуги я, что правду мнѣ открылъ...
Да вотъ еще... *(Раздумываетъ).*

Мамыровъ.

Что сдѣлать—повели,
Лишь слово соизволь сказать—исполню.

Княгиня.

Я знать хочу, что дѣлается тамъ...
У той... «Кумы»... прелестницы безстыдной...

Мамыровъ.

Найдемъ глаза и уши. Будь покойна.

Княгиня.

Какъ бражничаетъ князь съ кабацкой голью...
Милуется какъ онъ... ха, ха!.. въ уста
Нечистыя цѣлуетъ бабу эту...
Хмѣльной отъ пьяныхъ ласкъ ея... ха, ха!..
Въ объятіяхъ позорныхъ... Ха, ха, ха!..
(Хохотъ ея переходитъ въ истерическій припадокъ).

Мамыровъ *(сестрѣ).*

Управься съ нею... Князь бы не вошелъ!..
Опрыскай, что-ль... Уйти-ка отъ бѣды! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Княгиня *и* Нэнила.

Ненила *(суетится около княгини).* Ахъ, Господи-Владыко! что дѣлать-то? Не надсаживайся, матушка-княгиня!. Какъ чайка бѣлогрудая рыдаешь, сокрушеннымъ сердцемъ то-

мишь себя! *(Княгиня затихаетъ и впадаетъ въ мрачную задумчивость)*. Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. Ахъ, вѣдунья, чародѣйка бѣсовская!.. Колдовство, вѣрно, что колдовство!.. Либо она на его, князя, слѣдъ пепелъ отъ ворота рубахи своей посыпала, либо наговорной соли дала ему. Долго-ли лихихъ дѣловъ натворить! Вотъ слышала я, какъ женился князь Семенъ Иванычъ Гордый на Смоленской княжнѣ, на свадьбѣ ее и испортили. Что-жъ, матушка, вышло? Видится, бывало, князю—не жена рядомъ лежитъ, а мертвецъ. Страсти!..

Княгиня. Какъ у тебя языкъ не примелется!

Ненила. Какъ же, матушка-княгиня, не говорить мнѣ!.. Душенька надрывается. Въ какой любви тебя князь держалъ, у сердца держалъ, и на-поди!.. А ты вотъ бы что, государыня, сдѣлала. Дѣло извѣстное, какъ быть, если мужъ отвращается. Взять да наговорной водою сорочку его и смочить. Старичка одна знаетъ наговоръ этотъ. Она и на воду смотритъ, наговариваетъ на ноготь медвѣжій и по бобамъ узнавать горазда. А то корень «обратимъ» можно достать. Мужа къ женѣ обращаетъ чудесно. Еще «кликунъ трава» есть, кличетъ гласомъ, по зарямъ дважды: «ухъ! ухъ!» Силу имѣетъ, къ чему хочешь, къ тому и годна...

Княгиня. Оставь меня съ своею безлѣпицей!.. *(Привстала)*. Юрій... его шаги... Уйди!.. *(Ненила уходитъ, вздыхая и покачивая головой. Княгиня принимаетъ веселый видъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княгиня *и* **Юрій**.

Княгиня.

А, Юрій!.. Здравствуй!.. Какъ ты почивалъ?
Во снѣ что видѣлъ? Не невѣсту-ль? Мы
Съ отцомъ, въ заботахъ, чтобъ ты счастливъ былъ,
Тебѣ невѣсту выбрали на славу,

Чтобъ было съ кѣмъ тебѣ раздумать думу
И кѣмъ бы похвалиться. Всѣмъ взяла
Дочь Шетнева боярина: красива
И разумомъ исполнена...

Юрій.

Объ этомъ
Не думается вовсе мнѣ, родная.
Родительской покоренъ волѣ. Знаю,
Не выберете мнѣ плохой невѣсты.

Княгиня.

Ты больше все охотой молодецкой,
Мой соколъ ясный, тѣшишься въ раздольѣ;
Звѣрей дубравныхъ бьешь, медвѣдей, вепрей,
Куницъ, лисицъ да черныхъ соболей.
Мнѣ любо это, а въ дѣла отцовы
Мѣшаешься что ты—не любо, Юрій.

Юрій.

Коль жители и гости всѣ скорбятъ,
Что нѣту правды, нѣту имъ управы!..
Коль кривда—видишь—верхъ беретъ повсюду!..

Княгиня.

Ты сердцемъ неутерпчивымъ горячъ
И многое незрѣло разумѣешь.
Ты сказокъ съ малыхъ лѣтъ отъ домрачеевъ *)
Наслушался, какъ шли богатыри
На подвиги, невѣрныхъ побивая.

---

*) Слѣпцы-домрачеи распѣвали сказки и былины, подъ аккомпаниментъ „домры“, струннаго инструмента въ родѣ гитары.

Юрій.

Они за дѣло общее стояли,
Земли оберегателями были.
И если-бъ послужить привелъ Господь
Святому дѣлу ихъ, костьми-бы легъ,
Чтобъ отъ враговъ святую Русь очистить
И вывести поганое въ ней иго!
Но, матушка, дозволь мнѣ о другомъ
Съ тобой поговорить.

Княгиня (*лаская его*).

О чемъ же, милый?

Юрій.

Не гнѣвайся, прости меня за смѣлость!..
Въ семьѣ у насъ неладное творится...
И крѣпкая,—я вижу,—у тебя
Лежитъ на сердцѣ дума...

Княгиня (*измѣняясь въ лицѣ*).

Никакой.

Юрій (*нѣжно беретъ ея руку*).

О, нѣтъ, родная! Чутко слышу я
Рѣчей смыслъ скрытый; чутко различаю,
Отъ сердца-ли иное говорится,
Иль рѣчь свое, а на сердцѣ другое.
За смѣхомъ я досаду различаю,
Въ веселой рѣчи часто слышу скорбь
И ложь—какъ ни скрывай ее—узнаю.

(Княгиня смущена. Пауза. Юрій смотритъ на мать испытующимъ взоромъ. Съ волненіемъ, понизивъ голосъ).

Отецъ не тотъ, какъ прежде... Сталъ гнѣвливъ,
Придирчивъ сталъ... Въ глаза тебѣ не смотритъ...

Княгиня.

Э, полно, Юрій!..

Юрій.

Матушка, не мучь!

Скажи, какое лихо между вами?

Княгиня.

По старому у насъ съ отцомъ...

Юрій.

О, нѣтъ!

А блѣдность отчего въ лицѣ твоемъ?
Зачѣмъ въ очахъ прекрасныхъ эти слезы?
Какой душа твоя полна тревогой?..
Какой, скажи?.. Отецъ тебя обидѣлъ?..

Княгиня *(энергично прерываетъ)*.

Пустыя рѣчи!.. Полно!.. Перестанемъ!..
(Пошла къ боковой двери и остановилась. Юрій быстро подходитъ къ ней. Она съ любовью кладетъ руки ему на плечи).
А если-бы и вправду приключилось
Какое горе мнѣ, души твоей
Не стала-бъ омрачать своею скорбью.
Свои ей въ жизни будутъ испытанья.
Тотъ мало любитъ, кто родное сердце
Печалью, да слезами удручаетъ.
(Поцѣловала сына въ голову и быстро уходитъ).

Юрій.

Напрасно ты боишься опечалить
Меня, родная. Скорбь твоя ясна
И хуже истомлюсь я подозрѣньемъ...

Помыслю объ обидѣ,—кровь кипитъ!
А кто обидчикъ? кто, какъ не отецъ?
Примѣтилъ я, что шепчутся кругомъ
И въ слѣдъ ему качаютъ головами;
Но дѣло въ чемъ—никто не выдаетъ.
Отца трепещутъ молвить мнѣ худое...

ЯВЛЕНІЕ V.

Юрій, Паисій *и потомъ* **Мамыровъ**.

Паисій. Призванъ былъ и пріидохъ!

Юрій. Не звалъ. Кто ты?

Паисій. Азъ, худый и грѣшный рабъ божій, странный пришлецъ я, государь. Ищу тѣхъ, кои въ молитвѣ и дѣлахъ милосердія время провождаютъ; странныхъ, убогихъ, калѣкъ, старцевъ и старицъ, ради Господа, привѣчаютъ и милостынею одѣляютъ отъ щедротъ благочестія своего, елико вмѣстимо. (*Входитъ Мамыровъ*). Ты, чадо княжее, чистосерденъ и умомъ совершенъ есть...

Мамыровъ (*строго*). Чего ты лясы-то здѣсь распустилъ?...

Юрій. Подай ему. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Паисій *и* **Мамыровъ**.

Мамыровъ.

А ты куда, ворона, залетѣла?
Въ подклѣтъ былъ званъ, а прешь, ослопъ, сюда!

Паисій.

Ахъ, грѣхъ! Азъ, малосмысленный, выходитъ—
Маленько заплутался. Не гнѣвись
И призри на меня, худаго...

Мамыровъ *(погрозился)*.

Врешь!
Заблудшій песъ кормовъ не разживется,
Коль къ нашему двору пристанетъ. Знай,
Бродягамъ здѣсь притона нѣтъ.

Паисій.

Бродяга!
О, Господи-Владыко! Премолкаетъ
Отъ горести языкъ. За что сіе
Мнѣ, брате, поношенье? Въ домъ къ себѣ
Церковниковъ и странныхъ призывать,
Кормить и напоять довлѣетъ; ты-же...

Мамыровъ *(прерываетъ)*.

Ты странникъ и чернецъ?! По рожѣ вижу
Какая птица. Воръ ты, или тать...

Паисій.

Помилуй, государь!...

Мамыровъ.

Молчать, бродяга!
Гвоздей тебѣ подъ пятки! Правду всю
Скорешенько ты выкричишь тогда.
(Паисій боязливо пятится къ двери, чтобы улизнуть).
Постой! Коли желаешь благостыни,
Такъ уши ототкни, да слушай въ оба!

Паисій.

Отверзъ, отверзъ и умъ и душу. Молви!

Мамыровъ.

Держать правленье—нужны глазъ, да уши,
Чтобъ знать про все: крамолы нѣтъ-ли, лихо
Какое гдѣ творится, вѣдовство
И нѣтъ-ли нестроенія...

Паисій *(прерываетъ).*

Внемлю
И мудрости дивлюсь словесъ твоихъ!

Мамыровъ.

Собачій хвостъ! безъ толку не виляй!

Паисій.

Молчу смиренно.

Мамыровъ.

Есть у перевоза
Заѣзжій за Окою дворъ «Кумы»...

Паисій *(со вздохомъ).*

Грѣховное то мѣсто!

Мамыровъ.

По тебѣ.
Повадился бывать туда намѣстникъ...

Паисій.

Бѣсовской силой какъ его прельщала
«Кума» та—самовидѣцъ есмь.

Мамыровъ.

Такъ вотъ:
Ты знать и видѣть долженъ все, что тамъ;

У бабы той, творится. По пятамъ
Ты князь—Никиты гончій песъ. Смекнулъ?

Паисій.

О, внялъ!

Мамыровъ.

Теперь иди. Заслужишь что —
Такое и пожалованье будетъ.
А шкуру береги — смотри! Чуть что —
Сейчасъ подъ батоги!

Паисій *(про себя, почесывая спину).*

Ну, какъ не такъ!
Моя овчинка въ выдѣлкѣ бывала
Не разъ, отъ зла мірскаго, безъ тебя! *(Уходитъ).*

Мамыровъ.

Срамить при всѣхъ! Плясать меня заставить!
Ну, я не скоморохъ! Кто правитъ Нижнимъ:
Ты-ль, княже, или я? Въ уздѣ моей,
Ты пляшешь и храпишь, что конь строптивый;
Летишь—куда пущу, про то не зная,
Что гнешься подъ моей рукою ты.
И мнѣ плясать!—Я шапку скомороха
На твой скорѣй напялю княжій лобъ,
Чѣмъ горькую обиду позабуду!

(За дверью голосъ князя. Мамыровъ мгновенно измѣняетъ выраженіе и рабски склоняется передъ входящими).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мамыровъ *(въ началѣ)*, **князь Никита** *и* **Шетневъ.**

Князь *(Мамырову).*

Скажи княгинѣ,—гостя дорогого
Послалъ какого намъ Господь. Съ Москвы

Бояринъ Шетневъ, молъ, прибыть изволилъ.
Пришла-бъ сюда какъ должно гостя встрѣтить.

Мамыровъ.

Доложимъ, государь. *(Поклонился и уходитъ влѣво).*

Князь.

Ну, сватъ, садись!
Душею радъ тебѣ. Ну что, скажи,
Творится на Москвѣ? Какъ государь
Великій князь — къ боярамъ? Тамъ иные —
Наслышанъ я — порядки завелись?

Шетневъ.

Охъ, точно, князь, порядки тамъ иные.
Дружина встарь совѣтницею князю—
Ты знаешь самъ—была, жила въ чести;
А нынѣ обратили ихъ въ холопей,
Бояръ-отъ на Москвѣ, и выѣзжать
Къ другимъ князьямъ запретъ. И бьютъ челомъ
Бояре, какъ холопи. Да!.. Кнутомъ
Дѣтей боярскихъ бьютъ, бросаютъ въ тюрьмы...
Да то ли впереди еще!...

Князь.

Вотъ какъ!
Обычай переставился и впрямь.
Но то сказать: не вотчинникъ ужъ болѣ.
Какъ было встарь, великій князь Московскій,
А собранной земли онъ государь.

Шетневъ.

То правда. А земля какъ собиралась?

Предательства и подкупы, обманъ...
Ты, знаешь, князь Никита, не люблю
Объ этомъ я въ бесѣдѣ говорить.

Князь.

Да что и говорить-то тутъ, бояринъ!
Земля зѣло устала отъ усобицъ
И стала Русь къ Москвѣ тянуть сама,
Чтобъ правду, тишину сыскать себѣ
И отъ татаръ поганыхъ оборону.
И мощною рукой Московскій князь,
Собравъ другихъ, сломилъ ордынцевъ силу...
Но рѣчь съ тобой вели мы про бояръ.
Такъ бить челомъ они ужъ нынѣ стали?

Шетневъ.

А князю какъ среди бояръ холопей
Не стать грозою? Тьма ихъ на Москвѣ.
Изъ Кіева, съ Волыни, изъ Орды —
Стеклись отвсюду. Выслужиться надо —
Ну, и пошли предательства и козни,
Извѣты, чародѣйство, волшебство...

Князь.

И даже волшебство?

Шетневъ.

Тамъ наговоровъ
И порчи всѣ теперь бояться стали.
И въ ѣство, и въ питье, замысливъ зло,
Кладутъ другъ другу зелье и коренья.
Самъ князь боится. Крестъ цѣлуетъ дворня,
Чтобъ лиха не чинить ему ничѣмъ.

Князь.

Супружество съ царевной Софьей какъ-же?

Шетневъ.

Да, сладится, я слышалъ. Коль въ холопей
Бояре обратились, ровни нѣтъ
На всей Руси въ невѣсты государю.
Съ молдавкой сынъ повѣнчанъ *), и самъ
Съ царевной иноземной въ бракъ вступаетъ.

Князь.

Ха, ха! Крамольникъ—вижу я—ты, сватъ!
А Новгородъ-то!..

Шетневъ *(со вздохомъ).*
Новгородъ погинулъ.

Князь.

Давно пора! Крамольниковъ гнѣздо,
Издавна скопъ опальныхъ, лиходѣевъ,
Да вольницы. Ивану государю
Господь съ Пречистой Матерью вездѣ
Отступниковъ подъ нози покорили.

Шетневъ.

Всю Новградскую волость исходили
Огонь и мечъ! Что лютыхъ было казней!

Князь.

Не ладно мыслишь... Жалостливъ не кстати...

---

*) Сынъ Іоанна III, Іоаннъ молодой, былъ женатъ на Еленѣ, дочери Молдавскаго господаря Стефана.

Шетневъ.

По своему. Прости мнѣ, сватъ! Въ тебѣ-же,
Знать, крѣпокъ духъ московскій, князь Никита?

Князь.

Да, крѣпокъ, сватъ.—А вотъ моя княгиня.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь, Шетневъ *и* **княгиня**, *въ богатомъ нарядѣ. Войдя съ подносомъ, на которомъ вино, княгиня кланяется Шетневу въ поясъ. Шетневъ кланяется ей, прикасаясь рукой земли.*

Княгиня.

Изволь принять и выкушать вина!

Князь *(кланяется Шетневу)*.

Прошу покорно, сватушка!

Шетневъ.

Сперва
Хозяева, а тамъ и я ужъ выпью.
(Княгиня отпиваетъ вина, за нею князь. Взявъ стопу).
Во здравье вамъ!
(Пьетъ и кланяется хозяйкѣ попрежнему до земли).

Князь *(садясь и указывая сѣсть Шетневу).*

Ну, рѣчь теперь, бояринъ,
О дѣлѣ поведемъ съ тобой, о свадьбѣ.
Съ княгиней намъ въ совѣтѣ дѣло это
Во всѣхъ статьяхъ обдумать надлежитъ.
(Жестомъ приглашаетъ жену садиться).

Княгиня (*садясь, въ сторону*).

О сынѣ ли теперь тебѣ забота!

Князь.

Намъ межъ собой дѣтьми не похваляться.

Шетневъ.

Что соколъ ясный, княже, твой женихъ.

Князь.

А бѣлая невѣста наша лебедь
Дѣвицамъ въ Нижнемъ всѣмъ краса.

Шетневъ.

Въ любви
У всѣхъ, въ почетѣ, въ славѣ доброй княжичъ.
Да то хоть взять: есть, матушка-княгиня,
У насъ, у перевоза за Окой,
Такое мѣсто— всѣмъ соблазнъ. Бѣгутъ
Туда бояре, гости, старъ и младъ,
Тайкомъ отъ женъ, отцовъ и матерей—
Нѣтъ удержу. А княжичъ—ни ногой!

Княгиня (*выразительно взглянула на мужа*).

Мой сынъ съ кабацкой голью не гуляетъ.

Шетневъ.

Коли-бъ вино, приманка тамъ другая,
Хозяюшка—«Кума». Молва идетъ,
Красавица, вишь...

Княгиня *(быстро встаетъ, про себя).*

Выдержать нѣтъ силы!

(Идетъ къ боковой двери).

Князь *(вставая).*

Евпраксія Романовна! Куда?!
Иль что тебѣ попритчилось?

Княгиня.

Недужно. *(Уходитъ).*

Шетневъ *(про себя).*

Эге!... И князь сгорѣлъ... Неспроста дѣло! *(Громко).*
Ахъ, Господи помилуй! Что такое?
Сидѣла ничего, и вдругъ...

Князь *(въ смущеніи).*

Дивлюсь!

Шетневъ.

Ступай ты къ ней. А я домой покамѣсть,
Съ своими я съ пріѣзда не видался.
Сердечные, чай, ждутъ. Потолковать
О дѣлѣ будетъ время, князь. Прости!

Князь.

Когда же ждать?

Шетневъ.

А въ скорости. *(У дверей про себя).* Неспроста! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Князь *и* **княгиня.**

Князь.

Недугъ!... Не то, причина тутъ другая. *(Громко у двери).*
Евпраксія Романовна!... Княгиня! *(Отходитъ).*
И этотъ старый чертъ приплелъ «Куму»...
(Вошедшей княгинѣ).
Иль спятила съ ума ты? Какъ при гостѣ
Вскочить, уйти!... Какой-то тамъ недугъ!...
Что скажетъ Шетневъ?

Княгиня.

Божьяго суда
Кто не боится, судъ людской тому
Не за обиду...

Князь.

Божьяго суда?!
Пригрезилось тебѣ? О чемъ ты мелешь?

Княгиня.

Не хочешь ли, какъ—слышно—въ Вяткѣ было,
Съ полдюжины иль больше женъ завесть?
Тамъ и попы тѣ браки дозволяли.
У насъ поганство это, слава Богу,
Покамѣсть не въ обычай. Ты зачни.

Князь.

Какихъ тамъ женъ?!

Княгиня.

А кто съ лихою бабой,
Съ «Кумою», повелся? Не знаешь?

Князь.

Что-о?!

Кой чертъ тебѣ наплелъ?

Княгиня.

Послушай, князь!

За честь свою вступиться я сумѣю.
Честнаго Новосильцевыхъ я рода.
Мой славный дѣдъ, Тарасій, дважды князя
Димитрія у хановъ изъ полону
И кровью и казною выручалъ.
Подъ княземъ онъ сидѣлъ на третьемъ мѣстѣ.
Отецъ мой государю въ воеводахъ
Въ Ордѣ и по чужимъ землямъ служилъ,
Въ бояхъ, въ осадахъ жизни не щадилъ
И честью былъ пожалованъ великой.
И мнѣ въ позорѣ быть?

Князь *(прерывая)*.

Да полно, полно!

Втемяшилась Кума!

Княгиня.

Дѣла такія

Не къ младости тебѣ. Невмѣстно бы
Любовницей себя безчестить...

Князь.

Вздоръ!

Пустыя сплетни...

Княгиня.

Вправду-ли пустыя?

Меня не обмануть. Я зорко вижу.

Да и тебѣ-ль притворствомъ провести?
Тебѣ-ль хитрить съ твоимъ горячимъ нравомъ?

Князь.

Э, полно! Досадило! (*Пошелъ къ двери*).

Княгиня (*удерживая его*).

Нѣтъ, постой!
Кумы гульливой ладушка любезный,
Лихой бабенки милъ-сердечный другъ!...
Довольно сраму. Къ ней ты ни ногой!...
Не то...

Князь.

Что будетъ? Я изъ бабьихъ рукъ
Глядѣть не стану-ли?

Княгиня.

А вотъ что будетъ:
Скажу про все святому я отцу,
Игумену Печерскому. «Кума»
Во многомъ чародѣйствѣ объявилась
И онъ колдуньѣ честь воздастъ иную,
Чѣмъ ты, ея печальникъ, воздаешь.
Въ цѣпяхъ, въ подвалѣ промозгломъ, подъ началомъ,
Ее въ грѣхахъ онъ каяться заставитъ,
Покамѣстъ... смерть не сгложетъ ей костей.

Князь.

А ты кукуль монашескій не хочешь
Надѣть на мѣсто кики?

Княгиня (*поражена. Пауза. Твердо*).

Не хочу!

Князь.

Въ обители Зачатія святаго *)
Найдется келья и тебѣ. Сыщу!
Строптивый духъ смиряеть власяница
Въ молчаніи, тружаяся, въ постѣ,
Творя поклоны...

Княгиня.

Ха, ха, ха! Твой грѣхъ
Замаливать, распутство?...

Князь *(въ бѣшенствѣ)*.

Замолчи!
Иль я тебя заставлю...

Княгиня *(пріосанившись и гордо поднявъ голову)*.

Не заставишь!

Князь.

Ну, ладно-же! *(Съ грознымъ жестомъ уходитъ въ заднюю дверь)*.

Княгиня.

Монашескій кукуль!...
Зачѣмъ бы распаляться такъ, уста
Угрозой мнѣ коварно зажимать,
Коль про Куму однѣ бы сплетни были?!
Забылъ ты, князь, метнувшись къ бабѣ подлой,
Что сердцемъ я горячимъ не робка.
Сносить въ смиренствѣ кровную обиду,
Въ слезахъ безмолвныхъ душу надрывать—

*) Основана вдовою князя Андрея Константиновича, княгинею Василисой, въ монашествѣ Өеодорой.

Не мнѣ. Не мнѣ въ потемкахъ отъ людей
Съ стыдомъ своимъ трусливо хорониться!...
Ты нравомъ—звѣрь, ты рабъ страстей кипучихъ.
Другая трепетала-бы тебя,
Какъ грома. Мнѣ-же въ очи ты смотрѣлъ,
И звѣрь стихалъ, у ногъ моихъ ласкаясь.
Мы двадцать лѣтъ съ тобою такъ прожили.
И вотъ межъ насъ змѣею подколодной
Разлучница ехидная ползетъ.
И кто-жъ она?... откуда?... Ха, ха, ха!
Плохую, князь, со мной ты шутку шутишь,
Но я ее сумѣю отшутить!.. *(Прислушивается).*
Шумятъ!... *(Быстро подходитъ къ окну).*
Народъ валитъ толпою!... къ намъ?!

ЯВЛЕНІЕ X.

Княгиня *и* **Юрій** *(входитъ запыхавшись, въ сильномъ волненіи).*

Юрій.

Гдѣ батюшка?... На улицѣ рѣзня!...
Сбѣжался торгъ на нашихъ челядинцевъ...
Народъ за камни, наши за ножи...
Двоихъ убили... Свалка, стоны, кровь!

Княгиня.

За что жъ на нихъ народъ?

Юрій.

Разбой чинили!
Насильники, грабежники они!...
По торгу, по дворамъ, что волки, рыщутъ!...
Вотъ ты велишь, родная, не мѣшаться;

А какъ стерпѣть, коль насъ же, насъ народъ
Людишками лихими называетъ,
Что мы воровъ-холопей насылаемъ
Себѣ на дворъ, что можно отбивать?!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Мамыровъ *изъ задней двери и* **Ненила** *изъ боковой входитъ одновременно. Потомъ* **Паисій.**

Княгиня *(Мамырову).*

Что тамъ случилось?

Мамыровъ.

Всѣхъ унялъ. Людишки
Немного пошумѣли на торгу.
Пустое дѣло, матушка-княгиня,
Тревожиться напрасно не изволь.
(Ненила, тихо разговаривая съ княгиней, отходитъ съ нею въ сторону).

Юрій *(Мамырову).*

Коль на смерть бьютъ, по твоему—«пустое»?

Мамыровъ

(значительно усмѣхнулся, поднялъ оконную раму и кричитъ во дворъ).

Въ тюрьму ихъ всѣхъ! Готовьте батоги!
Зачинщика Потапа въ кандалы!
Намѣстникъ вамъ нещадную расправу,
Крамольники, за буйство учинитъ!
(Со двора слышны крики негодованія и угрозы. Мамыровъ захлопнулъ окно. Вошедшій Паисій шепчетъ ему что-то на ухо).

Юрій.

Кого въ тюрьму?! Вотъ этихъ? горожанъ?
Ихъ грабятъ, бьютъ, и имъ же быть въ отвѣтѣ?!

Мамыровъ.

Паришь ты мыслью, княжичъ, что орелъ,
И мужествомъ ты сердце изостряешь,
И—мнится—ждутъ тебя дѣла большія
И въ нихъ добудешь ты великой славы;
А какъ сдержать правленье въ руцѣ крѣпкой,
Какъ смердами владѣть на полной волѣ...

Юрій.

Я въ этомъ не домыслю?...

Мамыровъ.

Не гнѣвись...

Юрій.

Съ тобою говорить!.. Насильникъ ты!
Народъ тебя не даромъ ненавидитъ...
Гдѣ батюшка?...

Мамыровъ (*мигнувъ Паисію, тихо*).

Скажи.

Паисій.

Князь за Оку...

Княгиня (*уже у двери, чтобъ уйти*).

Опять?!

...ньи, въ избѣ заѣзжей.

...ѣ...

...тъ онъ къ ней!!

...и Мамыровъ ее удерж...

Пустите!

Но куда.

...

...бросается къ двери).

...удерживая).

...ними!

...схвативъ ее за руку).

...должно быть, отецъ?...

...взглянулъ на Мамырова:

...Матери).

...Открой! Скажи!...

...ужасный!

...на колѣни, горячо цѣлуетъ...

Родная, успокойся!... Жизнь отдамъ
За счастіе твое!

Ненила (*въ слезахъ, возлѣ княгини*).

Изъ-за Кумы,
Послѣдней бабы подлой, въ гробъ уложатъ
Матушку мою.

Юрій.

Такъ вотъ кто *эта!...*

Ненила.

Тутъ порча, чародѣйство. Князя зельемъ
Колдунья опоила.

Мамыровъ (*значительно*).

Охъ, корысть!
Чего прибытка ради не творится!

Юрій (*матери*).

Кума! Съ такою-ли тебѣ считаться?
Убить ее, какъ гадину, убить
Единымъ взмахомъ. Вотъ и вся расплата!
И батюшка, очнувшись отъ дурмана,
За то спасибо скажетъ, изъ сѣтей
Что выпуталъ его лукавой бабы.

Мамыровъ (*про себя*).

Ну, врядъ-ли такъ!
(Княгиня встала, но покачнулась и схватилась за грудь. Сынъ и Ненила ее подхватываютъ).

Юрій.

Не можется тебѣ?

Княгиня.

Сдавило грудь мнѣ...

Ненила.

Лягъ поди!

Юрій.

Клянусь,

Та жизнью мнѣ поплатится, злодѣйка!

(Онъ и Ненила уводятъ княгиню подъ руки. Паисій исчезаетъ въ заднюю дверь).

Мамыровъ.

Хе-хе! Плясалъ тебѣ я на потѣху,
Какъ ты теперь запляшешь—поглядимъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Жилая изба Кумы. Одна дверь направо, близко къ авансценѣ. Въ задней стѣнѣ три косящатыхъ окна на Оку. Оконницы слюдяныя. По задней стѣнѣ лавка, по правой коникъ, отъ угла до двери. Надъ коникомъ поставецъ. У лѣвой стѣны кровать подъ пологомъ. Въ правомъ углу столъ. Онъ покрытъ скатертью и уставленъ питьями. На столѣ двѣ зажженныя свѣчи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь *сидитъ за столомъ, слѣва стоитъ* **Кума**.

Кума.

Ты гнѣваться изволишь, государь.
Ужъ какъ развеселить тебя—не знаю!
Я, чѣмъ могу, стараюсь угодить,
А все тебѣ выходитъ не по нраву.

Князь.

Лукавая бабенка! Иль морочить
Меня ты хочешь?

Кума.

Чѣмъ-же, государь?

Князь.

Не знаешь! Кровь во мнѣ ты распалила,
Всѣ мысли помутила... Я, намѣстникъ,
Себѣ въ безчестье, въ посмѣхъ, въ нареканье,
Сюда шатаюсь...

Кума.

Кто-жъ неволитъ? Правда,
Не въ лѣпоту тебѣ со мною знаться.
А мнѣ хоть честь, а будетъ за досаду,
Коль сложатъ сплетню, худо говорить
Про насъ съ тобою станутъ понапрасну...

Князь.

Не въ мѣру ты опаслива, я вижу!

Кума.

А ежели провѣдаетъ княгиня...

Князь.

Молчи!.. Пускай кричать про насъ и судятъ,
Пускай всѣ пальцемъ кажутъ на меня.
Мнѣ все равно, коль я въ себѣ не властенъ.

Кума.

Вотъ то и худо.

Князь.

Что ты тамъ ворчишь?..
Поди ко мнѣ... Иди же, говорятъ!
Оглохла?.. Сядь... Да ближе, не съѣдятъ.
(Придвинулся и страстно обнялъ ее).

Себя не помню... Сладу нѣтъ съ собою!
Горитъ душа... что бурей, мчитъ къ тебѣ!..
Проси чего желаешь—нѣтъ отказа.
Я жемчугомъ красавицу осыплю
И камнемъ самоцвѣтнымъ унижу;
Въ камкѣ хрущатой, въ бархатѣ, въ мѣхахъ,
Ты всѣхъ богаче, всѣхъ наряднѣй будешь!
(Цѣлуетъ ее въ щеку. Она сидитъ, отвернувшись).
Упорство брось!.. противничать довольно!..
(Быстро отодвигается отъ нея).
Сидитъ какъ ледъ, какъ каменная глыба!
(Гнѣвно ударилъ кулакомъ по столу).
Проклятая! Такъ стало быть не любъ?
(Склонился на руки. Пауза).

Кума *(вставая).*

Бѣда съ тобой! То гнѣвенъ ты, грозишь,
То чуть не плачешь, что ребенокъ малый.
Ужъ какъ и быть—ума не приложу.
И жаль тебя... Да жалость не любовь,
Любить себя насильно не заставишь...
Кого-жъ полюбишь—глазомъ тотъ мигни,
И ты ужъ все отдать ему готова
И всюду безъ раздумья, безъ оглядки,
Пойдешь за милымъ, съ ясною душей.
(Мечтательно задумалась).

Князь *(нѣсколько мгновеній молча наблюдаетъ ее ревнивымъ взоромъ).*

За милымъ!.. Сладко ты разворковалась!
Не даромъ мнѣ ревнивая тревога
На клочья сердце рветъ! А кто-же милый?

Кума.

Коль я тебѣ на шею не кидаюсь,
Такъ, значитъ, милый у меня? Напрасно!

Князь.

Да, есть!.. И я дознаюсь... Какъ не быть!
Въ сахарныя уста тебя не мало,
Я слышалъ, цѣловали... *(Съ ироніей).* Недотрога!

Кума.

Ты вотъ про что!.. Чрезъ мой веселый нравъ,
Да ласковый обычай, зря болтали
Не мало про меня. Коль я безстыдна
И слава про меня идетъ худая,
Тебя-то какъ же не цѣлую? Дивно!
Во что-жъ себя ты ставишь, государь?
«Не мало цѣловали»! Взять меня
Не этимъ-ли ты вздумалъ? Ну, какъ разъ!
Сказалъ бы кто другой такое слово,
Иль сталъ бы на любовь меня склонять
Посулами, какъ ты — со срамомъ бы
Я выгнала его. Тебя-жъ не смѣю.
Тебя должна я чествовать покорно,
Творить, какъ любо милости твоей:
Намѣстникъ ты.

Князь *(дышетъ тяжело, глаза налились кровью).*

И властенъ погубить!..

Кума.

Губи. Насильству зло творить повадно.

Князь *(вставая)*.

И ты моей покорна будешь волѣ.
Сломлю твое упорство, не-до-тро-га!

Кума.

Падутъ пусть громомъ бѣды на меня,
Не сдамся, князь!

Князь *(подступая)*.

Ха-ха! Какія рѣчи!
(Сильно схватилъ ее за руку).

Что-бъ бабѣ надъ собою верхъ я далъ,
Да мучился-бы въ ярости безсильной,
Иль по тобѣ въ кручинѣ-бъ изнывалъ!—
Ну нѣтъ, Настасья! Полно!

Кума *(вырвалась, сбросила съ себя повязку и въ мгновеніе обматываетъ шею косами)*.

Задушусь!!
Косой своей скорѣе задушусь,
Чѣмъ сдамся!

(Князь отступилъ и мрачно смотритъ на нее исподлобья. Пауза).

Князь.

Такъ?.. Тебѣ-ли, мнѣ-ль погибнуть.
Но я не отступлюсь. Не дожидай!

(Ударомъ руки распахнулъ дверь и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Кума *(въ нервныхъ движеніяхъ, не сразу приходитъ въ себя. Заплакала).*

Какъ силъ достало выдержать!.. Впился,
На смерть перепугалъ... Не отдышусь...
Что съ лютымъ звѣремъ встрѣтиться въ лѣсу...
Вотъ лихо нажила себѣ какое!..
Воды испить. *(Жадно выпила нѣсколько глотковъ).*
Охъ, мочи нѣтъ, устала!..
(Сѣла, опустивъ голову, уронивъ руки на колѣни, и глубоко задумалась).
Кто «милый» мой?.. Узналъ бы князь Никита,
Въ глаза бы мнѣ онъ вдосталь насмѣялся...
Не онъ одинъ, а всякій... Я и княжичъ!
Далеко въ небѣ солнце; высоко
Въ лучахъ его паритъ сизой орелъ.
О немъ-ли думать мнѣ? А я и днемъ
И ночью все о немъ томлюсь тоскою... *(Надѣваетъ повязку).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Кума *и* **Фока.**

Фока. Съ чего онъ, словно ошпаренный, выскочилъ, князь-отъ? Меня саданулъ — чуть съ ногъ не сшибъ, лядъ его побери!..

Кума. Не подвертывайся!

Фока. А онъ чего? Липнетъ, какъ банный листъ. Я молчу-молчу, да и того...

Кума. Чего?! Хвастунъ!

Фока. Корысти тоже немного видимъ. Почетъ, угощенье — себѣ дороже, а еще князь!.. А то, можетъ, задарилъ, да таишься?

Бабьи-то и промыслы, что нечистые помыслы. *(Кума усмьхнулась)*. Э-эхъ, съ этого веселья каково-то похмѣлье будетъ!.. Гмъ!..

Кума. Похмѣлье? Вижу, языкъ у тебя чешется, важности на себя напустилъ. Сказывай, что-ли! Или выклянчить каровишь что-нибудь? Съ подходами у тебя это всегда!

Фока. Выклянчить!.. Умъ-отъ у бабы здѣсь, что-ли? *(Указываетъ на лобъ)*

Кума. Да уменъ ужъ, уменъ! Говори, коли есть что сказать, не то ступай въ свое мѣсто. Наскучилъ!

Фока. Пропащая твоя голова, Настасья. Вотъ что! *(Толчется у стола, умильно поглядывая на вино)*.

Кума. Отчего это пропащая?

Фока. А видишь... Кха!. кха!.. Въ глоткѣ ссохлось съ чего-то!

Кума. То-то ты по слову роняешь, что жемчугъ! *(Наливаетъ вина)*. Промочи ужъ!

Фока. Не видали мы дряни этой!.. *(Выпилъ до дна)*. Валяется у меня этотъ... Паисій. Пьянѣе вина.

Кума. Ну?

Фока. Приткнулся онъ—видишь ты—ко двору княженецкому и къ самой княгинѣ пролѣзъ, къ Евпраксіи Романовнѣ... Проползень!.. *(Потянулся къ вину)*.

Кума *(удерживаетъ)*. Нѣтъ, доскажи! А то будешь размазывать, пока до капли не выпьешь. Долго ждать.

Фока *(скрестилъ руки и отвернулся въ обидь)*. Размазывать!

Кума. Что же Паисій?

Фока *(раздражительно)*. А то, что за шашни съ намѣстникомъ, княгиня шлетъ пришибить тебя, какъ собаку.

Кума. Ка-акъ?!

Фока. Жигануло?

Кума *(вспыльчиво)*. Чего же ты мямлилъ?! Такое дѣло, а онъ... Еще дядей называется!

Фока. Потому какъ выходишь ты, по ихнему, чародѣйка,

зельями князя приворожила. Вотъ, повызнавши все, и распалилась княгиня. Взметалась - вскидалась Боже мой какъ! Тутъ княжичъ матери и поклялся: изведу, молъ, колдунью, зарѣжу!

Кума. Княжичъ?! Меня?!

Фока. Очень просто. Какъ бы, оборони Богъ, нынче ночью...

Кума. Пускай! Милости просимъ! *(Быстро ходитъ по сценѣ, не обращая вниманія на Фоку).*

Фока. Кабыть милость не велика! *(Налилъ вина и выпилъ).* Будь ты съ похмѣлья, я-бъ тебѣ разсолу огуречнаго испить далъ.

Кума. Чародѣйка, колдунья! Ха, ха! Дура-баба не сможетъ мужа въ любви удержать, а вѣдовство виновато!.. И княжичъ повѣрилъ! Сгубить придетъ!.. *(Горько усмѣхнулась).* Какое душегубство—нѣтъ! У колдуньи развѣ душа? Паромъ выйдетъ кровавымъ, ворономъ обернется, жабой поганой заскачетъ въ болото! Ха, ха, ха! *(Сѣла и закрылась руками).*

Фока. Аль не въ разумѣ? Смѣхъ-отъ тебя разбираетъ...

Кума *(быстро отняла руки, порывисто).* Когда-же придетъ?.. убивать-то меня? Нынче?

Фока. Погоди, не спѣши! Ахъ, бабы!..*(Покачалъ головой).* Не утерпчиво сердце молодецкое, можетъ и нынче. У насъ, какъ на грѣхъ, заѣзжихъ нѣтъ никого. Опричь Паисія, никто не ночуетъ. Я того... молодцовъ кликну, коли...

Кума. Не смѣть! Никому ни слова!..

Фока. Хмъ!.. Семъ водой окачу, можетъ опомнишься... Съ перепугу бабы ни вѣсть что несутъ, потому нутро спираетъ у нихъ.

Кума. Рта не смѣй разѣвать про это! Не то не будетъ тебѣ ни угла, ни куска: часу у себя не оставлю! Ступай!

Фока *(развелъ руками).* Ну, при противу рожна, лядь съ тобой!.. Спать завалюсь. Коли что... Мосейку, вѣдь, не добудишься... Меня кликни... Такъ и быть, разомнусь, сокрушу

ребра княжишкѣ этому... *(Въ сѣняхъ стукнуло)*. Ахъ! *(Даже присѣлъ отъ испуга)*. Ну, какъ онъ?

Кума. Котъ въ сѣняхъ сронилъ что-нибудь.

Фока. Котъ? Хе, хе!.. Онъ у насъ точно проказникъ большой... А ты... хе, хе!... въ сѣнцы-то посвѣти мнѣ, Настасьюшка. Темь. *(Кума отворила дверь настежь и свѣтитъ. Фока боязливо заглядываетъ туда)*. И задамъ же я этому коту!..

Кума. Иди ужъ, иди! *(Выводитъ его въ сѣни и затворяетъ за нимъ дверь)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кума *(сидитъ у окна)*.

Заря давно потухла. Ночь темнѣетъ.
Ока уснула въ темныхъ берегахъ.
Съ болотъ туманъ клубится. На лугахъ
Во мракѣ ужъ озера потонули.
Мигая, гаснутъ въ городѣ огни,
И скоро все заснетъ въ тиши спокойной.
А гдѣ, какъ коршунъ, свилъ свое гнѣздо
Тотъ замыселъ злодѣйскій—точатъ ножъ!
И онъ меня сгубить поклялся, княжичъ!..
Желанный мой!.. Въ себя я не приду!.. *(Привстала)*.
А! Чья-то тѣнь подъ окнами мелькнула...
Высматриваютъ, есть-ли кто со мной,
Во тьмѣ прокрасться какъ бы половчѣе,
Врасплохъ застать... во снѣ меня зарѣзать!..
Задуть огонь. Пусть думаютъ—уснула.

(Гаситъ свѣчи. Видъ изъ оконъ ярко освѣщенъ луною).

А если смерть?! Коль тамъ, въ потьмахъ за дверью,
Костлявая она ужъ притаилась
И близокъ часъ мой!.. Страшно!.. Вотъ меня

Въ гробу опустятъ въ землю... Глухо онъ
О дно могилы стукнетъ... Вотъ въ нее
Лучемъ прощальнымъ солнышко взглянуло...
Вотъ рухнула земля на крышку гроба
И я—во мракѣ, въ сырости холодной!..

(Вздрогнула всѣмъ тѣломъ).

Нѣтъ, нѣтъ! Ужели княжичъ?.. Быть не можетъ!
Ревнивымъ наущеньемъ ослѣпленный,
Кипитъ онъ гнѣвомъ, сердце разожгли;
Но женщину безсильную сгубить
Не сможетъ онъ... Сробѣю я—повѣритъ
Коварному навѣту. И тогда
Презрѣнною въ его останусь мысляхъ...
Да въ страхѣ и пригожества немного,
Въ очахъ слезливыхъ, въ трепетныхъ устахъ...
Никакъ идутъ!.. Упало сердце... Онъ-бы,
Самъ княжичъ, не холопи-бъ только! *(Подбѣжала къ окну).*
Онъ!
Онъ самъ... Идутъ отъ берега вдвоемъ...
Въ постель скорѣе! *(Взобралась на постель).*
Стукъ... трещитъ запоръ...
Ну, что-то будетъ! Господи, спаси! *(Задергивается пологомъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Кума, **Юрій** *быстро входитъ, за нимъ* **слуга**, *съ фонаремъ.*

Юрій.

Свѣти!.. Ее здѣсь нѣту! Гдѣ-жъ она?

Слуга.

Провѣдавши, должно-быть, схоронилась.

Юрій.

Куда ни уползла змѣя—отыщемъ
И правду всю я вытяну наружу!

Слуга.

А ежели устроена засада?
Велѣлъ сперва-бы дворъ ты осмотрѣть.

Юрій *(выхватываетъ кинжалъ)*

Вотъ съ этимъ я чрезъ всякую защиту
До подлой доберусь!

Слуга *(указывая на кровать).*

Гляди, не тамъ-ли?

Юрій.

Не спитъ же! Разбудили-бъ чай. Свѣти! *(Отдергиваетъ пологъ).*

Кума *(лежитъ спокойно, красиво опершись на руку, и смѣло смотритъ княжичу въ глаза).*

На, рѣжь меня!
(Разстегиваетъ воротъ. Пауза. Юрій выронилъ кинжалъ и, прикрывъ рукою глаза, медленно пошелъ къ двери. Кума выскочила и удерживаетъ его).

Куда-же ты? Бѣжать?
Безъ страха, я ждала съ тобою смерти
И помощи къ себѣ не призывала,
Хоть стоило мнѣ кликнуть, и толпой

Изъ города сбѣжался бы народъ
Въ мою защиту. Сотни ихъ ножей
Мнѣ панцыремъ бы стали. И того,
Кто смѣлъ бы мнѣ обиду учинить,
На клочья-бъ разорвали. Знала я
Твой умыселъ, ждала въ тебѣ убійцу;
А—видишь—одинешенька была,
Отъ страха никуда не убѣжала.
А ты бѣжать! Кого-же испугался?
Меня-ль, колдуньи, иль себя? Себя,
Что ты сгубить безвинную подкрался...

Юрій (*прерываетъ*).

Не крался, лжешь! Я шелъ, не размышляя...
Защитники меня-бъ не удержали,
При нихъ кинжалъ не на земь бы упалъ.
Безвинная!.. Безстыдство каково!
Изъ смрадной тины гадина ползетъ
Въ семью мою, раздоръ въ ней сѣетъ, горе...
Ты матушки слезы одной не стоишь,
А душу ей обидой изглодала!
Кто межъ отцемъ и матушкою сталъ?
Любовницей не ты вплелась межъ ними?

Кума.

Ну, такъ! И князя зельемъ опоила,
Да волшбою бѣсовской оплела?
И въ томъ винятъ, я слышала, меня.
А ты съ собою взялъ «плакунъ-травы»?

Юрій.

Травы?! Зачѣмъ?

Кума.

А какъ же! Отъ нея.
Вѣдь, бѣсы плачутъ, вѣдьмы обмираютъ,
Колдуньи тожъ. А я-жъ колдунья, княжичъ!

Юрій.

Ты гнѣвъ во мнѣ опять не поднимай!..
И вотъ, подъ страхомъ смерти, мой завѣтъ...

Кума *(прерываетъ)*.

Сперва дозволь мнѣ молвить. Правду всю
Узнаешь, княжичъ. Господомъ клянусь
И Матерью Пречистой—все скажу,
Ни въ чемъ не потаюсь. *(Слугѣ)*.
А ты ступай.
Не нуженъ. Жди у лодки. *(Зажигаетъ изъ фонаря свѣчи)*.
При холопѣ
Не гоже мнѣ про князя говорить. *(По знаку Юрія слуга уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кума *и* Юрій.

Кума.

Кручина съ вами мнѣ! Во гнѣвѣ ты,
При разумѣ своемъ и чести славной,
Повѣрилъ злымъ навѣтамъ, волшебству
И кровью обагрить себя пришелъ.
Известь меня грозитъ и князь Никита.

Юрій.

Отецъ?!

Кума.

Онъ не задолго до тебя
Посулами, угрозой и мольбой
На грѣхъ склонялъ меня. Какія-жъ рѣчи,
Коли не любъ!.. Во гнѣвѣ за упорство,
Тогда ко мнѣ, что звѣрь, онъ прянулъ. Въ мигъ
Косой своей я шею обмотала
И тутъ-же задушилась-бы.—Отшелъ.
Не нынче—завтра онъ меня загубитъ.

Юрій *(садясь)*.

Все это правда?

Кума.

Правда. Богъ свидѣтель.
Какая же вина на мнѣ предъ вами?
Что князю полюбилась—лихо мнѣ.
И ты съ княгиней—слезно бью челомъ, *(бросается на колѣни)*
Отриньте отъ меня бѣду! Чтобъ князь
Лихія мысли выкинулъ изъ сердца,
Не мучилъ бы меня и не срамилъ.
Въ тебѣ-жъ ищу защиты... *(Схватываетъ его руку и покрываетъ поцѣлуями)*.
Ту-же руку,
Что гибель мнѣ несла, цѣлую слезно—
Спаси меня!

Юрій *(отнимая руку)*.

Не надо... Перестань...
Отцу бы такъ вестись не подобало...
И матушкѣ не легче оттого...

Кума.

А кто ея смутилъ навѣтомъ душу?—
Мамыровъ, ненавистникъ лютый мой.
Меня чтобы сгубить, дерзнулъ онъ подло
Княгиню и тебя ввести во гнѣвъ.
Мамырова ты знаешь хорошо.
Людей биралъ нерѣдко подъ защиту
Отъ подлаго насильника дьяка.
И всѣ къ тебѣ за это льнутъ душою,
У всѣхъ высоко въ мысляхъ ты стоишь.
Въ тебѣ одномъ лишь правда говорятъ
И милость, и любовь, нашъ соколъ ясный!..
А вотъ... кинжалъ твой, княжичъ... *(Подаетъ кинжалъ).*

Юрій *(смутился).*

Въ укоризну,
Хваленому его даешь ты въ руки...
(Беретъ кинжалъ и неловко вкладываетъ его въ ножны на поясъ).
Хоть изъ ноженъ при словѣ о засадѣ
Я выхватилъ его...

Кума *(садится рядомъ, задушевно).*

Забыла все я
И все простила, княжичъ... А вина
Все-жъ есть на мнѣ... хоть только предъ тобою...
Не студная, а есть...

Юрій.

Вина?—Какая?

Кума.

А видишь-ли... Ужъ какъ и молвить?.. Стыдно...
Тебѣ ни вѣсть чего наговорили,
Что я стыда не знаю, что лукава;
А я робѣю... слово съ устъ нейдетъ...
Куда глаза дѣвать, не знаю. Правда
Не на устахъ оно, то слово — въ сердцѣ...
Въ душѣ оно со страхомъ притаилось... *(Любовно)*.
Сказать?

Юрій.

Не знаю...

Кума.

Душу не скуешь
И сердцу не закажешь... Не гнѣвись... *(Взяла его руку)*.
Вотъ видишь... я... *(страстно)*.
Да что тутъ запинаться!
Вездѣ, вездѣ я, соколъ ясный мой,
Украдкою слѣдила за тобой.
Изъ-за угла, за тыномъ притаясь,
Сдержавъ дыханье, глазъ не отводя,
И руки сжавъ на трепетной груди,
Тобою любовалась...

Юрій *(прерываетъ, вставая)*.

Мнѣ пора...

Кума *(удерживая его)*.

Постой! Вѣдь я съ тобой считаюсь, княжичъ...
Ты ненависть въ лицо мнѣ бросилъ, я-же
Обидчику любовью отвѣчаю;

Булатомъ сердце клялся разорвать,
А сердце то полно однимъ тобою.
Ужель нельзя за это хоть немного
Побыть со мной, коль такъ прошу я? Сядь!
А хвалятъ всѣ тебя за доброту!..

Юрій *(съ волненіемъ).*

Къ чему о добротѣ тутъ!..

Кума.

Сядь-же, сядь!

Юрій *(садится, послѣ легкаго колебанія).*

Что дѣла не развѣдавъ, сгоряча,
Безмѣрному предался гнѣву я
И близокъ былъ свершить злодѣйство—каюсь...
Напредъ во мнѣ найдешь ты оборону...
И... въ радость мнѣ забота эта будетъ...

Кума.

А это какъ?.. Мою ты душу вынулъ.
Ее своей заботой не минуешь?
Отъ горя, отъ тоски оборонишь?

Юрій.

Опять ты рѣчи вздорныя заводишь!..

Кума *(припадая къ нему).*

Не «вздорныя» онѣ, желанный мой,
Коль я затѣмъ, чтобъ свидѣться съ тобой,
На край могилы стать не побоялась!..

Юрій *(въ сторону).*

Хмѣлѣешь безъ вина!.. *(Къ ней, вставая).*
Прощай! Пора...

Кума.

До свѣта далеко... Не уходи!

Юрій *(въ сильномъ волненіи).*

Не время мнѣ. Прощай! *(Пошелъ къ двери).*

Кума *(глухимъ, упавшимъ голосомъ).*

А, такъ?—Ступай!

Юрій

(обернулся и участливо смотритъ на нее. Кума сидитъ блѣдная, неподвижная, мрачно устремивъ взоръ въ одну точку. Пауза).

Недоброе на умъ взяла ты, вижу...

Кума.

На совѣсть не падетъ тебѣ. Не бойся!
Коль сгибну я—своимъ хотѣньемъ сгибну!

Юрій.

Зачѣмъ ты про погибель?! Перестань!

Кума *(съ горечью).*

Ужель снести другую мнѣ обиду,
Обиду горше прежней?!

Юрій.

Чѣмъ-же я?..

Кума.

Обидѣлъ чѣмъ?.. (*Пылко*). Да лучше задохнуться,
Чѣмъ душу распахнуть себѣ въ позоръ!
Вѣдь смерти не сробѣть—не шутка, княжичъ!
За то потомъ сдержаться силъ не стало
И я тебѣ во всемъ открылась сердцемъ.
Зачѣмъ? Что-бъ ты... что-бъ клясть себя за это?
Что-бъ стыдъ и горе сердце истерзали?
Да лучше-бъ грудь мою ты искололъ,
Чѣмъ... Эхъ, да что тутъ молвить!.. Уходи.
Не честь тебѣ съ Кумою оставаться.
Прощай! Живи счастливо. Богъ съ тобой!

Юрій.

Какъ въ омутѣ, черно въ твоихъ очахъ
И горькая усмѣшка на устахъ...

Кума (*перебивая*).

Не мучь! Вѣдь тяжко быть съ тобою, княжичъ!

Юрій.

Мнѣ скорбно видѣть...

Кума (*опять перебивая*).

Жалостью смягчилось
Твое къ безумной сердце, вижу я.
Не нужно мнѣ ее, не нужно! Слышишь?
Подачкою живутъ лишь песъ, да нищій...
(*Съ трудомъ сдерживая рыданія*).
А я хоть и ничто передъ тобой,
Но дорого мнѣ. въ сердцѣ что таила...

Что въ грезахъ сладкихъ... въ думахъ о тебѣ,
Я радостно взлелѣяла въ душѣ...
Что яснымъ солнцемъ, княжичъ, мнѣ свѣтило. *(Горько зарыдала).*

Юрій *(садясь рядомъ).*

Ну, полно!.. перестань, моя голубка!..
Лишь жалость здѣсь меня-бъ не удержала...

Кума

(встрепенулась и въ нетерпѣніи схватила его за руку).

А что-жъ еще?.. Скажи мнѣ, не томи!

Юрій.

Когда, какъ вешній снѣгъ отъ солнца таетъ,
Мой гнѣвъ прошелъ отъ ласковыхъ рѣчей...

Кума.

Ну, молви-жъ, милый! сердце на слуху...

Юрій.

И душу охватила мнѣ любовь,
Какъ вихрь налетный...

Кума *(въ восторгѣ).*

Ахъ!.. съ ума сойду!..

Юрій.

Тогда уйти я ринулся скорѣе,
Что-бъ... чаръ твоихъ, колдунья, убѣжать...

Кума *(жарко обнимая его).*

Мой свѣтъ! желанный!

Юрій *(сжимая ее въ объятіяхъ).*

Правду говорили:
Призариста волшебница-Кума!

Смѣла, что къ небу, въ высь полетъ орлиный,
Что пѣсня соловьиная—нѣжна...
И съ нею все, себя и всѣхъ забудешь!

Кума

(смѣется и плачетъ и страстно цѣлуетъ его).

Голубчикъ мой!.. Теперь хоть умереть,
Въ твои любуясь ласковыя очи...
У ногъ твоихъ, цѣлуя ихъ слѣды...
Ты—жизнь моя, мой свѣтъ!.. желанный, милый!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Намѣстничій садъ. Справа его огораживаетъ частоколъ, идущій въ глубину сцены. Между нимъ и правой кулисою—дорога. Въ частоколѣ калитка. За садомъ видны главы церкви.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юрій *(сидитъ на скамьѣ).*

Все къ ней и къ ней стремятся мысли.
Что лѣсъ порою вешней пташекъ пѣньемъ,
Веселыхъ звуковъ грудь моя полна
И мощно въ ней любовью бьется сердце...
И слышу я восторженныя рѣчи
И шепотъ страстный, нѣги смѣхъ... И рдѣютъ
Горячихъ устъ лобзанья на лицѣ...
Что ты, моя голубка?—Омрачаетъ
Чело твое заботливая дума,
Иль радостью оно озарено?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Юрій *и* **Журанъ** *(въ волненіи, входитъ изъ глубины сцены).*

Журанъ.

Ну, вотъ ты, княжичъ, гдѣ! Искалъ, искалъ!..

Юрій.

Ты словно съ перепугу.

Журанъ.

Тамъ у насъ
Сумятица такая поднялась!..
Шушукаютъ-стрекочутъ, какъ сороки...

Юрій.

Случилось что?

Журанъ.

Да сплетню разнесли,
Что поздно ты вернулся отъ Кумы...

Юрій *(вставая).*

Узнали? А-а!.. Смѣются, говорятъ!..
Молва, что тѣнь, за нами по пятамъ...

Журанъ.

Паисій небывальщину пустилъ,
Смердящій песъ, залётная ворона!
Кому и чѣмъ онъ только угодилъ,
Что взашей вонъ досѐлѣ не прогнали?
Въ окно, вишь, онъ поглядывалъ за вами...
Ну, съ пьяну и мерищилось ему...

Юрій.

Онъ правду молвилъ.

Журанъ.

Какъ?! То правда, княжичъ?!

Юрій.

Себя не помня въ гнѣвѣ, оскорбленный,
Я съ умысломъ лихимъ туда пошелъ...
Я мнилъ въ Кумѣ лукавую злодѣйку:
Но взглядъ ея, лишь взглядъ одинъ. и я...

Журанъ *(насмѣшливо)*.

Ты гнѣвъ смѣнилъ на милость?

Юрій.

Все: укоръ,
Насмѣшка, и отвага и любовь,
Безумная любовь въ томъ взорѣ были.
Онъ все сказалъ, онъ мнѣ ударилъ въ сердце.

Журанъ.

На комъ прорухи, княжичъ, не бываетъ!
А свѣдаетъ твой батюшка про это...

Юрій.

Кого ты вспомнилъ! На душу еще
Мнѣ новое ложится камнемъ бремя. *(Послѣ краткой задумчивости, съ живостью).*
Отецъ! Онъ ей грозитъ... Надъ нею онъ,
Что коршунъ хищный, вьется надъ голубкой...
Но я ее коснуться не дозволю
Насильственной рукѣ...

Журанъ *(прерывая)*.

Что порохъ ты.

Инъ кровь кипитъ доселѣ? Успокойся!
Вишь «коршунъ» тамъ... Да кто ихъ разберетъ?
А ты ужъ бабѣ сразу и повѣрилъ?
Онѣ вѣдь вёртки. Молодъ. княжичъ, ты.
Тебѣ одно, а къ князю та-жъ Кума
Сама быть можетъ ластится...

Юрій.

(гнѣвно схватываетъ его за горло).

Молчи!! *(Отпустилъ).*
Прости мнѣ, Ваня... *(Отошелъ въ смущеніи).*

Журанъ.

Молвлю не во гнѣвъ,
Отъ сердца, княжичъ: брось ты это дѣло,
Тебѣ невмѣстно вѣдаться съ Кумой.
Напрасно отъ меня ты утаилъ,
Когда въ пылу замыслилъ съ ней расправу.
Бѣду я эту вѣрно-бъ отвратилъ.
Когда про все княгинѣ разсказали,
Ее, какъ снопъ, свалило...

Юрій *(хватается за голову).*

Позабыть
Тебя, тебя, родимая!.. *(Удрученный опускается на скамью).*
Ступай,
Оставь меня, Иванъ... *(Журанъ уходитъ въ глубину сцены).*
Что ей скажу?
Любовь моя ей станетъ за позоръ...
Нанесъ я рану новую твоей
Истерзанной душѣ, моя родная!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Юрій *и* **Мамыровъ** (*входитъ слѣва*).

Мамыровъ.

Пресвѣтлый нашъ женихъ! *(Низко кланяется).*
Въ уединеньи
Чай думать все изволишь о невѣстѣ?
О суженомъ же въ мысляхъ и она,
Голубка непорочная. Вы оба,
Въ сердечномъ ликованіи, пріять
Готовитесь пресвѣтлые вѣнцы... *(Юрій быстро уходитъ въ глубину сцены).*
Въ законъ вступить какъ разъ тебѣ пристало!
Утѣшилъ парень! важно! Ха, ха, ха!
Отецъ спасибо скажетъ. Удружилъ!
«Мамырова не даромъ ненавидятъ,
Мамыровъ плутъ, насильникъ, лиходѣй!»
Ахъ, ты молокососъ, мальчишка дерзкій!
А князь-то, князь! Теперь онъ у меня,
Что звѣрь, взреветъ! Разлапушку отбили!
Сынокъ родной... Чудесно, ха, ха, ха!..
Скажу не вдругъ. На медленномъ огнѣ
Томить тебя, прихвостникъ бабій, стану.
Плясать не довелось-бы и тебѣ
Не хуже скомороха.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мамыровъ *и* **Ненила** *(входитъ слѣва).*

Мамыровъ.

Что княгиня?

Ненила.

О-охъ бѣда! Насилу отходили.

Мамыровъ.

Злодѣйку разказнилъ сынокъ чудесно!

Ненила.

Нё вѣрится, чтобъ свѣтикъ ясный мой...

Мамыровъ.

Не вѣрится тебѣ! До бѣла—свѣта
Развѣдывался съ нею соколъ твой.

Ненила.

Прельщеніемъ бѣсовскимъ...

Мамыровъ.

Все-жъ поганство.
А нищаго къ княгинѣ привели
Какого тамъ?

Ненила.

А такъ... Убогій. Знаетъ—
Княгинѣ доложили—про Кудьму...

Мамыровъ.

Кудьма?! Колдунъ?!

Ненила *(про себя)*.

Обмолвилась, ахти!

Мамыровъ.

Продавши душу черту, дѣлъ лихихъ
Не мало онъ отравой натворилъ,
Да козиями бѣсовскими, проклятый!
Приспѣло, видно, матушкѣ-княгинѣ
Развѣдывать про всякихъ колдуновъ.
Слезами гнѣвъ ея не выйдетъ, нѣтъ!
Не спроста дѣло!

Ненила.

Ты бы не болталъ!

Мамыровъ.

Че-го?! Тебѣ-ль учить меня? Ворона! *(Уходитъ въ калитку).*

Ненила.

Охъ-охъ! Какое лихо приключилось,
Голубчикъ мой болѣзный, надъ тобой!
Гдѣ-жъ сердцемъ молодецкимъ утерпѣть,
Коль баба льнетъ въ прельщеніи лукавомъ!..
А вотъ что сдѣлать. Камень есть «безуй».
Родится у оленя въ сердцѣ, или
Въ змѣиной желчи, люди говорятъ.
Отъ порчи, приворотовъ, злыхъ людей
Большая въ немъ цѣлительная сила.
Я княжичу въ питьѣ его и дамъ,
Да «сириндархъ-херусъ» травы *) подбавлю,
Скорешенько онъ вѣдьму позабудетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Ненила *и* **Паисій** *(входитъ изъ глубины сада, боязливо озираясь по сторонамъ).*

Ненила. Тебѣ чего?

Паисій. Претерпѣлъ!.. Поношеніе, поруганіе... о-охъ! *(Схватился за спину).*

Ненила *(съ злорадствомъ).* Влетѣло?!

Паисій. Зѣло преобидѣли!.. Челядь буйственная, Ванька Журанъ... Люты зубы на мя изострили... и... о-о-хъ! *(Хватается за бока).* Въ княжемъ пиру похмѣлье пріялъ!

*) Трава эта оберегала честь того, кто употреблялъ ее, или носилъ при себѣ.

Ненила. По дѣломъ псу, не лай!..

Паисій. Безъ разсужденія не твори осужденія, мать. Не на кривдѣ послушествовалъ. За что же? Тяжко рекущему правду, за то сосудъ избранъ будетъ и внидетъ въ райскій вертоградъ.

Ненила. Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ. Здѣсь что вынюхиваешь?

Паисій. Княгиню узрѣти хощу. Сіяніемъ очесъ ея врачеванія уязвленной души жажду. Да помажутся елеемъ милостивыхъ словесъ изъ благоуханныхъ устъ ея мнози раны мои.

Ненила. Знаю, чего требуется тебѣ. Ступай-ка, ступай!

Паисій. Праведнымъ стяжаніемъ жити подобаетъ всякому человѣку.

Ненила. Праведнымъ!.. Я вотъ княжича позову.

Паисій. Ни-ни-ни!

Ненила. Онъ те воздастъ мзду по своему! Здѣсь онъ, въ саду видѣла. *(Озирается, чтобы позвать. Паисій, подобравъ фалды, стремительно убѣгаетъ).* Ахъ, прополземь, спасенная душа! Вездѣ свой носъ суетъ, вездѣ пострѣлъ поспѣлъ! Хоть лупку задали—спасибо!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ненила *и* **княгиня** *(входитъ слѣва, въ глубокой задумчивости).*

Ненила *(устремляется къ ней).*

Княгинюшка, на умъ мнѣ что пришло:
«Безуй» есть камень...

Княгиня.

Ахъ, поди ты прочь! *(Ненила уходитъ).*
И сынъ въ объятьяхъ мерзкихъ чародѣйки...

Послѣдній лучъ въ душѣ моей померкъ.
Широкъ размахъ, зачерпнуто глубоко!
Съ неслыханнымъ безстыдствомъ, эта тварь
Жену и мать обворовала, жизнь
Пограбила мою!.. Пришелъ чередъ
И мнѣ воздать за добрыя дѣла.
Скорѣе зелья мнѣ! Такого зелья,
Чтобы кипящимъ оловомъ прошло
Оно по жиламъ, до костей прожгло-бы,
Чтобъ бѣло-тѣло въ мукахъ почернѣло
И лопнули-бъ лукавые глаза!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Княгиня *и* **Юрій** *(входитъ изъ глубины. Увидавъ мать, смутился. Она направляется влѣво, бросивъ на сына взглядъ гордаго негодованія).*

Юрій *(быстро подходя къ ней).*

Матушка!

Княгиня *(останавливая его жестомъ).*

Порадовалъ. Спасибо!
Ты добрую, въ хвалу себѣ и въ честь,
Мнѣ службу сослужилъ. Одно вмѣстить
Я въ мысляхъ не могу: какъ межъ собой
Добро съ отцомъ подѣлите вы это?

Юрій *(вспыхнулъ).*

Кори меня... но дай и правду молвить!
За батюшку, что противъ ты Кумы
Доселѣ держишь въ сердцѣ—небылица
И лиха предъ тобою нѣтъ на ней...

Княгиня *(съ усмѣшкою).*

Ужели?!

Юрій.

Вѣрь мнѣ, матушка: напрасно
Ее корять во многомъ...

Княгиня.

Вотъ ты какъ
Мнѣ каешься въ позорѣ!

Юрій.

Не гнѣвись...

Княгиня *(прерываетъ)*.

Ты въ очи мнѣ дерзаешь заступаться
За эту тварь?! Въ гульбѣ распутной съ нею,
Въ тебѣ изрядно совѣсть потускнѣла.
Коль оба скоморохами съ отцемъ
Предъ гадиною этой вы вертитесь;
Коль Божій гнѣвъ и стыдъ вамъ нипочемъ,
То мнѣ-то душу вашъ позоръ измучилъ.
Я плакала, но слезы всѣ изсякли;
Молилась—въ сердцѣ больше нѣтъ молитвъ.

(Ударяя себя въ грудь).

И выболѣло все тутъ, все разбито!
За то въ себѣ я силу ощущаю
Не женскую. Я съ корнемъ вырву зло,
Въ семьѣ моей засѣвшее глубоко.
Ни жалости во мнѣ ужъ нѣтъ, ни страха.
Рука моя не дрогнетъ, какъ твоя,
Когда, спасая честь мою, ты продалъ
Ее, за поцѣлуй распутной бабы! *(Быстро уходитъ влѣво).*

Юрій.

Къ рѣчамъ моимъ и слухъ не преклонили!..
Лишь гнѣвъ слѣпой, да *ей* за то угроза,
Что стала мнѣ, на зло всему—мила,

Что душу отдала мнѣ беззавѣтно...
Но мнѣ-ль роптать на матушку? Не я ли
Жестокую обиду ей нанесъ?—
Прости меня, винюсь тебѣ, родная,
Но сердцемъ покориться не могу.
Къ тебѣ-ль любовь, иль та любовь, другая,
Во мнѣ теперь сильнѣе говоритъ;
Куда пойду и что мнѣ предстоитъ,—
Подавленной душой не угадаю...
Трепещетъ мысль въ горящей головѣ
И тяжко мнѣ... Одно лишь твердо знаю,
Что мщенію во власть и злому ляху,
Покамѣстъ живъ, я Настю не отдамъ!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Юрій, Князь *и* **Мамыровъ** (*входитъ справа по улицѣ*).

Князь (*отворяя калитку*).

Такъ видѣли доподлинно? Изрядно!
Ступай, Мамыровъ. (*Входитъ въ садъ, Мамыровъ уходитъ*).

Юрій (*про себя*).

Батюшка!.. Не въ мочь
Его мнѣ видѣть! (*Пошелъ влѣво*).

Князь.

Стой! Что заяцъ ты
Въ кусты запрядалъ, трусъ? Вернись, пожалуй!

Юрій (*подходя съ достоинствомъ*).

Ты знаешь самъ: я въ робкихъ не бывалъ.

Князь.

Еще-бъ, ха-ха! Вишь, съ бабой воевалъ.

Ея веретена не побоялся! *(Злобно)*
Вездѣ горазде соваться, гдѣ не надо!
За смердовъ, за людишекъ, дерзновенно
Въ дѣла правленья ввязываться смѣешь!.. *(Грозно).*
Гдѣ былъ ночесь? Держи отвѣтъ! Откоѣ
На утрей отыскался?..

Юрій.

Не скажу.

Князь *(сжавъ его руку).*

Нѣтъ, скажешь ты!

Юрій.

Молю, не заставляй!
Невмѣстны между нами эти рѣчи...

Князь *(мрачно).*

Здѣсь многое невмѣстно... *(Съ усмѣшкой).*
Ну, повѣдай,
Какъ молодца лукавствомъ провели...

Юрій *(съ живостью).*

Лукавствомъ, молвишь ты?!

Князь.

А чѣмъ-же бабѣ
Ретиваго болвана укротить,
Коль къ горлу, не шутя, съ ножемъ онъ лѣзеть?
Заступникъ тоже! Жалко, я не зналъ!
Бѣду отвесть чѣмъ бабѣ маломощной?
А онъ-то мнилъ... Гляди, какой орелъ!..

Юрій.

Другое что въ словахъ твоихъ, а правды
Не слышу я.

Князь.

И впрямь вѣдь одурѣлъ!
Когда вскипаетъ кровь, мутится разумъ...
(Съ ненавистью, тихо).
Такъ какъ же, какъ?.. Ласкала, миловала?
Рукою бѣлой къ груди прижимала? *(Сразу возвышая голосъ до крика).*
Иль глазъ поднять не смѣешь?!

Юрій *(горячо).*

Я-бъ не смѣлъ
Въ лицо тебѣ взглянуть и палъ-бы въ прахъ
Предъ гнѣвомъ отъ... *родительскаго* сердца.
Сыновнюю онъ душу освѣжаетъ,
Какъ тяжкій воздухъ туча грозовая.
Но тотъ ли гнѣвъ въ тебѣ? Не за *себя* ли
Ты сердцемъ распалился? Ты и ей
Грозилъ не тѣмъ ли гнѣвомъ, ей, Настасьѣ,
За то, что не сдалась тебѣ?

Князь *(въ бѣшенствѣ).*

Щенокъ!!
Ногой я пну тебя съ своей дороги
И кубаремъ ты съ визгомъ отлетишь!

Юрій.

Съ *твоей дороги?!* Сердце каменѣетъ...

Князь *(овладѣвая собой).*

Какую рѣчь дерзаетъ мнѣ держать?!

Юрій.

Мрачится умъ... Я все позабываю...
Что ты отецъ по роду мнѣ и что...

Князь.

Напомню я! И съ ней, что смѣлъ во мнѣ
Отца забыть родного ты, что дурь
Въ тебя она такую напустила,
Что ею ты ославленъ передъ всѣми,—
И съ ней за все расправа учинится.

Юрій.

Насильственной рукой, пока я живъ,
Никто ея коснуться не посмѣетъ!
Никто обиды ей не учинитъ! *(Князь, скрестивъ руки, устремилъ на сына взглядъ, полный ненависти. Юрій отвѣчаетъ смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ. Пауза)*

Князь *(упавшимъ голосомъ, съ хрипотою)*.

Пока ты живъ!.. Не знаю, кто сдержать
Мою осилитъ руку... кто меня
Мирволить вамъ заставитъ... верхъ забрать
Кто сможетъ надо мной! За то одно,
Коль ты, забывъ невѣсту, мой приказъ,
Опять къ Кумѣ посмѣешь показаться,
Иль станешь съ ней ссылаться какъ-нибудь,
Я въ прахъ сотру ее! Запомни крѣпко.
А чтобъ тебя отъ зла оборонить
И въ разумъ привести,— ускоримъ свадьбу...
Въ законъ тебѣ вступить приспѣло время.

Юрій.

Какая свадьба?! Свадьбѣ не бывать!

Князь.

Я былью покажу тебѣ — какая.
И все, что учинить я разсужу,
Исполнишь ты безропотно и свято.
(Тяжелыми шагами пошелъ въ глубину сцены. Остановился и полуобернулся на сына. Про себя).
Теперь къ Кумѣ. Го-луб-чи-ки!! *(Поспѣшно уходитъ).*

Юрій.

Измучилъ!.. *(Садится).*
Какъ онъ грозилъ, лукавилъ, издѣвался,
Какъ сердце мнѣ старался замутить!..
Но лютый гнѣвъ, что буря, прорывался
И всю его неправду выдавалъ.
Ревнивому навѣту я не вѣрю.
Въ душѣ ея, какъ ширь полей, свободной
И ясной, что небесная лазурь,
Не свить гнѣзда лукавству и обману. *(Задумался и быстро встаетъ).*
А если, въ гнѣвѣ яростномъ, отецъ
Отсюда устремился къ ней? — За нимъ!
За нимъ скорѣй, не медля ни минуты!
(Идетъ къ калиткѣ, въ которую входитъ Журанъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Юрій *и* **Журанъ.**

Журанъ.

Куда, куда спѣшишь ты, княжичъ?

Юрій.

Къ ней!

Журанъ (*загораживая собою калитку*).

Ну, такъ и зналъ! Останься. Не годится.

Юрій.

Поди ты прочь! Съ другими за одно
И ты, я вижу. Прочь!
(*Схватилъ его за плечи, чтобы оттолкнуть отъ калитки*).

Журанъ.

Сперва послушай.
(*Понижая голосъ*).
Отъ князя нынче тайный данъ приказъ:
Убить Куму, коль свидишься ты съ нею.
Предателей Мамыровъ ужъ послалъ
И зорко люди тѣ стеречь васъ будутъ...

Юрій.

Ужели?! Лиходѣи! Гдѣ отецъ?

Журанъ.

Коня ему сѣдлаютъ.

Юрій.

А! И мнѣ,
И мнѣ коня! Скорѣй, Иванъ, скорѣе!
Во власть отца Настасью я не дамъ!

Журанъ.

Какъ, оба къ ней?! Опамятуйся, княжичъ!
Помилуй Богъ сойтись вамъ у Кумы!

Юрій.

Да, врядъ-ли разойдемся. Будь, что будетъ! (*Пошелъ къ калиткѣ*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Заѣзжая изба Кумы. Налѣво дверь въ сѣни, направо два окна. Въ лѣвомъ углу, близъ двери, печь устьемъ къ публикѣ. По задней и по правой стѣнамъ лавки; у лѣвой, по сю сторону двери, скамья. Справа, къ авансценѣ, столъ и другая скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кума и Поля (*входитъ*).

Кума (*бросается къ ней*).

Насилу ты пришла! Ждала весь день.
Измучилась! Разсказывай скорѣе,
Что княжичъ мой, нейдетъ зачѣмъ доселѣ?
Въ дворѣ княжомъ что вызнала? Все, все!

Поля.

Про князя все, какъ было, я узнала,
Съ чего ему хвороба приключилась...

Кума.

Отъ гнѣва, слышно?..

Поля.

Да. Не въ мѣру, вишь,
На сына за тебя онъ распалился.
А что тогда межъ ними учинилось—
Никто не знаетъ. Тучи князь чернѣе
Садиться на конь вышелъ. Знать, къ тебѣ

Онъ кануться хотѣлъ. И только сѣлъ,
Какъ вдругъ его шатнуло и съ коня
Онъ, съ пѣною у рта, упалъ на землю.

Кума.

А княжичъ что? Ни вѣсточки, ни слова
Ужъ сколько дней отъ свѣта моего!

Поля.

Кручиненъ онъ, примѣтно всѣмъ: скучаетъ.

Кума.

Скучаетъ!.. Обо мнѣ-ль скучаетъ онъ!..
Не въ томъ-ли, что любовью посрамили
Къ «колдуньѣ» подлой — вся его кручина?
Людской укоръ, да бабьи пересуды...
Отъ нихъ въ ретивомъ сердцѣ скислась кровь!
Иль такъ ужъ страшенъ гнѣвъ ему отцовскій?
Расшибли въ прахъ ревнивою угрозой
Въ душѣ покорной хрупкую любовь.

Поля.

Не мучь себя догадками напрасно!
Тамъ какъ ни думай, что ни говори,
А княжичу не къ радости пришло.

Кума.

Не связаны, чай, крылья у него
Сидѣть-то въ Нижнемъ. Бѣлый свѣтъ не малъ.
А мнѣ... мигни онъ только, мой желанный,
И я за нимъ хоть на смерть полечу.
Да, видно, нынѣ онъ съ другой заботой...
Предъ матерью съ поклонной головой,
Къ вѣнцу итти сряжается, пожалуй...
Охъ, эта мнѣ княгиня!..

П о л я.

Разошлось
То дѣло. Мнѣ за вѣрное сказали.
Отбылъ, вишь, Шетневъ въ вотчину съ семьей,
Да въ дальнюю куда-то. Говорятъ,
Боярышня ужъ такъ-то убивалась!

К у м а.

О, что мнѣ до нея! *(Отвернулась, нахмуривъ брови).*

П о л я.

А князь, слышь, всталъ

К у м а.

Обмогся?! всталъ?! Ну... быть бѣдѣ! Придетъ
Развѣдаться ножевою расправой.
Пускай!.. Ужели княжичу и въ мысль
Объ этомъ не приходитъ? Знаетъ все!

П о л я.

Пошлетъ Господь, гроза минуетъ, Настя.

К у м а.

А — думаешь — боюсь, боюсь я?! — Нѣтъ.
Коль всѣ мои догадки не напрасны,
Коль жизнь моя и вправду изжита,
Сама на ножъ я князю кинусь, да!
Съ разбѣга кинусь, грудью, чтобы ножъ
Вошелъ по рукоять мнѣ въ сердце!

П о л я *(всплеснула руками).*

Настя!
Берешь на умъ ты дурно. Грѣхъ какой!..

Кума.

Измучилась я, мочи нѣтъ моей!
Въ тревогѣ мѣста днемъ не нахожу
И ночью долгой очи не смыкаю.
Чуть стукнетъ гдѣ — привстанешь и замрешь,
А сердце рвется изъ гарячей груди...
Подумаешь: украдкою не онъ-ли
Ко мнѣ, голубчикъ мой? Пождешь — все тихо.
И горько, Поля, станетъ, такъ-то горько!..
Начнешь въ умѣ объ немъ перебирать,
Что молвилъ онъ, какъ нѣжилъ, какъ ласкалъ...
И вдругъ во тьмѣ почудится мнѣ шепотъ...
Дыханьемъ жаркимъ вѣетъ на лицо...
Онъ здѣсь... нагнулся... Полымемъ охватитъ,
И трепетныя въ радости безумной
Къ нему протянешь руки — никого!
Холодный мракъ густится надо мною.
И сцѣпитъ грудь, и разомъ слезы брызнутъ,
Въ рыданіяхъ въ подушки упадешь...
Да что объ этомъ!..*(Смахнула слезы)*.
Какъ меня не вспомнитъ
И какъ не повидать!.. Обидно, Поля... *(Заплакала, припавъ къ ея плечу)*.

Не разъ къ нему сбиралась я сама.
Иду! — И встрепенется все во мнѣ
И каждая то жилка говоритъ,
Стучитъ въ виски, дрожатъ и сохнутъ губы,
Торопишься — ну, словно безъ ума...

Поля.

Вотъ мучиться охота! Въ княжій дворъ
Тебя-бы все равно не допустили.

Кума.

Ну, я нашла бы какъ къ нему пробраться!
Въ игольное ушко-бы проползла!

Поля.

А князь, княгиня?.. Если-бъ увидали?..

Кума.

Не это страшно мнѣ, совсѣмъ другое.
На *что* итти? Какъ встрѣтить, чѣмъ привѣтить?
Коль я досаду, не любовь въ очахъ
Его увижу — что тогда? Помыслишь—
И то похолодѣешь вся, и такъ
Рѣзнетъ по сердцу — въ пору умереть.
Вотъ этого, *себя* боюсь я, Поля! *(Темнѣетъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, Лукашъ *съ* **Демой** *и потомъ* **Фока.**

Дема. Здорово, Кума! Погрѣться къ тебѣ! Наши рыбу ловили. Сиверко, вѣтеръ. Прозябъ.

Кума. Милости просимъ!

Лукашъ. Скажи Демѣ спасибо. Велѣлъ къ тебѣ на ледникъ осетра стащить. Ужъ это ежели зазноба къ какой заведется—разоръ! *(Демѣ).* Узнаетъ отецъ, онъ те за осетра такихъ-то отпустить ершей!..

Дема *(съ досадой).* Твоего вранья на свиньѣ не объѣдешь... Или сумерничаешь, хозяюшка? *(Входитъ Фока съ пивомъ).*

Лукашъ. Вздуть бы огня, а то Фока, лысый бѣсъ, съ мухами пивомъ напоитъ.

Фока *(вздувая у печи огонь).* За порогомъ бы тебѣ языкъ-отъ оставить, Лукашъ!

Лукашъ. А ты за меня молвить станешь? Нешто-бы, да поверхъ плѣши ума не пришьешь. Ха, ха, ха! *(Треплетъ его по головѣ. Фока отмахивается и ставитъ на столъ зажженныя свѣчи).*

Дема (*Кумѣ, садясь рядомъ*). И съ чего ты кручинишься все? Куда твое веселье дѣвалось? Бывало, что вешній жаворонокъ... Въ душу свѣтила...

Кума. Думушки прибыло, Дема. Видно, не слуга я вамъ больше.

Фока. И то, братцы! Дворъ сбирается сдать.

Лукашъ. Съ князьями дружимъ. Куда-жъ ей съ нами теперь! Познатнѣла.

Кума. Сказала-бы я словцо, да ужъ Богъ съ тобою, Лукашъ!

Лукашъ. А что сказать? Не даромъ князь Никита твои пороги обилъ. Не съ глядѣнья, чай, сытъ!

Поля (*вспыльчиво, вставая*). Да полно ужъ, полно! Крапива стрекучая, право! Ко всему-бъ прицѣпиться, да на смѣхъ поднять! И-и красуется, задира!

Лукашъ. Ишь озмѣилась! Ахъ ты...(*Обнялъ ее*).

Поля. Поди прочь! Пересмѣшникъ бабій, бахвалъ! (*Уходитъ*).

Фока. Хе, хе, хе! Наскочилъ? На, пивомъ запей! (*Протягиваетъ ему чару*). Да Бога благодари, что брата его не случилось, (*кивнувъ на Дему*) Потапа; а то-бъ и вовсе свернули голову.

Лукашъ. Давно у меня на Потапа кулаки чешутся. (*Дема и Фока засмѣялись*).

Фока (*Демѣ*). А Потапъ али не рыбачилъ съ тобою?

Дема. На Окѣ остался. Тамо-тко заночуетъ, знать.

ЯВЛЕНІЕ III.

Кума, Лукашъ, Дема, Фока, Паисій *и* **княгиня,** *переодѣтая старицей.*

Паисій (*входя*). Миръ дому сему!

Фока. Прі-я-тель! А мнѣ думалось, не на висѣлицу-ль вздернули тебя, что давно не видать.

Паисій. Твой чередъ, друже!.. Усердно здравствую хозяюшкѣ! Дозволь старичкѣ прохожей у тебя ночевать. *(Въ сѣни).* Войди, мать... не бойся, гряди!.. *(Княгиня входитъ).* Сторона ей незнамая, христолюбцевъ—знакомцевъ нѣту...

Лукашъ *(толкнувъ локтемъ Дему).* Старичку подцѣпилъ! Ха, ха, ха! Ай да Паисій! Не къ рожѣ бы тебѣ заниматься дѣлами этими. *(Направляется къ княгинѣ).* Ишь какую облюбовалъ!

Кума. Поди, не привязывайся! Садись, матушка, сюда! Баловники они. *(Усаживаетъ княгиню поодаль).*

Лукашъ. Подальше садись, не то растомитъ съ нами, ха, ха!.. Ну, Паисій!

Паисій. Помыслы твои развращены, вотъ и отверзаешь въ хулахъ уста. Блюдитесь опасно мыслей злыхъ, умъ мутящихъ. Сіе тебѣ вѣдомо? *(Садится).*

Фока. Какъ-же, пріятель, все ты въ княжомъ дворѣ, у намѣстника? Или шабашъ тѣло льготить, прогнали?

Паисій. Отъ княжой милости азъ, худый, всякими потребами удоволенъ. Государыня-княгиня маломощныхъ и скорбныхъ любовію привѣчаетъ, и за сіе доброе изволеніе, яко финикъ, процвѣтаетъ и мзду пріиметъ въ день судный. Сіяя благочестіемъ и во всякихъ добродѣтеляхъ пребывая, государыня-княгиня дражайше есть каменія многоцѣннаго...

Княгиня *(въ нетерпѣніи). Кха!*

Паисій *(измѣняя тонъ).* Такъ-то братіе!

Лукашъ. А правда, сказываютъ, княгиня твоя сына прокляла?

Паисій. Возможно-ли прелюбимое чадо клясть на погибель? Что ты? За что?

Лукашъ. Куму спроси. Она знаетъ за что, ха, ха!

Кума. Эхъ, не зачинать-бы объ этомъ, Лукашъ!

Паисій. А вѣдомо мнѣ, что лютѣ опечалена государыня-княгиня и всѣхъ радостей изовлечена. И зрѣли ее въ перси руками біющи и слезы отъ очію испущающи, яко струю сильну...

Фока. Что тамъ! Аспидъ она, какъ есть.

Кума. Рычитъ, какъ рысь, и вьется и шипитъ, что лютая змѣя...

Паисій. По что отрыгаешь ты на нее злобу толику? *(Всталъ. Съ напускнымъ негодованіемъ).* Тебѣ-ли, всякое чарованіе и бѣсовское угодіе творящей и смѣхотворенія неподобныя!..

Кума *(прерываетъ, энергично подходя къ нему).*

Не мнѣ судить княгиню?! Ну, а кто
Избыть меня замыслилъ, въ злобѣ лютой?
Что мужу опостылѣла она,
Въ томъ — видите ли — волшба виновата;
Вишь, зельемъ князя къ бабѣ остудили!
Догадлива! Видать — ума палата.
А ей-бы поразмыслить: не въ самой-ли
Въ ней зелье-то, что мужа отвратило?
(Княгиня дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе, но сдерживается и низко опускаетъ голову).
И вотъ она, замысливъ душегубство,
Убійцей сына шлетъ. Родную душу
Ей кровью запятнать — ничто! Ну, мать!
На подлое то дѣло не нашла
Холопа, иль разбойника!..

Лукашъ.

И лучше.
Холопъ съ тобою живо-бы покончилъ;
А княжичу съ чего то у Кумы
Замѣшкаться пришлось, вишь, до зари.

Паисій.

Злохитрствами бѣсовскими...

Дема (*прерывая*).

Молчи!

При немъ, Кума, напрасно о княгинѣ
И рѣчь ведешь. Онъ все перенесетъ.

Пансій.

Въ ланиту бьющу обрати другую...

Кума.

Пускай доводитъ. Развѣ испугаюсь?
Я въ робкихъ не была. А у княгини
Задоръ великъ, да мочи не хватаетъ.
И это ей отрѣжу я въ глаза.
И тѣмъ ея бы спѣси посмѣялась,
Что верхъ надъ ней вольна была забрать.
Какъ шелкъ свила-бъ, какъ воскъ ее бы смяла.
И вздумай я изъ терема княжаго
Избыть ее, постылую жену...

Княгиня (*вскочила и дѣлаетъ порывистое движенiе къ Кумѣ. Про себя*).

Проклятая!..

Кума (*обернулась къ ней*).

Что, матушка, съ тобою?

(*Княгиня со стономъ опускается на лавку*).

Ты дрожмя вся дрожишь?

Княгиня.

Недужно что-то.

Пансій (*переходя къ ней*)

Зѣло она въ дорогѣ притомилась.

Кума.

Давно сказать-бы. Мнѣ и невдомекъ.
Ну, гости, съ Богомъ! Время по дворамъ...
Неможется самой...

Дема.

И то пора!

Лукашъ (*нехотя встаетъ*).

Извѣстно — гость невольный человѣкъ.

(*Тихо разговаривая, прощается съ Кумою и уходитъ*).

Паисій (*княгинѣ, тихо*).

Гдѣ ждать велишь?

Княгиня (*тихо*).

У лодьи, за кустами.

Паисій (*громко*).

Въ пристанищѣ ты здѣсь благоутишномъ
И всѣмъ тебя хозяйка удоволитъ. (*Кумѣ*).
Привѣть и успокой ее. Простите!

(*Поклонился женщинамъ и пошелъ къ двери*).

Фока (*обнимая его*).

Пріятель, а того!.. (*Жестомъ поясняетъ выпить*).

Паисій.

Живетъ вся злая
Во пьянственномъ недугѣ. Воздержись! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кума *и* **княгиня.**

Кума.

Ну, старичка, поужинать бы тебѣ.

Да съ Богомъ на покой. Чего изволишь?
Есть шти, уха лещевая, грибы...
А то велю бѣлужинки разсольной
Принесть тебѣ?

Княгиня.

Спасибо, не хочу.
Какая ужъ ѣда!

Кума.

Ну, выпей пива.
Согрѣешься, скорѣе, мать, уснешь. *(Наливаетъ въ чару и подаетъ).*

Княгиня.

А ты со мной?

Кума.

Налью. Съ чего-то мнѣ
Грустнёхонько сегодня... Такъ-то тошно!..

(Наливаетъ чару себѣ).

Ночесь подъ утро грезился мнѣ сонъ:
По бережку ходила я крутому,
И вдругъ тотъ берегъ съ громомъ обвалился
И въ Волгу съ кручи въ омутъ я скатилась...

Княгиня.

Недобрый сонъ!

Кума.

Да видно, не къ добру. *(Задумалась).*

Княгиня.

Не вѣдая невзгоды надъ собою,
Живемъ, безстыдствомъ тѣшимся безъ мѣры,
И кажется въ кичливомъ ослѣпленьи,
Не смочь на насъ ни карѣ правосудной,
Ни злой бѣдѣ, ни лиху...

Кума.

Перестань!
Его ты, мать, мнѣ словно накликаешь!

Княгиня.

А та бѣда тихонько, бездокладно,
«Змѣею лютой» вёртко подползетъ,
И... *(Встаетъ).* Ахъ! Гляди, хозяюшка, скорѣе!
Никакъ огонь! Твой дворъ горитъ! пожаръ!

(Кума бросается къ окну, княгиня быстро вливаетъ изъ стклянки ядъ въ ея чару).

Кума *(у окна).*

Какой пожаръ? Нигдѣ огня не видно!

Княгиня.

Не видно? Знать, я крѣпко нездорова,
Мерещится что мнѣ! Не осуди
Недужную.

Кума *(подходя къ столу).*

А я-то испугалась!

Княгиня.

Инъ выпей съ перепугу. Отойдетъ. *(Пьетъ сама).*

Кума *(взявъ отравленную чару).*

Во здравіе тебѣ! *(Выпиваетъ).*
Какъ пиво крѣпко!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же *и* **Журанъ** *(въ началѣ).*

Кума.

Журанъ!... *(Бросается къ нему).*
Ужли отъ княжича?..

Журанъ.

Потише! *(Оглядѣлся).*

А это кто?

(Кивнулъ на княгиню, которая при входѣ его легла на лавку и отвернулась къ стѣнѣ).

Кума.

Прохожая. Больная.

Журанъ *(отводитъ ее и понижаетъ голосъ).*

Тебя съ лодьею на Окѣ Потапъ
Ждетъ нынче ночью...

Кума *(прерываетъ въ волненіи).*

Ждетъ? Зачѣмъ?

Журанъ.

Дослушай.

Ты наскоро въ дорогу соберешься
И въ лодью сядешь. Къ княжичу свезутъ.
Къ побѣгу все готово...

Кума *(восторженно).*

Ахъ! Голубчикъ!..

Журанъ.

Пройди, чтобъ не видалъ никто. *(Хочетъ уйти).*

Кума *(удерживая его).*

Съ чего же
Онъ самъ не приходилъ?

Журанъ.

Берегъ тебя...
Болтать теперь не время. *(Уходитъ).*

Кума.

Голова
Отъ радости мутится, грудь зажгло...
А я-то сокрушалась!.. Свѣтъ ты мой!
Онъ любитъ, ждетъ... онъ думалъ обо мнѣ!

Княгиня *(приподнимается).*

Иль вѣсточка хорошая дошла?

Кума.

Да какъ-же!.. Охъ! *(Схватилась за грудь).*
Что дѣется со мною?!

Княгиня *(встала).*

А что?

Кума.

Да больно!.. Рѣжетъ тутъ и жжетъ!..

Княгиня *(съ усмѣшкою).*

Отъ радости.

Кума.

И думала... да нѣтъ!..
О, Господи, да что-жъ со мной?! Огонь
Во мнѣ!

Княгиня.

Пожаръ-то вотъ гдѣ! Ха-ха-ха!

Кума *(отступая, въ ужасѣ).*

Кто ты?!

Княгиня *(срываетъ съ себя черный платокъ).*

Кто я?—«Постылая жена»!

Кума.

Княгиня?! Боже!..

Княгиня.

Смѣйся-жъ мнѣ, глумись!
Какъ быть прикажешь—жду въ смиренствѣ слезномъ.
Властна, вѣдь, ты въ моей, хвалилась, долѣ!

Кума.

Злодѣйка ты!.. *(Падаетъ на колѣни).*
О-охъ, мочи нѣтъ!.. Горю!

Княгиня.

Во всемъ властна: семью мою позорить,
И смраднымъ зачумлять ее распутствомъ
И душу мнѣ безчестьемъ надрывать!..

Кума *(въ мученіяхъ, падаетъ на полъ).*

О-охъ, мука!.. Сме-ерть!.. А онъ зоветъ, желанный!..

Княгиня *(накрываясь платкомъ).*

Да ходу нѣтъ тебѣ...

Кума.

Какъ ты люта!..
Охъ, тяжко!.. Охъ!..

Княгиня.

Лихой и смерть лихая!
(Пошла къ выходу. Дверь широко распахнулась, на порогѣ Княжичъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же *и* Княжичъ.

Юрій.

Какъ, матушка?! Очамъ своимъ не вѣрю!..

Отецъ, сказали, кинулся сюда...
(Кума, заслышавъ его голосъ, силится приподняться).

Княгиня.

А ты за нимъ!.. Того не доставало,
Чтобъ сынъ съ отцемъ сцѣпились здѣсь, какъ звѣри!
Прелестные соблазны сатаны
Отнынѣ васъ не будутъ вздорить...

Кума.

О-охъ! *(Въ изнеможеніи опять падаетъ на полъ).*

Юрій.

Что это?! *(Отстраняетъ мать и видитъ Настасью).*
Настя!! *(Бросается къ ней).*
Кума *(собравъ послѣднія силы, простираетъ къ нему руки).*
Княжичъ мой!.. Голубчикъ!..

Юрій.

Но что съ тобой?!

Кума *(указывая на княгиню).*

Злодѣйка извела!..
(Умираетъ. Юрій опускаетъ трупъ и, не поднимаясь, мрачно глядитъ на мать).

Юрій.

А-а!.. Подлинно: жестокое злодѣйство!

Княгиня.

Господь моей десницей покаралъ

Прелестницу бѣсовскую достойно.
Когда отъ чаръ душею просвѣтлѣешь,
Ты самъ поймешь, мой сынъ, какимъ позоромъ
Она покрыла насъ; въ какомъ грѣхѣ
Тебя съ отцемъ, безстыжая, связала...

Юрій.

Ее ты лживишь! Нѣтъ на ней укора.
Невинна предъ тобой она была.
Отца она отвергла, хоть за это
Грозилъ онъ смертью ей. А я любилъ!..
Въ свой гордынѣ лютой, насъ обоихъ,
Обоихъ погубила ты!
(Зарыдалъ, припавъ къ трупу. Княгиня идетъ къ нему. Онъ быстро встаетъ и останавливаетъ ее жестомъ).
Поди!
Тебя твое-же вытравило зелье
Изъ сердца моего. И душегубство
Тебя отнынѣ мракомъ облекло...
И ужасомъ мнѣ душу наполняетъ
Твой видъ одинъ...

Княгиня

(въ отчаяніи старается схватиться за него).
Что молвишь?! Юрій! Юрій!!

Юрій *(энергично отстраняетъ ее).*

Оставь! Изъ рукъ, убійствомъ оскверненныхъ,
Какъ нѣтъ благословенья, нѣтъ и ласкъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же *и* **Князь.**

Князь *(Юрію).*

Ты... *здѣсь?! (Увидавъ трупъ).*

А это... это что?! *(Подходитъ къ нему).*
Мертва?!
(Замѣтивъ княгиню, медленно и грозно направляется къ ней).

Юрій *(заслоняетъ мать).*

Коль свижусь съ нею я, ты самъ велѣлъ
Убить ее нещадно. И убили...

Князь.

Ой, такъ ли?! *(Схватываетъ княгиню за руку).*
Ты зачѣмъ сюда попала?
Твоя работа? *(Указываетъ на трупъ).*

Юрій *(становясь между ними).*

Я сказалъ ужъ...

Князь *(прерываетъ).*

Прочь! *(Княгинѣ).*
Такъ вотъ зачѣмъ шепталась съ колдунами
И зелье у Кудьмы ты добыла!

Юрій.

Пойдемъ отсюда, матушка!..

Князь *(удерживая княгиню).*

Ни съ мѣста! *(Сыну).*
Я воленъ надъ тобою. Берегись!

Княгиня.

Уйди, мой сынъ! *(Рѣшительно).*
Да, я ее сгубила,
Я зельемъ извела.

Князь.

Сильна отрава! *(Звѣрски).*
Но зелье, у тебя что пѣной черной,
Въ твоей груди клубится, я... прролью).
(Выхватываетъ поясной ножъ).

Юрій *(моментально заслоняетъ собою мать).*

Опомнись! стой!! *(Схватываетъ его за руку).*

Князь *(вырываетъ руку).*

И тутъ мѣшать?! Щенокъ!!
(Ударяетъ его ножемъ. Княгиня вскрикиваетъ. Юрій падаетъ мертвый. Мать съ глухимъ стономъ склоняется на его трупъ, безъ чувствъ. Глубокая пауза. Князь точно ошеломленъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же *и* **Мамыровъ** *(пошелъ и отшатнулся, въ ужасѣ).*

Мамыровъ.

Святая сила съ нами!.. Что ты сдѣлалъ?!
Убилъ ты сына?!

Князь.

Кто убилъ?! кого?! *(Дико посмотрѣлъ на Мамырова и на трупы).*
Ужасный видъ!!. ужасное дѣянье!!. *(Содрогнулся и закрылъ лицо руками. Княгиня со стономъ замоталась надъ сыномъ).*

Мамыровъ.

Спѣшилъ я упредить... Идетъ молва,

Что ты Куму зарѣзалъ. Разъяренный
Со всѣхъ концевъ валитъ сюда народъ.

(За сценой отдаленный гулъ толпы).

Бѣги скорѣй! Толпа ужъ близко. Слышишь?

(Княгиня, приходя въ сознаніе, силится вникнуть въ то, что говоритъ Мамыровъ).

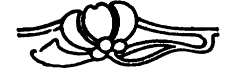
Князь.

Ничто теперь меня не устрашитъ.
Въ крови сыновней, мѣста нѣтъ злодѣю!
Одинъ мнѣ путь—къ Царю, коль тутъ не сгибну:
Вину сложить и голову на плаху,
А духъ предать въ Господни руци. *(Быстро уходитъ).*

Княгиня *(ринулась за нимъ, съ простертыми руками).*
Князь!..

(За сценой взрывъ голосовъ разъяренной толпы. Княгиня падаетъ на руки Мамырова).

Занавѣсъ.

ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стран.	43	*строка*	7	сн.	О приданной	О приданой
„	43	„	1	сн.	Напрасны рѣчи	Напрасныя рѣчи
„	45	„	2	сн.	Велѣлъ твори	Велѣлъ и твори
„	46	„	3	св.	(Выпыли)	(Выпили)
„	47	„	8	св.	ты пристаешь	ты пристанешь
„	68	„	15	св.	не затащиваться	не загащиваться
„	71	„	16	сн.	мецъ!	медъ!
„	127	„	15	сн.	Помолчавъ,	Помолчалъ,
„	159	„	16	св.	Прошла	Пошла
„	168	„	7	св.	прокатися	прокатится
„	215	„	9	сн.	налитой	налитый
„	234	„	10	сн.	заниматься	занимался
„	250	„	15	св.	ими	имъ
„	261	„	2	св.	входитъ	входятъ
„	311	„	8	св.	удальцо	удальцовъ
„	316	„	14	сн.	теб	тебя
„	331	„	3	св.	послужитъ	послужить
„	342	„	8	сн.	покамѣсть	покамѣстъ,
„	353	„	4	св.	Не знаешъ!	Не знаетъ!
„	381	„	13	св.	Колъ	Коль
„	387	„	7	св.	оттолкпуть	оттолкнуть

Драматическія сочиненія того же автора:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Содержаніе: **Маіорша**, др.
Легкія средства, сц.
Кручина, др.
Фофанъ, ком.
Прахомъ пошло! др.
Приступомъ, сц.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Содержаніе: **Княгиня Курагина**, др.
Шпіоны, ком.
Темная сила, др.
Грѣхъ попуталъ, др.
Двѣ судьбы, пьеса.
Предѣлъ, др.
Лучъ, сц.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Содержаніе: **Княжна Тараканова**, др.
Все для себя, ком.
Сфинксъ, др.
Рука руку моетъ, ком.

Цѣна каждаго тома 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к.

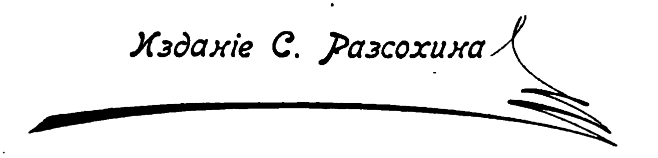
Типогр. и цинкогр. Торг. Дома „МЫСЛЬ", Москва, Петровка.

И. В. Шпажинскій.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Томъ 3-й.

Изданіе С. Разсохина

И. В. Шпажинскій.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Томъ третій.

3

Изданіе *С. Разсохина*

МОСКВА.—1900.

Типо-Лит. Д. А. Бончъ-Бруевича, Красносельская ул.,

КНЯГИНЯ КУРАГИНА.

ДРАМА ИЗЪ ЖИЗНИ

ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ XVIII ВѢКА,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующіе:

Князь Курагинъ, среднихъ лѣтъ.

Княгиня Наталья Петровна, жена его, молодая женщина.

Князь Трубчевскій, сатирикъ, дядя ея.

Графъ Сергѣй Степановичъ Аравчинъ, флигель-адъютантъ, лѣтъ двадцати восьми.

Марья Степановна Малыгина, вдова генералъ-аншефа, сестра графа, пожилая.

Княжна Екатерина Ивановна Пронская, молодая дѣвушка.

Князь Иванъ Михайловичъ Бѣлоруковъ, молодой человѣкъ.

Александра Ивановна Шеншина, молодая барыня.

Анна Абрамовна Рокотова, старая барыня.

Дочь
Племянница } Рокотовой.

Мавра Егоровна Улыбышева, барская барыня.

Грушенька (Аграфена Семеновна) ея дочь, молодая дѣвушка.

Исавъ Лаврентьевичъ Елеонскій, законникъ.

Матрешка, дура Курагинская.

Калмыченокъ.

Татьяна, крѣпостная дѣвка князя Трубчевскаго.

Игнатъ, старый слуга
Марковна, старуха } князя Трубчевскаго.

Камеристка
Лакей
Парфишка
Садовникъ } Курагинскіе.

Первыя четыре дѣйствія происходятъ въ Москвѣ, послѣднее—въ деревнѣ.

Дѣйствіе первое.

Одна изъ пріемныхъ комнатъ въ домѣ Аракчина. Штофныя шпалеры, штучные полы. Мебель золоченая, обита шпалернымъ пестрымъ ковромъ, на манеръ гобеленовскихъ издѣлій. Люстра съ хрусталями. Канделябры. Столы съ мраморными досками. На стѣнахъ картины. Направо дверь во внутреннія комнаты, прямо большая дверь, растворенная настежь. Въ нее видна смежная, проходная комната, съ соотвѣтствующею обстановкою.

ЯВЛЕНІЕ I.

Малыгина и князь Бѣлоруковъ.

Малыгина. Ну что, князь, готово у васъ?

Бѣлоруковъ. Готово, готово. Сейчасъ сдѣлали еще репетицію. Превосходно!

Малыгина. А что будутъ играть?

Бѣлоруковъ. „La soirée à la mode“. Ржевская обольстительна! У нихъ въ театрѣ мы играли эту-же пьесу. Вы знаете, Марья Степановна, какъ я люблю театральную забаву. Я вездѣ, гдѣ устраиваются спектакли, и могу сказать безъ хвастовства, что дѣла не порчу. У Шереметева, у Орлова, Бутурлина, Пушкиныхъ, Юсуповыхъ, словомъ, гдѣ бы ни играли, я вездѣ приглашаемъ...

Малыгина. И прекрасно играете.

Бѣлоруковъ (*поклонился*). Знаете-ли, Стрекаловъ,*) увидя меня въ труппѣ принцессы Барятинской, сказалъ: „жаль, что вы князь, а то-бы я далъ вамъ 4000 жалованья и принялъ-бы ко двору“. Да. А Ржевская хороша божественно!.. Я написалъ для нея куплеты. И какъ она ихъ поетъ!..

Малыгина. Вы волочитесь за Ржевскою, какъ за всѣми хорошенькими женщинами.

Бѣлоруковъ. Каюсь! Человѣкъ такъ ужъ созданъ, что

---

*) Сенаторъ Стрекаловъ при Екатеринѣ II управлялъ придворными увеселеніями.

без обольщенія чувствъ нѣтъ ему счастья. Откровенно признаться, я и стихи пишу не по иному побужденію, какъ чтобы нравиться женскому полу.

Малыгина. Ха-ха-ха! Это прелестно!

Бѣлоруковъ. Да, да..Во всей вселенной, я ничѣмъ, кромѣ него, не плѣнялся. Вы сами плѣняли сердца, вы—блестящая красавица Двора покойной Императрицы. Вамъ должно быть понятно, сколь сладко мужчинѣ восхищаться совершенствами прекраснаго пола.

Малыгина. Какую старину вспомнили вы! A notre âge on na plus de sèxe.

Бѣлоруковъ. Ахъ, кстати! Скажите пожалуйста... Сколько разъ собирался спросить... Братъ вашъ, котораго вы такъ нѣжно любите, вѣдь онъ крестникъ покойной Императрицы Елизаветы Петровны?

Малыгина. Да.

Бѣлоруковъ. И, кажется, былъ пожалованъ въ колыбели какимъ-то чиномъ?

Малыгина. Капитана.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и графъ Аракчинъ.

Бѣлоруковъ. А вотъ и онъ!.. (*пожимаетъ ему руку*). капитанъ отъ купели! Но знаете-ли, вѣдь и я полковникъ. Какъ-же! Будучи мальчикомъ, я получилъ отъ Польскаго короля Станислава патентъ на чинъ полковника. Но—увы!—это къ фортунѣ моей ровно ничего не прибавило... (*Увидалъ въ смежной комнатѣ двухъ проходящихъ дамъ и устремляется за ними*).

Малыгина. Отчего ты разстроенъ, голубчикъ? Не случилось-ли чего непріятнаго?

Аракчинъ (*нехотя*). Д-да... Впрочемъ, ничего особеннаго.

Малыгина. Хоть бы пріѣхала княгиня Курагина! Она навѣрное развесели-ла бы тебя.

Аракчинъ. Она не пріѣдетъ.

Малыгина. Отчего? Она такъ часто бываетъ у насъ... А сегодня театръ.

Аракчинъ. Не пріѣдетъ.

Милыгина. Ты сталъ не откровененъ, Serge. Это очень меня огорчаетъ. Что же касается княгини, она, конечно, не изъ тѣхъ женщинъ, за которыми волочатся съ успѣхомъ.

Аракчинъ. Я думаю! Я восхищался, видя, съ какимъ гордымъ презрѣніемъ она отвергала всѣхъ, кто осмѣливался строить ей куры.

Малыгина. Княгиня достойная женщина; но не слишкомъ-ли ты восхищаешься ею!

Аракчинъ. Не твои-ли слова, что нѣтъ женщины, столь одаренной совершенствами ума, красоты, сердца, какъ княгиня? Ее, бѣдную сироту, отдали замужъ дѣвочкой, за человѣка, который безобразіями превзошелъ всѣхъ. Не ты-ли сама удивлялась терпѣнію и достоинству, съ какимъ она сноситъ свое несчастіе?

Малыгина. Все это такъ. Но я опасаюсь, чтобы твое увлеченіе не зашло дальше, чѣмъ должно.

Аракчинъ. Успокойся! мои чувства не нужны княгинѣ. *(Уходитъ въ боковую дверь).*

Малыгина. Если-бъ такъ, она не допустила-бы выразить ихъ. Ахъ, женское нѣтъ—не отказъ!.. Жалко, что я не знаю невѣсты, достойной брата и способной отвлечь его отъ пристрастія ко княгинѣ! (*Идетъ въ смежную комнату привѣтствовать Рокотову съ дочерью и племянницей, которыя входятъ въ переднюю комнату. Малыгина остается встрѣтить Шеншину*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Рокотова,*) дочь ея и племянница, затѣмъ Малыгина съ Шеншиной.

Рокотова (*входя*). Ну, милыя, у меня не вольничать здѣсь! Другіе вамъ не примѣръ. (*Дѣвицы садятся справа, Рокотова слѣва. Входятъ Малыгина съ Шеншиной*

---

*) Костюмъ Рокотовой: тюлевый чепецъ, съ широкимъ рюшемъ и высокою тульей. Платье капотомъ, съ поясомъ и маленькимъ шлейфомъ. Башмаки на красныхъ каблукахъ (les talons rouges). На вискахъ мелкія букли (boucle en grappes de raisin).

тихо разговаривая между собою. Шеншина садится рядомъ съ дѣвицами, Малыгина возлѣ Рокотовой).

Рокотова (*Малыгиной*). Слышала новость? Наденьку Селецкую просватали за Челищева.

Малыгина. Что-жъ, слава Богу.

Рокотова. Такъ и мнѣ разсуждается. А родня недовольна. Бѣденъ, говорятъ. Онъ командуетъ карабинернымъ полкомъ; а это вотчины стоитъ. Потомъ—нехорошъ. По моему, ежели отъ мужчины не шарахается лошадь, значитъ хорошъ. Еще корятъ — не уменъ. Не изувѣръ— правда. У насъ въ модѣ французскія бредни и подлыя понятія на счетъ божественнаго. Кто не таковъ—тотъ и глупъ. Охъ, ужъ мнѣ эти умники! А сама Наденька какова? Послушала-бъ ты, что „мадама" ея разсказываетъ! про Наденьку, да и про маменьку ея, что рядится, какъ щеголиха съ Ордынки. Не при дѣвицахъ говорить! Анночка, о чемъ вы тамъ шепчетесь съ Александрой Ивановной?

Шеншина. Разсказываю, какія новости видѣла во „французскихъ лавкахъ" *).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ-же и Бѣлоруковъ (*быстро входитъ*)

Бѣлоруковъ (*увидавъ Шеншину, устремляется къ ней, съ низкимъ поклономъ*). Какъ я счастливъ, сударыня, видѣть васъ! (*Къ ней и дѣвицамъ*). Mesdames, позвольте просить васъ въ боскетную. Мы тамъ фанты устраиваемъ.

(*Дѣвицы встаютъ*).

Рокотова. Молодой человѣкъ, поди-ка сюда!

Бѣлоруковъ (*подходя съ поклономъ*). Что вамъ угодно?

Рокотова. Входишь ты, сударь, видишь старуха сидитъ и хоть-бы головой ей кивнулъ! Не отвалилась-бы, чай, голова-то! Плохо воспитанъ, государь мой, если къ старшимъ почтенія не имѣешь. (*Встаетъ въ раздраженіи и уходитъ, съ своими дѣвицами, черезъ заднюю комнату вправо*).

---

*) Такъ назывался теперешній Кузнецкій мостъ.

Бѣлоруковъ (*развелъ руками*). Вотъ-те и разъ!

(*Малыгина и Шеншина разсмѣялись*).

Малыгина. Впередъ старайтесь не проглядѣть ее въ обществѣ.

Бѣлоруковъ. Удивляюсь, почему эта старуха забрала власть командовать! Не знатна, не чиновна, даже не богата, а требуетъ, чтобы всѣ отмѣнно эстимовали ее!

Малыгина. Да. И всѣ боятся ее.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Малыгина, Шеншина, князь Бѣлоруковъ и слуга.

Слуга. Князь Трубчевскій. (*Уходитъ*).

Шеншина. Дядя княгини Курагиной?

Малыгина. Да. Вотъ неожиданность! Такой рѣдкій гость!.. (*Уходитъ влѣво встрѣтить Трубчевскаго. Шеншина пошла къ двери*).

Бѣлоруковъ (*понизивъ голосъ, съ умоляющими жестами*). На пару словъ! Вы столь плѣнили мое воображеніе, что я готовъ забыть все, чтобъ увидѣть васъ. Вы...

Шеншина (*прерывая*). Идутъ. (*Уходитъ*).

Бѣлоруковъ. Спросите меня, въ которую я больше влюбленъ: въ нее, или въ Ржевскую—ей-ей не знаю! Намедни у Пушкиныхъ въ контрдансѣ, она мнѣ сказала... Гмъ! Нынче-же устрою такъ, чтобы добиться свиданія. (*Уходитъ. Въ задней комнатѣ видны Малыгина, князь Трубчевскій и графъ Аракчинъ. Князь почтительно поцѣловалъ руку Малыгиной и входитъ съ Аракчинымъ въ переднюю комнату. Малыгина встрѣчаетъ другихъ гостей и съ ними уходитъ вправо*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Князь Трубчевскій и графъ Аракчинъ.

Трубчевскій. А вы, государь мой, я слышалъ, опять сбирались въ чужіе края? Что?

Аракчинъ. Собирался, но отложилъ намѣреніе.

Трубчевскій. Вы частенько изволите ѣздить въ „этранже“, какъ говоритъ одинъ мой знакомый.

Аракчинъ. Ѣзжу отдыхать, князь.

Трубчевскій. Наши порядки не понутру вамъ? Что? Но, кажется, вы не изволите принадлежать къ числу московскихъ „фрондеровъ", глава коихъ опальный Панинъ?

Аракчинъ. Боже избави! Я имѣю счастье быть флигель-адъютантомъ и благоговѣю предъ особою Монархини. Но атмосфера нашего общества... Вотъ что гонитъ провѣтриться по Европѣ.

Трубчевскій. Такъ. государь мой, я васъ понимаю. Вмѣстѣ съ изяществомъ образованности, проявленіе варварства поистинѣ дикаго.

Аракчинъ. Искательство, лукавство, зависть, лесть... Таковъ духъ даже общества избраннаго!

Трубчевскій (*съ усмѣшкою*). Лукавство у насъ называется мудростью, а пронырство — государственнымъ достоинствомъ. Что? Однако, на сей разъ вы отложили намѣреніе „провѣтриться по Европѣ". Что-же васъ удержало? Не дѣла-ли сердечныя, къ коимъ столь склонны у насъ, что трудно найти женщину, непобѣдимую соблазнами любви, и мужчину, который не старался бы сокрушить ея добродѣтель. Что?

Аракчинъ (*принужденно*). Ха-ха! Вотъ сужденіе!

Трубчевскій. Чѣмъ объясните вы это, государь мой, любострастіе нашего времени?

Аракчинъ. Чѣмъ!.. Праздностью, дурными примѣрами... (*Смѣясь*). Вольтеръ, которому вы поклоняетесь, такъ-же не мало содѣйствовалъ этому.

Трубчевскій. Вольтеръ!.. Простите, государь мой, но Ферней—это Мекка философіи нашего времени, въ которую ѣздятъ на поклоненіе великіе умы. Вольтеръ—украшеніе вѣка, государь мой. Что? Вы справедливо изволили сказать, что я почитатель его. Больше: въ чувствахъ я его выученикъ. Ему я обязанъ той философіей, которая одна содѣлываетъ насъ счастливыми, очищая отъ предразсудковъ. А Дидеротъ сказалъ, что невѣжество не столь далеко отъ истины, какъ предразсудки.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ-же и Малыгина (*изъ боковой двери*).

Малыгина. Я всегда рада, когда братъ удостаивается вашей бесѣды. Для молодого человѣка, что можетъ быть лестнѣй и полезнѣй вниманія вашего!

Трубчевскій (*вставая*). Вы относитесь ко мнѣ съ отличной благосклонностію, Марья Степановна. Въ свою очередь скажу, что знакомство въ вашемъ домѣ есть лучшій аттестатъ для всякаго.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣ-же. Слуга и княгиня Курагина.

Слуга. Княгиня Курагина. (*Уходитъ*).

Аракчинъ (*тихо и радостно*). Ахъ! (*Спѣшитъ навстрѣчу*).

Малыгина (*выразительно взглянувъ на брата при докладѣ слуги, идетъ къ двери и встрѣчаетъ княгиню*). Какъ я рада!.. А Serge огорчилъ меня, сказавъ, что вы не пріѣдете...

Княгиня. Графъ?! Дядюшка, здравствуйте! (*Подходитъ къ нему*).

Трубчевскій. Здравствуй племянниинька (*цѣлуетъ ее въ голову*), здравствуй!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣ-же и князь Бѣлоруковъ.

Бѣлоруковъ (*въ попыхахъ*). Марья Степановна... (*Увидавъ Курагину*). Ахъ, княгиня! (*Подбѣгаетъ и цѣлуетъ ея руку*). Вотъ хорошо, что пріѣхали! Не будь васъ въ театрѣ, я-бы вдвое хуже сыгралъ свою роль. (*Почтительно кланяется Трубчевскому*).

Трубчевскій (*Малыгиной, указывая на Бѣлорукова*). Милъ, какъ всегда.

Малыгина. О, князь—душа общества! (*Бѣлоруковъ кланяется ей*).

Трубчевскій (*трепля Бѣлорукова по плечу*). Вы, молодой человѣкъ, можете сказать словами Вольтера: „Tout

art a mon hommage et tout plaisir m'enflamme". (*Уходитъ, посмѣиваясь и нюхая табакъ*).

Бѣлоруковъ. Марья Степановна, я шелъ за тѣмъ, чтобы попросить васъ въ театръ. Нужно распорядиться...

Малыгина. Извините, княгиня! (*Уходитъ въ сопровожденіи Бѣлорукова, который что-то горячо объясняетъ ей*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Графъ Аракчинъ и княгиня Курагина.

Графъ. Я въ восторгѣ, что вижу васъ! Радость, которую я не смѣлъ ожидать!

Княгиня. Мнѣ нужно переговорить съ вашей сестрой... Вотъ причина... (*Насмѣшливо*). Не примите моего пріѣзда за... за уступку...

Графъ. Что за мысли, княгиня! Вы раздражены. Я вижу это въ вашемъ взорѣ...

Княгиня. Самоувѣренность свойственна тѣмъ, которые привыкли побѣждать сердца!

Графъ. За что вы надо-мною смѣетесь? Можно-ли сравнивать мои чувства къ вамъ съ прежними увлеченіями, легкомысленными, вздорными?!

Княгиня. Если-бъ виновницы этихъ увлеченій слышали васъ! Каждая изъ нихъ въ свою очередь была единственной, несравненной. Увы, вы повторяетесь, графъ!

Графъ. Я слишкомъ васъ уважаю, что-бъ говорить фразы, княгиня. Вы это знаете. Вы очень хорошо видите, какъ я люблю васъ. Вы понимаете, что это чувство серьезное, глубокое. Къ чему же насмѣшки? Простите, но о серьезномъ надо и говорить серьезно.

Княгиня. Если припомните, было рѣшено вовсе не говорить объ этомъ.

Графъ. Да, лучше не говорить. Пускай я недостоинъ благосклонности вашей. Лучше не говорить. Я буду знать, что мнѣ дѣлать и круто измѣню свое положеніе...

Княгиня. Это что значитъ?

Графъ. Позвольте мнѣ досказать. Любовь къ вамъ сдѣлала меня другимъ человѣкомъ. Все, чѣмъ я жилъ,

увлекался, стало мелко въ моихъ глазахъ. Благодаря вамъ, я чувствую въ себѣ достоинство, которому оскорбительно легкое отношеніе къ моей любви. Она для меня—святыня.

Княгиня. Я обидѣла васъ? Простите. Право, я этого не хотѣла... Вымѣщать на другихъ недовольство собою —очень дурная черта...

Графъ. Недовольство собой! (*Порывисто*). За что, княгиня, за что?

Княгиня (*идя въ глубину комнаты*). Кажется, дядя идетъ сюда.

Графъ (*понизивъ голосъ*). Княгиня, умоляю васъ!.. когда начнется спектакль, умоляю подарить мнѣ нѣсколько минутъ!.. Сегодняшній вечеръ рѣшаетъ все для меня. Позвольте васъ ожидать здѣсь!.. (*Въ смежной комнатѣ князь Трубчевскій. Громко).* И такъ, княгиня, я буду имѣть честь танцовать съ вами польскій.

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣ же и князь Трубчевскій.

Трубчевскій. Молодежь веселится, а старикамъ за карты пора. Прощайте, графъ.

Графъ. Развѣ вы не удостоите присутствовать на нашемъ спектаклѣ?

Трубчевскій. Въ другой разъ, любезный графъ. А теперь прошу извинить. Слово далъ. Ждутъ въ клобѣ. Прощай, племянниинька! Радъ, что вижу тебя веселой. Мнѣ говорили, будто за послѣднее время ты стала не узнаваема. Пріятно увѣриться, что тебѣ не грозятъ нервическіе припадки отъ меланхоліи. Прощай! (*Поцѣловалъ ее въ лобъ и уходитъ, въ сопровожденіи графа Аракчина*).

Княгиня. Я теряю власть надъ собою... Сегодня рѣшительно не хотѣла ѣхать сюда. Нарочно придумала занятія на цѣлый вечеръ. И вдругъ стала одѣваться... и съ такимъ нетерпѣніемъ, что мнѣ не успѣвали подавать что нужно!.. Ничто бы не удержало меня!.. Всю дорогу я волновалась. Подъѣзжая, едва не велѣла ку-

черу повернуть назадъ; а войдя, взбѣжала на лѣстницу и узнай я, что *его* нѣтъ дома—тутъ-же бы разрыдалась.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Княгиня Курагина и Малыгина.

Малыгина. Княгиня, вы однѣ?

Княгиня. Сейчасъ простилась съ дядюшкой.

Малыгина. Какъ жалко, что я не могла упросить его остаться! Но и краткое посѣщеніе князя—честь для насъ.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Тѣ-же, князь Бѣлоруковъ, *въ сопровожденіи шумной и смѣющейся толпы дѣвицъ и молодыхъ людей,* **Шеншина,** *у которой ваза съ фантами, и потомъ* **Рокотова.**

Бѣлоруковъ. Я къ вамъ съ жалобой, Марья Степановна. Вы хозяйка. Водворите порядокъ и попросите вашихъ гостей уважать правило игры. (*Въ толпѣ смѣхъ. Изъ боковой двери входитъ Рокотова*).

Малыгина. Въ чемъ дѣло?

Бѣлоруковъ. Помилуйте! На выручку своего фанта, мнѣ досталось быть исповѣдникомъ. Сажусь, накрываюсь платкомъ и жду. Никто не идетъ. Вызываю по именамъ—никого.

Шеншина. Развѣ можно у него исповѣдываться! (*Отдѣльные возгласы другихъ дѣвицъ „не хотимъ", „ни за что", „не нужно исповѣдника!"*)

Бѣлоруковъ. Изволите слышать? (*Къ Курагиной*). Цѣлый бунтъ!

Княгиня. Да, князь Иванъ Михайловичъ, вы въ исповѣдники не годитесь.

Бѣлоруковъ. И вы противъ меня!

Рокотова. Что за исповѣди! Вздоръ и кощунство. Менуэтъ.

Бѣлоруковъ (*выразительно вздохнулъ. Шеншиной тихо беря у нея вазу*). Нравится вамъ?

Рокотова (*Бѣлорукову*). Фанты у тебя? Ну, выбирай сударь, умѣлыхъ. А то лбами стукаться станутъ, либ

дружка дружкѣ хвосты оборвутъ. Лучше дай-ка вазу сюда. (*Беретъ у Бѣлорукова вазу и вынимаетъ фантъ*). Чье кольцо?

Дочь Рокотовой. Мое, маменька.

Рокотова (*вынимая другой фантъ*). А этотъ браслетъ чей?

Племянница Рокотовой. Мой, тетенька.

Рокотова. Фу, пропасть, все свои попадаются! (*Бѣлорукову*). На-ка, сударь, выбирай кавалеровъ.

Бѣлоруковъ (*взявъ вазу, вынимаетъ фантъ*). Кажется, вашъ, графъ? (*Отдаетъ платокъ одному изъ молодыхъ людей*). Господинъ сержантъ, ваша перчатка. (*Отдаетъ ее. Пары становятся*).

Княгиня. А безъ фантовъ танцовать можно? Князь, давайте нарушимъ порядокъ.

Бѣлоруковъ. Съ удовольствіемъ! Я только это и дѣлаю.

Рокотова (*строго*). Справедливо, государь мой. (*Въ толпѣ смѣхъ*).

Бѣлоруковъ (*въ публику*). Милая женщина! (*Курагиной*). Что-же вы, княгиня? Уходите?

Княгиня. Провинимся въ другой разъ. (*Уходитъ*).

Бѣлоруковъ. Какая досада! (*Даетъ знакъ музыкантамъ въ смежную комнату. Оркестръ заигралъ менуэтъ. Къ избраннымъ парамъ присоединяются желающіе изъ гостей, подъ руководствомъ Бѣлорукова. Танцы. Не танцующіе размѣстились по сторонамъ и перекидываются веселыми замѣчаніями*).

Рокотова (*по окончаніи танцевъ, своимъ барышнямъ*). Изрядно. Не даромъ я за васъ Іогелю *) деньги платила.

Бѣлоруковъ (*взявъ вазу*). Здѣсь еще цѣлыхъ шесть фантовъ, а главное—я не исполнилъ своего. Поэтому mesdames, прошу васъ слѣдовать за мною. Долженъ-же я, какъ исповѣдникъ, отпустить ваши грѣхи...

Рокотова. Ты за поцѣлуй всѣ грѣхи отпустишь. Нѣтъ, сударь мой, пустяки. Идите въ жмурки играть, а я на

*) Іогель—лучшій въ то время танцмейстеръ въ Москвѣ.

вас поглажу. (*Уходитъ, въ сопровожденіи своихъ барышенъ*).

Малыгина (*смѣясь, Бѣлорукову*). Все вамъ неудачи сегодня!

Бѣлоруковъ. Помилуйте, изъ рукъ вонъ! (*Спрятавъ одинъ изъ фантовъ, ставитъ вазу на столъ. Нѣкоторые изъ гостей разбираютъ свои фанты и уходятъ за Малыгиной*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Князь Бѣлоруковъ и Шеншина.

Шеншина (*подойдя къ вазѣ*). Гдѣ-же мой фантъ! Я видѣла, князь, что вы что-то взяли изъ вазы и спрятали. Признавайтесь, у васъ?

Бѣлоруковъ. У меня. Но безъ выкупа не отдамъ. Вы лишили меня наслажденія исповѣдывать васъ...

Шеншина. Полно, отдайте!

Бѣлоруковъ. Я уже сказалъ: выкупъ.

Шеншина. Мало-ли что вы придумаете... и что себѣ позволяете! Напримѣръ, шлете мнѣ эпистолу написанную стихами...

Бѣлоруковъ. Слабое выраженіе чувствъ моихъ той, которая исполнена обольстительныхъ прелестей. (*Нѣжно беретъ и цѣлуетъ ея руку*).

Шеншина. Вы преслѣдуете меня и у меня-же на глазахъ строите куры другимъ.

Бѣлоруковъ. Это лишь хитрость. Я помню, что мужъ вашъ ревнивъ. Но въ сердцѣ своемъ я васъ поставилъ кумиромъ и васъ одну! Ахъ, Александра Ивановна, если-бъ между нами открылась взаимная симпатія чувствъ! (*Опять цѣлуетъ ея руки*).

Шеншина. Оставьте! Мужъ меня хватится и станетъ искать.

Бѣлоруковъ. Свиданіе, умоляю—свиданіе!

Шеншина. Если мужъ уѣдетъ отсюда въ клобъ, можете проводить меня въ моей карѣтѣ домой. (*Поспѣшно уходитъ*).

Бѣлоруковъ. Но сегодня я провожаю въ каретѣ Ржевскую! Какая досада!,. Съ которой-же изъ двухъ я поѣду?

ЯВЛЕНІЕ 15.

Князь Бѣлоруковъ и графъ Аракчинъ.

Аракчинъ. Я ищу тебя, Бѣлоруковъ. Пора начинать спектакль.

Бѣлоруковъ. У насъ все готово. Послушай, какіе стихи я сочинилъ Ржевской... Впрочемъ, они могутъ попасть и не къ ней... Слушай:

О ты—изящность естества!
Съ тобой вкушаешь райскихъ дней блаженство.
Въ чертахъ прелестнаго лица
Зрю міра совершенство...

Аракчинъ (*прерывая*). Въ другой разъ, милый мой. Начинайте скорѣй и пожалуйста попроси сестру, чтобы всѣхъ пригласили въ театральную залу.

Бѣлоруковъ. Ты не уважаешь моей музы. Прощаю. (*Уходя*). Съ которой-же изъ двухъ я поѣду?

Аракчинъ (*молча прошелся въ волненіи*). Боже, какъ она хороша!.. Дивная гармонія совершенства!.. Какимъ-то обаяніемъ охватываетъ при ней... и озаряетъ оно всю душу... и весь ты въ одномъ чувствѣ, какъ очарованный!..

ЯВЛЕНІЕ 16.

Графъ Аракчинъ, княгиня Курагина и одинъ изъ гостей (*идутъ черезъ заднюю комнату*).

Одинъ изъ гостей. Я прикажу подать вашу карету.

Княгиня. Пожалуйста!

Аракчинъ. Я это сдѣлаю. А васъ попрошу сказать князю Бѣлорукову, чтобы онъ приказалъ играть увертюру. Будьте любезны!

Одинъ изъ гостей. Съ удовольствіемъ, графъ. (*Поклонился и уходитъ обратно*).

ЯВЛЕНІЕ 17.

Графъ Аракчинъ и княгиня Курагина.

Графъ. Куда-же вы, княгиня?

Княгиня. Домой. Мнѣ нездоровится.

Графъ. Ради Бога!.. Вы устали. Отдохните немного здѣсь. (*Входятъ въ переднюю комнату*).

Княгиня. Я съ утра чувствую себя дурно. Не надо было выѣзжать. Не удерживайте меня...

Графъ. Не надолго, княгиня. Если-бъ не столь важныя причины, я не смѣлъ бы умолять васъ остаться. Сядьте, прошу васъ! (*Подаетъ ей кресло. Издали долетаютъ звуки увертюры*). Княгиня, судьба моя въ вашихъ рукахъ. Отвергнутый вами, я брошу службу, все, уѣду куда-нибудь въ вотчину... Здѣсь я не могу оставаться.

Княгиня. Что?!. Этого не должно быть. Я не хочу, чтобъ вы губили свою карьеру.

Графъ. Не хотите? Но служба, карьера... Безъ васъ, это—пустой звукъ. Вы—моя жизнь, въ васъ одной мое счастіе!

Княгиня. Я не могу его дать... Я не свободная женщина.

Графъ. Въ этомъ все горе. О, если-бъ вы были свободны!..

Княгиня. То, что вы называете счастьемъ, принеслобы столько тяжелаго, столько испытаній!..

Графъ. Истинная любовь не боится никакихъ испытаній. Она вознаграждаетъ за все. (*Страстно цѣлуетъ ея руки*).

Княгиня. Перестаньте! (*Встаетъ*). Вы проводите меня внизъ и пойдете къ гостямъ.

Графъ (*съ упрекомъ*). Княгиня!.. И это вашъ отвѣтъ? Я не могу оторваться отъ васъ, не могу! (*Беретъ ея руки и осыпаетъ ихъ поцѣлуями*).

Княгиня (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Боже мой! (*Отходитъ*).

Графъ. Вы не любите меня?

Княгиня (*подавляя волненіе*). Я берегу не столько себя, сколько васъ... Вы закрываете глаза на то, что насъ ожидаетъ. Свѣтъ все видитъ, все знаетъ и неумолимъ... Оставляйте службу, уѣзжайте. Моей вины въ этомъ нѣтъ. Но быть причиной вашихъ огорченій, можетъ быть несчастій—я не хочу...

Графъ. Такъ вотъ что заботитъ васъ! (*Подходя*). Милая, дорогая!..

Княгиня (*останавливая его жестомъ*). Я не все сказала... Дослушайте...

Графъ. Нѣтъ! что можно сказать еще?! (*Привлекаетъ ее къ себѣ*). Съ вами, для васъ чего я ни вынесу, Боже мой!

Княгиня (*на секунду забылась въ его объятіяхъ, но очнувшись, вырывается, не давъ себя поцѣловать*). Оставьте меня!.. Не хорошо, графъ! (*Садится, очень взволнованная и закрываетъ руками лицо*).

Графъ (*сталъ передъ ней на колѣни. Тихо и страстно, не сводя съ нея восторженнаго взгляда*). Радость моя!.. ненаглядная!.. Думать объ васъ, вспоминать каждое ваше слово, улыбку, взоръ—ужь одно это блаженство. (*Овладѣваетъ ея руками. Княгиня сидитъ потупившись*). Довѣрьтесь моей любви, возьмите ее, возьмите всю мою жизнь!.. (*Княгиня подняла на него глаза, полные любви и тихо склоняется къ нему. Губы ихъ сливаются въ поцѣлуй*).

(*З а н а в ѣ с ъ*).

Дѣйствіе второе.

Залъ, съ панелями. Стѣны и потолокъ затянуты холстомъ. На стѣнахъ клеевою краскою нарисованы охотничьи сцены. Мебель пальмовая, обитая кожей, съ золотыми гвоздиками. Направо дверь въ корридоръ, въ задней стѣнѣ двѣ двери: въ лакейскую и кабинетъ. Налѣво окна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лакей и Матрешка (*она сидитъ у окна, разряженная по-дурацки. На головѣ токъ съ перьями и цвѣтами, платье декольте. Шея загорѣлая. Густо нарумянена*).

Лакей. Что ты, дура, у окна-то разсѣлась! Ишь распустилась! Чучело!

Матрешка. Не мѣшай. Я ручкой дѣлаю. (*Посылаетъ въ окно воздушные поцѣлуи*). Вонъ какой милашка офицерикъ идетъ! (*Въ окно*). Монъ-шеръ, а монъ-шеръ! (*Опять дѣлаетъ ручкой нѣсколько разъ*). Бонъ-журъ, монъ-шеръ! Ха-ха-ха! (*Глядитъ въ окно и кривляется*).

Лакей (*подходя*). Говорятъ, пошла прочь! Срамница ты этакая!..

Матрешка (*вскакиваетъ*). А, ты такъ-то! (*Начинаетъ его щипать. Онъ увертывается, отмахивается. Она, бѣгая вокругъ него, со смѣхомъ продолжаетъ свое*).

Лакей. Ахъ, окаянная!.. Отвяжись, пропасти на тебя нѣту!.. Отвяжись, говорю!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и **Улыбышева** (*изъ корридора*).

Улыбышева. Что еще! Матрешка! Цыцъ!

Матрешка. Ха-ха-ха!

Улыбышева (*топнувъ ногою*). Ну!! (*Слугѣ*). Отобрать у нея табакерку!

Матрешка. Прости, машеръ! не буду, ей Богу, не буду! (*Отходитъ и садится на полъ на свою подушку*).

Улыбышева. То-то! А то понюшки у меня не увидишь.

Матрешка (*дѣлаетъ покорную гримасу и съ наслажденіемъ нюхаетъ табакъ*). Набивай носъ табачкомъ—въ головѣ моль не заведется. А у тебя завелась...

Улыбышева (*погрозилась на нее. Лакею*). А князь неужто не выходилъ еще?

Лакей. Нѣтъ еще. Заспаться изволили.

Улыбышева (*про себя*). Послѣ вчерашней попойки, одурѣлъ, чай. (*Въ кабинетѣ троекратно ударяютъ въ ладоши*). Вонъ зоветъ! (*Лакей опрометью бросается въ кабинетъ*).

Матрешка (*заставивши себя стуломъ*). Тю-тю! Ма-шеръ, отыщи гдѣ я. Тю-тю!

Улыбышева. Ну, ну, уймись!

Матрешка. А твоя дочка красавица... чуть-чуть не пригожѣй меня... Ты зачѣмъ ее выписала, машеръ? (*Нараспѣвъ*). Я кня-ги-нѣ ска-жу, я кня-ги-нѣ ска-жу!

Улыбышева. Цыцъ, дура! (*Раскладываетъ карты*).

Матрешка. А нашъ князь вахлакъ. Княгиня умная, а онъ дуракъ. И дочка твоя умная, а онъ дуракъ. Машеръ, что я хотѣла у тебя спросить... Давно они такъ?

Улыбышева. Какъ?

Матрешка. У князя своя половина, свои порядки: ты, ма-шеръ, дура Матрешка, да калмыченокъ; а у княгини своя половина, свои порядки, дуръ нѣтъ и дураковъ туда не пускаютъ. Давно?

Улыбышева. Давно.

Матрешка. Такъ ему прогнать бы княгиню, князю-то, а самому бы на мнѣ жениться.

Улыбышева. Ахъ ты, дурафья! Ну, надоѣла. Пошла вонъ!

Матрешка. Коли я дурафья—и дочка твоя дурафья.

Улыбышева. Что, что-о?!

Матрешка. Потому — одно у насъ въ головѣ: хотимъ изъ воронъ въ павы попасть. Да не къ рожѣ рогожа, не къ лицу епанча, ха-ха ха!

Улыбышева (*встаетъ*). Слушай, дура! Ужъ дождешься ты отъ меня!..

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ-же, князь Курагинъ (*въ шлафрокѣ и туфляхъ*) *въ сопровожденіи Калмыченка* (*въ національномъ костюмѣ*).

Улыбышева. Батюшка, ваше сіятельство!.. (*Подбѣгаетъ и цѣлуетъ у князя руку*). Съ добрымъ утромъ-съ!

Матрешка (*вскочила, хлопнула въ ладоши, подбоченилась и приплясывая запѣваетъ*).

„По улицѣ мостовой
Шла дѣвица за водой“...

Князь. Ха-ха! Спозаранокъ запѣла, какъ-бы кошка не съѣла!

Матрешка (*продолжаетъ*).

„За холодной ключевой,
За колодезной водой“...

Князь. На мѣсто! (*Дура садится на свою подушку. Улыбышевой*) Обѣдъ заказанъ? (*Ложится на диванъ*).

Улыбышева. Заказанъ, ваше сіятельство.

Князь. А что?

Улыбышева. На холодное буженина...

Князь. Чесночкомъ прошпиговать хорошенько!

Улыбышева. Слушаю-съ. Раковый супъ съ слоенымъ паштетомъ...

Князь. Еще вели батвинью... Свѣже-просольной осетринки, да балычка Уральскаго, да раковыхъ шеекъ побольше.

Калмыченокъ (*осклабился*). Хгы-ы!

Князь. Любишь батвинью, ракалья?

Калмыченокъ. Мой любытъ батвынья.

Матрешка (*передразнивая*) „Батвыпья“! А рогача въ бокъ не хочешь? (*Калмыченокъ показалъ ей кулакъ*).

Улыбышева. На соусъ...

Князь (*прерывая*). Ну, дальше—что знаешь. (*Калмыченку*). Чефрасу! (*Калмыченокъ вскочилъ и убѣгаетъ въ корридоръ. Улыбышевой*). А дочка встала?

Улыбышева. Давно, ваше сіятельство.

Князь. Позови. Скажи, я ей „букетъ“ покажу. Вчера принесли всю одежу.

Матрешка. Скажи—соскучились мы. Желанный гость, молъ, зова не ждетъ. (*Входитъ Грушенька*). Вотъ она, тетка! Здорово, лебедка! (*Улыбышева уходитъ въ корридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Князь Курагинъ, Матрешка. Калмыченокъ и Грушенька.

Грушенька (*призрительно взглянувъ на дуру, подходитъ къ князю*). Съ добрымъ утромъ!

Князь. Здравствуй, красавица, здравствуй! Садись сюда. (*Указываетъ мѣсто на диванѣ возлѣ себя*).

Калмыченокъ (*вноситъ на подносикѣ серебряную чарку и подаетъ князю*). Чефрàсъ.

Грушенька. Что это у васъ за „чефрàсъ?“

Князь (*взявъ чарку*). А-а!.. Напитокъ такой, по моему рецепту. Натощакъ пью, вмѣсто чаю. (*Выпилъ чарку и отдаетъ калмыченку*). Вотъ провинись у меня—чарку чефрàсу! Узнаешь, что это такое: глаза вылѣзутъ, ха-ха-ха! (*Придвигается къ Грушенькѣ*). А ты всю ночь снилась мнѣ нынче.

Матрешка (*про себя*). Лиса и во снѣ куръ видитъ.

Грушенька. Представьте: и я видѣла васъ.

Князь. А какъ видѣла? Ужли по моему?

Грушенька. А вы какъ?

Князь. Безподобно: ты цѣловала меня.

Грушенька. Ну такъ и знала... глупости!

Князь. Вотъ такъ! (*Обнялъ и поцѣловалъ ее въ щеку*).

Грушенька (*вырвалась и отходитъ*). Я ужъ просила васъ!..

Калмыченокъ (*ухмыляясь*). Хгы-ы!

Князь. Нравится? Хорошо этакую красавицу поцѣловать?

Калмыченокъ. Карашо!

Матрешка (*передразнивая*). „Карашо"! Идолъ татарскій! Любишь смородину, полюби и оскомину. Не вдомекъ дураку? Вылупился, что корова на писаныя ворота.

Князь. Калмыченокъ, лупи ее! (*Калмыченокъ вскочилъ и летитъ на дуру съ кулаками. Она взвизгнула и убѣгаетъ въ лакейскую. Калмыченокъ садится на прежнее мѣсто у ногъ князя*).

Грушенька. И охота вамъ держать ее при себѣ!

Князь. Надоѣстъ—прогоню. Сядь-же сюда!

Грушенька (*садясь на диванъ*). Съ условіемъ...

Князь. Ну, хорошо, хорошо! И отчего ты заманчива такъ? Откуда у тебя эти соблазнительныя ухватки? Я никогда не думалъ о бабахъ, на воображеніе мое онѣ не дѣйствовали...

Грушенька. А обо мнѣ думаете?

Князь. Объ тебѣ думаю. Даже вонъ какъ во снѣ видѣлъ. Ха-ха-ха! Никогда—и моложе будучи—не было у меня съ вашей сестрой ни вздыханій, ни словесныхъ вычуръ, какъ у ферлакуровъ этихъ. Терпѣть не могу! По правдѣ сказать, я больше пристращался къ лошадямъ и собакамъ, нежели къ бабамъ...

Грушенька. А я милѣе собакъ?

Князь. Поди-жъ ты!

Грушенька. Такъ вотъ вы что сказали про женщинъ. А какъ-же ваша жена-то, княгиня?

Князь. Княгиня!.. Батюшка женилъ и вся недолга. Княгиня!.. (*злобно*). Мы передъ ней неучи, дураки,

азіаты, каракалпаки!.. Этихъ разумныхъ, да тонныхъ терпѣть не могу... Сначала я было сталъ ее на свой ладъ переучивать, чтобы попросту. Куда! Боится, реветъ...

Грушенька. Даже досадно слушать!

Князь. Ну, видишь! А въ скорости она такую манеру взяла, какъ будто она царица, а я холопъ, презрѣнія достойный.

Грушенька. Еще лучше!

Князь. Вижу—терпитъ изъ покорности судьбѣ своей горькой, ха-ха! Плюнулъ и махнулъ рукой.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же. *Изъ лакейской входятъ* **Матрешка** *и пятеро слугъ: 1) лакей выѣздной, въ ливреѣ свѣтло-голубой съ оранжевымъ, напудренный, съ „пучкомъ“ и въ треугольной шляпѣ, 2) гайдукъ, высокаго роста, весь въ красномъ, 3) арапъ, въ оранжевой курткѣ, шароварахъ голубаго цвѣта, опоясанный турецкою шалью, въ бѣлой чалмѣ, и 4) два скорохода, въ ливреяхъ и высокихъ шапкахъ, на подобіе сахарной головы, съ узенькими полями и предлинными козырьками.*

Князь. Вотъ и „букетъ“! Смотри, Грушенька! Ты знаешь что такое „букетъ“? У васъ, въ Торжкѣ, чай, не видывала? „Букетъ“ вотъ эти трое: выѣздной, гайдукъ и арапъ. Всѣмъ троимъ стоять на запяткахъ въ каретѣ.

Грушенька. А эти?

Князь. Эти—скороходы. Имъ бѣжать передъ каретой, впереди цуга.

Матрешка. А въ каретѣ повезутъ дуру Матрешку. (*Бросается къ одному изъ скороходовъ, смазливому парню, снимаетъ съ него шапку, обнимаетъ его и цѣлуетъ*). Какой ты миленькій, какой пригоженькій! (*Парень увертывается и отталкиваетъ дуру*).

Князь. Ну, ты! Полно! Ступайте. (*Слуги уходятъ*).

Матрешка. Самъ цѣлуешь, а мнѣ нельзя? (*Догоняетъ того-же парня въ дверяхъ, опять съ объятіями, и ухо-*

дитъ вмѣстѣ съ лакеями. Изъ коридора входитъ Улыбышева).

Князь. Ну какъ, нравится тебѣ мой букетъ, Аграфена Семеновна?

Грушенька. Очень красиво.

Князь. Приходи въ кабинетъ. Велю подвести къ окнамъ новый цугъ вороныхъ. Полюбуйся. Одна въ одну. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Грушенька и Улыбышева.

Улыбышева. Слышала? Ой, дѣвка, держи ухо востро!

Грушенька. Вы къ чему это, маменька, изволите?

Улыбышева. Да не комедничай, полно! Совсѣмъ ты его закружила. А онъ у насъ знаешь какой? Въ третьемъ году, въ псковской вотчинѣ, попадья ему приглянулась. Ну, попъ на дыбы. Пропалъ вѣдь, да! и слѣда не нашли куда дѣлся. Этакому богачу все съ рукъ сходитъ.

Грушенька. Что-жъ, это хорошо, что онъ въ желаніяхъ своихъ столь упоренъ. Но и я свою пользу достаточно понимаю. Поэтому, маменька, не извольте безпокоиться.

Улыбышева. Польза пользѣ рознь, дочка. То тряпки, да бездѣлушки, а то вотчины...

Грушенька. Прискорбно мнѣ, маменька, это слышать. Выходитъ отъ васъ соизволеніе: честь мою продать, только-бы подороже...

Улыбышева (*смущаясь*). Что ты, что ты городишь!.. Я предостеречь только. Потому вижу, что ты ему не противишься...

Грушенька. Васъ берегу, маменька. Сами изволите говорить, сколь онъ въ характерѣ своемъ необузданъ. Прогнѣви я его, онъ васъ на улицу вышвырнетъ... За это вы мнѣ спасибо не скажете...

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ-же и князь Курагинъ.

Князь (*въ дверяхъ*). Аграфена Семеновна! Иди-же сюда! Звалъ.

Грушенька. Сейчасъ приду, ваше сіятельство. Возьмите немного терпѣнія.

Князь. Съ матерью не наговорились!

Грушенька. Въ городъ она, за покупками идетъ, такъ себѣ кое-что сказываю купить.

Князь. А!

Улыбышева. Хочу ей сатентрюковое *) платье купить, ваше сіятельство.

Князь (*доставъ изъ кармана кошелекъ, бросаетъ его*). Вотъ! Что ей угодно! (*Уходитъ*).

Грушенька (*поднявъ кошелекъ*). Полонъ червонцами. За ваши услуги, маменька, столь щедрыхъ подачекъ не бываетъ.

Улыбышева. Дай спрячу.

Грушенька (*кладетъ кошелекъ въ карманъ*). Зачѣмъ-же вамъ безпокоиться? Я-ли, вы-ли спрячете—все равно. (*Мать съ недовольнымъ жестомъ отходитъ*). Вы князю часто на картахъ гадаете. И угадываете?

Улыбышева (*съ неудовольствіемъ*). Вѣстимо да, не дурачить-же его сіятельство живу здѣсь. На это у насъ дура Матрешка есть.

Грушенька. Напрасно изволите гнѣваться, маменька. А картами вы мнѣ пользу оказать можете, то-есть гаданьемъ.

Улыбышева. Что-же я должна?

Грушенька. Я ужъ научу васъ, чему выходить надо.

Князь (*въ дверяхъ, съ нетерпѣніемъ*). Аграфена Семеновна! Скоро?

Грушенека. Иду-съ, иду! (*Уходитъ за княземъ въ кабинетъ*).

Улыбышева. По вѣрѣ князя въ гаданья, да примѣты, конечно, на многое можно его навести. Только не водилось за мной этого. А по Аграфенину попробуй, не сдѣлай!.. Дай-ка погляжу, что тамъ у нихъ?.. (*Подкрадывается къ кабинетной двери и смотритъ въ замочную скважину*).

---

*) Матерія называлась „сатень-тюркъ".

ЯВЛЕНІЕ 8.

Улыбышева и Елеонскій (*съ бумагами, изъ лакейской*).

Елеонскій. Наблюденіемъ занимаетесь?

Улыбышева. Тьфу ты пропасть, какъ испугалъ!

Елеонскій. Хе-хе! Мое всенижайшее почтеніе-съ, Мавра Егоровна! (*Подходитъ къ ней къ ручкѣ*).

Улыбышева. Къ его сіятельству?—Занятъ онъ, батюшка. А ты, чай, съ дѣлами? (*Садится*).

Елеонскій. Всеконечно-съ. Все-ли вы въ добромъ здоровьи? Его сіятельство благородными потѣхами своими задаетъ мнѣ работку. Отъ челобитныхъ не огребешься. Только что сбыли дѣло о высѣченіи купеческой женки, какъ вотъ-съ... опять челобитная. Его сіятельство у себя въ подмосковной изволили дьячка псами травить. У нихъ ужъ такая манера. Ежели гость, или кто не потрафилъ: „собакъ“! и травить. Хе-хе-хе!

Улыбышева. На то ты и законникъ, чтобъ дѣла эти раздѣлывать.

Елеонскій. Вѣдомое дѣло. И чѣмъ знатнѣй *благородство*, тѣмъ нашему брату больше хлопотъ.

Улыбышева. Благородство-то поперегъ горла стало тебѣ!

Елеонскій. Ничуть. Благородство много достоинствъ имѣетъ. Первое—французскій языкъ и карточная игра, съ хорошимъ всякаго рода обманомъ. Затѣмъ: танцы, съ объявленіемъ поединковъ за дамъ; презрѣніе каждаго, кромѣ себя и наглость въ поступкахъ...

Улыбышева (*перебивая*). Сколь ты ядовитъ, Исавъ Лаврентьичъ! И образованнѣе тебя изъ вашего брата все такіе-же ненавистники.

Елеонскій. Образованнѣе меня-съ! Ежели про французское образованіе изволите, то Богъ съ нимъ. Положимъ, оно очищаетъ умъ; но за то портитъ сердце и воротитъ съ корня добродѣтель, поселяя на мѣсто ея пороки. Такъ князь, изволите сказывать—занятъ. А кто у нихъ-съ?

Улыбышева. Не знаю. Только велѣлъ не безпокоить себя. Приходи въ другой разъ.

Елеонскій. Дѣльце-то спѣшное, о дьячкѣ...

Улыбышева. Чай, у князя хватитъ казны заткнуть ему глотку, дьячку твоему. Мало ты у его сіятельства денегъ перетаскалъ! (*Раскладываетъ карты*).

Елеонскій. Безъ „побудительныхъ средствъ“ невозможно-съ. Изъ меня-то судейскіе развѣ „масло не жмутъ“?

Улыбышева. Все-таки не мало княжескихъ золотыхъ у тебя къ пальцамъ прилипло.

Елеонскій. Трудимся въ потѣ лица, за грѣхи праотца Адама. Вѣстимо-жъ не даромъ. И то примите въ разсужденіе, матушка, надо и о себѣ заботу имѣть: жену поять и домокъ обильный устроить, дабы въ благополучіи скончать дни въ старости маститѣ. Какъ Аграфена Семеновна здравствуетъ?

Улыбышева. Ничего, здорова. (*Встаетъ*). Однако мнѣ некогда съ тобой... Уходи-ка.

Елеонскій. Нѣтъ, подожду-съ. Очень бы мнѣ ихъ увидѣть хотѣлось, Аграфену Семеновну.

Улыбышева. Зачѣмъ такъ?

Елеонскій. Вашъ вопросъ для меня очень удивителенъ. Вѣдомо вамъ мое сладчайшее упованіе...

Улыбышева. Какое?

Елеонскій. Сколь вы стали забывчиты! Да на счетъ брака нашего съ Аграфеной Семеновной. Еще въ Торжкѣ, когда мы съ Аграфеной Семеновной были подростками, вы взирали на насъ, какъ на будущую чету. И въ Москвѣ, доколѣ Аграфена Семеновна не пріѣзжали сюда отъ тетеньки на побывку, вы искательства мои принимали...

Улыбышева. Мы себя словомъ не связывали.

Елеонскій. Но позвольте-съ!.. Въ пору остолбенѣть, какъ Лотова жена, отъ такого поворота...

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣ-же и Матрешка

Матрешка. Бонъ-журъ, монъ-шеръ! (*съ кривляньемъ присѣдаетъ Елеонскому и садится у окна*).

Елеонскій (*смѣрилъ дуру презрительнымъ взглядомъ.*

Улыбышевой). Сдается, его сіятельство другую забаву завели, получше дуры Матрешки.

Матрешка. Лучше—наврядъ, а забористѣй—вѣрно.

Улыбышева (*вспыхнула*). Какую забаву?

Елеонскій. Грѣхъ на совѣсть берете, Мавра Егоровна! Мужъ отъ солнышка защита и отъ дождя епанча, а ежели...

Улыбышева. Да что—скажи на милость—что ты говоришь мнѣ такое?! Какой грѣхъ?!.

(*Вдругъ дверь изъ кабинета съ шумомъ распахнулась, изъ нее быстро выходитъ Грушенька, а за нею показывается на порогъ князь, очень взволнованный. Елеонскій юркнулъ въ сторону и прижался въ уголъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣ же, Грушенька и князь Курагинъ.

Князь. Ну поди-же сюда, поди!!

Грушенька. Нѣтъ! ни за что!

Князь. Ну, помни!! (*Грозится на нее. Къ кабинету идетъ Матрешка. Князь схватываетъ ее за плечи и круто повертываетъ*). Ты зачѣмъ!

Матрешка. А я вмѣсто нее...

Князь (*съ бѣшенствомъ*). Ахъ ты!!. Въ скотницы ее! въ дальнюю вотчину! Чтобъ духу твоего не было!! (*Къ Улыбышевой*). Веди! Сейчасъ со двора долой!! (*Матрешка оторопѣла. Улыбышева съ энергическими жестами выпроваживаетъ ее въ корридоръ*).

Грушенька. Вы хоть бы чужихъ постыдились! (*Указываетъ на Елеонскаго, который, ехидно ухмыляясь, наблюдалъ изъ угла всю сцену*).

Князь. Ты?! Зачѣмъ?

Елеонскій. По дѣлу-съ, ваше сіятельство...

Князь. П'шолъ вонъ!

Елеонскій. Спѣшное-съ...

Князь (*направляется къ нему съ сжатыми кулаками*). Если тебѣ говорятъ!!. (*Елеонскій выскакиваетъ въ лакейскую*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Крушенька и князь Курагинъ (*бросается на диванъ и отдувается отъ волненія*).

Грушенька. Ха-ха-ха-ха!

Князь. Это еще что такое?! Кажется, смѣшного нѣтъ ничего!

Грушенька. Ха-ха-ха! Сердитесь на меня, а всѣ виноваты!

Князь. Ну, ты мнѣ во гнѣвѣ не хохочи въ носъ, а то и тебѣ будетъ!

Грушенька (*спокойно садится поодаль, поправляя прическу*). Хорошо что я не изъ робкихъ.

Князь. Смѣлая! Смотри у меня! (*Грозится на нее и рѣзко перемѣняетъ позу*).

Грушенька. Если гнѣваться, часъ такой нашелъ на васъ...

Князь. Часъ!

Грушенька. Такъ гнѣвались-бы на тѣхъ, кто заслуживаетъ...

Князь. А ты—нѣтъ?

Грушенька. Я? Ничуть не заслуживаю. Напротивъ... А тотъ заслуживаетъ, кто васъ ни во что ставитъ, да на весь городъ срамитъ.

Князь. Кто такой?

Грушенька. Ужъ будто вы про графа Аракчина ничего не слыхали? Правда, мужья послѣ всѣхъ узнаютъ...

Князь. А-а!.. Ну, это... объ этомъ намъ съ тобой не разговаривать. (*Задумывается, покачивая ногою, при чемъ роняетъ на полъ туфлю*).

Грушенька. (*подходитъ, поднимаетъ туфлю и разсматриваетъ ее*). Не дурно вышито. Какъ-бишь называютъ такія туфли?

Князь. A la dauphine.

Грушенька. Да. Я лучше вамъ вышью. (*Надѣваетъ туфлю ему на ногу*). А почему-же „намъ съ вами объ этомъ не разговаривать?“ Вы чѣмъ виноваты, что Аракчинъ... а винятъ васъ. Гдѣ-же тутъ справедливость? Я сама слышала: „тюфякъ, говорятъ, рохля онъ“...

Князь. Это я-то?!

Грушенька. А то кто-же? „Другой, говорятъ, на его мѣстѣ, за такую срамоту, жену со двора бы долой. Мало того: формальнаго бы развода потребовалъ“.

Князь. Опозорить женщину! Экъ куда хватила!

Грушенька. А какъ же по настоящему? Вонъ у Несвѣцкой имяннымъ указомъ даже дѣти отобраны. Если вамъ ничего съ рогами ходить, такъ другой не согласится ни за что въ свѣтѣ.

Князь. Однако, ты...

Грушенька. Непріятно, небось!

Князь Конечно... если правда... такъ дѣло оставить нельзя... Тьфу! И надо тебѣ было разстроить меня!

Грушенька. Кто-же вамъ велитъ? Живите спокойно; а меня къ тетенькѣ домой отпустите.

Князь. Это зачѣмъ?

Грушенька. А затѣмъ, что вы свое, а я — свое, ваше сіятельство. (*Пошла къ коридору*).

Князь. Куда же ты?!

Грушенька. Собираться въ дорогу.

Князь. А-а, такъ-то?!—Собирайся, ступай! (*Грушенька дошла до двери*). Стой!.. Слушай... Я... гмъ!.. я подумаю... И что тебѣ до княгини?!

Грушенька. Я не о княгинѣ, о чести своей забочусь, ваше сіятельство. Вы извольте „подумать“, а я покамѣсть у тетеньки поживу, да кстати ужъ къ свадьбѣ приготовлюсь, потому какъ Исавъ Лаврентьичъ за меня сватается...

Князь. Елеонскій? Эта строка приказная?!

Грушенька. Что-жъ, человѣкъ хорошій. Мы съ нимъ съ малолѣтства въ знакомствѣ. По крайней мѣрѣ, честно вѣкъ проживу.

Князь. Дура! Ну, чортъ съ тобой! выходи! (*Грушенька уходитъ*). Нѣтъ, не могу! (*Быстро встаетъ и подходитъ къ двери въ корридоръ*). Грушенька!.. Грушенька, вернись! (*Отходитъ*). Куда гнетъ, а!

Грушенька (*входя*). Что прикажете?

Князь (*подошелъ, взялъ ее обѣими руками за талію и*

любуется ею. Грушенька холодна, не измѣняетъ положенія и молчитъ. Порывисто). Не отдамъ, не отдамъ я тебя никому въ свѣтѣ! (*Обнялъ ее одною рукой и ведетъ къ авансценѣ*). Ну, я буду думать какъ быть, а ты... ты меня торопи.

Грушенька (*отступила и взяла его за обѣ руки, слегка покачивая ими изъ стороны въ сторону*). Торопить?

Князь (*хотѣлъ ее поцѣловать, она вывернулась и убѣгаетъ со смѣхомъ*). Вотъ чортъ дѣвка!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Комната на половинѣ княгини Курагиной. Штофныя обои, росписной потолокъ, изящная меблировка. Двери: въ задней стѣнѣ и направо.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Княгиня Курагина (*читаетъ записку*). „Сію минуту вернулся изъ Петербурга. Горю нетерпѣніемъ узнать здорова-ли ты. Ѣду къ главнокомандующему, отъ него „прямо къ тебѣ. Цѣлую несчетно. Твой Сергѣй Аракчинъ". (*Радостно вздохнула всею грудью*). Пріѣхалъ, пріѣхалъ! (*Прошлась, въ волненіи*). Поскорѣй бы его отпустили! У главнокомандующаго страсть разговаривать и разспросамъ не будетъ конца... Милый, милый, какъ я ждала тебя, радость моя!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Княгиня Курагина и Камеристка.

Камеристка. Ваше сіятельство, дура Матрешка проситъ допустить ее къ вамъ.

Княгиня. Удивляюсь! Кажется, я съ дурами дѣлъ не имѣла.

Камеристка. Да она ужъ не дура-съ.

Княгиня. Какъ такъ?

Камеристка. Сами извольте поглядѣть. Слезно проситъ, ваше сіятельство.

Княгиня (*перечитывая записку, разсѣянно*). Пожалуй, впусти. (*Камеристка уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Княгиня Курагина и **Матрена** (*гладко причесана, одѣта по старушечьи, бѣдно. Войдя, низко кланяется*).

Княгиня. Матрена?!—Не узнать!

Матрена. Изъ дуръ вышла, матушка. Кончено! Ссылаютъ въ дальнюю вотчину. Проститься пришла къ вашему сіятельству.

Княгиня. За что-же ты въ немилость попала?

Матрена. А я такъ думаю — въ милость. Полно грѣшить-то. Умъ найдетъ, да пора уйдетъ, матушка.

Княгиня. Правда.

Матрена. Такъ-то, ваше сіятельство. Приведетъ-ли Богъ свидѣться? Вотъ и пришла, любя и жалѣючи... Да кому васъ и не любить-то, княгинюшка? А ворогъ есть, есть ворогъ! Съ того, какъ завелась у насъ Аграфена Семеновна, почуяла я бѣду. Вертитъ княземъ какъ хочетъ, противъ васъ наставляетъ...

Княгиня. Я переносовъ не люблю. Можешь итти.

Матрена. Сердце за васъ болитъ, потому и сказала. Держи опàсъ про запàсъ, есть пословица. Помилуй Богъ, скорби пойдутъ! (*Со вздохомъ, твердо*). Молиться буду за васъ.

Княгиня (*задумчиво*). Спасибо.

Матрена. На томъ простите, матушка. Да сохранитъ васъ Царица небесная! (*Поклонилась и уходитъ, украдкой утирая слезы*).

Княгиня. Жизнь напомнила о себѣ, о людяхъ, которыхъ хотѣлось бы забыть навсегда... Странно! Видишь печальные примѣры въ жизни людей, особенно въ моемъ положеніи; понимаешь, что и съ тобой тоже будетъ, а какъ-то не вѣрится... (*Встрепенулась, прислушивается*). Его шаги, его!.. (*Бросается къ двери. На порогѣ Аракчинъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Княгиня Курагина и графъ Аракчинъ.

Графъ. Наташа! радость моя! (*Нѣсколько разъ цѣлуетъ ее*).

Княгиня. Наконецъ-то!.. Я такъ безъ тебя скучала!

Графъ. А я!.. Въ Петербургѣ только и мысли, какъ бы поскорѣе уѣхать.

Княгиня. Милый!

Графъ. Представь, вздумали не пускать! Монархиня была ко мнѣ столь милостиво благосклонна...

Княгиня (*перебивая съ живостью*). Хотятъ, чтобы ты былъ... въ Петербургѣ?

Графъ. Та жизнь всегда была не согласна съ моими свойствами; а теперь можно-ли объ этомъ и говорить!

Княгиня. Но ты себѣ повредишь...

Графъ. Я не искатель фортуны и важныхъ званій. Перестанемъ объ этомъ. (*Обнимая ее*). Такъ скучала моя Наташа?

Княгиня. Думала все о тебѣ. Снова переживала *нашу* жизнь, *наше* счастье. А когда вспомнилось прошлое, ты особенно былъ мнѣ дорогъ.

Графъ. Милая! (*Поцѣловалъ ее*). Въ разлукѣ я понялъ, насколько ты владѣешь всѣми моими чувствами...

Княгиня. Стало быть, въ этотъ разъ было не попрежнему?

Графъ. То-есть какъ?

Княгиня. Бывало, какъ ты въ Петербургѣ—такъ новое волокитство, новая героиня...

Графъ. Какая ты злая! (*Съ поцѣлуемъ*). Вотъ-же тебѣ за это!.. А ты безъ меня еще больше похорошѣла. (*Любуется ею*). Что за прелесть!.. Эти глаза... Есть-ли еще такіе дивные глаза, какъ у моей Наташи!

Княгиня. Тебѣ въ Наташѣ все дивно.

Графъ. Кто этого не видитъ, тотъ не понимаетъ прекраснаго.

Княгиня (*взявъ его руки*). Ахъ ты, голубчикъ мой! милый, родной!.. Какъ-же я рада, что мы опять вмѣстѣ! (*Онъ страстно ее цѣлуетъ. Она отстраняется*). До-

вольно, довольно! Этакъ я ничего не узнаю. Сиди смирно и разсказывай: что дѣлалъ, кого видѣлъ?

Графъ. Кузинъ, дядюшекъ, тетушекъ... У меня ихъ дюжины въ Петербургѣ. Есть пресмѣшные. Елагинъ, напримѣръ. Не выходитъ изъ колпака и халата; ужинаетъ, когда у другихъ начинается вечеръ и послѣ ужина всей семьей поетъ: „О тебѣ радуемся"... Это въ Петербургѣ, гдѣ всѣ изъ кожи лѣзутъ, чтобы усвоить европейскія формы!.. Тетушка Озерцова отъ злости еще больше дергаетъ носомъ. Въ спорѣ доходитъ до того, что срываетъ съ себя чепецъ. Тогда ретируйся скорѣе!.. Кузины Загривскія попрежнему скачутъ на коняхъ, жгутъ фейерверки и палятъ на дачѣ изъ пушекъ. Прелихія дѣвицы! Жениховъ не имѣется. Видѣлъ Пронскихъ. Они только что изъ Парижа...

Княгиня. А! Ну что Катя?

Графъ. Прелестна!

Княгиня. Она обѣщала быть красавицей. Сколько?.. уже три года, какъ Пронскіе уѣхали въ Парижъ...

Графъ (*всталъ и отходитъ. Мечтательно*). Да, эта дѣвушка... Въ ней много того очарованія, которое увлекаетъ невольно. Она всѣмъ вскружитъ головы. Среди нашихъ москвичекъ, полуграмотныхъ и жеманныхъ, княжна—перлъ!

Княгиня (*погрозилась, съ улыбкою*). Хорошо, что я не ревнива!

Графъ (*цѣлуя ея руку*). Если есть женщина, которой ревность должна быть чужда, такъ это—ты.

Княгиня. Когда-же Пронскіе въ Москву?

Графъ. Они ужъ ѣдутъ. До Твери мы ѣхали вмѣстѣ. Тамъ они остались богомольничать, хотѣли съѣздить въ Отрочь монастырь, въ Желтиковъ...

Княгиня. Въ дорогѣ скоро сближаются, особенно съ твоимъ живымъ характеромъ...

Графъ. Какъ не стыдно, Наташа!

Княгиня. Я шучу, милый. Жаль, что я не увижу княжны. Я очень ее любила.

Графъ. Отчего не увидишь?

Княгиня. Отчего?.. Случилось то, чего я ждала. По намекамъ, улыбкамъ, я поняла, что наши отношенія огласились. Мы слишкомъ на виду, что бы укрыться отъ общаго вниманія...

Графъ (*прерываетъ съ гнѣвомъ*). Сплетницъ, болтуновъ, злыхъ старухъ и барынь, у которыхъ направо и налѣво любовники! О, какъ я ихъ ненавижу! (*Ходитъ въ волненіи*).

Княгиня. Насъ судятъ особенно строго. Ты настолько блестящій и такой завидный женихъ, что дамамъ и маменькамъ есть за что возненавидѣть меня. И Богъ съ ними! Не огорчайся, дорогой мой! Если я отдалилась отъ свѣта, тѣмъ лучше: намъ не мѣшаютъ. Кромѣ тебя, мнѣ никто не нуженъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же и Камеристка.

Камеристка (*въ смущеніи*). Князь приказали узнать, дома-ли ваше сіятельство. Пожалуютъ сюда-съ.

Княгиня. Князь?! ко мнѣ?!

Камеристка. Желаютъ видѣть ваше сіятельство.

Княгиня. Удивительно. (*Камеристкѣ*). Можешь идти. (*Камеристка уходитъ*). Что это значитъ? Сколько лѣтъ нога его не была на моей половинѣ!.. Чтобы ни было, но вамъ неловко встрѣтиться здѣсь...

Графъ. Если онъ затѣмъ, чтобъ... упрекать, сдѣлать сцену, то—напротивъ—я останусь и буду очень радъ, если дѣло между нами кончится поединкомъ.

Княгиня. Боже сохрани! Этого не должно быть никакъ. Знаю, милый, что ты готовъ защищать меня по рыцарски: „envers et contre tous“; но я не жду ни сценъ, ничего подобнаго. Какое-нибудь дурачество. Твое присутствіе, напротивъ, можетъ раздражить князя, повести къ непріятностямъ...

Графъ (*съ неудовольствіемъ*). Ты непремѣнно желаешь, чтобъ я ушелъ?

Княгиня. Да, пожалуйста. Сегодня вечеромъ мы вмѣстѣ и ты все узнаешь.

Графъ. Но рано или поздно мы встрѣтимся съ нимъ. И я отнюдь не намѣренъ избѣгать этого...

Княгиня. Я прошу, Serge!

Графъ. Нечего дѣлать! До вечера. (*Поцѣловалъ ее и уходитъ*).

Княгиня (*задумчиво*). Должно быть вліяніе той приближенной, о которой говорила Матрена... Объясненіе... Къ чему оно поведетъ?.. Въ моемъ положеніи надо быть готовой на все...

ЯВЛЕНІЕ 6.

Князь и княгиня Курагины.

Князь (*войдя, дѣлаетъ легкій поклонъ. Съ волненіемъ*). Княгиня... ваши поступки... ваше поведеніе-съ... Я этого сносить не могу... Вы срамите меня... Графъ Аракчинъ... Вы меня понимаете... Если вы думали, что вамъ сойдетъ съ рукъ, то ошиблись... (*Вспыльчиво*). Да, ошиблись, говорю я вамъ!

Княгиня. Я такъ не думала, князь.

Князь. Въ своихъ амурствахъ, государыня моя, вы пожалуй не помышляли о послѣдствіяхъ... о своемъ положеніи... Быть можетъ, не ожидали, что я вступлюсь... Мы вѣдь азіаты, каракалпаки-съ, ха-ха! Намъ-ли вникать въ поступки людей образованныхъ и отмѣнныхъ достоинствъ!.. (*Княгиня молчитъ*). Намъ ли стыдиться суда общественнаго и вступаться за честь свою!.. Что-же вы молчите, государыня моя?

Княгиня. Мнѣ нечего сказать въ свое оправданіе.

Князь. Вотъ что-съ!.. Но какъ нечего, какъ нечего-съ?.. Мужъ столь невѣжественный, какъ я... несчастная жизнь...

Княгиня. Неблагородно оправдывать свои проступки недостатками другихъ, князь.

Князь. (*въ смущеніи*). Гмъ!.. Но все-таки... я, конечно... Жизнь моя... Я знаю, что заслуживаю порицанія...

Княгиня. Не вините себя, прошу васъ.

Князь. Да... что, бишь, я хотѣлъ?.. Да! Но все-же я долженъ вступиться... Честь... Вы понимаете?..

Княгиня. Понимаю. (*Краткое молчаніе. Князь, смущенный, видимо затрудняется продолжать. Въ дверяхъ подслушиваетъ Грушенька*).

Князь. Такъ какъ же-съ?

Княгиня. Я въ вашей власти... Какъ вамъ угодно.

Князь. Поединокъ?—Гмъ!..

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ-же и Грушенька.

Грушенька (*въ сторону*). Этакъ ты кончишь ничѣмъ! (*Входитъ. Княгиня удивлена. Грушенька почтительно кланяется ей. Князю*). Простите, ваше сіятельство, что осмѣливаюсь безпокоить; но принесли пакетъ, который велятъ немедля передать въ собственныя руки вашего сіятельства. *Изъ консисторіи.* (*Отдаетъ пакетъ*).

Князь. А-а! (*Въ смущеніи вертитъ пакетъ. Молчаніе*).

Княгиня. Вы сдѣлали свое и можете идти. (*Грушенька, не трогаясь съ мѣста, выразительно смотритъ на князя*).

Князь. Нѣ-ѣтъ... пускай... Она не мѣшаетъ...

Княгиня. Но при нашемъ разговорѣ посторонніе не должны быть!..

Грушенька. Если его сіятельство приказали остаться, я ослушаться не смѣю.

Княгиня (*вспыльчиво*). Князь, прошу васъ удалить ее! На вашей половинѣ она можетъ...

Князь (*вспыльчиво*). Что можетъ? (*Крикливо*). Что можетъ-съ?

Княгиня. Что я буду, даже обязана выслушивать отъ васъ съ глазу на глазъ, то не стану выслушивать не при комъ. (*Грушенькѣ*). Ступайте отсюда, говорятъ вамъ!

Грушенька (*заплакала*). Я не горничная дѣвка, чтобы кричать на меня. Передъ его сіятельствомъ я ничѣмъ не заслужила такой обиды...

Княгиня (*съ нетерпѣніемъ.*) Что за гнусная комедія!

Князь. Вы гнусная! Ваши поступки, ваше поведеніе гнусно-съ!

Княгиня. Князь, это слишкомъ! Вы себя унижаете. Я не знала, что вліяніе этой женщины такъ далеко зашло. Вышлите ее, наконецъ, или я уйду сама! (*Направляется къ боковой двери. Грушенька зарыдала*).

Князь (*гнѣвно*). Я вышлю-съ!.. совсѣмъ вышлю вонъ! Кто позоритъ мой домъ, тому нѣтъ въ немъ мѣста! (*Уходитъ, хлопнувъ дверью*).

Грушенька (*у которой мигомъ пропали слезы, язвительно, съ поклономъ*). Желаю вашему сіятельству счастливаго пути! (*Уходитъ*).

Княгиня. Вотъ къ чему они ведутъ!.. Никогда не прощу себѣ, что вспылила!.. (*Садится*). Но такъ и должно было кончиться... Одно, почему я оставалась жить здѣсь— страхъ за Serg'a. Шумъ, пересуды коснутся и его... Онъ такъ чувствителенъ къ этому!.. Моя мечта: чтобы ему чрезъ меня не было ни тревогъ, ни заботъ, ни огорченій, а выходитъ не такъ. Боюсь, что принесу ему не столько счастья, сколько мученій!..

ЯВЛЕНІЕ 8.

Княгиня Курагина и Елеонскій.

Елеонскій (*съ поклономъ*). По порученію его сіятельства-съ...

Княгиня. Я васъ слушаю, государь мой! (*Указываетъ ему кресло*).

Елеонскій (*садясь*). Охъ, сколь тягостна обязанность моя, ваше сіятельство!.. наипаче на сей разъ... Прямо могу сказать, что я вынужденъ дѣйствовать вопреки своему счастью...

Княгиня (*съ удивленіемъ*). *Вашему* счастью?

Елеонскій. Увы! ибо долженъ созидать чужое на развалинахъ своего. Но я усерденъ къ князю и потому...

Княгиня (*прерывая*). Вы говорите о себѣ, тогда какъ присланы княземъ...

Елеонскій. Такъ точно-съ. Но велѣніемъ рока моя судьба вплетена въ то прискорбное обстоятельство, которое я долженъ сообщить вамъ.

Княгиня. Что-же князь велѣлъ передать? Чтобы я покинула его домъ? Я это знаю.

Елеонскій. Ужъ одно это легко-ли, ваше сіятельство!..

Княгиня (*прерывая*). Избавьте меня отъ разсужденій, государь мой. Что же еще?

Елеонскій. Покинуть домъ и не имѣть никакого участія въ доходахъ его сіятельства...

Княгиня. Надѣюсь, вы все сказали?

Елеонскій. Увы! не все, ваше сіятельство.

Княгиня. Что-же больше?

Елеонскій. Отъ всего, что извѣстно вамъ, супругъ вашъ мало пріобрѣтаетъ...

Княгиня. Короче. Что-же, наконецъ?

Елеонскій (*ухмыляясь*). Да и не князь ищетъ выгоды въ суспиціи съ вашимъ сіятельствомъ. Ему все равно-съ. Онъ даже морщится и не рѣшился бы никогда... Но любовь ищетъ торжества. Отсюда и буря зѣльная противъ васъ...

Княгиня. Вы измучили меня. Говорите же до конца: на что князь рѣшился?

Елеонскій (*мѣняя ехидно-елейный тонъ на рѣшительный*). Учинить съ вами формальный разводъ.

Княгиня (*слабо вскрикнула, но дѣлаетъ надъ собою усиліе и встаетъ*). Скажите... я покоряюсь. (*Наклоненіемъ головы отпускаетъ Елеонскаго. Онъ поклонился съ усмѣшкою и уходитъ*). Разводъ!.. публичный позоръ!.. Жить въ призрѣніи у всѣхъ, въ униженіи!.. Ударъ слишкомъ тяжкій!.. (*Мрачно задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Княгиня Курагина и Камеристка.

Камеристка. Ваше сіятельство, госпожа Малыгина...

Княгиня. Кто?!

Камеристка. Госпожа Малыгина-съ.

Княгиня. Марья Степановна! Проси. (*Оправляется. Камеристка уходитъ*). Вотъ ужъ не во время!.. Къ несчастію, она очень измѣнилась ко мнѣ... Причина понятна...

ЯВЛЕНІЕ 10.

Княгиня Курагина и Малыгина.

Малыгина (*входя*). Здравствуйте, дорогая княгиня! Какъ мы давно не видались! Вы нигдѣ не бываете и всѣ замѣчаютъ ваше отсутствіе. Безъ васъ общество—безъ души. (*Садятся*).

Княгиня. Выѣзды утомили меня. Хочется отдохнуть.

Малыгина. А въ свѣтѣ не такъ объясняютъ уединеніе ваше...

Княгиня. Вѣроятно.

Малыгина. Тотъ ищетъ удовольствій, кто скучаетъ, чья жизнь ничѣмъ не наполнена...

Княгиня. А такъ какъ я не ищу ихъ, то злые языки толкуютъ это по своему? И Богъ съ ними!

Малыгина. Мнѣніе свѣта... Бываетъ и такъ, что не остается ничего другого, какъ пренебречь имъ. (*Княгиня зорко взглянула на нее*). Но, вообще говоря, не лучше-ли жить съ нимъ въ добромъ согласіи? Я всегда стараюсь внушить это брату. Кстати: Serge пріѣхалъ изъ Петербурга

Княгиня. Онъ былъ у меня.

Малыгина (*съ раздраженіемъ*). Онъ слишкомъ поторопился вернуться. Что ни влекло бы его сюда, нельзя быть такимъ опрометчивымъ и прямо губить карьеру. Его мѣсто не здѣсь, а при Дворѣ. Его желаютъ имѣть тамъ, что милостиво и выразили въ этотъ разъ. Но онъ всѣмъ пренебрегъ и полетѣлъ въ Москву. Этого не прощаютъ. Я крѣпко его пожурила. Откровенно говоря, Serge очень меня заботитъ. Онъ ужасно вредитъ себѣ легкомысленной жизнью. Онъ ужъ не въ энтузіазмѣ первой молодости. Пора бы остепениться.

Княгиня. Да, графъ въ такомъ возрастѣ, когда люди сами устраиваютъ свою жизнь. Выборъ того, или другого положенія, тѣхъ или другихъ отношеній—ихъ дѣло.

Малыгина Ахъ, княгиня! Мало-ли примѣровъ, что страсть ослѣпляетъ и губитъ людей? Позднее раскаяніе ничего не поправитъ; а оно неизбѣжно. Какъ же мнѣ не

думать объ этомъ и не заботиться о счастіи брата? Вы знаете какъ я его обожаю.

Княгиня. Не всегда счастье тамъ, гдѣ ищутъ его близкіе люди, Марья Степановна.

Малыгина. Они рѣдко ошибаются, однако.

Княгиня. Наконецъ, есть отношенія, которыя для любящаго и честнаго человѣка выше всего.

Малыгина (*съ ироніей*). Вы говорите про связь романическую? При этомъ, женщины наклонны сковывать мужчину долгомъ; но не изъ всякаго союза сердецъ дѣйствительно вытекаетъ долгъ.

Княгиня. Между честными людьми, при любви серьезной, понятіе о долгѣ возникаетъ само собою и связываетъ ихъ взаимно.

Малыгина. Но истинная любовь самоотверженна. Ей чуждъ эгоизмъ страсти. Я очень васъ уважаю и думаю, что вы принудите себя взглянуть на дѣло *со стороны*, какъ дѣлаю я.

Княгиня. Какъ ни смотрѣть, я останусь при своихъ мысляхъ, Марья Степановна.

Малыгина (*подавляя досаду*). Я даже надѣялась, что вы *поможете* мнѣ въ заботахъ о братѣ.

Княгиня. Вы требуете невозможнаго.

Малыгина (*насмѣшливо*). Невозможнаго?

Княгиня. Да. Извините, но вмѣшательство третьяго лица иногда неумѣстно, даже оскорбительно.

Малыгина. Даже „оскорбительно", хотя имѣетъ за себя всѣ права кровнаго родства и безкорыстной заботливости? (*Пожала плечами*).

Княгиня. Заботы о судьбѣ вашего брата, опасенія за его карьеру — все это было высказано ему вовремя и настойчиво.

Малыгина. Но братъ ничего не хотѣлъ слушать? Еще-бы! Странно ожидать благоразумія отъ мужчины, когда онъ воспламененъ страстью. Какихъ клятвъ не надаетъ онъ тогда! Особенно Serge, сердце котораго всегда было игралищемъ увлеченій. О, Боже! За поцѣлуй, онъ поклянется отдать жизнь. Но смѣю думать, княгиня, что мы говоримъ серьезно.

Княгиня. Настолько, что я выскажусь прямо. Да и не могу сдерживаться. Я слишкомъ измучена... О графѣ я думаю лучше, чѣмъ вы, Марья Степановна. По вашему, онъ не располагаетъ къ довѣрію, а я ему вѣрю; не можетъ любить, какъ человѣкъ высокой души и горячаго сердца, а я такую любовь вижу на дѣлѣ. Еще вы сказали про самоотверженіе. Я и на это имѣю что вамъ отвѣтить: я должна покинуть домъ мужа, насъ разведутъ формально...

Малыгина. Да а?! Это ужасно! Но этого не слѣдуетъ допускать...

Княгиня. Какъ видите, есть жертвы и съ моей стороны, даже значительныя, если сравнить мое положеніе съ тѣмъ, которое я занимала недавно. (*Пылко*). Но клянусь, я не скорблю, не дорожу ничѣмъ для своей любви!..

Малыгина. Въ такомъ случаѣ, мнѣ здѣсь нечего дѣлать. (*Съ легкимъ поклономъ*). Прощайте, княгиня! (*Дослушиваетъ, идя къ двери*).

Княгиня (*страстно*). Все отдамъ, но эту любовь не отдамъ, не отдамъ никогда!! Взять ее—значитъ взять мою жизнь!! (*Малыгина уходитъ*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Библіотечный залъ въ домѣ князя Трубчевскаго. Шпалеры изъ венеціанской кожи, тисненой золотыми арабесками по темно-красному фону. По задней стѣнѣ шкафы съ книгами. Направо окна. Между ними, на тумбѣ, бюстъ Вольтера. Двери: въ задней стѣнѣ (къ правому углу) и налѣво. По серединѣ столъ, съ мраморною доскою и нѣсколько креселъ. У оконъ два кресла и столикъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Трубчевскій *) (*сидя на креслѣ, читаетъ книгу. Черезъ нѣсколько мгновеній, кладетъ ее на столъ*). И говорятъ, что Вольтеръ лишенъ лирическаго дарованія!

*) Въ бархатной епанчѣ, отороченной дорогимъ мѣхомъ. Башмаки съ красными каблуками.

Въ одной этой одѣ, на смерть Карла VI, больше лиризма, нежели во всѣхъ одахъ Ломоносова. (*Встаетъ. Молча прошелся*). Что-то подѣлываетъ племянниньки? (*Глядя въ окно*). А, въ саду!.. Задумчива и грустна. На мѣстѣ ея мужа, я поступилъ-бы, какъ одинъ мой пріятель: я воздвигъ бы въ саду бесѣдку, на подобіе греческаго храма и тамъ поставилъ бы ея бюстъ, съ надписью надъ входомъ въ храмъ сей: Hommage à la vertu. Это сдѣлано для женщины, которая заплатила большую дань восторгамъ своего пылкаго темперамента. У племянниньки же всего одинъ любовникъ, а дуракъ ея мужъ развелся съ нею, женился чуть не на дѣвкѣ и—что хуже всего—навязалъ мнѣ на шею свою отставную супругу. Не могъ же я не взять родственницу, которую выкинули на улицу, если у ней, кромѣ меня, нѣтъ никого!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Князь Трубчевскій и **Игнатъ** (*вошелъ и почтительно сталъ у двери*).

Трубчевскій. Что?

Игнатъ. Привели, ваше сіятельство.

Трубчевскій. Таньку?

Игнатъ. Точно такъ-съ.

Трубчевскій. Введи! (*Игнатъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Князь Трубчевскій, Игнатъ и **Марковна** *вводятъ* **Татьяну** (*одѣтую какъ дворовыя.*)

Трубчевскій. Какъ тебя зовутъ, милая?

Татьяна (*чуть слышно*). Татьяна.

Трубчевскій. Говори громче. Ты знаешь, что я тебя купилъ? Что? Да, купилъ. (*Татьяна заплакала*). О чемъ же ты плачешь? Я этого не люблю. (*Протягиваетъ ей руку*).

Игнатъ. Цѣлуй ручку, дура!

Марковна. Ручку, ручку цѣлуй! (*Татьяна поцѣловала руку князя и стала понурившись*).

Трубчевскій. Ну, милая! Жить у меня и хорошо и дурно—зависитъ отъ тебя самой. Что? Главное берегись моего гнѣва. Я ласковъ... увидишь сама... но бываю и сердитъ. Этого видѣть тебѣ не желаю. (*Указывая на старуху*). Марковну слушаться безпрекословно. Со двора никуда. Изъ мужчинъ на вашу половину вхожъ только этотъ молодчикъ. (*Указывая на дряхлаго Игната*). Въ этого можешь влюбиться, а за шашни съ другими, бѣду наживешь. Ступайте!

Татьяна (*съ плачемъ, бросается князю въ ноги*). Ваше сіятельство! Сошлите въ Сибирь, куда угодно, только не оставляйте здѣсь!.. Не могу я!.. Лучше умереть, а не быть мнѣ...

Трубчевскій (*крикнулъ*). Молчать!! (*Тихо*). Встань! (*Дѣвку поднимаютъ*). Начало худое. Чтобы впредь я ничего такого отъ тебя не слыхалъ! Поняла, милая? Что?

Татьяна (*глухимъ голосомъ*). Слушаю. (*Изъ подлобья бросаетъ на князя мрачные взгляды*).

Трубчевскій. Ого, какъ посматриваешь! Звѣрокъ, звѣрокъ, хе-хе! Царапаться и кусаться умѣешь? Но, милая, коготки остригутъ и зубки притупятъ. Игнатка, уведи! (*Татьяну уводятъ*). Марковна!

Марковна. Чего изволите, ваше сіятельство?

Трубчевскій. Въ оба за нею! Дѣвка мнѣ нравится и ты за нее головой отвѣчаешь. (*Кивнулъ на дверь*).

Марковна. Слушаю-съ. (*Низко поклонилась и уходитъ*).

Трубчевскій. Какое непріятное чувство!.. Я даже опредѣлить его не могу... (*Мрачно задумался*). Вотъ и племянниинька! Нагулялась?

ЯВЛЕНІЕ 4.

Князь Трубчевскій и княгиня Курагина.

Княгиня. У васъ такъ хорошо въ саду, дядюшка!

Трубчевскій. Что хорошаго, когда зелень только что распускается! Ты, влача дни невольнаго уединенія, не знаешь, куда дѣваться. Вотъ тебѣ и въ саду хорошо. Да, *невольнаго!* Что? Ахъ, свѣтъ золъ! Твое поведеніе онъ осудилъ соблазнительнымъ и ты всѣми покинута.

Мужъ, вмѣсто того, чтобы вѣдаться съ твоимъ куртизаномъ законами чести, предпочелъ...

Княгиня. Я достаточно помню свое положеніе, дядюшка...

Трубчевскій. Предпочелъ жениться на Agrippine. Что? Сегодня—представь!—проѣхалъ съ нею мимо насъ въ золоченой каретѣ, съ „букетомъ“ сзади и скороходами впереди, хе-хе! Молодые съ визитами, хе-хе-хе!

Княгиня (*съ трудомъ сдерживая досаду*). Я стараюсь не вспоминать объ этомъ...

Трубчевскій. Восхищенъ! Презрѣть врага—что можетъ быть великодушнѣе? Съ достоинствомъ сносить удары рока—вотъ истинное благородство! Но все-таки надлежитъ разбивать мысли, чтобы не нажить гипохондріи. Вотъ лучшее лекарство. (*Указываетъ на шкафы съ книгами*). Займись. Такихъ глупыхъ романовъ, какъ „Любовный вертоградъ“, „Аристей и Телазія“, „Франчичико Петрочіо“—у меня не найдется; за то, кромѣ Вольтера, котораго не изволишь жаловать, найдешь здѣсь восхитительнаго Руссо, Депрео, плѣнительнаго Рассина, Корнеля, Пирона и многихъ другихъ...

ЯВЛЕНІЕ 5.

Въ продолженіи предъидущаго монолога, **слуга** *вноситъ на серебряномъ подносѣ двѣ чашки шоколада.* **Игнатъ** *несетъ сзади серебряную корзину съ печеньемъ. Подавъ чашку княгинѣ,* **слуга** *не дойдя шаговъ двухъ до князя, роняетъ другую на полъ и замираетъ въ испугѣ.*

Трубчевскій (*Игнату, спокойно кивнувъ на слугу*). Выдрать! (*Игнатъ, подобравъ черепки, вытеръ салфеткою паркетъ и уходитъ за слугою. Княгиня закусивъ губу, отвернулась*). Негодованіе? Что? (*Княгиня молча потупилась. Съ усмѣшкою*). Мысль: вольнодумецъ, энтузіастъ Вольтера и не питаетъ къ холопамъ нѣжныхъ чувствъ нервически разслабленной барыни! J'ai tourné trop court?

Княгиня. У всякаго свой взглядъ и вы у себя хозяинъ.

Трубчевскій. Я думаю. Но вотъ я тебѣ разскажу... хе-хе! Вотъ ужъ гдѣ дѣйствительно противорѣчіе. Графъ Устюжновъ... говоритъ вольнодумнѣйшіе стихи

и сей-же часъ, въ чаду отъ радости, что получилъ ленту, велитъ принести всю свою гардеробу и передъ зеркаломъ примѣриваетъ кафтаны разныхъ цвѣтовъ, дабы видѣть, къ какому лучше подойдетъ цвѣтъ ленты. Хе-хе-хе! А вотъ еще лучше. Старикъ Власовъ, будучи энтузіастомъ Вольтера, поетъ... хе хе!.. *поетъ обѣдню* на клиросѣ, у себя въ приходѣ Женъ Мvроносицъ! Хе-хе-хе! (*Игнатъ подалъ князю чашку шоколаду и сталъ у двери*).

Княгиня. А въ другое время кощунствуетъ надъ всѣмъ священнымъ!

Трубчевскій. Ужъ не знаю. На насъ вѣдь всякую срамоту валятъ. Въ твоей семейной исторіи, напримѣръ, обвиняютъ меня, такъ какъ я-де начитался возмутительныхъ французскихъ писателей и имѣю о бракѣ слишкомъ свободныя мысли. А чѣмъ я виноватъ, что вы съ своимъ куртизаномъ, начитавшись Calardeau и Дорота и пылкіе въ любви, стали декламировать другъ другу сей стихъ:

„J'etais dans le néant avant de te connaitre". [1]) Что?

Княгиня (*съ волненіемъ*). Дядюшка! Я опозорена разводомъ, отвергнута обществомъ, лишена всего, чѣмъ дорожитъ свѣтская женщина...

Трубчевскій (*перебивая*). За то наслаждаешься счастіемъ чувствительнаго сердца съ своимъ куртизаномъ и память сладостныхъ взаимностей вашихъ не истребится въ тебѣ никогда.

Княгиня (*удерживая слезы*). Позвольте мнѣ досказать! Вы оказали мнѣ величайшую милость, принявъ къ себѣ въ домъ. Видитъ Богъ, какъ я вамъ благодарна! Зачѣмъ же вы... зачѣмъ портите благодѣяніе ваше? Право, и безъ вашихъ насмѣшекъ, я довольна несчастлива, дядюшка. Пощадите хоть то, что мнѣ осталось въ жизни, что мнѣ дороже всего! Пожалѣйте меня! (*Уходитъ въ боковую дверь*).

Трубчевскій. Гмъ!.. А хорошенькая женщина моя пле-

---

1) Ничтожествомъ былъ я до встрѣчи съ тобою.

мянninька! Графъ можетъ почитать ее своимъ высочайшимъ трофеемъ. И какъ она врюхалась въ него, бѣдная!.. (*Игнату*). Попроси княгиню сюда. (*Игнатъ уходитъ въ боковую дверь*). Я даже способенъ влюбиться въ нее... L'amour est de tout âge... (*Входитъ княгиня. На лицѣ ея слѣды слезъ. Игнатъ, войдя за нею, уходитъ въ заднюю дверь*). Ты плакала? Что? Прости милая. У меня испорченное воображеніе на счетъ чувствительности и я часто говорю вздоръ. Но вотъ что: отчего—скажи—графъ сталъ рѣдко бывать у тебя?

Княгиня. Не знаю... Онъ любитъ свѣтъ, общество...

Трубчевскій. Но ты развѣ не наполняешь пустоты своего уединенія настолько, чтобы графу не скучать здѣсь съ тобою?

Княгиня (*печально*). Онъ бываетъ такъ часто, какъ можетъ.

Трубчевскій. Гмъ! (*Къ вошедшему Игнату*). Что?

Игнатъ. Ея сіятельство, княжна Екатерина Ивановна Пронская. (*Уходитъ*).

Трубчевскій. Къ тебѣ. Восходящее свѣтило большого свѣта. Ты померкла—явилась другая, затѣмъ чтобы померкнуть для новой звѣзды. И вспомнишь Вольтера, который даетъ отвѣтъ на все:

„O, race auguste et fière!
Un reste de poussière
Est ton seul monument [1]). (*Уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Княгиня Курагина и княжна Пронская (*быстро входитъ въ радостномъ волненіи*).

Княгиня (*идя навстрѣчу*). Catherine!

Княжна (*осыпая ее поцѣлуями*). Княгиня!.. дорогая моя!.. Какъ я рада!.. Наконецъ-то я вижу васъ!..

Княгиня. Какъ похорошѣла!.. Милая, что пріѣхала, милая! (*Съ чувствомъ поцѣловала ее*).

---

[1]) О, гордое человѣчество! Единственный твой памятникъ—прахъ!

Княжна. Ахъ, я давно къ вамъ рвалась, съ самаго пріѣзда въ Москву... Вы не повѣрите, до чего мнѣ хотѣлось васъ видѣть! (*Опять цѣлуетъ княгиню нѣсколько разъ*). Ну, какъ-же я рада!.. (*Садятся*). Вѣдь вы—мой идеалъ, мое божество! Помните, когда мы уѣзжали въ Парижъ, сколько я слезъ пролила, прощаясь съ вами? Одно, что могло утѣшить меня, это—ваше обѣщаніе самой пріѣхать туда и быть со мной неразлучно...

Княгиня. Ахъ, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, моя душечка!

Княжна. Только не я! Я попрежнему васъ обожаю. Вчера рѣшила, что увижусь съ вами во чтобы ни стало и всю ночь не могла уснуть отъ волненія. Утромъ maman говоритъ: „что съ тобою, Катя? ты будто въ лихорадкѣ". А я не помню что дѣлаю, что говорю, поскорѣй бы изъ дома вырваться! Княгиня, милая, вы не сердитесь, что я до сихъ поръ у васъ не была?

Княгиня. Конечно, нѣтъ. Я увѣрена, что еслибъ вамъ не препятствовали, мы бы давно увидались.

Княжна. Еще бы! разумѣется!.. Ахъ, какъ они сердятъ меня!.. Представьте, я ничего не могла добиться, такъ таки ничего!..

Княгиня. Даже имя мое стараются не упоминать въ свѣтѣ. Вамъ и подавно не станутъ обо мнѣ говорить

Княжна. Но что такое? Какія тайны? Хоть вы-то скажите! Я чувствую, вижу, что вы несчастливы...

Княгиня. И я ничего не скажу.

Княжна (*со слезами*). Вотъ и не хорошо! Значитъ, вы мало любите меня. Вы еще дороже мнѣ, оттого, что несчастливы; а вы меня отчуждаете, не считаете достойной откровенности вашей...

Княгиня (*горячо поцѣловала ее*). Нѣтъ, милая, нѣтъ! Вамъ и не понять, насколько отрадно мнѣ ваше участіе! Но говорить о себѣ... во-первыхъ, очень тяжело, а главное—не вамъ меня слушать. Когда нибудь узнаете все... Можетъ быть, я сама разскажу свою повѣсть... И какъ

знать!—можетъ быть, ваша дружба будетъ моимъ единственнымъ сокровищемъ въ жизни...

Княжна. Богъ съ вами! Какое сокровище! Чтò я передъ вами?!

Княгиня. Но довольно обо мнѣ. Разскажите-ка лучше о себѣ, моя милочка. Конечно—окружены, выѣзжаете, веселитесь?

Княжна. Какъ говорятъ, кружусь въ вихрѣ удовольствій. О, да! Я-то ужъ буду съ вами вполнѣ откровенна, все разскажу, все!.. и кто нравится мнѣ...

Княгиня. Уже?

Княжна. Вы не думайте, что это такъ себѣ... увлеченіе. Нѣтъ, серьезно...

Княгиня. Даже серьезно?

Княжна. Онъ такой блестящій!.. Ахъ, до чего хорошъ, уменъ, ловокъ, любезенъ!.. Всѣ отъ него безъ ума.

Княгиня. Кто-же такой?

Княжна. Да вы его знаете. Его имя у всѣхъ на устахъ, если заговорятъ, кто у насъ самый завидный женихъ.

Княгиня (*тревожно*). Но кто?

Княжна. Графъ Аракчинъ.

Княгиня (*поблѣднѣла*). Ахъ, вотъ кто-о!!

Княжна. Что съ вами? Вы ужасно поблѣднѣли!..

Княгиня. Со мной это бываетъ... Вдругъ сдавитъ виски...

Княжна (*встала*). Боже мой!.. Я спрошу воды... или нѣтъ-ли какихъ нибудь капель?

Княгиня. Нѣтъ, нѣтъ, сидите... Боль моментальная... Вотъ и прошло. (*Тяжело вздохнула*).

Княжна. Какъ вы меня испугали!

Княгиня. Пустяки. Такъ вотъ кто вамъ нравится!

Княжна. Я не могу продолжать... У васъ такой разстроенный видъ!..

Княгиня. Увѣряю васъ—ничего. Я съ живымъ интересомъ слушаю васъ. И очень вы его любите?

Княжна. Ахъ, княгиня! Скажите мнѣ, что для его счастья, я должна умереть,—не задумаюсь ни на минуту!

Княгиня. Пылкая юность! Трудно, ma chère, найти человѣка, за котораго стоило-бы пожертвовать жизнью.

Сколько загубленныхъ жизней, сколько горькихъ разочарованій!

Княжна. Но вы мало знаете его, потому такъ и судите.

Княгиня. Да, я мало его знала. Вы правы... И вамъ онъ говорилъ тоже, что говорятъ другимъ?.. тѣже увѣренія, клятвы?

Княжна. Такъ онъ никому не могъ говорить, никому! Зачѣмъ вы меня огорчаете?

Княгиня. Я не говорю, что онъ лжетъ. Онъ искрененъ съ вами, но... графъ слыветъ человѣкомъ, у котораго было много любовныхъ исторій...

Княжна. Я не знаю... Мнѣ не говорили... Cousin George началъ что-то разсказывать въ этомъ родѣ, но maman на него прикрикнула... Мнѣ очень больно, если графъ... увлеченія... Но я увѣрена, что онъ никого не любилъ такъ, какъ меня.

Княгиня. Вы—неопытное дитя и такая увѣренность!

Княжна. Увѣрена, да. Такъ бываетъ разъ въ жизни. Онъ самъ говоритъ, что мы рождены другъ для друга. И я вѣрю, я чувствую, что это—святая правда. Вамъ одной хотѣлось разсказать, какъ я счастлива, все... а вы-то и пугаете меня...

Княгиня. Простите! Иногда мнѣ тяжело говорить о счастіи другихъ... стоитъ очень большихъ усилій...

Княжна. Если-бъ я знала! Я не прощу себѣ, что разстроила васъ...

Княгиня. Не смущайтесь моими словами, Catherine. Я не хотѣла возбудить въ васъ сомнѣній... Если что нибудь и сорвалось съ языка — забудьте. Да вамъ и не трудно... Въ словахъ женщины, для которой все кончено въ жизни, что понятнаго вамъ, жизнь которой только что начинается?

Княжна (*вставая*). Не лечь-ли вамъ? Вы совсѣмъ нездоровы...

Княгиня. Не здоровится, да. Прощайте, Catherine. Благодарю, что навѣстили.

Княжна. Мнѣ очень грустно оставлять васъ въ такомъ состояніи... Но мы скоро увидимся. Можно?

Княгиня. Не пустятъ.

Княжна. Однако-же я здѣсь...

Княгиня. И графъ не посовѣтуетъ вамъ...

Княжна. Отчего? Напротивъ, я его-то и попрошу устроить, чтобы намъ видѣться чаще. Нѣтъ той просьбы, которой бы онъ для меня не исполнилъ.

Княгиня (*прерываетъ, протягивая ей руку*). Прощайте. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ не хорошо...

Княжна. Прощайте, дорогая моя! (*Поцѣловала ее*). Я буду неутѣшна до тѣхъ поръ, пока не увижу васъ здоровою и веселой. (*Уходитъ*).

Княгиня (*схватившись за кресло, едва удерживается на ногахъ*). О-о-охъ, какая мука!.. (*Садится. Спазмы сдавили ей горло, но рыданія, потрясающія, глухія нѣсколько облегчаютъ ее*). Бываетъ-ли горше обида?! Можно съ ума сойти... О-охъ!.. Господи, дай силъ вынести испытаніе это!.. Облегчи мою душу!.. Мыслей не соберешь... Что со мной дѣлается? (*Стонетъ. Собравъ всѣ силы, встаетъ, доходитъ до стола, дрожащими руками наливаетъ стаканъ воды и жадно выпиваетъ его. Съ трудомъ выговаривая*). Вотъ и счастье мое!.. За что ты меня погубилъ?! Меня обмануть жестоко, жестоко!.. (*Тихо заплакала*). Съ чѣмъ-же я теперь? Все взято, все... вѣроломно, безсовѣстно!.. (*Вдругъ прислушивается, взявшись за ручки кресла. Лицо ея вспыхнуло, глаза загорѣлись. Она быстро отерла слезы и, при входѣ Аракчина, встаетъ въ полномъ обладаніи силъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Княгиня Курагина и графъ Аракчинъ.

Княгиня. Наконецъ ты вспомнилъ меня! Давно не видались, давно! Я не знала что и подумать...

Графъ (*цѣлуя ея руку*). Такая досада! То гости, то главнокомандующій требуетъ къ себѣ, по дѣламъ. Вчера сестра заболѣла, весь день просидѣлъ съ нею...

Княгиня. Опасно?

Графъ. Нѣтъ, слава Богу. (*Молчаніе*). Какой у тебя сегодня инквизиторскій взглядъ!

Княгиня. Инквизиторскій? У тебя, на оборотъ, видъ разсѣянный, озабоченный...

Графъ. Вѣрно дядюшка вольтеріанецъ... Да? Его придирки по истинѣ несносны... Когда ты въ ажитаціи, всегда какая нибудь непріятность...

Княгиня (*пожала плечами*). Ахъ, знаешь-ли кто былъ у меня сейчасъ?

Графъ. Кто?

Княгиня. Я до того отвыкла видѣть людей, что была поражена, когда вдругъ вошла княжна Пронская.

Графъ (*вставая*). Княжна?!

Княгиня (*строго глядя на него*). Да, княжна. Это тебя смущаетъ?

Графъ. Нисколько.

Княгиня. Конечно ее не пускали и ты первый отсовѣтовалъ бы ей ѣхать ко мнѣ...

Графъ. При чемъ я тутъ?

Княгиня. Но милочка очень любитъ меня и ухитрилась ускользнуть изъ подъ надзора своихъ. Надѣюсь, княжна, отъ свиданія со мной, ничего не потеряла въ нравственномъ отношеніи, хоть я и отвергнута всѣми? Или ты другихъ мыслей?

Графъ. Я не понимаю, что ты говоришь. Кто-же больше уважаетъ тебя, нежели я?

Княгиня. Уважаешь! (*Усмѣхнулась*). А скажи пожалуйста, какимъ это образомъ оказалось, что вы съ княжной „рождены другъ для друга?"

Графъ. То-есть какъ?.. Что ты хочешь сказать?

Княгиня. Ясно. „Рождены другъ для друга", то-есть княжна для тебя, а ты для нея.

Графъ (*вспыльчиво*). Если... если это шутка, то неумѣстная шутка!

Княгиня. Какія шутки? Помилуй!

Графъ (*въ сильномъ волненіи*). Во всякомъ случаѣ, разговоръ объ этомъ лучше оставить.

Княгиня. Да, человѣку, который такъ высоко ставитъ свою честь, какъ графъ Сергѣй Степановичъ Аракчинъ, тяжело быть уличеннымъ во лжи и обманѣ.

Графъ. Я лжецъ?! Княгиня... есть мѣра, есть граница всему... Никто не можетъ быть судьей моихъ отношеній къ княжнѣ... Я самъ не... не уяснилъ ихъ настолько, чтобы видѣть, какъ должно мнѣ поступать...

Княгиня. Дурно вдвойнѣ: относительно меня и княжны, считающейся себя вашей невѣстой.

Графъ. Невѣстой!.. Съ вами нельзя говорить!.. Развѣ я объявилъ себя женихомъ?

Княгиня. Должны послѣ того, что говорили княжнѣ, въ чемъ ее увѣряли—должны. Этимъ не шутятъ, графъ. Но мнѣ слишкомъ тяжело видѣть, какъ вы вывертываетесь изъ фальшиваго положенія. И къ чему? Меня не разувѣритъ ничто.

Графъ (*съ нетерпѣніемъ пожалъ плечами и отходитъ*). Вы настаиваете!

Княгиня. Не знаю что̀ мнѣ больнѣе: мое-ли несчастіе, или то, что вы разбили мою вѣру въ васъ. Если-бъ я, по совѣсти, была недостойна вашей любви, мнѣ было-бы легче. Но видѣть васъ недостойнымъ себя — это ужасно. Къ чему же всѣ жертвы? На что? чтобы быть лишнимъ звеномъ въ цѣпи вашихъ волокитствъ?—слишкомъ жалкая и низкая роль для меня!

Графъ. Боже мой! Вольно-же вамъ преувеличивать и... такъ понимать! (*Сѣлъ къ столу и облокотился, прикрывъ рукою лицо*).

Княгиня. Вы не уяснили свои чувства къ княжнѣ. За то мнѣ ясно все, я все поняла. Вы слишкомъ... впечатлительны, чтобы не сказать большаго. Ваша жизнь —побѣдителя женскихъ сердецъ—испортила васъ. Для васъ, все испытавшаго, княжна, съ ея робостью и свѣжестью разцвѣтающей красоты, имѣетъ особенную прелесть. Къ тому же за ней рой жениховъ и поклонниковъ. Превзойти всѣхъ—ра̀звѣ не лестно самолюбію вашему?

Графъ. Довольно, княгиня! Пожалуйста!

Княгиня. Я же для васъ, какъ свѣтскаго человѣка, потеряла уже черезъ то, что лишилась блестящаго положенія въ свѣтѣ. Когда я всѣхъ затмѣвала собою, вы

цѣловали мои слѣды, а когда, опозоренная, всѣми поруганная, стала приживалкой изъ милости, вы забываете меня для первой хорошенькой дѣвочки. Но кому я обязана тѣмъ, что лишилась всего? Для кого всѣ жертвы нищеты, униженія? Вамъ, если вы честный человѣкъ, должно бы подумать объ этомъ. Изъ уваженія къ себѣ, нужно бы помнить, какое значеніе имѣли вы для меня.

Графъ. Ради Бога перестаньте! Я не въ силахъ выслушивать... Вы уничтожаете меня... Если я и увлекся княжною, то никакая любовь не устоитъ противъ вашихъ упрековъ!

Княгиня. Я не упрекаю, графъ, нѣтъ. Надо же все понять, вспомнить хоть напослѣдокъ. А вы все забыли. Забыли, что говорили о своей любви, называя ее „святыней“, и то, что слышали отъ меня, когда умоляли „взять всю вашу жизнь“. Я—та же, что и полгода назадъ; съ тѣми же „совершенствами“, которыми вы восторгались; съ тою же любовью, для которой не пощажено ничего. А вы? Вы... *ошиблись*, ха-ха!.. вы находите ту, которая „для васъ рождена“, ха-ха-ха!

Графъ. Легкомысленно, дурно, безчестно... Да, да! Но вы меня отрезвили. (*Подходитъ, хочетъ взять ея руки. Она не даетъ ихъ*). Рѣшено! Все должно измѣниться. Твое положеніе здѣсь невозможно. Я горько каюсь, что допустилъ его. Я брошу службу и мы немедля уѣдемъ въ чужіе края.

Княгиня. Я уѣду, но не туда и не съ вами, графъ.

Графъ. Наташа, это жестоко! Неужели ты рѣшительно не хочешь мнѣ вѣрить?

Княгиня. Такъ лучше обоимъ. Во-первыхъ, я предпочитаю разрывъ охлажденію. Безразсудно и унизительно удерживать человѣка, котораго влечетъ въ другую сторону...

Графъ. Ты стоишь на своемъ! Но кто любитъ, тотъ и прощаетъ, Наташа.

Княгиня. Ахъ, не крѣпка любовь, которая нуждается въ прощеніи! Я любила по своему и вамъ пора бы знать

это. Отдавъ сердце одному, я жила для него, готова была умереть для него и другому въ моей любви не было мѣста. Для васъ такая любовь слишкомъ исключительна, графъ. Вы оскорбили ее, вы не тотъ, кого я любила и лучшее для насъ—жить каждому по себѣ. (*Пошла къ боковой двери*).

Графъ (*стремительно подходитъ, чтобы ее удержать*). Наташа!

Княгиня (*останавливаетъ его жестомъ*). Я очищаю вамъ дорогу. Прощайте! (*Уходитъ. Онъ, подавленный, нервно сжалъ руки и поникъ головой).*

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Садъ въ Курагинскомъ имѣніи. Въ глубинѣ большой барскій домъ, съ балкономъ. Отъ него посрединѣ липовая аллея къ зрителямъ. Къ авансценѣ полукружіе бесѣдки, обсаженной липами и цвѣтущими кустарниками. Ее пересѣкаетъ дорожка, идущая поперегъ сада.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Грушенька, Улыбышева и **Лакей** (*входитъ*).

Грушенька. (*лакею*). Ну, что?

Лакей. Здѣсь она. Вѣрно, ваше сіятельство. Вчера къ ночи пріѣхала. У попа, отца Семена, остановилась.

Улыбышева. Княгиня Наталья Петровна?!

Лакей. Такъ точно, прежняя барыня.

Грушенька (*матери*). „Прежняя барыня“, разводка, а не „княгиня“. Вы не понимаете того, что понимаетъ холопъ. (*Встаетъ съ скамьи и ходитъ въ волненіи*). Какова наглость! Какова дерзость явиться сюда!

Лакей. Все о князѣ распрашиваетъ, ваше сіятельство. Правда ли, что хворы они, въ параличѣ-съ? Да уходъ за ними какой, не обижаютъ-ли? (*Ухмыляется*).

Грушенька. Видите что! Я покажу себя ей! А попу будетъ отъ меня на орѣхи! (*Матери*). Я понимаю за-

чѣмъ она прилелась. Любовникъ бросилъ, женился, некуда голову преклонить...

Улыбышева. У нея есть имѣньице, во Владимирской губерніи.

Грушенька. Подзолово-то? Три съ половиной душенки! Собаки калѣютъ отъ голода.

Улыбышева. Много-ли ей нужно одной? Послѣднія крохи и тѣ раздаетъ бѣднымъ.

Грушенька. Поститъ, да ханжитъ! Видно, больше-то нечего дѣлать! (*Лакею*). Дать бы знать въ Змѣинецъ, Аракчинымъ, какая гостья у насъ.

Лакей. Тамъ ужъ знаютъ, ваше сіятельство, знаютъ-съ! Вчерась у отца Семена змѣинцевская діаконица была. Не кормя, домой полетѣла, съ новостью этой-съ.

Грушенька. Вотъ и прекрасно! Ступай объяви всѣмъ, что княгиня, молъ, приказали, пріѣзжую госпожу на барскій дворъ не пускать. Чтобы въ оба глядѣли, не то... Ну, меня знаютъ.

Лакей. Слушаю-съ.

Грушенька. А Елеонскій гдѣ?

Лакей. У себя въ комнатѣ-съ. (*Грушенька кивнула. Лакей уходитъ*).

Грушенька. Такъ по вашему, она не затѣмъ, чтобъ разжалобить князя, да выклянчить что нибудь? Нашъ дуракъ раскиснетъ. Еще бы!

Улыбышева. Что-же ему дать-то? Князь голъ, какъ соколъ. Имѣнія всѣ твои...

Грушенька. Какъ вы это говорите! Кому же владѣть ими, какъ не мнѣ, законной его женѣ? А по вашему, пусть бы онъ размытарилъ добро, разводку бъ свою наградилъ? Не такъ ли?

Улыбышева. Богъ съ тобо, Грушенька! Развѣ ты мнѣ чужая?

Грушенька. Слишкомъ вы стали, маменька, сердобольны. Я не разъ замѣчала, что вы потворствуете князю.

Улыбышева. Чѣмъ же?.. Я ничего... Мнѣ какое дѣло до князя?

Грушенька. Ну, я васъ знаю! Впередъ прошу быть

осторожнѣй. Знайте, что я *никого* не потерплю, кто мнѣ противится. (*Уходитъ въ домъ*).

Улыбышева. Ахъ, дочка, дочка!.. Вотъ и знатна и богата, а матери какое житье? Такъ согнула, такъ скрутила, что мочи нѣту моей!.. То-ли было при князѣ? Барыней жила... Жаль бѣднаго. Кого ужь тамъ обижать? А ты и пожалѣть не смѣй!.. Какъ бы повидать мнѣ княгиню?.. Зачѣмъ она къ намъ, горемычная?..

ЯВЛЕНІЕ 2.

Улыбышева и **Садовникъ.**

Садовникъ. Сударыня, ея сіятельство приказали васъ кликнуть.

Улыбышева (*уходя*). Опять чѣмъ-нибудь дочкѣ не угодила! (*Ушла въ домъ*).

Садовникъ (*глядя влѣво*). Эй! Парфишка! Вези его сюда! Сюда, молъ, вези!

Парфишка (*за сценой, протяжно*). Ѣ-демъ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Садовникъ и **Парфишка,** *вкатывающій на креслѣ* **князя Курагина.**

Парфишка (*останавливаясь*). Тпруу! (*Бросаетъ кресло*).

Садовникъ. Ахъ, шутъ-те дери! ништо ты лошадью правишь?

Парфишка. Ха-ха-ха!

Садовникъ. Пойдемъ искупаемся.

Парфишка. И то!

Князь. Чтъ-жь ты, Парфишка! Вези же, вези!

Парфишка. Наѣздился! Будетъ.

Князь. Къ пруду я сказалъ, къ пруду вези!

Садовникъ. Сиди, баринъ, и тутъ хорошо.

Князь. Ахъ, ракальи!.. Парфишка, ты хоть въ тѣнь-то меня подвези!

Парфишка. То туда, то сюда! (*Садовнику*). Одолѣлъ, братецъ!

Князь. Ракалья! Я вотъ барынѣ пожалуюсь. Погоди! (*Садовникъ и Парфишка захохотали*).

Парфишка. Васъ же она отругаетъ. (*Садовнику*). А слышалъ, братъ: Трубчевскаго, князя-то—задушили!..

Садовникъ. Ну?! Что въ Архангельскомъ жилъ? Кто-жъ его?

Парфишка. Вишь, дѣвка какая-то, Татьяною звать. (*Пошли вправо*).

Садовникъ. Вотъ оказія! (*Уходятъ*).

Князь. Парфишка! Парфишка!.. На пёклѣ бросилъ, ракалья... Господи, ужъ прибралъ бы ты меня!.. (*Утеръ выступившія слезы*). И за что?! Обобрали и бросили издыхать, какъ пса бросили!.. Охъ, покаралъ меня Богъ бракомъ симъ!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Князь Курагинъ и Улыбышева.

Улыбышева. Гдѣ же вашъ Парфишка?

Князь. Бросилъ... Купаться ушелъ и бросилъ... Въ тѣнь просилъ подвезти и того не могъ сдѣлать!

Улыбышева (*подкатываетъ его подъ дерево*). Вотъ вамъ и тѣнь. А вотъ нате-ка!.. (*оглядѣлась*) персики. (*Вынимаетъ ихъ изъ кармана*). Первенькіе. Прячьте скорѣй! Кушайте такъ, чтобы Грушенька не видала.

Князь. Знаю, знаю. (*Прячетъ персики*). Спасибо, Мавра Егоровна! Одна ты жалѣешь меня... А Парфишка... обижаетъ онъ, дергаетъ меня, чуть не бьетъ!..

Улыбышева. Ахъ, негодный! Я ему не велю, князенька, не велю обижать. А то подстрою, чтобы къ вамъ другого приставили. Только Грушенькѣ про Парфишку ни слова! И меня чуръ не выдавать!

Князь. Какъ можно!

Улыбышева. Да забывчивы вы, вотъ бѣда! Не велишь сказывать, а вы забудете и проболтаетесь.

Князь. Память... да... слаба память стала, слаба...

Улыбышева (*взглянула въ сторону и оторопѣла*). Батюшки!!

Князь. Что тамъ? Кто? Елеонскій? (*съ трепетомъ*). Не пускай! не пускай!

Улыбышева. Нѣтъ, нѣтъ, не онъ. (*Зайдя за кресло, дѣлаетъ кому-то знаки не подходить*). Ну, полно же,

полно тревожиться! Сейчасъ вернусь. (*Поспѣшно уходитъ вправо*).

Князь. Что случилось?.. Ахъ, Боже мой! вѣрно Еленскій опять идетъ мучить меня лукавствомъ, задирками!.. Подлая душа!.. Видѣть его не могу! а Грушенька нарочно его насылаетъ!.. Сжить хотятъ, сжить!.. (*Входящей Улыбышевой*). Ну, кто?

Улыбышева. Старый знакомый... Навѣстить... Хорошій человѣкъ, добрый...

Князь. Кому же вспомнить меня?.. Не знаю... Скажи.

Улыбышева. А вы кого вспоминаете?

Князь. Я? Кого я вспоминаю?.. Постой!

Улыбышева. А княгиня Наталья Петровна...

Князь. Быть не можетъ!! Она?!

Улыбышева. Чего переполошился? Коли такъ, не пущу ее, вотъ и все! (*Машетъ надъ нимъ платкомъ*).

Князь. Не буду, Мавра Егоровна! не буду, милая!

Улыбышева. Ну, смотрите! (*Даетъ знакъ. Княгиня входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же и княгиня Курагина.

Князь. Княгинюшка!.. матушка!.. (*Взялъ ея руки, припалъ къ нимъ и зарыдалъ*).

Улыбышева (*Княгинѣ*). Я покараулю. А вы тутъ не долго. Не велѣно. (*Уходитъ въ домъ*).

Княгиня (*про себя*). Какъ измѣнился-то, бѣдный!

Князь. Ангелъ съ небеси!.. Какъ вы вспомнили меня?!

Княгиня. Узнала, что вы больны. Поскорѣй собралась и пріѣхала.

Князь. Тяжко былъ боленъ, княгинюшка, да... И теперь... безъ ногъ, калѣка... Въ забросѣ, въ небреженіи... Бремя я имъ. А какое я бремя?.. Люта злоба людская, люта!..

Княгиня. Боже мой, до чего дошло!.. А если перевезти васъ ко мнѣ, въ Подзолово? Вотъ бы я была рада! Тамъ и уходъ и покой...

(*Парфишка показался за деревьями и проходитъ въ домъ*).

Князь. Не пустятъ, княгинюшка. Уморить надо, вотъ что имъ надо! Уповательно, не долго и нести бремя жизни. Да и достоинъ ли я попеченій вашихъ? Что вспомнили, навѣстили—и то будетъ мнѣ отрадой въ скорбяхъ... Вы-то какъ, матушка? Охъ, обидѣлъ я, горько обидѣлъ васъ!

Княгиня. Не говорите такъ... На моей душѣ грѣхъ...

Князь. Ни съ чѣмъ оставилъ!.. Скудаетесь, чай? Трудно вамъ, матушку?

Княгиня. Было трудно, но отъ другихъ причинъ... Пережито, слава Богу!.. Теперь другія у меня мысли: хочу оставить міръ, для иной жизни...

Князь. Какъ?! въ монастырь?!

Княгиня. Если Богъ благословитъ...

Князь. Княгинюшка!.. (*съ сожалѣніемъ покачалъ головой*). Жалко мнѣ васъ! Охъ, какъ жалко!

Княгиня. Напротивъ, порадуйтесь. Но я не могла исполнить свое намѣреніе, не повидавшись съ вами. много виновата передъ вами. Простите меня.

Князь. Что вы, матушка, что вы! Кто виноватъ-то? Не я-ли во всемъ виноватъ?!.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Князь и **Княгиня Курагины, Грушенька** и **Парфишка** (*за нею*).

Грушенька. Пробралась-таки! Хорошо исполняются мои приказанія! Ротозѣи! (*Парфишкѣ*). Увези князя въ домъ. (*Парфишка взялся за кресло*).

Князь. Нѣтъ, нѣтъ, Аграфена Семеновна!.. Ради Бога!..

Грушенька (*кричитъ*). Ве-зи!! (*Парфишка укатываетъ кресло*).

Князь (*съ плачемъ*). Княгинюшка!.. княгинюшка моя!..

(*Княгиня пошла за нимъ, но Грушенька заступаетъ ей дорогу*).

Грушенька. Позвольте-съ! Удивляюсь дерзости вашей! Какъ вы смѣли пріѣхать?

Княгиня. Узнала, что князь при смерти.

Грушенька. Кажется, у васъ все кончено съ княземъ. Или вы, будучи въ униженіи, въ крайности, думали черезъ него поправить свои дѣла?

Княгиня. Такихъ цѣлей у меня не было и быть не могло.

Грушенька. Зачѣмъ-же вы здѣсь? Идете въ чужой домъ, не спросясь... Можетъ, думали, что я расчувствуюсь и приму васъ?

Княгиня. Нѣтъ, Аграфена Семеновна...

Грушенька (*прерывая*). *Княгиня*, а не Аграфена Семеновна!

Княгиня. Я знала чего отъ васъ ждать. Тѣмъ важнѣе причина, которая привела меня къ князю... (*Съ одушевленіемъ*) безпомощному, несчастному. Вы добиваете его, какъ врага. За что? Неужели въ васъ нѣтъ ни капли жалости?

Грушенька (*вспыхнула*). Что-съ? Прошу избавить меня отъ наставленій, сударыня!

Княгиня. Вотъ что скажу я на это. Какова-бъ ни была ваша совѣсть, но когда князь умретъ, вы пожалѣете, что дурно съ нимъ обращались. Это будетъ васъ мучитъ. Рано, иль поздно, а будетъ такъ и вы меня вспомните. Подумайте-жъ о себѣ! Кто знаетъ, что ждетъ васъ самихъ? Захочетъ Богъ наказать, все отниметъ. Не навлекайте-же гнѣва Его, дайте спокойно умереть князю!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Княгиня Курагина, Грушенька и Улыбышева.

Грушенька (*съ оттѣнкомъ смущенія, матери*). Вамъ чего?

Улыбышева. Плачетъ онъ... проситъ...

Княгиня (*Улыбышевой*). Еще повидаться со мною? (*Грушенькѣ*). Я сама васъ объ этомъ прошу.

Грушенька (*пожимая плечами*). Пожалуй!.. Маменька, проводите. Да не долго-съ!.. (*Княгиня и Улыбышева уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Грушенька и **Елеонскій.**

Елеонскій (*быстро входя слѣва*). А я васъ ищу-съ! Аракчинъ пріѣхалъ!

Грушенька (*съ радостью*). Ужели? Безподобно!

Елеонскій. Верхомъ-съ. Лошадь вся въ мылѣ. Прямо къ попу... „Гдѣ, говоритъ, княгиня“? Въ не терпѣніи видѣть, ха-ха!

Грушенька. Она въ домѣ.

Елеонскій. Я полагаю, надо доставить имъ пріятную услугу, а вамъ развлеченіе-съ, ежели свести ихъ хоть здѣсь, въ бесѣдкѣ...

Грушенька. Вотъ бы отлично! Воображаю, какъ ее огорошитъ! Но онъ пойдетъ-ли сюда?

Елеонскій. Куда угодно-съ. Пылкость взволнованной души. Помилуйте! Васъ—навру—дома нѣтъ. Ужъ устрою-съ.

Грушенька. Устрой пожалуйста!

Елеонскій. Онъ къ усадьбѣ пошелъ. Дожидать. Сейчасъ представлю-съ. (*Быстро уходитъ обратно*).

Грушенька. Дура! Какъ было уступить графа? У меня бы не выкрутился, ужъ нѣтъ! Посмотрѣла-бъ я, какъ бы мой любовникъ женился!.. Да что тамъ было любить?—Кукла. Восхищались, кричали, пока въ чести была, да богата; а то-бъ и не замѣтилъ никто. (*Входящему Елеонскому*). Ну, что?

Елеонскій. Идетъ, идетъ-съ! Извольте спрятаться, а я ее приведу-съ. (*Идетъ къ дому, Грушенька скрывается вправо*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Княгиня Курагина (*изъ дома*) **Елеонскій** и **Грушенька** (*за сценой*).

Елеонскій. Кончили-съ? Пожалуйте прямо. Такъ ближе пройти-съ. (*Переходитъ въ глубинѣ сцѣны, вправо*).

Княгиня (*идя по аллеѣ, къ бесѣдкѣ*). Теперь сдѣлано все, чтобы вступить въ новую жизнь. (*Входитъ въ бесѣдку*).

ЯВЛЕНІЕ 10 и послѣднее.

Тѣ-же и Аракчинъ (*стремительно входитъ слѣва*).

Графъ. Княгиня!! (*Простираетъ къ ней руки*).

Княгиня. Графъ?! (*Отступаетъ пораженная*).

Графъ (*голосомъ, прерывающимся отъ волненія*). Я узналъ, что вы здѣсь... Я чуть не крикнулъ отъ радости... Никакая сила не удержала-бъ меня, когда я мчался сюда въ карьеръ... Я все забылъ, что раздѣляетъ насъ, что я самъ преступно надѣлалъ... Я сознавалъ, чувствовалъ только одно: что увижу васъ...

Княгиня (*оправясь отъ волненія*). Какими судьбами?.. Кажется въ этихъ мѣстахъ у васъ нѣтъ имѣній?..

Графъ. Здѣсь... имѣніе жены...

Княгиня. А!.. Ну, какъ ея здоровье?

Графъ. Можно-ли, видя васъ, говорить о другихъ!.. (*Вглядываясь въ нее*). Печальная, блѣдная... тѣнь прежней княгини!.. Боже, что я надѣлалъ! что я надѣлалъ, безумецъ!.. Ахъ, княгиня, есть ли что-нибудь горше раскаянія о потерянномъ счастіи?!

Княгиня. Я медлю, тогда какъ сейчасъ надо ѣхать... Извините, графъ, но я должна васъ оставить.

Графъ. Ради Богаа, княгиня! Я не могу такъ разстаться!.. Зачѣмъ вы спѣшите? Я не достоинъ свиданія съ вами, да; но могъ-ли отказать себѣ въ этомъ? Есть чувства сильнѣе воли, выше разсудка, выше всего...

Княгиня (*прерываетъ*). Я рада, что вижу васъ здоровымъ... (*отступая*). Дай Богъ вамъ всего хорошаго!

Графъ. Княгиня!.. По крайней мѣрѣ, дайте высказать, что я пережилъ, перечувствовалъ!..

Княгиня. Къ чему воспоминанія? Я слишкомъ отъ нихъ далека...

Графъ. Я живу прошлымъ. Оно меня мучаетъ... Очарованіе новой жизнью было не долго. Миражъ исчезъ. Я почувствовалъ, что прежняя любовь глубже, сильнѣе, что она одна была настоящей любовью...

Княгиня (*прерываетъ*). Подумайте, что вы говорите! Довольно, графъ! (*Отступаетъ*).

Графъ (*удерживая ее*). Вы могли думать, что я счастливъ. Меня мучило, что вы не знаете истины. Знайте-же, что раскаяніе грызетъ меня, что я очень несчастливъ...

Княгиня. Память обо мнѣ не должна тяготить васъ. Пережитое забыто и жизнь моя устроилась къ лучшему.

Графъ. Но моя!.. О, княгиня!.. Рядомъ молодая жизнь, женщина, счастье которой во мнѣ; а я чувствую, что въ сердцѣ не она, а вы, вы—лучшая изъ женщинъ, которой я измѣнилъ такъ безумно, постыдно!

Княгиня. Счастье жены—вашъ долгъ. Она не для того отдала вамъ жизнь, чтобы вы губили ее, въ малодушномъ и безплодномъ раскаяніи. Она довѣрчиво, съ чистой и горячей любовью пошла за вами... Вы были не мальчикъ, когда женились... И что-же: ошибка? миражъ? Полноте, графъ! Допустимъ, что вамъ тяжело сладить съ собою. Вы упали духомъ... Вы никогда не отличались стойкостью нрава... Но надо-же овладѣть собою, строго взглянуть на свои обязанности и твердо пойти по пути чести и долга. Вотъ мой завѣтъ вамъ, вотъ мое сердечное желаніе, графъ. Вы исполните его, если дорожите моимъ уваженіемъ. Прощайте! (*Отходитъ*).

Графъ (*обращается къ ней*). Княгиня! умоляю васъ!!..

Княгиня. Я запрещаю вамъ слѣдовать за мною! Да хранитъ васъ Богъ! (*Быстро уходитъ*).

Графъ (*съ отчаяніемъ*). Безумецъ! что я утратилъ!! (*Подавленный, садится на скамью и закрываетъ лицо руками. Грушенька и Елеонскій, посмѣиваясь, идутъ въ отдаленіи къ дому*).

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.

ШПІОНЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ШПІОНЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Дѣйствующіе:

Генералъ-маіоръ Хрущовъ, командиръ деташемента.

Полковникъ Сверебинъ, командиръ Преображенскаго баталіона.

Хаустовъ, его адъютантъ.

Князь Тугучевъ, офицеръ Преображенскаго полка.

Княгиня Елена Борисовна, жена его, молодая женщина.

Пашета, ея горничная, молоденькая.

Капралъ Чапкинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ крѣпости Давыдовской, въ Финляндіи.

Комната крѣпостной постройки. Въ задней стѣнѣ большое окно (изъ котораго видъ на гористую мѣстность и озеро) и небольшой сводчатый коридоръ, который образуетъ уголъ съ задней стѣною и служитъ продолженіемъ правой стѣны въ глубину сцены. Онъ освѣщенъ слѣва другимъ окномъ. Три двери: справа, слѣва и въ глубинѣ коридора. Всѣ двери толстыя, одностворчатыя. Мебель: простой столъ, два табурета и стулъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Сверебинъ *входитъ въ волненіи (изъ задней двери), въ сопровожденіи* **Хаустова.**

Сверебинъ. Помилуйте, на что это похоже?! На что это похоже, спрашиваю я васъ?! Наряженъ часовой въ караулъ. Смотрю—ружье безъ кремня! безъ крем-ня-съ!! Пріѣхалъ бы генералъ, да увидалъ бы эту ра-каль-ю!.. И это у меня въ баталіонѣ! Ха-ха! Фуктелей ему, негодяю! Всыпать такихъ фуктелей, что-бъ онъ вѣкъ кремень помнилъ, да почесывался! Слышали-съ?

Хаустовъ. Скажу ротному командиру.

Сверебинъ. Ротный командиръ! Почему у него безпорядокъ? Чѣмъ занимается, чѣмъ-съ? Турмановъ изволитъ гонять! Турмановъ съ собою привезъ и гоняетъ! Это на войнѣ-съ, чуть не въ виду непріятеля! Хороша служба! Шалберники! Подъ арестъ его-съ, подъ а-рестъ! (*Садится*).

Хаустовъ. Слушаю-съ.

Сверебинъ. А вы-съ... Вы должны были осмотрѣть караулъ. А вы чѣмъ занимаетесь? Чухонки на умѣ, мызницы-съ? Я васъ знаю. Вы и въ непріятельской странѣ въ мирѣ съ женщинами!

Хаустовъ. Да вѣдь мы не съ женщинами воюемъ, г. полковникъ.

Сверебинъ. Что-съ?

Хаустовъ. Охранять мирныхъ гражданъ — обязанность наша.

Сверебинъ. А порохъ казенный жечь, на шлаги, да фейерверочныя фигурки—тоже обязанность? Такъ вотъ-же что-съ: извольте по вечерамъ, вмѣсто того, чтобы забавлять мызницъ фейерверками, извольте читать по ротамъ артикулъ. Слышали?

Хаустовъ. Слушаю-съ. (*Вздохнулъ*). Отъ командира деташемента, генералъ - маіора Хрущова, полученъ ордеръ...

Сверебинъ (*вскакивая*). Какой? Гдѣ? Что-жъ вы молчали-съ? Какъ же вы...

Хаустовъ. *Вы* изволили говорить. Я не смѣлъ прерывать, г. полковникъ. Вотъ ордеръ. (*Отдаетъ бумагу*).

Сверебинъ. Слу-жа-ка! (*Читаетъ бумагу про себя*). А-а!.. Распорядились? Читали-съ?

Хаустовъ. Читалъ.

Сверебинъ. Читали и ничего? Ха-ха! Да за то время, какъ мы говоримъ, сотня шпіоновъ могла проскользнуть у насъ чрезъ шлагбаумъ! Здѣсь что сказано, что-съ? (*Читаетъ*). „Всѣхъ проѣзжающихъ изъ арміи въ С.-Петербургъ и обратно свидѣтельствовать". Поняли? А на какой конецъ? (*Читаетъ*). „Дабы знать, нѣтъ-ли съ ними какихъ потаенныхъ извѣстій о томъ, что происходитъ на границѣ". Ну-съ? Съ полученія ордера, пока вы глупости врали...

Хаустовъ. Осмѣлюсь доложить—вы изволили говорить, а не я-съ.

Сверебинъ. Молчать! За это время сотня шпіоновъ... Сію минуту дать приказъ, чтобы всѣхъ задерживать у шлагбаума, всѣхъ, кто ни ѣдетъ, и сюда ко мнѣ-съ! (*Хаустовъ пошелъ къ задней двери*). Стойте! Я самъ. Куда вамъ распорядиться! Вездѣ самъ, всюду самъ, въ каждый курокъ, ремешокъ, пуговицу носомъ ткнись, тогда только будетъ порядокъ. Часовой — безъ кремня! Ха-ха! (*Уходитъ*).

Хаустовъ. Ну, будетъ потѣха! Теперь, что ни проѣзжій,

то шпіонъ, ха-ха-ха! Случись самъ графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ—и тотъ попадетъ въ шпіоны. Бѣда подъ такимъ командиромъ, какъ нашъ полковникъ! Особенно въ дѣлѣ бѣда. Суетится, кричитъ, не знаетъ, что ему нужно, все перепутаетъ, всѣхъ собьетъ и ошалѣетъ дуракъ-дуракомъ. Въ Севастопольской баталіи чего натворилъ!.. (*За сценой голосъ Сверебина*). Эко пространная гортань! ишь, надсаживается!

Сверебинъ (*входя*). Фу, безтолочь! фу, мѣдные лбы! Насилу втолковалъ въ чемъ дѣло!

Хаустовъ. Изволите кричать, подчиненный оробѣетъ и сразу не пойметъ приказанія...

Сверебинъ. Ну-съ, ну-съ? Что еще? Яйца курицу учить будутъ?

Хаустовъ. Учить—не смѣю, а говорю въ видахъ пользы... наконецъ, вашего здоровья... Будучи всегда разгорячены, можете нажить болѣзнь...

Сверебинъ. Кто служитъ-съ, тому не помышлять о здоровьѣ, государь мой. Совѣтую и вамъ это помнить-съ. (*Садится*).

Хаустовъ. Интересно, на какой конецъ послѣдовалъ ордеръ о задержаніи проѣзжающихъ? Почему въ Петербургѣ не допускается свѣдѣній о происходящемъ на границѣ?

Сверебинъ. Вамъ что за дѣло, на какой конецъ? Не тщитесь ли вы проникнуть въ намѣренія всемилостивой и премудрой Монархини? Наше дѣло не разсуждать, а съ раченіемъ исполнять, сударь мой, ис-пол-нять!

Хаустовъ. Но что бы исполнить, нужно понять приказаніе...

Сверебинъ. Да что вы умствуете?! Какой вы адъютантъ послѣ этого?!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ-же и Капралъ.

Капралъ. Ваше высокородіе, двухъ проѣзжающихъ задержали.

Сверебинъ. А-а! Сюда ихъ, сюда! Кто такіе?

Капралъ. Нашего полка сержантъ и рядовой-съ.

Сверебинъ. Ввести!.. (*Капралъ уходитъ*). Нашего полка! проѣзжіе!.. Что за дичь?!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Сверебинъ, Хаустовъ, княгиня Тугучева и Пашета (*одѣтыя— первая сержантомъ, вторая рядовымъ*). **Капралъ** *ввелъ ихъ въ коридорчикъ и уходитъ.*

Сверебинъ. Преображенцы! Мальчишки какіе-то!.. Идите сюда! (*Женщины, испуганныя, робко подходятъ*). Чьей роты? (*Переглянулись и молчатъ*). Да говорите, чертъ бы васъ взялъ! Иль у васъ языкъ къ небу прилипъ? Сержантъ, чьей роты? (*Княгиня молчитъ*). Истуканъ! (*Подходитъ къ ней*). Прическа отчего не по формѣ? А пуговица! Пуговицы нѣтъ отчего? (*Схватываетъ ее за бортъ мундира*).

Княгиня. Позвольте, monsieur!.. (*Отступаетъ, стараясь высвободиться*).

Сверебинъ. Какой я мусье! я тебѣ не мусье, а ваше высокородіе! (*Хаустову, отходя*). Хороши молодчики! (*Хаустовъ съ улыбкой пожимаетъ плечами. Къ женщинамъ*). Какъ вы сюда попали?

Княгиня. Мы... ѣхали...

Сверебинъ. Ну да, ѣхали, ѣхали, чертъ возьми! Но куда? Подорожная гдѣ? (*Хаустову*) Молчатъ!

Хаустовъ. Оробѣли. (*Ласково*). Господа, есть-ли у васъ подорожная?

Пашета. Есть. (*Подаетъ ее Хаустову*).

Хаустовъ (*проглядѣвъ бумагу*). Подорожная выправлена Преображенскаго полка сержанту Алѣевцеву и рядовому Назару Огурцеву.

Сверебинъ. Преображенцы весьма подозрительные! Такъ ты сержантъ Алѣевцевъ?

Княгиня. Я? (*Взглянула на Пашету. Та утвердительно кивнула головой*). Д-да...

Сверебинъ. Гмъ! А кто у насъ начальникъ деташемента? (*Молчаніе*). Не знаю. А генералъ Хрущевъ кто?.. Не знаю. А я—кто? (*къ Пашетѣ*). Кто я?

Хаустовъ (*выразительно взглянувъ на Пашету*). Господинъ полковникъ, позвольте...

Пашета (*перебивая*). Вы—господинъ полковникъ.

Сверебинъ. А какъ мнѣ фамилія?

Пашета. Фамилія-съ?..

Сверебинъ. Да.—Не знаю! (*Кричитъ*). Машкарадъ! Самозванцы! Шпіоны! Я съ вами раздѣлаюсь, миленькіе! (*Ходитъ крупными шагами. Женщины еще больше испуганы. Круто останавливается передъ княгиней*). Куда ѣхалъ?

Княгиня (*отступая*). Въ... въ... Виль... Вильманстрандъ...

Сверебинъ (*свистнулъ*). Фю-ю! Вильманстрандъ позади, а они въ него ѣдутъ! Изрядно!

Княгиня (*въ сторону*). Вотъ ужасъ!

Пашета (*въ сторону*). Пролетѣли!

Сверебинъ. Къ границѣ пробирались, ракальи?! Вывѣдывать, нюхать, шпіонить?!

Княгиня. Увѣряю васъ, въ Вильманстрандъ! Позвольте намъ ѣхать туда! Умоляю васъ!

Сверебинъ. Ха-ха-ха! Какъ бы не такъ! (*Хаустову*). Прежде всего обыскать!

Княгиня. Ахъ!

Пашета. Ахъ!

Сверебинъ. Не нравится, а?! Бумажки секретныя есть? Диспозиція?.. Мундиры долой! (*Женщины въ смятеніи*). Ну!

Княгиня. Я не могу... (*Хаустову*). Monsieur, заступитесь пожалуйста! Это рѣшительно невозможно.

Хаустовъ. Да, не удобно, г. полковникъ.

Сверебинъ. Какъ-съ? Почему не удобно?

Хаустовъ. Потому что-о... передъ вами не солдаты, а женщины.

Княгиня (*въ сторону*). Что теперь будетъ?!

Пашета (*въ сторону*). Пропали!

Сверебинъ. Что-съ?! Женщины? Вамъ вездѣ бабы мерещатся, какъ пьяницѣ черти! Стыдитесь!.. Женщины вы? (*Объ заплакали*). Вѣрю. Ревутъ—вѣрю. Тѣмъ хуже

для васъ, если вы бабы. Машкарадъ, фальшивая подорожная!.. За одно это—въ Сибирь! А за шпіонство... Знаете, что шпіонамъ бываетъ, въ военное время? Къ столбу... (*прицѣливается*) и трахъ! Цѣлымъ взводомъ-съ! И тутъ же закопаютъ, какъ псовъ! (*Женщины зарыдали. За сценой барабанъ ударилъ тревогу*). Тревога?

Хаустовъ. Тревога-съ.

Сверебинъ. Что тамъ? (*Бросается къ задней двери и останавливается. Хаустову, подходящему къ женщинамъ*). Что же вы-съ? За мной! Разъ бабы, вамъ и тревога ни почемъ? Слу-жа-ка! (*Указываетъ на заднюю дверь*). Дверь запереть и приставить къ ней часового! (*Уходитъ, въ сопровожденіи Хаустова. Барабанъ умолкаетъ. За дверью загремѣлъ засовъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Княгиня Тугучева и Пашета.

Пашета. Что, сударыня, не говорила я: не затѣвать пустяковъ? Что вы надѣлали?

Княгиня. Но вѣдь я соскучилась, пойми!.. Мнѣ такъ хотѣлось видѣть его, обрадовать!..

Пашета. Вотъ и радуйтесь! Любить можно. И скучать—отчего не скучать? Да головы-то терять не слѣдуетъ.

Княгиня. Боже мой!.. Что же намъ дѣлать, Пашета?

Пашета. Не знаю-съ. Я говорила,—не рядиться въ солдаты. Не послушались, ну и выпутывайтесь какъ знаете. Говорила: не гоните ямщиковъ, спрашивайте хорошенько дорогу. Нѣтъ, не терпѣлось, летѣли сломя голову! Вотъ и влетѣли черту въ лапы!

Княгиня. И надо же было случиться такому несчастію! Одно средство—дать знать мужу. Я попрошу...

Пашета. Ко-го?! Этого-то полковника? Станетъ онъ слушать! Не человѣкъ, а звѣрь. Кричитъ—душа въ пятки ушла. Втемяшилось ему, что шпіоны мы, ну и конецъ! Ему и разстрѣлять насъ ничего не стоитъ! Скоръ больно!

Княгиня. Ну, вотъ пустяки! Развѣ можно?.. Ты своимъ глупымъ страхомъ и меня заставляешь бояться.

Пашета (*съ плачемъ*). Да, глупымъ!.. На войнѣ церемониться станутъ, какъ же!.. Тутъ человѣкъ-то ни въ грошъ!

Княгиня. Да перестань ты ревѣть! (*Заплакала сама*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же и Хаустовъ.

Хаустовъ. Ну, шпіоны!.. (*Въ сторону*). Прехорошенькія, однако! (*Къ женщинамъ*). Полно плакать! Выплачете глазки, взоръ коихъ столь обольстителенъ.

Пашета (*ободрившись, тихо Княгинѣ*). Этотъ добрѣе, сударыня.

Хаустовъ. Вы, господинъ Алѣевцевъ, въ такомъ положеніи, что нужно быть со мною вполнѣ откровеннымъ. Кто вы такой?

Княгиня. Пашета, сказать?

Хаустовъ. Ха-ха-ха! Такъ сей бравый солдатъ зовется Пашетой?

Пашета (*вытягиваясь*). Я рядовой Назаръ Огурцевъ-съ.

Хаустовъ. Ха-ха-ха! Изрядно! (*Треплетъ ее по плечу*). И такъ, сержантъ... плѣнительнаго вида—ваше имя? Въ подорожной вы значитесь Алѣевцевымъ. И это очень не хорошо. Фальшивый документъ. Могутъ судить, какъ за уголовное преступленіе.

Княгиня (*со страхомъ*). Преступленіе?!

Пашета. Говорила, въ бѣду попадемъ!

Княгиня. Но мнѣ и въ голову не приходило, что это такъ важно!.. Что же мнѣ будетъ?

Хаустовъ. Надо знать, съ какого умысла вы сдѣлали это. (*Въ сторону*). Обольстительна! (*Къ ней*). Ежели изъ шпіонства...

Княгиня. Что вы говорите! Какое шпіонство!

Хаустовъ. По крайней мѣрѣ, полковникъ твердо наклоненъ такъ думать.

Пашета. Ужъ вашъ полковникъ!

Хаустовъ. Рядовой! Прикуси языкъ!

Княгиня. Я ѣхала къ мужу. Надѣла это платье потому, что думала—женщинъ не пустятъ въ лагерь, когда война.

Хаустовъ. Хотя присутствіе ихъ у насъ весьма желательно и я лично противъ этого ничего не имѣю.

Пашета (*про себя*). Добрый какой!

Княгиня. Мой мужъ—офицеръ вашего полка, Тугучевъ.

Хаустовъ (*мѣняя тонъ, вѣжливо*). Князь Тугучевъ?! Что женился передъ самымъ походомъ?

Княгиня. Да.

Хаустовъ. Простите, княгиня! (*Ставитъ ей стулъ*). Садитесь, прошу васъ. Съ этого слѣдовало начать. Вся бѣда въ томъ, что вы, вмѣсто Вильманстранда, гдѣ баталіонъ вашего мужа, попали къ намъ, въ Давыдовскую крѣпость...

Пашета. И къ такому звѣрю, какъ вашъ полковникъ.

Хаустовъ. Огурцевъ! (*Грозится на Пашету*). Нашъ полковникъ, въ разсужденіи службы, человѣкъ отмѣнныхъ достоинствъ. Скажи ему начальство: „лѣзь черту на рога"! И полѣзетъ.

Княгиня. Усердно прошу васъ, monsieur, помогите намъ выйти изъ этого ужаснаго положенія!

Хаустовъ. Съ удовольствіемъ, княгиня. Всѣмъ, чѣмъ могу.

Княгиня. Прежде всего, дайте знать мужу... (*Встаетъ*). Я ему напишу. (*Идетъ къ столу*).

Хаустовъ (*въ раздумьи*). Дать знать мужу!.. (*Отходя, про себя*). Нѣ-ѣтъ, я васъ немножечко задержу! (*Княгинѣ*). Невозможно, княгиня... По крайней мѣрѣ, сегодня...

Княгиня (*сидя за столомъ, съ перомъ въ рукѣ*). Но отчего?!

Хаустовъ. Пока полковникъ разумѣетъ вашъ арестъ, какъ дѣло государственной важности, сношенія невозможны.

Княгиня (*съ досадой бросаетъ перо и шумно встаетъ*). Прекрасно!

Хаустовъ. Имѣйте немного терпѣнія, дайте мнѣ разубѣдить его въ вашемъ шпіонствѣ и тогда...

Княгиня. Очень благодарна, но... ждать... подвергатьс і непріятностямъ...

Хаустовъ. Я постараюсь оградить васъ отъ нихъ.

Княгиня. Наконецъ, вашъ полковникъ, кажется, не изъ тѣхъ, которые скоро отказываются отъ своихъ мыслей, какъ бы онѣ ни были глупы... виновата!— не основательны...

Хаустовъ. Вотъ по этому, что бы освободить васъ, и надлежитъ дѣйствовать осторожно. Довѣрьтесь моей готовности служить вамъ и будьте покойны.

Княгиня. Очень признательна, но...

Хаустовъ. Полковникъ, до своего прихода, приказалъ пригласить васъ въ эту комнату.

Княгиня. Насъ запрутъ?

Хаустовъ. Нѣ-ѣтъ! Но ужъ будьте добры оставаться тамъ, пока васъ не позовутъ.

Княгиня. Нечего дѣлать! Пойдемъ, Пашета!

Хаустовъ. Нѣтъ, нѣтъ! Огурцевъ останется здѣсь.

Княгиня. Почему же она не со мной?

Хаустовъ. Формальность... Все таки вы арестованы... Прошу извинить... Полковникъ приказалъ заключить васъ въ разныя помѣщенія, чтобы вы не сговорились въ показаніяхъ, ха-ха!

Княгиня. Право, подумаешь, что люди здѣсь думаютъ не полюдски!

Хаустовъ. Что дѣлать, но повиноваться необходимо, княгиня! (*Отворяетъ ей дверь на лѣво*).

Княгиня. (*уходя со вздохомъ*). Вотъ нажила бѣду!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Пашета и Хаустовъ.

Хаустовъ. Ну, Огурцовъ!

Пашета. Что прикажете?

Хаустовъ. Такъ какъ ты солдатъ, а я офицеръ, а солдатъ долженъ слушаться офицера, то ты и слушайся меня.

Пашета. Слушаться? Поглядимъ!

Хаустовъ. По виду, ты смышленъ, расторопенъ, словомъ такихъ качествъ, что изъ тебя выйдетъ преизрядный вѣстовой.

Пашета. Вѣстовой? Это что же такое?

Хаустовъ. А это видишь ли—это солдатъ, который при адъютантѣ, на посылкахъ, услугахъ...

Пашета. Гмъ! Понимаю-съ.

Хаустовъ. Ну, такъ вотъ я и беру тебя въ вѣстовые.

Пашета. Ха-ха! Однако, вы сударь, выдумщикъ! А какъ же барыня? Ей кто станетъ прислуживать?

Хаустовъ. Найдемъ. Мызница какая нибудь... А ты ко мнѣ.

Пашета. Этакъ вы насъ не скоро отпустите! Нѣтъ-съ, я къ вамъ не могу.

Хаустовъ. На бѣду, ты настолько миловиденъ, что не худо бы скрыть тебя отъ солдатъ. Они у насъ большіе озарники.

Пашета. Батюшки!.. Нѣтъ ужъ пожалуйста, сударь.. Я. ихъ до смерти боюсь.

Хаустовъ. То-то и есть! А будешь у меня, никто тебя пальцемъ не тронетъ... (*беретъ ее за подбородокъ*) моя милая, то-есть Назаръ Огурцевъ.

Пашета (*отстраняется*). А вы зачѣмъ трогаете?

Хаустовъ. Рядовой, смирно! Руки по швамъ! Такъ вотъ, такъ! (*Ставитъ ее по солдатски*). И не смѣть шевелиться!

Пашета. И принесла же насъ нелегкая сюда, Господи! (*За сценою выстрѣлъ*) Ахъ!.. Ужъ не шпіоновъ ли разстрѣливаютъ?

Хаустовъ (*значительно*). Можетъ быть. (*За сценою два выстрѣла одинъ за другимъ*).

Пашета. Ай-Ай! (*Зажимаетъ уши и бѣжитъ къ двери*).

Хаустовъ (*ловитъ ее*) Ку-да?!

Пашета. Сударь, я боюсь!.. я ужасно боюсь, когда стрѣляютъ!.. (*За сценой еще два выстрѣла*). Ай-ай-ай!

Хаустовъ (*обнимая и лаская ее*). Не бойся, полно! Новобранцы стрѣляютъ. Трусъ, а еще солдатъ! (*Цѣлуетъ ее*).

Пашета. Что же вы дѣлаете?

Хаустовъ. А я... чтобъ успокоить тебя. Еслибъ ты былъ женщина, то поцѣлуй—самое вѣрное средство привести ее въ чувство, добрый поцѣлуй, отъ души. Вотъ такой! (*Вторично ее цѣлуетъ*).

Пашета. Тутъ и испугаться нельзя! Попадешь изъ огня въ полымя. И какъ вамъ, сударь, не стыдно? Сами выдали насъ полковнику, а говорите: „еслибъ ты была женщина“...

Хаустовъ. Это еще подъ сомнѣніемъ. И подорожная и мундиръ... Наконецъ, женщинъ не берутъ въ вѣстовые.

Пашета. Должно быть что такъ.

Хаустовъ. Но ты не желаешь. Неволить не смѣю. Жаль, а придется исполнить приказаніе полковника: до производства формальнаго слѣдствія, посадить тебя въ казематъ.

Пашета. Это еще куда?!

Хаустовъ. А тамъ... въ подвалѣ у насъ. Сыро тамъ и крысы...

Пашета. Кры-сы?! Ни за что! ни за что въ свѣтѣ!..

Хаустовъ. Опять говорю: не неволю. Посиди тамъ, попробуй! А въ память обо-мнѣ... на вотъ, надѣнь это колечко. (*Снимаетъ съ руки и надѣваетъ ей кольцо*). Все таки развлеченіе въ одиночествѣ.

Пашета (*протяжно и плаксиво*). Но я въ казематъ не хочу... (*Хаустовъ пожавъ плечами. Быстро и весело*). Сударь, а вы о барынѣ похлопочитѣ? Вы добрый, похлопочите пожалуйста! Какъ она любитъ его, барина-то! Какъ по немъ убивалась! И барыня какая—на рѣдкость!

Хаустовъ. Ты—я вижу—очень предана ей?

Пашета. Чего я для нея ни сдѣлаю!

Хаустовъ. Значитъ, и въ вѣстовые пойдешь?

Пашета. Изъ усердія?

Хаустовъ. Ну да, да, изъ усердія.

Пашета. Вы пріятнаго обращенія, да ужъ слишкомъ ласковы, сударь.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ-же и Сверебинъ (*за сценой*).

Сверебинъ. Поручикъ Хаустовъ!

Хаустовъ. Ну вотъ! (*Пашетѣ*). Цѣлуй скорѣй! (*Она колеблется*). Скорѣе же! Некогда!

Пашета. Да мнѣ-то что же до этого?

Сверебинъ. По-ру-чикъ Ха-ус-товъ!

Хаустовъ. Скорѣй, Боже мой!.. Ну же скорѣй! (*Пашета чмокнула его и отбѣгаетъ, закрывъ лицо руками*)...

Сверебинъ. Гдѣ онъ шалберитъ? Гдѣ онъ... (*Громко*). Ха-ус-товъ!!

Хаустовъ. Ахъ, наказанье! (*Пашетѣ*). Иди сюда. (*Указываетъ на дверь что направо*). По корридору вторая дверь. Запрись и отопри только на мой голосъ.

Сверебинъ (*во все горло*). Ха-ус-товъ!!

Хаустовъ (*уходя*). Когда нибудь лопнетъ отъ крика! (*Уходитъ въ заднюю дверь*).

Пашета. Вотъ не знаешь, гдѣ найдешь!.. И красавчикъ какой!.. А кто виноватъ? — Барыня. Попали сюда, ну и... (*Разсматривая кольцо*). Колечко - то — прелесть!.. То-то мнѣ словно предчувствіе было... Всю дорогу княгиня мнѣ про барина, да про барина. Вижу — горитъ. Мнѣ и взгрустнулось. Пріѣдемъ — думаю — имъ радость, ласки, а мнѣ - то что? Да ужъ какъ стали сюда подъѣзжать, вдругъ мнѣ весело стало. Ни съ того, ни съ сего, весело да и только! Анъ это вотъ къ чему!..

ЯВЛЕНІЕ 8.

Пашета и княгиня Тугучева.

Княгиня. Долго ли тамъ сидѣть? Всякое терпѣніе лопнетъ! Пашета, я просто въ отчаяніи. Къ мужу не позволяютъ послать!.. Этакъ насъ Богъ знаетъ сколько продержитъ!

Пашета. Не спѣшите, сударыня, подождемъ.

Княгиня. Въ умѣ ли ты?! Какъ не спѣшить?!

Пашета. Ничего пе подѣлаешь, сами виноваты. Мнѣ еще хуже. Я черезъ васъ вь вѣстовые попала.

Княгиня. Ты?! въ вѣстовые?!

Пашета. Да-съ. Къ тому офицеру, съ которымъ вы изволили говорить. Приказалъ.

Княгиня. Что за вздоръ! Не дури, пожалуйста!

Пашета. Ну вотъ, „не дури!“ Ништо мнѣ сладко? Ве-

лять—должна слушать. Прощайте, сударыня! (*Идетъ къ двери направо*).

Княгиня. Куда ты?! Опомнись!

Пашета. Господи, да если велять! Вы же меня подвели. Такихъ страстей навидалась, что того гляди кликушею станешь. Мнѣ ужъ теперь подъ сердце подкатываетъ. (*Отворяетъ дверь*). Въ каземать запереть хотѣли, а тамъ крысы такіе, что человѣка съѣдятъ. Все по вашей милости! (*Хочетъ уйти*).

Княгиня. Да постой ты!

Пашета. Здѣсь ни ждать, ни разсуждать не велятъ. (*Опять хочетъ уйти*).

Княгиня. Пустяки, пустяки! Отправляйся въ мою комнату и сиди тамъ. Я скажу адъютанту, что не пустила тебя, вотъ и все.

Пашета (*съ неудовольствіемъ*). Какъ прикажете! (*нехотя переходитъ комнату къ лѣвой двери*). Охъ, не было бы вамъ худо чрезъ это!.. И меня въ каземать.... (*Быстро повертывается и идетъ обратно*). Нѣтъ, ужъ я лучше туда-съ.

Княгиня (*удерживая ее за плечо, строго*). Пашета!.. Какъ тебя тянетъ туда!

Пашета. Вовсе не „тянетъ", сударыня; а если, изъ усердія къ вамъ, я не смѣла ослушаться...

Княгиня (*повелительно указываетъ на лѣвую дверь*). Ступай-ка, ступай!

Пашета. Пожалѣете-съ! (*Уходитъ налѣво*).

Княгиня. Скажите пожалуйста! Горничную берутъ въ вѣстовые, меня держатъ въ нелѣпомъ подозрѣніи, средствъ вырваться — никакихъ! Надо-жъ добиться толку отъ этихъ людей! вбить въ голову полковника, что дѣйствія его больше чѣмъ глупы! (*Оглядывая себя, съ досадою*). И этотъ костюмъ! Несчастная мысль напялить мундиръ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Княгиня и князь Тугучевъ (*изъ задней двери*).

Княгиня (*въ радостномъ изумленіи*). Боже мой!.. Поль! (*Бросается къ нему на шею*).

Князь (*цѣлуя ее*). Здравствуй, Леночка! здравствуй, дорогая моя!

Княгиня. А я-то въ какую попала бѣду!..

Князь. Все знаю. Ямщикъ, который тебя привезъ, на обратномъ пути заѣхалъ къ намъ, въ Вильманстрандъ, и все разсказалъ.

Княгиня. Вотъ къ счастью! Представь, мнѣ не позволяли къ тебѣ послать!..

Князь. Я догадался, что переодѣтая барыня — ты. Сердце подсказало. Въ мигъ лошадей и мчусь сюда.

Княгиня. Ахъ, ты мой голубчикъ! родной мой! Вотъ обрадовалъ-то!

Князь. Ну-ка, сержантъ, покажись, покажись! Мило!

Княгиня. Охъ, буду я помнить этотъ мундиръ!

Князь. Ха-ха-ха! Онъ идетъ къ тебѣ удивительно!

Княгиня. Наконецъ-то я опять вижу тебя! Ахъ, Поль, какъ я по тебѣ встосковалась! Страхъ, вѣчный страхъ за тебя... Какъ представится, что ты раненъ!.. (*Въ ужасъ закрываетъ лицо руками*).

Князь (*отводя ея руки и цѣлуя ихъ*). Богъ милостивъ, женушка, живъ и невредимъ...

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣ-же и Сверебинъ.

Сверебинъ. Что за поцѣлуи?! Поручикъ Тугучевъ, вы здѣсь за чѣмъ-съ?

Князь. За женой. Позвольте рекомендовать ее вамъ, господинъ полковникъ.

Сверебинъ. Вы прытки-съ!

Князь. Прытокъ?! Чѣмъ? Если рекомендую жену...

Сверебинъ. Подъ видомъ сержанта Алѣевцева-съ!

Князь. Ахъ, да! Маленькая шалость... этотъ костюмъ... Вы, конечно, извините, г. полковникъ?

Сверебинъ. „Конечно извините"! Вы весьма прытки, г. поручикъ. Маленькая шалость, ха-ха! Машкарадъ, фальшивая подорожная, въ коей женщина именуется преображенцемъ—маленькая шалость!

Князь. Но послѣ того, какъ я имѣлъ честь доложить вамъ, что это—моя жена...

Сверебинъ. Не знаю-съ и знать не хочу.

Князь. Какъ не хотите знать? Я офицеръ и достаточно этого, чтобы мнѣ вѣрить.

Сверебинъ. Ордеръ начальства-съ! Всѣхъ проѣзжающихъ задерживать и обыскивать, дабы не пропустить шпіоновъ-съ.

Князь. Помилуйте, что-же общаго между шпіонами и моею женою?!

Сверебинъ. Не знаю-съ. Ордеръ начальства. Слѣдствіе обнаружитъ. А что женщины бываютъ шпіонами — это я знаю-съ. Даже затѣйливѣй насъ въ этомъ дѣлѣ.

Князь. Господинъ полковникъ, вы оскорбляете и ее и меня!..

Сверебинъ. Что вы *себя*-то суете? На что *вы* мнѣ, государь мой?.. И какъ вы осмѣлились явиться сюда, безъ моей апробаціи? (*Княгиня заплакала*).

Князь. Объяснилъ зачѣмъ. И еще разъ имѣю честь заявить, что передъ вами — моя жена, княгиня Елена Борисовна Тугучева. Не плачь, Лена. Сейчасъ мы уѣдемъ.

Сверебинъ. А я повторяю, что, во исполненіе ордера начальства, арестованные не уѣдутъ!

Князь (*съ ироніей*). Чѣмъ-же вамъ угодно кончить эту комедію?

Сверебинъ. Что-съ?! Комедія?! Я покажу вамъ „комедію“! Какова дисциплина у нихъ въ баталіонѣ! Я вамъ ошибу крылья, государь мой! Вы арестованы-съ. Шпагу!

Князь (*съ усмѣшкой*). Извольте. (*Отдаетъ шпагу*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣ-же и **Хаустовъ** (*поспѣшно входитъ изъ задней двери*).

Хаустовъ. Генералъ ѣдетъ! генералъ!

Сверебинъ. А?! что?! генералъ?! (*Заметался по комнатѣ*).

Князь. Слава Богу! (*Подходитъ къ женѣ*).

Сверебинъ (*Хаустову*) Что-же вы стоите? Что вы стоите, спрашиваю я васъ? (*Схватился за голову*). Батюшки,

караулъ-то!.. (*Бѣжитъ къ окну*). Прозѣваютъ, ракальи! (*Кричитъ въ окно*). Караулъ вонъ! Ка-ра-улъ вонъ!! (*Въ попыхахъ, хочетъ пристегнуть шпагу Тугучева, но своя мѣшаетъ ему*). Чертъ! Чья эта шпага?

Князь (*съ улыбкой*). Моя, г. полковникъ.

Сверебинъ. Да-съ! (*Хаустову*). Что-же вы стоите?!

Хаустовъ. Жду приказаній.

Сверебинъ. Приказаній! Идите-съ!

Хаустовъ. Куда прикажете?

Сверебинъ. Хорошъ адъютантъ, который не знаетъ куда ему идти! За мной идите-съ, государь мой, за мной!

Хаустовъ. Да вы-же здѣсь изволите быть...

Сверебинъ Не разсуждать! (*Убѣгаетъ, бросивъ шпагу на столъ. Хаустовъ, мигнувъ на него Тугучеву, уходитъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Князь и Княгиня Тугучевы.

Князь. Вотъ мы и спасены, Лена! Генералъ милѣйшій человѣкъ и выручитъ насъ. А вдругъ не заѣдетъ! Приметъ рапортъ и мимо!

Княгиня. Не можетъ быть, чтобы этотъ ужасный полковникъ не сказалъ про насъ. Генералъ захочетъ узнать въ чемъ дѣло.

Князь. Все-таки лучше пойти самому. (*Идетъ къ задней двери*).

Княгиня (*глядя въ окно*). Идутъ, идутъ!

Князь. Сюда?

Княгиня. Да. Генералъ засмѣялся, а полковникъ укоризненно выпучилъ на него глаза.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Тугучевы, генералъ Хрущевъ, *въ сопровожденіи* **Сверебина и Хаустова.**

Хрущевъ (*входя*). Такъ вы и задержали ихъ?

Сверебинъ. Такъ точно, ваше превосходительство. Во исполненіе ордера вашего превосходительства.

Хрущевъ. Да, да! Гдѣ-же эти предпологаемые шпіоны?

Сверебинъ. Одинъ вотъ онъ-съ, то-есть она-съ.

Хрущевъ (*княгинѣ*). Такъ это—вы? Извините, но что побудило васъ путешествовать въ этомъ видѣ?

Княгиня. Чтобы видѣться съ мужемъ, вотъ съ нимъ... (*Князь кланяется генералу*). Конечно, я поступила слишкомъ опрометчиво, но и довольно наказана тѣмъ, что вынесла здѣсь. Меня арестовали...

Сверебинъ. Ордеръ...

Хрущевъ (*перебивая*). Позвольте!

Княгиня. Хотѣли обыскать, судить за шпіонство, даже грозили разстрѣлять.

Хрущевъ. Разстрѣлять?! Какъ вы строги, полковникъ!

Сверебинъ. Я—я... не то, чтобы... а пояснить... пояснить-съ, какъ на войнѣ поступаютъ съ шпіонами...

Княгиня. Наконецъ, когда пріѣхалъ мой мужъ и просилъ, чтобы меня отпустили, полковникъ арестовалъ и его.

Хрущевъ. И его! (*Тугучеву*). Ваша фамилія?

Князь. Князь Тугучевъ, ваше превосходительство.

Хрущевъ. Очень пріятно познакомиться съ вашей супругой. (*Цѣлуетъ у нея ручку. Сверебинъ отдувается*). Надѣюсь, вы извините намъ излишнюю строгость мѣръ и опрометчивость обвиненій. (*Взглянулъ на Сверебина*).

Сверебинъ. Ордеръ вашего превосходительства...

Хрущевъ. Я виноватъ, я. Я не оговорилъ случаевъ, когда жены нашихъ офицеровъ до того соскучатся по мужьямъ, что рискнутъ даже, чтобы видѣться съ ними, поступить къ намъ въ ряды. Моя вина, г. полковникъ.

Сверебинъ. Помилуйте, ваше превосходительство, смѣю ли я...

Хрущевъ. Что?

Сверебинъ. Наше дѣло исполнять, а не разсуждать, ваше превосходительство.

Хрущевъ. Но иногда немножко и разсудить не мѣшаетъ.

Сверебинъ (*отдуваясь, про себя*). Ффу! Вотъ такъ баня!

Хрущевъ (*княгинѣ*). Вы ѣхали въ Вильманстрандъ. Такъ какъ это мнѣ по дорогѣ, то вы сдѣлаете мнѣ честь, если позволите довезти васъ въ моей коляскѣ. А чтобы

вамъ со старикомъ не было скучно, мы и князя возьмемъ съ собою.

Княгиня. Не знаю, какъ благодарить васъ, генералъ! Моя горничная—надѣюсь—также свободна ѣхать отсюда?

Хрущевъ. Другой шпіонъ? Ха-ха-ха! Разумѣется. А гдѣ же она?

Княгиня. Она уже успѣла поступить въ вѣстовые къ господину адъютанту.

Сверебинъ (*бросивъ на Хаустова сверкающій взглядъ, въ сторону*). Зарѣзалъ!

Хрущевъ (*Хаустову*). Къ вамъ, въ вѣстовые?! Ха-ха-ха! (*Сверебину*). Вашъ адъютантъ по своему перетолковалъ мой ордеръ. Не правда ли?

Сверебинъ (*съ волненіемъ, бросая на Хаустова грозные взгляды*). Въ разсужденіи сего, невозможный человѣкъ-съ... Женщины—злой рокъ его, ваше превосходительство.

Хрущевъ. Ха-ха-ха! Позовите же, г. адъютантъ, вашего вѣстового. Гдѣ онъ?

Хаустовъ. О...о...онъ... Сію минуту-съ. (*Бросается къ двери направо*).

Княгиня. Не трудитесь. Пашета не тамъ, гдѣ вы думаете. (*Отворяя дверь*). Пашета, поди сюда!

ЯВЛЕНІЕ 14 и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же и Пашета.

Пашета (*входя, князю*). Ахъ, баринъ! Здравствуйте, баринъ!

Князь (*со смѣхомъ*). Здравствуй, милая.

Княгиня. Ну, Пашета, твои обязанности вѣстового кончились...

Сверебинъ (*тихо Хаустову*). Шалберникъ!

Княгиня. Мы сейчасъ уѣзжаемъ.

Пашета (*наивно, глядя на Хаустова*). Такъ скоро?! (*Хрущевъ и Тугучевы засмѣялись*).

Хрущевъ. Однако намъ пора. (*Идетъ съ княгинею къ

двери, въ сопровожденіи князя и Сверебина. Пашета отстала отъ нихъ).

Хаустовъ (*жестами задерживаетъ ее и подходитъ, когда Хрущевъ и Тучучевы уже въ дверяхъ*). Да, душечка, скоро вы уѣзжаете! слишкомъ скоро! (*Цѣлуетъ ее*).

Сверебинъ (*обернувшись у двери, быстро возвращается и отстраняетъ ихъ другъ отъ друга, въ моментъ поцѣлуя*). Будетъ этому конецъ, или нѣтъ?! (*Пашета убѣгаетъ. Хаустову*). На три дня подъ арестъ! (*Быстро уходитъ*).

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.

ТЕМНАЯ СИЛА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

Сергѣй Михайловичъ Вырдинъ, богатый человѣкъ, занимаетъ видное положеніе, лѣтъ подъ шестьдесятъ.

Варвара Матвѣевна, жена его, лѣтъ пятидесяти.

Анна } дѣти ихъ.
Леонидъ }

Евгеній Устиновичъ Ящеровъ, лѣтъ тридцати, женихъ Анны.

Клеопатра Семеновна (Патя), молодая женщина.

Космачева, женщина лѣтъ сорока, занимается денежными дѣлами.

Печерицынъ, докторъ среднихъ лѣтъ.

Нотаріусъ.

Никифоръ, старый лакей.

Капитонъ, молодой лакей.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, осенью и зимой.

Дѣйствіе первое.

Богатая гостиная въ домѣ Бырдина. Направо и налѣво по двери. Въ глубинѣ диванъ, столъ и кресла; по сторонамъ маленькіе диваны и передъ ними овальные столики.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Бырдина и Леонидъ.

Леонидъ (*входя слѣва*). Добраго утра, maman! (*Цѣлуетъ ее*).

Бырдина. Леля, ты убиваешь меня, ты положительно убиваешь меня!

Леонидъ. Чѣмъ, maman?

Бырдина. По цѣлымъ днямъ пропадаешь, возвращаешься къ свѣту... Я измучилась, Леля.

Леонидъ. Вы забываете, что я уже не мальчикъ. Молодые люди моего возраста самостоятельны. А вы требуете отчета въ каждомъ моемъ шагѣ, въ каждомъ поступкѣ. Это смѣшно.

Бырдина. Не „отчета", Леля... Ты не такъ... Я люблю тебя, безпокоюсь за тебя... Развѣ я не вижу, какъ ты измѣнился? Ахъ, ты ужасно измѣнился, Леля! (*Плачетъ*).

Леонидъ (*съ досадой*). Не плачьте, maman! Ну что это?.. (*Ходитъ въ раздраженіи*).

Бырдина. Ты ли это, скромный, милый? Изъ веселаго, безпечнаго мальчика ты сталъ озабоченнымъ, нервнымъ, скрытнымъ. И это ты, который никогда не обманывалъ мать, никогда не говорилъ неправды! Ты подпалъ подъ дурное вліяніе, Леля, или товарищей, или... какой-нибудь женщины...

Леонидъ. Перестаньте пожалуйста!

Бырдина. Нѣтъ, такъ, такъ! Я увѣрена, что тутъ

женщина. Вотъ чего я боялась всегда. Увѣрена! Вліяніе женщины отличишь отъ всякаго другого. Это видно сейчасъ. Ты не знаешь, какія есть ужасныя женщины, Леля! И сколькихъ молодыхъ людей загубили эти подлыя твари!

Леонидъ. Какъ вы сильно выражаетесь! А случается, что у женщинъ, которыхъ презираютъ, такое чудное сердце!..

Быpдина (*прерываетъ съ живостью*). Позволь, позволь! Къ чему ты говоришь это? Гдѣ ты видалъ „презрѣнныхъ" съ чуднымъ сердцемъ? Боже мой, неужели я угадала?!. Ахъ, Леля, ты хоть бы крошечку пожалѣлъ меня!

Леонидъ. Maman, но зачѣмъ же отчаяваться? Вообразили что-то такое и мучаетесь!

Быpдина. Ты не откровененъ со мною. Не хорошо! Я вижу, что ты скрываешь что-то; вижу, что тебѣ стыдно отдѣлываться фразами, когда у меня сердце обливается кровью. Развѣ не вижу? Неужели я не *стою* твоей откровенности?!.

Леонидъ (*съ жаромъ*). Вы стоите обожанія, мама, и я обожаю васъ! (*Цѣлуетъ ея руку*). Но, ради Бога, оставимъ этотъ разговоръ. Я не могу... (*Мать вздохнула и грустно задумалась. Пауза*). Maman, мнѣ совѣстно... но мнѣ нужно денегъ...

Быpдина. Опять?! Давно ли ты взялъ у меня пятьсотъ рублей! И еще?!

Леонидъ. Необходимо.

Быpдина. Да что ты: проигрываешь, кутишь, или тебя обираетъ какая-нибудь?..

Леонидъ (*прерываетъ, съ досадой*). Ахъ, да никто не обираетъ!.. Ваши подозрѣнія просто нервируютъ меня!

Быpдина. Мнѣ не жаль, Леля. Ты знаешь. Я отдала тебѣ все, что имѣла; а отецъ не дастъ.

Леонидъ. Все, что имѣли?!

Быpдина. Да, все что было у меня своего.

Леонидъ. Я *обобралъ* васъ! Прекрасно!

Быpдина. Я не упрекаю...

Леонидъ. Да я то, я упрекаю себя. Боже мой, если все вспомнить!.. Подло, подло!..

Бырдина. Да что, дитя мое? Что тяготитъ тебя? Не мучай меня, скажи!

Леонидъ. Перестанемъ. Просто у меня нервы разстроены. (*Про себя*). Какъ же быть?! (*Матери*). Такъ отецъ рѣшительно не дастъ денегъ?

Бырдина. Ты знаешь...

Леонидъ (*горячо*). Я знаю, что онъ не терпитъ меня!

Бырдина. Ахъ, Леля!

Леонидъ. Пожалуйста не защищайте! Не терпитъ и не терпѣлъ никогда! Если бъ я былъ въ петлѣ, онъ и тогда не дастъ денегъ.

Бырдина. Грѣшно, Леля!

Леонидъ. Э полно, maman! У меня нѣтъ нѣжныхъ чувствъ къ отцу, за то нѣтъ и подлыхъ чувствъ. Я не такой сынокъ, какъ Serge Мошкаровъ, который говоритъ, что родитель его „зажился на свѣтѣ" и не дождется, когда онъ „протянетъ ножки", чтобъ забрать его капиталы. По мнѣнію отца, я дуракъ, чуть не жвачное животное; за то у васъ есть геніальная дочь, гордость и счастье papa... Ну, да все это старая пѣсня. Прощайте, maman!

Бырдина. Куда же ты, Леля?!

Леонидъ (*взглянувъ на часы*). Ни минуты свободной. Я и такъ опоздалъ. (*Быстро уходитъ направо. Мать горько заплакала*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Бырдина и Бырдинъ (*слѣва*).

Бырдинъ (*войдя, остановился и молча посмотрѣлъ на жену*). Ну что ты все хнычешь! По Лелѣ, по „миломъ мальчикѣ"! А твой Леля болванъ и больше ничего. И болванъ по твоей милости, да! Что можетъ быть безразсуднѣе материнской любви!

Бырдина. Ты всегда нападаешь на сына; а я не знаю такой доброй, такой честной души, какъ у Лели.

Бырдинъ. Слышали мы это, тысячу разъ слышали!

Онъ былъ чудомъ еще въ колыбели, когда оралъ, чертъ знаетъ какъ, и брыкалъ тебя ногами. Всѣ дѣти орутъ; но этотъ, этотъ!.. А потомъ? Я счетъ потерялъ заведеніямъ, въ которыя совалъ твоего „милаго мальчика". Я всѣмъ надоѣлъ изъ-за него. Конечно, только при моихъ связяхъ можно было тащить его за уши и добиться того, что ему дали хоть какой-нибудь аттестатъ и зачислили на службу. Всѣми правдами и неправдами выростили наконецъ. Что-жъ, на радость? утѣшаетъ онъ тебя, а? Ты все скрываешь отъ меня, только плачешь; а я очень хорошо вижу, что „милый мальчикъ" линяетъ съ каждымъ днемъ. У него уже потасканный видъ. А давно ли онъ былъ неприлично румянъ и жиренъ, какъ откормленный поросенокъ?

Бырдина. Можетъ быть, Леля увлекается, дѣлаетъ глупости. Молодости это свойственно. За это я всегда прощу; а вотъ подлости не прощу. А Леля никогда не сдѣлаетъ ничего безчестнаго, никогда! Онъ не похожъ на тѣхъ разсудочныхъ, безсердечныхъ молодыхъ людей, которые не рѣдки теперь. И слава Богу! Особенно противны мнѣ тѣ изъ нихъ, которые подличаютъ спокойно и даже съ достоинствомъ. Вотъ Анинъ женихъ тоже молодой человѣкъ; а что въ немъ молодаго?

Бырдинъ. Срав-ни-ла!

Бырдина. Конечно, ты станешь мнѣ возражать. Ты ни въ чемъ не можешь согласиться со мною. Всегда говоришь напротивъ, чтобы поспорить. У тебя какой-то духъ противорѣчія. А ужъ про дочь и заикнуться не смѣй! Лучше Ани на всемъ свѣтѣ нѣтъ! По дочери и женихъ ея—совершенство. А у меня вотъ не лежитъ сердце къ нему, что хочешь!

Бырдинъ. Матушка! Не у тебя учиться мнѣ людей разбирать! А что свой дуракъ дороже чужого умника, извѣстно давно.

Бырдина (*послѣ паузы, робко*). Сергѣй Михайловичъ Леля денегъ проситъ...

Бырдинъ (*вспыльчиво*). Ни за что! ни за что! Интересно, на чьи деньги онъ изволитъ кутить? И много л

у тебя осталось отъ твоего капитальца? Ты вотъ что скажи! Молчишь? Пріучила сынка къ мотовству,—пеняй на себя; а я въ этомъ не буду повиненъ, ужъ нѣтъ-съ!..

Бырдина (*умоляющимъ тономъ*). Сергѣй Михайлычъ!..

Бырдинъ (*прерывая*). Слышать ничего не хочу!

Бырдина (*безнадежно*). Ну что же мнѣ дѣлать?! (*Уходитъ налѣво*).

Бырдинъ. Денегъ!.. Дай ему волю, онъ все спуститъ, все!.. Скверный мальчишка!.. Мать убѣждена, что онъ обожаетъ ее; что нѣтъ жертвы, которой бы онъ для нея не принесъ. Посмотримъ, посмотримъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Бырдинъ и Ящеровъ (*справа*).

Бырдинъ. А! (*Пожалъ руку Ящерову*). Здравствуйте, Евгеній Устиновичъ! А меня все бѣсятъ, цѣлое утро бѣсятъ!

Ящеровъ (*снимая перчатки и бросая ихъ въ шляпу*). Что же случилось? Вѣроятно, опять по поводу Леонида Сергѣевича? (*Садится*).

Бырдинъ. Ну конечно! Помилуйте: мотаетъ, кутитъ, денегъ дай!

Ящеровъ. Перебѣсится.

Бырдинъ. Ну, батюшка, пока „перебѣсится", онъ въ гробъ вгонитъ меня. Покорно благодарю!.. Свались я, вѣдь онъ все спуститъ, все прахомъ пойдетъ-съ! Что-жъ, для этого я наживалъ, трудился, работалъ?!

Ящеровъ. Если ужъ васъ такъ безпокоитъ этотъ вопросъ...

Бырдинъ (*прерываетъ*). Я думаю!

Ящеровъ. Вопросъ, дѣйствительно, очень серьезный... то поручите Леонида сестрѣ. Анна Сергѣевна такой человѣкъ, которому можно довѣрить все: и брата и состояніе.

Бырдинъ (*крикливо*). Что-жъ мнѣ—завѣщаніе написать, что-ли? Отдать все Аннѣ, чтобъ она содержала брата? Это вы хотите сказать?!

Ящеровъ. Я и не думалъ про завѣщаніе. Я сказалъ

вообще... Вы сами формулировали вопросъ. Мнѣ и въ голову не пришла бы такая комбинація, удивительно ясная и простая.

Быдринъ. Въ дѣлахъ у меня всегда ясная комбинація.

Ящеровъ. Несомнѣнно. Но все-таки это—мѣра слишкомъ рѣшительная. Во-первыхъ, она оскорбитъ Леонида...

Быдринъ. О-о! Очень мнѣ нужно!

Ящеровъ. А во-вторыхъ, развѣ ужъ онъ безнадеженъ? Ну, замотался немного...

Быдринъ (*прерываетъ крикливо*). Головы нѣтъ, головы-съ! Разъ онъ ступилъ на эту дорожку—загремитъ въ пропасть. Того и гляжу, что онъ ошарашитъ насъ какой-нибудь гадостью. Эти пѣсни пойте моей старухѣ, а не мнѣ-съ! Ей это масло по сердцу.

Ящеровъ. Я васъ хотѣлъ успокоить.

Быдринъ. Напрасно-съ! Я вотъ рѣшилъ и поставлю на своемъ. (*Значительно посмотрѣлъ на него*). Но будетъ сдѣлано *осторожно*...

Ящеровъ (*про себя*). Въ мой огородъ... (*Скромно потупился*). Анна Сергѣевна еще не выходила?

Быдринъ (*добродушно*). Нѣтъ еще. Долго спитъ, баловница.

Ящеровъ. Мы условились ѣхать на выставку...

Быдринъ. Да вы ужъ тамъ были!

Ящеровъ. Анна Сергѣевна хотѣла еще. Ей очень понравились нѣкоторыя картины.

Быдринъ (*плутовски*). Въ особенности пейзажъ Волкова? Знаю, знаю! Я самъ съѣзжу съ Аней. Я готовлю ей маленькій сюрпризъ, хе-хе! Милая дѣвочка, какъ она будетъ рада!

Ящеровъ. Такъ я заѣду потомъ. До свиданья!

Быдринъ (*съ сіяющимъ видомъ, пожимая ему руку*). Я еще вчера рѣшилъ, когда она разсказывала и восхищалась этимъ пейзажемъ...

Ящеровъ. Догадываюсь. Прелестно! (*Уходитъ*).

Быдринъ (*прошелся въ задумчивости*). Да, если все отдать Анѣ, „милый мальчикъ" будетъ въ вѣрныхъ рукахъ. Счастливая мысль. Именно: „ясная и простая".

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Бырдинъ и **Анна** (*вошла и поцѣловала отца*).

Бырдинъ. Здравствуй, ma chère. (*Ласкаетъ ее*). Заспалась, заспалась! А сію минуту былъ Евгеній Устиновичъ.

Анна. Что-жъ онъ не подождалъ меня? Мы хотѣли на выставку.

Бырдинъ. Я самъ поѣду съ тобой. Хочу видѣть пейзажъ, которымъ ты восхищаешься.

Анна. Ахъ, прелестный!

Бырдинъ. А Евгеній Устиновичъ заѣдетъ потомъ.

Анна. Такъ поѣдемте. Я готова.

Бырдинъ (*въ дверь, что направо, громко*). Никифоръ!.. Скажи, заложить коляску. Сѣрыхъ запречь. (*Дочери*). А пока потолкуемъ о дѣлѣ. Сядемъ, душа моя. (*Садятся рядомъ*). Пока секретъ, что вы съ Евгеніемъ Устиновичемъ—женихъ и невѣста. Пожалуйста не проговорись.

Анна. Хорошо, papa, если такъ нужно.

Бырдинъ. Во-первыхъ, мнѣ очень жаль тебя отпускать...

Анна. Но мы будемъ часто видаться...

Бырдинъ. А затѣмъ—серьезнымъ дѣломъ торопиться нельзя. Теперь это скоро дѣлается. Женятся, чтобъ и приданое взять и чтобъ на разводъ хватило...

Анна. Но развѣ мой женихъ изъ такихъ?

Бырдинъ. Если-бъ онъ былъ изъ такихъ, то никогда бы не былъ твоимъ женихомъ. А все-таки мы подождемъ, тѣмъ болѣе, что нужно устроить кое-какія дѣла. Мы, старики, свое отжили, надо позаботиться о молодыхъ.

Анна. Я не люблю, papa, когда вы такъ говорите...

Бырдинъ. Я говорю хладнокровно, ma chère, а хнычутъ только старыя бабы. Женщины вообще труднѣе разстаются съ молодостью и съ жизнью, чѣмъ мы. Особенно меня заботитъ то, что мнѣ наслѣдуетъ такое сокровище, какъ Леонидъ Сергѣевичъ...

Анна. Papa!

Бырдинъ. Не возражай, пожалуйста не возражай! Леонидъ Сергѣевичъ—моя мигрень. Какъ такого молодца

предоставить самому себѣ? Я говорю про то время, когда меня не будетъ.

Анна (*съ живостью*). Ну что это! Прошу васъ, papa...

Бырдинъ (*прерываетъ*). Погоди. Выслушай и поймешь, къ чему я веду. Все, что я оставилъ бы Леониду, пойдетъ прахомъ и глупый малый кончитъ нищенствомъ. Мнѣ и его жалко и жалко моего состоянія. Поэтому я рѣшилъ отдать его подъ твою опеку. Евгеній Устиновичъ возражалъ, но я поставлю на своемъ. Все, что я имѣю, за выдѣломъ извѣстной части матери, я завѣщаю тебѣ. А ты ежегодно станешь давать брату опредѣленную сумму на все. Завѣщаніе будетъ написано нотаріальнымъ порядкомъ и притомъ такъ, чтобъ ты ничего не могла перевести на мужа. Мужья это любятъ, но родители не любятъ, ma chère.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же и Никифоръ (*справа*).

Никифоръ. Ваше превосходительство, лошади поданы-съ. (*Уходитъ*).

Бырдинъ (*вставая*). Ну, поѣдемъ.

Анна (*со слезами*). Вы такъ разстроили меня, что мнѣ не хочется ѣхать. (*Приложила платокъ къ глазамъ*).

Бырдинъ (*нѣжно обнимая ее*). Аня, Аня!.. Перестань, моя радость.

Анна (*бросается на грудь къ нему, сдерживая рыданья*). Ахъ, papa!

Бырдинъ. Ну, полно, полно! Поѣдемъ. (*Взялъ ее подъ руку. Уходятъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Леонидъ (*въ тѣхъ же дверяхъ говоритъ въ сосѣднюю комнату*).

Хорошо, Аня, скажу. (*Входитъ и бросаетъ шляпу*). Задержу твоего Евгенія Устиновича. (*Молча прошелся, озабоченнымъ видомъ*). Чортъ возьми, что же дѣлать?! По векселямъ требуютъ, грозятъ представить, денегъ нѣтъ... Такъ невыносимо!.. Нѣтъ, надо кончить, на

все сказать имъ!.. Сколько разъ собирался—не могу и не могу!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Леонидъ и Ящеровъ.

Ящеровъ. Вы дома?! Вотъ удивительно! (*Пожалъ ему руку*).

Леонидъ. Ани нѣтъ. Она просила васъ подождать. Они съ papa куда-то уѣхали.

Ящеровъ. Я надѣялся ихъ застать. Подожду. А ваша мамаша?

Леонидъ. Maman должно быть у себя. (*Подумалъ и съ оживленіемъ*). Евгеній Устиновичъ! У меня къ вамъ большая, огромная просьба!

Ящеровъ. Ко мнѣ?!. Что такое?

Леонидъ Вы ничего не знаете... про меня?

Ящеровъ. Знаю, что вы куда-то пропадаете, что съ вами какая-то темная личность...

Леонидъ (*съ живостью*). Ну, вотъ какъ судятъ! Вовсе не „темная"! (*Пауза. Съ волненіемъ, робко*). Я открою вамъ свою тайну. Я... женатъ...

Ящеровъ. *Женаты?!*. На той особѣ?.

Леонидъ. Ну да, на... Патѣ, на Клеопатрѣ Семеновнѣ...

Ящеровъ. Поз-драв-ляю!! (*Пауза*).

Леонидъ. Евгеній Устиновичъ, скажите имъ, старикамъ... Я не могу.

Ящеровъ. Если вы имѣли мужество жениться на такой женщинѣ, то имѣйте мужество признаться родителямъ.

Леонидъ. Мужество!.. У меня нѣтъ мужества. Наконецъ, мнѣ жалко ихъ, маму...

Ящеровъ. Отчего же вы не пожалѣли ихъ раньше?

Леонидъ. Ахъ, какой вы! А сами молодой человѣкъ! Развѣ страсть разсуждаетъ?.. Если-бъ вы знали мою жену, вы поняли бы все.

Ящеровъ (*ядовито*). Не имѣю чести.

Леонидъ (*вспыльчиво*). Пожалуйста!.. „Чести"!.. Патя была жертвой подлецовъ и погибла бы отъ ихъ гнусности...

Ящеровъ. А вы *спасли* ее!

Леонидъ. Спасъ, конечно спасъ. И горжусь этимъ.

Ящеровъ. И спаситель, и гордитесь—чувства все такія хорошія. Съ ними не трудно открыть вашъ *подвигъ* родителямъ.

Леонидъ. Ну, пожалуйста, прошу васъ, скажите вы! Мнѣ трудно. А скрывать дольше нельзя. Патя не хочетъ. Да и стороной могутъ узнать.

Ящеровъ. Слѣдовательно, ваша *супруга* настаиваетъ?..

Леонидъ. Конечно, ей хочется открыто занять положеніе моей жены и все...

Ящеровъ. Понятно. Хотя удобно ли ей жить въ Петербургѣ, гдѣ у нея найдутся знакомые, съ которыми неловко встрѣчаться, въ положеніи замужней женщины?

Леонидъ. Ахъ, какой у васъ злой языкъ! Такъ вы поможете мнѣ? Будьте другомъ! Голубчикъ! Вѣдь мы съ вами почти родные. И Патя будетъ вами благодарна. Мнѣ вѣдь и отъ нея достается. И „малодушенъ"—то я, и „мало люблю". А я отъ нея безъ ума!

Ящеровъ. Жалко, что она — первая женщина, въ которую вы влюбились.

Леонидъ. У насъ бывало много барышень. Я влюблялся, даже постоянно былъ влюбленъ въ какую-нибудь; но, понимаете ли, все это не то, не то!..

Ящеровъ. Конечно, не то. Насколько я знаю, вы до послѣдняго времени были однимъ изъ тѣхъ примѣрныхъ молодыхъ людей, у которыхъ отъ матерей нѣтъ секретовъ. И всѣ ваши увлеченія были такъ же невинны, какъ ваша совѣсть.

Леонидъ. Однако съ нѣкоторыми я цѣловался, а съ двумя даже обмѣнялся крестами, какъ ужъ съ невѣстами.

Ящеровъ. Но съ Клеопатрой Семеновной, надѣюсь, вы не мѣнялись крестами, хоть и женились на ней?

Леонидъ. Съ нею—нѣтъ.

Ящеровъ. Разумѣется. И я съ вами согласенъ, что Клеопатра Семеновна—совсѣмъ „не то", что тѣ милыя барышни. Ваши родители составятъ о ней свое мнѣніе, очень не схожее съ вашимъ.

Леонидъ. Я постараюсь заставить ихъ уважать мою жену.

Ящеровъ (*съ улыбкой*). Это довольно трудно. Впрочемъ попробуйте.

Леонидъ. Такъ я надѣюсь на вашу помощь. Пожалуйста! Сестру я не могъ просить, хоть она и добрая. Она пришла бы въ ужасъ и испортила бы все. (*Съ жестомъ*). Тссъ! Мама идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же и Бырдина (*слѣва*).

Бырдина (*Ящерову суховато*). Здравствуйте! (*Онъ поцѣловалъ ея руку*). А я не знала, Леля, что ты дома!

Ящеровъ. Мы тутъ говорили съ Леонидомъ Сергѣевичемъ о его дѣлахъ.

Бырдина (*со вздохомъ*). Охъ, ужъ эти мнѣ дѣла!

Ящеровъ. Чтобы тамъ ни было, а все-таки онъ добрый малый. (*Къ Леониду*). Извините, что я при васъ... У него честная душа и благородное сердце! (*Бросилъ на него насмѣшливый взглядъ*).

Бырдина (*съ улыбкой удовольствія*). Я очень рада, что вы понимаете его, очень рада!

Ящеровъ. Я говорю не для того, чтобъ доставить вамъ удовольствіе, хотя мнѣ очень пріятно это. Я всегда готовъ быть полезнымъ Леониду Сергѣевичу и на дружбу мою онъ можетъ вполнѣ положиться.

Леонидъ. А... а про то... о чемъ я просилъ васъ?..

Бырдина. Что такое, Леля? (*Ящерову*). О чемъ онъ просилъ?

Ящеровъ. А это... это *маленькая подробность* изъ его увлеченій. А вотъ и Анна Сергѣевна! (*Идетъ ей навстрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Анна (*входитъ радостная*).

Анна (*пожавъ руку Ящерову, быстро подходитъ къ матери и цѣлуетъ ее*). Papa купилъ мнѣ картину. (*Ящерову*). Ту самую, которая мнѣ такъ понравилась. (*Къ матери*).

Если бъ вы видѣли какой восторгъ! Сама природа! Вода, цвѣты, деревья—ну живыя, живыя! (*Ящерову*). Papa сказалъ, что это намъ на новоселье. Милый papa!

Бырдина. А онъ не вернулся съ тобой?

Анна. Онъ заговорился на выставкѣ съ какимъ-то знакомымъ. Велѣлъ мнѣ ѣхать домой. Сказалъ—скоро будетъ. Мнѣ показалось, что папа очень взволнованъ. Должно быть знакомый сообщилъ ему что-нибудь непріятное.

Ящеровъ (*значительно взглянулъ на Леонида*). Взволнованъ?!

Леонидъ (*съ растеряннымъ видомъ*). Евгеній Устиновичъ, вы тутъ пожалуйста... знаете, если по поводу *того*... А мнѣ некогда, мнѣ ужасно некогда. (*Схватился за шляпу*).

Бырдина (*тревожно*). Постой, Леля! Объясни!..

Леонидъ. Ахъ, но если мнѣ некогда!.. (*Пошелъ къ двери, что направо*).

Ящеровъ. Опоздали, Сергѣй Михайловичъ! (*Леонидъ ретируется отъ двери въ дальній уголъ*).

ЯВЛЕНІЕ. 10-е.

Тѣ-же и Бырдинъ (*въ страшномъ волненіи*).

Бырдинъ (*на сына*). А, вотъ онъ! Отлично, Леонидъ Сергѣевичъ! Прекрасно! Ты связался съ какою-то дрянью, съ какою-то Клеопатрой, которая обираетъ тебя!

Бырдина (*въ ужасѣ*). Леля!!

Бырдинъ. Ты хваталъ деньги у кого ни попало, давалъ векселя! А?!

Леонидъ (*трусливо*). Вотъ Евгеній Устиновичъ... Я просилъ... Евгеній Устиновичъ все объяснитъ...

Бырдинъ. Что ты путаешь?! При чемъ тутъ Евгеній Устиновичъ?!

Леонидъ. Я просилъ... Евгеній Устиновичъ, вы обѣщали...

Ящеровъ. Простите! У меня не повернется языкъ сказать *все*.

Бырдинъ (*кричитъ*). Да скажешь ли ты наконецъ въ чемъ дѣло?!

Бырдина. Сергѣй Михайловичъ, не кричи! Не горячись, ради Бога!

Бырдинъ (*съ досадой отмахнулся отъ нея*). Э, матушка! (*На сына*). Ну?!

Леонидъ (*вдругъ принимаетъ вызывающій видъ*). Извольте, скажу. Я женатъ.

Бырдина (*пронзительно вскрикиваетъ*). Ахъ!.. (*Аня и Ящеровъ бросаются къ ней*).

Бырдинъ. На *ней?!* На этой *Клеопатрѣ?!*

Леонидъ. Да, на Клеопатрѣ Семеновнѣ.

Бырдина (*вскрикиваетъ*) Боже мой!! (*Лишается чувствъ. Аня и Ящеровъ хлопочутъ около нея*).

Бырдинъ (*сжавъ кулаки*). Вонъ!! вонъ, негодяй!! Чтобъ ноги твоей не было въ домѣ!! Ты мнѣ не сынъ больше!! Вонъ!!

(*Леонидъ быстро уходитъ взволнованный, но съ достоинствомъ*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Угольная въ домѣ Бырдина. Двери: въ задней стѣнѣ и налѣво, в едущая черезъ смежную комнату въ спальню. Направо окна. Обстановка богатая.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Бырдинъ (*съ разстроеннымъ видомъ, ходитъ по комнатѣ*).

Бырдинъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Одолжилъ сынокъ!.. Такъ одолжилъ, что въ себя не придешь! Срамъ, позоръ! Совѣстно носъ показать!.. А ужъ эти мнѣ сожалѣнія знакомыхъ — слышать не могу!.. Я не ждалъ ничего путнаго отъ Леонида Сергѣича; но ужъ это... это такая непростительная гадость, такая... тьфу! А бѣдная мать! Мать, которая душу на него положила!.. Ну не подлецъ ли онъ, а?! Вотъ-те и „милый мальчикъ“, „честная натура“! Распиналась за него. Вотъ онъ и отплатилъ!.. Охъ-охъ! еще переживетъ ли, бѣдная?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Бырдинъ и Печерицынъ *) (*слѣва*).

Бырдинъ (*подходя*). Ну что, докторъ, какъ?

Печерицынъ. Болѣзнь имѣетъ правильное теченіе.

Бырдинъ (*раздражительно*). Благодарю! Въ томъ утѣшенія мало, что она имѣетъ „правильное теченіе". Въ былое время болѣзнь предупреждали, прерывали; а теперь заботятся о „правильномъ теченіи". Вы мнѣ скажите, какой исходъ она будетъ имѣть? Вотъ что-съ! „Правильно" и умереть можно; но кромѣ врача, это никого не утѣшитъ.

Печерицынъ (*съ снисходительной улыбкой*). Въ данную минуту ничего положительнаго сказать невозможно. Я надѣюсь... Главное, больной необходимо избѣгать всякихъ волненій...

Бырдинъ (*прерываетъ*). Чортъ возьми! А какъ это сдѣлать, желалъ бы я знать, когда собственно отъ „волненій" она и слегла?

Печерицынъ. Ну, удалить причины...

Бырдинъ. Покорно благодарю! Нѣтъ, вы, доктора, необыкновенные люди! Что-жъ я развѣнчаю своего сына, что ли?

Печерицынъ (*пожалъ плечами*). По крайней мѣрѣ исполняйте всѣ желанія больной, чтобъ по возможности... я говорю: *по возможности*, ничто не раздражало ее. Иначе будетъ плохо.

Бырдинъ. Утѣшили вы меня, нечего сказать!

Печерицынъ (*опять пожалъ плечами*). Ну, а ваше самочувствіе?

Бырдинъ. Какъ-съ?!

Печерицынъ. То есть, какъ вы чувствуете себя?

Бырдинъ. Мое „самочувствіе" отвратительно.

Печерицынъ. Да, вы раздражены. Я далъ нужныя наставленія Аннѣ Сергѣевнѣ. До свиданья!

Бырдинъ (*вручивъ ему деньги и крѣпко пожимая руку*).

*) Фигура плотная, съ важнымъ видомъ.

Докторъ, голубчикъ! вылѣчите мнѣ старуху!.. Ради самого Бога!.. Мнѣ... мнѣ очень тяжело потерять ее... (*Отвернулся, скрывая слезы. Печерицынъ уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Бырдинъ и **Анна** (*слѣва*).

Анна. Papa!

Бырдинъ (*нѣжно*). Что, другъ мой? что милая, голубка моя? (*Ласкаетъ и цѣлуетъ ее*).

Анна. Papa, вы не падайте духомъ. Мама поправится.

Бырдинъ. Эхъ, что то мало мнѣ вѣрится въ это!

Анна. Богъ милостивъ. Вотъ Лелю бы поскорѣй! Пріѣдетъ ли онъ, наконецъ? Мама проситъ послать за нимъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же и **Ящеровъ**.

Анна (*подавая ему руку, которую онъ цѣлуетъ*). Вотъ кстати! Евгеній Устиновичъ, сдѣлайте одолженіе, привезите брата къ maman. Безбожно, безсовѣстно не ѣхать, когда проситъ мама, которую онъ такъ огорчилъ!

Бырдинъ. Негодяй!! Нѣтъ вы, представьте, что онъ сдѣлалъ, что онъ осмѣлился сдѣлать! Я посылаю ему сказать, что разрѣшаю явиться домой; что требую, по настоянію матери, чтобъ онъ пріѣхалъ немедленно; а онъ шлетъ мнѣ письмо, глупѣйшее, подлѣйшее письмо. (*Достаетъ изъ кармана*). Полюбуйтесь, прочтите!

Ящеровъ. Любопытно. (*Читаетъ*). „Глубокоуважаемый папа! За мой бракъ вы меня выгнали и запретили называться вашимъ сыномъ. Этимъ вы оскорбили не меня одного, но и мою жену"...

Бырдинъ. Не угодно ли! А! Читайте, читайте дальше.

Ящеровъ (*читаетъ*). „Я исполню ваше желаніе, если вы примете меня *съ женой*, которую мой долгъ защищать отъ всякихъ оскорбленій, отъ кого бы они ни исходили"...

Бырдинъ. Хорошо-съ?! Дальше!

Ящеровъ (*читаетъ*). „И такъ, если вы согласны на мое

неизмѣнное предложеніе, то мы пріѣдемъ, когда вамъ угодно".

Бырдинъ. Ну вотъ вамъ! (*Взялъ письмо*).

Анна. Повѣрьте, papa, что самъ Леля не поступилъ бы такъ. Тутъ вліяніе этой женщины. Его не пускаютъ.

Ящеровъ. Несомнѣнно. (*Бырдину*). А вы что отвѣтили на это письмо?

Бырдинъ. Что отвѣтилъ! Согласился. Долженъ былъ согласиться, со скрежетомъ зубовъ, съ бѣшенствомъ!

Ящеровъ (*значительно*). Со-гла-си-лись?! (*Взглянулъ на Анну*). Это рискъ.

Бырдинъ. Что же мнѣ дѣлать, когда старуха требуетъ, во что бы то ни стало требуетъ этого негодяя? А докторъ говоритъ, что малѣйшее волненіе для нея — ядъ! А больная говоритъ: „я умру безъ Лели"! Что было дѣлать? Ну-съ?

Ящеровъ. Конечно, иначе вы поступить не могли. Такъ я поѣду. Но постараюсь уговорить Леонида и привезти его *безъ жены*.

Бырдинъ. Ахъ, если-бъ вы могли это сдѣлать! Я бы въ ножки вамъ поклонился!

Анна. Боюсь, что вамъ не удастся.

Ящеровъ. Постараюсь уговорить *ее*, Клеопатру Семеновну. (*Бырдину*). Я предвижу очень сложныя и непріятныя послѣдствія, если она будетъ имѣть доступъ къ вамъ въ домъ. Кромѣ того, что на это косо взглянутъ ваши знакомые и вы потеряете нужныя связи; кромѣ неловкаго положенія для Анны Сергѣевны, жена Леонида, какъ я понимаю ее, внесетъ къ вамъ раздоръ и непріятности безъ конца.

Бырдинъ. Да, да, голубчикъ! Конечно! Поѣзжайте же и устройте все скорѣе. (*Пожалъ ему руку*) А я поговорю съ старухой. (*Уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Анна и Ящеровъ.

Ящеровъ (*беретъ ея руку въ обѣ свои и нѣжно цѣлуетъ*). Какъ все это прискорбно и какъ мнѣ жалко васъ всѣхъ!

Все-таки, по-моему, Сергѣй Михайловичъ погорячился, позволивъ этой женщинѣ пріѣхать сюда.

Анна. Что же ему оставалось?

Ящеровъ. Предварительно нужно было испробовать всѣ средства. Напримѣръ, если бъ онъ пригрозилъ Леониду, что лишитъ его наслѣдства, это могло-бы образумить его. Важно, знаетъ ли Леонидъ про завѣщаніе, которымъ Сергѣй Михайловичъ ограничилъ его?

Анна. Право не знаю. Я терпѣть не могу говорить про завѣщанія и подобныя вещи!

Ящеровъ. Ну да, конечно. Я упомянулъ про завѣщаніе лишь потому, что оно сдѣлано въ вашу пользу и что если Леонидъ знаетъ про это, то могутъ быть осложненія... Но нѣтъ худа безъ добра. Настоящее положеніе дѣлъ ускоритъ нашу свадьбу. Сергѣй Михайловичъ откладываетъ ее безъ конца. Тогда вы—отрѣзанный ломоть и нашего порога Клеопатра Семеновна не переступитъ никогда.

Анна. Однако не медлите. Мама волнуется, ждетъ.

Ящеровъ. Ѣду сію минуту. (*Беретъ ея руку*). Только за всѣ хлопоты—награда впередъ!

Анна (*потупилась*). Что за награда?

Ящеровъ. Ужъ будто вы не догадались—какая!

Анна (*застѣнчиво*). Вздоръ, вздоръ. Поѣзжайте!

Ящеровъ. Вы ужасно скупы. Это не хорошо. Вы все дичитесь меня. Еслибъ вы любили меня, какъ я люблю васъ...

нна (*порывисто*). Ну!.. (*Поцѣловала его и быстро уходитъ налѣво. Ящеровъ уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Бырдинъ (*спустя секунду, входитъ*) *слѣва, потомъ* **Никифоръ**.

Бырдинъ (*съ нетерпѣніемъ*). Ну что-жъ лѣкарство не несутъ до сихъ поръ! Когда еще послано! (*Громко*). Никифоръ! (*Звонитъ*). Нѣтъ, не урезонишь старуху! Твердитъ одно: „Лелю мнѣ, Лелю“!.. Ахъ, если бъ Евгеній Устиновичъ уговорилъ этого балбеса!.. (*Вошедшему Никифору*). Лѣкарство! Дождусь я, наконецъ?

Никифоръ. Да ужъ принесли, ваше превосходительство. Горничной отдано-съ. (*Смущенно*). Тамъ... Леонидъ Сергѣевичъ... съ супругой-съ...

Бырдинъ (*съ живостью*). Съ супругой?!

Никифоръ. Такъ точно-съ. (*Отступаетъ при входѣ Леонида съ женой и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Бырдинъ, Леонидъ и Патя.

Леонидъ (*влечетъ Патю за руку*). Да входи же, Патя! Полно тебѣ!..

Патя. (*упираясь, низко опустивъ голову*). Я не смѣю, не смѣю!.

Леонидъ. Вздоръ какой! Папа! представляю вамъ мою жену.

Патя (*мужу*). Что ты! Развѣ такъ можно?! (*Бросается на колѣни*). Простите, если можно простить ту, которая не достойна вашего имени и невольно причинила вамъ столько зла! Простите во имя христіанской любви и милосердія!

Бырдинъ (*озадаченный*). Встаньте, сударыня, и оставьте эту комедію.

Патя (*съ рыданіемъ*). Видитъ Богъ, что я говорю отъ сердца! Если вы съ презрѣніемъ оттолкнете меня, я приму это... Я заслужила...

Леонидъ (*съ волненіемъ поднимая жену*). Патя, зачѣмъ унижаться?! Что ты дѣлаешь, Патя?!

Патя. Сергѣй Михайловичъ, онъ не понимаетъ, что говоритъ. Онъ не понимаетъ, какое благодѣяніе сдѣлалъ для меня, что оцѣнилъ мою любовь, возвысилъ до себя и спасъ отъ погибели. Нѣтъ униженія въ томъ, что я стану цѣловать ноги его отца, стану боготворить, молиться на него! (*Снова упавъ на колѣни, схватила руку Бырдина и покрываетъ ее поцѣлуями*).

Бырдинъ (*нѣсколько смущенный, высвобождаетъ руку*). Перестаньте!.. Сядьте и успокойтесь. (*Патя тотчасъ исполняетъ это, дѣлая видъ, что никакъ не справится со слез-*

ми. Къ сыну). А ты пойдемъ къ матери! (*Гнѣвно*). Она безъ тебя умираетъ! (*Оба уходятъ налѣво*).

Патя (*сразу мѣняетъ тонъ*). Кажется, я произвела впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ я *здѣсь*, въ домѣ, двери котораго были заперты для меня навсегда. Разсчетъ не пускать Леонида оправдалъ мои ожиданія. Главное сдѣлано, остальное въ моихъ рукахъ, если удастся овладѣть старикомъ. Леонидъ, кажется, вовсе не понимаетъ его. Гдѣ жъ ему и понять!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Бырдинъ и **Патя** (*принимаетъ при входѣ старика смущенный и застѣнчивый видъ*).

Бырдинъ. Позвольте узнать, почему Леонидъ не являлся, когда я велѣлъ ему навѣстить больную мать, и извѣстно ли вамъ то письмо, (*вспыльчиво*) то глупое, дерзкое письмо, которое онъ осмѣлился мнѣ прислать?

Патя (*съ удивленіемъ*). Письмо-о?! Въ первый разъ слышу. Я знала только, что его... удалили и запретили показываться. Это я знала и всѣми силами старалась смягчить его, примирить... Но совѣтовать что-либо непріятное вамъ—развѣ-жъ я могла это?!

Бырдинъ. Почему же онъ не являлся? Вы знали, что его требуютъ и въ какомъ положеніи его мать, вслѣдствіе его брака съ вами?

Патя. Мать?! Онъ ничего не говорилъ про болѣзнь матери. Неужели... неужели я тутъ причиной?! (*Съ рыданіями*). Гоните меня!.. Гоните меня, несчастную, недостойную! О, если-бъ я знала послѣдствія нашего брака, я бы покончила съ собой, но не вышла бы за Лелю! Я такъ безумно любила его, что не пережила бы разлуки съ нимъ. Но знай я... О Боже, какое несчастье!..

Бырдинъ. Безумно любить Леонида можетъ женщина, у которой не много ума; а васъ къ этой категоріи причислять нельзя.

Патя. Я живу сердцемъ, Сергѣй Михайловичъ. Леля былъ для меня лучемъ свѣта во тьмѣ, которая окружала меня. Безъ Лели я бы погибла. И за это я отдала ему всю

жизнь, всю любовь мою. Я знаю его слабости; знаю, что онъ не можетъ жить безъ твердой и любящей поддержки. И я всю себя отдала на это.

Бырдинъ. Намѣренія добрыя.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Анна (*вошла и остается въ глубинѣ сцены*).

Бырдинъ (*указывая на Патю*). Вотъ... Клеопатра Семеновна... (*Патѣ*). Моя дочь...

Анна (*оставаясь въ глубинѣ, сухо поклонилась*).

Патя (*съ восхищеніемъ глядя на нее*). Какъ я счастлива, что могу познакомиться съ вами! Я... (*Дѣлаетъ порывистое движеніе къ Аннѣ*).

Анна (*перебиваетъ и подходитъ къ отцу, сдѣлавъ видъ, что не замѣтила движенія Пати*). Maman проситъ Клеопатру Семеновну къ себѣ.

Патя (*про себя*). Гордячка! (*Громко, съ смущеніемъ*). Куда же мнѣ?...

Бырдинъ (*указывая налѣво*). А вотъ сюда. Черезъ комнату спальня жены. (*Патя уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Бырдинъ и Анна.

Анна (*горячо*). Я слышала нѣсколько фразъ изъ того, что она говорила тутъ. Какая гнусная комедія!

Бырдинъ. Нѣтъ, знаешь-ли... она искренна...

Анна (*съ упрекомъ*). Papa!

Бырдинъ. Я ожидалъ худшаго, гораздо худшаго. Право.

Анна. Но развѣ вы не видите, что все это притворство и самое наглое? Развѣ такъ говорятъ искренно? Богъ съ вами! Идя къ maman, я издали всмотрѣлась въ Клеопатру Семеновну и сразу поняла, какого сорта эта кающаяся Магдалина.

Бырдинъ. Такъ ты думаешь, что она притворяется?

Анна. Конечно, papa. Удивительно, какъ вы то не замѣтили этого. Я увѣрена, что она не пускала Лелю къ maman, зная все. Не пускала, чтобъ самой пролѣзть къ намъ въ домъ.

Бырдинъ. Ты спрашивала Леонида?

Анна. И я и maman спрашивали, но онъ не сознается. Конечно, ему не приказано. Ахъ, бѣдный, бѣдный Леля!

Бырдинъ. Нашла кого жалѣть!

Анна. Какъ же не жалѣть? Вѣдь онъ пропадетъ съ такою женщиной.

Бырдинъ. Ему и нужно такую, которая забрала бы его въ руки. Что онъ опозорилъ и насъ, и себя—этого не поправишь. Но могло быть и хуже.

Анна. Не думаю.

Бырдинъ. Нѣтъ, такъ. У Клеопатры по крайней мѣрѣ честныя намѣренія. А ты ужъ сейчасъ: ,,пропадетъ!" Какъ вы, женщины, скоро рѣшаете!

Анна. Ахъ, papa!

Бырдинъ. Я знаю, ma chère, что ты будешь твердо стоять на своемъ. Мы немножко упрямы, ха-ха!

Анна. До сихъ поръ только maman твердила мнѣ про упрямство; а отъ васъ я слышу это въ первый разъ.

Бырдинъ (*цѣлуетъ ее*). Не обижайся, голубка моя. Я хотѣлъ сказать, что женщины вообще упорно стоятъ на своемъ. Это и хорошо, но бываетъ и дурно.

Анна. Да, я упорно стою на своемъ, въ чемъ убѣждена твердо. Но не станемъ спорить, papa. Право досадно, какъ подумаешь, изъ-*за кого* это.

ЯВЛЕНІЕ 11-е

Тѣ же, Патя (*заплаканная*) и **Леонидъ**.

Патя. Нѣтъ, нѣтъ, ты останешься. Ты не долженъ отходить отъ матери, пока она нездорова. Прошу тебя милый! Оставайся, я уѣду одна. (*Къ Аннѣ*). Пожалуйста, уговорите его!

Леонидъ. Но вечеромъ я опять навѣщу maman...

Патя (*прерывая къ Аннѣ*). Онъ не хочетъ отпускать меня одну. Уговорите. Онъ васъ послушаетъ.

Анна (*удивленно взглянула на отца и пожала плечами*).

Леонидъ. Почему же ты думаешь, что я послушаюсь сестры больше чѣмъ тебя? Ты боишься, что *тебя* обвинятъ въ томъ, что я не останусь? (*Къ отцу*). Напрасно!

Анна. Papa ни въ чемъ не обвиняетъ Клеопатру Семеновну и ты лучше сдѣлаешь, если оставишь съ отцемъ неприличный и вызывающій тонъ.

Патя. Леля, если ты любишь меня, ради самого Бога, никогда, ничѣмъ не раздражай твоихъ родныхъ! Пусть они не думаютъ, что я имѣю на тебя дурное вліяніе. Анна Сергѣевна, прошу васъ вѣрить, что я говорю отъ чистаго сердца!

Леонидъ (*сестрѣ*). Ты изъ чего же вообразила, что Патя имѣетъ на меня дурное вліяніе?

Анна. Что съ тобой? Я ни слова не сказала про это.

Патя. Ахъ, Леля, какъ это дурно! Ты раздражаешь противъ меня Анну Сергѣевну...

Анна. Нисколько.

Леонидъ. Если papa и maman ласково обошлись съ Патей, то тебѣ нечего задирать носъ!

Анна (*вспыхнула*). Это глупо и дерзко! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ - же, *безъ* **Анны.**

Бырдинъ (*гнѣвно*). Какъ ты смѣешь такъ говорить съ сестрой?! а?!

Леонидъ. Но, papa...

Бырдинъ. Молчать!

Патя. Леля, я вѣдь умоляла тебя, а ты какъ разъ поступаешь наоборотъ! (*Къ Бырдину*). Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Но позвольте объяснить вамъ причину, Сергѣй Михайловичъ. Леля все боится, что меня оскорбятъ. Опасеніе понятное и очень тяжелое для меня. Онъ слишкомъ щекотливъ за меня и горячится, мнѣ же во вредъ. Если Анна Сергѣевна отнеслась ко мнѣ... сдержанно, ему кажется что она ужъ явно презираетъ меня. Я и это должна снести, конечно... За его выходку Анна Сергѣевна не станетъ ко мнѣ снисходительнѣй, наоборотъ... (*Мужу*). Вотъ что ты надѣлалъ, милый! А хуже всего то, что этимъ ты раздражилъ противъ меня твоего отца, который выказалъ мнѣ столько великодушія, что я уничтожена имъ.

Бырдинъ. Леонидъ Сергѣевичъ никогда не отличался тактомъ. Вы не разъ испытаете это на себѣ.

Патя. О, лишь бы онъ любилъ меня, — я все перенесу! (*Крѣпко пожала ему руку*).

Леонидъ. Papa, если maman желаетъ удержать меня при себѣ, то пускай Патя останется съ нами. Позвольте!

Патя. Леля, Леля! Ужъ это слишкомъ!

Леонидъ. Позвольте, papa! Мама позволитъ. Мы съ Патей станемъ за нею ухаживать.

Патя. Я считаю за милость, что мнѣ позволили пріѣхать сюда; а ты просишь: оставить!

Леонидъ. Papa, отчего же моей женѣ не жить съ нами? Если меня позвали, то и ей можно. Это въ порядкѣ вещей. И мама желаетъ...

Бырдинъ (*прерываетъ*). У тебя *свой* порядокъ вещей, мой любезный!

Патя. Леля, да пощади же меня!.. Прощайте, Сергѣй Михайловичъ! Отъ всей души благодарю васъ, отъ всей души! Если я сказала, что стану боготворить васъ, то это не фраза. (*Мужу*). А ты долженъ остаться съ матерью. Не обижайся на меня, милый мой! Если любишь меня, переломи себя и сдѣлай, какъ желаютъ твои родители!

Леонидъ. Papa, какъ хотите, а безъ Пати я не могу...

Бырдинъ (*про себя*). Экій болванъ! (*Громко*). Кажется, звонитъ жена... Подождите. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Патя и Леонидъ.

Патя. Ну, видишь? Я говорила, что они не позволятъ мнѣ переѣхать! Развѣ они когда-нибудь простятъ мнѣ? Особенно твоя сестра. Ты видѣлъ съ какимъ презрѣніемъ она глядѣла на меня!

Леонидъ. Зачѣмъ же ты остановила меня, когда я оборвалъ ее за это?

Патя. Но, голубчикъ мой, ты сдѣлалъ это очень безтактно. Ты выдалъ меня. Она отлично поняла, что я

успѣла нажаловаться. О, я сразу почувствовала въ ней врага, въ твоей гордой сестрицѣ, врага непримиримаго. Не скажу, чтобъ и твоя maman хорошо обошлась со мной. Ну, да старуха такъ больна, что на нее нельзя обижаться.

Леонидъ (*тяжело вздохнувъ*). Да, бѣдная maman!.. Ужасно, ужасно измѣнилась... и какъ слаба!.. Мнѣ было очень тяжело видѣть ее... Все-таки я виноватъ... Бѣдная!

Патя (*холодно*). Вотъ и оставайся съ мамашей, а я поѣду. Вчеромъ Поваляевъ обѣщался заѣхать за мной въ театръ...

Леонидъ. Ну ужъ нѣтъ! Съ Поваляевымъ ни за что! Этотъ нахалъ вздумалъ ухаживать за тобой!

Патя. Ты ревнуешь? Но безъ тебя такая тоска, что куда же мнѣ дѣться? (*Цѣлуетъ его*). Ну, прощай, сокровище мое. Оставайся со своей мамой и успокой ее.

Леонидъ. Я безъ тебя не останусь. (*Беретъ шляпу*). Поѣдемъ!

Патя (*указывая на дверь*). Но тамъ идетъ семейный совѣтъ: гнать меня, или нѣтъ. Подождемъ, чѣмъ рѣшатъ. Твое желаніе тамъ не примутъ въ разсчетъ. Вообще я нахожу, что ты былъ въ унизительномъ положеніи. Отецъ и сестра ставятъ тебя ни во что. Это гораздо оскорбительнѣй для меня, чѣмъ дурное отношеніе ко мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ-же и Бырдинъ.

Патя. Простите, что я до сихъ поръ не ушла. Я убѣждала Лелю не настаивать на своемъ и отпустить меня.

Леонидъ. А я не согласенъ! Довольно меня унижали.

Бырдинъ. Тебя унижали?! Опомнись!

Патя. Леля, ради Бога!.. (*Къ Бырдину*). Даю вамъ слово, что вы никогда не услышите отъ него ничего подобнаго. Я употреблю всѣ силы моего вліянія, чтобъ вы были довольны имъ.

Леонидъ. Конечно, вы тамъ совѣщалась относительно Пати. И чѣмъ же рѣшили?

Патя. Ты требуешь невозможнаго. Еще разъ благодарю васъ, Сергѣй Михайловичъ. Прощайте!

Бырдинъ. Позвольте, Клеопатра Семеновна. Спокойствіе больной—съ одной стороны, съ другой... ваши добрыя чувства и... и намѣренія — склоняютъ меня къ тому, чтобъ предложить вамъ переѣхать къ намъ въ домъ.

Леонидъ. Браво! Теперь я иду къ maman. (*Уходитъ*

Патя. Я... я не вѣрю ушамъ!.. (*Съ восторгомъ схватываетъ руку Бырдина и прижимаетъ къ груди*). О, я не ошиблась въ васъ! Люди высокаго ума и благородства — великодушны всегда!..

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Патя, **Бырдинъ**, **Анна** *и въ концѣ* **Ящеровъ**.

Анна (*про себя*). И онъ позволяетъ!

Бырдинъ (*увидавъ дочь, освобождаетъ руку*). Довольно-съ!

Патя. Надѣюсь, что и сердце вашей прелестной дочери тронется чувствами моей безграничной и пламенной благодарности.

Анна (*смотритъ холодно и не отвѣчаетъ*).

Бырдинъ (*смущенно*). Аня, ma chère... разъ обстоятельства такъ сложились... я желалъ бы, чтобъ между вами... не было... недоразумѣній..

Анна (*холодно*). Между нами не можетъ быть недоразумѣній, papa. (*Уходитъ*).

Патя (*заплакала навзрыдъ*). Богъ съ ней!.. Богъ съ ней!..

Бырдинъ (*съ досадой*). Ахъ!.. (*Ласково*). Успокойтесь, все обойдется, успокойтесь пожалуйста!

Патя (*прячетъ лицо у него на груди*). Вы, одинъ вы— моя надежда, защита, все! (*Пылко цѣлуетъ его руку*).

Ящеровъ (*вошелъ изъ средней двери не замѣченный и остолбенѣлъ. Про себя*). Однако!.. Вотъ что называется—схватить быка за рога!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Большая столовая у Бырдина. Двери: въ задней стѣнѣ (ближе къ лѣвому углу) ведущая въ кабинетъ и двѣ боковыя: налѣво—во внутреннія комнаты, направо—въ залу. Посрединѣ накрытый столъ и стулья. Справа, у стола, кресло хозяина. По задней стѣнѣ буфетъ. Налѣво диванъ, направо нѣсколько креселъ и маленькій столъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Патя и **Никифоръ** (*ставитъ посуду и прочее*).

Патя. Ну что же вы копаетесь! Накрывайте скорѣй!

Никифоръ (*съ нетерпѣніемъ*). Сейчасъ, сударыня! (*Пауза. Ворчливо*). Покойной барынѣ всегда угождалъ, а теперь все не такъ!

Патя. Послушайте, Никифоръ! Первый разъ, какъ вы осмѣлитесь возразить мнѣ, я разочту васъ въ ту же минуту. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Никифоръ. Вотъ какъ! Да ты сперва спроси, пожелаю-ль я служить-то тебѣ! Разочту!.. Не женись на тебѣ Леонидъ Сергѣевичъ, развѣ померла-бъ барыня? (*Пауза*). А какъ онъ убивался по матери! Страсть! Совѣсть, знать, мучила. Спохватился, да поздно! (*Уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Леонидъ (*слѣва, со шляпой, надѣвая перчатки*) *и* **Патя** (*изъ кабинета*) *входятъ одновременно*.

Патя. Куда ты? А завтракать?

Леонидъ. Не хочу.

Патя. Оставайся, милый! Мнѣ безъ тебя скучно. (*Украдкой бросила на него насмѣшливый взглядъ*).

Леонидъ. Я скоро вернусь, Патя. Болитъ голова... Хотѣлъ пройтись.

Патя (*съ гримасой*). Какой ты сталъ кислый!

Леонидъ. Все нездоровится...

Патя (*взяла его за подбородокъ*). Бѣдный мой! Ему не-

здоровится, все головка болитъ! (*Рѣзко мѣняя тонъ*). Я замѣчаю, Леонидъ Сергѣевичъ, что вы стали чуждаться меня. Вы, по прежнему, не дѣлитесь со мной мыслями. Вы что-то скрываете отъ меня. А?

Леонидъ (*въ смущеніи*). О, нѣтъ, Патя!.. Ты ошибаешься.

Патя. Патя никогда не ошибается. Сегодня я буду имѣть съ тобой дѣловой разговоръ и мнѣ все станетъ ясно.

Леонидъ (*тревожно*). Дѣловой?!. О чемъ?!

Патя. Да не пугайся, ха-ха-ха! Какъ ты сталъ нервенъ, мой другъ! Ужасно!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Леонидъ (*въ началѣ*), **Патя и Ящеровъ** (*слѣва*).

Патя (*Ящерову*). Вы къ папашѣ? Онъ занятъ. Мы сводили съ нимъ счеты. Онъ сейчасъ выйдетъ къ завтраку. (*Къ Леониду, который стоитъ въ задумчивости*). Милый! А ты забылъ, что хотѣлъ идти? (*Взяла его подъ руку. къ Ящерову*). Мой супругъ сталъ ужасно задумчивъ.

Леонидъ. Я иду, иду!

Патя (*удерживая его*). Кстати, я дамъ тебѣ порученіе. Принеси мнѣ конфектъ отъ Балэ. (*Потрепала его по щекѣ*). О ты, голубчикъ мой! (*Леонидъ уходитъ. Патя усмѣхнулась въ публику и подходитъ къ Ящерову*). Я знаю, вы хотите поговорить съ Сергѣемъ Михайловичемъ *наединѣ* о чемъ-то *серьезномъ*. Если вамъ не удается, пожалуйста не подумайте, что я нарочно *мѣшаю* вамъ. Такъ случается. (*Въ дверь кабинета*). Папаша, кончили?.. Подождать?.. Хорошо. (*Затворила дверь, къ Ящерову*). Ну-съ?

Ящеровъ. Что прикажете?

Патя. Такъ вы не вините меня?

Ящеровъ. Ни въ чемъ.

Патя. Ха-ха-ха! Вы, конечно, думаете, что я... въ интересахъ *самозащиты*... (*Наивно*). Но право, случайность и ничего больше. (*Смотритъ на него съ хитрой улыбкой*).

Ящеровъ. Отъ кого защищаться? На васъ, кажется, никто не нападаетъ.

Патя (*горячо*). Евгеній Устиновичъ! Вы сдѣлали ошибку съ перваго шага. Вы, за одно съ Анной, отнеслись ко мнѣ враждебно, когда я давала понять вамъ, что желала бы имѣть васъ другомъ. (*Рѣзко повернулась и отошла къ столу*). А вино не подано! (*Громко*). Никифоръ! (*Уходитъ направо*).

Ящеровъ. Ты ясно дала понять, чего ты желаешь. Какъ быстро и ловко она сумѣла всѣмъ овладѣть!.. Да, положеніе очень серьезное... (*Задумался*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Ящеровъ, Патя *и за нею* **Никифоръ** (*съ подносомъ, на которомъ бутылки и графины съ виномъ и водкой*).

Патя (*Никифору*). Нельзя такъ, нельзя! Вамъ сказано, какое вино подавать, а вы перепутали! (*Отдаетъ ему одну изъ бутылокъ*). Эту назадъ. (*Никифоръ уходитъ*). Ну-съ, о чемъ вы думаете? Взвѣшиваете: быть ли мнѣ другомъ, или врагомъ, тайнымъ, конечно?

Ящеровъ. Вы навязываете мнѣ роль, которую я не желаю и не способенъ играть. Мое правило: всегда дѣйствовать прямо.

Патя. Ха-ха-ха!

Ящеровъ. Мнѣ очень пріятно, что я развлекаю васъ.

Патя. Только для „развлеченія" и можно говорить такой вздоръ. Прямо дѣйствуютъ или дураки, или люди очень ужъ сильные и отважные, да и тѣхъ ошибаютъ ловкіе люди. Нѣтъ, Евгеній Устиновичъ, про свою „прямоту" говорите ужъ вашей Аннѣ Сергѣевнѣ, а мнѣ не вотрете очковъ. Простите, если моя откровенность шокируетъ васъ, но я люблю ясность. Въ серьезныхъ дѣлахъ это необходимо.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же, Бырдинъ *и потомъ* **Никифоръ.**

Патя. А вотъ и папаша! (*Позвонила*).

Бырдинъ (*дружески пожалъ руку Ящерову*). Здравствуйте, милый мой!

Патя (*подбѣжала къ креслу отодвинула его и помогаетъ Бырдину сѣсть*). Боюсь, завтракъ не перешелъ ли! (*Вошедшему Никифору*). Подавайте скорѣй! Да барышню попросите кушать.

Никифоръ. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Патя. Евгеній Устиновичъ, садитесь сюда, на Лелино мѣсто. (*Указываетъ стулъ рядомъ съ собой*).

Бырдинъ. А Леонидъ?

Патя. Леля ушелъ гулять. Меня безпокоитъ, что онъ все жалуется на нездоровье.

Бырдинъ. Да, онъ что-то совсѣмъ осовѣлъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же. *Слѣва входитъ* **Анна** (*молча, садится*), *справа* **Никифоръ** *и* **Капитонъ** (*съ блюдами, которыя ставятъ на столъ*).

Патя. Сюда, Никифоръ, сюда! (*Переставила блюдо къ Бырдину*). Это, папочка, вамъ одному. Это vol-au-vent изъ налимьихъ печенокъ. Вы любите.

Бырдинъ. Ахъ, баловница! (*Беретъ кушанье*).

Патя. Евгеній Устиновичъ, не хотите ли этого? (*Указываетъ на блюдо*). А вамъ чего положить, Анна Сергѣевна?

Анна. Благодарю. Я возьму сама. (*Пауза. Всѣ заняты ѣдой*).

Патя (*ловитъ взгляды Бырдина и слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ*). Вамъ сыру, папаша? Я отрѣжу. (*Дѣлаетъ это*).

Бырдинъ (*Ящерову*). Прекрасная хозяйка! Все удивительно вкусно и отлично подано.

Ящеровъ. У васъ всегда было такъ.

Бырдинъ. Да, покойная жена избаловала меня. Я ужъ думалъ: пропаду безъ нея. У Ани нѣтъ хозяйственныхъ способностей и ничего она въ этомъ не смыслитъ. Ну, а съ невѣсткой все пошло, какъ по маслу. Аня, ma chère, налей мнѣ вина.

Анна (*взявъ бутылку*). Этого, papa?

Патя (*вскочила*). Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Этого папаша не любитъ. Вотъ его любимое. (*Наливаетъ вина*). Я нарочно

ѣздила въ погребъ и выпросила самаго стараго. Евгеній Устиновичъ, позвольте налью? (*Наливаетъ. Никифоръ и Капитонъ мѣняютъ и уносятъ тарелки*).

Бырдинъ. Все помнитъ, все видитъ и вездѣ успѣваетъ. Прекрасная хозяйка! И къ тому же разсчетлива, о да! Это тоже достоинство.

Патя. Мнѣ совѣстно. Вы захвалили меня. А другимъ скучно слушать.

Бырдинъ. Могутъ не слушать и говорить о чемъ угодно. Я не стѣсняю. Аня, ты какъ будто не въ духѣ, ma chère!

Анна. Я ничего, papa.

Бырдинъ. Когда у тебя это холодное выраженіе, всегда есть что-нибудь на душѣ...

Патя. При мнѣ Анна Сергѣевна всегда съ такимъ видомъ. Позвольте, я сама выберу вамъ. (*Взяла его тарелку и кладетъ съ блюда лучшій кусокъ*). Я очень жалѣю, что возбуждаю дурное расположеніе духа.

Анна. Ошибаетесь. Я совершенно къ вамъ равнодушна.

Бырдинъ. Не хорошо, Аня! Не хорошо!

Анна. Не нужно было меня задѣвать.

Патя. Если-бъ я была „равнодушна“ по вашему, я бы молчала. Но мнѣ горько, горько... Я всей душой...

Бырдинъ. И это такъ, Аня, правда!

Анна. У васъ свои отношенія къ Клеопатрѣ Семеновнѣ, у меня свои.

Бырдинъ. Вотъ это и огорчаетъ меня... и раздражаетъ! да, раздражаетъ!

Анна. Если васъ раздражаютъ противъ меня, я не виновата, papa. Я всему подчиняюсь, даже тому, что Клеопатра Семеновна хозяйка у насъ. Я избѣгаю всякихъ недоразумѣній, ставя себя выше нихъ, и прошу объ одномъ: оставить меня въ покоѣ... Не могутъ и этого! (*Пожала плечами*).

Патя. Но если я хлопочу по хозяйству, то вовсе не изъ желанія властвовать и играть роль хозяйки, а изъ желанія угодить и быть полезной папашѣ. Дѣлайте все вы, если вамъ непріятно мое участіе...

Бырдинъ (*вспыльчиво*). Позвольте ужъ мнѣ быть хозяиномъ въ домѣ и распоряжаться—кому что дѣлать!

Анна Я и молчу. Напрасно, papa, вы волнуетесь. Когда Клеопатра Семеновна разочла мою горничную, которую я очень любила, я не подняла исторіи, не стала васъ безпокоить, смолчала...

Патя (*Бырдину*). Ее разочли за то, что она постоянно грубила мнѣ.

Бырдинъ. Резонъ.

Анна. Такихъ „резоновъ" много найдется, papa, когда многое дѣлается не съ цѣлью „угодить" вамъ, а чтобъ досадить мнѣ. (*Встала*) Merci. (*Поцѣловала отца въ щеку*).

Бырдинъ. Напримѣръ?

Патя. Скажите, скажите что! Это такое обвиненіе, которое я прошу доказать!

Анна. Я не стану входить въ препирательства съ вами. Евгеній Устиновичъ, вы кончили? (*Уходитъ налѣво*).

Ящеровъ (*встаетъ и пожимаетъ руку Бырдину и Патѣ*). Благодарю васъ.

Бырдинъ. Батюшка, хоть вы урезоньте Аню. Нельзя такъ, не хорошо! (*Никифоръ и Капитонъ входятъ справа и убираютъ со стола*).

Ящеровъ. Но каждая изъ сторонъ права по своему. Я боюсь, чтобы вмѣшательство третьяго не ухудшило положенія, Сергѣй Михайловичъ. (*Уходитъ въ дверь, въ которую ушла Анна*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Патя, Бырдинъ *и въ концѣ* **Никифоръ**.

Патя. Если Анна не слушаетъ *васъ*, что-же можетъ Евгеній Устиновичъ? (*Зажгла свѣчу и подаетъ Бырдину*). Она слишкомъ горда.

Бырдинъ (*закуривая сигару*). И упряма, упряма! (*Вытянулъ ногу и съ выраженіемъ боли потеръ колѣнку*).

Патя. Болитъ! Я вамъ подставлю скамеечку. (*Дѣлаетъ это.*) Такъ лучше, не будетъ отекать. Вся бѣда въ томъ, что мы съ Лелей отданы во власть Анны. Вотъ она и третируетъ насъ.

Бырдинъ. Какъ „во власть“? Я не понимаю тебя.

Патя. Ну, про это я не могу говорить. Любя васъ, не могу.

Бырдинъ. Нѣтъ скажи. Я хочу.

Патя. Ахъ, Боже мой! Развѣ я могу говорить про то время, когда... когда мы останемся безъ васъ!

Бырдинъ. Да, да! Завѣщаніе? Понялъ. Оно написано еще тогда...

Патя (*перебиваетъ*). Когда Леля былъ одинъ и не внушалъ вамъ довѣрія... Можетъ быть, вы сдѣлали это въ гнѣвѣ на него, за то что онъ женился на мнѣ...

Бырдинъ. Я не думаю, чтобъ Анна...

Патя (*перебиваетъ*). Попробуйте! Уничтожьте нашу зависимость отъ нея и вы увидите, что она измѣнитъ отношенія къ намъ.

Бырдинъ. Насколько я знаю Анну, денежная сторона тутъ не причемъ...

Патя. Возражать не смѣю. Но въ ея интересахъ принимаетъ участіе Евгеній Устиновичъ, для котораго денежная сторона, конечно, имѣетъ значеніе.

Бырдинъ. Ну, да... Вообще обстоятельства измѣнились настолько, что въ этомъ завѣщаніи уже нѣтъ надобности. Теперь у Леонида ближайшая опека—ты; а при тебѣ онъ не замотается... (*Взялся за ногу*). Ой!

Патя. Пойдемте, я перемѣню вамъ повязку!

Бырдинъ. Вотъ докурю. Ты у меня и фельдшерица въ добавокъ ко всему. (*Потрепалъ ее по щекѣ*). Спасибо, милая! А завѣщаніе надо уничтожить. Не знаю, какъ лучше сдѣлать...

Патя. А это очень просто. Позовите любого нотаріуса, хоть того, что живетъ у насъ внизу, и все будетъ сдѣлано. (*Позвонила*). Ну, докурили? Пойдемте же, я перебинтую вамъ ногу. (*Помогаетъ Бырдину встать. Вошедшему Никифору*). Сходите внизъ и позовите нотаріуса. (*Къ Бырдину*). Можно?

Бырдинъ (*морщась отъ боли*). Ну да, да!

Патя (*Никифору*). Дѣлайте, что вамъ приказано.

Никифоръ. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Патя (*ведя Бырдина въ кабинетъ*). Ахъ, какъ меня мучаетъ ваша болѣзнь! Я полъ-жизни готова отдать, чтобъ вы были здоровы! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Ящеровъ и Анна.

Ящеровъ. Ну вотъ ваша работа! Я говорилъ, что видѣлъ ее въ столовой. (*Садится. Анна вяжетъ крючкомъ*). Такъ вотъ что, дорогая моя! Повторяю, что вы дѣлаете большую ошибку. Вы уступаете Клеопатрѣ Семеновнѣ. Видите, какъ она ловко опутываетъ Сергѣя Михайловича!

Анна. Что же мнѣ дѣлать?! Считаться съ ея нахальствомъ я не могу.

Ящеровъ. Но и отмалчиваться нельзя. Съ такими, какъ она: око за око, зубъ за зубъ. Иначе она всегда будетъ въ выигрышѣ.

Анна. Не браниться же мнѣ съ нею, Евгеній Устиновичъ! Да и въ этомъ, конечно, она превзойдетъ меня и я останусь въ проигрышѣ. Она придирается ко всему, чтобъ сдѣлать мнѣ непріятность и завести ссору. И такъ по-мѣщански, вульгарно! Понятно—я молчу, чтобъ не унижаться.

Ящеровъ. А смотрите, какъ толкуютъ Сергѣю Михайловичу! Ему внушаютъ, что вы слишкомъ горды, себялюбивы и равнодушны къ нему; все ко вреду вамъ.

Анна. Но papa развѣ не знаетъ меня!

Ящеровъ. Вашъ papa въ сущности слабохарактерный человѣкъ. А для такихъ много значитъ вліяніе минуты. Нѣтъ, вамъ всѣми силами нужно ограждать отца отъ захватовъ Клеопатры, которая старается стать для него необходимой.

Анна. Боже мой! И послалъ же Ты намъ столько горя! Смерть мамы, этотъ ужасный бракъ Лели!.. Конецъ моему спокойствію!.. До сихъ поръ я не знала, что такое „нервы“. Теперь узнала. (*Отерла слезы*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же, нотаріусъ (*съ книгой*) **и Никифоръ.**

Нотаріусъ (*почтительно кланяясь Аннѣ*). Имѣю честь кланяться! (*Къ Никифору*) Куда же мнѣ?..

Никифоръ. А вотъ къ барину въ кабинетъ. (*Указалъ дверь. Нотаріусъ уходитъ*).

Анна (*къ Никифору*). Кто это?

Никифоръ. Нотаріусъ, барышня. Клеопатра Семеновна приказала позвать. Раздѣлываетъ она дѣла-то у насъ, Клеопатра Семеновна! Эхъ, кабы жива была барыня!.. (*Выразительно вздохнулъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Ящеровъ и Анна.

Ящеровъ. Да, времени не теряетъ! Подите туда, посмотрите, что дѣлается.

Анна. Нѣтъ, Евгеній Устиновичъ, я не пойду.

Ящеровъ. Но тамъ могутъ надавать обязательствъ... мало ли чего!.. Вы рискуете... Нельзя же оставаться равнодушной къ этому!

Анна. Я и не равнодушна, но не пойду.

Ящеровъ. Ну позвольте мнѣ.

Анна. Я не хотѣла бы этого. Если тамъ дѣйствительно даютъ обязательства, что вы скажете?—„Не давайте, не отнимайте у насъ“?—Но вѣдь сама-то я этого не скажу! И вамъ... неловко.

Ящеровъ. Вы ничего не скажете даже тогда, если васъ оберутъ? Это—невозможное равнодушіе, Аня! (*Ходитъ въ волненіи*).

Анна. Я вижу, вы не понимаете меня... И это очень жалко. (*Зорко глядя на него*). Всегда спокойный, какъ вы волнуетесь!

Ящеровъ. За васъ. Понятно.

Анна. Но чтобы тамъ ни было, papa не обидитъ меня никогда!

Ящеровъ. Не знаю, не знаю! Увидимъ!

Анна (*твердо съ неудовольствіемъ*). А я знаю.

Ящеровъ (*спокойно садясь къ ней*). Ну и перестанемъ говорить про это.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же, Патя и Нотаріусъ (*въ началѣ*).

Патя (*нотаріусу*). Такъ вы пожалуйста поторопитесь... (*Замѣтивъ сидящихъ*). До свиданья! (*Подаетъ ему руку*).

Нотаріусъ. Все будетъ исполнено. (*Кланяется Аннѣ уже не такъ почтительно*). Мое почтенье-съ! (*Уходитъ*).

Патя (*къ Ящерову, садясь возлѣ*). Я принесла вамъ превосходную сигару. У папаши есть очень старыя и дорогія. Эта изъ нихъ. (*Даетъ сигару*).

Ящеровъ. Благодарю васъ. Я не курю сигаръ.

Патя (*бросаетъ сигару на столъ*). Что вамъ ни предложишь, вы отъ всего отказываетесь! Это очень не любезно. Я ухаживаю за вами, а вы не удостаиваете меня никакого вниманія. Ужъ не боитесь ли, что васъ приревнуютъ?

Анна (*спокойно встала и уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Ящеровъ и Патя.

Ящеровъ (*вставая*). Зачѣмъ вы...

Патя (*перебиваетъ*). Завожу разговоръ дурного тона? Простите! Я исправляюсь. Въ Аннѣ Сергѣевнѣ я имѣю такой примѣръ хорошаго тона, что непремѣнно исправлюсь. Но полно о пустякахъ. Садитесь. Я сообщу вамъ интересныя вещи. Хотите узнать, зачѣмъ былъ нотаріусъ?

щеровъ. А мнѣ нужно про это знать?

Патя. Не притворяйтесь пожалуйста! Сядьте. (*Ящеровъ садится*). Васъ гложетъ любопытство. Хоть вы и не заслужили моей откровенности, но такъ и быть, ужъ скажу.

Ящеровъ. Какъ хотите.

Патя. Начну съ поясненія. Есть люди, которые всегда живутъ подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ, хотя оскорбятся, если имъ сказать это, и убѣждены, что все дѣлаютъ

сами. Предоставьте ихъ самимъ себѣ—они растеряются, станутъ въ тупикъ и успокоятся только тогда, когда ими завладѣетъ чужая воля. Есть пословица: „мной хоть полы затирай, да не зови мочалкой“. Она сложена про этихъ людей. Понимаете, къ чему я говорю?

Ящеровъ. Вы сказали правду; но къ чему—не знаю.

Патя. Ха-ха! Сергѣй Михайловичъ именно такой человѣкъ, хотя и споритъ и шумитъ. Теперь поняли, къ чему клонится рѣчь?

Ящеровъ. Что онъ у васъ въ рукахъ—это я знаю.

Патя. Про это и говорить не стоитъ. Я имѣла въ виду не себя, а *васъ*.

Ящеровъ. Ме-ня?!

Патя. О, наивность! Было время, когда Сергѣй Михайловичъ слѣпо обожалъ дочь и не любилъ сына. Вы этимъ воспользовались и внушили старику мысль написать завѣщаніе въ пользу *вашей невѣсты*. Сдѣлано было тонко. Старикъ, написавъ завѣщаніе, былъ увѣренъ, что поступилъ самостоятельно, прекрасно и справедливо. Поняли, зачѣмъ былъ нотаріусъ?

Ящеровъ. Написать такое же завѣщаніе, но въ *вашу* пользу?

Патя. Я умнѣй, чѣмъ вы думаете. Да проститъ васъ Господь за это! Всему придетъ время; а пока нужно было разбить ваши ковы и уничтожить свою зависимость отъ васъ, въ качествѣ мужа Анны Сергѣевны, если вы еще имѣете это намѣреніе. *Завѣщаніе уничтожено.*

Ящеровъ (*спокойно*). Я не принималъ въ немъ никакого участія.

Патя. О, о! Скажите еще, что вамъ *все равно:* существуетъ оно, или нѣтъ! Я повѣрю, ха-ха! Глядя на васъ, всякій подумаетъ: „да, онъ сказалъ правду. Онъ такой человѣкъ, который всегда говоритъ, что думаетъ“. Даже я нѣкоторое время колебалась въ недовѣріи къ вамъ, я! Вотъ какъ вы ловко отводите глаза! Всегда ровный, спокойный, вы добродушны и даже...

даже искренни. Если прибавить, что вы держитесь съ достоинствомъ, которое внушаетъ довѣріе, то портретъ вашъ готовъ. А вы... вы задушите роднаго отца, если онъ лишитъ васъ наслѣдства!

Ящеровъ (*вставая*). Надѣюсь, теперь вы мнѣ позволите уйти?

Патя. О нѣтъ, нѣтъ! Главнаго я не сказала.

Ящеровъ. Ахъ, есть еще „главное"! Это вѣроятно интереснѣй всего, что я выслушалъ до сихъ поръ... (*Садится*). Надѣюсь, моя характеристика кончена?

Патя (*съ секунду подумала. Нервно*). Ваша характеристика сводится къ тому, что вы человѣкъ, за которымъ можно пойти, и... я бы пошла...

Ящеровъ. И не боитесь попасть на скамью подсудимыхъ?

Патя. Съ вами? Съ вами я ничего не боюсь. (*Съ увлеченіемъ*). О, что мы съ вами надѣлали-бъ въ добромъ союзѣ! Здѣсь сравнительно—мелочь! Нѣтъ, я буду имѣть силу въ другихъ сферахъ, я добьюсь! Въ Петербургѣ это возможно. И тогда вы достигнете всего, всего, чего жаждетъ ваша душа!

Ящеровъ. „Въ добромъ союзѣ съ вами"?

Патя (*отвѣтила жгучимъ взглядомъ*). А здѣсь вы ошибетесь въ разсчетахъ. (*Шутливо*). Цѣлуйте руку. (*Протягиваетъ ему руку*).

Ящеровъ. За то, что вы сдѣлаете все, чтобъ я „ошибся въ разсчетахъ"?

Патя (*серьезно*). Нѣтъ, за *другое*.

Ящеровъ (*всталъ и взялъ ея руку*). И такъ, эта ручка держитъ мою судьбу? Цѣлую ее съ почтительнымъ трепетомъ. (*Поцѣловалъ*).

Патя (*быстро встала, взяла его за обѣ руки и крѣпко сжала ихъ. Страстно*). Держитъ, держитъ и не выпуститъ васъ! (*Слегка оттолкнула его*). А теперь ступайте. Мнѣ некогда. Къ Аннѣ я не пущу васъ, потому что вы раньше времени можете разболтать про завѣщаніе.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Патя, Ящеровъ и Леонидъ.

Патя. А вотъ и Леля! Я тебя заждалась. Конфекты? Merci. Я ужъ боялась, не сдѣлалось ли тебѣ дурно на улицѣ. Усталъ? Садись, отдохни, мой голубчикъ. (*Обнимая его, усаживаетъ. Къ Ящерову*). А вы ужъ уходите? До свиданья! (*Пожала ему руку*). Завтра, конечно, у насъ?

Ящеровъ. Можетъ быть... не знаю. (*Пожалъ руку Леониду и уходитъ направо*).

Патя (*подумавъ съ секунду, про себя*). Исчезнетъ на нѣсколько дней, чтобъ обдумать все хорошенько и выждать, какъ здѣсь пойдутъ дѣла.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Патя и Леонидъ.

Патя. Ну, мой голубчикъ! Освѣжился? (*Открыла коробку и взяла конфекту*).

Леонидъ. Да, немного. (*Указывая на коробку*). Хотѣлъ бонбоньерку, да я безъ денегъ... Пройтись хорошо. Внѣшнія впечатлѣнія все-таки разбиваютъ мысли.

Патя. Которыми ты со мной ужъ не дѣлишься. Продолжаю нашъ давешній разговоръ...

Леонидъ (*прерываетъ тоскливо*). Развѣ мы не кончили?

Патя. Вотъ видишь! Не права ли я, что ты избѣгаешь меня! Что я ни говори, ты пропускаешь мимо ушей. Откуда это равнодушіе, Леля?

Леонидъ (*тономъ робкаго оправданія*). Патя, ну право же мнѣ нехорошо... и на душѣ... очень не хорошо...

Патя. Напримѣръ, я говорила про завѣщаніе. Тебя лишили всего и отдали въ опеку сестрѣ. Развѣ это не возмутительно?! Если тебѣ все равно, то огради хоть меня. Я не хочу зависѣть отъ милостей Анны Сергѣевны, которая интригуетъ противъ меня и оскорбляетъ меня. А ты хоть бы слово! Ахъ, Леля, Леля! Вникни въ мое положеніе, если хоть крошечку любишь меня! Вѣдь ты моя защита, надежда, любовь! Ты былъ всѣмъ

для меня! А теперь!.. За что, Леля, за что? (*Пауза*). Да отвѣть же хоть слово!

Леонидъ. Про сестру ты напрасно... а съ отцемъ поговорю... попрошу...

Патя. Надо дѣйствовать энергично, а ты какъ во снѣ. Пока ты не возстановишь своихъ правъ по наслѣдству, обезпечь меня.

Леонидъ. Какимъ образомъ? У меня нѣтъ ничего.

Патя. Ну дай векселя... Дай хоть тысячь на двѣсти...

Леонидъ. Тебѣ... векселя?!

Патя. Ха-ха-ха, какой смѣшной! А то кому же? Кто о тебѣ позаботится, если папаша — сохрани Богъ — умретъ? По векселямъ у насъ будетъ чѣмъ жить. Я взыщу. Подумай же о насъ, Леля! Дѣло серьезное и терять времени нельзя. (*Отпираетъ столъ и достаетъ векселя*). Вотъ бланки. И текстъ готовъ. Нужна только подпись.

Леонидъ. Патя, не сердись... но какъ же?

Патя (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ!

Леонидъ. Не сердись пожалуйста!.. Развѣ нельзя потомъ? Сегодня, завтра—вѣдь все равно...

Патя (*энергично*). Почему ты не рѣшаешься? Не довѣряешь мнѣ? Вѣдь о тебѣ же заботятся, странный ты человѣкъ! Ну, давай разорву!

Леонидъ. Нѣтъ, рвать зачѣмъ же?.. А если узнаетъ papa?

Патя. Никогда не узнаетъ. Пока существуетъ завѣщаніе, развѣ можно ему сказать? Ты таки подумай! А не будетъ завѣщанія и векселя ни къ чему, потому что и безъ нихъ ты получишь свое. Понялъ, наконецъ? (*Ставитъ передъ нимъ чернильницу и даетъ перо*).

Леонидъ. Слѣдовательно векселя какъ временная мѣра... на всякій случай?

Патя. Ну да, голубчикъ мой! О чемъ же я толкую тебѣ столько времени!

Леонидъ. И ты... непремѣнно желаешь?.. настаиваешь?

Патя (*съ жестомъ нетерпѣнія*). Если ты не можешь ни сообразить, ни позаботиться о себѣ, то предоставь

мнѣ. А впрочемъ дѣлай какъ знаешь. Но послѣ не пеняй на меня, если придется терпѣть нужду. Не сестра, такъ Евгеній Устиновичъ лишней копѣйки не дастъ для тебя.

Леонидъ. Да, Ящеровъ... Зависѣть отъ него не дай Богъ!

Патя. Ну то-то! Рви векселя; но помни, что твое недовѣріе такъ оскорбило меня, что я готова бросить всѣхъ васъ и уйти. (*Пошла къ двери*).

Леонидъ (*настигаетъ ее и беретъ за руку*). Патя, зачѣмъ такъ, зачѣмъ?.. Я подпишу... Ужъ если такъ нужно, изволь... (*Вернулся къ столу, садится и подписываетъ векселя*). Вотъ одинъ. . вотъ другой... (*со вздохомъ облегченія*) и дѣлу конецъ.

Патя (*быстро приложила бюваръ къ подписямъ и взяла векселя*). И дѣлу конецъ! (*Налету поцѣловала его и уходитъ въ кабинетъ*).

Леонидъ (*послѣ раздумья*). А все таки я скажу Анѣ... Или не говорить?.. Не хотѣлъ, а сдѣлалъ... У Пати есть одинъ взглядъ — холодный, упорный, насмѣшливый... Онъ подавляетъ меня. Мнѣ тяжело съ нею. Я чувствую какое-то тоскливое безпокойство, моментами даже страхъ, безотчетный... Все оттого, что я боленъ. Слабость, голова какъ въ туманѣ... А бываетъ—странно!—бываетъ, я такъ ясно все вижу, такъ глубоко понимаю и чувствую, какъ никогда прежде. И вотъ тогда-то мнѣ очень тяжело. Я вижу себя какимъ я былъ... и такъ недавно!.. Неужели нужно несчастье, чтобъ отрезвиться, прозрѣть и понять всю свою гадость?!. Мама! милая, бѣдная мама!! (*Заплакалъ, закрывъ лицо руками*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Леонидъ и Анна (*слѣва*).

Анна (*въ дверяхъ*). Гдѣ же Евгеній Устиновичъ?

Леонидъ (*не отнимая рукъ*). Ушелъ.

Анна (*значительно*). Ушелъ?! Прекрасно! (*Вглядывается въ брата и быстро подходитъ къ нему*). Но что съ тобой, Леля?!. О чемъ ты?!.

Леонидъ. Вспомнилъ маму... Очень мнѣ тяжело, Аня!

Анна. Да, милый, обоимъ намъ горько!

Леонидъ. Все я виноватъ, я!.. Не сердись на меня.. не презирай меня, Аня! (*Припалъ къ ней. Она поцѣловала и ласкаетъ его*).

(*Занавѣсъ*).

Дѣйствіе четвертое.

Сцена перваго акта, гостиная.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Патя и Космачева *).

Патя (*стоя у правой двери, говоритъ въ сосѣднюю комнату*). Вы-ы?! Это что такое?!. (*Отступаетъ. Входитъ Космачева*). Зачѣмъ?

Космачева. Тетка-то родная зачѣмъ?!

Патя. Тссъ! (*Оглядѣлась*).

Космачева. Ну, такъ будь повѣжливѣй, матушка! (*Двинула кресло и плотно садится на него, съ видомъ оскорбленнаго достоинства*).

Патя (*подходя тревожно*). Ты какъ вошла? Что сказала прислугѣ?

Космачева. Сказала: „по дѣлу“ и все тутъ. Боишся, родствомъ съ тобой похвалилась? Очень нужно! Ты какая прежде была въ моихъ понятіяхъ, такова и теперь, даромъ что попала въ важныя барыни.

Патя (*садясь*). Ну, говори, что тебѣ нужно?

Космачева. Безъ дѣла не пришла бы. Безъ дѣла я никуда не хожу. Было время и ты ко мнѣ „по дѣлу“—то хаживала. Выручала не разъ.

*) Космачева—смуглая, мужественная женщина, съ грубымъ голосомъ и рѣзкими манерами. Одѣта въ поношеное, шляпка старомодная. Въ рукахъ у нея объемистый ковровый мѣшокъ и фундаментальный зонтикъ.

Патя. Но, кажется, я тебѣ не должна?

Космачева. Ты—нѣтъ; а вотъ Ящеровъ долженъ.

Патя. Евгеній Устиновичъ?!

Космачева. Чего удивилась?

Патя. Развѣ ты знаешь его?

Космачева. У меня знакомство обширное. Что Ящеревъ! У меня такіе знакомые есть, что ахнешь. Мимо на резинахъ летитъ—грязью меня обдаетъ; а придетъ ко мнѣ—и сладокъ, и почтителенъ. Потому знаетъ, что я и резины его обдеру и рысаковъ отберу и оскандалю первѣйшимъ манеромъ. Бывали даже такіе, что въ любви признавались. Тьфу!

Патя. А кривой капитанъ все у тебя?

Космачева. Ну, ты своихъ зрячихъ считай! (*Рѣзко повернулась, двинувъ кресло.*)

Патя. И много Ящеровъ долженъ тебѣ?

Космачева (*порылась въ мѣшкѣ и достаетъ векселя*). А вотъ! (*Показываетъ ихъ.*)

Патя. Сумма порядочная!

Космачева. Ящеровъ парень ловкій, знакомства умѣетъ дѣлать, въ богатые, да знатные дома пролѣзаетъ. Куда—на чужихъ плечахъ, а куда на бабьемъ хвостѣ. А все же такой суммы не видать бы ему, еслибъ не невѣста. Не ему, невѣстѣ вѣрила, богатству ея. Въ разсчетѣ на приданое онъ и нахваталъ столько.

Патя. Напрасно вѣрила!

Космачева. Ну вотъ затѣмъ-то я и пришла. Есть слухъ, что у него разлаживается съ невѣстой. Такъ скажи мнѣ: правда ли это? Если на то пошло, есть у меня случай векселя его продать безъ убытка, пока дѣло не огласилось.

Патя (*подумавъ съ секунду*). А что возьмешь?

Космачева (*значительно*). Купить хочешь?!—Купи. Значитъ правда, что ты тутъ хвостомъ навиляла. Слухъ-отъ вѣренъ выходитъ. Купи.

Патя. Что-же возьмешь?

Космачева. Сумма означена. Столько и возьму.

Патя. Ты дѣло говори. Ты, вѣдь, по три процента

въ мѣсяцъ дерешь. Сколько ихъ на сумму приписано?

Космачева. А ты сколько дашь?

Патя. Тридцать копѣекъ за рубль.

Космачева. Ловко! Коли покупаешь векселя, значитъ нужны. Либо затѣмъ, чтобы вѣрнѣе свадьбу разстроить, ежели старику показать ихъ; либо господину Ящерову подарокъ сдѣлать намѣрена. А нужны векселя,—дашь сколько потребую.

Патя (*вставая*). Ну, пойдемъ ко мнѣ. Здѣсь неудобно. У меня потолкуемъ.

Космачева (*вставая*). А мужъ твой, говорятъ, боленъ, либо въ умѣ помутился?

Патя. А когда онъ былъ у него, умъ-то? *Уходитъ налѣво.*)

Космачева. Ловко! (*Уходитъ за нею, взявъ свой мѣшокъ и зонтикъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Ящеровъ (*со шляпой*) **и Никифоръ** (*справа*).

Никифоръ (*съ чувствомъ, не громко*). Хоть вы бы, сударь, поговорили старому барину! Развѣ такъ можно? Вѣдь Леонидъ-то Сергѣевичъ безъ копѣйки сидитъ, у меня занимаетъ-съ, у лакея! Опять барышня. Всѣ заказы—портнихѣ ли, модисткѣ—всѣ черезъ Клеопатру Семеновну, потому деньги черезъ ея руки идутъ. Развѣ барышнѣ это пріятно? Ну онѣ ничего не стали ни покупать, ни заказывать. Къ отцу Анна Сергѣевна просить не пойдетъ, коли онъ забываетъ, что дочери деньги нужны и расходы ея поручилъ Клеопатрѣ Семеновнѣ. Вотъ вѣдь какъ дѣло стоитъ-съ! И жалко и злость беретъ. А вы и скажите Сергѣю Михайловичу, что такъ-молъ не годится, дѣтямъ обидно... (*При входѣ Анны, поспѣшно уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ящеровъ и Анна (*слѣва, въ шляпкѣ, надѣвая перчатки*).

Ящеровъ (*подходя и цѣлуя ея руку*). Вы куда-то собрались? Поѣдемте вмѣстѣ.

Анна. Нѣтъ, Евгеній Устиновичъ, мнѣ нужно серьезно поговорить съ вами. Садитесь. (*Садится.*)

Ящеровъ. Какой у васъ тонъ!.. Въ чемъ дѣло?

Анна (*нервно срывая перчатку*). Клеопатра Семеновна явно кокетничаетъ съ вами. Такъ продолжаться не можетъ.

Ящеровъ. Дурная привычка... Отъ дурныхъ привычекъ отдѣлаешся не вдругъ.

Анна. Она и не заботится отдѣлаться отъ нихъ. Но тутъ не одно это.

Ящеровъ. Можетъ быть—желаніе досадить вамъ... Неужели она въ этомъ успѣла? Вы меня удивляете.

Анна. Она можетъ дѣлать всякія гадости, но не смѣетъ касаться нашихъ отношеній. А вы позволяете.

Ящеровъ. Но, Боже мой, развѣ я обращаю вниманіе?..

Анна. А она понимаетъ по своему и продолжаетъ. (*Горячо*). Отъ васъ зависитъ прекратить ея подлую игру. Если вы не хотите такъ сдѣлать, то я въ правѣ думать, что вамъ нравится это.

Ящеровъ. Нравится?!.

Анна. Ну да, да! Иначе, уважая себя и меня, вы бы прямо и рѣзко дали ей понять, что ея поведеніе противно вамъ.

Ящеровъ. Если-бъ я обошелся съ Клеопатрой Семеновной какъ вы говорите, то она бы поссорила со мною Сергѣя Михайловича и устроила бы такъ, что мнѣ откажутъ отъ дома. Она всѣхъ отстранила и сумѣла стать необходимой ему. Къ несчастью, съ этимъ надо считаться и быть осторожнымъ.

Анна. Значитъ ея поведѣніе не возмущаетъ васъ? Вы допускаете его изъ „осторожности", изъ какихъ-то соображеній?

Ящеровъ. Повторяю, что я не обращаю на это никакого вниманія. Зачѣмъ дѣлать сцену, которая была бы смѣшна и повредила бы вамъ?

Анна. Допустимъ, хоть я не согласна съ вами. Никакія соображенія на заставятъ честнаго человѣка, если онъ любитъ невѣсту, принимать ухаживанія посторонней женщины.

Ящеровъ. Вы горячитесь. Обсудимъ хладнокровно.

Анна. Я не могу быть хладнокровной по вашему.

Ящеровъ. По крайней мѣрѣ не преувеличивайте.

Анна. Можетъ быть я и преувеличиваю. Я знаю, что мой характеръ испортился, я гораздо хуже, чѣмъ была. Но въ этомъ и вы виноваты. Вы не поддерживали меня, вы не защищали меня отъ этой женщины. Вы *уклонялись*. „Боже мой, думала я, неужели онъ не понимаетъ, какъ мнѣ тяжело и ему не жалко меня“! И думать такъ вы заставляли меня не разъ. Богъ знаетъ, то ли вышло бы, если-бъ вы сначала шли объ руку со мной и прямо высказывались противъ всего, что возмущало меня. Мнѣ вы говорили одно, журили за промахи, а сами открыто, при отцѣ и въ глаза Клеопатрѣ не сказали ни слова. Это хорошо? Она забирала силу, отдаляла меня отъ отца. Вы это видѣли, но не мѣшали ей.

Ящеровъ. Развѣ можно ей помѣшать? Не такая женщина. А Сергѣй Михайловичъ ослѣпленъ ею...

Анна. Нѣтъ, отецъ всегда уважалъ ваше мнѣніе; а положеніе жениха давало вамъ право вступаться за меня и все говорить отцу. А вы стушевывались, поставили себя въ положеніе посторонняго наблюдателя. Какъ будто выжидали, чья возьметъ и чѣмъ все это кончится! Вы опять скажете, что поступали въ моихъ интересахъ. Позволяли Клеопатрѣ кокетничать — тоже въ моихъ интересахъ. Но для своихъ интересовъ, я не допущу недостойнаго поведенія, не войду въ *практическую* сдѣлку. Это значило бы унизить себя и свою любовь. А вы это дѣлали и даже не понимаете, какъ это дурно. (*Съ горечью*) Ахъ, Евгеній Устиновичъ! (*Пауза. Съ жаромъ*). И чего вы боялись? Замужъ за васъ я бы пошла, еслибъ Клеопатра и разсорила васъ съ отцомъ, противъ его воли пошла бы. Конечно, она могла устроить, что въ матеріальномъ отношеніи отецъ ограничилъ бы меня. Но вотъ единственно въ чемъ ея сила по отношенію къ намъ.

Ящеровъ (*съ нетерпѣніемъ, раздражительно*). За что

же уступать ей?! Вѣдь эта акула пожретъ все ваше состояніе! Она взяла съ мужа векселя на очень крупную сумму. Сергѣй Михайловичъ даритъ ей деньги безъ счета, когда дѣти сидятъ безъ копѣйки! До чего же дойдетъ?! Какъ же уступать ей?!

Анна (*съ секунду смотритъ на него проницательно*). Ну, теперь я все поняла, Евгеній Устиновичъ! (*Встаетъ*). Что для меня послѣднее въ нашемъ союзѣ, то для васъ—первое. Прошу васъ не считать меня своею невѣстой. (*Пошла къ двери направо*).

Ящеровъ (*вскакивая*). Но позвольте!.. (*Анна не обернулась и ушла*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Ящеровъ и Патя (*слѣва*).

Патя. Ха-ха-ха-ха! Поздравляю! Ха-ха-ха!

Ящеровъ. Вы подслушивали?!

Патя. Случайно, право случайно. Ха-ха-ха! Сорвалось? Ваши карты открыты. Вы даромъ потратили время, Евгеній Устиновичъ. Вамъ остается выразить мнѣ пылкое признаніе въ любви, чтобы уже не все было потеряно. Хоть я-то по крайней мѣрѣ... Ха-ха-ха!

Ящеровъ. Если-бъ я и любилъ васъ, то послѣ вашей выходки...

Патя (*прерываетъ*). Возненавидѣли бы? Прекрасно. Но вѣдь идеальной любовью à la Анна Сергѣевна меня и нельзя полюбить. Насъ любятъ страстно, той жгучей любовью, которая прощаетъ все. Къ Аннамъ любовь возвышенная и чахлая; къ намъ—страсть, которая и сводитъ съ ума и доводитъ до каторги. Всякому свое, Евгеній Устиновичъ. Я знаю, что какъ вы ни холодны, а я отравила васъ чуточку. Вы потеряли невѣсту и довольно спокойны. Ни отчаянія, ничего такого я не вижу въ васъ. А со мной вы не такъ-бы раздѣлались!

Ящеровъ (*ядовито*). О, если вы такъ неотразимо привлекательны и столь опасны, то надо спасаться во время. Имѣю честь кланяться!

Патя. Какъ хотите. (*Достаетъ векселя*). А это возь-

мите на память обо мнѣ. Все-таки вы сослужили мнѣ службу и я не хочу оставаться въ долгу. (*Бросаетъ ему векселя*).

Ящеровъ (*въ гнѣвномъ изумленіи*). Мои векселя?! Какими судьбами?!

Патя. Я купила ихъ и дарю вамъ.

Ящеровъ. Послушайте, Клеопатра Семеновна! Есть мѣра всему! Я не позволю себя оскорблять! (*Бросаетъ ей векселя*). Завтра вы получите деньги. (*Пошелъ къ двери направо*).

Патя (*моментально преграждаетъ ему дорогу и бросается передъ нимъ на колѣни*). Простите, простите меня! Я оскорбила васъ; но и вы оскорбляли, постоянно оскорбляли мою гордость, любовь!.. (*Схватила его руку*). Вѣдь я люблю, люблю, тебя! Ты знаешь, какъ я люблю!

Ящеровъ. Встаньте. Войдутъ. (*Помогаетъ ей встать*).

Патя. Для другихъ я страшная женщина, но тебѣ покорюсь. Не бойся меня, покорюсь! Все для тебя, вся жизнь для тебя! Вспомни, что я говорила: со мной ты достигнешь всего! (*Страстно обняла его*). Тебѣ развязали руки. Теперь ты мой, мой!!

Ящеровъ (*отстраняясь*). Я слышу шаги...

Патя (*понизивъ голосъ*). Сегодня вечеромъ въ семь часовъ жди меня.

Ящеровъ (*отойдя къ двери*). Можетъ случиться, что сегодня вечеромъ вы не застанете меня дома. (*Ушелъ*).

Патя. Нѣтъ, застану, застану! Теперь ты не уйдешь отъ меня. Застану!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Патя и Леонидъ (*слѣва*).

Леонидъ. А я ищу тебя.

Патя (*оправляясь отъ волненія, сухо*). Что нужно?

Леонидъ. Мнѣ нужно денегъ.

Патя. А зачѣмъ тебѣ денегъ?

Леонидъ. Портному... мало ли на что!

Патя. Портному я заплачу; за все, что нужно—заплачу.

Леонидъ. Нужно и все тутъ. Что за опека? Смѣшно! Безъ денегъ, я какъ въ плѣну...

Патя. Да, безъ денегъ ты мало значишь, голубчикъ мой. Тебѣ и нужно сидѣть дома. Ты нездоровъ. А дай денегъ, ты надѣлаешь глупостей. Да что ты ко мнѣ! Проси у отца.

Леонидъ. Полно пожалуйста! У отца! Отца ты ужъ слишкомъ забрала въ руки. Вотъ что!

Патя. Но если родные дѣти не сумѣли ему угодить, старику естественно привязаться къ женщинѣ, которая за нимъ ходитъ, бережетъ и покоитъ его. Чѣмъ же она виновата?

Леонидъ. Дѣти! Ты про Анну оставь!.. Не смѣй сравнивать себя съ нею!

Патя. А-а, понимаю! Конечно, она настраиваетъ тебя. То-то меня удивило: откуда этотъ тонъ и гнѣвъ. Ха-ха-ха!

Леонидъ. Неправда! Сестра избѣгаетъ говорить про тябя. Я самъ все вижу и понимаю.

Патя. Ахъ, *самъ*! Ну если ты *самъ*, то будь остороженъ, мой другъ, и не ссорься со мною. Кромѣ вреда, это не принесетъ тебѣ ничего.

Леонидъ. Да, ничего, кромѣ вреда, я и не видѣлъ отъ тебя.

Патя. Какъ?! Что ты сказалъ?! И это говоритъ тотъ, кто цѣловалъ мои ноги, кто клялся всю жизнь отдать мнѣ!

Леонидъ. О, этотъ чадъ!.. Лучше не вспоминать!

Патя. Благодарю!.. Я вспоминаю не въ укоръ тебѣ, а потому, что все это дорого мнѣ.

Леонидъ. Насколько дорого, ты достаточно мнѣ доказала Довольно!

Патя. А кто спасъ тебя отъ грабежа? Кто настоялъ, чтобъ уничтожили завѣщаніе, которое позорило тебя, какъ недоросля, мотишку и кутилу?

Леонидъ. Я и былъ такимъ. И хорошо сдѣлалъ тогда отецъ, что поручилъ меня сестрѣ. Анна хорошая, честная. Она никогда не обидѣла бы меня... Но разъ

завѣщаніе уничтожено, надо уничтожить и векселя, которые ты взяла у меня.

Патя. А чѣмъ-же я обезпечена отъ всякой случайности? Теперь ужъ ты измѣнился ко мнѣ, а потомъ, послѣ отца, возьмешь да и выбросишь меня на улицу. Нѣтъ, я должна оградить себя, и векселей не уничтожу, мой другъ.

Леонидъ. Честно!

Патя (*гнѣвно*). Леонидъ Сергѣевичъ! Если ты будешь продолжать въ томъ же родѣ, то... то я найду средство успокоить тебя!

Леонидъ (*въ сильномъ волненіи*). „Успокоить"?! Какъ это?! Что за угроза?! Конечно я—выжатый лимонъ... „Успокоить"! Значитъ, *упрятать* меня куда-нибудь, а?! Ты ужъ роешь мнѣ яму! Я знаю,—ты проговаривалась, что болѣзнь моя кончится помѣшательствомъ. Знаю, знаю!!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Бырдинъ.

Бырдинъ. Что такое? (*Вглядываясь въ Патю*). Чѣмъ ты взволнована, душа моя? А? (*Взглянулъ на сына*).

Патя. Не спрашивайте, папаша. Меня и такъ укоряютъ, что я настраиваю васъ противъ дѣтей. Нечего дѣлать, стерплю. Ради васъ, все стерплю!

Бырдинъ (*гнѣвно, указывая на Леонида*). Онъ... онъ оскорбилъ тебя?

Патя. И за что? За то, что жалѣя его здоровье, я не дала денегъ.

Бырдинъ. Леонидъ! И ты заодно съ сестрой?! Берегись у меня! (*Погрозился*).

Патя. И я вижу тутъ вліяніе Анны.

Леонидъ. Я ужъ сказалъ тебѣ и еще повторяю: сестра даже избѣгаетъ произносить твое имя.

Патя. Вотъ до чего ненавидятъ меня! Почему?

Бырдинъ. А потому, что они дрянные, негодные...

Леонидъ (*съ негодованіемъ*). Papa!

Бырдинъ. Да! Что имъ отецъ, его спокойствіе! Эго-

исты, думающіе только о себѣ. А нашлась добрая душа, которая заботится обо мнѣ—ненависть! Причина понятна. Имъ совѣстно, досадно, что поведеніе сравнительно посторонней женщины дѣлаетъ очевиднымъ ихъ безсердечіе. (*Потрепалъ Патю по щекѣ*). Не огорчайся, моя дорогая! Они будутъ наказаны и Богомъ и мною.

Леонидъ (*истерично*). О, я наказанъ, жестоко наказанъ! Наказанъ за все, что сдѣлалъ для нея (*указалъ на жену*), не пощадивъ даже матери! Преступно и подло! Когда я очнулся отъ угара и взглянулъ на себя, я ужаснулся тому, какъ я мерзокъ!.. Меня грызетъ тоска, раскаяніе!.. Больной, измученный, я на краю пропасти... и эта женщина броситъ меня туда! Но и вы раскаетесь! Придетъ время увидите и вы, какую змѣю отогрѣли!.. (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Патя и Бырдинъ.

Патя. Слышали? И это рѣчь нормальнаго человѣка?

Бырдинъ. Что-то на него не похоже. Нашумѣлъ, накричалъ!..

Патя. Ахъ, я ужасно боюсь за него! Кто у насъ лучшій врачъ по душевнымъ болѣзнямъ? Надо бы пригласить. Это ужъ въ послѣднее время стало находить на Лелю, бурные порывы какіе-то. А до этого онъ больше молчалъ и все думалъ о чемъ-то. Раскладываетъ пасьянсъ, а картъ не видитъ. Хоть разрозненную колоду дай—ему все равно. Бѣдный! (*Дѣлаетъ видъ, что прослезилась*).

Бырдинъ. Да, да, надо заняться имъ, надо лѣчить.

Патя. Если бы Анна обратила вниманіе на его болѣзнь, то—надѣюсь—не стала бы раздражать его. Вѣдь это безчеловѣчно!

Бырдинъ. Вотъ кончится трауръ, Анна выйдетъ замужъ...

Патя (*перебиваетъ*). За Евгенія Устиновича?

Бырдинъ. А то за кого же? Тогда у насъ будетъ покойнѣй.

Патя. Мнѣ кажется, что она и его охладила своимъ характеромъ.

Бырдинъ. Ну, эти господа прежде всего смотрятъ на приданое, потомъ ужъ на характеръ.

Патя. Я мало знаю Евгенія Устиновича. Вамъ виднѣе, съ вашимъ умѣньемъ узнавать людей и читать въ сердцѣ каждаго. Конечно, если вы много дадите за Анной...

Бырдинъ. Ну, многаго-то Анна не стоитъ. Обезпечу, но не передамъ, нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же и **Анна** (*въ сильномъ волненіи*).

Анна. Что здѣсь случилось? Съ Лелей нервный припадокъ! Чѣмъ разстроили его? Кто?

Бырдинъ. Прежде всего, ma chère, такъ шумѣть неприлично.

Анна (*къ Патѣ*). Опять вы? Послушайте, когда это кончится?! Когда вы перестанете мучить насъ?!

Бырдинъ (*подъ взглядомъ Пати, кричитъ*). Анна!

Анна. Нѣтъ, рара, это невыносимо! Что у насъ? Я понять не могу. Прозрите же, наконецъ, рара! Будьте справедливы! Вѣдь все это интрига, низкая, возмутительная! Сѣять раздоръ, непріятности — зачѣмъ? Для чего это нужно?

Патя (*зарыдала*). Боже мой!

Анна. Утрите ваши фальшивыя слезы! Они—ядъ, которымъ вы отравили, ослѣпили отца!

Бырдинъ. Довольно! Ты жестоко оскорбила Патю. Проси прощенія!

Анна. У *нея*?!

Бырдинъ (*кричитъ*). Проси!

Анна. Вы шутите, рара!

Бырдинъ. Я... я шучу?!

Патя (*бросается къ нему*). Папаша, не нужно, не нужно!.. Я ничего не хочу! Успокойтесь, ради Христа успокойтесь! А потомъ заболѣете. Этимъ всегда кончается.

Бырдинъ. А очень имъ нужно заботиться о моемъ здоровьи! Для нихъ—чѣмъ я скорѣе умру, тѣмъ лучше!

Анна (*въ ужасѣ*). Papa! (*Глубокая пауза.*) И у васъ повернулся языкъ сказать это?! Сказать это *мнѣ?!*

Патя. Конечно, папаша, это ужасно что вы сказали!

Анна (*холодно и строго*). Это на вашей совѣсти, Клеопатра Семеновна. Когда жива была мама, у насъ въ семьѣ всѣ любили другъ друга. Намъ завидовали и всѣ уважали насъ. Теперь мы почти всѣми оставлены. Вмѣсто любви и спокойствія, у насъ что-то дикое, невозможное, отчего приходишь въ отчаяніе и жизни не радъ. Вотъ какая у насъ *перемѣна*, Клеопатра Семеновна. Кромѣ смерти мамы, въ которой вы виноваты, что же случилось у насъ? Случилось одно: *вы* вошли въ нашу семью. И корень зла—*вы!* (*Уходитъ съ достоинствомъ.*)

Картина: *Бырдинъ сидитъ въ глубокой задумчивости. Патя, кусая губы отъ злости, не знаетъ какъ заговорить съ нимъ. Пауза. Не найдя, что сказать, Патя направляется къ двери, задерживаясь на ходу, въ ожиданіи, что ее остановятъ, но не глядя на Бырдина.*

Бырдинъ (*взглянулъ на нее, вздохнулъ, провелъ рукою, какъ бы отгоняя мысли, и останавливаетъ Патю уже у самой двери*). Куда ты?

Патя (*съ огорченнымъ видомъ и потупленными глазами*). Я.. я уложиться.

Бырдинъ. Это зачѣмъ?!

Патя. Я желаю вамъ добра... вашему дому... съ моимъ удаленіемъ вернется все, чего я лишила васъ...

Бырдинъ (*тревожно*). Ты хочешь уѣхать?

Патя. Развѣ я могу желать *васъ* покинуть, моего благодѣтеля?! Я вырываю сердце, уходя отъ васъ... Но выше моихъ чувствъ къ вамъ, я ставлю благополучіе вашей семьи и честь вашего дома, которую я запятнала. Съ вами я забыла свое горькое прошлое... Мнѣ жестоко напомнили его... Это жестоко, но справедливо. Я уѣду куда-нибудь далеко, далеко и тамъ схороню свое горе.

Бырдинъ. Вздоръ! Никуда я тебя не пущу. Поди ко мнѣ! (*Сидя, протянулъ къ ней руку*).

Патя (*вскрикиваетъ съ восторгомъ*). Ахъ!.. (*Подбѣгаетъ, бросается передъ нимъ на колѣни и покрываетъ поцѣлуями его руку.*)

Бырдинъ. Полно, полно!.. Я что-то усталъ. (*Поднимается, при ея помощи*). Веди меня въ кабинетъ. Я прилягу. (*Идетъ, опираясь на палку и на руку Пати. Въ публику.*) Старѣю, тупѣю!.. Ахъ-ахъ-ахъ!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Сцена третьяго акта, столовая.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Бырдинъ (*сидитъ за столомъ. Возлѣ него кофейный приборъ съ допитымъ стаканомъ*) *и* **Никифоръ** (*входитъ справа*).

Бырдинъ. Тебѣ что?

Никифоръ. Газеты, ваше превосходительство. (*Подаетъ ихъ.*)

Бырдинъ (*съ досадой*). А, не до чтенія мнѣ! Положи. (*Указалъ на маленькій столъ. Никифоръ кладетъ газеты и уходитъ. Послѣ краткой задумчивости.*) Да, безъ моей старухи я совсѣмъ захирѣлъ!.. При ней я всегда былъ *спокоенъ*. А это—великое благо, душевное спокойствіе! Вотъ въ чемъ сила хорошей, любящей женщины: она даетъ это благо... Захирѣлъ, захирѣлъ! (*Кряхтя перемѣняетъ позу.*) А вѣдь все спорилъ со старухой! Думалъ, что я самъ веду свой корабль, что я—все!.. Правда, что человѣка оцѣнишь, когда потеряешь его.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Бырдинъ, Патя (*въ шляпкѣ*) *и потомъ* **Никифоръ**.

Патя. Докушали кофе?

Бырдинъ. Да, милая. Ты ѣдешь?

Патя (*позвонила*). На минутку, папаша. (*Вошедшему Никифору*). Убрать! (*Указала на приборъ*). А лошади?

Никифоръ. Поданы-съ. (*Уноситъ приборъ*).

Патя. Ненужно ли вамъ чего? Я куплю.

Бырдинъ. Кажется ничего, мой другъ. Постой-ка. (*Оглядываетъ ее*).. Какъ идетъ къ тебѣ это платье! Впрочемъ, ты всегда умѣешь одѣться изящно, къ лицу и притомъ такъ, что всегда замѣтишь, что у тебя особенно красиво.

Патя (*разсѣянно*). Ха-ха-ха!

Бырдинъ. А вотъ видъ у тебя озабоченный. Ты чѣмъ то взволнована, а?

Патя. Нѣтъ.

Бырдинъ. А вчера вечеромъ ты ужъ вовсе была разстроена. Такъ и не сказала мнѣ чѣмъ?

Патя (*съ подавленнымъ раздраженіемъ*). Не могу же я быть весела и спокойна, когда Леля такъ нездоровъ! Такъ я не надолго, папаша. (*Поцѣловала его и уходитъ направо*).

Бырдинъ (*проводивъ ее взглядомъ*). Кто, глядя на эту женщину, скажетъ, что у нея дурное прошлое?.. А дѣти не ладятъ, не ладятъ!..

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Бырдинъ и Анна.

Бырдинъ. Что тебѣ, ma chère?

Анна. Поговорить съ вами, рара.

Бырдинъ. Если объясненіе — уволь. Не могу! Мнѣ ужъ такъ досадили ими,—тошно подумать.

Анна. Я измучена, рара! Я не могу молчать. Что вы со мной дѣлаете? Вспомните, какъ вы любили меня! А теперь?.. Вами овладѣла интриганка, авантюристка...

Бырдинъ (*прерываетъ*). Старая пѣсня, которая ужъ мнѣ надоѣла, ma chère!

Анна. Эта женщина была причиной смерти мамы; погубила брата, на котораго жалко глядѣть; отдалила васъ отъ меня. Клеветой, хитростью, подлостью она достиг-

ла того, что вы охладѣли ко мнѣ, стали, наконецъ, унижать...

Бырдинъ. Довольно! Прошу: довольно!

Анна. Нѣтъ, я скажу все! Вы перестали меня понимать, papa. Когда, оскорбленная, я молчала изъ гордости и казалась равнодушной, чтобъ не унижаться передъ этой женщиной—у меня сердце разрывалось отъ обиды и горя; а вы не понимали этого. Вы смотрѣли ея глазами, думали такъ, какъ она вамъ внушала...

Бырдинъ (*прерываетъ*). Но позволь! Ты ужъ совсѣмъ записываешь меня въ дураки!

Анна. Вы требуете, чтобъ я уважала ее и ей подчинялась. Нѣтъ, papa, въ такихъ условіяхъ я жить не могу. Отпустите меня.

Бырдинъ. Что-о?! Это еще что за выдумки?! Зачѣмъ отпустить?! Куда?!

Анна. Мнѣ нашли мѣсто въ институтѣ, классной дамы.

Бырдинъ. Вздоръ, вздоръ! Слышать не хочу! Вздоръ!

Анна. Извините, papa, но это рѣшенное дѣло. Повторяю, что жить у васъ я больше не въ силахъ. Мнѣ очень тяжело, горько, обидно оставить васъ; но я вынуждена. Врозь намъ будетъ лучше. Дошло до того, что одинъ мой видъ раздражаетъ ужъ васъ. А когда-то вы не могли наглядѣться на меня!.. Безъ меня и вы успокоитесь, и я приду въ себя. Я сознаю, что характеръ мой ужасно испортился. Клеопатра Семеновна ловко пользовалась этимъ, чтобы возстановлять васъ и ронять меня въ вашемъ мнѣніи. И вотъ вчера вы сказали такую ужасную вещь, что *я хочу вашей смерти*. Что могло быть ужаснѣй и обиднѣй этихъ словъ?! Но довольно, прощайте, papa!

Бырдинъ. Нѣтъ, нѣтъ! И не думай! Я не пущу тебя, не пущу!

Анна. Нѣтъ, papa, я поступлю, какъ рѣшила. Когда вы захотите, мы будемъ видаться. Я стану пріѣзжать къ вамъ. Мои чувства къ вамъ все тѣ же, papa, и никогда, никогда не измѣнятся! Знайте это, дорогой мой,

и вѣрьте мнѣ! (*Быстро и горячо поцѣловала отца въ голову и пошла къ двери*).

Бырдинъ. Но постой, постой! Ты какъ поразила меня!.. Наконецъ, твой женихъ!..

Анна (*съ горечью*). Женихъ! У меня нѣтъ жениха.

Бырдинъ. Какъ?! Это что значитъ?!

Анна. Вотъ единственное добро, которымъ я обязана Клеопатрѣ. Она открыла мнѣ глаза на этого... прекраснаго человѣка. Она спасла меня отъ несчастія быть женою того, кого нельзя уважать. (*Уходитъ налѣво*).

Бырдинъ (*кричитъ*). Аня, вернись!.. (*развелъ руками*). Ну ужъ всего ждалъ, да не этого!.. Бросайте, бросайте старика!.. Зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?! (*Плачетъ*). И боленъ, и капризенъ и несправедливъ!.. Что его жалѣть?! (*Съ трудомъ поднимается и стучитъ костылемъ*). Вотъ они нынѣшніе дѣтки-то, вотъ! Чуть что не по нихъ—ничего святаго! И домъ, и родителей бросятъ, и общественнымъ мнѣніемъ пренебрегутъ, всѣмъ на свѣтѣ! (*Поплелся къ себѣ въ кабинетъ и уходитъ, утирая слезы*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Анна и Леонидъ (*входятъ вмѣстѣ*).

Леонидъ (*держа ее за руку*). Аня, не уѣзжай! Не бросай меня, ради Бога! Я пропаду, Аня! Безъ тебя—пропаду!

Анна. Нѣтъ, милый. Силъ моихъ нѣтъ! Не могу.

Леонидъ. Аня!

Анна. И не проси. Не могу. Развѣ мнѣ легко покидать васъ съ отцемъ, Леля, милый ты мой! Развѣ не жалко васъ! Я знаю, что ужасно огорчаю отца; но это образумитъ его. Я очень на это разсчитываю. Тогда я вернусь, сію же минуту вернусь.

Леонидъ. О, здѣсь ничѣмъ не поправишь дѣла! (*Злобно*). Только однимъ: вырвать зло съ корнемъ! Только этимъ!

Анна (*съ испугомъ*). Съ какою злобой ты говоришь Леля!

Леонидъ. Понятно. Кажется, все для этого сдѣлано.

Ты вотъ уходишь! *Ты,* съ твоимъ терпѣніемъ, характеромъ! А я-то что передъ тобой? Я, который посѣялъ у насъ зло и далъ ему пустить корни! Все это переболѣло, перегорѣло въ моей душѣ и осталась злоба и на себя, и на Патю. Чувство острое, острое какъ жало. Мнѣ больно отъ него самому.

Анна. Послушай, милый! Ты станешь бывать у меня каждый день. Это разсѣетъ, успокоитъ тебя. И я приду въ себя. Намъ будетъ лучше обоимъ. И увидишь, что все устроится къ лучшему. Повторяю: я твердо увѣрена, что безъ меня отецъ образумится, иначе я не рѣшилась бы на такую крайнюю мѣру. Вѣрь мнѣ и подави въ себѣ дурныя чувства, родной мой.

Леонидъ (*мрачно и рѣшительно*). Ничего не выйдетъ.

Анна. Увидишь. Пока до свиданія. (*Поцѣловала его*). Я съѣзжу въ институтъ посмотрѣть свою комнату. (*Уходитъ направо*).

Леонидъ. Что эта женщина сдѣлала съ нами—ужасно, ужасно!.. О, какъ я ненавижу ее! И смрадъ ея страсти и черствость души алчной и безпощадной, которую не смутитъ и не тронетъ ничто! Ненавижу ея кошачьи ужимки, голосъ ея, взглядъ, смѣхъ, все до послѣдняго волоса! Она это чувствуетъ, но презираетъ и готовитъ мнѣ послѣдній ударъ, когда настанетъ моментъ швырнуть меня прочь съ дороги. Сестру выжила, теперь со мною легче управиться! А я стану ждать?! Нѣтъ, ждать я не стану!! Довольно!! (*Быстро уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Космачева и Никифоръ (*справа*).

Никифоръ. Клеопатры Семеновны нѣтъ, а баринъ пошли къ себѣ. Доложить имъ?

Космачева. Барина твоего мнѣ не надо. Подожду Клеопатру Семеновну. (*Располагается съ своимъ мѣшкомъ и зонтикомъ*).

Никифоръ (*ехидно*). Новая горничная у насъ, Евгенія, вчера видѣмши васъ, божится, что вы Клеопатрѣ Се-

меновнѣ тетенькой доводитесь. Давно, вишь, она Клеопатру Семеновну знаетъ...

Космачева (*равнодушно*). Дуракъ! Я вижу, тебѣ на мѣстѣ жить надоѣло. (*Роется въ своемъ мѣшкѣ*).

Никифоръ. Послѣ покойной барыни, тутъ какое ужъ мѣсто! Коли вѣрно, что сказываютъ про барышню, Анну Сергѣевну, и я: просимъ прощенія! (*Уходитъ*).

Космачева (*не слушала Никифора*). А вѣдь я на этихъ акціяхъ прогадала!.. Вѣрно, вѣрно! (*Достаетъ изъ мѣшка пачку бумагъ и пересчитываетъ ихъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Космачева и Патя (*справа*).

Патя (*остановилась въ дверяхъ, съ досадой*). Вотъ ужъ васъ-то никакъ не ожидала увидать здѣсь!

Космачева (*пряча бумаги*). Мнѣ рѣдко кто радъ бываетъ.

Патя (*снявъ шляпку, съ нетерпѣніемъ*). Ну, къ дѣлу-съ! (*Садится*).

Космачева. Извольте-съ! Давай векселя.

Патя. Какіе?!

Космачева. Ящерова, извѣстно какіе. Вотъ довѣренность мнѣ уплатить тебѣ деньги сполна и получить документы.

Патя. Не можетъ быть!

Космачева. Стало-быть можетъ.

Патя. О, если такъ... я сама объяснюсь съ нимъ! Посредниковъ мнѣ не нужно!

Космачева. А ему нужно. Вчера вечеромъ ты пріѣзжала къ нему?

Патя (*вспыльчиво*). Что-о?! Ну, тебя это совсѣмъ не касается!

Космачева. Коли я знаю, что ты была—значитъ касается, значитъ что-нибудь да поручено мнѣ.

Патя. Поручено *тебѣ?! имъ?!*

Космачева. Въ толкъ не возметъ! Конечно имъ. Вчера онъ былъ дома, а велѣлъ сказать тебѣ, что нѣту его.

Патя (*привстала*). Былъ дома?!

Космачева. Ну, да. „Очень, говоритъ, мнѣ хотѣлось принять Клеопатру Семеновну, очень!..“ Значитъ, очень ужъ ты соблазнительна. „Хотѣлось, говорить, да много съ нею хлопотъ наживешь и репутацію замараешь...“

Патя. Послушай!.. (*Ударила рукой по столу*). И ты смѣешь мнѣ говорить это?!

Космачева. Не я говорю, онъ говоритъ. Чего-же не смѣть-то? Чудно! Значитъ, твое дѣло не выгорѣло. У Ящерова прежде всего разсчетъ, матушка, а все прочее—пустяковое дѣло. Потому и деньги можно ему давать. Векселя его я опять же на свои выкупаю, да еще тысченку дала.

Патя (*быстро ходитъ. Гнѣвно*). Чертъ тебя возьми съ твоими разсчетами! Очень мнѣ нужно знать! Уходи!

Космачева. Погоди, не спѣши. Дослушай. Ящеровъ то вчера, прямо отъ васъ, не теряя времени, къ князю Куницыну. Княжна Раиса вѣдь безъ ума отъ Евгенія Устиновича...

Патя (*съ страстнымъ любопытствомъ*). Ну?

Космачева. Ну и сдѣлалъ ей формальное предложеніе.

Патя. Горбатой?!

Космачева. За то тамъ, матушка, милліонъ и родство-то получше Бырдинскаго!

Патя. Подлецъ!!

Космачева. Что ужъ такъ? Анна Сергѣевна сама отказала ему. „Прекрасная, говоритъ, она дѣвушка и хорошая жена была бы, да обобрали ее“. А Ящерову какъ *продешевить* себя! Не продешевитъ, не таковъ мальчикъ!

Патя. О, негодяй, негодяй!!

Космачева. Ну, давай векселя-то!

Патя (*садясь къ столу и роняя голову на руку*). Оставь меня! Я ничего не могу!... (*Пауза*). Хорошо, Евгеній Устиновичъ!.. О, что я съ нимъ сдѣлаю!.. Онъ думаетъ: кончилъ со мною? Ну, нѣтъ!.. Себя не пощажу, а ужъ ему будетъ отплата!

Космачева. Одумаешься.

Патя. О, ты не знаешь меня! Не знаешь, на что я способна, если меня ужалятъ въ самое сердце!.. „За-

мараю его репутацію"! Ха-ха! Онъ-то кто? Продался уроду! Выгодный товаръ, для такихъ какъ ты!..

Космачева (*прерываетъ, вставая*). Ну я послѣ зайду, когда ты остынешь. Я думала,—ты умнѣе. А и въ тебѣ женская глупость есть. Вечеркомъ зайду. Не отдашь векселя—стребую. (*Идя къ двери, про себя*). А на акціяхъ я положительно прогадала. Сбыть ихъ, сбыть! (*Уходитъ*).

Патя (*быстро ходитъ по сценѣ*). Не-го-дяй!!.. Бѣсила Анну, а кончила вотъ чѣмъ! Себя одурачила! И какъ одурачила!.. Гдѣ у меня были глаза?! Какъ я могла, какъ могла допустить себя до такой глупости, до такого подлаго униженія?! „Репутацію замараю"! Онъ и горбатой княжнѣ *меня* выставилъ причиной разрыва съ невѣстой! Увѣрена, что такъ! Нельзя, молъ, родниться съ семьею, въ которой *такая* женщина, съ такимъ *прошлымъ*! О, да, да! Это все было сказано!..

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Патя, Бырдинъ (*въ черномъ сюртукѣ*) *и за нимъ* **Никифоръ** (*изъ кабинета*).

Бырдинъ (*Никифору, въ сильномъ волненіи*). Такъ не вели отпрягать. Сейчасъ ѣду.

Никифоръ. Слушаю-съ. (*Уходитъ направо*).

Бырдинъ. Что Анна Сергѣевна-то вздумала! Ты знаешъ?

Патя (*равнодушно*). Ничего не знаю.

Бырдинъ. Уходитъ! Мѣсто, себѣ нашла! Дома жить невозможно! Вотъ, вотъ ваши ссоры! Вотъ до чего довели!

Патя. Что-жъ вы *меня* обвиняете въ этомъ?

Бырдинъ. Я не знаю, не знаю кого винить, но это... это срамъ, это Богъ знаетъ что!

Патя (*ядовито*). Ахъ, вы не знаете *кого* винить! (*Усмѣхнулась*).

Бырдинъ (*горячась еще больше*). Не допущу! Поѣду къ директрисѣ, къ попечителю... Не допущу, чтобъ моя дочь ушла тамъ въ какой-то институтъ!.. Не бывать этому! И прошу, чтобъ ссоръ и ничего подобнаго не

было между вами, *покорно* прошу! (*Уходитъ направо*).

Патя. Еще новость! Гм! (*Подумала и съ нетерпѣніемъ*). Ахъ всѣ они надоѣли, опротивѣли мнѣ!.. Бросить?.. Тысячъ до ста у меня есть. Если съ мужа еще двѣсти взыскать... (*Увидавъ въ дверяхъ Леонида, про себя*). Одно это сокровище чего стоитъ!..

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Патя и **Леонидъ** (*слѣва*).

Леонидъ (*блѣдный, съ искаженымъ лицомъ, тихо подступаетъ къ ней, держа въ опущенной рукѣ револьверъ*). Добилась своего?!.. выжила сестру?! а?!

Патя. Ты съ ума сошелъ! (*Замѣтивъ револьверъ, бросается на Леонида и схватываетъ его за руку*). Брось револьверъ!! брось!!

Леонидъ (*силясь освободиться, съ бѣшенствомъ*). Не уйдешь!! Раздавлю змѣю!!

Патя (*въ борьбѣ съ нимъ, отчаянно*). Люди!! Помогите!

Леонидъ. Раздавлю!! (*Вырываетъ вооруженную руку. Патя съ крикомъ бросается къ двери. Въ догонку ей грянулъ выстрѣлъ*).

Патя (*пронзительно*). О-й!! (*Падаетъ у двери, издаетъ протяжный, страдальческій стонъ и умираетъ. Леонидъ, трепеща отъ волненія, сваливается на стулъ, низко опустивъ голову*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и **Анна** (*вбѣгаетъ справа въ шляпѣ, въ страшномъ испугѣ*).

Анна. Что здѣсь?! (*Увидала трупъ и бросается къ брату*). Леля!!.. Леля!!.. ты убилъ... убилъ ее?! (*Въ отчаяніи закрываетъ лицо руками*). Господи! ужасъ какой!

Леонидъ (*встаетъ. Взглядъ его мутенъ, лицо выражаетъ раздраженіе, жесты рѣзки и неестественны*). Ну что тебѣ? Поди къ maman, пожалуйся на меня, а я все-таки женюсь на Патѣ.

Анна (*со страхомъ, взглядываясь въ него*). **Леля!** Ты бредишь!.. Опомнись, опомнись!!

Леонидъ. Ахъ, оставьте меня! Сказалъ: женюсь—и женюсь! (*садится съ безумнымъ видомъ*).

Анна (*зарыдавъ*). Несчастный?!

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ.

ГРѢХЪ ПОПУТАЛЪ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

Егоръ Саввичъ Ельцовъ, богатый купецъ, лѣтъ пятидесяти. (Крѣпкій, бодрый брюнетъ, съ просѣдью на вискахъ. Окладистая борода подстрижена).

Иро́ида Васильевна, вторая жена его, молодая женщина.

Михайло, пріемышъ Ельцова, лѣтъ 25-ти.

Наумъ Прокофьевичъ Федуловъ, обѣднѣвшій купецъ, лѣтъ шестидесяти. (Низенькій, полный, подвижный. Сѣдые вьющіеся волосы очень рѣдки, жиденькая бородка).

Евгенія, дочь его, молодая дѣвушка. (Худенькая, невзрачная).

Алена, кухарка Ельцовыхъ, пожилая. (Ходитъ повязанная, но въ городскомъ платьѣ).

Анисья, молодая работница Ельцовыхъ. (Одѣта по-крестьянски).

Фатей, кучеръ.

Дѣйствіе въ большомъ уѣздномъ городѣ средней Россіи.

Дѣйствіе первое.

Сцена: слѣва боковой фасадъ каменнаго одноэтажнаго дома, подъ желѣзною крышей, въ пять оконъ. Къ дому, въ глубинѣ, примыкаетъ рѣшетка, съ калиткой въ ней. Заднюю и правую стороны сцены занимаетъ полукругомъ, образуя площадку, густой вишенникъ. Въ глубинѣ изъ него выступаетъ крыльцо липовой бани. Направо въ вишенникъ уходитъ дорожка, ведущая подъ кручь, къ рѣкѣ. У авансцены направо вишенникъ образуетъ закрытую отъ дома прогалинку. Въ домѣ второе отъ зрителей окно открыто и въ немъ спущена синяя стора. Передъ домомъ нѣсколько цвѣточныхъ клумбочекъ и подъ окнами его скамья. Другая скамья стоитъ справа, у дорожки къ рѣкѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Анисья (*стоитъ передъ корытомъ на крыльцѣ бани и грызетъ подсолнухи*) и **Алена**.

Алена (*за сценой*). Аниска!

Анисья. Чаво? (*Прячетъ подсолнухи и принимается за стирку*).

Алена (*входитъ въ калитку*). О сю пору не управилась?!. Хорошо!

Анисья. Управишься тутъ! Ишь прорва бѣлья-то! Всѣ рученьки отмотала!

Алена (*указывая на клумбы*). Цвѣты хозяйка велѣла полоть. Когда-жъ будешь? Ночью?

Анисья. Тоже вздумала! Садовшицу каку нашла! Тутъ дѣломъ хребетъ-то намнешь, безъ глупостевъ этихъ!

Алена (*строго*). Ну, полно врать!

Анисья. Врать?! А ты попробуй съ мое! Колотыришься цѣльный день, какъ анаѳема. Ты и корову подой, и пти-

цу накорми, постирай, да покатай—куска въ ротъ некогда взять!

Алена. Труженица! Здорова—полѣномъ не перешибешь. Хозяину сказать бы, какъ ты работой изводишься.

Анисья. Ты всякаго норовишь языкомъ оплести. Извѣстно.

Алена. Хозяйское добро берегу, воровать не даю, да безпутничать—это вѣрно. За то всѣ вы на меня зубы точите. Давно-бъ слопали, при новыхъ порядкахъ-то! Да знаетъ хозяинъ, что я ему песъ вѣрный. Знаетъ и цѣнитъ.

Анисья. Что было, то прошло, милая. При покойной хозяйкѣ, Марьѣ Никоновнѣ, точно: ты въ силѣ была, въ уваженіи. А теперь—огладятъ, не то и вовсе загремишь со двора, потому мужу молодой женѣ не уважить нельзя.

Алена (*гнѣвно*). Увидимъ, кто со двора загремитъ! Хозяинъ покажетъ тебѣ! Погоди!

Анисья. Ой, батюшки! Спужалась, индо поджилки затряслись! Невидаль хозяинъ-то твой! За два цалковыхъ жилы изъ себя тянуть. Лучше по міру пойти: и хлѣбомъ накормятъ, и денегъ дадутъ и никто поѣдомъ не ѣстъ, сама себѣ барыня! (*Распахнувъ дверь бани, сердито задвигаетъ туда корыто съ бѣльемъ и сходитъ съ крыльца*).

Алена (*прислушалась, глядя на открытое окно. Понизивъ голосъ*). Хозяинъ проснулся. Бѣги на ледникъ, квасу неси. (*Анисья уходитъ въ калитку*).

Алена (*съ плачемъ, не громко*). Матушка моя, Марья Никоновна! Каждёнъ, кажечасъ поминаю тебя, родимая! Покинула ты насъ на лютую жисть! Ужъ такая мнѣ доля приспѣла—ложись, да помирай, безъ тебя!

Анисья (*входя изъ калитки, съ большой кружкой квасу, про себя*). Такъ-то лучше, чѣмъ хорохориться! (*Подходитъ и подаетъ кружку*).

Алена (*утеревъ слезы, беретъ кружку*). А мухъ зачѣмъ напустила? (*Пальцемъ выбираетъ ихъ изъ кружки*).

Анисья. Ништо имъ закажешь на квасъ-отъ летѣть! (*Грызя подсолнухи, уходитъ въ калитку*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Алена *и* **Егоръ Саввичъ** (*поднявъ стору*, *высовывается въ окно съ заспаннымъ лицомъ. Онъ въ цвѣтной рубашкѣ и жилетѣ*).

Алена (*подобострастно*). Хорошо ли соснули, батюшка мой?

Егоръ Сав. (*зѣвая во весь ротъ*). Нѣтъ. Жарко.

Алена. Страсть жарко! Наша хозяйка въ другой разъ купаться пошла. Квасу холодненькаго! (*Подаетъ ему кружку*).

Егоръ Сав. (*выпилъ квасъ и крякнулъ*). Хорошо!

Алена (*со вздохомъ*). Такъ-то, бывало, покойница Марья Никоновна слушаетъ—дожидаетъ, когда вы послѣ обѣда проснетесь. Чуть завозитесь, она ужъ бѣжитъ ко мнѣ: „Алена, Алена! За квасомъ бѣги. Егоръ Саввичъ проснулся“... Только ей и думы и заботы было, что вы. (*Еще разъ вздохнула скорбно и выразительно*).

Егоръ Сав. (*нахмурился*). Гм-да!.. Михайло дома?

Алена. Давешь въ конторѣ былъ. Можетъ, хозяйка услала куда...

Егоръ Сав. Ну, для разсыла другіе есть.

Алена. Извѣстно. А велитъ хозяйка—пойдешь. При покойницѣ, Марьѣ Никоновнѣ, одинъ мы голосъ слыхали, одну грозу знали: хозяина. А теперь все не такъ...

Егоръ Сав. (*съ досадой*). Опять ты про то-же гвоздишь, про Марью Никоновну!

Алена. Господи-батюшка! Какъ же не поминать-то ея?! Мать родная была! Я молодой хозяйкѣ на куски рвусь угодить—все не потрафлю. За что не взлюбила, въ чемъ я помѣха ей, раба ваша вѣрная?..

Егоръ Сав. (*прерываетъ строго*). Будто языкъ у тебя больно рѣчистъ сталъ? А?

Алена. Простите дуру, ежели я...

Егоръ Сав. Ступай! Да скажи—лошадь запречь.

Алена. Слушаю-съ. (*Уходитъ въ калитку*).

Егоръ Сав. Бабьи склыки разбирай! Когда это было?.. Прогнать Алену не долго. Да за что? Порядки всѣ

знаетъ, вѣрный человѣкъ, преданный... Капризъ? Капризамъ я не повадчикъ. Будь Ироида хозяйка, все-бъ ничего; а то чего она смыслитъ?.. Тьфу ты! Дѣло на умѣ, а тутъ пустяками тревожатъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Егоръ Саввичъ *и* **Ироида** (*лѣниво входитъ по дорожкѣ изъ вишенника, помахивая полотенцемъ*).

Егоръ Сав. Ай въ другой разъ купалась? Жара одолѣла?

Ироида. Больше отъ скуки. (*Садится на скамью передъ домомъ, глядя впередъ*).

Егоръ Сав. (*поежился*). Скучаешь?

Ироида. А то нѣтъ? Сидишь день-денской домъ караулишь. Только всего.

Егоръ Сав. Чего-жъ тебѣ надобно?

Ироида. Ни къ намъ никто, ни мы ни къ кому.

Егоръ Сав. Такъ, такъ!

Ироида. Ты богатъ, а живешь по-мѣщански. Я дома веселѣе жила.

Егоръ Сав. Домовитой хозяйкѣ некогда скучать. Стыдно твоимъ старикамъ, коль ты къ бездѣлью привыкла. Оттого блажь и дурь лѣзутъ въ голову.

Ироида (*усмѣхнулась*). Дурь!

Егоръ Сав. Родителямъ твоимъ про то знать бы надо. Да теперь и изъ старыхъ людей многіе разумъ утратили. Такое ужъ время!

Ироида. Ты съ первой женой къ этакой жизни привыкъ. Такъ вѣдь та старуха была. Разница!

Егоръ Сав. Вольный языкъ у тебя, вольный!

Ироида. Еслибъ языкъ, у меня и сердце такое.

Егоръ Сав. Какъ? Вольное сердце у дѣвокъ бываетъ, пока не просватаны. Мужней женѣ про то помнить надо и крѣпко помнить, крѣпко!

Ироида (*обернулась, поглядѣла на него и принимаетъ прежнюю позу*). Развѣ я въ этомъ смыслѣ сказала?

Егоръ Сав. Передъ мужемъ во всѣхъ смыслахъ надо сердцемъ покорной быть.

Ироида. Я думала: мужу отъ жены правда дороже всего. А ты какъ хочешь. Не любо—не слушай.

Егоръ Сав. Знаю я, что мнѣ слушать и что искоренить надо. Не мальчикъ я—жизнь по другому кроить и не по характеру мнѣ. Ты моложе: приладишься. (*Захлопнулъ окно и отходитъ*).

Ироида. Дожидайся! (*Откинулась на спинку скамьи, заложивъ руки за голову*). Покориться изъ любви можно, А если этого нѣтъ, такъ ужъ дѣлай по моему, чтобъ этимъ хоть взять. А здѣсь и того нѣтъ, да тебя же умять хотятъ!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Ироида *и* **Михайло** (*пощелкивая сѣмячки, входитъ изъ калитки, съ гармоникой подъ мышкой и, не замѣчая* **Ироиды**, *направляется въ вишенникъ, на дорожку*).

Ироида (*пропустивъ его мимо себя*). Ку-да?

Михайло (*почтительно*). Гулять-съ. Дѣло праздничное... Дяденька отпустили...

Ироида. Потому и съ гармоникой ты. А я не пущу.

Михайло. Какъ прикажете, тетенька.

Ироида. Какая я тебѣ тетенька!

Михайло. А какъ же-съ? Егоръ Саввичъ дяденька, а вы значитъ—тетенька.

Ироида. И Егоръ Саввичъ не дяденька. Пріемышемъ взятъ, потому съ первой женой дѣтей у нихъ не было. Она и растила тебя и баловала безъ памяти. Потому и вышелъ ты баловникъ, ни на что не годящій. Изъ моихъ рукъ не такимъ бы вышелъ. Садись. (*Указала ему мѣсто возлѣ себя*).

Михайло (*присаживаясь поодаль*). Я при дѣлѣ у дяденьки слава Богу-съ... Дяденька строги. Ежели-бъ не приверженность моя, да стараніе...

Ироида (*прерываетъ*). Да я не про то. Ты парень дѣльный и знающій. А про нравъ твой сказала. Гармоника, пѣсни, съ пріятелями гуляешь, дѣвошникъ. Хватишься, гдѣ Михайло? На рѣку махнулъ, слободскихъ

дѣвокъ въ лодкѣ катаетъ, либо въ лѣсу пѣсни горланитъ съ пріятелями. Я вотъ про что.

Михайло. Ежели на гулянкахъ, отчего же не позабавиться? Дяденька не препятствуютъ.

Ироида. А мнѣ скучно. Все одна, да одна. Егоръ Саввичъ бирюкъ, лишняго слова не скажетъ, да и то словно въ сердцахъ.

Михайло. Привыкли они, завсегда таковы были, со всѣми. Покойница Марья Никоновна страхъ ихъ боялась. У насъ въ городѣ всѣ дяденьку почитаютъ, даже отмѣнно.

Ироида. А я надерзила ему.

Михайло (*съ испугомъ*). Какъ же вы такъ?! Развѣ возможно?..

Ироида. У меня все возможно. Куда сердце повернетъ, туда и пойду, хоть бы оттого пропасть мнѣ! Такой ужъ характеръ дурацкій!.. Ну какъ же: станешь со мной, вмѣсто гулянья, сидѣть? Все-таки живая душа.

Михайло. Я что-жъ... я могу-съ. Дяденька велитъ, стану дома сидѣть...

Ироида. Дяденька! Экъ онъ у тебя въ зубахъ навязъ, дяденька твой! А мое слово ни во что ставишь? Убирайся, коль такъ! Не нуждаюсь.

Михайло (*всталъ*). Чего-жъ вы обидѣлись? Такъ не годится...

Ироида. Не бойся, дяденькѣ не пожалуюсь.

Михайло (*горячо*). Да нѣтъ же, не про то я!.. Я не хочу, чтобъ вы на меня обиду имѣли. Смерть не люблю этого. Ежели кто на меня серчаетъ—мука мнѣ, да и только. Покамѣсть не помирюсь, нѣтъ мнѣ покоя.

Ироида. Значитъ—мухи не обидишь. Вотъ ты какой! Стриги, какъ овцу добрую. Это хорошо, и тебѣ выгодно.

Михайло (*садится*). Покойная тетенька такъ наставляла, чтобъ по правдѣ жить, честно, не обижать никого... Богобоязненная, добрая была, царство ей небесное!..

Ироида. Который мѣсяцъ я замужемъ, а никакъ изъ

спальни духа ея не выкурю. Пахнетъ кипарисомъ, да ладаномъ, хоть ты что!.. Эхъ, не въ свое я мѣсто попала! Въ бѣдности выросла, да на волѣ. Въ нашемъ городѣ, откуда взята я, жизнь вольная. И на вокзалѣ гуляли, и въ городской садъ ходили на музыку, мало ли что! (*Съ оживленіемъ*). Кавалеры съ нами. Игры, смѣхъ, угощеніе... Я первая затѣйщица была, ну... красавицей звали; а на языкъ вострѣй меня не было. Весело пожилось. А тутъ... Хуже здѣшняго города не сыскать. Вездѣ кули съ мукой, и люди тѣ же кули. Все тутъ противъ моихъ понятій. Тьма! А теперь и въ книжкахъ и на театрѣ тьма эта показана.

Михайло. Да, по здѣшнему мѣсту насчетъ веселья ежели—плохо-съ. Жизнь степенная, строгая.

Ироида. Тошная.

Михайло. Да-съ.

Ироида. А ты знай погуливаешь! Такъ какъ же: станешь дома сидѣть, чтобъ я не скучала? Дай гармонику-то! Расшибу ее, вотъ ты и сядешь. (*Потянулась взять*).

Михайло (*увернулся*). Э, нѣтъ! Расшибить не дамъ. Это зачѣмъ же!

Ироида. Отдай! Отдай, говорю! (*Силится вырвать гармонику*). Увидятъ, скажутъ: играемъ. Подведешь ты меня. Ну-же, отдай!

Михайло (*взволнованный, въ борьбѣ сронилъ картузъ*). Нате ужъ, нате!

Ироида (*отходя и показывая гармонику*). Только и видѣлъ ее. Простись! (*Уходитъ въ калитку*).

Михайло. Ишь какъ она!.. Фу! Ажъ въ голову ударило. Увидалъ бы дяденька... (*Боязливо обернулся къ дому. Одно изъ оконъ открылось. Въ немъ Алена*).

ЯВЛЕНІЕ. 5-е.

Михайло и Алена.

Михайло. Тѣбѣ что?

Алена. Ничего, миленькій. Окошко открыла. Чего спужался?

Михайло. Бреши!

Алена. Собака брешетъ, а Алена завсегда правду говоритъ. За то Алену и сжить хотятъ. Того гляди и тебя настрочатъ противъ меня. Забудешь, какъ няньчила тебя, ночей не спала. Охъ, Миша, остерегайся грѣха, да соблазна! Помни, чему учила тебя покойница Марья Никоновна...

Михайло. Про что ты? Какія соблазны? Говоритъ не знать что!

Алена. Научишься душой-то кривить. Дальше-больше. А изолжется человѣкъ—прощай совѣсть! Любя говорю, Мишенька, любя, милый ты мой!

Михайло. Да что ты знаешь, чтобъ мнѣ мораль эту читать? Даже досадно!

Алена. Про случай говорю. Дѣло твое молодое, долго ли до грѣха? А и тогда опять же я тебѣ другъ. Умру, не выдамъ. Станутъ мною пугать: „положиться, молъ, нельзя на Алену"—не вѣрь, не вѣрь этому. Помни! (*Закрыла окно и отходитъ*).

Михайло. Не спроста рѣчь, подглядѣла!.. Господи, да развѣ я какъ... И въ мысляхъ не имѣлъ, чтобъ противъ дяденьки, благодѣтеля...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Михайло *и* **Ироида** (*подходитъ къ нему отъ калитки. Онъ смущенно встаетъ*).

Ироида. Вотъ умникъ, что не ушелъ. Можетъ зазноба ждала. Вѣдь есть? Признавайся!

Михайло. Нѣту.

Ироида. Такъ я и повѣрила! Небось невѣсту ужъ высмотрѣлъ? (*Проходитъ къ скамьѣ у вишенника*).

Михайло (*слѣдуя за ней*). Какую-жъ за меня отдадутъ? Съ приданымъ ежели, богатую — не отдадутъ, потому у самого ничего. А съ бѣдной жить не на что. Да про это я и не думаю, тетенька.

Ироида (*обернулась къ нему*). Опять тетенька!.. А изъ слободскихъ, которая же въ нарядахъ твоихъ щеголяетъ? Покажи!

Михайло. Ну что!.. баловство... Вамъ про это и говорить не пристало.

Ироида (*серьезно, съ увлеченіемъ*). Со мной о чемъ хочешь говори. Смѣло говори, чего никому не скажешь. Такъ и я стану. Вотъ мы и сдружимся. Сядемъ-ка. Тутъ хорошо, продуваетъ. (*Садятся на скамью*). Такъ-то, Миша! Грустно, тяжело мнѣ — скажу; а ты пожалѣешь, утѣшишь. Вотъ что мнѣ надо, душу близкую надо, не то изведешься съ тоски. Я думала тутъ порядки свои завести; думала—первой по купечеству, у всѣхъ на виду буду. А вышло... Да знай я, что въ такую жизнь попаду, меня-бы на арканѣ подъ вѣнецъ не стащили!

Михайло. Что жъ теперь дѣлать!

Ироида. А почему замужъ пошла? Опять мой характеръ дурацкій! Суди. Была у меня подруга, такъ замухрышка, а изъ богатенькихъ. И подцѣпила она жениха... Льнулъ ко мнѣ, а засваталъ ее. Она и посмѣйся мнѣ этимъ!—„Быть бы, говоритъ, тебѣ на моемъ мѣстѣ, потому гдѣ ужъ намъ ровняться съ тобой! Да *твои достатки не сладки*". На грѣхъ, за ней и другія подруги. Дуры! Взорвало меня. „Ну постойте говорю имъ, какъ бы вамъ не лопнуть отъ зависти!" Тутъ какъ разъ подвернулся твой дяденька, милліонщикъ. Я и вышла... да никто не позавидуетъ мнѣ. (*Съ горечью*). Подруги смѣются: „нашу, молъ, своевольницу въ четырехъ стѣнахъ киснуть заперли".

Михайло (*задумчиво*). Какъ сгоряча-то бываетъ! да!

Ироида (*съ оживленіемъ*). Вотъ поговоришь и полегчаетъ! И ты ко мнѣ со всякой заботой, со всякимъ горемъ иди. И что говоримъ мы другъ другу—умерло. (*Пылко*). Ахъ, и хорошо такъ жить, душа въ душу!

Михайло (*вставая, съ смущеніемъ*. Я... пойду-съ...

Ироида. А-а! (*Злобно*). Ступай! Чему жъ я обрадовалась?

Михайло. Я потому, что ежели подслушаетъ кто, особливо Алена... Да вонъ какъ разъ она, у калитки.

Ироида (*тихо*). Сядь. Вида не подавай, что замѣти-

ли. (*Громко*). Да, Михайло Парменычъ, женись. Полно гулять-то. Не сердись, что я за дурачества тебя пожурила. (*Тихо*). Оглянись, окликни ее.

Михайло. Къ вамъ Алена.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же *и* **Алена** (*подходитъ съ смиреннымъ видомъ*).

Ироида. Чего тебѣ?

Алена. Да я, матушка, на счетъ огурцовъ. Кадочка выпарена. Много ли соли прикажете, какой зелени класть?

Ироида. Какъ любитъ Егоръ Саввичъ, такъ и соли. Да лисой не прикидывайся.

Алена. Господи-батюшка! За что обижаете-то?

Ироида. Намедни подвела такъ-то. Спросила, какъ леща жарить: съ начинкой, иль нѣтъ. Я велѣла посвоему, а Егоръ Саввичъ разсердился, что не вкусно. А ты и вывернулась къ нему: „хозяйка, молъ, такъ приказала. Нешто я смѣю ослушаться?" Все норовишь Егора Саввича на меня въ досаду вводить. А мнѣ тѣмъ въ глаза тычешь, какъ у васъ при покойницѣ было.

Алена (*съ плачемъ*). Обижаете вы меня! Что ни шагъ, то обида! Вотъ какая мнѣ жисть пришла! Господи-батюшка! Двадцать лѣтъ живу тутъ, завсегда были мною довольны; а при васъ ни на что стала негодна, въ послѣдніе попала! Хоть бы ты, Мишенька, заступился, пожалѣлъ бы меня, сладимчикъ мой! (*Припала къ нему на плечо*). Вынянчила вѣдь я тебя, выходила! (*Хочетъ его обнять*).

Михайло (*отстраняясь и отходя*). Ну, оставь!

Ироида. Ты Мишу не приплетай. Сунется не въ свое дѣло, языкъ прикуситъ. Со мной коротки разговоры.

Алена (*ехидно*). Ну, ужъ не знаю! Почемъ мнѣ знать, какіе разговоры у васъ? Ничего я не вижу, не слышу и въ смутьянкахъ отродясь не была.

Ироида (*вспыльчиво*). Ты къ чему это? Миша, про что она? Какіе *разговоры* у насъ, что твоя нянюшка *слѣпа* и *глуха* стала? Въ чемъ мы провинились, чтобъ изъ

ея рукъ глядѣть? Тебѣ не вдомекъ? (*Аленѣ*). А Егоръ Саввичъ пойметъ. Съ нимъ про это поговоришь, милая. Ступай!

Алена. Да что вы, матушка?! Смѣю ли я?! Ахъ, какъ мнѣ горько, обидно, что постыла я вамъ! (*Бросается передъ ней на колѣна, ловитъ и цѣлуетъ ея руки*). Матушка, красавица вы моя! Не гнѣвайтесь на меня, ради Бога! Какъ покойницѣ двадцать лѣтъ вѣрой и правдой служила, такъ и вамъ стану служить! Убей меня Богъ, коль я вамъ зла пожелаю, или противъ вашей воли пойду, иль худо помыслю!..

Ироида (*прерываетъ*). Увидимъ. Ступай!

(*Алена еще разъ порывисто поцѣловала ея руку, встаетъ и уходитъ, утирая заплаканное лицо*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же *безъ* **Алены.**

Ироида. Видѣлъ комедію? Не человѣкъ ушелъ, змѣя уползла. Она вдвое возненавидитъ меня, хоть клялась и ревѣла. И проси я, настаивай, а Егоръ Саввичъ не сгонитъ Алену. Потому, что она *шпіонитъ* за мной, потому что я у ней *подъ надзоромъ*.

Михайло. Хоть дяденька подозрительны и вѣры не даютъ никому, а все же насчетъ Алены—не думаю...

Ироида (*горячо прерываетъ, вставая*). Нѣтъ, такъ, такъ! Я насквозь его вижу! Ужъ это ли не обида?! Ко всему-то прочему, да шпіонство! Давно мое сердце кипитъ! Даже наперекоръ не охота идти, противно. Бросила бъ все и ушла! (*Вдругъ зарыдала и идетъ въ вишенникъ*).

Михайло (*тронутый, слѣдуетъ за ней и останавливаетъ ее на прогалинкѣ*). Полно! Ну что убиваться!

Ироида. А жизнь загубить сладко?! За что?!

Михайло. Да полно вамъ! Я за васъ вотъ какъ: всей душой! И въ обиду не дамъ и Алену окорочу!.. Ежели меня за сердце возьметъ, такъ я ужъ на все! Себя не пожалѣю для васъ!..

Ироида. Вотъ ты хорошій какой! Мнѣ только и ра-

дости, что дружба твоя. Спасибо! (*Обнявъ его, крѣпко поцѣловала.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же, Егоръ Саввичъ *и* **Алена** (*оба изъ калитки*).

Егоръ Саввичъ (*зоветъ въ моментъ поцѣлуя.*) Ироида!

Ироида (*тихо Михайлѣ*). Уйди! (*Михайло бросается въ чащу. Про себя*). Что жъ это я?! Обезумѣла?! (*Уходитъ въ вишенникъ*).

Алена. Тутъ были. Сама видѣла ихъ.

Егоръ Сав. Михайло вѣдь гулять отпросился!

Алена. Не пошелъ Знать, не велѣли. И гармонику отобрали. Онъ не давалъ, а она отняла. Скучно хозяйкѣ одной; а вдвоемъ и посмѣяться, и поиграть... Дѣло молодое, батюшка мой. Самоваръ на столѣ, а хозяйки не сыщемъ. (*Уходитъ въ калитку*).

Егоръ Сав. (*громче прежняго*). Ироида!!

Ироида (*изъ чащи*). Здѣсь я! (*Входя по дорожкѣ*). Чай пить?

Егоръ Сав. Давно пора. Ты что тамъ дѣлала?

Ироида. Съ обрыва видъ хорошъ. Любовалась.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Сцена: Пріемная (она же столовая) у Ельцовыхъ. Просторная, свѣтлая комната, оклеенная обоями. Двѣ двери направо: въ прихожую и дальняя въ кабинетъ хозяина. Въ задней стѣнѣ, ближе къ правому углу—дверь въ коридоръ, идущій въ глубину сцены. Налѣво два окна. Между ними дубовый обѣденный столъ. По задней стѣнѣ—старинный диванъ, столъ, передъ нимъ и кресла. Справа въ простѣнкѣ между дверями—зеркало печи. На подоконникахъ горшки съ геранью и бальзаминами.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Егоръ Саввичъ (*въ кабинетѣ, одна половинка двери въ который отворена*) *и* **Михайло** (*входитъ изъ передней съ узелкомъ въ рукѣ*).

Егоръ Сав. (*изъ кабинета*). Кто тамъ?

Михайло. Я, дяденька. Образецъ пшеницы изволили спрашивать, отъ Бѣлевцева-съ.

Егоръ Сав. (*изъ кабинета*). Хорошо. Подожди. (*Сердито откашлялся и сталъ громко класть на счетахъ*).

Михайло (*положивъ узелокъ съ пшеницей на столъ, садится*). Опять сердитъ! Видно, запало ему въ голову-то, иль нашептали... Взглянетъ на тебя—такъ и пронижетъ! А я дуракъ дуракомъ... Не могу, совѣстно... Съ самаго того поцѣлуя, нѣтъ ужъ во мнѣ прежней смѣлости. (*Пауза. Слышно какъ щелкаютъ счеты*). Осерчалъ я тогда и на себя, и на нее осерчалъ. Зарокъ далъ, что не быть этому никогда. Сейчасъ и въ ней перемѣна: гордая ходитъ, не взглянетъ. Только когда съ дяденькой говорю, усмѣхнется, да искра въ глазахъ ея вспыхнетъ...

Егоръ Сав. (*стоя въ дверяхъ, съ бумагами въ рукѣ и глядя сверхъ очковъ*). Ироида вернулась отъ обѣдни, иль нѣтъ?

Михайло (*вскочилъ и смутился*). Не видалъ-съ...

Егоръ Сав. А поѣхала на рыжемъ, иль сѣраго запрягли ей?

Михайло. Не знаю-съ.

Егоръ Сав. Гмъ! И этого не видалъ! (*Уходитъ, затворивъ за собой дверь*).

Михайло (*тряхнулъ кудрями, отеръ мокрый лобъ и вздохнулъ*). Который разъ такъ-то: задумаешься, а онъ тебя Ироидою ошарашитъ!.. Мнѣ тогда бы и думать о ней позабыть, потому разошлось наше дѣло. Такъ нѣтъ же! Стала тоска разбирать. Ругаешь себя, укоряешь, что подлость это и грѣхъ передъ дяденькой, а у самого все она на умѣ, глазъ не сводишь... Замѣтитъ она, взглянетъ на тебя въ упоръ, холодно, строго—хоть провалиться! (*Бросается къ окну*). Подъѣхала!.. Ахъ, и хороша же!.. (*Отходитъ отъ окна*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же *и* **Ироида** (*изъ прихожей. Одѣта нарядно и богато. Въ ушахъ крупные бриллiанты*).

Михайло (*восхищенно глядя на нее*). Съ праздникомъ-съ!

Ироида (*сухо*). Здраствуй! (*Вглядываясь въ него*). Чего ты?

Михайло (*съ смущеніемъ*). Ничего-съ...

Ироида. Обрадовался чему?

Михайло. Васъ... увидалъ... Да я ничего...

Ироида (*съ усмѣшкой*). Гмъ!.. Егоръ Саввичъ дома?

Михайло. У себя. (*Указалъ на кабинетъ*).

Егоръ Сав. (*входя, безъ очковъ*). Въ соборѣ была?

Ироида. Нѣтъ, у Успенія. Встрѣтила Федуловыхъ. На пирогъ позвала.

Егоръ Сав. Федуловыхъ!.. Охота связываться!

Ироида. У тебя всѣ дурны. Ни про кого добраго слова не скажешь.

Егоръ Сав. А у кого онъ въ уваженіи, пустоболтъ этотъ? Не мѣсто ему въ моемъ домѣ бывать.

Михайло. При покойницѣ тетенькѣ онъ бывалъ... и съ дочерью...

Егоръ Сав. Что-о?! съ задняго крыльца, за подачкой! Вотъ какъ бывалъ! (*Ироидѣ*). А ты ихъ съ собой сажай. Не препятствую.

Ироида. Я не изъ чванныхъ. Да въ четырехъ стѣнахъ сидючи, всякому слову радъ, даже отъ „пустоболта". (*Уходитъ въ коридоръ*).

Егоръ Сав. (*глядя ей вслѣдъ*). Гмъ!.. (*Круто повернулся къ Михайлѣ*). Образецъ!

Михайло. Вотъ-съ. (*Подаетъ узелокъ*).

Егоръ Сав. (*взялъ пшеницы на ладонь, разсматриваетъ ее, легонько подбросилъ и разгрызъ нѣсколько зеренъ*). Суха. Зерно полное. Вѣсъ?

Михайло. 135 золотниковъ.

Егоръ Сав. Цѣна?

Михайло. Семь съ полтиной просятъ. Даю съ четвертакомъ.

Егоръ Сав. Можно накинуть. Задатку?

Михайло. Пятьсотъ.

Егоръ Сав. (*сѣлъ, достаетъ бумажникъ и вынимаетъ изъ него пять сотенныхъ*). А счета у тебя въ порядкѣ?

Михайло (*съ недоумѣніемъ*). Въ порядкѣ-съ.

Егоръ Сав. И въ книгахъ все означено, какъ быть должно по торговлѣ?

Михайло. Записано все-съ.

Егоръ Сав. (*отдаетъ деньги*). Вотъ пятьсотъ на задатокъ. Кончай. (*Михайло уходитъ въ прихожую. Въ раздумьи побарабанивъ пальцами по столу*). Жалко сослать Михайлу; безъ него, какъ безъ рукъ; а приходится... Кому дѣло довѣришь? Кругомъ воръ на ворѣ... Иль погодить мнѣ, еще приглядѣться?.. Худого ничего не докажешь; а безпокойство, сумлѣніе—тяжело этакъ!.. Напрасно обидѣть—тоже не хорошо: и Михайлу жаль и жена не проститъ, выместитъ... Опять люди скажутъ, что не по нуждѣ я Михайлу къ другому дѣлу приставилъ, а изъ-за жены. Срамъ!.. Какъ ни верти, все дрянь дѣло выходитъ!.. И какой у молодыхъ духъ пошелъ, непокорный, строптивый! Бывало, про бабу и думать нечего; а съ Ироидой ломай голову-то! Страхъ не беретъ, самъ боишься обидѣть; резоны—у нея на каждое слово отвѣтъ готовъ. А уважь бабѣ разъ—кончено, ужъ на шеѣ сидитъ. Вотъ и не знаешь, какъ быть!.. (*Пауза*). Нѣтъ, нельзя оставлять Михайлу, нельзя!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Егоръ Саввичъ *и* **Алена** (*входитъ изъ коридора, разставляетъ столъ и накрываетъ его скатертью*).

Алена (*съ раздраженіемъ*). Вотъ какъ! Теперь ужъ отъ Миши обиды пошли!

Егоръ Сав. Что такое?

Алена. Шпыняетъ! Сейчасъ вотъ какъ взъѣлся! Ну, отъ хозяйки терплю. Песъ я вамъ вѣрный, по гробъ жизни моей, потому и терплю. А Миша!.. Окромя добра да ласки, что онъ отъ меня видѣлъ? А теперь, заодно съ хозяйкой, обижать сталъ, гнушаться! Этакъ онъ и ваше добро забудетъ, на все наплюетъ! Охъ, и болитъ мое сердце, на все это глядючи!

Егоръ Сав. (*мрачно*). *На что* глядючи-то? Знаешь что—говори прямо!

Алена (*тономъ смиреннаго огорченія*). Такъ я, батюшка... на счетъ Миши... Скромный былъ, ласковый, при покойницѣ, а теперь вонъ какой сталъ!

Егоръ Сав. (*нетерпѣливо, съ возрастающимъ гнѣвомъ*). Прямо говори, не виляй! Ужъ который разъ этакъ: плетешь, подводишь; а спрошу начистоту—на попятный! А мнѣ чертъ знаетъ, что въ голову лѣзетъ! Вотъ отъ тебя вся и польза! Тревожатъ, тревожатъ!.. Чертъ васъ возьми! (*Надѣвъ картузъ, лежавшій на столѣ предъ диваномъ, гнѣвно уходитъ въ переднюю*).

Алена (*злорадно*). Ай не сладко? Видно колется Ироидка-то? Постой—погоди! Она тебя разуважитъ!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Алена *и* **Ироида** (*изъ коридора*).

Алена (*заискивающимъ тономъ, таинственно*). Матушка! Есть вамъ слово сказать... Боюсь, не подслушалъ бы кто! (*Заглянула въ коридоръ*). Задумалъ Егоръ Саввичъ Мишу сослать. На дальнюю мельницу, что на Рати-то. А въ конторщики другого взять хочетъ.

Ироида. Вмѣсто Михайлы? Не слыхала.

Алена. Развѣ Егоръ Саввичъ скажетъ? Онъ что задумаетъ—вида никому не подастъ, да вдругъ и сдѣлаетъ. Потому и боятся его купцы наши. Всякъ опасается: а что-де у Егоръ Саввича на умѣ? Потому перебить дѣло, разстроить—у него это какъ разъ!

Ироида. А ты же откуда новость эту узнала? Сорока на хвостѣ принесла?

Алена. Посылка была на ту мельницу... Отъ вѣрнаго человѣка узнала Сами увидите, матушка. И никому, даже Мишѣ я ни гу-гу! Вамъ одной говорю, вамъ одной-съ.

Ироида. Мнѣ все равно: Михайло ли въ конторщикахъ будетъ, или кто другой. Не мое дѣло.

Алена. Ахъ-ахъ, какъ же вы такъ? Первое—Егору Саввичу убытки и безпокойство. Такого, какъ Миша, ему не сыскать, а самъ малограмотенъ онъ. (*Глумливо*). Пишетъ—такія выводитъ каракули, что послѣ самъ не пойметъ. (*Горячо*). Ну, а Мишу за что обижать? Чѣмъ провинился, неугоденъ сталъ? Чѣмъ? (*Съ льстивымъ ехидствомъ*). Ужъ вы, матушка, похлопочите за него, попросите! Васъ Егоръ Саввичъ послушаетъ.

Ироида (*смѣрила ее презрительнымъ взглядомъ и отвернулась*). Ступай къ своему дѣлу.

Алена. Охъ, горе мое, горе! Страсть жалко Мишеньку! (*Уходитъ въ коридоръ*).

Ироида. Вотъ какъ! *Мишу вонъ!* Ну, нѣтъ, Егоръ Саввичъ, такъ со мной нельзя! Онъ давно въ моихъ рукахъ, Миша твой. Однако я воли себѣ не давала, жалѣла тебя. Теперь руки развязаны!..

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Ироида *и* **Михайло** (*вошелъ изъ прихожей и смутился*).

Михайло. Я думалъ, дяденька тутъ... Расписку отдать...

Ироида. Придетъ, погоди. (*Указала ему на стулъ. Михайло садится, потупившись*). Кто на мельницѣ нашей сидитъ, что на Рати?

Михайло. Порфирій Кузьмичъ.

Ироида. Вѣрный онъ человѣкъ?

Михайло. Вѣрный. Дѣло въ большомъ порядкѣ содержитъ.

Ироида. Гмъ! Далеко эта мельница?

Михайло. Верстъ шестьдесятъ слишкомъ... А что-съ?

Ироида. Такъ, ничего... Умно ты держалъ себя съ дяденькой. Какъ бы худа не вышло!

Михайло (*горячо*). Мало-ль я мучился! Господи!.. Не обижайтесь на меня, Ироида Васильевна! Такъ мнѣ тошно, такъ тошно отъ этого!..

Ироида. За дружбу мою хорошо отплатилъ! Спиной повернулся, изволилъ разгнѣваться!..

Михайло. Не зналъ я, что было со мной. Вѣрьте совѣсти!.. Замутилось въ душѣ... Въ новость то было... Ходилъ самъ не свой!.. Потомъ ужъ понялъ отчего...

Ироида. А передъ „дяденькой" оробѣлъ и глазъ не смѣешь поднять? Егору ли Саввичу не замѣтить? Сталъ онъ думать и выдумалъ, что *я* тутъ причиной. Есть за что тебѣ спасибо сказать! И послѣ-то этого, что у тебя на умѣ! Развѣ не вижу?

Михайло (*порывисто*). Нѣтъ надъ собой моей воли, Ироида Васильевна!.. Что ни дальше, то пуще тоска

беретъ! Вынули вы душу мою! Еслибъ вы знали, сколько я горевалъ, сколько думъ передумалъ!..

Ироида. И все-бъ ни къ чему. Не затѣйся тутъ дѣла въ обиду мнѣ, я-бъ тебя и слушать не стала. Дружба! Хорошъ другъ! Развѣ можно на тебя положиться?

Михайло. Теперь что хотите, теперь не попрежнему я... Ни о чемъ, кромѣ васъ, и не думаю. Пускай дурно это и передъ дяденькой подлость, пускай! Что-жъ коль силъ моихъ нѣту!..

Ироида. Словамъ не вѣрю.

Михайло. Докажу, чѣмъ хотите!

Ироида. Докажешь,—другой разговоръ.

Михайло. Докажу! Я весь въ вашей волѣ, и мыслью, и дѣломъ!

Ироида. Запомни это! Да, смотри, не много ли берешь на себя! Въ такомъ дѣлѣ, я—если нужно—жизни не пожалѣю, за то и сама возьму все! Крута я нравомъ и сердце у меня не отходчиво.

Михайло (*въ восторгѣ, кинулся къ ней, схватилъ ея руку и прижалъ къ груди*). Да я для васъ все на свѣтѣ!..

Ироида (*отстраняясь*). Будетъ время. Идутъ. (*Отворивъ дверь въ прихожую говоритъ въ нее*). Наумъ Прокофьичъ! Милости просимъ. (*Обернулась къ Михайлѣ*). Скажи, чтобъ подавали пирогъ. (*Михайло не двигается, восторженно глядя на нее. Притворивъ дверь, тихо, быстро и съ ласковымъ смѣхомъ*). Да очнись ты! Уйди! (*Указала на коридоръ и отворяетъ дверь въ прихожую. Михайло быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Ироида, Федуловъ, Евгенія, *за ними* **Егоръ Саввичъ** *и потомъ* **Анисья.**

Федуловъ (*пожимая руку Ироиды*). Еще здравствуйте, Какъ живете-можете, красавица наша?

Ироида. Слава Богу. (*Цѣлуетъ Евгенію*). Спасибо, что пришли. Очень рада. (*Усаживаетъ Евгенію. Анисья входитъ изъ коридора съ большимъ подносомъ, уставленнымъ закусками, тарелками и прочимъ. Ироида сама ставитъ все это на столъ*).

Федуловъ (*обращаясь то къ хозяину, то къ хозяйкѣ*). Совѣстилась, не хотѣла идти. А я говорю: „такіе люди зовутъ, честь дѣлаютъ намъ, а ты упираешься! Нѣтъ, дочка, это не модель". Ха-ха-ха!

Егоръ Сав. (*садясь на диванъ, Федулову*). Садись, гость будешь.

Федуловъ (*сядясь на кресло*). Домосѣдка она у меня!..

Ироида (*при помощи Анисьи, кончивъ уборку стола, Евгеніи*). Говорятъ, вы мастерица кружева плесть?

Евгенія. Умѣю.

Ироида. Въ другой разъ, пожалуйста, принесите. (*Анисья уходитъ въ коридоръ*).

Егоръ Сав. (*Федулову*). Дочь домосѣдка, все за работой; за то ты день-деньской по городу слоняешь.

Федуловъ. Кормиться нужно, Егоръ Саввичъ. Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. Вотъ и бѣгаешь, гдѣ бы работишку сыскать, порученьице.

Егоръ Сав. Изъ трактира въ трактиръ вѣсти носишь. Коли слухъ вздорный пошелъ, — чья выдумка? Ищи Наума Прокофьича.

Федуловъ. Коли гдѣ за Егора Саввича споръ выйдетъ, кто за него горло деретъ? Тотъ же Наумъ Прокофьичъ, хе-хе! Потому, почитаю я васъ даже до восхищенія. Всѣмъ говорю, что Егоръ Саввичъ, при его капиталѣ и разумѣ, недруговъ своихъ и завистниковъ къ такому послѣдствію приведетъ, что будутъ они у него какъ рыба на удочкѣ. Вотъ я ихъ какъ, хе-хе-хе! (*Слегка потрепалъ Егора Саввича по колѣну*). За то и насмѣшки терплю, обиды...

Егоръ Сав. Твоя воля, коли не врешь, а я не нуждаюсь. (*Встаетъ*). Ну, мнѣ некогда лясы точить. Вотъ хозяйкѣ соври. (*Уходитъ въ прихожую*).

Федуловъ (*къ Ироидѣ*). Не подобрѣлъ Егоръ Саввичъ и съ молодою женой. Каленый! А молодой женѣ развѣ то нужно?

Ироида. А что?

Федуловъ (*лихо ударилъ въ ладоши и, подбоченившись, въ тактъ поводитъ плечами*).

По—пѣть, погулять,
И людей поглядѣть,
И себя показать.

Ха-ха-ха! (*Подходитъ къ ней съ ужимками*). Матушка Ироида Васильевна! Не моя вина, что, глядя на васъ, всѣ суставчики говорятъ!

Ироида (*улыбнулась. Къ Анисьѣ, вносящей подносъ съ виномъ и водками*). Что же пирогъ?

Анисья. Алена говоритъ, что сейчасъ.

Ироида. Не тѣмъ занята, видно! (*Къ гостямъ*). Извините. Поторопить пойду. (*Уходитъ въ коридоръ, въ сопровожденіи Анисьи*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Федуловъ *и* **Евгенія**.

Евгенія. Папенька! Зачѣмъ вы передъ ними унижаетесь? Егоръ Саввичъ изъ васъ шута строитъ. Зачѣмъ?

Федуловъ. Пускай фордыбачитъ. Плевать! Обиды не чувствую, потому уваженія къ нему не питаю. Онъ ломается, а я презираю.

Евгенія. Да не нужно этого, папенька! Обидно за васъ. Легко ли?

Федуловъ. Пустое, говорю. Не тревожься и мнѣ не мѣшай. Кабы не нужда, а то... сама знаешь... А мнѣ отъ Егора Саввича перепадаетъ случаемъ, даже больше. чѣмъ отъ другихъ. Значитъ надо терпѣть. И не учи ты меня, не люблю! (*Обхаживая вокругъ стола, смотритъ на свѣтъ графинчики съ водкой*.

Евгенія. Не любите, потому сами чувствуете, что не хорошо это. Хоть вина-то не пейте! Ослабѣете — что хорошаго? Не пейте, голубчикъ!

Федуловъ (*съ досадой поставилъ графинчикъ*). Ну, ладно, ладно! Оставь!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же *и* **Ироида**.

Федуловъ (*къ Ироидѣ*). Вотъ какая у меня дочка: вина не смѣй пить!

Ироида. Отчего же? Въ мѣру хорошо. Милости просимъ передъ пирогомъ закусить.

Федуловъ (*наливая рюмку*). Передовую? Хе-хе! Да, „въ мѣру"! А найди-ка ее, эту мѣру! Все кажется не дошелъ, а глядишь—перешелъ. Будьте здоровы! (*Выпилъ и закусываетъ*).

Ироида. Заботится дочь—значитъ любитъ. Закусите, Евгенія Наумовна.

Федуловъ. Конечно, случается, что я и того... переложу малость... Ну и кромѣ того, есть за мной не одобрительное... Болтаешь, людей потѣшаешь, особливо когда *самъ другъ*. (*Щелкаетъ себя по галстуку*). Что дурно, то дурно. Ну и скажи, выговори, даже окрикъ снесу...

Ироида. На отца-то?!

Федуловъ. Согласенъ это снесть, чѣмъ другое. Она вотъ чѣмъ доходитъ меня—взглядомъ. Истина! Взглянетъ, вздохнетъ, слезу украдкой утретъ, чтобъ я не примѣтилъ... А я все вижу. И, вѣрите ли, Ироида Васильна—жжетъ мнѣ слеза эта сердце пуще огня!.. Эти кроткія, да жалостливыя—бѣда съ ними! Все равно, что ребенка обидѣть...

Ироида. Вотъ какова у васъ дочка! (*Пристально смотритъ на смущенную Евгенію*).

Федуловъ (*взялся за графинчикъ*). Не прогнѣвайтесь, выпью.

Ироида. Кушайте, кушайте! *Про себя*). Что если... Это мысль! (*Къ Евгеніи*). Вы съ нашимъ Мишей давно знакомы?

Евгенія. Я еще подросткомъ знала его.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же, **Анисья** (*съ пирогомъ*) *и немного спустя* **Михайло**.

Ироида (*ставя пирогъ на столъ*). Наконецъ-то!

Анисья. И то врядъ дошелъ. (*Съ усмѣшкой*). Вишь, неуправка все ей, Аленѣ-то! (*Уходитъ, пропустивъ изъ коридора Михайлу*).

Ироида (*разрѣзывая пирогъ и раскладывая его по тарел-*

камъ, Михайлѣ). А я не знала, что вы старые знакомые съ Евгеніей Наумовной.

Федуловъ. Какъ же! Она при покойницѣ тутъ часто бывала. (*Садится къ столу и, выпивъ еще, ѣстъ пирогъ*).

Ироида (*къ Михайлѣ*). Садись же. Тутъ, рядомъ съ Евгеніей Наумовной. Ей веселѣй будетъ. (*Михайло садится на указанное мѣсто*).

Федуловъ (*глядя на дочь*). Ишь зардѣлась, ха-ха! Стыдлива она у меня, страсть! Я ужъ говорю ей, что при такой скромности на нее ни одинъ парень не взглянетъ. Парни бойкихъ любятъ, рѣчистыхъ, чтобъ отъ одного взгляда голова закружилась. Такъ вѣдь я говорю, Михайло Парменовичъ?

Михайло. Какъ сказать?.. Всяко случается.

Федуловъ (*Ироидѣ, кивнувъ на Михайлу*). Невѣсту-бъ ему хорошую, а? Пора бычку на веревочку.

Ироида. Пускай ищетъ. Мы рады.

Федуловъ. За него съ охотою отдадутъ. По здѣшней коммерціи — кладъ человѣкъ. Да Егоръ Саввичъ не пуститъ. (*Михайлѣ*). Ау, братъ, это ужъ вѣрно! (*Ироидѣ, начиная хмелѣть*). А что-жъ хозяинъ-то, аль брезгаетъ нами?

Ироида. Онъ никогда не завтракаетъ.

Федуловъ (*задорно*). А я думалъ—брезгаетъ. Онъ вѣдь язвитель, Егоръ Саввичъ-то вашъ!

Ироида (*къ молодымъ людямъ*). Что-жъ вы молчите? Евгеніи Наумовнѣ скучно.

Евгенія (*застѣнчиво*). Нѣтъ, ничего...

Ироида. Наумъ Прокофьичъ, еще пирожка!

Федуловъ. Нѣтъ, покорно благодарю. И такъ душно.

Ироида. Ну, въ садъ не хотите ли? Тамъ прохладнѣй. А безъ насъ они скорѣе разговорятся.

Федуловъ (*вставая*). Отлично! Только ужъ я посошокъ, Ироида Васильевна... (*Наливаетъ рюмку, Евгеніи*). Не гляди, дочка! Не гляди, не мѣшай! (*Выпилъ и крякнулъ*). Пойдемте-съ!

Евгенія (*вставая*). Папенька, мнѣ бы домой... дѣло...

Федуловъ. Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ.

Ироида (*Евгеніи*). А еще старые друзья! Положимъ, Миша самъ виноватъ, что вы домой собрались. Не любезенъ. А я такъ желаю, чтобъ вы почаще бывали и опять съ нимъ сдружились. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. (*Загадочно взглянула на Михайлу, уходитъ въ коридоръ, въ сопровожденіи Федулова*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Евгенія *и* Михайло.

Михайло (*про себя*). Къ чему она это сказала?!. (*Задумался. Евгенія сидитъ потупившись и перебираетъ бахрому своего головного платка. Очнувшись, взглянулъ на нее*). Какая жара стоитъ!

Евгенія. Да.

Михайло (*про себя*). Пошутила? Развѣ такъ шутятъ?.. (*Опять задумался. Пауза*). Да, хоть бы дождичекъ. Все-бъ посвѣжѣло!

Евгенія. Хорошо бы. (*Пауза. Робко*). Вы не стѣсняйтесь... Я одна посижу...

Михайло. Что вы, что вы! Простите, что я... Признаться, мыслями разбился немного, потому дѣло тутъ одно... А я даже очень радъ видѣть васъ. Послѣ Марьи Никоновны, мы почти не видались. Васъ и не встрѣтишь нигдѣ.

Евгенія. Да я все дома... по хозяйству... работа...

Михайло. Трудитесь! Покойница тетенька за это васъ отъ всѣхъ отличала, которые хаживали къ ней. Изъ бѣдноты многихъ приласкивала. А ужъ мнѣ вѣкъ не забыть ея милостей!

Евгенія. Какъ сына любила. Развѣ можно забыть?

Михайло. Я часто о ней вспоминаю, особливо когда... на душѣ трудно бываетъ... Случается, что и хуже отъ этого...

Евгенія. Отчего-жъ хуже? Будь у васъ дурное на совѣсти, ну тогда—хуже, потому покойница осудила бы васъ, огорчилась бы. А то, когда-жъ и вспомнить добро, какъ не въ горѣ? Легче станетъ.

Михайло (*вздохнулъ*). Правильно съ. (*Послѣ краткой*

задумчивости, съ улыбкой). Помню, бывало, журила меня, что я съ другими дѣвушками занимаюсь, не съ вами.

Евгенія. Шутила она, а всерьезъ не сказала бы.

Михайло. Почему, вы такъ полагаете?

Евгенія. Потому, что о себѣ правильно думать надо и съ другими себя не ровнять, если нельзя.

Михайло. И все вы попрежнему: безъ подругъ, за работой. Скучно вѣдь этакъ!

Евгенія. Что-жъ дѣлать! Папенькѣ все неудачи... Трудно намъ... А что безъ подругъ я—сама виновата. Имъ скучно со мной, нѣтъ у меня той веселости... (*Оживляясь*). Вотъ вы, бывало... Гдѣ вы—тамъ шутки, веселье, смѣхъ...

Михайло (*со вздохомъ*). Было, да сплыло.

Евгенія (*участливо*). Не тотъ ужъ вы. Правда.

Михайло. А чѣмъ не тотъ?

Евгенія. Не знаю, какъ сказать... Бывало, у васъ душа изъ глазъ свѣтитъ. За то и любили васъ всѣ, даже Егоръ Саввичъ улыбнется, бывало, пошутитъ...

Михайло. А теперь ужъ не свѣтитъ душа-то?

Евгенія. Я вѣдь такъ это... Простите...

Михайло (*съ оттѣнкомъ раздраженія*). Не знаю, что кажется вамъ, а я себя чувствую—лучше не надо. (*Съ увлеченіемъ*). Ну ихъ, докучныя мысли! Незачѣмъ старое ворошить. Жить будемъ Евгенія Наумовна! И вамъ пошли Богъ всякаго счастія!..

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же, **Ироида** *и* **Федуловъ** (*опьянѣвшій*).

Федуловъ. Ну что, Михаилъ Парменовичъ, соскучились съ нею? (*Кивнулъ на дочь*). Пора домой, дочка. Растомило на жарѣ-то, послѣ вина. (*Ироидѣ, берясь за водку*) Подкрѣпиться, а то до двора не дойдешь.

Ироида. Кушайте.

Федуловъ (*выпилъ*). Былъ у меня пріятель. Выпьетъ рюмку и говоритъ: „а вѣдь ей одной скучно, надо-бъ другую“.

Ироида. Что-жъ, и другую.

Федуловъ (*выпилъ*). Евгеша, не гляди, не смущай. (*Ироидѣ*). А выпилъ двѣ, говоритъ: „подерутся онѣ, рюмки тѣ, на розымку третью бы надо". (*Выпилъ третью и крякнулъ*). Ну вотъ, теперь куда хочешь дойду; а то было совсѣмъ растомило. Просимъ прощенья, Ироида Васильевна! Покорнѣйше благодаримъ! Хозяину вашему... Охъ и хозяинъ! (*Покрутилъ головой*).

Евгенія. Пойдемте, папенька!

Федуловъ. Ну, ну! Не торопи! Знаю! (*Ироидѣ*.) А вѣдь онъ помѣшаетъ намъ въ этомъ дѣлѣ! Гордъ! (*Указывая на Михайлу*). Этакому молодцу развѣ такую невѣсту надо?

Ироида. Ну, объ этомъ въ другой разъ потолкуемъ...

Федуловъ. Нѣтъ, позвольте! Что у насъ есть? Что я дамъ за Евгешей?

Михайло (*про себя, тревожно взглянувъ на Ироиду*). Что такое?!

Федуловъ (*всхлипывая*). Ничего-то я тебѣ не скопилъ, дочурка моя! Безпутный твой тятька, безпутный!

Евгенія. Папенька! Богомъ прошу, оставьте про это! Пойдемте!

Федуловъ (*вдругъ озлился*). Учи! Видно, умнѣй ты меня? Не знаю, какъ въ людяхъ себя вести? (*Широко отмахнулся и покачнулся на нетвердыхъ ногахъ*). Оставь! (*Евгенія отвернулась, чтобы скрыть слезы*).

Ироида. Не огорчайте ея. Не хорошо!

Федуловъ (*повернулся къ Михайлѣ*). А ты будешь ее любить? Говори: будешь?

Михайло (*растерянно, отступая*). Про что вы?!. Къ чему?!.

Ироида (*подходя къ Федулову*). Боюсь, Егоръ Саввичъ войдетъ. Что хорошаго?

Федуловъ. Ругатель-то вашъ, гордецъ?! Во-о какой пузырь вздулся! (*Широко развелъ руки*). Всякаго съ костями норовитъ слопать! Идемъ, Евгеша! (*Взялъ картузъ и тряхнулъ его*). Онъ насъ вотъ какъ! вотъ! вотъ! (*Высоко поднимая ногу, топчетъ полъ. Евгенія, плачущая,*

поддерживаетъ отца и выводитъ его въ переднюю. Ироида уходитъ за ними).

Михайло (*въ сильномъ волненіи*). Ушамъ не вѣрю!.. Что онъ болталъ про насъ съ дочерью?!. Съ пьяну?.. Конечно, съ пьяну!..

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Михайло *и* Ироида.

Ироида. Ну, вотъ тебѣ и невѣста!

Михайло. Можно-ль этимъ шутить?! У меня даже сердце упало.

Ироида. Вовсе я не шучу.

Михайло. Позвольте! Какъ же такъ?!. Въ толкъ не возьму!.. Мнѣ жениться?!. мнѣ?

Ироида Выходитъ, такъ надо.

Михайло. Нѣтъ ужъ, увольте! Во всемъ покорюсь, а ужъ это!..

Ироида. Изволь. Я воли съ тебя не снимала. Самъ напросился.

Михайло. Да какъ же, любя одну, на другой жениться?! Чтожъ это будетъ?!

Ироида. А ты какъ же къ чужой женѣ съ любовью присталъ? Да къ чьей женѣ-то? благодѣтеля, второго отца!

Михайло. Если посмѣяться хотите, дерзость мою наказать—дѣло другое. Я не такъ думалъ...

Ироида. Я шутокъ не люблю. Не стала-бъ слушать тебя, вотъ и все! Теперь вижу, какъ на твои слова полагаться и кончено! А насчетъ Федуловыхъ дѣло легко исправить, благо старикъ пьянъ былъ.

Михайло. Рѣшили вы: взять мнѣ жену, значитъ—нельзя безъ этого. Хорошо. Ну, а жена какъ-же? Хоть та же Евгеша? Ей какъ жить? Вѣкъ заѣсть надо!

Ироида. Слышалъ, что ничего не будетъ? И полно. (*Пошла къ коридору*).

Михайло (*удерживая ее*). Постойте же, дайте сказать!.. Гдѣ-жъ одному разобраться съ такими мыслями! Умъ помутился, а вы вотъ какъ!

Ироида. Евгеніи—хлѣба кусокъ и то милость, не то что въ богатствѣ жить, да пьяницу-отца обезпечить. Евгеніи все равно свѣковать въ дѣвкахъ, никто не польстится. Про то она сама знаетъ и, кромѣ нужды да горя, не ждетъ ничего. Вотъ почему, видя кротость ея и ничтожество, намѣтила я Евгенію. И еще была причина, чтобъ жениться тебѣ, и главная, да не скажу я. Узнаешь, когда ужъ поздно будетъ дѣло поправить.

Михайло. Скажите! Не мучайте!

Ироида. Нѣтъ. Говорила, не много ли берешь на себя? Такъ и вышло. Кто слабъ душою, съ тѣмъ нельзя себя связывать. Мнѣ пропасть не охота.

Михайло (*пылко*). Да скорѣй я пропаду! Душу за васъ отдамъ!..

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же *и* **Егоръ Саввичъ** (*изъ прихожей*).

Егоръ Сав. Что это вы? (*Подозрительно оглядѣлъ ихъ*). Что съ тобой, Михайло? Ты словно какъ не въ себѣ? А?.. (*Къ Ироидѣ*). Вошелъ, вы языкъ прикусили! О чемъ разговоръ былъ?

Ироида (*равнодушно указывая на Михайлу*). Спроси.

Егоръ Сав. Что-жъ ты молчишь! Лукавить не умѣлъ прежде. (*Взглянувъ на Ироиду*). На то бабы горазды. Опять же мой ты выкормышъ, благодѣтелемъ звалъ. Можетъ, теперь ужъ не такъ? Остудило тебя, добро позабылъ, замаралъ совѣсть? А?

Михайло. Чѣмъ же? Помилуйте!.. Я какъ всегда...

Егоръ Сав. (*гнѣвно*). Врешь! Насквозь вижу! Вспомни, чему учила тебя покойница, благодѣтельница твоя: въ сердцѣ правду блюсти. Умирала—просила. Ты клялся ей свято завѣтъ хранить. И былъ ты парень хорошій, честный и любилъ я тебя. Потомъ—это ужъ при Ироидѣ Васильевнѣ—вижу: замутился ты, въ глаза мнѣ не смотришь. Что такое? Украсть—не украдетъ; значитъ, въ другомъ его вина предо мною. Въ чемъ же?

Ироида. По-моему, чѣмъ себя безпокоить и меня въ

лукавствѣ винить, лучше уволить Михайлу совсѣмъ.

Егоръ Сав. (*вспыльчиво*). Кто тебѣ наболталъ? Кто?

Ироида. А-а, такъ ты имѣлъ эту цѣль? Отлично! Я было не повѣрила; не станешь, думала, себя и жену срамить...

Михайло (*про себя*). Такъ вотъ причина!

Егоръ Сав. (*въ смущеніи*). Пустяки это! Вздоръ!

Ироида (*съ усмѣшкой, пожала плечами*). Самъ выдалъ себя. Значитъ, не вздоръ!

Егоръ Сав. (*подавляя смущеніе*). Э, съ бабами толковать! (*Махнулъ рукой. Михайлѣ*). Тебя спрашиваю!

Михайло (*возбужденный, развязно*). У насъ тутъ про то разговоръ шелъ, что я жениться хочу-съ. (*Ироида бросила на него жгучій взглядъ и спокойна попрежнему*).

Егоръ Сав. Же-нить-ся?! На комъ?

Михайло. На Федуловой, Евгеніи Наумовнѣ.

Егоръ Сав. Ка-акъ?!. Нашелъ кралю!

Михайло. Другимъ какъ—не знаю, а мнѣ хороша.

Егоръ Сав. Что-то вдругъ она полюбилась тебѣ! Не примѣчалъ съ нею. Все, бывало, около другихъ увивался, а на Евгенію и не глядѣлъ.

Михайло. На людяхъ это не дѣлается, если въ серьезъ. Я не смѣлъ вамъ сказать, боялся—разгнѣваетесь; а мнѣ и покойная тетенька про Евгенію Наумовну говорили...

Егоръ Сав. Глупость. Первое—голь...

Михайло. Слава Богу, заработать могу-съ.

Егоръ Сав. Второе: отецъ вздорный и пьяница...

Михайло. Не съ нимъ жить, а съ женой-съ.

Егоръ Сав. (*къ Ироидѣ*). А ты какъ думаешь?

Ироида. А мнѣ что за дѣло?.. Конечно, лучше ему на богатой жениться. Можетъ свое дѣло открыть. Не вѣкъ же у тебя въ приказчикахъ маяться!

Егоръ Сав. Еще молодъ онъ свое дѣло вести.

Ироида. Да, если такой, какъ Михайло, свое дѣло откроетъ, тебѣ не разсчетъ. А бѣдную возьметъ—идти некуда, опять онъ слуга тебѣ вѣрный, пока за умъ не возьмется. Да что вы ко мнѣ!.. Дѣлайте, какъ хотите. *Отходитъ*).

Егоръ Сав. (*подумавъ*). Гмъ! Что-жъ, Михайло, женись. Знать тебѣ на роду Евгеша написана. И покойница, говоришь, желала того... Женись. Приданое и все какъ надо быть справимъ.

Михайло. Покорно благодарю.

Егоръ Сав. (*указавъ на Ироиду*). Проси хозяйку, чтобъ полюбила твою жену и привѣтила. А я всей душой. (*Уходитъ въ коридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Михайло *и* **Ироида.**

Ироида (*выждавъ, когда мужъ ушелъ, быстро подходитъ къ Михайлѣ*). Ну, не жалѣешь?

Михайло. Нѣтъ.

Ироида. И не будешь жалѣть! (*Страстно обнимаетъ его*). Безъ женитьбы—самъ видишь—разлучили бы насъ. А мнѣ только и счастья, что ты! Теперь мой ты мой! мой! (*Жаркій поцѣлуй*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Сцена: къ лѣвой кулисѣ, прямо противъ публики, фасадъ дома Ельцовыхъ, обращенный во дворъ. Сѣни (слѣва) и кладовая (справа) образуютъ въ немъ къ публикѣ два выступа. Середину между ними занимаетъ галлерея, подъ навѣсомъ, забранная перильцами На галлерею выходятъ два окна изъ дома и двѣ двери: слѣва—изъ сѣней, справа—изъ кладовой. Сходъ съ галлереи во дворъ въ двѣ ступеньки. Къ лѣвому углу дома (гдѣ сѣни) примыкаетъ рѣшетка, идущая по кулисѣ къ публикѣ, съ калиткою въ садъ на авансценѣ. За рѣшеткой деревья. По правой кулисѣ, отступя отъ угла дома, каменный ледникъ подъ желѣзною крышей. Часть боковой его стѣны обращена къ публикѣ, а лицевая, съ дверью—къ дому. На галлереѣ два стула. На землѣ, около кладовой—скамья. У ледника обрубокъ бревна, подъ развѣсистой липой. Между домомъ и ледникомъ, въ глубинѣ двора, видны запертыя ворота на улицу и правѣе ихъ двухъэтажные амбары.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ироида (*сидитъ на галлереѣ и читаетъ книгу*), **Евгенія** (*сидитъ за шитьемъ на скамьѣ*), **Егоръ Савичъ** *идетъ изъ глубины двора, въ сопровожденіи* **Фатея.**

Егоръ Сав. (*Фатею*). Закована, оттого и хромаетъ.

Фатей. Никакъ нѣтъ, Егоръ Саввичъ. Это по той причинѣ...

Егоръ Сав. (*прерываетъ*) Закована, говóрю! Чего смотрѣлъ? Хорошъ кучеръ! Расковать.

Фатей. Слушаю-съ. (*Уходитъ въ глубину двора*).

Егоръ Сав. (*остановившись возлѣ Евгеніи, склоненной надъ шитьемъ, Ироидѣ*). Съ чего наша молодая не весела все?

Ироида. Я почемъ знаю? Ее спроси.

Егоръ Сав. (*Евгеніи*). По дому скучаешь, иль мужъ не ласковъ?

Евгенія (*вставая*). Такой ужъ нравъ у меня, съ дѣтства...

Егоръ Сав. Сиди, сиди! И я съ тобой сяду. (*Оба садятся на скамью*). Вчерась ѣду по Мѣщанской, вижу—домишко вашъ совсѣмъ развалился...

Евгенія. Плохъ.

Егоръ Сав. Надо поправить. Теперь твоему мужу жалованье идетъ хорошее. Помогать долженъ. А домишко сейчасъ надо поправить, потому дѣло къ зимѣ. (*Достаетъ деньги*). На этотъ предметъ, на-ка вотъ сотенную, возьми.

Евгенія. Покорно благодарю. (*Взяла деньги*).

Егоръ Сав. Да отцу не отдавай. Зря пропуститъ. Отдай теткѣ. Старуха кремень, дѣльная. (*Встаетъ*). А мнѣ, глядя на тебя, думалось: мужъ не ласковъ. (*Уходитъ черезъ галлерею въ домъ*).

Ироида. Ты хоть бы при Егорѣ Саввичѣ носъ-то не вѣшала! Этакъ Мишу подъ гнѣвъ подведешь, а то и меня. Подумаютъ: обижаю.

Евгенія (*вставая*). Боже сохрани, чтобъ чрезъ меня непріятность была! (*Уходитъ въ садъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Ироида (*на галлереѣ*) *и потомъ* **Михайло**.

Ироида. Нажила муку! Не врагъ мнѣ Евгенія, а хуже врага. Грустна—меня зло беретъ, что по Мишѣ тоскуетъ, душой рвется къ нему; повеселѣетъ—пуще зло

разбираетъ: значитъ, отъ его ласки повеселѣла, разжалобила. И это сноситъ!.. Разъ разжалобитъ, другой, а онъ сердцемъ мягокъ, вотъ и не тотъ сталъ. А я чѣмъ дальше, тѣмъ больше его люблю!.. (*Быстро встаетъ навстрѣчу Михайлѣ, вышедшему изъ дома*). Тамъ никого? (*Указала на окно*).

Михайло. Никого.

Ироида (*оглядѣвъ съ галлереи, что и возлѣ дома нѣтъ никого, кинулась Михайлѣ на шею*). Милый! (*Страстно поцѣловала его*).

Михайло. Безстрашная ты! (*Озираясь, сбѣжалъ съ галлереи и уходитъ въ глубину двора*).

Ироида. Забудешь и страхъ, коль сердце кипитъ и нѣтъ покоя!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ироида *и* **Алена** (*входитъ изъ сѣней на галлерею, съ большою стеклянною банкою*).

Алена. Смоквы прикажете въ эту банку сложить?

Ироида. Все равно.

Алена (*интимно*). Примѣчаю я, матушка, что сталъ Егоръ Саввичъ приглядываться, какъ наши молодые живутъ. Человѣкъ подозрительный! И боюсь я... (*Запнулась*).

Ироида (*холодно*). Чего-жъ ты боишься?

Алена (*горячо*). Какъ сказать-то? Мнѣ отъ васъ на эстолько вѣры нѣтъ! (*Большимъ пальцемъ указала на кончикъ мизинца*). Словно я какая-нибудь!.. А я изъ кожи вонъ лѣзу, какъ бы вамъ угодить!..

Ироида (*съ усмѣшкой*). Вижу, милая, я все вижу. (*Уходитъ въ домъ*).

Алена. Ой, не много-ль надѣешься на себя?! Брезгаешь мной; а вдвоемъ мы вотъ какъ бы дѣло раздѣлали! И вамъ бы съ Мишею хорошо и Егору Саввичу было-бъ покойно. А мнѣ бы на старости обезпеченіе. Двадцать лѣтъ тутъ покоя не знала, надъ чужимъ добромъ изводилась; а что нажила?.. (*Отворивъ дверь въ кладовую, поставила тамъ банку и сердито захлопнула дверь*).

Посмотримъ, какъ ты выкрутишься, посмотримъ! (*Уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Евгенія (*медленно идетъ изъ калитки къ прежнему мѣсту*). Вотъ ужъ не думала, не гадала за Мишею быть! Словно сонъ это, не наяву. Словно нарочно все сдѣлалось, не по настоящему!. .(*Садится на скамью*). И чего-то мнѣ жутко. Съ непривычки-ль въ чужихъ людяхъ, въ богатомъ дому жить, или бѣда грозитъ?.. Говорило мнѣ сердце: не ходи замужъ, не слушай папеньку; не вѣрь Мишѣ, на словахъ его любовь, не въ душѣ; не обманывай себя, не жди радости... Какъ пророчило сердце, такъ и случилось...

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Евгенія *и* **Михайло** (*гремя ключами, входитъ изъ глубины двора и мимо жены идетъ въ домъ*).

Евгенія. Миша! Побудь со мной! Надо поговорить. Пожалуйста!

Михайло (*неохотно подходитъ*). Ну, что еще?

Евгенія. Не сердись, голубчикъ, выслушай! Не укорять хочу, а тоску облегчить. За что ты не любишь меня? А не любилъ, зачѣмъ замужъ взялъ? Что тебя приневолило? Егоръ Саввичъ? Женилъ, чтобъ при молодой женѣ не держать холостого? чтобъ люди не врали на васъ?

Михайло. Вотъ какія у тебя мысли! Не зналъ!

Евгенія. Гдѣ знать! Ты про меня и думать забылъ. Молчу, значитъ ничего не понимаю, не чувствую. А я мучаюсь. Не мила—сама виновата, стало быть, любить не за что. И говорить бы нечего; плачь; да слезы хорони, чтобъ людей не смѣшить, да тебя не вводить въ досаду. Вотъ моя доля. Съ тобой себя не ровняю. Такой ли ты жены стоишь? Сталъ свататься—ушамъ не повѣрила. Шла за тебя, думала: нѣтъ счастливѣй меня въ цѣломъ свѣтѣ... (*Пауза. Тяжело вздохнула*). А потомъ стала вникать и запала та мысль, что не своей ты

волей женился, а изъ чужихъ видовъ, по приказу. А коли такъ, чему-жъ и быть у тебя къ женѣ, кромѣ досады, да ненависти? Тутъ ужъ мнѣ горько стало, обидно, такъ горько!.. (*Голосъ ея оборвался. Она быстро отерла слезы и перемогла себя*).

Михайло. Напрасно разстраиваешься! Пустое все это.

Евгенія. Хотѣла бы вѣрить, да вѣры нѣтъ.

Михайло. Ужъ не Алена-ль тебѣ въ уши надула? Льнетъ все къ тебѣ, шушукаетъ. Гони ее прочь, подлую! Смутьянствомъ живетъ. Прочь гони!

Евгенія. Отцу родному не говорю, а съ Аленой разговаривать стану? Нѣтъ, Миша. (*Онъ двинулся уйти въ домъ*). Куда жъ ты? Постой!

Михайло. Некогда. Дѣло.

Евгенія. Ну, ради Бога!

Михайло. Глупости слушать? Пріятности мало. Нынче одно выдумаешь, завтра другое, а я слушай?

Евгенія. Хорошо. Стану молчать, хоть бы душа разрывалась. (*Зарыдала*).

Михайло (*взошедшій на галлерею, сходитъ съ нея и подходитъ къ женѣ*). Ну, вотъ! Эхъ, Господи!.. (*Про себя, пройдясь передъ домомъ*). И жалко, и досада беретъ! (*Къ женѣ*). Ну, перестань! Увидитъ Егоръ Саввичъ, что скажетъ? Полно, говорю! (*Погладилъ ее по головѣ*).

Евгенія (*схватила его руку и прижала къ груди*). Прости! не сердись!

Михайло (*высвободивъ руку, садится рядомъ*). Будь веселѣе, Евгеша! Не подводи подъ укоръ, пересуды. Въ досаду меня не вводи. И такъ не легко! Въ досадѣ сердце сорвешь, обидишь тебя, а потомъ жалко и стыдно. Значитъ, еще тошнѣй!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и Ироида (*тихо вошла и стоитъ на галлереѣ. Ея не видятъ*).

Евгенія (*встала и обняла мужа одной рукой*). И это вижу, голубчикъ мой! И спросила-бъ, да развѣ ты ска-

жешь? Вижу, что тяготитъ тебя что-то. Сердце болитъ и пуще горюю, что я тебѣ какъ чужая!..

Михайло (*освобождаясь отъ объятія*). Слово обронишь, а ты ужъ пойдешь разводить! Полно!

Евгенія (*вздохнула и потупясь идетъ въ домъ. Вдругъ увидала Ироиду*). Ахъ!

Ироида. Чего испугалась?

Евгенія. Не знала, что вы тутъ. (*Уходитъ въ домъ. Смеркается*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Михайло *и* **Ироида**.

Ироида. Иди за мной. (*Пошла къ леднику*). Про что говорили?

Михайло (*слѣдуя за ней*). Видно, говоритъ, тебя насильно женили. Зачѣмъ бралъ, не любя!

Ироида (*садясь подъ деревомъ, на бревно*). Думала: овца, а она вонъ какова! Ну, а ты что?

Михайло (*садясь рядомъ*). Что скажешь? Вздоръ, молъ, все это. Да развѣ повѣритъ?

Ироида (*ѣдко*). Обнимала! Разжалобился?

Михайло. Не легко ей... За что изнываетъ?

Ироида. А мнѣ за что благодать эта: дяденька твой? Хуже Евгеши я, что ли? Она, по крайней мѣрѣ, изъ нищеты въ довольствѣ, сыта и одѣта. Вонъ Егоръ Савичъ сейчасъ ей сто рублей далъ, домишко поправить. Ей бы въ жизнь не видать такихъ денегъ. А меня тутъ вѣкъ губить заперли, заживо схоронили! Евгешу жалѣешь, а меня нѣтъ?

Михайло. Да развѣ можно равнять?! Докучаетъ, а то бъ я про нее и думать забылъ.

Ироида. А ты слушай, поваживай! Самъ виноватъ. Съ дяденьки взялъ бы примѣръ. На что лучше? Съ нимъ коротки разговоры. Взялъ бы съ Евгеніей эту манеру-то — притихнетъ, небось! Да твердости у тебя мало. Нѣтъ, нѣтъ, голову и повѣсишь!

Михайло. На глазахъ ты—я все забываю. А безъ тебя,

случаемъ раздумаешься... Вздохнулъ бы свободно, а совѣсть-то не даетъ .. Ну и трудно бываетъ...

Ироида (*съ ироніей*). Трудно тебѣ! Отчего же мнѣ не трудно? Я и мужа обманываю, и женитьбу твою на совѣсть взяла; подъ страхомъ живу, притворяюсь, вывертываюсь. И все мнѣ не трудно. Для тебя я и не это снесу. Отчего? Оттого, что люблю. Люби ты по-моему, не зналъ бы ни раздумья, ни тягости...

Михайло (*горячо прерываетъ*). Ужъ это напрасно! Любить-то я вотъ какъ люблю! За тобой, очертя голову, въ омутъ кинусь!..

Ироида (*замѣтивъ на галлереѣ Алену, даетъ знакъ перестать. Понизивъ голосъ*). Нынче ночью въ садъ выходи. Да смотри, осторожнѣй! (*Смерклось. Всходитъ луна*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же, Алена, *потомъ* **Анисья** *и* **Фатей.**

Алена (*подойдя къ леднику, отпираетъ его*). А я ужинать сбираю, матушка. Время.

Ироида (*вставая, Михайлѣ*). Пойдемъ! (*Оба уходятъ въ домъ*).

Алена (*про себя*). Поворковали, голубчики? Можетъ, сговаривались, хе-хе? (*Громко*) Аниска!

Анисья (*изъ глубины двора*). Чаво?

Алена Чавокай тамъ, идолъ! Сюда иди! (*Входитъ въ ледникъ*).

Анисья (*идя къ леднику*). Идолъ-отъ какъ разъ въ твою стать будетъ!

Алена (*выйдя изъ ледника*). На, неси! (*Даетъ ей салатникъ съ огурцами и большой молочный кубанъ*). Все съ Фатейкой, срамница!

Анисья (*идя къ дому*). А на кой онъ мнѣ, твой Фатейка-то? Выдумала!

Алена (*идя за нею, съ миской и графиномъ квасу*). Не вижу я, какъ-же! Оттого не клади плохо теперь: сейчасъ стащишь Фатейку потчивать! (*Обѣ уходятъ въ домъ*).

Фатей (*выйдя на пространство между домомъ и ледникомъ, слышалъ слова Алены*). Вотъ бѣда-то: объѣлъ! Ахъ, ты,

блоха поскакучая! Покороче языкъ бы держала! А то плететъ—плететъ на хозяйку! Попробуй при мнѣ брехнуть—я-те такого гвоздя отрублю!.. (*Дѣлаетъ энергическій жестъ и уходитъ въ глубину двора. Окна въ домѣ освѣтились. Луна ярко заливаетъ сцену*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Евгенія (*выходитъ на галлерею*) *и потомъ* **Алена**.

Евгенія (*садится на крылечко галлереи*). Вотъ и поговорила съ Мишей! Давно собиралась и трудно было мнѣ это. А что вышло?—Не успокоилъ, не пожалѣлъ, не тронулся сердцемъ... И опять я съ своими мыслями и еще тяжелѣе отъ нихъ! (*Сходитъ во дворъ и въ задумчивости прохаживается передъ домомъ*). А если-бъ все-то сказать ему, что мнѣ душу томитъ, какъ онъ отвѣтилъ бы? . Отчего войдетъ Миша—повеселѣетъ Проида Васильевна? Чуть-чуть замѣтно, а есть... На ихъ разговоръ выйдешь—замолчатъ. Отчего? Сколько разъ на себѣ взглядъ ея замѣчала, злой, ненавистный. За что? Увидитъ, что замѣтила я, отвернется и опять холодна, какъ всегда. Разъ переглянулись при мнѣ... да мало ли что! Разжигаютъ мнѣ сердце догадки эти, вотъ и смотришь на все подозрительно, сама себя мучаешь. А можетъ быть и нѣтъ ничего, напрасно грѣшу! (*Садится на крылечко. Алена промелькнула въ окнахъ и выходитъ на галлерею*).

Алена (*сидясь возлѣ Евгеніи*). Матушка, не прогнѣвайтесь, что скажу! Изныла моя душенька, на все это глядючи... Можетъ, я, дура старая, не ладно дѣлаю, что рѣчь завела; да совѣсть меня заѣла, потому знаю, что гибнетъ человѣкъ, а никто этого, окромя меня, не видитъ. Должна я человѣка спасти, а молчу.

Евгенія. Про что ты?!

Алена. Снимите съ меня грѣхъ, матушка! выслушайте! Какъ покойница Марья Никоновна любила васъ, такъ и я всей душой къ вамъ всегда. А Мишенька мнѣ словно свое дитя. Какъ же не тужить, не жалѣть мнѣ?!

Евгенія. Къ чему ты про Мишу?

Алена. Ахъ, матушка! ужли не видите, что опутала его хозяйка совсѣмъ?..

Евгенія. Что?!

Алена. Не своей волей живетъ и васъ губитъ, и себѣ строитъ погибель...

Евгенія. Ты лжешь!

Алена. Нѣтъ, матушка, не возьму грѣха на душу. Все сами можете увидать. Думается, у васъ самихъ догадка-то была, потому вашу горе-печаль примѣчаю давно. Какъ передъ Богомъ говорю, любя васъ и Мишу. Только послушайте старуху: за дѣло беритесь съ умомъ, не давайте сердцу кипѣть. Не столько Мишинъ тутъ грѣхъ, сколько чужой. Миша и радъ бы откреститься, да мочи нѣтъ. А вы спасите его, отъ бѣды отведите. Онъ же вамъ за то благодаренъ будетъ, потому тяжко ему во лжи, да въ обманѣ быть. И вотъ какъ заживете— лучше не надо!

Евгенія (*съ отчаяніемъ*). Господи, что-жъ это такое?! Вотъ она бѣда-то!.. Гнала прочь эти мысли, молилась!.. (*Закрыла лицо руками*).

Алена. Дѣло надо дѣлать, не убиваться. Этимъ бѣдѣ не поможешь. Мой совѣтъ: своими глазами увѣрьтесь. Уходитъ Миша по ночамъ-то. Чай, слышите? И заснете—услышите, не такъ какъ хозяинъ. Егоръ Саввичъ до зари спитъ, какъ убитый. Зачѣмъ уходитъ? Вишь, въ домѣ спать не привыкъ, жарко. А вы и прослѣдите за нимъ, та ли причина? Коли нынче уйдетъ, выходите сюда...

Евгенія (*истерично прерываетъ, вставая*). Нѣтъ, не пойду!! ни за что не пойду!!

Алена (*вставая*). Матушка...

Евгенія. Молчи! Оставь, оставь меня, ради Бога! (*Быстро уходитъ въ домъ*).

Алена. Не утерпишь, придешь! Не нынче, такъ въ другой разъ, противъ воли придешь! (*Уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Фатей *и потомъ* **Анисья.**

Фатей (*входитъ изъ глубины двора*). Легли, что ли? (*Въ окнахъ стало темно*). Огонь погасили. (*Идетъ къ леднику. Изъ дома вышла и сходитъ съ галлереи Анисья*).

Фатей (*громкимъ шепотомъ*). Аниска!

Анисья. Ну?

Фатей—Подь-ка сюда! (*Садится на бревно. Анисья подходитъ*). Что долго? (*Взялъ за руку и сажаетъ съ собою*).

Анисья. Тоже прибрать нужно все. Старая чертовка языкомъ горазда трепать, а дѣло на мнѣ, во всякій слѣдъ тычутъ.

Фатей. Пирожка посулилась...

Анисья. Рожна не хошь ли? И такъ черезъ тебя Алена воровкой ославила.

Фатей. А вотъ я ротъ ей зажму!

Анисья. Зажмешь! Молчалъ бы! На тебя положись, какъ разъ въ дурахъ останешься.

Фатей. Что ужъ такъ? Я, кажется, завсегда...

Анисья. А полсапожки купилъ? платокъ купилъ? шубу справилъ? Когда еще посулился! А я, дура, уши развѣсила. Тьфу!

Фатей. Полсапожки? Это можно. Денегъ вотъ нѣту. Своимъ надысь въ деревню послалъ.

Анисья. Тамъ бы и жилъ, косолапый чертъ, а то тоже въ городъ лѣзутъ! И безъ васъ тутъ тѣсно.

Фатей. Этого ты въ понятіе взять не можешь. Нашему брату, которые изъ солдатъ, трудно на старую жисть повернуть, пахать чтобъ и прочее справлять по крестьянству. Намъ чтобъ готовую порцію.

Анисья. Знамо, всѣ вы такъ-то: норовите либо въ урядники, приказчики, кучера, либо какую ни на есть коммерцію завести. А дѣвки безъ жениховъ, въ вѣковушкахъ сидятъ. Брезгаете, паневницы-де, неумытыя рыла. А сами по чужимъ бабамъ безобразіе заводите. Эхъ, розги-то по васъ плачутъ!.. И за что я тебя, лѣ-

шаго, жалѣю? Въ умъ не возьму. Должно въ родѣ какъ навожденіе это...

Фатей. Ха-ха! (*Обнимаетъ ее*).

Анисья (*отводя его руку*). Ну, не лѣзь!.. (*Тихо*). Глянь, хозяйка! (*Оба крадучись шмыгнули за ледникъ въ кулису*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ироида, *потомъ* **Михайло** *и* **Евгенія**.

Ироида (*осторожно выйдя изъ сѣней, остановилась и слушаетъ. Не громко*). Кто тамъ? (*Сойдя во дворъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ леднику*). Никого. Показалось. (*Озираясь, идетъ къ садовой калиткѣ и остановилась тамъ въ ожиданіи. Пауза*). Не идетъ что-то! Какъ бы опять Евгенія съ разговорами не пристала! Заговорила!.. Эхъ, махнуть бы намъ съ Мишей куда глаза глядятъ! Да зажить бы душа въ душу безъ помѣхи, безъ путъ проклятыхъ! (*Уходитъ въ садъ. Михайло осторожно выходитъ изъ сѣней и уходитъ въ садъ. Евгенія выкрадывается на галлерею слѣдомъ за мужемъ и, перегнувшись чрезъ перильца, слѣдитъ за нимъ*).

Евгенія. Въ садъ!.. къ ней!!. (*Сбѣгаетъ съ крылечка, но останавливается и дѣлаетъ движеніе назадъ*). Не надо, не надо!.. Лучше не знать ничего, не видать!.. (*Поднялась на одну ступеньку, но вдругъ сходитъ опять и бросается къ калиткѣ. На моментъ замерла, глядя въ садъ. Отчаянно вскрикиваетъ*). Она!!. Миша!!. (*За калиткой видѣнъ Михайло, идущій на крикъ жены*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Сцена втораго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Егоръ Саввичъ (*въ очкахъ, сидитъ за столомъ и перебираетъ лежащіе на немъ счета*) и **Ироида** (*входитъ, неся свернутое бѣлье и кое-какія вещи*).

Ироида. Что тебѣ вдругъ ѣхать вздумалось? (*Укладываетъ сакъ-вояжъ*).

Егоръ Сав. Депешу получилъ. Надо.

Ироида. Надолго?

Егоръ Сав. Какъ дѣло укажетъ.

Ироида. Не скажешь никогда. Знаю. Къ тому спросила, много-ль съ тобой бѣлья положить?

Егоръ Сав. Одну перемѣну довольно.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же *и* **Михайло** (*изъ прихожей, съ конторскою книгою, въ которую заложены счета и бумаги*).

Егоръ Сав. Куда запропалъ? Жду давно. (*Беретъ поданный Михайлою листъ*). Что это? Самохина счетъ спрашивалъ, а ты накладную принесъ? Да что съ тобой, парень? Чѣмъ голова забита?

Михайло (*смущенный, порылся въ книгѣ и подаетъ другой листъ*). Ошибся.

Егоръ Сав. Часто сталъ ошибаться. Смотри! (*Свернулъ счетъ и кладетъ въ бумажникъ*). Съ самой женитьбы твоей примѣчаю: не дѣло у тебя на умѣ, а что-то другое. (*Снимаетъ и прячетъ очки*).

Ироида. Завтракать сейчасъ будешь, или подождать?

Егоръ Сав. (*взглянулъ на часы*). Нѣтъ, пора. Скоро на поѣздъ. (*Собравъ на столѣ счета, уходитъ въ кабинетъ*).

Ироида (*подойдя къ Михайлѣ и понизивъ голосъ*). Ну, что она?

Михайло. Все лежитъ, молчитъ. Похоже, что заболѣла.

Ироида (*кивнувъ на дверь кабинета*). Этотъ уѣзжаетъ, спасибо. Не вѣшай головы-то! Замѣтитъ. Стыдно, что мнѣ ободрять тебя надо. (*Уходитъ въ коридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Михайло *и* **Егоръ Саввичъ.**

Егоръ Сав. Овесъ погрузили?

Михайло. Грузятъ.

Егоръ Сав. Двадцать вагоновъ?

Михайло. Двадцать.

Егоръ Сав. Поѣзжай, чтобъ скорѣй кончали, да чтобъ

нынче же пошли тѣ вагоны. Похлопочи. Да ты слушаешь меня, иль свое думаешь?

Михайло. Слушаю, дяденька. Помилуйте!

Егоръ Сав. Цѣны прежнія, пока депеши не дамъ. Рожь ниже 116 золотниковъ не принимать. Ступай! (*Михайло уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Егоръ Саввичъ, Ироида (*изъ коридора, съ приборомъ*) *и за нею* **Алена** (*съ сковородой на тарелкѣ*).

Ироида (*накрывъ часть стола салфеткой, ставитъ приборъ*). Садись. Готово. (*Алена ставитъ сковороду и отходитъ къ двери*).

Егоръ Сав. (*садится и завтракаетъ*). А Евгеши чего не видать?

Ироида. Не здорова. Лежитъ.

Алена. Г-мъ! (*Дѣлаетъ скорбное лицо*).

Егоръ Сав. (*подозрительно взглянулъ на нее*). А чѣмъ не здорова?

Ироида. Не знаю, голова что ли...

Егоръ Сав. (*къ Аленѣ*) И ты не знаешь?

Алена. Въ чужую душу не влѣзешь, батюшка. Почемъ мнѣ знать? Входила къ ней, спрашивала: о чемъ убиваетесь, молъ? А она къ стѣнкѣ отвернувшись лежитъ, слова не молвитъ, только вздрагиваетъ.

Ироида (*съ досадой*). Квасъ не поданъ!

Алена. Сейчасъ, матушка, сейчасъ! (*Убѣгаетъ въ коридоръ*).

Егоръ Сав. Слышь „убивается". Поссорились значитъ?

Ироида. Въ ихъ дѣла не вхожу. Съ нею часто бываетъ. Блажная. Велю лавро-вишневыхъ капель дать. Отлежится и встанетъ.

Алена (*вбѣгая на послѣднія слова, съ графиномъ кваса*). Не извольте безпокоиться! Встанетъ. Господи-батюшка! ей ли не жисть? А она, замѣсто того чтобъ добрѣть, знай сохнетъ, да сохнетъ!

Егоръ Сав. Вижу. Замужъ вышла, а радости не нашла. Грѣшно Мишѣ. Зачѣмъ было дѣвку губить?

Алена (*выразительно вздыхая*). Охъ-охъ-охъ!

Ироида. Между мужемъ и женой мѣшаться нельзя...

Алена (*съ живостью прерываетъ*). Вѣрно, матушка, какъ Богъ святъ!

Ироида. Одно знаю, что больная она и веселой никогда не была. Въ голодѣ росла, въ нищетѣ, съ отцемъ-пьяницей. Гдѣ-жъ было здоровья, да веселья набраться?

Егоръ Сав. (*вставая*). Какъ-никакъ, а видно самому все вызнать придется: и мужа попытать всерьезъ и женѣ языкъ развязать. Ну, пора. Лошадь подана?

Алена. Подана, батюшка, подана. (*Схватила сакъ-вояжъ и затянутую ремнемъ подушку въ ситцевой наволочкѣ*).

Егоръ Сав. Прощай! (*Поцѣловавъ жену, уходитъ въ переднюю въ сопровожденіи Ироиды*).

Алена. Дай Богъ часъ! (*Уходитъ за ними. Нѣсколько секундъ сцена пуста*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Алена (*входя изъ передней*). На руку имъ хозяинъ уѣхалъ. Жаль! Охъ и зла-жъ на меня Ироида! Съѣла бъ, ну такъ бы и съѣла! Да хвостъ прищемила, голубушка, ха-ха! Ну-ка, изловчись, вывернись! (*Собравъ на столъ посуду, ставитъ на подоконникъ графинъ съ квасомъ и въ окно видитъ Федулова*). Наумъ Прокофьичъ! Зайдите, батюшка, провѣдайте дочку. Больная лежитъ... Егоръ Саввичъ?—Уѣхалъ, сейчасъ на машину уѣхалъ. Зайдите! (*Отходя отъ окна*). Вотъ ему дочка и выложитъ, какія тутъ дѣла завелись! (*Входящему Федулову*). Здравствуйте!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Алена *и* **Федуловъ**.

Федуловъ. Говоришь, Евгеша больна?

Алена. Словно убитая. Что вышло у нихъ—сказать не могу. Нельзя мнѣ въ такія дѣла носъ совать. Вы ужъ сами у дочки довѣдайтесь. Сейчасъ приведу. Про васъ узнаетъ, поднимется.

Федуловъ. А Ироида Васильевна?

Алена. Въ конторѣ она, у Михайлы. Проводимши Его-

ра Саввича, въ контору ушла. Дѣло имъ разсудить есть. Поломаютъ головы-то!.. (*Забравъ все на столѣ, уходитъ въ коридоръ*).

Федуловъ. Что наплела?.. Вотъ поганый языкъ! Нажжетъ какъ крапива, а дѣла не разберешь никогда!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Федуловъ *и* **Евгенія** (*изъ коридора*).

Евгенія (*съ рыданіемъ, бросается на шею къ отцу*). Папенька!

Федуловъ. Что такое?! Что съ тобой, моя дѣточка?!

Евгенія. Ничего... Хорошо, что плачу... а то горло сцѣпило, камень въ груди... Теперь легче!.. Вздохнуть могу...

Федуловъ (*усаживая ее и садясь рядомъ*). Чѣмъ тебя огорчили? чѣмъ обидѣли-то? Скажи! Небось, бѣдностью попрекаютъ? отцомъ? Молъ, бездѣльникъ, такой-сякой, а? Знаемъ Егора Саввича! Ты къ нему съ нижающимъ почтеніемъ, а онъ напырится, какъ индюкъ. Боится въ родню полѣзу! Какъ же, нуждаюсь! Мой-отъ родитель первой гильдіи купецъ былъ, а его—лаптемъ щи хлебалъ, да калачами торговалъ на базарѣ. Мужикъ богатый—что быкъ рогатый. Вотъ каковъ Егоръ Саввичъ! Да мнѣ плевать! Мной пускай брезгаетъ, а за тебя вотъ обидно! Коли такъ, отчего же мужъ не заступится?

Евгенія. Ахъ, папенька, папенька! Если-бъ вы знали все!..

Федуловъ. Да что? Говори! все говори, что тутъ дѣлается!

Евгенія. Надо будетъ — узнаете; а пока не скажу. И не могу, обезсилѣла я...

Федуловъ (*вглядываясь въ дочь*). Да ты совсѣмъ больна, дочка! На кого стала похожа? Краше въ гробъ кладутъ! (*Всталъ. Гнѣвно.*) Да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ?! что они съ тобой дѣлаютъ, а?!

Евгенія. Не кричите, папенька, тише!

Федуловъ. Дочь тиранятъ, а я молчи?!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же *и* **Ироида** (*изъ передней*).

Ироида. Слышу: кричитъ. Кто кричитъ? А это Наумъ Прокофьевичъ! Здравствуйте! Очень рада... (*Въ коридоръ, громко.*) Алена! Закусить Науму Прокофьевичу!

Федуловъ. Нѣтъ, благодаримъ покорно. Не стану. Мнѣ вашъ кусокъ-отъ въ горлѣ застрянетъ!

Ироида (*спокойно*). Г-мъ! Ну, какъ хотите.

Федуловъ. Да-съ! Потому по дочери сердце болитъ. Не узнать Евгешу, какова стала! Отчего-съ? отъ какихъ радостей? отъ сладкаго житья, видно?

Евгенія. Папенька, оставьте про это!

Федуловъ. Нѣтъ, погоди! За жену мужъ отвѣтчикъ. Вотъ я и поговорю съ зятемъ любезнымъ! Тутъ ужъ мнѣ никто не помѣха. Самому Егору Саввичу ротъ зажму!

Ироида (*равнодушно*). Миша въ конторѣ. Пойдите къ нему, допросите!

Евгенія (*горячо*). Нѣтъ, папенька, не ходите. Никакого толка не выйдетъ.

Федуловъ (*раздраженно*). Отчего?.. Ну ты отвѣтъ!..

Евгенія (*прерываетъ*). Сказала ужъ, что пока не могу.

Федуловъ. Знаю твое упрямство. Скажешь: „нѣтъ", тутъ хоть тресни, а настоишь на своемъ!

Ироида (*про себя*). Ага!

Евгенія (*разгорячаясь все больше и кончая очень сильно*). Время не пришло, папенька. Впереди ваша помощь. Еще кому надо я своего не сказала. Свалишься въ пропасть— не сразу въ себя придешь. Теперь собралась съ мыслями и что надо скажу! Все скажу, и волю свою объявлю и погляжу, посмѣютъ ли не сдѣлать по совѣсти, какъ я захочу! (*Уходитъ въ коридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Федуловъ *и* **Ироида**.

Ироида (*подавляя гнѣвъ, про себя*). Вотъ ты какъ?! Хорошо!

Федуловъ (*растерянно*). Что такое?! Словно и не Евгеша!

Ироида. Ужели не замѣтили? Вся горитъ, бредитъ, въ какую-то „пропасть“ попала... Какъ я думала, такъ и есть: горячка. Теперь повѣтріе.

Федуловъ. Господи помилуй! Вотъ оно что! То-то удивила меня: вхожу, а она какъ кинется, зарыдаетъ! Никогда не бывало съ ней этого. Неужто же все отъ болѣзни?

Ироида. А вы думали: отъ „тиранства?“ Слышала, какъ вы это сказали...

Федуловъ. Простите! Отецъ.

Ироида. Ну, я пойду въ постель уложу ее и за докторомъ пошлю; а вы ступайте, не безпокойтесь.

Федуловъ. Пойду-съ. (*Про себя, отыскивая картузъ*). Будто, не такъ оно. Ну, да узнаемъ! (*Къ Ироидѣ*). Прощайте, Ироида Васильевна! Ужъ вы, пожалуйста...

Ироида (*прерываетъ*). Не просите. Все сдѣлаемъ.

Федуловъ (*поклонился и уходитъ въ переднюю*).

Ироида. Г-мъ! Волю свою объявишь! поглядишь— посмѣютъ ли не исполнить?! Ну, милая, смѣлости у меня на все хватитъ!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Ироида *и* **Алена** (*изъ коридора, съ подносомъ, на которомъ водка и закуска*).

Ироида. Не надо.

Алена. А какъ же Наумъ Прокофьевичъ?..

Ироида. Ушелъ.

Алена. Господи-батюшка! И что подѣялось съ нашей Евгеніей Наумовной?!

Ироида. Что „подѣялось?“

Алена. Ужъ не узнала-ль чего?

Ироида. Чего?

Алена. Не завелъ ли Миша любовницы?

Ироида (*молча посмотрѣла на нее въ упоръ*). Ступай!

Алена (*со вздохомъ, кротко*). Слушаю-съ! (*Уходитъ*).

Ироида. Проклятая! Ты навела ее! твое дѣло, змѣя!..

Охъ, кругомъ бѣда, ступить некуда!.. Много на себя понадѣялась!.. Миша не въ помощь, а въ заботу. Вся тягость на мнѣ одной. Трудно! (*Задумалась*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ироида *и* **Михайло** (*изъ прихожей, очень разстроенный*).

Ироида. Что, Миша? Какъ быть?

Михайло. Крѣпко подумаешь, да!

Ироида. Евгенія грозитъ намъ „волю свою объявить". При мнѣ отцу говорила. Такъ разошлась, что будь я посмирнѣй, оробѣла бы.

Михайло. Чего-жъ она хочетъ?

Ироида. Узнаемъ. Тогда видно будетъ: по ея-ль сдѣлать, или какъ намъ лучше. Говорила: бросимъ все и сбѣжимъ. А ты: „нѣтъ! Какъ дяденьку осрамить, благодѣтеля! Безъ ножа зарѣжешь его!..."

Михайло. Будь что будетъ, а на это я не пойду!.. (*Съ злобнымъ нетерпѣніемъ*). Эхъ, тошно! (*Тяжело вздохнулъ*).

Ироида. Жалко ее?

Михайло. Кого?

Ироида. Жену.

Михайло. Какая у меня жалость къ ней! Было это, томило мнѣ душу, да прошло. И на нее зло, и на дяденьку. Говоришь себѣ: чѣмъ же они виноваты? мнѣ-ль на нихъ злобствовать?—А сердце не слушаетъ!

Ироида. Можетъ и ко мнѣ тоже чувствуешь? Всѣ бѣды изъ-за меня.

Михайло. На судьбу сѣтовалъ, а на тебя нѣтъ.

Ироида (*обняла его и страстно поцѣловала. Не отнимая рукъ*). Теперь намъ будетъ труднѣе; но ты не бойся, положись на меня. Для тебя на все пойду, жизни не пожалѣю! (*Оба обернулись на шелестъ. Въ дверяхъ коридора, прислонясь къ косяку, стоитъ Евгенія*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же *и* **Евгенія**.

Ироида (*язвительно*). А! „Волю пришла объявить?" (*Садится, вытянувъ ноги, прислонясь къ спинкѣ кресла и сложивъ на груди руки*).

Евгенія. Да.

Ироида. Послушаемъ!

Евгенія (*тихо, но твердо*). Миша! Когда Егоръ Саввичъ вернется, ты у него попросишь разсчетъ и мы въ тотъ же день уйдемъ отсюда.

Ироида (*злобно*). Приказывай, приказывай!

Михайло. Ступай въ свое мѣсто и прикуси языкъ!

Евгенія. Нѣтъ, молчать я не стану, обманъ покрывать не согласна. Не уйдешь со мной, я одна уйду къ папенькѣ и тогда ужъ все разскажу! для чего ты женился на мнѣ, все!

Михайло (*погрозился на нее*). Посмѣй!

Евгенія. Разскажу. Выбирай любое.

Ироида. На проломъ пошла! Берегись!

Евгенія. Пошла. Ни напугать, ни упросить меня не придется!

Ироида. Упросить?! Не въ ногахъ ли у тебя станутъ валяться?!—Не жди!

Евгенія (*взглянула на нее и не отвѣтила. Мужу*). Ну? Какъ же мнѣ быть? Вмѣстѣ уйдемъ, или мнѣ домой собираться?

Михайло. Будетъ, какъ велю.

Евгенія. Нѣтъ, Миша!

Ироида. „Вмѣстѣ!“ Зачѣмъ ты ему? Любить станетъ, что ли?

Евгенія (*пылко*). Изъ рукъ вашихъ вырвать, спасти! Вотъ зачѣмъ! Если-бъ не вы, не сталъ бы онъ негодяемъ передъ Егоромъ Саввичемъ, своимъ благодѣтелемъ; не оскорбилъ бы память покойницы, матери пріемной своей...

Ироида (*вскакиваетъ*). Замолчи!!

Евгенія. Нѣтъ! До васъ онъ былъ добрый, честный, хорошій. Всѣ его знали такимъ. А вы что сдѣлали, на что толкнули его? Чтобъ покрыть свой обманъ, чтобъ мужу глаза отвести, вы заставили его жениться на мнѣ, куклу изъ меня свертѣли! Надругались надъ моимъ горемъ и бѣдностью! И онъ послушался! Жалость, совѣсть, Бога забылъ! все для васъ позабылъ! Скажете:

любовь приневолила. Хороша же ваша любовь, когда въ ней зло человѣку, погибель!..

Ироида (*едва сдерживаясь, чтобъ не броситься на нее*). Уйди!!

Евгенія (*указывая на мужа*). Или съ нимъ, или одна, но уйду непремѣнно! Если-жъ одна — все выйдетъ наружу! Отецъ мой, Егоръ Саввичъ, весь городъ узнаетъ, что вы такое и какія тутъ дѣла дѣлались! Сказала—и будетъ такъ! Знайте! (*Уходитъ въ коридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Ироида *и* Михайло.

Ироида (*задыхаясь отъ гнѣва, схватила Михайлу за руки*). Скажи одно: кто дороже тебѣ—*я*, иль *она?*

Михайло. Чего-жъ спрашивать!—Ты.

Ироида. Хорошо! Теперь знаю, что дѣлать.

Михайло. Что?.. Зла не затѣвай! не смѣй!

Ироида. Значитъ, ты не понялъ меня. Или *я*, иль *она.* Или мнѣ руки на себя наложить, или съ нею покончить. Выбирай!

Михайло (*въ ужасѣ*). Что ты, что ты?! Опомнись!!

Ироида. Выбирай!!

Михайло. Господь съ тобой, развѣ возможно?!.. Пока Егора Саввича нѣтъ, можно другое придумать!.. А сгубить!—ни за что!

Ироида. Ну, только ты и видѣлъ меня! (*Бросается къ выходу*).

Михайло (*сильно схватилъ ее обѣими руками*) Стой! Куда?! Приди въ себя-то!

Ироида (*вырывается, напрягая всѣ силы*). Пусти!!

Михайло. Не пущу! Обезумѣла! Съ тобой станется! Кости сломаю, а на гибель тебя не пущу!!

Ироида (*хрипло*). Такъ выбирай! *Я*, иль *она?* Выбирай!!

Михайло (*выпуская ее*). Что со мной дѣлаютъ?! Въ пору съ ума сойти! (*Шатаясь, отходитъ къ двери и въ отчаяніи прислоняется къ косяку, закрывъ лицо руками*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое.

Сцена предыдущаго акта. Ночь. Въ комнатѣ мракъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е

Евгенія.

Евгенія (*блѣдная, испуганная, появляется въ дверяхъ коридора, со свѣчею въ рукѣ и боязливо заглядываетъ въ комнату. На плечахъ у нея большой платокъ*). Господи, страшно какъ!.. (*Вошла и поставила на столъ свѣчу*). Охъ, загубятъ они меня!.. (*Въ отчаяніи закрыла лицо руками. Пауза*). Домой бы вырваться! Ироида увидитъ. Все по двору ходитъ, всю ночь проходила—продумала... Что-нибудь да надумала!.. Хоть бы свѣтало скорѣй!.. (*Пауза. Часы звонко и рѣзко пробили четыре*). Къ Мишѣ въ контору пойти? — прогонитъ!.. Опостылѣла я ему! За что?.. За что мнѣ горькая доля такая? (*Вздрогнула*). Ахъ!.. (*Въ страхѣ*). Идетъ?! *она* идетъ?! Куда дѣться?.. Какъ сердце стучитъ!.. (*Прислушивается*). Показалось... Богъ вѣсть, что мерещится... Нѣтъ, не уйти мнѣ, не выпустятъ! Скорѣе загубятъ, чѣмъ выпустятъ! Лучше опять въ спальнѣ запрусь. (*Глядя въ окно*). Свѣтать начинаетъ. Скорѣй бы! (*Открыла окно и выглядываетъ изъ него на улицу. Въ этотъ моментъ дверь изъ прихожей распахнулась. Входитъ Ироида*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Евгенія *и* Ироида.

Евгенія (*быстро обернулась и затрепетала*). Ахъ!

Ироида (*молча поглядѣла на нее и порывисто подходитъ*). Отступись!!

Евгенія (*съ ужасомъ*). Оставьте меня!

Ироида. Ничего не возьмешь! Отступись!!

Евгенія (*отдаляя ее трепетными руками*). Отойдите отъ меня! отойдите!!

Ироида. Отступись!! Хуже будетъ!!

Евгенія (*кричитъ отчаянно*). Пустите!! Убьетъ!! (*Отскочила въ сторону и стремительно убѣгаетъ въ коридоръ. Слышно какъ тамъ захлопнулась дверь*).

Ироида (*мрачно и тяжело дыша*). Хорошо, что ушла!.. (*Со стономъ*). Что же мнѣ дѣлать съ собою?! (*Садится на ближайшій стулъ, уронивъ на колѣни руки и низко опустивъ голову*). Сердце вырываютъ, а я терпи?!.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ироида *и* **Михайло** (*изъ прихожей*).

Михайло. Кто здѣсь кричалъ? Евгенія?!

Ироида. Меня испугалась.

Михайло (*съ испытующимъ видомъ*). И только всего?—

Ироида. Да. Къ себѣ убѣжала. А ты *караулить* пришелъ? (*Михайло, не отвѣчая, пошелъ къ коридору. Вставая*). Останься! (*Затворяетъ дверь въ коридоръ*). Что ты отъ меня, какъ отъ чумной бѣгаешь?! Слова не скажешь?!

Михайло. До того довели, что мыслей не соберешь! Въ голову точно туманъ нашелъ! Словно я въ лѣсъ дремучій попалъ, ступить некуда!

Ироида. Гмъ! *Усовѣстила?!* Ай да Евгенія!

Михайло. Что мнѣ ея слова! Самъ понимаю. Самъ противъ совѣсти шелъ и не каялся.

Ироида. А съ жениныхъ словъ покаянье напало?!

Михайло. Она въ своемъ правѣ такъ говоритъ, потому мы передъ ней виноваты. Да не въ томъ дѣло. А вспомни *ты* что задумала? Выбирай между вами: *ты* или *она!* Такъ ли, сякъ—кѣмъ выхожу я?—Убійцей! Про то ты подумала?

Ироида (*гнѣвно*). А она чѣмъ грозитъ? Вишь, совратили тебя, на погибель вели! А я всю душу на тебя положила! Что жизнь мою взять, что тебя—все равно! Значитъ, Евгенія сама въ петлю лѣзетъ, сама!

Михайло. А я говорю, что ты пальцемъ не тронешь ее! Не дамъ!! Тебѣ хоть голову сломить, хоть душу свою загубить! а я во злѣ не пособникъ. И такъ ужъ оподлѣлъ я себѣ, хоть въ омутъ!

Ироида. Вотъ что-о!.. Прежде въ любви моей *все* для насъ было, а теперь!.. Не бойся, не трону твою Евгешу. А тебѣ—чѣмъ „въ омутъ“ — къ ней бы пойти! Облегчитъ и совѣтомъ наставитъ...

Михайло (*рѣзко*). Какъ мнѣ быть—*самъ* подумаю! (*Уходитъ въ прихожую*).

Ироида (*тревожно, съ волненіемъ*). Что-жъ это съ нимъ?! *Остудило?* Стряслась бѣда—ужъ не *я* въ сердцѣ, другое?! Нѣтъ, быть не можетъ!.. Разстроенъ, измучился... Мнѣ бы ласкою взять, а я раздражила его! И вчера круто взяла, напугала... Ну, да сойдетъ съ него это! Верну, все верну!.. Одно намъ осталось: бѣжать! Теперь согласится. Пока есть время, бѣжать безъ оглядки! (*Рѣшительно и быстро идетъ къ двери въ прихожую*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Ироида *и* **Алена** (*вбѣгаетъ изъ коридора*).

Алена. Егоръ Саввичъ съ машины пріѣхалъ!

Ироида (*изумленно*). Егоръ Саввичъ?!

Алена. Чуть свѣтъ, а онъ ужъ и тутъ! Какъ снѣгъ на голову!

Ироида (*про себя съ гнѣвной досадой*). Вотъ принесло!!

ЯВЛЕНІЕ. 5-е.

Тѣ-же *и* **Егоръ Саввичъ** (*изъ коридора, въ пальто и съ фуражкой въ рукѣ*).

Егоръ Сав. (*бросаетъ фуражку. Мрачно*). Чего въ домѣ огонь? Ай не ложились? (*Алена сняла съ него пальто и уходитъ*).

Ироида. Безсонница. (*Потушила свѣчу. Въ комнатѣ полумракъ ранняго утра*).

Егоръ Сав. (*садясь*). И у Евгеши огонь, и у Михайлы въ конторѣ! На всѣхъ, видно, напала безсонница! Съ чего такъ?

Ироида. Отчего они не спали — не знаю. А ты ужъ дѣла обдѣлать успѣлъ? Скоро!

Егоръ Сав. Не до дѣлъ тутъ... коли домъ изъ ума не

выходитъ... да за триста верстъ про насъ пересуды идутъ!

Алена (*появляясь въ дверяхъ*). И, батюшка! Мало-ль что люди болтаютъ!..

Егоръ Сав. (*гнѣвно прерываетъ*). А ты сама?! Эхъ и подлая-жъ ты тварь, погляжу я!.. Ну, съ тобой впереди разговоры, любезная! Михайлу позвать!

Алена (*въ страхѣ*). Господи, батюшка! (*Уходитъ*).

Ироида. Какіе-жъ „пересуды" про насъ?

Егоръ Сав. А такіе, что коли въ нихъ хоть доля есть правды — будетъ вамъ спасибо хорошее!.. Видно, не даромъ меня мысли смущали! не даромъ я съ самой женитьбы покоя не зналъ!

Ироида (*усмѣхнулась*). Гмъ!

Егоръ Сав. Да ты ротъ не криви! Ничего нѣтъ смѣшного! Избаловалась, извольничалась! Самъ виноватъ! Ошибка сначала была.

Ироида. Это вѣрно!

Егоръ Сав. То-то „вѣрно!" Теперь другіе виды увидишь! Въ мое время лучше съ бабами управляться умѣли. Было забылъ! Вспомню! (*Аленѣ, высунувшейся изъ коридора*). Ну, что же Михайло?

Алена (*съ убитымъ видомъ*). Идетъ, батюшка.

Егоръ Сав. А Евгенія не спитъ?

Алена. Не здорова она...

Егоръ Сав. Все-жъ позови. Нужно. (*Алена уходитъ. Совсѣмъ разсвѣло. Солнце*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Ироида, Егоръ Савичъ *и* **Михайло** (*изъ прихожей. Войдя, поклонился*).

Егоръ Сав. (*смѣрилъ его значительнымъ взглядомъ*). Здравствуй!.. Взращенъ ты моей милостью и ею же въ люди вышелъ и былъ отъ меня въ полномъ довѣріи, какъ близкій и преданный человѣкъ. Правду я говорю?

Михайло (*понурившись*). Правду.

Егоръ Сав. А стоилъ ли ты того? Бывали сомнѣнія и

сердце вскипало, да я не давалъ ему воли, потому— Іудою-предателемъ надо быть, подлецомъ, чтобъ отплатить мнѣ зломъ и обманомъ. Правду я говорю?

Михайло. Правду.

Егоръ Сав. Теперь твоя рѣчь: виноватъ — кайся, правъ—докажи. (*Пауза*). Молчишь? Ладно! (*На входящую Евгенію*). Съ Евгешей поговоримъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же *и* **Евгенія** (*изъ коридора*).

Егоръ Сав. Здравствуй, милая! Хоть больна ты, а пришлось потревожить. Садись. (*Евгенія садится*). Молодыхъ женъ, въ любви, да въ счастьи, не видалъ я такими...

Евгенія (*заплакала*). Я ни на что не жалуюсь... а жить у васъ не могу... не останусь...

Егоръ Сав. Отчего? (*Евгенія старается подавить рыданія и молчитъ*). Отъ меня обидъ не видала. Значитъ, Ироида не взлюбила тебя? Она обижаетъ? И не одна, можетъ статься, а *вмѣстѣ съ Михайлой?*.. Скажи! (*Пауза*). Вѣрю, что нельзя тебѣ жить у насъ, потому отвращается честная душа отъ грѣха и обмана. (*Къ Михайлѣ*). А ты, „честная душа“, что скажешь? Какія тутъ дѣла завелись, что жена прочь бѣжитъ, а я зубоскаламъ на языкъ попалъ? А?

Михайло (*въ сильномъ волненіи*). Вотъ что: увольте меня, отпустите! (*Евгенія подходитъ къ Михайлѣ. Онъ отстраняетъ ее. Сурово, но сдержанно*). Отойди!

Ироида (*блѣдная, впилась въ Михайлу горящимъ взоромъ*). У-хо-дишь?!

Михайло. Потому—нѣтъ моей мочи!..

Ироида (*съ нервной дрожью*). Значитъ... *съ женою* уходишь?!

Михайло. Одинъ! Ни съ кѣмъ не пойду, одинъ!.. Куда глаза глядятъ!.. хоть съ сумой!..

Ироида (*изступленно*). А я... какъ же я?!

Егоръ Сав. (*въ ярости, схватываетъ ее за руку*). *Ты?!* Какъ *тебѣ* быть—это ужъ *я* скажу! *Я* покажу тебѣ это!

Ироида (*внѣ себя*). Ничего не покажешь! Пусть Михайло боится тебя и бѣжитъ, какъ трусъ; а я въ лицо тебѣ кину, что любила его, жила съ нимъ; женила, чтобъ глаза отводить и бросила бъ тебя, да... ужъ не для кого! (*Голосъ ея дрогнулъ*). *Все* даромъ потрачено: и честь, и совѣсть, и жизнь! (*Вырвалась и бросается въ коридоръ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Егоръ Саввичъ, Михайло *и* **Евгенія.**

Егоръ Сав. (*тяжело дыша, наступаетъ на Михайлу*). Такъ вотъ она правда-то?! Каинъ!!

Евгенія (*бросается между ними*). Не вѣрьте, не вѣрьте ей! Она со злобы наговорила, изъ гордости! И себя, и Михайлу оболгала! Въ обидѣ себя не помнитъ...

Егоръ Сав. (*отстраняетъ Евгенію*). Ну не врать! Его мало убить, какъ собаку!!

Евгенія. Ради Христа!! Вспомните Бога!!

Егоръ Сав. (*Михайлѣ, стиснувъ зубы и сжавъ кулаки*). Если-бъ не жена, я задушилъ бы тебя, негодяя!! Позоръ мой да будетъ тебѣ проклятіемъ!!

ЯВЛЕНІЕ 9-е и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же *и* **Алена.**

Алена (*отчаянно вопитъ за сценой*). Ай, ай!! Господи, батюшка!! А-ахъ!!

Егоръ Сав. (*помертвѣлъ*). Что такое?!

Алена (*вбѣгаетъ изъ коридора, задыхаясь и дрожа отъ ужаса*). Виситъ она!! удавилась!! въ кладовой на крюкѣ виситъ!! О-охъ!!

Михайло (*съ воплемъ*). Господи!! (*Оттолкнулъ жену, которая за него уцѣпилась, и бросается въ коридоръ. Алена подхватила ее, почти безъ чувствъ*).

Егор. Сав. (*пошатнулся и ухватился за столъ, чтобъ не упасть. Судорожными движеніями срываетъ съ себя галстукъ и разрываетъ воротъ рубашки. Хрипло*). Ножемъ веревку!! ножемъ перехватить!! Отдышетъ!!

Алена (*поддерживая Евгенію*). Гдѣ ужъ!! Кончилась!.. До чего гордость доводитъ!.. (*Вдали за сценой глухой гамъ голосовъ и вопли Анисьи*).

Егоръ Сав. (*съ отчаяніемъ*). Что-жъ это?!. что ты надѣлала?!. Душу загубила, жизнь мою, все!! Ахъ, Ироида!!.

Занавѣсъ.

ДВѢ СУДЬБЫ.

Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ (въ 4 дѣйствіи 2 картины).

Дѣйствіе первое.

Дѣйствуютъ:

Князь Николай Дмитріевичъ Васкаковъ, молодой человѣкъ.
Ошуркова, дѣловая особа среднихъ лѣтъ.
Миронъ Прокофьевичъ Кифарскій, старикъ, домохозяинъ.
Лукичъ, нищій старикъ, изъ угловъ.

Низенькая, сырая комната, съ нищенской обстановкой. Двѣ двери: въ задней стѣнѣ и налѣво, въ углы. Направо окно, подъ потолкомъ, промерзшее насквозь. Налѣво печь съ заслонкой.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ошуркова *и* **Кифарскій** *).

Ошуркова. Такъ вотъ гдѣ князь у тебя проживаетъ!

Кифарскій. Здѣсь.

Ошуркова. Погребъ какъ есть! Иль не топите?

Кифарскій. А на какія деньги топить? Другой мѣсяцъ не платитъ.

Ошуркова. Жалость надо имѣть. Человѣкъ мерзнетъ, не собака.

Кифарскій (*сердито передернулъ плечами и отвернулся*). Прогоню я его и весь сказъ.

Ошуркова (*осматриваясь*). Сырость, грязь! И какъ это начальство дозволяетъ такія квартиры сдавать!

Кифарскій. По жильцу и квартира. И за такую налогъ заплати. Да вамъ что надо-то?

Ошуркова. Какое дѣло къ твоему жильцу—я ему сама

---

*) **Ошуркова** видная женщина, въ шляпкѣ и дорогой ротондѣ. **Кифарскій** старикъ непріятнаго вида, въ старомъ плюшевомъ картузѣ и поношенномъ пальто.

объясню. А ты хотѣлъ гнать его—и гони. Сейчасъ же гони какъ придетъ.

Кифарскій (*ехидно*). Значитъ, *нуженъ* онъ вамъ? Понимаю, хе-хе! Вы даромъ справляться не станете.

Ошуркова. Ты-то что сдѣлаешь даромъ? Молчалъ бы! А я и тебѣ пригожусь. Было разъ, попользовался по моей милости. Помнишь? (*Подмигнула*). Стѣны грибами поросли, а ему дровецъ жалко! Жильца, какъ клоповъ, вымораживаетъ!

Кифарскій. Отогрѣете, хе-хе!

Ошуркова (*дѣловымъ тономъ*). И такъ, значитъ, нѣтъ ему помощи ни откуда?

Кифарскій. Никакой! Заѣхалъ, съ дуру, въ чужой городъ мѣста искать. Ни родныхъ, ни знакомыхъ. Набалованъ къ тому же, навыка къ житейскому никакого. Вишь, родители содержали. Ужъ онъ студентомъ кончалъ, какъ они померли одинъ за другимъ. Тутъ онъ и сѣлъ, какъ ракъ на мели, безъ копѣйки. Что съ собой привезъ—спустилъ. Одно: воровать остается.

Ошуркова. Воровать не пойдетъ.

Кифарскій. А откуда у васъ эти свѣдѣнія?

Ошуркова. У меня на все развѣдчики есть, по всякому дѣлу.

Кифарскій. А его гдѣ-жъ видали, князя-то?

Ошуркова. Вещи закладывалъ. Я тутъ случилась. Ну запримѣтила.

Кифарскій. Такъ-съ! А теперь зачѣмъ требуется?

Ошуркова. Еще умнымъ человѣкомъ считаешь себя! Сперва подумай, а тамъ ужъ спроси. Однако озябла я тутъ. Пойдемъ къ тебѣ. Значитъ, только князь на порогъ, гони, чтобъ сейчасъ убирался.

Кифарскій. А долгъ его съ васъ получить, за два мѣсяца-то?

Ошуркова. Да ты и такъ хотѣлъ гнать его. За что-же съ меня?

Кифарскій. Можно не выгонять и истопить можно.

Ошуркова. Ахъ, старая крыса! Ну, пойдемъ, потолкуемъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Кн. Баскаковъ (*входитъ спустя нѣсколько секундъ. Онъ очень продрогъ и угрюмъ* *). Хотѣлъ милостыню просить—не смогъ... Ждалъ, что замѣтятъ... хоть кто нибудь замѣтитъ, зачѣмъ я стою трясусь, какъ собака!.. Шли мимо, не обратилъ вниманія никто... (*Тяжело опустился на стулъ и вздохнулъ. Пауза*). Что же теперь?.. Съ голоду умереть?.. Кончить съ собой?.. Одно остается: кончить... Это одно въ моей власти...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Кн. Баскаковъ *и* **Кифарскій.**

Кифарскій. Ну, сударь мой—деньги.

Баскаковъ. Нѣту, Миронъ Прокофьевичъ. Ничего не досталъ, ни-че-го! Потерпите пожалуйста!

Кифарскій. Всякому терпѣнію бываетъ конецъ. Не могу-съ.

Баскаковъ. Что же мнѣ дѣлать?! Поймите! Видите до чего я дошелъ! Съ такимъ видомъ, въ этихъ отрепьяхъ, меня за пропойцу принимаютъ, гонятъ вездѣ! Какое тутъ мѣсто, или работу найдешь?!

Кифарскій. Это меня не касается. А даромъ васъ держать не могу-съ. Извольте сегодня же освободить квартиру.

Баскаковъ. Освободить?! Куда же мнѣ?! на улицу?

Кифарскій. Куда угодно-съ.

Баскаковъ. Есть же у васъ хоть капля жалости! Войдите въ мое положеніе!

Кифарскій. Извольте освободить квартиру.

Баскаковъ. Наконецъ не все же такъ будетъ! Не возможно! Добьюсь же я хоть на кусокъ хлѣба! Не убивайте во мнѣ послѣднюю надежду, Миронъ Прокофьевичъ! Богомъ прошу; а вы человѣкъ богомольный. Поймите, что значитъ убить *всякую надежду* въ чело-

---

*) Одѣтъ весьма плохо. На немъ порыжѣлое пальто и худые сапоги. Воротникъ пальто поднятъ.

вѣкѣ, доведенномъ до крайности! Что же ему остается? Поймите!

Кифарскій. Тѣмъ хуже для васъ, молодой человѣкъ; а квартиру извольте освободить.

Баскаковъ (*сѣлъ къ столу и опустилъ голову на руку. Измѣнившимся голосомъ*). Хорошо.

Кифарскій. Сегодня же непремѣнно-съ. (*Уходитъ*).

Баскаковъ. Освобожу и квартиру... и свое мѣсто въ жизни... (*Сгорбился, засунулъ руки въ узкіе рукава пальто и тупо глядитъ въ одну точку. Пауза*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Кн. Баскаковъ *и* **Лукичъ** *) (*изъ боковой двери, съ дырявымъ мѣшечкомъ со щепой за плечами*).

Лукичъ. А я вамъ щепы добылъ истопить. На стройкѣ выпросилъ. Дали. Истопить, молъ, надо у васъ. (*Сложилъ щепу у печки и открываетъ заслонку*).

Баскаковъ. Брось. Мнѣ тутъ не жить.

Лукичъ (*съ испугомъ*). Какъ? (*Просіялъ*). Да, да! Мѣсто! Значитъ, мѣсто вамъ вышло.

Баскаковъ. Вышло. На улицу.

Лукичъ (*растерялся*). Какъ же это?.. Въ толкъ не возьму...

Баскаковъ. Попробовалъ я улицы-то! Постоялъ!.. Слово сказать—не могу, горло сцѣпило; руку протянуть—не могу, точно мертвая... Слезы душатъ, въ глазахъ рябитъ, ноги не держатъ... Попробовалъ!.. А теперь и совсѣмъ туда выдворенъ... жить!

Лукичъ (*раздумывая*). Такъ нельзя, не приходится, нѣтъ!.. (*Повеселѣлъ*). Пускай гонитъ, а вы не слушайте.

Баскаковъ (*махнувъ рукой*). Полно!

Лукичъ. Нѣтъ, не „полно!“ Не слушайте и конецъ. У меня тутъ уголъ, койка. (*Указалъ на боковую дверь*). Съ моего мѣста не тронетъ! Не смѣетъ!

Баскаковъ. А ты вмѣсто меня—на улицу?

---

*) Сгорбленный старичекъ убитаго вида. Одѣтъ въ драное пальтишко, подпоясанное веревочкой. Штаны въ голенища.

Лукичъ. Зачѣмъ? Нѣ-ѣтъ! Я пойду... Я знаю куда пойду.

Баскаковъ. Куда тебѣ идти!

Лукичъ. Анъ знаю куда. И пріютятъ, да!

Баскаковъ. Тебя?!

Лукичъ. Да, вотъ меня. Пріютятъ, значитъ.

Баскаковъ. Кто?

Лукичъ. Извѣстно кто: люди. Стало-быть есть у меня...

Баскаковъ. Гдѣ эти люди, которые пріютили бы насъ? Тебя вотъ дѣти бросили умирать съ голоду! Пріютятъ!

Лукичъ. Дѣти... (*Провелъ по лицу рукой и тяжело вздохнулъ*). Тутъ, значитъ, того... мой характеръ...

Баскаковъ. Не отдавалъ бы всего, что имѣлъ, не то-бы и было! А твой „характеръ" я знаю. Самъ голодный, а мнѣ послѣднюю корку несешь. Эхъ, Лукичъ! горька наша жизнь! (*Задумался и не слушаетъ*).

Лукичъ. Я самъ ушелъ... крадучись, ночью ушелъ; а куда—неизвѣстно. Они и теперь не знаютъ гдѣ я, дѣти-то... Обижали. Вишь помѣхой имъ сталъ. Ни угла, ни куска, безъ попрековъ! А добро-то мое, мною нажито. Ну обидно. Кабы чужіе, а то вѣдь дѣти! Обидно!.. Другой бы смирился, стерпѣлъ, а у меня характеръ... Богъ съ ними! А теперь я сыщусь. Слышите?

Баскаковъ (*выходя изъ задумчивости*). Что ты?

Лукичъ. Объявлюсь, молъ, дѣтямъ-то, гдѣ то-есть жительствую. Вотъ и деньги! Мы и того... поправимся съ вами.

Баскаковъ. Спасибо! Хлопочи о себѣ. Мнѣ не надо. (*Стукъ въ дверь*).

Лукичъ. Къ вамъ кто-то! (*Торопливо уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Кн. Баскаковъ *и* **Ошуркова**.

Ошуркова. Здравствуйте, батюшка! Князь Баскаковъ изволите быть?

Баскаковъ. Да.

Ошуркова. Извините, я ужъ въ ротондѣ останусь. Холодно у васъ. Иль не топите?

Баскаковъ. Холодно.

Ошуркова (*участливо*). Въ бѣдственномъ положеніи вы, батюшка мой!

Баскаковъ. Да... Ничего не нашелъ, ни уроковъ, ни работы... Сколько времени—ничего!

Ошуркова. Трудно это, трудно! Мало ли народу работы ищетъ! На одинъ кусокъ десять ртовъ. Будь у васъ знакомство, протекція, все-бъ таки помогли...

Баскаковъ. Никого нѣтъ. (*Уныло*). Понадѣялся, что пристроюсь. Не захолустье, думалъ, столица... Теперь самъ вижу, какъ я былъ наивенъ и глупъ...

Ошуркова. Оттого, что прежде вы нужды не видали, при родителяхъ-то. А человѣку въ достаткѣ все легко кажется. Онъ и о себѣ такое имѣетъ понятіе, что стоитъ, молъ, захотѣть, все и будетъ.

Баскаковъ. Да, конечно... Не такъ смотришь на все и на себя тоже... Теперь вижу, какую я глупость сдѣлалъ, что уѣхалъ изъ своихъ мѣстъ. Тамъ все-таки нашелъ бы что-нибудь.

Ошуркова. Ошибку вы сдѣлали, правда. А теперь вамъ къ себѣ, чай, и уѣхать не на что?

Баскаковъ. Конечно...

Ошуркова. Да, здѣсь безъ работы долго ли прожиться! Особливо тому, кто деньги придержать не умѣлъ. Разсчитывать, выгадывать—эта наука тоже нуждой дается. А на васъ нужда-то разомъ свалилась, въ расплохъ васъ застала...

Баскаковъ. Да. И горе и нужда—сразу. А вы все это знаете?!

Ошуркова. Сказывали. Квартирный хозяинъ вашъ и такъ кое-кто. Я, признаться, и узнавала, потому жалко васъ очень.

Баскаковъ. Очень вамъ благодаренъ, очень! Если-бъ вы могли достать мнѣ какое нибудь занятіе, работу!..

Ошуркова. Я-бы съ радостью, батюшка, да нѣтъ ни-

чего подходящаго. Ну и одѣты вы такъ, что никуда показаться нельзя. Все, чай, заложено?

Баскаковъ. Да. Думалъ — выкуплю, такъ и пропало. (*Вздохнулъ и уныло повѣсилъ голову*).

Ошуркооа. А вы не унывайте, батюшка мой. Я не попусту сказала, что жалко мнѣ васъ. Чѣмъ могу помочь—помогу. Для того и пришла. Мнѣ вотъ какъ разъ требуется такой человѣкъ, какъ вы, вѣрный, хорошій...

Баскаковъ (*съ оживленіемъ*). Для чего же? На какое дѣло? Я съ удовольствіемъ, что хотите, за всякую работу возьмусь. Я въ такомъ ужасномъ, въ такомъ безвыходномъ положеніи! Тяжело сказать, но... я сутки не ѣлъ... Сейчасъ съ квартиры гонятъ... Куда же мнѣ? Вѣдь это ужасно!

Ошуркова. Дѣло такое, что вы сразу не только изъ крайности выбьетесь, но и на ноги станете.

Баскаковъ. Это ужъ такъ хорошо, что повѣрить боюсь!

Ошуркова. Мнѣ, батюшка, всѣ вѣрятъ. Я людей въ такихъ бѣдахъ выручала, что ахнете! Петля—а я выручу. Да-съ! И слезы благодарности я видала и есть такіе, что за меня Богу молятся.

Баскаковъ. Какъ не благодарить! какъ не молиться!

Ошуркова. Вотъ теперь у меня забота одна. Не выручи я—человѣкъ, пожалуй, на себя руки наложитъ. Барышня одна... богатая, красавица, знатная... Вышелъ грѣхъ. А покрыть-то нельзя, потому любезный женатъ; а жена развода ему не даетъ. Что тутъ дѣлать? Плачетъ, убивается, ну просто душу изъ меня вынула, такь жалко барышню! Помилуй Богъ, хватитъ какой-нибудь дряни, стрихнину тамъ, либо еще чего-нибудь; а то пристрѣлитъ себя. Развѣ не случалось? Вотъ и въ вашемъ положеніи тоже бываетъ. Можетъ и васъ мысли эти смущаютъ?

Баскаковъ (*смутился*). Ну что про это!..

Ошуркова. Похоже. Ну-съ, такъ барышня... Что мнѣ съ нею дѣлать?.. Я и придумала: выдамъ-ка я ее замужъ. А сдѣлать это надо тонко, потому жить она съ

мужемъ не станетъ. Любезный ужъ милъ очень. Прямо изъ-подъ вѣнца мужъ въ одну сторону, а она фьить заграницу. А такого мужа, для одного документа, развѣ легко сыскать? И чтобъ приличенъ онъ былъ, чтобъ не стыдно съ нимъ подъ вѣнецъ стать—первое; и чтобъ слово сдержалъ: получивъ деньги, чтобъ никогда и ничѣмъ не обезпокоилъ потомъ. Вотъ-съ! Я взялась и не рада. Дѣла я дѣлаю чисто. Комаръ носа не подточитъ—ватъ какъ дѣла дѣлаю. Поэтому и довѣріе ко мнѣ полное. А тутъ какъ разъ бѣду наживешь, ежели человѣкъ ненадежный. Вотъ-съ! А деньги хорошія. На голодные зубы такой кусъ, что—люли! Подумайте-ка, батюшка мой, подумайте!

Баскаковъ (*въ недоумѣніи*). О чемъ?

Ошуркова. Да объ этомъ дѣлѣ-съ.

Баскаковъ. Да я-то что-же? Это меня не касается.

Ошуркова. Ха ха! Младенецъ вы, я вижу, младенецъ! Другой давно-бъ ужъ смекнулъ. Вотъ это и дорого въ васъ. Потому къ вамъ и довѣріе такое имѣю.

Баскаковъ (*встаетъ пораженный*). Позвольте, позвольте! Неужели вы... вы съ цѣлью мнѣ это разсказывали? про барышню, про этотъ бракъ?!

Ошуркова. Вотъ когда догадался!

Баскаковъ (*съ негодованіемъ*). А-а, вотъ что! Такъ вы меня... меня прочите въ мужья этой дѣвицѣ, съ „любезнымъ?"

Ошуркова. Не горячитесь, батюшка! Въ дѣлахъ это совсѣмъ не годится.

Баскаковъ (*всплеснулъ руками*). Боже мой! И у васъ духу хватило предложить мнѣ такую подлость?! Оскорбить такую нищету, какъ моя?! Я замерзаю, я съ голода умираю, а вы пользуетесь этимъ, чтобъ убить во мнѣ совѣсть, купить меня на гнусное дѣло и сорвать на на немъ кушъ за коммиссію?.. Подите вонъ!

Ошуркова (*значительно*). Одумайтесь, ваше сіятельство!

Баскаковъ (*гнѣвно*). Вонъ!! (*Указалъ на дверь*).

Ошуркова. Пожалѣете-съ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Кн. Баскаковъ (*секунду остается, закрывъ лицо руками*). Нѣтъ, это свыше силъ!.. (*Быстро ходитъ въ волненіи*). Значитъ, одно остается... стать негодяемъ, мерзавцемъ!.. Чтобъ подлыя бабы покупали тебя, какъ товаръ!.. О нѣтъ, нѣтъ! (*Подошелъ къ столу, выдернулъ ящикъ и схватилъ изъ него револьверъ*). Вотъ спасенье! Одно спасенье!.. Моментъ и кончено все!! (*Рука съ револьверомъ сильно дрожитъ. Медленно поднимаетъ револьверъ къ головѣ и роняетъ руку. На лицѣ его ужасъ*). Вѣдь только моментъ!.. (*Опять поднимаетъ руку, и снова опускаетъ ее*). Что же я—трусъ?!. Вѣдь только одинъ моментъ!.. (*Еще усиліе поднять руку, но совсѣмъ неудачное. Швыряетъ револьверъ на полъ*). Не могу! Трусъ, тряпка!! Ну, мучайся! Издыхай, какъ собака!! Трусъ!! (*Сѣлъ къ столу и уронилъ голову на руки*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Кн. Баскаковъ *и* **Ошуркова.**

Ошуркова (*сначала выглянула въ дверь, потомъ входитъ*). Никакъ я платокъ тутъ забыла! (*Ищетъ его, наблюдая князя, который, не взглянувъ на нее, сидитъ въ прежней позѣ*). Нѣту. На лѣстницѣ обронила что-ли? Ужъ и лѣстница! Понесла-жъ меня нелегкая сюда, прости Господи! (*Пауза. Князь не оборачивается*). Ну прощайте, ваше сіятельство! Спасибо на ласковомъ словѣ! Можетъ пожалѣете, да ужъ поздно будетъ!

Баскаковъ. Да вы что предлагаете-то?! Стать подлецомъ! Опозорить себя на всю жизнь! Развѣ можно жить, когда самъ презираешь себя и отъ другихъ видишь презрѣніе?! На меня станутъ пальцемъ указывать: „вотъ негодяй, который продалъ свое имя! мужъ *„на прокатъ!“* Вѣдь это ужасно!

Ошуркова. А кто-же узнаетъ? Дѣло тайное. Женились и разошлись. Это, батюшка, не рѣдко случается. Другіе не одно имя, а и совсѣмъ себя продаютъ. Мало-ли вашего брата на деньгахъ женится? Жена и кормитъ и

одѣваетъ. На женины денежки и кутежи заводите и любовницъ. Хорошо-съ? Нѣтъ, извините, мое дѣло чище, безъ притворства и обмана. Вотъ что-съ! Вы не разобравши сути, вспылили, обидѣлись А развѣ я васъ на зло подбиваю? Разсудите-ка внимательно! Вы не зло, вы добро дѣлаете; вы человѣка изъ петли вынимаете. Увидали-бъ мою барышню, сами сжалились-бы!

Баскаковъ. А себя загубить!

Ошуркова. Богъ съ вами! Чѣмъ-съ?

Баскаковъ. Да хоть тѣмъ, что я свяжу себя, лишаюсь свободы...

Ошуркова. На время. А потомъ развестись можно. Очень просто. Словомъ сказать, съ какой стороны ни возьми—все ваша выгода.

Баскаковъ. Да развѣ объ одной выгодѣ толкъ!

Ошуркова. Вы все на счетъ „подлости"! (*Усмѣхнулась*). Эхъ, батюшка мой! У другихъ все на лжи, да обманѣ; а живутъ и за честныхъ слывутъ. А въ нашемъ дѣлѣ всякому свое по согласію. Въ чемъ-же подлость? Ну, а это лучше по вашему? (*Поднимаетъ брошенный револьверъ*).

Баскаковъ (*смутился. Раздражительно*). Оставьте! Дайте сюда! (*Взялъ у нея револьверъ и сунулъ въ карманъ*).

Ошуркова. Хорошо, что бросили. Ужъ это такой грѣхъ, что вымолвить страшно! Незамолимый! А у васъ, видно, давно эта мысль, что вы, при крайности вашей, сберегли эту вещь.

Баскаковъ. Ахъ, довольно объ этомъ!

Ошуркова. Не буду, не буду! (*Подсаживается къ нему*). Въ концѣ-концовъ выходитъ, сударь мой, что зла никакого, а оба изъ бѣды выйдете: и вы и невѣста моя. Что-жъ тутъ раздумывать? Деньги большія. Вы-бы какъ полагали? Какую сумму?

Баскаковъ (*съ испугомъ*). Позвольте! Я еще не далъ согласія!..

Ошуркова. Чего-же вы испугались?

Баскаковъ. О деньгахъ... Развѣ я могу?.. Надо къ мысли привыкнуть. Я ничего не рѣшаю...

Ошуркова. А вамъ можно раздумывать? Сутки не ѣли, сейчасъ вы безъ крова... Какъ хотите! Не заставляю. А ждать мнѣ никакъ не возможно. (*Встаетъ*). Видно въ другое мѣсто пойти. Есть еще на примѣтѣ... На васъ-то я, какъ на каменную гору, положиться могу; ну а тотъ другой пробы. Да что дѣлать! Я и обиду отъ васъ стерпѣла и всѣ резоны вамъ высказала...

Баскаковъ (*горячо*). Войдите-же въ мое положеніе! Развѣ легко? Развѣ я могу обсуждать, разсчитавать!..

Ошуркова. Ужъ это *я* за васъ сдѣлаю. О вашей выгодѣ я позабочусь. Гдѣ ужъ вамъ за свой интересъ постоять! Я сдѣлаю-съ, потому къ вамъ я съ полнымъ участіемъ, батюшка мой. Сумма пять тысячъ и притомъ гардеробъ. Вотъ кушъ какой-съ! Пятьсотъ рублей сейчасъ (*достаетъ деньги, отсчитываетъ и кладетъ ихъ на столъ, хлопнувъ по нимъ рукой*), а остальныя послѣ вѣнца.

Баскаковъ (*всталъ и взялся за голову, въ сильномъ волненіи*). Что-же это такое?! Что со мной дѣлаютъ?! На что я иду?! (*истерично*) на что я иду?!

Ошуркова. Что вы, что вы! Можно-ли такъ убиваться! Голоду, холоду конецъ, нищетѣ конецъ! Батюшка!

Баскаковъ (*дрожитъ и дѣлаетъ судорожныя движенія. Упавшимъ голосомъ*). Оставьте меня!.. Уйдите!.. Не говорите, не мучайте!.. Уйдите! Оставьте меня!..

Ошуркова (*медленно идя къ двери*). Ну ладно, ладно! До свиданія пока! (*Ухадитъ*).

Баскаковъ (*съ отчаяніемъ*). Негодяй!! подлецъ!! (*Бросился къ столу и горько заплакалъ*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Дѣйствуютъ:

Князь Васкаковъ.

Нина Михайловна Повѣтова, молодая особа, богатая.

Өедоръ Львовичъ Гремячевъ, блестящій адъютантъ, лѣтъ 30-ти, со средствами.

Варвара Егоровна Бедрягина, пожилая вдова.

Сергѣй Андреевичъ Шмелевъ, старикъ, изъ хорошаго общества.

Гостиная у Повѣтовой, богато и со вкусомъ обставленная. Двери: прямо—въ залъ и налѣво—во внутреннія комнаты. Направо окна.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Бедрягина *и* **Гремячевъ** (*выходитъ при поднятіи занавѣса*).

Гремячевъ. Съ добрымъ утромъ, Варвара Егоровна! (*Пожимаетъ ея руку*). Ну, какъ наши дѣла?

Бедрягина. Отлично. Все устроилось. А ваша Нина хандритъ и плачетъ. Я всю ночь провозилась съ нею. Недавно заснула.

Гремячевъ. „Устроилось". А кто-же этотъ?.. Не знаешь какъ и назвать!

Бедрягина. Бѣдный молодой человѣкъ, образованный, очень приличный, даже—говорятъ—интересный. И ко всему этому—князь.

Гремячевъ. Кня-язь?!

Бедрягина. Да, князь Баскаковъ. Вотъ мы какого нашли! Ошуркова ручается, что онъ сдержитъ слово. Она такъ обставитъ дѣло, что Нина Михайловна ничѣмъ не рискуетъ и можетъ быть совершенно покойна.

Гремячевъ. Это главное. Все-таки дос-садное и пренепріятное дѣло!

Бедрягина. Для Нины—да, а вамъ... Вы должны быть очень мнѣ благодарны. Для кого главнымъ образомъ я хлопотала, какъ не для васъ? Разъ Нина замужемъ, у васъ руки развязаны. Мужчины вообще эгоисты. Одно

наслажденіе и никакихъ обязанностей—вотъ идеалъ вашей любви!

Гремячевъ. Ха-ха! какъ восхитительно вы говорите это слово: „наслажденіе!" О, въ свое время вы...

Бедрягина (*кокетливо*). Что я?

Гремячевъ. Сводили съ ума. Даже теперь въ васъ можно влюбиться. Честное слово!

Бедрягина. Перестаньте врать глупости. Я старуха.

Гремячевъ. Ну, эти глаза слишкомъ молоды для старухи. А понять страсть, сочувствовать ей, жить ея интересами—кто лучше васъ можетъ все это? Вы опытный и дѣятельный другъ. (*Цѣлуетъ ея руку*).

Бедрягина. Это за Нину?

Гремячевъ. Просто потому, что у васъ прелестная ручка, которую пріятно поцѣловать. (*Еще разъ цѣлуетъ ея руку*).

Бедрягина. Если совѣсть будетъ меня упрекать, за слишкомъ горячее участіе къ вамъ,—у меня есть оправданіе.

Гремячевъ. Какое?

Бедрягина. Такое, что... вы заставите сдѣлать все, что хотите.

Гремячевъ. Я очень люблю бесѣдовать съ вами. Вы прелесть! Съ вами никогда не соскучишься.

Бедрягина. Развѣ женщина, *настоящая женщина*, можетъ допустить, чтобъ мужчина съ нею *скучалъ?* Съ нами и не скучали и любить мы умѣли не такъ, какъ теперь. Теперь любовь какая-то вялая, анемичная, истеричная. Богъ знаетъ что!..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же *и* **Нина** (*изъ боковой двери*).

Бедрягина. Ахъ, вы ужъ встали!

Гремячевъ (*подходитъ и цѣлуетъ у Нины руку*). Не спать по ночамъ! Этакъ мы окончательно разстроимъ нервы.

Нина. Поздравьте-же меня! Вамъ сказали? Мнѣ нашли жениха... *купили*...

Бедрягина. Ну, вы опять въ томъ-же настроеніи!

Нина. А могу я быть въ другомъ настроеніи? Вѣнчаться Богъ знаетъ съ кѣмъ! Развѣ я могла ожидать, что меня доведутъ до такого униженія и позора?

Бедрягина (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ Боже мой! Ну не надо, бросимъ все это! Придумайте сами какъ лучше. Я буду очень рада.

Нина. Что я могу придумать? Я голову потеряла, измучилась! Я дошла до того, что дала уговорить себя на этотъ возмутительный бракъ!..

Бедрягина. Вамъ предлагали какъ сдѣлать, что-бъ все было скрыто. На время уѣхать заграницу, вотъ и все! (*Нина горько усмѣхнулась*). Но развѣ васъ убѣдишь? Вы стоите на своемъ, что это подло, преступно; что вы сознаете свой долгъ, которому принесете всякую жертву. Вамъ и для этого находятъ исходъ. Дѣло обставляется законнымъ бракомъ и безъ всякаго риска для вашей самостоятельности и свободы. Вы ухватились за эту мысль, какъ за якорь спасенія, а теперь отчаяніе, слезы!

Нина. Да, бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что я схожу съ ума.

Гремячевъ (*горячо*). Вы меня мучаете! Все несчастье въ томъ, что я не свободенъ. Вы знаете, какъ я жестоко обманутъ. Мы оба страдаемъ отъ этого; и я—не меньше, чѣмъ вы.

Бедрягина. Ахъ, конечно! (*Нинѣ*). Надо помнить это и вы будете справедливѣй къ Ѳедору Львовичу. (*Уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Гремячевъ *и* Нина.

Гремячевъ (*подходитъ и хочетъ взять руку Нины, но она отнимаетъ ее*). Нина, милая! Что-же намъ дѣлать? Ужасно тяжело... этотъ бракъ... Онъ возмущаетъ меня! Но развѣ я могъ предвидѣть, что жена возьметъ слово назадъ?! Разводъ былъ рѣшенъ, оставались формальности, какъ вдругъ!.. Развѣ я могъ это предвидѣть? Теперь ясно, что то была подлая месть. Обнадежить свободой и вдругъ поставить меня въ ужасное

положеніе! Месть злой и ехидной женщины! Я ненавижу ее!

Нина. Если все это правда, то вы должны были лучше знать вашу жену. Я не была-бы обманута.

Гремячевъ. „Если правда!“ значитъ... ты *сомнѣваешься?*

Нина. Я слишкомъ наказана за довѣрчивость къ вамъ.

Гремячевъ. Что-же я: обманывалъ, лгалъ? Но въ консисторіи можно видѣть мои бумаги. Мой адвокатъ и теперь выбивается изъ силъ, чтобъ уладить съ женой. Онъ знаетъ, что я ничего не пожалѣю за это. Если я говорилъ про разводъ, то былъ твердо увѣренъ въ немъ. Лгать я *не способенъ.* Но я не оскорблюсь, потому что слишкомъ люблю тебя.

Нина. Ваша любовь... О, я знаю ей цѣну! Я поняла, какую *унизительную* роль сыграла въ вашей жизни. И это ужаснѣй всего!

Гремячевъ. Нина, Нина! Что ты говоришь?! Можно-ли...

Нина (*прерываетъ*). Какъ я была слѣпа, когда видѣла въ васъ человѣка, которому можно отдать жизнь и быть покойной за будущее! Вы сдѣлали все, чтобъ я довѣрилась вамъ, чтобъ думала и чувствовала, какъ вы хотѣли! А когда несчастье поразило меня и вся надежда была на васъ, чѣмъ вы отвѣтили мнѣ? Вы растерялись; объявили, что жена разрушила всѣ наши планы...

Гремячевъ. Какъ-же не растеряться отъ такого удара!..

Нина. Мои слезы, отчаяніе вызывали въ васъ нетерпѣніе, наконецъ раздраженіе и скуку...

Гремячевъ (*горячо*). Неправда!..

Нина. Нѣтъ, правда! Вы стараетесь скрыть это; но я съ ужасомъ въ душѣ, съ чувствомъ горькой обиды, зорко слѣдила за вами и видѣла все! Вотъ какую муку вы заставили меня пережить! Варвара Егоровна даетъ мнѣ совѣты, которые возмущаютъ меня. Что-же вы? Вы соглашаетесь съ нею, *вы!..* Меня уговариваютъ на гнусный поступокъ, на этотъ бракъ... Вы и на это согласны!

Гремячевъ. Что-же оставалось, при вашихъ условіяхъ, если я не могъ сорвать свои цѣпи?!

Нина. Честный, любящій человѣкъ никогда не допу-

стилъ-бы меня до позора! Никогда! А черствая душа, эгоистъ—ему все равно, только-бы развязаться съ докучной заботой.

Гремячевъ. Я и это долженъ сносить! Какъ ни оскорбительно, а долженъ!

Нина. Нѣтъ, не должны. Вы свободны отъ всякаго долга ко мнѣ. Вы разыграли со мною пошлый романъ, какихъ у васъ было не мало. Романъ конченъ и мы должны разойтись.

Гремячевъ. Когда вы успокоитесь, придете въ себя, вы поймете, насколько несправедливы ко мнѣ...

Нина (*прерываетъ*). Нѣтъ, справедлива! И эта правда—вымучена, выстрадана! Если-бъ вы дѣйствительно любили меня, какъ любятъ хорошіе люди, съ горячей и честной душой, я примирилась-бы съ своимъ положеніемъ и все перенесла-бы для васъ. Но вы... ваша любовь—униженіе, стыдъ, ужасный стыдъ на всю жизнь! Прощайте! (*Отходитъ къ окну и не оборачивается*).

Гремячевъ. Очень тяжело оставлять васъ въ такомъ состояніи... но мое присутствіе раздражаетъ васъ... (*Пауза. Молчаніе*). Надѣюсь, вы откажетесь отъ вашихъ упрековъ и будете справедливѣй ко мнѣ .. (*Пауза. Нина молчитъ и не оборачивается*). Нина!.. (*Молчаніе. Съ нетерпѣніемъ пожимая плечами*). Ну что-же мнѣ дѣлать?! (*Быстро уходитъ. Нина дѣлаетъ нѣсколько безцѣльныхъ движеній, потомъ внезапно бросается на кушетку и горько рыдаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Нина *и* **Бедрягина** (*слѣва*).

Бедрягина. Боже мой!.. Я думала, что Θедоръ Львовичъ успокоитъ васъ!

Нина (*продолжая рыдать*). Онъ мнѣ чужой... кончено... все, все!..

Бедрягина. Что вы говорите! Опомнитесь!

Нина. Не заступайтесь!.. не смѣйте говорить про него!

Бедрягина. Я забочусь *объ васъ*. Вы больше теряете.

Нина. Я все потеряла... Позоръ, страданіе—вотъ моя жизнь!

Бедрягина. Вы все видите въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, что не можете ни разсудить здраво, ни принять добрый совѣтъ. А все-бы прекрасно устроилось. Послѣ вѣнца, вы съ Өедоромъ Львовичемъ уѣхали-бъ заграницу...

Нина (*прерываетъ*). Съ нимъ?! Я и такъ довольно унижена. Будетъ съ меня!

Бедрягина. Смотрите проще на вещи. Впрочемъ, какъ знаете! Не раскайтесь потомъ.

Нина. Я всю жизнь буду раскаиваться. Больше мнѣ ничего не осталось!

Бедрягина. Печальная жизнь! А могла быть...

Нина (*прерываетъ*). Счастливой? Да что вы: смѣетесь надо мной, или не можете понять, какъ чувствуетъ женщина, у которой есть стыдъ и хоть самолюбіе, если не уваженіе къ себѣ! Уѣхать съ Өедоромъ Львовичемъ! Послѣ всего! Да я-бы презирала себя! Я не для того иду на казнь, подъ вѣнецъ, чтобъ упасть еще ниже.

Бедрягина. Что ни говорите, а Өедоръ Львовичъ любитъ васъ...

Нина. Перестаньте!

Бедрягина. Одиночество хуже. Лишать себя послѣдней поддержки—безуміе. Да вы и не можете.

Нина (*упавшимъ голосомъ*). Къ несчастію, я слишкомъ разбита, измучена... Если не смогу—погибла, погибла совсѣмъ! (*Заплакала. Слышенъ электрическій звонокъ. Нина встаетъ*).

Бедрягина. Кто-то пріѣхалъ. (*Смотритъ въ заднюю дверь*). Шмелевъ.

Нина. Примите. Я выйду потомъ. (*Быстро уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Бедрягина *и* **Шмелевъ.**

Шмелевъ (*дѣлаетъ легкій поклонъ и слегка пожимаетъ руку Бедрягиной*). Нина Михайловна?

Бедрягина. Проситъ подождать. Она сейчасъ выйдетъ. (*Садится*).

Шмелевъ (*молча прошелся, снимая перчатки*). Здорова?

Бедрягина. Не совсѣмъ.

Шмелевъ (*прошелъ еще разъ. Пауза*). Я пріѣхалъ предупредить ее...

Бедрягина (*сухо*). А!

Шмелевъ. Предупредить, да. (*Выразительно взглянулъ на Бедрягину* и *садится съ видомъ рѣшимости*). Дѣвушка, у которой родители умерли, которая живетъ самостоятельно и одна, такая дѣвушка у всѣхъ на виду. Она должна быть очень осторожна и разборчива въ знакомствахъ, чтобъ избѣжать злословія и сплетенъ. Къ сожалѣнію, Нина Михайловна, благодаря вредному вліянію, поступаетъ какъ разъ наоборотъ.

Бедрягина (*ѣдко*). „Вредное вліяніе"—мое, разумѣется? Вы даже не постѣснились сказать это Нинѣ.

Шмелевъ. Какъ старый другъ ея отца, я молчать не могу. Когда она жила съ теткой, все было прекрасно. Но вы подружились съ Ниной Михайловной и поссорили ихъ...

Бедрягина. Ссорила, я?! Нина убѣдитъ васъ, что я тутъ ровно не причемъ.

Шмелевъ. Кончилось тѣмъ, что старуха уѣхала жить въ деревню, а вы заняли ея мѣсто, въ качествѣ хозяйки и dame de compagnie...

Бедрягина. Я не напрашивалась. Напротивъ, Нина упросила меня. Наконецъ, кому какое дѣло до этого? Нина не дѣвочка.

Шмелевъ. Съ тѣхъ поръ она измѣняется къ худшему...

Бедрягина. Ну, если это на *вашъ* взглядъ, то бѣды еще нѣтъ.

Шмелевъ. Съ вами появились тутъ скабрезные романы. Если вы любите ихъ—естественно; но развращать ими вкусъ и воображеніе дѣвушки—возмутительно.

Бедрягина. Какіе романы?! Позвольте!.. Впрочемъ, по вашему, все скабрезно, всякій романъ... Наконецъ, всякій вамъ скажетъ, что знаніе жизни необходимо теперь. Если вы устарѣли для новыхъ взглядовъ, то кто виноватъ?

Шмелевъ (*ѣдко*). „Знаніе жизни". (*Взялъ со стола одну изъ книгъ*). Какъ разъ! „Physiologie de l'amour". Это тоже *знаніе?* Если вамъ еще требуются знанія по физіологіи любви, то Нинѣ они во всякомъ случаѣ преждевременны. (*Отшвырнулъ книгу*). Ваши пикатные анекдоты, которые вы даже при мнѣ не стѣсняетесь разсказывать—тоже *знаніе*, полезное молодой дѣвушкѣ?

Бедрягина. Ахъ, въ тотъ разъ! Но вы такъ утомили насъ вашимъ брюзжаніемъ и придирками, что всѣ рады были посмѣяться немного. Что же дѣлать, если съ вами является такой мракъ и скука!..

Шмелевъ (*прерываетъ*). Что нужно прибѣгать къ вашимъ анекдотамъ и остроумнымъ разсказамъ изъ любовныхъ похожденій, изъ жизни пошляковъ и сомнительныхъ женщинъ. Хорошо-съ. Допустимъ, что я виноватъ. А кого винить въ томъ, что здѣсь явился Гремячевъ? Этотъ господинъ—тоже развлеченіе отъ моей скуки?

Бедрягина (*пожала плечами*). Вотъ еще бѣда! Никакой и ничьей вины въ этомъ нѣтъ. Такъ естественно!.. Молодой человѣкъ... милый, любезный...

Шмелевъ. Въ котораго вы влюблены.

Бедрягина. Ха-ха-ха! Вотъ способность все толковать въ дурную сторону! Сегодня у васъ должно быть особенно разстроена печень.

Шмелевъ. Я терпѣть не могу старыхъ сплетницъ. Утративъ интересъ личной жизни, онѣ страстно занимаются чужими дѣлами и ядовито злословятъ. Но есть типъ хуже: это тѣ *почтенныя* дамы, которыя все еще томятся страстями и разыгрываютъ изъ себя des femmes dèsirables. Утративъ надежду на обожателей, онѣ живутъ чужими романами, устраиваютъ ихъ и покровительствуютъ, съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ.

Бедрягина. Въ концѣ концевъ, что-же вы хотите сказать?

Шмелевъ. Ха-ха! да я уже сказалъ, все сказалъ! А если вы не желаете понять, повторю. Вы вводите къ Нинѣ такого господина, который компрометтируетъ ея

репутацію. Влюбленная въ Гремячева, вы содѣйствуете его сближенію съ Ниной, ни мало не думая о томъ, что изъ этого выйдетъ. Если Гремячевъ совсѣмъ уронитъ Нину во мнѣніи свѣта, вы умоете руки, хуже: вы сами не постыдитесь злословить ее, вы первая!

Бедрягина (*встаетъ. Гнѣвно*). Послушайте! Это ужъ слишкомъ! Вы забываетесь! Вы оскорбляете женщину! Ни одинъ порядочный человѣкъ, не выжившій изъ ума, не сдѣлаетъ этого! (*Уходитъ*).

Шмелевъ. Пользы не сдѣлалъ, за то душу отвелъ! Да я-бы на площадь вышелъ и крикнулъ-бы матерямъ: берегите дочерей отъ этихъ *опытныхъ* женщинъ, берегите!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Шмелевъ *и* **Нина** (*изъ боковой двери*).

Шмелевъ. Вотъ и вы!

Нина (*пожимаетъ ему руку. Съ дѣланной веселостью*). Простите, что заставила ждать. Задержали. (*Садится*).

Шмелевъ (*садится*). А я тутъ бесѣдовалъ пока съ госпожею Бедрягиной.

Нина. Ха-ха! Воображаю эту „бесѣду!" И за что вы всегда ссоритесь съ Варварой Егоровной?

Шмелевъ. За дѣло, за дѣло-съ! Я и вамъ имѣю сказать кое-что...

Нина. Пожурить?

Шмелевъ. Дать дружескій совѣтъ, предостеречь...

Нина. Меня?! Отъ кого?

Шмелевъ. Отъ Гремячева.

Нина (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Да-а?

Шмелевъ. Я еще крошкой носилъ васъ на рукахъ, я старый другъ вашего отца и потому стану говорить откровенно. Гремячевъ пользуется дурной репутаціей... не вообще, а относительно женщинъ. Жена имѣла основательный поводъ, даже много поводовъ бросить его...

Нина. Вотъ онъ какой! (*Дѣлаетъ нервное движеніе, продолжая весело улыбаться*).

Шмелевъ. На ту женщину, за которой Гремячевъ уха-

живаетъ, смотрятъ ужъ подозрительно. А онъ у васъ свой человѣкъ, вездѣ съ вами, явно ухаживаетъ...

Нина (*прерываетъ*). Ахъ, полно вамъ! Просто добрый знакомый...

Шмелевъ. Который компрометтируетъ васъ, очень, очень!.. Мнѣ это больно. Тутъ много виновата ваша Варвара Егоровна. Старая дура сама влюбилась въ Гремячева. Какъ жалко, что вмѣсто тетушки, у васъ эта *опытная* дама!

Нина. Вы ужъ слишкомъ на нее нападаете. Она мнѣ очень полезна...

Шмелевъ (*съ негодованіемъ*). Ахъ, Боже мой!..

Нина. Да выслушайте сперва! Немножко терпѣнія. Она прекрасно ведетъ мои дѣла, управляетъ домомъ, возится съ квартирантами, хозяйничаетъ. Благодаря ей, мои деньги приносятъ мнѣ гораздо больше. Я ничего не понимаю въ бумагахъ, акціяхъ, а она отлично знаетъ все это. Съ этой стороны я съ ней совершенно покойна.

Шмелевъ. И другая сдѣлаетъ тоже. Я вамъ найду. (*Разгорячился и ходитъ*). Для меня важнѣе ваши другіе интересы, положеніе въ обществѣ, а тутъ-то и вредитъ ваша Бедрягина. Она и между нами кладетъ рознь. Вы стали избѣгать меня, тяготиться...

Нина. Перестаньте! Какъ вамъ не стыдно! Что-бы васъ успокоить и доказать мою дружбу, я вамъ открою большой секретъ.

Шмелевъ (*съ живостью*). Именно?

Нина. Я выхожу замужъ.

Шмелевъ (*пораженъ*). Вотъ не ожидалъ! За кого?

Нина. Пока не скажу, нельзя.

Шмелевъ. Поздравляю! Вы удивили меня. За кого-же? Томилинъ? (*Нина отрицательно качаетъ головой*). Ну Гриневъ?

Нина. Нѣтъ. Да вы совсѣмъ не знаете его. Прежнее знакомство... еще въ деревнѣ...

Шмелевъ. На Волгѣ? Гдѣ теперь ваша тетушка?

Нина. Да нѣтъ... сосѣдъ по другому имѣнію.

Шмелевъ. Орловскому?

Нина. Нѣтъ, мы не тамъ познакомились, а когда я была въ Петербургѣ.

Шмелевъ. Шагъ важный, вопросъ цѣлой жизни!.. Какъ хорошо надо знать человѣка, чтобъ довѣрить ему свою судьбу! Жалко, я не знаю его. Отъ всего сердца желаю, чтобъ выборъ былъ васъ достоинъ. Пока это секретъ, но вскорѣ—надѣюсь—вы познакомите меня съ женихомъ? Свадьба, конечно, не скоро?

Нина. Глядя по обстоятельствамъ... вѣроятнѣй, что скоро...

Шмелевъ. Ахъ, да?

Нина. Ему необходимо заграницу... и надолго...

Шмелевъ. Служитъ въ посольствѣ?

Нина. Нѣтъ такъ, дѣла...

Шмелевъ. Коммерческія?.. или работа для науки?

Нина. Какъ вы любопытны, однако!

Шмелевъ. Естественно! Внезапный бракъ, таинственный женихъ, заграницу...

Нина. Мало любопытны, но подозрительны. А это нехорошо. Если я скрываю пока, то ничего дурнаго въ этомъ нѣтъ. Вамъ же сказала!..

Шмелевъ. Во всякомъ случаѣ, помните одно, что я вашъ преданный другъ и что никто, даже ваши родные, не принимаютъ такъ близко къ сердцу вашего счастья, какъ я. (*Взялся за шляпу и пожимаетъ Нинѣ руку*). До свиданья! А вмѣсто Бедрягиной, могу вамъ рекомендовать очень милую даму. Она тоже дѣлецъ и хозяйка, но не станетъ заниматься вотъ этимъ (*поднялъ со стола книгу*) „Physiologie de l'amour". (*Бросивъ книгу, дѣлаетъ прощальный жестъ и уходитъ*).

Нина (*на секунду уходитъ проводить его въ залъ и возвращается, безъ слѣда оживленія, съ видомъ подавленнымъ и грустнымъ*). Ахъ, какъ я измучена!.. (*Садится въ изнеможеніи. Съ горькой ироніей*). Пришелъ предостеречь отъ Гремячева!.. Женихъ!.. Еслибъ онъ зналъ, *какой* это женихъ!.. Право съ ума можно сойти!.. Это—только начало! а что впереди?!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Нина *и* **Бедрягина.**

Бедрягина (*входя слѣва*). Что и къ вамъ привязался этотъ несносный брюзга? Онъ просто невыносимъ!

Нина (*упавшимъ голосомъ*). Я сказала... что выхожу замужъ.

Бедрягина. Ему?! Можно-ли было?!

Нина. Надо-же подготовить... Я по секрету... Онъ не болтунъ.

Бедрягина. Да онъ все разстроитъ! Ну, одолжили! Станетъ узнавать, доискиваться... Ахъ что вы надѣлали!!

Нина. Что за шумъ, тамъ въ передней? Узнайте, (*Бедрягина уходитъ въ среднюю дверь*). Боже мой, да кто тамъ? (*Встаетъ въ испугѣ*). Не пускаютъ, врывается! Кто?

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Нина, кн. Баскаковъ (*почти вбѣгаетъ*) *и за нимъ* **Бедрягина.**

Баскаковъ (*задыхаясь, внѣ себя отъ волненія*). Вы госпожа Повѣтова?

Нина (*помертвѣла отъ испуга*). Я.

Баскаковъ. Я Баскаковъ.

Бедрягина (*Нинѣ*). Уйдите! Я объяснюсь...

Баскаковъ. Нѣтъ!! Я долженъ говорить съ тою, чьи эти деньги!! Вотъ они!! (*Бросаетъ на столъ скомканныя ассигнаціи*). Возьмите назадъ! Тутъ все!

Бедрягина. Что это значитъ?! Вы бредите!

Баскаковъ. Я боленъ-да, но я не брежу и говорю совершенно сознательно. (*Къ Нинѣ*). Я съ голоду умиралъ въ трущобѣ. Никто не далъ мнѣ работы, никто не захотѣлъ помочь мнѣ! У честнаго труда не нашлось для меня корки хлѣба. Но вамъ понадобилось скрыть свой позоръ; понадобился подлецъ, который пошелъ-бы на низкую сдѣлку и продался-бы вамъ. И вотъ деньги являются сами, являются тысячи!.. Вы находите подлую тварь, которая обдѣлываетъ темныя дѣла, эксплоатируетъ нищету и несчастіе! Вы шлете ее къ тѣмъ уби-

тымъ судьбой, къ тѣмъ задавленнымъ горемъ, которые вопіютъ къ состраданію! Вы посылаете! женщина!..

Бедрягина (*Нинѣ гнѣвно*). Да попросите-же вонъ этого сумасшедшаго!! (*Нина стоитъ безмолвная и неподвижная*).

Баскаковъ. Вы заботились только о себѣ. Вы не дали себѣ труда подумать: какое клеймо позора будетъ всю жизнь носить тотъ несчастный, кого вы купили! За то, что онъ съ голоду умиралъ, *только за это*, вы лишаете его чести и чистой совѣсти! У голоднаго и холоднаго бѣдняка вы отнимаете послѣднее: честное имя! Вѣдь это чудовищно! И это я пришелъ вамъ сказать, швырнувъ ваши подлыя деньги!! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Нина *и* **Бедрягина.**

Нина (*какъ-бы очнувшись, дѣлаетъ порывистое движеніе*). Жестокій урокъ! Ужасная правда! (*Въ сильномъ возбужденіи ходитъ по сценѣ*).

Бедрягина. Удивляюсь, какъ вы не велѣли вытолкать вонъ! .

Нина (*прерываетъ*). Правда! Ужасная правда!

Бедрягина. Дерзость, бредъ больного, который можетъ быть въ бѣлой горячкѣ!

Нина. Нѣтъ, вопль негодованія, страданія, а не бредъ! Онъ открылъ мнѣ глаза! Кончено! Съ прежнимъ все кончено!

Бедрягина. Опомнитесь, что вы!

Нина. Это заставитъ опомниться, заставитъ понять весь ужасъ паденія, до котораго вы довели меня, вы и Гремячевъ! заставитъ почувствовать всю низость лжи и обмана, которыми вы хотѣли опутать меня! Меня оскорбили, какъ негодную женщину. Кому я обязана этимъ? Вамъ и Гремячеву!

Бедрягина (*съ озлобленіемъ*). Желаю, чтобъ вы *безъ насъ* нашли лучшій исходъ изъ своего положенія.

Нина. Исходъ одинъ: подчиниться ему, исполнить то, что велятъ мнѣ совѣсть и долгъ, не боясь ни призрѣнія, ни позора! И я это сдѣлаю.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Дѣйствуютъ:

Князь Баскаковъ.
Кифарскій.
Калерія Павловна, молодая дѣвушка, членъ попечительства о бѣдныхъ.
Лукичъ.
Аввесаломовъ, пѣвецъ
Марфа, торговка
Степанида, молодая женщина
Гришка, сынишка ея
} жильцы въ углахъ.

Углы въ домѣ Кифарскаго. Большая, мрачная комната, подъ сводчатымъ потолкомъ. Поперегъ она раздѣлена низкой перегородкой, чрезъ которую видна задняя стѣна, съ дверью въ ней. Дверь почти подъ потолкомъ, такъ что въ комнату изъ нея надо спуститься по лѣсенкѣ въ нѣсколько ступеней и входящіе отчасти видны публикѣ черезъ перегородку. Въ перегородкѣ другая дверь, лѣвѣе середины. Вся комната освѣщается двумя маленькими окнами въ глубокихъ нишахъ, подъ самымъ потолкомъ. По сю сторону перегородки, въ комнатѣ слѣдующее: въ правомъ заднемъ углу желѣзная кровать, съ хорошей постелью, заставленная ширмой. По правой стѣнѣ маленькій шкафчикъ, простой некрашенный столъ, табуретъ и опрокинутый ящикъ; въ лѣвомъ заднемъ углу сундукъ, на которомъ какое-то тряпье, служащее постелью; по лѣвой стѣнѣ широкая деревянная скамья, застланная войлокомъ, съ ситцевой подушкой подъ изголовье. Возлѣ скамьи другой опрокинутый ящикъ, служащій столомъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Кн. Баскаковъ (*на кровати, за ширмой*) **Лукичъ** (*сидитъ возлѣ ширмы на табуретѣ*), **Степанида** (*сидитъ на сундукѣ, понурившись*). **Авессаломовъ** (*входитъ при поднятіи занавѣса*) *и* **Марфа** (*за перегородкой*).

Авессаломовъ (*навеселѣ. Измятая шляпенка сдвинута на затылокъ. Лицо припухло. Входя, оретъ*). „О поле, по-оле, кто те-бя у-сѣ-ялъ?“ *)

---

*) Изъ аріи Руслана.

Лукичъ (*вскочилъ и подбѣгаетъ къ нему, махая руками*). Тише! тише, ради Христа!

Авессаломовъ. А по какой причинѣ?

Лукичъ (*указывая на ширмы*. Разбудишь! Человѣкъ боленъ, а онъ кричитъ!

Авессаломовъ. А гдѣ-же мнѣ голосъ распѣвать, а? На улицѣ не велятъ...

Марфа (*въ дверяхъ перегородки*). А въ кабакѣ-то! Разлюбезное дѣло! Тамъ ори сколько хочешь. (*Уходитъ за перегородку*).

Авессаломовъ (*ей вслѣдъ*). А ты сперва дай на кабакъ, тамъ ужъ и посылай! Куцая!.. О князѣ вонъ какія заботы! Постель принесли, ширмой отгородили, пищу всякую доставляютъ, вино. Даже вино! А мнѣ хоть-бы что! да еще пѣть не смѣй, когда я въ своемъ правѣ! (*Гнѣвно, съ трескомъ сдвигая ящикъ*). Да я такой кавардакъ подниму!!.

Лукичъ. Голубчикъ! Да пожалѣй-же больнаго! Помиралъ вѣдь! Слава Богу въ себя пришелъ; а съ перепугу опять хуже сдѣлается.

Авессаломовъ (*ворчливо*). Князь долженъ въ каретахъ ѣздить, а не валяться тутъ чурбаномъ, да артиста стѣснять!

Марфа (*выглядывая въ дверь перегородки*). Хватился! Кареты, братъ, эти давно проѣхали. И слѣдъ травою заросъ.

Авессаломовъ (*садясь, добродушно*) „Травой забвенія", ха-ха! (*Тихо поетъ*). „И поросло травой забвенья". А какой у меня нынче скандалъ вышелъ—восторгъ!

Марфа (*входя*). А ну-ка разскажи, разскажи! (*Садится*).

Авессаломовъ. Идетъ—понимаешь-ли—баринъ, въ боброхъ. Брюхо колесомъ, словомъ сказать — экземпляръ вида утробнаго. Видимо, только что изволилъ позавтракать. Рожа лоснится и букетъ есть. Букетъ—понимаешь-ли—тонкій, ликерный.

Марфа. А тебя завидки-то взяли—страсть!

Авессаломовъ. Я къ нему. „Благодѣтель, говорю, помогите! Пѣвецъ спавшій съ голоса и удрученный несчастіями. Заставьте за себя вѣчно Бога молить!"

Марфа. Ха-ха! Ты намолишь! Ну?

Авессаломовъ. А онъ: „подлецъ, говоритъ! Сивухой разитъ и приставать смѣетъ!“

Марфа. Хорошо, ха-ха-ха!

Авессаломовъ. Оскорбленный, беру октавою ниже: „позвольте, милостивый государь! по какому то-есть праву вы меня подлецомъ ругаете?“ А онъ: „Эй, дворникъ! взять въ участокъ!“

Марфа. Ха-ха-ха!

Авессаломовъ. „Ме-ня-я?!“ восклицаю. Тутъ откуда ни возьмись сторожа. Привели. Тамъ у насъ произошелъ разговоръ хотя краткій, но выразительный. Я загнулъ словцо, а меня—бацъ!..

Марфа. Ловко! Ха-ха-ха!

Авессаломовъ. Я обомлѣлъ. „Въ наше просвѣщенное время, говорю, это что-же за безобразіе?“ А онъ—бацъ! еще, да по мордѣ...

Марфа. Ха-ха-ха!

Авессаломовъ. И такимъ манеромъ только что я возглашу, а онъ пресѣкаетъ! Срываетъ голосъ, да полно! Понимаешь-ли: никакихъ разговоровъ! Ну вижу, что этакъ и шею могутъ свернуть. Умолкъ.

Марфа. Ха-ха-ха! (*Встаетъ*). А говоришь: скандалъ! Хорошъ скандалъ, коли самого отдули! (*Уходитъ за перегородку*).

Авессаломовъ. Этакій грубіянъ! По мордѣ и никакихъ разговоровъ! (*Заваливается на скамью*). Я вотъ на него докладную записку подамъ. (*Оретъ*). „Чей борзый конь тебя топталъ въ послѣдній часъ кровавой битвы?“.. *).

Лукичъ (*съ отчаяніемъ*). Разбудитъ! Испугаетъ! Ахъ, Господи! (*Бросается за ширму*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же *и* **Гришка** (*въ драной коцавейкѣ, стоптанныхъ валенкахъ, повязанъ платкомъ, сверхъ котораго надѣтъ картузикъ съ разорваннымъ козырькомъ*).

Гришка (*вбѣжавъ, бросается къ Степанидѣ*). Мамуска, дай исце!

*) Изъ аріи Руслана.

Степанида. Чего тебѣ, дѣточка?

Гришка. Хлѣбца исце!

Степанида (*понизивъ голосъ*). Молчи про хлѣбъ то, молчи! (*Боязливо озирается на перегородку*).

Гришка (*плаксиво*). Мамуска, ѣ-ѣсть!

Степанида. Ужотка добуду. Потерпи, дѣточка. Ступай, бѣгай!

Гришка (*заревѣлъ*). Ѣ-ѣ-ѣсть!

Авессаломовъ. Ну, соловей!

Лукичъ (*достаетъ изъ шкафчика бутылку и чайную чашку*). На-ка, бульонцу осталось... на-ка, молъ, выпей! (*Наливаетъ въ чашку бульонъ*).

Гришка (*всхлипывая, жмется къ матери*). Бо-юсь!

Степанида. Чего, дурачекъ? Дѣдушка добрый! Иди! (*Подводитъ мальчика къ Лукичу*).

Лукичъ. На, пей! (*Даетъ чашку. Степанида, ставъ на колѣни, взяла чашку и поитъ Гришку*).

Гришка (*выпивъ все*). Дѣдуска, а мы въ лосадки иглаемъ!

Лукичъ. Ладно, ладно! Ступай бѣгай, ступай!

Степанида (*Лукичу, съ чувствомъ*). Благодарю васъ!

Лукичъ (*замахалъ рукой*). Полно, полно! (*Гришка убѣгаетъ, Степанида садится на прежнее мѣсто*).

Авессаломовъ (*приподнявшись и кивая на шкафчикъ*). А вина тамъ нѣту? княжескаго? этой самой малаги?

Лукичъ (*проворно запирая шкафчикъ*). Вина нѣтъ, нѣту вина.

Авессаломовъ. Врешь!

Лукичъ. Вышло, все вышло.

Авессаломовъ. Мнѣ вѣдь только-бы горло промочить, а то... (*откашливается и оретъ*).

„И будешь ты царицей мі-і-ра!“ *).

Лукичъ. Вотъ наказанье! (*Заглядываетъ за ширму*).

Авессаломовъ. Слышь, не выходитъ, сипитъ на sol-то! А мнѣ опять въ оперу желательно поступить.

Марфа (*влетаетъ изъ-за перегородки, съ краюшкой хлѣба, отъ которой отломленъ кусокъ и кричитъ*

*) Изъ аріи Демона.

на Степаниду). Ты что-жъ это, милая, вздумала? Хозяйничать у меня? (*Показываетъ ей краюшку*).

Степанида. Ужъ простите, Марфа Герасимовна! Васъ не было, а то-бъ попросила...

Марфа. Да что у меня про васъ — запасы, что-ли? Новости какія пошли! Ничего безъ запора оставить нельзя!

Степанида. Простите, ради Христа! Вѣдь я не себѣ, ребенку. Кусочекъ отщипнула. Простите! Отощалъ малый-то, проситъ! Маковой росинки во рту не было! Все-таки ребенокъ, жалко! (*Заплакала*).

Лукичъ. Мы вотъ жалѣемъ, а они насъ... дѣти-то... Э-эхъ-ма!

Марфа. Ишь завела! Думаешь — разжалоблюсь? Какъ-же! У самой пусто въ брюхѣ-то! Гдѣ ты здѣсь сытыхъ нашла? А ты вотъ постой-ка съ мое цѣльный день и въ дождь и въ стужу—руки, ноги зайдутся! А много-ли ихъ продашь, яблоковъ-то!

Авессаломовъ. Коммерція! гнилыми яблоками! Вотъ за это не бьютъ. А попросишь субсидіи—по мордѣ и никакихъ разговоровъ!

Марфа (*къ нему*). Молчалъ-бы ужъ! (*Степанидѣ*). Въ пору на хлѣбъ заработать. И тотъ, нако-сь, изъ подъ носа таскаютъ!

Степанида. Да вѣдь я не себѣ, ребенку.

Марфа (*ворчливо*). Ладно ужъ, слышала! А ты не сиди сложимши руки-то. Заработай. Потрудись, чѣмъ христарадничать-то!

Степанида. Господи, да развѣ я по своей волѣ? Отъ лѣни? Я-бы за какую ни есть работу взялась, да съ ребенкомъ никто не беретъ. Связалъ онъ меня, по рукамъ по ногамъ связалъ! А куда дѣну? Ужъ я гдѣ-гдѣ ни была! Бьюсь, какъ рыба объ ледъ, сколько времени. Не берутъ.

Марфа. А что-жъ ты въ Попечительство-то! Я-жъ тебѣ говорила! Только имъ и живемъ! И за койку отдаютъ, дай Богъ имъ здоровья, и чайку, сахарку — душу погрѣть—жалуютъ. Вотъ меня взять; въ прачкахъ цѣлый

вѣкъ маялась. Руки-ноги застужены, ломятъ, взяться ни за что не могу...

Авессаломовъ. Руки, ноги—вздоръ; а голосъ утратить—вотъ это трагедія!

Марфа. А молитвами добрыхъ людей и подъ кровомъ и съ голоду не даютъ умереть. Вотъ и ты: подай прошеніе, такъ моль и такъ. А ужъ они разберутъ.

Степанида. Подала. Авось Господь поможетъ!

Авессаломовъ. Эхъ, хорошо-бъ теперь щецъ горяченькихъ! съ говядинкой!

Марфа. Ха-ха! ай послѣ трепки ѣсть захотѣлъ?

Лукичъ (*подходя, съ оживленіемъ*). Оно и съ солонинкой-бы, ежели жирная... Съ солонинкой тоже щи важныя, хо-орошія щи!

Авессаломовъ (*поднялся. Съ оживленіемъ*). А потомъ эту самую солонину, горячую-то, да съ хрѣномъ ее! А?

Марфа (*съ увлеченіемъ*). Хорошо! Свинина съ хрѣномъ—опять хорошо!

Лукичъ. Дома у насъ вотъ какая свинина была! Языкъ проглотишь!

Авессаломовъ. Тьфу! Ну, васъ! Пуще аппетитъ раздразнили... Ежели теперь пирогъ... Да нѣтъ и говорить не хочу!

Марфа. Пословица говоритъ: „голодной курицѣ просо снится".—Такъ и мы, дураки!

Лукичъ (*отходя*). Э-хъ! мало ли что дома-то было!..

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ-же и Калерія Павловна (*въ теплой кофточкѣ и шляпкѣ. Общее движеніе*).

Марфа (*бросается цѣловать ея руку*). Благодѣтельница наша!

Лукичъ (*подходитъ, улыбаясь во весь ротъ*). Здравствуйте, матушка!

Авессаломовъ (*вскочилъ и эффектно раскланивается*). Нижайшее почтеніе, Калерія Павловна!

Калерія (*не давъ руки Марфѣ, дружелюбно киваетъ всѣмъ*). ...вствуйте, здравствуйте! (*Лукичу*). Ну что князь?

Лукичъ. Слава Богу! Почиваетъ. Крѣпко спитъ, ужъ давно.

Калерія. И прекрасно. Вотъ ему вино (*достаетъ изъ сумки бутылочку*). Вы знаете какъ давать?

Лукичъ. Знаю-съ. Какъ докторъ велѣлъ, такъ и даю.

Калерія (*достаетъ изъ сумки свертокъ*). Тутъ вамъ кое-что.

Авессаломовъ (*дружески хлопнувъ Лукича по плечу*). Пожевать, ха-ха!

Лукичъ. Покорно благодарю! (*Прячетъ все въ шкафчикъ*).

Калерія (*доставъ изъ сумки опросный листъ*). А гдѣ здѣсь Степанида Гаврилова?

Авессаломовъ. Вотъ-съ самолично. (*Указалъ на нее*).

Марфа. Она самая, матушка. (*Степанида подходитъ и низко кланяется Калеріи*).

Калерія. Вы обратились въ Попечительство?

Степанида. Я-съ.

Авессаломовъ. Я прошеніе сочинялъ-съ. Краснорѣчиво и жалостно! У меня и на это даръ есть.

Калерія (*улыбнулась*). Ужъ слишкомъ краснорѣчиво! (*Садится къ столу на табуретъ, галантно подставленный Авессаламовымъ и записываетъ на листъ*). Какой вы губерніи и уѣзда?

Степанида. Тульской, Ахремовскаго уѣзда.

Калерія. Грамотная?

Степанида. Не учена, не умѣю-съ.

Калерія. Замужемъ?

Степанида. Вдова-съ. Третій мѣсяцъ вдовѣю.

Калерія. У васъ сынъ?

Степанида. Да-съ, пятый годочекъ пошелъ.

Калерія. Чѣмъ занимаетесь?

Степанида. Безъ работы. Никакъ не найду... (*Утираетъ слезы*.

Калерія. Получаете-ли помощь, отъ родныхъ, или отъ кого другаго?

Степанида. Нѣтъ-съ. Родныхъ у меня никого. Сиротой замужъ выдана.

Калерія. Вы о чемъ просите?

Степанида. Работы-съ, хоть какой нибудь!.. Сынишку пристроить... потому съ нимъ никуда не берутъ... Помогите, сударыня! (*Съ плачемъ бросается Калеріи въ ноги*).

Калерія (*притрогиваясь къ ней*). Что-вы, что-вы! Встаньте! (*Степанида встаетъ*). Что можно—сдѣлаемъ. Завтра приходите въ Попечительство. Пока вамъ дадутъ работу на домъ. А объ мальчикѣ я поговорю въ первомъ засѣданіи.

Степанида (*утирая слезы*). Вѣкъ за васъ Богу буду молить. Не оставьте!

Марфа (*съ сіяющимъ лицемъ*). Да ужъ сдѣлаютъ! Коли обѣщаютъ, все сдѣлаютъ! (*Калеріи съ чувствомъ*). Господь воздастъ вамъ за доброе сердце, за ваше святое дѣло, матушка!

Калерія. Благодарите добрыхъ людей, не меня. (*Марфа уходитъ къ себѣ, жестомъ позвавъ за собой Степаниду. Вскорѣ обѣ женщины, накинувъ платки, уходятъ въ заднюю дверь*).

Авессаломовъ. Калерія Павловна! (*Упалъ передъ ней на колѣни*). Позвольте ручку облобызать! Обожаемая!

Калерія. Это еще что за новости? Встаньте! (*Встаетъ сама*).

Авессаломовъ. Потому—тронутъ! (*Встаетъ*) Я — пѣвецъ, спавшій съ голоса и удрученный несчастіями. Но сердце мое не потеряло чувствительности. Пою вамъ славу и многая лѣта. Днѣсь недостойный, при концѣ дней моихъ, можетъ и меня призрятъ ваши „добрые люди“ и не дадутъ умереть подъ заборомъ. А пока, Калерія Павловна, пойду выпить за ваше здоровье. И если вы сдѣлаете мнѣ одолженіе... (*протягиваетъ ей руку*) на сорокоушку всего-съ... (*Калерія даетъ ему монету*). Чувствительно благодарю васъ, сударыня! (*Оретъ*) „Многая лѣ“... (*Лукичъ бросается къ нему*).

Калерія (*строго*). Перестаньте!

Авессаломовъ. Слушаю-съ. Ухожу. Обожа-аемая! (*Поклонился и уходитъ. Въ окна ударилъ солнечный свѣтъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Кн. Баскаковъ, Лукичъ *и* Калерія Павловна.

Баскаковъ. Лукичъ!

Лукичъ. Ну вотъ! Разбудилъ таки, разбудилъ! (*Уходитъ за ширму*).

Баскаковъ. Кажется, солнышко?

Лукичъ. Свѣтитъ, свѣтитъ! хорошій денекъ Богъ послалъ! И къ намъ заглянуло солнышко-то. Оно всѣмъ свѣтитъ, всѣмъ!

Баскаковъ. Взглянуть-бы! Темно тутъ. Отставь ширму.

Лукичъ (*принимая ширму*). И Калерія Павловна тутъ. (*Приставляетъ къ стѣнѣ сложенную ширму*).

Баскаковъ (*радостно*). Ахъ!.. мой ангелъ хранитель!.. (*Приподнялся на локоть и протягиваетъ ей руку*). Какъ я радъ!

Калерія (*подходитъ, пожимаетъ его руку и садится возлѣ кровати*). Ну какъ вы сегодня?

Баскаковъ. Отлично! Спалъ, какъ убитый.

Калерія. Не мѣшали?

Баскаковъ. Ничего не слыхалъ. Чудно спалъ. Бодрость чувствую, силу. Я-бы всталъ. Можно?

Калерія. Нѣтъ, нѣтъ! Сѣсть пожалуй. Попробуемъ. (*Поправляетъ ему подушки и помогаетъ сѣсть*).

Баскаковъ. Какъ хорошо! И радость какая!... Отходили, спасли! (*Съ любовію глядитъ на Калерію и Лукича*). Лукичъ мой, голубчикъ ты мой! (*Протягиваетъ ему руку. Лукичъ припалъ къ ней губами*). Нѣтъ, вотъ какъ! (*Привлекъ его къ себѣ, обнялъ и поцѣловалъ. Калеріи*). А ужъ вы...

Лукичъ. Ангелъ, ангелъ. Это вы вѣрно!

Баскаковъ (*восторженно глядя на нее*). Да... Благодарить даже совѣстно. Не скажешь, что чувствуешь, нѣтъ!.. И одѣли меня, устроили, и лѣкарство и все... Словно въ сказкѣ, во снѣ... Если кто жизнь возвратилъ, что тому скажешь?.. (*Голосомъ дрогнувшимъ отъ

слезъ). Дайте руку... дайте расцѣловать! (*Цѣлуетъ руку нѣсколько разъ. Плачетъ*).

Калерія. Успокойтесь. Полно вамъ! Вредно.

Баскаковъ. Отъ счастья, отъ счастья... Мнѣ такъ хорошо!

Калерія. Я гораздо меньше могла для васъ сдѣлать, чѣмъ вы думаете. Эти вещи, докторъ, который васъ лѣчитъ... докторъ извѣстный и дорогой... все это—не отъ меня и не отъ Попечительства. Мы еще бѣдны и можемъ давать очень скромную помощь.

Баскаковъ (*встревожился*). Отъ кого-же?

Калерія. Въ васъ принимаетъ участіе одна моя знакомая. Узнавъ, что вы въ моемъ участкѣ, она и направила меня къ вамъ. Уѣзжая заграницу, она оставила денегъ на все и чтобъ вы не нуждались, пока мы не найдемъ вамъ занятія.

Баскаковъ. Ваша знакомая!.. Какъ же ея фамилія?

Калерія. Этого сказать не могу. Дала слово.

Баскаковъ. Прежде я не могъ добиться ни участія, ни помощи. Одинъ Лукичъ... И вдругъ!.. Назовите вашу знакомую. Пожалуйста! Я не успокоюсь, пока не узнаю...

Калерія. Какъ жалко, что я сказала!.. Но что собственно васъ безпокоитъ? Вамъ она совсѣмъ неизвѣстна. Вы даже никогда не видали ея. Когда она приходила сюда, вы были безъ памяти и никого не узнавали...

Баскаковъ. Она была здѣсь?! У меня?!

Калерія. Я же бываю. Да не волнуйтесь! Я только потому и сказала, что мнѣ было совѣстно принимать благодарность за чужую помощь. Теперь вижу, какую глупость я сдѣлала! (*Встаетъ*).

Баскаковъ. Не уходите! Я не стану волноваться, не стану!

Калерія. И не изъ чего. Все такъ просто и обыкновенно. Она очень добра, съ большими средствами. Узнаётъ случайно про васъ; пожалѣла и захотѣла помочь. Навѣрно не вы первый, которому она помогаетъ. А что она не желаетъ, чтобъ знали про это — совершенно понятно. На ея мѣстѣ я сдѣлала бы тоже.

Баскаковъ. Все таки надо же возвратить... Какъ только буду въ силахъ, заработаю...

Калерія. Вотъ она и права, что скрыла отъ васъ свое имя... Поймите же, что она не *лично вамъ* помогаетъ, а вашей нуждѣ, вашему несчастью. Наконецъ, деньги шли черезъ меня, какъ члена Попечительства, а мы не беремъ назадъ, что даемъ. Ну чего же вамъ больше?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же *и* **Кифарскій** (*въ пальто, шапкѣ и съ палкой*).

Кифарскій (*Калеріѣ, кивая на Баскакова*). Я слышалъ, вы ему помѣщеніе ищете? У меня въ номерахъ освободилась отличная комната. Возьмите. Не дорого. И перевезти близко, всего черезъ дворъ.

Калерія. Не нужно. Какъ только позволитъ докторъ, больного перевезутъ въ клинику.

Кифарскій (*иронически*). Въ клинику! А мнѣ сказали — вы на квартиру его. Горлодеръ этотъ навралъ, пѣвецъ. Вретъ, какъ пьетъ. А все-бъ таки посмотрѣть номеръ-то. Теплый, хорошій и дешево.

Калерія. Больному ужъ взятъ номеръ въ клиникѣ. (*Баскакову*). Ну, до свиданья! (*Пожала ему руку*). Надѣюсь, сегодня докторъ позволитъ перевезти васъ отсюда.

Кифарскій (*ѣдко*). Тоже въ клинику!

Калерія (*Кифарскому, уходя*). А васъ я-бы просила не безпокоить больного. (*Уходитъ. Лукичъ провожаетъ ее*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Кн. Баскаковъ, Лукичъ *и* **Кифарскій.**

Кифарскій (*про себя*). Попечительство! Тунеядцевъ плодить!.. Бѣгаютъ, хвосты треплютъ!.. Санитаровъ, да полицію накликаютъ! Тьфу!

Баскаковъ. Лукичъ, поди-ка сюда! (*Лукичъ, проводившій Калерію, подходитъ*). Дама, которая навѣстила меня... ты видѣлъ ее?

Лукичъ. Видѣлъ, видѣлъ.

Баскаковъ. Какая жъ она? Опиши ростъ, лицо...

Лукичъ. Хорошая, красивая. Вы въ бреду были тогда, метались... Она и по другимъ угламъ ходила у насъ. Многимъ помогла. Калеріи Павловнѣ на бѣдныхъ денегъ дала. Добрая.

Баскаковъ. Какъ зовутъ? Можетъ быть слышалъ? Въ разговорѣ Калерія Павловна могла упомянуть ея имя. Мнѣ хоть бы имя!

Кифарскій (*ядовито улыбаясь*). А вамъ очень узнать желательно, кто такая благодѣтельница ваша? Хе-хе!

Баскаковъ (*съ живостью*). Развѣ вы знаете?

Кифарскій. Кое-что знаю-съ. Ужъ очень любопытна исторія-то! Хвалю.

Баскаковъ. Кого?

Кифарскій. Васъ хвалю, разумѣется.

Баскаковъ. Не понимаю.

Кифарскій. Тутъ особа одна замѣшана, въ этой исторіи. Большое участіе принимала...

Баскаковъ. Ну?

Лукичъ (*Кифарскому*). Зачѣмъ вы?.. Поглядите, какъ растревожили!

Баскаковъ. Молчи, Лукичъ, молчи! (*Кифарскому*). Въ чемъ дѣло? Ну?

Кифарскій. Сорвалось у нея. Хотѣла кушъ хорошій заполучить. Сорвалось!

Баскаковъ. Да про кого вы? Какой кушъ?

Кифарскій. Послѣ того она сюда прилетѣла. Въ такой ярости—страсть! Къ вамъ не пустили ругаться, она ко мнѣ. Костила васъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Даже проболталась со злости, какое съ вами дѣло затѣяла...

Баскаковъ (*припоминаетъ, дрожа отъ волненія*). Неужели, неужели? Боже мой, неужели *та?*.. Деньги!.. Позоръ!..

Лукичъ (*Кифарскому, надорваннымъ крикомъ*). Да уйдите вы, ради Христа! Развѣ-жъ не видите, что съ нимъ? Уйдите!

Кифарскій (*Лукичу презрительно*). Ну, ну! Знай свое мѣсто, мозглякъ! (*Баскакову*). А невѣсту не выдал

Эту я ужъ самъ выслѣдилъ. Коль не хочешь чтобъ узнали кто ты, не вели кучеру сказывать.

Баскановъ (*задыхаясь отъ волненія*). Не мучайте!.. Скажите же все!

Кифарскій. Вотъ она и благодѣтельствуетъ вамъ, *невѣста*-то ваша, Повѣтова.

Баскановъ (*отчаянно вскрикиваетъ*). Ахъ!! (*Падаетъ на подушки безъ чувствъ. Лукичъ бросается къ нему*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Дѣйствуютъ:

Кн. Васкаковъ.
Повѣтова.
Шмелевъ.
Ведрягина.
Калерія Павловна.
Авессаломовъ.
Предсѣдатель попечительства о бѣдныхъ.
Дарья Матвѣевна Сычугова, молодая дама. } Члены Попечительства о бѣдныхъ.
Колымова, пожилая дама барскаго вида. }
Колымовъ, ея сынъ, лѣтъ 30-ти. }
Генералъ. }
Маурина. }
Швейцаръ.
Члены попечительства обоего пола.

Аванъ-залъ въ домѣ предсѣдательства Попечительства. Слѣва, въ глубинѣ сцены, дверь съ лѣстницы, прямо дверь въ залъ засѣданія. Направо окна. По стѣнамъ старинныя кресла. На аванъ-сценѣ справа и слѣва по столу, съ письменными принадлежностями. У столовъ стулья. Съ потолка виситъ люстра въ нѣсколько лампъ, которыя зажжены.

ЯВЛЕНІЕ 1-е

Кн. Баскановъ (*сидитъ за столомъ справа и занятъ бумагами*) *и* **Бедрягина** (*входитъ слѣва*).

Бедрягна. Здравствуйте, князь! (*Пожимаетъ ему руку*). Я нарочно пріѣхала раньше на засѣданіе, что-бъ по-

болтать съ вами. (*Садится*). Я знаю, что вы приходите раньше всѣхъ.

Баскаковъ. Приготовить бумаги, докладъ... (*Перебираетъ бумаги*).

Бедрягина. Надѣюсь, вы не хотите сказать, что я вамъ мѣшаю? Наконецъ, если и такъ, то вы должны быть снисходительны къ той, которая—увы!—такъ тщетно за вами ухаживаетъ.

Баскаковъ (*усмѣхнулся*). Остается прижать руку къ сердцу и отвѣсить вамъ низкій поклонъ.

Бедрягина. Начиная съ меня, всѣ дамы нашего Попечительства отъ васъ безъ ума. Вы даже привлекаете новыхъ членовъ изъ прекраснаго пола. „Ахъ, mesdames, кричатъ онѣ, какой у насъ секретарь! князь Баскаковъ! Не знаете? Ну, прелесть, прелесть! Кромѣ того, что онъ интересенъ самъ по себѣ, у него преинтересное прошлое"...

Баскаковъ (*рѣзко*). И тутъ начинается та милая болтовня, которя обливаетъ васъ ядомъ!

Бедрягина. При мнѣ нельзя сказать про васъ слова дурнаго. Серьезно, у меня нѣтъ болѣе живаго интереса, какъ ваша карьера. Для нея я дѣлаю все, что могу. Повредить легко. Всѣ мы любимъ злословить и рады поводу замарать лучшую репутацію...

Баскаковъ. О, въ этомъ вы совершенно правы!

Бедрягина. А помочь—гораздо труднѣе. И это главнымъ образомъ дѣлаютъ женщины. Если женщина, съ умомъ и тактомъ, энергично возьмется за дѣло, о! она сдѣлаетъ все. Не дальше какъ вчера я имѣла случай говорить съ вашимъ директоромъ... Кажется, дядя Калеріи Павловны устроилъ васъ въ банкѣ?.. (*Баскаковъ молчитъ*). Директоръ отъ васъ въ такомъ-же восторгѣ, какъ мы. Въ короткое время вы добились въ банкѣ такого мѣста, которое хорошо обезпечиваетъ. Конечно, я разсказала директору, какъ мы васъ обожаемъ; словомъ, превозносила до небесъ...

Баскаковъ (*сдержанно*). Очень вамъ благодаренъ.

Бедрягина. Директоръ сказалъ, что вы честная, откры-

тая душа, чувствительная ко всему хорошему. Особенно нравится ему то, что у васъ нѣтъ дешеваго скептицизма и мелкой зависти, которыя такъ часты теперь. Вообще онъ очень васъ любитъ и вы на прекрасной дорогѣ. Все это такъ. Но я позволю себѣ замѣтить одно... Можно?

Баскаковъ. Пажалуйста.

Бедрягина. Не надо быть щекотливымъ и подозрительнымъ. Черта свойственная людямъ, испытавшимъ много тяжелаго. Черта невыгодная для васъ и очень удобная для вашихъ враговъ. (*Встаетъ*). А вотъ и Калерія Павловна!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же *и* **Калерія Павловна** (*входитъ слѣва. Она пожала руку Бедрягиной, Баскакову и садится къ другому столу, положивъ на него книжки и бумаги, которыя принесла съ собой*).

Бедрягина. Съ какимъ вы багажемъ книжекъ, опросныхъ листовъ! (*Переходитъ къ ея столу*). Вы такъ много трудитесь, что намъ, лѣнтяйкамъ, стыдно при васъ. Мало того, что мы сами ничего не дѣлаемъ, мы мѣшаемъ другимъ. Вотъ я ужъ сколько времени надоѣдаю князю... Ахъ, знаете новость?

Калерія. Какую?

Бедрягина. Ваша знакомая вернулась изъ заграницы, Нина Михайловна. (*Взглянула на Баскакова, который наклонился надъ бумагами, чтобъ скрыть смущеніе*).

Калерія. Вернулась?

Бедрягина. Да. И не одна... съ дѣвочкой... Говорятъ, прелестный ребенокъ!

Калерія. Вы видѣлись съ Ниной Михайловной?

Бедрягина. Конечно нѣ-ѣтъ!

Калерія. Но, кажется, одно время вы даже жили у нея?

Бедрягина. Изъ участія, если хотите—изъ состраданія...

Калерія. Даже! Почему-же изъ состраданія?

Бедрягина. Понятно! Когда тетка ея уѣхала... старуха была скандализирована ея поведеніемъ... тогда я на

время поселилась у Нины. Мнѣ было такъ жаль бѣдную дѣвушку! Къ тому же меня просилъ объ этомъ Шмелевъ, старый другъ отца Нины. Я... Вы знаете, что я всегда рада помочь... Я согласилась, рискуя своей репутаціей. Вы понимаете, какъ неловко быть старшею въ домѣ, гдѣ даже тетка не захотѣла остаться. Однако моя доброта была достойно наказана. Чтобы скрыть свое положеніе, Нинѣ пришла одна дикая мысль...

Баскаковъ (*прерываетъ*). Калерія Павловна! (*Къ Бедрягиной*). Извините! (*Калеріи, подходя*). Вотъ по этому опросному листу... скажите пожалуйста...

Калерія (*взглянувъ на листъ*). Есть дополнительная справка. Она, кажется, въ бумагахъ у предсѣдателя. Сейчасъ принесу· (*Уходитъ въ залъ засѣданія*).

Бедрягина. Чего-же вы испугались? Неужели я могу... Ахъ, какъ вы мало меня знаете, князь!

Баскаковъ (*въ сильномъ волненіи, прерывающимся голосомъ*). Но зачѣмъ-же... зачѣмъ поднимать эту исторію?!

Бедрягина. Къ вамъ удивительно идетъ, когда вы выходите изъ себя! (*Томно смотритъ на него*).

Баскаковъ (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, полно, пожалуйста!

Бедрягина. Серьезно. Ничто такъ не привлекаетъ въ мужчинѣ, какъ этотъ взрывъ энергіи, негодованія, когда глаза мечутъ искры...

Баскаковъ (*прерываетъ*). Наконецъ злословить, чернить женщину! Зачѣмъ?!

Бедрягина (*сухо*). Съ Повѣтовой у меня свои счеты, до которыхъ вамъ нѣтъ дѣла. Что вась это не будетъ касаться, въ этомъ порукой мое участіе къ вамъ. (*Съ улыбочкой*). Но и кромѣ того, могу-ли я скомпрометтировать васъ предъ Калеріей Павловной, которая въ васъ влюблена? Я серьезно ревную васъ, да!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Кн. Баскаковъ, Бедрягина, *входятъ двѣ* **Благотворительныя Дамы** (*изъ боковой*) *и потомъ* **Калерія Павловна.**

Бедрягина (*устремляясь къ одной изъ дамъ*). Александра ...овна! Какъ я рада! (*Цѣлуются*).

Баскаковъ (*про себя, переходя къ своему столу*). Быть въ рукахъ такой женщины! Ужасно!

Калерія (*входитъ и подаетъ Баскакову записку*). Вотъ справка.

Бедрягина (*дамъ*). Пойдемте въ залъ засѣданія. Тутъ очень заняты. Мы помѣшаемъ. (*Бросивъ взглядъ на Баскакова и Калерію Павловну, уходитъ въ заднюю дверь. Дамы уходятъ вмѣстѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Кн. Баскаковъ *и* Калерія Павловна.

Баскаковъ (*съ негодованіемъ*). Она рисковала своей *репутаціей!* Женщина, которая вредила всѣмъ, кто сближался съ нею и довѣрялъ ей! Женщина съ такими похожденіями, что о репутаціи лучше молчать! Благодѣтельница! *Она!*

Калерія. Стоитъ-ли волноваться изъ-за Бедрягиной! Полно!

Баскаковъ. Повѣрьте, что если она *ненавидитъ* Повѣтову, то сама-же ей сдѣлала зло. Непремѣнно! Да мнѣ и Шмелевъ говорилъ, что она много повредила Нинѣ Михайловнѣ, когда жила у нея.

Калерія (*пытливо глядя на Баскакова*). Но отчего вы такъ близко къ сердцу принимаете эту исторію?.. Можетъ быть потому, что Повѣтова приняла въ васъ участіе... во время болѣзни?

Баскаковъ (*съ нетерпѣніемъ*). Деньги я возвратилъ. Все, что было истрачено на меня, вы были такъ любезны—переслали Нинѣ Михайловнѣ. И довольно объ этомъ! Не станемъ касаться прошлаго!

Калерія. (*съ оттѣнкомъ обиды*). Не станемъ.

Баскаковъ (*сердечно*). Наша дружба не пострадаетъ отъ этого. Не надо вспоминать прошлое, если оно такъ тяжело. За одно я благодаренъ ему: это за васъ. Большое счастье найти такого друга, какъ вы. Если искать идеалъ дѣвушки сильной, серьезной, спокойной, на которую можно вполнѣ положиться, это будете—вы.

Калерія (*слегка покраснѣла и принужденно засмѣялась*). Захваливайте!

Баскаковъ. Для общаго дѣла, гдѣ кромѣ сердца и ума нужна энергія, стойкость, идеалъ опять-таки вы. Вашъ трудъ въ Попечительствѣ заставитъ всякаго преклоняться предъ вами. Нѣтъ трущобы, въ которую-бы вы не пошли! Нѣтъ бѣдняка, которому-бы не постарались помочь! И какъ у васъ это просто, серьезно и хорошо! Не даромъ на васъ молятся бѣдные люди!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же *и* **Генералъ** (*слѣва*).

Генералъ. Здравствуйте! (*Пожалъ руку Калеріи и Баскакову*). Не собрались?

Баскаковъ. Очень мало.

Генералъ. А мнѣ, батенька, вотъ о чемъ надо васъ попросить...

Баскаковъ. Опять „дѣльце?"

Генералъ. Ха-ха! Надо мной смѣются, что я вездѣ обдѣлываю дѣлишки, даже тутъ, въ Попечительствѣ; но вѣдь я хлопочу о другихъ. Не могу отказать, когда просятъ, не могу! (*Взявъ Баскакова подъ руку и говоря тихо, уходитъ съ нимъ въ залъ засѣданія*).

Калерія (*задумчиво*). Столько похвалъ, какъ другу, какъ труженицѣ!.. Я идеалъ. Говорится все это искренно, горячо... но другихъ чувствъ къ себѣ я не вижу. Можетъ быть, я способна вызвать только дружбу?.. Другимъ въ женщинѣ нравится кокетство, игра... Пускай женщина пуста, пошла; но если она завлекаетъ, съ ужимками, взглядами—она нравится. Но вѣдь онъ выше этого! Онъ моихъ взглядовъ. Однако-жъ...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Калерія Павловна, Колымова *и* **Колымовъ** (*входитъ слѣва*) *и въ концѣ* **Кн. Баскаковъ**.

Колымова. Здравствуйте, Калерія Павловна, здравствуйте, милая! (*Пожала ея руку. Колымовъ поклонился Калеріи*). Вы книжку обѣщали моей больной, по которой ей хлѣбъ будутъ давать.

Калерія (*подавая книжку*). Вотъ она! На мѣсяцъ.

Колымова. Отлично! Благодарю васъ! Не начинали еще?

Калерія. Рано.

Колымовъ. Я говорилъ, что рано. Нѣтъ, мы прежде всѣхъ заберемся!

Колымова (*садясь у стола Калеріи*). Не люблю опаздывать, другъ мой, не люблю. У насъ все опаздываетъ, начиная съ поѣздовъ и кончая просвѣщеніемъ и условіями общественной жизни. Вотъ и благотворительность. У насъ первое учрежденіе по эльберфельдской системѣ, а въ Европѣ это такая громадная сила! Столько добра сдѣлано!...

Колымовъ (*расхаживая съ скучающимъ видомъ, прерываетъ*). Какъ коснется Европы, вы всегда увлекаетесь. Да и всѣмъ!

Колымова. Увлекаюсь, да; а ты и всѣ вы—равнодушны. Вы ко всему равнодушны, а я съ этимъ никакъ не могу помириться. Вотъ сюда я плетусь, на лѣстницу насилу вползла, а тебя ужъ стыдомъ затащила. Да и то ты повертишься, позѣваешь, да и махнешь куда-нибудь, въ клубъ, или къ Омону.

Колымовъ (*добродушно*). Ха-ха-ха!

Колымова. Тебѣ смѣшно, а старухѣ, глядя на васъ, горько, горько! (*Встала и поплелась къ средней двери, гдѣ встрѣчаетъ входящаго Баскакова, который почтительно цѣлуетъ ея руку*). Вотъ вы меня радуете, молодой человѣкъ, ваше сіятельство! Я тутъ на сына разворчалась. А на васъ глядя, душа отдыхаетъ. (*Уходитъ въ залъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Калерія Павловна, Колымовъ *и* Кн. Баскаковъ.

Колымовъ (*пожимая руку Баскакову*). Можете гордиться. Maman рѣдко кого хвалитъ.

Баскаковъ. Я глубоко уважаю ее. Рѣдкая женщина!

Колымовъ. Коне-ечно! Но—знаете—у нея этотъ либерализмъ... Я ее останавливаю. Горячится, споритъ!.. иногда о такихъ вещахъ, о которыхъ не вездѣ говорятъ. А ей все равно! Надо послушать, когда она сцѣ-

пится съ молодежью. Мальчишки, птенцы желторотые, а она-то распинается съ ними! „Вѣдь вы, кричитъ, въ жизнь идете! Отъ васъ дѣло, люди будутъ зависѣть! А вы—истуканы, старичье, а не молодые люди, съ пылкимъ сердцемъ и высокими чувствами!..“ И пойдетъ и пойдетъ!..

Баскаковъ. Побольше-бы намъ такихъ, какъ ваша матушка! Молодежь обожаетъ ее.

Колымовъ (*позѣвывая*). Скажите... M-me Сычугова здѣсь? Она тоже, кажется, членъ Попечительства?

Баскаковъ. На дняхъ поступила. Здѣсь ее нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же. *Одновременно входятъ* **Предсѣдатель** (*изъ средней*) *и* **Шмелевъ** (*изъ боковой двери*).

Предсѣдатель (*пожавъ руку Колымову, идетъ навстрѣчу Шмелеву*). Ну вотъ хорошо, что пожаловали! (*Пожимаетъ ему руку*). Сегодня у насъ плохо собираются.

Шмелевъ (*здороваясь съ присутствующими*). Скажите слава Богу, что еще есть такіе, которые ходятъ на засѣданія. Скоро никого не увидите.

Предсѣдатель. Ну ужъ вы! Одни уйдутъ, а другіе придутъ. А лучшіе не уйдутъ. Будьте покойны! (*Подходитъ къ Калеріи и тихо говоритъ съ нею, послѣ чего Калерія, взявъ бумаги, уходитъ въ залъ засѣданія*).

Шмелевъ (*Баскакову*). И доходы наши все меньше и меньше?

Баскаковъ. Къ сожалѣнію.

Шмелевъ. Прекрасно!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Кн. Баскаковъ, Колымовъ, Предсѣдатель, Шмелевъ *и* **Сычугова** (*разряженная, бойко входитъ слѣва*), *въ концѣ* **Маурина** *и еще двое* **членовъ.**

Сычугова (*подойдя къ Предсѣдателю, жметъ его руку*). Мишель! Какъ я вамъ благодарна! Я въ восторгѣ, что вы взяли меня въ Попечительство! Это такое святое, такое великодушное дѣло!

Предсѣдатель (*улыбаясь, Шмелеву*). Слышите? Позвольте васъ познакомить: Сергѣй Андреевичъ Шмелевъ, Дарья Матвѣевна Сычугова, моя belle-soeur.

Сычугова. Очень пріятно. (*Пожала руку Шмелева. Подходя къ Баскакову*). Prince! (*Жметъ ему руку. Колымову, подавая руку*). Чѣмъ объяснить, что и *вы* тутъ? (*Дѣлаетъ ему глазки*).

Колымовъ. Вамъ легко догадаться.

Сычугова. Гмъ! (*Значительно улыбнулась и отходитъ къ Предсѣдателю, тихо разговаривавшему съ Шмелевымъ*). Мои бѣдные... Ахъ, это такъ трогательно! Сколько благодарности, слезъ! Я ожила, я другой человѣкъ! Жизнь моя была такъ пуста. Я томилась, я не знала, какъ уйти отъ себя; а теперь... Ахъ какъ я благодарна вамъ! (*Беретъ его подъ руку и отводитъ, разговаривая тихо и бросивъ взглядъ Колымову, который уходитъ въ залъ засѣданія*).

Шмелевъ (*тихо Баскакову*). Вы вѣрите въ эту восторженность? (*Баскаковъ улыбнулся и пожалъ плечами*). Я думаю, что если женщина желаетъ „уйти отъ себя", то она ищетъ любовника. А?

Предсѣдатель (*съ улыбкой, Шмелеву*). Сергѣй Андреевичъ! Вамъ-бы послушать восторги моей belle-soeur отъ нашего дѣла!

Сычугова. А развѣ M-r Шмелевъ не сочувствуетъ? Возможно-ли?

Предсѣдатель. Пророчитъ намъ скорый конецъ.

Сычугова. Но это ужасно, что вы говорите! ужасно!

Шмелевъ. Говорю по опыту. Сгоряча мы кое-что сдѣлаемъ, пока дѣло вновѣ, въ модѣ, а потомъ интересъ къ нему охладѣетъ и дѣло или погибаетъ, или попадаетъ въ ненадежчыя руки. Ужъ заговорили про то, что средства для Попечительства придется добывать *налогомъ* въ пользу бѣдныхъ. Что-жъ это доказываетъ? Прочность-ли дѣла, или то, что безъ принудительныхъ мѣръ, ему предстоитъ развалиться? Принудительныя мѣры въ дѣлѣ благотворительности! Прекрасно!

Баскаковъ. Фактъ прискорбный, конечно! Къ общему

дѣлу у насъ вообще равнодушны. И это имѣетъ свои причины. Но добрые люди найдутся всегда. Они не дадутъ погибнуть такому дѣлу, какъ Попечительство. Оно не можетъ погибнуть.

Сычугова. Браво! Прекрасно, прекрасно! Вотъ именно то, что я думаю!

Предсѣдатель. Если можно говорить о равнодушіи общества, то члены Попечительства работаютъ такъ горячо и усердно, что я не нарадуюсь. Они отдаютъ дѣлу свое время, средства и трудъ, трудъ самоотверженный и тяжелый. Нерѣдки примѣры высокаго милосердія, есть подвижники.

Сычугова (*бросается къ Предсѣдателю и восторженно жметъ ему руку*). Мишель, вы говорите, какъ богъ! (*Слѣва входятъ Маурина и двое мужчинъ, изъ коихъ одинъ студентъ*).

Предсѣдатель (*здороваясь съ вошедшими*). Пора начать засѣданіе. Прошу! (*Всѣ уходятъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Авессаломовъ (*входитъ слѣва. Онъ совсѣмъ въ жалкомъ видѣ, съ подвязанной щекой, оборванный, въ дырявыхъ сапогахъ, изъ которыхъ вылѣзли пальцы*). *За нимъ вбѣгаетъ* **швейцаръ**.

Швейцаръ. Куда ты, куда? Развѣ можно? Ступай въ низу дожидайся!

Авессаломовъ. Потише! Я не бродяга, я пѣвецъ, можно сказать—артистъ. Я съ князьями знакомство вожу. Тутъ князь Баскаковъ?

Швейцаръ. Тутъ.

Авессаломовъ. Ну вотъ! А онъ мой пріятель! Вмѣстѣ жили. Что я въ такомъ видѣ... костюмъ и обувь (*вытягиваетъ ногу*) такъ это со всякимъ можетъ случиться. Дажа весьма просто.

Швейцаръ. Ну, нечего тутъ! Ступай! (*Взялся вывести его*).

Авессаломовъ (*вырываясь, рявкнулъ*). Ска-ндалъ подниму!.. Стану я стѣсняться въ своемъ отечествѣ! (*На низкихъ нотахъ тихо*). Лучше оставь! Вѣдь тутъ Попечительство! Алчущихъ кормятъ, жаждущихъ поятъ; я жажду, ахъ какъ жажду! И съ коихъ поръ!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же *и* **Калерія Павловна** (*идетъ къ своему столу, съ книжками*).

Калерія. Что здѣсь за шумъ?

Швейцаръ. Да вотъ-съ! Никакъ не спровадишь! (*Авессаломовъ отвѣшиваетъ Калеріи низкій поклонъ*).

Калерія. Зачѣмъ пустилъ?

Швейцаръ. Только отвернулся, а онъ ужъ тутъ!

Авессаломовъ (*укоризненно*). „Зачѣмъ пустилъ!“ Калерія Павловна! Вы ли изрекли эти слова?! Обожаемая!

Калерія. Вамъ ужъ сказано, не ходить сюда! Наконецъ, теперь вы не у насъ въ Попечительствѣ. Обращайтесь въ свое. (*Швейцаръ уходитъ*).

Авессаломовъ. Ведя образъ жизни кочующій, я подлежу вѣдѣнію всѣхъ попечительствъ. Я, можно сказать, стучусь во всѣ двери милосердія. Но увы! двери не отверзаются.

Калерія. Вините себя. Васъ вѣдь пристроили къ мѣсту...

Авессаломовъ (*прерываетъ*). Разсыльнаго! Помилуйте! Меня пріятели засмѣяли!

Калерія. Ну да, это для васъ унизительно! Вы „артистъ“. А ходить попрошайничать—не унизительно?

Авессаломовъ. Калерія Павловна! Простите, но вы не понимаете этого. Въ душѣ артиста есть струны...

Калерія Что?

Авессаломовъ Да-съ, струны. Мои хоть и заржавѣли, а все-таки струны. Измѣнять искусству—довольно подло, можно сказать.

Калерія. Ну и ступайте съ своимъ „искусствомъ“. (*Указала на дверь*).

Авессаломовъ (*переминаясь*). Голосъ не возвращается, не взирая на всѣ мѣры предосторожности. Какъ-же мнѣ быть?

Калерія (*перебирая на столѣ бумаги*). Не знаю.

Авессаломовъ. На праздники я подъ Дѣвичьимъ въ барабанъ билъ, при каруселяхъ. А теперь ничего подходящаго. Вникните!

Калерія. И вникать не хочу.

Авессаломовъ. Боже мой! Другимъ вы расточаете благостыню, а мнѣ!.. Ну дайте на мою длань хоть крупицу! Уроните хоть одну слезу состраданія! (*Протягиваетъ ладонь*).

Калерія (*даетъ ему мелкую монету*). Ну, это въ послѣдній разъ. И не смѣйте сюда показываться!

Авессаломовъ. Обожаемая! Значитъ: выпей въ послѣдній разъ и умри! Такъ прикажете?

Калерія (*смѣясь*). Убирайтесь!

Авессаломовъ Великодушно! Все что могу сказать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Калерія Павловна *и* **Сычугова.**

Калерія (*у двери въ залъ засѣданія сталкивается съ входящей Сычуговой*). Вы ужъ уѣзжаете?

Сычугова. Ахъ, нѣтъ! Такъ интересно! Я въ восторгѣ! Мнѣ нужно написать два слова. Можно у васъ? (*Указываетъ на ея столъ*).

Калерія. Пожалуйста. Тамъ все найдете. Да, сегодня очень интересное засѣданіе. (*Уходитъ*).

Сычугова (*идя къ столу*). Такая скука, что если-бъ не Колымовъ... Но гдѣ ему назначить свиданіе?.. (*Сѣла къ столу и подумала*). Ну да, да! (*Быстро набрасала нѣсколько строкъ и уходитъ въ среднюю дверь, свертывая и пряча записку*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Нина Михайловна, *въ сопровожденіи* **швейцара** (*изъ боковой двери*).

Нина. Мнѣ нужно видѣть предсѣдателя Попечительства.

Швейцаръ. Они заняты-съ, теперь засѣданіе... Развѣ секретарю доложить?

Нина. Пожалуйста.

Швейцаръ (*уходитъ въ среднюю дверь и вскорѣ возвращается*). Приказали сказать, что сейчасъ выйдутъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Нина Михайловна *и* **кн. Баскаковъ.**

Нина (*пораженная, отступаетъ въ испугѣ*). Вы?! Вотъ кого я никакъ не ожидала встрѣтить!

Баскаковъ (*тоже пораженъ и взволнованъ. Оправившись, кланяется*). Вы желали видѣть... я секретарь Попечительства.

Нина (*торопливо достаетъ изъ сумочки конвертъ*). Прошу передать предсѣдателю. Тутъ проектъ учрежденія, которое я хочу устроитъ для бѣдныхъ... даровыя квартиры... (*Положивъ конвертъ на столъ, идетъ къ боковой двери*).

Баскаковъ. Простите, если я задержу васъ... на одну минуту...

Нина (*рѣзко обернулась*). Что вамъ угодно?

Баскаковъ (*подходитъ*). Наша встрѣча... Я понимаю какъ она непріятна вамъ...

Нина. Если-бъ я могла предвидѣть ее, я не была-бы здѣсь.

Баскаковъ. Но если случай свелъ насъ, я прошу позволенія высказать то, что такъ ужасно тяготитъ меня вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ...

Нина. Извините, я далека отъ всякихъ воспоминаній и отъ всего, что связано съ ними.

Баскаковъ. Но если-бъ вы знали, какъ мучилъ меня возмутительный, грубый поступокъ, который я позволилъ себѣ въ ту встрѣчу съ вами!..

Нина (*рѣзко прерываетъ*). Повторяю вамъ: никакихъ воспоминаній! Ни теперь и никогда! Наше знакомство произошло при такихъ обстоятельствахъ, послѣ которыхъ намъ лучше никогда не встрѣчаться. Думаю, что вы согласитесь со мною. А если-бъ вы иначе взглянули на дѣло, то дали бы мнѣ поводъ упрекнуть васъ въ неделикатности. Надѣюсь, что этого не случится и что вы поймете, насколько мы чужды другъ другу. (*Быстро уходитъ*).

Баскаковъ (*на секунду закрылъ лицо руками*). Всего ужас-

нѣе, что ей же я обязанъ тѣмъ, что не умеръ въ подвалѣ! Она не имѣла злой цѣли унизить меня за дерзость. Помогая мнѣ, она скрыла свое имя. Она пожалѣла бѣдняка, который отъ нея пошелъ умирать, пожалѣла его и спасла. А теперь! Сколько негодованія, презрѣнія!.. Во мнѣ она видитъ того жалкаго, подлаго оборванца, который готовъ былъ продать свое имя... О, это пятно никогда не смыть съ совѣсти!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Калерія Павловна *и* **кн. Баскаковъ.**

Калерія. Куда вы пропали отъ насъ? (*Вглядываясь въ него и подходя съ озабоченнымъ видомъ*). Но что съ вами? Что разстроило васъ?

Баскаковъ. Такъ... неожиданность...

Калерія. Кто былъ здѣсь? Васъ вызывали. Кто?

Баскаковъ. Повѣтова.

Калерія. Какъ, Нина Михайловна?! (*Пытливо глядитъ на него*). Зачѣмъ?

Баскаковъ. Она что-то хочетъ учредить... благотворительный домъ... Тутъ ея записка по этому дѣлу. (*Взялъ со стола незаклеенный конвертъ*). Насколько я понялъ, рѣчь идетъ о даровыхъ квартирахъ для бѣдныхъ... хорошая мысль. (*Достаетъ изъ конверта сложенную бумагу*). Вотъ, прочтите!

Калерія (*взявъ бумагу, но не развертывая ее*). Очень жалко, что васъ такъ разстроили!.. Чѣмъ? Женщина, которую вы не знаете, никогда не видали... Неужели помощь ея настолько тяготитъ ваше самолюбіе, что васъ всего перевернуло, при встрѣчѣ съ этою женщиной?.. Если-бъ я меньше знала васъ, я могла-бы подумать, что вы были не откровенны со мной; что Повѣтова имѣетъ для васъ какое-то особенное значеніе...

Баскаковъ. Какое-же? Нѣтъ.

Калерія. Всякій разъ, когда мы заговаривали о ней, вы теряли хладнокровіе, даже раздражались. Но я приписывала это тому, что тогда вы невольно вспоминали прошлое, въ которомъ было много тяжелаго...

Баскаковъ (*прерываетъ*). Да, много тяжелаго! много!

Калерія (*ласково*). Ну, полно, другъ мой! Вы знаете, что я очень огорчаюсь, когда вы въ такомъ настроеніи.

Баскаковъ (*крѣпко пожалъ ея руку*). Благодарю васъ!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ-же, Предсѣдатель (*въ дверяхъ*) *и за нимъ* **Сычугова.**

Предсѣдатель. Куда-жъ вы ушли? Вы намъ нужны.

Калерія. Важный вопросъ. Сейчасъ была госпожа Повѣтова и заявила желаніе сдѣлать крупное пожертвованіе. Она хочетъ выстроить домъ для бѣдныхъ.

Предсѣдатель (*входя*). Выстроить домъ? (*Бѣгло просматриваетъ бумагу, которую вручаетъ ему Калерія.*

Сычугова (*слышавшая Калерію, стоя въ дверяхъ*). Домъ для бѣдныхъ! Да это восторгъ! (*Обращаясь въ залъ*). Слышите, господа! Громадная жертва! Капиталъ, домъ! (*Входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ-же, Бедрягина, *за ней* **Колымовъ, Колымова** *и еще двое* **членовъ.**

Бедрягина. Кто жертвуетъ? Кто?

Калерія. Повѣтова, Нина Михайловна.

Бедрягина. По-вѣ-то-ва? Ха-ха! (*Сычуговой*). Та самая, о которой я вамъ только что разсказала. (*Ко всѣмъ*). Понимаю! Кому всѣ двери закрыты, остается идти къ намъ. Мы принимаемъ всѣхъ, не справляясь о нравственности и прошломъ нашихъ сочленовъ.

Сычугова. Пожертвованіемъ желаютъ купить пропускной билетъ въ общество! Прекрасно!

Предсѣдатель. Во всякомъ случаѣ, mesdames, мы можемъ говорить только о дѣлѣ. А оно настолько интересно и важно...

Бедрягина (*прерываетъ*). Крупнымъ пожертвованіемъ можно пустить пыль въ глаза. Разсчетъ понятенъ, но не вѣренъ. Для большинства—и я убѣждена въ этомъ—щедрость г-жи Повѣтовой не послужитъ ей въ пользу.

Она найдетъ у васъ то отношеніе къ себѣ, какое заслуживаетъ.

Баскаковъ. Отчего не допустить желанія просто сдѣлать добро, безъ всякихъ заднихъ цѣлей?

Бедрягина (*значительно*). Оттого, что въ этомъ случаѣ главное—именно заднія цѣли.

Сычугова. Понятно! Что-жъ остается Повѣтовой, въ ея положеніи? (*Отходитъ къ Колымову и незамѣтно для другихъ вручаетъ ему записку*).

Колымовъ. Съ дамами, князь, спорить нельзя! (*Прячетъ записку*).

Колымова. И не нужно. Развѣ ихъ убѣдишь, когда хочется осудить, очернить? Не убѣдишь ничѣмъ. Вамъ-же наговорятъ непріятностей, но останутся при своемъ.

Бедрягина. Но вы, вѣроятно, не знаете...

Колымова (*прерываетъ*). Исторію Повѣтовой? Знаю. И вотъ что скажу. Если нашелся негодяй, который обманулъ дѣвушку, то клеймите его за то, что онъ обманулъ и жизнь ей испортилъ. Его клеймите, а не ее. Ее жалѣть надо. А вы навыворотъ судите. Хуже: вы издѣваетесь, злорадствуете! Стыдно и грѣшно!

Колымовъ (*про себя*). Безъ скандала не можетъ! (*Къ матери, укоризненно*). Maman! (*Подаетъ ей руку*). Поѣдемте!

Колымова (*беретъ сына подъ руку*). Поѣдемъ, мой другъ! А свое я сказала!

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дѣйствуютъ:

Кн. Васьковъ.
Повѣтова.
Шмелевъ.
Сычугова.
Слуга.

Сцена 2-го дѣйствія у Повѣтовой.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Нина Михайловна *и* **Шмелевъ.**

Шмелевъ (*медленно расхаживаетъ по комнатѣ*). Благотворительный домъ! Зачѣмъ эта затѣя? Я предвижу массу непріятностей, массу! Ну дали-бы денегъ Попечительству и пускай себѣ дѣлаютъ, что хотятъ.

Нина. Какъ же вы не хотите понять, что я не могу жить безъ дѣла? Женщинѣ внѣ общества, безъ будущаго, безъ всякихъ интересовъ, кромѣ дѣтской, надо же жить чѣмъ-нибудь! Когда мнѣ пришла эта мысль, я ожила. Она спасла меня отъ унынія и хандры, отъ воспоминаній, которыя изводили меня. Въ Россію я ѣхала ужъ съ готовымъ планомъ моего дѣла. Оно такъ воодушевило меня, что я собралась раньше, чѣмъ предполагала.

Шмелевъ. Женское нетерпѣніе. У васъ все поскорѣй! Поскорѣй надѣть новое платье, поскорѣй выстроить благотворительный домъ, хотя бы пришлось переплатить лишнее. И откуда у васъ этотъ приливъ сострадания къ бѣднымъ?

Нина. Это давно запало мнѣ въ душу. Въ жизни моей былъ одинъ фактъ... Онъ произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Мое дѣло тѣсно связано съ нимъ. Я знаю до какого ужаса, униженія и паденія доводитъ нищета... А разъ это поймешь и увидишь, нельзя оставаться сложа руки, если можешь помочь.

Шмелевъ. Дѣло прекрасное. Кто возразитъ! Но дай Богъ, чтобъ не сбылись мои опасенія. А что касается будущаго—я разумѣю вашу судьбу—я не раздѣляю вашего взгляда. Вы разсуждаете такъ, какъ будто все кончено.

Нина. Все, милый Сергѣй Андреевичъ, все! Можетъ быть найдется человѣкъ, который полюбитъ меня...

Шмелевъ. Даже навѣрно.

Нина. Пожалуй, я могла-бы выйти замужъ. Но мое прошлое будетъ всегда между мною и мужемъ. При этомъ не можетъ быть прочнаго счастья. Безразсудно и искать его.

Шмелевъ (*садится*). Это теорія, а на практикѣ мы часто видимъ другое.

Нина. Виноватая женщина всегда виновата, какія-бы причины ни оправдывали ее. Мужъ въ глубинѣ души всегда будетъ чувствовать это. У него не будетъ ко мнѣ того уваженія, которе необходимо для полнаго счастья. Всякое недоразумѣніе, всякая непріятность поднимутъ въ немъ это скрытое чувство. Какъ виноватая, я сама не могу быть покойна. Въ этомъ причина подозрительности и щекотливости съ моей стороны. А все это въ жизни близкихъ людей нестерпимо. Наконецъ, отношенія къ моей дѣвочкѣ. Если мужъ дастъ ей имя, то не станетъ любить ее, какъ отецъ. А это будетъ мнѣ больно; я буду страдать за ребенка, который терпитъ не за свою вину. Да нѣтъ, нѣтъ! Съ какой стороны ни взять, выходитъ одно: у меня нѣтъ и не можетъ быть личнаго счастья.

Шмелевъ. Все это важно и непреложно, пока вы не полюбите сами. А тогда и сужденія не будутъ такъ строги и явится желаніе на опытѣ провѣрить себя.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же *и* **Слуга**.

Слуга. Госпожа Сычугова.

Нина (*съ удивленіемъ*). Кто? (*Смотритъ на Шмелева*).

Шмелевъ. Изъ нашего Попечительства. Примите.

Нина (*растерянно*) Но я никого не принимаю... (*Слугѣ*). Проси. (*Слуга уходитъ*). Сычугова... Я такой не знавала...

Шмелевъ. Восторженная особа. У васъ—*женщина* виновата, а у этой дамы—всегда виноватъ *мужчина*.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Нина Михайловна, Шмелевъ *и* **Сычугова**.

Сычугова. Простите, что я не могла отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться съ вами. Мы въ такомъ восторгѣ отъ вашей громадной жертвы! Я сочла за честь...

Нина (*пожавъ ея руку*). Очень рада.

Сычугова. Сергѣй Андреевичъ... (*Пожала руку Шмелеву. Нинѣ, садясь*). М-ег Шмелевъ можетъ вамъ засвидѣтельствовать, что въ Попечительствѣ только и рѣчи, что о вашемъ благотворительномъ домѣ. Всѣ въ восторгѣ. Нашъ милый князь говорилъ о немъ съ такимъ увлеченіемъ! Ахъ, какъ говорилъ!..

Шмелевъ (*Нинѣ*). Я забылъ предупредить васъ, что предсѣдатель поручилъ князю Баскакову доставить вамъ проекты по вашему дому.

Нина (*съ неудовольствіемъ*). Но я могла бы разсмотрѣть ихъ въ Попечительствѣ. Зачѣмъ утруждать?..

Сычугова (*прерываетъ*). Князя? Но хлопотать для бѣдныхъ—его страсть! Онъ обожаетъ бѣдныхъ. Онъ и Калерія Павловна. (*Шмелеву*). Ахъ, кстати: правда-ли, говорятъ, что князь женится на Калеріи Павловнѣ?

Шмелевъ. Не знаю. А было-бы хорошо. Она прекрасная дѣвушка.

Сычугова. Я нахожу, что она суха. Она и для бѣдныхъ трудится больше по убѣжденію, чѣмъ по влеченію сердца.

Шмелевъ. Ну, это какъ знать? Если она не кричитъ про себя, серьезна, то настоящіе работники всегда таковы.

Сычугова. А кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ. Напримѣръ я. Но все-таки я того мнѣнія, что Калерія

Павловна суха. (*Къ Нинѣ*). Вотъ князь наоборотъ: онъ душу отдаетъ Попечительству. Замѣчательно, что онъ самъ изъ трущобы. Представьте! Другой, на его мѣстѣ, постарался-бы забыть лохмотья и грязь нищеты, а онъ обожаетъ...

Шмелевъ. Прекрасная черта.

Сычугова. Вообще князь прелесть! Даже m-me Бедрягина безъ ума отъ него. Ахъ, вы знаете? Она получила въ прошломъ году наслѣдство и стала ужасно важна. Какой тонъ! Слишкомъ зла на языкъ, слишкомъ рѣзка...

Шмелевъ (*прерываетъ*). Поэтому лучше оставить ее въ покоѣ, эту m-me Бе-дря-гину.

Сычугова. Я вспомнила о ней потому... Вотъ и забыла почему! Вы перебили меня. А меня стоитъ перебить—все и вылетитъ изъ головы.

Нина. Вы сказали про отношенія m-me Бедрягиной къ князю Баскакову.

Сычугова. Ахъ, да! Она ухаживаетъ за нимъ, влюблена, ха-ха-ха!

Нина. Чтобъ имѣть успѣхъ, надо быть пріятнымъ и ладить со всѣми.

Шмелевъ. Князь вѣжливъ съ Бедрягиной, насколько необходимо. Онъ такъ же хорошо понимаетъ ее, какъ и я.

Сычугова (*Нинѣ порывисто*). Я гляжу на васъ и восхищаюсь! Вамъ покажется страннымъ, что я при первомъ знакомствѣ такъ откровенна? Но я не могу скрывать своихъ впечатлѣній. Я слишкомъ впечатлительна. Предсѣдатель Попечительства... онъ мой зять... смѣется, что я экспансивна. Какъ жалко, что другіе лишены удовольствія, какое я испытываю въ вашемъ обществѣ! Всѣ такъ много говорятъ, такъ интересуются вами! Отчего вы нигдѣ не бываете?

Шмелевъ. Надо прежде устроить дѣла. Ихъ не мало накопилось за то время, какъ Нина Михайловна была заграницей.

Сычугова. Вы ѣздили заграницу лѣчиться?

Нина. Нѣтъ.

Сычугова. Путешествовали?

Нина. Да.

Сычугова. Ахъ, это такъ пріятно, путешествовать! Мнѣ самой ужасно хочется заграницу. Если дѣла мѣшаютъ вамъ бывать въ обществѣ, то отчего-бы вамъ не пріѣхать въ засѣданіе Попечительства? Вашъ домъ для бѣдныхъ—такое важное дѣло!

Нина. Я пріѣду въ Попечительство, когда будетъ нужно, а пока дѣло мое еще въ проектѣ.

Сычугова (*встаетъ и пожимаетъ руку Нины*). Будемъ ждать. Мы устроимъ вамъ достойный пріемъ. Очень, очень рада, что имѣла удовольствіе познакомится съ вами. Пожалуйста располагайте мной какъ хотите. Я собственно затѣмъ пріѣхала, чтобъ предложить вамъ свои услуги. (*Шмелеву*). До свиданья, Сергѣй Андреевичъ. (*Пожавъ ему руку, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Нина Михайловна *и* Шмелевъ.

Нина. Что это такое?! Зачѣмъ вы заставили меня принять эту даму?

Шмелевъ. Вините себя. Разъ вы затѣяли общественное дѣло—платитесь за это. Безъ него, Сычугова не имѣла-бы повода явиться сюда. А теперь она вынесетъ отъ васъ съ три короба всякаго вранья.

Нина. Я сдѣлала ошибку, что обратилась въ Попечительство. Все можно было устроить и безъ него. Зачѣмъ шлютъ ко мнѣ Баскакова? Всѣ проекты я могла разсмотрѣть съ вами.

Шмелевъ. Да что вы имѣете противъ Баскакова? Прекрасный молодой человѣкъ. Онъ можетъ быть лучшимъ помощникомъ въ вашемъ дѣлѣ. А вы не благоволите къ нему. За что? Когда у меня вы встрѣтились съ княземъ, онъ должно быть замѣтилъ это. Онъ былъ слишкомъ сдержанъ и торопился уйти.

Нина (*съ волненіемъ*). Многимъ будетъ неловко въ присутствіи женщины, которую могутъ назвать безнравственной. За то на совѣсти моей нѣтъ того, что должно

быть у матерей, которыя, спасая себя, жертвують дѣтьми своему эгоизму и малодушію.

Шмелевъ. Зачѣмъ волноваться и говорить про это? Я и такъ понимаю.

Нина. Вы—да. Вы мой единственный другъ. (*Крѣпко пожала ему руку*).

Шмелевъ. Не одинъ я, многіе сочувственно относятся къ вамъ; но говорятъ: „зачѣмъ она бравируетъ?..“

Нина. Я бравирую?! Странно! Я несу всю тягость своего поступка. Неужели и вы такъ думаете!

Шмелевъ. Я не про себя, я передаю взглядъ другихъ. „Лучше-бы, говорятъ, устроить не такъ наглядно; а то похоже на вызовъ общественной нравственности“...

Нина. Вы меня поражаете. Но вѣдь я *внѣ* общества, слѣдовательно, мое поведеніе могутъ вполнѣ игнорировать. Это во-первыхъ. Потомъ: лучше-ли я стану оттого, что буду прятать ребенка, когда всѣ знаютъ, что онъ есть у меня? Значитъ, отъ меня хотятъ лицемѣрія? Лучше-ли, если я стану униженно заискивать въ людяхъ, чтобъ они *снизошли* до меня, давая мнѣ чувствовать всю цѣну ихъ снисхожденія? Не больше-ли я унижу себя? Наконецъ, у меня нѣтъ никого, кому я могла бы поручить дѣвочку, безъ ущерба для нея во всѣхъ отношеніяхъ.

Шмелевъ. Я не сталъ-бы ничего говорить, если-бъ не вашъ благотворительный домъ. Столкновенія съ обществомъ неизбѣжны, стало-быть нужно считаться съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же *и* Слуга.

Слуга. Князь Баскаковъ.

Нина. Баскаковъ?!

Шмелевъ. Ну, какъ-же вы?

Нина (*слугѣ, послѣ легкаго колебанія*). Проси. (*Слуга уходитъ*).

Шмелеъ. А сама недовольна. Ну надѣюсь, что князь разсѣетъ ваше предубѣжденіе, которое я не могу понять.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Нина Михайловна, Шмелевъ *и* **кн. Баскаковъ** (*входитъ съ портфелемъ и почтительно кланяется*).

Баскаковъ. Мнѣ дано порученіе...

Нина. По моему дѣлу. Я знаю. (*Подавъ руку Баскакову, указываетъ ему кресло*). Прошу васъ.

Баскаковъ (*не садясь, вынимаетъ изъ портфеля бумаги*). Тутъ проектъ плана, предварительная смѣта...

Шмелевъ (*взглянувъ на часы*). Ну, вы займетесь дѣломъ общественнымъ, а я отправлюсь по своему. (*Цѣлуетъ руку Нины*). До свиданья, мой другъ! (*Пожимая руку Баскакову, Нинѣ*). Еще разъ говорю вамъ, что лучшаго помощника въ вашемъ дѣлѣ нельзя желать. До свиданья! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Нина Михайловна *и* **кн. Баскаковъ.**

Баскаковъ. Смѣю увѣрить васъ, Нина Михайловна, что я отклонялъ порученіе предсѣдателя. Но мнѣ отвѣтили удивленіемъ, наконецъ разспросами... Меня поставили въ такое неловкое положеніе, что я долженъ былъ согласиться. Я ожидалъ, что не буду принятъ у васъ. Можетъ быть присутствіе Сергѣя Андреевича, расположеннаго ко мнѣ, помѣшало этому. Во всякомъ случаѣ, вручивъ вамъ бумаги, я могу передать предсѣдателю, что вы переговорите съ нимъ сами. (*Положивъ бумаги на столъ, берется за шляпу*).

Нина (*развернувъ одну изъ бумагъ*). Это планъ?

Баскаковъ. Сверху планъ всего владѣнія, которое вы покупаете, а это проектъ внутренняго устройства дома.

Нина. Я не совсѣмъ понимаю... Садитесь, прошу васъ.

Баскаковъ (*садясь къ столу*). Архитекторъ предполагаетъ выломать всю середину дома, въ обоихъ этажахъ. Проектируется широкій корридоръ во всю длину зданія. Вотъ онъ. Изъ него въ обѣ стороны будутъ квартиры.

Нина. А это—нижній этажъ?

Баскаковъ. Да. Въ верхнемъ этажѣ: тутъ контора, а рядомъ залъ для дѣтей.

Нина. Просторный? Надо чтобъ дѣтямъ было свободно бѣгать, играть...

Баскаковъ. Залъ очень просторный и удаленъ отъ квартиръ. Дѣти не будутъ безпокоить жильцовъ. Все это предусмотрѣно въ запискѣ, которую вы дали намъ, для выполненія вашей идеи.

Нина. Заграницей я осмотрѣла нѣсколько пріютовъ, благотворительныхъ заведеній. Въ своей запискѣ я собрала готовый матеріалъ.

Баскаковъ (*оживляясь*). Самая идея—устроить даровыя квартиры для семейныхъ бѣдняковъ—труженниковъ— прекрасна. Мы думали объ этомъ, но у Попечительства средства такъ скудны! Мы третій годъ взываемъ о помощи, а ее все меньше и меньше! Можетъ быть намъ вскорѣ не на что будетъ кормить нашихъ стариковъ и сиротъ. Не на что! въ милліонномъ городѣ!.. (*Сразу мѣняетъ оживленный тонъ на прежній, сдержанный*). Но это не относится къ дѣлу. (*Встаетъ*). Позвольте сообщить предсѣдателю, что порученіе его исполнено.

Нина (*съ смущеніемъ*). Въ Попечительствѣ... когда мы встрѣтились такъ неожиданно... я была неделикатна... рѣзка...

Баскаковъ. Я самъ вызвалъ это. Я видѣлъ, какъ непріятно вы были поражены встрѣчей со мною, но это не остановило меня. Я сталъ говорить про то, что тяготило меня, не сообразивъ, насколько это было безтактно. Мою неумѣстную искренность можно было принять за навязчивость, даже за нахальство. Вы узнали меня въ такомъ положеніи и при такихъ обстоятельствахъ.

Нина (*прерываетъ*). Зачѣмъ говорить о томъ, что заставляетъ краснѣть насъ обоихъ!

Баскаковъ. Простите! Я позволю себѣ одно разъясненіе...

Нина (*прерываетъ. Рѣзко*). Никакія „разъясненія“ не

уничтожать того зла, которое всегда будетъ давать себя чувствовать.

Баскаковъ. Я имѣлъ въ виду не зло, а добро; добро, которое вы сдѣлали мнѣ, не давъ умереть въ подвалѣ.

Нина. Какъ?! Развѣ вы знаете?!

Баскаковъ. Да. И вотъ почему моя дерзкая выходка, когда я ворвался сюда и наговорилъ вамъ Богъ знаетъ чего—мучила меня всѣ эти годы. Я обрадовался первому случаю высказать это вамъ...

Нина. Но кто вамъ сказалъ? Я взяла съ Калеріи Павловны слово, что она не выдастъ меня.

Баскаковъ. Я узналъ не отъ Калеріи Павловны.

Нина. Ей было извѣстно, что вы узнали; однако-же, возвращая мнѣ деньги, она умолчала объ этомъ!.. Впрочемъ это такія пустяки... Я и для другаго сдѣлала-бы тоже... Наконецъ, вы расплатились со мной. Но я вовсе не хотѣла, чтобъ вы считали себя обязаннымъ мнѣ. Безъ этого не было бы повода вступать въ объясненія и благодарность не тяготила бы васъ.

Баскаковъ (*встаетъ*). Меня тяготило то, что я оскорбилъ женщину въ несчастіи, а не чувство благодарности за ея добро, котораго я никогда не забуду.

Нина (*порывисто*). Я гораздо больше обязана вамъ. Вы удержали меня отъ ужаснаго шага; вы открыли мнѣ глаза на людей, которые окружали меня. Я опомнилась и нашла въ себѣ силу пойти другимъ путемъ, не тѣмъ, какой указывали мнѣ *близкіе* люди... Вы видите, что вамъ не въ чемъ раскаиваться. А что вы обошлись со мной... рѣзко, жестоко, то я была виновата сама. Я хотѣла „купить вашу честь“, какъ вы сами сказали, купить, пользуясь тѣмъ, что вамъ оставалось или пустить себѣ пулю въ лобъ, или согласиться...

Баскаковъ. Ужасное время!.. ужасная жизнь!..

Нина. Я видѣла эту жизнь горькой нищеты, въ гнилыхъ подвалахъ, гдѣ вы лежали больной...

Баскаковъ. Вы были тамъ... знаю...

Нина. Тамъ я поняла, что такое настоящее горе, настоящее страданіе. Мнѣ стало стыдно своихъ слезъ и

отчаянія. Тамъ я нашла твердость перенести свое горе и тамъ-же у меня родилась мысль сдѣлать все возможное для этихъ несчастныхъ, которыхъ я оскорбила въ вашемъ лицѣ... (*Пауза. Настроеніе Нины сразу мѣняется. Продолжаетъ холодно, съ раздраженіемъ*). Но зачѣмъ я говорю все это? Я знаю, что мое дѣло перетолкуютъ по своему... объяснятъ личными цѣлями... И пускай! Мнѣ все равно. Я ни въ комъ не заискиваю. Думайте и вы, какъ хотите.

Баскаковъ (*съ оттѣнкомъ обиды, но съ достоинствомъ*). Конечно, я не заслужилъ откровенности вашей. Въ досадѣ за нее, вы мнѣ дали почувствовать это. Но я уже высказалъ мое отношеніе къ вашему дѣлу и возражу всякому, кто „*по своему*" перетолкуетъ его.

Нина (*сухо*). Извините, что я была несправедлива къ вамъ. Въ моемъ положеніи естественно быть недовѣрчивой, ожидать отъ людей всего дурнаго... Благодарю, что вы взяли на себя трудъ передать мнѣ эти бумаги...

Баскаковъ. Ознакомившись съ проектомъ и смѣтой, вы потрудитесь дать отвѣтъ предсѣдателю. (*Отходитъ взять шляпу и остается въ отдаленіи*).

Нина (*взявъ со стола смѣту, быстро перелистываетъ ее. Съ смущеніемъ*). Цифры, цифры... Если въ смѣтѣ я чего-нибудь не пойму... понадобятся разъясненія...

Баскаковъ (*у двери, съ почтительнымъ поклономъ*). Я къ вашимъ услугамъ.

Нина (*ласково, протянувъ ему руку*). До свиданья!

Баскаковъ (*подошелъ и пожалъ ея руку*). Имѣю честь кланяться. (*Уходитъ*).

Нина (*задумчиво глядя ему вслѣдъ*). Блестящій молодой человѣкъ, женихъ Калеріи Павловны... И это тотъ самый Баскаковъ, который стоялъ тутъ въ рубищѣ, испитой, страшный!.. Онъ помнитъ и цѣнитъ добро... Да, не столкни насъ судьба, онъ навѣрно-бы умеръ... А я? что было-бы со мной?.. Быть можетъ Гремячевъ довелъ-бы меня до полнаго униженія и бросилъ-бы, какъ... (*Садится къ столу, уронивъ голову на руки*). Нѣтъ, лучше не думать! не вспоминать!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе пятое *).

Дѣйствуютъ:

Кн. Васкаковъ.
Повѣтова.
Шмелевъ.
Ведрягина.
Калерія Павловна.
Предсѣдатель.
Сычугова.
Колымовъ.
Генералъ.
Маурина.
Трухачевская.
Воробьевъ.
Иволгинъ.
Гости.

(Маурина, Трухачевская, Воробьевъ, Иволгинъ, Гости) — Члены попечительства о бѣдныхъ.

Контора въ благотворительномъ домѣ Повѣтовой. Стѣны выкрашены свѣтлою масляною краской. Три двери: прямо—въ широкій корридоръ, налѣво—на лѣстницу, направо—въ залъ. Направо конторка и диванъ. Налѣво большой канцелярскій столъ. Кругомъ него и по стѣнамъ вѣнскія стулья. Въ лѣвомъ углу шкафъ. На стѣнѣ, правѣе средней двери, часы.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Генералъ, Колымовъ, Маурина, Трухачевская, Воробьевъ, Иволгинъ и другіе **гости** (*мужчины и женщины*) **).

Генералъ. Помолились, позавтракали, теперь пойдемте осматривать домъ. Я бывалъ здѣсь и все покажу вамъ. Тутъ—контора. Залъ, гдѣ мы завтракали, Нина Михайловна устроила для дѣтей своихъ квартирантовъ. Тамъ ребятишки будутъ рѣзвиться, тузить другъ друга и, конечно, ревѣть...

---

*) Между 4-мъ и 5-мъ актами проходитъ больше года.
**) Генералъ въ эполетахъ. Всѣ мужчины во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Маурина (*прерываетъ*). Знаете, мнѣ даже жалко стало Нину Михайловну.

Трухачевская. Да, ей пришлось выслушать не мало колкостей и непріятныхъ намековъ!

Генералъ. За то Баскаковъ въ своей рѣчи воспѣлъ ей такую восторженную похвалу, что вы, mesdames, прикусили злые язычки, ха-ха!

Вмѣстѣ:
- **Маурина**. Напротивъ!
- **Трухачевская**. Онъ выдалъ себя головой!
- **Воробьевъ**. Онъ могъ нарваться на крупный скандалъ.
- **Иволгинъ**. То была медвѣжья услуга!

Генералъ (*зажимая уши*). Тише! ради Бога тише! Васъ могутъ услышать! (*Указалъ на дверь, въ которую всѣ вошли*). И за что всѣ озлоблены на Нину Михайловну? Удивляюсь!

Трухачевская. Мы только справедливы.

Маурина. Мы не даемъ одурачить себя.

Трухачевская. Мы хорошо понимаемъ, что скрывается за этимъ благотворительнымъ дѣломъ. (*Въ группѣ смѣхъ*).

Генералъ (*отмахиваясь*). Позвольте! позвольте! Съ вами нельзя говорить. Лучше пойдемте осматривать домъ. Прошу! (*Указываетъ на среднюю дверь*).

Маурина (*уходя*). А сами вы будто не знаете, въ чемъ тутъ дѣло?

Генералъ (*ей вслѣдъ*). Я никогда не отличался догадливостью. (*Уходитъ. Нѣкоторые изъ гостей уходятъ за нимъ*).

Трухачевская. Нашъ генералъ умѣетъ ладить со всѣми. (*Уходитъ*).

Воробьевъ (*уходя за ней*). И отлично обдѣлываетъ дѣлишки.

Иволгинъ (*слѣдуя за нимъ*). Политикъ! (*Всѣ уходятъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Калерія Павловна *и* **Шмелевъ** (*справа*).

Шмелевъ (*горячо*). Я отговаривалъ Нину Михайловну отъ этого дѣла. Я предупреждалъ, что она наживетъ

неприятностей и враговъ. И что-же, я не правъ? Вы сейчасъ слышали!

Калерія. Но есть и такіе, которые сочувствуютъ ей...

Шмелевъ. Тѣ станутъ молчать. На бѣду, хорошіе люди у насъ всегда въ сторонѣ и сидятъ по своимъ угламъ. А дрянь этимъ пользуется. Судятъ, кричатъ и вездѣ суютъ носъ такія вотъ, какъ Бедрягина!

Калерія. Однако-жъ Баскаковъ не молчалъ! Впрочемъ онъ принималъ такое живое участіе въ дѣлѣ Нины Михайловны, что долженъ былъ заговорить и вступиться. Больше года они работали вмѣстѣ; можно сказать, что это ихъ общее дѣло...

Шмелевъ. И вотъ потому, что „они работали вмѣстѣ". родилась подлая сплетня. Я близкій другъ Нины Михайловны. Я знаю, что въ ея отношеніяхъ къ князю, хорошихъ и дружескихъ, нѣтъ и тѣни того, въ чемъ злые языки обвиняютъ ихъ. А этому вѣрятъ! Вѣрятъ ужъ потому, что дурному всегда скорѣе повѣрятъ. Я едва-ли ошибусь, если скажу, что сплетня—самый живой интересъ нашей общественной жизни. А вы ужъ собрались уѣзжать?

Калерія. Нѣтъ, хочу осмотрѣть квартиры.

Шмелевъ. Пойдемте посмотримъ. (*Уходятъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Бедрягина *и* **кн. Баскаковъ** (*справа*).

Бедрягина. Чудесно, чудесно! А здѣсь что-же у васъ?

Баскаковъ. Контора.

Бедрягина. Говорятъ, вы... васъ Нина Михайловна пригласила управлять домомъ?

Баскаковъ. Меня.

Бедрягина. И вы беретесь? Вы?

Баскаковъ. Да.

Бедрягина. Конечно вознагражденіе... За такой трудъ мало взять невозможно.

Баскаковъ. Вознагражденія никакого.

Бедрягина. Даромъ?! Неужели даромъ? Вы какой-то безсребреникъ!

Баскаковъ. Я беру на себя эту обязанность, какъ членъ Попечительства.

Бедрягина. Безвозмездно! Ну, кромѣ васъ никто не сдѣлаетъ этого. Впрочемъ, вѣдь вы филантропъ, сердобольный!..

Баскаковъ. Извините, меня ждутъ. (*Идетъ къ двери направо*).

Бедрягина (*останавливая его жестомъ*). Минутку! Я хотѣла выразить, что очарована вешею рѣчью за завтракомъ. Какъ вы говорили! Поздравляю! (*Съ ироніей*). Многіе остались недовольны, но я... О, вы блестящій ораторъ!

Баскаковъ. Недовольны? Почему-же?

Бедрягина. Ну, оскорбились... Вы пустили нѣсколько такихъ стрѣлъ въ защиту Нины Михайловны...

Баскаковъ (*съ усмѣшкой*). Ахъ, вотъ почему!

Бедрягина. Понятно. (*Смотритъ на него злобно и насмѣшливо*).

Баскаковъ (*разгорячаясь все больше и больше*). Въ такомъ случаѣ и вы... не должны быть довольны мной, потому что... потому что Нина Михайловна никѣмъ не была такъ задѣта, какъ *вами!* Если, быть можетъ, я вышелъ изъ границъ осторожности и деликатности, то главнымъ образомъ благодаря вамъ. Теперь я не хотѣлъ говорить объ этомъ, оставляя до болѣе удобнаго случая. Но если вы сами коснулись вопроса, то я вамъ долженъ сказать, весьма и весьма серьезно, что хладнокровнымъ свидѣтелемъ злыхъ нападокъ на Нину Михайловну я не буду, что...

Бедрягина (*прерываетъ спокойно и дѣловымъ тономъ*). Позвольте, позвольте! Что вы забываетесь—это вы сами поймете, когда придете въ себя...

Баскаковъ. Меня вынуждаютъ...

Бедрягина (*прерываетъ*). Будьте вѣжливы и дайте сказать! Мнѣ не надо убѣждать васъ въ безтактности вашей рѣчи. Въ этомъ вы и Нина Михайловна сами убѣдитесь отлично. Я вамъ имѣю сказать нѣчто серьезнѣе. Налетая на меня съ вашимъ негодованіемъ и угрозами,

вы забываете, что я относилась къ вамъ съ участіемъ и желаніемъ добра. Я не измѣнилась къ вамъ даже тогда, когда видѣла, что вы уклоняетесь и не цѣните этого. Но послѣ вашей рѣчи, послѣ того, что вы наговорили сейчасъ (*значительно*), мое отношеніе къ вамъ будетъ уже *не то!* (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Кн. Баскаковъ *и* **Нина Михайловна** (*быстро входитъ справа*).

Нина (*горячо пожимая руку Баскакову*). Благодарю васъ! Вы заступились за меня, какъ истинный другъ!

Баскаковъ. Къ сожалѣнію, я слишкомъ погорячился! Я забылъ, насколько вы и ваше дѣло выше всѣхъ этихъ дрязгъ. Я подлилъ масла въ огонь и повредилъ вамъ. Бедрягина только что дала мнѣ почувствовать это. (*Уходитъ въ заднюю дверь*).

Нина (*съ испугомъ*). Бедрягина!.. Но она ему отомститъ! Это будетъ ужасно!.. Я забыла, что за меня онъ можетъ нажить враговъ! Я на все закрыла глаза! Забыла все, что стоитъ между нами!... Безуміе!.. (*Отерла слезы и быстро оправляется, при видѣ входящихъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Нина Михайловна, Сычугова *и* **Предсѣдатель** (*справа*).

Предсѣдатель. Честь вамъ и слава, Нина Михайловна!

Сычугова. Вотъ ужъ именно! Я въ восторгѣ!

Предсѣдатель. Какъ хорошо, что домомъ будетъ завѣдывать князь, нашъ неутомимый и милый князь!

Сычугова. Я въ восторгѣ отъ него. Такой милый, такой... ахъ, прелесть!

Нина. Тутъ именно нуженъ такой энергичный человѣкъ, какъ Баскаковъ. Я очень рада, что онъ взялся за это.

Сычугова. А я рада за бѣдныхъ. Какое благодѣяніе!

Предсѣдатель (*посмѣиваясь*). Вотъ вамъ отличный случай показать, что вы и на дѣлѣ любите бѣдныхъ.

Сычугова (*съ кислой улыбкой*). Что вы хотите сказать? Кажется, я не мало доказывала, таскаясь по грязнымъ подваламъ, гдѣ тошнитъ и кружится голова.

Председатель. Ну, вы скоро перестали посѣщать ихъ!

Сычугова. Мнѣ докторъ запретилъ. Вы знаете. Нервы у меня разстроились до кошмаровъ! Наконецъ, рискъ заразиться... Какихъ болѣзней тамъ нѣтъ? Ужасно!

Председатель. Да, да! А если-бъ вамъ на прекрасное учрежденіе Нины Михайловны опредѣлить ежегодно кругленькую сумму, на ремонтъ, расходы... А? Что вамъ стоитъ!

Сычугова (*вспыхнула, съ досадой*). Какъ „что мнѣ стоитъ"?! Да развѣ я такъ богата? Наконецъ, мои деньги... они всѣ въ дѣлѣ... Какъ вы такъ говорите? Удивляюсь!

Нина. Ничего не нужно. Содержаніе дома обезпечено мною.

Сычугова (*оправляясь и мѣняя тонъ, Председателю*). Я понимаю васъ, понимаю! Вы хотите меня подразнить! (*Нинѣ*). Онъ всегда смѣется, что я скупа, тогда какъ самъ знаетъ, что я мотаю безъ памяти...

Председатель. Положимъ, этого я не знаю...

Сычугова. Ну, отвяжитесь! И оставьте насъ съ Ниной Михайловной. Мнѣ нужно кое-что сказать ей.

Председатель (*посмѣиваясь*). Конечно важное?

Сычугова. Ахъ, несносный! Отстаньте!

Председатель. Мое почтеніе, Нина Михайловна! Сердечно поздравляю васъ! (*Пожалъ ей руку*). Дай Богъ намъ побольше такихъ членовъ, какъ вы! (*Уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Сычугова *и* **Нина Михайловна**.

Сычугова (*смѣясь*). Онъ всегда вышучиваетъ меня! (*Интимно*). Вотъ о чемъ, дорогая моя, я хотѣла поговорить съ вами. Вы знаете, я первая пріѣхала къ вамъ. Я сразу васъ полюбила. Я всѣмъ доказала мои чувства къ вамъ, вездѣ заступаясь за васъ.

Нина. Очень вамъ благодарна. Но меня удивляетъ, почему такъ интересуются мною, что за меня нужно вездѣ „заступаться?"

Сычугова. Подите-жъ! Всѣ, всѣ! И что говорятъ! ахъ, что говорятъ!

Нина. Право мнѣ незачѣмъ знать...

Сычугова (*съ живостью*). Ахъ нѣтъ, нѣтъ, послушайте! Вы удивитесь, до чего можетъ дойти злословіе! Даже такое дѣло, какъ вашъ домъ для бѣдныхъ, объясняютъ недостойными цѣлями.

Нина. Цѣль одна: помочь бѣднымъ.

Сычугова. Ну, конечно! А они толкуютъ, что у васъ другая цѣль, даже нѣсколько!

Нина (*усмѣхаясь*). Даже нѣсколько!

Сычугова. Ахъ, у нихъ все сочинено и подлажено, чтобъ вамъ досадить, все! „Во-первыхъ, говорятъ, ей нужно положеніе въ обществѣ“...

Нина. О чемъ я вовсе не думала.

Сычугова. Я такъ и отвѣтила имъ. Я сказала, что для этого вы не швырнули бы столько денегъ. „Она богата, кричатъ; она можетъ бросить сотню тысячъ, особенно для того, чтобы скрыть... привязанность...

Нина. Какую? Этого ужъ я рѣшительно не понимаю.

Сычугова. Ахъ, дорогая моя! тутъ ужъ плетутъ Богъ знаетъ что! Будто вы и Баскаковъ...

Нина (*съ изумленіемъ*). Что?

Сычугова. Будто вы такъ близки другъ другу...

Нина (*съ горечью*). Теперь я начинаю догадываться... начинаю понимать намеки за завтракомъ...

Сычугова. Намекали на то, что общимъ дѣломъ съ Баскаковымъ, дѣломъ благотворительности, прикрыта интимная сторона вашихъ отношеній. Возмутительно! Я спорила, кричала, бранилась до слезъ! А они хохочутъ надо мной, какъ надъ дурой. Судите, есть ли у нихъ что-нибудь святое, если они обвиняютъ Баскакова даже въ томъ, что въ вашемъ дѣлѣ онъ преслѣдуетъ матеріальныя цѣли.

Нина. Онъ?! Матеріальныя цѣли?! Онъ, который все свободное время отдаетъ труду на помощь бѣднымъ!..

Сычугова. „Примазался, говорятъ, къ молодой и богатой женщинѣ, пока выищетъ себѣ выгодную невѣ-

сту". За это я ужъ окончательно разругалась съ ними! окончательно! (*Обернулась къ входящему Колымову*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же *и* **Колымовъ** (*изъ средней двери*).

Сычугова (*Колымову*). Уѣзжаете?

Колымовъ. Да.

Сычугова. И я съ вами. (*Встаетъ*).

Колымовъ (*Нинѣ*). Имѣю честь кланяться! Еще разъ примите мое поздравленіе и желаніе полнаго успѣха вашему дѣлу. (*Нина поспѣшно пожала руку Колымову и Сычуговой и быстро уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Сычугова *и* **Колымовъ**.

Колымовъ (*проводивъ Нину взглядомъ*). Ты вѣрно нашпилила Нину Михайловну, что на ней лица нѣтъ?

Сычугова. А что?

Колымовъ. А то, что это очень не хорошо. Я знаю вашу манеру: подъ видомъ участія и дружбы, наговорить всякихъ гадостей.

Сычугова. А я знаю, что у мужчинъ слабость защищать доступныхъ женщинъ!

Колымовъ (*выразительно поглядѣлъ на нее*). Ха-ха-ха!

Сычугова Чему?.. Ужъ вы не на мой ли счетъ?.. Убирайтесь, когда такъ. Уѣзжайте одни!

Колымовъ. И уѣду. (*Уходитъ налѣво*).

Сычугова. Каковъ! (*Послѣ краткаго колебанія, отворяетъ лѣвую дверь и говоритъ въ нее капризнымъ голосомъ*). Колымовъ! Подождите-жъ меня! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Бедрягина *и* **Калерія Павловна** (*входятъ изъ средней двери*).

Бедрягина. Повторяю, что эта интриганка явилась на ваше счастье.

Калерія (*съ горячностью*). Я не считаю Нину Михайловну интриганкой и рѣшительно не вижу, причемъ тутъ мое счастье.

Бедрягина. Было время, когда васъ съ Баскаковымъ считали женихомъ и невѣстой...

Калерія. Для меня это—новость.

Бедрягина. Но Нина взяла его въ любовники и отдалила отъ васъ.

Калерія. Если и такъ, то какое мнѣ дѣло до этого?

Бедрягина. Во всякомъ случаѣ такой дѣвушкѣ, какъ вы, Баскаковъ не пара.

Калерія. Опять вы свое. Мы вмѣстѣ работали въ Попечительствѣ. Дѣло насъ сблизило. Оба мы любимъ его. Князя я считаю хорошимъ и честнымъ человѣкомъ. Между нами установились добрыя, дружескія отношенія. Вотъ и все. Ничего другаго быть не могло и не будетъ.

Бедрягина. Очень рада, если такъ. Дѣло въ томъ, что Баскакову надоѣстъ эта связь, хотя она и выгодна для него, потому что Нина богата.

Калерія (*съ негодованіемъ*). Ахъ, что вы говорите! Невозможно!

Бедрягина. Нѣтъ возможно и я докажу, *фактомъ* докажу вамъ. Въ концѣ концовъ Баскаковъ порветъ съ Ниной, какъ случается съ большинствомъ потерянныхъ женщинъ. Онъ станетъ искать выгодную невѣсту и снова обратитъ на васъ все вниманіе. Смотрите, не вздумайте простить его и протянуть руку по прежнему! Я предостерегаю изъ любви и уваженія къ вамъ.

Калерія. Я не измѣняла отношеній къ Баскакову и не вижу причинъ измѣнять. А предостерегать меня напрасно и не отчего.

Бедрягина. Нѣтъ, вы измѣнитесь къ Баскакову и должны измѣниться. Я открою вамъ фактъ, безъ чего—я вижу—васъ разубѣдить невозможно. Вы не вѣрите, что Баскаковъ способенъ брать деньги у Нины?

Калерія. Конечно, не вѣрю! Во всемъ, что про нихъ говорятъ, я вижу одну злую сплетню, которая возмущаетъ меня!

Бедрягина. Хорошо. А-это возмутитъ васъ, или нѣтъ? что Баскаковъ три года тому назадъ *продалъ себя* тойже Нинѣ Михайловнѣ.

Калерія. Что?! Какъ продалъ себя?!

Бедрягина. Когда она искала мужа, чтобъ скрыть свое положеніе, а Баскаковъ жилъ оборванцемъ въ трущобѣ, онъ за деньги согласился на фиктивный бракъ съ Ниной и взялъ эти деньги, взялъ! (*Нѣмая сцена: при послѣднихъ словахъ Бедрягиной, въ средней двери появляется Баскаковъ. Онъ слышалъ эти слова и стоитъ блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ. Калерія первая обратила взглядъ въ его сторону. Бедрягина, взглянувъ туда-же, моментально отходитъ. Баскаковъ дѣлаетъ два-три шага къ Калеріи. Пользуясь этимъ, Бедрягина за его спиной выскальзываетъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Калерія Павловна *и* кн. Баскаковъ.

Баскаковъ. Вы слышали правду: я деньги взялъ.

Калерія (*вздрогнула, выпрямилась и замерла въ одной позѣ, не глядя на Баскакова. Пауза*).

Баскаковъ (*голосомъ слегка хриплымъ отъ волненія*). Да, Калерія Павловна, я деньги взялъ, хотя и возвратилъ ихъ тогда-же. Вотъ вамъ разгадка, почему помощь Нины Михайловны была мнѣ такъ тяжела! Вотъ почему я не могъ про нее говорить съ вами откровенно и хладнокровно. Вотъ фактъ, который при всей нашей дружбѣ, всегда держалъ меня вдали отъ васъ и былъ между нами! Рано, или поздно вы узнали-бы его, разъ онъ произошелъ на глазахъ такой женщины, какъ Бедрягина. Фактъ тяготившій меня и имѣвшій громадное значеніе въ моей жизни! Ни одна женщина, кромѣ развѣ Нины Михайловны, не проститъ мнѣ его. Фактъ настолько ужасный, что разъ вы узнали его, мы становимся чужды другъ другу! (*Пауза Калерія молчитъ*). Да, это такъ!.. Я теряю васъ... васъ отнимаетъ у меня мое прошлое...

Калерія (*встаетъ и, не взглянувъ на Баскакова, молча уходитъ въ лѣвую дверь*).

Баскаковъ. И ни слова! ни единаго слова!.. Она вѣритъ всему, что говорятъ про меня! *Теперь* вѣритъ!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Кн. Баскаковъ *и* **Нина Михайловна** (*справа, грустная и взволнованная*).

Баскаковъ (*подходитъ къ ней, съ выраженіемъ глубокаго сочувствія, беретъ и цѣлуетъ ея руку*). Мнѣ тяжело за васъ! Дѣло сдѣлано, а вы измучены, оскорблены!..

Нина. Я въ себя не приду! Чѣмъ я могла вызвать столько несправедливости, озлобленія?..

Баскаковъ. Тѣмъ, что сдѣлали хорошее, крупное дѣло. Кто немного станетъ выше толпы, того встрѣчаютъ враждебно. Холопская черта, которыхъ еще много у насъ.

Нина. Наше дѣло говоритъ само за себя. Ему нельзя не сочувствовать. Причины лично во мнѣ, въ моемъ прошломъ... У другихъ оно хуже; у другихъ вся жизнь сплошная грязь. Но это терпятъ, замалчиваютъ. Почему? Потому что внѣшность прилична, условія соблюдены, есть ширмы, есть люди въ нужныхъ роляхъ. А меня оскорбляютъ даже за доброе дѣло! И не меня одну, но и васъ за меня!

Баскаковъ. Обо мнѣ нечего говорить. Пустяки.

Нина. Прежде всѣ любили и уважали васъ. А дружба ко мнѣ уронила васъ въ общемъ мнѣніи. Нашлись безсовѣстные люди, которые даже чернятъ васъ! клевещутъ на васъ! И все это за то, что вы протянули мнѣ руку помощи! Какъ это обидно и горько!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же *и* **Шмелевъ** (*изъ средней двери*).

Шмелевъ (*съ горечью*). Что, друзья мои? Хорошо увѣнчали васъ за „общественное“ дѣло?

Баскаковъ. Тѣ, кому оно сдѣлано, скажутъ горячее спасибо Нинѣ Михайловнѣ и станутъ благословлять ее.

Шмелевъ. Хоть этимъ утѣшьте себя! Вотъ что значитъ дразнить гусей!

Нина. Но чѣмъ-же я?..

Шмелевъ. Ахъ, вы не знаете! Такъ я скажу „чѣмъ“. Вы всѣхъ оскорбили и дважды.

Нина. Я?! Оскорбила?!

Шмелевъ. Да. Когда въ позапрошломъ году вы пріѣхали изъ заграницы, всѣ взволновались и ожидали интересныхъ исторій. Одни собирались унизить васъ, дать вамъ почувствовать, какая вы грѣшница; другіе предвкушали удовольствіе разыграть съ вами великодушіе. И вдругъ—ничего! Вы не каялись, не принижались, не проливали слезъ благодарности; вы заперлись у себя. Взрывъ негодованія!—„Вотъ какъ! Она никого знать не хочетъ! Она, которая"... И пошло и пошло!—Вотъ ваше первое преступленіе.

Нина. А второе?

Шмелевъ. Еще тяжелѣе. Мало-по-малу васъ-бы забыли. Но изъ жизни уединенной вы осмѣлились выступить съ такимъ общественнымъ дѣломъ, на которое обратились всѣ взоры; съ дѣломъ, которому волей-неволей надо было сочувствовать, а къ вамъ отнестись съ уваженіемъ. Тутъ все поднялось! закричалъ весь курятникъ.—„Она роль хочетъ играть?! Игнорируя насъ, желаетъ занять положеніе въ обществѣ?!". Зашипѣли, пошли догадки, выдумки и вотъ выростаетъ сплетня! гнусная, отвратительная, направленная на то, чтобъ скомпрометтировать ваше дѣло, а васъ окунуть въ грязь.

Нина. Да, меня довели до того, что я готова все бросить и уѣхать совсѣмъ. Вамъ, князь, нельзя управлять нашимъ домомъ. Я сдамъ его Попечительству. Пускай дѣлаютъ, что хотятъ.

Баскаковъ. Что вы?! Можно-ли бросать?!

Шмелевъ. Если хотите доставить вашимъ врагамъ полное удовольствіе—бросьте. Такимъ образомъ у насъ погибало много хорошихъ дѣлъ, много людей и талантовъ. Явленіе возму-ти-тельное! Озлобленное ничтожество, пошлость—всегда энергичны; а кто выше всего этого, у тѣхъ нѣтъ ни силъ, ни стойкости, ни энергіи! Тѣ уходятъ оплеванные... *погибать!* Бросайте! Вотъ торжество будетъ! Всѣ завопятъ отъ восторга!

Баскаковъ. Я ни въ какомъ случаѣ не откажусь отъ

вашего дѣла, Нина Михайловна. Я поставлю его именно такъ, какъ вы хотѣли его вести.

Шмелевъ. Хвалю, князь, хвалю! (*Прислушивается*). Кажется, эти господа опять сюда. Надо ихъ усмирить. (*Уходитъ въ среднюю дверь*.)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Кн. Баскаковъ *и* **Нина Михайловна**.

Нина. Я рада, что дѣло останется въ вашихъ рукахъ. Но я не могу... Я уѣду. Это и для васъ будетъ лучше.

Баскаковъ. Добровольная ссылка! уступка вашимъ врагамъ!.

Нина. Ахъ, но поймите, что я *не могу*! Что я вижу кругомъ? Наглое любопытство, усмѣшки, косые взгляды! за спиной слышу колкости, плоскія шутки! За что такая жестокость? Кому я сдѣлала зло, кромѣ себя? Я жизнь свою загубила! Развѣ этого мало? Я подчинилась положенію женщины, исключенной изъ общества; но развѣ меня оставляли въ покоѣ? не искали случая унизить меня? Я пошла на встрѣчу нуждѣ и несчастью. Я жила этимъ, отдыхала душой. Меня и за это караютъ и тутъ нѣтъ пощады!. Пережить такой день, какъ сегодня, вѣдь это ужасно! Нѣтъ, прочь отсюда! бѣжать! Заграницей я хоть съ этой стороны буду покойна.

Баскаковъ (*энергично*). Нужно положить конецъ всему этому! Я не могу выносить, что-бъ оскорбляли такую женщину, какъ *вы*, женщину... которая мнѣ дороже всего!..

Нина (*тихо, въ радостномъ изумленіи*). „Дороже всего“?!.

Баскаковъ. Раньше я не смѣлъ высказать... не было поводовъ... мы были такъ далеки отъ личныхъ вопросовъ... Но теперь положеніе настолько серьезно, что я стану говорить прямо. Вамъ необходима рука, на которую вы могли-бы опереться противъ всего, что васъ оскорбляетъ. Я предлагаю свою.

Нина. Это... это такая неожиданность для меня!... Я цѣню вашу дружбу... горячо цѣню и горжусь ею...

Но теперь вы слишкомъ возмущены за меня... ваше участіе не знаетъ границъ...

Баскаковъ. Не одно участіе... Я люблю васъ, люблю давно. Дайте мнѣ право разбить интригу, зажать рты всей этой кликѣ! Если въ сердцѣ вашемъ есть отвѣтъ на мою любовь, дайте мнѣ это право!

Нина. Сгоряча рѣшать такой важный вопросъ!..

Баскаковъ. Для меня онъ давно рѣшенъ. Было одно колебаніе: неувѣренность въ вашемъ согласіи...

Нина. Кромѣ васъ, я ни за кого-бы не вышла. Но вы забываете... я не одна...

Баскаковъ (*пылко*). О, что касается дѣвочки... она будетъ мнѣ дочерью. Клянусь, что вы никогда не раскаетесь, если дадите мнѣ право заботиться о ней!..

Нина. Тсъ! Идутъ! (*Указала на дверь, которая распахнулась, впуская общество*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е и послѣднее.

Тѣ-же, **Бедрягина**, **Генералъ**, **Маурина**, **Трухачевская**, *кое-кто изъ* **Гостей** *и въ концѣ* **Шмелевъ**.

Генералъ (*Нинѣ*). Мы осмотрѣли всѣ квартиры, нижній этажъ... Вели-ко-лѣпно!

Трухачевская. Для жильцовъ изъ трущобъ даже слишкомъ хорошо! Князь, говорятъ—это ваша идея?

Баскаковъ. Нѣтъ, не моя.

Маурина. Но въ трудахъ Нины Михайловны вы принимали такое горячее участіе, что должны раздѣлить съ нею признательность общества.

Генералъ. Конечно, конечно!

Баскаковъ. Честь этого дѣла всецѣло принадлежитъ Нинѣ Михайловнѣ. Идея ея, планы ея, средства ея, а домъ выстроилъ архитекторъ.

Маурина. Но ужъ это—излишняя скромность!

Трухачевская. Нина Михайловна сама согласится, что имѣть такого сотрудника—преданнаго, неутомимаго, самоотверженнаго—рѣдкое счастье! Этого не найдешь даже между близкими.

Бедрягина. Во всякомъ случаѣ бѣдные въ выигрышѣ:

они получили отличный пріютъ. Само по себѣ дѣло на столько крупно, что сразу создаетъ популярность...

Баскаковъ (*прерываетъ*). Ея не искали.

Бедрягина. Ахъ, Боже мой! Развѣ я говорю, что „искали?“ Вы придираетесь, князь. Mesdames, не правда ли, что князь ужъ слишкомъ на насъ нападаетъ?

Маурина. О, да!

Трухачевская. Я даже начинаю бояться его. (*Баскакову*). Вы неблагодарный. Мы васъ такъ любимъ, а вы обижаете насъ!

Бедрягина (*Нинѣ*). Мы просимъ вашей защиты!

Трухачевская. Онъ за васъ копья ломаетъ. Вы должны вступиться за насъ.

Нина. Князь дѣйствительно погорячился за меня; но вы извините ему, если узнаете, что онъ мой будущій мужъ. (*Баскаковъ вспыхнулъ отъ радости и горячо поцѣловалъ руку Нины. Общее движеніе. Входитъ Шмелевъ и остается въ глубинѣ сцены*).

Бедрягина. Да-а?!

Маурина. Вотъ пріятный сюрпризъ!..

Генералъ. Нина Михайловна! Позвольте поздравить васъ отъ всего сердца! (*Цѣлуетъ ея руку*). Князь! (*Горячо жметъ его руку*).

Маурина. Поздравляю васъ, поздравляю!

Трухачевская. А я была увѣрена, что этимъ кончится. Вы созданы другъ для друга. Желаю вамъ полнаго счастья! (*Пожимаетъ руку Нинѣ и Баскакову. Къ Нинѣ*). Надѣюсь, вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, заглянете ко мнѣ. У меня Пятницы.

Нина. Благодарю васъ.

Генералъ. Счастливый домъ, если его открытіе ознаменовывается такимъ пріятнымъ событіемъ. Счастливо общество, въ которое вступаетъ такая блестящая чета, какъ князь и будущая княгиня Баскакова.

Маурина
Трухачевская
Гости } Браво! браво! (*аплодируютъ и группируются около Генерала, ведя оживленный разговоръ тихо*).

Бедрягина (*Нинѣ*). Если не *тогда*, то теперь! Суженаго конемъ не объѣдешь. Поздравляю!

Шмелевъ (*выступаетъ. Бедрягиной*). Но *теперь* не такъ, какъ *тогда*. Теперь, безъ вашего участія, много лучше. (*Нинѣ*). Исполняется мое горячее желаніе. Поздравляю! (*цѣлуетъ руку Нины и обнимаетъ Баскакова*).

Бедрягина. А все-таки скажу, что это—дѣло моихъ рукъ!

Занавѣсъ.

ПРЕДѢЛЪ.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующіе:

Филиппъ Даниловичъ Кропотовъ, нотаріусъ лѣтъ подъ 40. (Волосы желтоватые, остриженные коротко. Небольшіе усы. Глаза ясные, взглядъ упорный. Привычка медленно потирать ладони. Говоритъ не громко, но твердо).

Агнія Петровна, его жена, молодая женщина. (Очень красивая брюнетка, но красоты нѣсколько рѣзкой. Прекрасная фигура. Голосъ грудной, пріятный, но громкій).

Лизавета Даниловна, сестра Кропотова, среднихъ лѣтъ, жена мелкаго чиновника. (Сухая, смуглая, съ энергичными манерами и тономъ).

Рафаилъ Васильевичъ Хмѣлевской, лѣтъ за 30, акцизный чиновникъ. (Нѣкогда изящный гвардеецъ, теперь опустился. Густая шапка вьющихся волосъ, носитъ бороду. Фигура мощная, энергичная. Небрежный и вызывающій тонъ).

Павелъ Кондратьевичъ Солодиловъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, помощникъ Кропотова. (Наружности вполнѣ приличной. Ласковая улыбка, мягкій и вкрадчивый тонъ).

Аѳанасій Григорьевичъ Гарлюпенко, пожилой врачъ. (Благообразенъ, лицо хитрое, тонъ немного насмѣшливый).

Маргарита Яковлевна Чехурская, дѣвица не первой молодости. (Некрасива, вертлява, писклива и очень занята собой).

Груша, горничная Кропотовыхъ, лѣтъ 18.

Ѳедотъ, кучеръ Хмѣлевскаго, молодой парень. (Не дуренъ собою, добродушенъ, увальень).

Кухарка Кропотовыхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ захолустномъ уѣздномъ городѣ. Первое дѣйствіе въ концѣ зимы, остальныя ранней весной.

Дѣйствіе первое.

Гостиная у Кропотовыхъ. Двѣ двери: прямо — въ спальню и направо—въ прихожую. Налѣво два окна. Чистенькая мебель, обитая кретономъ, сгруппирована на лѣвой сторонѣ. Тутъ диванъ, столъ, кресла и коверъ на полу. На столѣ лампа. Направо, по сю сторону двери, качалка и столикъ. У задней стѣны пьянино и мягкіе стулья. На стѣнахъ нѣсколько олеографій. Драпировокъ нѣтъ ни на дверяхъ, ни на окнахъ. Въ послѣднихъ бѣлыя сторы.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Груша (*съ крылышкомъ и тряпкой, убираетъ комнату*) *и* **Кухарка** (*входитъ изъ передней*).

Груша. Тебѣ чего?

Кухарка. Да къ барынѣ. Мужикъ рыбу принесъ, молъ, не купятъ-ли?

Груша (*усмѣхнулась*). Къ барынѣ! Ты вновѣ, нашихъ порядковъ не знаешь. Къ барину ступай. Онъ у насъ за хозяйку.

Кухарка. Тò-то вчерась онъ обѣдъ мнѣ заказывалъ! Подивилась я. Въ домѣ хозяйка, а онъ...

Груша. Онъ и чай разливаетъ и провизію самъ покупаетъ. Все бабье дѣло на немъ, ха-ха!

Кухарка. Чуднò. А барыня что-же: такъ ни до чего не доходитъ?

Груша. А ей какая забота, коли есть кому хлопотать!

Кухарка. Самъ чай разливаетъ! Гдѣ-жъ это видано? Другая-бъ постыдилась за мужа-то...

Груша. Чего захотѣла! Опять-же онъ порядокъ любитъ, а ей все равно. Расшвыряетъ все гдѣ ни попало; а онъ ходитъ, да прибираетъ. Баринъ одной чистотою

дойметъ. А усчитать—тàкъ усчитаетъ, что у тебя копѣйки не прилипнетъ къ рукамъ, ха-ха-ха!

Кухарка. Ну и порядки-жъ у васъ!

(*Посторонилась, при входѣ Солодилова и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Груша *и* **Солодиловъ** (*съ завернутыми книгами*).

Солодиловъ. Агнія Петровна не вставала еще?

Груша (*съ насмѣшливой улыбочкой*). Нѣтъ-съ, не вставали-съ.

Солодиловъ. Передай ей. (*Отдаетъ книги*).

Груша (*съ тѣмъ же выраженіемъ*). Порученіе?

Солодиловъ. Книги.

Груша. Ужъ какъ вы стараетесь!..

Солодиловъ. Что?

Груша. Угодить. Конечно, какъ вы у барина служите, должны и женѣ угождать.

Солодиловъ. Положимъ я служу *не у барина*, а въ конторѣ нотаріуса, помощникомъ его...

Груша. Все одно. Онъ-же вамъ деньги платитъ.

Солодиловъ. Гдѣ ужъ спорить съ тобой!

Груша. Напрасно стараетесь около барыни! Ничего не выйдетъ, ни-ни!

Солодиловъ. Не понимаю.

Груша. Вамъ-то не понять?!. ха-ха! Всякаго проведете, да не меня.

Солодиловъ. Еще-бы! Если-бъ я имѣлъ какія-нибудь *намѣренія*, то не сталъ бы скрывать отъ тебя. Напротивъ. Я знаю, какъ ты умна.

Груша. Не дурой родилась, да-съ!

Солодиловъ (*значительно*). Но старайся, что-бъ Филиппъ Даниловичъ не узналъ всѣхъ твоихъ качествъ. Будь осторожнѣй!

Груша. Баринъ? А что-жъ я?

Солодиловъ. Говорю изъ расположенія къ тебѣ, главное потому, что ты нужна Агніѣ Петровнѣ. А я преданъ ей, какъ истинный другъ.

Груша (*въ недоумѣніи*). Да вы ужъ не на счетъ-ли Рафаила Васильевича?...

Солодиловъ. Ну-какъ съ тобой говорить! (*Покачалъ головой.*) Ты можешь навлечь подозрѣніе, выдать... Ай-ай-ай!

Груша (*въ смущеніи*). Да вы-жъ меня спутали!

Солодиловъ. Хорошо, что я не позволю себѣ дурно подумать объ Агніѣ Петровнѣ; а скажи ты другому... про Рафаила Васильевича...

Груша. Да ну васъ! Съ толку сбили совсѣмъ!

Солодиловъ (*глумливо*). Такъ-то, умница! (*Уходитъ направо*).

Груша (*стираетъ пыль*). Ишь какой! Съ нимъ какъ разъ влопаешься!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Груша *и* **Агнія** (*въ капотѣ, небрежно причесана*).

Агнія. Ну что, узнавала?

Груша. Бѣгала, барыня. Нѣтути, не пріѣзжали. Ночью метель была. Можетъ гдѣ заплутались.

Агнія Кто-жъ въ метель ночью ѣздитъ!

Груша. Развѣ Рафаилъ Васильевичъ побоится чего? Ему хоть метель, хоть зги не видать—все равно. Ужъ такой-то безстрашный! Ѳедотъ сказывалъ, что онъ даже чертей не боится. Ей-ей! Вишь, совсѣмъ нѣту ихъ, чертей-то. И Ѳедотъ туда-же за бариномъ: бабьи выдумки, говоритъ. А я ему говорю: вотъ помрешь, узнаешь тогда—есть-ли они, черти-то!

Агнія (*садясь на качалку*). Да, Рафаилъ Васильевичъ не робокъ.

Груша. Ужъ такой удалой, что батюшки-свѣты! И хорошо-жъ глядѣть, барыня, какъ они катятъ съ Ѳедотомъ на пѣгихъ! Бубенцы звенятъ, сбруя какъ жаръ горитъ, а Ѳедотъ знай посвистываетъ. Лихо! А ужъ когда вы съ Рафаиломъ Васильевичемъ кататься поѣдете, тутъ Ѳедотъ...

Агнія (*прерываетъ.*) Да что ты все Ѳедотъ, да Ѳедотъ!

Груша. Ничего-съ. Къ слову.

Агнія (*посмѣиваясь.*) Должно-быть у васъ не одни „слова"?

Груша. Посылали. Разъ записку снесешь, другой... А

Ѳедотъ тутъ. Онъ и кучеръ и за лакея у Рафаилъ Васильевича. Ну, познакомились. Только всего.

Агнія. Да мнѣ-то что! Какъ хотите.

Груша. Всякъ за себя въ отвѣтѣ. Извѣстно. Барыня, убрамшись, я опять сбѣгаю къ имъ, узнаю.

Агнія. Сбѣгай.

Груша. Лавочникъ, кривой-то, что возлѣ ихней фатеры, стыдитъ меня: „что, говоритъ, ты, безстыжая, все къ акцизному шмыгаешь? И безъ того, говоритъ, про васъ съ барыней слава пошла"...

Агнія. Ну, полно болтать!

Груша. Что вѣрно, то вѣрно. По здѣшнему городу развѣ что утаишь? Тѣмъ и живутъ, что-бъ дружка дружку выслѣживать. (*Сдержанымъ тономъ*.) Онадысь баринъ меня пыталъ: „правда-ли, говоритъ, что ты все къ акцизному Хмѣлевскому бѣгаешь? Зачѣмъ?"

Агнія. А ты что?

Груша. Я говорю, не къ акцизному, а въ томъ дворѣ у меня тетенька есть...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же *и* Кропотовъ.

Кропотовъ (*входя справа, Грушѣ*.) Ну какъ-же ты убираешь? Смотри! Тутъ соръ, тамъ пыль...

руша. Я стирала.

Кропотовъ. Развѣ такъ стираютъ? Все надо дѣлать аккуратно, внимательно. Сколько разъ говорилъ! (*Взялъ у Груши тряпку и самъ обтираетъ піанино*.) Съ боковъ тоже надо стирать. И вещь не портится и глядѣть хорошо. А ты все никакъ не привыкнешь къ порядку. Не хорошо! Дѣвушка ты молодая...

Агнія (*съ нетерпѣніемъ*). Довольно тебѣ!

Кропотовъ (*отдаетъ Грушѣ тряпку*.) Ступай.

Груша (*бойко*). Ужъ я-ли ни стараюсь! такъ стараюсь...

Кропотовъ (*прерываетъ*). Плохо. Въ томъ и бѣда. За тобой по пятамъ нужно ходить, да слѣдить, не то весь домъ занавозишь...

Агнія (*Грушѣ*). Ступай! (*Груша усмѣхнулась Кропотову и уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Агнія *и* **Кропотовъ.**

Кропотовъ (*потирая ладони*). Прислугу нельзя не учить.

Агнія. Сказалъ и довольно. А ты одно и то-же будешь говорить безъ конца!

Кропотовъ. Привычка къ порядку укореняетъ вниманіе и пріучаетъ къ точному исполненію своихъ обязанностей..

Агнія. Не для того-ли ты и меня старался пріучить къ порядку, пока я не запретила тебѣ касаться моихъ вещей?

Кропотовъ. Аккуратность, усвоенная съ дѣтства, оказалась необходимой въ моемъ нотаріальномъ дѣлѣ, которое требуетъ чрезвычайнаго вниманія и точности.

Агнія. У тебя и для жизни такія-же *формы и образцы*, какъ для твоихъ актовъ и книгъ. Всѣ понятія твои зарегистрованы, прошнурованы и скрѣплены печатью. За то всякая новая мысль ставитъ тебя въ тупикъ.

Кропотовъ. Можетъ быть... Мы чернорабочіе. Не мудрствуя, мы просто и честно дѣлаемъ свое дѣло, на общую пользу. А тѣ, кто мудрствуютъ, въ большинствѣ не приносятъ никакой пользы. Они порицаютъ, всѣмъ недовольны, но создать ничего не могутъ, а только мутятъ и раздражаютъ. Безпокойные и праздные люди!

Агнія (*съ ироніей*). Конечно, вы, „чернорабочіе"—лучше, хотя безъ этихъ „праздныхъ" людей дошли-бы до полнаго отупѣнія.

Кропотовъ. Къ сожалѣнію, ты стала нѣсколько раздражительна...

Агнія. У меня всегда былъ скверный характеръ.

Кропотовъ. Зачѣмъ!.. Вспышки случались, но вообще... когда ты бывала покойна...

Агнія (*прерываетъ*). Не одѣтая, валялась, зѣвая отъ скуки. Прекрасное „спокойствіе!"

Кропотовъ. Конечно, жизнь у насъ скудна впечатлѣніями...

Агнія (*ѣдко*). Ее разнообразятъ увлеченія и паденія отъ скуки, отъ нечего дѣлать. Это гадко, но не опа-

сно „благополучію“, какъ ты понимаешь его, потому что, кромѣ омерзѣнія, ничего не оставляетъ въ душѣ...

Кропотовъ (*измѣнился въ лицѣ. Тревожно*). Позволь! но... къ чему ты... про это?!.

Агнія. А когда чувствуешь, насколько эта жизнь тупа и пошла, чувствуешь до боли въ сердцѣ, до злости, то нужно большое усиліе надъ собой, чтобы не вырваться вонъ!

Кропотовъ. Все таки ты... преувеличиваешь... (*Агнія нетерпѣливо пожала плечами*). Нѣтъ?.. Однако-же прежде, если ты и скучала, то это выражалось иначе... безъ нетерпимости, похожей на ненависть... Что-же случилось? Чѣмъ объяснить?..

Агнія. Совѣтую тебѣ не углубляться въ эти вопросы. (*Уходитъ въ заднюю дверь*).

Кропотовъ. „Не углубляться“!.. Неужели нѣсколько лѣтъ супружества съ Агніей не упрочили ничего въ нашей жизни?.. Неужели настало именно то, чего я боялся, какъ величайшаго несчастія?...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Кропотовъ *и* **Гарлюпенко.**

Гарлюпенко (*съ пожатіемъ руки*). Филиппу Даниловичу! нижайшее!

Кропотовъ. Аѳанасій Григорьевичъ! Очень радъ! (*Въ боковую дверь*). Аграфена! кофей подай!

Гарлюпенко. У казначея, Анфима Семеновича, скандалъ. Слышали?

Кропотовъ. Нѣтъ.

Гарлюпенко. Какъ-же! Дѣло такого рода. Взяли къ дѣтишкамъ няньку. Бабенка смазливенькая. Анфимъ Семеновичъ и согрѣшилъ, ха-ха! Грѣхъ сладокъ—извѣстно. Ну, а жинки не такъ понимаютъ, которыя въ супружествѣ крѣпки. Нянькѣ влетѣло съ дюжину добрыхъ пощечинъ, а мужу—баня, здоровая баня была! Черезъ двойныя рамы на улицѣ слышали. Грѣхи! Анфимъ Семеновичъ даже въ казначейство не ходилъ вчера, а сейчасъ—видѣлъ я—къ Соломенцеву въ лавку

пошелъ, обновки женѣ покупать. Какъ ни скупъ, а дѣлать нечего, раскошеливайся! Казначейша такимъ манеромъ ужъ въ третій разъ заново одѣвается, ха-ха-ха!

Кропотовъ. Нехорошо-съ. Стыдно Анфиму Семеновичу.

Гарлюпенко. Эхъ вы какой! Безъ любознательности тоже нельзя.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же *и* Чехурская.

Чехурская. Здравствуйте! (*Пожимая присутствующимъ руки*). А Агнія Петровна?

Кропотовъ. У себя.

Чехурская. Я къ ней. Можно? Другой день не вижу ее. Соскучилась. Я обожаю вашу жену! Наши дамы не любятъ ее, за то, что она интереснѣе всѣхъ и что мужчины отъ нея безъ ума. А я обожаю! (*Торопится снять шляпку и запутывается въ прическѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же *и* Агнія.

Чехурская. Душечка! прелесть моя! (*Бросается цѣловать Агнію*).

Агнія (*уклоняется*). Ну, довольно, довольно! (*Пожала руку Гарлюпенко и садится на качалку*).

Гарлюпенко (*Агніи*). Маргарита Яковлевна „обожаетъ" васъ, а вы ей нацѣловаться въ сласть не даете!

Чехурская. Ну, пожалуйста!

Агнія (*Чехурской*). Что у васъ за прическа сегодня!

Чехурская. А что? не идетъ?

Агнія. Ужъ очень напутано.

Гарлюпенко. На головѣ напутано, а въ головѣ спутано.

Чехурская. Вотъ несносный! Мы съ нимъ не можемъ сойтись, чтобъ не побраниться. Невозможный человѣкъ! (*Агніи*). А нашъ Рафочка все не ѣдетъ?

Гарлюпенко. Кто это—нашъ Рафочка?

Чехурская. Какъ „кто?" разумѣется Рафаилъ Васильевичъ. Ахъ, безъ него такая тоска! (*Агніи*). Какъ пріѣдетъ, мы опять затѣемъ спектакль. Вы такъ чудно

играете! ахъ, восторгъ! Рафаилъ Васильевичъ говоритъ, что у васъ огромный талантъ и что сцена—ваше призваніе. Какъ пріѣдетъ, такъ и устроимъ. Рафочка такой мастеръ устраивать!

Гарлюпенко (*со вздохомъ*). Грѣхи!

Чехурская (*презрительно*). Какіе еще тамъ „грѣхи?!"

Гарлюпенко. А какъ-же! Жили мы тихо, мирно, выпивали, дулись въ картишки по маленькой, словомъ сказать—жили благоприлично. Вдругъ Хмѣлевской, чтобъ ему пусто было!

Чехурская. Это за что?

Гарлюпенко. А за то, что онъ нарушилъ нашъ общественный строй, потрясъ основы...

Чехурская (*пылко*). Всколыхнулъ наше болото—да; вдохнулъ жизнь въ нашу трушобу, разсѣялъ мракъ...

Агнія (*прерываетъ*). Перестаньте, Маргоша!

Чехурская. Развѣ не правда?

Гарлюпенко. Ха-ха! Маргарита Яковлевна любитъ высспренно выражаться, хоть это ужъ вышло изъ моды. Хмѣлевской говоритъ про насъ еще лучше: „тупыя рыла, говоритъ, тупые разговоры"...

Чехурская. Врете, врете! Сами выдумали. А что у насъ рутина, спячка, застой...

Агнія (*прерываетъ съ досадой*). Да полно вамъ!

Гарлюпенко. Я не спорю, что Хмѣлевской все можетъ устроить: и спектакль, и пирушку и добрый скандалъ, особливо скандалъ. Такъ вѣдь онъ въ Питерѣ состояніе спустилъ и спустилъ по столичному, съ шикомъ и трескомъ. Видывалъ виды! Хоть прокутился до нитки и кабы не у насъ мѣсто въ акцизѣ, въ пору съ рукой-бы идти, а размахъ у него прежній, широкій.

Агнія (*съ досадой*). Какой у васъ злой языкъ, Аѳанасій Григорьевичъ!

Чехурская. Ахъ, ужасно, ужасно!

Кропотовъ. А вотъ по службѣ г. Хмѣлевской не радивъ. Большія упущенія. У меня въ конторѣ не разъ говорили про это.

Чехурская. Ужъ и служба! Даже странно представить себѣ, что Рафаилъ Васильевичъ ѣздитъ по кабакамъ.

Гарлюпенко. Такой, можно сказать, орелъ, обаятельный кавалеръ—и кабаки!

Чехурская. Разумѣется, это унизительно для него.

Кропотовъ. Унизительно—не служи. А разъ служишь—дѣло надо старательно дѣлать, честно.

Агнія. Кажется, это ни для кого не ново, Филиппъ Даниловичъ!

Гарлюпенко. Что ни говорите, а все-таки жалко, что Хмѣлевской пьетъ.

Чехурская (*всплеснула руками*). Ну можно-ли такъ безсовѣстно клеветать?!

Кропотовъ. Нѣтъ вѣрно-съ. Говорятъ: боленъ; а онъ запрется и пьетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же *и* **Груша** (*вноситъ подносъ, на которомъ бензинка и кофейный приборъ*).

Груша (*поставивъ подносъ на столъ, наклонилась къ Агніи. Тихо*). Сейчасъ Рафаиль Васильевичъ проѣхалъ.

Агнія (*радостно*). А! (*Быстро встала и уходитъ въ заднюю дверь*).

Кропотовъ (*перенесъ лампу со стола на пьянино, Грушѣ*). Ты что... барынѣ?

Груша. Платье принесли отъ портнихи. (*Уходитъ въ заднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Кропотовъ, Гарлюпенко *и* **Чехурская**.

Кропотовъ (*зажегъ бензинку и варитъ кофей*). Должно быть запой.

Гарлюпенко. Вы про кого? Да, Хмѣлевской! Запой! И такого рода, что въ одинъ прекрасный день нашъ герой можетъ... (*Проводитъ рукой по горлу*).

Чехурская Неужели?! Боже мой, какой ужасъ!

Кропотовъ. Вы говорите какъ врачъ, или что-бъ напугать Маргариту Яковлевну? (*Перетираетъ полотенцемъ чашки*).

Гарлюпенко. Совершенно серьезно. Психика его мнѣ извѣстна.

Кропотовъ. Значитъ, во время запоя, онъ въ такомъ

состоянiи, что можетъ лишить себя жизни? впадаетъ въ бредъ, теряя сознанiе?

Гарлюпенко. Напротивъ, онъ въ полномъ сознанiи. Я имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ въ такое время. Онъ мраченъ, чувствуетъ отвращенiе къ жизни...

Кропотовъ. „Отвращенiе къ жизни". Г-мъ!.. Да-съ, тогда понятно, естественно...

Чехурская. Бѣдный! Его мучаетъ совѣсть! Онъ разбилъ столько женскихъ сердецъ! О, я увѣрена въ этомъ! Если теперь онъ увлекателенъ, неотразимъ, то что-жъ было, когда онъ былъ блестящимъ гвардейцемъ!

Гарлюпенко. Кто проводитъ жизнь въ кутежахъ и безобразiяхъ, тотъ обыкновенно имѣетъ дѣло съ дамами, у которыхъ сердце другаго закала, чѣмъ ваше.

Чехурская. Ну, мое вы можете оставить въ покоѣ. (*Со вздохомъ*). Вообще теперь такое время, что сердце упразднено.

Кропотовъ (*наливаетъ кофей*). Афанасiй Григорьевичъ, кофейку! Вотъ сливки.

Гарлюпенко (*взялъ чашку*). Спасибо. Вы мастеръ кофей варить. Вы, да аптекарша—славитесь, ха-ха!

Кропотовъ. А вамъ, Маргарита Яковлевна?

Чехурская. Merci, я ужъ пила.

Гарлюпенко (*прихлебывая кофей*). Возможно, конечно, что Хмѣлевской совершилъ какую-нибудь гадость, словомъ сказать, что на совѣсти его есть кое что. Я даже увѣренъ. Прибавьте истрепанные нервы отъ всякаго рода излишествъ, наконецъ—сознанiе, что въ сущности онъ загубилъ свою жизнь—и вамъ станетъ понятно, почему онъ въ „пьяные дни" впадаетъ въ мучительное состоянiе духа.

Чехурская. Какое несчастiе!

ЯВЛЕНIЕ 11-е

Тѣ-же *и* **Солодиловъ** (*входитъ съ бумагами при послѣднихъ словахъ*).

Солодиловъ. Что за несчастiе? Нижайшее почтенiе, Маргарита Яковлевна, Аѳанасiй Григорьевичъ. (*Почтительно пожимаетъ имъ руки*).

Чехурская. Мы говоримъ про Рафаила Васильевича. Представьте...

Гарлюпенко (*останавливаетъ ее жестомъ*). Ну что, все про то-же! Поговорили и будетъ! (*Тихо*). Развѣ можно болтать?

Солодиловъ (*Кропотову, подавая бумагу*). Спѣшная довѣренность. Потрудитесь подписать. (*Подаетъ ему перо, которое взялъ изъ чернильницы на окнѣ, Чехурской*). Вообще Рафаилъ Васильевичъ заставляетъ много о себѣ говорить. Хорошо-ли это—другой вопросъ.

Чехурская (*дѣлаетъ ему глазки*). *Вамъ* ему завидовать нечего!

Солодиловъ. Вы очень добры. (*Беретъ бумагу, подписанную Кропотовымъ. Ему выразительно*). Кстати: Рафаилъ Васильевичъ вернулся. Я недавно видѣлъ, какъ онъ проѣхалъ по площади. (*Уходитъ*).

Кропотовъ (*про себя, относя перо*). Такъ вотъ о чемъ шепнула ей Грушка!

Чехурская (*не сводившая глазъ съ Солодилова, съ увлеченіемъ*). Какой милый молодой человѣкъ!

Гарлюпенко (*встаетъ*). Пріударьте!

Чехурская. Что за глупости!

Гарлюпенко (*взглянулъ на часы*). Эге, да мнѣ къ больному пора!

Чехурская (*надѣвая шляпку*). Вы къ кому?

Гарлюпенко. Къ Ивану Силычу.

Чехурская. И я съ вами. Мнѣ нужно къ его женѣ.

Гарлюпенко. Не боитесь, что увидя насъ вмѣстѣ, про насъ сочинятъ романъ?

Чехурская. Какой вздоръ! (*Кропотову*). Ахъ, знаете, какой былъ со мной случай! Намедни ѣду я по желѣзной дорогѣ. Прилегла и заснула. Вдругъ чувствую, что кто-то наклонился ко-мнѣ и поцѣловалъ. Открываю глаза—господинъ...

Гарлюпенко (*Кропотову*). Не вѣрьте. Все выдумки.

Чехурская. Какъ выдумки?!

Гарлюпенко. Вы—дѣвица съ пылкимъ воображеніемъ и сочиняете про себя романы, которыхъ никогда не бывало.

Чехурская. Да какъ-же вы смѣете?!..

Гарлюпенко (*пожимая руку Кропотову*). Словомъ сказать, Маргарита Яковлевна всегда на порогѣ преступленія, ха-ха! (*Уходитъ*).

Чехурская. Будетъ-же вамъ за это! До свиданія, Филиппъ Даниловичъ! (*Поспѣшно пожала ему руку и уходитъ*).

Кропотовъ (*стоитъ въ дверяхъ, пока уходятъ гости и зоветъ*). Аграфена! поди убери здѣсь.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Кропотовъ *и* **Груша.**

Кропотовъ. Что дѣлаетъ барыня?

Груша. Одѣвается.

Кропотовъ. Въ то платье, которое „принесли отъ портнихи"? (*Груша потупилась*). Попробуй еще разъ соврать! (*грозится*) попробуй! (*Груша, взявъ подносъ, уходитъ. Сѣлъ и задумался. Пауза*). Пріѣхалъ... Для него одѣвается... ждетъ...

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Кропотовъ *и* **Лизавета Даниловна.**

Лизавета Даниловна. Здравствуй братъ!

Кропотовъ. А!.. Ну, какъ у васъ?.. Дѣти здоровы-ли?

Лизавета Даниловна. Слава Богу. Я вотъ зачѣмъ...

Кропотовъ (*поежился и прерываетъ*). Если ты опять съ тѣмъ-же—лучше оставь!

Лизавета Даниловна. Если-бъ я не любила тебя, ну и махнула-бъ рукой.

Кропотовъ (*раздражительно*). Сколько разъ просилъ: не вмѣшивайся въ наши дѣла. —Нѣтъ, не можешь! А къ чему это ведетъ? Съ Агніей у васъ доходитъ до брани...

Лизавета Даниловна (*прерываетъ*). Потому что правда глаза колетъ ей.

Кропотовъ. Нѣтъ, не потому! а по той причинѣ, что ты неделикатна, груба, ненавидишь Агнію и не можешь успокоиться. Вотъ почему-съ!

Лизавета Даниловна. Я во всю жизнь не покривила душей. Говорю, что мнѣ разумъ и совѣсть велятъ. Говорю про то, что вижу и знаю, потому что за тебя сердце болитъ. (*Заплакала, но утеревъ слезы, быстро оправляется*).

Кропотовъ. Предоставь мнѣ самому вести свои дѣла. Я лучше знаю, какъ надо. Знаю и характеръ Агніи, все...

Лизавета Даниловна. Ну, знаешь. А какой толкъ? Ты по ея дудкѣ пляшешь...

Кропотовъ (*прерываетъ*). Все ты не то!

Лизавета Даниловна (*съ азартомъ*). Ты не хозяинъ въ домѣ, а экономка! Срамъ!

Кропотовъ. Погоди...

Лизавета Даниловна. Ты не мужъ, а рабъ покорный ея. Помилуйте, до срама тебя довела! съ любовниками!

Кротоповъ (*возвышая голосъ*).—Ну, не говори вздора!

Лизавета Даниловна. Нѣтъ, не вздоръ!..

Кропотовъ. Подлыя сплетни! Не смѣй говорить мнѣ про это!

Лизавета Даниловна. Да, стыдно! Еще-бы нѣтъ!

Кропотовъ. Агнія не сдержана, неосторожна и тѣмъ даетъ поводъ дурно говорить о себѣ...

Лизавета Даниловна. Разсказывай! Вотъ съ Хмѣлевскимъ шуры-муры пошли. Хоть теперь-то свою власть покажи! Вѣдь ты не тряпка, съ характеромъ человѣкъ. Всякое дѣло до точки довести можешь. А съ женой...

Кропотовъ (*прерываетъ*). Повѣрь, я сумѣлъ-бы постоять за себя, если-бъ... если-бъ Агнія дѣйствительно была виновата. Ты не понимаешь, что говоришь! Поступай я по твоему, ее давно-бъ ужъ не было здѣсь.

Лизавета Даниловна. Пустяки!

Кропотовъ. Нѣтъ, вѣрно! Агнія ничѣмъ не дорожитъ и ей ничего не страшно. Характеръ необузданный ни воспитаніемъ, ни примѣрами съ дѣтства. А если человѣкъ безъ твердыхъ основъ, безъ выдержки, безъ умѣнья управлять собой, такъ сказать—умѣрять себя долгомъ

и совѣстью, то такой человѣкъ — жертва страстей и случайностей. Вотъ тебѣ Агнія!

Лизавета Даниловна. Такихъ-то и прибирать къ рукамъ!

Кропотовъ. Ничего ты не понимаешь. Тутъ любовь, терпѣніе...

Лизавета Даниловна. Терпи, потакай! А она трусомъ считаетъ тебя и презираетъ за это.

Кропотовъ (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Боже мой! Уволь меня отъ совѣтовъ и наставленій! Покорно прошу! Какой прокъ мнѣ въ твоемъ участіи, когда всякій разъ ты разстроишь меня и выведешь изъ себя!

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ-же *и* **Агнія** (*входитъ изъ средней двери на послѣднія слова. Разодѣта нарядно, но ярко*).

Агнія (*мужу, покойно*). Давно-бы попросилъ сестрицу оставить насъ. Я положительно не желаю съ ней видѣться.

Лизавета Даниловна (*вспыхнула*). Что-жъ гони сестру! гони вонъ! Она ей помѣха! Она глаза колетъ ей! Безъ меня, ей легче тобой помыкать!..

Агнія (*покойно*). Подите вонъ! (*Указываетъ на дверь*).

Лизавета Даниловна (*гнѣвно*). Здѣсь не вы старшая, а братъ! Вы не смѣете мнѣ дверь на носъ захлопывать!

Агнія. Ну ты скажи ей, „старшой“.

Кропотовъ (*потирая ладони*). Я ужъ просилъ сестру... не спорить... не раздражать тебя...

Агнія. Я не этого требую. Я требую, что-бъ она не бывала у насъ.

Лизавета Даниловна. Что-бъ ты *выгналъ* родную сестру, которая *одна* тебя любитъ и цѣнитъ!

Агнія. Такъ вамъ и жить вмѣстѣ. Прекрасно! Я помѣхой не буду, уйду.

Кропотовъ. Сестра... Такъ какъ ваши отношенія съ Агніей... настолько испорчены... и я, при всемъ стараніи отвратить непріятности, не могу... то...

Лизавета Даниловна. То?

Кропотовъ. Считаю за лучшее, что-бъ ты... не бывала у насъ. (*Быстро уходитъ направо*).

Лизавета Даниловна (*Агніи*). Благодарю! Вотъ это по родственному! Поступокъ достойный любящей жены и порядочной женщины!... Но братъ покается! горько покается! (*Уходитъ*).

Агнія. Наконецъ-то я отдѣлалась отъ тебя!.. Да не до васъ мнѣ! (*Подходитъ къ окну и смотритъ въ него*). Что-же онъ не идетъ!.. Онъ знаетъ, какъ я жду его! (*Пауза. Радостно*). Идетъ! (*Быстро проходя къ боковой двери, громко*). Груша!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Агнія *и* **Груша** (*вбѣгаетъ*).

Груша (*радостно*). Барыня! Рафаилъ Васильевичъ идутъ!

Анія. А баринъ гдѣ?

Груша. Въ контору пошелъ. (*Убѣгаетъ*).

Агнія. Наконецъ-то я дождалась!

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Агнія *и* **Хмѣлевской**.

Хмѣлевской. Къ вамъ прямо съ дороги! (*Протягиваетъ ей обѣ руки*).

Агнія. Наконецъ-то! (*Бросилась къ нему, обняла и страстно поцѣловала*).

Хмѣлевской (*оглянулся*). Ты одна?

Агнія. Филиппъ Даниловичъ въ конторѣ. Сейчасъ тутъ сцена была...

Хмѣлевской. Съ тобой?

Агнія. Еще что! Нѣтъ, его сестра... знаешь, эта Лизавета... Надоѣла до смерти. Ну, выгнали. Онъ въ огорченіи и ушелъ въ контору. Это тамъ, черезъ сѣни. Въ огорченіи, онъ всегда уходитъ въ контору.

Хмѣлевской. Уединяется? ха-ха!

Агнія. Да Богъ съ ними! Разсказывай про себя.

Хмѣлевской. Заждалась?

Агнія. Еще-бы! Ты обѣщалъ вернуться вчера. Не простудился-ли? Погода была ужасная. Я такъ за тебя боялась!

Хмѣлевской. Напрасно! Знакомые упрашивали остаться. Я ни за что! Прежде, бывало, тошно возвращаться въ вашу трущобу; а теперь торопишься, нетерпѣніе беретъ.

Агнія (*порывисто*). Милый! (*Бросилась къ нему на колѣни и, обнявъ, прижалась къ нему лицемъ*). Какъ я рада тебѣ! Я такъ тосковала!

Хмѣлевской. Ты—прелесть! Въ такомъ болотѣ и вдругъ-ты! (*Цѣлуетъ ее*). Сначала казалось—ничего особеннаго. Интересная женщина, немножко провинціальная львица, остроумная, злая на языкъ. А знай я, что тебя полюбишь серьезно, о! я-бы поостерегся...

Агнія. Почему?

Хмѣлевской. Да потому, что на серьезную, отвѣтственную любовь я давно утратилъ права. Ну, да что объ этомъ! Когда же ко мнѣ?... какъ намедни...

Агнія. Какъ будетъ можно.

Хмѣлевской (*страстно*). Это не счастье, а какой-то безумный восторгъ, твоя любовь, ласки!...

Агнія (*полузакрывъ глаза, закинула голову, тихо*). Ха-ха!

Хмѣлевской. Восторгъ! (*Цѣлуетъ ее*).

Агнія (*съ волненіемъ*). Пусти! (*Встаетъ, тяжело вздохнула, провела по лицу руками и медленно прошлась. Пауза*). Скажи... но скажи откровенно: тебѣ ничего не разсказывали про меня... дурного? ну такого, что мараетъ меня?

Хмѣлевской. Перестань! Я терпѣть не могу, когда залѣзаютъ въ прошлое, даже ревнуютъ къ нему. Женская черта, которая всегда раздражала меня.

Агнія. Не хмурься! Меня мучило это. Развѣ я могу не сказать тебѣ, что у меня на душѣ? И ты, если любишь, развѣ можешь быть равнодушенъ, когда дурно говорятъ про меня?

Хмѣлевской. Не видались такъ долго и серьезные разговоры! Помилуй! Я вовсе не въ такомъ настроеніи. Лучше поцѣлуй меня. Это гораздо пріятнѣй. (*Цѣлуетъ ее*). И что на тебя напало сегодня?

Агнія. Видишь-ли, милый: до тебя, я была ко всему равнодушна. Жизнь шла вяло, тупо. Съ тобою все из-

мѣнилось. Я на все смотрю иначе: и на себя, и на прошлое и на тѣхъ, кто окружаетъ меня. Хочется все разсказать тебѣ, все! Даже будто не честно не сдѣлать этого.

Хмѣлевской. По моему—что прошло, то прошло. У насъ своя жизнь, свое счастье и оно тѣмъ лучше, чѣмъ меньше связано съ прошлымъ.

Агнія (*со вздохомъ*). Пусть такъ!

Хмѣлевской. Голубка моя, право такъ лучше. Вотъ мое прошлое! Вѣдь это чортъ знаетъ что! Я такъ люблю тебя, что забылъ и думать о немъ. Я счастливъ, веселъ. И ты гони прочь все, что можетъ намъ помѣшать Жалко—*супругъ* между нами. Ну, да это—зло неизбѣжное!

Агнія. Ты для него—роковая встрѣча. Онъ чувствуетъ это и боится тебя.

Хмѣлевской (*съ досадой*). „Роковая"! Зачѣмъ трагедія?! Скучно. Я думалъ, что Филиппъ Даниловичъ не составитъ для насъ „вопроса".

Агнія (*подавляя вздохъ*). Я постараюсь... чего-бы мнѣ ни стоило это. Прости, милый! Сегодня я все говорю не впопадъ и раздражаю тебя.

Хмѣлевской. А „роковая"—пусть будетъ такъ!

Агнія Ничего не будетъ. Все вздоръ. Главное—что-бъ ты былъ счастливъ со мною. Остальное—все вздоръ!

Хмѣлевской. Ну, для тебя-то не вздоръ! Лгать, обманывать, уступать... Развѣ это легко? Такой, какъ ты?

Агнія. Не думай объ этомъ!

Хмѣлевской. Да вѣдь это подло: не думать! Конечно, пріятнаго тутъ нѣтъ ничего. Но если обстоятельства складываются такъ, что является „вопросъ", нельзя закрывать глаза и затыкать уши.

Агнія. Я ужасно жалѣю, что заговорила про это!..

Хмѣлевской. Ты боишся, что моя любовь не выдержитъ непріятностей, „осложненій"? Я человѣкъ истрепанный и испорченный. Я мало вѣрю въ себя; но мнѣ кажется, я не опошлѣлъ до такой степени, что-бъ требовать отъ женщины невозможнаго.

Агнія (*горячо поцѣловала его*). Счастье мое! (*Прислушалась. Съ досадой*). Его шаги. (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ-же *и* **Кропотовъ.**

Кропотовъ (*непріятно пораженъ*). А, вы ужъ... изволили возвратиться!

Хмѣлевской (*едва поднявшись, протянулъ ему руку*). Какъ видите.

Кропотовъ (*послѣ краткой паузы, сѣлъ, потирая руки. Безучастно*). Благополучно-ли съѣздили?

Хмѣлевской. Съѣздилъ-то хорошо. А вотъ доносъ кто-то написалъ на меня управляющему.

Агнія. Доносъ?!

Хмѣлевской. Да. Пишетъ, что я нерадивъ, манкирую службой...

Агнія. Какъ разъ про это *здѣсь* говорили сегодня! (*Взглянула на мужа*).

Хмѣлевской. Управляющій, какъ порядочный человѣкъ, не обратилъ вниманія...

Агнія (*горячо*). Кто этотъ негодяй?! Кому надо васъ выжить?! (*Опять взглянула на мужа*).

Хмѣлевской. Кому-то понадобилось. Судя по штемпелю на конвертѣ, доносъ именно отсюда. Да пустяки! Не стоитъ говорить.

Кропотовъ. Все-таки непріятно-съ...

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ-же *и* **Солодиловъ.**

Кропотовъ. Вы ко мнѣ, Павелъ Кондратьевичъ?

Солодиловъ. Телеграмма. (*Подалъ ее Кропотову, затѣмъ почтительно подходитъ къ ручкѣ Агніи и кланяется Хмѣлевскому, который небрежно подаетъ ему руку*).

Агнія (*Хмѣлевскому.*) Я бы дорого дала узнать: кто написалъ доносъ. Впрочемъ догадаться нетрудно.

Хмѣлевской. Бросьте!

(*Солодиловъ, при словахъ Агніи, окинулъ всѣхъ быстрым взглядомъ и закусилъ губу*).

Кропотовъ (*вскрывъ и прочтя телеграмму, Солодилову*). По дѣлу Варгиныхъ.

Солодиловъ. У насъ заготовленъ проектъ раздѣльнаго акта...

Кропотовъ. Дѣло не состоится. (*Отдаетъ телеграмму*). Положите ко мнѣ на столъ.

Солодиловъ (*вкрадчиво*). А позвольте спросить: на кого же доносъ?

Хмѣлевской. На меня.

Солодиловъ (*съ преувеличеннымъ изумленіемъ*). Быть не можетъ!.. Скажите! Надѣюсь, безъ непріятныхъ послѣдствій?

Хмѣлевской. Безъ всякихъ.

Солодиловъ (*пятится къ двери*). Ну разумѣется, еще-бы!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Агнія, Хмѣлевской *и* Кропотовъ.

Кропотовъ (*послѣ неловкаго молчанія*). Маргарита Яковлевна очень будетъ рада, что вы пріѣхали. Сейчасъ вспоминала... тоже на счетъ спектакля...

Агнія. Наши спектакли ты считаешь чѣмъ-то въ родѣ нарушенія общественной тишины и спокойствія!

Хмѣлевской. Вообще, искусства чужды Филиппу Даниловичу.

Кропотовъ (*съ принужденной улыбкой*). Не одаренъ-съ.

Хмѣлевской. За то вы—*дѣлецъ*.

Кропотовъ. Что касается *дѣла*, то каждый обязанъ стараться ему служить, по мѣрѣ силъ и способностей. Это—такая же обязанность, какъ то, что-бъ быть честнымъ и не дѣлать зла, въ видахъ-ли пользы своей, въ угоду-ли страстямъ, или той распущенности, въ которой попираются благополучіе и даже права ближняго.

Хмѣлевской (*удивленный, переглянулся съ Агніей*). Однако! (*Посмѣиваясь*). Изъ вашихъ мудрыхъ нравоученій я могъ-бы кое-что почерпнуть для себя. Но-увы!—я неисправимъ.

Кропотовъ. Я вообще... такъ сказать, изложилъ взглядъ...

не имѣя въ виду никого-съ. Собственно меня занимала мысль: почему люди богато одаренные, такъ сказать—широкаго розмаха—почему они причиняютъ столько вреда?

Хмѣлевской. Гмъ! интересно!

Кропотовъ. Потому-съ, что они свободно преступаютъ границы дозволеннаго долгомъ и совѣстью, именно въ силу своихъ преимуществъ. Натура широкая — ей нуженъ просторъ. А такъ какъ простора въ сущности не дано никому, ибо всякій связанъ обязанностями, то широкія натуры для себя ограниченій не признаютъ и и порываютъ всякія путы, не стѣсняясь ничѣмъ и не щадя никого. Ихъ жизнь, такъ сказать, стремится какъ бурный потокъ. Но бурный потокъ мутенъ и оставляетъ на совѣсти тотъ осадокъ, который даетъ себя знать и можетъ причинить даже страданія.

Хмѣлевской Браво! (*Агніи*). Я не зналъ, что Филиппъ Даниловичъ такой тонкій психологъ и можетъ — „такъ сказать"—проникать въ глубины...

Агнія. Но развѣ *узкія* натуры не „преступаютъ границъ?" Только у нихъ это подлѣе и мельче.

Хмѣлевской. Вы говорите про тѣхъ, которые тупо бьютъ въ одну точку?

Агнія. Ха-ха-ха! Именно. Про тѣхъ, которые ординарны и скучны ужасно!

Хмѣлевской. Про людей, которые глухи и слѣпы ко всему, что не составляетъ интереса ихъ дѣла и выгоды. Они упираются противъ всякаго движенія впередъ, ворчатъ, негодуютъ, доносятъ и кричатъ караулъ! Всего забавнѣе, что именно эти люди считаютъ себя прочными устоями и даже солью земли. (*Встаетъ и протягиваетъ Агніи руку*). До свиданія! Да, Филиппъ Даниловичъ, вы—моралистъ и философъ. (*Небрежно пожалъ его руку и уходитъ со смѣхомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Агнія *и* Кропотовъ.

Агнія (*подходитъ къ мужу съ угрожающимъ видомъ*). Ты написалъ доносъ?

Кропотовъ. Что-о?!.. Пощади! Съ меня довольно тѣхъ оскорбленій, которыя я выслушалъ сейчасъ, у себя въ домѣ.

Агнія. Ты хотѣлъ *выжить* Хмѣлевскаго...

Кропотовъ. Пускай я „узкій" человѣкъ и „тупо бью въ одну точку", но подлецомъ не бывалъ и доносы писать не способенъ!

Агнія. Ты хотѣлъ выжить его, потому, что онъ сталъ между нами...

Кропотовъ (*какъ бы защищаясь отъ удара*). Что ты говоришь?!.. Агнія!..

Агнія. Но ты плохо разсчиталъ. Если-бъ доносъ подѣйствовалъ и Хмѣлевскаго перевели-бы отъ насъ, или уволили, я ушла-бы за нимъ. Знай это! (*Уходитъ*).

Кропотовъ (*схватился за голову*). Жестоко!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Комната въ квартирѣ Хмѣлевскаго, запущеннаго вида. Обои темныя, крашеный полъ мѣстами стертъ и облупился, мебель подержанная. Дверей двѣ: въ задней стѣнѣ — въ переднюю и налѣво, ближе къ углу—въ спальню. Направо два окна, изъ которыхъ одно съ форточкой. Въ лѣвомъ углу изразцовая печь, съ заслонкой. Направо, у ближайшаго окна, письменный столъ поперегъ сцены. Налѣво, по сю сторону двери, клеенчатый диванъ и возлѣ него столикъ. Въ правомъ заднемъ углу комодъ. На стѣнѣ, между окнами, зеркало. Возлѣ стола и въ разныхъ мѣстахъ два - три кресла и съ полдюжины стульевъ, съ потертой обивкой. Надъ диваномъ стѣнная лампа. Другая, небольшая лампа, подъ зеленымъ стекляннымъ абажуромъ—на письменномъ столѣ. Обѣ зажжены.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Агнія (*въ шляпкѣ*) *и* **Ѳедотъ** (*входятъ по поднятіи занавѣса*) *и* **Хмѣлевскій** (*за сценой*).

Ѳедотъ (*съ растеряннымъ видомъ*). Въ эфто время они не велятъ пускать... Не любятъ, значитъ, что-бъ безпокоили...

Агнія. Въ какое время? Скажи толкомъ пожалуйста: боленъ Рафаилъ Васильевичъ, или...

Хмѣлевской (*слѣва, за дверью, громко*). Ѳедотъ! кто тамъ?

Ѳедотъ (*подошелъ къ двери и немного пріотворилъ ее*). Барыня, значитъ... Агнія Петровна.

Хмѣлевской. А! Сейчасъ!

Ѳедотъ (*отошелъ отъ двери. Понизивъ голосъ*). Зачалъ съ утра .. Вотъ оно, зелье-то! (*Взялъ со стола бутылку съ коньякомъ и поставилъ на мѣсто*).

Агнія. Опять?!

Ѳедотъ. Давно не было; а нынче съ утра. Спасибо по малости... Къ завтраму разберетъ.

Хмѣлевской (*за дверью*) Агнія, я сію минуту одѣнусь. (*Возвышая голосъ*) А Ѳедотъ пʼшелъ вонъ!

Ѳедотъ (*подмигнулъ*). Когда онъ въ эфтомъ затмѣніи— и влетаетъ-же мнѣ! (*Покрутилъ головой и осторожно уходитъ, тщетно стараясь не топать смазными сапожищами*).

Агнія (*сѣла на диванъ, печально опустивъ голову*). А я думала, что со мною онъ перестанетъ!.. Надоѣла?.. А можетъ быть и не было серьезной любви?..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Агнія *и* **Хмѣлевской** (*входитъ, наскоро застегивая жилетъ*).

Хмѣлевской (*протянулъ Агніи обѣ руки и вглядывается въ нее*). Ну вотъ! Что наговорилъ тебѣ этотъ болванъ?! (*Сѣлъ рядомъ и поцѣловалъ ея руку*). Не вѣрь и не огорчайся пожалуйста! Это не *прежнее*. Такъ—легкая выпивка, отъ которой никакого вреда, напротивъ—яснѣе мысли. (*Встаетъ и ходитъ*). А тебѣ ужъ донесли? черезъ Грушку?

Агнія. Я ничего не знала... не ожидала...

Хмѣлевской. Говорю—вздоръ. Прежнее вовсе не такъ начиналось. Я вѣдь знаю. По этому поводу, дура Маргоша распустила про меня нелѣпые слухи. Будто я дохожу до такого удрученнаго, мрачнаго состоянія, что готовъ зарѣзаться, повѣситься, пустить себѣ пулю въ лобъ. Чертъ знаетъ что!

Агнія (*со вздохомъ*). Слава Богу, если ты перестанешь... Я была бы очень огорчена...

Хмѣлевской. Да нѣтъ-же! Говорю тебѣ: нѣтъ! Прежде начиналось съ того, что меня грызла тоска. Въ голову лѣзла всякая дрянь, все, что я старался забыть. Я пилъ много и долго, пока мертвый сонъ не сваливалъ меня на цѣлыя сутки. А теперь ничего такого. Ѳедотъ испугалъ тебя съ-дуру. Кажется, отъ *прежняго* я отдѣлался навсегда. И это—благодаря тебѣ. (*Садится рядомъ*).

Агнія (*обняла его. Пылко*). Ахъ, какъ я буду горда, какъ буду счастлива, если это пройдетъ!

Хмѣлевской (*слегка усмѣхнулся*). А ты, конечно, подумала, что я мало люблю тебя?..

Агнія. Что я мало *значу* для тебя—да. Я увѣрена, что если-бъ прежде, еще въ Петербургѣ, нашлась женщина, которая полюбила-бъ тебя, какъ жизнь, ты никогда не дошелъ-бы до того, чтобы очутиться въ нашей трущобѣ.

Хмѣлевской. Я и безъ женщинъ не разъ давалъ себѣ слово бросить кутежи и не опускаться въ ту пропасть, гдѣ человѣкъ гибнетъ безсмысленно, тупо и пошло. Но благими намѣреніями вымощенъ адъ. Впрочемъ, можетъ быть ты и права.

Агнія. Права. Я увѣрена въ этомъ. (*Встала, сняла шляпку и кладетъ ее на столъ*).

Хмѣлевской (*съ ироніей*). У васъ, энергичныхъ женщинъ, что-то въ родѣ призванія: спасать, исправлять, и въ концѣ концовъ—обезличивать.

Агнія (*горячо*). Неправда! Эгоистки, женщины холодныя и разсчетливыя — вотъ кто забираетъ васъ въ руки и обезличиваетъ до того, что мужчина становится похожъ на стертый пятіалтынный. А женщины, про которыхъ ты говоришь, возьмутъ для любимаго человѣка всякое бремя и онъ никогда не узнаетъ, какъ оно тяжело.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Агнія (*садится на прежнее мѣсто*), **Хмѣлевской** *и* **Ѳедотъ** (*вноситъ подносикъ съ чашкой чая и ставитъ его на маленькій столъ, который подставляетъ къ дивану*).

Ѳедотъ (*покосился на бутылку и выразительно вздохнулъ*). Эхъ-ма!

Хмѣлевской (*вставая*). Опять вздыхаешь, съ кислою рожей!

Ѳедотъ. Жалѣючи ежели...

Хмѣлевской. Ну, поговори у меня!

Ѳедотъ (*отступая къ двери*). Для держанія компаніи, отчего не выпить, а ежели въ одиночку...

Хмѣлевской. Молчи, болванъ! Разсуждать смѣетъ! Въ передней съ кѣмъ ты разговаривалъ тамъ?

Ѳедотъ (*потупился*). А это та... Графена ихняя, значитъ...

Агнія. За мной?

Ѳедотъ. Нѣ-ѣтъ... а такъ, значитъ, она...

Агнія. Въ гости?

Ѳедотъ. Не то что-бы въ гости, а такъ, значитъ... по глупости больше...

Агнія (*улыбнулась*). Вотъ это любезно!

Ѳедотъ. Чай налила вашей милости. „У тебя, говоритъ, чорта, руки корявыя, такъ дай я, молъ, налью, по ейному скусу“. И налила, значитъ.

Агнія. Она еще здѣсь?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же *и* **Груша** (*въ ковровомъ платкѣ на плечахъ, вывернулась изъ передней*).

Груша. Здѣсь, барыня. (*Поклонилась Хмѣлевскому*). Здравствуйте, баринъ! (*Агніи*). Я калоши вамъ принесла, потому дождикъ прошелъ, грязно страсть. (*Ѳедоту, рѣзко*). Значитъ за дѣломъ я, а не по „глупости!“

Ѳедотъ (*почесывая затылокъ*). Да ужъ ладно! (*Уходитъ*).

Хмѣлевской. Ты хорошенько его!

Груша. Вотъ какъ дойму—лучше не надо! (*Агніи*). Сюда шла, на барина нашего налетѣла, носъ къ носу. Онъ меня не призналъ, а на дворѣ еще видать было. Глянулъ мнѣ въ лицо, а признать не призналъ. И чудно. барыня: глядитъ, а—похоже—не видитъ! А я: дай, думаю, погляжу—куда онъ по этой улицѣ? Взяла и притаилась. А онъ прошелъ до угла и назадъ повернулъ. Похоже около ходитъ.

Агнія. Гмъ! Ну, иди домой.

Груша. Сейчасъ иду, барыня. Прощайте, баринъ! (*Поклонилась Хмѣлевскому и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Агнія *и* Хмѣлевской.

Агнія. Сегодня у насъ вышелъ съ нимъ разговоръ...

Хмѣлевской. Обо мнѣ?

Агнія. Началось съ того, что онъ опять заговорилъ про доносъ...

Хмѣлевской. Знаешь-ли, я не думаю, чтобъ Филиппъ Даниловичъ написалъ его.

Агнія. Онъ ужасно оскорбленъ моимъ подозрѣніемъ. Я вижу сама, что писалъ не онъ, а скорѣе помощникъ его, Солодиловъ.

Хмѣлевской. А что-жъ въ самомъ дѣлѣ! Очень возможно. Этотъ ласковый молодой человѣкъ не внушаетъ довѣрія.

Агнія. Мнѣ кажется, онъ имѣлъ двоякую цѣль выжить тебя: подслужиться мужу и поддѣлаться ко—мнѣ.

Хмѣлевской. А развѣ влюбленъ?

Агнія. Если такой человѣкъ можетъ влюбиться. (*Встала и прохаживается по сценѣ*).

Хмѣлевской. Да чертъ съ нимъ! А что-же мужъ?

Агнія. Дальше онъ сталъ говорить о тебѣ, безтолково, сбивчиво, безпрестанно потирая ладони. Ты знаешь эту гадкую привычку... Меня взорвало и я на-отрѣзъ объявила ему, что если онъ не оставитъ меня въ покоѣ и еще разъ заикнется про насъ съ тобой, то я совсѣмъ уйду отъ него къ тебѣ. Конечно, это угроза и только.

Хмѣлевской. Почему-же—только угроза?

Агнія. Понятно, милый... Развѣ я могу рѣшать за насъ обоихъ?

Хмѣлевской (*подумалъ*). Мы сдѣлаемъ вотъ что: я переведусь въ другой городъ и мы уѣдемъ совсѣмъ.

Агнія. Серьезно?

Хмѣлевской. Совершенно серьезно.

Агнія (*бросается передъ нимъ на колѣни и схватываетъ его руку*). Знаешь-ли, что ты сказалъ? Если-бъ мнѣ объявили сейчасъ: ты должна умереть за него,—я не поколеблюсь минуты. (*Садится возлѣ и страстно цѣлуетъ его*). Хорошій мой! дорогой мой! сокровище!

Хмѣлевской. Нашла „сокровище"! Серьезно говоря, ты очень рискуешь, Агнія. Развѣ можно на меня положиться?

Агнія (*торжественно*). Если я сама *не сумѣю* быть счастливой, не сумѣю стать *необходимой* тебѣ, то буду *сама* виновата.

Хмѣлевской. Ахъ, ты моя героиня!

Агнія. Не смѣйся. Я не та, какою всѣ знали меня до тебя. Я поражаюсь, какъ столько лѣтъ я могла жить какъ жила. Мнѣ страшно подумать, что такъ могла пройти вся моя жизнь!

Хмѣлевской. На твою бѣду, ты слишкомъ талантлива. Напримѣръ, я убѣжденъ, что изъ тебя вышла-бы великолѣпная актриса. А здѣсь оставалось глохнуть. Но вѣдь и со мной жизнь мало обѣщаетъ тебѣ хорошаго.

Агнія (*обняла его*). Молчи, молчи! Это ужъ мое дѣло.

Хмѣлевской. Будетъ именно то „бремя", про которое ты говорила...

Агнія (*нѣжно*). Ахъ, какой! Да молчи-же! (*Горячо цѣлуетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же *и* Ѳедотъ.

Ѳедотъ (*Хмѣлевскому*). Сейчасъ заходилъ ихній баринъ. На крыльцо меня вызывалъ.

Хмѣлевской. Не утерпѣлъ! Ну?

Ѳедотъ. Спросилъ: тутъ-ли, молъ, Агнія Петровна?

Агнія. А ты что сказалъ?

Ѳедотъ. Сказалъ: нѣтути, молъ.

Агнія. Напрасно. Сказалъ бы что тутъ.

Ѳедотъ. Не посмѣлъ, значитъ.

Агнія. А онъ что?

Ѳедотъ. Онъ: „неправда, говоритъ, тутъ она" и пошелъ. Слѣдилъ, значитъ.

Хмѣлевской. Ладно. Ступай! (*Ѳедотъ уходитъ*).

Агнія (*порывисто встала и торопливо надѣваетъ шляпку*). Ну, больше ему слѣдить не придется! (*Протянула Хмѣлевскому руку*). До завтра! Такъ рѣшено?.. уѣдемъ?

Хмѣлевской. Товарищъ изъ сосѣдняго уѣзда просилъ меня помѣняться мѣстами. Управляющій согласенъ. Я сейчасъ телеграфирую, что мѣняюсь и мы уѣдемъ.

Агнія. До завтра! (*Горячо поцѣловала его и быстро уходитъ*).

Хмѣлевской (*налилъ рюмку коньяку и залпомъ выпилъ ее*). Однако чертъ возьми какъ стало дѣло!.. Боюсь, что изъ нашей жизни, кромѣ чепухи, ничего не выйдетъ. Я предупредилъ... Во всякомъ случаѣ, оставлять ее здѣсь невозможно. Героиня! ей все ни почемъ!... Воображаю, какъ вытянется рожа у Филиппа Даниловича, когда уѣдетъ его жена, ха-ха!.. Да, въ этой женщинѣ — сила, глубокая страсть, самоотверженная... Если-бъ мы встрѣтились раньше—кто знаетъ?—можетъ быть жизнь моя пошла-бы совсѣмъ по другому... (*Въ передней шумъ*). Кто тамъ? (*Подходитъ и отворяетъ дверь. Отступая*). Филиппъ Даниловичъ!...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Хмѣлевской, Ѳедотъ (*въ началѣ*) *и* **Кропотовъ**.

Ѳедотъ (*въ дверяхъ*). Говорю: нельзя, не здоровы, молъ, вы, а онъ...

Хмѣлевской (*отстраняетъ Ѳедота*). Пожалуйте, Филиппъ Даниловичъ! пожалуйте! (*Кропотовъ входитъ. Ѳедотъ уходитъ и затворяетъ дверь*). Вы за женой? Ея ужъ нѣтъ. Ушла.

Кропотовъ. Нѣтъ, я собственно къ вамъ-съ.

Хмѣлевской. А, ко мнѣ? Польщенъ! Садитесь. Не хотители коньячку?

Кропотовъ. Почти не пью.

Хмѣлевской (*Налилъ двѣ рюмки и одну пододвинулъ Кропотову*). Выпейте, подкрѣпитесь; а то вамъ будто не по себѣ.

Кропотовъ. Нѣтъ, я ничего-съ.

Химѣлевской. И такъ, вы пришли побесѣдовать.

Кропотовъ. Да.

Химѣлевской. Жалко, неудачно выбрали время. Я немножко закутилъ и невоздерженъ на языкъ при этомъ. Пеняйте ужъ на себя! (*Отпилъ изъ рюмки*).

Кропотовъ. Именно теперь вы, можетъ быть, лучше поймете меня.

Химѣлевской. Полагаю, что это не трудно. Развѣ нужно напиться, что-бъ васъ понять, а на свѣжую голову не раскусишь? Ха-ха!

Кропотовъ. Пьютъ не отъ радости; а кому тяжело, тотъ лучше вникнетъ въ горе другого, такъ сказать—съ бо̀льшимъ участіемъ.

Химѣлевской. О, да вы хитрый, ха-ха! Я, знаю, какую на этотъ счетъ молву распустили про меня въ городѣ. Первый, говорятъ, сбрехнулъ вашъ эскулапъ Гарлюпенко. Онъ у меня прикуситъ языкъ! И такъ вы разсчитывали найти меня въ покаяніи, въ сокрушеніи о своихъ грѣхахъ, съ пьяной головой, но отверстымъ сердцемъ. Прекрасно. Что-же вы скажете?

Кропотовъ. Про себя и про Агнію... Дѣло такъ ясно, просто и... такъ ужасно!.. Да-съ, то положеніе, до котораго вы довели меня—ужасно!

Химѣлевской. Я?..—Это мнѣ нравится. Почему-же на мнѣ оборвалось „положеніе" ваше? Оно и до меня было не изъ красивыхъ, положеніе ваше. Тѣмъ меньше можно вамъ сострадать, что вы безропотно покорялись ему. (*Поднимаетъ рюмку*). За здоровье неудачныхъ мужей! Чекнемтесь. Не желаете? Выпью одинъ. (*Залпомъ выпиваетъ рюмку*).

Кропотовъ. Что меня вы топчете въ грязь—я былъ готовъ къ этому; но даже вамъ не простительно чернить честь женщины, которая любитъ васъ.

Химѣлевской. Свинство, сознаюсь.

Кропотовъ. Но я самъ шелъ на все, имѣя—такъ сказать—цѣль, для которой необходимо все вытерпѣть.

Химѣлевской. А вотъ въ „цѣли" ваши я вникать не намѣренъ.

Кропотовъ. А вникнуть придется-съ.

Хмѣлевской. Ха-ха! „Такъ сказать“—въ интересы вашего „благополучія?“

Кропотовъ. Да-съ.

Хмѣевской. Которые—увы!—слишкомъ мелки для Агніи Петровны. Какъ вы до сихъ поръ не увѣрились въ этомъ? Женщина пылкая, умная, съ энергичнымъ характеромъ, которая къ тому же не любитъ васъ, развѣ ее можно умять, укротить, обезличить до интересовъ вашего „благополучія?“ Ахъ, господинъ Кропотовъ!

Кропотовъ. Это сдѣлало-бы время...

Хмѣлевской (*прерываетъ*). Къ старости.

Кропотовъ. Привычка, терпѣніе съ моей стороны...

Хмѣлевской (*прерываетъ*). Нужно ослиное.

Кропотовъ. При готовности принести ей всякую жертву и при неуклонномъ стремленіи всѣми мѣрами направлять ея жизнь на правильный путь. А вы все разрушили! все!

Хмѣлевской. Нельзя разрушить то, что вамъ никогда не удалось-бы создать, не смотря на ваше „терпѣніе, неуклонныя стремленія“ и прочее. А разрушить пустыя надежды—все равно что дунуть на мыльный пузырь... Поэтому выпьемъ-ка посошекъ и отправляйтесь съ Богомъ домой. (*Налилъ свою рюмку и выпилъ. Кропотовъ не притронулся*). Скажите прелестной Агніѣ Петровнѣ... а она дѣйствительно прелестна... скажите, что я пью въ послѣдній разъ, а отнынѣ мнѣ довольно хмѣля ея страсти.

Кропотовъ. Благодаря вамъ, въ нашей семейной жизни произошелъ столь рѣшительный переворотъ, что необходимо, такъ сказать—развязать положеніе.

Хмѣлевской. А это очень просто. Я возьму Агнію къ себѣ.

Кропотовъ. Что-съ?!

Хмѣлевской. Щадя васъ, я перевожусь въ другой городъ, куда мы уѣдемъ.

Кропотовъ. Если ужъ принято такое рѣшеніе, то... мнѣ нечего ожидать и... остается *одно*...

Хмѣлевской. Покориться. (*Взялся за бутылку, но она пуста. Громко.*) Эй! Ѳедотъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же *и* **Ѳедотъ**.

Ѳедотъ. Что прикажете?

Хмѣлевской. Бутылку! (*Отдаетъ пустую*).

Ѳедотъ (*взялъ бутылку*). Больше нѣтъ, Рафаилъ Васильевичъ.

Хмѣлевской. Врешь, каналья! Подай сейчасъ!

Ѳедотъ. Ей-ей нѣту!

Хмѣлевской (*гнѣвно*). Отчего нѣтъ? Отчего не припасъ?

Ѳедотъ. Виноватъ!

Хмѣлевской. Болванъ! Забылъ что было за это?

Ѳедотъ. Прибили.

Хмѣлевской. П-шолъ принеси!

Ѳедотъ. Да гдѣ-жъ теперь взять? Ночь, значитъ, лавки заперты, небось ужъ спать полегли...

Хмѣлевской. Разговаривай! У Пахомова взять, у Лаптева! Стучи, добудись, а что-бъ было! П-шелъ! (*Ѳедотъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Хмѣлевской *и* **Кропотовъ** (*въ продолженіе предъидущей сцены медленно ходилъ по комнатѣ и остановился у комода, что-то разсматривая на немъ*).

Кропотовъ. Вы сказали, что уѣдете съ Агніей. Это можетъ случиться, а можетъ—и нѣтъ. Ваша связь, у всѣхъ на глазахъ, опозорила и ее и меня. Какъ человѣкъ развращенный, вы смотрите на дѣло легко. Но оно серьезнѣй, нежели вы изволите думать.

Хмѣлевской. Чортъ возьми! Что-жъ я могу сдѣлать для васъ? Если самъ мужъ не смогъ устроить свою семейную жизнь—кто виноватъ?

Кропотовъ. Конечно-съ. Вотъ потому я и рѣшился.

Хмѣлевской. На что?

Кропотовъ (*взялъ съ комода револьверъ въ чехлѣ*). Вы с этимъ ѣздите по уѣзду?

Хмѣлевской (*съ недоумѣніемъ*). Да. А что?

Кропотовъ (*вынулъ револьверъ изъ чехла и осматриваетъ его*). Заряженъ?

Хмѣлевской. Заряженъ.

Кропотовъ (*пробуетъ курокъ*). Револьверъ хорошій, осѣчки не дастъ. А это имѣетъ огромную важность. Въ нашемъ дѣлѣ человѣческихъ силъ хватитъ только на одинъ разъ.

Хмѣлевской. Что вы городите?! въ какомъ „нашемъ дѣлѣ?!"

Кропотовъ. Онъ долженъ развязать положеніе.

Хмѣлевской. Револьверъ!!

Кропотовъ. Да-съ. (*Кладетъ револьверъ на столъ. Пауза*).

Хмѣлевской (*измѣнившимся голосомъ*). Послушайте, любезный Филиппъ Даниловичъ! Это умѣстно въ театрѣ, а въ жизни смѣшно и дико!

Кропотовъ (*усмѣхнулся*). Ну вотъ-съ! Я такъ и ждалъ! Какъ нотаріусъ, я бывалъ у постели умирающихъ. Наблюдалъ-съ и вынесъ то заключеніе, что особено боялись смерти тѣ, кто въ жизни были дерзки, задорны и нахальствомъ запугивали всѣхъ. Пускай „смѣшно и дико", а тѣмъ не менѣе—неизбѣжно, господинъ Хмѣлевской.

Хмѣлевской. Что-же вы хотите? Дуэль?

Кропотовъ. Проще. Бросимъ жребій: либо я, либо вы.

Хмѣлевской. Ахъ, вотъ что-о!.. (*Гнѣвно*). А я думаю, лучше выбросить эту вещь за окошко! (*Схватилъ револьверъ и отворяетъ форточку*).

Кропотовъ (*уцѣпился за его руку съ револьверомъ*). Нѣтъ-съ! Трусъ и подлецъ можетъ такъ поступить, а не вы... такъ сказать, обаятельный кавалеръ и бывшій офицеръ къ тому-же. (*Взялъ у него револьверъ и кладетъ на столъ*).

Хмѣлевской (*затворилъ форточку*). Кропотовъ меня въ трусости обвиняетъ! Ха-ха-ха! Но то, что вы задумали—глупо, нелѣпо!

Кропотовъ. Но неизбѣжно-съ. Быть можетъ, жребій выпадетъ мнѣ, даже навѣрно мнѣ. Я готовъ... (*Взялъ*

со стола листъ бумаги и оторвалъ отъ него два билетика). Вотъ два одинаковыхъ клочка бумаги. Оба точь въ точь. На своемъ я напишу вашу фамилію, а вы на своемъ—мою. Мы сложимъ ихъ одинаково и положимъ въ эту вазу для перьевъ. Вынуть жребій предоставляю вамъ. Кому онъ вынется, тотъ напишетъ властямъ, чтобъ никого не винить и такъ далѣе и *тутъ же немедленно* пуститъ себѣ пулю въ лобъ изъ этого револьвера. *Немедленно-съ*!.. Вотъ карандашъ. Потрудитесь написать мою фамилію.

Хмѣлевской. Вы насилуете мою волю, пользуясь тѣмъ, что я выпилъ и сознаю не ясно...

Кропотовъ. Нѣтъ-съ, ваше сознаніе совершенно ясно.

Хмѣлевской. Драться съ вами я буду; но вашъ способъ... на вѣрный убой.. Это чертъ знаетъ что!.. Я и васъ не хочу видѣть съ размозженной башкою. Мерзость!

Кропотовъ. Я пишу вашу фамилію. (*Пишетъ*). Вотъ: „Хмѣлевской". Пишите мою. (*Даетъ ему карандашъ*).

Хмѣлевской (*усмѣхнулся*). Хорошо-съ. (*Взялъ карандашъ и написалъ*).

Кропотовъ. Что-же вы пишите?

Хмѣлевской. Я написалъ: „идіотъ".

Кропотовъ. Васъ-же позоритъ, что вы въ такую минуту.. Да все равно! Если вынется „идіотъ", я кончу съ собой. (*Свертываетъ бумажки вчетверо и кладетъ ихъ въ вазочку, предварительно закрывъ ее платкомъ. Потрясъ ее и ставитъ на столъ*). Вынимайте! (*Продолжительная пауза. Оба глядятъ другъ на друга, не двигаясь*). Рѣшайтесь, господинъ Хмѣлевской!.. (*Пауза. Въ сильномъ нервномъ возбужденіи*). Больше смѣлости! не будьте трусомъ! Возьмите примѣръ съ меня, „идіота"... Я гляжу смерти въ глаза и не дрожу, какъ вы. Это не достойно такого храбреца, какимъ всѣ васъ считаютъ. Не будьте трусомъ, господинъ Хмѣлевской! не будьте трусомъ!

Хмѣлевской (*встаетъ взбѣшенный*). Ты смѣешь?! Кому ты говоришь это?! кому?!

Кропотовъ. *Вамъ*, господинъ Хмѣлевской.

Хмѣлевской. Да я однимъ махомъ духъ изъ тебя вышибу!! Берегись!!

Кропотовъ. На это васъ хватитъ, благо сила есть подковы ломать; а поступить съ истиннымъ мужествомъ— силёнки и нѣтъ!

Хмѣлевской. Молчать!! Я покажу тебѣ! Вынимай!

Кропотовъ. *Мнѣ* вынимать?—Извольте. Значитъ, уговоръ *принятъ*... Мы оба рискуемъ жизнью въ одинаковой мѣрѣ...

Хмѣлевской (*прерываетъ крикомъ*). Вынимай!!.

Кропотовъ. Если вы дали мнѣ право вынуть жребій, то этимъ самымъ уговоръ утвердили, *утвердили-съ!* Помните это! А уговоръ нашъ безповоротный и неотступный. Помните-съ! (*Дрожащей рукою беретъ закрытую вазочку и встряхиваетъ ее*). Я вынимаю. (*Мертвенно блѣдный протягиваетъ другую руку къ вазѣ, но не попадаетъ подъ платокъ*). Я выну-съ, выну!.. (*Рѣшительнымъ движеніемъ опустилъ руку и выхватываетъ записку*). Вотъ!.. Прочтите!.. прочтите!.. (*Тяжело дыша, отдалилъ отъ себя записку и развернулъ ее предъ лицемъ Хмѣлевскаго*).

Хмѣлевской (*помертвѣвъ*) Я! (*Пауза*).

Кропотовъ (*облегченно вздохнулъ*). Судьба. (*Вынулъ платокъ и отираетъ съ лица холодный потъ. Пауза*). Теперь пишите! Тутъ бумага, чернила, все. (*Кладетъ передъ Хмѣлевскимъ бумагу*).

Хмѣлевской (*сидитъ неподвижно, пришибленный, съ тупымъ выраженіемъ. Безсознательно*). Писать?

Кропотовъ. Пишите. (*Вкладываетъ перо ему въ руку*). „Прошу никого не винить въ моей смерти“.. (*Хмѣлевской машинально пишетъ*). „Жизнь опостылѣла и потому я кончаю съ собой“...

Хмѣлевской (*обмакивая перо въ чернильницу, задѣваетъ на столѣ револьверъ. Вздрогнулъ*). Прими прочь! (*Кропотовъ отодвинулъ револьверъ*). Съ глазъ прими, говорю!

Кропотовъ (*взялъ револьверъ и опустилъ его въ рукѣ*). Теперь годъ, число и полную подпись.

Хмѣлевской (*написалъ и сидитъ неподвижно. Пауза. Про себя*). Можетъ быть я самъ... да... самъ дошелъ-бы до

этого... (*Грузно встаетъ. Кропотовъ вкладываетъ ему въ руку револьверъ. Хмѣлевской вздрогнулъ, нервно сжалъ руку съ револьверомъ и стоитъ, глядя въ землю. Кропотовъ смотритъ на него, затаивъ дыханіе. Вдругъ лицо Хмѣлевскаго исказилось*). Ха-ха-ха! Фу, глупость какая! Только съ пьяну дойдешь до этого! (*Швырнулъ револьверъ къ дивану*). Уложить себя потому, что какого-то Кропотова не любитъ жена! Ха-ха-ха!

Кропотовъ (*задрожалъ отъ негодованія*). Судьба, ея приговоръ!!

Хмѣлевской. Упорство болвана, корчи ничтожной души...

Кропотовъ (*крикомъ*). Не упорство, а долгъ! (*Быстрымъ движеніемъ схватываетъ револьверъ*). И я ставилъ себя подъ пулю! Но я, съ ничтожной душею, я не сталъ-бы вилять, а лежалъ-бы ужъ мертвый!!

Хмѣлевской (*кричитъ*). Убирайся ко всѣмъ чертямъ!! (*Дѣлаетъ шагъ къ нему*).

Кропотовъ (*отступивъ*). Если ты трусъ и подлецъ, то мой *долгъ* приговòръ судьбы *выполнитъ!..* (*Стрѣляетъ. Хмѣлевской пошатнулся и грузно падаетъ мертвый. Кропотовъ положилъ возлѣ него револьверъ и медленно уходитъ, глубоко потрясенный*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Сцена перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Груша (*вноситъ заправленную, не зажженную лампу и ставитъ на столъ*) и **Кропотовъ** (*немного спустя входитъ за нею*).

Кропотовъ. Все еще нѣтъ?

Груша (*надѣваетъ на лампу абажуръ*). Нѣту.

Кропотовъ (*отрывисто, тяжело вздохнулъ и молча прошелся*) Ты бы сходила туда... На дворѣ холодъ, а она тамъ п

цѣлымъ часамъ... На смерть простудится... Уговори, упроси!..

Груша. Ништо она послушаетъ?

Кропотовъ. Скажи, что я прошу... Нѣтъ, про меня не надо, не говори.

Груша. Да, про васъ лучше не сказывать.

Кропотовъ (*вспыльчиво*). А почему?

Груша. Сами знаете.

Кропотовъ. Нѣтъ, ты скажи: почему? (*Ѣдко*). Ты вѣдь довѣренное лицо, приспѣшница!.. (*Въ порывѣ ненависти*). Ты... га-ди-на!.. Ты лгала, скрывала, змѣею вилась!...

Груша (*съ рѣзкимъ движеніемъ къ двери*). Коли такъ, ищите другую прислугу. Барыню жалко, а то я давно бы ушла! (*Отворяетъ дверь*).

Кропотовъ (*уцѣпился за нее. Примирительнымъ тономъ*). Нѣтъ, живи, живи! Она привыкла, она тобой дорожитъ... А я не стану... погорячился... Я даже жалованье прибавлю тебѣ, только живи. (*Торопливо прошелся молча и внезапно останавливается*). Сходи-же! Не до ночи-жъ ей на кладбищѣ сидѣть!... Этакъ она уходитъ себя.

Груша. И уходитъ. Сколько ночей глазъ не смыкала! не ѣстъ... (*Подходитъ къ окну*).

Кропотовъ (*съ нетерпѣніемъ*). А ты иди! Тебѣ сказано идти — и ступай!

Груша (*глядя въ окно*). Да вотъ она барыня, идетъ. (*Уходитъ направо*).

Кропотовъ (*бросился къ окну и смотритъ въ него*). Сама какъ мертвецъ... (*Отходитъ*). А если-бъ меня схоронили, вмѣсто него?.. (*Съ усмѣшкой*). Конечно, было-бъ не то, совсѣмъ не то!... Нѣтъ, надо быть равнодушнѣй къ ея страданію... Главное—не надо раздумывать, разбирать, сомнѣваться... (*Отмахиваясь*). Прочь эти мысли, прочь!... Я поступилъ *по праву* и кончено. Вѣдь и мнѣ могъ вынуться жребій! Я былъ готовъ. Если такъ *рѣшила судьба*, а *онъ* струсилъ, даже глумился, развѣ я не былъ въ правѣ?... Больше твердости, хладнокровія—это главное.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Кропотовъ *и* **Агнія** (*вся въ черномъ, съ измученнымъ лицемъ. Не обращая на мужа вниманія, проходитъ къ задней двери и отворяетъ ее*).

Кропотовъ. Агнія!

Агнія (*не оборачиваясь*). Что тебѣ?

Кропотовъ. Ты все ходишь туда...

Агнія (*обернулась, съ вызывающимъ видомъ*). Хожу. Ну?

Кропотовъ. Я, конечно... главнымъ образомъ потому, что можно простудиться и заболѣть...

Агнія. Такъ что-же?

Кропотовъ. Если ты равнодушна, то мнѣ было-бъ ужасно...

Агнія (*прерываетъ*). А мнѣ что до этого? (*Повернулась уйти*).

Кропотовъ. Агнія!

Агнія (*съ нетерпѣніемъ*). Что еще? (*Рѣзко повернулась*). Что тебѣ нужно?! (*почти крикомъ*). Что тебѣ нужно отъ меня, наконецъ?!

Кропотовъ (*отступая къ двери*). Успокойся, ради Христа! Я ничего... я молчу...

Агнія. На что ты надѣешься?! (*Снимаетъ шляпку и кладетъ ее на пьянино*).

Кропотовъ. Мнѣ жалко тебя... Фактъ ужасный... ужасно *все*... но надо-же...

Агнія. Что?

Кропотовъ (*растерянно*). Ну... какъ сказать?.. примириться...

Агнія. Ты думаешь, что я могу „примириться?"... Ты ужъ не вообразилъ-ли, что у насъ все пойдетъ по старому?!

Кропотовъ. Я ничего... но... желать... когда-нибудь...

Агнія. „Когда-нибудь"! ха-ха-ха! „когда-нибудь"!.. Неужели ты не понялъ, что между нами все кончено?!

Кропотовъ (*глухо, съ подавленнымъ стономъ*). „Кончено"... Но я не о себѣ... Жить для тебя... трудиться, заботиться...

Агнія. Значитъ, ты не понимаешь—что такое для меня

эта ужасная смерть!—Смерть... я не постигаю... я не могу допустить, что-бъ это было дѣйствительно такъ, какъ думаютъ всѣ. Не могу!.. (*Схватилась за грудь*). Я чувствую, что это было не такъ! *чувствую*!..

Кропотовъ (*въ ужасъ, едва выговаривая*). Что ты... говоришь, Агнія?!

Агнія. Я мучаюсь этимъ. Ужасныя мысли, отъ которыхъ сойдешь съ ума! (*Падаетъ на кресло и закрываетъ лицо руками*).

Кропотовъ (*послѣ паузы, трепетнымъ голосомъ*). Между тѣмъ фактъ... записка... прошлое этого человѣка... запой... докторъ говорилъ... ничто не могло отвратить...

Агнія (*медленно поднимаясь, вперяетъ въ него жгучій, испытующій взглядъ*). Ничто?! (*Пауза*).

Кропотовъ (*подался назадъ*). Что ты... такъ глядишь на меня?!

Агнія (*дѣлаетъ шагъ къ нему, не спуская глазъ*). Сколько у тебя доказательствъ, что *ничто не могло отвратить!*

Кропотовъ. Что съ тобой, Агнія!

Агнія. Отчего на лицѣ твоемъ ужасъ, какъ будто ты видишь окровавленный трупъ?! отчего?!

Кропотовъ (*дѣлаетъ страшное усиліе, что-бъ говорить спокойно. Глухимъ голосомъ, съ хрипомъ*). Нельзя говорить равнодушно о человѣкѣ, который... Всѣмъ понятно его значеніе для меня... Честь моя поругана на глазахъ у всѣхъ...

Агнія. Твоя „честь"!.. Все счастье мое, вся жизнь, все погибло!

Кропотовъ (*про себя, мрачно*) „Погибло"...

Агнія (*быстро прошлась изъ угла въ уголъ*). Позоръ! Да, я открыто пошла на позоръ. Иначе я не могла. Никакія силы не удержали-бъ меня! Но намъ вырыли яму и *онъ* тамъ, съ пулей въ груди... Самоубійца!.. Когда онъ былъ дальше отъ смерти, чѣмъ когда нибудь! Когда онъ любилъ меня, обожалъ! Когда мы только-что сговорились бросить тебя и всѣхъ васъ и ваше болото!

Кропотовъ. *Ему* взять на совѣсть судьбу женщины!..

Онъ не могъ, *не смѣлъ* этого!.. такой человѣкъ, какъ былъ онъ...

Агнія. И потому пустилъ въ себя пулю, что „не могъ“ и „не смѣлъ“?!

Кропотовъ (*глядя въ землю*). Въ связи съ прочимъ... это — причина... Не трудно предвидѣть чѣмъ-бы все кончилось...

Агнія (*поражена*). Неужели?! (*Про себя, въ мучительномъ раздумьѣ*). Это могло прійти ему въ голову... да, да!.. Онъ не былъ увѣренъ въ себѣ... Онъ даже сказалъ: „нашла кому довѣрить свою судьбу!“... Боже мой, неужели?.. Онъ былъ такъ искрененъ и правдивъ... Онъ могъ... Разомъ покончить, *себя* погубить, что-бъ не обмануть моей любви и не разбить моей жизни!.. Могъ, да!.. (*Пауза*). Какъ же надо любить, что-бъ пожертвовать собой!.. Сколько благородства, силы!..

Кропотовъ (*жестами выражавшій нетерпѣніе, съ ироніей*). Силы!

Агнія (*быстро взглянула на него*). Ты отрицаешь?! (*презрительно*) ты?!

Кропотовъ (*въ порывѣ ревниваго негодованія*). Имѣю доказательства совсѣмъ противнаго.

Агнія. Ты?! доказательства?! (*Пристально глядя на него*). Какія-жъ у тебя „доказательства“?

Кропотовъ (*смѣшался*). Я вообще... про все его поведеніе...

Агнія (*подходитъ къ нему въ упоръ, съ скрещенными руками*). Я хочу знать, что произошло между вами *тогда?*.. Ночью, одни съ глазу на глазъ... Ты уходишь, а онъ... лежитъ мертвый, въ крови...

Кропотовъ (*тономъ отчаянія*). Перестань! (*Отвернулся*).

Агнія (*пытливо и тихо*). Ты знаешь—*какъ* это случилось?

Кропотовъ (*рѣзко*). Все, что мнѣ извѣстно, я объяснилъ на слѣдствіи и повторять не хочу. (*Отходитъ*).

Агнія. Не можешь!.. Я ошиблась, объяснивъ его смерть по другому. Я забыла, что онъ зналъ, насколько я сильнѣе его, довѣрился мнѣ и все было рѣшено между

нами безповоротно, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ пришелъ къ нему ты... Но ты *не можешь* объяснить, *какъ* это случилось. Ты блѣднѣешь при одномъ его имени...

Кропотовъ (*твердо*). Довольно! Я не хочу говорить про это. Кончено!

Агнія (*значительно*). Нѣтъ, конецъ впереди! (*Уходитъ въ заднюю дверь*).

Кропотовъ. Подозрѣніе!.. Я догадывался... О, я знаю! она станетъ мучить меня, что-бъ добиться сознанія и отмстить за того... Горе могло-бы убить ее, но оно уйдетъ въ ненависть ко мнѣ, что-бъ добить меня окончательно!.. А я думалъ... надѣялся... ждалъ чего-то!.. Какая слѣпота! какое безуміе!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Кропотовъ *и* **Гарлюпенко**.

Гарлюпенко (*войдя, крѣпко пожалъ руку Кропотову. Участливо*). Ну, какъ живете? Здоровы-ли?

Кропотовъ (*усмѣхнулся*). Какъ живемъ!.. Едва ли хуже бываетъ.

Гарлюпенко. Тяжелые дни, другъ мой. Да Богъ милостивъ.

Кропотовъ. Мнѣ нечего скрываться отъ васъ... Мое имя, жизнь, честь выброшены на улицу, на пересуды и глумленіе всѣхъ... Надо терпѣть. Ну, а снесу-ли: это другой вопросъ.

Гарлюпенко. Богъ съ вами! Переболѣетъ — сгладится все. Вода обтачиваетъ острые камни. Такъ и время дѣйствуетъ на людей и страданія наши. Совѣсть ваша чиста. А это — главное. Вотъ если-бъ Хмѣлевской не самъ, а вы-бы ухлопали его—дѣло другое.

Кропотовъ (*растерянно*). Конечно... хотя весь вопросъ въ нравственномъ правѣ. (*Горячо*). Есть-же справедливость, вѣдь есть!.. (*Упавшимъ голосомъ*). Мысли путаются, перестаешь понимать... Вотъ по вопросу о нравственномъ правѣ...

Гарлюпенко. Да бросьте! Зачѣмъ вамъ этотъ вопросъ, когда сама судьба покарала?

Кропотовъ (*вдумчиво*). Судьба! А все таки столько противорѣчій!.. (*Нервно*). Бываютъ мучительныя мысли... Разсудокъ изнемогаетъ въ борьбѣ съ ними... Измученъ, а все стоишь предъ тѣмъ-же вопросомъ, какъ надъ пропастью... (*Пауза. Глубоко вздохнулъ*). Главное то, что *все кончено*.

Гарлюпенко. На счетъ чего вы?.. Агнія Петровна?..

Кропотовъ. Ну да.

Гарлюпенко. Обойдется! Острый періодъ...

Кропотовъ (*возбужденно*). Нѣтъ, вы не знаете... Тутъ вопросъ сталъ ребромъ. Вы не знаете Агніи. Все разобьется объ то, что теперь въ ея душѣ. Меня могутъ мучить сомнѣнія; а Агніѣ все ясно, какъ день, и рѣшено у нея безпощадно!..

Гарлюпенко. Вотъ что, другъ мой: хорошо-бы вамъ уѣхать на время...

Кропотовъ. Не поможетъ... И могу-ли я оставить ее одну?

Гарлюпенко. Я настаиваю потому, что вамъ необходимо прійти въ себя. Вы слишкомъ потрясены...

Кропотовъ (*усмѣхнулся*). Потрясенъ!.. Нѣтъ, я будто переродился, не узнаю себя. Какъ это странно! Какъ сложна натура даже самаго посредственнаго человѣка! Ну можно-ли было подумать?.. Удивительно сложна. Живетъ человѣкъ изо-дня въ день и кажется ему, что онъ знаетъ себя и всѣ его знаютъ такимъ-же, до мелочей. Вдругъ катастрофа!.. Онъ потрясенъ, онъ выбитъ изъ колеи и съ тѣмъ вмѣстѣ въ немъ возникаютъ такія чувства, такія черты характера, что диву даешься—откуда? изумляешься—я-ли это?

Гарлюпенко. Вотъ вы жалуетесь на неясность мысли; а я никогда не слыхалъ, чтобъ вы разсуждали такъ тонко.

Кропотовъ. Пережито! (*Слабымъ голосомъ*). Боже мой, какъ я усталъ!.. Вотъ усталость... Странно, но я какъ-то вдругъ ее чувствую.—Вдругъ такая слабость, что руки не поднять. И вдругъ-же пройдетъ. Будто электрическій токъ пробѣжитъ по тебѣ и опять бодръ.

Больше: является напряженность какая-то, будто надо торопиться куда-то, что-то сдѣлать...

Гарлюпенко (*встаетъ*). Когда почувствуете слабость, ложитесь немедленно и постарайтесь заснуть. Сонъ для васъ—самое важное. Идите. Я зайду еще и принесу вамъ кое-какія лекарства. (*Беретъ шапку*).

Кропотовъ (*тоже вставшій, медленно двинулся къ двери, но вдругъ обернулся*). А что вы думаете о дуэли?

Гарлюпенко (*изумился*). О чемъ?! Вотъ не ожидалъ такого вопроса!

Кропотовъ. Онъ очень занимаетъ меня.

Гарлюпенко. Странно!.. Въ газетахъ одно время писали про это. Толковали разно...

Кропотовъ (*съ живостью*). А мнѣ вопросъ ясенъ, ясенъ до поразительной очевидности.

Гарлюпенко. Вотъ какъ! Я думаю, что если подлецъ оскорбитъ меня и меня-же убьетъ на дуэли, то нельзя сказать, чтобъ это было выгодно мнѣ. А если я самъ убью—тоже хорошаго мало.

Кропотовъ (*поднялъ руку, съ угрожающимъ жестомъ*). *Перейдете предѣлъ!*

Гарлюпенко. Впрочемъ есть и такіе, что съ легкимъ сердцемъ... изъ военныхъ особенно.

Кропотовъ (*возбужденно*). Кто *перешелъ предѣлъ*, тотъ въ совѣсти своей создаетъ себѣ палача! Никакая обида, никакое страданіе не даютъ права убить! Убійство всегда преступно, всегда ужасно и жестоко... жестоко мститъ за себя! (*Поспѣшно уходитъ въ боковую дверь. Гарлюпенко пошелъ за нимъ и уже у самой двери, когда заднюю отворяетъ Агнія*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Гарлюпенко *и* **Агнія**.

Агнія (*стоя въ дверяхъ*). Аѳанасій Григорьевичъ! (*Входитъ*).

Гарлюпенко (*обернулся*). А! Мое почтеніе, Агнія Петровна!

Агнія (*пожавъ его руку*). Про какое *убійство* говорилъ вамъ Филиппъ Даниловичъ?

Гарлюпенно. Онъ... по поводу дуэли.

Агнія. Ду-эли?!

Гарлюпенко. Его, видите-ли, очень занимаетъ этотъ вопросъ.

Агнія. Филиппа Даниловича?!

Гарлюпенко. Представьте! Я самъ нѣсколько удивился... хотя въ психическомъ состояніи Филиппа Даниловича возможны странныя мысли, неожиданныя...

Агнія. Можетъ быть и *поступки?*

Гарлюпенко (*пожалъ плечами*). Вообще онъ не хорошъ... По праву стараго знакомаго, я бы совѣтовалъ вамъ... поберечь его.

Агнія (*усмѣхнулась*). „Поберечь!" А вы уяснили себѣ *причину* „психическаго состоянія" Филиппа Даниловича?

Гарлюпенко. О, ихъ такъ много!

Агнія. Главную?.. Хмѣлевскаго ужъ нѣтъ между нами. Съ нимъ прошлое умерло (*съ злобной улыбкой*), а будущее у насъ—полно *надеждъ*.

Гарлюпенко. Напротивъ—полная безнадежность. Вотъ что убиваетъ Филиппа Даниловича.

Агнія. Одно это? Ничего другаго вы не замѣтили?

Гарлюпенко. Право не знаю...

Агнія (*насмѣшливо*). Очень жаль, что не знаете!

Гарлюпенко. То-есть, если хотите, есть нѣчто...

Агнія. Положимъ, что Филиппъ Даниловичъ „убитъ безнадежностью", что этимъ я довела его до отчаянія. Но вѣдь это чувство опредѣленное и вовсе несложное. Такъ?

Гарлюпенко. Я полагаю.

Агнія (*раздражительно*). Тутъ нечего „полагать!" Это ясно. А развѣ въ его „психическомъ состояніи" есть опредѣленность? (*Ѣдко*). Вы, докторъ, психіатръ, разрѣшите!

Гарлюпенко. Нѣтъ, этого я сказать не могу.

Агнія. Положительно?

Гарлюпенко. Да.

Агнія (*молча прошлась въ задумчивости*). Дуэль!.. Филиппъ Даниловичъ, который корпѣлъ надъ актовой кни-

гой, ненавидѣлъ все, что нарушаетъ „мирное теченіе“ жизни, вдругъ заговорилъ о дуэли!.. Почему? Если-бъ онъ могъ и хотѣлъ драться, такъ вѣдь не съ кѣмъ теперь. (*Съ задорной ироніей*). Прозорливецъ, дайте себѣ трудъ подумать: что это такое?

Гарлюпенко (*съ оттѣнкомъ досады*). Къ чему тутъ „прозорливость!“

Агнія. А какъ-же? Вѣдь вы предсказали, накаркали смерть Хмѣлевскому. У Филиппа Даниловича главный аргументъ этой смерти—ваше пророчество! (*Съ ненавистью*). Прорицатель!

Гарлюпенко (*злорадно*). Главный аргументъ—то, что Хмѣлевскому „опостылѣла жизнь“. Такъ значится въ его посмертной запискѣ. Ясно, что *никто* и *ничто* не могло ужъ спасти его, какъ ни горько и ни *обидно* это.

Агнія (*съ злобнымъ негодованіемъ*). Про это вамъ лучше не говорить! Одна я знаю, какое противорѣчіе между тѣмъ, что было въ дѣйствительности и этой запиской.

Гарлюпенко (*усмѣхнулся*). Если сообразить все, то не трудно понять...

Агнія (*гнѣвно прерываетъ*). Вы ничего не поняли! Ваше дѣло было—подливать масло въ огонь! Вы больше всѣхъ ненавидѣли Хмѣлевскаго! Возненавидѣть человѣка за то, что онъ былъ умнѣй, честнѣе, энергичнѣе, талантливѣй всѣхъ васъ, вмѣстѣ взятыхъ! Онъ презиралъ васъ и въ правѣ былъ презирать!..

Гарлюпенко. Уважая вашу *скорбь*, не стану ничего возражать. (*Съ короткимъ поклономъ*). Имѣю честь кланяться! (*Уходитъ, возмущенный до крайности*).

Агнія (*истерично и громко*). Всѣ вы мизинца его не стоили, а теперь распинаете его память, глумитесь и радуетесь!.. Бѣдный мой, бѣдный!.. (*Зарыдала и падаетъ на ближайшее кресло, подавленная отчаяніемъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Агнія *и* **Чехурская** (*въ шляпкѣ*).

Чехурская. Дорогая моя! (*бросается цѣловать Агнію*).

Агнія (*встаетъ, утирая слезы и уклоняясь отъ ея объятій*). Садитесь. (*Садится поодаль*).

Чехурская (*сѣвъ на указанное мѣсто*). Вы разстроены, дорогая моя! Ахъ, эта ужасная смерть!.. Она и мнѣ разстроила нервы. У меня теперь всю ночь горитъ лампочка. Я вижу ужасные сны, вскрикиваю и просыпаюсь. Весь городъ взволнованъ. Спорамъ и пересудамъ нѣтъ конца! Многіе перессорились. Хмѣлевскаго вообще не любили и стоитъ сказать за него доброе слово, какъ всѣ накидываются чуть не съ пѣной у рта. Меня онъ всегда вышучивалъ; но я не злопамятна и даже жалѣю его. Умереть такъ ужасно!.. Достается и вамъ и Филиппу Даниловичу. Впрочемъ, Филиппа Даниловича больше жалѣютъ. Всѣхъ ужасно занимаетъ вопросъ: что будетъ дальше, то-есть у васъ?

Агнія. Вы могли-бы не передавать мнѣ всего этого, Маргарита Яковлевна.

Чехурская. Такъ я вамъ новость скажу. На мѣсто Хмѣлевскаго, пріѣхалъ новый акцизный, Мальковъ. Совсѣмъ, совсѣмъ юный. Я только-что познакомилась съ нимъ у исправника. Жена исправника ужъ кокетничаетъ съ Мельковымъ. Онъ немного робокъ, застѣнчивъ, но глаза, о, какіе глаза!.. Вообще—прелесть и я беру его подъ свое покровительство. Вотъ-бы вамъ познакомиться!..

Агнія. Что?!

Чехурская. Онъ ужасно заинтересованъ вами. Понятно! Все разспрашиваетъ... Даже оставя въ сторонѣ вашу личность, сами факты...

Агнія (*съ нетерпѣливымъ движеніемъ*).—Ахъ!..

Чехурская. Онъ ужъ видѣлъ васъ, когда вы шли съ кладбища. Тамъ, когда вы бываете, у рѣшетки всегда толпа любопытныхъ.

Агнія (*рѣзко встаетъ*). Мнѣ нездоровится. Извините, что я васъ оставлю. Я пришлю къ вамъ Филиппа Даниловича. Да вотъ и онъ самъ. (*Уходитъ въ заднюю дверь, при входѣ Кропотова изъ боковой*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Чехурская *и* **Кропотовъ**.

Чехурская (*съ чувствомъ*). Филиппъ Даниловичъ! (*Пожимаетъ ему руку*). Какъ я рада васъ видѣть! (*Отступая*).

Боже мой, какъ вы измѣнились! Отчего у васъ такой измученный видъ? (*Пауза. Кропотовъ сѣлъ и смотритъ въ пространство*). Вы какъ будто даже не слышите, что я говорю!

Кропотовъ (*разсѣянно*). Что?

Чехурская. Такъ и есть! (*Садится*). Конечно, если все взять во вниманіе, это не удивительно. Ваша сестра такъ волновалась, что даже слегла, бѣдная. Отъ васъ я пойду ее навѣстить. Конечно, я не скажу ей, что нашла васъ такимъ разстроеннымъ. Первое, что у нея на языкѣ, это—разумѣется—ваша жена...

Кропотовъ (*болѣзненно*). Прошу васъ... оставимъ про это!

Чехурская. Но я всегда спорю, всегда за Агнію Петровну...

Кропотовъ (*настойчиво*). Оставимъ! (*Встаетъ*). Что-то рано смерклось сегодня. Я лампу зажгу. (*Снялъ абажуръ и зажигаетъ лампу*). Не выношу темноты. (*Надѣлъ абажуръ и садится*).

Чехурская. Говорятъ, вы оставили занятія въ конторѣ? Вашу должность исполняетъ другой?

Кропотовъ. Д... да... пока...

Чехурская. А вмѣсто Хмѣлевскаго то-же другой. Премилый молодой человѣкъ, совсѣмъ, совсѣмъ юный!.. Онъ въ большомъ затрудненіи на счетъ квартиры. Всѣ заняты, а квартиру Хмѣлевскаго, понятно, онъ не беретъ. Да и никто не возьметъ. Всякій побоится призрака.

Кропотовъ (*вздрогнулъ. Съ дѣланнымъ смѣхомъ и блуждающимъ взглядомъ, нервно потирая руки*). Ну что такое?! Все пустяки... Мало-ли предразсудковъ!..

Чехурская (*робко*). Ну, не скажите! Что-бъ я, послѣ такихъ ужасовъ, осталась одна въ темной комнатѣ—да ни за что на свѣтѣ! У меня всю ночь горитъ лампочка—и то жутко. А убійцѣ, говорятъ, всегда является призракъ убитаго.

Кропотовъ (*вскочилъ. Глаза его полны ужаса*). Зачѣмъ вы?!. Развѣ можно про это?!.

Чехурская (*испуганно отодвинулась отъ него съ кресломъ*). Что съ вами?! Вы просто пугаете меня! (*Боязливо осматривается*).

Кропотовъ. Про это нельзя говорить!.. Конечно, ничего подобнаго нѣтъ... Больное воображеніе... При извѣстномъ усиліи надъ собой, все исчезаетъ... но... но самая возможность ужасна... ожиданіе ужасно, страхъ... разладъ съ собою... борьба...

Чехурская. Да вамъ-то съ какой стати испытывать это?

Кропотовъ. Я и не говорю... Всѣмъ извѣстно какъ было... Ни догадокъ, ни сомнѣній быть не должно...

Чехурская. На счетъ чего? Ахъ, Хмѣлевской! Ну, тутъ разговоры *всякаго* рода...

Кропотовъ. Что-же говорятъ?

Чехурская. Какъ вамъ сказать?.. Находятъ, что въ этомъ дѣлѣ есть что-то... загадочное...

Кропотовъ. Пускай... пускай говорятъ! Теперь все равно. (*Садится съ видомъ тупой покорности*).

Чехурская (*встаетъ*). Но знаете, вы такъ поразили меня!..

Кропотовъ (*про себя*). Все равно, все равно!..

Чехурская. Боюсь, что я утомляю васъ. До свиданья! (*Подаетъ ему руку, которой онъ едва коснулся, не двигаясь и глядя въ одну точку. Про себя*). Съ нимъ положительно страшно! (*Уходитъ*).

Кропотовъ (*тяжело вздохнулъ*). Да, теперь все равно... (*Поникъ головою. За сценой падаетъ что-то тяжелое. Вскрикиваетъ, охваченный страхомъ*). Что тамъ?!. Такой-же стукъ! такой-же ужасный, глухой стукъ, какъ тотъ... когда рухнуло тѣло!.. Уронили... ну, конечно, что-нибудь уронили... О, этотъ стукъ! Онъ преслѣдуетъ меня... Почему именно это?.. Конечно—галлюцинація слуха, понятно. Вѣдь я-же сознаю! Ну, уронять, хлопнуть дверью внизу, калиткой... Сознаю, а леденѣю отъ ужаса... Мгновенно предо-мной вся картина, о мельчайшихъ подробностей.—Мучительно! (*Закрылъ лицо руками*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е и ПОСЛѢДНЕЕ.

Кропотовъ *и* **Агнія** (*тихо входитъ. Онъ не замѣчаетъ ее*).

Агнія (*пристально наблюдаетъ его. Пауза*). Что ты говорилъ про *дуэль*?

Кропотовъ (*вздрогнулъ отъ неожиданности*). Дуэль?(*Растерянно*). Да, я рѣшилъ... я съ этимъ пошелъ къ нему...

Агнія. Ты?! съ этимъ?!

Кропотовъ (*въ нервномъ возбужденіи, прерывисто и растерянно*). Ну да, рѣшилъ и пошелъ... Надо-же было кончить!.. Пошелъ объясниться, уговорить... но взялъ револьверъ, потому что рѣшилъ кончить... Я былъ готовъ... я даже желалъ. Я былъ увѣренъ, что я... что мнѣ вынется жребій...

Агнія (*вскрикиваетъ*). *Жребій*?!. дуэль *по жребію?!*

Кропотовъ. Ну, да... Ужъ это безъ промаха!.. ужъ это вѣрный конецъ!..

Агнія. По жребію!!. Ка-ка-я подлость!!

Кропотовъ. Я рисковалъ одинаково... Я былъ готовъ...

Агнія. Ты?! Трусъ и рисковалъ жизнью! Понятно, почему ты выдумалъ жребій. На дуэли дерутся открыто. Хмѣлевской отлично стрѣлялъ и убилъ-бы тебя. Ты выдумалъ *жребій* и выбралъ время, когда Хмѣлевской былъ не трезвъ и съ жребіемъ *все* можно было продѣлать!

Кропотовъ. Онъ былъ въ сознаніи... онъ много говорилъ оскорбительнаго, глумился... Онъ былъ въ полномъ сознаніи... А когда ему выпалъ жребій, онъ обманулъ меня, да! онъ струсилъ!..

Агнія. Лжешь!!

Кропотовъ. Нѣтъ, струсилъ и хотѣлъ выгнать меня!.. Выгнать послѣ всего!.. Оставалось мнѣ выполнить жребій...

Агнія (*въ ужасѣ*). Вы... выполнить?! Значитъ... ты?.. ты?..

Кропотовъ (*глухо*). Одинъ изъ насъ долженъ былъ умереть...

Агнія (*вскрикиваетъ*). Убилъ!!. (*Схватилась за голову. Пауза*).

Кропотовъ. Не помню какъ было... но выстрѣлъ слышу... слышу паденіе тѣла... Это я часто слышу...

Агнія. Убилъ!! (*Съ гнѣвомъ и ненавистью*). Отчего-же не *меня?* Ужъ если мстить за свое ничтожество, убилъ-бы меня! Не онъ, а *я* тебя опозорила! сознательно, по собственной волѣ, по праву живой души искать свѣта и счастья!.. Убить за меня! Развѣ можно мнѣ жить послѣ этого?! На что мнѣ жизнь?! Ты убійца и убійца вдвойнѣ! Ты подлый трусъ! Ты скрывалъ, лгалъ, прятался! Ты лукавилъ передъ собой, выдумывая себѣ оправданіе! На могилѣ своей жертвы ты строилъ надежды на будущее! Какая низость! Ты хотѣлъ все забыть и жить со мною по прежнему! Ты! убійца!!

Кропотовъ (*вынимаетъ изъ кармана сложенный листъ бумаги*). На что я разсчитывалъ, ты увидишь изъ этой бумаги... Пошли къ слѣдователю... Тутъ сказано все... Ужъ третій день, какъ я написалъ ее... Я хочу одного, что-бъ скорѣй арестовали меня.

Агнія (*развернувъ, быстро пробѣжала бумагу. Ѣдко*). Сознаніе. Съ чего надо было начать!

Кропотовъ. Пошли.

Агнія. Можешь самъ заявлять, если не сочтешь благоразумнѣй раздумать; а я устраняюсь. (*Скомкавъ, бросаетъ бумагу на полъ*). Мнѣ не будетъ легче, если тебя осудятъ, сошлютъ. Чтò мнѣ до того, что будетъ съ тобою?! (*Надѣваетъ оставленную на піанино шляпку и взявъ сумочку, идетъ къ боковой двери*).

Кропотовъ (*тревожно*). Куда-же ты?

Агнія. Какъ „куда?“ Прочь отъ тебя! вонъ отсюда!

Кропотовъ. Со... совсѣмъ?!.

Агнія. Развѣ можетъ быть иначе? Я ушла-бы тогда-же, съ могилы его, если-бъ не предчувствіе тайны. Я поклялась открыть ее и отмстить. Но месть... она слишкомъ нитожна, она ниже памяти человѣка, котораго ты убилъ. А мнѣ все равно какъ ни погибнуть! (*Идетъ къ двери*).

Кропотовъ (*бросается къ ней*). Агнія! ради всего святаго!..

Агнія. Прочь! Не смѣй ни слѣдить за мной, ни узнавать, гдѣ я! Для тебя я больше не существую! (*Уходитъ*).

Кропотовъ (*отчаянно вскрикиваетъ*). Агнія!.. (*Растерянно*). Что-жъ это?.. Господи!.. Какъ-же!.. (*Бросается къ двери, настежъ отворяетъ ее и вскрикиваетъ*). Агнія!! (*Пауза. Отходитъ съ убитымъ видомъ*). Навсегда!.. (*Зарыдалъ*). Погубилъ!.. все погубилъ!.. все!.. (*Подавленный упалъ на колѣни у ближайшаго стула и склонился къ нему*).

Занавѣсъ.

ЛУЧЪ.

СЦЕНЫ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующіе:

Иванъ Михеевичъ Зябликовъ, нѣкогда судебный приставъ, на маленькой пенсіи, старый холостякъ, лѣтъ подъ 60.

Антонъ Прохоровичъ Талдыкинъ, мужчина среднихъ лѣтъ, неопредѣленныхъ занятій.

Брылева, увядшая дама сухощаваго вида, сосѣдка Зябликова по квартирѣ.

Марья, хозяйская кухарка.

Анюта, маленькая дѣвочка, сирота.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Дѣйствіе первое.

Меблированная комната убогаго вида. Двери: прямо—въ корридоръ и запертая налѣво—въ смежную комнату. У лѣвой стѣны диванъ, у правой—столъ. Шкафчикъ, табуретъ и два стула довершаютъ жалкую обстановку жилища Зябликова.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Зябликовъ (*входитъ пьяный, въ пальто и шляпѣ. Въ комнатѣ темно*). Ничего не видать!.. Надо свѣчку зажечь... (*Ищетъ свѣчу, натыкаясь на мебель*). Хуже нѣтъ, какъ мѣшанина пойдетъ, ломпопо̀!.. Водка, пиво, лиссабончикъ, коньякъ—бррръ!.. А все Антоша! все его затѣи!.. Ломпопо̀! ха-ха-ха!.. (*Чуть не свалившись, находитъ наконецъ подсвѣчникъ со свѣчею. Зажигаетъ спичку и старается зажечь свѣчу, но это не удается ему. Кричитъ*). Марья! (*Зажигаетъ другую спичку, опять старается зажечь свѣчу, но обжигается*). А, чертъ!.. (*Еще громче*). Марья!! (*Сильный стукъ въ боковую дверь. Обернулся къ ней*) Что еще!.. Нервная дама!.. Молчать!.. (*Снова зажигаетъ спичку, но никакъ не можетъ зажечь свѣчу. Оретъ*). Марь-яя?! Куда тебя черти носятъ?! Марь-яя!!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Зябликовъ *и* **Брылева** (*въ капотѣ. Спереди волосы ея завиты на шпильки, которыя торчатъ въ разныя стороны*).

Брылева (*крикливо*). Чего вы орете?! Какъ вы смѣете орать и безпокоить меня?!

Зябликовъ (*оробѣлъ*). Что-жъ ежели свѣчка не зажигается!.. Въ потемкахъ нельзя...

Брылева. Безоб-разіе! (*Вырываетъ у него свѣчу и спички*). У кого троится въ глазахъ, мудрено зажечь свѣчку!

Зябликовъ. У меня не троится...

Брылева. Нѣтъ, троится! (*Зажгла свѣчу и со стукомъ ставитъ ее на столъ*). Вотъ вамъ! И не смѣйте безпокоить меня!

Зябликовъ. Я не безпокою...

Брылева. Нѣтъ, безпокоите! Что-бъ этого не было! Иначе я потребую отъ хозяйки, что-бъ васъ выгнали вонъ!

Зябликовъ. Ме-ня?!

Брылева. Васъ!

Зябликовъ. Какъ-бы не такъ!

Брылева. Да, васъ! Потому-что вы напиваетесь, орете, безобразничаете. А я терпи?!

Зябликовъ. Я въ своемъ правѣ гулять...

Брылева. Нѣтъ!

Зябликовъ. Въ правѣ, потому я...

Брылева. Нѣтъ, не въ правѣ, если отъ васъ другимъ житья нѣтъ! вовсе не вправѣ! Нервную женщину, какъ меня, это бѣситъ!..

Зябликовъ. А вольно-жъ вамъ...

Брылева. Вы до того раздражаете меня, что я, забывъ все, готова влетѣть сюда и вцѣпиться вамъ въ глаза! Понимаете?

Зябликовъ. Это ужъ... Я вѣдь и самъ могу...

Брылева. Молчите, чурбанъ! Вы не понимаете, какъ чувствуетъ нервная женщина и извольте молчать! Посмѣйте еще разъ побезпокоить меня! посмѣйте! (*Быстро уходитъ, съ угрожающимъ жестомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Зябликовъ.

Я безпокою!.. Никого я не безпокою... Врешь ты!.. (*Покачнулся и уронилъ стулъ*). Тссъ! тише!.. Я безпокою!.. А здорово кутнули, чертъ побери! Ломпопо̀! ха-ха-ха!.. Какъ мнѣ пенсію получать, Антоша ужъ тутъ какъ тутъ! не упуститъ! (*Ощупывая карманы, ищетъ бумажникъ*). Нѣту!.. Куда-жъ онъ запропастился?.. Украли?.. Антоша?.. Нѣ-ѣтъ, вотъ онъ! (*Вынимаетъ засаленный бумажникъ и смотритъ на него съ нѣжностью*). Гама̀нчикъ лю-

безный! дру-угъ!.. (*Поглаживаетъ его*). Кормилецъ!.. Ахъ, кабы ты былъ скупѣе, поменьше-бъ денегъ по трактирамъ швырялъ, не такъ-бы мы жили съ тобою, дружище! А то какая наша жизнь? Одно — можно сказать — безобразіе... А ну-ка сколько осталось? (*Считаетъ кредитки*). Четыре... семь... нѣтъ вру!.. (*Протеръ глаза*). Три... восемь... Эта — не то пять, не то три?.. (*Изъ бумажника разсыпалось по полу нѣсколько серебряныхъ рублей*). Тпруу!.. (*Сталъ на четвереньки*). Куда вы?! куда вы, канашки?! (*Старается подобрать деньги, но не можетъ. Кричитъ*). Марья! (*Стукъ въ боковую дверь*). Ладно, ладно! Стучи себѣ на здоровье! (*Оретъ*). Марья-я!!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Зябликовъ *и* **Марья.**

Марья. Ну, чего вамъ?

Зябликовъ. Разсыпались. Видишь?

Марья (*укоризненно качая головой*). Опять! Э-эхъ-ма! (*Подбираетъ деньги*).

Зябликовъ. Тамъ еще.

Марья. Гдѣ „тамъ?"

Зябликовъ. А вонъ, подъ стуломъ.

Марья (*отставляетъ стулъ*). Ну гдѣ-же? Мерещится вамъ съ пьяныхъ глазъ. Въ пивной онъ рубль-отъ вашъ, а не подъ стуломъ.

Зябликовъ. Тамъ есть...

Марья. Много ихъ тамъ осталось. Вставайте! Полно на карачкахъ-то ползать! Срамникъ! (*Помогаетъ ему подняться*). Замѣсто того, что-бъ все пропивать, вы-бы платьишко справили себѣ. А то обносился—срамъ глядѣть. Какъ самому не стыдно! Тоже чиновникъ!

Зябликовъ. Коллежскій ассесоръ, значитъ—штабъ-офицеръ! Да!

Марья. Хозяйкѣ-то осталось-ли за комнату заплатить, али все спустилъ?

Зябликовъ. Хозяйкѣ?.. А вонъ гаманочекъ. Возьми!

Марья (*считаетъ деньги*). Только всего?! Ловко свист-

нулъ! Ну восемь хозяйкѣ; а вамъ, значитъ, три цалковыхъ на мѣсяцъ на все про все?

Зябликовъ. Антоша взялъ.

Марья. Ну такъ! Обдираетъ васъ Антоша, какъ липку. А кормить—кто-же?—Антоша васъ будетъ?

Зябликовъ. Ты будешь кормить.

Марья. Мѣсяцъ, на три цаковыхъ? (*Со стукомъ кладетъ рубли на столъ*). Нѣтъ, батюшка! сами кормитесь, какъ знаете! (*Повернулась къ двери*).

Зябликовъ. Не желаешь—плевать!

Марья (*обернулась къ нему. Вспыльчиво*). Ну и плюй себѣ сколько хочешь! У насъ вотъ въ подвалѣ женщина съ голоду померла. А на то, что вы пропили нынче, она-бы долго сыта была, она и дѣвченка!

Зябликовъ. Померла!.. (*Всхлипываетъ*). Съ голода померла!..

Марья. Ну, вотъ! таперь нюни распустилъ! Вотъ она, водка-то! Только и пользы отъ васъ!

Зябликовъ. Померла!

Марья. Ну, покойница отмучила свое, прибралась. А съ дѣвченкой какъ быть? Пока начальство предѣлитъ къ мѣсту, куда-жъ ее? Башмачникъ гонитъ. Своихъ ртовъ много и уголъ сдать нужно. Я было въ кухню къ себѣ взять хотѣла, да хозяйка не велитъ.

Зябликовъ. А мать... тамъ еще?

Марья. Хоронить увезли. Горе съ дѣвченкой, да и полно! (*Пошла къ двери*).

Зябликовъ. Что-жъ... веди.

Марья. Кого вести? дѣвочку?

Зябликовъ. Ну, да.

Марья. Да куда-жъ я ее поведу?

Зябликовъ. Сюда веди.

Марья (*подходитъ*). Къ ва-амъ?!

Зябликовъ. Ха-ха-ха! Вотъ такъ штука!.. Антоша ругать станетъ. Ну, да плевать! Веди!

Марья. А что-жъ и вправду, Иванъ Михеевичъ, пускай покамѣсть у васъ поживетъ. По крайности въ теплѣ; а я кормить стану. Похлопочете, что-бъ ее въ пріютъ

какой взяли. Начальству и безъ насъ дѣловъ много, забудется; а дѣвченка—не на улицу-жъ ей! Такъ я приведу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Зябликовъ.

Хмъ!... (*Сидитъ молча, съ глупой улыбкой на пьяномъ лицѣ. Вдругъ всталъ и поетъ во все горло*). „Крамбамбули, отцевъ наслѣдство"... (*Отчаянный стукъ въ боковую дверь*). Стучи, стучи! Язва! (*Оретъ*). „Крамбам"... (*Оборвалъ и смотритъ на дверь*). Ну тебя къ черту! (*Сплюнулъ*). Нервная дама!.. Всю комнату камфорой продушила, даже черезъ дверь въ носъ шибаетъ. Зачѣмъ камфора? Страсти укрощать, что-ли?... Студентъ жилъ—никакихъ непріятностей не было; а принесло эту выдру—шевельнуться не смѣй! Какъ-же! (*Разозлился и ходитъ, цѣпляясь за мебель*). А мнѣ плевать! Вотъ еще! (*Громко, все возвышая голосъ*). Хочу кутить и кучу! Я въ своемъ правѣ. Хочу—пѣсни ору, хочу—мебель ломаю, чортъ побери!.. (*Схватилъ и поднялъ стулъ, что-бъ швырнуть его на полъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Зябликовъ, Марья *и* **Анюта** (*босая, нечесанная, въ худенькомъ платьѣ*).

Марья (*съ испугомъ*). Что-й то вы?! Господи!

Зябликовъ (*озадаченъ и сконфуженъ. Опустилъ стулъ и для чего-то прячетъ его за спину*). А я... видишь-ли.. я это такъ... силу пробовалъ... Я больше не стану....

Марья (*держа Анюту за руку*). Ну, вотъ вамъ дѣвочка. Въ чемъ видите—вся тутъ. Анютою звать.

Зябликовъ. Анюта... это хорошо... отличное имя... Здравствуй, Анюта!.. Ты не бойся... я вѣдь не пьянъ, ни-ни!...

Марья. Дяденька добрый.

Зябликовъ. Не бойся, милая! (*Хочетъ погладить дѣвочку, но она рѣзко уклоняется, стремительно, какъ звѣрокъ, бросается въ уголъ и садится тамъ лицомъ къ стѣнѣ*).

Зябликовъ (*опѣшилъ*). Вотъ-те и разъ! Что съ нею?!

Марья. Дикая она. Молчитъ и не ѣстъ. Я и такъ и сякъ, а она смотритъ въ землю, молчитъ да и полно! Не трожьте ее. Обойдется.—Ну, мнѣ некогда. Хозяйка въ лавочку посылаетъ. Гости. (*Поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Зябликовъ *и* **Анюта**.

Зябликовъ (*съ растеряннымъ видомъ*). Должно-быть я испугалъ ее... (*Посмотрѣлъ на дѣвочку и опустилъ голову*) испугалъ... (*Пауза. Опять посмотрѣлъ на дѣвочку и развелъ руками*). Что-жъ теперь дѣлать?.. (*Робко*). Нюта!.. Нюточка!.. (*Молчаніе. Опять развелъ руками и прошелся на цыпочкахъ, стараясь не покачнуться и не задѣть чего-нибудь*). Привела и ушла. Что-же мнѣ дѣлать?.. Дать ей поиграть что-нибудь? (*Озирается, ищетъ, но ничего не находитъ*). Ничего, кромѣ пустыхъ бутылокъ... Нюта!.. Дѣвочка милая!.. Молчитъ... Дай-ка я ей зайчика сдѣлаю! (*Обрадованный счастливою мыслью, свертываетъ изъ платка зайчика*). Нюта! погляди-ка сюда! погляди какой заинька у меня! вотъ такъ заинька! Смотри! (*Дѣвочка не шевелится*). Онъ у насъ прыгать будетъ сейчасъ. Гляди! (*Напѣваетъ, заставляя зайчика прыгать на ладони*). Трунды-ду! трунды, трунды, трунды-ду! (*Смотритъ на дѣвочку. Пауза*). Мать на кладбище свезли, а я ей зайчика! Дуракъ! пьяный дуракъ и больше ничего! (*Со слезами въ голосѣ*). Нюточка! жалко маму? а?... Бѣдная мама! (*Хлипнулъ и утираетъ слезы. Пауза*). Опять дуракъ! Мать схоронили, а я ей про это!.. (*Дѣвочка, сидѣвшая неподвижно, склоняется въ уголъ. Съ испугомъ*). Что съ нею?! Господи помилуй! Дурно?! (*Подкрадывается на цыпочкахъ и склоняется къ дѣвочкѣ*). Заснула? Должно быть заснула. (*Отходитъ. Заторопился*). Надо ее уложить. Куда?—На диванъ, ну да. Самъ на полу лягу. (*Покачнувшись, задѣваетъ стулъ, который подвинулся съ трескомъ. Присѣлъ отъ испуга*). Батюшки!.. Разбудилъ?... Чертъ косолапый!... (*Еще осторожнѣй подходитъ къ дивану и разверты-*

ваетъ изъ одѣяла подушку, которую кладетъ въ изголовье). Будить нельзя, испугаешь... Надо на рукахъ снести. Да, а вотъ какъ я подниму-то ее? Ноги словно не свои. Вотъ оно ломпопо̀!... (*Глядитъ на дѣвочку въ нерѣшительности*). Авось!.. Дорого поднять осторожно, а донести донесу! (*Становится возлѣ дѣвочки на колѣни*). Ну-ка, милая!... Какъ-бы взять половчѣе! (*Осторожно беретъ на руки дѣвочку, которая спитъ мертвымъ сномъ*). Ну вотъ, отлично! Спитъ, какъ убитая. А встать-то какъ? (*Поднялся было, но снова опускается на колѣни*). Ну какъ грохнусь, что тогда будетъ?!. (*Съ усиліемъ поднимается на ноги, дѣлаетъ два-три невѣрныхъ шага и присаживается на столъ*). Уфъ!.. даже въ глазахъ потемнѣло!.. (*Встаетъ и идетъ къ дивану, дѣлая чрезвычайныя усилія, что-бъ не пошатнуться*). Ну-ка еще!.. ну-ну-ну!.. Доѣ-ѣхали! (*Осторожно кладетъ дѣвочку на диванъ*). Ахъ, ты бѣдная!.. Теперь одѣяльцемъ прикрою. Спи, Христосъ съ тобой, горькая душа!.. (*Отходитъ и садится. Подумавъ, махнулъ рукой на дѣвочку и залился беззвучнымъ хохотомъ*). Въ няньки попалъ! Оказія, братцы!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Прежняя комната.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Зябликовъ *и* **Анюта** (*въ новомъ ситцевомъ платьѣ, причесанная въ косичку*).

Зябликовъ (*сидя на корточкахъ, оправляетъ на дѣвочкѣ платье*). Ну вотъ у насъ и платьице новое! Ай да Марья! какое платьице сшила! хорошее платьице!

Анюта. И басяцки.

Зябликовъ. И башмачки у насъ, да. Хорошіе башмачки!

Анюта. Халосіе.

Зябликовъ. Не жмутъ? не больно тебѣ?

Анюта. Нѣть.

Зябликовъ. А гдѣ-же кукла-то наша?

Анюта. Высѣкля.

Зябликовъ. Высѣкла?! Это за что?

Анюта (*съ жестами*). Я ее — „воть тебѣ! воть тебѣ! воть тебѣ!..."

Зябликовъ. Ай-ай-ай! Не хорошо, дѣточка!

Анюта. Меня мама сѣкля.

Зябликовъ. Ну, про это надо забыть. Отъ нищеты, да отъ голода, мало ли что бываетъ! А ты возьми куклу, да приласкай. Она вѣдь плачетъ.

Анюта. Пляцетъ. (*Побѣжала въ уголъ и возвращается съ куклою на рукахъ*).

Зябликовъ. Вотъ и ей платьице нужно. Подростешь, научишься шить и сошьешь.

Анюта. Клясное?

Зябликовъ. Красное, дѣточка, да.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же *и* **Талдыкинъ** (*крупный мужчина, неопрятнаго вида, небритый. Одѣтъ плохо*).

Зябликовъ (*въ смущеніи*) Антоша!.

Талдыкинъ (*остановился въ изумленіи*). Это что такое?! (*Ткнулъ пальцемъ въ дѣвочку*).

Зябликовъ. А это... видишь-ли... у насъ тутъ женщина умерла, бѣдная... такъ ея это... сиротка...

Талдыкинъ. Такъ что-жъ? А зачѣмъ она здѣсь, у тебя?!

Зябликовъ. Да ты потише пожалуйста! Испугать можно ребенка. (*Привлекъ къ себѣ Анюту, которая), оробѣвъ, прижалась къ нему*).

Талдыкинъ. Да ты... ха-ха-ха!.. ты ужъ не къ себѣ-ли ее взять вздумалъ?!

Зябликовъ. Что-жъ если и къ себѣ?.. Пока... Потомъ помѣстить куда-нибудь можно...

Талдыкинъ. Дуракъ! Объ этихъ поросятахъ и такъ пропасть заботы. Пріюты, дамы благотворительницы...

Вотъ мы — мы дѣйствительно несчастные люди. Намъ никто не помѣшаетъ подохнуть съ голода. Сколько угодно!

Зябликовъ. Поди, Нюточка, играй себѣ, иди! (*Дѣвочка отходитъ въ свой уголъ, садится тамъ на скамеечку и играетъ*).

Талдыкинъ. Удивилъ! Если у тебя охота возиться съ ребятишками, странно—какъ ты не женился.

Зябликовъ. Не пришлось... Я не разъ собирался, да все какъ-то не выходило... Однажды ужъ совсѣмъ порѣшили, даже обрученіе было... Вдругъ подвернулся другой...

Талдыкинъ. Изъ подъ носа уволокъ, ха-ха-ха!

Зябликовъ. Тебѣ смѣшно, а я... мнѣ горько было, обидно...

Талдыкинъ. Скажи слава Богу, что разошлось.

Зябликовъ (*нервно*). Нѣтъ, ужъ оставь! Ты, по чувствамъ своимъ, не можешь имѣть понятія...

Талдыкинъ (*презрительно*). О чемъ это?!

Зябликовъ. Не можешь!.. Во мнѣ тогда словно свѣтъ погасъ... все помутилось — и умъ и душа... Съ тѣхъ поръ ужъ не жилъ я, а такъ... лямку тянулъ... ко всему безучастно, тупо... А не случись бѣды...

Талдыкинъ (*прерываетъ*). Былъ бы въ ярмѣ.

Зябликовъ (*съ досадой*). Э, полно пожалуйста!

Талдыкинъ. Да съ рогами, какъ подобаетъ подъяремной скотинѣ.

Зябликовъ (*сердито*). Ну, оставь! (*Отвернулся*).

Талдыкинъ. Благоразумному человѣку что нужно отъ женщины?—польза и удовольствіе. А изъ тебя-бы веревочки вили. Однако пойдемъ!

Зябликовъ. Куда?

Талдыкинъ. Извѣстно куда: въ трактиръ.

Зябликовъ (*отрицательно покачалъ головой*). Нѣтъ.

Талдыкинъ. Вотъ пустяки! Отчего?

Зябликовъ. Такъ... да и денегъ нѣтъ.

Талдыкинъ. Я угощаю. Я, братъ, по тремъ просительнымъ письмамъ мзду получилъ.—Одно—отъ вдовы пи-

сано, находящейся въ крайней нуждѣ, съ тремя малолѣтними дѣтьми; другое — отъ несчастнаго артиста, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, по случаю увѣчья, такъ какъ конкой ему раздробило руку и ногу. Ловко придумано? А третье — отъ дѣвицы, прибывшей изъ провинціи посвятить свои силы наукѣ, но, по отсутствію всякой поддержки, заложившей послѣднее платье и уже два дня не имѣвшей куска во рту. Трогательно? Ха-ха-ха! У меня, братъ, фантазія! Кромѣ писемъ, выручилъ отъ разныхъ артистовъ и писателей за хвалебные акростихи, съ изображеніемъ на нихъ золотомъ и красками храма славы, ха-ха-ха! Такъ сказать, воспѣлъ и изобразилъ! Изобрѣтательность у меня геніальная. Стиль, братъ, какой угодно: отъ духовно-елейнаго, до слезницъ и рыдающей мольбы, хватающей за сердце. Почерки—верхъ разнообразія! Я одному и тому-же добродушному дураку разомъ по нѣскольку писемъ препровождаю.

Зябликовъ. Какъ-же?.. самъ по всѣмъ получаешь?

Талдыкинъ. Простота! Конечно, не самъ. На этотъ предметъ у насъ люди имѣются. У насъ, такъ сказать— *бюро*, ха-ха-ха! Кромѣ всего прочаго, мы на бѣдныхъ невѣстъ собираемъ, на похороны нищимъ труженикамъ, мало-ли на что!

Зябликовъ. Въ сущности, подло вѣдь это... обманывать...

Талдыкинъ. Подло-о?! Вотъ-те и разъ! Да самъ-то я развѣ не бѣденъ? развѣ не имѣю права пользоваться отъ избытка тѣхъ тунеядцевъ, которые живутъ въ свое брюхо? Въ своемъ-ли я лицѣ, или являюсь въ многообразіи—не все-ли равно? Глупъ ты, братецъ, и больше ничего. А этого ты въ разсчетъ не берешь, что я воздѣйствую нравственно!

Зябликовъ (*озадаченъ*). Это-же какъ?

Талдыкинъ. Очень просто. Я умиляю сердца, стало быть вызываю въ нихъ состраданіе и добрыя чувства, значитъ—воздѣйствую. Ну, вставай! пойдемъ!

Зябликовъ. Нѣтъ ужъ оставь... не могу.

Талдыкинъ. Что-о?! Да ты одурѣлъ! Говорятъ тебѣ: я угощаю. На славу угощу, проси чего хочешь. Идемъ!

Зябликовъ (*робко взглянулъ на Анюту*). Напьешься—что хорошаго?.. Нѣтъ ужъ иди одинъ.

Талдыкинъ. Да что ты: пріятель мнѣ, или нѣтъ?

Зябликовъ. Да я...

Талдыкинъ (*прерываетъ*). Нѣтъ, отвѣчай! Пріятель, или нѣтъ?

Зябликовъ. Что-жъ что пріятель, а идти мнѣ нельзя... Въ другой разъ.

Талдыкинъ. Тьфу! (*Сердито мѣняетъ позу и отвертывается*).

Зябликовъ. Не сердись пожалуйста! Говорю: въ другой разъ.

Талдыкинъ. Да почему-же не сейчасъ? Кой чертъ тебя держитъ? Я ужъ винный духъ обоняю, подъ ложечкой сосетъ, а онъ упирается! Чертъ!

Зябликовъ (*въ нерѣшимости*). Ахъ, какой неотвязный! (*Робко*) Нюта! (*Дѣвочка подходитъ*). Ты... если я уйду... ты не скучай, милая...

Талдыкинъ. Ха-ха-ха! Неужто ты... ха-ха-ха! Неужто изъ за этого поросенка?..

Зябликовъ (*прерываетъ сердито*). Ну, пожалуйста!.. не позволяй себѣ!..

Талдыкинъ. Что?! Ха-ха-ха!

Зябликовъ. Дѣвочка тутъ не причемъ... (*Гладитъ Анюту по головѣ*). Стыдно обижать!.. Она хорошая дѣвочка, хорошая!

Талдыкинъ. Я не зналъ, что ты такой кисляй, баба!

Зябликовъ (*рѣзко*). Если ты не перестанешь такъ говорить, я на отрѣзъ не пойду. Слышалъ?

Талдыкинъ. А чертъ съ тобой! (*Рѣшительно встаетъ и беретъ картузъ*). На что другое, а на угощеніе товарищъ найдется. (*Дѣлаетъ шагъ къ двери*). Въ послѣдній разъ: идешь, или нѣтъ?

Зябликовъ (*вставая*). Нюта, я того... я не надолго... А соскучишься, къ Марьѣ въ кухню бѣги.

Талдыкинъ (*язвительно*). Гмъ!

Зябликовъ. Сирота... жалко... Вотъ надо-бы купить кой-чего, а я намедни все пропустилъ... У Марьи ужъ занялъ, спасибо дала... Пальтишко нужно-бы справить, а то не въ чемъ выйти... Ты вотъ письма пишешь просительныя... а нужда-то вотъ она гдѣ! вопіющая!

Талдыкинъ (*съ нетерпѣніемъ*). Долго мы эти рацеи разводить будемъ?

Зябликовъ (*уныло*). Что-жъ идти такъ идти!.. Къ слову я...

Талдыкинъ. Такъ и быть, дѣвченкѣ твоей пряникъ куплю. Идемъ!

Зябликовъ (*обрадовался*). Слышишь, Нюточка? Пряникъ! Дядя пряникъ пришлетъ! Хорошій, сладкій!.. (*Торопливо снялъ съ гвоздя пальто и надѣваетъ его. Талдыкину*). Но уговоръ: долго меня не держать, не могу.

Талдыкинъ. Тамъ видно будетъ. Самъ себѣ человѣкъ руки вяжетъ. Какъ есть кисляй!

Зябликовъ (*съ досадой*). Э, да полно тебѣ! (*Рѣшительно нахлобучилъ шляпенку и торопливо уходитъ. Талдыкинъ съ хохотомъ уходитъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Анюта *и* **Марья** (*показывается въ двери, оставленной отворенною и смотритъ въ слѣдъ ушедшимъ*).

Марья. Ну, такъ! въ пивную, либо въ трактиръ! (*Входитъ, съ досадой*). Охъ, ужъ этотъ *пріятель*, что-бъ ему пусто было! (*Анютѣ*). На-ка, дѣточка, пирожокъ тебѣ! (*Отдаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же *и* **Брылева** (*входитъ въ негодующемъ настроеніи*).

Брылева. Что-жъ эта дѣвченка долго здѣсь будетъ торчать?!

Марья. Да вамъ-то что?

Брылева. Какъ что?! Нѣтъ ничего несноснѣй дѣтей! Она будетъ шумѣть, дурачиться, а я терпи?! Когда я нанимала здѣсь комнату, моимъ условіемъ было, что-бъ въ корридорѣ отнюдь не было ни дѣтей, ни собакъ!

Марья. Приравняли!

Брылева. Вдругъ мнѣ сажаютъ на носъ дѣвченку, рядомъ со мной! Я протестую!

Марья. Дѣвочка смирная, ее и не слыхать вовсе.

Брылева. „Не слыхать!“ Не твое дѣло разсуждать: слыхать, или не слыхать! Наконецъ, дѣти безпрестанно болѣютъ. Корь, дифтеритъ, скарлатина... Я могу заразиться! Я рѣшительно протестую!

Марья. А нужно!

Брылева. Что-о?! Да кому ты говоришь это?!

Марья. Вамъ говорю.

Брылева. Какъ ты смѣешь такъ говорить?!

Марья. Ступайте жалуйтесь хозяйкѣ, а тутъ вамъ нечего дѣлать, въ чужой комнатѣ. Постороннихъ я пускать не могу, когда жильца дома нѣтъ.

Брылева. Я знаю, что дѣвченку привела ты...

Марья. Я привела, да.

Брылева. Я слышала, какъ было дѣло. Только такой пьяный дуракъ, какъ Иванъ Михеевичъ, могъ повѣрить тебѣ и взять эту дрянь.

Марья. Доведись до васъ, конечно, вы-бы ее на улицу выгнали; а вотъ „пьяный дуракъ“ пожалѣлъ и взялъ. Вы хоть тресните себѣ, а вамъ дѣвочку не дадутъ въ обиду, ни Иванъ Михеевичъ, ни я!

Брылева. Что-о?!

Марья. Да то! На дѣтей и собаки не брешутъ, а вы... Совѣсти нѣту въ васъ! Нашли на кого нападать! Вотъ она, цыпленокъ какой! Одна на Божьемъ свѣтѣ, какъ былочка... (*Привлекла къ себѣ Анюту*). Ишь какъ напужали, ажъ сердчишко колотится. Э-эхъ!

Брылева (*послѣ паузы, стараясь подавить смущеніе*). Ты... много лишняго говоришь, моя милая.

Марья. Ничуть!

Брылева (*кивнувъ на Анюту*). Кто платье ей шилъ?

Марья. Я шила.

Брюлева. Чертъ знаетъ что! безобразіе! (*Подходитъ къ Анютѣ*).

Анюта (*въ испугѣ, съ плачемъ*). Ня-ня! (*Жмется къ Марьѣ*).

Марья. Не бойся, дѣточка, ничего!

Брылева (*ставъ на колѣни, обдергиваетъ на Анютѣ платье*). Воротъ узокъ, рукавъ криво вшитъ, здѣсь торчитъ!...

Марья. Какъ умѣла, такъ и сшила. Да намъ-бы плечи прикрыть и то слава Богу! Въ одномъ платьишкѣ взяли. рубашенки на тѣлѣ не было. А теперь вотъ чулочки и башмаченки. Все Иванъ Михеевичъ, дай ему Богъ здоровья!

Брылева. Все-таки это платье никуда не годится. Дай-ка вонъ снурочекъ валяется. (*Беретъ поднятый Марьею снурокъ и снимаетъ съ Анюты мѣрку, замѣчая узлами*). Повернись! Да не бойся-же, повернись, тебѣ говорятъ!

Марья. Вы зачѣмъ мѣрку сымаете?

Брылева (*встаетъ*). А вотъ я покажу тебѣ, какъ платье шить надо! увидишь!

Марья (*недовѣрчиво*). Сошьете?! сами?!

Брылева. Что-жъ удивительнаго! экая мудрость!

Марья. Да я не про то...

Брылева. Ну и молчи! (*Уходитъ*).

Марья. Вотъ тутъ и разбери: то вонъ гонитъ, то сама платье шьетъ! Дура взбалношная!

ЯВЛЕНІЕ 5-е и ПОСЛѢДНЕЕ.

Анюта, Марья *и* **Зябликовъ** (*входитъ хмурый, не въ духѣ*).

Марья. А вы опять съ вашимъ Антошей!

Зябликовъ. Что? А тебѣ какое дѣло? Вотъ еще! (*Ходитъ, заложивъ руки за спину*). Обузу на шею бери, да еще шагу ступить не смѣй!

Марья (*сухо*). Да гуляйте себѣ, коли охота!

Зябликовъ. Конечно, Антоша грубый человѣкъ; а все-таки онъ правъ! Онъ меня „бабой“ ругаетъ. Баба и есть. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ никогда себѣ удовольствія не доставить! Что-жъ это будетъ?

Марья. Чего-жъ вы домой-то пришли? Ну и сидѣли-бъ съ Антошей въ трактирѣ!

Зябликовъ. Конечно! Дуракъ, что пришелъ! Не на

свои, а онъ угощаетъ. Мало-ли онъ моихъ денегъ пропилъ!

Марья. Что говорить! На ваши-же денежки споилъ васъ, лохматый чертъ!

Зябликовъ. Онъ угощаетъ, а я уперся. Какого черта уперся?!

Марья. За это ужъ на себя пеняйте. Никто не виноватъ тутъ.

Зябликовъ. Съ пріятемъ разругались! Конечно ему досадно. Хорошо понимаю.

Марья. А я думаю, что безъ этого пріятеля, вамъ много лучше будетъ.

Зябликовъ (*кричитъ*). Что ты смыслишь? Молчи!.. Наставленія! Вотъ еще!..

Марья. Да чего вы расходились-то?! По водкѣ тоска взяла! Никто васъ не держитъ. Идите!

Зябликовъ. (*запальчиво*). Нѣтъ, держитъ! (*Указалъ на Анюту*). Вотъ кто держитъ! она!

Марья. Ну вотъ, она въ виновные попала! (*Подходитъ къ Анютѣ, которая все время смотрѣла на Зябликова съ испугомъ и теперь тихо заплакала*). Не плачь, дѣточка! полно!

Зябликовъ (*смягчился*). Вотъ изъ за этого... изъ за нея пить не сталъ. Думаю: какъ я пьяный приду? Нашумишь, напугаешь дѣвочку, станетъ бояться... Выпилъ рюмку, другую, ну и домой. А онъ ругаетъ, стыдитъ... Слово за слово—и разругались совсѣмъ.

Марья. А что-жъ вы на счетъ пріюта—похлопотали?

Зябликовъ. Нѣтъ.

Марья. Что же такъ? Надо-жъ дѣвочку пристроить!

Зябликовъ. „Пристроить!..“ Безъ тебя знаютъ. Отстань!

Анюта (*плаксиво*). Дяденька, я въ плюютъ не хоцю-ю!

Зябликовъ (*гладитъ ее по головкѣ*). Ты со мной, со мной...

Марья. Сказали-жъ, что обузу взяли на шею. Соскучитесь, опять начнете кутить!

Зябликовъ (*съ нетерпѣніемъ*). Эхъ ты какая! Вѣдь пришелъ! Съ пріятелемъ разругался, а пришелъ!

Марья. Разругались до первой встрѣчи а мировая

извѣстно чѣмъ пахнетъ. Завьетесь, а дѣвочка тутъ обревется одна. Мнѣ по горло дѣловъ-то, некогда съ нею валандаться. Въ пріютѣ—худо-ли, хорошо-ли—выведутъ въ люди; а тутъ что-жъ это будетъ?..

Зябликовъ. Что нужно, то и будетъ. Отстань, говорю!

Марья (*съ азартомъ*). А не хотите вы хлопотать, такъ я сама попрошу добрыхъ людей...

Зябликовъ (*прерываетъ, вспыльчиво*). А я ее не отдамъ!

Марья. Какъ такъ?

Зябликовъ. Да такъ! Оставлю при себѣ и весь сказъ!

Марья (*насмѣшливо*). Придумалъ! Ребенокъ вѣдь не чижъ въ клѣткѣ. И того кормить—поить надо...

Зябликовъ. И кормить, и одѣвать и учить стану. Ну! Кончимъ мы, или нѣтъ?

Марья. Насулить все можно, а...

Зябликовъ (*прерываетъ*). Ахъ, да молчи пожалуйста!.. Какъ ты не хочешь меня понять! Ну слабъ я, да; а нужно отвыкнуть—отвыкну. При заботѣ и отвыкнуть не трудно. Попадись Нюта мнѣ раньше, не то-бы и было. А то одинъ... жизнь такая, что вспомнить нечѣмъ и все... Надо-жъ понять!

Марья. Да ужъ ладно, увидимъ что будетъ!.. Вотъ и сосѣдка ваша, Брылиха, подивила меня: платье ей шьетъ.

Зябликовъ. Нютѣ?!

Марья. Ну да. Гнѣвъ на милость сложила. Запало, знать, въ душу-то! (*Уходитъ*).

Зябликовъ. Вотъ, Нюта, какія дѣла! Не бойся, никуда тебя не отдамъ. Ну, тащи чурбачки. Будемъ домъ строить.

Анюта (*побѣжала въ свой уголъ, приноситъ ящикъ съ чурбачками и высыпаетъ ихъ на полъ*). Босо-ой домъ, дяденька!

Зябликовъ (*садится на полъ противъ Анюты*). Большой, милая! (*Раскладываютъ чурбачки*).

Занавѣсъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2 P.